

Фантастики шедевры фантастики шедевры фантастики

Урсула
ЛЕ ГУИН

Ожерелье планет
Экзумены

Литературный критик

Фантастики шедевры фантастики шедевры фантастики

Урсула
ЛЕ ГУИН

Ожерелье
планет
Экумены
Хайзинский цикл

ЗРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ

Роканнон

Планета изгнания

Город иллюзий

Левая рука тьмы

Слово для «леса» и «мира» одно

Король планеты Зима

Девять жизней

*Обширней и медлительней
империй*

Москва
«ЭКСМО»
2004

ДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ

Урсула
ЛЕ ГУИН

*Ожерелье
планет
Экумены*

Хайнский цикл

Москва
«ЭКСМО»
2004

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Л 33

Ursula K. LE. GUIN
ROCANNON'S WORLD
PLANET OF EXILE
CITY OF ILLUSIONS
THE LEFT HAND OF DARKNESS
THE WORD FOR WORLD IS FOREST
NINE LIVES
WINTER'S KING
VASTER THAN EMPIRES AND MORE SLOW

Л 33 **Ле Гинн У.**
Ожерелье планет Экумены: Фантастические произведения/ Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 864 с.

ISBN 5-04-008488-9

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-04-008488-9

© Перевод. О. Вассалт, И. Гурова, И. Можейко,
С. Славгородский, И. Тогеева, 2001
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

Роканнон

Пролог

ОЖЕРЕЛЬЕ

Как в мире, невероятно далеком от нашего, отличить сказку от реальности? Ведь мы не знаем даже названий многих планет, обитатели которых говорят просто: «Это наш мир». И в мире этом еще нет науки Истории, здесь прошлое — лишь объект мифа, здесь инопланетный исследователь, вернувшись через несколько лет, обнаруживает, что успел стать для местных жителей богом. Здесь разум еще спит, и когда мы, явившись на своих невероятно быстрых космических кораблях, пытаемся принести сюда свет знаний наших миров, в неверном еще свете этом начинают бурно рассти, точно сорняки в поле, сумеречные суеверия и разнообразные преувеличения.

Пытаясь рассказать историю одного ученого из Лиги Миров, отправившегося в такой вот безымянный и мало еще исследованный мир, чувствуешь себя археологом среди древних руин: то приходится с трудом продираться сквозь сплетение веток, листьев и лиан, поглотивших развалины; то тебе вдруг попадается идеальное, с точки зрения геометрии, колесо или до блеска отполированный угловой камень дивного строения; то мелькнет перед тобой раскрытая дверь, а за ней. В полутьме — теплое мерцание очага, блеск драгоценного камня, едва заметный взмах женской руки...

Как отличить действительность от мифа, как отличить одну истину от другой?

Вся жизнь Роканнона озарена была мимолетной вспышкой синего огня, заключенного в старинном ожерелье. Что ж, с этого мы, пожалуй, и начнем.

Восьмой галактический сектор, № 62, система Фомальгаут-II.

Обнаружены Формы Высокоразвитого Интеллекта (ФВИ). Контакт состоялся со следующими представителями:

1. а) Гдемьяр (единственное число — гдем): интеллект

высоко развит; гуманоиды, ведущие ночной образ жизни; троглодиты, обитаю в пещерах; рост 120—135 см, кожа светлая, волосы темные. Социальное устройство: в момент Контакта их общество имело жесткую олигархическую структуру; гдемьяр проживают главным образом в городских общинах, скрепленных частичной телепатией (в пределах данной конгломерации). Культура: начало Железного века, ориентация на технологическое развитие. В 252—254 гг. Лига искусственно подняла уровень их развития до Индустримального С. В 254 г. олигархам Кириенского побережья был подарен автоматически пилотируемый корабль, способный совершать полеты Фомальгаут — Новая Южная Джорджия (и обратно). Статус С-прим.

б) Фийя (единственное число — фийян): интеллект высоко развит; гуманоиды; ведут обычный, дневной образ жизни; средний рост 130 см, волосы чаще всего светлые, кожа тоже светлая. Насколько можно судить по беглым наблюдениям во время Контакта, живут сельскими общинами иnomадами, внутри которых отмечена частичная телепатическая связь. Также вполне возможна некоторая способность к телекинезу. К технологическому развитию, по всей видимости, не склонны; избегают контактов, внешние признаки культурного развития удалось выявить недостаточно. В настоящее время обложение фийя налогами представляется невозможным. Предположительно Статус-Е.

2. Лийяр (единственное число — лиу): интеллект высоко развит; гуманоиды; дневной образ жизни; средний рост более 170 см; классовое феодальное общество, устроенное по принципу «замок — деревня»; культура — Бронзовый век (без тенденции к дальнейшему развитию), героический эпос. Примечание: два «горизонтальных» псевдоподвида: а) ольгъяр (единственное число — ольгъя), или «низкорослые» — светлокожие и темноволосые; б) ангъяр (единственное число — ангъя), или «повелители» — очень высокие, темнокожие и светловолосые...

— Вот она, — сказал Рокан non, заглянув в карманный «Краткий словарь ФБИ», и указал на очень высокую темнокожую женщину с золотистыми волосами, уложенными короной над лбом. Застыв перед длинного зала, она неотрывно смотрела на какой-то экспонат под стеклом, а возле нее неловко переминались с ноги на ногу четыре карлика, довольно-таки неприятные на вид.

— Вот уж не знал, что в системе Фомальгаут-II, кроме тех троглодитов, есть еще какие-то народы, — откликнулся Кето, хранитель музея.

— Я тоже не знал. А там, оказывается, есть еще и много таких, чье существование, как гласит словарь, «пока не подтверждено». Их пока никто из исследователей даже не видел. Пора, пора заняться этой планетой повнимательней! Что ж, теперь мы, по крайней мере, знаем, откуда она.

— Хорошо б еще узнать, кто она такая!..

Она была из старинного королевского рода, потомок первых правителей ангьяр, однако семья ее обеднела, и в наследство Семли досталось лишь золото прекрасных волос, сиявших ясным немеркнущим светом. Маленькие фийя почтительно склонялись перед ней, когда она босиком носилась по полям — легконогое дитя народа ангьяр с пышной и яркой, точно комета, гривой светлых волос, разевавшихся на ветру Кириена.

Она была еще совсем девочкой, когда Дурхал Халланский увидел ее, влюбился, сделал своей женой и увез из полуразрушенного замка, где гуляли сквозняки, к себе в Халлан. В Халлане, построенном высоко на горе, тоже было не слишком уютно. Впрочем, Семли с детства привыкла к тому, что окна в замке без стекол, каменные полы не застелены коврами, а зимой по утрам под каждым окном наметает полоску снега. Юная жена Дурхала бесстрашно ступала босыми узенькими ступнями на ледяной пол и, со смехом поглядывая в серебряное зеркало на мужа, принималась заплетать и укладывать в сложную прическу пламень своих волос. Зеркало это, висевшее на стене их спальни, да свадебное платье матери Дурхала, расшитое тысячами крошечных прозрачных бисеринок, составляли все их богатство. Хотя даже среди обитателей замка кое у кого из родичей Дурхала, куда менее знатных, чем он, сундуки были полны богато расшитой одежды, имелась и позолоченная мебель, и серебряная упряжь, и прекрасные доспехи, и мечи в серебряных ножнах, и множество драгоценностей — все это не слишком нравилось жене молодого Дурхала, но она с завистью посматривала на усыпанную самоцветами диадему или золотую брошь, даже если владелица их почтительно уступала ей дорогу, склоняя голову перед благородством и величием ее рода и рода ее супруга.

Четвертыми от трона правителя Халлана сидели во время трапез Дурхал и жена его Семли — так близко от старика, что он нередко сам наливал Семли вино, беседуя со своим племянником и наследником Дурхалом об охоте; старый Хозяин

Халлана поглядывал на юную пару любовно, хотя и мрачновато: самому ему уже надеяться было не на что. Впрочем, многиis обитатели Халлана, да и Западных Земель вообще почти перестали уповать на будущее — с тех пор, как в их мире появились Властелины Звезд со своими странными летающими домами, испускавшими столбы огня, и со своим ужасным оружием, что в один миг сравнивало с землею холмы. Властелины Звезд нарушили все древние военные законы, не соблюдали установленного перемирия и опозорили ангъяр данью — пусть небольшой! — обязав их платить ее во имя какой-то войны с неведомым врагом, притаившимся якобы между звезд, на дальнем конце времен. «Это будет и ваша война», — твердили ангъяр Властелины Звезд, однако уже много лет ангъяр не вели вообще никаких военных действий, не производили набегов, а проводили время в праздности, сидя в парадных залах своих замков и глядя, как ржавеют их мечи; и сыновья их вырастали, так и не нанеся порой ни одного удара врагу, а дочери вынуждены были выходить замуж за бедняков, даже за «низкорослых», ибо у них не было достойного приданого, добытого их отцами и братьями в геройском бою. Печально глядел старый правитель Халлана на золотоволосую пару, слушая, как Семли и Дурхал шутят и смеются, прихлебывая горьковатое вино в холодном, величественном, однако сильно обветшавшем уже парадном зале замка, издавна принадлежавшего их роду.

Семли мрачнела лишь тогда, когда видела сидевших на кухне менее почетных, чем у нее, местах всяких «полукровок» и «низкорослых», в темных волосах и на белой коже которых сверкали драгоценные каменья. Сама она в приданое не получила даже серебряной заколки для волос. А расшитое бисером платье — подарок матери Дурхала — сразу после свадьбы спрятала в сундук: подарит дочери, если у нее когда-нибудь родится девочка.

И у них действительно родилась дочь, и они назвали ее Хальдрс, и вскоре золотистый пушок на темнокожей головке малышки превратился в роскошь золотых кудрей — иным золотом Хальдре владеть, видно, было уже не суждено...

Семли не рассказывала мужу о своих страданиях. Дурхал был с нею очень нежен и мягок, однако в гордости своей испытывал лишь презрение к зависти и суэтным, тщеславным желаниям, и Семли боялась, что он ее осудит. Зато она могла поговорить об этом с Дуррессой, сестрой Дурхала.

— Когда-то у нас в семье из поколения в поколение передавалось дивное сокровище, — сказала она. — Золотое оже-

релье с огромным синим самоцветом — по-моему, это был сапфир.

Дуросса только плечами пожала и улыбнулась. Она тоже плохо разбиралась в драгоценных камнях. Стояло теплое лето, точнее, конец того периода, который северные ангьюар называют летом, — самая приятная часть долгого, восьмисотдневного года, начало которого отмечалось во время равноденствия. Семли такое летосчисление казалось чуждым; она считала, что его выдумали здешние «низкорослые». На ней ее род кончался; родственники тоже не имели наследников мужского пола, однако Семли знала, что происходит из куда более благородной семьи, чем любая из здешних; жители этих заболоченных равнин слишком часто вступали в браки с «низкорослыми», и Семли их осуждала. Она сидела сейчас рядом с Дуроссой на залитой солнцем широкой скамье перед окном. Покой Дуроссы находились в Большой Башне, высоко над землей. Дуросса овдовела совсем молодой, детей у нее не было, и ее выдали замуж второй раз — за собственного дядю, брата ее отца, бывшего правителем Халлана. Поскольку брак был родственным и вторым для обеих сторон, Дуросса не получила титула Хозяйки Халлана, который в будущем должна была получить Семли. Но на троне сидела рядом с мужем и вместе с ним управляла его владениями. Дурхал был ее младшим братом, и она без памяти любила его молодую жену и очаровательную светловолосую dochurku.

— За это ожерелье заплатили всем, что получил мой предок Лейнен, когда завоевал Южные Владения, — мечтательно продолжала Семли. — Огромную сумму — стоимость целого королевства! — за одно украшение. Ты только подумай! Ах, оно, несомненно, затмило бы блеск всех украшений за столом Халлана! Даже те красивые камешки, похожие на яйца птиц кооб, которые носит твоя двоюродная сестра, рядом с ним померкли бы. Оно было так прекрасно, что даже имя получило — его назвали «Око моря». Моя прабабушка еще успела его ноносить....

— А ты никогда его не видела? — спросила Дуросса, лениво поглядывая на раскинувшиеся внизу зеленые склоны гор, овеваемые жаркими беспокойными ветрами долгого, долгого лета. Ветры бродили по зеленым лесам, а потом по белым дорогам туманов уносились к далеким морским берегам.

— Нет. Оно пропало еще до моего рождения. Хотя нет, не пропало. Отец говорил, что его украли — еще до того, как

в нашем мире появились эти Властелины Звезд. Вообще-то он говорить об этом не любил, но у нас в замке была одна старуха из «низкорослых», у которой голова была битком набита всяческими историями, так вот она мне всегда твердила, что фийя-то уж точно знают, где это ожерелье.

— Хотелось бы мне на этих фийя поглядеть! — воскликнула Дуросса. — О них столько песен и всяких легенд сложено! Интересно, почему они никогда не появляются в Западных Землях?

— Наверное, здесь слишком высоко, да и холодновато для них, особенно зимой. А они очень любят солнце — вот и живут в южных долинах.

— А на «глиняных» они похожи?

— Я «глиняных» сама ни разу не видала; у нас, на юге, они стараются держаться подальше от ангъяр. По-моему, они похожи на ольгъяр — такие же светлокожие — только куда безобразней. А фийя светловолосые и похожи на детей, только еще меньше и тоньше, но куда мудрее. Интересно, а вдруг они и правда знают, где это ожерелье и кто его украл? Ты только представь, Дуросса: я вхожу в парадный зал Халлана и сажусь рядом со своим мужем, а на шее у меня прекрасное ожерелье, стоимостью в целое королевство! Да я бы всех женщин сразу затмила, как мой супруг затмевает всех других мужчин!

Но Дуросса, склонившись к малышке, что сидела на звериной шкуре у ног матери и тетки и внимательно изучала собственные ножонки с крохотными пальчиками, лишь вполголоса пробормотала, словно обращаясь к девочке:

— Семли у нас совсем глупенькая, верно? Краса ее сверкаст, точно падающая звезда, и мужу ее никакого золота не нужно, кроме золотых ее волос...

Но Семли, скользя взглядом по зеленым, нагретым летним солнцем склонам гор и в мечтах уносясь к морю, возвращать ей не стала.

Миновала еще одна зима, и снова явились Властелины Звезд, собирая дань для своей непонятной бесконечной войны — на этот раз они привели с собой в качестве переводчиков двух отвратительного вида «глиняных», и ангъяр, чувствуя себя бесконечно униженными, были настолько этим возмущены, что чуть не восстали. Потом снова настало лето, и прошло, и Хальдре подросла и стала прелестной маленькой болтушкой, и однажды утром Семли принесла девочку в залитые солнцем покой Дуроссы в Большой Башне и сказала:

— Присмотри, пожалуйста, за Хальдре, Дуросса. — Она была одета в старенький синий плащ, а золотые волосы ее скрывал капюшон. Говорила и двигалась она, пожалуй, чесчур торопливо, но лицо ее было спокойно. — Меня всего несколько дней не будет. Присмотришь? Я на юг собралась, в Кириен.

— К отцу?

— Нет, хочу отыскать свое наследство. Двоюродные братья Дурхала насмехаются над ним. Даже этот «полукровка» Парна из Харгета считает, что имеет на это право! А все потому, что у его жены есть атласное покрывало и бриллиантовая сережка в ухе, да нарядных платьев целых три штуки, хотя физиономия у этой черноволосой потаскухи точно из сырого теста! Тогда как жене благородного Дурхала приходится на свое единственное платье заплатки ставить...

— Разве Дурхалу важно, что надето на его жене, которой он так гордится?

Но Семли будто не слышала.

— Правители Халлана выглядят теперь беднее собственных гостей! Нет, я непременно принесу своему мужу и повелителю такое приданое, какое подобает женщине из моего рода!

— Опомнись, Семли! А брат мой знает, куда ты собираешься?

— Скажи ему только, что я скоро вернусь и все будет хорошо, — сказала, смеясь, юная Семли, быстро наклонилась, поцеловала дочь и, прежде чем Дуросса успела еще что-то сказать, повернулась и полстела прочь по залитым солнцем каменным плитам пола.

Замужние женщины ангъяр ездили верхом лишь при необходимости, и Семли, выйдя замуж, так ни разу и не покидала замка Халлан; так что теперь, садясь в высокое седло, она вновь почувствовала себя девчонкой с буйным нравом, носившейся некогда вместе с северными ветрами над полями Кириена верхом на полутихих крылатых хищниках. Тот Крылатый, что сейчас уносил ее с высот Халлана, был породистым, могучим зверем с полосатой лоснящейся шкурой и зелеными глазами, жмутившимися от сильного ветра. Его широкие легкие крылья то закрывали, то снова приоткрывали перед Семли раскинувшиеся внизу холмы и облака над ними.

На третье утро она добралась до Кириена. Вновь перед ней были знакомые полуразрушенные стены, и отец ее, пивший всю ночь, как всегда злился, что солнце, пробиваясь

сквозь дыры в кровле, мешает ему спать. При виде дочери он рассердился еще больше.

— Ты зачем это сюда явилась? — прорычал он, стараясь спрятать взгляд опухших от пьянства глаз. Когда-то золотистые, а теперь отвратительно седые, тусклые пряди его волос стояли на черепе дыбом. — Разве этот юнец из Халлана — не муж тебе, что ты домой притащилась?

— Дурхал — мне муж, и пришла я за своим приданым, отец.

Пьяница только пробурчал что-то, но она так весело и необидно рассмеялась, глядя на него, что он и сам невольно скривил рот в улыбке и поднял на нее глаза.

— Скажи, отец, это правда, что ожерелье «Око моря» украли фий?

— Мне-то откуда знать? Сказки все это. А эта штуковина исчезла еще до того, как я родился. Впрочем, лучше б мне и вовсе не родиться! А ты, коли хочешь, самих фий спроси. Ступай, ступай к ним. Или к мужу возвращайся. Только меня в покое оставь. Тут, в Кириене, не место для девиц, для золотых украшений и прочей чепухи. Кириену теперь конец; здесь и так одни развалины остались, в парадном зале ветер гуляет. Все сыновья Лейнена мертвы, все их сокровища пропали, все, все прахом пошло... Ступай своей дорогой, девочка.

Седой, опухший, похожий на тех пауков, что селятся в заброшенных жилищах, он потащился к подвалу, где, видно, прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого зверя, вышла Семли из старого своего дома и побрела вниз по крутыму склону холма, мимо деревни ольгъяр, которые, хоть и поглядывали на нее сердито, но кланялись довольно почтительно. На пастбище паслись полуудикие Крылатые с подрезанными крыльями. Семли спустилась в веселую, точно расписная миска, долину, до краев наполненную солнечным светом. Деревня фий была на самом дне этой «миски», и маленькие хрупкие фийя уже выбегали из домов и садов навстречу Семли, осторожно ведущей в поводу своего зверя; фийя смеялись и радостно приветствовали ее тоненькими, еле слышными голосами:

— Рады видеть тебя, супруга молодого Дурхала, наследница Халлана, правительница Кириена! Здравствуй, Семли Золотоволосая! Здравствуй, Оседлавшая Ураган!

Они называли Семли всякими ласковыми прозвищами, и ей это было приятно, и ее совсем не раздражал их бесконечный смех, потому что смеялись они надо всем, в том числе и над собой. Она и сама была похожа на них — такая

же веселая и смешливая. Только сейчас она высилась посреди их деревни в своем синем плаще, а фийя скакали вокруг, образуя маленькие водовороты, точно ручей у запруды.

— Приветствую вас, Солнечный Народ! Здравствуйте, фийя, друзья мои!

Они повели ее в один из своих воздушных домиков; множество крохотных ребятишек бежало следом. Возраст взрослого фийяна определить невозможно. Порой трудно даже сразу отличить одного от другого — так быстро они мелькают вокруг, точно мотыльки, собравшиеся на свет свечи. Семли даже казалось, что она разговаривает со всеми разом, а не с кем-то одним, хотя это было совсем не так. Видимо, разговаривал с ней все же кто-то один, а остальные кормили и ласкали ее Крылатого, тащили ей фрукты из своих садов и холодную родниковую воду и вообще всячески старались ей угодить.

— Никогда! — воскликнул тот фийян, которому она задала свой вопрос. — Никогда не крали фийя ожерелья, принадлежавшего правителям Кириена! Да и что фийя стали бы делать с золотым украшением, госпожа моя? Летом у нас есть золото солнца, а зимой — воспоминания о нем. А еще у нас есть золотые плоды и золотая листва, когда лето сменяется зимою, и золотистые волосы нашей госпожи Семли из Кириена. Разве нужно нам что-то еще?

— Так, может, его «низкорослые» украли?

Долго звенел после этих ее слов легкий смех фийя.

— Да разве они осмелятся? О, правительница Кириена! Никто не знает, как пропало знаменитое ожерелье — ни антъяр, ни ольгъяр, ни фийя, ни один из Семи Народов. Лишь мертвые могут помнить, как это случилось в давние времена, когда Кирли Гордый, прадед нашей Семли, гулял в одиночестве по берегу моря близ пещер... Но, может, оно и найдется еще у Тех, Кто Ненавидит Солнце.

— У «глиняных»?

Снова зазвенел смех фийя, только на сей раз какой-то нервный.

— Сядь с нами, Семли, солнцеволосая, вернувшаяся к нам с севера, поешь! — И она села с ними за стол, и ей было приятно их легкое гостеприимство, а они радовались ее искренней приветливости, но стоило ей снова заговорить о том, что если ожерелье у «глиняных» в пещерах, то она пойдет к ним и заберет свое наследство, как смех фийя начал стихать, а сами они, один за другим, стали как-то незаметно исчезать

из-за стола, пока рядом с Семли не остался только один — тот, с кем она говорила до начала этого веселого застолья.

— Не ходи к «глиняным», Семли, — сказал он, и на мгновение сердце у нее будто остановилось, а вокруг все потемнело — это фийян в ужасе медленно прикрыл глаза своею тонкой рукой. И сразу яркие сочные плоды на деревянном блюде показались ей серыми, будто пепельными, а родниковая вода исчезла из всех сосудов.

— Далеко-далеко в горах разошлись некогда наши пути, — продолжал хрупкий собеседник Семли. — Да, фийя и гдемьяр давно расстались, хотя были вместе куда дальше. Ведь в гдемьяр есть то, чего нет в нас, фийя. А то, что есть в нас, им совершенно несвойственно. Подумай о солнечном свете, о зеленой траве, о дающих плоды деревьях, Семли. Подумай, что не все дороги, что ведут вниз, могут привести и наверх.

И фийян поклонился ей, чуть усмехнувшись.

За околицей деревни Семли вновь оседлала своего Крылатого и, громко крикнув «Прощайте!» провожавшим ее фийя, полетела, гонимая полуденным ветром, к скалистым берегам Кириенского моря, где жили в своих пещерах «глиняные».

Ее мучил страх — вдруг придется самой идти в глубь этих пещер, потому что гдемьяр не захотят выходить к ней? Говорят, они боятся не только солнечного света, но даже и лунного, даже свет Большой Звезды им неприятен... Путь ее был долг; лишь раз опустила она на землю Крылатого, чтобы зверь поохотился на древесных крыс. Сама же Семли удовольствовалась куском хлеба из седельной сумы. Хлеб совсем зачерствел и пахнул кожей, но вкус у него пока еще был хлебный, домашний, и она, сидя в одиночестве на лесной поляне, вдруг будто снова оказалась в зале Халлана, услышала негромкий спокойный голос Дурхала, увидела перед собой его лицо, освещенное горящими свечами, и так живо вспомнила она его, такого решительного, живого и молодого, что сразу представила себе, как вернется домой с ожерельем на шее, цена которому — целое королевство, и скажет: «Господин мой, я хотела преподнести тебе такой дар, который был бы тебя достоин...» И сразу же вскочила, заторопилась, позвала Крылатого и вновь устремилась в путь, но, когда она достигла наконец морского побережья, солнце уже село, и в небе зажглась Большая Звезда. С запада подул не приятный ветерок, холодный, порывистый, а Крылатый уже и без того смертельно устал, так что Семли позволила зверю опуститься на песок, и он сразу сложил крылья и свернулся

клубком, поджав под себя свои пушистые, покрытые светлой шерстью лапы и довольно урча. Семли стояла рядом, одной рукой придерживая у горла плащ, а другой — нежно поглаживая крылатого кота, так что он прижал уши и замурлыкал, точно домашняя кошка. Прикосновение к теплой шерсти зверя успокаивало, однако вокруг было лишь серое, покрытое клочьями облаков небо да серое море, вдоль которого тянулась темная полоска берега. Потом она разглядела, что по этой темной полоске скользнуло какое-то, почти сливающееся по цвету с песком, невысокое существо... потом еще одно... потом сразу несколько. Существа перебегали с места на место, то и дело останавливаясь и присаживаясь на корточки.

Семли громко окликнула их. Ей показалось сперва, что они ее не слышали, однако через минуту они уже окружали ее плотным кольцом, хотя от Крылатого старались держаться подальше. Зверь, впрочем, тоже перестал мурлыкать, и Семли почувствовала, как под ее рукой шерсть у него на загривке встала дыбом. Она взяла его под уздцы — приятно было чувствовать, что у нее есть такой могучий защитник, но она опасалась, что свирепый зверь может разнервничаться, и тогда его не удержишь. Странные существа вокруг точно вросли в песок — стояли, не шевелясь, и молча ее разглядывали. Ноги у них были короткие, толстые. Нет, она не ошиблась: это были они, «глиняные», — одного роста с фийя, да и во всем остальном чем-то их напоминающие, как напоминает порой человека его неуклюжая черная тень. Семли вспомнила звонкие голоса и смех легконогих хрупких фийя... Эти же коротышки были какие-то квадратные, совсем нагие, малоподвижные, с прямыми черными волосами и отвратительной, влажной и ноздреватой кожей — похожие на жирных личинок. Глаза у них были застывшие, как камни.

— Это вы — «глиняные»?

— Мы народ гдемьяр, мы жители царства Ночи. — Из тьмы вместе с ветром и запахами моря до нее донесся неожиданно звучный и низкий голос; но, как и в деревне фийя, Семли не сразу поняла, кто именно сказал это.

— Приветствую вас, Хозяева Ночи. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. А к вам явилась в поисках своего наследства — ожерелья «Око моря», которое давным-давно кто-то похитил.

— Так почему же ты ишьешь его здесь, женщина из народа ангьюар? Здесь ты найдешь только ночь, да песок, да соль морскую.

— А потому, — отвечала Семли, готовая к словесному поединку, — что вещи порой заваливаются в разные трещины и ямки, да и золото, как известно, частенько стремится снова вернуться в землю, из которой пришло. А еще говорят, что созданное всегда ищет своего создателя. — Она не слишком надеялась на удачу, однако ее уловка сработала.

— Ты права; мы знаем об «Оке моря». Это ожерелье когда-то сделано было в наших пещерах. Но потом мы продали его ангью. И синий камень добыт тоже гдемьяр — на востоке наших владений. Но только все это было очень, очень давно, ангья. И этих историй почти никто не помнит.

— Нельзя ли мне поговорить с теми, кто еще помнит их?

Коротышки примолкли, будто в сомнении. Ветер затягивал серой мглой песчаный берег и Большую Звезду в небесах; море звучало то громче, то тише. Снова послышался тот же надменный звучный голос:

— Да, госпожа моя. Ты можешь войти в наши подземные дворцы. Пойдем. — В голосе отчего-то появились странные вкрадчивые нотки, но Семли решила об этом не задумываться и смело пошла следом за «глиняными», ведя на короткой сворке крылатого зверя с острыми когтями.

Вход в пещеру зиял, точно беззубый рот зевнувшего старца; оттуда тянуло затхлым запахом жилья. Кто-то из гдемьяр сказал Семли:

— А летающего кота, госпожа моя, оставь здесь.

— Нет, он пойдет со мной, — возразила она.

— Нельзя! — хором сказали «глиняные».

— Можно. Здесь я его не оставлю. Не могу я его оставить — он не мой. И вас он не тронет, я ведь крепко его держу.

— Нельзя! — снова прогудели «глиняные»; потом кто-то из них сказал: — Ну ладно, как пожелась, — и гдемьяр снова двинулись в глубь пещеры. Казалось, пещера захлопнула свою пасть у них за спиной — так темно вдруг стало под этими каменными сводами. Семли шла последней, замыкая длинную вереницу гдемьяр, которые вели ее куда-то по длинному и узкому туннелю.

Наконец впереди забрезжил свет, и она увидела, что с потолка свисает белый, слабо светящийся шар, а дальше еще один, и еще, и между ними, извиваясь, точно черви, протянулись длинные черные шнуры. Чем дальше они шли, тем короче становились расстояния между светящимися шарами, и наконец весь туннель оказался залит белым холодным сиянием.

Провожатые Семли остановились на перекрестке трех туннелей, в конце каждого из которых виднелась дверь, сделанная, похоже, из железа.

— Здесь нужно подождать, ангъя, — сказали «глиняные», и с ней остались восемь из них, а трое отперли одну из дверей и вошли внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Прямая и неподвижная, стояла дочь народа ангъяр в белом слепящем сиянии ламп; Крылатый прилег у ее ног, раздраженно подрагивая хвостом и сложенными крыльями: ему явно хотелось поскорее убраться отсюда, и он с трудом подавлял это желание. «Глиняные», присев на корточки у Семли за спиной, о чем-то тихо переговаривались на своем языке.

Но вот отворилась центральная из трех дверей, и оттуда донесся совсем иной голос, звучавший хвастливо-торжественно:

— Пусть эта ангъя войдет в царство Ночи!

На пороге появился какой-то гдем, такой же низенький, жирный и серый, но все же прикрывший свою наготу неким подобием одежды. Он поманил Семли к себе:

— Войди же. Полюбуйся чудесами царства Ночи — нашими РУКОТВОРНЫМИ чудесами, ибо все это плоды усилий народа гдемъяр!

Семли пригнула голову, крепко держа Крылатого за повод, и последовала за гдемом в низенький дверной проем, рассчитанный явно на этих карликов. Перед ней открылся очередной длинный туннель, залитый белым светом, отражавшимся от его влажных стен. По полу тянулись, насколько мог видеть глаз, какие-то длинные металлические полосы, на которых стояло нечто вроде повозки с металлическими же колесами. Повинуясь своему новому провожатому и ни секунды не колеблясь, Семли с невозмутимым лицом шагнула в повозку, заставив Крылатого улечься в ногах. Гдем тоже сел в повозку напротив нее и стал трогать какие-то ручки и колеса, потом послышался громкий лязг и скрежет металла по металлу, и стены туннеля качнулись и стали упывать назад. Все быстрее и быстрее мелькали стены по обе стороны от повозки, светящиеся шары над головой слились в одну сплошную полосу, вонючий застойный воздух взметнулся вихрем, сдувая с головы Семли капюшон.

Наконец повозка остановилась. Провожатый, а за ним и Семли, поднялись по базальтовой лестнице в обширный вестибюль, а затем прошли в огромный зал, стены которого были высечены в толще скал то ли подземными водами за

долгие годы, то ли бесчисленными поколениями гдемьяр. Эти стены никогда не знали солнечного света; тьму здесь разгоняли сияющие холодным белым светом шары. За вделанными в стены решетками вращались огромные лопасти, персмеивая затхлый воздух. Все пространство огромного зала, казалось, заполнено было каким-то гулом и скрежетом — громкими голосами «глиняных», визгом вращающихся за решетками лопастей, рокотом каких-то колес, бесконечными отзвуками, разносящимися по замкнутому пространству и пересекающимися друг с другом. В этом зале все гдемьяр были одеты, причем одежда их очень напоминала одежду Властелинов Звезд: штаны, мягкие башмаки и куртки с капюшонами. А вот женщины, как заметила Семли, оставались совершенно нагими и суетливо, точно рыбьи, пробегали мимо, стараясь поскорее убраться с глаз долой. Среди мужчин многие явно были воинами — на поясе они носили нечто похожее на то ужасное оружие Властелинов Звезд, что изрыгало молнии; потом только Семли догадалась, что оружие это не настоящее — из цельного куска железа, вроде детских игрушек. Все это она умудрилась разглядеть, даже головы не повернув. Потом ее снова куда-то повели, но и тогда она по сторонам не смотрела — шла, гордо вздернув подбородок, куда ведут. Наконец она увидела прямо перед собой нескольких гдемьяр с железными обручами на черноволосых головах. Ее провожатый резко остановился, поклонился им и зычно провозгласил:

— Их Величества Правители народа гдемьяр!

Правителей было семеро, и они с таким высокомерием возвзились на Семли, что она чуть не рассмеялась. Однако, сдержавшись, сказала сухово, глядя в их серые, похожие на комковатое тесто физиономии:

— Я пришла к вам, о повелители царства Тьмы, в поисках пропавшей драгоценности, принадлежащей нашему семейству. А ишу я приобретенное еще моим предком Лейненом ожерелье «Око моря». — Голос ее звучал совсем слабо под этими каменными сводами.

— Так нам и сказали гонцы, госпожа Семли. — На этот раз она сразу поняла, кто говорит с ней: он был еще ниже остальных и макушкой едва доставал гостью до груди, но белое лицо его было исключительно властным и свирепым. — Но у нас нет того, что ты ищешь.

— Говорят, когда-то оно здесь было.

— Мало ли что говорят там, наверху, под слепящим солнцем.

— И слова эти сразу уносит ветер, поскольку там, наверху, всегда дуют ветры, так? Я же не спрашиваю, как именно это ожерелье было украдено у нас и возвращено вам, его создателям. Все это старые сказки, старые обиды. Я всего лишь хочу знать, где оно сейчас. У вас его сейчас нет, хорошо. Но, может быть, вы все-таки знаете, где оно?

— Здесь его нет.

— Значит, оно в другом месте?

— Туда тебе не добраться. Никогда. Если только мы тебе не поможем.

— Ну так помогите мне. Прошу вас — ведь я ваша гостья.

— Недаром говорят: «Ангъяр отбирают, фийя отдают, а гдемъяр — и то и другое делаю одновременно». Если мы поможем тебе, чем ты с нами расплатишься?

— Я от всей души поблагодарю вас, повелители Ночи.

Она стояла среди них, высокая, светловолосая, и гдемъяр глядели на нее с мрачным изумлением, с тяжким глухим желанием.

— Послушай, ангъя, ты просишь о великой милости. Ты даже представить себе не можешь, насколько велика эта милость! Этого тебе не понять. Твой народ только и умеет, что беспечно носиться по ветру да зерно выращивать, ну и еще на мечах драться и шуметь. Но скажи, кто сделал мечи ангъяр из светлой стали? Мы, гдемъяр! Правители ангъяр приходят к нашим пещерам, и покупают у нас мечи, и уходят прочь, не оглядываясь, ничего не понимая. Но ты, раз уж ты здесь, смотри и постараися как следует рассмотреть хотя бы некоторые из наших бесчисленных чудес — видишь эти огни, что горят вечно, видишь эти повозки, что ездят сами собой? А посмотри на те машины, что сами изготавливают для нас платье, и готовят нам еду, и освежают воздух в наших дворцах, и дают нам все, что мы пожелаем! Конечно же, все это выше твоего понимания. Но знай одно: мы, гдемъяр, друзья тех, кого вы называете Властелинами Звезд! Это мы приходим с ними в Халлан, в Реоган, в Хал-Оррен — во все ваши замки, чтобы помочь вам понять их речь. Вы, гордые ангъяр, платите Властелинам Звезд дань, а мы — их друзья. И мы оказываем им не меньшие услуги, чем они нам! Понимаешь теперь, сколь мало значит для нас твоя благодарность?

— Вот сам и решай. А мне на твой вопрос отвечать нечего, — гордо сказала Семли. — Я еще на свой ответа не получила. Я жду, господин мой.

Семеро правителей принялись совещаться — то молча

глядя друг на друга, то принимаясь что-то бормотать вполголоса. Порой они посматривали в ее сторону и тут же отводили глаза, злобно что-то бубнили и снова замирали, уставившись друг другу в лицо. Вокруг них стала собираться толпа; гдемьяр подходили один за другим, медленно, молча, и вскоре вокруг Семли качалось целое море черных, будто прилизанных голов; огромный зал наполнился гулом их голосов, под ногами не было видно пола — лишь небольшое пространство совсем рядом с нею оставалось еще свободным. Крылатый жался к ней, дрожа от страха и раздражения; ему пришлось слишком долго сдерживать себя, и даже радужки его всегда ярких глаз побледнели, как бывает у этих зверей, если их заставить летать ночью. Семли погладила его по мохнатой теплой голове, шепча:

— Тихо, тихо, успокойся, мой храбрый, мой прекрасный, мой быстролетный...

— Хорошо, ангъя, мы доставим тебя туда, где находится твое ожерелье. — Гдем с белым свирепым лицом снова повернулся к ней. — Более мы ничего не можем для тебя сделать. Ты должна отправиться с нами и сама предъявить свои права там, где теперь твое сокровище, и тем, кто им теперь владеет. Но твой летающий кот отправиться с тобой не сможет, учти это.

— Далеко ли до тех мест, господин мой?

— Очень далеко, госпожа. — Гдем отвратительно ухмыльнулся. — И все же путь туда не займет более одной ночи. Долгой ночи!

— Благодарю вас, о гдемьяр! Позаботитесь ли вы, пока меня не будет, о моем Крылатом? С ним ничего плохого не случится?

— Он будет спать, пока ты не вернешься. А сама полетишь на другом Крылатом, куда больше этого! Что ж ты не спросишь, куда мы намерены тебя доставить?

— Нельзя ли поскорее отправиться в путь? — словно не слыша его, воскликнула Семли. — Я спешу вернуться домой.

— Да-да. Скоро полетим, скоро. — И снова серые губы раздвинулись в усмешке, когда он взглянул в ее взволнованное лицо.

Семли не сумела бы рассказать, что именно произошло с нею за эти несколько часов — так быстро, непонятно, неожиданно все происходило. И этот шум! Сперва она крепко держала Крылатого, а какой-то «глиняный» вонзил в его золотисто-полосатую заднюю лапу длинную иглу. Она чуть не вскрикнула от ужаса, но ее зверь лишь дернулся и тут же, до-

вольно замурлыкав, уснул. Потом его унесли «глиняные», которым явно было страшно прикоснуться к пушистой шерсти спящего зверя. Еще через несколько минут она уви-дела, как в ее собственную руку тоже вонзается игла, потом решила, что гдемъяр просто испытывали ее мужество, ибо сна вроде бы не было ни в одном глазу (впрочем, она не была в этом так уж уверена). Потом они куда-то долго ехали, пере-саживаясь из одной самодвижущейся повозки в другую, по бесконечным пещерам, по уходящим во тьму туннелям, и почему-то тьма эта была наполнена крылатыми зверями, она слышала их ворчание, их призывное хриплое мяуканье, порой даже видела их в промельках белых фонарей и тогда понимала, что все они лишены крыльев и все слепы. И, уви-дев это, она даже зажмурилась от отвращения. Но езда по туннелям все продолжалась, мимо пролетали пещеры, серые тестообразные фигуры гдемъяр, их свирепые лица, слыша-лись их гудящие голоса, и вдруг, наконец, они вывели ее на свежий воздух. Стояла ночь. Семли радостно подняла глаза к звездам и увидела в небе лишь одну луну — маленькую Хели-ки, всходившую на западе. Но «глиняные» по-прежнему были рядом, и они заставили ее снова вскарабкаться куда-то — то ли войти в пещеру, то ли сесть в очередную повозку, она тол-ком не поняла. Там было тесно, кругом мелькали, точно кро-хотные свечки, какие-то огоньки, показавшиеся ей странно яркими после бесчисленного множества огромных темных пещер и бескрайнего звездного неба. Потом ей снова вонзили в руку иглу и сказали, что сейчас привяжут ее к странному плоскому и длинному креслу за ноги и за руки.

— Ни за что! — сказала Семли.

Но тут увидела, что те четверо «глиняных», что были ее провожатыми, спокойно позволили привязать себя к таким же креслам. И подчинилась. Потом все остальные ушли. По-слышался страшный рев, сменившийся полной тишиной, и на грудь Семли будто навалилась тяжелая плита. Потом вдруг стало легко дышать, и все исчезло.

— Я умерла? — спросила Семли.

— Нет, госпожа моя, — произнес знакомый ей неприят-ный голос, и, открыв глаза, она увидела то самое белое лицо и растянутые в усмешке губы. И глаза — точно два холодных камешка. Пути с нее сняли, и она тут же вскочила. Веса своего она не чувствовала, не чувствовала и самого тела — только страх, только дыхание ветра, вздывавшее ее как пу-шинку.

— Мы не причиним тебе зла, — сказал тот же высоко-

мерный голос, точно умножаясь у нее в ушах. — Дай только коснуться тебя, госпожа, нам бы так хотелось коснуться твоих волос. Позволь нам...

Странная округлая повозка, в которой все они находились, чуть подрагивала. Снаружи, за ее окном, была темная ночь, а может, туман, а может — пустота? Одна долгая ночь — так ведь они сказали? Да, но какая долгая! Семли сидела без движения, с трудом сдерживаясь, а их тяжелые серые ладони касались ее рук, ступней, плеч и даже горла — и тут она не выдержала, стиснула зубы, чтобы не закричать, и встала. Они тут же отпрянули.

— Мы ведь не сделали тебе ничего плохого, госпожа, — забормотали они. Она только головой помотала.

Потом они весьма почтительно попросили ее снова лечь в кресло, которое само связало ей руки путами, и когда за окном мелькнул золотистый свет, она бы, наверное, заплакала, если бы потеряла сознание.

— Что ж, — сказал Роканнон, — по крайней мере, мы знаем, откуда она.

— Хорошо бы еще узнать, кто она, — пробормотал хранитель музея. — Эти троглодиты говорят, она явилась за каким-то нашим экспонатом, так вроде?

— Слушай, не называл бы ты их троглодитами, а? — Будучи специалистом в области форм высокоразвитого интеллекта, этнологом до глубины души, он такого пренебрежительного отношения к разумным существам не выносил. — Они, конечно, не красавцы, но они наши союзники и обладают Статусом С... Не понимаю, правда, почему Комиссия все силы бросила именно на них? Причем даже не исследовав все тамошние ФВИ? Пари держу, первые исследователи Фомальгаута были из созвездия Центавра — там питают слабость к обитателям пещер, да еще ведущим ночной образ жизни. Мне-то больше нравятся представители второй группы — такие, как она.

— А эти троглодиты, похоже, перед ней робеют.

— А ты нет?

Кето снова взглянул на высокую женщину, потом покраснел и рассмеялся:

— Пожалуй, да! Я такой красивой инопланетянки ни разу не встречал за все восемнадцать лет, что на Новой Южной Джорджии живу. Честно говоря, я и в жизни такой красавицы никогда не видел. Прямо богиня! — И он побагровел бук-

вально до корней волос. Кето был чрезвычайно застенчив, громких высказываний и преувеличений не любил. Впрочем, Роканон был полностью согласен с его оценкой и лишь задумчиво покивал.

— Вот бы поговорить с ней без этих тро... гдемьяр в качестве переводчиков. — Роканон подошел к гостью и, когда она повернула к нему свое прекрасное лицо, низко-низко ей поклонился и преклонил перед ней колено, зажмурившись от полного восхищения. Этот изящный жест он называл «всегалактическим поклоном». Снова выпрямившись, он увидел, что удивительная красавица улыбается и готова к разговору.

— Она говорит: «Я приветствую тебя, Властелин Звезд», — пробурчал один из ее коротышек-телохранителей на ломаном межгалактическом.

— Приветствую тебя, госпожа моя ангъя, — ответил Роканон. — Чем мы, сотрудники музея, можем тебе помочь?

Серебристый звонкий голос прозвучал, точно дыхание чистого ветерка, перекрывая гудение голосов гдемьяр.

— Она говорит: «Пожалуйста, отдавай ей ее ожерелье с драгоценным камнем, оно давно-давно принадлежало ее кровным родственникам, ее семье».

— Какое ожерелье? — спросил Роканон, и Семли, догадавшись, о чем он ее спрашивает, показала на центральную витрину: там лежала удивительной красоты и отменно тонкой работы вещь — цепь из светлого золота, довольно массивная и тем не менее изящная, с подвеской, в которую вделан был один-единственный крупный сапфир дивной красоты, похожий на синее пламя. Брови Роканона поползли вверх, и Кето прошептал:

— Ничего себе! Вкус у нее недурной. Это же знаменитое «ожерелье Фомальгаута»!

Она улыбнулась им и снова что-то сказала, так ни разу и не взглянув на свою свиту.

— Она говорит, — забормотали гдемьяр, — о высокочтимые Властелины Звезд, старший хранитель Сокровищницы и его младший брат, что это ожерелье принадлежит ее семье с давних, давних времен.

— Слушай, Кето, откуда оно у нас, а?

— Погоди-ка, сейчас посмотрю. Ага, нашел. Вот: «поступило от гдемьяр...», в общем, от этих троглодитов или троллей, как тебе больше нравится, «...одержимых страстью к торговым сделкам». Видимо, так они расплатились за тот корабль, AD-4, на котором прилетели сюда. Когда-то гдемьяр действительно делали подобные украшения.

— И я спорить готов, что больше они ничего подобного не делают — разучились, ведь мы их по «индустриальному пути» направили, — покивал Роканнон.

— Но они вроде бы согласны с тем, что эта вещь принадлежит ей, а не им и не нам. Должно быть, тут что-то есть, Роканнон, иначе к чему им было лететь с ней в такую даль?

— Да уж, несколько лет как минимум они потеряли. — Будучи специалистом по ФВИ, Роканнон не раз совершил подобные «прыжки» во времени и пространстве. — Но, в общем, это не так уж и далеко. Ладно, ясно, что ни мой любимый словарик, ни твой каталог нам не помогут. По-моему, эти два народа — фийя и гдемьяр — вообще крайне плохо описаны и совсем не изучены. Возможно, эти коротышки просто обязаны проявлять к ангъяр почтение. А что, если именно этот проклятый сапфир послужит причиной галактической войны? Или эти типы настолько покорны желаниям красавицы, потому что страдают жутким комплексом неполноценности? Тоже возможно. А возможно и наоборот — она их пленница, и они хотят использовать ее как наживку, чтобы поймать нас на крючок... Откуда нам знать? Слушай, а вообще-то разрешается передавать экспонаты их прежним владельцам?

— Конечно! Считается, что все эти экзотические штучки у нас во временном пользовании и нам не принадлежат, так что стоит только прежнему хозяину предъявить на что-либо свои права... Мы редко спорим. Мир дороже. Не дай Бог, еще действительно война начнется...

— Тогда я бы отдал ожерелье этой красотке.

— Ну, такой подарок преподнести всякому приятно, — улыбнулся Кето. — Сочту за честь. — Он отпер витрину и вынул оттуда тяжелую золотую цепь. Потом вдруг засмущался и протянул ожерелье Роканнону: — Знаешь, лучше ты сам отдай.

Так синий сапфир впервые коснулся ладони Роканнона.

Но думал он не о нем; держа в горсти драгоценный самоцвет, синим пламенем сиявший среди золотых колец цепи, он повернулся к прекрасной инопланетянке, и она не стала протягивать руку, чтобы взять ожерелье, а просто наклонила голову, и он, чуть коснувшись золотых волос, надел его ей на щеку. На смуглой коже золотая цепь вспыхнула, точно бикфордов шнур. Семли посмотрела на камень и подняла глаза на Роканнона: во взгляде ее плеснулась такая гордость, такой восторг и такая благодарность, что Роканнон так и не

смог ничего сказать, а его приятель, маленький Кето, хранитель музея, пробормотал на своем родном языке:

— Да-да, мы очень рады, очень-очень рады.

Она величественно кивнула своей золотистой головкой ему и Роканнону в знак благодарности и прощания, повернулась к своим квадратным коротконогим стражам — а может, пленителям? — и, накинув на плечи поношенный синий плащ, неторопливо прошла через огромный зал и исчезла за дверью. Кето и Роканнон долго смотрели ей вслед.

— А знаешь... — начал было Роканнон.

— Да? — не сразу откликнулся Кето, сразу почему-то охрипнув.

— Знаешь, порой мне кажется, что... особенно, когда я встречаюсь с обитателями этих практически неведомых нам миров... что я случайно попал прямо в сказку или в какой-то исполненный трагизма миф, смысл которого мне разгадать не дано...

— Да, пожалуй, — помолчав, согласился Кето и откашлялся. — А интересно... интересно, как все-таки ее зовут?

Семли Светлокудрая, Семли Золотая, Хозяйка Ожерелья. «Глиняные» были покорны ее воле, и даже Властелины Звезд склонились перед нею — в том страшном месте, куда ее доставили «глиняные», в городе, что расположен по ту сторону Ночи. Да, они почтительно кланялись ей и охотно вернули ей ожерелье, что лежало среди их собственных сокровищ!

Однако в душе ее еще не улегся ужас тех подземелей, тех толстенных каменных сводов, где сливались все звуки, где невозможно разобрать, кто именно с тобой говорит, чьи отвратительные серые руки тянутся к тебе... Нет, с нее довольно! Она дорого заплатила за это ожерелье. Что ж, теперь оно принадлежит ей. А прошлое... пусть остается в прошлом!

Ее Крылатого гдемьяр держали в каком-то огромном странном сундуке, из которого зверь выполз весь в сосульках, с затянутыми мутной пленкой глазами. А когда они вышли наконец из пещер, Крылатый ни за что не хотел взлетать. Впрочем, потом он вроде бы пришел в себя, и теперь они летели, подгоняемые легким южным ветерком, назад, в Халлан.

— Скорей, скорей! — подгоняла Крылатого Семли и смеялась, потому что ветер словно унес прочь тот мрак, что наполнял ее душу. — Я так соскучилась! Скорее бы увидеть Дурхала, скорее бы...

И они летели все быстрей и быстрей и уже к вечеру второго дня прибыли в Халлан. Теперь пещеры «глиняных» камались Семли давнишним страшным сном. Крылатый пронес ее над длинной, в тысячу ступеней лестницей замка, мелькнул над подъемным мостом, перекинутым через пропасть, на дне которой виднелись поросшие лесом скалы, и опустился в золотых закатных лучах на специальную площадку во дворе. Семли спешилась и поднялась по последнему пролету лестницы, где в нишах застыли каменные изваяния героев, мимо двух стражников, которые кланялись ей, глаз не сводя с синего камня у нее на груди, горевшего нестерпимо ярким огнем.

В вестибюле она остановила пробегавшую мимо девушку, очень хорошенъю и, видимо, родственнице Дурхала — очень уж она была на него похожа. Вот только имени ее Семли почему-то никак не могла вспомнить.

— Знаешь, кто я, девочка? — спросила она. — Я Семли, жена Дурхала. Прошу тебя, сбегай к госпоже Дуроссе и скажи ей, что я вернулась.

Почему-то Семли боялась, что встретит Дурхала; боялась остаться с ним наедине. Ей требовалась поддержка добной Дуроссы.

Девушка посмотрела на нее как-то странно, однако промолвила:

— Хорошо, госпожа моя, — и стрелой бросилась по лестнице, ведущей в Большую Башню.

Семли осталась ждать в зале, где от старости со стен осыпалась позолота. Но никто не появлялся. Неужели все собрались за столом в парадном зале? Тишина тяготила ее. Еще несколько минут — и Семли поспешила к лестнице, но тут навстречу ей выбежала какая-то седая старуха, которая, спотыкаясь на каменных плитах пола, с плачем протягивала к ней руки:

— Ах, Семли! Неужели это ты, Семли?

Она никогда раньше не видела этой старухи и отпрянула.

— Но, госпожа моя, кто ты?

— Я же Дуросса, Семли!

Семли молчала; она застыла, как каменная, пока Дуросса обнимала ее, плакала и спрашивала, правда ли, что ее взяли в плен «глиняные», заколдовали и все это время прятали у себя в пещерах? А может, это фийя приворожили ее своим колдовством? Потом наконец Дуросса отпустила ее, отошла чуть-чуть в сторону и перестала плакать.

— А ты все такая же молодая, Семли! В точности как в

тот день, когда уходила отсюда. Ох, и на шее у тебя то самое ожерелье!..

— Да. Я принесла его в дар своему мужу Дурхалу. Где он?

— Дурхал умер.

Семли онемела.

— Твой муж и мой брат Дурхал, правитель Халлана, убит в бою семь лет назад. Тебя ведь не было так долго, Семли! И Властелины Звезд больше здесь не появлялись. А потом мы начали воевать с Восточными Замками, с лесными ангъяр и с правителями Хал-Оррена. Дурхала убил копьем какой-то «низкорослый» — ведь доспехов у моего брата почти не было, а душа его ослабела в разлуке с тобой. Он похоронен в полях, над Болотами Оррена.

Семли отвернулась. Помолчала, коснулась рукой золотой цепи, от тяжести которой голова ее клонилась на грудь.

— Тогда я пойду к нему. И принесу ему этот дар.

— Погоди, Семли! Посмотри на свою дочь, дочь Дурхала! Это ведь она перед тобой, Хальдре Прекрасная.

Перед ней стояла та самая девушка, с которой она заговорила в вестибюле и попросила позвать Дуроссу. На вид ей было лет девятнадцать, а глаза — темно-синие, как у Дурхала. Она не мигая смотрела на Семли — незнакомую женщину, которая оказалась ее матерью, хоть и выглядела почти ровесницей самой Хальдре. И волосы у обеих были одинаково золотые, и обе были прекрасны, только Семли чуть выше, да синий камень горел у нее на груди.

— Возьми же его, возьми! Для Дурхала и моей Хальдре я принесла его с того конца долгой-предолгой ночи! — воскликнула Семли, срывая с шеи тяжелую золотую цепь. Ожерелье выскоцило у нее из рук и холодно зазвенело, ударившись о каменные плиты. — О, возьми его, Хальдре! — вскрикнула, точно от боли, Семли и, разрыдавшись, бросилась прочь из Халлана, по мосту и вниз по длинной широкой лестнице — стрелой, точно дикий зверь спасающийся от преследования, пронеслась она по лесистому восточному склону горы и скрылась в чаще.

Часть I

ВЛАСТЕЛИН ЗВЕЗД

Глава 1

Таково начало этой легенды, и оно вполне соответствует действительности. Приведем несколько дополнительных фактов, помогающих прояснить картину. Факты эти взяты из знаменитого справочника, составленного Лигой Миров. Откроем страницы, посвященные восьмому галактическому сектору. Итак:

№ 62: Фомальгаут-II.

Тип АЕ — органическая жизнь на основе углерода. Планета с железным ядром; диаметр 6600 миль; атмосфера плотная, богатая кислородом. Период обращения (год) — 800 земных суток 8 часов 11 минут 42 секунды. Сутки равны 29 земным часам 51 минуте 02 секундам. Среднее расстояние от ближайшего солнца — 3,2 а.е., орбитальные отклонения незначительны. Наклон к плоскости эклиптики 27 градусов 20 минут 20 секунд, что вызывает ярко выраженную смену времен года. Сила тяжести 0,86 нормы.

Четыре основных континента — Северо-западный, Юго-западный, Восточный и Антарктический — занимают 38% поверхности планеты.

Четыре спутника (типа Пернера, Локлика, Р-2 и Фобоса).

Вторая, ближайшая планета системы Фомальгаута наблюдается в небе как сверхъяркая звезда.

Ближайшая планета Лиги Миров: Новая Южная Джордания со столицей Кергелен (на расстоянии 7,88 световых лет).

История исследований: первая карта планеты составлена экспедицией Илисона в 202 г., пробы грунта и воздуха взяты роботами в 218 г.

Первая географическая экспедиция — 235—236 гг. Руководитель — Дж. Кьолаф. Произведена аэрофотосъемка ос-

новных массивов суши (см. карты 3114-а, б; 3115-а, б). Высадка, геологическое и биологическое обследование окружающей среды, а также контакты с представителями ФВИ производились только на Восточном и на Северо-западном континентах (см. также описание ФВИ).

Высадка миссионеров с целью ускорения развития технологии у ФВИ I-А под руководством Дж. Кьюлафа произведена в 252—254 гг. (только на Северо-западном континенте).

Восьмым галактическим сектором с центром в Кергелене, Новая Южная Джорджия, организованы высылки миссионеров с целью контроля и сбора галактического налога с представителей ФВИ I-А и II в 254, 258, 262, 266, 270 гг.; в 275 г. планета была закрыта для посещения Всегалактическим Центром по Инопланетным Контактам — до получения результатов более тщательного исследования местных ФВИ.

Первая этнографическая экспедиция состоялась в 321 г. под руководством Г. Роканнона.

За Южным хребтом прямо в небо взлетел совершенно бесшумно ослепительно белый столб — точно ствол гигантского дерева. На башнях закричали, зазвонили в бронзовые колокола стражники, но их крики и звон тут же потонули в оглушительном реве и грохоте, в порывах вдруг налетевшего ветра, в стонах склонившихся до земли деревьев на склонах гор.

Могиен из Халлана нагнал своего гостя, Властелина Звезд, уже на дорожке, ведущей к площадке для Крылатых.

— Не твой ли это корабль был там, за Южным хребтом, господин мой? — осторожно спросил он.

— Мой, — как всегда спокойно ответил Роканнон, бледный как мел.

— Садись. — Могиен помог гостю сесть на заднее седло. Крылатый был уже готов к полету и, стоило им усесться, как он сорвался с места и, покружив подобно серому листу, сорванному ветром, над мраморной лестницей в тысячу ступеней, над мостом, над лесистыми склонами гор Халлана, полетел за Южный хребт.

И сразу всадники увидели голубоватый дымок, что поднимался сквозь ливень золотых стрел утреннего солнца. По берегам лесного ручья, в сырых холодах зарослях шипел, угасая, лесной пожар.

На холме зиял страшный черный колодец, точно развернутый зев, над которым все еще летала черная гарь. По

краем оставшейся от взрыва воронки аккуратно лежали широким кругом дотла сгоревшие деревья — точно черные черточки, нарисованные сажей на земле.

Молодой правитель Халлана придержал своего Крылатого, мощного серого зверя, в потоке воздуха, поднимавшегося над изуродованной долиной, и молча посмотрел вниз. Немало старых сказок сохранилось со временем его деда и прадеда о том, как впервые появились в их мире Властелины Звезд, как они с помощью своего страшного оружия сжигали холмы и заставляли моря кипеть; и как вынудили всех правителей гордых ангьяр принести им клятву верности и каждый год платить дань. В первый раз сегодня Могиен поверил этим сказкам. На мгновение у него даже дыхание перехватило.

— Так это твой корабль...

— Да. Сегодня я должен был встретиться здесь с остальными. Со своими товарищами. Телерь, господин мой, твои подданные пусть пока здесь не ходят. Запрети им это — не навсегда, конечно. Но пусть сперва пройдут зимние дожди.

— Колдовство?

— Нет, яд. Дожди его смоют. — Голос Властелина Звезд по-прежнему был спокоен, но головы он так и не поднял и на Могиена не смотрел, а все что-то пытался увидеть в черном провале под ними, теперь уже освещенном широкими полосами лившегося с неба света. Внезапно он снова заговорил, только Могиен не понимал ни слова — говорил Роканнон на своем языке, языке Властелинов Звезд, а среди ангьяр, да и во всем их мире, наверное, не было ни одного человека, который понимал бы этот язык.

Молодой ангъя тем временем постарался успокоить Крылатого, который уже начинал нервничать. За спиной у него Властелин Звезд умолк, глубоко вздохнул и промолвил:

— Вернемся в Халлан. Здесь нам делать нечего...

Крылатый плавно развернулся и полетел назад.

— Господин мой, Роканнон, если тебе и твоим людям нужна помощь в вашей звездной войне, только скажи! Я готов привести к твоим ногам все войско Халлана!

— Благодарю тебя, господин мой. — Роканнон прижался к спине Крылатого, склоняя под порывами бешеного ветра свою седеющую голову.

Вот и закончился этот длинный день. Ночной ветер, налетая порывами, заставлял пламя в большом очаге то и дело ярко вспыхивать. Зима подходила к концу, уже чувствовалась в воздухе тревожащие ароматы наступающей весны. Роканнон сидел в своих покоях в башне замка Халлан. Подняв

голову навстречу залетавшему в зарешеченные окна ветру, он вдыхал свежий ночной воздух, в котором чувствовался все же приятный, чуть сладковатый запах давно высохших травяных циновок на стенах его комнаты. Снова и снова он повторял в микрофон радиопередатчика: «Вызывает Роканнон. Это Роканнон. Отзовитесь!» И слушал, слушал тишину в наушниках, а потом снова настраивал передатчик и повторял: «Вызывает Роканнон...» Вдруг заметив, что говорит чуть ли не шепотом, он выключил передатчик. Сомнений нет: они погибли, все четырнадцать, его спутники, его друзья. Вместе с ним они пробыли на Фомальгаут-II половину долгого здешнего года, пора было собираться, сопоставить результаты исследований, посоветоваться. Смейт со своей группой прибыл сюда с Восточного континента, по дороге прихватив и арктическую группу. Здесь они должны были встретиться с Роканноном, руководителем Первой этнографической экспедиции, с тем человеком, который всех их сюда притащил. И вот теперь все они были мертвы, и вся их работа — дневники, зарисовки, магнитофонные записи, то, что могло бы хоть как-то оправдать их гибель, — пошла прахом, превратилась в черную сажу...

Роканнон снова включил передатчик, настроившись на аварийную частоту, но сигналов не последовало. А вызывать на этой частоте самому — значит просто объявить врагу: вот он я, здесь! Он замер и долго сидел в оцепенении, а когда в дверь гулко постучали, сказал на здешнем странном языке, пользоваться которым он теперь был обречен всю оставшуюся жизнь:

— Войдите!

В комнату влетел юный Могиен, правитель Халлана и лучший информант Роканнона в области культуры и местных нравов. От этого человека теперь зависела его судьба. Могиен был очень высоким, как и все ангъяр, светловолосым и смуглым, с несколько застывшим, как то и подобало Хозяину замка, выражением на красивом лице. Впрочем, лицо это частенько вспышками молний освещали самые различные эмоции — гнев, радость, азарт. Следом за Могиеном в комнату вошел его слуга Рахо, из «низкорослых». Рахо поставил на сундук желтую оплетенную бутылку с узким горлом и две деревянные чаши, наполнил чаши до краев и вышел. Только тогда наследный правитель Халлана произнес:

— Мне бы хотелось выпить с тобой, Владелин Звезд.

— И мне с тобой, и моим сыновьям — с твоими сыновьями, и моему народу — с твоим народом, господин мой, — от-

кликулся знакомой формулой вежливости Роканнон, недаром ведь он был этнологом и подолгу жил на девяти различных и весьма экзотических планетах, чтобы научиться вести себя, как подобает в таких случаях. Они подняли свои оплетенные в серебро деревянные чаши и выпили.

— Эта твоя говорящая штуковина теперь всегда молчит? — спросил Могиен, глядя на радиопередатчик.

— Да, голосов моих друзей в ней уже не услышишь.

Орехово-смуглое лицо Могиена не дрогнуло, однако он сказал:

— Представить не могу, что за оружие должно было быть у них!

— Лига Миров пользуется порой и более грозным оружием. Но не против своих.

— Так что же, началась война?

— Не думаю. Помнишь Яддама? Он все время оставался на корабле и, уж конечно, все знал бы благодаря ансиблю. Если б война действительно началась, нас бы непременно предупредили. Скорее всего просто какая-то планета взбунтовалась. Когда я улетал из Кергелена, то есть девять лет назад, на Фарадея как раз назревал мятеж...

— А с помощью этой штуковины ты с Кергеленом поговорить не можешь?

— Нет. Да если б и мог, то слова мои летели бы туда долгие восемь лет, а потом я бы еще восемь лет ждал ответа. — Роканнон, как всегда, говорил несколько сурово, но просто и вежливо, хотя сейчас, пожалуй, в голосе его звучала усталость. — Помнишь, я показывал тебе на корабле ансибль? Такую большую машину, которая сразу может вести разговор с разными планетами, и не нужно тратить столько времени на посылку вопросов и ответов? Так вот, это за ансиблем они охотились. Мне кажется, было простым совпадением, что все мои товарищи оказались тогда на борту. Без ансибля я не могу бороться с таким врагом.

— Но если твой народ... твои друзья из города Кергелена, станут звать тебя с помощью своего ансибля, а ты не отвечаешь, разве они не прилястят?.. — Могиен не договорил, прочитав ответ на лице Роканнона:

— Прилетят. Через восемь лет...

На корабле, показывая Могиену ансибль, средство для моментальной связи со всеми мирами Лиги, Роканнон рассказывал ему и о новых кораблях, которые способны перемещаться с одной планеты на другую почти мгновенно.

— Это был новый корабль? Тот, что убил твоих товарищ? Сверхбыстрый? — спросил ангъя.

— Нет. Самый обычный. Управляемый людьми. И теперь здесь, в этом мире, где-то прячутся враги.

Могиен знал: эти новые корабли, что летят быстрее света, никогда не имеют людей на борту; они несут лишь смертоносное оружие, способное нанести страшный, разрушительный удар. Налетят, все уничтожат вокруг и исчезнут. Об этом Роканнон много рассказывал ему, но вот ведь что странно (хотя Могиен и понимал, что друг его ему не солгал): такие корабли, какой был у Роканнона, добираются от одной звезды до другой долгие годы, а вот люди на них совсем не меняются, не стареют, словно для них проходит всего несколько часов, а не лет. Где-то там, на планете Форросуль, в городе Кергелене полсотни лет назад Роканнон встретился с Семли из Халлана и передал ей ожерелье «Око моря». Это была та самая Семли, что за одну ночь прожила шестнадцать лет и давно уже умерла; теперь и ее дочь Хальдре стала старухой, а ее внук Могиен — правителем Халлана, однако все тот же Роканнон сидит сегодня перед ним, Могиеном, и совсем не выглядит старым! Все эти годы промелькнули для него незаметно, пока он путешествовал среди звезд. Очень, очень странно! Впрочем, в сказках еще и не такое бывает.

— Когда мать моей матери, Семли, отправилась на тот берег ночи... — начал было Могиен и умолк.

— Не было на свете женщины красивее ее, — сказал Властелин Звезд, и лицо его чуть посветлело.

— Господин мой, ты стал ее другом, будь теперь другом и всем в ее доме, — быстро откликнулся Могиен, — но я-то хотел спросить вот о чем: на каком Корабле летала Семли? Его ведь так и не отобрали у «глиняных»? Может, на нем есть ансибль? Тогда ты смог бы поговорить со своим народом и сообщить о враге.

Рассудительность Могиена явно потрясла Роканнона, однако он быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

— Нет, ансибля там нет. Корабль этот подарили «глиняным» семьдесят лет назад, тогда еще никаких ансиблей не было. И его могли бы установить лишь в самое последнее время, а ваш мир был закрыт для инопланетных контактов целых сорок пять лет. Между прочим, благодаря мне. Это я вмешался. Встретившись с госпожой Семли, я тут же пошел к нашим правителям и сказал: «Мы же ничего не знаем об этом мире! Разве можно было пытаться как-то воздействовать

вать на его развитие? Зачем мы собираем с этой планеты налог? Зачем притесняем ее обитателей? Разве у нас есть на это право?» Впрочем, если бы я тогда не вмешался, сюда, по крайней мере, каждые два года прилетали бы наблюдатели, да и вы не остались бы один на один с этими захватчиками...

— А что все-таки этим захватчикам от нас нужно? — спросил Могиен, но не испуганно, а с любопытством.

— Им нужна ваша планета, по всей видимости. Ваш мир. Ваша земля и, возможно, вы сами. В качестве рабов. А впрочем, не знаю.

— Но если тот корабль все еще у «глиняных», Роканнон, и если он способен отнести тебя в твой город, то ты мог бы улететь и воссоединиться со своим народом.

Властелин Звезд быстро на него глянул.

— Ну, предположим, мог бы, — сказал он. Голос его снова звучал печально. Он долго молчал, а когда снова заговорил, то Могиен услышал в его голосе искреннее волнение: — Ведь это из-за меня ваш народ оказался беззащитным перед лицом внешнего врага! Это из-за меня сюда прилетели мои товарищи и погибли здесь! Я не собираюсь бежать в будущее и лет через восемь-девять узнать, что здесь произошло без меня! Послушай, Могиен, если бы ты помог мне добраться до пещер «глиняных», я, наверное, сумел бы как-то воспользоваться тем кораблем здесь, на этой планете — скажем, вести разведку с его помощью или, по крайней мере, если не удастся переключить автоматическое управление на ручное, — можно было бы послать с ним в Кергелен письмо. Но сам я останусь здесь.

— По преданиям, Семли нашла корабль в пещерах гдемьяр на побережье Кириинского моря.

— Не одолжишь ли ты мне одного из своих Крылатых, господин мой Могиен?

— Я бы и сам полетел с тобой, если ты этого захочешь.

— Захочу и буду очень тебе благодарен!

— «Глиняные» одиноких гостей не любят, — сказал Могиен. Он был страшно доволен. Два длинных меча у него на поясе прямо-таки подскакивали от нетерпения, и даже черная дыра на склоне горы, о которой он не забывал ни на минуту, не могла подействовать на него устрашающе. Давненько не участвовал он в набегах!

— Да сгинет наш враг, не оставив наследников! — торжественно провозгласил Могиен, вновь поднимая полную чашу.

Роканнон, чьи друзья были убиты без предупреждения,

на мирном, беззащитном исследовательском корабле, не медлил ни скунды.

— Пусть сгинут они все, не оставив наследников! — отозвался он, и вместе с ангья осушил свою чашу, озаряемый светом двух лун и желтых свечей, горевших в высокой башне замка Халлан.

Глава 2

К вечеру второго дня пути у Роканнона свело все тело, а лицо и руки были обожжены ветром, зато он научился отлично держаться в высоком седле и даже вполне сносно пра-вить огромным крылатым зверем, которого одолжил ему правитель Халлана. Солнце медленно садилось, и вокруг Роканнона в прозрачном чистом воздухе разливалось розовое сияние, окутывая его со всех сторон. Чтобы как можно дольше оставаться освещенными солнцем, Крылатые летели очень высоко, ловя его последние лучи. Как и обыкновенные кошки, они очень любили тепло. Могиен верхом на черном летучем хищнике, — интересно, подумал Роканнон, можно ли ездить верхом на коте и можно ли этого крылатого зверя называть котом? — посматривал вниз, подыскивая место для стоянки. Двою ольгия летели за ними следом на Крылатых несколько меньшего размера и белых, крылья которых казались ярко-розовыми в великолепии заката.

— Смотри-ка туда, Властелин Звезд!

Роканнон еле удержал своего Крылатого, который заворчал и завыл, увидев то, на что указывал Могиен: впереди в розовом небе виднелся небольшой черный предмет, который будто тащил за собой шлейф негромкого гудения. Роканнон махнул рукой, приказывая всем немедленно сесть на землю. На лесной поляне, куда они опустились, Могиен тут же спросил:

— Это такой же корабль, как твой, Властелин Звезд?

— Нет. Этому кораблю далеко от земли не улететь. Он называется «вертолет». А вот привезти его сюда могли только на космическом корабле, причем куда большем, чем был у меня, — на грузовике или на лайнере. Да, они явно прилетели сюда с дурными намерениями. И вылетели безусловно до того, как сюда отправилась моя экспедиция. Интересно, что все-таки они намерены делать, вооруженные бомбами и боевыми вертолетами?.. Они, между прочим, запросто могли

нас подстрелить прямо в воздухе. Ничего не поделаешь, господин мой Могиен, придется переждать.

— Тот корабль прилетел со стороны пещер гдемьяр, — сказал правитель Халлана. — Надеюсь, враги нас не опередили.

Роканнон лишь молча кивнул, он просто кипел от гнева, глядя на черную кляксу на фоне чистого заката над нетронутым миром. Кто бы ни были эти люди, бросившие бомбу в безоружный исследовательский корабль, лишь увидев его издали, ясно одно: они намерены сами обследовать эту планету и захватить ее, превратив либо в свою колонию, либо в военную базу. А на «Формы Высокоразвитого Интеллекта», которых на этой планете по крайней мере три, причем все три находятся на крайне низком уровне технического развития, им наплевать; они их превратят в своих рабов или просто уничтожат. Ведь для подобных захватчиков главное — уровень технической развитости автохтонного населения, остальное значения не имеет.

Вот оно! — подумал Роканнон, глядя, как «низкорослые» расседзывают Крылатых и отпускают их на ночную охоту. Вот в чем слабость и самой Лиги Миров! Для нее тоже всегда важнее всего был уровень технического развития. Две миссии, посланные на эту планету в прошлом веке, начали с того, что стали подталкивать один из видов здешних ФВИ к уровню технологии атома, даже не заглянув предварительно на соседние континенты, не обследовав их даже бегло, не установив контакта со всеми обитающими на планете ФВИ. Ему удалось прекратить это, а потом и добиться посылки этнографической экспедиции на Фомальгаут-II, чтобы узнать об этой планете поподробнее, однако он прекрасно понимал, что все труды экспедиции в конечном итоге послужат информационным базисом для выбора того вида ФВИ и такой культуры, которые в Лиге считут наиболее перспективными. Так Лига готовилась к войне со своим последним врагом. Уже были обучены и вооружены сто миров, и еще тысяча миров проходила успешную подготовку — их обитатели учились пользоваться железом и сталью, познавали колесо, трактор, атомный реактор... Но Роканнон, знаток ФВИ и сам интеллектуал, предпочитал, в полном соответствии со своей профессией, учиться, а не учить. Прожив немалую часть своей жизни на весьма отсталых планетах, он сомневался, что так уж мудро делать ставку исключительно на умение применять современное оружие и пользоваться высокоразвитой техникой. Лигой Миров всегда заправляли предста-

вители агрессивных предпримчивых цивилизаций из созвездия Кентавра, с Земли, с Тай Кита, которым, по большому счету, было наплевать на иные, чем у них самих, способности, возможности и умения.

На эту планету, которую до сих пор даже и не назвали никак, она так и числится под «вторым номером» — Фомальгаут-II — пожалуй, никогда особого внимания и не обратят, потому что до появления здесь представителей Лиги ни один из здешних народов не превзошел уровня рычага и кузнечного горна. Некоторые народы — на других планетах — в техническом отношении развивать было легко; они вполне могли стать союзниками Лиги, когда вернется ее давний межгалактический враг. А он вернется, в том сомнений у Лиги не было. Роканнон вспомнил, как Могиен предложил ему свою помощь — мечи Халланы против суперсветовых бомбардировщиков. Но что, если окажется, что и сами суперсветовики — просто детские игрушки по сравнению с тем оружием, которым обладает Враг? Что, если он обладает способностью убивать мысленно, телепатически? Разве не стоит побольше разузнать о телепатических способностях существ, населяющих хотя бы этот вот мир? Нет, политика Лиги чеснок узколоба; из-за нее было упущено слишком многое, а теперь, по всей видимости, она же привела к бунту на одной из планет. Если на Фарадее все-таки разразилась та буря, что назревала десять лет назад, то это означает одно: один из молодых членов Лиги, быстремко научившись воевать с помощью подаренного новой планете оружия, оперился и вылетел из гнезда, чтобы создать среди звезд свою собственную империю.

Роканнон, Могиен и двое темноволосых слуг поужинали вкусными сухарями, которые отлично умеют печь в Халлане, выпили по чаше доброго желтого вассана из кожаного бурдюка и улеглись спать. Высоченные деревья со всех сторон обступали их маленький костерок; на ветках покачивались гладкие, остроносые, темные шишкы. Ночью над лесом послышался шелест холодного несильного дождя. Роканнон натянул пушистое меховое одеяло на голову и снова крепко заснул под неумолчный шепот дождевых капель. На рассвете вернулись Крылатые, и не успело взойти солнце, как маленький отряд снова пустился в путь, направляясь на крыльях ветра к берегам залива, где в своих пещерах глубоко под землей обитали гдемьяр.

В полдень они опустились на землю — точнее, на плоское глинистое поле. Казалось, вокруг нет ничего, кроме

глины. Роканнон и двое слуг, Рахо и Яхан, изумленно озирались, пытаясь обнаружить хоть что-то живое. Но Могиен заявил со свойственной ангью уверенностью:

— Ничего, придут.

И они пришли. Квадратные коротышки, каких Роканнон видел тогда, много лет назад, в музее. Их было шестеро. Все едва доставали головой Роканнону до груди, а Могиену и во все были по пояс. Одежды они не носили; обнаженные тела их были того же светло-серого цвета, что и глинистые поля вокруг. «Вот уж действительно «глиняные», — подумал Роканнон. Определить, кто из шестерых говорит, было совершенно невозможно — вроде бы все сразу, но почему-то одним, довольно-таки неприятным, резким и низким голосом. «Частичная телепатия в пределах данной конгломерации», — вспомнил Роканнон и с куда большим уважением посмотрел на безобразных карликов, владевших столь редким даром. Трое его рослых спутников явно никакого особого уважения по отношению к «глиняным» не испытывали. И смотрели весьма сурово.

— Что народу ангью и их слугам нужно в полях повелителей Ночи? — спросил один из гдемьяр (а может, и все разом?) на «общем» языке, одном из диалектов ангью.

— Я правитель Халлана, — сказал Могиен с высоты своего невероятного роста. — Рядом со мной Роканнон, Властелин Звезд и того пространства, что лежит меж ними; он служит Лиге Миров и является гостем и другом Халлана. Отнеситесь к нему с наивысшим почтением, гдемьяр! И отведите нас к тем, кто способен вести серьезные переговоры. Нам есть о чем поговорить, ибо скоро наступят такие времена, когда летом будет идти снег, ветры станут дуть в обратную сторону, а деревья — расти вверх корнями! — Одно удовольствие было слушать, как говорит этот ангью! Хотя Роканнону показалось, что Могиен все же недостаточно вежлив.

Гдемьяр продолжали стоять, явно сомневаясь в правдивости этих слов. «Да неужели?» — наконец вымолвил (или подумал?) кто-то один из них (а может, и все разом?).

— Именно так. И море застынет, как деревянное блюдо, а у камней вырастут ноги со ступнями и пальцами! А ну-ка быстрей ведите нас к своим повелителям! Может, хоть они знают, как надо вести себя с Властелином Звезд! Нечего зря слова тратить!

«Глиняные» снова примолкли. Стоя среди кротконогих троглодитов, Роканнон все время ощущал неприятное трепетание возле ушей, будто там собирались и машут крыльиш-

ками бесчисленные мотыльки: это гдемьяр мысленно согласовывали решение.

— Пошли, — сказал наконец один из них (а может, и все разом), и они двинулись прямо по липучей глине к какому-то клочку сухой земли, где «глиняные» наклонились, выпрямились, и Роканнон увидел в земле круглую дыру, из которой торчала лестница: это был вход в царство Ночи.

Ольгяр и Крылатые остались наверху, а Могиен и Роканнон полезли по лестнице вниз, в мир бесконечных пещер и разветвленных перекрещивающихся туннелей, прорытых в глине; стены в туннелях были бетонные, всюду горели электрические фонари, но пахло отвратительно — прокисшей едой и потом. Неслышно ступая своими серыми плоскими лапами, стражники привели их в темноватую, похожую на пузырь пещеру с каменными сводами и оставили одних.

Пришлось ждать. И довольно долго.

Интересно, какого черта первая исследовательская экспедиция рекомендовала Лиге обратить особое внимание именно на этих уродов? У Роканнона на сей счет было только одно и, возможно, не самое лучшее объяснение: первые экспедиции сюда организовали центаврицы, привыкшие к холodu, так что им больше всего, видимо, пришлись по душе пещеры гдемьяр, где можно было укрыться от слепящих потоков солнечного света и ужасной, с точки зрения обитателей Альфы Центавра, жары. На планете, входящей в систему столь огромного солнца, как считали, видимо, эти исследователи, разумные существа могли жить только под землей. Самому же Роканнону очень нравились и здешнее жаркое белое солнце, и ясные ночи, полные света четырех лун, и бурные перемены погоды, и непрестанно дующие ветры, и богатый кислородом воздух, и даже несколько меньшая сила тяжести, благодаря чему в этом мире было так много летающих тварей. Однако именно по этой причине, одернул он себя, он куда меньше знает, чем те же центаврицы, об этих троглодитах. Они явно неглупы. К тому же телепаты, — а этот дар встречается очень редко и изучен куда меньше, чем электричество, — однако телепатические способности гдемьяр не вызвали у первых исследователей ни малейшего интереса. Зато они подарили подземным жителям генератор и космический корабль-автомат, а также осчастливили их кое-какими математическими познаниями. Потом дружески похлопали по плечу и убрались восвояси. Интересно, чем с тех пор занимались эти гномы? Он стал расспрашивать об этом Могиена.

Молодой повелитель Халлана, который почти наверняка ни разу в жизни не видел, чтобы помещение освещалось чем-то иным, кроме свечей или факелов, без малейшего интереса глянул на электрическую лампочку над головой.

— Мастерили-то они всегда хорошо, — промолвил он пренебрежительно.

— А что нового они смастерили за последнее время?

— Мы всегда покупали у «глиняных» мечи; их кузнецы умели обрабатывать сталь еще во времена моего деда. А вот что было до этого, я не знаю. Мой народ давно живет бок о бок с «глиняными», они роют свои туннели даже на границах наших земель, а мы покупаем у них мечи и платим им серебром. Говорят, они очень богаты, но совершать на них набеги строго запрещено. Ничего хорошего войны между двумя соседними народами не приносят — ты и сам знаешь. Даже когда мой дед Дурхал искал здесь свою жену Семли, думая, что «глиняные» ее похитили, он этого запрета не нарушил и не стал силой заставлять их сказать правду. Да они все равно никогда не лгут, хотя и правды тоже, по возможности, стараются не говорить. У нас их не любят, да и они нас недолюбливают; наверное, не забыли старых времен, когда запрета на набеги еще не существовало... К тому же они порядочные трусы.

Вдруг за спинами у них прогремело:

— Склонитесь перед повелителями Ночи!

Роканнон тут же схватился за лазерный пистолет, а Могиен — за ручки обоих мечей. Но стоило им обернуться, как Роканнон тут же заметил встроенный в свод туннеля динамик и шепнул Могиену:

— Не отвечай!

— Говорите, о чужеземцы, явившиеся в обитель Ночи! — От рева, доносившегося из динамика, действительно можно было растеряться, однако Могиен выразил лишь незначительное раздражение, лениво приподняв роскошную бровь. А потом обратился как ни в чем не бывало к Роканнону:

— Ну что ж, господин мой, теперь ты всласть полетал на Крылатом и скажи, как тебе это понравилось?

— Говорите же, — снова загремело в динамике, — вас слушают!

— Очень понравилось! — подхватил игру Роканнон. — Мой полосатый удивительно легкокрыл. Летит, точно западный ветерок в летнюю пору. — Этот поэтический комплимент он как-то слышал за столом в парадном зале Халлана.

— Он отличных кровей.

— Говорите же! Вас слушают!

Не обращая ни малейшего внимания на вопли из динамика, они принялись обсуждать родословные Крылатых и проблемы их разведения в неволе. Вскоре в туннеле откуда-то появились двое «глиняных» и мрачно буркнули:

— Идемте.

По лабиринту переплатающихся бетонных коридоров они вышли к аккуратному, почти игрушечному автоматическому электроокару, на котором проехали несколько миль с довольно приличной скоростью куда-то вглубь, где вскоре, видимо, кончился глинистый слой и пошли известняки. Кар остановился у входа в ярко освещенный зал, в дальнем конце которого на возвышении стояли трое пещерных жителей. Сперва Роканнуону даже стало стыдно: он, этнолог, не мог отличить одного гдема от другого! Такими в давние времена голландцам показались китайцы, а центаврийцам — русские... Позор! Понемногу он понял, чем отличается от других тот гдем, что стоял в центре: у него было белое властное лицо, все испещренное морщинами, и железная корона на голове.

— Что угодно Властелину Звезд в пещерах Могущественных?

Невыразительность «общего» языка была Роканнуону только на руку. Он ответил столь же официально:

— Я надеялся быть гостем в пещерах гдемьяр, узнать обычай повелителей Ночи, увидеть чудеса, ими сотворенные. Пока этой надежды я не утратил. Но сейчас в вашем мире творится неладное, и я поспешил сюда, сильно обеспокоенный. Поскольку я являюсь полномочным представителем Лиги Миров, то прошу вас отвести меня к звездному кораблю, который Лига преподнесла вам в знак своего доверия.

Ни один из троих и глазом не моргнул. Благодаря тому, что они стояли на возвышении, их широкие, как бы лишенные признаков возраста лица и неподвижные, каменные глаза были сейчас на одном уровне с лицом Роканнона. Зрелице было не из приятных. В конце концов тот, что стоял слева, заговорил на исковерканном межгалактическом, и эта «обстриженная», полудетская речь забавно контрастировала с его мрачно-торжественным каменным лицом:

— Корабля нет.

— А где же он?

Гдем подумал минутку и уклончиво повторил:

— Корабля нет.

— Говори лучше на «общем» языке, — предложил ему Роканнон. — Я прошу вашей помощи, гдемьяр. В этом мире появились враги. Не только Лиги, но и ваши. И если вы допустите, чтобы они здесь остались, ваш мир вскоре будет принадлежать им.

— Корабля нет, — еще раз повторил гдем. Остальные двое стояли рядом молча, как сталагмиты.

— Ну что ж, в таком случае я должен буду передать Лите, что народ гдемьяр не оправдал ее доверия и недостоин участия в великой Войне.

Ответом ему было молчание.

— Доверие должны проявлять обе стороны. Иначе доверия быть не может, — сказал гдем с железной короной на голове, воспользовавшись все же «общим» языком.

— Разве я обратился бы к вам с просьбой о помощи, если бы не доверял вам? — удивился Роканнон. — Хорошо, прошу вас лишь об одном: пошлите свой корабль в Кергелен, только с моим посланием, никого из людей посыпать не нужно — он долетит и сам.

Снова повисло молчание.

— Корабля нет, — снова повторил тот, что слева.

— Пойдем отсюда, Могиен, — сказал Роканнон и повернулся к «глиняным» спиной.

— Те, кто предает Властилинов Звезд, предают и древние обычаи нашего мира, — неторопливо и отчетливо произнес Могиен. — Вы издавна ковали для нас мечи, жители глиняного царства. И мечи эти еще не заржавели. — И, не прибавив больше ни слова, он вместе с Роканном последовал за серыми тенями стражников к электрокару, который повез их обратно по путанице пустых, ярко освещенных коридоров к выходу в мир солнечного света.

Сперва, желая стряхнуть с себя тягостные впечатления, они пролетели несколько миль к западу и только тогда приземлились на берегу лесной речки и стали решать, что делать дальше.

Могиен чувствовал себя виноватым; он, привыкший быть гостеприимным, не оправдал надежд своего гостя! Даже обычное самообладание ему несколько изменило.

— Земляные черви! — возмущался он. — Жалкие трусливые личинки! И никогда ведь прямо не скажут, что у них на уме! Все маленькие народцы такие, даже фийя. Хотя фийя-то как раз доверять можно. Как ты думаешь, «глиняные» не могли отдать корабль врагу?

— Откуда нам знать.

— Мне ясно только одно: корабль они отдали бы только тому, кто заплатит за него двойную цену. Вещи, вещи, вещи. богатство — только и думают, как бы побольше к рукам прибрать! Интересно, что имел в виду тот старик, когда сказал, что доверие должны проявлять обе стороны?

— Мне кажется, гдемьяр считают, что мы — то есть Лига — их обманули, предали. Сперва мы их всячески поддерживали, а потом вдруг бросили на целых сорок пять лет, и даже весточки ни разу не послали, и к себе больше не приглашали — велели самим о себе заботиться. А все я со своими идеями! Хотя гдемьяр-то об этом не знают. Да и с какой стати им оказывать мне одолжение? Сомневаюсь, правда, чтобы они вступили вговор с врагами. Но даже если они и договорились продать им корабль, все равно эти враги смогут сделать с его помощью не больше, а может, и меньше, чем я. — Роканнон, устало опустив плечи, смотрел на сверкающую ленту реки.

— Роканнон, — окликнул его Могиен, впервые обратившись к нему как к представителю своего племени, — тут не далеко, за лесом, живут в неприступном замке Кьодор мои родственники — тридцать сильных ангьяр, вооруженных мечами. И замку принадлежат три деревни ольгяр — «низкорослые» тоже пригодятся, если мы решим наказать этих «глиняных» наглецов...

— Нет, — отрезал Роканнон. — Скажи своим, чтобы присматривали за «глиняными», это не повредит; враги вполне могут их подкупить. Но запретов мы нарушать не станем, и никаких войн между народами вашего мира развязывать тоже не будем. Это было бы совершенно бессмысленно. В такие времена, как сейчас, дорогой мой Могиен, судьба единственного человека не имеет значения.

— А что же тогда имеет? — Могиен удивленно вскинул глаза.

— Господин мой, — обратился к нему молодой стройный ольгя Яхан, — там, среди деревьев, кто-то прячется. — И он указал на тот берег реки, где среди темных лап хвойных деревьев мелькало что-то яркое, пестрое.

— Это же фийя! — воскликнул Могиен. — Ты только на Крылатых посмотри! — Все четыре громадных зверя уже уставились туда, насторожив уши.

— Могиен, правитель Халлана, всегда приходит к народу фийя с миром! — загремел над неглубокой шумливой речкой могучий голос Могиена, и сразу же в сплетении теней на противоположном берегу возникла маленькая фигурка. Каза-

лось, человечек приплясывает среди прыгающих солнечных зайчиков, все время меняя свой облик, пропадая из виду и снова становясь видимым, а когда фийян наконец двинулся к ним, Роканнон показалось, что он идет по реке, «аки по суху» — так легко ступало это хрупкое существо по просвещенному солнцем мелководью. Полосатый кот тут же поднялся и, мягко ступая могучими лапами, подошел к самой кромке воды. Когда фийян вышел на берег, Крылатый склонил к нему огромную мохнатую голову, и крошечный человечек ласково почесал его за ушами. Потом подошел к людям.

— Приветствуешь тебя, наследный правитель Халлана, солнцеволосый носитель мечей! — Голосок был нежный, слабый, как у ребенка, да и обликом своим фийян напоминал ребенка, вот только лицо его, на котором светились странные, большие и светлые глаза, было исполнено мудрости и печали. Глаза эти на мгновение остановились на Роканноне: — Приветствуешь тебя, гость Халлана, Властелин Звезд и Странник!

— Фийя знают все имена и все новости, — улыбнулся Могиен, но маленький фийян не улыбнулся в ответ. Это прямо-таки поразило Роканнона. Он не раз бывал в деревнях фийя, хотя и не оставался там надолго. Это был исключительно веселый народ.

— О, Властелин Звезд, — вновь зазвучал нежный негромкий голос незнакомца, — кто направляет те корабли, что приносят смерть?

— Приносят смерть? Кому? Фийя?

— Погибла вся моя деревня, — сказал крошечный человечек. — Я в это время был со стадом высоко в горах и там услышал их мысленный зов. Я поспешил к ним... Я увидел, как горят наши дома и люди вместе с домами... Они кричали, звали на помощь... А над деревней висели два корабля с врачающимися крыльями и плевались огнем. Теперь я остался один и вынужден всегда говорить вслух. Там, где в душе моей жили раньше голоса сородичей, теперь ревет пламя и ничьих голосов больше не слыхать! Зачем они убили их, господа мои?

Он переводил взгляд с Роканнона на Могиена, но оба молчали, и фийян вдруг согнулся, точно его смертельно ранили, присел на корточки и закрыл руками лицо.

Могиен возвышался над ним — обе руки на рукоятях мечей, вне себя от гнева.

— Клянусь, что отомщу тем, кто уничтожил маленьких

фийя! Скажи, Роканнон, разве это возможно? У фийя нет даже мечей, чтобы защитить себя! Нет у них и богатств. И никогда не было врагов. И вот перебита целая деревня! Сожжена! Мертвы все те, с кем этот бедняга мог поговорить без слов! Всем известно, что ни один фийян не может жить без своих соплеменников. Оставшись одни, они умирают! Зачем они уничтожили всю его деревню?

— Чтобы все знали, как они сильны, — хрипло буркнул Роканнон. — Давай возьмем его с собой, Могиен.

Правитель Халлана опустился на колени перед маленьким скрючившимся на земле фийяном.

— Друг мой, садись со мной в седло. Я не умею говорить без слов, как твои близкие, но и сказанные вслух слова тоже кое-что значат порой.

Молча уселись они на Крылатых — маленький фийян, словно ребенок, сидел перед Могиеном, — и четыре огромных зверя снова взмыли в небеса. Влажный южный ветер, приносящий дожди, был для них попутным, и уже к вечеру следующего дня за бьющими в воздухе крыльями летучего кота Роканнон увидел мраморную лестницу, вьющуюся по лесистому склону горы, знакомый мост над пропастью и высокие башни замка Халлан, залитые закатными лучами и отбрасывавшие длинные тени.

Обитатели замка, светловолосые хозяева и темноволосые слуги, мгновенно собрались во дворе вокруг путешественников и поспешили сообщить, что неподалеку сожжен замок Реохан и все его обитатели перебиты. Как выяснил Роканнон, и туда прилетали вертолеты с вооруженными лазерным оружием людьми; воины и земледельцы замка Реохан не успели даже мечами взмахнуть — их перебили мгновенно. Жители Халлана были вне себя от горя и отчаяния, однако, увидев в седле Могиена маленького фийяна и узнав, почему он прилетел в их замок, многие из них почувствовали, как возмущение в их душах сменяется страхом. Многие из них, будучи жителями самого северного из замков ангъяр, никогда фийя не видели, но знали, что этот народец всегда воспевался в сказках и легендах и что нападать на фийя всегда было строжайшим образом запрещено. Если уничтожение — страшное, кровавое — обитателей одного из замков ангъяр все же как-то еще можно было объяснить с позиций их философии воителей, то нападение на беззащитных фийя они воспринимали как святотатство. Страх и гнев в их душах слились воедино. Поздно вечером Роканнон, уже поднявшись в свои покой, слышал, как в парадном зале обитатели

замка Халлан все еще продолжают громогласно клясться в том, что изгонят и уничтожат проклятого врага, и извергать потоки сложных метафор и гром гипербол. Ангъяр вообще были довольно хвастливы, не говоря уж об их мстительности, зазнайстве и упрямстве — недаром в их бесписьменном языке отсутствовала форма «не могу»! Не было у этого народа также никаких богов — только герои.

И вдруг сквозь доносившийся снизу шум Роканнон услышал совсем рядом чей-то голос; от неожиданности он снова чуть не сбил настройку радиопередатчика — так сильно дернулась его рука. Наконец-то ему удалось поймать частоту, на которой переговаривались эти бандиты! Голос продолжал звучать, однако язык был Роканнону не известен. Что ж, было бы слишком большой удачей, если бы враги еще и пользовались межгалактическим. Жители входивших в Лигу миров разговаривали на сотнях тысяч различных языков и диалектов, а языки присоединенных планет, вроде этой, были еще практически не изучены. Голос явно читал какой-то список — Роканнон различил знакомые числительные; числительные в межгалактическом языке принадлежали планете Тау Кита, математические достижения которой оказали огромнейшее влияние на все входящие в Лигу миры; многие из них также использовали в своих языках эти числительные. Роканнон напряженно вслушивался в незнакомую речь, однако ничего, кроме череды цифр, различить в ней не мог.

Вдруг голос смолк; в передатчике слышалось лишь легкое шипение.

Роканнон посмотрел на маленького фийяна, который, скрестив ноги, молча сидел на полу у зарешеченного окна башни. Он сам попросил у Роканнона разрешения остаться в его комнате.

— Это голос врагов, Кью.

Лицо человечка не дрогнуло.

Ангъяр обычно называли фийя по названиям их деревень, поскольку считалось, что у этих маленьких существ, возможно, вообще нет собственных, так сказать индивидуальных, имен.

— А если ты очень постараешься, Кью, то не сможешь ли разобрать мысли наших врагов? — спросил Роканнон, почти ни на что не надеясь. Он знал по своим кратким посещениям деревень фийя, что этот народ редко отвечает на заданные вопросы прямо, предпочитая улыбаться и отвечать весьма уклончиво. Однако Кью ответил ему сразу — видно, фийяну

было трудно ориентироваться в чуждой ему стихии устной речи.

— Я не смогу, Властелин Звезд, — печально сказал он.

— А с обитателями других деревень фийя ты без слов говорить можешь? — снова спросил Роканнон.

— Немножко. Если бы я среди них жил, тогда может быть... Фийя иногда живут в чужих деревнях. Говорят даже, что когда-то фийя и гдемьяр могли разговаривать друг с другом без слов, как один народ, но только все это было очень, очень давно. А еще говорят... — Он вдруг умолк.

— Твой народ и «глиняные» действительно были когда-то едины, — сказал Роканнон. — хотя теперь вы совсем друг на друга не похожи. Ну, что еще говорят, Кью?

— Говорят, что давным-давно на юге, высоко в горах, среди серых мхов и камней, жили те, кто мог разговаривать без слов со всеми обитателями нашего мира. Они слышали мысли всех живых существ, эти Древние... Но мы-то давно спустились с горных вершин и живем — кто в долинах, кто в пещерах. Мы забыли о трудной жизни в горах.

Роканнон задумался. Он и не знал, что к югу от Халлана есть какие-то горы! Он даже взял было карманный галактический справочник, но тут шипение в передатчике прекратилось, и тот же голос зазвучал вновь, только чуть слабее и временами прерываясь из-за помех; теперь голос взывал на межгалактическом:

— Вызываю номер шестой. Вызываю номер шестой. Отзовитесь. Вызывает Фуайе. Отзовитесь. Номер шестой... — Голос еще долго бубнил, на несколько секунд замолкая и начиная снова монотонно вызывать на связь некий «номер шестой». — Вызывает Фрайди... Нет- нет, это Фрайди говорит... Вызывает Фуайе, номер шестой, вы на месте? Суперсветовые прибывают завтра, мне необходим полный отчет о состоянии «семь-шесть» и о сетях. Номер шестой, вы меня слышите? Оставьте свой великолепный план восточному подразделению, пусть они его выполняют. Вы слышите меня? Завтра состоится сеанс связи по ансиблю с Базой, так что мне необходима ваша информации о состоянии «семь-шесть» немедленно. И совершенно необязательно... — Какие-то помехи помешали Роканнону расслышать продолжение этой фразы, а когда голос возник вновь, то слышны были лишь отдельные слова. Потом вдруг послышался новый голос, похоже, более близкий. Говорили на неизвестном Роканнону языке. Он внимательно вслушивался; рука его так и застыла на справочнике. Неподвижный фийян еле виднелся в тем-

ном углу напротив. Голос произнес две пары чисел, потом Роканнон уловил еще одно знакомое слово — «градусы». Он быстро записал числа, а потом, все еще внимательно вслушиваясь в чужую речь, открыл справочник на странице, где была карта Фомальгаута-II.

Так, записал он числа 28, 28-121 и 40. Возможно, градусов. Если предположить, что это координаты... Он шарил глазами по карте. Потом отметил найденную точку карандашом — сперва она оказалась прямо посреди океана. Но потом, когда он попробовал цифры 121-28, то карандаш его уперся в южные отроги горной гряды, примерно посередине Юго-западного континента. Он молча уставился на карту. Голос в передатчике смолк.

— Что случилось, Властелин Звезд?

— По-моему, я понял, где их База. Может быть... И там у них точно есть ансибль. — Он нсвидящим взором посмотрел на Кью, потом снова на карту. — Если они действительно там... если бы я сумел туда добраться и расстроить их планы... если бы мне удалось передать Лиге всего одну фразу с помощью их ансибля... если бы я сумел...

Юго-западный континент описан только с помощью аэрофотосъемки, и на картах отмечены лишь самые крупные горы и реки да линия побережья. А это значит — сотни квадратных километров неизведанной территории! Да к тому же он всего лишь догадывается, что враг там...

— Но не могу же я сидеть сложа руки! — взорвался Роканнон. Он поднял голову и снова встретился с ясными глазами ничего не понимавшего фийяна.

Вскочив, Роканнон принял мерить шагами каменный пол. Радио снова зашипело, послышался совсем тихий голос.

Преимущество у него одно: враг никак его не ждет. Они ведь считают, что планета полностью принадлежит им. Но, к сожалению, никаких иных преимуществ у него нет.

— Ох, как мне хочется ударить по ним их же оружием! — вырвалось у него. — Пожалуй, я все-таки попробую их найти. Там, в этих южных землях... Знаешь, Кью, ведь и моих товарищей убили эти чужаки. Мы с тобой оба осиротели и оба говорим на чуждом нам языке. Мне бы очень не хотелось расставаться с тобой.

Он и сам не понял, почему вдруг сказал эти слова.

Тень улыбки скользнула по лицу фийяна. Он поднял руки и широко раскинул их, словно раскрывая объятия. Пламя свечей в подсвечниках колебалось, по стенам метались тени.

— Да, так было предсказано: Странник сам выберет себе друзей, — сказал фийян. — Правда, на время.

— Странник? — переспросил Роканнон, но на этот его вопрос Кью не ответил.

Глава 3

Хозяйка замка медленно пересекла высокий зал, пышные юбки шуршали по каменному полу. Смуглая кожа ее с годами потемнела, точно на старой иконе; светлые волосы стали белыми. Но все же она была еще хороша — все женщины ее рода отличались необычайной красотой. Роканнон поклонился и приветствовал Хальдре в соответствии с обычаями ангьяр:

— Приветствуешь тебя, Хозяйка Халлана, дочь Дурхала, Хальдре Золотоволосая!

— Приветствуешь тебя, Роканнон, гость мой, — откликнулась она, спокойно на него глядя. Как практически все мужчины ангьяр, да и многие женщины, Хальдре была значительно выше его ростом. — Скажи, зачем ты направляешься на юг? — Она снова медленно пошла через зал, и Роканнон шел с нею рядом. В зале было темновато: темный камень стен, темные ковры на высоких стенах, холодный свет раннего утра, едва пробивающийся в узкие, похожие на бойницы окна, полуоткрытые черными ставнями.

— Хочу отыскать своих врагов, госпожа моя.

— А когда найдешь?..

— Когда найду, то... попробую проникнуть в их замок и воспользоваться их... у них есть такая машина, с помощью которой я мог бы послать Лиге послание, предупредить, что они здесь, в вашем мире. Они неплохо спрятались — вряд ли кто-нибудь смог бы их здесь отыскать: ведь во Вселенной миров столько же, сколько песчинок на морском берегу. Но отыскать их нужно непременно! Они уже причинили немало зла здешним народам, а вскоре причинят и куда более страшное зло.

Хальдре понимающе склонила голову.

— А это правда, что ты пойдешь налегке, взяв с собой всего несколько человек?

— Да, госпожа. Путь туда далек, нужно переплыть море. Да и в борьбе с врагом я надеюсь побудить скорее умением, а не силой.

— Тебе понадобится не только уменис. Властелин Звезд, —

сказала старая Хальдре. — Что ж, пусть с тобой отправятся четверо верных наших слуг. Хватит ли тебе четверых? А еще я дам тебе двух Крылатых под поклажу и шесть — под седло да прибавлю парочку серебряных слитков — на тот случай, если тамошние варвары потребуют платы за то, что приютят тебя и моего сына Могиена.

— Так Могиен едет со мной? Этот твой дар для меня дороже всех остальных, Хозяйка Халлана!

Некоторое время Хальдре смотрела на него — печально, но ясно и твердо.

— Я рада, что доставила тебе удовольствие, Властелин Звезд. — Она снова начала прохаживаться по залу, и Роканон шел с нею рядом. — Могиен только и думает, что об этом походе: он любит тебя и мечтает о приключениях. А ты, великий Властелин, идя навстречу грозной опасности, хотел бы, чтобы мой сын отправился с тобою. Что ж, по-моему, вы должны пойти вместе. Но вот что я скажу тебе, здесь, сейчас, в этом зале, а ты запомни и не бойся моих упреков, когда вернешься: вряд ли сыну моему суждено вернуться с тобой вместе.

— Но, госпожа моя, он ведь наследник Халлана!

Хальдре не ответила; прошла через весь зал, развернулась у стены, завешанной потемневшими от времени гобеленами, на которых изображены были крылатые великаны, сражающиеся со светловолосыми людьми, и пошла обратно. Потом наконец заговорила снова:

— Ничего, Халлан найдет себе другого наследника. — Голос ее звучал спокойно и горько. — Снова среди нас появляетесь вы, Властелины Звезд, и приносите новые обычай и новые войны. Замок Реохан обращен в прах. Сколько стоять Халлану? Наш мир теперь кажется мне всего лишь песчинкой на берегу Ночи. Все меняется, но в одном я по-прежнему уверена: проклятие тяготеет над моим родом. Мать моя, которую ты знал когда-то, сошла с ума и заблудилась в лесу; отец мой погиб в бою, мой муж стал жертвой предательства, а когда я носила под сердцем своего сына, то не могла подавить горьких предчувствий, понимая, что жизнь его будет короткой. Сам он не печалится об этом — ведь он англь, у него два меча. Ну а моя роль по воле недоброй судьбы сводится к тому, чтобы в одиночестве править этим ветшающим замком и жить, жить, жить, пережить всех... — Она вдруг умолкла и не сразу заговорила снова: — Тебе, возможно, понадобится куда больше денег, чем есть у меня, чтобы — кто знает? — выкупить, может статься, свою жизнь. Возьми это.

Я отдаю его тебе, Роканнон, — не своему сыну Могиену. Зло, связанное с этим ожерельем, не должно тебя коснуться. Да и разве не тебе оно принадлежало в городе, что лежит по ту сторону Ночи? Нам это сокровище ничего не дало, кроме тяжкого бремени и темных теней. Я возвращаю его тебе, Властелин Звезд; используй его, как найдешь нужным — как выкуп или как дар. — И она расстегнула золотую цепь и сняла со своей груди великолепное ожерелье с синим сверкающим камнем, которое стоило ее матери жизни, и протянула его на ладони Роканнону. Он взял ожерелье, и у него мурashки по спине побежали от тихого шуршания золотой цепи. Когда он поднял глаза на Хальдрс, она смотрела прямо на него, и ее ясные синие очи в полумраке зала казались черными. — Все, Властелин Звезд. Бери с собой моего сына и ступайте своим путем. И пусть сгинут враги твои, не оставив наследников!

Чадящее пламя факелов, мечущиеся по стенам замка тени, рычание Крылатых, голоса людей — все осталось далеко внизу, стоило полосатому зверю несколько раз взмахнуть крылами. Халлан светлячком светился на темном крутом склоне горы; кругом стояла тишина, лишь едва слышно вздымались и опускались крылья, да в лицо Роканнону с легким свистом бил поток встречного воздуха. Восточный край неба у них за спиной уже начинал светлеть, и Большая звезда горела ярко, предвещая рассвет, хотя до восхода было еще далеко. На этой планете, где сутки длились целых тридцать часов, все происходило неторопливо — закаты и восходы, долгие ночи и ясные дни. И времена года тоже сменяли друг друга без излишнейспешности, горделиво приходя каждое в свой чред; сейчас как раз наступало весеннее равноденствие — впереди были четыреста дней весны и лета.

— О нас еще сложат песни и будут петь их в высоких замках, — сказал Кью, сидевший у Роканнона за спиной. — И в песнях этих будет говориться о том, как Странник с товарищами взлетели в небо и понеслись на крыльях весеннего ветра в предутренней мгле... — Он даже засмеялся. Внизу под ними, точно великолепно расписанные серые шелка, расстилались холмы и плодородные долины владений ангьяр; земля начинала понемногу светлеть, постепенно пропадали яркие краски, четкие тени — это солнце, величественно поднимаясь над горами, высвечивало все своими лучами.

Они летели к морю вдоль русла реки и в полдень спустились немного отдохнуть на ее берегу. А к вечеру увидели не-

большой замок на вершине холма, очень похожий на все остальные замки ангъяр, где и решили переночевать. Замок стоял в излучине той же реки, и его владелец радушно принял гостей. Обитатели замка с трудом сдерживали любопытство, вызванное появлением столь странного отряда. Прежде всего их интересовали фийян и странный человек, одетый, как правитель замка, но без мечей и со светлой, как у ольгъяр, кожей. Да и говорил он с каким-то странным акцентом. Однако и фийян и странный незнакомец путешествовали вместе с правителем Халлана и его четырьмя слугами. Честно говоря, смешанные браки и адюльтеры были весьма распространены между ангъяр и ольгъяр, просто высокородным владельцам замков не хотелось в этом признаваться. Сплошь и рядом можно было встретить светлокожих воинов в сопровождении золотоволосых служ. Но прибывший вместе с правителем Халлана Странник был какой-то другой породы. Роканнон ничего о себе рассказывать не стал, не желая распространения известий о своем прибытии в эти края, а хозяин замка расспрашивать о нем наследника Халлана и его товарищей так и не решился. Если он когда-либо и узнал о том, кто были его загадочные гости, то лишь из легенды, которую сложили бродячие певцы и артисты много лет спустя.

Весь следующий день семь путешественников провели в полете над сказочно прекрасными землями, а переночевали в деревушке ольгъяр на берегу реки. На третий день они очутились в таких местах, которые не были знакомы даже Могиену. Река здесь поворачивала к югу, образуя обширную дельту, состоявшую из множества рукавов; в излучинах блестели болотца и озера. Холмы постепенно сглаживались, уступая место просторным равнинам, а в небе у самого горизонта виднелось бледное сияние — отраженный свет моря, которое они и увидели к концу дня, когда вылетели на простор побережья, где среди серых песчаных дюн виднелись глубоко врезавшиеся в сушу заливы и бухты. На вершине белого утеса они заметили одинокий замок и решили спуститься.

Спешившись, усталый, с затекшей спиной и ватными ногами, оглохший от долгого полета и сильного ветра Роканнон глядел на этот замок и думал, что в жизни не видел столь жалкого строения; к замку жались деревенские домишкы, похожие на выводок цыплят под крылом у квочки. Уложки в деревне были кривые; из каждой щели на путников смотрели глаза бледных и каких-то особенно низкорослых и коренастых ольгъяр.

— Похоже, тут «глиняные» немало своей крови добави-

ли, — заметил Могиен. — А вот и ворота. Это, должно быть, Толен, если нас не снесло ветром в сторону. Эй! Правители Толена! Гости стоят у ворот вашего замка!

Но из замка не донеслось ни звука.

— Качает ветер ворота эти, — сказал Кью, и они заметили, что ворота и в самом деле не заперты; их провисшие створки из окованного бронзой дерева отсырели и болтались на ржавых петлях, поскрипывая на холодном морском ветру, насквозь продувавшем селение. Могиен ткнул в дерево острием ножа — ворота отворились, и изнутри пахнуло сыростью. Там было темно, слышалось подозрительное шуршание и хлопанье крыльев.

— Ну что ж, правители Толена, видно, не дождались своих гостей, — сказал Могиен. — Яхан, поговори-ка с этими уродами да постараися найти нам место для ночлега.

Юноша подошел к собравшимся кучкой на дальнем краю двора деревенским жителям, которые продолжали плятить глаза на путников. Наконец один из них решился и, без конца кланяясь и извиваясь, точно морская водоросль, с униженным видом стал что-то объяснять Яхану на диалекте ольгъяр. Роканнон немного понимал его речь и догадался, что этот старик пытается уверить Яхана, что их деревня — неподходящее место для столь высоких гостей. Для «педанаров», так он сказал. «Интересно, — подумал Роканнон, — что это значит?» Высокий ольгъя Рахо тоже подошел к ним и что-то сказал местным довольно сердито, но старик только приседал и кланялся, продолжая бормотать свое, пока наконец в переговоры не вступил Могиен. По законам ангъяр ему не полагалось разговаривать с подданными другого правителя, однако он настолько красноречиво обнажил один из своих мечей и взмахнул им, так что клинок засверкал в холодном, отражавшемся от морской воды свете небес, что деревенские сразу примолкли. Могиен с мечом в руке двинулся по окутанной уже сумерками узкой улочке; остальные путешественники пошли за ним, ведя на поводу своих Крылатых. Сложеные крылья огромных зверей то и дело задевали крыши низеньких крытых тростником хижин.

— Кью, что значит «педанар»? — спросил Роканнон.

Но фийян только улыбнулся в ответ. Пришлося обратиться к Яхану.

— Видите ли, господин мой, педан — это... тот, кто странствует среди людей, — ответил тот неуверенно.

Роканнон кивнул, пока было достаточно и этого объяснения. Раньше, когда он еще только начинал исследовать

нравы и обычаи этого народа, не превратившись еще в их прямого союзника и защитника, он все пытался обнаружить у них хоть какие-нибудь зачатки религии. Похоже, никаких религиозных представлений у лийяр не было вовсе. Но в то же время они были чрезвычайно доверчивы и впечатлительны. Они воспринимали всякие заклятия и проклятия, колдовство и таинственные силы как нечто само собой разумеющееся, да и вообще их отношение к природе было абсолютно анимистическим — одушевляли они все подряд, но богов у них не было. Слово «педан», похоже, отчасти имело оттенок чего-то сверхъестественного. Хотя в этот момент Роканнону даже в голову не пришло, что сверхъестественным эти люди могут считать его самого.

Понадобились три жалкие хижины, чтобы как-то разместить семерых путников, а Крылатые вообще ни в один из домов не влезали, так что их пришлось привязать снаружи. Звери сбились в кучку и распушили шерсть, стараясь согреться на пронизывающем морском ветру. Крылатый Роканнона принял даже царапать стену хижины, жалобно подывая, так что Кью вышел и стал чесать ему за ушами.

— Бедняги, что-то еще ждет их впереди, — сказал Могиен, посмотрев на Крылатых, и уселся рядом с Роканноном у примитивного земляного очага, который немного согревал холодное помещение. — Знаешь, они ведь очень воды боятся, просто ненавидят ее.

— Да, ты еще в Халлане говорил, что через море Крылатые не полетят, а в этой деревне вряд ли найдется лодка, которая выдержала бы их вес. Как же мы переберемся через пролив?

— У тебя с собой тот рисунок, на котором изображена наша страна? — спросил Могиен. Географических карт ангъяр не знали, и Могиен пришел в восторг, увидев в карманном справочнике Роканнона карты различных районов своего мира. Роканнон вытащил справочник из старой кожаной сумки, верной своей спутницы во время всех странствий по иным мирам. В сумке были самые необходимые вещи из числа тех, что были у него при себе в Халлане, когда разбомбили их корабль, — галактический справочник, дневники, кое-какая одежда, оружие, аптечка, радиопередатчик, миниатюрные земные шахматы и потрепанный томик хайнской поэзии. Сперва он положил в сумку и сапфировое ожерелье, но прошлой ночью, вспомнив вдруг, какую цену заплатили за это сокровище, он сделал из мягкой замши мешочек, положил в него ожерелье и повесил на шею под рубашку, чтобы

выглядело, как амулет. Теперь ожерелье Семли могло потеряться только вместе с его собственной головой.

Длинным загрубелым пальцем Могиен обвел контуры двух западных континентов в том месте, где они были как бы обернуты друг к другу лицом: самую южную часть владений ангьяр с двумя глубокими заливами и далеко выдающимся в море полуостровом, а через пролив — самую северную оконечность Юго-западного континента, который сам Могиен называл Фьерн.

— Вот сейчас мы здесь, — сказал Роканнон и положил рыбий позвонок, оставшийся после ужина, на самый конец полуострова.

— А здесь, если верить этим деревенским дурням, которые, кроме рыбы, ничего в жизни не пробовали, должен быть замок Пленот. — Могиен положил второй позвонок примерно в сантиметре от первого, чуть выше. и полюбовался им. — Здорово похоже на башню замка, когда сверху смотришь, правда? Вот вернемся в Халлан, и я пошлю сотню человек верхом на Крылатых, чтобы они все эти земли зарисовали, а потом прикажу высечь на каменной плите такую картину — все владения ангьяр. В этом Пленоте, по-моему, должны быть большие лодки, а может, и корабли. Возможно, это правитель Пленота захватил суда Толена. Эти два небогатых правителя всегда спорили из-за своих территорий, вот почему Толен ныне стоит пустой, и в нем только ветер гуляет да кроется тьма. По крайней мере, так сказал Яхану тот старишкаша.

— А правитель Пленота одолжит нам лодки?

— Ничего он нам не одолжит! Мы его считаем заблудшим.

То есть, по законам ангьяр, правитель считался изгояем, если ему неведомы были традиционные понятия гостеприимства, благодарности и возмездия.

— У него всего два Крылатых, — презрительно сказал Могиен, снимая меч. — А замок, говорят, и вовсе из дерева.

Наутро, когда они подлетали к деревянному замку Пленот, стража на башне сразу заметила их, и в воздух поднялись оба тамошних Крылатых, начав описывать над башней круги, а из бойниц высунулись лучники, готовые стрелять. Хозяин замка явно не желал принимать гостей. Только теперь Роканнон понял, почему на всех замках ангьяр крыши так сильно нависают над стенами, образуя козырьки, отчего внутри всегда темно, точно в пещере: так обитатели замков защищаются от нападений с воздуха. Замок Пленот оказался

совсем небольшим и еще более жалким, чем Толен; при нем не было даже деревушки ольгъяр, и он, нахохлившись, торчал на черной скале над самым морем. Роканнон все же сомневался, что они в шестером сумеют взять этот замок, если им будет оказано сопротивление. Он проверил, крепко ли пристегнуты седельные ремни, которыми крепятся ноги всадника у бедра, перехватил поудобнее длинное боевое копье, которым его снабдил Могиен, и послал сам себя к черту, надеясь на удачный исход боя. Все-таки для подобных передряг он, пожалуй, уже не годился: сорок три стукнуло.

Могиен, лествящий далеко впереди на своем черном звере, поднял копье и издал боевой клич. Полосатый тут же опустил огромную голову и быстрее замахал своими могучими черно-серыми крыльями, похожими на огромные опахала; длиннос, покрытое пушистой шерстью легкое тело его было напряжено; Роканнон чувствовал, как бьется могучее сердце зверя. Ветер свистел у него в ушах, ему казалось, что и эта башня, крытая тростником, и ревущие грифоны над нею тоже несутся ему навстречу. Взяв копье на изготовку, Роканнон прильнул к спине Крылатого. Упоение битвой, какой-то первобытный восторг переполнял его; он даже слегка засмеялся, опьянев от ветра. Все ближе, ближе маячила башня с кружащими над ней крылатыми стражами, и вдруг, издав пронзительный вопль, Могиен метнул свое копье, серебристой молнией мелькнувшее в воздухе. Копье попало точнехонько в грудь одному из всадников, и тот, не удержавшись в седле, вылетел через круп своего Крылатого, порвав пристяжные ремни, и стал падать с высоты три сотни футов прямо в кремовые волны прибоя, набегавшие, казалось, почти беззвучно на прибрежные скалы. Могиен пролетел мимо оставшегося без всадника Крылатого и вступил в схватку со вторым стражем, пытаясь поразить его мечом; тот отбивал удары копьем, которое почему-то не метнул раньше, а держал наперевес. Слуги-ольгъяр кружили чуть поодаль, но в поединок не вмешивались, хотя и были готовы в любой момент прийти на помощь своему господину. Их Крылатые, похожие на довольно-таки жутких голубей, кружили довольно высоко от земли, чтобы стрелы лучников, прятавшихся на стенах замка, не могли пробить кожаные подбрюшники. Но вдруг все четверо слуг, издав леденящий душу вопль, резко бросили своих зверей вниз и присоединились к Могиену. Какое-то время Роканнон не видел ничего, кроме мелькания белых крыльев и сверкания клинков. Потом из этой мешанины выпала человеческая фигура, которая, словно пытаясь

повиснуть в воздухе и полететь, нелепо дергала руками и ногами, но падение продолжалось, и вскоре несчастный удалился о крышу замка и соскользнул на камни внизу.

Только теперь Роканнону стало ясно, почему ольгъяр вмешались в поединок: стражник, нарушив все правила, ударили копьем не всадника, а Крылатого. Черный зверь, на крыле которого расплывалось багровое пятно, устремился в дюны. Оставшиеся без седоков Крылатые из замка понеслись в сторону Роканнона, надеясь, совершив круг, спуститься и укрыться за стенами замка. Ольгъяр гнались за ними, и Роканон бросился на подмогу, оказавшись прямо над тростниковыми крышами замка. Он видел, как Рахо, ловко метнув веревку, поймал одного из беглецов; в ту же минуту он почувствовал, как что-то ужалило его в ногу. Он так и подпрыгнул в седле, отчего Крылый под ним взволновался еще больше и, несмотря на тугу натянутые поводья, выгнул спину дугой, а потом, впервые ослушавшись седока, встал на дыбы. Кругом, точно рой диких пчел, жужжали и пели стрекозы. Мимо Роканнона с дикими криками и смехом пронеслись халланские ольгъяр и Могиен верхом на желтом с дикими глазами Крылатом из числа захваченных. Полосатый зверь Роканнона сразу выпрямил спину и полетел за ними.

— Лови, Властелин Звезд! — пронзительно крикнул ему Яхан, и Роканон увидел летящую прямо на него комету с черным хвостом. Он поймал ее — скорее из чувства самозащиты — и обнаружил, что это зажженный факел. Держа его в руке, он присоединился к остальным, которые кружили над башней, намереваясь поджечь се тростниковую крышу и деревянные балки.

— У тебя из левой ноги стрела торчит! — крикнул ему Могиен, пролетая мимо. Роканон только рассмеялся в ответ каким-то безумным смехом и ловко зашвырнул свой факел прямо в бойницу, из которой высовывался лучник. — Вот это бросок! — восхитился Могиен, резко бросил свое го Крылатого вниз, коснулся крыши и снова взлетел. Вслед ему взметнулись языки пламени.

Потом Роканон увидел Яхана и Рахо, прижимавших к груди целые охапки горящих факелов, которые бросали всюду, где виднелась тростниковая кровля или деревянные постройки. Башня пылала, вверх взлетали снопы искр; Крылатые, устав от бесконечного осаживания, раздраженные жалящими даже сквозь густой мех искрами, со злобным, ледяющим душу ревом бросались на крыши замка. Фонтан стрел снизу иссяк; во двор из замка выбежал человек, прикры-

вавший голову чем-то вроде большой деревянной миски. В руках он держал нечто, показавшееся Роканнону сперва зеркалом, но потом выяснилось, что это еще одна миска, полная воды. Дергая за повод желтого Крылатого, который все норовил спуститься в родное стойло, Могиен подлетел к человеку поближе и крикнул:

— Эй, говори быстрее! Мои люди уже новую порцию факелов поджигают!

— Откуда ты, господин мой!

— Из Халлана!

— Я, правитель Пленота, прошу позволить мне потушить пожар.

— Ладно! Но ты вернешь мне похищенное тобой добро из замка Толен, а также вернешь и его обитателей. Живыми!

— Да будет так! — Человек, так и не вылив воду из миски, бросился назад в замок.

Нападающие отлетели к дюнам и оттуда смотрели, как обитатели замка, выстроившись цепочкой до моря, передают полные ведра и заливают пламя. Башня успела выгореть дотла, но стены и основное строение уцелели. Людей в замке было не больше двадцати пяти человек, включая женщин. Когда огонь был потушен, небольшая их группа осторожно приблизилась к дюнам. Впереди шел высокий худой человек с кожей темно-орехового оттенка и светлой рыжеватой шевелюрой типичного ангоя. Следом за ним шли два воина в деревянных шлемах — в точности таких, как тот, который Роканнон принял за миску. Еще дальше тащились человек шесть мужчин и женщин с удивительно покорным, точно у овец, выражением лиц. Высокий человек обеими руками поднял глиняную чашу с водой и сказал:

— Я Огорен из Пленота, хозяин этих владений.

— Я Могиен, наследник Халлана.

— Жизни обитателей Толена теперь в твоей власти, господин мой. — Огорен кивнул в сторону шестерых оборванцев. — А вот богатств там не было никаких.

— Там были две длинные лодки, заблудший.

— Ну да, ну да, еще бы! Когда дракон прилетает с севера, он все видит! — Вид у Огорена был довольно кислый. — Суда, принадлежавшие Толену, теперь твои, господин мой.

— Ладно уж, — смягчился Могиен, — отведи суда к пристани Толена и получишь назад своих Крылатых.

— А кто второй, кто этот благородный ангоя, что оказал мне честь быть побежденным в бою с вами? — спросил Огорен, поглядывая на Роканнона, который представал перед ним

во всем великолепии бронзовых доспехов истинного воина-ангъя, однако без мечей. Могиен посмотрел на друга в замешательстве, и тот выпалил первое, что пришло в голову: имя, которым назвал его Кью: Странник, Олхор.

Огорен изумленно посмотрел на него, потом отвесил каждому из странных ангъяр поклон и промолвил:

— Чаша полна.

— Да не прольется ни капли воды, да не нарушится наш договор! — откликнулся Могиен.

Огорен тут же повернулся и устремился вместе со своей стражей к дымящемуся замку, даже не взглянув на освобожденных пленников, сгрудившихся на вершине одной из дюн. Могиен бросил:

— Отведите в деревню моего Крылатого, у него ранено крыло.

И, оседлав желтого зверя, тут же полетел прочь. Роканнон за ним. Взлетев, он обернулся: несчастные обитатели замка Толен понуро брали к границе своих жалких владений.

К тому времени, как он добрался до Толена, боевой задор в нем несколько поостыл, и он снова начал ругать себя. Дело в том, что, спустившись на вершину дюны, он обнаружил, что стрела действительно попала ему в ногу, но боли особой не чувствовал, пока он не дернул за нее как следует, даже не посмотрев, нет ли на ее наконечнике зазубрин. Однако они там оказались. Он знал наверняка, что ангъяр ядами не пользуются, и все же опасность заражения крови была вполне реальной. Забыв об осторожности при виде доблести и отваги, которые проявляли в бою его спутники, Роканнон постыдился надеть свой защитный костюм, который был практически невидим глазу, хотя костюм этот был неуязвим даже для лазерного пистолета. И вот теперь он запросто мог умереть в какой-то жалкой дыре из-за паршивой царапины! Болван! А еще собирался спасти целую планету, хотя о собственной шкуре как следует позаботиться не может!

Старший из слуг-ольгъяр, спокойный полный парень по имени Иот, вошел в его хижину и, не говоря ни слова, быстро опустился на колени, ловко промыл и перевязал ему рану. За ним вошел Могиен, все еще одетый в латы. В шлеме с высоченной эгидой он был, казалось, чуть ли не трехметрового роста, а нагрудник лат под плащом делал плечи невероятно широкими, точно он прятал там сложенные крылья. Следом протиснулся Кью, похожий на притихшего ребенка среди свирепых воинов. Потом пришли Яхан и Рахо, а потом и юный Биен, так что хижина чуть не рухнула, когда все они

осторожно присели на корточки у очага. Яхан наполнил семь чаш, деревянных в серебряной оправе, и Могиен торжественно передал каждому его чашу. Выпили. И Роканнон сразу почувствовал себя лучше. Могиен стал участливо спрашивать его о ране, и ему стало почти совсем хорошо. Они пили вассан, а в дверь то и дело заглядывали и исчезали бледные лица перепуганных и восхищенных деревенских жителей. Роканнон пребывал в исключительно благодушном настроении; ему уже казалось, что он вел себя действительно как герой. Они поели, потом еще выпили, а потом Яхан встал и прямо здесь, в этой душной хижине, провонявшей дымом, жареной рыбой, смазкой для упряжи и потом, запел, аккомпанируя себе на бронзовой лире. Он пел о Дурхольде из Халлана, который освободил пленников Корхальта среди болот Борна в те далекие дни, когда владениями ангъяр правил Красный король. Пропев под конец родословную каждого из героев, участвовавших в той славной битве, он без перехода запел об освобождении плененных обитателей Толена и о сожжении башни Пленота — тем самым факелом, который Странник бросил, не убоявшись града стрел; воспел он и меткий, необычайной силы удар копьем, который нанес наследник Халлана Могиен, уподобившийся славному своему предку, не знаяшему промахов метателью копий Хендину. Роканнон был уже совершенно пьян и страшно доволен собой. Песня несла его, точно полноводная река, и он чувствовал себя полностью принадлежащим этому миру, ради которого пролил кровь и в который явился когда-то как чужой, переплыv через океан Ночи. Вот только порой, ощущая присутствие тихого улыбчивого фийяна с собою рядом, он осознавал вдруг, что все же мир этот для него не родной.

Глава 4

Перед ними простиравлось серое море, вздымалось пенными волнами в пелене серого дождя. В мире как бы совсем не осталось красок. Двое Крылатых со связанными крыльями, посаженные на цепь на корме, плакали и жаловались на судьбу, и с соседнего суднышка доносились точно такие же жалобные звуки.

Они провели в Толене довольно много дней, ожидая, пока подживет нога Роканнона и черный Крылатый снова сможет летать. Хотя причины для задержки были вполне уважительные, на самом деле Могиену явно и самому не хо-

телось пускаться в опасное плавание, хотя он прекрасно понимал, что море это нужно переплыть. Он в одиночестве бродил по серому песку между заливами вдали от замка Толен, стараясь побороть те же мрачные предчувствия, что владели и его матерью Хальдре. Роканнон он сказал только, что вид моря и шум морских волн нагоняют на него тоску. Когда же наконец его Крылатый совсем поправился, он вдруг решил отослать его назад в Халлан под присмотром Биена, словно желая спасти хоть что-то от неминуемой опасности. Они также решили оставить двух Крылатых и большую часть поклажи у престарелого правителя Толена и его племянников, тщетно пытавшихся как-то привести в порядок свою развалюху, именуемую «замком». И вот теперь на двух больших лодках, носы которых были украшены головами драконов, они вшестером вышли в море под моросящим дождем.

Лодкой, где плыл Роканнон, правили два мрачных и тощих толенских рыбака. Яхан пытался успокоить сидевших на цепи несчастных Крылатых какой-то тягучей песней о давно умершем правителе Халлана; Роканнон и Кью, закутавшись в плащи и натянув поглубже капюшоны, устроились на носу.

— Кью, ты как-то рассказывал мне о южных горах... — вдруг промолвил Роканнон.

— Да, и что? — Фийян быстро оглянулся на север, туда, где за пеленой дождя уже скрылись земли ангъяр.

— А ты знаешь, что за люди живут в тех краях, которые ты называешь Фьерн?

От его любимого справочника толку было мало; в конце концов, именно он, руководитель этнографической экспедиции, должен был бы заполнить оставшиеся в нем пустые страницы. В справочнике были указаны пять форм высоко-развитого интеллекта, существующих на этой планете, однако описаны только три: лийяр (т. е. ангъяр/ольгъяр), фийя и гдемьяр. И еще негуманоиды, обнаруженные на огромном Восточном континенте в другом полушарии. Информация географов по поводу Юго-западного континента скорее напоминала слухи: «Существование неподтвержденной формы ВИ, возможно, вид 4. По непроверенной информации, это крупные гуманоиды, проживающие в обширных городах(?). Имются также непроверенные данные о существовании еще одного вида ФВИ, возможно, пятого(?): крылатые сумчатые существа». В общем, он все это знал и так, а Кью, точно ребенок, считал, что Роканнон вообще известны от-

веты на все вопросы, поэтому ответил ему вопросом на вопрос:

— Там ведь Древние живут, верно?

Роканну пришлось удовлетвориться этим, и он все вглядывался в серый туман, за которым скрывалась неведомая, загадочная земля, а огромные крылатые кошки на корме все выли и жаловались на судьбу, и холодный дождь струйками стекал ему за ворот, стоило на минутку откинуть капюшон.

Один раз за время плавания ему показалось, что он слышит над головой стрекот вертолета; хорошо, что такой туман, подумал он. Потом пожал плечами: а собственно, чего прятаться? Вряд ли у этих воинственных захватчиков, которые устроили на планете военную базу, вызовут беспокойство два утых суденышка с десятью «рыбаками» и какими-то странными кошками-переростками...

Так они и плыли по нескончаемым волнам, сквозь не-перестающий дождь, пока над водой не повисла ночная тьма. Ночь всем показалась страшно холодной и чересчур долгой. Потом забрезжил рассвет, и взорам их вновь предстали те же серые волны, туман, дождь... Потом вдруг толенские мрачные рыбаки зашевелились, задвигались и стали с беспокойством вглядываться вдаль. И вдруг прямо над лодками навис утес, полускрытый клочьями тумана. Пока они подплывали к берегу, огибая прибрежные скалы, стали видны и низкорослые деревья, росшие по уступам утеса.

Яхан стал расспрашивать одного из рыбаков, а потом рассказал остальным:

— Он говорит, что мы сейчас входим в устье большой реки, и на ее дальнем берегу — единственное место, где можно причалить.

Нависавшие над лодкой скалы между тем уже упливали назад, скрываясь в тумане, а лодку окутывал еще более плотный туман; днище ее поскрипывало под напором нового сильного течения. Голова ухмыляющегося дракона на носу покачивалась, и казалось, что дракон вот-вот обернется к ним. Воздух вокруг был белый и мутный. По обе стороны лодки бурлила вода, тоже мутная и красноватая. Рыбаки что-то кричали друг другу и перекликались со своими земляками на другой лодке.

— Тут был сильный паводок, — пояснил Яхан. — Они пытаются повернуть... Эй, держитесь! — Роканнен успел схватить Кью за плечо, и лодка, черпнув воды, стала заваливаться на бок, закрутилась в каком-то бешеном танце, под-

хваченная бурным течением; рыбаки тщетно пытались придать ей бытую устойчивость, но слепящий туман скрывал от взора речные берега и даже саму реку, и лодку раскачивало так, что Крылатые на корме рычали от страха и все пытались взлететь.

Потом наконец драконья голова на носу выровнялась и величественно поплыла над рекой. Но тут налетел неожиданный порыв ветра, принеся очередное облако непроницаемого тумана, и неустойчивое суденышко снова качнулось, черпнуло воды, задев волну сразу обвисшим парусом, и в лицо Роканнону полетели брызги. Красноватая теплая вода попала в рот, залила глаза; он за что-то схватился, пытаясь отряхнуть воду с лица и глотнуть воздуха. Потом оказалось, что он по-прежнему сжимает плечо Кьо, и оба они уже довольно далеко от перевернувшейся лодки, а красная, как кровь, морская вода несет их в открытое море, покачивает, подбрасывает, точно играя. Роканнон громко позвал на помощь, но густой туман, повисший над самой водой, поглотил его голос. Где же берег? В той стороне, в этой? Как далеко до него? Он поплыл к тающему в тумане силузту лодки. Кьо цеплялся за него.

— Роканнон!

Из белых клочьев тумана вынырнула голова веселого дракона. Могиен тут же прыгнул за борт и, решительно борясь с течением, поплыл к ним, быстро обвязал Кьо веревкой, которую держал в руках, и велел Роканнону тоже держаться за нее. Роканнон отчетливо видел лицо Могиена, дугой изогнутые брови и потемневшие от воды соломенные волосы. Их быстро подтащили к лодке; Могиен влез последним.

Вскоре подобрали и Яхана, а также одного из рыбаков. Второй рыбак и оба Крылатых утонули. Их затащило под лодку. Здесь, довольно далеко от берега, речное течение и дующий с суши ветер чувствовались слабее. Тяжело нагруженная промокшими насеквоздь людьми лодка покачивалась на красных волнах в туманной мгле.

— Роканнон, как это, интересно, ты умудрился остаться сухим? — Видимо, этот вопрос мучил Могиена уже давно.

Все еще не совсем пришедший в себя Роканнон оглядел свое насеквоздь промокшее платье и не понял вопроса. Но Кьо, улыбаясь и дрожа от холода, ответил:

— Странник надел вторую кожу.

Он имел в виду его защитный костюм. Роканнон действительно натянул его прошлой ночью, чтобы согреться, ос-

тавив обнаженными только руки и голову. Так, значит, костюм все еще при нем, и «Око моря» по-прежнему висит в своем замшевом мешочке у него на груди, но вот радиопередатчик, карты, оружие и прочие вещи, связывавшие его с родной цивилизацией, пропали.

— Яхан, ты вернешься домой.

Слуга и господин стояли лицом к лицу на берегу этих южных земель, окутанных туманом. Прибой шипел у их ног. Яхан не отвечал.

На шестерых у них осталось только три Крылатых. Кью мог, конечно, лететь с кем-то из «низкорослых», как и Роканнон, но Могиен был слишком тяжел, чтобы садиться с кем-то вдвоем на одного Крылатого. Чтобы пощадить летучих котов, третьему ольгья приходилось отправляться на уцелевшей лодке в Толен. Могиен решил, что это будет самый младший из них, Яхан.

— Я же не наказываю тебя за какой-то проступок. Яхан. Ну ладно... отправляйся... рыбаки ждут.

Но его верный слуга даже не пошевелился. У него за спиной рыбаки затаптывали костер, возле которого они только что ели и сушили одежду. Бледные искры взлетали и тут же гасли, задущенные туманом.

— Господин мой, — прошептал Яхан, — отправь лучше Иота.

Лицо Могиена потемнело, он схватился за меч.

— Отправляйся немедленно, Яхан!

— Я не уйду, господин мой.

Меч со свистом вылетел из ножен, и Яхан с воплем отчаяния отскочил, повернулся и исчез в тумане.

— Подождите его немного, — сказал Могиен рыбакам с самым невозмутимым видом. — Если не придет, отчаливайте. А мы пойдем дальше. Кью, господин мой, не сядешь ли на моего Крылатого, пока мы не взлетели?

Кью сидел, весь съежившись, словно никак не мог согреться; он совсем ничего не ел и ни слова не произнес с тех пор, как они высадились на берег Фьерна. Могиен подсадил его на высокое седло и повел своего Крылатого под уздцы, двигаясь во главе их маленького отряда, направлявшегося в глубь континента. Роканнон все время оглядывался, надеясь заметить Яхана и удивляясь тому, какой он все-таки странный, его друг Могиен, — чуть не убил человека в приступе холодной ярости и сразу же заговорил с маленьким фий-

ном, на удивление, мягко и ласково. Надменный, но верный, безжалостный и одновременно добрый — таков был Могиен, достойный правитель Халлана.

Рыбаки сказали, что в восточной стороне есть какое-то селение, и путешественники пошли на восток. Над головой и вокруг по-прежнему высились бледные непроницаемые стены тумана. Верхом на Крылатых они, конечно, могли бы взлететь над этим влажным, окутавшим землю одеялом, но огромные звери, совершенно измученные, да еще два дня пробывшие на привязи в ненавистной лодке, лететь не желали. Могиен, Иот и Рахо шли впереди, Роканнон тащился сзади, нарочно отставая и все время высматривая в тумане Яхана, которому чрезвычайно симпатизировал. Он так и не снял свой защитный костюм, и ему было в нем довольно тепло, хотя на голову все же натягивать его не стал, чтобы не чувствовать себя полностью изолированным от окружающего мира. Но даже и в защитном костюме он чувствовал себя неуютно в слепящем тумане, на незнакомом берегу, и внимательно смотрел под ноги, на серый песок, надеясь подобрать что-нибудь вроде посоха или палки. Наконец между бороздками, которые оставляли свисавшие до земли крылья летучих котов, среди водорослей и соляных наростов он увидел то, что нужно, — побелевшую от морской воды палку, выброшенную на берег волнами. Он очистил ее от соляного налета и сразу почувствовал себя увереннее. Однако эта незначительная задержка привела к тому, что он отстал от своих и поспешно бросился вдогонку, высматривая на песке их следы. Вдруг справа от него выросла высокая человеческая фигура. Он сразу понял, что это кто-то чужой, и замахнулся своим оружием, но его тут же обхватили сзади и повалили на землю. В рот сунули кляп — что-то мокрое, холodное, кожаное. Он попытался освободиться и тут же получил по голове такой удар, что потерял сознание.

Довольно быстро очнувшись, хотя и чувствуя сильную боль в голове, он понял, что лежит на спине на песчаном берегу. Над ним высились в тумане две огромные фигуры. Чьи-то голоса неторопливо спорили насчет того, как с ним быть, но он понимал этих людей лишь частично: они говорили на каком-то незнакомом ему диалекте ольгяяр.

— Да брось ты его прямо здесь, — сказал один, а другой ответил что-то вроде:

— Лучше его прямо здесь убить, все равно у него ничего нет.

Тут Роканнон настолько пришел в себя, что даже сумел

приподняться и натянуть защитный костюм на голову и лицо. Один из великанов повернулся и стал внимательно вглядываться в лицо Роканнона, и тот понял, что никакой это не великан, а самый обыкновенный ольгья, просто одетый в неуклюжие шкуры.

— Давай отведем его к Згаме, может, он Згаме на что-нибудь сгодится, — предложил второй.

Они еще немного поспорили, потом подхватили Роканнона под мышки и поволокли по песку, да так быстро, что ему пришлось бежать. Он пытался вырваться, но голова по-прежнему кружилась. Краем глаза он заметил, что туман вроде бы стал темнее, потом услышал голоса, увидел край глинобитной стены, в которой был укреплен пылавший факел, и угол кровли. В темноте разговаривало множество людей. Наконец он очнулся полностью и понял, что лежит ничком на каменном полу. Он осторожно приподнял голову и огляделся.

Рядом с ним в очаге пыпал огонь. Очаг был размером с небольшую хижину. Бесчисленные голые ноги и обтрепанные края грубых меховых одеяний отделяли его от огня. Он поднял голову повыше и увидел перед собой человеческое лицо: это был ольгья, белокожий, черноволосый, с очень густой бородой, одетый в полосатую черно-зеленую пушистую шкуру; на голове у него красовалась здоровенная меховая шапка.

— Ты кто? — спросил он густым басом, глядя на Роканнона сверху вниз.

— Я... я прошу принять меня в вашем замке как гостя, — пробормотал Роканнон формулу вежливого приветствия и медленно поднялся на колени. Встать он в данный момент был не в состоянии.

— Так мы тебя уже приняли, — хмыкнул бородатый, глядя, как Роканнон ощупывает шишку на голове. — Еще хочешь? — Вокруг задвигались, переминаясь, грязные ноги, торчавшие из-под оборванных шкур; незнакомцы с ухмылкой посматривали на Роканнона своими темными глазами.

Роканну все-таки удалось встать на ноги; он выпрямился, но не говорил ни слова и старался не двигаться, пока не пройдет головокружение и не утихнет пульсирующая боль в голове. Потом поднял голову и посмотрел прямо в яркие черные глаза своего пленителя.

— Ты Згама, — сказал он уверенно.

Бородатый даже отступил на шаг от изумления, так что

Роканнон, которого не раз испытывали подобным образом в разных мирах, решил закрепить достигнутый успех.

— Ну а я Олхор-Странник. И пришел с севера, с моря, из той страны, где встает солнце. Я пришел с миром и с миром уйду. Уйду на юг, мимо дворца Згамы. И никто меня не остановит!

— Ого! — выдохнули разом все глотки. Бледнолицые ольгъяр уставились на Роканнона. Однако сам он, не отрываясь, смотрел на Згаму.

— Тут я распоряжаюсь! — рявкнул тот, хотя и не слишком уверенно. — Никто тут без моего разрешения ходить не будет!

Роканнон молчал, он и бровью не повел.

Згама, видно, чувствовал, что игру «в гляделки» он проигрывает: все его подданные круглыми от изумления глазами по-прежнему смотрели только на незнакомца.

— Прекрати на меня пялиться! — взревел он, но Роканнон остался неподвижен. Он уже понял, что Згама так просто не сдастся, но предпринимать что-либо другое было уже поздно. — Я же сказал, прекрати пялиться! — Згама был вне себя; он со свистом рассек воздух мечом, который вытащил откуда-то из-под надетых на него шкур, потом замахнулся посильнее и ударил Роканнона по голове.

Однако голова загадочного чужака осталась на месте! Он, правда, пошатнулся, и все же меч Згамы отскочил от его головы, как от скалы. Собравшиеся вокруг костра дружно вздохнули: «Ах-х-х!» Незнакомец перевел дух и снова застыл в неподвижности, не сводя глаз со Згамы.

Згама колебался; он уже почти готов был отступить и дать этому загадочному Страннику пройти. Однако врожденное упрямство пересилило осторожность и страх.

— Взять его! — рявкнул он. — Руки ему скрутить! — Однако люди не двинулись с места, и он сам схватил Роканнона за плечо и заломил ему руку за спину. Только тогда остальные опомнились и бросились на чужака, но тот и не сопротивлялся. Костюм отлично защищал практически от любых вредных воздействий извне — от температурных колебаний, от радиации, от поражения электрическим током, от ударов острыми предметами, мечом например, от пули и даже от лазерного луча, но вот помочь Роканнону освободиться от хватки полутора десятков человек костюм, разумеется, не мог.

— Никто просто так не пройдет мимо дворца Згамы, Владелина Большого Залива! — Теперь Згама по-настоящему

дал волю своему гневу, когда его «смелые» головорезы наконец схватили Роканнона. — Ты же шпион! Шпион желтоголовых ангъяр! Я тебя знаю! Явился сюда со своими наглыми речами, колдовством и прочими штучками, а следом за тобой приплывут большие лодки с драконами. Нет уж, залива им не видать! Я здесь хозяин, у нас тут закон не писан! Так что пусть эти желтоголовые со своими рабами-подхалимами только сунутся сюда — уж мы дадим им попробовать нашей бронзы! А ты, значит, выполз из моря, чтобы погреться у моего очага? Ну ты у меня погреешься, шпион! Привязать его вон к тому столбу! — Его наглая, грубая речь словно взбодрила остальных бандитов, и они бросились исполнять приказание. Вскоре Роканн был привязан к одному из столбов, поддерживавших над гигантским очагом громадные вертела. У его ног быстро выросла куча дров.

Потом все смолкли. Згама встал — огромный в своих шкурах, свирепый, крепкий, он выглядел весьма внушительно. Выхватив из очага пылающий сук, он ткнул им Роканну чуть ли не в лицо и поджег дрова. Сухой плавник вспыхнул сразу, во мгновение ока сгорела одежда Роканна и его коричневый теплый плащ, подарок Могиена; огонь плясал у самого лица.

— Ax! — снова выдохнула толпа, и вдруг кто-то один воскликнул:

— Смотрите! — Когда чуть опали языки пламени, ольгъяр стала хорошо видна по-прежнему неподвижная фигура Странника у столба, хотя пламя уже вовсю лизало ему ноги. Странник смотрел Згаме прямо в глаза, на его обнаженной груди сиял огромный прекрасный камень, оправленный в золото, — точно открытый глаз.

— Педан, недан, — завизжали женщины и разбежались по темным углам.

Панику остановил своим зычным голосом Згама.

— Да сгорит он! Пусть себе горит! Эй, Дехо, подбрось-ка дровишек. Этого шпиона, видать, так просто не зажаришь! — Згама вытащил в круг, освещенный пламенем костра, какого-то мальчишку и заставил его подбрасывать дрова. — Что, у нас уж и поесть нечего? Эй, женщины, где еда? Несите! Вот уж ты, Странник, полюбуюсь, какие мы гостеприимные, посмотришь, как сладко мы едим! — И он схватил с подноса, который услужливо поднесла ему одна из женщин, огромный оковалок мяса. Стоя перед Роканном, Згама впился в жареное мясо зубами; мясной сок стекал по бороде. Его приспешники, подражая ему, тоже стали рвать зубами мясо, но старались все же держаться подальше от костра. Большая же

часть ольгъяр вообще не осмелилась подойти к очагу; однако Згама всех заставил есть, пить и громко кричать, а кое-кто из мальчишек даже обнаглел настолько, что подбирался к самому костру и подбрасывал в огонь палку-другую. Но человек у столба по-прежнему стоял совершенно спокойно, будто онемев, а огонь плясал и лизал его странно светившуюся красноватую кожу.

Наконец шум стих, языки пламени опали. Мужчины и женщины улеглись спать тут же, на полу или прямо на теплой золе, завернувшись в свои шкуры. Дозорных осталось всего двое, да и те держали мечи на коленях и не выпускали из рук чаши с вином.

Роканнон устало прикрыл глаза, одним легким движением скрещенных пальцев высвободил из-под костюма лицо и вдохнул свежего воздуха. Ночь, как всегда, тянулась удивительно долго и наконец сменилась не менее долгим рассветом. В серых сумерках из завесы тумана, проплывавшего за окном, появился Згама. Оскользываясь на жирных пятнах, оставшихся на полу после пиршества, и перешагивая через спящих и похрапывающих своих подданных, он подошел к своему пленнику и уставился на него. Тот тоже глаз не отвел, смотрел сурово и не мигая, не обращая ни малейшего внимания на бессильную ярость своего пленителя.

— Ну гори же, гори! — прорычал Згама и, стремительно повернувшись, выбежал вон.

Снаружи Роканнон услыхал знакомое сиплос мяуканье летучего кота — это были одомашненные звери, тучные, с очень густой шерстью; их повсеместно выращивали на мясо как ангъяр, так и ольгъяр, подрезав им крылья. Здесь этот своеобразный «скот» пасся, по всей вероятности, на прибрежных скалах. Дворцовый зал постепенно опустел, остались лишь несколько женщин с младенцами, старавшиеся держаться от Роканнона подальше, даже когда пришло время жарить на очаге мясо для близящегося ужина.

К этому времени Роканнон ужеостоял, привязанный к столбу, часов тридцать и страдал не только от болей в затекшем теле, но и от жажды. Ему всегда было трудно обходиться без воды. Он мог очень долго ничего не есть, и в цепях, возможно, продержался бы не меньше, хотя голова у него уже начинала кружиться от усталости; но вот без воды он, пожалуй, выдержит еще, самое большее, один здешний долгий день.

Он был совершенно беспомощен; не мог даже ничего

сказать этому Згаме, пригрозить ему или польстить — похоже, любые его слова теперь только подлили бы масла в огонь.

С наступлением темноты, когда языки пламени снова заплясали у него перед глазами и снова сквозь них замаячила бородатая белокожая физиономия озверевшего Згамы, Роканнон постарался мысленно представить себе совсем другое лицо — светловолосого и темнокожего Могиена, которого любил как самого близкого друга, даже, пожалуй, как сына. Ночь все тянулась, костер жарко пыпал, и Роканнон стал вспоминать крошку Кью, маленького фийяна, бесхитростного и хрупкого, как ребенок, странным образом привязавшегося к нему, — отчего это так получилось, Роканнон даже и не пытался понять. Он вспомнил Яхана, воспевающего древних героев Халлана, Иота и Рахо, то ссорившихся, то мирившихся друг с другом, их веселый смех, когда они обиживали громадных Крылатых; и еще он вспомнил Хальдре — как она расстегнула тогда на шее золотое ожерелье и подала ему. Но ничего изо всех своих сорока предшествующих лет жизни, проведенных в самых различных мирах, не вспоминал он, хотя столько всего узнал за эти долгие годы, столько всего сделал. Нет, теперь все это сгорело, навсегда унесено прочь тем взрывом и этим костром. Ему почудилось вдруг, что он стоит посреди парадного зала в замке Халлан, где на стенах висят gobелены с изображением дерущихся с крылатыми великанами светловолосых людей, а Яхан подносит ему чашу с водой...

— Выпей, Властелин Звезд. Пей же!

И он стал пить.

Глава 5

Отражение двух сестер-лун — Фени и Фели — плясало на поверхности налитой в чашу воды; Яхан снова наполнил чашу и подал Роканнону. Тот выпил. Костер почти догорел, лишь несколько угольев поблескивали во тьме. Огромный зал был погружен во мрак; кое-где на полу лежали пятна лунного света; стояла тишина, только слышалось сопение и храп множества спящих людей.

Яхан осторожно ослабил цепи, опугивавшие Роканнона, и тот всем телом отклонился назад, прислонившись к столбу, — ноги совершенно онемели, он даже стоять без поддержки не мог.

— Внешние ворота всю ночь сторожат, — прошептал ему

на ухо Яхан. — И там стража не спит. Но вот утром, когда погонят стадо на пастбище...

— Нет, в лучшем случае завтра вечером. Я не могу бежать, Яхан. Ничего, блефовать я умею. Прицепи-ка цепь так, чтобы я мог на нее опереться, а потом сам смог ее отцепить. Вот здесь цепляй, поближе. — Один из спящих проснулся, сел и зевнул. Яхан ухмыльнулся, сверкнув зубами, и мгновенно пропал из виду, точно растворился во тьме.

На рассвете Роканнон видел, как он вместе с другими пастухами вышел из дворца, одетый в такие же грязные рваные шкуры. Волосы у него были всклокочены и стояли дыбом. К Роканнону снова подошел Згама, снова злобно орал, и было ясно, что этот безумец охотно пожертвовал бы половиной своих стад и половиной своих бесчисленных жен, лишь бы отделаться от этого Странника, от проклятого колдуна, из-за которого попался в ловушку собственной жестокости: тюремщик, как известно, часто становится пленником собственных пленных. Згама явно спал прямо в золе, вся его башка была перепачкана ею и пропахла гарью; скорее уж можно было предположить, что это его жгли на костре, а не Роканнона, белая кожа которого прямо-таки сияла чистотой. Вскоре Згама, спотыкаясь, побрел прочь, и снова большую часть дня огромный зал был пуст, хотя стражники не покидали дверного проема. Роканнон развлекался тем, что незаметно для других выполнял несложные физические упражнения, пытаясь размять затекшее тело. Когда проходящая мимо женщина заметила, как жертва у столба легонько потягивается, — а Роканнон не только своих упражнений не прекратил, но даже запел тихонько, — несчастная испуганно вскрикнула и на четвереньках уползла за порог, повизгивая от страха.

В окнах опять заклубился вечерний туман; мрачные женщины варили мясную похлебку с морскими водорослями; слышно было, как возвращаются домой стада; вернулся и Згама со своими подручными; на бородах у них поблескивали капли тумана, меховые одежды тоже были влажными. Они расселись на полу и принялись за еду. В зале гулко раздавались голоса, воняло немытым телом и мокрыми шкурами, над очагом стоял пар. Видно, хозяевам Роканнона уже поднадоело каждый вечер возвращаться к своему не желавшему гореть пленнику. Голоса их звучали угрюмо и злобно.

— Разведите-ка огонь, да пожарче, пусть сгорит наконец, черт бы его побрал! — заорал Згама, вскакивая и подбрасы-

вая в костер охапку сучьев. Но никто из его людей не пошелся.

— Погоди, Странник, я еще съем твое сердце, когда оно как следует прожарится у тебя между ребрами! А кольцо с твоим камушком вдену в нос! — Згаму прямо-таки трясло от злости — ведь проклятый Странник продолжал смотреть на него своим немигающим взглядом уже две ночи! Згаме становилось невтерпеж. — Ну погоди, я тебя заставлю глазки-то закрыть! — завизжал он и, схватив с полу длинную палку, что было силы ударил Роканнона по голове и тут же отскочил, словно испугавшись содеянного. Палка упала одним концом в костер и сразу занялась.

Роканнон неторопливо протянул правую руку, сжал палку в кулаке и выдернул ее из костра. Конец ее пыпал. Он поднял этот конец на высоту глаз Згамы, а потом, все так же неторопливо, стряхнул цепи и вышел из костра. Пламя взметнулось и тут же опало, рассыпая искры и угольки прямо на его босые ступни.

— Вон! — скомандовал он, наступая на Згаму, который попятился. — Никакой ты здесь не хозяин. Человек, который не признает человеческих законов, — самый обыкновенный раб и больше ничего. И жестокий человек — тоже раб. И глупец — тоже раб. Так что ты мой раб, и я стану гнать тебя, точно последнюю скотину. Пошел вон! — Згама обсыми руками ухватился за дверной косяк, но горящий конец палки упорно приближался к его глазам, и в конце концов он согнулся и, скрючившись, отскочил и сгинул где-то в тьме двора. Стражники застыли. Смоляные факелы, пылавшие на стенах, освещали окутанный туманом двор и внешние ворота; стояла полная тишина, только слышно было, как возится скот в стойлах да шипит море у прибрежных скал. Шаг за шагом Згама, видимый теперь в свете ярко горевших факелов, продолжал отступать, пока не остановился в воротах. Его белое лицо в черной бороде казалось ужасной застывшей маской. Горящий конец палки угрожающе приближался. Онемев от страха, Згама обхватил руками привратный столб, заполнив весь проем своим широкоплечим мясистым телом. Роканнон был совершенно измучен, однако горел жаждой мщения, так что, собрав последние силы, он толкнул Згаму горящим концом палки прямо в грудь, перешагнул через поверженного врага и скрылся за воротами в черноте ночи, в клочьях клубящегося тумана. Он не прошел и полусотни шагов — споткнулся, упал и не смог подняться.

Но никто его не преследовал. Никто даже не выглянул за

ворота. Он в полуобмороочном состоянии лежал на травянистом склоне какого-то холма. Через какое-то время погасли фафэлы — может быть, их кто-то специально погасил? — и Роканнона окутала непроницаемая тьма. В траве на разные голоса завывал ветер, далеко внизу шипел прибой.

Когда туман поредел, пропуская лунный свет, его отыскал Яхан. Оказалось, что он лежит на самом краю утеса. Яхан помог ему подняться, и они побрали прочь, пробираясь ощущую, спотыкаясь о камни, становясь на четвереньки там, где подъем был особенно крут. Шли они на юго-восток, в сторону от морского побережья. Пару раз они останавливались — передохнуть и перевести дыхание, и Роканнон засыпал мгновенно, стоило им замедлить ход. Яхан будил его и заставлял снова идти, пока они не спустились в какую-то лесную лощину; под деревьями, карабкавшимися по круто уходившему вверх склону горы, царила абсолютная чернота. Яхан и Роканнон вошли в эту черноту и двинулись по руслу ручья, который, собственно, и привел их сюда, но сумели пройти совсем немного: Роканнон внезапно остановился, сказал на своем родном языке: «Все, больше не могу!» — и сел на землю. Яхан отыскал узенькую полоску песка на берегу под обрывом, где их, по крайней мере, не было бы видно сверху, Роканнон заполз под этот нависающий козырек, точно зверь в логово, и заснул.

Проспал он часов пятнадцать и проснулся уже в сумерках. Рядом сидел Яхан, который принес ему поесть — зеленые побеги и съедобные корешки какого-то растения.

— Плодов-то еще никаких нет, — горестно объяснил он, — а лук у меня отобрали эти болваны, одетые в шкуры. Я поставил несколько силков, да только до ночи в них вряд ли кто попадется.

Роканнон с наслаждением съел зелень, напился из ручья, потянулся как следует, и в голове у него окончательно прояснилось.

— Яхан, а как ты, собственно, здесь оказался?

Молодой ольгъя потупился, потом аккуратно закопал несколько оказавшихся несъедобными корешков в песок и смущенно пробормотал:

— Видишь ли, господин мой... я ведь своего хозяина услышался. Ну и потом решил, что придется мне к Вольным пристать.

— Ты что же, раньше о них слышал?

— Да болтали разнос... о таких местах, где ольгъяр сами себе и хозяева, и слуги. Говорят ведь даже, что когда-то толь-

ко мы, ольгъяр, жили на тех землях, что теперь ангъяр принадлежат; кормились охотой, и никто нами не командовал; а потом с юга пришли ангъяр, приплыли на длинных лодках с драконьими головами... В общем, я набрел на замок Згамы, а его люди приняли меня за беглого, отобрали у меня лук, заставили работать, но ни о чем не спрашивали. Ну а потом я обнаружил тебя. Но даже если бы не обнаружил, все равно бы убежал! Я бы тут и правителем быть не согласился, среди болванов этих!

— А ты не знаешь, где теперь наши товарищи?

— Нет. А ты хочешь их разыскать, господин мой?

— Зови меня просто по имени, Яхан. Конечно, я хочу их разыскать! Если на это осталась хоть какая-то надежда. Вдвоем с тобой нам этот континент не пересечь, да еще пешком, без одежды, без оружия.

Яхан молчал; он разглаживал ладошкой песок и смотрел на темную чистую воду, что бежала под низко нависшими лапами похожих на ели деревьев.

— Ты со мной не согласен?

— Если мой господин Могиен меня найдет, то непременно убьет. Это его право.

По законам ангъяр это было действительно так; а уж Могиен-то законы своего племени соблюдал как должно.

— Ну а если ты найдешь себе нового хозяина? Старый ведь не сможет тебя наказывать, верно?

Юноша кивнул и прибавил:

— Да только кто захочет взять в слуги того, кто против прежнего хозяина взбунтовался?

— Ну, это как посмотреть. Если хочешь, можешь принести клятву верности мне, а я стану отвечать за тебя перед Могиеном — если мы его найдем. Не знаю только, какие слова вы произносите...

— Мы говорим, — Яхан почти шептал, — «Господину своему передаю я часы своей жизни и смысл своей смерти».

— А я принимаю твой дар. И вместе с ним еще один — собственную жизнь, которую ты мне вернул.

Шумно струился ручей, небо медленно и торжественно гасило свои огни. Когда стало достаточно темно, Роканнон выскользнул из защитного костюма, лег в холодную воду и позволил ей омывать все тело, унося прочь застарелый пот и усталость, страх и память о том, как плясали у самых его глаз языки пламени. Снятый костюм представлял собой нечто полупрозрачное, почти невидимое и легко умевшееся в горсти — тончайшая ткань, трубочки не толще волоса, то-

ненькие проводочки и два прозрачных кубика величиной не больше ногтя. Яхан с тревогой смотрел на него, когда он снова натягивал свой костюм; никакой другой одежды у него все равно не было; самому же Яхану пришлось продать свой плащ ангъя за пару грязных шкур.

— Господин мой, Странник... — наконец выдавил он из себя, — это же... это та самая кожа, которая не дала тебе сгореть в огне? И... сокровищу тоже?

Ожерелье теперь снова висело у Роканнона на шее в мешочке из-под амулета, одолженном Яханом. Роканнон ответил спокойно:

— Ну да, это, можно сказать, моя вторая кожа. И никакого колдовства. Она прочнее любых лат.

— А белый волшебный посох?

Роканнон глянул на выбеленный морем кусок плавника с сильно обгоревшим концом. Видно, вчера ночью Яхан подобрал палку на том утесе, в траве, как и Згама, считая, что посох — неотъемлемая часть самого Странника. Да и правда, что за волшебник без посоха?

— Ах да, посох, — задумчиво проговорил Роканнон. — Что ж, он довольно удобный, пригодится при ходьбе, если долго идти придется. — Он снова потянулся; есть все-таки очень хотелось; пришлось еще разок напиться как следует холодной темноватой воды из ручья.

Проснулся он довольно поздно, но чувствовал себя полным сил и готов был съесть сейчас что угодно. Яхан куда-то ушел еще на рассвете — должно быть, проверять свои силки, да и потом холодно было спать в этом холодном сыром логове. Вернулся он с неважной добычей — горсточкой съедобных трав и весьма плохой новостью. Он прошел через весь лес до вершины горы, за которой они сейчас находились, и оттуда видел, что и дальше на юг тоже простирается море.

— Ну, если эти жалкие рыбоеды высадили нас на остров! — прорычал он. От его обычного оптимизма и добродушия следа не осталось, все заглушили холод, голод и мучительные сомнения.

Роканнон попытался вспомнить, как выглядело побережье на каргах, которые теперь покоились на дне морском. Там была какая-то река, текущая с запада и с устьем в северной части длинного гористого языка суши; горный хребет тянулся с запада на восток, а между тем полуостровом и материком был обширный залив, которого на карте просто невозможно было не заметить, так что он отлично запечатлелся

в его памяти. Может быть, даже сотни две километров шириной...

— Ну, и широкий там залив? — спросил он Яхана.

— Очень широкий! — Яхан был мрачен. — Мне не переплыть, я ведь плавать-то толком не умею, господин мой.

— Можно обойти по суше. Эта горная гряда на западе выведет нас на материк. Скорее всего Могиен станет искать нас именно в той стороне. — Теперь ему предстояло все решать самому — Яхан и так сделал больше, чем мог. Но настроение у Роканнона было так себе, особенно при мысли о том, что придется долго идти по незнакомой и враждебной территории. Яхан сказал, что никого в лесу не встретил, но ему попадались хорошо утоптанные тропы; ясно, что здесь полно охотников — дичи совсем нет, все зверье покряталось.

Оставалась, правда, какая-то слабая надежда, что Могиен их отыщет, — если он вообще жив, на свободе и Крылатые при нем, — так что нужно было непременно идти на юг и, по мере возможности, стремиться на открытое пространство. Могиен, конечно же, станет искать их именно в этом направлении — ведь все их путешествие задумано ради того, чтобы попасть на юг.

— Пошли, — решительно сказал Роканнон, и они двинулись в путь.

Вскоре после полудня с вершины горы их взору открылся широкий, раскинувшийся с востока на запад залив, — сколько мог видеть глаз, всюду была свинцово-серая вода под низкими, мрачными тучами. На самом юге с трудом можно было различить лишь цепочку далеких туманных гор. Ледяной ветер пронизывал насквозь, воем своим заглушая все остальные звуки. Полгоняемые ветром, они спустились к воде и пошли по берегу на запад. Яхан посмотрел на тучи, покружился и похоронным тоном сообщил:

— Снег будет.

И действительно, скоро пошел снег — по-весеннему мокрые хлопья несло ветром, и они таяли, не успев коснуться земли или темной воды. В защитном костюме Роканнону было не холодно, но длительное напряжение и голод совершенно измотали его; Яхан тоже ужасно устал и замерз. Они тащились по берегу, поскольку все равно больше делать было нечего. Потом перешли вброд ручей и на его противоположном берегу, поросшем жесткой травой, которую уже засыпало мокрым снегом, нос к носу столкнулись с каким-то человеком.

— Ух ты! — воскликнул тот. Он был высокий, костиистый,

бородатый, с диковатым взглядом темных глаз; за плечами у него висел лук. — Вот так встреча! — Говорил он на языке ольгъяр. — Вы же тут замерзнете!

— Мы должны были дальше плыть, да у нас лодка опрокинулась и затонула, — тут же нашелся Яхан. — Нет ли у тебя тут огонька, чтобы нам погреться, господин охотник?

— Вы плыли через море с юга? — спросил незнакомец как-то встревоженно, и Яхан ответил, неопределенно махнув рукой:

— Мы-то сами с востока, приплыли за шкурами пельюнов, да только все наши вещи и деньги утонули вместе с лодкой.

— Хм, — сказал охотник, пребывая по-прежнему в сомнениях, однако великолупные в его душе явно одержали верх над колебаниями. — Ладно, пошли. У меня найдется и очаг, и еда. — И он быстро пошел куда-то в сторону по снегу, успевшему уже лечь тонким слоем. Следом за ним они вышли к хижине, примостиившейся на склоне холма, в лесу, с видом на залив. Как внутри, так и снаружи хижины выглядела как самое обычное жилище ольгъяр, живущих в лесных и горных общинках, и Яхан тут же присел на корточки у очага со вздохом глубочайшего облегчения, словно пришел к себе домой. Такое поведение было для их хозяина лучшим подтверждением того, что они не враги. Их путанным смутным объяснениям он все-таки поверил явно не до конца.

— Давай-ка, парень, подбрось дровишек, — сказал он и протянул Роканнону домотканый плащ, чтобы тот прикрыл наготу.

Потом, раздевшись, он поставил на угли еще теплый глиняный горшок с тушеным мясом и тоже присел на корточки у огня рядом с путешественниками, поглядывая то на одного, то на другого своими диковатыми глазами.

— В это время здесь всегда снег идет. Вот погодите, еще и не так заметет. Ничего, места тут хватит; обычно-то мы втроем зимуем. Но остальные вернутся только сегодня к вечеру, а может, завтра. В общем, на днях. Все равно снегопад они в горах переждут — там, где охотятся. Мы на пельюнов охотимся. Ты, парень, небось уже догадался по моим свистулькам? — И он с улыбкой указал на целый набор разнообразных тростниковых свистулек и дудок, висевших у него на поясе. Вид у него был несколько простоватый, лицо широкое, глаза по-звериному посверкивали, но вел он себя исключительно гостеприимно. Накормив их мясным рагу, он предложил лечь спать, поскольку уже стемнело. Роканнон не

заставил дважды просить себя. Тут же свернулся на вонючих шкурах в уголке и заснул сном младенца.

Утром снег все еще шел, земля стала совсем белой, и на ней не было видно ничьих следов. Товарищи их хозяина так и не вернулись.

— Должно быть, заночевали в Тимаше по ту сторону Спайна. Придут, как прояснится.

— Спайн — это так залив называется? — спросил Яхан.

— Нет. На том берегу залива никаких селений вообще нет и не было! Спайн — это горы, вон те, что прямо над нами. А все же, откуда вы сами-то? Ты, парень, говоришь на нашем языке, а вот дядя твой — по-другому!

Яхан виновато посмотрел на Роканнона, который все еще спал и не знал, что у него появился «племянничек».

— А, так он с самого севера, они там по-другому и говорят. А море здешнее у нас тоже заливом называют. Вот бы кого найти, чтобы на тот берег переплыть.

— Вы что же, дальше на юг собирались?

— А что? Все наше добро утонуло, мы теперь нищие. Придется как-то домой пробираться.

— Тут, чуть дальше по берегу, есть лодка. Потом, когда прояснится, сходим и посмотрим. Знаешь, парень, ты так спокойно говоришь, что вы на юг собирались, что у меня кровь в жилах стынет. Ведь между заливом и Большими горами ни одного человека не встретишь. Я, во всяком случае, ни разу не слышал, чтобы там люди жили, разве только те, о ком говорить не положено. Старые сказки, понятно. Кто его знает, есть ли там вообще какие-нибудь горы. Я-то бывал на том берегу — могу сказать, мало кого я там встретил, пока в горах охотился. А вот пельюнов там полно, особенно поближе к воде. Зато деревень совсем нет. И людей тоже. Никого. Я бы там даже ночевать не остался!

— Мы бы просто прошли по южному берегу на восток, — неуверенно пояснил Яхан, однако взгляд у него стал озабоченным; ему все труднее становилось врат — каждым своим новым вопросом охотник загонял его в тупик. Однако он безусловно поступил правильно, скрыв от гостеприимного хозяина истинную цель их пути.

— Хорошо хоть вы не с севера приплыли! — сказал охотник (звали его, между прочим, Пиаи), принимаясь точить о камень свой длинный и широкий нож с острым концом. — Если на юге люди вообще не живут, так на севере — только жалкие рабы этих желтоголовых! Вы что, ничего о них не знаете? За морем, в северных странах, живет такой народ с

желтыми волосами. Правду говорю! Говорят, живут они в домах, что выше деревьев, и носят при себе серебряные мечи, а еще — летают верхом на крылатых хищниках. Вот уж сказки! Пока сам не увижу — ни за что не поверю! На побережье шкура такого зверя очень дорого стоит, все знают, как опасно на них охотиться, разве ж можно этих тварей приручить да еще и верхом на них ездить? Чего только люди не выдумают! Мне вот совсем неплохо живется: торгую себе шкурами пельюнов, любого приманить могу, даже если ему до меня день лететь! Послушай-ка! — И он, поднеся свои свистульки к губам, еле различимым в зарослях бороды, легонько подул. Раздался жалобный звук, который становился то тише, то громче, потом набрал силу, зазвучал подобно связной мелодии и вдруг оборвался диким звериным криком. У Роканнона по спине поползли мурашки. Такой крик он не раз слышал в лесах Халлана. Яхан, который был охотником довольно опытным, сразу заулыбался и, не выдержав, издал охотничий клич:

— Играй, играй, вон она, взлетает уже!

Остаток дня они с Пиаи рассказывали друг другу всякие завиральные охотничьи истории, а за окном все падал и падал снег, хотя ветер совершенно стих.

К рассвету небо совершенно очистилось. Точно зимой, белые холмы были залиты красноватым светом восходящего солнца и блестели так ослепительно, что больно было смотреть. К полудню вернулись двое приятелей Пиаи, по-звериному настороженно поглядывавшие на незнакомцев.

— Они называют мой народ рабами, — сказал Яхан Роканнону, когда остальные на минутку вышли из хижины. — Но уж лучше я буду человеком на службе у людей, чем зверем, который охотится на зверей. Вон как эти.

Роканнон жестом велел ему молчать, Яхан послушно умолк, и тут же в хижину вошел один из охотников, косо на них глянул, но ни слова не сказал.

— Давай-ка собираться, — тихонько сказал Роканнон на языке ольгяяр, к которому несколько попривык за два последних дня. Зря они не ушли до возвращения приятелей Пиаи! Яхан тоже явно чувствовал себя не в своей тарелке. Когда в дом вошел Пиаи, Яхан сказал ему:

— Нам пора. Ясная погода, наверное, еще продержится, а мы пока обойдем залив по берегу. Но если б ты нас не принял, мы бы точно от холода подохли. И еще знаешь что: в жизни я не слышал, чтобы так здорово играли песню пельюна! Пусть на охоте тебе всегда сопутствует удача!

Однако Пиаи ему не ответил. Стоял молча, неподвижно, потом вдруг весь подобрался, сплюнул в огонь, повращал своими дикими глазами и прорычал:

— По берегу обойдете? А на лодке, значит, не хотите? Лодка-то есть. Мне принадлежит. Во всяком случае, пользуюсь ею я. Вот мы вас на тот берег и перевезем.

— А пешком вам целых шесть дней понадобится, — вставил один из его приятелей, коротышка Кармик.

— Ну да, не меньше шести, — подхватил Пиаи. — А мы вас — на лодочке! Можем хоть сейчас в море выйти.

— Хорошо, — сказал Яхан, быстро глянув на Роканнона. Иного выхода у них все равно не было.

— Ну так пошли, — буркнул Пиаи. И они сразу же, не взяв каких-либо припасов, вышли из хижины. Пиаи шел впереди, его товарищи тащили весла. Снова дул пронзительный ветер, ярко светило солнце. В тени еще лежал снег, хотя повсюду он уже стаял, текли ручьи, сверкали под солнцем огромные лужи. Они довольно долго шли по берегу на запад; солнце уже садилось, когда они добрались до укрытия в скалах, где на подстилке из сухих водорослей лежала весельная лодка. Закат окрашивал воду и весь западный край неба багрянцем, и над этим красноватым сиянием уже видна была маленькая луна Хелики, на этот раз почти полная. Далеко на востоке всходила Большая звезда, далекая подруга их планеты, похожая на драгоценный опал. Под сверкающим великолепием небес и вод изрезанное горами побережье выглядело темным и мрачным.

— Вот она, лодка, — сказал Пиаи, останавливаясь и поворачиваясь к ним лицом, на котором играл багровый отсвет заката. Его друзья молча встали у Роканнона и Яхана за спиной.

— Вам же придется назад в темноте плыть, — сказал Яхан.

— Ничего, Большая звезда светит ярко, да и ночь будет звездная. А теперь, парень, надо бы нам заплатить за перевозку.

— Как? — не понял Яхан.

— Пиаи прекрасно знает, что у нас ничего нет. Даже плащ этот он мне подарил, — вмешался Роканон, не обращая уже внимания на свой акцент: он сразу понял, откуда ветер дует.

— Мы всего лишь бедные охотники. Мы подарков не лаем, — сказал Кармик, который хоть и не рычал так, зато взгляд у него был злее и умнее, чем у Пиаи.

— У нас ничего нет, — повторил Роканнон. — Нечем нам платить. Оставьте нас здесь.

Яхан повторил то же самое, но более бойко, и Кармик оборвал его:

— А вот у тебя, чужак, на шее мешочек висит. Что там, в нем, а?

— Моя душа, — нашелся Роканнон.

Все так и уставились на него, даже Яхан. Однако блеф не удался. Прервав всеобщее молчание, Кармик, положив руку на рукоять ножа, приблизился к Роканнону; Пиаи и второй тоже подошли ближе.

— Это ведь ты был у Згамы! — сказал Кармик. — В селении Тимаш только об этом и разговоров. Как голый человек стоял среди горящего костра, а потом обжег Згаму своим белым посохом и вышел из пламени невредимым. А на груди, говорят, у него был удивительный камень на золотой цепи — вроде бы волшебная штука, в которой вся сила этого колдуна. Вот дурни! Сам-то ты, может, и вправду в огне не горишь и в воде не тонешь, но вот этот... — Он ловко схватил Яхана за волосы, оттянул ему голову назад и вбок, а к горлу приставил острие ножа. — А ну-ка, паренек, скажи своему Страннику, за которым ты следом таскаешься, чтобы он за постой заплатил... А ну быстро!

Роканнон так и застыл. Красные отблески заката на воде почти померкли, зато Большая звезда на востоке засияла ярче; вдоль берега подул резкий холодный ветер.

— Да ладно, — буркнул Пиаи, поморщившись, — ничего мы ему не сделаем. И вас перевезем, как я и обещал, только заплатите. Ты же не сказал мне, что у тебя золото есть. Ты сказал, что у вас все утонуло. А сам небось спал в моем доме! Давай сюда эту побрякушку, и мы вас тотчас перевезем.

— Хорошо. Я отдам... но только на том берегу, — сказал Роканнон, указывая через залив.

— Нет, — сказал Кармик.

Яхан, совершенно беспомощный, даже не дрогнул. Роканнон видел, как бьется пульс у него на шее — как раз в том месте, где к коже прикасалось лезвие ножа.

— Там, — мрачно и твердо повторил Роканнон и угрожающе выставил вперед свой «посох» с обгорелым концом, — вдруг подействует? — Перевезете нас, и я сразу отдам вам ожерелье. Это мое последнее слово. А если кто попробует что-нибудь с мальчиком сделать, пусть на себя псынят! Умрет на месте. Это я вам тоже обещаю!

— Кармик, он ведь педан, — пробормотал Пиаи. — Сде-

лай, как он велит. Все-таки они две ночи со мной под одной крышей ночевали. Отпусти мальчишку. Педан ведь сказал, что отдаст тебе эту штуку.

Кармик злобно посмотрел на него, потом на Роканнона и рявкнул:

— А ну-ка отбрось сперва свою белую палку подальше! Ладно, перевезем мы вас.

— Сперва отпусти мальчика, — стоял на своем Роканнон, а когда Кармик все-таки освободил Яхана, он рассмеялся ему в лицо и отшвырнул «посох» далеко в море.

Не выпуская из рук ножей, охотники погнали их с Яханом к лодке. Пришлось войти в воду и садиться со скользких скал, о которые разбивались невысокие мутно-красные волны. Пиаи и третий охотник сели на весла, а Кармик с ножом в руке — напротив пассажиров.

— Неужели ты отдашь ему сокровище? — прошелтал Яхан на ухо Роканнону, воспользовавшись «общим» языком, которого эти ольгъяр не знали.

Роканнон кивнул.

Яхан сразу как-то охрип и снова зашептал ему на ухо:

— Лучше ты прыгни в воду и плыви, господин мой. Только не отдавай ожерелье Семли! Только не сейчас прыгай, а когда мы поближе к берегу подплывем. А меня они так и так отпустят — зачем я им, если камень от них уплывет?...

— Нет. Не отпустят они тебя; они тебя убьют. Тихо, сынок.

— Слушай, Кармик, что они там, заклинания бормочут? — сказал третий охотник. — Небось лодку утопить хотят?

— А ты греби быстрее, рыбье отродье! Сидите-ка смирно, — велел Кармик путешественникам, — не то я живо парнишке глотку перережу.

Роканнон и Яхан послушно затихли и стали смотреть на воду, которая постепенно из красной превращалась в туманно-серую. Берега позади и впереди уже скрывались в ночной мгле. «Их ножи не могут пробить защитный костюм, — думал Роканнон, — но вот Яхана я спасти не успею, если что». Ради ожерелья Семли он с радостью переплыл бы и весь этот залив, но Яхан плавать не умеет. Выбора не оставалось. По крайней мере, подвезут их, и то хорошо.

Постепенно из темноты стали выступать холмы южного берега, становясь все массивнее, все выше. Легкие серые облака сползли к западу, показались звезды. Большая звезда светила так ярко, что затмевала даже небольшую луну Хели-

ки, которая, впрочем, сейчас убывала. Уже были слышны вздохи прибоя.

— Суши весла, — скомандовал Кармик, а Роканнон велел: — А теперь отдавай камень!

— Сперва поближе к берегу подгребите, — потребовал Роканнон спокойно.

— Отсюда я доберусь, господин мой, — дрожащим голосом пробормотал Яхан. — Вон уже тростники видны, так что...

Лодка еще немного проплыла и снова остановилась.

— Прыгай, когда я скажу, — сказал Яхану Роканнон. Оба медленно поднялись и встали на корме. Роканнон, чуть освободив на шее защитный костюм, который теперь носил практически не снимая, разорвал кожаный ремешок, на котором висел мешочек с ожерельем, вытряхнул сапфировую подвеску на дно лодки, быстро застегнул костюм и в ту же секунду нырнул.

Минуты через две, уже стоя рядом с Яханом среди скал, он увидел, как лодка, казавшаяся черноватым неясным пятном на серой воде, начала уменьшаться, отплывая все дальше.

— Да чтоб они заживо сгнили! Чтоб у них в кишках черви завелись! Чтоб кости их в слизь превратились! — Яхан был вне себя, он даже заплакал. Он был ужасно напуган, но, как оказалось, гораздо труднее ему было сдержаться, когда Роканнон отдал каким-то подонкам сокровище ценой в целое королевство, спасая жизнь какого-то «низкорослого», его, Яхана, жизнь! Юноше казалось, что мир встал с ног на голову; на плечи его тяжким бременем легла невыносимая ответственность. — Неправильно это, господин мой! — вырвалось у него. — Неправильно!

— Что неправильно? То, что я выкупил твою жизнь с помощью какого-то камня? Успокойся, Яхан, возьми себя в руки. Ты же в сосульку превратишься, если мы немедленно костер не разожжем. Добудь-ка нам огонька. Ты, надеюсь, сноровки не утратил? А валежника тут полно. Давай-ка, шевелись!

Вскоре им удалось развести костер, причем настолько большой, что ночь даже как будто отступила немного, но все равно было ужасно, пронизывающе холодно, и Роканнон отдал Яхану меховой плащ, подаренный ему Пиаи. Юноша завернулся в него и наконец заснул, а Роканнон остался сидеть, подбрасывая в огонь топливо; на душе у него было тревожно, спать совершенно не хотелось. Ему и самому тяжело

было расставаться с ожерельем — не потому, что оно «стоило целое королевство», но потому, что некогда именно немеркнувшая в его памяти красота Семли заставила его годы спустя все-таки прилететь в этот мир; и еще — потому что ожерелье дала ему Хальдре, надеясь, что именно он сумеет с помощью сокровища отогнать нависшую над ее сыном тень ранней смерти. А может, не так уж и плохо, что прекрасного ожерелья больше у него нет? Ведь с ним вместе ушло и тяжкое бремя его опасной красоты. И может быть, в самом худшем случае, Могиену так и не доведется узнать, что ожерелье пропало. Кто знает, вдруг Могиен их не найдет? Или... вдруг он уже мертв?..

Об этом Роканнон решил не думать. Конечно же, Могиен ищет их с Яханом! И только в этом направлении! Разве не планировали они все вместе идти на юг, и только на юг? Ведь если догадки Роканнона окажутся правильными, они должны найти там врага. Что ж, суждено им встретиться с Могиеном или нет, а он, Роканнон, должен идти на юг.

Они вышли на заре, взбираясь по склону прибрежного холма еще в сумерках, но, когда добрались до вершины, взошедшее солнце уже осветило всю раскинувшуюся перед ними до самого горизонта равнину, совершенно пустую и исполосованную длинными тенями от кустарников. Пиаи все же был прав: видимо, к югу от залива действительно совсем нет людей. Ничего, зато Могиену легко будет увидеть их издали. И они решительно двинулись на юг.

Было холодно, но небо совсем расчистилось. Яхан надел на себя всю одежду, которая имелась у них обоих, Роканнон остался в защитном костюме. Они переходили вброд ручьи, которые здесь поворачивали к югу и встречались достаточно часто, так что путники не испытывали жажды. Они шли весь день и следующий тоже, питаясь корнями растения, которое называлось пейя. А еще Яхану удалось поймать парочку крылатых прыгунов, похожих на кроликов, которых он сшиб прямо в воздухе палкой и поджарил на костерке, сложенном из веток и былинок. Никаких других живых существ они не заметили. Прямо в небеса, казалось, уходил этот высокогорный поросший травой луг, ровный, лишенный деревьев, троп и дорог, погруженный в молчание.

Подавленные всем этим, оба путника присели у своего крошечного костерка в бескрайних сумерках, не говоря ни слова. Над головами у них через вполне определенные и довольно длительные промежутки времени биением пульса звучал в ночи чей-то негромкий крик — высоко-высоко в не-

бесах. Это были огромные дикие летающие коты, двоюродные братья и сестры прирученных людьми Крылатых, совершившие очередную весеннюю миграцию на север. До звезд, казалось, можно было достать рукой, лишь порой они скрывались за пролетавшей мимо стаей. Тот короткий клич испускало всегда только одно животное — остальные хранили молчание, влекомые ветром.

— С которой из звезд прибыл ты к нам, Странник? — тихонько спросил Яхан, глядя в небо.

— Я родился в мире, который на языке моей матери называется Хайн, а на языке отца — Давенант. Вы называете солнце этого мира Зимней Короной. Но родную планету я покинул очень давно...

— Так значит, у вас там не один народ? Ваш Звездный Мир состоит из многих народов?

— Да, из многих сотен других народов. По крови я полностью принадлежу к народу моей матери; а мой отец, который был землянином, меня усыновил. Таков обычай, когда люди разных гуманоидных видов, не способные зачать и родить ребенка, вступают в брак. Ну, как если бы кто-то из ольгъяр, например, женился бы на женщине фийя...

— Такого у нас не бывает, — сухо заметил Яхан.

— Я знаю. Но жители Земли и Давенанта очень похожи, как мы с тобой, например. Ведь очень редко на одной планете существует столько разных видов гуманоидов, как у вас. Чаще всего на планете бывает один вид, и его представители, в общем, похожи на нас, а все остальное — бессловесные твари.

— Ты повидал много миров! — мечтательно сказал юноша, пытаясь как-то осознать сказанное.

— Слишком много, — возразил его старший товарищ. — Мне уже сорок, если считать по-вашему. Но на самом деле я родился сто сорок лет назад. И целых сто лет потерял зря! Практически и не жил по-настоящему, болтаясь где-то в пространстве, меж звезд. Если бы я сейчас вернулся на Давенант или на Землю, то все мужчины и женщины, которых я знал когда-то, были бы уже давно мертвы. Теперь мне дано идти только вперед. Или же остановиться и... Что это? — Ощущение чьего-то присутствия заглушило, казалось, даже шуршание ручья по травянистому руслу. Что-то шевельнулось на самом краю освещенного костром круга — чья-то большая тень, что-то темное... Рокан non напряженно привстал на одно колено; Яхан мгновенно отпрыгнул подальше от огня.

Но больше никакого движения они не заметили. Все также свистел ветер в траве, и над горизонтом сияли ясным незамутненным светом звезды.

Они снова уселись у костра.

— Что это было? — спросил Роканнон.

Яхан только плечами пожал.

— Пиаи что-то говорил... такое...

Спали они урывками, стараясь поскорее сменить друг друга у костра. Когда занялся неторопливый рассвет, оба чувствовали себя не отдохнувшими, а усталыми, и тут же принялись искать следы или еще какие-нибудь отметины там, где, как им казалось, высилась темная тень, но молодая трава даже примята не была. Они тщательно затоптали свой костерок и двинулись дальше на юг.

Пора было бы попасться очередному ручью, однако ручьи попадаться перестали — либо все они теперь изменили свое направление, либо здесь вообще не было никаких ручьев. Эта равнина казалась бесконечной, они все шли и шли, а вокруг становилось все суще и суще; все глуше, серее становились краски, и за все утро им не попалось ни одного кустика пейи, только жесткая серо-зеленая трава колыхалась на всем пространстве до самого горизонта.

В полдень Роканнон остановился.

— Что-то тут не то, Яхан, — сказал он.

Яхан потер шею, огляделся и поднял измученное юное лицо к Роканнону:

— Если хочешь идти дальше, господин мой, то и я пойду с тобой.

— Мы не можем идти дальше без еды и воды. Придется, видно, украдь на побережье лодку и вернуться в Халлан. А здесь нам одним не справиться. Пошли.

Роканнон повернул на север. Яхан догнал его и пошел рядом. Высокое весеннее небо сияло нестерпимой синевой, ветер неумолчно свистел в бескрайних травяных просторах. Роканнон шел размежено, чуть опустив плечи, шаг за шагом уходя все дальше — в вечную ссылку, в изгнание. Он обернулся только на крик вдруг остановившегося Яхана:

— Крылатые!

Взглянув вверх, Роканнон увидел их — три очень похожих на волшебных грифонов существа, круживших прямо над ними с растопыренными когтями; крылья их на фоне ярко-голубого пламени небес казались черными.

Часть II СТРАНИК

Глава 6

Могиен слетел с высокого седла еще до того, как лапы Крылатого коснулись земли. Он бросился к Роканнону и обнял его как брата. Голос его звенел от радости и облегчения.

— Клянусь копьем Хендина! Но почему, Властелин Звезд, ты бредешь нагим по этой пустыне? И как это тебе удалось забраться так далеко на юг, если идешь ты на север? Неужели ты... — Тут Могиен заметил Яхана и умолк.

— Яхан принес мне клятву верности, — вмешался Роканон.

Могиен молчал. Он явно боролся с собой. Но вот постепенно улыбка скользнула по его губам, и он громко расхохотался.

— Неужели ты учил наши законы специально для того, чтобы красть у меня слуг, Роканон? Нет, ты мне все-таки скажи, кто у тебя-то самого одежду украл?

— У Странника не одна кожа, — заметил Кью, выходя вперед. Трава под ним практически не сминалась. — Приветствуя тебя, Властелин Пламени! Прошлой ночью я мысленно слышал твой голос.

— Это Кью нас к тебе привел, — подтвердил Могиен. — С тех пор, как мы десять дней назад высадились на побережье Фьерна, он ни слова не промолвил, но вчера ночью на берегу залива, когда взошла Лиока, он стал слушать лунный свет и вдруг произнес: «Это там!» Как только рассвело, мы полетели, куда он велел, и нашли тебя.

— А где же Иот? — спросил Роканон, заметив только Рахо, державшего Крылатых. Лицо Могиена не дрогнуло, когда он ответил:

— Иот мертв. На берегу на нас напали ольгьяр. Вооружены они были только камнями, но их было слишком много. Иот погиб, а ты пропал. Мы прятались в пещере среди утесов, пока Крылатые не отдохнули и не согласились подняться в воздух. Рахо сходил на разведку и услышал, что местные рассказывают о каком-то чужеземце с синим камнем на шее,

который стоял на костре, но не горел и даже не обжегся, так что, как только Крылатые пришли в себя, мы отправились в логово этого Згамы, но там тебя уже не было, и мы в отместку подожгли их воюющие крыши и разогнали стада по лесам, а потом стали искать тебя среди этих дюн.

— Послушай, Могиен, — прервал его Роканнон, — видишь ли, «Око моря», драгоценный сапфир... В общем, мне пришлось его отдать, чтобы выкупить наши жизни. Вот так.

— Ты отдал «Око моря»? — Могиен так и уставился на него. — Ожерелье Семли? Ты его отдал? Чтобы выкупить... Нет, не свою собственную жизнь — кто бы тебя тронул! — но никчемную жизнь этого непослушного мальчишки? Дешево же ты ценишь мое наследство! Ладно уж, возвращаю ожерелье тебе! Не думай, что так легко потерять подобную вещь! — Он засмеялся, покрутил что-то в воздухе и бросил Роканну. Тот поймал сверкнувший предмет, и на ладони у него оказался синий сапфир на золотой цепи!

— Вчера на том берегу залива мы наткнулись на ольгъяр — двое были еще живы, а один уже мертв; мы спросили, не видели ли они нагого Странника, которого сопровождает тупоголовый слуга, и один из них тут же со страха ткнулся носом в песок и все нам выложил. В общем, я отнял у его приятеля ожерелье, а заодно и его жизнь, потому что он, видите ли, отдавать чужое не хотел. Вот тогда-то мы и узнали, что ты перебрался через залив. Ну а потом Кью привел нас прямехонько к тебе. Но почему ты все-таки шел на север, Роканнон?

— Чтобы... отыскать воду.

— Вон там, чуть левее, ручей, — быстро сказал Рахо. — Я его заметил как раз перед тем, как мы вас увидели.

— Ох, пойдемте скорее! Мы с Яханом не пили со вчерашнего дня.

Они оседлали Крылатых — Яхан сел вместе с Рахо, а Кью на свое прежнее место позади Роканнона. Пригибаемая ветром трава быстро понеслась вниз, в сторону, и они устремились на юго-запад между бескрайней равниной и ясным небом.

Привал устроили у ручья, неторопливо струившего чистые воды среди однообразной, зеленой, без ярких цветов, травы. Наконец-то Роканнон снял с себя защитный костюм и надел запасную рубаху и плащ Могиена. Они поели сухариков, захваченных в Халлане, и корешков пейи. А еще Рахо и Яхан подстрелили из луков четырех короткокрылых «кроликов». Яхан был просто счастлив снова взять в руки лук.

Зверьки здесь на равнине чуть ли не сами насаживались на стрелы; Крылатые ловили их буквально на лету. Крохотные зеленые, фиолетовые и желтые существа, которые назывались килар и были очень похожи на стрекоз с прозрачными жужжащими крылышками, хотя на самом деле являлись сумчатыми млекопитающими, совершенно не боялись людей и с любопытством толпились возле самого лица то одного, то другого путешественника, рассматривая его своими золотистыми глазами, или же садились на чье-нибудь плечо или колено и тут же снова взлетали и начинали кружиться над головой. Роканнуон казалось, что эта бескрайняя заросшая травой равнина прямо-таки кишит самыми различными формами разумной жизни, хотя Могиен сказал, что они не видели ни одного человека или каких-либо человекоподобных существ, пока летали над равниной.

— А нам обоим показалось, что вчера к нашему костру кто-то приходил, — сказал неуверенно Роканнон. Впрочем, что, собственно, они видели? Тень? Но Кью обернулся и внимательно посмотрел на него, оторвавшись от приготовления ужина, а Могиен не улыбнулся и промолчал, снимая ремень и перевязь с двумя мечами.

Со стоянки снялись с первыми лучами солнца и весь день летели с попутным ветром над залитой солнцем равниной. Лететь над ней было настолько же приятно, насколько трудно идти по ней пешком. Так прошел и следующий день, и уже к вечеру, когда они высматривали один из ручейков, которые в этом царстве трав попадались не так уж часто, Яхан повернулся в седле и крикнул, стараясь перекричать ветер:

— Странник! Посмотри вперед!

Далеко впереди, у самого горизонта, ровную поверхность морщили, вздыбливали какие-то серые вспышки.

— Это же горы! — воскликнул Роканнон.

В течение последующего дня равнина начала постепенно повышаться, всухать пригорками и холмами, ложиться широкими складками — когда-то здесь было море. Высокие облака неторопливо плыли на север; далеко впереди виднелись холмы предгорий, а к вечеру показались и сами горы. И когда равнину окутала ночная тьма, крошечные вершины далеких горных пиков еще долго сияли золотым светом, пока из-за них не появилась луна Лиока и не поплыла торопливо по небу, точно крупная желтая звезда или космический корабль. Фени и Фели двигались более степенно, а последней из четырех лун взошла Хелики и помчалась вдогонку за се-

страми, то вспыхивая, то угасая, стараясь успеть за свой получасовой цикл обращения. Роканнон, лежа на спине в высокой черной траве, никак не мог налюбоваться неторопливым и светлым великолепием этого лунного танца.

На следующее утро, когда они с Кью подошли к своему Крылатому, Яхан, придерживая повод зверя, предупредил Роканнона:

— Поосторожнее с ним сегодня, Странник.

Крылатый будто подтвердил его слова хриплым ворчанием, которому эхом откликнулся серый зверь Могиена.

— Что это с ними?

— Голодные, — пояснил Рахо, крепко держа повод своего белого. — Они в последний раз неплохо подзакусили, когда мы разогнали стадо этого Згамы, но с тех пор, как мы летим над этой равниной, дичи особой не попадается, а эти летающие попрыгунчики им на один зуб. Ты лучше подпояши свой плащ, господин мой: если твой Крылатый до него дотянется, ты вполне можешь попасть ему на обед.

Рахо, чьи каштановые волосы и смуглая кожа свидетельствовали о том, что к одной из его бабок или прабабок явно был неравнодушен кто-то из ангьяр, казался более решительным и насмешливым, чем прочие «низкорослые». Могиен никогда его не отчитывал, а что касается самого Рахо, то его грубоватые шутки не могли скрыть трепетного отношения к молодому правителю Халлана, которому ольгья был предан всей душой. Будучи человеком средних лет, Рахо явно считал это путешествие дурацкой затеей, но тем не менее, безусловно, до конца последовал бы за своим хозяином куда угодно, навстречу любой опасности.

Яхан передал Роканнону поводья и быстро отступил в сторону: Крылатый взвился в небеса, точно расправившаяся пружина. Весь день Крылатые летели с каким-то диким упорством, словно не чувствуя усталости, понимая, что лесистые предгорья сулят им славную охоту, а северный ветер лишь подгонял их. Все ближе подступали высокие темные холмы. Теперь и на равнине встречались деревья и даже небольшие рощицы — точно островки в бушующем море трав. Роши сливались постепенно в леса с широкими травянистыми полянами. Еще до наступления сумерек путники опустились на берег небольшого болотистого озерца, лежавшего среди лесистых холмов. Ольгьяр быстро распрягли Крылатых, сняли с них седла и поклажу и отпустили охотиться. Звери с ревом взлетели, сильно ударяя крыльями, и мгновенно исчезли в лесу.

— Теперь вернутся, только когда наедятся досыта, — сказал Роканнону Яхан. — Или же если господин Могиен подует в свой свисток.

— Иногда они с собой диких самок приводят, — добавил Рахо.

Могиен, Рахо и Яхан тоже ушли в лес — охотиться на «кроликов» с крыльями да и вообще на любую дичь; Роканнон тем временем отыскал несколько кустиков пейи и поджарил съедобные коренья на углях, завернув их в листья того же растения. Он привык обходиться тем, что дает сама земля, и ему это даже нравилось; дни непрерывного полета, чуть приглушенный постоянный голод, спанье на голой земле и холодные весенние ветры привели в прекрасное состояние его душу и тело, и он теперь вновь с радостью воспринимал все новое и необычное, что встречалось им в пути. Встав от костра, Роканнон заметил, что Кью стоит у самой кромки воды — тоненькая фигурка, похожая на те тростинки, что торчали из озера чуть подальше от берега. Кью не сводил глаз с гор, высившихся впереди, серых и неприступных; вокруг их вершин собирались, казалось, все облака этого мира и все молчание его небес. Роканнон подошел к фийяну и увидел на его лице странное выражение — смесь отчаяния и страстного любопытства. Кью, не оборачиваясь, своим легким неуверенным голоском вдруг проговорил:

— Странник, ожерелье теперь снова у тебя...

— Да, хотя я все время пытаюсь его кому-нибудь передать, — улыбнулся Роканнон.

— Там, — фийян указал на горы, — тебе придется отдать куда больше, чем золото и драгоценный самоцвет... Что же отдашь ты там, Странник, на тех холодных высотах, среди серых камней? После жара костра в ледяном безмолвии... — Роканнон слышал Кью, видел его лицо, однако не заметил, чтобы губы его двигались. По спине у него пробежал холодок, и он изо всех сил постарался «замкнуться», избавиться от этого мысленного прикосновения к его внутреннему «я», к самым сокровенным его чувствам. Мгновение — и Кью обернулся, спокойный и улыбчивый, как всегда, и заговорил своим обычным голосом. — Там, за холмами, есть другие фийя, в лесах и зеленых долинах. Мой народ любит селиться в долинах; даже в здешних долинах живут фийя, лишь бы долины были невысоко и в них хватало солнца. Наверное, нам вскоре встретятся их селенья.

Эта новость всех очень обрадовала.

— А я уж думал, мы здесь больше и человеческой речи не

услышим! — сказал Рахо. — Такая богатая красивая страна — и совсем нет людей.

Глядя, как в воздухе над озером танцует парочка похожих на стрекоз киларов с розовато-сиреневыми крылышками, Могиен сказал:

— Здесь когда-то тоже жили люди. Предки ангъяр когда-то давно бродили по этим землям — еще до того, как появились на свет Герои, до того, как были построены Халлан и высокий Ойнхол, до того, как Хендин нанес свой знаменитый удар, а Кирфиель погиб на Холме Оррен. Ангъяр, приплывшие сюда с юга на длинных лодках с драконьими головами на носу, обнаружили здесь своих родичей, тоже ангъяр, но диких, живущих в лесах и прибрежных пещерах, и белолицых... Ты же знаешь, Яхан, «Балладу об Орхогиене»...

На ветре верхом,
По травам ступая,
Касаясь волны морской,
Прямо к звезде ночной,
Тропою Лиоки взлетая...

— А тропа Лиоки, как у нас считается, ведет с юга на север. Описанное в этой балладе свидетельствует о том, что мы, ангъяр, сражались с дикими охотниками, которые называли себя ольгъяр, и победили их. Это был единственный родственный нам народ: ангъяр и ольгъяр составляют единое целое — лийяр. Но вот об этих горах в той песне вроде бы не сказано ничего. Она очень старая, эта песня; возможно, начало ее просто забыто. Может быть, и ангъяр тоже пришли из этих холмов? Красивая здесь страна — леса полны дичи, на холмах отличные пастища, и для замков места отличные есть... И все же тут, похоже, сейчас никто не живет.

В тот вечер Яхан не стал играть на своей лире с серебряными струнами; и всем как-то не спалось, было тревожно — наверное, потому, что с ними не было Крылатых, а холмы вокруг стояли такие тихис, словно живые существа на них замерли от страха и всю ночь боялись шевельнуться.

Решив, что на берегу озера слишком сырьо, уже на следующий день они двинулись дальше пешком, неторопливо, с остановками, успевая поохотиться и набрать свежих трав. В сумерках они вышли к холму, вся вершина которого была в странных буграх и рытвинах; похоже, под травой лежали руины замка. Приглядевшись, можно было определить очертания заросшего фундамента главного здания, двора и стен. Видимо, об этом замке даже в легендах памяти не сохрани-

лось. Тут они и решили разбить лагерь, чтобы Крылатые легко могли найти их, когда наконец насытятся и вернутся.

Среди ночи Роканнон вдруг проснулся и сел. На небе светила только маленькая Лиока; костер совсем погас. Часового они не поставили. В нескольких шагах от Роканнона стоял Могиен, неподвижный и очень высокий в свете звезд. Роканнон сонно наблюдал за ним, удивляясь, почему это Могиен такой высокий и узкоплечий. «Странно, — подумал он. — Обычно в плаще ангъяр казались еще шире в плечах, потому что он свисал с них, точно крыша пагоды; впрочем, Могиен и без плаща был весьма широк в плечах и могуч. И почему это он все стоит там, да еще так странно ссугулившиесь?»

Человек медленно обернулся: нет, это был не Могиен!

— Кто там? — спросил Роканнон, глядываясь в темное лицо; голос его в тишине прозвучал хрипло. Рядом с ним тут же проснулся и сел Рахо. Увидел незнакомца, схватился за лук и вскочил. За плечами высокого человека что-то шевельнулось — еще один такой же. И всюду вокруг них на заросших травой руинах под светом звезд высились такие же высокие, худые, молчаливые люди, в тяжелых плащах, с понуро опущенными головами. У костра, кроме Роканнона и Рахо, больше никого не было.

— Могиен! — крикнул Рахо.

Ответа не последовало.

— Где Могиен? Кто вы? Говорите же!..

Но они не ответили, а стали медленно приближаться. Рахо натянул тетиву, но они по-прежнему молчали, а потом вдруг разом бросились на них — плащи разевались, точно крылья. Двигались они неторопливыми крупными прыжками, высоко подскакивая в воздух. Отбиваясь, Роканнон думал, что вот-вот очнется от страшного сна — конечно же, это должен быть просто сон! Потому незнакомцы и движутся так медленно, и молчат... Да, все это происходит во сне, он ведь не ощущает их ударов... Но тут он вспомнил, что на нем защитный костюм! И услышал отчаянный крик Рахо:

— Могиен!

Нападающим удалось повалить Роканнона на землю — просто потому, что их было значительно больше и он не смог высвободиться из-под груза навалившихся на него тел. Потом его подняли и понесли; голова его свешивалась вниз, а от мерных покачиваний начало подташнивать. Он извивался, пытаясь вырваться, но его держало множество рук. Потом он увидел, как залитые светом звезд холмы и леса качну-

лись и уплыли куда-то вниз, далеко-далеко... Голова у Роканнона закружилась, и он обеими руками ухватился за тех, кто поднял его над землей. Все они как бы нависали над ним; в воздухе шуршали их черные крылья.

Летели они долго; Роканнон все еще порой пытался очнуться от этого монотонного кошмара, но слышал над собой шипящие голоса и шум множества крыльев, несущих его все дальше и дальше... Потом вдруг полет превратился в долгое пологое скольжение вниз. Мимо него невероятно быстро промелькнул светлеющий восточный край неба, земля качнулась навстречу, мягкие сильные руки, державшие его, разжались, и он, оказавшись на свободе, тут же упал. Но не ударился. Голова страшно кружилась — он не мог даже сидеть; лежал, раскинув руки, и растерянно озирался по сторонам.

Лежал он на полу из ровных отполированных мелких плиток. Справа и слева вздымались стены, в утреннем свете казавшиеся серебряными, очень высокие и прямые, чистых очертаний, будто высеченные из стали. За спиной высился огромный купол какого-то здания, а впереди виднелись ворота, без арки или перекрытия, а за ними целая улица таких же серебристых домов, лишенных окон, но четких благородных очертаний, похожих друг на друга, как близнецы, и выстроившихся абсолютно четкими рядами вдоль улицы, создавая чистую геометрическую перспективу, и в рассветном полумраке начисто лишенных теней. Это был настоящий город. Не какая-то деревушка каменного века или замок, но действительно великолепный город, строгий и грандиозный, образец высокоразвитой технологии. Роканнон сел; голова все еще немного кружилась.

Стало светлее, и он сумел различить отдельные предметы в полумраке двора — какие-то свертки или груды вещей; вершина одной из этих бесформенных куч поблескивала золотистым светом. С ужасом, окончательно пробудившим его сознание, он разглядел знакомое темное лицо под копной спутанных соломенных волос. Глаза Могиена были открыты и неподвижно смотрели в небо.

Все четверо его друзей лежали такими же неподвижными грудами. На лице Рахо застыла ужасная гримаса. Даже Кью, который при всей своей хрупкости казался совершенно незязвимым, лежал, не шевелясь, с открытыми огромными глазами, в которых отражалось бледное небо.

И все же они дышали — медленно, тихо. Роканнон приложил ухо к груди Могиена и услышал слабое биение сердца,

очень замедленное, глухое, точно доносившееся откуда-то издалека.

Странные звуки в воздухе заставили его инстинктивно припасть к земле и застыть, отчего он стал похож на своих парализованных товарищей. Чьи-то руки трясли его за плечи и за ноги. Потом его перевернули, и он, оказавшись снова на спине, увидел перед собой лицо: крупное, вытянутое, довольно красивое и удивительно мрачное. Темнокожая голова была полностью лишена волос, не было даже бровей. Глаза чистого золотистого цвета смотрели на него из-под тяжелых, лишенных ресниц век. Рот был небольшой, изящных очертаний, губы сомкнуты. Нежные сильные руки пытались разжать Роканну зубы и открыть рот. Потом еще один высокий человек склонился над ним, и он закашлялся и задохнулся — в горло ему влили несколько глотков чего-то странного, скорее всего просто воды, теплой и несвежей. Потом высокие существа отпустили его. Он встал, сплюнул и сказал:

— Со мной все в порядке, отпустите меня!

Но они уже повернулись к нему спиной и склонились над Яханом; один разжимал ему челюсти, второй лил в рот воду из длинного серебряного кувшина.

Это были очень высокие и очень худые гуманоиды, если судить по внешности; суровые и сперханные. По земле они двигались довольно неуклюже. Узкие грудные клетки выпирали между двумя мощными плечевыми мышцами, поддерживавшими широкие мягкие крылья, ниспадающие, точно серые плащи. Ноги у них были тонкие и короткие, как у птиц, а темнокожие благородные головы все время чуть склонялись вперед — видимо, выпрямиться им мешали чесчур развитые лопатки и могучие крылья.

Любимый справочник Роканнона покоялся на дне морском, под окутанными туманом водами пролива, однако в памяти ярко всплыли строчки: «...по неподтвержденным данным вид 4(?) — крупные гуманоиды, обитающие в развитых городах...». Неужели ему выпало счастье подтвердить эти «неподтвержденные данные», первым наладить контакт с новой формой развитого интеллекта? Познакомиться с новой развитой культурой? С новыми возможными членами Лиги Миров? Чистые четкие очертания домов, спокойная доброжелательность огромных ангелоподобных существ, которые только что дали ему напиться, их царственное молчание — все это вызывало у него благоговейный трепет. Он никогда еще не встречал расы, подобной этой! Он подошел к

тем двоим, что поили Кью, и спросил вежливо и несколько неуверенно:

— Говорят ли крылатые господа на «общем» языке?

Они даже голов не повернули; мягко и неуклюже ступая, они перешли к Рахо, разжали ему рот и влили туда несколько глотков воды. Вода потекла у него по застывшим щекам. Тогда они перешли к Могиену. Роканнон бросился за ними.

— Выслушайте же меня! — воскликнул он, преграждая им путь, и тут же отошел в сторону: догадка пришла вместе с неприятным сосущим чувством. Широко открытые золотистые глаза слепы, существа эти не только ничего не видят, но и не слышат! Они не только не отвечали, но и не смотрели на него, просто шли себе дальше, высокие, неземные, похожие на ангелов, и мягкие крылья волочились за ними, как плащи, укрывая им спину от шеи до пят. Они вошли в куполообразное здание, и дверь за ними неслышно затворилась.

Немного упокоившись и взяв себя в руки, Роканнон подошел по очереди к каждому из своих товарищ, надеясь, что им дали противоядие и оно скоро начнет действовать. Но пока что перемен не было. У каждого сердце билось медленными слабыми толчками, дыхание тоже было очень замедленным и поверхностным. И только в груди у Рахо царило полное молчание, и страшно холодным было его исказенное лицо. Вода, которой они поили его, еще не высохла у него на щеках.

Волна гнева охватила Роканнона. Почему эти ангелоподобные обращаются с ними, как со своей добычей? Он оставил друзей лежать на прежнем месте, а сам устремился через двор, мимо ворот на улицу этого невероятного города.

Там все было неподвижно. Все двери были закрыты. Высокие, лишенные окон, один за другим выселились серебристые фасады, дома стояли тихие в первых утренних лучах солнца.

Роканнон насчитал шесть перекрестков, прежде чем добрался до конца этой улицы и уперся в стену пятиметровой высоты, в которой не было видно ни одного прохода или калитки. Видимо, она окружала весь город, и Роканнон не стал искать в ней ворота, это было бессмысленно, да и зачем крылатым существам, построившим этот город, какие-то ворота? Он вернулся к той радиальной улице, ведущей к центральному зданию, по которой начал свой путь; это было единственное в городе здание, своими очертаниями отличавшееся от остальных и значительно выше серебристых домов, стоявших четкими геометрическими рядами. Роканнон

снова вошел в тот же двор. Все двери по-прежнему были закрыты, улицы чисты и пусты, в небе тоже никого не было видно; стояла полная тишина, слышался лишь шум его шагов.

Он постучал в дверь на дальнем конце двора. Ответа не последовало. Он толкнул ее, и дверь распахнулась.

Внутри было тепло и темно, слышалось легкое шипение и шуршание крыльев, сразу возникало ощущение высоты и простора. Мимо него промелькнула высокая фигура; существо задержалось на мгновение, посмотрело на него и застыло. В полосе неяркого утреннего света, который падал из открытой им двери, Роканнон увидел, как крылатое существо сомкнуло веки над желтыми глазами и снова медленно их разомкнуло. Видимо, его слепил солнечный свет. Скорее всего они летают и бродят по своим серебристым улицам только по ночам.

Не в силах оторваться от этого невообразимого лица, Роканнон привычно расшаркался (его «всегалактический поклон» скорее напоминал небольшое драматическое действие продолжительностью в одну минуту) и спросил на межгалактическом:

— Кто у вас здесь главный?

Произнесенный уверенным тоном, этот вопрос обычно производил должное впечатление. Но на сей раз никакой реакции не последовало. Существо смотрело прямо на Роканнона, потом один раз с полнейшим безразличием моргнуло и с презрительным видом закрыло глаза, снова погрузившись в дремоту и неподвижность.

Постепенно привыкнув к темноте, Роканнон увидел под сводом купола ряды и отдельные группы крылатых существ, сотни и сотни их; все они стояли, не двигаясь, с закрытыми глазами.

Он бродил среди них, но они даже не пошевелились!

Давным-давно, на планете Давенант, где он родился, он вот так же бродил по музею,льному статуй, и с детским любопытством вглядывался в неподвижные лица древних хайнских богов.

Собрав все свое мужество, он подошел к одному из существ и коснулся его — или ее? — они, вполне возможно, могли оказаться и самками — руки. Золотистые глаза открылись, прекрасное лицо повернулось к нему, маяча где-то в сумрачной вышине. «Хасса!» — сказало крылатое существо и, быстро наклонившись, поцеловало Роканнона в плечо,

потом отступило на три шага, снова завернулось в свой «плащ» и застыло с закрытыми глазами.

Роканнон сдался. И побрел между спящими, пробираясь ощупью в мирной сонной тьме огромного зала, пока не нашел дальний выход, распахнутый от пола до сводчатого потолка. За ним было немного светлее; сквозь маленькие дырочки в кровле в помещение точно сыпался золотистый свет солнечных лучиков, в которых плясали пылинки. Стены также сводами уходили ввысь, но этот купол был не так высок и скорее напоминал сводчатую галерею или коридор, опоясывающий основной купол. Строение было, видимо, центром города. Внутри стены были замечательно расписаны прихотливым геометрическим орнаментом из переплетавшихся треугольников и шестиугольников. Роканнон вновь ощутил прилив страстного исследовательского азарта. Эти существа были первоклассными строителями! Все поверхности в обширном строении были идеально гладкими и тщательно подогнанными. Сама архитектурная концепция здания была безупречной, а ее исполнение — выше всяческих похвал. Только очень высокая культура способна была создать такой шедевр зодчества. Но ни разу в жизни не встречал он высокоразвитого народа, который был бы столь же замкнут и не склонен к общению. В конце концов, зачем они притащили его и всех остальных сюда? Уж не спасли ли они их от какой-то опасности в полном соответствии со своей ангелической внешностью? А может, они используют представителей других народов как рабов? Если это так, то интересно, почему они не заметили, что он оказался невосприимчивым к их парализующему веществу? Возможно, они общаются вообще без помощи слов; ему упорно хотелось верить, что все объяснения заключены в невероятно развитом интеллекте этих существ, недоступном человеческому пониманию. Он пошел дальше, отыскав во внутренней стене округлого коридора еще одну дверь — на сей раз она была низенькой, так что ему даже пришлось нагнуться, а уж крылатым существам и вовсе пришлось бы ползти, чтобы проникнуть на ту сторону.

За дверью был тот же теплый, чуть желтоватый, приятно пахнущий полумрак, то же монотонное шипение крылатых существ и легкие подрагивания крыльев — здесь их тоже было бесчисленное множество, и все спали. На самом верху купола сияло золотом отверстие, к которому по сводчатой стене тянулся спиралью изящный длинный пандус. На пандусе временами что-то шевелилось, и дважды Роканнон за-

метил, как крошечная фигурка в вышине расправляет крылья и неслышно вылетает в отверстие, мелькнув в столбе золотистой пляшущей пыли. Когда он шел через зал к началу пандуса, со стены вдруг что-то упало — примерно с середины длинной спирали — и ударилось об пол с сухим громким треском. Роканнон подошел ближе. Это было тело одного из крылатых существ. От удара у него раскололся череп, однако крови видно не было. Тело было совсем маленькое, крылья явно сформировались не полностью.

Роканнон стал осторожно подниматься по пандусу.

На высоте метров десяти над полом он увидел в стене треугольную нишу, где скорчившись сидели такие же маленькие существа со сморщенными недоразвитыми крыльями. Их было девять, и сидели они тройками, на равных расстояниях друг от друга, вокруг чего-то большого и бледного. Роканнон взгляделся и узнал знакомую морду и странно пустые глаза летучего кота. Крылатый был еще жив, но парализован. Изящные ротики существ без конца будто целовали, целовали его...

Снова послышался тот же сухой стук. Роканнон глянул и увидел сухое мумифицировавшееся тело еще одного Крылатого.

Он быстро вернулся в коридор с расписными стенами, как можно аккуратнее тихо пробрался меж спящими существами и вышел во двор, но там никого не оказалось. На каменных плитках, которыми был выложен двор, играло ослепительно яркое солнце. Его спутники исчезли! Должно быть, их уволокли под своды зала, чтобы затем высосать из них жизнь до последней капли.

Глава 7

Ноги у Роканнона подкосились. Он сел прямо на красный полированный пол и, подавляя тошнотворный ужас, попытался решить, что делать дальше. Он должен вернуться в купол и вытащить оттуда Могиена, Яхана и Кью! При мысли о том, чтобы снова пройти среди этих крылатых «изваяний», чьи благородные головы являются вместилищами настолько выродившихся или особым образом приспособившихся мозгов, что хозяева их практически низведены до уровня насекомых, у Роканнона по спине поползли мурашки. Но сделать это было необходимо. Его друзей необходимо было оттуда извлечь во что бы то ни стало. Интересно, а де-

теныши и их няньки достаточно крепко спят, чтобы позволить ему выкрасть их «обед»? Нечего задавать самому себе дурацкие вопросы! Сперва нужно проверить стену — если в ней все же нет никаких ворот, то все это бессмысленно: ему не перетащить своих товарищей через это пятиметровое препятствие.

«Скорее всего в этом сообществе три функционально различающихся вида, — думал он, бредя по тихой идеально прямой улице, — няньки, строители и охотники, которые спят во внешних помещениях. А серебристые дома, возможно, являются жилищами самок, которые откладывают яйца и высаживают их. Те существа, что поили их водой, должно быть, как раз и есть няньки; они поддерживают жизнь в парализованной добыче, пока детеныши не высосут из нее все соки. Они ведь дали воды даже мертвому Рахо! Как же он сразу не догадался, что они лишены разума? Ему просто хотелось считать их разумными существами, ведь они были так похожи на ангелов! К черту! Какой там «вид номер 4», — злобно подумал он, как бы возражая утонувшему справочнику. И тут что-то метнулось через улицу на перекрестке. Это было небольшое коричневое существо, и Роканнон даже не успел как следует разглядеть его, настолько завораживала эта перспектива совершенно одинаковых аккуратных домов. Коричневое существо явно этому городу не принадлежало! Значит, у этих ангелоподобных насекомых есть враги даже в их идеально устроенном улье! Роканнон быстро и уверенно пошел вперед; вокруг царила мертвая тишина. Добравшись до внешней стены, он свернулся вдоль нее влево.

Чуть впереди, прижавшись к совершенно гладкому серебристому фундаменту стены, скрючилось одно из коричневых животных. На четвереньках оно было Роканнону примерно по колено. В отличие от большей части здешних существ с низко развитым интеллектом, оно было бескрылым, боязливо прижималось к земле и выглядело совершенно перепуганным, так что Роканнон просто обошел его, стараясь не испугать еще больше, и пошел дальше. Насколько он мог видеть, впереди не было ни калитки, ни ворот.

— Господин мой! — окликнул его слабый голос.

— Кью! — заорал он, резко оборачиваясь. Гулкое эхо отдалось от стены, но позади никого не было. Лишь те же белые стены, черные тени, прямые линии, тишина...

Маленькое коричневое существо прыжками приблизилось к нему.

— Господин мой! — закричало оно тоненьким голоском. — Господин, о пойдем, пойдем скорее, господин мой!

Роканнон так и застыл, изумленно на него глядя. Коричневое существо приселло прямо перед ним, опершись на сильные задние лапы и переводя дух. Под пушистой шерсткой сильными толчками билось сердце; маленькие черные лапки — или ручки? — были молитвенно сложены. Черные глаза испуганно взирали на него. И оно все время повторяло на ломаном «общем» языке:

— Господин мой...

Роканнон опустился на колени. В голове у него все перемешалось; в конце концов он взял себя в руки и постарался как можно ласковее сказать:

— Я не знаю, как мне называть тебя, маленький...

— О, пойдем! — молило существо, — правители... повелители... Пойдем!

— Другие? Такие же, как я? Мои друзья?

— Друзья! — обрадовалось существо. — Друзья. Замок. Правители, замок, огненный дракон, день, ночь, огонь. О, пойдем!

— Хорошо, пойдем, — согласился Роканнон.

Оно прыгало, как кузнецкий, по радиальной улице, потом повело его куда-то вбок, на север, а потом по боковой дорожке вывело к куполу с двенадцатью входами-выходами, где на красных каменных плитах двора по-прежнему лежали все его четверо товарищей. Позже, когда у него было время подумать, он догадался, что просто вышел из купола с другой стороны и в совсем другой дворик, а потому и потерял их.

Там их уже ждали: еще пятеро таких же коричневых существ стояли, точно отправляя какой-то обряд, возле Яхана. Роканнон опустился возле юноши на колени, стараясь казаться меньше ростом, и, как сумел, поклонился существам:

— Приветствую вас, мои маленькие мохнатые друзья!

— И мы тебя приветствуем, — ответили они все разом. Потом один, с черной шерсткой на мордочке, заявил:

— Киемхрир,

— Вас называют киемхрир? — переспросил Роканнон, и они стали быстро кланяться, явно подражая сму. — А меня — Роканнон-Странник. Мы прибыли сюда с севера, из страны Ангъяр. Там есть замок Халлан...

— Замок, — сказал Черномордый. Его писклявый голос дрожал от усердия. Он подумал немного, поскреб лапкой голову и изрек: — Дни, ночи, годы, годы... — Потом еще:

Правители уходят. Годы, годы, годы... Киемхир уходят нет. — Он с надеждой глянул на Роканнона.

— То есть... киемхир остаются здесь? — спросил Роканнон.

— Остаются! — выкрикнул Черномордый удивительно громко. — Остаются! Остаются! — И все остальные забормотали в полном восторге:

— Остаются...

— День, — сказал решительно Черномордый, указывая на солнце. — Правители приходят. Уходят?

— Да, мы непременно уйдем. Можете нам помочь?

— Помочь! — сказал коричневый киемхер, точно пробуя новое слово на вкус с явным удовольствием. — Помочь уйти? Правитель останется!

И Роканнон остался: сел и стал наблюдать за своими новыми знакомыми. Тот, с черной мордочкой, свистнул, и вскоре около десятка существ осторожно приблизились к пленникам. «Интересно, — подумал Роканнон, — где в столь упорядоченном, с математической точностью и аккуратностью построенном городе-улье они нашли место, чтобы спрятаться и жить?» Но, совершенно очевидно, они умудрились сделать это и явно имеют свои дома и хранилища, потому что один из них вскоре принес в крошечных черных ручках белый шар, который очень походил на большое яйцо. Собственно, это и была яичная скорлупа, которой пользовались как чашей; Черномордый взял скорлупу и осторожно расширил отверстие в верхнем ее конце. Внутри оказалась густая прозрачная жидкость. Он смазал этой жидкостью оставшиеся от уковолов отметины на плечах лежавших без сознания людей; затем существа стали нежно и опасливо приподнимать их головы, а Черномордый вливал понемногу жидкости в рот каждому. Рахо он ничего влиять не стал и даже к нему не прикоснулся. Киемхир между собой не разговаривали, пользуясь только свистом и жестами, и вообще вели себя очень тихо и с трогательной, почти изысканной вежливостью.

Черномордый подошел к Роканнону и ободряюще сообщил:

— Правитель останется.

— Мне нужно подождать? Конечно, подожду.

— Правитель... — начал было киемхер, указывая на тело Рахо, и запнулся.

— Мертв, — подсказал Роканнон.

— Мертв, мертв, — сказал малыш. И коснулся собственной шеи. Роканнон кивнул.

Двор с серебряными стенами залил яркий солнечный свет. Яхан, лежавший возле Роканнона, глубоко вздохнул.

Киемхрир полукругом уселись на задних лапках вокруг своего предводителя. Обращаясь к нему, Роканнон сказал:

— Маленький друг, могу я узнать твое имя?

— Имя, — прошептал Черномордый. Остальные продолжали молча сидеть в тех же позах. — Лийяр, — выговорил он то слово, под которым Могиен подразумевал сообщество «благородных» и «низкорослых», а справочник выдавал за название «вида II». — Лийяр. Фийя. Гдемъяр. Имена. Киемхрир — не имя.

Роканнон кивнул, размыщляя, какой он вкладывает в это смысл. Слово «киемхер» (во множественном числе «киемхрир») на самом деле, как он вспомнил, было всего лишь прилагательным со значениями «быстрый», «ловкий», «гибкий».

У него за спиной вздохнул и ожил Кью; он шевельнулся, сел, и Роканнон подошел к нему. Маленькие, не имеющие своего имени существа наблюдали за ними своими черными глазами внимательно и спокойно. Поднялся Яхан, за ним очнулся Могиен, которому, видно, вколошли самую большую порцию парализующего вещества, потому что сперва он даже не мог руку поднять. Один из коричневых пушистых малышей застенчиво показал Роканнону, что было бы неплохо растереть Могиену руки и ноги, что Роканнон и проделал, одновременно объясняя своим товарищам, что с ними случилось и где они оказались.

— Тот гобелен, — прошептал Могиен.

— О чём ты? — мягко спросил его Роканнон, думая, что он все еще не совсем пришел в себя, и молодой правитель Халлана пояснил:

— Тот гобелен — у нас дома... С крылатыми великанами...

И тут Роканнон вспомнил, как стоял вместе с Хальдре под вышитой на гобелене картиной — сражением светловолосых воинов с какими-то крылатыми людьми — в длинном парадном зале замка Халлан.

Кью, который внимательно наблюдал за киемхрир, протянул руку. Черномордый тут же подскочил к нему и положил свою крошечную черную беспалую ручонку в изящную продолговатую ладонь Кью.

— Повелители слов, — тихо промолвил фийян. — Любители слов, пожиратели слов, безымянные, маленький наро-

дец с огромной памятью. Неужели вы все еще помните речь Высоких, о киемхир?

— Речь! Все еще! — воскликнул Черномордый.

Могиен с помощью Роканнона встал. Он казался замерзшим и измученным. Некоторое время он постоял возле мертвого Рахо, чье лицо выглядело просто ужасно при слепящем белом свете солнца, потом вежливо поздоровался с киемхир и сказал Роканнону, что вроде бы пришел в себя.

— В крайнем случае, — сказал Роканон, — если в этой стене нет ворот, можно попытаться взобраться на нее, сделав зарубки.

— Посвисти-ка лучше нашим Крылатым, господин мой, — робко предложил Яхан.

Тут было над чем подумать: свисток мог разбудить летающих обитателей купола, а спрашивать совета у киемхир было бы слишком сложно. Поскольку летающие великаны вроде бы вели исключительно ночной образ жизни, путешественники все же решили попытать счастья. Могиен вытащил из-под плаща тоненькую дудочку, что всегда висела у него на ремне, и легонько дунул в нее; Роканон даже ничего не рассышал, однако киемхир вздрогнули. Через двадцать минут над куполом повисла огромная тень, покружила и снова устремилась на север; вскоре вернулись двое Крылатых и, быстро махая крыльями, опустились прямо посередине двора — полосатый зверь Роканнона и серый Могиена. Белого они с тех пор никогда не видели. Возможно, именно его высокую мумию обнаружил Роканон в золотистом полумраке купола: летучий кот стал пищей для детенышей этих ангелоподобных насекомых.

Коричневые существа явно боялись крылатых хищников. Элегантность их манер совершенно растворилась в этом страхе, и когда Роканон попытался поблагодарить их и попрощаться с ними, Черномордый сумел лишь жалобным тоном простонать:

— О лети, правитель! — стараясь держаться подальше от серой когтистой лапы Крылатого.

В часе лета от города-улья они обнаружили свое костище, поклажу, плащи и шкуры, которые подстилали на землю во время ночевок. Все было нетронутым. На некотором расстоянии от лагеря валялись трупы трех летучих великанов, а рядом с ними — оба меча Могиена. Один из них был словно откусен у самой рукояти. Оказывается, Могиен ночью проснулся и увидел этих «ангелов», склонившихся над Яханом и Кьо. Один из них укусил его.

— И я сразу утратил способность говорить, — сказал Могиен. Но он все-таки вступил с ними в бой и убил троих, прежде чем парализующее вещество свалило его с ног. — Я слышал, как зовет на помощь Рахо. Три раза он звал меня, а я не мог ему помочь... — И он сел на землю среди поросших травой руин, переживших все имена и все легенды, положил на колени свой сломанный меч и не произнес более не слова.

Они сложили огромный костер из веток и хвороста и возложили на него тело Рахо, унесенное из этого страшного города-улья; рядом с покойным положили его лук и стрелы. Яхан добыл огонь, и Могиен поджег погребальный костер. Потом они сели на Крылатых — Кью позади Могиена, а Яхан позади Роканнона — и стали кругами подниматься над столбом дыма, повалившимся от жарко вспыхнувшего погребального костра, сложенного на залитой полуденным солнцем вершине холма в этой чужой стране.

И долго еще был им виден тонкий столб дыма над оставшейся позади равниной.

Киемхир совершенно ясно дали понять, что путешественникам необходимо двигаться дальше и постараться позабыться о ночлеге и часовых, иначе с наступлением темноты на них снова нападут ангелоподобные «насекомые». Так что ближе к вечеру они спустились на берег ручья, пробивавшегося между двумя тесно прижавшимися друг к другу, поросшими лесом холмами, и устроили себе лагерь в двух шагах от небольшого водопада. Здесь было сыровато, но воздух был чистый, душистый и наполненный птичьим щебетом и прочей «музыкой природы» — просто душа отдыхала. На ужин товарищам Роканнона удалось поймать настоящий «деликатес» — каких-то неторопливо двигавшихся в своих раковинах «моллюсков», вкус которых они очень хвалили; однако Роканнон их есть отказался. У «моллюсков» на суставах недоразвитых конечностей и на хвосте сохранились остатки шерсти — это явно были вовсе не моллюски, а самые обыкновенные яйцекладущие, которых на этой планете было особенно много: вполне возможно, даже киемхир были такими.

— Сам ешь, Яхан, — отмахнулся Роканнон. — Не могу я есть то, что в любую минуту может со мной заговорить! — У него живот сводило от голода, но он отошел и сел рядом с Кью.

Кью улыбнулся и потер оцарапанное плечо:

— Если бы можно было слышать, что говорят и все остальные... — пробормотал он.

— Тогда я, наверное, умер бы с голоду, — сказал Роканнон.

— Ну, зеленые-то существа всегда молчат, — сказал Фийян, поглаживая ствол деревца с жесткой корой, склонившегося над ручьем. Здесь, на юге, деревья, главным образом хвойные, как раз зацветали, и в лесу было полно пыльцы со сложными и различными запахами. Цветы здесь всегда отдавали пыльцу ветру — как цветущие травы, так и цветущие деревья: здесь не было ни насекомых, ни привычных глазу Роканнона цветов с лепестками. Весна в этом не имеющем своего названия мире вся была зеленою — темно-зеленою, светло-салатовой — и лишь золотистая пыльца порой пролетала облачком на ветру.

Когда стемнело, Могиен и Яхан легли спать, вытянувшись у еще теплых угольев; костер они решили на ночь не оставлять, чтобы не привлекать внимания давешних «знакомцев». Как и предполагал Роканнон, фийян оказался куда менее восприимчивым к ядам, чем лийяр; он совершенно оправился и с удовольствием остался поболтать с Роканном, усевшись в темноте на берегу ручья.

— Ты поздоровался с киемхир так, словно давно и хорошо знаком с ними, — заметил Роканнон, и фийян ответил:

— То, что помнил один из нашей деревни, помнили и все остальные, Странник. А потому нам ведомо так много всяких сказок, слухов и слушков, правдивых историй и небылиц. Кто знает, насколько стары некоторые истории...

— И все-таки об этих летающих великанах ты ничего не знал?

Кью вроде бы сперва решил не отвечать, но потом все-таки заговорил:

— Фийя не помнят страха. Да и зачем его помнить? Мы свой выбор сделали. «Глиняным» мы оставили ночь, пещеры, мечи, а сами избрали другой путь — предпочли зеленые долины, солнечный свет, деревянные чаши. И поэтому мы считаемся полулюдьми. И мы многое забыли, многое! — Сегодня его голос звучал более решительно, более настойчиво, чем когда-либо, звонкий, перекрывающий даже шум ручья под берегом, на котором они сидели, даже шум водопада в узком горном ущелье. — С каждым днем мы все больше приближаемся к югу, и мне все чаще наяву видится то, о чем я знаю из сказок, которые мой народ так любит. Слишком многие сказки оказались правдой! А ведь мы, по крайней мере, половину из них успели забыть! О маленьких любителях слов, этих киемхир, мы знаем из древних песен, которые

поем вместе мысленно, но вот о летучих великанах мы забыли совсем. Мы, фийя, помним только друзей, а не врагов. Помним солнечный свет, а не тьму. И я, фийян, иду вместе со Странником на юг, прямо в мир наших легенд, и Странник не несет с собой меча, но мечтает услышать голос своего врага. Я еду верхом вместе с тем, кто переплыл океан Ночи, кто видел наш мир висящим, точно прекрасный синий камень, в черной пустоте. Я ведь только половина человека. Я не могу уйти дальше холмов, окружающих мою долину. Я не могу пойти с тобой в эти высокие горы, Странник!

Роканнон легонько коснулся плеча Кью. И фийян сразу же успокоился и притих. Они сидели и слушали журчание бегущей воды, грохот водопада, смотрели, как звезды серым отблеском отражаются в воде ручья среди кусков плавника и водоворотов желтоватой пыльцы с цветущих деревьев. Ходила как лед была эта вода, бегущая с южных гор.

Дважды в течение следующего дня видели они сверху далеко на востоке купола и расходящиеся от них, точно спицы в колесе, прямые улицы городов-ульев. В ту ночь они дежурили по двое. К началу следующей ночи они были уже далеко в предгорьях, и всю ночь дул ветер и лил дождь, и весь следующий день они тоже летели под дождем. Когда же рассеялись мрачные тучи, стало видно, что холмы с обеих сторон обступили высокие мрачные вершины. Миновала еще одна дождливая ночь, проведенная почти без сна на вершине холма под руинами очередной старинной башни, и поздним утром, миновав перевал, они вылетели в залитое солнцем пространство над уходящей к югу обширной долиной, за которой в туманной дымке виднелись далекие горы.

Теперь они летели все время прямо; справа, точно верстовые столбы, высились белые вершины. Долина казалась им широкой зеленой дорогой; ветер был прохладный, золотистый от пыльцы, и Крылатые неслись на этом ветерке, точно просвеченные солнцем листья. В нежную весеннюю зелень внизу как бы вставлены были темно-зеленые самонцветы деревьев и кустов; над ними легкой сероватой дымкой проплывал туман. Крылатый Могиена вдруг сделал круг и пошел вниз; Кью показал Роканнону на раскинувшуюся внизу деревушку. Спускаясь на золотистом ветре, они увидели, что деревушка удачно расположена у подножия холма, возле нее протекает ручей, все вокруг залито солнечным светом, и из маленьких печных труб идет дымок. Стадо домашних Крылатых паслось за деревней, а в самом ее центре, в кругу маленьких домиков с разноцветными крышами и весе-

лыми светлыми крылечками, высились пять огромных деревьев. Путешественники ступили на землю, и фийя, застенчивые и смеющиеся, вышли им навстречу.

Жители деревушки плохо говорили на «общем» языке; они вообще не привыкли говорить вслух. И все-таки путешественникам казалось, что они наконец вернулись домой, когда вошли в эти светлые, полные воздуха жилища и отведали вкусных кушаний из полированных деревянных мисок. Наконец-то можно было отдохнуть после скитаний по диким краям, от дождей, от ветра — отдохнуть и вкусить доброжелательного гостеприимства маленьких хозяев этого селения. «Странный народец, эти фийя, — думал Роканнон, — уклоняющийся от прямого общения, неуловимый, непоследовательный, но исключительно доброжелательный». Кью назвал свой народ «полулюдьми», хотя сам Кью уже не был одним из них. Он выглядел в точности как они, — в чистой новой одежде, которую они ему дали, — так же двигался, так же жестикулировал, но все же, стоя с ними рядом и окруженный ими, он заметно выделялся среди прочих фийя. Может быть, потому, что был для них чужаком и не мог как следует говорить с ними «без слов»? А может, из-за дружбы с Роканноном он настолько переменился, что стал совсем другим существом — более одиноким, более замкнутым, более печальным и более самодостаточным — целым человеком, а не его «половинкой»?

Фийя сумели описать путникам местонахождение своей деревушки. За большим горным хребтом на западе лежала пустыня; им следовало лететь дальше на юг над долиной, стараясь держаться восточных гор, — лететь еще далеко, пока грязь сама по себе не повернет к востоку.

— А разве там нет перевалов? — спросил Могиен, и маленькие человечки заулыбались и сказали, что, конечно же, есть.

— А вы знаете, что за страна лежит за этими перевалами?

— Но они так высоко в горах, и там так ужасно холодно! — вежливо уклонились фийя от ответа.

Путешественники отдыхали в деревне два дня и две ночи, а потом снова двинулись в путь, нагруженные поклажей — дорожными сухариками и вяленым мясом, которое с удовольствием приготовили для них фийя, любящие делать подарки. Через два дня пути они добрались до другой деревушки маленького народа, где их снова принимали так радушно, точно они были здесь не чужаками, а родными людьми, возвращения которых все давно ждали. Стоило Крылатым

коснуться земли, как множество фийя, мужчины и женщины, бросились им навстречу, здороваясь с Роканном, который первым спрыгнул на землю: «Приветствуем тебя, Странник!» Это его озадачило, и все еще несколько удивленный, он вдруг догадался, что это вовсе не его прозвище; просто слово «олхор» имеет такое значение — «путник, странник, путешественник», — а ведь они и есть странники! И все-таки именно фийян Кью дал ему это прозвище.

Еще через день во время вполне спокойного полета над долиной ему вдруг пришел в голову один вопрос, который он тут же задал Кью:

— Скажи, а в твоей деревне тебя никак больше не называли? Было ли у тебя какое-нибудь собственное имя?

— Меня называли «пастух», или «младший братец», или «бегун» — я очень быстро бегал.

— Но ведь все это прозвища, описательные слова, такие же, как «странник». Вы, фийя, мастера давать прозвища. Вы каждого сразу награждаете какое-нибудь меткой кличкой — Властелин Звезд, Носитель Мечей, Золотоволосая, Повелитель Слов. Я думаю, ангъяр переняли свою любовь к прозвищам именно у вас. А все-таки неужели собственных имен у вас нет?

— Властелин Звезд, Великий Путешественник, Пепельноволосый Носитель Сокровища, — сказал Кью и улыбнулся, — а что, собственно, ты называешь именем?

— Пепельноволосый? Я что же, поседел? ...Нет, не могу я дать тебе точное определение человеческого имени. Мое имя было дано мне при рождении — Гаверел Роканнен. Вот я его произнес, но в нем не содержалось никакого описания моих качеств, и, тем не менее, я назвал себя. И когда я вижу какое-нибудь новое для меня дерево, я спрашиваю тебя, или Яхана, или Могиена, поскольку ты отвечаешь нечасто, — как оно называется, каково его имя. И не успокаиваюсь, пока это имя не узнаю.

— Что ж, дерево — это дерево; как и я — фийян; как и ты... а кто ты?

— Но ведь есть и какие-то различия! В каждой деревне я спрашиваю: как называются эти горы на западе, которые вы из своей деревни видите всю свою жизнь, и фийя отвечают: «Это горы, Странник!»

— Ну да, горы, — подтвердил Кью.

— Но ведь есть и ДРУГИЕ горы! Вон, на востоке, горы пониже, хотя тянутся вдоль той же самой долины. Как же вы

отличаете один горный хребет от другого, одно живое существо от другого — без имен?

Обхватив руками коленки, Фийян смотрел на сияющие в солнечном свете западные вершины гор. И Роканнон через некоторое время понял, что ответа ему не дождаться.

Задули более теплые ветры, и долгие дни стали еще длиннее; лето наступало, а они с каждым днем все дальше и дальше продвигались к югу. Поскольку Крылатые летели с двойной нагрузкой, путешественники не спешили и часто останавливались на день-два, чтобы самим поохотиться и дать возможность поохотиться летучим котам. Но вот горная цепь, тянувшаяся с восточной стороны долины, начала сворачивать к востоку; было видно, что там она встречается с прибрежной грядой, которая и преградила им путь к морю. Зелень долины, точно волны прибоя выплескивавшаяся на холмы предгорий, здесь померкла. Только значительно выше появились зеленые и зелено-бурые пятна альпийских лугов; потом остались только серые скалы и каменистые осыпи; и наконец, чуть ли не на полпути к небесам засверкали исхлестанные ветрами белоснежные горные вершины.

Высоко в предгорьях они обнаружили деревушку фийя. Резкий холодный ветер хлестал по крышам легких домишек, гнал клубы синего печного дыма по улицам, испещренным полосами длинных вечерних теней. Как и всегда, принимали их любезно и радушно, подали свежей воды и вкусного мяса, зелень на деревянных блюдах; в домиках было тепло и уютно; пропыленную одежду путников выстирали и вытряхнули; Крылатых заботливо накормили, и живая, как ртуть, малышня принялась гладить и ласкать их. После ужина для гостей танцевали четыре прекрасные девушки; танцевали они без музыки, но их движения были так легки и грациозны, что танцовщицы казались бестелесными, воздушными существами, игрой света и тени в отблесках костра, ускользающими, летучими призраками. Роканнон с довольной улыбкой глянул на Кью, который, как всегда, сидел рядом с ним. Фийян тоже посмотрел на него, как-то очень мрачно, и вдруг сказал:

— Я останусь здесь, Странник.

Роканнон с трудом подавил рвущиеся из горла возражения и продолжал смотреть, как танцовщицы плетут прихоливый нематериальный рисунок танца воздушными своими движениями в неверном свете костра. Они точно создавали свою собственную музыку — из тишины, из ощущения необычности. Отблески огня на деревянных стенах тоже будто

танцевали — меняли очертания, подпрыгивали, изгибались...

— Было предсказано: Странник сам выберет себе друзей. На время, правда.

Роканнон не понял, сам ли он это сказал, или Кью, или то говорила его память. Он помнил эти слова, помнил их и Кью. Девушки закончили танец и разошлись; тени их быстро пробежали по стенам вверх, золотом всыхнули распущеные длинные волосы. Танцовщицы, у которых, как и у света и тени, не было собственных имен, замерли, застыли. Вот и у них с Кью кончился период их совместной жизни — сложный рисунок его был завершен, оставалось лишь поставить точку; далее лежала тишина.

Глава 8

За тяжело вздывающими крыльями полосатого зверя Роканнон видел каменистую осыпь на склоне, круто уходящем вниз; ущелье было таким узким, что Крылатый чуть ли не задевал валуны, стремясь поскорее добраться до перевала. Роканнон пристегнул бедра особыми седельными ремнями, потому что порой налетали такие неожиданно сильные порывы ветра, что Крылатый терял равновесие. Защитного костюма он не снимал, чтобы не замерзнуть. За плечами Роканнона сидел Яхан, закутавшийся во все имевшиеся у них шкуры и плащи, но все равно совершенно закоченевший; Яхан даже специально пристегнул себя ремнями за руки к седлу, потому что уже не доверял их хватке. Могиен, летевший далеко впереди на своем не так сильно нагруженном Крылатом, переносил холод и высоту гораздо лучше Яхана, и ему, судя по всему, даже радостно было вступить в эту схватку с неприступными вершинами.

Пятнадцать дней назад покинули они последнюю из деревушек фийя, попрощались с Кью и полетели дальше, в сторону громоздившихся в небесах горных вершин, где, как им казалось, имелся наиболее удобный коридор в этой неприступной скалистой стене. Фийя не сумели как следует указать им путь; стоило только заговорить о переходе через горы, как маленькие человечки тут же умолкали и трусливо прятали глаза.

Первые дни все шло хорошо, но по мере того, как они забирались выше в горы, Крылатые начинали все быстрее и быстрее уставать, ибо разреженный воздух не обеспечивал их

легкие нужным количеством кислорода, к тому же стала мешать еще и холодная неустойчивая погода. В последние три дня они вряд ли покрыли более пятнадцати километров, да и то летели почти вслепую. Люди оставались голодными, отдавая почти все вяленое мясо Крылатым; сегодня утром Роканнон отдал зверям последнее, что оставалось в дорожных сумках. Если до вечера они не минуют перевала, то придется вернуться назад, в лесистую местность, где можно будет поохотиться и отдохнуть, а потом, естественно, начать все сначала. Похоже, сейчас они были на верном пути, но с восточных вершин дул пронзительный и холодный ветер, да и небо стало заволакивать белой мглой. Но Могиен упорно летел вперед, так что Роканнон заставил своего Крылатого следовать за ним. Он уже почти забыл, зачем ему нужно было перебраться через эти горы, помнил только, что должен попасть туда, на юг. Однако собственного мужества для выполнения этой задачи ему уже не хватало. Теперь он в этом отношении зависел от Могиена.

— По-моему, твое царство здесь, — сказал он молодому правителю Халлана вчера вечером, когда они обсуждали свой дальнейший маршрут, и Могиен, глядя на величественные ледяные пики, на бездонные пропасти, на скалы, снег и бескрайние небеса, ответил, как всегда, чуть надменно и спокойно:

— Да, это мое царство.

Сейчас он окликнул Роканнона, и тот попытался пришпорить своего Крылатого, пытаясь сквозь намерзшие на ресницах снежинки разглядеть проход в бесконечном хаосе каменистых склонов и осыпей. Вот он! Конек крыши этого мира: неожиданно как бы распались два склона, и в этом проеме Роканнон увидел обширную белую равнину — перевал. По обе стороны от этого коридора исхлестанные ветрами вершины упирались, казалось, прямо в небеса. Роканнон почти нагнал Могиена и видел теперь его беспечное лицо, слышал высокий пронзительный клич воина-победителя. Он продолжал лететь следом за Могиеном над белой равниной под белыми облаками, а вокруг уже плясали снежинки — не падали, а просто кружились в веселом танце, ведь это здесь была их родина, их дом. Полумертвый от голода и усталости, Крылатый Роканнона захлебывался при каждом взмахе крыльев. Могиен немного придержал своего серого, чтобы они не потеряли его из виду за снежевой завесой, но продолжал вести их вперед, и они старались не отставать.

И вдруг в мерцающей снежной мгле что-то блеснуло,

легкое светлое пятнышко — солнце! Бледно-золотистые снежные просторы расстилались внизу. Потом вдруг этот волшебный сияющий мир исчез, и Крылатого подхватил мощный поток воздуха. Далеко внизу, очень далеко, сквозь легкую дымку виднелись крошечные долины, озера, посверкивал язык ледника, темнели зеленые пятна лесов. Крылатый под Роканном кинулся и стал падать, подняв в воздух крылья. Он падал как камень, так что Яхан даже закричал от страха, а Роканн он закрыл глаза и ухватился покрепче за седло.

Крылья заработали снова, потом вздрогнули, остановились, снова заработали; падение замедлилось, перешло в осторожный спуск и прекратилось совсем. Крылатый, весь дрожа, упал, поджав лапы, на каменистую землю. Рядом сержант Могиен пытался найти местечко поровнее, чтобы улечься. Могиен, соскочив с седла, кричал:

— Мы прошли его! Прошли! — Его смуглое живое лицо победоносно сияло. — Теперь мое царство по обе стороны этого хребта, Роканион!.. Сегодня, пожалуй, прямо здесь и переночуем. А завтра Крылатые смогут поохотиться ниже по склону, в лесах, а мы постараемся спуститься пешком. Пошли, Яхан.

Яхан, скорчившись, сидел на заднем седле и был не в состоянии двинуться с места. Могиен вытащил его из седла и помог лечь в укрытии под огромным валуном. Хотя полуденное солнце светило вовсю, тепла оно давало маловато, не больше, чем Большая звезда, и казалось замерзшим кристалликом света в этом мглистом небе юго-западной стороны; а ветер стал еще холоднее. Пока Роканнон распрягал Крылатых, Могиен, правитель Халлана, старался как-то помочь своему слуге, как-то отогреть замерзшего Яхана. Костер разжечь было не из чего — они еще не достигли зоны лесов. Роканнон стащил с себя защитный костюм и заставил Яхана надеть его, не обращая внимания на слабые и сердитые протесты ольгя. Сам же пока завернулся в шкуры. Крылатые и люди сбились в кучу, чтобы хоть немного согреться, а потом разделили остаток воды и сухариков, которыми их снабдили фийя. Ночь всплыла с лежащих внизу долин. Появились звезды, точно выпущенные этой тьмой на свободу, и две наиболее яркие луны зажглись в небесах —казалось, на расстоянии вытянутой руки.

Глубокой ночью Роканнон вдруг очнулся от крепкого сна. Все было залито звездным и лунным светом. Кругом стояла мертвая тишина. И было адски холодно. Яхан схватил его

за руку и что-то лихорадочно зашептал. Роканнон посмотрел, куда указывал юноша, и увидел на валуне, выше по склону, какую-то тень — точно темный промельк на фоне звездного неба.

Как и та тень, которую они с Яханом видели тогда в прериях, далеко отсюда, тень была огромной и странно расплывчатой. Даже когда он смотрел прямо на нее, то смутно видел звезды, просвечивавшие насквозь, а потом вдруг тень куда-то бесследно исчезла. Слева от того места, где она только что была, сияла Хелики, опять убывающая и потому светившая довольно слабо.

— Да это просто лунный свет, Яхан, — прошептал Роканнон. — Ты постараися уснуть. Просто тебе что-то привиделось, потому что у тебя жар.

— Нет, — спокойно промолвил рядом с ним Могиен. — Ему не привиделось, Роканнон. То была моя смерть.

Яхан сел; его тряслось.

— Нет, господин мой, не твоя, это невозможно! Я видел эту тень и раньше, на равнинах, когда тебя с нами не было... И Странник тоже видел!

Призвав на помощь остатки здравого разума, научной умеренности и прежних жизненных правил, Роканнон попытался их урезонить:

— Не болтайте глупостей!

Но Могиен его будто не слышал.

— И я видел ее на равнинах — она искала меня. И еще два раза в горах. Чья еще это может быть смерть, если не моя? Твоя, Яхан? Может, ты у нас благородный ангъя? Где же твой второй меч?

Больной Яхан в отчаянии попытался что-то пролептать, но Могиен продолжал:

— И это не смерть Роканнона, потому что он еще не достиг своей цели. Человек может умереть где угодно, но собственную смерть правитель встречает только в своем царстве. И она ждет его в тех местах, что принадлежат ему одному, — на поле боя, или в зале его замка, или в конце пути. А здесь — мое царство. Из этих гор пришли мои далекие предки, и я вернулся назад. Мой второй меч был сломан в битве. Слушай, смерть: я наследник Халлана, Могиен, — узнаешь меня?

Легкий пронзительный ветерок пролетел над скалами. Валуны громоздились выше по склону, между ними ярко светили звезды. Один из Крылатых вздрогнул и всхрапнул.

— Тихо! — прикрикнул на него Роканнон. — Все это глупости. Успокойтесь и спите...

Но после этого он и сам не мог спать, а когда открывал глаза, ненадолго забывшись в полудреме, то видел, что Могиен сидит, прижавшись к боку своего серого, спокойный и ко всему готовый, и внимательно вглядывается в ночную тьму.

Ночь сменилась светом дня, и они отпустили Крылатых, чтобы те поохотились в лесах, а сами пошли вниз пешком. Они все еще находились на очень большой высоте, значительно выше зоны лесов, так что ощущали себя в безопасности только до тех пор, пока не переменится погода. Но не прошло и часа, как они поняли: Яхану самому вниз не спуститься. Задача была не такой уж сложной, но напряжение и усталость взяли над юношей верх: он просто не держался на ногах, не говоря уж о том, чтобы ползти по осыпям или висеть над пропастью, что им все же иногда делать приходилось. Еще один день передышки в защитном костюме Роканнона мог бы, пожалуй, несколько восстановить его силы, но это означало, что им придется еще одну ночь провести на высокогорье, без огня и укрытия и даже без еды. Могиен взвесил все «за» и «против», хотя, пожалуй, не слишком долго раздумывал, и предложил Роканнону остаться с Яханом в укрытой от ветра и залитой солнцем впадине; сам же он решил поискать более удобный спуск, где они смогли бы нести Яхана, или, по крайней мере, присмотреть такое место, где они могли бы укрыться от снега и ветра.

Когда он ушел, Яхан, лежавший в полуобморочном состоянии, попросил напиться. Фляжка была пуста. Роканнон велел юноше лежать спокойно и вскарабкался метров на пять выше по скалистому склону, где в тенистой впадинке осталось еще немного снега. Подъем оказался труднее, чем он ожидал, и ему пришлось лечь и перевести дыхание. Он лежал на камнях и тяжело хватал ртом светлый чистый воздух; сердце тяжело билось в груди.

Посыпался какой-то шум, который Роканнон сперва принял за биение собственных пульсов. Потом рядом с собой заметил тонкую струйку воды и сел. Крошечный теплый ручеек стекал, исходя паром, по языку слежавшегося потемневшего снега. Роканнон поиском глазами его исток и увидел черную дыру под нависающим утесом: пещера! Пещера! На большее они и надеяться не могли — так утверждал его рациональный разум, хотя почему-то Роканнону было удивительно трудно сейчас удержаться на самом краю тем-

ной иррациональной пропасти — панического ужаса. Он сидел среди камней, не шевелясь, охваченный самыми худшими подозрениями.

Прямо над ним в безоблачном небе сияло солнце, освещая серые скалы. Снежные горные вершины скрывал близкий утес, а земли внизу — огромное белое облако тумана. Здесь не было ничего, совсем ничего на этой пустынной серой кромке мира, кроме него самого и черного разверстого зева пещеры среди валунов.

Довольно долго просидев без движения, он встал и пошел вперед, перешагнул через дымившийся среди камней ручеек, и заговорил с тем, кто, как он знал отлично, ждал его внутри.

— Я пришел, — сказал он просто.

Тьма внутри чуть шевельнулась, и обитатель пещеры показался у ее входа.

Он был похож на «глиняных» — такой же приземистый и бледнолицый; однако чем-то напоминал и фийя — хрупкостью, ясным светом глаз. В общем, что-то взяв у обоих этих народов, он, однако, остался отличным от них. Волосы у него были белые. Голос и на голос-то похож не был — ибо звучал где-то в мозгу Роканнона, а уши слышали лишь негромкий свист ветра; да и слов никаких незнакомец вроде бы не произносил. И тем не менее он явно спросил Роканнона, чего тот хочет.

— Не знаю, — сказал Роканон громко, охваченный страхом, но за него без слов ответила его твердая решимость: «Я пойду дальше на юг и найду своего врага, а потом его уничтожу!»

Свистел ветер; теплый ручеек весело болтал у его ног. Двигаясь неторопливо и легко, обитатель пещеры чуть посторонился, и Роканон, нагнувшись, вошел в ее темный зев.

«Что ты дашь мне за то, что я дал тебе?»

«А что я должен отдать, о Древний?»

«То, что тебе дороже всего и что тебе отдавать хочется меньше всего».

«У меня нет ничего своего в этом мире. Что жे могу я отдать?»

«Какую-нибудь вещь; или жизнь; или удачу; или свой глаз; или надежду; или возвращение в дорогое тебе место — точно называть не нужно. Ты и так выкрикнешь имя или название этого, когда его у тебя больше не будет. Ну, отдашь мне это по доброй воле?»

«Отдам, о Древний».

Наступила тишина, только слышно было, как воет ветер. Роканнон снова нагнулся и вышел из темной пещеры. Когда он выпрямился, красный свет ударил ему прямо в глаза — это был холодный рассвет над серо-багровым морем облаков.

Яхан и Могиен спали, обнявшись, в той самой низинке, где он оставил Яхана, под грудой шкур и плащей. Они не пошевелились, когда Роканнон подполз к ним.

— Проснитесь, — сказал он тихонько. Яхан сел, лицо его в красном свете зари выглядело голодным и совсем юным.

— Странник! А мы думали... что ты ушел... мы думали, ты упал...

Могиен тряхнул своей желтой гривой, словно прогоняя остатки сна, и с минуту смотрел на Роканнона. Потом хрюп-ло сказал, и в голосе его звучала нежность:

— Хорошо, что ты вернулся, Властелин Звезд, друг мой. Мы тебя ждали.

— Я встретил... я разговаривал с...

Могиен поднял руку, призывая его к молчанию:

— Ты вернулся. Я рад этому. Ну что, мы идем на юг?

— Да.

— Хорошо! — сказал Могиен. И в этот миг Роканнону вовсе не показалось странным, что Могиен, который до сих пор вроде бы вел его за собой, теперь разговаривает с ним, как подданный со своим повелителем.

Могиен подул в свисток, но, хотя они ждали долго, Крылатые не явились. Они прикончили последнюю брыцю пищательных сухариков фийя и снова двинулись вниз. Тепло защитного костюма явно пошло Яхану на пользу, и Роканнон настоял, чтобы тот его пока не снимал. Молодому ольгья нужна была еда и настоящий отдых, чтобы вернуть силы, но в целом он пока мог продержаться, а им непременно нужно было спешить: следом за таким красным восходом почти наверняка придет непогода. Идти было не слишком трудно, но продвигались они медленно и очень устали. На середине пути, где-то уже ближе к полудню, появился один из Крылатых: серый Могиена выплыл из-за раскинувшегося внизу леса. Они нагрузили Крылатого седлами и упряжью, а также шкурами — все это они сейчас несли на себе, — и он полетел с ними рядом, то над ними, то чуть ниже, как ему больше нравилось, иногда издавая звонкий клич, — призываая своего полосатого дружка, который все еще охотился и пировал в лесах.

Примерно в полдень они достигли огромного гранитного «лба», по которому спуститься было почти невозможно. Они обвязали друг друга веревкой и поползли.

— С воздуха ты мог бы разглядеть и другую тропу, получше, Могиен, — сказал Роканнон. — Жаль, что не пришел и второй Крылатый. — У него было такое чувство, будто им нужно очень спешить; хотелось поскорее убраться с этого открытого участка горы и спрятаться среди деревьев.

— Твой Крылатый был слишком утомлен, когда мы его наконец отпустили; может, он до сих пор и не поел как следует. Мой все-таки нес не такую тяжесть. Я слетаю и посмотрю, какой ширины этот утес; может быть, мой Крылатый сумеет перенести нас всех троих, если тут всего несколько раз крыльями махнуть.

Он свистнул, и серый все с той же покорностью, которая не переставала удивлять Роканнона в столь крупном и прожорливом хищнике, подлетел к хозяину и аккуратно приземлился прямо на крутой склон, по которому они сползали. Могиен вскочил на него, громко победоносно крикнул и полетел куда-то вбок; светлые волосы его вспыхнули на солнце, которое уже исчезало за грядой облаков.

По-прежнему дул холодный пронизывающий ветер. Яхан, скорчившись, прижался к скале и закрыл глаза. Роканнон устроился на крошечном выступе, глядя вдали, на горную гряду, за которой, как он чувствовал, слабо мерцало в солнечных лучах море. Он не мог охватить взором все это неясное бескрайнее пространство, которое то и дело скрывали набегавшие облака и клочья тумана, но смотрел в одну точку, на юг, чуть восточнее той линии, на которой они сейчас находились. Он даже глаза закрыл. Прислушался — и услышал.

Странный дар получил он от обитателя пещеры, хранителя теплого источника в безымянных горах. Дар этот был больше, чем все то, о чем он мог бы попросить. Там, в темноте пещеры, его научили пользоваться всеми своими чувствами так, как он и другие земляне могли лишь мечтать, наблюдая подобные, очень редкие, свойства у представителей других миров, но к чему сами были абсолютно не способны, если не считать коротких всплесков озаренья да крайне редких исключений из общего правила. Стараясь сохранить в себе человека, Роканнон испуганно шарахался от той невероятно могущественной силы, которой хранитель источника обладал сам и которую предлагал другим. Дело в том, что в пещере он научился слышать чужие мысли, но только одно-

го «вида» живых существ, обитающих во Вселенной: голоса своих врагов!

С помощью Кью он уже постиг самые начатки телепатического общения; однако ни малейшего желания проникать в мысли своих товарищей он не испытывал, особенно в том случае, когда они не знают, о чём думает он сам. Понимание должно быть обоюдным для обеих сторон, если хочешь сохранить верность и любовь.

Но тех, кто убил его товарищей и нарушил мирный договор, тех, за кем он шпионил, кого он искал, он теперь слышал хорошо. И, сидя на этом гранитном «лбе», слушал мысли людей, находившихся далеко отсюда, в казарменных строениях, разбросанных на огромной территории среди округлых холмов, там, куда им было идти еще не меньше сотни километров. Невнятный разговор, шум, далекие ссоры, бурные споры, всплески эмоций... Он не знал, какой из голосов предпочтеть; у него уже голова кружилась от невероятного объема различных сведений; он слушал — как младенец слушает взрослых, еще не различая их голоса. Те, кто рожден с глазами и ушами, должны научиться видеть и слышать, должны научиться выбирать конкретное лицо из множества перевернутых вверх ногами изображений, выбирать одно значение из множества слившихся в невнятный гомон слов. Хранитель источника обладал таким даром, о котором Роканнон когда-то лишь слышал в одном из миров, — умении распознавать в других телепатические способности; и он научил Роканнона, как ограничивать и направлять эти способности в себе, однако времени было мало, и он не успел научить его как следует пользоваться этим даром, не успел дать ему попрактиковаться. У Роканнона голова шла кругом от чужих и чуждых ему мыслей и чувств; тысячи чужаков толпились сейчас у него под черепом. Слов разобрать он не мог. «Разговор без слов» — так ангъяр называли это умение, сами им не обладая. То, что он «слышал», было не речью, а намерениями, мечтами, всякими иными чувствами, даже физическим восприятием чего-то — словом, разумно-чувственным восприятием действительности множеством различных людей, и все эти ощущения и чувства пересекались сейчас у него в мозгу, оставляя ужасные следы: страх или зависть, удовлетворение или желание спать, дикое невыносимое головокружение, полупонимание, полуощущение... И вдруг совершенно неожиданно из всего этого хаоса вынырнуло нечто совершенно ясное и отчетливое — контакт был более определенным, чем если бы Роканну на обнаженное плечо

кто-то положил свою теплую руку. Кто-то шел к нему: какой-то человек, вошедший с ним в телепатический контакт, ощущивший его мысленное присутствие. Вместе с этим ощущением возникли второстепенные — высокая скорость движения, ощущение замкнутого пространства, любопытство, страх...

Роканнон открыл глаза, глядя прямо перед собой, словно вот-вот увидит лицо того человека, чьи мысли он только что прочел. Он был близко; Роканнон был уверен, что он близко, и подходит еще ближе. Но ничего не было видно — только прозрачный воздух да все ниже опускающиеся облака. На ветру уже кружились первые легкие снежинки. Слева от него небо закрывал огромный кусок скалы, преградившей им путь. Яхан подполз к Роканнону, глядя на него с испугом. Но успокоить Яхана он не мог, ибо присутствие того человека тяготило его, и он не мог нарушить контакт.

— Вон там... там... воздушный корабль, — пробормотал он хрипло, словно во сне. — Там! — Там, куда он указывал, не было ничего, только воздух да облака. — Там! — снова прошептал Роканнон.

Яхан, снова глянув туда, куда показывал Странник, вскрикнул. Прямо из-за утеса вылетел Могиен на сером Крылатом, а за ним, довольно далеко, за клочьями облаков виднелась более крупная черная тень, которая то повисала в воздухе, то начинала снова медленно приближаться к ним. Могиен скользнул вместе с потоком воздуха вниз, не замечая летящего предмета; лицо его было повернуто к горе, он искал своих товарищей — две крошечные фигурки среди гранита и облаков.

Черный предмет быстро увеличивался в размерах; он приближался к ним, лопасти винта со скрежетом и стуком вращались в горной тиши. Роканнон видел вертолет менее отчетливо, чем — мысленно — того человека, что был внутри. Он испытывал непонятное пока соприкосновение мыслей и чувств, сильный, ничему не подчиняющийся, неукротимый страх. Он шепнул Яхану: «Прячься!», но сам даже пошевелиться не смог. Вертолет точно обнюхивал скалу, клочья облаков отлетали от вращающегося винта. Даже видя, как он подлетает совсем близко, Роканнон смотрел на него как бы изнутри, даже не сознавая, что смотрит сейчас на эту скалу и себя самого глазами того, чужого человека, и видит на скале две маленькие фигурки, и страх, страх одолевает его... Вспышка огня, горячий болезненный удар, — боль Роканнон почувствовал в своем собственном теле, непереносимую боль.

Мысленный контакт был прерван, точно его сдуло ветром. Роканнон снова стал самим собой и еле держался на крошечном гранитном выступе, прижимая правую руку к груди, задыхаясь, видя, как вертолет подлетает еще ближе, а лопасти винта вращаются с сухим оглушительным треском, и лазерное оружие, установленное в носовой части, нацелено прямо на него.

Справа с порывом ветра и ключьями облаков вылетел серый крылатый зверь, верхом на котором сидел человек, кричавший громко и победно — точнее, Могиен ис кричал, а громко хохотал. Один удар могучих серых крыльев — и Крылатый был брошен навстречу повисшей в воздухе машине, прямо ей в лоб. Раздался скрежет металла, который, казалось, вот-вот прервется ужасающим воплем, и тут же пространство перед Роканноном опустело.

Люди, прижавшиеся к скале, в ужасе смотрели перед собой. Ни звука не доносилось из пропасти, только проплывали, кружась, ключья облаков.

— Могиен!

Роканнон громко звал его, но ответа не было. Только боль, страх, тишина.

Глава 9

Дождь грохотал по крыше. В комнате стоял полумрак, дышать было легко.

Над его постелью склонилась женщина, чье лицо было ему хорошо знакомо — гордо, милое, темнокожее лицо в венце золотистых волос.

Он хотел сказать ей, что Могиен погиб, но слов этих произнести не мог. Он лежал, тоскуя, и все пытался решить загадку: он помнил, что Хальдре из Халлана была уже пожилой женщиной, седовласой, а эту, золотоволосую, он тоже знал, но когда-то давно, она уже умерла, да и видел он ее лишь однажды — на планете, находящейся в восьми световых годах отсюда, когда его еще звали Роканнон, а не Странник...

Он снова попытался что-то сказать.

— Ш-ш-ш, — сказала она и прибавила на «общем» языке, хотя и с легким акцентом: — Лежи спокойно, господин мой. — Она осталась рядом и сама ответила на его незаданный вопрос: — Это замок Бренья. Ты пришел сюда с еще одним человеком по снегу, с высоких гор. Ты чуть не умер и

до сих пор еще очень болен. У нас еще будет время поговорить...

Да, времени было достаточно, и оно текло как бы мимо него под мирный шум дождя.

На следующий день, а может, чуть позже, пришел Яхан, очень исхудавший, прихрамывающий, с незажившими еще следами обморожения. Но еще более странным была в нем новая манера вести себя — какая-то униженная покорность. Они немного поговорили, и Роканнон спросил, сам смущаясь:

— Ты что же, Яхан, боишься меня?

— Я постараюсь не бояться, господин мой, — заикаясь, пообещал юноша.

Когда Роканнон смог встать и спуститься в парадный зал замка, тот же благоговейный ужас был написан на всех лицах, что обернулись к нему, хотя все это были смелые и великолдушиные лица. Золотоволосые, темнокожие, высокие люди — старинная раса, от которой впоследствии отделилось и племя ангьяр, откочевавшее на север по морскому побережью. Это были настоящие лийяр, Хозяева Земли, самые древние обитатели этих южных предгорий и холмистых равнин.

Сперва он решил, что кажется им странным из-за своей внешности — темных волос, светлой кожи, — но Яхан был таким же, а Яхана они совсем не боялись. Хотя и обращались с юношей как с равным, что необычайно радовало и смущало бывшего раба из замка Халлан. А вот с Роканном они обращались как с верховным правителем, чуть ли не как с божеством.

Единственной, кто разговаривал с ним, как с обычновенным человеком, была Гейн, невестка и наследница старого хозяина замка, вдовствующая уже несколько месяцев; ее светловолосый маленький сынишка большую часть дня находился при ней. Ребенок был застенчивым, однако Роканнона совсем не боялся, напротив, очень к нему привязался и вечно задавал множество вопросов о горах, о северных землях, о море. Роканнон старательно отвечал. А мать мальчика всегда внимательно прислушивалась к их разговорам, безмятежная и ласковая, как солнечный свет, и порой оборачивалась, чтобы улыбнуться Роканнону, и лицо ее было так хорошо ему знакомо, хотя здесь он увидел эту женщину впервые.

Наконец Роканнон не выдержал и спросил Гейн, что они, собственно, думают о нем в замке Бренья, и она ответила честно:

— Они думают, что ты бог.

И употребила то самое слово, которое он давно уже взял на заметку, еще в толенской деревушке: педан.

— Но я вовсе не бог! — сказал он чуть ли не сердито.

Она даже рассмеялась.

— А почему они так решили? — продолжал допытываться он. — Неужели боги лийяр все седые, со скрюченными изуродованными руками? Лазерный луч, которым все-таки успел поразить его вертолетчик, разворотил ему правое запястье, так что он практически не мог управлять всей рукой.

— Почему бы и нет? — снова улыбнулась Гейн и с достоинством вздернула подбородок. — Но главным образом — потому, что ты спустился с гор.

Некоторое время он переваривал эти слова.

— Скажи мне, госпожа моя, а ты знаешь о... хранителе источника?

Лицо ее тут же помрачнело.

— Нам известны об этом древнем народе только легенды, созданные очень давно. Девять поколений правителей Бренни сменили друг друга с тех пор, как Иоллт Высокорослый ушел в горы и вернулся оттуда совсем другим человеком. Мы так и поняли: ты с ними тоже встречался, с Древнейшими...

— Как вы об этом догадались?

— Во сне ты бредил и все твердил о какой-то цене, о цене того лара, который получил, о Великой Цене. Иоллт тогда тоже заплатил... Ценой была твоя правая рука, не правда ли, господин мой? — спросила Гейн и вдруг смутилась, однако смотрела ему прямо в глаза.

— Нет. Я бы отдал обе руки, чтобы спасти то, что я потерял.

Он встал и подошел к окну. Комната располагалась в башне, и оттуда открывался вид на прекрасную холмистую равнину между далеким еще морем и горами. Сверху, с предгорий, на склонах которых высился замок Бренья, текла, извиваясь, река, становясь постепенно шире и ярко блестя среди более низких холмов на равнине, а потом исчезала в туманной дали, где лишь угадывались очертания деревень, возделанных полей и башен замков меж синих дождевых туч и проблесков ясного синего неба.

— Более прекрасной земли я в жизни не видел! — вырвалось у него. Он все еще думал о Могиене, который никогда уже не увидит своей древней родины.

— Для меня она уже не так прекрасна, как прежде.

— Почему же, госпожа моя?

— Из-за пришельцев!
— Расскажи мне о них.

— Они пришли в конце прошлой зимы; многие прилетели на больших воздушных кораблях; их оружие способно было сжечь все вокруг. Никто у нас и понятия не имел, из каких краев они сюда явились; никаких преданий о них не существовало. Теперь все земли между рекой Въян и морем захвачены ими. Они перебили или согнали с насиженных мест жителей целых восьми поместий. Мы, живущие в предгорьях, стали их пленниками; мы не осмеливаемся спуститься даже на наши старые пастища, чтобы откормить скот. Мы сперва пытались сражаться с пришельцами. И моего мужа Ганинга они сожгли из своего смертоносного оружия. — Она быстро глянула на изуродованную обожженную руку Роканнона и умолкла. Потом неуверенно продолжила: — Он... его убили во время первой оттепели, и за его смерть еще никто не отомстил. Мы склоняем головы и обходим стороной собственные владения — мы, Хозяева Земли! И нет такого человека, который смог бы отплатить проклятым пришельцам за смерть Ганинга!

«О святой гнев», — думал Роканон, слыша в голосе Гейн отзвуки победоносного клича погибшего правителя Халлана.

— Они заплатят, госпожа моя, заплатят дорого. И за все. Ты ведь давно поняла, что никакой я не бог, но неужели ты считаешь меня обычным человеком?

— Нет, господин мой, — промолвила она. — Обычным я тебя не считаю.

Дни проходили за днями, долгие дни долгого лета. Белые вершины над замком Бренья поголубели, злаки в полях дали урожай, который убрали, а поля вспахали снова и засеяли, и вот уже тучные колосья опять наливались соком, когда однажды в полдень Роканон сидел с Яханом во дворе замка и смотрел, как тренируют парочку молодых Крылатых.

— Знаешь, я ведь опять собираюсь на юг, — сказал Роканон. — Но ты, Яхан, останешься здесь.

— Нет, Странник! Позволь мне пойти с тобой...

Яхан оборвал себя, вспомнив, возможно, тот туманный берег, где когда-то, горя жаждой приключений, не послушался Могиена. Роканон усмехнулся и сказал:

— Лучше я пойду один. Так или иначе, это не займет много времени.

— Но я ведь поклялся служить тебе, Странник. Пожалуйста, позволь мне пойти с тобой!

— Все клятвы теряют силу, когда забываются имена. Ты поклялся верно служить Роканнону, но — по ту сторону гор. А в этой земле никаких рабов нет, и нет здесь человека по имени Роканнон. Прошу тебя как друга. Яхан, больше никому ничего не говори и меня ни о чем не проси, а просто оседлай завтра на заре халланского Крылатого.

Верный Яхан еще до восхода стоял во дворе, держа под уздцы Крылатого — того самого, полосатого. Зверь вскоре сам прилетел вслед за ними в замок Бренья, полузамерзший и умирающий от голода. Теперь шерсть его лоснилась, он был полон сил, урчал от нетерпения и помахивал своим полосатым хвостом.

— А ты надел свою вторую кожу, Странник? — шепотом спросил Яхан, пристегивая ноги Роканнона ремнями. — Говорят, эти пришельцы стреляют огнем по любому, кто пролетает вблизи их владений.

— Надел.

— Но меча-то не взял?..

— Нет. Меча не взял. Послушай, Яхан, если я не вернусь, найдешь в моей комнате сумку, а в ней кусок ткани, на которой... нарисовано много всяких вещей, например, изображена эта местность. Если кто-нибудь из представителей моего народа когда-нибудь прилетит сюда, отдай это им, хорошо? И ожерелье Семли тоже лежит в сумке. — Лицо Роканнона погемнело, и он на мгновение отвернулся. — Отдай его госпоже Гейн. Если, конечно, я сам не вернусь. Прощай, Яхан. Пожелай мне удачи.

— Пусть сгинут твои враги, не оставив наследников, — со свирепым видом выкрикнул Яхан, не скрывая слез, и выпустил поводья. Крылатый взмыл в теплое почти бесцветное, будто выгоревшее летнее небо, развернулся, громко хлопая сильными крыльями, и, подхваченный северным ветром, исчез за ближними холмами. Яхан долго смотрел ему вслед. И долго еще после того, как Роканнон скрылся из виду и взошло солнце, высоко над землей в окне башни маячило смуглое милое женское лицо.

Странное то было путешествие: он летел в места, которых никогда не видел, но которые хорошо знал как бы изнутри благодаря сотням впечатлений других людей, которые «читал» теперь его мозг, так что он получил вполне адекватное представление о местности и существующих среди обитателей базы отношениях. Сто дней Роканнон провел в непрерывных тренировках, неподвижно сидя в своей комнате в замке Бренья, он учился воспринимать и анализировать по-

лученную таким путем информацию, узнавая точное расположение каждого строения, каждого опорного пункта военной базы. И благодаря прямому воздействию чужого восприятия и собственной способности эстраполировать полученную информацию отлично знал теперь, что представляет собой эта база, зачем она там расположена, как попасть на ее территорию и где найти то, что ему нужно.

Однако оказалось удивительно трудно после стольких дней упорных занятий телепатией полностью отказаться от нее; как только он подлетел достаточно близко, ему пришлось полностью подавить в себе эту способность и пользоваться только обычными органами чувств — ушами, глазами — да собственной смекалкой. Случившееся тогда на гранитном «лбе» послужило ему суровым уроком: на близком расстоянии особо чувствительные индивиды способны ощутить твое телепатическое присутствие, хотя и невенно, скорее как тревожное предчувствие или страх. Он ведь тогда просто «притянул» вертолетчика к своей скале, точно попавшуюся на крючок рыбину, хотя сам вертолетчик, вероятнее всего, даже не понял, что заставило его лететь именно этим путем и стрелять по людям, прильнувшим к гранитному «лбу». И теперь, вступая на огромную территорию базы в одиночку, Роканнон не хотел, чтобы кто-либо обратил на него внимание; пусть его никто не замечает — ведь он явился сюда «аки тать в ночи».

На закате он привязал своего Крылатого на поляне в лесу, потом пешком спустился с холма и через несколько часов уже подходил к группе строений возле обширной забетонированной взлетной площадки для ракет. Ракета, правда, там была только одна, ею явно пользовались редко, поскольку завезены уже были все необходимые материалы и люди. Бессмысленно было бы вести войну с помощью обычных транспортных ракет, когда до ближайшей цивилизованной планеты восемь световых лет пути.

База была огромной, прямо-таки пугающих размеров, причем большая часть ее территории и построек была отведена под казармы. Восставшие теперь почти всю свою армию сосредоточили здесь. Пока Лига зря тратила время, разыскивая смульянов на их родной планете, они готовились к войне, обосновавшись на этой безымянной планете в полной уверенности, что здесь их никто не найдет. Роканнон успел уже узнать, что некоторые из огромных казарм сейчас пусты; контингент солдат и техников был, видимо, несколько дней назад послан на соседнюю планету, которую они,

возможно, уже завоевали или же просто убедили ее население стать их союзниками. Но эта группа войск не вернется еще, по крайней мере, лет десять. Жители планеты Фаадей всегда были чрезвычайно самоуверенными. Должно быть, в этой войне они одерживают победу за победой. Для того, чтобы действительно угрожать безопасности Лиги Миров, им не хватало только такой вот хорошо засекреченной военной базы, где имелось шесть тяжелых суперсветовых бомбардировщиков.

Роканнон выбрал такую ночь, когда из всех четырех лун только маленький, некогда притянутый планетой астероид Хелики светил в небе до полуночи. Когда он приблизился к ряду ангаров, похожих на цепь черных рифов на ровной серой поверхности этого бетонного моря, его не заметили, и он не ощущал рядом ничьего присутствия. Отрады не было, практически не было и постовых. Сторожевые функции выполняли роботы, которые обшаривали космическое пространство вокруг планет системы Фомальгаут. Да и, в конце концов, чего им было бояться со стороны каких-то аборигенов, живущих в Бронзовом веке?

Хелики светила вовсю, когда Роканнон вышел из тени, отбрасываемой ангарами, но почти скрылась за горизонтом, когда он достиг своей цели: перед ним стояли шесть суперсветовых ракет — точно шесть угольно-черных огромных яиц, укрытых маскировочной сетью, едва различимой в темноте. Деревья рядом, на опушке Виарнского леса, казались игрушечными.

Теперь Роканнону необходимо было вновь воспользоваться своими телепатическими способностями — вне зависимости от того, опасно это или нет. Он застыл в тени деревьев, напряженный, настороженный, стараясь заставить зрение и слух работать на полную мощность, и одновременно попытался мысленно проникнуть внутрь яйцевидных кораблей, обойти их вокруг. Он знал — по рассказам обитателей замка Бренья, — что в каждой из ракет сидит наготове пилот, сидит и ночью, и днем, так что в случае необходимости корабли в любую минуту могут взлететь — возможно, в сторону Фаадея.

Такая необходимость, видимо, могла возникнуть только в одном случае: если центр управления базой, расположенный в четырех милях отсюда, у восточной границы территории, будет захвачен восставшими или же подвергнется бомбардировке. В таком случае пилоты всех кораблей должны мгновенно переместить их в безопасное место, пользуясь

ручным управлением, ибо эти суперсветовики, подобно всем прочим космическим кораблям, имели и ручное управление, не зависящее от внешних условий и достаточно уязвимого компьютерного центра, связанного с источником питания. Однако взлететь на таком корабле означало совершить самоубийство; такого «путешествия» не выдержало бы ни одно живое существо. Так что каждый из этих пилотов был не только одержим страстью к математике, но и являлся фанатиком, готовым пожертвовать собственной жизнью. То были действительно избранные. Но даже избранных снедала скуча — приходилось вечно сидеть и ждать маловероятного мгновения, когда блеснет яркой вспышкой их слава. На одном корабле, как определил Роканон, было в эту ночь два человека. Оба были погружены в глубокие раздумья, склонившись над расчерченной на квадраты доской. Роканон сопоставил эти данные с тем, что уже не раз мысленно наблюдал в предыдущие ночи, и догадался: они же играют в шахматы! Но мысли его уже понеслись дальше, к другому кораблю. Сейчас тот корабль был пуст!

Он быстро перебежал по серой, окутанной ночной дымкой бетонной площадке, скрываясь за отдельными деревцами, к пятому по счету кораблю, взобрался по трапу и нырнул в незапертый люк. Внутри этот корабль не был похож ни на один из знакомых ему. Он весь, казалось, состоял из гнезд для управляемых ракет, из пусковых установок, из компьютерных устройств и реакторов — какой-то кошмарный лабиринт смерти, где коридоры были достаточно широки для прохождения ракеты, способной стереть с лица планеты огромный город. У этого корабля, поскольку он весьма необычным способом проходил сквозь время и пространство, не было ни носа, ни хвоста, да и вообще в его конструкции, с первого взгляда, не было никакой логики; к тому же Роканон не сумел прочитать надписи на пульте управления. И рядом не было ни одного живого существа, чьи знания он мог бы мысленно использовать как «руководство к действию». Двадцать минут он потратил на то, чтобы отыскать сам пульт управления, методично осматривая помещение корабля, погдавляя волнение и страх, заставляя себя не «включать» свой телепатический дар, чтобы отсутствующий в корабле пилот не ощутил ни малейшего беспокойства.

Лишь на мгновение, когда он наконец обнаружил и пульт управления, и ансибль, и даже уже уселся перед ним, позволил он себе мысленно покинуть этот корабль и отправиться на соседний, где неуверенная рука пилота застыла в

раздумье над белым «слоном». Он тут же отключился. Запомнив координаты, которые обозначены были на приборной доске ансибля, он быстро заменил их другими — координатами исследовательской базы Лиги Миров в Кергелене. Это были единственные координаты, которые он всегда помнил, так что ему не нужен был никакой справочник. Он включил ансибль, и пальцы его забегали по клавиатуре.

Действовал он довольно неуклюже, одной левой, здоровой рукой; на небольшом темном экране вспыхивали буквы, составляя слова послания, одновременно возникавшего на экранах и в далеком городе на той планете, что находилась отсюда в восьми световых годах пути:

Лиге Всех Миров. Срочно. Военная база мятежников с планеты Фарадей находится на Фомальгауте-II, на Юго-западном континенте планеты. Координаты: 28 градусов 28 минут северной широты, 121 градус 40 минут западной долготы, до ближайшей крупной реки около 3 километров на северо-восток. База замаскирована, однако с воздуха должна быть заметна как четыре квадрата из двадцати восьми казарм и ангаров на пусковой площадке; взлетная полоса расположена с востока на запад. Шесть суперсветовых бомбардировщиков находятся не на самой базе, а на открытой площадке к юго-западу от основного ракетодрома, на опушке леса; они тщательно закамуфлированы и снабжены светопоглощающими устройствами. Прошу не наносить беспорядочных ударов по местности — жители планеты не являются союзниками мятежников. Я, Гаверел Роканнон, руководитель этнографической экспедиции на Фомальгауте-II и единственный из ее участников, уцелевший после нападения мятежников на наш корабль, передаю эти сведения с борта вражеского суперсветовика. До рассвета осталось около пяти часов.

Ему очень хотелось прибавить: «Дайте мне хотя бы часа два, чтобы выбраться отсюда», но он этого не сделал. Если фарадецы его поймают, то обо всем сразу догадаются и, вполне возможно, перенесут свои суперсветовики в другое место. Он выключил ансибль и восстановил на его приборной доске прежние координаты. Пробираясь к выходу по огромным чудовищным коридорам, он снова мысленно провел обстановку на соседнем корабле. Шахматисты встали из-за стола и ходили по кораблю. Он побежал — одинокая фигурка в полутемных безликих помещениях и соединяющих их коридорах. Сперва ему показалось, что он заблудился, не там свернул, однако вылетел он прямо к люку, мгновенно ссыпался по трапу и бросился сломя голову вдоль ги-

гантского корабля, потом вдоль второго такого же и нырнул в лес.

Оказавшись в спасительной тени деревьев, Роканнон рухнул на землю, совершенно обессиленный. В груди жгло огнем, черные ветки над головой, казалось, совсем сомкнулись, и даже лунный свет не проникал сквозь них. Чуть переведя дыхание, он поспешил прочь — мимо ракетодрома, дальше, дальше, тем же путем, каким пришел сюда, по лесу, по холмам, и только свет снова взошедшей Хелики помогал ему видеть, куда он ступает, пока не взошла вторая луна, более яркая — Фени. Казалось, он не идет, а стоит на месте — время уходило с каждой секундой. Если они нанесут бомбовый удар по базе, пока он так близко от нее, ударная волна или всепожирающее пламя непременно нагонят его, и он изо всех сил продирался сквозь заросли и тьму, испытывая страх, который подавить было уже невозможно, и каждую секунду ожидая, что сзади вспыхнет чудовищный смертоносный свет. Но почему, почему же они медлят?

Еще далеко было до рассвета, когда Роканнон добрался до холма с раздвоенной вершиной, где оставил своего Крылатого. Зверь, раздраженный тем, что ему пришлось просидеть на привязи всю ночь, когда кругом полно отличной дичи, даже зарычал на Роканнона, но тот лишь обессиленно прислонился к его теплому плечу и немножко почесал Крылатого за ухом, вспоминая Кью.

Потом он вскочил в седло и попытался заставить Крылатого взлететь, что удалось не сразу. Зверь довольно долго лежал в позе сфинкса и не желал подниматься. Наконец он встал, протестующе подвывая, и побрел по земле на север, причем со сводившей Роканнона с ума медлительностью. Холмы и поля, заброшенные деревушки и огромные деревья уже стали видны довольно отчетливо, но только когда из-за восточных холмов выполз белый краешек солнца, Крылатый наконец взлетел, отыскал подходящий поток воздуха и поплыл в бледном свете зари над землею. Роканнон то и дело оглядывался. Но позади ничего не было — только мирные земли да туман в устье реки на западе. Он мысленно прислушался к тому, что творится в стане врага, и ощутил их мысли и предутренние сны — все шло как обычно.

Он сделал все, что мог. Надо было быть полным дураком, чтобы рассчитывать, что он сможет как-то помешать неизбежному. Что может один человек против целого народа, решившего разжечь войну? Совершенно измученный, без конца пережевывая свое позорное поражение, Роканнон мчался в

сторону замка Бренья. Больше ему некуда было идти. Больше он уже не удивлялся тому, почему Лига так медлит с ударом. Они вообще не станут наносить удар. Они решили, что это просто ловушка, обман, или же, что вполне возможно, он просто забыл координаты Кергелена; в конце концов, одна неверно набранная цифра — и его послание полетело в пустоту. И ради этого погибли Рахо, Иот, Могиен? Ради посланного в никуда сообщения? А он останется здесь, в вечной ссылке, бесполезный, беспомощный, чужой...

В конце концов, это-то как раз неважно. Он — всего лишь одиночка. Судьба одного-единственного человека не имеет значения...

«А что же тогда имеет?»

Невыносимо было вновь вспоминать это! Он еще раз оглянулся — просто чтобы не видеть маячившего перед ним лица Могиена — и с криком прикрыл изуродованной рукой глаза: невыносимо яркий свет высоченным столбом вспыхнул вдруг на равнине у него за спиной.

В вое и яростных порывах поднявшегося вслед за тем ветра, перепуганный Крылатый бросился было вперед, потом резко пошел вниз и рухнул на землю. Роканон выскочил из седла и бросился рядом с ним, закрыв голову руками. Но от одного он не мог защитить себя — нет, не от этого света, а от тьмы, что ослепила вдруг его душу, принеся ему единовременное ощущение гибели тысячи людей. Смерть, смерть, смерть — всюду смерть, и все это сразу же болью отдалось в его собственном теле и душе. А потом настала тишина.

Роканон поднял голову и прислушался. И услышал се, эту тишину.

Эпилог

На закате достигнув замка Бренья, Роканон спустился на двор, слез с Крылатого и остановился с ним рядом — усталый седой человек с опущенной головой. Все светловолосые обитатели замка моментально собрались вокруг него и стали спрашивать, что это за громадный пожар случился на юге и правда ли то, что рассказывают: будто все пришельцы разом погибли. Странно было видеть их — только что собравшихся вокруг него, но уже знающих то, что и сам он только что узнал. Он поиском глазами Гейн. Увидев ее лицо, он обрел наконец дар речи и сказал, запинаясь:

— То место, где жили враги, уничтожено полностью. Сюда они больше не вернутся. Правитель вашего замка Ганинг отомщен. Как и правитель замка Халлан — мой друг Могиен. И все твои братья, Яхан; и жители деревни Кьо; и мои друзья. Все враги теперь мертвы.

Люди расступились перед ним, и он вошел в замок один.

Вечером, через несколько дней после этих событий, ясным голубым вечером, наступившим после грозовых дождей, Роканнон прогуливался с Гейн по мокрой еще террасе, и она спросила его, уедет ли он из замка Бренья. Он долгое время молчал. Потом заговорил:

— Не знаю. Яхан, по-моему, хотел бы вернуться на север, в Халлан. Здесь есть несколько человек, которые с удовольствием отправились бы в подобное путешествие с ним вместе. А Хозяйка замка Халлан ждет известий о своем сыне... Но Халлан — не дом мне. У меня вообще нет дома в этом мире. Я не принадлежу ему.

Она уже знала немного, кто он такой, а потому спросила:

— А твои соплеменники разве не прилетят за тобой?

Он окинул взором прекрасную страну, расстилавшуюся перед ним, сверкавшую в сумерках ленту реки, и сказал:

— Возможно. Через восемь лет. Смерть они могут послать мгновенно, а вот жизнь прилетать не торопится... Да и кто они, мои «соплеменники»? Я уже не тот, что был раньше. Я сильно переменился; я пил из того источника, что высоко в горах. И я бы никогда больше не хотел оказаться там, где вновь могу услышать голоса моих врагов.

Они прошли рядом, в молчании семь шагов до парапета башни, и Гейн, посмотрев в синеву небес, окаймленную темной громадой гор, сказала:

— Останься с нами.

Роканнон ответил не сразу.

— Останусь. На время.

Но оказалось — навсегда. Когда на планету вновь прилетели корабли Лиги и Яхан повел одну из исследовательских групп на юг, в замок Бренья, чтобы отыскать там Роканнона, он был уже мертв и обитатели замка оплакивали своего господина. Прибывших встретила вдова Роканнона, высокая и светловолосая, с великолепным сапфировым ожерельем на шее. И Роканнон так и не узнал, что Лига Миров дала этой планете его имя.

•

*Планета
изгнания*

•

Глава 1

ПРИГОРШНЯ МРАКА

В последние дни последнего лунокруга Осени по умирающим лесам Аскатевара гулял ветер с северных хребтов — холодный ветер, несущий запах дыма и снега. Тоненькая, совсем невидимая в своих светлых мехах, точно дикий зверек, девушка Ролери все дальше углублялась в лес сквозь вихри опавших листьев. Позади остались стены, камень за камнем поднимавшиеся все выше на склоне Тевара, и поля последнего урожая, где завершалась хлопотливая уборка. Она ушла одна, и никто ее не окликнул. Чуть заметная тропа, которая вела на запад, была исполосована бесчисленными бороздами — их оставили бродячие корни в своем движении на юг. Ролери то и дело перебиралась через рухнувшие деревья и огромные кучи сухих листьев.

Там, где у подножия Пограничной гряды тропа разветвлялась, Ролери пошла прямо, но не сделала и десяти шагов, как услышала позади ритмичный нарастающий шорох. Она быстро оглянулась.

На северной тропе появился вестник. Его босые подошвы разметывали кипящий прибой сухих листьев, длинные концы шнура, стягивающего волосы, бились по ветру за плечами. Он бежал с севера — ровно, упорно, на пределе сил и, даже не взглянув на девушку у развилки, исчез за поворотом. Топот его ног затих в отдалении. Ветер подгонял его всю дорогу до Тевара, куда он нес известия, что надвигается буря, беда, Зима, война... Ролери равнодушно повернулась и пошла дальше по тропе, которая прихотливо петляла вверх по склону между огромными сухими стволами, стонавшими и скрипевшими от ударов ветра. Потом за гребнем распахнулось небо, а под небом лежало море.

Западный склон гряды был очищен от высохшего леса, и Ролери, укрывшись от ветра за толстым пнем, могла без помех рассматривать сияющий простор запада, бесконечное протяжение серых приморских песков и справа, совсем близко

внизу, красные крыши обнесенного стенами города дальнерожденных на береговых утесах.

Высокие, ярко выкрашенные каменные дома уступами окон и крыш уходили к обрыву. За городской стеной, там, где утесы понижались к югу, на аккуратных террасах коврами раскинулись луга и поля, расчерченные правильными линиями дамб. А от городской стены на краю обрыва через дамбы и дюны, через пляж, над влажно поблескивающим протяжением литорали гигантские каменные арки вели к странному черному острову среди сверкающего песка. Черная глыба, вся в черной игре теней, круто вставала в полуимile от города над ровной плоскостью и искрящейся гофрировкой пляжа — мрачная несокрушимая скала, увенчанная куполами и башнями, вытесанными с искусством, не доступным ни ветру, ни морю. Что это могло быть такое — жилище, изваяние, крепость, могильник? Какие черные чары выдолбили камень и воздвигли этот немыслимый мост в том былом времени, когда дальнерожденные были еще могучи и вели войны? Ролери пропускала мимо ушей путаные истории о колдовстве, без которых не обходилось ни одно упоминание о дальнерожденных, но теперь, глядя на черный риф среди песков, она испытывала незнакомое ощущение отчужденности — впервые в жизни она соприкоснулась с чем-то совсем ей чуждым, что было сотворено в одном из неведомых ей былых времен руками из иной плоти и крови, по замыслу, рожденному иным разумом. Эта черная громада казалась зловещей и неодолимо влекла ее к себе. Как завороженная, она следила за крохотной фигуркой, которая шла по высокому мосту — такая ничтожная в сравнении с его длинной и высотой, черная точка, черная черточка, ползущая к черным башням среди сверкающего песка.

Ветер здесь был менее холодным, солнечные лучи пробивались сквозь клубившиеся на западе тучи и золотили улицы и крыши внизу. Город манил ее своей чуждостью, и Ролери не стала больше медлить, собираясь с духом, а с дерзкой решимостью легко сбежала по склону и вошла в высокие ворота.

И там она продолжала идти все той же легкой беззаботной походкой, но только из гордости: сердце у нее отчаянно заколотилось, едва она ступила на серые безупречно ровные плиты странной улицы странного города. Ее взгляд торопливо скользил слева направо и справа налево по высоким жилищам, воздвигнутым целиком над землей, по их крутым крышам и окнам из прозрачного камня (значит, это была не сказка!) и по узким полоскам влажной земли, где пустили

цепкие корни келлем и хадун — их плети с яркими багряными и оранжевыми листьями вились по голубым и зеленым стенаам, оживляя серо-свинцовые тона поздней Осени. Многие жилища у восточных ворот стояли пустые, краска на их стенаах облупилась, окна зияли черными провалами. Она шла дальше, спускалась по лестницам, и жилища вокруг утратили заброшенный вид, а навстречу ей начали попадаться дальнерожденные.

Они глядели на нее. Ей доводилось слышать, будто дальнерожденные смотрят человеку прямо в глаза, но проверять этого она не стала. Во всяком случае, ее никто не остановил. Ее одежда походила на их одежду, да и кожа у некоторых из них, как она убедилась, искоса посматривая по сторонам, была не намного темнее, чем у людей. Но и не взглянув ни разу им в лицо, она ощущала неземную темень их глаз.

Неожиданно улица вывела ее на широкое открытое пространство правильной формы, очень ровное и все испещренное золотыми отблесками солнца, клонящегося к западу. По сторонам этого квадрата стояли четыре дома высотой с небольшую гору. У каждого по низу тянулись арки, а над ними правильно чередовались серые и прозрачные камни. Сюда вели только четыре улицы, и каждую можно было перегородить опускными воротами, подвешенными между стен четырех огромных домов. Значит, эта площадь — крепость внутри крепости или город внутри города. А над ней высоко в небо уходила вызолоченная солнцем башня, венчавшая один из домов.

Это было надежное место, но совсем пустое.

В углу на усыпанной песком площадке величиной с доброе поле играли сыновья дальнерожденных. Двое боролись — очень искусно и упорно, а мальчики помоложе, в стеганых куртках и шапках, вооружившись деревянными мечами, рьяно разучивали удары. Глядеть на борцов было очень интересно: они неторопливо пританцовывали друг против друга и неожиданно схватывались с удивительной быстротой и грацией. Ролери, засмотревшись, остановилась возле двух высоких дальнерожденных в меховой одежде, которые молча наблюдали за происходящим. Когда старший борец внезапно перекувырнулся в воздухе и упал на мускулистую спину, она охнула почти одновременно с ним, а потом засмеялась от удивления и удовольствия.

— Отличный бросок, Джокенеди! — воскликнул дальнерожденный рядом с ней, а женщина по ту сторону площадки

захлопала в ладоши. Младшие мальчики, поглощенные своим занятием, продолжали наносить и отражать удары.

А она даже не знала, что чародеи растят воинов, да и вообще ценят силу и ловкость. Хотя она слышала про их умение бороться, они всегда рисовались ей горбунами, которые в темных логовах гнутся над гончарными кругами и длинными паучими руками выделяют на них красивые сосуды из глины и белого камня, попадающие потом в шатры людей. Ей вспомнились всякие истории, слухи, обрывки сказок... Про охотника говорили, что он «удачлив, как дальнерожденный», а одну глину называли «чародейной землей», потому что чародеи ее очень ценили и делали из нее всякие вещи. Но толком она ничего не знала. Задолго до ее рождения Люди Аскатевара уже кочевали по северу и востоку своего Предела, и ей ни разу не пришлось помогать тем, кто отвозил зерно в житницы под Теварским холмом, а потому она не бывала на склонах западной гряды до этого лунокруга, когда все Люди Аскатевара собрались здесь со своими стадами и семьями, чтобы построить Зимний Город над подземными житницами. Об этом инорожденном племени она ничего, в сущности, не знает...

Тут она заметила, что победивший борец, стройный юноша, которого назвали Джокенеди, уставил ее прямо в лицо, и, поспешно отвернувшись, попятилась со страхом и омерзением.

Он подошел к ней. Его обнаженные плечи и грудь блестели от пота, точно черный камень.

— Ты пришла из Тевара, верно? — спросил он на языке Людей, но выговаривая почти все слова как-то неправильно. Он улыбался ей, радуясь своей победе, и стряхивал песок с гибких рук.

— Да.

— Чем мы можем тебе помочь? Ты чего-нибудь хочешь?

Он стоял совсем рядом, и она, конечно, не могла посмотреть на него, но голос его звучал дружески, хотя и чуть насмешливо. Мальчишеский голос. Она подумала, что он, наверное, моложе ее. Нет, она не позволит, чтобы над ней смеялись.

— Да, — сказала она небрежно. — Я хочу посмотреть черную скалу на песках.

— Так иди. Виадук открыт.

Она почувствовала, что он пытается заглянуть в ее опущенное лицо, и еще больше отвернула голову.

— Если кто-нибудь тебя остановит, скажи, что тебе пока-

зал дорогу Джокенеди Ли, — добавил он. — А может быть, проводить тебя?

Она даже не стала отвечать. Выпрямившись и опустив глаза, она направилась по улице, которая вела с площади на мост. Пусть ни один из этих скалящих зубы черных лжелюдей не смеет думать, будто она боится...

За ней никто не шел. Никто из встречных не обращал на нее внимания. Короткая улица кончилась. Между гигантскими пylonами виадука она оглянулась, потом посмотрела вперед и остановилась.

Мост был огромен — дорога для великанов. С гребня он казался хрупким — его арки словно летели над полями, над дюнами и песками. Но здесь она увидела, что он очень широк — двадцать мужчин могли бы пройти по нему плечом к плечу — и ведет прямо к высоким черным воротам в башнескале. По краям он ничем не был отгорожен от воздушной пропасти. Идти по нему? Нет! Об этом и подумать нельзя. Такая дорога не для человеческих ног.

По боковой улице она вышла к западным воротам в городской стене, торопливо миновала длинные пустые загоны и стойла и выскользнула через калитку, чтобы вернуться назад, обогнув стены снаружи.

Здесь, где утесы понижались и в них там и сям были пробурлены ступеньки, аккуратные полоски полей, залитые желтым предвечерним светом, дышали тихим покоем, а дальше за дюнами простиравшийся широкий пляж, где можно поискать длинные зеленые морские цветы, которые женщины Аскатевара хранят в своих ларцах и по праздникам вплетают в волосы. Она вдохнула таинственный запах моря. Ей еще ни разу не доводилось гулять по морским пескам. А солнце еще только-только начинает клониться к закату. Она сбежала по ступенькам, вырубленным в обрыве, прошла через поля, через дамбы и дюны и наконец оказалась на ровных сверкающих песках, которые простирались, докуда хватал глаз, на север, на запад и на юг.

Дул ветер. Солнце светило негреющим светом. Откуда-то спереди, с запада, доносился неумолчный звук, словно вдали ласково рокотал могучий голос. Ее ноги ступали по твердому ровному песку, которому не было конца. Она побежала, наслаждаясь быстрым движением, остановилась, засмеялась от беспричинной радости и посмотрела на арки моста, мощно шагающие вдоль крохотной вьющейся цепочки ее следов, потом снова побежала и снова остановилась, чтобы набрать серебристых ракушек, торчавших из песка. Позади нее на

краю обрыва лепился город дальнерожденных, точно кучка пестрых камешков на ладони. Она еще не успела устать от соленого ветра, от простора и одиночества, а уже почти поправлялась с башней-скалой, которая теперь черной стеной загородила от нее солнце.

В этой широкой и длинной тени прятался холод. Она вздрогнула и снова пустилась бежать, чтобы поскорее выбраться на свет, стараясь не приближаться к черной громаде. Она торопилась проверить, низко ли опустилось солнце и далеко ли ей еще бежать, чтобы увидеть вблизи морские волны.

Ветер донес до ее ушей еле слышный голос, который кричал непонятно, но так настойчиво, что она остановилась и испуганно поглядела через плечо на гигантский черный остров, встающий из песка. Не зовет ли ее это чародейное место?

В вышине на неогороженном мосту, над уходящей в скалу опорой, стояла черная фигура, такая далекая, и звала ее.

Она повернулась и побежала, потом остановилась, повернула назад. Ее захлестнул ужас. Она хотела бежать и не могла. Ужас давил ее, она не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой и стояла, вся дрожа, а в ее ушах нарастал рокочущий рев. Чародей на черной башне оплетал ее паутиной своего колдовства. Вскинув руки, он снова пронзительно выкрикнул слова, которых она не поняла: ветер донес их отзвук, точно зов морской птицы — ри-и, ри-и! Рев в ее ушах стал еще громче, и она скорчилась на песке.

Вдруг ясный и тихий голос внутри ее головы произнес: «Беги! Вставай и беги. К острову. Не медли. Беги!» И сама не зная как, она вскочила и поняла, что бежит. Тихий голос раздался снова — он направлял ее шаги. Ничего не видя, задыхаясь, она добралась до черных ступенек в скале и начала карабкаться по ним. За поворотом ей навстречу метнулась черная фигура. Она протянула руку и почувствовала, что ее втаскивают выше по лестнице. Потом пальцы, сжимавшие ее запястье, разжались, и она привалилась к стене, потому что у нее подгибались колени. Черная фигура подхватила ее, поддержала, и голос, прежде звучавший внутри ее головы, произнес громко:

— Смотри! Вот оно!

Внизу о скалу с грохотом ударился воляной вал. Кипящая вода, разделенная островом, снова сомкнулась, и вал, весь в белой пене, с ревом покатился дальше, разбился на пологом склоне у дюн, лизнул их, и между ними и островом заплясали сверкающие волны.

Ролери, вся дрожа, цеплялась за стену. Ей никак не удавалось унять дрожь.

— Прилив накатывается сюда чуть быстрее, чем способен бежать человек, — произнес позади нее спокойный голос. — А глубина воды вокруг Рифа в прилив — почти четыре человеческих роста... Нам надо подняться еще выше... Потому-то мы и жили здесь в старину. Ведь половину времени Риф окружен водой. Заманивали вражеское войско на пески перед началом прилива. Конечно, если они ничего про приливы не знали... Тебе уже легче?

Ролери слегка пожала плечами. Он как будто не понял, и тогда она сказала:

— Да.

Его речь была понятной, хотя он употреблял много слов, которых она не знала, а остальные почти все произносил правильно.

— Ты пришла из Тевара?

Она снова пожала плечами. Ее мучила дурнота, к глазам подступали слезы, но она сумела их подавить. Поднимаясь по черным ступенькам еще одной лестницы, она поправила волосы и из-за их завесы искоса взглянула на лицо дальнерожденного — сильное, суровое, темное, с мрачными блестящими глазами, темными глазами лжечеловека.

— А что ты делала в песках? Разве никто не предупредил тебя о приливах?

— Я ничего не знала, — прошептала она.

— Но ваши Старейшины знают о них. Во всяком случае, знали прошлой Весной, когда ваше племя жило тут на побережье. Память у людей дьявольски короткая! — Говорил он злые вещи, но голос у него оставался спокойным и не злым. — Вот сюда. И не бойся — здесь никого нет. Давно уже никто из ваших людей не бывал на Рифе...

Они вошли в темный проем туннеля и оказались в комнатах, которую она сочла огромной — пока не увидела следующей. Они проходили через ворота и открытые дворики, по галереям, висящим над морем, по комнатам и сводчатым залам — безмолвным, пустым, где обитал только морской ветер. Теперь море покачивало свое резное серебро далеко внизу. Она испытывала ощущение удивительной легкости.

— Здесь никто не живет? — спросила она робко.

— Сейчас нет.

— Это ваш Зимний Город?

— Нет. Мы зимуем в городе на утесах. Тут была крепость.

В былые Годы на нас часто нападали враги... А почему ты бродила по пескам?

— Я хотела увидеть...

— Увидеть что?

— Пески. Море. Сначала я прошла по вашему городу, я хотела увидеть...

— Ну что ж. Ничего плохого в этом нет.

Они поднялись на другую галерею, и у нее закружилась голова от высоты. Между стрельчатыми арками, крича, кружили морские птицы. Последний коридор вывел их к поднятым воротам, под ногами загремело железо, из которого делают мечи, а потом начался мост. От башни к городу между небом и морем они шли молча, а ветер толкал их вправо — все время вправо. Ролери окочнела и совсем обессилела от высоты, от необычности всего, что ее окружало, от того, что рядом с ней идет этот темный лжечеловек.

Когда они вошли в городские ворота, он внезапно сказал:

— Я больше не буду говорить в твоих мыслях. Тогда у меня не было выбора.

— Когда ты велел мне бежать... — начала она и запнулась, потому что толком не понимала, что он имеет в виду и что, собственно, произошло там, на песках.

— Я думал, ты кто-то из наших, — сказал он словно с досадой, но тут же справился с собой. — Не мог же я стоять и смотреть, как ты утонешь. Пусть и не по собственной вине. Но не бойся. Больше я этого делать не буду, и никакой власти я над тобой не приобрел, что бы ни говорили тебе ваши Старейшины. А потому иди: ты вольна, как ветер, и сохранила свое невежество в полной неприкосновенности.

В его голосе была злость, и Ролери испугалась. Рассердившись на себя за этот страх, она спросила дрожащим, но дерзким голосом:

— А прийти еще раз я тоже вольна?

— Да. Когда захочешь. Могу ли я узнать твое имя, дочь Аскатевара?

— Ролери из Рода Вольда.

— Вольд — твой дед? Твой отец? Он еще жив?

— Вольд замыкает круг в Перестуке Камней, — сказала она надменно, стараясь не уронить своего достоинства.

Почему он говорит с ней так властно? Откуда у дальненрожденного, у лжечеловека без рода и племени, стоящего вне закона, такое суровое величие?

— Передай ему привет от Джакоба Агата альтеррана.

Скажи ему, что завтра я приду в Тевар поговорить с ним.
Прощай, Ролери!

Он протянул руку в приветствии равных, и, растерявшись, она прижала ладонь к его ладони. Потом повернулась и побежала вверх по крутой улице, вверх по ступенькам, натянув меховой капюшон на лоб и отворачиваясь от дальне-рожденных, которые попадались ей навстречу. Ну почему они глядят тебе прямо в лицо, точно мертвецы или рыбы? Животные с теплой кровью и Люди никогда не пялятся в глаза друг другу. Она вышла из ворот, обращенных к холмам, вздохнула с облегчением, быстро поднялась на гребень в гаснущих красных лучах заходящего солнца, спустилась со склона между умирающими деревьями и торопливо пошла по тропе, ведущей в Тевар. За живьем сквозь сгустившиеся сумерки мерцали звездочки очагов в шатрах, окружающих еще не достроенный Зимний Город. Она ускорила шаг — скорее туда, к теплу, еде, Людям. Но даже в большом женском шатре ее Рода, стоя на коленях у очага и ужиная похлебкой вместе с остальными женщинами и детьми, она ощущала в своих мыслях что-то странное и чужое. Она сжала правую руку, и ей почудилось, что она хранит в ладони пригоршню мрака... прикосновение его руки.

Глава 2

В АЛОМ ШАТРЕ

— Каша совсем остыла! — проворчал он и оттолкнул плетенку, а потом, когда старая Керли покорно взяла ее, чтобы подогреть бхану, мысленно обозвал себя сварливым старым дурнем. Но ведь ни одна из его жен — правда, теперь их всего одна и осталась, — ни одна из его дочерей, ни одна из женщин его Рода не умеет варить бхановую кашу, как ее варила Шакатани. Как она стряпала! И какой молодой была... последняя его молодая жена. Умерла в восточных угодьях, умерла молодой, а он все живет и живет — и вот уже скоро опять наступит лютая Зима.

Вошла девушка в кожаной тунике с выдавленным на плече трилистником — знаком его Рода. Внучка, наверное. Немного похожа на Шакатани. Он заговорил с ней, хотя и не припомнил ее имени.

— Это ты вчера вернулась поздней ночью, девушка?

Тут он узнал ее по улыбке и по тому, как она держала го-

лову. Та маленькая девочка, с которой он любил шутить, — такая задумчивая, дерзкая, ласковая, одинокая. Дитя, рожденное не в срок. Да как же ее все-таки зовут?

— Я пришла к тебе с вестью, Старейший.

— От кого?

— Он назвался большим именем — Джакат-абатбольтер-ра. А может быть, и по-другому. Я не запомнила.

— Альтерран? Так дальнерожденные называют своих Старейшин. Где ты встретила этого человека?

— Это же был не человек, Старейший, а дальнерожденный. Он шлет тебе привет и весть, что придет сегодня в Тевар поговорить со Старейшим.

— Вот как? — сказал Вольд и слегка потряс головой, восхищаясь ее дерзостью. — И ты, значит, его вестница?

— Он случайно заговорил со мной...

— Да-да. А знаешь ли ты, девушка, что у людей Пернмекского Предела незамужнюю женщину, которая заговорит с дальнерожденным... наказывают?

— А как наказывают?

— Ну, не будем об этом говорить.

— Пернмеши едят клоуб и бреют головы. Да и что они знают о дальнерожденных? Они же никогда не приходят на побережье... А в одном из шатров я слышала, будто у Старейшего в моем Роде была дальнерожденная жена. В былые дни.

— Это верно. В былые дни... — Девушка молча ждала, а Вольд вспомнил далекое прошлое, другое время, былое время — Весну. Краски, давно развеявшиеся сладкие запахи, цветы, отцветшие сорок лунокругов назад, почти забытый голос... — Она была молодой. И умерла молодой. Еще до наступления Лета. — Помолчав, он добавил: — Но это совсем не то же самое, что незамужней женщине разговаривать с дальнерожденным. Тут есть разница, девушка.

— А почему?

Несмотря на свою дерзость, она заслуживала ответа.

— Причин несколько, и не очень важных, и важных. Главная же такая: дальнерожденный берет всего одну жену, а истинная женщина, вступив с ним в брак, не будет рожать сыновей.

— Почему, Старейший?

— Неужто женщины больше не болтают в своем шатре? И ты в самом деле так уж ничего не знаешь? Да потому, что у Людей и дальнерожденных детей быть не может. Разве ты об этом не слышала? Либо брак остается бесплодным, либо женщина разрешается мертвым уродом. Моя жена Арилия,

дальнерожденная, умерла в таких родах. У ее племени нет никаких брачных правил. Дальнерожденные женщины, точно мужчины, вступают в брак с кем хотят. Но обычай Людей нерушим: женщины делят ложе с истинными мужчинами, становятся женами истинных мужчин и дают жизнь истинным детям!

Она грустно нахмурилась, посмотрела туда, где на стенах Зимнего Города усердно трудились строители, а потом сказала:

— Прекрасный закон для женщин, которым есть с кем делить ложе...

На вид ей можно было дать лунокругов двадцать — значит, она родилась не в положенное Время Года, а в Летнее Бесплодие. Сыновья Весны вдвое и втройе ее старше, давно женаты, и не один раз, и браки их небесплодны. Осеннерожденные — еще дети. Но кто-нибудь из весеннерожденных еще возьмет ее третьей или четвертой женой, так что ей нечего сетовать. Пожалуй, надо бы устроить ее брак. Но с кем и в каком она родстве?

— Кто твоя мать, девушка?

Она поглядела в упор на застежку у его горла и сказала:

— Моей матерью была Шакатани. Ты забыл се?

— Нет, Ролери, — ответил он после некоторого молчания. — Я ее не забыл. Но послушай, дочь, где ты говорила с этим альтерраном? Его зовут Агат?

— В его имени есть такая часть.

— Значит, я знал его отца и отца его отца. Он в родстве с женщиной... с дальнерожденной, о которой мы говорили. Кажется, он сын ее сестры или сын ее брата.

— Значит, твой племянник. И мой двоюродный брат, — сказала она и вдруг рассмеялась.

Вольд тоже усмехнулся такому неожиданному выведению родства.

— Я встретила его, когда ходила посмотреть море, — объяснила она. — Там, на песках. А перед этим я видела вестника, который бежал с севера. Женщины ничего не знают. Случилось что-нибудь? Начинается Откочевка на юг?

— Может быть, может быть, — пробормотал Вольд. Он уже опять не помнил ее имени. — Иди, девочка, помоги своим сестрам в полях, — сказал он и, забыв и про нее, и про бхану, которой так и не дождался, тяжело поднялся на ноги.

Обойдя сзади свой большой выкрашенный алой краской шатер, он посмотрел туда, где толпы людей возводили стены Зимнего Города и готовили земляные дома, и дальше — на

север. Северное небо над оголенными холмами было в это утро ярко-синим, чистым и холодным.

Ему ясно припомнилась жизнь в тесных ямах под крутыми крышами — среди сотни спящих вповалку людей просыпаются старухи, разводят огонь в очагах, тепло и дым забираются во все поры его тела, пахнет кипящей в котлах зимней травой... Шум, вонь, жаркая духота этих нор под замерзшей землей. И холодное чистое безмолвие мира на ее поверхности, то выметенной ветром, то занесенной снегом, а он и другие молодые охотники уходят далеко от Тевара на поиски снежных птиц, корию и жирных веспри, что спускаются подо льдом замерзших рек с дальнего севера. Вон там, по ту сторону долины, из сугроба поднялась мотающаяся белая голова снежного дьявола... А еще раньше, прежде снега, льда и белых зверей Зимы, была такая же ясная погода, как сегодня, — солнечный день, золотой ветер и синее небо, стынувшее над холмами. И он... нет, не мужчина, а совсем малыш, вместе с другими малышами и женщинами смотрит на плоские белые лица, на красные перья, на плащи из незнакомого сероватого перистого меха. Лающие голоса, слова, которых он не понимал, но мужчины его Рода и Старейшины Аскатевара сурово приказывали плосколицым идти дальше. А еще раньше с севера прибежал человек с обожженным лицом, весь окровавленный, и закричал: «Гааль! Гааль! Они прошли через наше стойбище в Пекне!»...

Куда яснее любых нынешних голосов он и теперь слышал этот хриплый крик, донесшийся через всю его жизнь, через шестьдесят лунокругов, что пролегли между ними и тем малышом, который смотрел во все глаза и слушал... между этим холодным солнечным днем и тем холодным солнечным днем. Где была Пекна? Затерялась под дождем и снегом, а оттепели Весны унесли кости убитых врасплох, истлевшие шатры, и память о стойбище, и его название.

Но на этот раз, когда гааль пройдет на юг через Пределы Аскатевара, убитых врасплох не будет! Он позаботился об этом. Есть польза и в том, чтобы прожить дольше своего срока, храня воспоминания о былых бедах. Ни один клан, ни одна семья Людей Аскатевара не замешкались в летних угодьях, и их уже не застанут врасплох ни гааль, ни первый буран. Они все здесь. Все двадцать сотен: осеннерожденные малыши мельтешат вокруг, как опавшие листья, женщины перекликаются и пестрят в полях, точно стаи перелетных птиц, а мужчины дружно строят дома и стены Зимнего Города из старых камней на старом основании, охотятся на пос-

ледних откочевывающих зверей, рубят и запасают дрова, режут торф на Сухом Болоте, загоняют стада ханн в большие хлева, где их надо будет кормить, пока не прорастет зимняя трава. Все они, трудясь тут уже наполовину лунокруга, подчинялись ему, Вольду, а он подчинялся древним Обычаям Людей. Когда придет гааль, они запрут городские ворота, когда придут бураны, они затворят двери земляных домов — и доживут до Весны. Доживут!

Он с трудом опустился на землю позади своего шатра и вытянул худые, исполосованные шрамами ноги, подставляя их солнечным лучам. Солнце казалось маленьким и белесым, хотя небо было прозрачно-ясным. Оно теперь было вдвое меньше, чем могучее солнце Лета, — даже меньше луны. «Солнце с луной сравнялось, ждать холодов недолго осталось...» Земля хранила сырость дождей, которые лили не переставая почти весь этот лунокруг. Там и сям на ней виднелись бороздки, которые оставили бродячие корни, двигаясь на юг. О чём биши спрашивала эта девочка? О дальнерожденных... Нет, о вестнике. Он прибежал вчера (вчера ли?) и, задыхаясь, рассказал, что гааль напал на Зимний Город Тлокну на севере у Зеленых Гор. В его словах крылась ложь или трусость. Гааль никогда не нападает на каменные стены. Грязные плосконосые дикари в перьях, бегущие от Зимы на юг, точно бездомное зверье... Они не могут разорить город. Пекна... Это было всего лишь маленькое стойбище, а не город, обнесенный стеной. Вестник согтал. Все будет хорошо. Они выживут. Почему глупая старуха не несет ему завтрак? А здесь тепло, здесь, на солнышке...

Восьмая жена Вольда неслышно подошла с плетенкой бханы, над которой курился пар, увидела, что он уснул, досадливо вздохнула и неслышно вернулась к очагу.

Днем, когда угрюмые воины привели к его шатру дальнерожденного, за которым бежали малыши, с хохотом выкрикивая обидные насмешки, Вольд вспомнил, как девушка сказала со смехом: «Твой племянник, мой двоюродный брат». А потому он тяжело поднялся с сиденья и приветствовал дальнерожденного как равного — отвратив лицо и протянув руку ладонью вверх.

И дальнерожденный без колебаний ответил на его приветствие, как равный. Они всегда держались с такой вот надменностью, будто считали себя ничуть не хуже Людей, даже если сами этому и не верили. Этот был высок, хорошо сложен, еще молод и шел свободно, точно глава Рода. Если бы

не темная кожа и не темные неземные глаза, его можно было бы принять за человека.

— Старейший, я Джакоб Агат.

— Будь гостем в моем шатре и шатрах моего Рода, альтерран.

— Я слушаю сердцем, — ответил дальнерожденный, и Вольд сдержал усмешку: это был вежливый ответ в дни его отца, но кто говорит так теперь? Странно, как дальнерожденные всегда помнят старинные обычаи и раскапывают то, что осталось в былом времени. Откуда такому молодому знать выражение, которое из всех Людей в Теваре помнит только он, Вольд, да, может быть, двое-трое самых древних стариков? Еще одна их странность — часть того, что люди называют чародейством, из-за чего они боятся темнокожих. Но Вольд их никогда не боялся.

— Благородная женщина из твоего Рода жила в моих шатрах, и я много раз ходил по улицам вашего города, когда была Весна. Я не забыл этого. И потому говорю, что ни один воин Тевара не нарушит мира между нами, пока я жив.

— Ни один воин Космопора не нарушит его, пока я жив.

Произнося свою речь, старый вождь так растрогался, что у него на глазах выступили слезы, и он, смигивая их и откашливаясь, опустился на свой ларец, покрытый ярко раскрашенной шкурой. Агат стоял перед ним выпрямившись — черный плащ, темные глаза на темном лице. Молодые воины, которые привели его, переминались с ноги на ногу, ребяташки, столпившиеся у откинутой стенки шатра, подталкивали друг друга локтями и перешептывались. Вольд поднял руку, и их всех как ветром сдуло. Стенку шатра опустили, старая Керли развела огонь в очаге и выскользнула наружу. Вольд остался наедине с дальнерожденным.

— Садись, — сказал он.

Но Агат не сел.

— Я слушаю, — сказал он, продолжая стоять.

Раз Вольд не пригласил его сесть в присутствии других Людей, он не сидет, когда некому увидеть, как вождь указывает ему на сиденье. Все это сказало Вольду чутье, необычайно обострившееся за долгую жизнь, большую часть которой ему приходилось руководить Людьми и их поступками. Он вздохнул и позвал надтреснутым басом:

— Жена!

Старая Керли вернулась и с удивлением посмотрела на него.

— Садись! — сказал Вольд, и Агат сел у очага, скрестив ноги. — Уйди! — буркнул Вольд жене. Она тотчас исчезла.

Молчание. Неторопливо и тщательно Вольд развязал кожаный мешочек, висевший на поясе его туники, вынул маленький кусок затвердевшего гезинового сока, отломил крошку, завязал мешочек и положил крошку на раскаленный уголь с краю очага. Поднялась струйка едкого зеленоватого дыма. Вольд и дальнерожденный глубоко вдохнули дымок и закрыли глаза. Потом Вольд откинулся на обмазанный смолой плетеный уринал и произнес:

— Я слушаю.

— Старейший, мы получили вести с севера.

— Мы тоже. Вчера прибежал вестник.

(Но вчера ли это было?)

— Он говорил про Зимний Город в Тлокне?

Старик некоторое время смотрел в огонь, глубоко дыша, словно гезин еще курился, и пожевывая нижнюю губу изнутри. Его лицо (и он отлично это знал) было тупым, как деревянная чурка, неподвижным, дряхлым.

— Я сожалею, что принес дурные вести, — сказал дальнерожденный своим негромким спокойным голосом.

— Не ты. Мы их уже слышали. Очень трудно, альтерран, распознавать правду в известиях, которые доходят к нам издалека, от других племен в других Пределах. От Тлокны до Тевара даже вестник бежит восемь дней, а чтобы пройти этот путь с шатрами и стадами, нужен срок вдвое больше. Кто знает? Когда Откочевка достигнет этих мест, ворота Тевара будут готовы и замкнуты. А вы свой город никогда не покидаете, и, уж конечно, его ворота чинить не нужно?

— Старейший, на этот раз потребуются небывало крепкие ворота. У Тлокны были стены, и ворота, и воины. Теперь там нет ничего. И это не слухи. Люди Космопора были там десять дней назад. Они ждали на отдаленных рубежах прихода первых гаалей, но гаали идут все вместе.

— Альтерран, я слушал, теперь слушай ты. Люди иногда пугаются и убегают еще до того, как появится враг. Мы слышим то одну новость, то другую. Но я стар. Я дважды видел Осень, я видел приход Зимы, я видел, как идет на юг гааль. И я скажу тебе правду.

— Я слушаю, — сказал дальнерожденный.

— Гааль обитает на севере, вдали от самых дальних Пределов, где живут Люди, говорящие одним с нами языком. Предание гласит, что их летние угодья там обширны, покрыты травой и простираются у подножия гор с реками льда на

вершинах. Едва минует первая половина Осени, в их земли с самого дальнего севера, где всегда Зима, приходят холод и снежные звери, и, подобно нашим зверям, гаали откочевывают на юг. Они несут свои шатры с собой, но не строят городов и не запасают зерна. Они проходят Предел Тевара в те дни, когда звезды Дерева восходят на закате, до того, как впервые взойдет Снежная Звезда и возвестит, что Осень кончилась и началась Зима. Если гаали натыкаются на семьи, кочующие без защиты, на охотничьи стойбища, на оставленные без присмотра стада и поля, они убивают и грабят. Если они видят крепкий Зимний Город с воинами на стенах, они проходят мимо, размахивая копьями и вопя, а мы пускаем два-три дротика в спины последних... Они идут все дальше и дальше на юг, пока не останавливаются где-то далеко отсюда. Люди говорят, что там Зима теплее, чем тут. Кто знает? Так откочевывают гаали. Я знаю. Я видел Откочевку, альтерран, я видел, как гаали возвращаются на север в дни таяния, когда растут молодые леса. Они не нападают на каменные города. Они подобно воде — текучей воде, шумящей между камнями. Но камни разделяют воду и остаются недвижимыми. А Тевар — такой камень.

Молодой дальнерожденный сидел, склонив голову, и размышлял — так долго, что Вольд позволил себе посмотреть прямо на его лицо.

— Все, что ты сказал, Старейший, правда, полная правда, и было неизменной правдой в былые Годы. Но теперь... теперь новое время... Я — один из первых среди моих людей, как ты — первый среди своих. Я прихожу как один вождь к другому, ища помощи. Поверь мне, выслушай меня: наши люди должны помочь друг другу. Среди гаалей появился большой человек, глава всех племен. Они называют его не то Куббан, не то Коббан. Он объединил все племена и создал из них войско. Теперь гаали по пути на юг не крадут отбившихся ханн, они осаждают и захватывают Зимние Города во всех Пределах побережья, убивают весеннерожденных мужчин, а женщин обращают в рабство и оставляют в каждом городе своих воинов, чтобы держать его в повиновении всю Зиму. А когда придет Весна и гаали вернутся с юга, онистанутся здесь. Эти земли будут их землями — эти леса, и поля, и летние угодья, и города, и все Люди тут... те, кого они оставят в живых...

Старик некоторое время смотрел в сторону, а потом произнес сурово, еле сдерживая гнев:

— Ты говоришь, я не слушаю. Ты говоришь, что моих

Людей побоят, убьют, обратят в рабство. Мои Люди — истинные мужчины, а ты — дальнерожденный. Прибереги свои черные слова для собственной черной судьбы!

— Если вам грозит опасность, то наше положение еще хуже. Знаешь ли ты, сколько нас живет сейчас в Космопоре? Меньше двух тысяч, Старейший.

— Так мало? А в других городах? Когда я был молод, ваше племя жило на побережье и дальше к северу.

— Их больше нет. Те, кто остался жив, пришли к нам.

— Война? Моровая язва? Но ведь вы никогда не болеете, вы, дальнерожденные.

— Трудно выжить в мире, для которого ты не создан, — угрюмо ответил Агат. — Но как бы то ни было, нас мало, мы слабы числом и просим принять нас в союзники Тевара, когда придут гаали. А они придут не позже чем через тридцать дней.

— Раньше, если гаали уже в Тлокне. Они и так задержались, ведь в любой день может выпасть снег. Они поспешат!

— Они не будут спешить, Старейший. Они движутся медленно, потому что идут все вместе — все пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч!

Внезапно Вольд увидел то, о чем говорил дальнерожденный: увидел неисчислимую орду, катящуюся плотными рядами через перевалы за своим высоким плосколицым вождем, увидел воинов Тлокны — а может быть, Тевара? — мертвых, под обломками стен их города, и кристаллы льда, застывающие в лужах крови... Он тряхнул головой, отгоняя страшное видение. Что это на него нашло? Он некоторое время сидел и молчал, пожевывая нижнюю губу изнутри.

— Я слышал тебя, альтерран.

— Но не все, Старейший!

Какая дикарская грубость! Но что взять с дальнерожденного?! Да и среди своих он — один из вождей... Вольд позволил ему продолжать.

— У нас есть время, чтобы подготовиться. Если Люди Аскатевара, люди Аллакската и Пернмека заключат союз и примут нашу помощь, у нас будет свое войско. Оно встретит Откочевку на северном рубеже ваших трех Пределов, и гаали вряд ли решатся вступить в битву с такой силой, а вместо этого свернут к восточным перевалам. Согласно нашим хроникам, в былые Годы гаали дважды выбирали этот восточный путь. А так как Осень на исходе, дики мало и наступают холода, гаали, встретив готовых к битве воинов, наверное, предпочтут свернуть, чтобы продолжать путь на юг без за-

держки. Я думаю, что у Куббана есть только одна тактика нападать врасплох, полагаясь на численное превосходство Мы заставим его свернуть.

— Люди Пернмека и Аллакската, как и мы, уже ушли в свои Зимние Города. Неужто вы еще не узнали Обычая Людей? С наступлением Зимы никто не воюет и не сражается!

— Растолкуй этот Обычай гаалям, Старейший! Решай сам, но поверь моим словам!

Дальнерожденный вскочил, словно стремясь придать особую силу своим уговорам и предостережениям. Вольд пожалел его, как часто теперь жалел молодых людей, которые не видят всей тщеты страстей и замыслов, не замечают, как их жизнь и поступки пропадают без толку между желанием и страхом.

— Я слышал тебя, — сказал он почти ласково. — Старейшины моего племени услышат твои слова.

— Так можно мне прийти завтра и узнать...

— Завтра или день спустя...

— Тридцать дней, Старейший! Самое большое — тридцать дней!

— Альтерран, гааль придет и уйдет. Зима придет и не уйдет. Что толку в победе, если воины после нее вернутся в недостроенные дома, когда землю уже скует лед? Вот мы будем готовы к Зиме и тогда подумаем о гаале... Но сядь же... — Он снова развязал мешочек и отломил еще крошку гезина для прощального вдоха. — А твой отец тоже был Агат! Я встречал его, когда он был молод. И одна из моих недостойных дочерей сказала мне, что встретила тебя, когда гуляла на песках.

Дальнерожденный быстро вскинул голову, а потом сказал:

— Да, мы встретились с ней там. На песках между двумя приливами.

Глава 3

ИСТИННОЕ НАЗВАНИЕ СОЛНЦА

Что вызывало приливы у этих берегов: почему дважды в день к ним стремительно подступала вода, катясь гигантским валом высотой от пятнадцати до пятидесяти футов, а потом опять откатывалась куда-то вдаль? Ни один из Старейшин города Тевара не сумел бы ответить на этот вопрос

Любой ребенок в Космопоре сразу сказал бы: приливы вызывает луна, притяжение луны...

Луна и земля обращаются вокруг друг друга, и цикл этого занимает четыреста дней — один лунокруг. Вместе же, обращая двойную планету, они обращаются вокруг солнца торжественным величавым вальсом в пустоте, делящимся до полного повторения шестьдесят лунокругов, двадцать четыре тысячи дней, целую человеческую жизнь — один Год. А солнце в центре их орбиты, это солнце называется Эльтанин, Гамма Дракона.

Перед тем как войти под серые ветви леса, Джакоб Агат взглянул на солнце, опускающееся в туман над западным хребтом, и мысленно произнес его истинное название, означавшее, что это не просто солнце, но одна из звезд среди мириад звезд.

Сзади до него донесся ребячий голос — дети играли на склоне Теварского холма, и он вспомнил злорадные, только чуть отвернутые лица, насмешливый щепот, за которым прятался страх, вопли у него за спиной. «Дальнерожденный идет! Бегите сюда посмотреть на него!» И здесь, в одиночестве леса, Агат невольно ускорил шаг, стараясь забыть недавнее унижение. Среди шатров Тевара он чувствовал себя униженным и мучился, ощущая себя чужаком. Он всегда жил в маленькой сплоченной общине, где ему было знакомо каждое имя, каждое лицо, каждое сердце, и лишь с трудом мог заставить себя разговаривать с чужими. А особенно — когда они принадлежат к другому биологическому виду и полны враждебности, когда их много и они у себя дома. Теперь он с такой силой ощутил запоздалый страх и муки оскорбленной гордости, что даже остановился. «Будь я проклят, если вернусь туда! — подумал он. — Пусть старый дурснь верит чему хочет и коптит себя дымом в своем воючем шатре, пока не явится гааль. Невежественные, самодовольные, нетерпимые мучномордые, желтоглазые дикари, тупоголовые врасу! Да пусть они все сгорят!»

— Альтерран?

Его догнала девушка. Она остановилась на тропе в нескольких шагах от него, упервшись ладонью в иссеченный бороздами белый ствол батука. Желтые глаза на матово-белом лице горели возбужденно и насмешливо. Агат молча ждал.

— Альтерран? — повторила она своим ясным мелодичным голосом, глядя в сторону.

— Что тебе нужно?

Девушка отступила на шаг.

— Я Ролери, — сказала она. — На песках...

— Я знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я? Я лжечеловек, дальнерожденный. Если твои соплеменники застанут тебя за разговором со мной, они либо изуродуют меня, либо подвергнут тебя ритуальному опозориванию — я не знаю, какого обычая придерживаетесь вы. Уходи домой!

— Мои соплеменники так не делают. А ты и я, мы в родстве, — сказала она упрямо, но ее голос утратил уверенность.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Сестра твоей матери умерла в наших шатрах...

— К нашему вечному стыду, — сказал он и пошел дальше. Она осталась стоять на тропе.

У развилки, перед тем, как свернуть налево, к гребню, он остановился и поглядел назад. В умирающем лесу все было неподвижно, и только в опавших листьях шуршал запоздалый бродячий корень, который с бессмысленным упорством растения полз на юг, оставляя за собой рыхлую бороздку.

Гордость истинного человека не позволила ему устыдиться того, как он обошелся с этой врасу: наоборот, ему стало легче и он снова обрел уверенность в себе. Нужно будет смыкнуться с насмешками врасу и не обращать внимания на их самодовольную нетерпимость. Они не виноваты. В сущности, это то же тупое упорство, как вон у того бродячего корня, — такова уже их природа. Старый вождь искренне убежден, что встретил его со всемерной учтивостью и был очень терпелив. А потому он, Джакоб Агат, должен быть столь же терпеливым и столь же упорным. Ибо судьба обитателей Космопора — судьба человечества на этой планете — зависит от того, что пред примут и чего не пред примут племена местных врасу в ближайшие тридцать дней. Еще до того, как снова взойдет молодой месяц, история шестисот лунокругов, история десяти Лет, двадцати поколений, долгой борьбы, долгих усилий, возможно, оборвется навсегда. Если только ему не улыбнется удача, если только он не сумеет быть терпеливым.

Огромные деревья, высокие, с обнаженными трухлявыми корнями, тянулись унылыми колоннадами или беспорядочно теснились на склонах гряды у тропы и на много миль вокруг. Их корни истлевали в земле, и они готовы были рухнуть под ударами северного ветра, чтобы тысячи дней и ночей пролежать под снегом и льдом, а потом в долгие оттепели Весны гнить, обогащая всей своей гекатомбой почву, где в глубоком сне покоятся их глубоко погребенные семена. Терпение, терпение.

Подхлестываемый ветром, он спустился по светлым каменным улицам Космопора на Площадь и, обогнув арену, где занимались физическими упражнениями школьники, вошел под аркаду увенчанного башней здания, которое все еще носило древнее название — Дом Лиги.

Подобно остальным зданиям вокруг Площади, Дом Лиги был построен пять лет назад, когда Космопор был столицей сильной и процветающей колонии — во времена могущества. Весь первый этаж представлял собой обширный зал заседаний. Его серые стены были инкрустированы изящными золотыми мозаиками. На восточной стене стилизованное солнце окружали девять планет, а напротив, на западной стене, семь планет обращались по очень вытянутым эллиптическим орбитам вокруг своего солнца. Третья планета в обеих системах была двойной и сверкала хрусталем. Круглые циферблаты с тонкими изукрашенными стрелками над дверью и в дальнем конце зала показывали, что идет триста девяносто первый день сорок пятого лунокруга Десятого местного Года пребывания колонии на Третьей планете Гаммы Дракона. Кроме того, они сообщали, что это был сто второй день тысячи четыреста пятого года по летосчислению Лиги Всех Миров — двенадцатое августа на родной планете.

Очень многие полагали, что никакой Лиги Миров давно нет, скептики же любили задавать вопрос, а была ли когда-нибудь «родная планета». Но часы, которые здесь, в Зале Собраний, и внизу, в Архиве, шли вот уже шестьсот лиголет, самим своим существованием и точностью словно подтверждая, что Лига, во всяком случае, была и что где-то есть родная планета, родина человечества. Они терпеливо отсчитывали время планеты, затерявшейся в бездне космического мрака и столетий. Терпение, терпение...

Наверху, в библиотеке, другие альтерраны уже ждали его возле очага, где горел плавник, собранный на пляже. Когда подошли остальные, Сейко и Элла Пасфаль зажгли газовые горелки и привернули пламя. Хотя Агат не сказал еще ни слова, его друг Гуру Пилотсон, встав рядом с ним у огня, сочувственно произнес:

— Не расстраивайся из-за них, Джакоб. Стало глупых упрямых кочевников! Они никогда ничему не научатся.

— Я передавал?

— Да нет же! — Гуру засмеялся: Он был щуплым, быстрым, застенчивым и относился к Агату с восторженным обожанием. Это было известно не только им обоим, но и всем окружающим, всем обитателям Космопора. В Космо-

поре все знали все обо всех, и откровенная прямота, хотя и сопряженная с утомительными психологическими нагрузками, была единственным возможным решением проблемы парасловесного общения.

— Видишь ли, ты явно рассчитывал на слишком многое и теперь не можешь подавить разочарования. Но не расстраивайся из-за них, Джакоб. В конце-то концов они всего только врасу!

Заметив, что их слушают, Агат ответил громко:

— Я сказал старику все, что собирался. Он обещал сообщить мои слова их Совету. Много ли он понял и чему поверили, я не знаю.

— Если он хотя бы выслушал тебя, уже хорошо. Я и на это не надеялась, — заметила Элла Пасфаль, иссохшая, хрупкая, с иссиня-черной кожей, морщинистым лицом и совершенно белыми волосами. — Вольд даже не мой ровесник, он старше. Так разве можно ждать, чтобы он легко смирился с мыслью о войне и всяких переменах?

— Но ему же это должно быть легче, чем другим, ведь он был женат на женщине нашей крови, — сказал Дермат.

— Да, на моей двоюродной сестре Арилии, тетке Джакоба, — экзотический экземпляр в брачной коллекции Вольда. Я прекрасно помню этот роман, — ответила Элла Пасфаль с таким жгучим сарказмом, что Дермат стушевался.

— Он не согласился помочь нам? Ты рассказал ему про свой план встретить гаалей на дальнем рубеже? — пробормотал Джокенеди расстроенно.

Он был очень молод и мечтал о героической войне с атаками под звуки фанфар. Впрочем, и остальные предпочли бы встретиться с врагом лицом к лицу: все-таки лучше погибнуть в бою, чем умереть от голода или сгореть заживо.

— Дай им время. Они согласятся, — без улыбки сказал Агат юноше.

— Как Вольд тебя принял? — спросила Сейко Эсмит, последняя представительница знаменитой семьи. Имя Эсмит носили только потомки первого главы колонии. И оно умрет с ней. Она была ровесницей Агата — красивая, грациозная женщина, нервная, язвительная, замкнутая. Когда Совет собирался, она смотрела только на Агата. Кто бы ни говорил, ее глаза были устремлены на Агата.

— Как равного.

Элла Пасфаль одобрительно кивнула.

— Он всегда был разумнее остальных их вожаков, — сказала она.

Однако Сейко продолжала:

— Ну, а другие? Тебе дали спокойно пройти мимо их шатров?

Сейко всегда умела распознать пережитое им унижение, как бы хорошо он его ни замаскировал или даже заставил себя забыть. Его родственница, хоть и дальняя, участница его детских игр, когда-то возлюбленная и неизменный верный друг, она умела уловить и понять любую минуту его слабости, любую боль, и се сочувствие, ее сострадание замыкались вокруг него, точно капкан. Они были слишком близки. Слишком близки — и Гуру, и старая Элла, и Сейко, и все они. Ощущение полной отрезанности, исцугавшее его в этот день, на мгновение распахнуло перед ним даль, приобщило к тишине одиночества и пробудило в нем непонятную жажду. Сейко не спускала с него глаз, кротких, нежных, темных, воспринимая каждое его настроение, каждое слово. А девушка врасу, Ролери, ни разу не посмотрела на него прямо, не встретилась с ним глазами. Ее взгляд все время был устремлен в сторону, вдаль, мимо — золотой, непонятный, чуждый.

— Они меня не остановили, — коротко ответил он Сейко. — Завтра они, может быть, придут к какому-нибудь решению. Или послезавтра. А сколько запасов доставлено сегодня на Риф?

Разговор стал общим, хотя то и дело возвращался к Джакобу Агату или сосредоточивался вокруг него. Некоторые члены Совета были старше его, но хотя десятеро, избиравшиеся на десять лиголет, были равны между собой, все же он постепенно стал их неофициальным главой, и они, как правило, полагались на его мнение. Решить, что отличало его от остальных, было бы нелросто — может быть, энергия, проглядывавшая в каждом его движении и слове. Но как проявляется способность руководить — в самом ли человеке или в поведении тех, кто его окружает? Тем не менее одно отличие заметить было можно: постоянную напряженность и мрачную озабоченность, порождаемые тяжким бременем ответственности, которое он нес уже давно и которое с каждым днем становилось все тяжелее.

— Я допустил один промах, — сказал он Пилотсону, когда Сейко и другие женщины, входившие в Совет, начали разносить чашечки с горячим настоем листьев батука, церемониальным напитком ча. — Я так старался доказать старику, насколько опасны гаали, что, кажется, начал передавать. Правда, не парасловами, но все равно у него был такой вид, будто он увидел привидение.

— Эмоции ты всегда проецируешь мощно, а контроль,

когда ты волнуешься, у тебя никуда не годится. Вполне возможно, что он и правда увидел привидение.

— Мы так долго не соприкасались с врасу, так долго варились в собственном соку, общаясь только между собой, что я не могу полагаться на свой контроль. То я передаю девушке на пляже, то проецирую образы на Вольда... Если так пойдет и дальше, они снова вообразят, будто мы колдуны, и возненавидят нас, как в первые Годы... А нам нужно добиться их доверия. И времени почти не остается... Если бы мы узнали про гаалей раньше!

— Ну, поскольку других человеческих поселений на побережье больше нет, — сказал Пилотсон с обычной обстоятельностью, — мы хоть что-то узнали только благодаря твоему предусмотрительному совету послать разведчиков на север. Твое здоровье, Сейко! — добавил он, беря у нее крохотную чашечку, над которой поднимался пар.

Агат взял последнюю чашечку с подноса и выпил ее одним глотком. Свежезаваренный ча слегка стимулировал восприятие, и он с пронзительной остротой ощутил его вяжущий вкус и живительную теплоту, пристальный взгляд Сейко, просторность почти пустой комнаты в отблесках пламени, сгущающиеся сумерки за окном. Голубая фарфоровая чашечка в его руке была старинной — изделие Пятого Года. Старинными были и напечатанные вручную книги в шкафах под окнами. Даже стекла в оконных рамках были старинными. Весь их комфорт, все, благодаря чему они оставались цивилизованными, оставались альтерранами, было очень старым. Задолго до его рождения у обитателей колонии уже не хватало ни энергии, ни досуга для новых утверждений человеческого дерзания и умения. Хорошо хоть, что они еще способны сохранять и беречь старое.

Постепенно, Год за Годом, на протяжении жизни по крайней мере десяти поколений, их численность неуклонно сокращалась: детей рождалось все меньше — пусть, казалось бы, совсем не намного, но всегда меньше. Они перестали расширять свои поселения, они начали их покидать. Прежние мечты о большой процветающей стране были полностью забыты. Они возвращались (если только из-за своей слабости не становились прежде жертвами Зимы или враждебного племени местных врасу) в древний центр колонии, в первый ее город — Космопор. Они передавали своим детям старые знания и старые обычаи, но не учили их ничему новому. Их жизнь становилась все более скромной, и простота теперь ценилась больше сложности, покой — больше борьбы, стоичизм — больше успеха. Они отошли на последний рубеж.

Агат, разглядывая чашечку в своих пальцах, увидел в ее нежной прозрачности, в совершенстве ее формы и хрупкости материала как бы символ и воплощение духа их всех. Сумерки за высокими окнами были такими же прозрачно-голубыми. Но холодными. И Агат вдруг испытал прилив безотчетного ужаса, словно в детстве, до того, как, повзрослев, он нашел ему логическое объяснение: планета, на которой он родился, на которой родились его отец и все его предки до двадцать третьего колена, не была его родиной. Они здесь — чужие. И всегда ощущали это. Ощущали, что они — дальне-рожденные. И мало-помалу, с величественной медлительностью, с неосмысленным упорством эволюционного процесса эта планета убивала их, отторгала чужеродный привой.

Быть может, они слишком покорно подчинились этому процессу, слишком, слишком легко смирились с неизбежностью вымирания. С другой стороны, именно готовность подчиняться — неколебимо подчиняться Законам Лиги — с самого начала стала для них источником силы, и они все еще сильны, каждый из них. Но у них недостает ни знаний, ни умения, чтобы бороться с бесплодием и с патологическим течением беременности, которые все больше сокращают численность каждого нового поколения. Ибо не вся мудрость была записана в Книгах Лиги, и день ото дня, из Года в Год крупицы знания теряются безвозвратно, заменяясь полезными сведениями, помогающими существовать здесь и сейчас. И в конце концов они перестали понимать многое из того, чему учат их книги. Что по-настоящему сохранилось от их наследия. Если и правда когда-нибудь, согласно былым надеждам и старым сказкам, корабль спустится со звезд на крыльях огня, признают ли их людьми те люди, которые выйдут из него?

Но корабль так и не прилетел... и никогда не прилетит. Они вымрут. Их жизнь здесь, их долгое изгнание и борьба, чтобы уцелеть в этом мире, окончатся, не оставят следа, рассыпавшись прахом, точно комочек глины.

Он бережно поставил чашку на поднос и вытер пот со лба. Сейко внимательно смотрела на него. Он резко отвернулся от нее и заставил себя слушать то, что говорили Джокенеди, Дермат и Пилотсон. Но сквозь туман нахлынувших на него зловещих предчувствий на миг и без всякой связи с ними, и все же словно объяснение и знамение, перед его мысленным взором возникла светлая и легкая фигура девушки Ролери, испуганно протягивающей к нему руку с темных камней, к которым уже подступило море.

СИЛЬНЫЕ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ

Над крышами и недостроенными стенами Зимнего Города разнесся стук камня о камень — глухой и отрывистый, он был слышен во всех высоких алых шатрах вокруг города. Акак-ак-ак... Этот звук раздавался очень долго, а потом вдруг в него вплелся новый стук — кадак-ак-ак-кадак. И еще один — более звонкий, прихотливо прерывистый, и еще, и еще, пока отдельные ритмы не затерялись в лавине сухих дробных ударов камнем о камень, уже не отличимых друг от друга в беспорядочном грохоте.

Лавина стука все катилась, оглушая и не смолкая ни на миг. И наконец Старейший из Людей Аскатевара вышел из своего шатра и медленно направился к Городу между рядами шатров и пылающих очагов, над которыми поднимались струи дыма, колеблясь в косых лучах предвечернего предзимнего солнца. Грузно ступая, старик в одиночестве прошелся через стоянку своего племени, через ворота Зимнего Города, и по узкой тропе, вившейся среди крутых деревянных крыш, единственной надземной части зимних жилищ, вышел на открытое пространство, за которым опять начинались крутые крыши. Там сто с лишним мужчин сидели, упершись подбородком в колени, и, как завороженные, стучали камнем по камню. Вольд сел на землю, замкнув круг. Он взял меньший из двух лежавших перед ним тяжелых камней, гладко отполированных водой, и, с удовольствием ощущая в руке его вес, ударил по большому камню — клак! клак! клак! Справа и слева от него продолжался оглушительный стук, тупой монотонный грохот, сквозь который, однако, временами прорывался четкий ритм. Он исчезал, возникал снова, на миг придавая стройность хаотической какофонии. Вольд уловил этот ритм, встроился в него и уже не сбивался. Шум словно исчез, и остался только ритм. И вот уже сосед слева тоже начал отбивать этот ритм — их камни поднимались и опускались в одном дружном движении. И сосед справа, и сидевшие напротив — теперь они тоже четко били в лад. Ритм вырвался из хаоса, подчинил его себе, соединил все борющиеся голоса в полное согласие, слил их в могучее биение сердца Людей Аскатевара, и оно стучало, стучало, стучало...

Этим исчерпывались вся их музыка, все их пляски.

Наконец какой-то мужчина вскочил и вышел на середи-

ну круга. Грудь его была обнажена, руки и ноги разрисованы черными полосами, волосы окружали лицо черным облаком. Ритмичный стук замедлился, затих, замер вовсе.

— Вестник с севера рассказал, что гааль движется Береговым Путем. Их очень много. Они пришли в Тлокну. Вы все слышали про это?

Утвердительный ропот.

— Тогда выслушайте человека, по чьему слову вы сошлись на этот Перестук Камней, — выкрикнул шаман-глашатай, и Вольд с трудом поднялся на ноги.

Он остался стоять на месте, глядя прямо перед собой, грузный, весь в шрамах, недвижимый, как каменная глыба.

— Дальнерожденный пришел в мой шатер, — сказал он надтреснутым старческим басом. — Он вождь в Космопоре. И он сказал, что дальнерожденных стало мало и они просят помощи у людей.

Главы кланов и семей, которые продолжали неподвижно сидеть в круге, подняв колени к подбородку, разразились громкими возгласами. Над ними, над деревянными крышами, высоко в холодном золотистом свете парила белая птица, предвестница Зимы.

— Этот дальнерожденный сказал, что Откочевка движется не кланами и племенами, а единой ордой во много тысяч и ведет ее сильный вождь.

— Откуда он знает? — крикнул кто-то во весь голос.

В Теваре на Перестуке Камней ритуал соблюдался не особенно строго — не так, как в племенах, которые возглавляли шаманы. Но Тевар никогда не подчинялся их влиянию.

— Он посыпал лазутчиков на север, — столь же громогласно ответил Вольд. — Он сказал, что гааль осаждает Зимние Города и захватывает их. А вестник сообщил, что так случилось с Тлокной. Дальнерожденный говорит, что воинам Тевара нужно в союзе с дальнерожденными, а также с людьми Пернека и Аллакската отправиться на северный рубеж нашего Предела — все вместе мы заставим Откочевку свернуть на Горный Путь. Он сказал это, и я услышал. Каждый ли из вас услышал?

Возгласы согласия прозвучали недружно и смешались с бурными возражениями. На ноги вскочил глава одного из кланов.

— Старейший! Из твоих уст мы всегда слышали правду. Но когда говорили правду дальнерожденные? И когда это Люди слушали дальнерожденных? Дальнерожденный говорил, но я ничего не услышал. Если Откочевка сожжет его

Город, что нам до этого? Люди там не живут! Пусть погибают, и тогда мы, люди, возьмем себе их Предел.

Говорил Вальмек, дюжий, темноволосый, набитый словами. Вольд его всегда недолюбливал и теперь ответил неприязненно:

— Я слышал слова Вальмека. И не в первый раз. Люди ли дальнерожденные или нет — кто знает? Может быть, они и правда упали с неба, как повествует сказание. Может быть, нет. В этом Году никто с неба не падал... Они выглядят как Люди, они сражаются как Люди. Их женщины во всем походят на наших женщин, это говорю вам я! У них есть своя мудрость. И лучше выслушать их...

Когда он упомянул про дальнерожденных женщин, угрюмые лица вокруг расплылись в усмешках, но он уже жалел о своих словах. Ни к чему было напоминать им об узах, никогда связывавших его с дальнерожденными. И вообще не следовало говорить о ней... как-никак она была его женой...

Вольд удрученно опустился на землю, показывая, что больше он говорить не будет.

Однако многих встревожили рассказ вестника и предупреждение Агата, и они вступили в спор с теми, кто был склонен отмахнуться от новостей или объявить их ложью. Умаксуман, один из весеннерожденных сыновей Вольда, любивший военные набеги и стычки, откровенно поддержал план Агата и высказался за поход к северному рубежу.

— Это хитрость! Наши воины уйдут на север, там их задержит первый снег, а дальнерожденные тем временем угонят наши стада, уведут наших жен и опустошат наши житницы! Они не люди, и в них нет ничего, кроме коварства и обмана! — надрывался Вальмек, которому редко выпадал случай дать волю красноречию по столь благодарному поводу.

— Они всегда подбирались к нашим женщинам, ничего другого им и не нужно! Как же им не чахнуть и не вымирать, если у них рождаются одни уроды! Они подбираются к нашим женщинам, чтобы растиль человеческих детей, точно собственных детенышей! — возбужденно кричал довольно молодой глава семьи. — Фа!

Вольд что-то проворчал себе под нос, негодяя на эту кашу из глупых небылиц, но не стал вмешиваться: пусть Умаксуман образумит дурака!

— А что, если дальнерожденный сказал правду? — спросил Умаксуман. — Что, если гаали пройдут через наш Предел всем скопом, тысячами и тысячами? Мы готовы дать им отпор?

— Но стены не кончены, ворота не поставлены, последний урожай еще не весь убран, — возразил кто-то из пожилых, и этот довод был куда более веским, чем тайное коварство дальнерожденных.

Если сильные молодые мужчины отправятся на север, сумеют ли женщины, дети и старики закончить все необходимые работы в Зимнем Городе до наступления Зимы? Может быть, успеют, может быть, нет. Слишком уж многим должны были они рискнуть, положившись только на слова дальнерожденного.

Даже Вольд ни к какому решению не пришел и ждал, что скажут Старейшины. Ему понравился дальнерожденный, назвавшийся Агатом, — он не казался ни лжецом, ни легковерным простаком. Но как знать наверное? Все люди порой становятся чужими друг другу, а не только чужаки. Как тут разобраться? Возможно, гаали и идут единым войском. Но Зимато придется обязательно. Так от какого врага защититься сначала?

Старейшины склонялись к тому, чтобы ничего не предпринимать, однако Умаксуман и его сторонники все-таки настояли на том, чтобы послать вестников в соседние Пределы Аллакскат и Пернек и узнать, что они скажут о плане совместной обороны. Этим все и ограничилось. Шаман отпустил тошную ханну, которую привел на случай, если будет постановлено начать войну — такое решение обретало силу, лишь подкрепленное ритуальным биением камнями, — и Старейшины разошлись.

Вольд сидел у себя в шатре с мужчинами своего Рода над горшком горячей бханы, когда снаружи послышался шум. Умаксуман вышел, крикнул кому-то, чтобы они убирались подальше, и вернулся в большой шатер с Агатом, дальнерожденным.

— Добро пожаловать, альтерран! — сказал старик и, злоказненно покосившись на двух своих внуков, добавил: — Не хочешь ли сесть и разделить с нами нашу еду?

Он любил ошарашивать людей. Всю жизнь любил. Потому-то в былье дни он так часто и бегал к дальнерожденным. А кроме того, это приглашение рассеяло мучивший его смутный стыд: все-таки не следовало упоминать перед другими мужчинами про дальнерожденную девушку, которая когда-то стала его женой.

Агат, такой же невозмутимый и серьезный, как в прошлый раз, принял приглашение и съел столько каши, сколько требовали приличия. Пока они ужинали, он молчал, и,

только когда жена Уквета выскользнула из шатра с остатками трапезы наконец сказал:

— Старейший, я слушаю.

— Слушать тебе придется немного, — ответил Вольд и рыгнул. — Вестники побегут в Пернмек и Аллакскат. Но мало кто согласился на войну. С каждым днем холод растет, и спасение — только внутри стен, только под крышами. Мы не ходим по былым временам, как вы, но мы знаем, каким всегда был Обычай Людей, и следуем ему.

— Ваш обычай хороший, — сказал дальнерожденный. — Настолько хорош, что гаали переняли его у вас. В былые Зимы вы были сильнее, чем гаали, потому что ваши кланы встречали их вместе, а они шли разрозненно. Но теперь и гаали поняли, что сила — в числе.

— Только если эта весть — не ложь! — крикнул Уквет, который приходился Вольду внуком, хотя был старше его сына Умаксумана.

Агат молча посмотрел на него, и Уквет тотчас отвернулся, избегая прямого взгляда темных глаз.

— Если она — ложь, то почему гаали так задержались на своем пути к югу? — спросил Умаксуман. — Почему они медлят? Когда-нибудь прежде они дожидались, пока не будет убрано последнее поле?

— Кто знает? — сказал Вольд. — В прошлом Году они миновали Тевар задолго до того, как взошла Снежная Звезда, это я помню. Но ктопомнит Год, бывший до прошлого?

— Может быть, они идут Горным Путем, — вмешался еще один внук, — и вовсе не покажутся в Аскатеваре.

— Вестник сказал, что они захватили Тлокну, — резко возразил Умаксуман. — А Тлокна лежит к северу от Тевара на Береговом Пути. Почему мы не хотим поверить этой вести? Почему мы мешкаем и ничего не делаем?

— Потому что те, кто ведет войну Зимой, не доживаются до Весны, — проворчал Вольд.

— Но если они придут...

— Если они придут, мы будем сражаться.

Наступило молчание. Агат больше ни на кого не смотрел, а устремил темный взгляд в пол, точно истинный человек.

— Люди говорят, — начал Уквет насмешливо, предвкушая торжество, — будто дальнерожденные наделены колдовским могуществом. Я об этом ничего не знаю, я родился на летних угодьях и до нынешнего лунокруга не видел дальнерожденных и уж тем более не сидел рядом с ними за едой. Но

если они чародеи и обладают таким могуществом, почему им нужна наша помощь против гаалей?

— Я тебя не слышу! — загремел Вольд. Его щеки полило-вели, из глаз покатились слезы.

Уквет закрыл лицо руками. Разъяренный дерзким обхож-дением с гостем его шатра, а также собственной растерян-ностью, заставившей его спорить и с теми, и с другими, ста-рик тяжело дышал и смотрел прямо на молодого человека, все еще прятавшего лицо.

— Я говорю! — наконец объявил Вольд голосом громким и звучным, как в молодости. — Я говорю! Вы слушаете! Вест-ники побегут по Береговому Пути, пока не встретят Отко-чевку. А за ними на два перехода позади — но только до рубежа нашего Предела — будут следовать воины, все мужчины, рожденные между серединой Весны и Летним Бесплодием. Если гааль идет ордой, наши воины отгонят его к горам, если же нет, они вернутся в Тевар.

Умаксуман радостно захохотал и крикнул:

— Старейший, ведешь нас ты, и никто другой!

Вольд что-то проворчал, рыгнул и сел.

— Но воинов поведешь ты, — мрачно сказал он Умаксу-ману.

Агат прервал свое молчание и произнес обычным спо-койным голосом:

— Мои люди могут послать триста пятьдесят воинов. Мы пойдем старым путем по берегу и соединимся с вашими во-инами на рубеже Аскатевара.

Он встал и протянул руку. Вольд, сердясь, что его застас-вили принять решение, и все еще не оправившись после своей вспышки, словно не заметил ее, но Умаксуман стре-мительно вскочил и прижал ладонь к ладони дальнерожден-ного. На миг они замерли в отблесках очага, точно ночь и день: Агат — темный, сумрачный, угрюмый и Умаксуман — светлокожий, ясноглазый, радостный.

Решение было принято, и Вольд знал, что сумеет навя-зать его всем Старейшинам. Но кроме того, он знал, что большие ему уже не придется принимать решений. Послать их на войну он мог, но Умаксуман вернется вождем воинов, а потому — самым влиятельным человеком среди Людей Аска-тевара. Приказ Вольда был его отречением от власти. Умак-суман станет молодым вождем. Он будет замыкать круг на Перестуке Камней, он поведет Зимой охотников, он возгла-вит набеги Весной и великое кочевье в долгие дни Лета. Его Год только начинается...

— Идите все! — проворчал Вольд. — Пусть люди завтра соберутся на Перестук Камней, Умаксуман. И скажи шаману, чтобы пригнал ханну, но только жирную, с хорошей кровью!

Агату он не сказал ни слова. И они ушли — сильные молодые люди. А он сидел у очага, скорчившись, поджав под себя плохо гнущиеся ноги, и глядел в желтое пламя, словно хотел обрести в нем утраченный блеск солнца, невозвратимое тепло Лета.

Глава 5

СУМЕРКИ В ЛЕСУ

Дальнерожденный вышел из шатра Умаксумана и остановился, продолжая разговаривать с молодым вождем. Оба смотрели на север и щурились, потому что седой ветер обжигал глаза холодом. Агат протянул руку вперед, словно говорил о горах, и порыв ветра донес два-три слова до Ролери, которая стояла, глядя на дорогу, ведущую к городским воротам. От его голоса она вздрогнула, и по ее жилам пробежала волна страха и тьмы, принеся воспоминания о том, как этот голос говорил в ее мыслях, внутри ее, и звал, чтобы она пришла к нему.

И тут же, точно искаженное эхо, в ее памяти прозвучали злые слова, резкие, как пощечина, когда на лесной тропе он крикнул, чтобы она уходила, когда он прогнал ее от себя.

Она опустила на землю корзины, которые оттягивали ей руки. В этот день они перебирались из альных шатров, в которых прошло ее кочевое детство, под крутые деревянные крыши, в тесноту подземных комнат, переходов и кладовых Зимнего Города, и все ее родные и двоюродные сестры, тетки, племянницы, возбужденно перекликаясь, хлопотливо сновали между шатрами и воротами, нагруженные связками мехов, ларцами, мешками из шкур, корзинами, горшками. Она оставила свои корзины у дороги и пошла к лесу.

— Ролери! Ро-о-олери! — доносились сзади пронзительные голоса, которые вечно звали, наставляли, брали ее, ни на мгновение не стихая у нее за спиной. Она ни разу не оглянулась и продолжала идти вперед, а очутившись под защитой леса, побежала — и замедлила шаг, только когда все звуки затихли вдали, пропали в полной вздохов и шорохов тишине среди деревьев, стонущих под ветром, и о стоянке Людей на-

поминал лишь легкий горьковатый запах древесного дыма, который доносился и сюда.

Теперь тропа во многих местах была загромождена рухнувшими деревьями, и ей приходилось перебираться через них или проползать под ними, а сухие сучья рвали ее одежду, цеплялись за капюшон. Ходить по лесу при таком ветре было небезопасно — вот и сейчас где-то выше по склону раздался приглушенный расстоянием треск. Еще один ствол не выдержал напора ветра. Но ей было все равно. Сейчас она могла бы вновь спуститься на эти серые пески, чтобы спокойно, совсем спокойно ждать, когда на нее обрушится пенящаяся стена воды в четыре человеческих роста... Она остановилась с той же внезапностью, с какой побежала, и замерла на окутанной сумраком тропе.

Дул ветер, стихал, начинал дуть с новой силой. Мутные мглистые тучи неслись так низко, что почти задевали густое сплетение сухих обнаженных ветвей над головой девушки. Тут уже наступил вечер. Ее гнев угас, сменился растерянностью, и она стояла в боязливом оцепенении, сутулясь от ветра. Что-то белое мелькнуло прямо перед ней, и она вскрикнула, но не шевельнулась. Вновь мелькнула белая молния и вдруг застыла над ней на кривом суку — не то огромная птица, не то зверь с крыльями, совершенно белый и сверху и снизу, с короткими острыми крючковатыми губами, которые то смыкались, то размыкались, с неподвижными серебряными глазами. Вцепившись в сук четырьмя широкими когтями, неведомая тварь неподвижно глядела на нее вниз, а она неподвижно глядела вверх. Серебряные глаза смотрели не мигая. Внезапно развернулись огромные крылья в рост человека и захлопали, ломая ветки вокруг. Тварь была белыми крыльями и пронзительно кричала, а потом взмыла вверх навстречу ветру и тяжело полетела среди сухих древесных вершин под клубящимися тучами.

— Снеговей, — сказал Агат, остановившись на тропе позади нее. — По поверью они приносят снежные бури.

Огромное серебряное чудище так напугало ее, что она утратила способность думать. На миг она ослепла от слез, всегда сопровождающих любое сильное душевное движение у Людей этой планеты. Она собиралась встретить дальнерожденного здесь в лесу и осыпать его насмешками, уничтожить презрением: ведь она заметила, что под маской небрежного высокомерия он был глубоко уязвлен, когда люди в Теваре смеялись над ним и ставили его на место так, как он того заслуживал — лжечеловек, низшее существо. Но белый жуткий

снеговей нагнал на нее такой страх, что она закричала, глядя на дальнерожденного в упор, как мгновение назад смотрела на крылатое чудище:

— Я тебя ненавижу! Ты не человек, я тебя ненавижу!

Тут слезы перестали литься, она отвела взгляд, и оба они довольно долго молчали.

— Ролери! — прозвучал негромкий голос. — Посмотри на меня.

Но она не повернула головы. Он подошел поближе, и она отшатнулась с воплем, пронзительным, как крик снеговея.

— Не прикасайся ко мне!

Ее лицо исказилось.

— Успокойся, — сказал он. — Возьми меня за руку. Возьми же!

Она снова отшатнулась, но он схватил ее за запястье и удержал. Вновь они застыли без движения.

— Пусти! — сказала она наконец обычным голосом, и он сразу разжал пальцы. Она глубоко вздохнула. — Ты говорил... Я слышала, как ты говорил внутри меня. Там, на песках. Ты и опять так можешь?

Не сводя с нее внимательного спокойного взгляда, он кивнул.

— Да. Но ведь я тогда же сказал тебе, что больше не буду. Никогда.

— Я все еще слышу его. Я чувствую твой голос! — Она прижала ладони к ушам.

— Я знаю... И прошу у тебя прощения. Когда я позвал тебя, я не сообразил, что ты врасу... что ты из Тевара. Закон это запрещает. Да это и не должно было получиться.

— Что такое врасу?

— Так мы называем вас.

— А как вы называете себя?

— Людьми.

Она посмотрела вокруг, на стонущий сумеречный лес, на колоннады серых стволов, на клубящиеся тучи почти над самой головой. Этот серый движущийся мир пугал своей не-привычностью, но она больше не боялась. Прикосновение его пальцев, подлинное, осязаемое, вдруг смягчило мучительность его присутствия, принесло успокоение, а их разговор окончательно привел ее в себя. Она вдруг поняла, что весь прошлый день и всю ночь была во власти безумия.

— А у вас все умеют... разговаривать вот так?

— Некоторые умеют. Этому надо учиться. И довольно долго. Пойдем вон туда и сядем. Тебе надо отдохнуть.

Он всегда говорил сурово, но теперь в его голосе появился новый оттенок, что-то совсем другое, словно та настойчивость, с какой он звал ее на песках, преобразилась в бесконечно подавляемую бессознательную мольбу, в ожидание отклика. Они сели на упавший ствол батука чуть в стороне от тропы. Она подумала, что он ходит и сидит совсем не так, как мужчины ее Рода, — его осанка, все его движения были лишь чуть-чуть иными и все-таки совершенно чужими. Особенno его зажатые между коленями темные руки с переплетенными пальцами. А он продолжал:

— Вы тоже могли бы научиться мысленной речи, но ваши люди не захотели. Сказали, кажется, что это чародейство... В наших книгах написано, что мы сами давным-давно переняли это умение у людей еще одного мира, который назывался Роканнон. Тут нужна не только особая способность, но и долгие упражнения.

— Значит, ты можешь слышать мои мысли, если захочешь?

— Это запрещено, — сказал он так бесповоротно, что ее опасения исчезли без следа.

— Научи меня этому умению, — вдруг совсем по-детски попросила она.

— На это потребовалась бы вся Зима.

— Ты что же, учился этому всю Осень?

— И часть Лета. — Он чуть-чуть улыбнулся.

— Что такое «врасу»?

— Это слово из нашего древнего языка. Оно значит «высокоразумные существа».

— А где тот, другой мир?

— Ну... Их очень много. Там. За луной и солнцем.

— Значит, вы правда упали с неба? А зачем? И как вы добрались из-за солнца сюда, на берег моря?

— Я объясню, если ты хочешь услышать, Ролери, только это не сказка. Многое мы сами не понимаем, но то, что мы знаем о своей истории, — все правда.

— Я слушаю, — прошептала она ритуальную фразу. Однако хотя его слова произвели на нее впечатление, полностью она их не приняла.

— Так вот. Там, среди звезд, есть очень много миров, и обитает на них много различных людей. Они создали корабли, способные переплывать тьму между мирами, и отправились путешествовать, ведя торговлю и исследуя неведомое. Они объединились в Лигу, как ваши кланы объединяются в Предел. Но в Лиге Всех Миров был какой-то враг, появив-

шийся откуда-то из неизмеримой дали. Откуда точно, я не знаю. Книги писались для людей, которые знали больше, чем знаем мы...

Он все время употреблял слова, похожие на настоящие. Только в них не было смысла. Ролери тщетно пыталась понять, что такое «корабль», что такое «книга». Но он говорил с такой задумчивостью, с такой тоской, что она слушала как завороженная.

— Лига копила силы, ожидая нападения этого врага. Более могущественные миры помогали более слабым вооружаться и готовиться к встрече с ним. Ну, почти так, как мы тут готовимся к приходу гаалей. Я знаю, что для этого обучали чтению мыслей, но в книгах говорится и про оружие — про огонь, способный скечь целые планеты и взорвать звезды... И в это время мои соплеменники прилетели сюда из своего родного мира. Их было немного. Им предстояло завязать дружбу с людьми этого мира и узнать, не захотят ли они вступить в Лигу и заключить союз против общего врага. Но враг напал как раз в те дни. Корабль, привезший моих соплеменников, вернулся на родину, чтобы присоединиться к военному флоту. На нем улетели многие, а кроме того, он увез... ну, дальнеговоритель, с помощью которого люди в одном мире могли говорить с людьми в другом. Но некоторые остались. То ли они должны были оказать помощь этому миру, если бы враг добрался сюда, то ли просто не могли вернуться — мы не знаем. В их записях сказано только, что корабль улетел. Копье из белого металла, длиннее целого города, стоящее на огненном пере. Остались его изображения. Я думаю, они верили, что он скоро вернется... Это было десять лет назад.

— А война с врагом как?

— Мы не знаем. Мы ничего не знаем о том, что происходило в других мирах после того дня, когда корабль улетел. Некоторые из нас думают, что война была проиграна, а другие считают, что нет, но что победа досталась дорогой ценой и за долгие годы сражений про горстку оставшихся здесь людей успели забыть. Кто может сказать? Если мы выживем, то когда-нибудь узнаем... Если никто не прилетит сюда, мы сами построим корабль и отправимся на поиски...

Он говорил тоскливо и насмешливо. У Ролери голова шла кругом от неизмеримости распахнувшегося перед ней времени, пространства и собственного непонимания.

— С этим трудно жить, — сказала она немного погодя.

Агат засмеялся, словно удивившись.

— Нет! В этом мы черпаем гордость. Трудно другое: выжить в мире, которому ты чужой. Пять Лет назад мы были многочисленны и могущественны, а погляди на нас теперь!

— Говорят, дальнерожденные никогда не болеют. Это правда?

— Да. Вашими болезнями мы не заражаемся, а своих сюда не привезли. Но если нас ранить, то потечет кровь... И мы стареем, мы умираем совсем как люди...

— Но ведь по-другому и быть не может, — сказала она сердито.

Он оставил насмешливый тон.

— Наша беда в том, что у нас почти нет детей. Столько родится мертвыми и так мало — живыми и крепкими!

— Я об этом слышала. И много думала. У вас такие странные обычай! Ваши дети рождаются и в срок и не в срок — даже в Зимнее Бесплодие. Почему?

— Так уж у нас ведется! — Он снова засмеялся и посмотрел на нее, но она помрачнела.

— Я родилась не в срок, в Летнее Бесплодие, — сказала она. — У нас это тоже случается, но очень редко. И вот, ты понимаешь, когда Зима кончится, я буду уже стара и не смогу родить весеннего ребенка. У меня никогда не будет сына. Какой-нибудь старик возьмет меня пятой женой. Но Зимнее Бесплодие уже началось, а к приходу Весны я буду старой... Значит, я умру бездетной. Женщине лучше вовсе не родиться, чем родиться не в срок, как родилась я... И еще одно: правду говорят, что дальнерожденный берет всего одну жену?

Он кивнул, и она догадалась, что они кивают, когда соглашаются, вместо того чтобы пожать плечами.

— Ну так неудивительно, что вас становится все меньше.

Он усмехнулся, но она не отступила:

— Много жен — много сыновей! Будь ты из Тевара, ты был бы уже отцом пяти или десяти детей. А сколько их у тебя?

— Ни одного. Я не женат.

— И ни разу не делил ложа с женщиной?

— Этого я не говорил! — ответил он и добавил: — Но когда мы хотим иметь детей, мы женимся.

— Будь ты одним из нас...

— Но я не один из вас! — отрезал он, и наступило молчание. Потом он сказал мягче: — Дело не в обычаях и нравах. Мы не знаем, в чем причина, но она скрыта в нашем теле. Некоторые врачи считают, что здешнее солнце не такое,

как то, под которым рождались и жили наши предки, и оно воздействует на нас, мало-помалу меняет что-то в нашем теле. И эти изменения губительны для продолжения рода.

Они вновь надолго замолчали.

— А каким он был — ваш родной мир?

— У нас есть песни, которые рассказывают о нем, — ответил он, но когда она робко спросила, что такое «песня», он промолчал и продолжал после паузы: — Наш родной мир ближе к солнцу, и Год там продолжается меньше одного лунокруга. Так говорят книги. Ты только представь себе: Зима длится всего девяносто дней!

Они засмеялись.

— Огонь развести не успеешь! — сказала Ролери.

Лесной сумрак стущался в ночную тьму. Уже трудно было различить тропу перед ними, черный проход между стволами, ведущий налево в ее город, направо — в его. А здесь, на полпути — только ветер, мрак, безлюдье. Стремительно приближалась ночь. Ночь, и Зима, и война — время умирания и гибели.

— Я боюсь Зимы, — сказала она еле слышно.

— Мы все ее боймся, — ответил он. — Какая она? Мы ведь знаем только солнечный свет и тепло.

Она всегда хранила бесстрашное и беззаботное одиночество духа. У нее не было сверстников и подруг, она предпочитала держаться в стороне от остальных, поступала по-своему и ни к кому не питала особой привязанности. Но теперь, когда мир стал серым и не обещал ничего, кроме смерти, теперь, когда она впервые испытала страх, ей встретился он — темная фигура на черной скале над морем — и она услышала голос, который звучал у нее в крови.

— Почему ты никогда не смотришь на меня? — спросил он.

— Если ты хочешь, я буду смотреть на тебя, — ответила она, но не подняла глаз, хотя и знала, что его странный темный взгляд устремлен на нее. В конце концов она протянула руку, и он сжал ее пальцы.

— У тебя золотые глаза, — сказал он. — Я хотел бы... хотел бы... Но если бы они узнали, что мы были вместе, то даже теперь...

— Твои родичи?

— Твои. Моим до этого нет дела.

— А мои ничего не узнают.

Они говорили тихо, почти шепотом, торопливо, без пауз.

— Ролери, через две ночи я ухожу на север.

— Я знаю.

— Когда я вернусь...

— А когда ты не вернешься! — крикнула девушка, не выдержав ужаса, который нарастал в ней все последние дни Осени, страха перед холодом, страха смерти.

Он обнял ее и тихо повторял, что он вернется. А она чувствовала, как бьется его сердце... совсем рядом с ее сердцем.

— Я хочу остаться с тобой, — сказала она, а он уже говорил:

— Я хочу остаться с тобой.

Вокруг них смыкался мрак. Они встали и медленно пошли к темному проходу между стволами. Она пошла с ним в сторону его города.

— Куда нам идти? — сказал он с горьким смешком. — Это ведь не любовь в дни Лета... Тут ниже по склону есть охотничий шалаш... Тебя хватятся в Теваре.

— Нет, — шепнула она, — меня никто не хватится.

Глава 6

СНЕГ

Вестники отправились в путь, и на следующий день воины Аскатевара должны были двинуться на север по широкой, но совсем заросшей тропе, пересекавшей их Предел, а небольшой отряд из Космопора собирался выступить тогда же по старой береговой дороге. Умаксуман, как и Агат, считал, что им лучше будет объединить силы не раньше, чем перед самой битвой с врагом. Их союз держался только на влиянии Вольда. Многие воины Умаксумана, хотя они не раз принимали участие в набегах и стычках до наступления Зимнего Перемирия, с большой неохотой шли на эту нарушавшую все обычай войну, и даже среди его собственного Рода набралось немало таких, кого союз с дальнерожденными возмущал настолько, что они ждали лишь предлога, чтобы дать волю старой ненависти. Уквет и его сторонники открыто заявляли, что, покончив с галями, они разделаются и с чародеями. Агат пропустил их угрозу мимо ушей, предвидя, что победа смягчит или вовсе рассеет их ненависть, а в случае поражения все это уже ни малейшего значения иметь не будет. Однако Умаксуман не заглядывал так далеко вперед и был обеспокоен.

— Наши разведчики ни на минуту не выпустят вас из

виду. В конце-то концов гаали не станут дожидаться нас у рубежа.

— Длинная Долина под Крутым Пиком — вот лучшее место для битвы, — сказал Умаксуман, сверкнув улыбкой. — Удачи тебе, альтерран!

— Удачи тебе, Умаксуман!

Они простились как друзья под скрепленным глиной сводом каменных ворот Зимнего Города. Когда Агат повернулся, чтобы уйти, за аркой что-то мелькнуло и закружилось в сером свете тусклого дня. Он удивленно посмотрел на него, потом обернулся к Умаксуману:

— Погляди!

Теварец вышел за ворота и остановился рядом с ним. Вот, значит, какое оно — то, о чем рассказывали старики! Агат протянул руку ладонью вверх. На нее опустилась мерцающая белая пушинка и исчезла. Сжатые поля и истоптаные пастибища вокруг, речка, темный клин леса, холмы на юге и на западе — все как будто чуть дрожало и отолвигалось под низкими тучами, из которых сыпались редкие хлопья, падая на землю косо, хотя ветер стих.

Позади них среди крутых деревянных крыш раздавались возбужденные крики детей.

— А снег меньше, чем я думал, — наконец мечтательно произнес Умаксуман.

— Я думал, он холоднее. Воздух сейчас словно бы даже немного потепел... — Агат с трудом отвлекся от зловещего и завораживающего кружения снега. — До встречи на севере, — сказал он и, притянув меховой воротник к самой шее, чтобы защитить ее от непривычного щекотного прикосновения снежинок, зашагал по тропе к Космопору.

Углубившись в лес на полмили, он увидел еле заметную тропинку, которая вела к охотничью шалашу, и по его жилам словно разлился жидкий огонь. «Иди же, иди!» — приказал он себе, сердясь, что снова теряет власть над собой. Днем у него почти не оставалось времени для размышлений, но это он успел обдумать и распутать. Вчерашняя ночь... она была и кончилась вчера. И ничего больше. Не говоря уж о том, что она все-таки врасу, а он — человек и общего будущего у них быть не может, это глупо и по другим причинам. С той минуты, когда он увидел ее лицо на черных ступеньках над пенистыми волнами, он думал о ней и томился желанием снова ее увидеть, точно мальчишка, влюбившийся в первый раз. Но больше всего на свете он ненавидел бессмысленность, тупую бессмысленность необузданной страсти. Такая

страсть толкает мужчин на безумства, заставляет преступно рисковать тем, что по-настоящему важно, ради нескольких минут слепой похоти, и они теряют контроль над своими поступками. И он остался с ней вчера ночью, только чтобы не утратить этого контроля, — благоразумие требовало избавиться от наваждения. Он снова повторил себе все это, ускорив шаг и гордо откинув голову, а вокруг танцевали редкие снежинки. И по той же причине он еще раз встретится с ней сегодня ночью. При этой мысли его тело и рассудок словно озарились жарким светом, мучительной радостью. Но он продолжал твердить себе, что завтра отправится с отрядом на север, а если вернется, тогда хватит времени объяснить ей, что таких ночей больше не должно быть, что они никогда больше не будут лежать, обнявшись, на его меховом плаще в темноте шалаша в самом сердце леса, где вокруг нет никого — только звездное небо, холод и безмерная тишина... Никогда. Никогда... Ощущение абсолютного счастья, которое она ему подарила, вдруг вновь нахлынуло на него, парализуя мысли. Он перестал убеждать и уговаривать себя, а просто шел вперед размашистым шагом сквозь сгущающиеся лесные сумерки и, сам того не замечая, тихонько напевал ста-ринную любовную песню, которую его предки не забыли в изгнании.

Снег почти не проникал сквозь ветки. «Как рано теперь темнеет!» — подумал он, подходя к развилке, и это была его последняя связная мысль перед тем, как что-то ударило его по щиколотке и он, потеряв равновесие, упал ничком, хотя успел опереться на руки. Он попытался встать, но тень слева вдруг превратилась в серебристо-белую человеческую фигуру, и на него обрушился удар. В ушах у него звенело, он высвободился из-под какой-то тяжести и снова попробовал приподняться. Он утратил способность думать и не понимал, что происходит — ему казалось, будто все это уже было раньше, а может, этого никогда не было, а только ему чудится. Серебристых людей с полосками на ногах и руках было несколько, и они крепко держали его, а один подошел и чем-то ударил его по губам. Сомкнулась тьма, пронизанная яростью и болью. Отчаянно рванувшись всем телом, он высвободился и ударил кого-то из серебристых в челюсть — тот отлетел в гемноту, но их оставалось много, и второй раз он высвободиться не сумел. Они били его, а когда он уткнулся лицом в грязь тропы и прикрылся руками, начали пинать в бока. Он вжимался в спасительную грязь, ища у нее защиты... потом раздалось чье-то тяжелое дыхание. Сквозь гул в ушах он рас-

слышал голос Умаксумана. И он тоже, значит... Но ему было все равно, лишь бы они ушли, лишь бы оставили его в покое. Как рано теперь темнеет...

Кругом был мрак, густой и непроглядный. Он пытался ползти. Надо добраться домой, к своим, к тем, кто ему поможет. Было так темно, что он не видел своих рук. Бесшумный невидимый снег падал в абсолютной темноте на него, на грязь, на прелые листья. Надо добраться домой. Ему было очень холодно. Он попытался встать, но не было ни востока, ни запада, и, скованный болью, он уронил голову на локоть. «Придите ко мне!» — попытался он позвать на мысленном языке, но было невыносимо трудно звать в непроглядной тьме куда-то вдаль. Гораздо легче лежать так и не шевелиться. Это легко, очень легко.

В Космопоре, в высоком каменном доме, у пылающего в очаге плавника Элла Пасфаль вдруг подняла глаза от книги. Она совершенно ясно почувствовала, что Джакоб Агат передает ей... Но ни образы, ни слова не возникали в ее мозгу. Странно! Впрочем, у параречи столько странных побочных эффектов, непонятных, необъяснимых следствий! В Космопоре многие вообще ей не научились, а те, кто способен передавать, редко пользуются своим умением. На севере, в Атлантике, они с большей свободой общались мысленно. Сама она была беженкой из Атлантики и помнила, как в страшную Зиму ее детства она разговаривала с остальными на паразыксе чаще, чем вслух. А когда ее отец и мать умерли во время голода, она потом целый лунокруг вновь и вновь чувствовала, будто они передают ей, ощущала их присутствие в глубинах своего сознания, но не было ни образов, ни слов... ничего.

«Джакоб!» — передала она и повторяла долго, упорно, но ответа не пришло.

В то же самое мгновение Гуро Пилотсон, еще раз провевший в Арсенале снаряжение, которое утром возьмет с собой отряд, внезапно поддался смутной тревоге, не оставлявшей его весь день, и воскликнул:

— Куда запропастился Агат, черт бы его побрат!

— Да, он что-то опаздывает, — согласился один из хранителей Арсенала. — Опять ушел в Тевар?

— Укреплять дружбу с мучномордыми, — невесело усмехнулся Пилотсон и снова нахмурился. — Ну ладно, займемся теперь меховыми куртками.

В то же самое мгновение в комнате, обшитой кремовыми панелями из атласного дерева, Сейко Эсмит беззвучно раз-

рыдалась, ломая руки, мучительно заставляя себя не передавать ему, не звать на паразыке и даже не произносить его имени вслух — Джакоб!

В то же самое мгновение мысли Ролери вдруг затемнились, и она скорчилась без движения.

Она скорчилась без движения в охотничьем шалаше. Утром она решила, что в суматохе переселения из шатров в подземный лабиринт Родовых Домов ее отсутствие накануне вечером и позднее возвращение остались незамеченными. Но теперь порядок уже восстановился, жизнь вошла в обычное русло, и, конечно, кто-нибудь да увидит, если она попробует ускользнуть в сумерках. А потому она ушла днем, надеясь, что никто не обратит на это внимания — ведь она часто уходила так прежде, — кружным путем добралась до шалаша, заползла внутрь, плотнее закуталась в свои меха и подготовилась ждать наступления ночи и шороха его шагов на тропинке. Начали падать снежинки, их кружение навевало на нее сон. Она глядела на них и сквозь дремоту пыталась представить себе, что будет делать завтра. Ведь завтра он уйдет. А ее клан будет знать, что она отсутствовала всю ночь. Но до завтра еще далеко. Тогда и будет видно. А сейчас еще сегодня, еще сегодня... Она уснула. И вдруг проснулась, словно ее ударили. Она вся скорчилась, и в ее мыслях была пустая тьма.

Но тут же она вскочила на ноги, схватила кремень и трут, высекла огонь и зажгла плетеный фонарь, который захватила с собой. Его слабый свет неровным пятном ложился на землю. Она спустилась по склону на тропу, постояла в нерешительности и пошла на запад. Потом снова остановилась и шепотом позвала:

— Альтерран!

Деревья вокруг окутывала ночной тишина. Ролери пошла вперед и больше не останавливалась, пока не увидела его. Он лежал на тропе.

Снег повалил гуще, и хлопья неслись поперек смутной полосы света, отбрасываемой фонарем. Теперь они ложились на землю и уже не таяли, белой пылью рассыпались по его разорванному плащу, прилипали к его волосам. Рука, к которой она прикоснулась, была совсем холодной, и она поняла, что он умер. Она села возле него на мокрую окаймленную снегом землю и положила его голову себе на колени.

Он пошевелился и слабо застонал. Ролери сразу очнулась, перестала бессмысленно стряхивать снег с его волос и воротника и сосредоточенно задумалась. Потом осторожно

опустила его голову на землю, встала, машинально попробовала стереть с руки липкую кровь и, светя себе фонарем, посмотрела по сторонам. Она нашла то, что искала, и принялась за работу.

В комнату косо падал неяркий солнечный луч. Было так тепло, что он не мог разомкнуть веки и снова и снова скользил в пучину сна, в глубокое неподвижное озеро. Но свет заставлял его подниматься на поверхность, и в конце концов он проснулся и увидел серые стены, солнечный луч, падающий из окна.

Он лежал неподвижно, а бледно-золотой луч погас, снова вспыхнул, перешел с пола на дальнюю стену и начал подниматься по ней, становясь все краснее. Вшла Элла Пасфаль и, увидев, что он не спит, сделала кому-то позади знак не входить. Она закрыла дверь и опустилась рядом с ним на колени. Обстановка в домах альтерранов была скучной: они спали на тюфяках, а вместо стульев обходились плоскими подушками, разбросанными по ковру, застилавшему пол, но и ими пользовались редко. А потому Элла просто опустилась на колени и поглядела на Агата. Красный отблеск лег на ее морщинистое лицо. В этом лице не было ни мягкости, ни жалости. Слишком много ей пришлось перенести в детстве, и сострадание, сочувствие захирели в ее душе, а к старости она и вовсе разучилась жалеть. Теперь, покачивая головой, она спросила негромко:

— Джакоб... Что ты сделал?

Он попытался ответить, но у него невыносимо заломило виски, а сказать ему, в сущности, было нечего, и он промолчал.

— Что ты сделал...

— Как я добрался домой? — пробормотал он наконец, но разбитые губы не слушались, и Элла жестом остановила его.

— Как ты добрался сюда? Ты это спросил? Тебя притащила она. Эта молоденькая врасу. Соорудила волокушу из сучьев и своей одежды, уложила тебя на нее и тащила через гребень Лесных Ворот. Ночью, по снегу. Сама она оставалась только в шароварах — тунику разорвала, чтобы привязать тебя. Эти врасу крепче дубленой кожи, из которой шьют себе одежду. Она сказала, что тянуть волокушу по снегу легче, чем по земле... А снег весь уже сошел. Ведь это было два дня назад. Вообще-то ты отдыхал довольно долго.

Она налила в чашку воды из кувшина на подносе возле его тюфяка и помогла ему напиться. Ее склонившееся над ним лицо выглядело бесконечно старым и хрупким. Она с недоумением сказала на паразыке: «Как ты мог, Джакоб? Ты всегда был таким гордым!»

Он ответил тоже без слов. Облеченный в слова, его ответ прозвучал бы: «Я не могу жить без нее».

Он передал свое чувство с такой силой, что старая Элла отшатнулась и, словно обороняясь, произнесла вслух:

— Ты выбрал странное время для увлечения, для любовных идиллий! Когда все полагались на тебя...

Он повторил то, что уже сказал ей, потому что это была правда и ничего другого он сказать ей не мог. Она сурово передала:

«Но ты на ней не женишься, а потому тебе лучше поскорее научиться жить без нее».

Он ответил: «Нет!»

Она села на пятки и застыла без движения. Когда ее мысли вновь открылись для него, они были исполнены глубокой горечи. «Ну что же, поступай по-своему! Какая разница? Что бы мы сейчас ни делали, вместе или по отдельности, все непременно будет плохо. Мы не способны найти выход, одержать победу. Нам остается только и дальше совершать самоубийство... Мало-помалу, один за другим — пока мы все не погибнем, пока не погибнет Альтерра, пока все изгнанники не будут мертвы...»

— Элла! — перебил он вслух, потрясенный ее отчаянием. — А они выступили?..

— Кто? Наше войско? — Она произнесла это слово насмешливо. — Выступили без тебя?

— Но Пилотсон...

— Если бы Пилотсон их повел, то только на Тевар. Чтобы отомстить за тебя. Он вчера чуть не помешался от ярости.

— А они...

— Врасу? Ну конечно, они не выступили. Когда стало известно, что дочка Вольда бегает в лес на свидания с дальнерожденным, Вольд и его сторонники оказались в довольно смешном и постыдном положении, как ты можешь себе представить. Разумеется, представить себе это после случившегося много проще, но тем не менее мне кажется...

— Элла! Ради Бога...

— Ну хорошо. На север никто не выступил. Мы сидим тут и ждем, чтобы гаали явились, когда им это будет удобно.

Джакоб Агат лежал неподвижно, стараясь не провалиться вниз головой в разверзшуюся под ним бездну. Это была пустая бездонная пропасть его собственной гордости, слепого высокомерия, которое диктовало все его прошлое поведение. Самообман и ложь. Если он погибнет — пусть. Но те, кого он предал?

Несколько минут спустя Элла передала: «Джакоб, даже при самых благоприятных обстоятельствах из этого вряд ли что-нибудь могло выйти. Человек и человек не способны сотрудничать. Шестьсот лиголет неудач могли бы научить тебя этому. Твое безрассудство послужило для них всего лишь предлогом. Если бы не это, они нашли бы что-нибудь другое, и очень скоро. Они — наши враги, такие же, как гаали. Или Зима. Или все остальное на этой планете, на которой мы лишние. У нас нет союзников, кроме нас самих. Мы здесь одни. Не протягивай руки ни одному существу, для которого этот мир родной...»

Он прервал контакт с ее мыслями, не в силах больше выносить беспросветность этого отчаяния. Он попытался замкнуться в себе, отгородиться от внешнего мира, но что-то тревожило его, не давало ему покоя, и он вдруг осознал что. С трудом приподнявшись, он нашел в себе силы выговорить:

— Где она? Вы же не отослали ее назад...

Одетая в белое альтерранское платье, Ролери сидела, поджав под себя ноги, чуть дальше от него, чем недавно Эллы не было, а Ролери сидела там и что-то старательно чинила... что-то вроде сандалии. Она как будто не услышала, что он заговорил. А может быть, ему только приснилось, что он произнес эти слова... Но тут она сказала своим ясным голосом:

— Старуха тебя встревожила. А зачем? Что ты можешь сделать сейчас? По-моему, никто из них без тебя и двух шагов ступить не сумеет.

На стене позади нес лежали последние багряные отблески солнца. Она сидела и чинила сандалию. Ее лицо было спокойно, глаза, как всегда, опущены.

Оттого, что она была рядом, боль и сознание вины, терзавшие его, вдруг отступили, заняли свое место в истинном соотношении со всем остальным. Возле нее он становился самим собой. Он произнес ее имя вслух.

— Спи! Тебе нехорошо разговаривать, — сказала она, и в ее голосе проскользнула прежняя робкая насмешливость.

— А ты останешься? — спросил он.

— Да.

— Как моя жена! — сказал он твердо.

Боль заставляла его торопиться. Но не только боль. Ее родичи, наверное, убьют ее, если она вернется к ним. Ну, а его родичи? Что они с ней сделают? Он — ее единственная защита, и надо, чтобы эта защита была надежной.

Она наклонила голову, словно соглашаясь. Но он еще

плохо знал ее жесты и не был уверен. Почему она сидит сейчас так тихо и спокойно? До сих пор она была такой быстрой и в движениях, и в чувствах. Но ведь он знает ее всего несколько дней...

Она продолжала спокойно работать. Ее тихая безмятежность укрыла его, и он почувствовал, что к нему начинают возвращаться силы.

Глава 7

ОТКОЧЕВКА

Над крутыми крышами ярко пылала звезда, чей восход возвестил наступление Зимы, ярко, но безрадостно, точно такая, какой Вольд запомнил ее с дней своего детства шестьдесят лунокругов назад. Даже огромный серп молодого месяца, висевший в небе напротив нее, казался бледнее Снежной Звезды.

Начался новый лунокруг и новое Время Года, но начались они при дурных предзнаменованиях.

Неужто луна и правда, как рассказывали когда-то дальнерожденные, это мир вроде Аскатевара и других Пределов, но только там никто не живет, а звезды — тоже миры, где обитают люди и звери и Лето сменяется Зимой?.. Но какими должны быть люди, обитающие на Снежной Звезде? Жуткие чудовища, белые, как снег, с узкими щелями безгубых ртов и огненными глазами, теснились в воображении Вольда. Он тряхнул головой и попробовал сосредоточиться на том, что говорили другие Старейшины. Вестники, вернувшись всего через пять дней, принесли с севера всякие слухи, а потому Старейшины развели огонь в большом дворе Тевара и назначили Перестук Камней. Вольд пришел последним и замкнул круг, потому что никто другой не осмелился занять его место, но это не имело никакого значения: он только почувствовал себя еще более униженным. Ибо он объявил войну, а ее не стали вести, он послал воинов, а они не выступили, и союз, который он заключил, был нарушен.

Рядом с ним сидел Умаксуман и тоже молчал. Остальные кричали и спорили, но все попусту. А чего еще было ждать? В Перестуке Камней не родилось единого ритма — был только грохот и разнобой. Так как же они могли надеяться, что придут к согласию? «Глупцы, глупцы», — думал Вольд, хмурясь на огонь, тепло которого не достигало его. Другие моло-

же, их греет молодость, они волят друг на друга и разгорячаются. А он — стариk, и никакие меха не могут согреть его здесь, в ледяном блеске Снежной Звезды, на ветру Зимы. Его окоченевшие ноги ныли, в груди кололо, и ему было все равно, из-за чего они кричат и ссорятся.

Внезапно Умаксуман вскочил.

— Слушайте! — загремел он, и мощный звук его голоса («От меня унаследовал!» — подумал Вольд) принудил их притихнуть, однако кое-где еще раздавались насмешливые и злобные возгласы. До сих пор, хотя все достаточно хорошо знали, что произошло, непосредственный повод или предлог их ссоры с Космопором не обсуждался вне стен Родового Дома Вольда. Просто было объявлено, что Умаксуман не по-ведет воинов, что похода не будет, что надо опасаться нападения дальнерожденных. Обитатели других домов, даже те, кто не слышал про Ролери и Агата, прекрасно понимали, что подлинная суть происходящего — борьба за власть в самом влиятельном клане. Эта борьба была подоплекой всех речей, произносившихся сейчас на Перестуке Камней, хотя как будто решался совсем другой вопрос: обходиться ли с дальнерожденными как с врагами при встрече вне стен Города или считать, что между ними по-прежнему мир? И вот теперь заговорил Умаксуман:

— Слушайте, Старейшины Тевара! Вы говорите то, вы говорите это, но вам нечего сказать. Гаали идут, и через три дня они придут сюда. Так замолчите, возвращайтесь к себе, острите копья, проверьте ворота и стены, потому что идут враги, идут на нас. Глядите! — Он взмахнул рукой, указывая на север, и многие повернулись туда, словно ожидали, что орды Откочевки сию минуту проломят стену — такая сила была в словах Умаксумана.

— А почему ты не проверил ворота, через которые ушла твоя кровная родственница, Умаксуман?

Теперь это сказано вслух, и пути назад нет.

— Она и твоя кровная родственница, Уквет, — с гневом ответил Умаксуман.

Один был сыном Вольда, другой его внуком, и говорили они о его дочери. Впервые в жизни Вольд узнал стыд, ничем не прикрытый, бессильный стыд: его опозорили в присутствии лучших людей племени. Он сидел неподвижно, низко опустив голову.

— Да, и моя! И только благодаря мне наш Род не покрылся позором! Я и мои братья вышибли зубы из грязного рта того, к кому она прибежала тайком, и я поступил бы с ним так,

как обычай требует поступать с лжелюдьми, которые не лучше подлой скотины, но ты остановил нас, Умаксуман. Остановил нас своей глупой речью...

— Я остановил вас, чтобы вам не пришлось драться не только с гаалем, но еще и с дальнерожденными, глупец! Она достигла возраста, когда может выбрать себе мужчину, если захочет, и тут не было ничего...

— Он не мужчина, родич, а я не глупец!

— Ты глупец, Уквет, потому что воспользовался этим случаем, чтобы поссорить нас с дальнерожденными, и лишил нас последней надежды повернуть Откочевку на другой путь!

— Я тебя не слышу, лжец, предатель!

С громким кличем они бросились в середину круга, отцепляя от пояса боевые топоры. Вольд поднялся на ноги. Сидящие рядом подняли головы, ожидая, что он, как Старейший и Глава Рода, запретит схватку. Но он этого не сделал. Он молча отвернулся от нарушенного круга и, тяжело шаркая ногами, побрел по проходу между высокими остраконечными крышами под выступающими стрехами в Дом своего Рода.

Он с трудом спустился по ступеням из утрамбованной глины в жаркую духоту огромной землянки. Мальчики и женщины принялись наперебой спрашивать его, что решили на Перестуке Камней и почему он вернулся один.

— Умаксуман и Уквет вступили в бой, — сказал он, чтобы отделаться от них, и сел у огня, почти спустив ноги в очажную яму.

Ничем хорошим это не кончится. Да и вообще ничто уже не может кончиться хорошо. Когда женщины, причитая, внесли в дом труп его внука Уквета и по полу протянулась широкая полоса крови, хлещущей из разрубленного черепа, он только поглядел на них, но ничего не сказал и не попытался встать.

— Умаксуман убил его, убил своего родича, своего брата! — вопили жены Уквета, окружив Вольда, но он не поднял головы. Наконец он обвел их тяжелым взглядом, точно старый зверь, загнанный охотником, и сказал хрипло:

— Замолчите... Да замолчите же...

На следующий день опять пошел снег. Они похоронили Уквета, первенца Зимней Смерти, и белые хлопья легли покрывалом на мертвое лицо прежде, чем его засыпали землей.

Вольд подумал об Умаксумане — изгнаннике, бродящем в одиночестве среди холмов: кому из них лучше? И потом еще много раз возвращался к этой мысли.

Язык у него стал очень толстым, и ему не хотелось говорить. Он сидел у огня и не всегда мог понять, день снаружи или ночь. Спал он тревожно, и ему казалось, что он все время просыпается. И один раз, просыпаясь, он услышал шум снаружи, на поверхности.

Из боковых каморок с визгом выбежали женщины, хватая на руки осеннерожденных малышей.

— Гааль! Гааль! — вопили они.

Но другие вели себя тихо, как подобает женщинам могущественного Дома. Они прибрали большую комнату, сели и начали ждать.

Ни один мужчина не пришел за Вольдом.

Старик знал, что он уже не вождь. Но разве он уже и не мужчина? И должен сидеть под землей у огня с младенцами и женщинами?

Он стерпел публичный позор, но потери самоуважения он стерпеть не мог. Поднявшись, он побрел на негнущихся ногах к своему старому пестрому ларцу, чтобы достать толстую кожаную куртку и тяжелое копье длиной в человеческий рост, которым он убил в единоборстве снежного дьявола — так давно, так давно... Теперь он отяжелел, тело плохо ему повинуется, с той поры миновали все светлые и теплые Времена Года, но он — тот же, каким был тогда, тот, кто убил этим копьем в снегах былой Зимы. Разве он не тот же, не мужчина? Они не должны были оставлять его здесь, у огня, когда пришел враг.

Глупые женщины кудахтали вокруг него, и он рассердился, потому что они мешали ему собраться с мыслями. Но старая Керли отогнала их, вложила ему в руку копье, которое какая-то девчонка уже выхватила у него, и застегнула на его шес плащ из серого меха корио. Этот плащ она шила для него весь конец Осени. Все-таки осталась одна, которая знает, что такое мужчина. Она молча смотрела на него, и он ощутил ее печаль и горькую гордость. А потому он заставил себя расправить плечи и пошел, держась совсем прямо. Пусть она — сварливая старуха, а он — глупый старик, но они хранят свою гордость. Он медленно поднялся по ступенькам, вышел на яркий свет холодного полудня и услышал за стенами крики чужих голосов.

Мужчины толпились на квадратной платформе над дымоходом Дома Пустоты. Он вскарабкался по приставной

лестнице, и они потеснились, давая ему место. Его била дрожь, в груди хрипело, и сперва он словно ослеп. Но потом он увидел... и на время забыл обо всем, пораженный небывалым зрелищем.

Долина, огибавшая подножие Теварского холма с севера на юг, была, точно река в половодье, от края и до края заполнена бурлящим людским потоком. Он медленно катился на юг, темный, беспорядочный, то сжимаясь, то опять расплескиваясь, останавливаясь, вновь приходя в движение под крики, вопли, оклики, скрип, щелканье кнутов, хриплое ржание ханн, плач младенцев, размеженное уханье тех, кто тащил волокуши. Алая полоска свернутого войлочного шатра, ярко раскрашенные браслеты на руках и ногах женщин, пучок алых перьев, гладкий наконечник копья, вонь, оглушительный шум, нескончаемое движение — непрерывное движение, упорное движение на юг, Откочевка. Но ни одно былое время не видело такой Откочевки — единственным множеством. Насколько хватал глаз, расширяющаяся к северу долина кишила людьми, а поток все сползал и сползал с седловины, не иссякая. И ведь это были только женщины с малышами, скот и волокуши с припасами... Рядом с этой могучей людской рекой Зимний Город Тевара был ничем. Камешком на берегу в половодье.

Сначала у Вольда все похолодело внутри, но потом он приободрился и сказал:

— Дивное дело...

И оно действительно было дивным — это переселение всех племен севера. Он был рад, что ему довелось увидеть такое. Стоявший рядом с ним Старейшина, Анвильд из Рода Сьюкмана, пожал плечами и ответил негромко:

— И конец для нас.

— Если они остановятся.

— Эти не остановятся. Но сзади идут воины.

Они были так сильны, так неуязвимы в своем множестве, что их воины шли сзади...

— Чтобы накормить столько ртов, им сегодня же понадобятся наши запасы и наши стада, — продолжал Анвильд. — И как только эти пройдут, воины нападут на Город.

— Значит, надо отослать женщин и детей в западные холмы. Когда враг так силен, Город — только западня.

— Я слушаю, — сказал Анвильд, утвердительно пожав плечами.

— Теперь же, без промедления, прежде чем гааль нас окружит.

— Это уже было сказано и услышано. Но другие говорят, что нельзя отсылать женщин туда, где их ждут всякие опасности, а самим оставаться под защитой стен.

— Ну, так пойдем с ними! — отрезал Вольд. — Неужели Люди Тевара не могут ничего решить?

— У них нет главы, — ответил Анвильд. — Они слушают того, этого и никого. Продолжать — значило бы обвинить во всех бедах Вольда и его родичей, а потому он добавил только: — И мы будем ждать здесь, пока нас всех не перебьют.

— Своих женщин я отошлю, — сказал Вольд, рассерженный спокойной безнадежностью Анвильда, отвернулся от грозного зрелища Откочевки, кое-как спустился по приставной лестнице и пошел распорядиться, чтобы его родичи спасались, пока еще не поздно. Он тоже пойдет с ними. Ведь сражаться против бесчисленных врагов бесполезно, а хоть горстка Людей Тевара должна уцелеть, должна выжить.

Однако молодые мужчины его клана не согласились с ним и не захотели подчиниться ему. Они не убегут, они будут сражаться.

— Но вы умрете, — сказал Вольд. — А ваши женщины и дети еще могут уйти. Они будут свободными... если не останутся тут с вами.

Его язык снова стал толстым. А они ждали, чтобы он замолчал, и не скрывали нетерпения.

— Мы отгоним гаала, — сказал молодой внук. — Мы ведь воины!

— Тевар — крепкий город, Старейший, — сказал другой вкрадчиво, льстивым голосом. — Ты объяснил нам, как построить его хорошо, и мы все сделали по твоему совету.

— Он выдержит натиск Зимы, — сказал Вольд. — Но не натиск десяти тысяч воинов. Уж лучше, чтобы женщины моего Рода погибли от холода среди снежных холмов, чем жили наложницами и рабынями гаалей...

Но они не слушали, а только ждали, чтобы он наконец замолчал.

Он вышел наружу, но у него уже не было сил карабкаться по приставным лестницам, и, чтобы никому не мешать в узком проходе, он отыскал укромное место неподалеку от южных ворот, в углу между стеной и подпоркой. Поднявшись по наклонной подпорке, сложенной из ровных кусков сухой глины, можно было увидеть, что делается за стеной, и он некоторое время следил за Откочевкой. Потом, когда ветер забрался под его меховой плащ, он присел на корточки и прижал подбородок к коленям, укрывшись за выступом.

Солнце светило прямо туда. Некоторое время он грелся в его лучах и ни о чем не думал. Иногда он поглядывал на солнце — Зимнее солнце, слабое, старое.

Из истоптанной земли под стеной уже поднималась зимняя трава — недолговечные растеньица, которые будут стремительно набираться сил, расцветать и отцветать между буранами до самого наступления Глубокой Зимы, когда снег уже больше не тает и только лишенные корней сугробики выдерживают лютый холод. Всегда что-нибудь да живет на протяжении великого Года, выжидая своего дня, расцветая и погибая, чтобы снова жить.

Тянулись долгие часы.

Оттуда, где сходились северная и западная стены, донеслись громкие крики. Воины бежали по узким проходам маленького города, где под нависающими стрехами мог пройти только один человек. Затем оглушительные вопли раздались позади Вольда, за воротами слева от него. Деревянные подъемные створки, которые можно было открыть только изнутри, с помощью сложной системы воротов, затряслись и затрещали. В них были бревна. Вольд с трудом выпрямился. Все тело его затекло, и он не чувствовал своих ног. Минуту оностоял, опираясь на копье, а потом привалился спиной к глиняным кирпичам и поднял копье, но не положил его на металку, а приготовился ударить с близкого расстояния.

Наверное, у гаалей были лестницы: они уже перебрались через северную стену и дрались внутри города — это он определил по шуму. Между крышами пролетело копье. Кто-то не рассчитал и слишком резко взмахнул металкой. Ворота снова затряслись. В прежние дни у них не было ни лестниц, ни таранов, и они приходили не десятками тысяч, а крались мимо оборванными семьями и кланами, трусливые дикари, убегающие на юг от холдов вместо того, чтобы остаться жить и умереть в своем Пределе, как поступают истинные Люди... И тут в проходе появился один из них — с широким белым лицом и пучком алых перьев в закрученных рогом вымазанных смолой волосах. Он бежал к воротам, чтобы открыть их изнутри. Вольд шагнул вперед и сказал:

— Стой!

Гааль оглянулся, и старик вонзил копье в бок врага под ребра так глубоко, что железный наконечник почти вышел наружу. Он все еще пытался вытащить копье из дергающегося в судорогах тела, когда позади него в городских воротах появилась первая пробоина. Это было жутко — дерево лопнуло, как гнилая кожа, и в дыру просунулась тупая морда

толстого бревна. Вольд оставил копье в брюхе галя и, спотыкаясь, тяжело побежал по проходу к своему Родовому Дому. Крутые деревянные крыши в том конце города пылали дымным пламенем.

Глава 8

В ГОРОДЕ ЧУЖАКОВ

Самым странным среди всего странного и непонятного в этом жилище были изображения на стене большой комнаты внизу. Когда Агат ушел и все комнаты погрузились в мертвую тишину, она так долго смотрела на изображения, что они стали миром, а она — стеной. Мир этот был сплетениями, сложными и прихотливыми, точно смыкающиеся ветви лесных деревьев, точно струи потока — серебристые, серые, черные, пронизанные зеленью, алостью и желтизной, подобной золоту солнца. И вглядываясь в эти причудливые сплетения, можно было различить в них, между ними, слитые с ними и образующие их узоры и фигуры — зверей, деревья, траву, мужчин и женщин, и разные другие существа, одни похожие на дальнерожденных, другие непохожие. И еще всякие странности: ларцы на круглых ногах, птицы, топоры, серебряные копья, опренные огнем лица, которые не были лицами, камни с крыльями и дерево все в звездах вместо листьев.

— Что это такое? — спросила она у дальнерожденной женщины из Рода Агата, которой он поручил заботиться о ней, и та, как всегда, стараясь быть доброй, ответила:

— Картина, рисунок... Ведь твои соплеменники рисуют красками, не так ли?

— Да, немножко. А о чём рассказывает эта картина?

— О других мирах и о нашей родине. Видишь, вот люди... Ее написал очень давно, еще в первый Год нашего изгнания, один из сыновей Эсмита.

— А это что? — с почтительного расстояния указала Ролери.

— Здание... Дворец Лиги на планете Давенант.

— А это?

— Эробиль.

— Я снова слушаю, — вежливо сказала Ролери (теперь она старательно соблюдала все законы вежливости), но, за-

метив, что Сейко не поняла ритуальной фразы, спросила просто: — А что такое эробиль?

Дальнерожденная женщина чуть-чуть выпятила губы и ответила равнодушно:

— Ну... приспособление, чтобы ездить, вроде... Но ведь вы даже не знаете колеса, так как же объяснить тебе? Ты видела наши повозки — наши волокуши на колесах? Ну, так это была повозка, чтобы на ней ездить, только она летала по воздуху.

— А вы и сейчас можете строить такие повозки? — в изумлении спросила Ролери, но Сейко неверно истолковала ее вопрос и ответила сухо, почти раздраженно:

— Нет. Как мы могли сохранить здесь подобное умение, если Закон запрещает нам подниматься выше вашего технического уровня? А вы за шестьсот Лет даже не научились пользоваться колесами!

Чувствуя себя беспомощной в этом чужом и непонятном мире, изгнанная своим племенем, а теперь разлученная с Агатом, Ролери боялась Сейко Эсмит и всех, кого она встречала здесь, и всех вещей вокруг. Но покорно снести пренебрежение ревнивой женщины, женщины старше нее, она не могла.

— Я спрашиваю, чтобы узнавать новое, — сказала она. — Но, по-моему, ваше племя пробыло здесь меньше, чем шестьсот Лет.

— Шестьсот лиголет равны десяти здешним Годам... — Помолчав, Сейко Эсмит продолжала: — Видишь ли, про эробили и про всякие другие вещи, которые придумали люди у нас на родине, мы знаем далеко не все, потому что наши предки перед тем, как отправиться сюда, поклялись блюсти Закон Лиги, запрещавший им пользоваться многими вещами, непохожими на те, какие были у туземцев. Закон этот называется «культурное эмбарго». Со временем мы научили бы вас изготавливать всякие вещи... вроде крылатых повозок. Но Корабль улетел. Нас здесь осталось мало, и мы не получали никаких известий от Лиги, а многие ваши племена в те дни относились к нам враждебно. Нам было трудно хранить и Закон, и знания, которыми мы тогда обладали. Возможно, мы многое утратили. Мы не знаем.

— Какой странный Закон! — сказала Ролери.

— Он был создан ради вас... а не нас, — сказала Сейко своим быстрым голосом, произнося слова жестко, как Агат, как все дальнерожденные. — В Заветах Лиги, которые мы изучаем в детстве, написано: «На планетах, где селятся коло-

нисты, запрещено знакомить местные высокоразумные существа с какими бы то ни было религиозными или философскими доктринаами, обучать их каким бы то ни было техническим нововведениям или научным положениям, прививать им иные культурные понятия и представления, а также вступать с ними в парасловесное общение, если они сами это умение не развили. Запреты эти не могут быть нарушены до тех пор, пока Совет региона с согласия Пленума не постановит, что данная планета по степени своего развития готова к прямому контакту или ко вступлению в Лигу...» Короче говоря, это значит, что мы обязаны жить, как живете вы. И в той мере, в какой мы отступили от вашего образа жизни, мы нарушили наш собственный Закон.

— Нам это вреда не принесло, — сказала Ролери. — А вам — особой пользы.

— Ты нас судить не можешь, — сказала Сейко с холодной сухостью, но опять справилась с собой. — Время браться за работу. Ты пойдешь?

Ролери послушно направилась за Сейко к дверям, но, выходя, оглянулась на картину. Она никогда еще не видела ничего столь целостного. Эта мрачная серебристая пугающая сложность действовала на нее почти как присутствие Агата. А когда он был с ней, она боялась его — но только его одного. Никого и ничего другого.

Воины Космопора ушли. Они собирались тревожить идущих на юг гаалей нападениями из засады и партизанскими налетами в надежде, что Откочевка свернет на более безопасную дорогу. Однако никто серьезно не верил в успех, и женщины заканчивали приготовления к осаде. Сейко и Ролери пришли в Дом Лиги на большой площади, и им вместе с двадцатью другими поручили пригнать стада ханн с дальних лугов к югу от города. Каждая женщина получила сверток с хлебом и творогом из ханьего молока, потому что вернуться они должны были не раньше вечера. Корм оскудел, и ханны теперь бродили на южных пастбищах между пляжем и береговой грядой. Женщины прошли около восьми миль, а потом рассыпались по лугу и повернули обратно, собирая и гоня перед собой все увеличивающееся стадо низкорослых косматых ханн, которые тихо и покорно брели к городу.

Теперь Ролери увидела дальнерожденных женщин по-новому. Прежде их легкие светлые одежды, по-детски быстрые голоса и быстрые мысли создавали ощущение беспомощности и слабости. Но вот они идут среди холмов по оледенелой пожухлой траве, одетые в меховые куртки и штаны,.

как женщины людей, и гонят медлительное косматое стадо навстречу северному ветру, работая дружно, умело и упорно. А как слышатся их ханны! Словно они не гонят их, а ведут, словно у них есть какая-то особая власть. Они вышли на дорогу, сворачивающую к Лесным Воротам, когда солнце уже село — горстка женщин в море неторопливо трусящих животных с крутыми косматыми крупами. Когда впереди показались стены Космопора, одна из женщин запела. Ролери никогда прежде не слышала этой игры с высотой и ритмом звуков. Ее глаза замигали, горло сжалось, а ноги начали ступать по темной дороге в лад с этим голосом. Другие женщины подхватили песню, и теперь она разносилась далеко вокруг. Они пели об утраченной родине, которую никогда не знали, о том, как ткать одежду и расшивать ее драгоценными камнями, о воинах, павших на войне. А одна песня рассказывала про девушку, которая лишилась рассудка от любви и бросилась в море: «Ах, волны уходят далеко, пока не начнется прилив...» Звонкими голосами творя песню из печали, они гнали вперед стадо — двадцать женщин в пронизанной ветром мгле. Было время прилива, и слева от них у дюн колыхалась и плескалась чернота. Впереди на высоких стенах пылали факелы, преображая Град Изгнания в остров света.

Съестные припасы в Космопоре расходовались теперь очень бережно. Люди ели все вместе в одном из больших зданий на Площади или, если хотели, уносили свою долю к себе домой. Женщины, собиравшие стадо, вернулись поздно. Тропливо поев в странном здании, которое называлось Тэатор, Ролери пошла с Сейко Эсмит в дом женщины Эллы Пасфаль. Она предпочла бы вернуться в пустой дом Агата и остаться одной, но она делала все, что ей говорили. Она больше уже не была незамужней и свободной, она была женой альтеррана и пленницей, хотя они ей этого и не показывали. Впервые в жизни она подчинялась.

Очаг не топился, и все же в высокой комнате было тепло. На стене в стеклянных клетках горели светильники без фитилей. В этом доме, который был больше любого Родового Дома в Теваре, старая женщина жила совсем одна. Как они выносят одиночество? И как они хранят свет и тепло Лета в стенах своих домов? Весь Год они остаются в этих домах — всю свою жизнь, и никогда не кочуют, никогда не живут в шатрах среди холмов, на просторах летних угодий, кочуя... Ролери рывком подняла голову, которая почти склонилась ей на грудь, и искоса посмотрела на Эллу Пасфаль — замети-

ла ли старуха, что она задремала? Конечно, заметила. Эта старуха замечает все, а Ролери она ненавидит.

Как и все они, эти альтерраны, Старейшины дальнерожденных. Они ненавидят ее, потому что любят Джакоба Агата ревнивой любовью, потому что он взял ее в жены, потому что она — человек, а они — нет.

Один из них что-то говорил про Тевар, что-то очень странное, чему нельзя было поверить. Она опустила глаза, но, наверное, испуг все-таки промелькнул на ее лице, потому что мужчина, которого звали Дермат альтерран, перестал слушать и сказал:

— Ролери, ты знала, что Тевар захвачен?

— Я слышаю, — прошептала она.

— Наши воины весь день тревожили гаалей с запада, — объяснил дальнерожденный. — Когда гаальские воины вошли в Тевар, мы атаковали носильщиков и стоянки, которые их женщины разбивали на восточной опушке леса. Это отвлекло часть их сил, и некоторые теварцы сумели выбраться из города, но они и наши люди рассеялись по лесу. Некоторые уже добрались сюда, но про остальных мы пока ничего не знаем... Они где-то в холмах, а ночь холодная...

Ролери молчала. Она так устала, что ничего не могла понять. Зимний Город захвачен, разрушен. Как это может быть правдой? Она ушла от своих родичей, а теперь все они мертвы или скитаются без крова среди холмов в Зимнюю ночь. Она осталась совсем одна. Вокруг звучали и звучали жесткие чужие голоса. Ролери почудилось — и она знала, что это сий чудится, — будто ее ладони и запястья вымазаны кровью. У нее кружилась голова, но она больше не хотела спать. Порой она ощущала, что на мгновение переступает рубеж, первый рубеж Пустоты. Блестящие холодные глаза старухи чародейки Эллы Пасфаль глядели на нее в упор. У нее не было сил пошевелиться. И куда идти? Все мертвы.

И вдруг что-то изменилось. Словно дальний огонек вспыхнул во мраке. Она сказала вслух, но так тихо, что ее услышали только те, кто сидел совсем рядом:

— Агат идет сюда.

— Он передает тебе? — резко спросила Элла Пасфаль.

Ролери несколько мгновений смотрела куда-то рядом со старухой, которой боялась, и не видела ее.

— Он идет сюда, — повторила она.

— Вероятно, он ей не передает, Элла, — сказал тот, которого называли Пилотсоном. — Между ними в какой-то мере существует постоянный контакт.

— Чепуха, Гуру.

— Но почему? Он рассказывал, что на пляже передавал ей с большим напряжением и пробился. По-видимому, у нее врожденный дар. И в результате возник постоянный контакт. Так ведь уже не раз бывало.

— Да, между людьми, — сказала старуха. — Необученный ребенок не способен ни принимать, ни передавать паречь, Гуру. Ну, а врожденный дар — редчайшая вещь в мире. И ведь она даже не человек, а врасу.

Ролери тем временем вскочила, выскользнула из круга, пошла к двери и открыла ее. Снаружи был пустой мрак и холод. Она посмотрела в дальний конец улицы и различила фигуру мужчины, который бежал тяжело и устало. Он вступил в полоску желтого света, падавшего из дверей, и, протягивая руку к ее протянутой руке, тяжело дыша, произнес ее имя. Его улыбка открыла зияющую пустоту на месте трех верхних зубов, грязная повязка выбилась из-под меховой шапки, лицо было серым от усталости и боли. Он ушел в холмы сразу же, как только гаали вступили в Предел Аскатавара — три дня и две ночи тому назад.

— Принеси мне воды напиться, — тихо сказал он Ролери, а потом переступил порог, и все остальные столпились вокруг него.

Ролери нашла комнату с очагом для стряпни, а в ней — металлическую тростинку с цветком наверху. В доме Агата тоже был такой цветок: если его повернуть, из тростинки потечет вода. Она нигде не увидела ни плетенок, ни чаш, а потому налила воду в глубокую складку своей кожаной туники и так понесла ее своему мужу в большую комнату. Он глубокими глотками выпил воды из ее туники. Остальные посмотрели с удивлением, а Элла Пасфаль сказала резко:

— В буфете есть чашки.

Но она уже не была чародейкой, ее злоба ранила не больше, чем стрела на излете. Ролери опустилась на колени рядом с Агатом и слушала его голос.

Глава 9

ЗАСАДЫ И СТЫЧКИ

После первого снега снова потеплело. Днем свистило солнце, иногда накрапывал дождь, ветер дул с северо-запада, ночью слегка подмораживало — словом, погода была такой

же, как весь последний лунокруг Осени. Зима мало чем отличалась от того, что ей предшествовало, и не верилось, что действительно бывают снегопады, наваливающие сугробы в несколько десятков футов, как рассказывалось в записях о предыдущих Годах, и что в течение целых лунокругов лед даже не полтаивает. Может быть, так будет позже. А сейчас опасность была одна — гаали...

Словно не замечая воинов Агата, хотя они нанесли несколько чувствительных ударов на флангах их войска, северяне стремительно ворвались в Аскатеварский Предел, разбили лагерь на восточной опушке леса и теперь, на третий день, начали штурмовать Зимний Город. Однако у них, по-видимому, не было намерения сровнять его с землей — они явно старались уберечь от огня житницы и стада, а возможно, и женщин. Но мужчин они убивали без щады всех подряд. Может быть, они собирались оставить в городе свой гарнизон — ведь по сведениям, полученным с севера, они проделывали это уже не раз. С наступлением Весны гаали без помех вернутся с юга в покоренные богатые земли.

«Совсем не в духе врасу», — размышлял Агат, лежа под прикрытием толстого упавшего ствола в ожидании, пока воины его маленького отряда займут позиции, чтобы, в свою очередь, напасть на Тевар. Он уже двое суток провел под открытым небом — сражался и прятался, сражался и прятался... Ребро, которое ему повредили в лесу, сильно ныло, хотя повязку наложили хорошо, болела полученная накануне неглубокая рана на голове — ему еще повезло, что камень, выпущенный из гаальской пращи, только слегка задел висок. Но благодаря иммунитету раны заживали быстро, и Агат не думал о них — другое дело, если бы была рассечена артерия. Правда, он на минуту потерял сознание и упал, но потом все обошлось. А сейчас ему хотелось пить, тело затекло от неподвижности, но мысли были удивительно ясными: этот короткий вынужденный отдых пошел ему на пользу. Совсем не в духе врасу строить планы так далеко вперед. В отличие от его собственного биологического вида они не воспринимали ни времени, ни пространства в их непрерывной протяженности. Время для них было фонarem, освещавшим путь на шаг вперед и на шаг назад, а все остальное сливалось в единую непроницаемую тьму. Время — это Сегодня: вот этот, только этот день необъятного Года. У них не существовало лексики для исторических понятий, а только «сегодня» или «былое время». Вперед они не заглядывали — во всяком случае, не дальше следующего Времени Года. Они не видели

времени со стороны, а пребывали внутри его, как фонарь в ночном мраке, как сердце в теле. И так же обстояло дело с пространством. Пространство для них было не поверхностью, по которой проводятся границы, а «пределом», сердцем всех известных земель, где пребывает он сам, его клан, его племя. Вокруг Предела лежали области, обретавшие четкость по мере приближения к ним и слившиеся в неясный туман по мере удаления — чем дальше, тем смутнее. Но линий, границ не было. И такое планирование далеко вперед, стремление сохранить завоеванное место через протяженность пространства и времени противоречило всем устоявшимся представлениям. Оно было... чем? Закономерным сдвигом в культуре врасу или нагноением, возникшим под воздействием былых северных колоний Человека?

«В таком случае они впервые заимствовали у нас хотя бы одну идею! — с сардонической улыбкой подумал Агат. — Того гляди, мы начнем подцеплять их простуды. И это нас убьет. Как, вполне возможно, наши представления и идеи убьют их...»

В нем нарастала ожесточенная, но почти неосознанная злоба против теварцев, которые оглушили его, повредили ему ребро, разорвали их союз, а теперь он вынужден смотреть, как их истребляют в их же собственном жалком глиняном городишке прямо у него на глазах. В схватке с ними он оказался беспомощным, а теперь, когда надо спасать их, он тоже почти беспомощен. И он испытывал к ним настоящую ненависть за то, что из-за них так остро ощущал свою беспомощность.

В эту минуту — как раз тогда, когда Ролери пошла назад к Космопору вместе с женщинами, гнавшими стадо, — в овражке у него за спиной среди палой листвы раздался шорох. Шорох еще не успел стихнуть, а он уже навел на овражек свой заряженный дротикомет. Закон культурного эмбарго, который стал для изгнанников основой их этики, запрещал применение взрывчатых веществ, но в первые Годы, когда шли войны с местными врасу, некоторые племена отправляли наконечники стрел и копий. Поэтому врачи Космопора сочли себя вправе составить несколько своих ядов, которыми все еще пользовались охотники и воины. Действовали эти яды по-разному — только оглушали или обездвиживали, убивали мгновенно или медленно. Яд в его дротике был смертелен и за пять секунд парализовывал нервные центры крупного животного — даже более крупного, чем гаальский

воин. Простой и изящный механизм посыпал дротик точно в цель за семьдесят шагов.

— Выходи! — крикнул Агат в мертвую тишину овражка, и его все еще опухшие губы раздвинулись в злой усмешке. Сейчас он даже с удовольствием прикончил бы еще одного врасу.

— Альтерран?

Из серых сухих кустов на дне овражка поднялся врасу и встал прямо, опустив руки. Это был Умаксуман.

— А, черт! — сказал Агат, опуская дротикомет, хотя и продолжал держать палец на спуске. Подавленная ярость разрешилась судорожной дрожью.

— Альтерран, — повторил теварец хрипло, — в шатре моего отца мы были друзьями.

— А потом? В лесу?

Туземец молчал. Широкоплечий, плотно сложенный. В светлых волосах запеклась глина, изнуренное лицо было землистым.

— Я слышал там и твой голос. Если уж вы решили отомстить за сестру, так могли бы не нападать всем скопом, а устроить честный поединок.

Агат все еще не снимал палец со спуска, но, когда Умаксуман заговорил, выражение его лица изменилось: он не надеялся услышать ответ.

— Меня с ними не было. Я догнал их и остановил. Пять дней назад я убил Уквета, моего племянника-брата, который их вел. С тех пор я прячусь в холмах.

Агат поставил дротикомет на предохранитель и отвел взгляд.

— Иди сюда, — сказал он после некоторого молчания, и только тут оба сообразили, что стоят во весь рост и громко разговаривают, а кругом кишат гаальские разведчики.

Когда Умаксуман, упав на землю, заполз под защиту ствола, Агат беззвучно рассмеялся.

— Друг, враг, что тут к черту разбирать! На, бери, — добавил он, протягивая врасу ломоть хлеба, который вынул из сумки. — Ролери — моя жена вот уже три дня.

Умаксуман молча взял хлеб и начал есть с жадностью изголодавшегося человека.

— Когда вон там слева свистнут, мы все вместе ворвемся в город через пролом в стене у северного угла и попробуем увести еще уцелевших теварцев. Гаали ищут нас у Болот, где мы были утром, а здесь не ждут. Этот наш первый налет на город будет и последним. Хочешь присоединиться к нам?

Умаксуман пожал плечами в знак согласия.
— Оружие у тебя есть?

Молодой теварец поднял и опустил топор. Бок о бок, припав к земле, они молча смотрели на пылающие крыши, на суматошные вспышки движения в узких проходах маленького города на холме перед ними. Серая пелена затягивала небо, ветер приносил едкий запах дыма.

Слева раздался пронзительный свист. Слоны холмов к западу и к северу от Тевара вдруг ожили — маленькие фигурки, пригнувшись, врассыпную перебегали седловину, поднимались по противоположному склону, скаливались у пролома и исчезали в хаосе горящего города.

У пролома воины Космопора объединялись в группы от пяти до двадцати человек, которые затем вступали в бой с рыскавшими по проходам гаалям, пуская в ход дротикометы, боли и ножи, или спешно разыскивали теварских женщин и детей и бежали с ними к воротам. Они действовали так быстро и слаженно, что казалось, будто все было заранее отрепетировано. Гаали, занятые истреблением последних защитников города, были застигнуты врасплох.

Агат и Умаксуман кинулись в пролом вместе, и пока они бежали к площади Перестука Камней, к ним один за другим присоединялись космопорские воины. Оттуда по узкому проходу-траншее они уже вдесятером пробрались к другой площади, поменьше, и ворвались в один из больших Родовых Домов. Когда они скатились по глиняным ступенькам в подземный сумрак, навстречу им, воля и размахивая боевыми топорами, бросились белолицые люди с пучками алых перьев в закрученных рогами волосах, готовые защищать свою добычу. Агат нажал на спуск, и дротик влетел прямо в открытый рот одного гаала. И тут же Умаксуман отрубил руку другого, как дровосек отрубает толстый сук. Затем наступила тишина. Женщины молча жались в темном углу. Надрывно заплакал младенец.

— Идите с нами! — крикнул Агат, и несколько женщин пошли к нему, но, разглядев, кто он, остановились как вкопанные. Возле него в полосе тусклого света, падавшего из открытой двери, возник Умаксуман, сгорбившийся под тяжестью ноши.

— Берите детей, выходите наружу! — загремел он, и, услышав знакомый голос, они послушно двинулись к лестнице.

Агат быстро построил их, поставив своих людей впереди, и подал знак выходить. Они высыпали из Родового Дома и побежали к воротам: странная процесия женщин, детей и

воинов во главе с Агатом, который, размахивая гаальским топором, прикрывал Умаксумана, несущего на плечах тяжелую ношу — старого вождя, своего отца Вольда. Ни один гааль не посмел встать у них на пути.

Они выбрались за ворота, проскочили мимо гаалей на склоне, где прежде стояли шатры, и скрылись в лесу, куда устремились и другие группы космопорских воинов вместе со спасенными женщинами и детьми, которые бежали впереди и позади них. Весь налет на Тевар длился не больше пяти минут.

В лесу им повсюду грозила опасность: гаальские разведчики и отряды двигались по тропе к Космопору. Спасенные и спасители, рассыпавшись, поодиночке и по двое углубились в лес южнее тропы. Агат остался с Умаксуманом — молодой воин нес старика и не мог защищаться. Они с трудом проридались сквозь сухой кустарник и бурелом. Но ни один враг не встретился им в серой чащобе древесных скелетов. Где-то далеко позади пронзительно кричала женщина.

Они долго пробирались на юг, а потом на запад, взбираясь и спускаясь по лесистым склонам, и в конце концов по широкой дуге вышли на север к Космопору. Когда Умаксуман совсем обессилел, Вольд попробовал идти сам — медленно, с трудом передвигая ноги. Наконец они выбрались из леса и далеко впереди увидели факелы Града Изгнания, пылающие во мраке над морем, где бушевал ветер. Поддерживая старика под локти, почти волоча его, они поднялись по склону к Лесным Воротам.

— Врасу идут! —звестили часовые, разглядев сперва только светлые волосы Умаксумана. Потом они увидели Агата, и раздались возгласы: — Альтерра! Альтерра!

Навстречу сму бросились люди и проводили в город — друзья, которые сражались с ним бок о бок, подчинялись его приказам и не раз спасали его жизнь все эти три дня зasad и стычек в лесах и на холмах.

Они сделали все, что могли. Четыреста человек против орды, движущейся с неумолимым упорством огромной стаи откочевающих зверей. «Не меньше пятнадцати тысяч одних только молодых и здоровых мужчин», — решил Агат. Пятнадцать тысяч воинов, а всего от шестидесяти до семидесяти тысяч гаалей с шатрами, грубыми горшками, волокушами, ханнами, постелями из шкур, топорами, наплечными браслетами, досками, к которым привязывают младенцев, кремнями, огнivами — со всем их скучным имуществом и страхом перед Зимой и голодом. Он видел, как гаальские

женщины на стоянках сдирали сухой лишайник с упавших стволов и тут же съедали. Ему не верилось, что маленький Град Изгнания еще цел, еще не сметен этим половодьем свирепости и голода, что над воротами из железа и резного дерева еще пылают факелы и навстречу ему радостно бегут друзья.

Он пытался рассказать им историю этих трех дней. Он говорил:

— Вчера днем мы зашли им в тыл... — Слова падали нсвесомые, нереальные. И нереальной была эта теплая комната, нереальными были лица мужчин и женщин вокруг, которых он знал всю жизнь. — Земля там... Вся Откочевка двигалась по двум-трем узким долинам, и склоны там обнажены, словно после оползня. Одна глина. И больше ничего. Земля истоптана в пыль. Ничего, кроме глины...

— Но как они могут двигаться такой массой? Что они едят? — пробормотал Гур.

— Зимние запасы городов, которые захватывают. Все растения в наших краях уже погибли, урожай убран, дичь ушла на юг. Им остается только грабить селения на своем пути и питаться мясом угнанных ханн, чтобы не умереть с голodom, прежде чем они успеют выбраться за границу Зимних снегов.

— Значит, они придут и сюда, — сказал кто-то негромко.

— Наверное. Завтра или послезавтра.

Это было правдой и все равно тоже нереальным. Он провел рукой по лицу и почувствовал под ладонью засохшую грязь, ссадины, распухшие незажившие губы. Раньше его поддерживала мысль, что он обязательно должен прийти в город и рассказать обо всем Совету, но теперь на него навалилась невероятная усталость, он не мог говорить и не слышал их вопросов. Рядом с ним молча стояла на коленях Ролери. Он посмотрел на нее, и она, не поднимая золотистых глаз, сказала очень тихо:

— Тебе надо уйти домой, альтерран.

Он не думал о ней все эти бесконечные часы, пока сражался, метал дротики, бежал, прятался в лесу. Он впервые увидел ее две недели назад, делил с ней ложе один раз, вступил с ней в брак в Зале Законов рано утром три дня назад, а через час ушел с отрядом в холмы. Он почти ничего о ней не знал, и она даже не принадлежала к его биологическому виду. А через день-другой они, почти наверное, оба будут убиты. Он беззвучно засмеялся и ласково положил ладонь на ее руку.

— Да, отведи меня домой, — сказал он.

Легкая, изящная, совсем другая, чем все они, она молча встала и ждала в стороне, пока он прощался с остальными.

Он уже сказал ей, что Вольд, Умаксуман и еще двести человек ее племени спаслись из поверженного Зимнего Города сами или с помощью его отряда и нашли приют в Космопоре. Она тогда не сказала, что хочет пойти к ним. А теперь, когда они поднимались по крутой улице, которая вела от дома Эллы к его дому, она вдруг спросила:

— Для чего вы ворвались в Тевар и спасали людей?

— Для чего? — Вопрос удивил его. — Но ведь они не могли спастись сами.

— Это не причина, альтерран.

Она выглядела робкой женой-туземкой, во всем покорной своему господину. Но он начинал понимать, что на самом деле она упрямая, своевольна и очень горда. Голос ее был кроток, но говорила она то, что хотела сказать.

— Нет, это не причина, Ролери. Нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как эти дикиари режут людей. И я хочу сражаться, ответить на войну войной...

— Ну, а ваш Город? Как вы прокормите тех, кого привели сюда? Если его окружат гаали? Или потом, Зимой?

— Запасов у нас достаточно. Это нас не беспокоит. Нам не хватает воинов.

Он спотыкался от усталости. Но чистый и холодный воздух прояснил его мысли, и в нем затеплился крохотный огонек радости, которой он не испытывал уже давно. Всем своим существом он чувствовал, что эту маленькую перedyшку среди мрака, эту легкость духа он обрел потому, что рядом с ним идет она. Его так долго давило бремя ответственности за все. А она, посторонняя, чужая, с иной кровью, с иным сознанием, не была причастна его силе, его совести, его знаниям, его изгнанию. Между ними не было ничего общего, но она встретила его и слилась с ним полностью и всецело, как будто их не разделяла непреодолимая стена различий. Казалось, именно эта чуждость, пропасть лежавшая между ними, и толкнула их друг к другу, а соединив, дала им свободу.

Они вошли в незапертую дверь. В высоком узком доме из грубо тесанного камня нигде не горел свет. Этот дом стоял здесь три Года, сто восемьдесят лунокругов. В нем родились его прадед, его дед, его отец и он сам. Он знал его как собственное тело. И входя в этот дом с ней, с женщиной из кочевого племени, которой иначе предстояло бы жить то в одном

шатре, то в другом, то на одном склоне холма, то на другом, или же в тесной землянке под снегом, он испытал странное удовольствие. Его охватила нежность к ней, которую он не умел выразить, и нечаянно он произнес ее имя, но не вслух, а на паразыке. И сразу же в темноте она обернулась к нему и в темноте посмотрела ему в лицо. Дом и город вокруг них были окутаны безмолвием. И у него в сознании вдруг прозвучало его имя — точно тихий шепот в ночи, точно прикосновение через бездну.

— Ты передала мне! — сказал он вслух, растерянно, изумленно. Она ничего не ответила, но в своем сознании всеми своими нервами, всей своей кровью он вновь услышал ее сознание, которое тянулось к нему: «Агат, Агат...»

Глава 10

СТАРЫЙ ВОЖДЬ

Старый вождь был крепок. Апоплексический удар, сотрясение мозга, переутомление, долгие часы на холоде, гибель Города — все это он перенес, сохранив в целости не только волю, но и ясность рассудка.

Чего-то он не понимал, что-то лишь изредка вторгалось в его мысли. Он был даже рад, что больше не сидит у огня в душном сумраке Родового Дома, как женщина. Это, во всяком случае, он знал твердо. Ему нравился, всегда нравился возведенный на скалах, полный солнца и ветра Город дальнерожденных, который был построен до того, как родился самый старый из ныне живущих людей, и стоит, совсем не изменившись, на своем старом месте. Построен он куда надежнее Тевара. А что случилось с Теваром? Иногда он помнил оглушительные вопли, горящие крыши, изрубленные, изуродованные тела своих сыновей и внуков, а иногда не помнил. Стремление выжить было в нем очень сильно.

До селения дальнерожденных поодиночке, по двое и по трое добирались и другие беженцы — кое-кто даже из захваченных Зимних Городов на севере, — и теперь здесь было уже около трехсот истинных Людей. Ощущать свою слабость, свою малочисленность, жить подачками презираемых чужаков было так тягостно и странно, что некоторые теварцы, особенно пожилые мужчины, не могли этого вынести. Они сидели, поджав под себя ноги, пребывая в Пустоте, и зрачки их глаз сжались в крохотные точки, словно они на-

терлись соком гезина. И женщины тоже — те, кто видел, как их мужей рубили в куски на улицах и у очагов Тевара, те, кто потерял детей, — тяжело заболевали от горя или уходили в Пустоту. Но для Вольда конец Тевара и всего привычного мира сливался с концом его жизни. Он знал, что уже очень далеко ушел по пути к смерти, и с тихим одобрением смотрел на каждый новый день и на всех молодых мужчин, будь то истинные Люди или дальнерожденные, ибо сражаться и дальше должны были теперь они.

Солнце лило свет на каменные улицы, на ярко раскрашенные дома, хотя над северными дюнами висела мутно-грязная полоса. На большой площади перед домом, который назывался Тэатор и в котором поселили всех истинных людей, Вольда окликнул какой-то дальнерожденный. Он не сразу узнал Джакоба Агата, а узнав, сказал с хриплым смешком:

— Альтерран! Ты ведь был красивым молодцом! А сейчас у тебя во рту дыра, точно у пермекских шаманов, которые выламывают себе передние зубы. А где... (он забыл ее имя) где женщина из моего Рода?

— В моем доме, Старейший.

— Ты покрыл себя стыдом, — сказал Вольд.

Он знал, что оскорбляет Агата, но ему было все равно. Конечно, Агат теперь глава над ними, но тот, кто держит в своем доме или шатре наложницу, покрывает себя вечным стыдом. Пусть Агат дальнерожденный, но переступать обычай не смеет никто.

— Она моя жена. Где же тут стыд?

— Я слышу неверно, мои уши стары, — осторожно сказал Вольд.

— Она моя жена.

Вольд посмотрел прямо на Агата, в первый раз встретившись с ним взглядом. Глаза Вольда были тускло-желтыми, как солнце Зимы, и из-под тяжелых век не проглядывало даже полоски белка. Глаза Агата были темными — темный зрачок, темная радужная оболочка в белой обводке на темном лице: нелегко выдержать взгляд этих странных глаз, неземных глаз.

Вольд отвернулся лицо. Вокруг него смыкались большие каменные дома дальнерожденных, чистые, яркие, озаренные солнцем, старые.

— Я взял от вас жену, дальнерожденный, — сказал он наконец, — но я не думал, что кто-то из вас возьмет жену из моего Рода... Дочь Вольда замужем за лжечеловеком и никогда не даст жизнь сыну...

— У тебя нет причины горевать, — сказал молодой дальнерожденный. Он стоял неколебимо, как скала. — Я равен тебе, Вольд. Во всем, кроме возраста. Когда-то у тебя была дальнерожденная жена. Теперь у тебя дальнерожденный зять. Тогда ты выбирал сам, а теперь прими выбор своей дочери.

— Это нелегко, — сказал старик с угрюмой простотой и продолжал после некоторого молчания: — Мы не равны. Джакоб Агат. Люди моего племени убиты, а те, кто еще жив, сломлены духом. Ты главный здесь, ты вождь, а я никто. Но я человек, а ты нет. Так разве есть сходство между нами?

— Но между нами хотя бы нет обиды и ненависти, — ответил Агат все так же непреклонно.

Вольд поглядел по сторонам и наконец медленно пожал плечами в знак согласия.

— Это хорошо. Значит, мы сможем достойно умереть вместе, — сказал дальнерожденный и засмеялся — вдруг, без видимой причины, как всегда смеются дальнерожденные. — Я думаю, гаали нападут через несколько часов, Старейший.

— Через несколько...

— Очень скоро. Возможно, когда солнце будет высоко. — Они стояли возле пустой спортивной площадки, у их ног валялся легкий диск. Агат поднял его и по-мальчишески метнул высоко в воздух. Следя за его полетом, он добавил: — На каждого из нас их двадцать. И если они переберутся через стены или разобьют ворота... Всех дальнерожденных детей я отсылаю с их матерями на Риф. Когда подъемные мосты подняты, взять Риф невозможно, а воды и припасов там достаточно, чтобы пятьсот человек прожили лунокруг. Но оставлять женщин одних не следует. Может быть, ты выберешь несколько своих мужчин и уведешь их туда вместе с теми вашими женщинами, у кого есть дети? Им нужен глава. Ты одобряешь этот план?

— Да. Но я останусь здесь, — сказал старик.

— Как хочешь, Старейший, — ответил Агат невозмутимо, и его сурое молодое лицо, все в рубцах, осталось не-проницаемым. — Но выбери мужчин, которые пойдут вместе с вашими женщинами и детьми. Уходить надо скоро. Наших женщин поведет Кемпер.

— Я пойду с ними, — сказал Вольд тем же тоном, и Агат словно бы немного растерялся. Значит, и его можно поставить в тупик! Но он тут же невозмутимо согласился. Его почтительность, конечно, лишь вежливое притворство — какое почтение может внушать умирающий, которого не признают вождем даже остатки его собственного племени? Но он оста-

вался почтительным, как бы глупо ни отвечал Вольд. Да, он поистине скала. Таких людей мало.

— Мой вождь, мой сын, мое подобие, — сказал старик с усмешкой, положив ладони на плечо Агата. — Пошли меня туда, куда нужно тебе. От меня больше нет пользы, и мне остается только умереть. Ваша черная скала — плохое место для смерти, но я пойду туда, если ты скажешь...

— Во всяком случае, пошли с женщинами двоих-троих мужчин, — сказал Агат. — Надежных, рассудительных людей, которые сумеют успокоить женщин. А мне надо побывать у Лесных Ворот, Старейший. Может быть, и ты пойдешь туда?

Агат стремительно исчез. Опираясь на космопорское копье из светлого металла, Вольд медленно побрел за ним вверх по ступенькам и крутым улицам. На полпути он остановился, чтобы перевести дух, и только тут сообразил, что ему следует вернуться и отослать молодых матерей с их малышами на остров, как просил Агат. Он повернулся и побрел по улице вниз. Глядя на свои шаркающие по камням ноги, он понял, что ему следует послушаться Агата и уйти с женщинами на черный остров — здесь он будет только помехой.

Светлые улицы были безлюдны, и только изредка мелькал какой-нибудь дальнерожденный, шагая торопливо и сосредоточенно. Они все знают, что им надо делать, и каждый выполняет свои обязанности, каждый готов. Если бы кланы Аскатевара были готовы, если бы воины выступили на север, чтобы встретить гаала у рубежа, если бы они заглядывали в приближающееся время, как умеет заглядывать Агат... Неудивительно, что люди называли дальнерожденных чародеями. Но ведь на север они не выступили по вине Агата. Он допустил, чтобы женщина стала между союзниками. Знай он, Вольд, что эта девчонка посмела снова заговорить с Агатом, он приказал бы убить ее за шатрами, а тело выбросить в море, и Тевар, возможно, стоял бы и сейчас...

Она вышла из двери высокого дома и, увидев Вольда, застыла на месте.

Хотя она и завязала волосы сзади, как замужняя, он заметил, что одета она по-прежнему в кожаную туннику и штаны с выдавленным трехлепестковым цветом, знаком его Рода.

Они не посмотрели в глаза друг другу.

Она молчала, и в конце концов заговорил Вольд: прошлое — это прошлое, а он назвал Агата сыном...

— Ты пойдешь на черный остров или останешься здесь, женщина из моего Рода?

— Я останусь здесь, Старейший.

— Агат отсылает меня на черный остров, — сказал он неуверенно, тяжело переступил с ноги на ногу и сильнее оперся на копье. Холодное солнце освещало его забрызганные кровью меха.

— По-моему, Агат боится, что женщины не пойдут, если ты не поведешь их. Ты или Умаксуман. Но Умаксуман во главе наших воинов охраняет северную стену.

Куда девалась ее шаловливость, ее беззаботная милая дерзость? Она была серьезной и кроткой. И вдруг он ясно вспомнил маленькую девочку, единственного ребенка во всех летних угодьях, дочь Шакатани, летнерожденную.

— Так, значит, ты жена альтеррана? — сказал он, и эта мысль, заслоняя образ непослушной смеющейся девочки, снова сбила его, и он не услышал ее ответа.

— Почему мы все не уйдем из Города на остров, раз его нельзя взять?

— Не хватит воды, Старейший. Гаали войдут сюда, и мы все умрем на скале.

За крышами Дома Лиги виднелась полоса виадука. Был прилив, и волны поблескивали за черной крепостью на острове.

— Дом, построенный над морской водой, — не жилище для людей, — сказал он угрюмо. — Он слишком близко к стране под морем... Теперь слушай! Я хотел сказать Арилии... Агату. Погоди. Я забыл, о чем. Я не слышу своих мыслей... — Он напряг память, но она оставалась пустой. — Ну, пусть так. Мысли стариков подобны пыли. Прощай, дочь.

Он пошел, тяжело ступая, волоча ноги, через площадь к Тэатору, а там велел молодым матерям собрать детей и идти с ним. Потом он повел свой последний отряд — кучку перепуганных женщин с малышами и трех мужчин помоложе, которых выбрал сопровождать их, — по высокому воздушному пути, где кружилась голова, к черному страшному жилищу.

Там было холодно и тихо. Под сводами высоких комнат перекатывались отголоски плеска и шипения волн на камнях внизу. Его люди сгрудились все вместе в одной огромной комнате. Он пожалел, что с ним нет старой Керли — она была бы надежной помощницей. Но она лежит мертвая в Теваре или в лесу. Наконец две женщины похрабрее заставили остальных взяться за дело. Они нашли зерно, чтобы смолоть его для бхановой каши, и воду, чтобы варить кашу, и дрова, чтобы вскипятить воду. Когда под охраной десяти мужчин пришли женщины и дети дальнерожденных, теварцы могли угостить их горячей едой. В крепости теперь собралось не меньше шестисот человек, и она уже не была пустой: под

сводами перекликались голоса и всюду копошились малыши, словно на женской половине Родового Дома в Зимнем Городе. Но за узкими окнами, за прозрачным камнем, который не допускал внутрь ветра, далеко-далеко внизу среди камней вскипали волны, дымясь на ветру.

Ветер повернул, грязная полоса в небе на севере разошлась туманом, и вокруг маленького бледного солнца повис большой белый круг — снежный круг. Вот оно! Вот что он хотел сказать Агату. Выпадет снег. Не шепотка соли, как в прошлый раз, а снег, настоящий зимний снег. Метель... Слово, которого он так долго не слышал и не произносил, вызвало у него странное чувство. Значит, чтобы умереть, он должен вернуться в унылые однообразные просторы своего детства, он должен вновь вступить в белый мир снежных бурь.

Он все еще стоял у окна, но уже не видел волн, шумящих внизу. Он вспоминал Зиму. Много толку будет гаалям от того, что они захватили Тевар и, может быть, захватят Космопор! Сегодня и завтра они будут обжираться мясом ханн и зерном. Но далеко ли они уйдут, когда повалит снег? Истинный снег, метель с ледяным ветром, которая жнет леса и сравнивает долины с холмами? Как они побегут, когда на всех дорогах их настигнет этот враг! Слишком долго они задержались на севере! Вольд вдруг хрюпло засмеялся и отошел от темнеющего окна. Он пережил свое время, своих сыновей, он больше не вождь, от него нет никакой пользы, и он должен умереть здесь, на скале среди моря. Но у него есть великие союзники и великие воины служат ему — они сильнее Агата, сильнее всех людей. Метель и Зима вступают в битву на его стороне, и он переживет своих врагов.

Грузно ступая, он подошел к очагу, развязал мешочек с гезином, бросил крошку на угли и трижды глубоко вдохнул. А потом взревел:

— Эй, женщины! Готова каша?

Они послушно подали ему плетенку, и он ел и был доволен.

Глава 11

ОСАДА ГОРОДА

В первый день осады Ролери послали к тем, кто носил воинам на стенах и крышах запасы копий — длинные, почти неотделанные стебли хольна, тяжелые, с грубо заостренным концом. Метко брошенное, такое копье убивало, но и из неопытных рук грац таких копий отгонял гаалей, которые пы-

тались приставить лестницу к стене у Лесных Ворот. Она втаскивала бесчисленные связки этих копий по бесконечным ступенькам, на других ступеньках брала их у женщины, стоявшей ниже, и передавала наверх, бежала с ними по улицам, где гулял ветер, и ее ладони и теперь еще горели от тонких, как волоски, колючих заноз. Но сегодня она с рассвета таскала камни для катапулей — похожих на огромные пращи камнеметов, которые были установлены у Лесных Ворот. Стоило галям подтащить свои тараны, как на них обрушивались тяжелые камни, и они разбегались. Но чтобы кормить катапули, нужно было очень много камней. Мальчики на ближайших улицах выворачивали тесаные каменные бруски, а она и еще семь женщин укладывали их по десять штук в небольшой круглоногий ларец и тащили воинам — восемь женщин, впряженные в веревочную сбрую. Тяжелый ларец с каменным грузом не хотел свигаться с места, но они налегали на веревки все вместе, и вдруг его круглые ноги поворачивались. Грохоча и дергаясь, он полз за ними вверх по склону. Они ни на миг не ослабляли усилий, пока не добирались до ворот и не вываливали камни. Тогда они переводили дух, отбрасывали прилипшие к глазам волосы и тащили пустой подпрыгивающий ларец за новым грузом. Снова и снова, и так все утро. Камни и веревки до крови ободрали жесткие ладони Ролери. Она оторвала два широких лоскута от своей тонкой кожаной юбки и примотала их ремешками от сандалий к рукам. Работать стало легче, и другие женщины сделали то же.

— А жалко, что вы не помните, как делать эробили! — крикнула она Сейко Эсмит, когда они бежали вниз по улице, а за ними громыхала неуклюжая повозка.

Сейко не ответила — может быть, она не услышала. Среди дальнерожденных не было слабых духом, и Сейко не щадила себя, но напряжение и усталость сказывались на ней все больше: она двигалась словно во сне. Один раз, когда они возвращались к воротам, гаали начали кидать через стену горящие копья — повсюду на камнях улицы и на черепичных крышах задымились их тлеющие древки. Сейко забилась в постройках, точно попавший в ловушку зверек, пригибаясь и шарахаясь от летящих над головой огненных палок.

— Они погаснут, этот город не загорится, — мягко сказала Ролери, но Сейко, повернув к ней невидящее лицо, проговорила:

— Я боюсь огня, я боюсь огня...

Однако, когда молодому арбалетчику на стене попал в

лицо камень из гаальской пращи и он, не удержавшись на узком выступе, сорвался и ударился о землю прямо перед ними, сбив с ног двух женщин в их упряжке и забрызгав им юбки кровью и мозгом, это Сейко бросилась к нему, это она положила разбитую голову себе на колени и прошептала слова прощания.

— Он твой родич? — спросила Ролери, когда Сейко снова впряглась в повозку и они потащили камни дальше.

Дальнерожденная женщина ответила:

— Мы в Городе все родичи. Это был Джокенеди Ли — самый молодой в Совете.

Молодой борец на арене в углу большой площади, сияющий от пота и торжества, сказавший ей, что в его городе она может ходить, где хочет. Первый дальнерожденный, который заговорил с ней.

Джакоба Агата она не видела с позапрошлой ночи, потому что у всех, кто остался в Космопоре, у каждого дальнерожденного и у каждого человека были свои обязанности и свое место, а место Агата — руководителя пятнадцати сотен защитников города, осажденного пятнадцатью тысячами врагов, — было повсюду. Мало-помалу усталость и голод высасывали ее силы, и ей начало чудиться, будто он тоже лежит распростертый на залитых кровью камнях там, где гаали нападали особенно упорно — у Морских Ворот над обрывом.

Женщины остановились: веселый мальчишка привез им на круглоногой повозке хлеб и сушеные плоды, а маленькая очень серьезная девочка, тащившая на плечах кожаный мешок с водой, дала им напиться. Ролери ободрилась. Она была уверена, что они все умрут — разве не смотрела она с крыши на холмы, покривевшие от воинов врага? Их столько, что и не сосчитать, а осада едва началась... Но Агата не могут убить, в этом она была уверена еще больше. А раз он будет жить, то будет жить и она. Как смерти осилить его? Ведь он жизнь — ее жизнь. Она сидела на камне и с удовольствием грызла черствый хлеб. Вокруг нее на расстоянии броска копья со всех сторон смыкались ужас, пытки, надругательства, но она сидела и спокойно жевала хлеб. Пока они дают отпор, вкладывая в него все свои силы, все свое сердце, они хотя бы одерживают победу над страхом.

Но скоро все стало очень плохо. Они тянули свой груз к воротам, и внезапно грохот повозки и все звуки вокруг утонули в оглушительном реве по ту сторону ворот — в гуле, точно при землетрясении, таком глубоком и могучем, что его слушали все кости, а не только уши. И створки ворот под-

прыгнули на железных петлях, затряслись... Тут она на миг увидела Агата: он бежал во главе отряда лучников и метателей дротиков с того конца города и на бегу выкрикивал распоряжения тем, кто стоял на стенах.

Женщинам было велено укрыться на улицах ближе к площади, и они рассыпались в разные стороны. «Гу-у-у, гу-у-у, гу-у-у!» — ревел голос бесчисленных множеств у Лесных Ворот. Этот гул был таким грозным, что, казалось, волят холмы, и вот-вот они выпрямятся и сбросят город с утесов в море. Ветер был ледяным. Те, с кем она возила камни, ушли, все запуталось, смешалось... У нее не было никакой работы. Начало темнеть. А день ведь еще не состарился, еще не наступило время ночи. И вдруг она поняла, что действительно скоро умрет, поверила в свою смерть. Застыв на месте, она беззвучно закричала — между высокими пустыми домами, на пустой улице.

В боковом проходе мальчики выворачивали камни и тащили их туда, где улица впадала в главную площадь. Там строили баррикаду перед внутренними воротами. Такие же баррикады росли и на остальных трех улицах. Она начала помогать мальчикам — чтобы согреться, чтобы что-то делать. Они трудились молча — пять-шесть мальчиков, выполнивших почти непосильную для них работу.

— Снег, — сказал один, остановившись рядом с ней.

Она отвела взгляд от камня, который шаг за шагом толкала перед собой, и увидела, что в воздухе кружат белые хлопья, с каждым мгновением становясь все гуще. Остальные мальчики тоже остановились. Ветер больше не дул. Умолк и чудовищный голос у ворот. Снег и темнота пришли вместе и принесли тишину.

— Только поглядите! — ахнул кто-то из мальчиков.

Дальний конец улицы вдруг исчез. Слабое желтоватое сияние было светом в окнах Дома Лиги в сотне шагов от них.

— У нас будет вся Зима, чтобы глядеть на него, — отозвался другой. — Если только мы доживем. Пошли! В Доме уже, наверное, подают ужин.

— Ты идешь? — спросил младший у Ролери.

— Мои люди едят не там, а... в Тэаторе.

— Нет, мы все едим в Доме Лиги, чтобы меньше было возни. Пошли!

Мальчики держались застенчиво, грубовато, по-товарищески. И она пошла с ними.

Ночь наступила рано, день наступил поздно. Она проснулась в доме Агата и увидела серый свет на серых стенах,

полоски муты, сочащиеся сквозь щели ставней, которые закрывали стеклянные окна. Кругом стояла тишина, полная тишины. И в доме и снаружи не раздавалось ни единого звука. Откуда такая тишина в осажденном городе? Но осада и гаали словно отодвинулись куда-то далеко, оттесненные этим непонятным утренним безмолвием. Тут было тепло и рядом лежал Агат, погруженный в сон. Она боялась пошевельнуться.

Стук внизу, частые удары в дверь, голоса. Очарование развеялось, лучшее мгновение кончилось. Они зовут Агата. Она разбудила его — это оказалось совсем не легко. Наконец, все еще ослепленный сном, он встал и открыл ставень, впустив в комнату дневной свет.

Третий день осады, первый день метели. Улицы были укрыты глубоким снегом, а он все падал. Иногда густые хлопья опускались спокойно и плавно, но чаще их кружил, бросал и гнал резкий северный ветер. Все было приглушено и преображенено снегом. Холмы, лес, поля и луга — все исчезло. Даже небо. Соседние крыши растворились в белизне. Виден был только снег, лежащий и падающий, а дальше не было видно ничего.

На западе вода отступала, откатывалась в бесшумную метель. Виадук изгибался и уходил в ничто. Риф исчез. Ни неба, ни моря. Снег летел на темные утесы, засыпал пляж.

Агат закрыл ставни, опустил крючок и повернулся к ней. Его лицо все еще не утратило сонного спокойствия, голос был хриплым.

— Они не могли уйти, — пробормотал он.

Потому что с улицы ему кричали:

— Гаали ушли! Они сняли лагерь, они бегут на юг...

Как знать? Со стен Космопора были видны только вихри снежных хлопьев. Но не стоят ли чуть дальше за этой завесой тысячи шатров, разбитых, чтобы переждать метель? А может быть, там ничего нет... Со стен на веревках спустились разведчики. Троє вернулись и сказали, что поднялись по склону до леса и не нашли гаалей, однако дальше идти не решились, потому что в двухстах шагах даже города не было видно. Один не вернулся. Захвачен или заблудился?

Совет собрался в библиотеке Дома Лиги. И туда, как обычно, пришли все, кто хотел, — для того, чтобы слушать или принять участие в обсуждении. В Совете теперь осталось восемь человек вместо десяти. Смерть настигла Джокенеди Ли и Гариса, самого молодого и самого старого. На заседа-

ние пришли семеро: Пилотсон нес стражу на стенах. Однако комнату заполнили безмолвные слушатели.

— Они не ушли... Но они не рядом с городом... Кроме... кроме некоторых...

Элла Пасфаль говорила хрипло, на горле у нее билась жилка, лицо стало глинисто-серым. Ей лучше всех дальне-рожденных удавалось «слушать мысли», как они это называли. Она была способна улавливать человеческие мысли на очень далеком расстоянии, непосильном для других, и могла слушать их незаметно для того, кто думал.

«Это запрещено!» — сказал Агат так давно... неделю назад? И теперь он говорил против того, чтобы таким образом узнать, ушли ли гаали от Космопора или нет.

— Мы ни разу не нарушили этого закона, — сказал он теперь. — Ни разу за все время Изгнания! — И еще он сказал: — Мы узнаем, где гаали, как только кончится метель. А пока удвоим стражу на стенах.

Но остальные с ним не согласились и поставили на свое. Увидев, что он отступил, смирился с их решением, Ролери растерялась и расстроилась. Он попытался объяснить ей, почему должен был согласиться. Он сказал, что он не Глава Города и не Глава Совета, что десятерых альтерранов выбирают на время и они управляют все вместе, как равные. Но Ролери не могла этого понять. Либо он главный среди них, либо нет. А если нет, то их всех ждет гибель.

Старуха задергалась в судорогах, глядя перед собой невидящими глазами, и попыталась объяснить словами смутные необъяснимые проблески чужого сознания, мыслящего на неизвестном языке, выразить краткое неясное ощущение чего-то, чего касались чужие руки.

— ...Я держу... я держу... к-канат... в-веревку, — произнесла она, запинаясь.

Ролери вздрогнула от страха и отвращения. Агат отвернулся от Эллы, замкнувшись в себе.

Наконец Элла замерла и долго сидела, опустив голову.

Сейко Эсмит налила церемониальную чашку ча для семи членов Совета и для Ролери. Каждый, едва коснувшись напитка губами, передавал ее соседу, а тот — своему соседу, пока она не опустела. Взяв чашку у Агата, Ролери несколько мгновений изумленно рассматривала ее, прежде чем сделать глоток. Нежно-синяя, тонкая, как цветочный лепесток, она пропускала свет, точно драгоценный камень.

— Гаали ушли, — сказала вслух Элла Пасфаль, поднимая измученное лицо. — Они движутся сейчас по какой-то доли-

не между двумя грядами холмов. Это воспринялось очень четко.

— Гилнская долина, — пробормотал кто-то. Милях в десяти за Болотами.

— Они бегут от Зимы. Стены Города в безопасности.

— Но закон нарушен, — сказал Агат, и его охрипший голос заглушил оживленные радостные возгласы. — Стены всегда можно восстановить. Ну, увидим...

Ролери спустилась с ним по лестнице в обширный Зал Собраний, заставленный длинными столами и скамейками, потому что общая столовая помещалась теперь здесь, под золотыми часами и хрустальными шариками планет, обращающихся вокруг своих солнц.

— Пойдем домой, — сказал он, и, надев длинные меховые куртки с капюшонами, которые всем выдавали со склада в подвале Общинного Дома, они вышли на Площадь, на встречу слепящему ветру.

Но не прошли они и десяти шагов, как из валявшихся хлопьев выскоцила нелепая белая фигура, вся в красных разводах, и закричала:

— Морские Ворота! Они ворвались в Морские Ворота!

Агат взглянул на Ролери и скрылся за снежной завесой. И почти сразу с башни вверху донеслись гулкие удары металла о металл, только чуть приглушенные снегом. Эти могучие звуки они называли «колоколом», и еще перед осадой все выучили сигналы. Четыре удара, пять ударов и тишина, потом снова пять ударов, и снова, и снова: все воины к Морским Воротам, к Морским Воротам.

Ролери едва успела оттащить вестника с дороги под аркадами Дома Лиги, как из дверей начали выбегать мужчины, без курток, натягивая куртки на бегу, с оружием и без оружия. Они ныряли в крутящийся снег и исчезали из виду, не успев пересечь Площадь.

Больше из дверей никто не появлялся. Со стороны Морских Ворот сквозь вой ветра доносился шум, но в этом снежном мире он казался очень далеким. Она стояла под аркой, поддерживая вестника. Из глубокой раны у него на шее текла и текла кровь. Он упал бы, если бы она его отпустила. Его лицо было ей знакомо — альтерран, которого зовут Пилотсон, и она повела его к двери, называя по имени, чтобы он пришел в себя. А он пошатывался от слабости и бормотал, словно еще не сообщил своей вести:

— Они ворвались в Морские Ворота, они в стенах города...

ОСАДА ПЛОЩАДИ

Высокие узкие створки Морских Ворот гулко захлопнулись, лязгнули засовы. Битва в снежных вихрях кончилась. Но защитники города оглянулись и сквозь сыплющиеся хлопья увидели на улице, за сугробами в красных пятнах, убегающие тени.

Подняв своих раненых и убитых, они поспешили вернуться на Площадь. В такой буран было бессмысленно высматривать осадные лестницы. На стене уже в десяти шагах все сливалось в непроницаемую муть. Гаальский воин, а может быть, и не один, проскользнул в город под самым носом у часовых и открыл Морские Ворота. Нападение удалось отбить, но в любую минуту в любом месте гаали могли начать новый штурм, бросившись на стены всем скопом.

— Я думаю, — сказал Умаксуман, шагая рядом с Агатом к баррикаде между Тэатором и Колледжем, — я думаю, что гаали почти все ушли сегодня на юг.

Агат кивнул.

— Да, конечно. Если они задержатся, то переруют от города. Остался только отряд, чтобы занять город, прикончить нас и жить на наших запасах до Весны. Сколько их, как ты полагаешь?

— Там, у ворот, было не больше тысячи, — с сомнением в голосе произнес теварец. — Но могло остаться больше. И если они перебрались через стены... Смотри! — Умаксуман указал на неясную фигуру, которая быстро метнулась в сторону, когда снежная завеса дальше по улице на мгновение раздвинулась. — Ты туда! — буркнул он и бросился налево.

Агат обошел квартал справа и встретился с Умаксуманом у следующего угла.

— Неудача, — сказал он.

— Удача! — коротко ответил теварец и взмахнул гаальским топором с костяной инкрустацией, которого минуту назад у него не было.

В снежном хаосе у них над головой плыл низкий мелодичный звон колокола на башне Дома Лиги — бом, бом-бом, бом, бом-бом, бом... Уходите на Площадь, на Площадь... Все кто дрался у Морских Ворот, кто нес дозор на стенах и у Лесных Ворот, кто спал у себя дома или пытался следить за врагом с крыш, пришли или еще шли в сердце Города, на Площадь, огороженную четырьмя высокими зданиями. Одного

за другим их пропускали за баррикады. Умаксуман и Агат тоже, наконец, направились туда. Было бы безумием медлить на опустевших улицах, где прятались неясные тени.

— Идем же, альтерран! — настойчиво сказал теварец, и Агат неохотно внял голосу здравого смысла. Так мучительно было оставлять свой город врасу!

Ветер тем временем стих. И порой в странном безмолвии, полном сложного сплетения звуков, люди на Площади улавливали звон бьющегося стекла, удары тонора по двери где-то на улицах, уводивших за завесу метели. Многие дома были оставлены незапертными, и грабители могли проникнуть в них без всякого труда, но их не ждало там ничего, кроме защиты от снега и ветра. Все съестные припасы до последней крошки были сданы в общий фонд в Доме Лиги еще неделю назад. В прошлую ночь вода и природный газ были отключены во всех домах, кроме четырех зданий на Площади. Фонтаны Космопорта больше не били, и на кольца сосулек легли высокие снежные шапки. Склады и зернохранилища помешались глубоко под землей, в подвалах и погребах, много лет назад сооруженных под Общинным Домом и Домом Лиги. Остальные дома в городе стояли пустые, холодные, темные, покинутые, ничего не суля врагам.

— Нашего стада им хватит на целый лунокруг. И корм не понадобится: они зарежут всех ханн, а мясо провялят... — Дермат, член Совета, прямо на пороге Дома Лиги обрушил на Агата панические упреки.

— Пусть прежде их поймают! — буркнул Агат.

— О чём ты?

— О том, что несколько минут назад, перед тем как уйти от Морских Ворот, мы открыли хлева и выпустили ханн. Со мной был Паул Пастух, и он проецировал панический страх. Они бросились врассыпную как ошпаренные, и буран замёл их следы.

— Ты выпустил ханн? Все стадо? А как же мы проживем Зиму? Если гаали уйдут?

— Неужто сигнал паники, который Паул проецировал на ханн, действовал и на тебя, Дермат? — вспыхнул Агат. — По-твоему, мы не сумеем собрать собственный скот? Ну, а наши запасы зерна? Охота? Сугробники, наконец? Да что с тобой, черт побери?

— Джакоб! — тихо сказала Сейко Эсмит, становясь между ними.

Он осознал, что кричит на Дермата, и с усилием взял себя в руки. Но у кого хватит сил, вернувшись после кровав-

вого боя, уговаривать пожилого мужчину, вдруг закатившего истерику? У него отчаянно болела голова. Рана над виском, которую он получил во время одного из налетов на стоянки гаалей, все еще ныла, хотя ей давно было пора затянуться. Из схватки у Морских Ворот он вышел невредимым, но на нем запеклась кровь других людей.

В высокие окна библиотеки, ставни которых были открыты, мягко били снежные хлопья. Наступил полдень, ноказалось, что уже смеркается. Внизу была Площадь, защищенная баррикадами с будильными часовыми, а дальше — покинутые дома, оставленные воинами стены. Город снега и теней.

Этот день, день отступления во Внутренний Город и четвертый день осады, они провели за баррикадами, однако ночью, когда метель на время поутихла, по крышам Колледжа наружу выбрасывались разведчики. К рассвету метель снова разыгралась — а может быть, почти сразу за первым налетел второй буран, — и под прикрытием снегопада и стужи не только мужчины, но и мальчики Космопора начали партизанскую войну на улицах родного города. Они уходили по двое и по троє, крались по улицам, крышам, комнатам — тени среди теней. Они пускали в ход ножи, отправленные дротики, бола. Они врывались в собственные дома и убивали укрывшихся там гаалей — или гаали убивали их.

Агат, который не знал страха высоты, особенно ловко играл в эту игру на крыши. Занесенная снегом черепица стала коварно скользкой, но оттуда легче всего было поражать гаалей дротиками, и он не мог противостоять соблазну, тем более что другие такие же забавы — прятки и салочки на улицах, жмурки в домах — обещали ровно столько же шансов уцелеть или погибнуть.

Шестой день осады, четвертый день бурана: в этот день хлопья сменились снежной крупой — мелкой, редкой, летевшей по ветру горизонтально. Термометры в подвале Общинного Дома, где помещался архив, а теперь был устроен госпиталь, показывали, что температура снаружи равна минус четырем градусам, а анемометр регистрировал порывы ветра со скоростью до шестидесяти миль в час. На улицах творилось что-то ужасное: ветер швырял ледяную крупу в лицо, точно горсти песка, бросал ее в разбитые окна, ставни которых пошли на костры, волнами гнал по расщепленным половам. Если не считать четырех зданий вокруг Площади, в городе не было ни тепла, ни пищи. Гаали пережидали буран, забившись в пустые комнаты, и прямо на полу жгли ковры,

разломанные двери, ставни, шкафы. Есть им было нечего — все запасы забрала Откочевка. Они ждали, чтобы погода переменилась — тогда можно будет охотиться, а покончив с защитниками Города, благоденствовать на его зимних запасах. Но пока буран не стихал, осаждающие голодали.

Они заняли виадук, хотя пользы им от него не было никакой. Дозорные на Башне Лиги наблюдали их единственную нерешительную попытку захватить Риф — град копий и поднятый подъемный мост сразу же положили ей конец. На песок под обрывом они спускаться не решались: по-видимому, зрелище мчащейся к берегу приливной волны внушило им ужас, а о том, когда ее следует ожидать, они не имели никакого представления, так как пришли сюда из внутренних областей материка. Значит, за Риф можно было не опасаться, и тем, кто особенно хорошо владел параречью, удавалось вступать со своими близкими на острове в достаточно тесный контакт для того, чтобы узнать, что там все идет хорошо и любящие отцы могут не волноваться: все дети здоровы. Да, Рифу ничто не грозило. Но в город враги ворвались и заняли его. Более ста его защитников уже убиты, а остальные заперты в четырех домах, как в ловушке. Город снега, теней и крови.

Джакоб Агат, скорчившись, сидел в комнате с серыми стенами. Она была пуста, только на полу валялись присыпанные снегом обрывки войлочного ковра и битое стекло. Дом был погружен в мертвую тишину. Вон там, под окном, раньше лежал тюфяк... Ролери разбудила его на рассвете в тот единственный раз, когда они вместе ночевали в его доме, где он сейчас прячется, точно чужой. С горькой нежностью он прошептал ее имя. Когда-то... так давно, так давно — дней двенадцать назад — он сказал, что не может жить без нее, а сейчас у него ни днем, ни ночью не выпадало минуты, чтобы даже вспомнить о ней. «Ну, так я буду думать о ней сейчас, дай мне хотя бы думать о ней!» — яростно бросил он глухой тишине, но подумал только, что они родились не в ту пору, в неподложенный срок. Нельзя начинать любить, когда приходит время смерти.

Ветер заунывно свистел в разбитых стеклах. Агата пробрала дрожь. Весь день ему было то жарко, то холодно. Термометр продолжал опускаться, и у тех, кто отправился на вылазки по крышам, кожа теряла чувствительность, покрывалась болячками — старики называли это «обмораживанием». Двигаясь, он чувствовал себя лучше. А думать не надо — что толку. По привычке он направился к двери, но тут же спохватился и на цыпочках подошел к окну, через которое

влез в комнату. На первом этаже соседнего дома обосновались гаали. Сверху Агату была видна спина одного из них, мускулистая согнутая шея, очень белая под грязью. И волосы у них были светлые, только вымазанные какой-то темной смолой. Странно, что, в сущности, он не знает, как выглядят его враги. Мечешь издалека дротик, наносишь удар и убегаешь или, как в схватке у Морских Ворот, дерешься врукопашную, еле успевая наносить и отражать удары, — тут уж никогда разглядывать. А какие у них глаза? Тоже коричневые или золотистые, как у тварцев? Нет, как будто серые... Но сейчас не время выяснять это. Он вспрыгнул на подоконник, подтянулся на карниз и ушел из своего дома по крыше.

На обычном пути к Площади его ждала засада — гаали тоже начали выбираться на крыши. Он быстро ускользнул от всех преследователей, кроме одного. Но этот, сжимая в руке духовую трубку, следом за ним перемахнул через широкий провал между домами, который остановил остальных. Агату пришлось спрыгнуть в боковой проход. Он упал, вскочил и кинулся по улице Эсмит к баррикаде. Дозорный высматривал появление таких беглецов и сразу сбросил веревочную лестницу. Агат взлетел по ней наверх, но уже на баррикаде сму в правую руку впился дротик. Он спрыгнул за баррикаду, вырвал дротик, высосал ранку и сплюнул. Гаали не отравляли своих дротиков и стрел, но они подбирали и снова использовали дротики космопорцев, в том числе и отравленные. Наглядная демонстрация одной из причин установления Закона о культурном эмбарго. Агат пережил очень скверные две минуты, ожидая, что вот-вот начнутся судороги, потом решил, что ему повезло, и тут же глубокая ранка над запястьем заболела очень сильно. Сможет ли он теперь стрелять как следует?

В Зале Собраний под золотыми часами раздавали обед. Он ничего не ел с рассвета и изнывал от голода, пока не сел за стол с тарелкой горячей бханы и солонины. Тут он почувствовал, что не может проглотить ни куска. Разговаривать ему тоже не хотелось, но это было все-таки лучше, чем есть, и он отвечал на вопросы тех, кто собрался вокруг него, и сам спрашивал их. Затем на башне над их головой раздался набат — еще один штурм.

Как обычно, гаали бросались то на одну баррикаду, то на другую, и, как обычно, без особого толку. Вести настоящий штурм в такую непогоду было невозможно. И эти короткие налеты в сумерках они устраивали только в надежде, что хотя бы одному-двум воинам удастся проникнуть за баррикаду,

воспользовавшись тем, что внимание ее защитников отвлечено, перебежать через Площадь и открыть выходящие на улицу массивные чугунные двери Общинного Дома. С наступлением темноты нападавшие отступили, и вскоре лучники, стрелявшие из окон верхнего этажа Колледжа и Общинного Дома, крикнули, что на улицах вокруг никого нет. Как обычно, двое-трое защитников баррикады были ранены или убиты — пущенная снизу стрела достала арбалетчика в верхнем окне, мальчик, который взобрался на самый верх баррикады, чтобы точнее попадать в цель, был тяжело ранен в живот копьем с железным наконечником, остальные отделались царапинами и синяками. Каждый день число раненых и убитых увеличивалось, и все меньше оставалось тех, кто охранял баррикады и сражался. Слишком их было мало даже для малых потерь...

Когда Агат вернулся с баррикады, ему опять было жарко и его знобило. Почти все, кого набат оторвал от обеда, вернулись за свои столы, но Агату даже запах еды вдруг стал противен, и, заметив, что ранка на запястье снова начала кровоточить, он воспользовался этим предлогом, чтобы уйти и спуститься в подвал Общинного Дома — пусть костоправ забинтует ее как следует.

В этом огромном зале с низким потолком всегда поддерживалась одна и та же температура, и круглые сутки он освещался мягким ровным светом. Отличное помещение, чтобы хранить старинные инструменты, карты и папки с документами — и отличное помещение для раненых. Они лежали на туфяхах, разостленных поверх войлочного ковра. Крохотные островки сна и боли среди глубокой тишины длинного зала. И он увидел, что надежда его не обманула и между ними навстречу ему идет его жена. Он смотрел на нее — живую, реальную — и не испытывал той горькой нежности, которую вызывали в нем мысли о ней, а просто радовался.

— Здравствуй, Ролери, — буркнул он и, сразу отвернувшись от нее к Сейко и костоправу Воттоку, спросил, как себя чувствует Гуру Пилотсон. Он не знал, что делать с переполнявшим его восторгом, и не мог ни заглушить его, ни справиться с ним.

— Его рана пухнет, — шепотом сказал Вотток, и Агат удивленно посмотрел на него, не сразу сообразив, что он говорил о Пилотсоне.

— Пухнет? — повторил он с недоумением и, подойдя к туфяку Пилотсона, опустился рядом с ним на колени.

Глаза Пилотсона были устремлены прямо на него.

— Ну, как дела, Гуру?

— Ты совершил опасную ошибку, — сказал раненый.

Они знали друг друга с рождения и были друзьями всю жизнь. Агат сразу понял, о чем думает Пилотсон — о его женитьбе. Но он не нашелся, что ответить.

— Ну, какая разница... — начал он наконец и тут же умолк. Нет, он не станет оправдываться.

— Мало, слишком мало, — сказал Пилотсон.

И только тут Агат понял, что сознание его друга помрачено.

— Все хорошо, Гуру! — сказал он с такой властной твердостью, что Пилотсон глубоко вздохнул и закрыл глаза, словно эти слова его успокоили. Агат встал и вернулся к Воттку. — Перевяжи мне, пожалуйста, руку, чтобы остановилась кровь. А что с Пилотсоном?

Ролери принесла полоску ткани и пластырь. Вотток быстро и ловко забинтовал руку Агата и ответил на его вопрос:

— Я не знаю, альтерран. По-видимому, гаали пользуются ядами, которых наши противоядия ненейтрализуют. Я перепробовал их все. И Гуру Пилотсон не один стал их жертвой. Вот погляди на этого мальчика. С ним то же самое.

Мальчик, которому не минуло и пятнадцати лунокругов, стонал и метался точно в кошмаре. В одной из уличных вылазок его ранили колпнем в бедро. Кровь давно остановили, однако под кожей от раны тянулись багровые полосы, а сама она выглядела странно и была очень горячей на ощупь.

— Ты перепробовал все противоядия? — повторил Агат, отводя глаза от искаженного мальчишеского лица.

— Все до единого. А помнишь, альтерран, как в начале Осени ты загнал на дерево клойса и он тебя исцарапал? Эти царапины были похожи на его рану. Может быть, гаали изготавливают яд из крови или желез клойсов. И его рана заживет, как твои царапины. Да, вот шрам... — Вотток повернулся к Сейко и Ролери и объяснил: — Когда он был не старше этого мальчика, он залез на дерево за клойсом, а тот зацепил его когтями. Ранки были пустяковые, но они распухли, рука стала горячей, и он очень плохо себя чувствовал. Однако через несколько дней все зажило.

— Эта рана не заживет, — тихо сказала Ролери Агату.

— Почему ты так думаешь?

— Раньше я... иногда ходила со знахаркой нашего клана. И кое-чему научилась... Полоски у него на ноге... такие полоски называются тропами смерти.

— Значит, ты знаешь этот яд, Ролери?

— Это не яд. Так может случиться с каждой глубокой

раной. И даже с самой маленькой, если кровь не течет, а в нее попала грязь. Огонь, зажженный оружием!

— Северные выдумки! — гневно перебил старый врач.

— Оружие не зажигает в нас огня, Ролери, — объяснил Агат, бережным движением отводя ее от рассерженного старика. — Мы не...

— Но ведь он горит и в мальчике, и в Пилотсоне! И погляди сюда...

Она повела его к тюфяку, на котором сидел раненый тварец, добродушный пожилой человек. Он охотно позволил Агату осмотреть под волосами место, где было его ухо, которое отрубил гаальский топор. Рана подживала, но она распухла, была горячей и из нее что-то сочилось.

Агат машинально прижал ладонь к виску, к собственной ноющей ране, которую не удосужился даже перевязать.

К ним подошел Вотток. Свирепо поглядев на ни в чем не повинного тварца, он сказал:

— Местные врасу называют «огнем от оружия» инфекции, возникающие, когда в кровь попадают микроорганизмы. Ты изучал это в школе, Джакоб. Поскольку люди иммунны к местным бактериям и вирусам, нам опасны только повреждения жизненно важных органов, большая потеря крови или химические яды, но от них у нас есть противоядия...

— Но ведь мальчик умирает, Старейшина, — перебила Ролери с мягким упорством. — Рану зашили, не промыв...

Старый врач задохнулся от бешенства.

— Иди к своим сородичам и не уничи меня, как надо лечить людей...

— Довольно! — сказал Агат.

Наступило молчание.

— Ролери! — сказал Агат. — Если ты сейчас здесь не очень нужна, то, может, мы могли бы пойти... — он чуть было не сказал «пойти домой», — ...поесть чего-нибудь, — закончил он растерянно.

Она еще не обедала, и, сидя рядом с ней в Зале Собраний, он тоже съел несколько ложек. Потом они надели куртки и через неосвещенную Площадь, где завывал ветер, пошли к зданию Колледжа. Там они ночевали в классной комнате вместе с двумя другими парами. Большие спальни в Общинном Доме были удобнее, но почти все супружеские пары, если только жена не ушла на Риф, устроились в Колледже, предпочитая хотя бы такое подобие уединения. Одна женщина, укрывшись курткой, уже крепко спала за сдвинутыми

партами. К разбитым окнам для защиты от дротиков, стрел и ветра были придвинуты поставленные на ребро столы. Агат и его жена постелили куртки на голый пол. Но Ролери не позволила ему сразу уснуть: она зачерпнула с подоконника чистый снег и промыла им раны у него на голове и руке. Ему было больно, и он, обессиленный усталостью, раздраженно потребовал, чтобы она перестала, но она ответила:

— Ты — альтерран, ты не болеешь, но от этого не будет вреда. Никакого вреда от этого не будет.

Глава 13

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В холодном мраке пыльной комнаты Агат в бредовом сне иногда начинал говорить вслух, а потом, когда она заснула, он позвал ее из глубины собственного сна, через черную бездну, повторяя ее имя и словно уходя все дальше и дальше. Его голос ворвался в ее дремоту, и она проснулась. Было еще темно.

Утро наступило рано: по краям заслонявших окна столов загорелся серебряный ореол, на потолок легли светлые полосы. Женщина, которая спала, когда они накануне пришли сюда, продолжала спать мертвым сном безмерного утомления, но муж и жена, устроившиеся на одном из столов, чтобы избежать сквозняка, уже проснулись. Агат приподнялся, сел, поглядел по сторонам и хрипло, растерянно сказал:

— Метель кончилась...

Чуть-чуть отодвинув стол, загораживающий ближайшее окно, они выглянули наружу и вновь увидели мир: истоптанный снег на Площади, сугробы, венчающие баррикады, фасады трех величественных зданий справа, слева и напротив, слепо глядящих закрытыми ставнями, заснеженные крыши позади них и кусочек моря. Бело-голубой мир, купающийся в прозрачном свете, — голубые тени в сверкающей белизне повсюду, куда уже достигли лучи раннего солнца.

Этот мир был прекрасен, но они были беззащитны в нем, словно ночью рухнули укрывавшие их стены.

Агат подумал то же, что думала она, так как он сказал:

— Идемте в Дом Лиги, пока еще они не сообразили, что могут спокойно расположиться на крышах и тренироваться на нас в стрельбе по мишеням.

— Можно пользоваться туннелями, соединяющими все здания, — сказал мужчина, спрыгивая со своего стола.

Агат кивнул.

— Мы и будем ими пользоваться, но на баррикады по туннелю не доберешься...

Ролери медлила, пока остальные не ушли, а тогда настояла, чтобы Агат позволил ей еще раз осмотреть рану над виском. Рана выглядела получше... или, во всяком случае, не хуже. На его лице еще не зажили следы ударов ее родичей, а ее руки были все в ссадинах от камней и веревок, в болячках, воспалившихся от холода. Она прижала свои истерзанные руки к его истерзанной голове и засмеялась.

— Мы точно лва старых воина, — сказала она. — Джакоб Агат, когда мы уйдем в страну под морем, твои передние зубы вырастут снова?

Он непонимающе посмотрел на нее и попробовал улыбнуться, но у него ничего не получилось.

— Может быть, когда умирает дальнерожденный, он возвращается на звезды... в другие миры, — сказала она и перестала улыбаться.

— Нет, — ответил он и встал. — Нет, мы остаемся здесь. Ну, так идем, жена моя.

Хотя и солнце, и небо, и снег сияли ослепительным блеском, воздух снаружи стал таким холодным, что было больно дышать. Они торопливо шли к аркаде Дома Лиги, как вдруг позади них раздался шум. Агат схватился за дротикомет, и они обернулись, готовые броситься в сторону. Странная воющая фигура словно взлетела над баррикадой и рухнула вперед головой в снег почти рядом с ними. Гааль! С двумя копьями в груди. Дозорные на баррикаде махали руками и вопили. Арбалетчики торопливо натягивали тетиву своего оружия и, задрав головы, смотрели на восточную стену здания над собой — из-за ставней окна на верхнем этаже выглядел какофон-то человек и что-то кричал им. Мертвый гааль лежал ничком на истоптанном окровавленном снегу в голубой тени баррикады.

Один из дозорных подбежал к Агату.

— Альтерран! Они, наверное, сейчас все кинутся на приступ...

Но его перебил человек, выскочивший из дверей Колледжа:

— Нет! Я видел этого! Этот гнался за ним, оттого он и вопил так...

— Кого ты видел? Он что, бросился на приступ в одиночку?

— Он убегал от этого, спасал свою жизнь. А вы там с баррикады разве его не видели? Неудивительно, что он так вонзил! Весь белый, бежит, как человек, а шея, альтерран... шея вот такая! Выскочил из-за угла следом за ним, а потом повернулся обратно.

— Снежный дьявол, — сказал Агат и посмотрел на Ролери, ища подтверждения. Она кивнула — ведь она не раз слышала рассказ Вольда.

— Белый, и высокий, и голова мотается из стороны в сторону... — Она повторила жутковатую пантомиму Вольда, и человек, который видел зверя из окна, воскликнул:

— Да-да!

Агат взобрался на баррикаду взглянуть, не покажется ли снежный дьявол еще раз. Ролери осталась внизу. Она смотрела на мертвеца. В каком же он был ужасе, что, ища спасения, кинулся на вражеские копья! Она впервые видела гааль так близко — пленных не брали, а она почти все время проводила в подземной комнате, ухаживая за ранеными. Гааль был коротконогий и очень худой. Кожа еще белее, чем у нее, и натерта жиром так, что лоснится. В намазанные смолой волосы вплетены алые перья. Не одежда, а одни лохмотья, кусок войлока вместо куртки. Мертвец лежал, раскинув руки и ноги, как застигла его внезапная смерть, уткнувшись лицом в снег, словно все еще старался спрятаться от белого зверя, который гнался за ним... Ролери неподвижно стояла возле него в холодной светлой тени баррикады.

— Вон он! — закричал над ней Агат со ступенчатой внутренней стороны баррикады, сложенной из тесаных брусков уличной мостовой и камней с береговых утесов.

Он спустился к ней, его глаза блестели. Торопливо шагая рядом с ней к Дому Лиги, он говорил:

— На одну секунду он все-таки показался. Перебежал улицу Отейка. На бегу он мотнул головой в нашу сторону. Они охотятся стаями?

Ролери не знала. Она знала только излюбленный рассказ Вольда о том, как он один убил снежного дьявола среди мифических снегов прошлой Зимой. Они вошли в переполненную столовую, и Агат, сообщив о случившемся, задал тот же вопрос. Умаксуман сказал твердо, что снежные дьяволы часто бегают стаями, но дальнерожденные, конечно, не могли положиться на слова врасу и пошли справиться со своими «Книгами». Книга, которую они принесли в столовую, сказала, что после первого бурана Девятой Зимы были замечены

снежные дьяволы, бежавшие стаей из двенадцати-пятнадцати особей.

— А как говорят книги? У них же нет голоса. Это вроде мысленной речи, вот как ты говоришь со мной?

Агат посмотрел на нее. Они сидели за одним из длинных столов в Зале Собраний и, обжигаясь, пили жидкую травяную суп, который так любят дальнерожденные. Чай — называют они его.

— Нет... А впрочем, да, отчасти. Слушай, Ролери. Я сейчас уйду на баррикаду, а ты возвращайся в госпиталь. Не обращай внимания на воркотню Воттока. Он стар и переутомлен. Но он очень много знает. Если тебе понадобится сходить в другое здание, иди не через Площадь, а по туннелю. Вдобавок к гаальским лучникам еще эти твари... — Он как будто засмеялся. — Что дальше, хотел бы я знать?!

— Джакоб Агат, можно, я спрошу...

За то короткое время, которое она его знала, ей так и не удалось распутать, сколько кусков в его имени и какие она должна употреблять.

— Я слушаю, — сказал он очень серьезно.

— А почему ты не говоришь на мысленной речи с гаалиями? Вели им, чтобы... чтобы они ушли. Как ты велел мне на песках, чтобы я бежала к Рифу. Как ваш пастух велел ханнам...

— Люди ведь не ханны, — ответил он, и ей вдруг пришло в голову, что из них всех только он и ее соплеменников, и своих соплеменников, и гаалей равно называет Людьми.

— Старая... Элла Пасфаль... она же слушала гаалей, когда их большое войско двинулось на юг.

— Да. Люди, обладающие этим даром и умеющие им пользоваться, способны даже на расстоянии слышать чужие мысли так, что тот, кто их думает, ничего не замечает. Ну, как в толпе ощущаешь общий страх или общую радость. Конечно, это много проще, чем слышать мысли, но все-таки есть и общее — отсутствие слов. А мысленная речь и восприятие мысленной речи — это совсем другое. Нетренированный человек, если ему передать, сразу замкнет свое сознание, так и не поняв, что он что-то слышит. Особенно если передается не то, что он сам хочет или во что верит. Обычно те, кто не учился парообщению, обладают полнейшей защитой от него. Собственно говоря, обучение парообщению сводится главным образом к отработке способов разрушать собственную защиту.

— А животные? Ведь они слышат?

— В какой-то степени. Но опять-таки слова здесь отсутствуют. У некоторых людей есть способность проецировать на животных. Очень полезное свойство для охотников и пастухов, ничего не скажешь. Разве ты не слышала, что дальнерожденные — очень удачливые охотники?

— Да. Потому их и называют чародеями. Но, значит, я похожа на ханну? Я слышала тебя.

— Да. И ты передала мне... Один раз в моем доме... Так иногда бывает между двумя людьми — исчезают все барьеры, вся защита. — Он допил свой ча и задумчиво уставился на узор солнца и сверкающих планет на длинной стене напротив. — В таких случаях необходимо, чтобы они любили друг друга. Необходимо... Я не могу проецировать гаалям мой страх, мою ненависть. Они не услышат. Но если бы я начал проецировать их на тебя, то мог бы тебя убить. А ты меня, Ролери...

Тут пришли и сказали, что его ждут на Площади, и он должен был уйти от нее. Она спустилась в госпиталь, чтобы ухаживать за лежащими там теварцами, как ей было поручено, и чтобы помочь раненому дальнерожденному мальчику умереть. Это была тяжелая смерть, и длилась она весь день. Воттк позволил ей сидеть с мальчиком. Убедившись, что все его знания бесполезны, старый врач то угрюмо и горько смирялся с неизбежным, то впадал в ярость.

— Мы, люди, не умираем вашей мерзкой смертью! — крикнул он один раз в бессильной злобе. — Просто у него какой-то врожденный порок крови!

Ей было все равно, что бы он ни говорил. Все равно было и мальчику, который умер в мучениях, сжимая ее руку.

В большой тихий зал приносили новых раненых — по одному, по двое. Только поэтому она знала, что наверху, на снегу, под яркими лучами солнца идет ожесточенный бой. Принесли Умаксумана. Ему в голову попал камень из гаальской пращи, и он лежал без движения, могучий, красивый. Она смотрела на него с тоскливой гордостью — бесстрашный воин, ее брат. Ей казалось, что его смерть близка, но через некоторое время он сел на тюфяке, встряхнул головой и встал.

— Это что еще за место? — спросил он громким голосом, и, отвечая ему, она чуть не засмеялась. Детей Вольда убить нелегко!

Он рассказал ей, что гаали без передышки осаждают четыре баррикады разом, совсем как у Лесных Ворот, когда

они всей толпой ринулись к стенам и лезли на них по плечам друг друга.

— Воины они глупые, — сказал он, потирая большую шишку над ухом. — Если бы у них хватило сидеть на крышах вокруг этой Площади и пускать в нас стрелы, у нас не осталось бы людей, чтобы защищать баррикады. Но они только и умеют, что наваливаться всей ордой и вопить...

Он опять потер шишку, сказал: «Куда дели мое копье?» — и ушел сражаться.

Убитых сюда не приносили, их складывали под навесом на Площади, чтобы потом предать сожжению. Может быть, Агата убили, а она об этом не знает... Каждый раз, когда по ступенькам спускались носильщики с новыми ранеными, в ней вспыхивала надежда: если этот раненый Агат, то он жив! Но каждый раз она видела на носилках другого человека. А когда он будет убит, коснется ли его мысль ее мысли в последнем зове? И, может быть, этот зов ее убьет?

На исходе нескончаемого дня принесли старуху Эллу Пасфаль. Она и еще несколько дальнерожденных ее возраста потребовали, чтобы им поручили опасную обязанность подносить оружие защитникам баррикад. А для этого надо было перебегать Площадь, обстреливаемую врагом. Гаальская стрела насеквоздь пронзила ее шею от плеча до плеча. Вотток ничем не мог ей помочь. Маленькая черная, очень старая женщина лежала, умирая, среди молодых мужчин. Пойманная ее взглядом, Ролери подошла к ней, так и держа тазик с кровью рвотой. Суровые, темные, непроницаемые, как камень, старые глаза пристально смотрели на нее, и Ролери ответила таким же пристальным взглядом, хотя среди ее сородичей это было не в обычae.

Забинтованное горло хрюпало, губы дергались.

«Разрушить собственную защиту...»

— Я слушаю, — дрожащим голосом произнесла Ролери вслух ритуальную фразу своего племени.

«Они уйдут, — сказал в ее мыслях слабый, усталый голос Эллы Пасфаль. — Попытаются догнать тех, кто ушел на юг раньше. Они боятся нас, боятся снежных дьяволов, домов, улиц. Они полны страха и уйдут после этого последнего усиления. Скажи Джакобу. Я слышу их. Скажи Джакобу... они уйдут... завтра...»

— Я скажу ему, — пробормотала Ролери и заплакала.

Умирающая женщина, которая не могла ни двигаться, ни говорить, смотрела на нее. Ее глаза были как два темных камня.

Ролери вернулась к своим раненым, потому что за ними надо было ухаживать, а других помощников у Воттока не было. Да и зачем идти разыскивать Агата там, на кровавом снегу, среди шума и суматохи, чтобы перед тем, как его убьют, сказать ему, что безумная старуха, умирая, говорила, будто они уцелеют?

Она занималась своим делом, а слезы все катились и катались по ее щекам. Ее остановил один дальнерожденный, который был ранен очень тяжело, но получил облегчение после того, как Вотток дал ему свое чудесное снаidобье — маленький шарик, ослаблявший или вовсе прогонявший боль. Он спросил:

— Почему ты плачешь?

Он спросил это с дремотным любопытством, как спрашивают друг друга малыши.

— Не знаю, — ответила она. — Попробуй уснуть.

Однако она, хотя и смутно, знала причину своих слез: все эти дни она жила, смирившись с неизбежным, и внезапная надежда жгла ее сердце мучительной болью, а так как она была всего лишь женщиной, боль заставляла ее плакать.

Тут, внизу, время стояло на месте, но день все-таки, наверное, близился к концу, потому что Сейко Эсмит принесла на поднос горячую еду для нее с Воттоком и для тех раненых, кто был в силах есть. Она осталась ждать, чтобы унести пустые плошки, и Ролери сказала ей:

— Старая Элла Пасфаль умерла.

Сейко только кивнула. Лицо у нее было какое-то сжавшееся и странное. Пронзительным голосом она произнесла:

— Они теперь мечут зажженные копья и бросают с крыш горящие поленья и тряпье. Взять баррикады они не в состоянии и потому решили сжечь здания вместе со складами, а тогда мы все вместе умрем голодной смертью на снегу. Если в Доме начнется пожар, вы здесь окажетесь в ловушке и сгорите заживо.

Ролери ела и молчала. Горячая бхана была сдобрана мясным соком и мелко нарубленными душистыми травами. Дальнерожденные в осажденном городе стряпали вкуснее, чем ее родичи в пору Осеннего Изобилия. Она выскребла свою плошку, доела кашу, оставленную одним раненым, подбрала остатки еще с двух плошек, а затем отнесла поднос Сейко, жалея, что не нашлось еще.

Потом очень долго к ним никто не спускался. Раненые спали и стонали во сне. Было очень тепло: жар газового пламени уютно струился через решетки, словно от очажной ямы

в шатре. Сквозь тяжелое дыхание спящих до Ролери иногда доносились прерывистое «тик-тик-тик» круглолицых штук на стенах. И они, и стеклянные ларцы по сторонам комнаты, и высокие ряды «книг» играли золотыми и коричневыми отблесками в мягком розовом свете газовых факелов.

— Ты дала ему анальгетик? — шепнул Вотток, и она утвердительно пожала плечами, встала и отошла от раненого, возле которого сидела.

«Старый костоправ за эти дни словно стал на половину Года старше, — подумала Ролери, когда он сел рядом с ней у стола, чтобы нарезать еще бинтов. — А знахарь он великий!» И видя его усталость и уныние, она сказала, чтобы сделать ему приятное:

— Старейшина, если рану заставляет гнить не огонь от оружия, то что?

— Ну... особые существа. Зверюшки, настолько маленькие, что их не видно. Показать их тебе я мог бы только в специальное стекло, вроде того, которое стоит вон в том шкафу. Они живут почти повсюду. И на оружии, и в воздухе, и на коже. Если они попадают в кровь, тело вступает с ними в бой — от этого раны распухают и происходит все остальное. Так говорят книги. Но как врачу мне с этим иметь дело никогда не приходилось.

— А почему эти зверюшки не кусают дальнерожденных?

— Потому что не любят чужих! — Вотток невесело усмехнулся своей шутке. — Мы ведь здесь чужие, ты знаешь. Мы даже не способны усваивать здешнюю пищу, и нам для этого приходится время от времени принимать особые ферментирующие вещества. Наша химическая структура самую чуточку отклоняется от здешней нормы, и это сказывается на цитоплазме... Впрочем, ты не знаешь, что это такое. Ну, короче говоря, мы сделаны не совсем из такого материала, как вы, врасу.

— И потому у вас темная кожа, а у нас светлая?

— Нет, это значения не имеет. Чисто поверхностные различия — цвет кожи, волос, радужной оболочки глаз и прочее. А настоящее отличие спрятано очень глубоко, и оно крайне мало — одна-единственная молекула во всей цепочке, — сказал Вотток со вкусом, увлекаясь собственными объяснениями. — Тем не менее вас, врасу, можно отнести к Обыкновенному Гуманоидному Типу. Так записали первые колонисты, а уж они-то это знали. Однако такое различие означает, что браки между нами всегда будут бесплодными, что мы не способны усваивать местную органическую пищу

безпомощи дополнительных ферментов, а также не реагирует на ваши микроорганизмы и вирусы... Хотя, честно говоря, роль ферментирующих веществ преувеличивают. Стремление во всем следовать примеру Первого Поколения где-то начинает превращаться в чистейшей воды суеверия. Я видел людей, возвращавшихся из длительных охотничьих экспедиций... не говоря уж о беженцах из Атлантики прошлой Весной. Ферментные таблетки и ампулы кончились у них за два три лунокруга до того, как они перебрались к нам, а пищу, между прочим, их организмы усваивали без малейших затруднений. В конце-то концов жизнь имеет тенденцию адаптироваться...

Вотток вдруг умолк и уставился на нее странным взглядом. Она почувствовала себя виноватой, потому что ничего не поняла из его объяснений — всех главных слов в ее языке не было.

— Жизнь... что? — робко спросила она.

— Адаптируется. Приспосабливается. Меняется! При достаточном воздействии и достаточном числе поколений благоприятные изменения, как правило, закрепляются... Быть может, солнечное излучение мало-помалу вызывает приближение к местной биохимической норме... В таком случае все эти преждевременные роды и мертворожденные младенцы представляют собой издержки адаптации или же результат биологической несовместимости матери и изменяющегося эмбриона... — Вотток перестал размахивать ножницами и склонился над бинтами, но тут же опять поднял на нее невидящий сосредоточенный взгляд и пробормотал: — Странно, странно, странно! Это означает, знаешь ли, что перекрестные браки перестают быть стерильными.

— Я снова слушаю, — прошептала Ролери.

— ...что от браков людей и врасу будут рождаться дети!

Эти слова она поняла, но ей осталось непонятно, сказал ли он, что так будет, или что он этого хочет, или что этого боится.

— Старейшина, я глупа и не слышу тебя, — сказала она.

— Ты прекрасно его поняла! — раздался рядом слабый голос. Пилотсон альтерран лежал с открытыми глазами. — Так ты думаешь, что мы в конце концов все-таки стали каплей в ведре, Вотток? — Пилотсон приподнялся на локте. Темные глаза на исхудалом воспаленном лице лихорадочно блестели.

— Раз у тебя и у некоторых других раны загноились, это надо как-то объяснить.

— Ну, так будь проклята адаптация! Будь прокляты твои

перекрестные браки и нормально рождающиеся ублюдки! — крикнул раненый, глядя на Ролери. — До тех пор, пока мы не смешивали своей крови с чужой, мы представляли Человечество. Мы были изгнанниками, альтерранами, Людьми! Верными знаниям и законам Человека! А теперь, если браки с врасу будут давать потомство, не пройдет и Года, как наша капля человеческой крови исчезнет без следа. Разжижится, растворится, превратится в ничто. Никто не будет пользоваться этими инструментами и читать эти книги. Внуки Джакоба Агата будут до скончания века сидеть, стуча камнем о камень, и вопить... Будьте вы прокляты, глупые дикари! Почему вы не можете оставить нас в покое, в покое!

Он трясся от озноба и ярости. Старый Вотток, который тем временем наливал что-то в один из своих маленьких пустых внутри дротиков, нагнулся и ловко всадил дротик в руку бедного Пилотсона чуть ниже плеча.

— Ляг, Гуру, — сказал он, и раненый послушался. На его лице была растерянность.

— Мне все равно, если я умру от ваших паршивых вирусов. — сказал он сипнущим голосом. — Но своих проклятых ублюдков держите отсюда подальше, подальше от... от Города...

— Это его на время успокоит, — сказал Вотток со вздохом и замолчал.

А Ролери снова взялась за бинты. Такую работу она выполняла ловко и быстро. Старый доктор следил за ней, и лицо его было хмурым и задумчивым.

Когда она выпрямилась, чтобы дать отдохнуть спине, то увидела, что старик тоже заснул — темная кучка костей и кожи в углу позади стола. Она продолжала работать, размышляя, верно ли она поняла его и правду ли он говорил — что она может родить Агату сына.

Она совсем забыла, что Агат, возможно, уже лежит убитый. Она сидела среди погруженных в сон раненых, под гибнущим городом, полном смерти, и думала о том, что сулила им жизнь.

Глава 14

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Вечер принес с собой стужу. Снег, подтаявший под солнечными лучами, смерзся в скользкую ледяную корку. Прячась на соседних крышах и чердаках, гаали пускали и пуска-

ли свои вымазанные смолой стрелы, и они проносились в холодном сумрачном воздухе точно ало-золотые огненные птицы. Крыши четырех осажденных зданий были медными, стены — каменными, а пламя бессильно угасало. Баррикады уже никто не пытался брать приступом. Прекратился и дождь стрел — и с железными, и с огненными наконечниками. С верха баррикады Джакоб Агат смотрел на пустые темнеющие улицы между темными домами.

Осажденные приготовились к ночному штурму — положение гаалей, несомненно, было отчаянным. Но холод все усиливался. Наконец Агат назначил дозорных, а остальных отправил с баррикад заняться своими ранами, поесть и отдохнуть. Если им трудно, то гаалим должно быть еще труднее — они хотя бы одеты тепло, а гаали совсем не защищены от такого холода. Даже отчаяние не выгонит северян, кое-как укутанных в обрывки шкур и войлока, под этот страшный прозрачный свет льдистых звезд. И защитники уснули — кто прямо на своих постах, кто вповалку в вестибюлях, кто под окнами вокруг костров, разведенных на каменном полу высоких каменных комнат, а их мертвые лежали, окостенев, на оледенелом снегу у баррикад.

Агат не мог спать. Он не мог уйти в теплую комнату и оставить Площадь. Весь день они сражались здесь не на жизнь, а на смерть, но теперь Площадь лежала в глубоком безмолвии, а над ней горели созвездия Зимы — Дерево, и Стрела, и пятизвездный След, а над восточными крышами пылала сама Снежная Звезда. Звезды Зимы. Они сверкали кристаллами льда в глубокой холодной черноте ночи.

Он знал, что эта ночь — последняя. Может быть, его последняя ночь, может быть, его Города, а может быть, осады. Три исхода. Снежная Звезда поднималась все выше, Площадь и улицы вокруг тонули в безмерной тишине, а в нем росло и росло странное упоение, непонятное торжество. Они спали, враги, замкнутые стенами города, и казалось, бодрствует лишь он один, а город принадлежит ему со всеми спящими, со всеми мертвецами — ему одному. Это была его ночь.

И он не стал коротать ее, запертый внутри ловушки. Предупредив сонного часового, он поднялся на баррикаду перед улицей Эсмит и спустился с другой стороны.

— Альтерран! — крикнул кто-то вслед ему хриплым шепотом, но он только обернулся, жестом показывая, чтобы они держали веревку наготове к его возвращению, и пошел вперед по самой середине улицы. Он чувствовал себя неуязвимым, и не подчиниться этому ощущению — значило на-

кликаль неудачу. И он шагал по темной улице среди врагов так, словно вышел ногулять после обеда.

Он прошел мимо своего дома, но не свернул к нему. Звезды исчезали за черными островерхими крышами и снова появлялись, зажигая искры во льду под ногами. Потом улица сузилась, чуть повернула между домами, которые стояли пустые, еще когда Агат не родился, и вдруг зашевелилась небольшой площадью перед Лесными Воротами. Катапульты съехали на своем месте, но гаали начали их ломать и разбирать на топливо. Возле каждой чернела куча камней. Створки высоких ворот, распахнувшиеся в тот день, теперь были снова заперты и крепко примерзли к земле. Агат поднялся по лестнице надвратной башни и вышел на дозорную площадку. Он вспомнил, как перед самым началом снегопада стоял здесь и видел внизу идущее на приступ гаальское войско — ревущую толпу, которая накатывалась, точно волна прилива на пески, грозя смети перед собой все. Будь у них больше лестниц, осада кончилась бы тогда же... А теперь нигде ни движения, ни звука. Снег, безмолвие, звездный свет над гребнем и над мертвыми олденелыми деревьями, которые его венчают.

Он повернулся и посмотрел на Град Изгнания — на маленькую кучку крыш, уходящих вниз от его башни к стене над обрывом. Над этой горсткой камня звезды медленно склонялись к западу. Агат сидел неподвижно, ощущая холод даже под одеждой из крепкой кожи и пушистого меха, и тихо-тихо настыпал шлясовой мотив.

Наконец запоздалое утомление бесконечного дня нахлынуло на него, и он спустился со своей вышки. Ступеньки олденели. На предпоследней он поскользнулся, уцепился за каменный выступ, чтобы удержаться, и краем глаза уловил какое-то движение по ту сторону маленькой площади.

Из черного провала улицы между двумя домами приближалось что-то белое, чуть поднимаясь и опускаясь, словно волна в ночной тьме. Агат смотрел и не понимал. Но тут оно выскочило на площадь — что-то высокое, тощее, белое быстро бежало к нему в смутном свете звезд, точно человек. Голова на длинной изогнутой шее покачивалась из стороны в сторону. Приближаясь, оно издало хрипловатое чириканье.

Дротикомет он взвел, еще когда спрыгнул с баррикады, но рука плохо слушалась из-за раны в запястье, а пальцы в перчатке плохо гнулись. Он успел выстрелить, и дротик попал в цель, но зверь уже кинулся: короткие когтистые передние лапы вытянулись вперед, голова странным волнооб-

разным движением надвинулась на него, разинулась круглая зубастая пасть. Он упал под ноги зверю, пытаясь повалить его и увернуться от щелкающей пасти, но зверь оказался быстрее. Он почувствовал, что когти передних, таких слабых на вид лап одним ударом разорвали кожу его куртки и всю одежду под ней, почувствовал, что парализован чудовищной тяжестью. Неумолимая сила запрокинула его голову, открывая горло... И он увидел, как звезды в неизмеримой вышине над ним бешено закружились и погасли.

В следующий миг он стоял на четвереньках, упираясь ладонями в ледяные камни рядом с вонючей грудой белого меха, которая вздрагивала и подергивалась. Яд в дротике действовал ровно через пять секунд и чуть было не опоздал на секунду. Круглая пасть все еще открывалась и закрывалась, ноги с плоскими широкими ступнями сгибались и разгибались, точно снежный дьявол продолжал бежать. «Снежные дьяволы охотятся стаями», — вдруг всплыло в памяти Агата, пока он старался отышаться и успокоиться. Снежные дьяволы охотятся стаями... Он неуклюже, но тщательно перезарядил дротикомет и, держа его наготове, пошел по улице Эсмит. Он не бежал, чтобы не поскользнуться на льду, но уже и не прогуливался. Улица по-прежнему была пустой и тихой — и бесконечно длинной.

Но подходя к баррикаде, он снова насвистывал.

Агат спал на полу комнаты в Колледже, когда их лучший арбалетчик, молодой Шевик, потряс его за плечо и настойчиво запептал:

— Проснись, альтерран! Ну проснись же! Скорее идем...

Ролери так и не пришла. Две другие пары, с которыми они делили комнату, крепко спали.

— Что такое? Что случилось? — вскочив, бормотал Агат еще сквозь сон и натягивая разорванную куртку.

— Идем на башню!

Больше Шевик ничего не сказал.

Агат покорно пошел за ним, но тут сон развеялся, и он все понял. Они перебежали Площадь, серую в первых слабых лучах рассвета, торопливо поднялись по винтовой лестнице на Башню Лиги, и перед ними открылся город. Лесные Ворота были распахнуты.

Межу створками теснились гаали и толпами выходили наружу.

В рассветной мгле трудно было разглядеть, сколько их —

не меньше тысячи или даже двух, говорили дозорные на башне, но они могли и ошибиться: внизу у стен и на снегу мелькали лишь неясные тени. Они группами и поодиночке появлялись за воротами, исчезали под стенами, а потом неровной растянутой линией вновь появлялись выше на склоне, размеренной трусцой удаляясь на юг, и вскоре вовсе скрывались из виду — то ли их поглощал серый сумрак, то ли складки холма. Агат все еще смотрел им вслед, когда горизонт на востоке побелел и по небу до зенита разлилось холодное сияние.

Озаренные утренним светом дома и крутые улицы города были исполнены покоя.

Кто-то ударил в колокол на башне, и прямо у них над головами ровно и часто загремела бронза о бронзу, оглушая, опшеломляя. Зажав уши, они бросились вниз, а навстречу им уже поднимались другие люди. Они смеялись, они окликали Агата, старались его остановить, но он бежал и бежал по гудящим ступенькам под торжествующий звон, а потом очутился в Зале Собраний. И в этой огромной, шумной, набитой людьми комнате, где на стенах плыли золотые солнца, а золотые циферблаты отсчитывали Годы и Годы, он искал чужую, непонятную женщину — свою жену. А когда нашел и взял ее за руки, то сказал:

— Они ушли, они ушли, они ушли...

А потом повернулся и во всю силу легких закричал всем и каждому:

— Они ушли!

Все тоже что-то кричали ему, кричали друг другу, смеялись и плакали. А он опять взял Ролери за руку и сказал:

— Пойдем со мной. Пойдем на Риф.

Волнение, торжествующая радость оглушили его, ему не терпелось пройтись по улицам, убедиться, что город снова принадлежит им. С Площади еще никто не уходил, и когда они спустились с западной баррикады, Агат достал дротикомет.

— У меня вчера вечером было неожиданное приключение, — сказал он Ролери, а она посмотрела на зияющую прореху в его куртке и ответила:

— Я знаю.

— Я его убил!

— Снежного дьявола?

— Вот именно.

— Ты был один?

— Да. И он, к счастью, тоже.

Она быстро шла рядом с ним, но он заметил, каким встревоженным стало ее лицо, и громко засмеялся от радости.

Они вышли на виадук, повисший под ледяным ветром между сияющим небом и темной водой в белых разводах пены.

Колокол и параречь уже доставили на Риф великую новость, и подъемный мост опустился, как только они подошли к нему. Навстречу выбежали мужчины, женщины, сонные, закутанные в меха ребятишки, и вновь начались крики, расспросы, обятия.

За женщинами Космопора робко и хмуро жались женщины Тевара. Агат увидел, как Ролери подошла к одной из них — довольно молодой, с растрепанными волосами и перепачканным лицом. Почти все они обрубили волосы и выглядели грязными и оборванными — даже трое-четверо их мужчин, оставшихся с ними на Рифе. Их вид был точно темный мазок на сияющем утре победы. Агат заговорил с Умаксуманом, который пришел следом за ним собрать своих со-племенников. Они стояли на подъемном мосту под отвесной стеной черной крепости. Врасу столпились вокруг Умаксумана, и Агат сказал громко, так, чтобы все они слышали:

— Люди Тевара защищали наши стены бок о бок с Людьми Космопора. Они могут остаться с нами или уйти, жить с нами или покинуть нас, как им захочется. Ворота моего города будут открыты для вас всю Зиму. Вы свободны выйти из них и свободны вернуться желанными гостями!

— Я слышу, — сказал тварец, склонив светловолосую голову.

— А где Старейший? Где Вольд? Я хочу сказать ему...

И тут Агат по-новому увидел перепачканные золой лица и грубо обрубленные волосы. Как знак траура. Поняв это, он вспомнил своих мертвых — друзей, родственников, — и безрассудное упоение победой угасло в нем. Умаксуман сказал:

— Старейший в моем Роде ушел в страну под морем вслед за своими сыновьями, которые пали в Теваре. Он ушел вчера. Они складывали рассветный костер, когда услышали колокол и увидели, что гааль уходит на юг.

— Я хочу стоять у этого костра, — сказал Агат, глядя на Умаксумана. Тварец заколебался, но пожилой мужчина рядом сказал твердо:

— Дочь Вольда — его жена, и у него есть право клана.

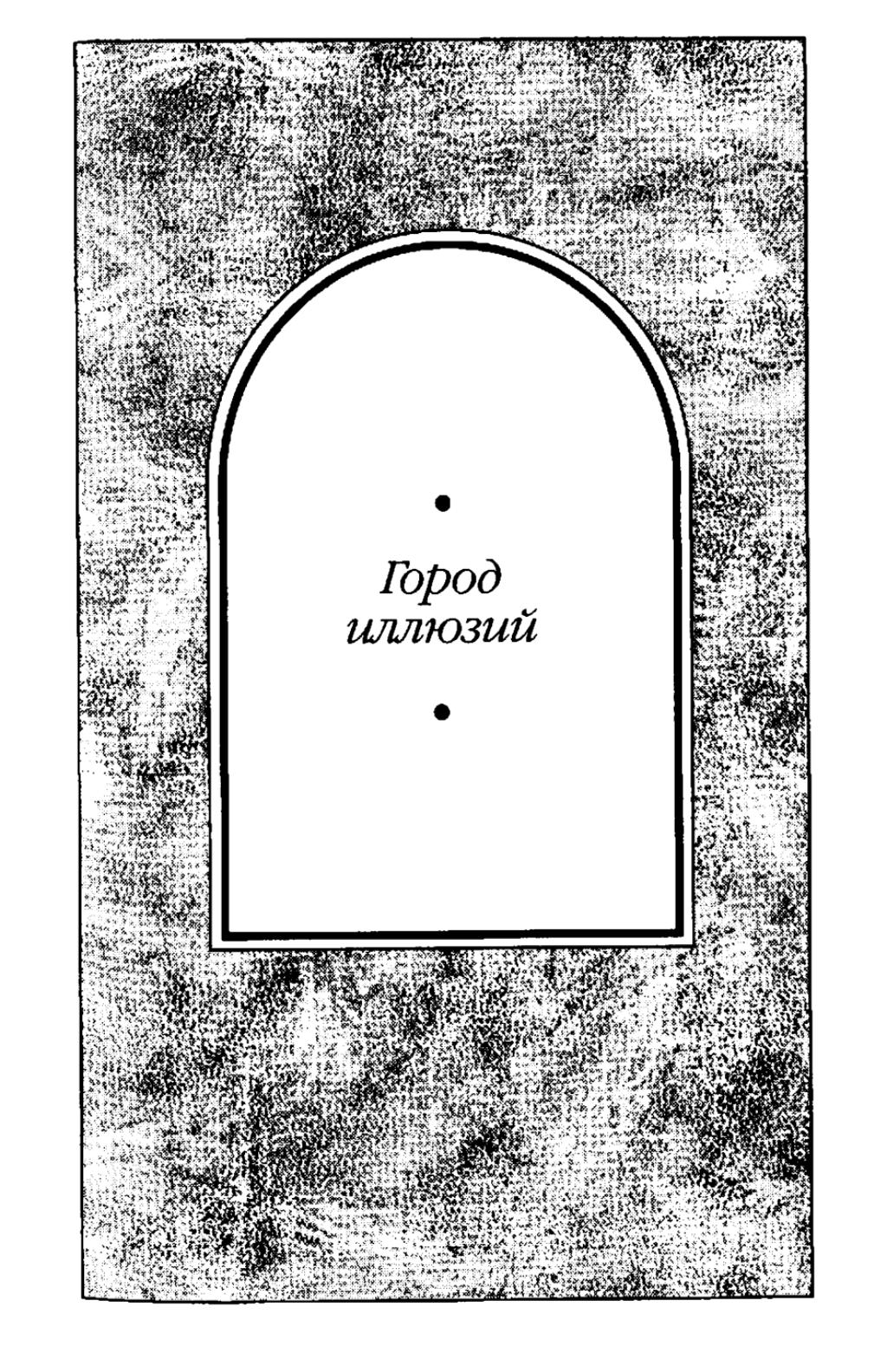
И они позволили ему пойти с Ролери и с тем, кто уцелел из их племени, на верхнюю террасу, повисшую над морем. Там, на груде поленьев, лежало тело старого вождя, изуродо-

ванием старостью, но все еще могучее, завернутое в багряную ткань цвета смерти. Маленький мальчик поднес факел к дровам, и по ним заплясали красно-желтые языки пламени. Воздух над ними колебался, а они становились все бледнее и бледнее в холодных лучах восходящего солнца. Начинался отлив, вода гремела и шипела на камнях под отвесными черными стенами. На востоке, над холмами Аскатевара, и на западе, над морем, небо было чистым, но на севере висел синеватый сумрак. Дыхание Зимы.

Пять тысяч ночей Зимы, пять тысяч ее дней — вся их молодость, а может быть, и вся их жизнь.

Какую победу можно было противопоставить этой дальней синеватой тьме на севере? Гаали... что гаали? Жалкая орда, жадная и ничтожная, опрометью бегущая от истинного врага, от истинного владыки, от белого владыки Снежных Бурь. Агат стоял рядом с Ролери, глядя на угасающий погребальный костер высоко над морем, неустанно осаждающим черную крепость, и ему казалось, что смерть старика и победа молодого — одно и то же. И в горе, и в гордости было меньше правды, чем в радости — в радости, которая трепетала на холодном ветру между небом и морем, пылающая и недолговечная, как пламя. Это его крепость, его Город, его мир. И это — его соплеменники. Он не изгнаник здесь.

— Идем, — сказал он Ролери, когда последние багровые искры уgasли под пеплом. — Идем домой.

Город
илюзий

Глава 1

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ ТЬМУ

Во тьме, что противостояла солнцу, пробудился безмолвный дух. Погруженный всецело в хаос, он не ведал, что такое порядок. Он не владел даром речи и не знал, что тьма зовется ночью.

По мере того как забрезжил позабытый им свет, дух шевельнулся, пополз, побежал, то падая на четвереньки, то выпрямляясь, направляясь неведомо куда. В том мире, в котором он пребывал, не было путей, поскольку всякий путь подразумевал наличие начала и конца.

Все в этом существе было перемешано и запутано, все вокруг противилось ему. Смятение его бытия усугублялось силами, для которых у существа не было названий, — страхом, голодом, жаждой, болью. Сквозь дремучую чащу действительности существо брело на ощупь в тишине, пока его не остановила ночь — самая могучая из неведомых ему сил. Но когда вновь забрезжил рассвет, оно опять двинулось неизвестно куда.

Внезапно очутившись на залитой ярким солнцем Поляне, существо выпрямилось и на какое-то мгновение застыло. Затем прикрыло глаза руками и закричало.

Парт, сидевшая за прялкой в залитом солнцем саду, первой увидела его на краю леса. Она оповестила остальных участницей пульсацией своего мозга. Но страх ей был неведом, и к тому времени, когда остальные вышли из дома, она уже пересекла Поляну и оказалась рядом со странной фигурой, работяги припавшей к земле среди высоких, сочных трав. Приблизившись, они увидели, что Парт положила руку ему на плечо и, низко склонившись, что-то тихо шептала существу.

Она повернулась к ним и с удивлением в голосе спросила:
— Вы видите, какие у него глаза?..

Глаза у незнакомца действительно были странными — огромные зрачки, радужная оболочка цвета потускневшего янтаря, которая формой напоминала вытянутый овал, так что белков не было видно вовсе.

— Как у кошки, — сказала Гарра.

— Словно яйцо без белка, — вставил Кай, выказывая тем самым легкую неприязнь, вызванную этим небольшим, но довольно существенным отличием.

Во всем остальном незнакомец ничем не отличался от обычного мужчины, на лице и на обнаженном теле которого бесцельное пронирание сквозь лес оставило грязные потеки и царапины. Разве что кожа была чуть светлее, чем у окружающих его загорелых людей, которые тихо обсуждали внешность чужака, прижавшегося к прогретой солнцем земле, дрожащего от страха и истощения.

Как ни всматривалась Парт в необычные глаза незнакомца, она не уловила в них ни искры мысли. Мужчина был глух к словам и не понимал жестов.

— Какой-то недоумок или сумасшедший, — выразил общее мнение Зоув. — К тому же истощенный до предела. Но это поправимо.

С этими словами Кай и юный Фурро наполовину затянули, наполовину завели едва волочившего ноги парня в дом. Там им вместе с Парт и Лупоглазой удалось накормить и помыть его, а затем уложить на тюфяк, вколоев ему в вену дозу снотворного, чтобы не мог убежать.

— Может, он Синг? — спросила Парт у отца.

— А может, ты? Или я? Не будь наивной, моя дорогая, — ответил Зоув. — Если бы я был в состоянии ответить на твой вопрос, я смог бы тогда освободить Землю. Тем не менее я надеюсь все-таки определить, ущербен ли его разум или нет и откуда к нам пришел этот незнакомец. А также, как он за получил желтые глаза... Разве людей скрещивали с котами или соколами в былье дни упадка человеческой цивилизации? Попроси Крестьян выйти на веранду, девочка.

Парт помогла своей слепой двоюродной сестре Крестьян подняться по лестнице на тенистый прохладный балкон, где спал незнакомец. Зоув и его сестра Карелл по прозвищу Лупоглазая ждали их там. Оба сидели, поджав ноги под себя и выпрямив спины. Лупоглазая забавлялась с любимой рамкой с узорами. Зоув и не старался чем-то занять себя: брат и сестра притерлись друг к другу за долгие годы. Их широкоскульные смуглые лица были насторожены и в то же время совершенно невозмутимы.

Девочки сидели неподалеку, не смея нарушить тишину. На Парт, с красновато-коричневой кожей и копной блестящих длинных черных волос, не было ничего, кроме свободных серебристых штанов. Смуглая и хрупкая Крестьян была

чуть постарше. Красная повязка прикрывала ее пустые глазницы и удерживала на затылке пышные волосы. На ней была такая же туника из искусно сотканной, украшенной узорами материи, как и на ее матери.

Жаркий летний полдень буйствовал в саду над балконом и на кочковатых полях Поляны. Со всех сторон стоял лес. К этому крылу дома деревья подходили настолько близко, что на стены падала тень от густой листвы; во всех других направлениях они темнели голубоватой дымкой на горизонте.

Некоторое время все четверо сидели молча, находясь одновременно вместе и порознь, связанные друг с другом чем-то большим, чем слова.

— Янтарные бусы раз за разом собираются в узор Бездны, — сказала Лупоглазая.

Она улыбнулась и отложила в сторону рамку с унизанными драгоценными камнями пересекающимися струнами.

— Твои бусы рано или поздно всегда складываются в узор Бездны, — сказал ее брат. — А все подавляемая тобой тяга к мистицизму. Ты кончишь так же, как наша мать, — будешь видеть, если уже не видишь, узоры в пустой рамке.

— Чепуха, — скривилась Лупоглазая. — Я никогда в жизни ничего в себе не подавляла.

— Кретьян, — обратился Зоув к племяннице, — у него шевельнулись веки. Наверное, он сейчас в фазе сновидений.

Слепая девушка приблизилась к ложу. Она вытянула руку, и Зоув осторожно положил ее на лоб незнакомца. Все снова погрузились в молчание и стали прислушиваться. Но слышать что-то могла только Кретьян.

Наконец она подняла склоненную голову.

— Ничего, — промолвила девушка слегка настороженно.

— Совсем ничего?

— Какая-то мешанина — провал. У него нет разума.

— Кретьян, дай-ка я расскажу тебе, как он выглядит. Ноги его прошли немало, руки — натужены. Сон и лекарство смягчили лицо чужака, но только работающий мозг мог избородить его такими морщинами.

— Как он выглядел до того, как уснул?

— Напуганным, — сказала Парт. — Напуганным и смущенным.

— Возможно, он не землянин, — сказал Зоув. — Хотя как такое могло случиться... Скорее он просто мыслит иначе, чем все мы. Попробуй-ка еще разок, дочка.

— Я попробую, дядя. Пока я не ощущаю абсолютно никаких признаков разума, никаких чувств или обрывков мыс-

лей. Разум ребенка может пребывать в смятении, но здесь... Здесь дела обстоят намного хуже — лишь тьма и какая-то мешанина.

— Что ж, пожалуй, довольно, — спокойно заметил Зоув. — Негоже твоему разуму находиться там, где нет другого разума.

— Его тьма похуже моей, — сказала девушка. — Смотрите, у него на руке кольцо...

Она на мгновение прикрыла своей рукой руку незнакомца — из чувства жалости или как бы бессознательно прося прощения за то, что копалась в его мыслях.

— Да, простое золотое кольцо без каких-либо отметин или узора. Это единственное, что было при нем. И разум несчастного раздет догола точно так же, как и его тело. Итак, белое создание явилось из леса... но кто же прислал его к нам?

Все обитатели Дома Зоува, кроме маленьких детей, собрались в этот вечер в просторной комнате внизу, куда сквозь открытые высокие окна проникал влажный ночной воздух. Свет звезд, окрестные деревья, журчание ручья — все это растекалось по тускло освещенной комнате, поскольку между людьми и произносимыми ими словами оставалось достаточно места для теней, ночных ветерка и тишины.

— Истина, как всегда, сторонится незнакомцев, — проникновенно произнес Глава Дома. — Этот чужак поставил нас перед выбором из нескольких не слишком правдоподобных вариантов. Возможно, он — слабоумный от рождения и забрел к нам просто по чистой случайности. Но тогда кто не уследил за ним? Быть может, это человек, чей разум пострадал вследствие несчастного случая или был поврежден умышленно. Не исключено, что мы столкнулись с Сингом, скрывающим свой разум под маской мнимого слабоумия. А может, он и не человек, и не Синг? Но кто тогда? Мы не в состоянии ни доказать, ни отвергнуть ни одно из этих предположений. Что же нам с ним делать?

— Посмотрим, можно ли его чему-нибудь научить, — сказала Росса, жена Зоува.

Старший сын Главы Дома Меток заметил:

— Если незнакомца научить, то тогда доверять ему нельзя. Возможно, его подослали сюда специально, чтобы мы научили всему, что умеем, раскрыли перед ними наши секреты и способности. Он станет кошкой, взращенной добросердечными мышами.

— Я отнюдь не добросердечная мышь, сынок, — усмехнулся Зоув. — Значит, ты думаешь, что он — Синг?

— Или их орудие.

— Мы все — орудия Сингов. Но как бы ты с ним поступил?

— Убил бы до того, как он проснется.

Пронеслось легкое дуновение ветерка, где-то в духоте залитой светом звезд Поляны жалобно отозвался козодой.

— Я вот думаю, — пробормотала Старейшая, — может, он — жертва, а вовсе не орудие. Возможно, Синги разрушили его мозг в наказание за крамольные мысли или проступки. Следует ли нам заканчивать начатое ими?

— Это было бы лишь проявлением милосердия, — сказал Меток.

— Смерть — ложное милосердие, — с горечью заметила Старейшая.

Они еще некоторое время беседовали спокойно, однако с осознанием всей серьезности положения, где проблемы морального свойства переплелись с острыми страхами, никогда не обсуждаемыми напрямую, но сразу встававшими во весь рост, стоило кому-нибудь произнести слово «Синг». Парт не принимала участия в обсуждении, поскольку ей было всего пятнадцать лет, хотя старалась не пропустить ни единого слова. Она испытывала симпатию к незнакомцу и хотела, чтобы он остался в живых.

Вскоре к дискуссии присоединились Райна и Кретьян. Райна провела с чужаком все психологические тесты, какие смогла, в то время как Кретьян пыталась уловить какие-нибудь ментальные реакции. Пока им особенно нечем было похвастать. Никаких повреждений нервной системы и областей мозга, связанных с органами чувств и координацией движений, у незнакомца обнаружить не удалось, хотя по физическим рефлексам и координации движений он скорее напоминал годовалого ребенка, а область мозга, отвечавшая за функции речи, вообще не реагировала на раздражители.

— Сила мужчины, координация ребенка, разума никакого, — подытожила Райна.

— Если мы не убьем его, как зверя, — сказала Лупоглазая, — то нам придется, как зверя, его приручить...

— Наверное, стоит попробовать, — вступил в разговор Кай, брат Кретьян. — Пусть те из нас, кто помоложе, возьмут на себя заботу о нем. Посмотрим, что удастся сделать. В конце концов, никто не заставляет нас учить незнакомца Канонам для Просвещенных! Прежде всего его следует научить не мочиться в постель... Я хочу знать, человек ли он. А как вы думаете, Глава?

Зоув развел своими большими руками:

— Кто знает? Возможно, что-то нам расскажут анализы крови, которые сделает Райна. Мне не приходилось слышать, чтобы у слуг Сингов были желтые глаза или какие-либо другие отличия от людей Земли. Но если он не Синг и не человек, то кто же он тогда? Пришельцы из Внешних Миров вот уже двенадцать столетий не ступали на нашу планету. Как и ты, Кай, я готов пойти на риск и оставить его среди нас из чистого любопытства...

Итак, они сохранили своему гостю жизнь. Сперва он доставлял мало беспокойства приглядывавшим за ним молодым людям. Потихоньку восстанавливая силы, много спал и безмолвно сидел или лежал практически все время, когда бодрствовал. Парт дала ему имя Фальк, что на диалекте Восточного Леса означало «желтый», из-за его светлой кожи и опаловых глаз.

Однажды утром, через несколько дней после появления незнакомца, дойдя до неукрашенного узором участка ткани, которую она прядла, Парт оставила работавший от солнечных батарей ткацкий станок тихо урчать в саду и взобралась на огороженный балкон, где держали Фалька.

Чужак не замстил появления девочки. Он сидел на своем матрасе и пристально смотрел на затянутое маревом летнее небо. От яркого света глаза мужчины заслезились, и он проторил их рукой, а затем, увидев собственную руку, недоуменно уставился на нее. Нахмурившись, незнакомец некоторое время сжимал и расжимал пальцы. Затем снова обратил свой взор на ослепительно сиявшее солнце и медленно, осторожно загородил его открытой ладонью.

— Это солнце, Фальк, — сказала Парт. — Солнце...

— Солнце, — повторил он, не отводя взгляда; вся пустота его существа наполнилась светом солнца и звуком имени.

Так началось обучение.

Парт поднялась из подвала и, проходя мимо старой кухни, увидела, как Фальк, одиноко, сгорбившись в одном из оконных проемов, смотрит на падающий за мутным стеклом снег. Девять вечеров назад он ударил Россу, и его пришлось запереть до тех пор, пока он не успокоился. С тех пор мужчина замкнулся и упорно молчал. Было как-то странно видеть на его лице — лице взрослого человека — недовольную мину упрямого, обиженного ребенка.

— Иди-ка к огню, Фальк, — сказала Парт, но не остановилась, чтобы подождать его.

В большой зале возле очага она забыла о чужаке и стала думать о том, как бы поднять свое собственное дурное настроение. Делать было решительно нечего. Снег все шел и шел, окружавшие лица были знакомые до боли, все книги повествовали о вещах, происходивших в столь давние и далекие времена, что не могли уже претендовать на правдивость. Вокруг притихшего дома и окружавших его полей высился молчаливый лес — бесконечный, однообразный и равнодушный. Зима следовала за зимой, и ей не суждено было покинуть Дом, потому что некуда было уходить и нечего было там делать...

На одном из пустых столов Райна забыла свой «теанб» — плоский инструмент с клавишами, как утверждали, хайнского происхождения. Парт подобрала мелодию в Регистре Восточного Леса, затем переключила инструмент на родное звучание и начала все заново. Она не слишком хорошо умела играть на теанбе и медленно находила нужные клавиши, намеренно растягивая слова, чтобы выиграть время для поиска следующей ноты.

За ветрами в лесах,
За штормами в морях,
На залитых солнцем камнях
Дочь прекрасная Айрека стоит...

Девочка сбылась, затем все же нашла нужную ноту:

...стоит.
Молчаливо с пустыми руками.

Слова и мелодия нсвообразимо древней легенды ужасно далекой планеты были частью наследия людей в течение долгих веков. Парт пела очень тихо, сидя одна в огромной комнате, освещенной пламенем очага, а за окном в стущавшихся сумерках все валил снег.

Она услышала позади себя какой-то звук и, повернувшись, увидела Фалька. В его странных глазах стояли слезы.

— Парт... прекрати, — прошептал он.

— Что-то не так, Фальк? — забеспокоилась девушка.

— Мне... больно, — сказал мужчина, отворачивая в сторону лицо — зеркало бессвязного и беззащитного разума.

— Хорошая похвала моему пению, — подколола она его.

И в то же время Парт была тронута его словами и больше не пела. Позже этим же вечером она видела, как Фальк стоял у стола, на котором лежал теанб, не осмеливаясь прикос-

нуться к нему, словно опасаясь выпустить заключенного внутри инструмента сладкозвучного безжалостного демона, который плакал под пальцами Парт, превращая ее голос в музыку.

— Мое «дитя» учится быстрее, чем твое, — заметила как-то Парт в разговоре с двоюродной сестрой Гаррой, — но твое растет быстрее. К счастью.

— Твое и без того достаточно велико, — согласилась Гарра.

Она глядела через садик при кухне на берег ручья, где стоял, держа на плечах годовалого ребенка Гарры, Фальк. Полдень раннего лета звенел трелями сверчков и цикад. Черные локоньки то и дело касались щек Парт, когда руки ее раз за разом проворно укладывали и перезаряжали нить ткацкого станка. Над челноком виднелись головы и шеи танцующих цапель, вытканых серебром на черном фоне. В свои семнадцать лет Парт уже считалась лучшей ткачихой среди женского населения Дома. Зимой ее руки всегда были выпачканы химическими препаратами, из которых изготавливались нити и краски, а летом она воплощала в жизнь на ткацком станке, который приводится в движение энергией солнечных батарей, все пришедшие ей в голову изящные и разнообразные узоры.

— Паучок, — сказала ей мать, трудившаяся неподалеку, — шутки шутками, но мужчины остаются мужчинами.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я вместе с Метоком отправилась в Дом Катола и выменяла себе мужа за свой гобелен с цаплями?

— Я никогда такого не говорила, — возразила мать и вновь принялась выпалывать сорняки между грядками салата.

Фальк поднялся по тропинке. Малышка на его плече весело улыбалась, щурясь от яркого солнца. Он поставил девочку на траву и обратился к ней так, будто она была взрослой:

— Здесь не так жарко, как внизу, правда? — Затем, повернувшись к Парт, спросил со свойственной ему прямотой: — У Леса есть конец?

— Говорят, что есть. Все карты отличаются друг от друга. Но в этом направлении в конце концов будет море, а вот в этом — прерии.

— Прерии?

— Такие открытые пространства, поросшие травой. Как наша Поляна, но простирающиеся на тысячи миль аж до самых гор.

— Гор? — повторил он с невинной прямотой ребенка.

— Высокие холмы, на вершинах которых круглый год лежит снег. Вот такие.

Прервавшись, чтобы перезарядить членок, Парт сложила свои длинные округлые смуглые пальцы в виде горной вершины.

Внезапно желтые глаза Фалька вспыхнули, и его лицо напряглось.

— Под белым — голубое, а еще ниже... очертания далеких холмов.

Парт взглянула на мужчину, но промолчала. Почти все, что он знал, исходило непосредственно от нее, потому что только она обучала его. Постоянное общение оказывало влияние на ее собственное взросление. Их умы тесно переплелись друг с другом.

— Я вижу их... когда-то видел их. Я помню их, — произнес Фальк, запинаясь.

— Изображение?

— Нет. Не в книге. В своем разуме. Я на самом деле помню их. Иногда перед тем как заснуть, я вижу их. Я не знаю, как они называются, наверное, просто Горы.

— Можешь нарисовать?

Встав рядом с девушкой на колени, Фальк быстро набросал на земле контур неправильного конуса, а под ним — две линии холмов предгорья.

Гарра вытянула шею, чтобы взглянуть на рисунок, и спросила:

— Белые от снега?

— Да. Как будто я вижу их сквозь что-то... быть может, сквозь большое окно, большое и высокое... Разве это видение не из твоего разума, Парт? — спросил Фальк слегка встревоженно.

— Нет, — ответила левушка. — Никто из живущих в Доме никогда не видел высоких гор. Я думаю, что вообще никто с этого берега Внутренней реки не мог любоваться подобной картиной. Эти горы, должно быть, очень далеко отсюда.

Сквозь сон прорвался отдаленный скрежет пилы, вгрызшийся в дерево. Фальк вскочил и сел рядом с Парт. Оба они заспанными глазами напряженно смотрели на север, откуда доносился, то нарастаю, то стихая, странный звук. Пер-

вые лучи восходящего солнца как раз начали пробиваться над черной массой деревьев.

— Воздухолет, — прошептала Парт. — Такой звук я уже однажды слышала, правда, давним-давно.

Девушка поежилась. Фальк обнял ее за плечи, охваченный тем же беспокойством, ощущением присутствия далекого, непостижимого зла, которое двигалось где-то на севере по кромке дневного света.

Звук стих вдали. В необъятной тишине леса несколько пташек зашебетали, приветствуя первые лучи осеннего солнца. Свет на востоке разгорался. Фальк и Парт ощущали тепло и безграничную поддержку рук друг друга. Полусонный Фальк снова задремал. Когда Парт поцеловала его и выскользнула из кровати, чтобы приняться за свою обычную повседневную работу, он прошептал:

— Не уходи, мой ястребок, моя малышка...

Однако девушка засмеялась и упорхнула прочь. Он же продолжал дремать, не в силах подняться из сладких расслабляющих глубин удовольствия и покоя...

Солнце ярко светило прямо ему в глаза. Он перевернулся на бок, затем, зевая, сел и уставился на покрытые красными листвами могучие ветви дуба, который, как башня, возвышался рядом с балконом, где спал Фальк. До него дошло, что Парт, уходя, включила аппарат для обучения во сне, что стоял у подушки. Тот тихонько нашептывал сетианскую теорию чисел. Все это рассмешило Фалька, а прохлада солнечного ноябряского утра окончательно согнала с него сон. Он натянул на себя рубашку и брюки из тяжелой темной мягкой ткани, сотканной Парт, которые скроила и подогнала под него Лупоглазая, и встал у деревянных перил, глядя на бескрайнее буро-красно-золотистое море листвы, окружавшее Поляну.

Свежее, тихое, приятное утро было таким же, как и в ту пору, когда первые люди на этой земле просыпались в своих хрупких, заостренных кверху жилищах и выходили наружу посмотреть на восход солнца над темным лесом. Каждое утро похоже на любое другое, и осень всегда остается осенью, но годы, которым ведут счет люди, идут нескончаемой чередой. На этой земле некогда жила одна раса... затем другая — завоеватели. Обе расы исчезли, победители и проигравшие. Миллионы жизней канули в Лету. Обе расы ушли за туманные дали горизонта прошедших времен. Были завоеваны и вновь потеряны звезды, а годы все шли, и минуло так много лет, что лес древнейших эпох, полностью уничтожен-

ный в течение той эры, когда люди творили свою историю, вырос снова. Даже в незапамятные времена далекого прошлого на то, чтобы вырос лес, уходило немало лет, и далеко не каждая планета была способна на такое. Процесс превращения безжизненного солнечного света в тень и грациозное переплетение бесчисленных волнуемых ветром ветвей не происходил сплошь и рядом.

Фальк стоял, радуясь утру. Его радость была столь велика еще и потому, что до этого ему довелось пережить совсем немного других рассветов в той короткой веренице сохранившихся в памяти дней, что отделяли его от тьмы. Он на мгновение прислушался к стрекоту цикад на дубе, затем потянулся, энергично пригладил волосы и спустился вниз, чтобы влезть в общее русло работ по дому.

Дом Зоува являл собой высокое строение из дерева и камня, смесь замка и фермерской усадьбы. Некоторые его части были построены около столетия назад, а некоторые — еще раньше. Этому дому был присущ налет примитивности: темные лестницы, каменные очаги и подвалы, голые плиточные или деревянные полы. Надежно защищенный от пожаров и причуд погоды, он был лишен незавершенности. При этом некоторые элементы его конструкции являлись в высшей степени сложными устройствами или механизмами: дающие приятный свет лампы накаливания, хранилища музыкальных записей, книг и фильмов, различные автоматические приспособления для уборки, стряпни, стирки и работы в поле, а также более тонкая и специализированная аппаратура, размещенная в лабораториях Восточного Крыла. Все эти предметы являлись неотъемлемой частью Дома. Они были сделаны и встроены в него руками его мастеров или учеников других лесных домов. Механизмы были массивными и простыми, легко поддающимися ремонту, сложными и деликатными являлись лишь принципы работы питавшего их источника энергии.

Явно недоставало только одного типа технологических приспособлений. Библиотека была скучна на руководства по электронике, которая воспринималась практически на уровне инстинкта. Мальчишкам нравилось делать миниатюрные устройства для передачи сигналов из комнаты в комнату. Однако здесь не было телевидения, телефона и радио, а также телеграфной связи с окружавшим Поляну миром. Способов передачи сигналов на дальние расстояния не существовало. В гараже Восточного Крыла, правда, стояло несколько машин на воздушной подушке собственного изготовления, но

ими пользовались только мальчишки для игр. На узких лесных тропах таким машинам было особо не развернуться. Когда люди отправлялись с целью торговли или с дружеским визитом в другие Дома, они шли пешком, а если путь был очень долг, то ехали верхом на лошадях.

Работа по дому и на ферме, для всех без исключения, была легкой и необременительной. Что касалось удобств, то люди жили в тепле и чистоте, но не более, а пища была здоровой, хотя и однообразной. Жизнь в Доме отличалась монотонной неизменностью совместного проживания и спокойной умеренностью. Безмятежность и однообразие жизни сорока четырех членов Дома были обусловлены его изолированностью — ближайший к нему Дом Катола находился почти в тридцати милях к югу.

Поляну со всех сторон окружал дремучий, неисхоженный, равнодушный лес. Непроходимая чаща, а над нею — небо. Ничего враждебного человеку, ничто не загоняло людей в строго очерченные рамки, как в городах былых времен. Вообще сохранить нетронутыми хоть какие-то атрибуты развитой цивилизации здесь, где люди столь малочисленны, само по себе было крайне рискованным предприятием и выдающимся достижением, хотя для большинства из них это казалось вполне естественным: таким уж сложился общепринятый стиль жизни. Ничего другого они и представить себе не могли.

Фальк все воспринимал несколько иначе, чем остальные дети Дома, поскольку ни на минуту не должен был забывать о том, что пришел он из этой необъятной, чуждой человеку чащи, такой же зловещий и одинокий, как бродившие в ней дикие звери, и что то, чему он научился в Доме Зоува, было подобно тоненькой свечке, горевшей посреди океана тьмы.

За завтраком — хлеб, сыр из козьего молока и темное пиво — Меток предложил сходить вместе поохотиться на оленей. Фальк обрадовался приглашению. Старший Брат был очень искусным охотником, таким же постепенно становился и он сам; во всяком случае, это их сближало.

Но тут вмешался Глава Дома:

— Возьми сегодня Кая, сынок. Я хотел бы переговорить с Фальком.

Каждый из обитателей Дома имел свою личную комнату для занятий или работы, а также для сна, когда становилось прохладно. Комната Зоува была маленькой и светлой, с высокими потолками. Окна ее выходили на запад, север и вос-

ток. Глядя на скошенные поля поздней осени и черневший вдали лес, Глава Дома произнес:

— Вот там, на прогалине, Парт впервые увидела тебя пять с половиной лет назад. Немало воды утекло с тех пор! Не настало ли время нам поговорить?

— Наверное, Глава, — робко ответил Фальк.

— Трудно судить наверняка, но мне кажется, что тебе было около двадцати пяти лет, когда ты объявился здесь. Что осталось у тебя от тех двадцати пяти лет?

— Кольцо, — сказал Фальк и на мгновение вытянул левую руку.

— И воспоминания о высокой горе?

— Воспоминания о воспоминании. — Фальк пожал плечами. — Как я вам уже говорил, я часто натыкаюсь в своей памяти на звуки голоса, мимолетные движения, жесты, расстояния... Все это каким-то образом нестыкуется с моими воспоминаниями о жизни с вами. Но они не образуют цельной картины, в них нет никакого смысла.

Зоув присел на скамью у окна и кивком предложил Фальку сесть рядом.

— Ты впитывал знания с поразительной быстротой. Я гадал: а что, если Синги, с учетом широкомасштабной колонизации иных миров и контроля за человеческой наследственностью в былые времена, выбрали нас за наше послушание и тупость, а ты — отпрыск некоей мутированной человеческой расы, каким-то образом сумевшей избежать генетического контроля?.. Но кем бы ты ни был, ты в высшей степени умный человек... И мне интересно, что же ты сам думаешь о своем загадочном прошлом?

Около минуты Фальк хранил молчание. Невысокий, худой, хорошо сложенный мужчина. Его очень живое и выразительное лицо сейчас было весьма мрачным и полным тревоги. Чувства отражались на нем столь же явственно, как и на лице ребенка. Наконец, видимо, прия к какому-то решению, Фальк сказал:

— Когда я учился прошлым летом у Райны, она показала мне, чем я отличаюсь от нормального человека, с точки зрения генетики. Отличие совсем невелико — всего один или два витка спирали. Ну, как различие между «вей» и «о».

Зоув с улыбкой поднял глаза на Фалька, когда тот сослался на столь захвативший его воображение Канон, но молодой человек оставался совершенно серьезным.

— Тем не менее можно безошибочно утверждать, что я — не человек. Быть может, я какой-нибудь урод или мутант,

появившийся на свет в результате случайного или преднамеренного воздействия, или инопланетянин. Лично мне наиболее вероятным кажется предположение, что я — плод некоего провалившегося генетического эксперимента, вышвырнутый экспериментаторами за ненадобностью... Трудно сказать наверняка. Я предпочел бы думать, что я — инопланетянин и прибыл к вам с какой-то другой планеты. Во всяком случае, это означало бы, что я не одинок во Вселенной.

— Что вселяет в тебя уверенность, что существуют другие обитаемые миры?

Фальк удивленно поднял брови, задав вопрос, в котором вера ребенка соседствовала с логикой зрелого мужчины:

— А разве есть причины полагать, что другие планеты Лиги уничтожены?

— А разве есть причины думать, что они вообще существовали?

— Этому меня учили вы сами, а также книги, легенды...

— И ты веришь им? Ты веришь всему, что мы тебе рассказали?

— Чему же еще мне верить? — Он покраснел. — Какой резон вам лгать мне?

— Мы могли бы лгать тебе во всем, день и ночь, по любой из двух веских причин. Потому, что мы — Синги. Или потому, что мы думали, будто ты служишь им.

Возникла пауза.

— Но я мог бы служить им, сам того не зная, — сказал Фальк, опустив глаза.

— Не исключено, — кивнул Глава. — Ты должен учитывать такую возможность, Фальк. Между нами говоря, Меток всегда был убежден, что твой мозг запрограммирован. И все же он иногда не лгал тебе. Никто из нас не пытался преднамеренно ввести тебя в заблуждение. Один поэт сказал как-то тысячу лет назад: «В истине заключается человечность...» — Зоув произнес эти слова торжественным тоном, а затем рассмеялся. — Двуличен, как и все поэты. Да, мы поведали тебе обо всем, что сами знали, Фальк, не кривя душой, но, возможно, не все наши предположения и легенды согласуются с истиной...

— Вы в состоянии научить меня отличать правду от лжи?

— Нет, не в состоянии. Ты впервые увидел свет где-то в другом месте... возможно, даже на другой планете. Мы помогли тебе снова стать взрослым, но мы не в силах вернуть тебе настоящес детство. Оно бывает у человека только раз...

— Среди вас я чувствую себя ребенком, — с горечью промотал Фальк.

— Но ты не ребенок! Ты — неопытный взрослый. Ты — в некотором роде калека, именно потому, что в тебе нет частицы ребенка, Фальк. У тебя обрублены корни, ты оторван от своих истоков. Разве ты можешь сказать, что здесь твой родной дом?

— Нет, — ответил Фальк, вздрогнув, и тут же добавил: — Но я очень счастлив здесь!

Глава Дома немного помолчал, затем продолжил свои расспросы:

— Как ты считаешь, хороша ли наша жизнь, ведем ли мы образ жизни, подобающий людям?

— Да.

— Тогда скажи мне вот что. Кто наш враг?

— Синги.

— Почему?

— Они откололись от Лиги Миров, лишили людей свободы выбора, разрушили плоды их труда и хранилища информации. Они остановили эволюцию расы. Они — тираны и лжецы.

— Но они не мешают нам жить здесь так, как мы хотим.

— Мы затаились... мы живем порознь, чтобы они оставили нас в покое. Если бы мы попытались построить какую-нибудь большую машину, если бы мы стали объединяться в группы, города или народы для того, чтобы сообща вершить что-нибудь грандиозное, тогда Синги пришли бы к нам, разрушили содеянное и разбросали бы нас по миру. Я лишь повторяю то, что вы неоднократно говорили мне, Глава, и во что я верю!

— Я знаю. Интересно, не чувствовал ли ты за фактами некую... легенду, догадку, надежду...

Фальк промолчал.

— Мы прячемся от Сингов. А также мы прячемся от самих себя, от тех, какими мы были прежде. Ты понимаешь это, Фальк? Нам неплохо живется в наших домах... совсем не плохо, но нами руководит исключительно страх. Некогда мы путешествовали среди звезд, а теперь мы не осмеливаемся отойти от дома уже на сотню миль. Мы храним остатки знаний, но никак не пользуемся ими. Хоть в прошлом мы использовали эти знания для того, чтобы ткать образ нашей жизни, словно гобелен, простертый над ночью и хаосом. Мы преумножали возможности, что давала нам жизнь. Мы занимались работой, достойной людей.

Зоув снова задумался, а затем продолжил, глядя на светлое ноябрьское небо:

— Представь себе множество планет, различных людей и зверей, живущих на них, созвездия их небес, выстроенные ими города, их песни и обычаи. Все это утрачено, утрачено нами столь же окончательно и бесповоротно, как твое детство потеряно для тебя. Что мы, по существу, знаем о времени собственного величия? Несколько названий планет и имен героев, обрывки фактов, из которых мы пытаемся скроить полотно истории. Закон Сингов запрещает убийство, но они убили знания, они сожгли книги и, что, быть может, хуже всего, фальсифицировали оставшееся. Они, как водится, погрязли во Лжи. Мы не уверены ни в чем, что касается Эпохи Лиги; сколько документов было подделано? Ты должен помнить: что бы ни случилось, Синги — наши враги! Можно прожить целую жизнь, так воочию и не увидев ни одного из них. В лучшем случае услышишь, как где-то вдалеке пролетает их воздухолет. Здесь, в Лесу, они оставили нас в покое, и, вероятно, то же самое происходит повсюду на Земле, хотя наверняка ничего не известно. Они не трогают нас, пока мы остаемся здесь, в темнице нашего невежества и дикости, пока мы кланяемся, когда они пролетают над нашими головами. Но они не доверяют нам. Как они могут доверять нам даже по прошествии двенадцати столетий! Им неведомо такое чувство, как доверие, поскольку у них лживое нутро. Они не соблюдают договоров, могут нарушить любое обещание, любую клятву, предают и лгут не переставая, а некоторые записи времен Падения Лиги намекают на то, что они способны лгать даже в мыслях. Именно Ложь победила все расы Лиги и поставила нас в подчиненное положение. Помни об этом, Фальк. Никогда не верь Врагу, что бы он ни говорил.

— Я буду помнить об этом, Глава, если мне суждено когда-либо встретиться с Врагом.

— Ты не встретишься с ним, если только сам того не захочешь.

Отражавшееся на лице Фалька понимание сменилось застывшим, напряженным выражением. То, чего он ожидал, наконец свершилось.

— Вы хотите сказать, Глава, что я должен покинуть Дом?

— Ты сам уже подумывал об этом, — так же спокойно ответил Зоув.

— Да. Но мне незачем уходить. Я хочу жить здесь. Партия...

Он запнулся, и Зоув, воспользовавшись этим, мягко отрезал:

— Я уважаю любовь, расцветшую между тобой и Парт, ваше счастье и преданность друг другу. Но ты пришел сюда по дороге куда-то еще, Фальк. К тебе здесь все хорошо относятся и всегда хорошо относились. Твой брак с моей дочерью почти наверняка был бы бездетным, но даже в этом случае я радовался бы ему. Однако я убежден, что тайна твоего происхождения и твоего появления здесь настолько велика, что ее нельзя небрежно отбросить в сторону. Ты мог бы указать новые пути, у тебя впереди много работы...

— Какой работы? Кто может поведать мне об этом?

— То, что хранится в тайне от нас, и то, что украли у тебя, находится у Сингов. В этом ты можешь быть совершенно уверен.

В голосе Зоува звучала такая мучительная, болезненная горечь, какой Фальку никогда прежде не доводилось слышать.

— Разве те, кто погряз во лжи, скажут мне всю правду, если я их об этом попрошу? И как мне узнать предмет моих поисков, даже если мне удастся отыскать его?

Зоув немного помолчал, затем с обычной убежденностью произнес:

— Я все больше склоняюсь к мысли, сынок, что в тебе заключена какая-то надежда для людей Земли. Мне не хочется отказываться от этой мысли. Но только ты сам сможешь отыскать свою собственную правду. Если тебе кажется, что твой путь заканчивается здесь, то, возможно, это и есть правда.

— Если я уйду, — неожиданно спросил Фальк, — вы позволите Парт пойти вместе со мной?

— Нет, сынок.

Внизу в саду пел ребенок — четырехлетний сынишка Гарры. Он выписывал замысловатые кренделя на дорожке и звонко напевал какую-то милую несуразицу. Высоко в небе, выстроившись в клин, летели стая за стаей на юг дикие гуси.

— Я должен был идти с Метоком и Фурро за невестой для Фурро, — сказал Фальк. — Мы намеревались отправиться как можно скорее, пока не изменилась погода. Если я решу уйти, то отправлюсь в путь от Дома Рансифеля.

— Зимой?

— Несомненно, к западу от Рансифеля есть и другие Дома, где меня приютят в случае необходимости.

Фальк не сказал, а Зоув не спросил, почему он собирается идти именно на запад.

— Может, оно и так. Я не знаю, дают ли там пристанище путникам. Но если ты уйдешь, то ты останешься один, и тебе следует и впредь оставаться одному. За пределами этого Дома другого безопасного места для тебя нет на всей Земле.

Зоув, как всегда, говорил от чистого сердца и платил за правду внутренней болью и сдержанностью. Фальк быстро заверил его:

— Я все понимаю, Глава. Я буду сожалеть не о безопасности...

— Я скажу тебе то, что я думаю в отношении тебя. Я полагаю, что ты родом с одного из затерянных миров. Я думаю, что ты родился не на Земле. Я полагаю, что ты — первый инопланетянин, ступивший на Землю за последние тысячу или, быть может, даже более лет и принесший с собой какое-то послание или знак. Синги заткнули тебе рот и отпустили тебя в лесу, чтобы никто не мог обвинить их в твоем убийстве. И ты пришел к нам. Если ты уйдешь, я буду горевать, зная, насколько тебе одиноко, но я буду надеяться на тебя и на нас самих! Если у тебя есть известие для людей, то ты в конце концов его вспомнишь. Должна же быть хоть какая-то надежда для нас, хоть какой-то знак, ведь нельзя жить такечно!

— Возможно, моя раса никогда не была в дружественных отношениях с человечеством? — сказал Фальк, глядя на Зоува своими желтыми глазами. — Кто знает, ради чего я явился сюда?

— Именно. Ты разыщешь тех, кто знает. И тогда сделаешь то, что тебе предназначено сделать. Я не испытываю страха. Если ты служишь Врагу, то и мы все ему служим: все уже потеряно, и терять нам больше нечего. Если же это не так, то тогда ты обладаешь тем, что некогда потеряли люди, — предназначением! И следя ему, возможно, ты все-лишь надежду во всех нас...

Глава 2

Зоув прожил шестьдесят лет, Парт — двадцать, но в этот холодный день, заставший девушку в Длинном Поле, она чувствовала себя старухой, потерявшей счет годам. Ее вовсе не утешала мысль о грядущем триумфе прорыва к звездам или о торжестве истины. Пророческий дар ее отца преломился в ней в отсутствие иллюзий. Она знала, что Фальк собирается уйти из Дома.

— Ты больше сюда не вернешься, — только и выдавила из себя она.

— Я вернусь, Парт.

Девушка обняла его, пропуская мимо ушей обещания.

Фальк попытался мысленно дотянуться до нее, но в телепатическом общении он был не слишком искусен. Единственным Слухачом в Доме была слепая Кретьян. Никто из прочих обитателей Дома не проявлял способностей к общению без слов — мыслеречи. Техника обучения мыслеречи не была утрачена, однако на практике применялась нечасто. Великое достоинство этого наиболее сжатого и совершенного способа общения превратилось в угрозу для людей.

Мысленный диалог между двумя разумами мог быть не последовательным и сумбурным, не обходилось без ошибок и взаимного недоверия, однако им нельзя было пренебрегать. Между мыслью и сказанным словом существует зазор, куда может внедриться намерение; что-то останется за рамками, и на свет появится ложь. Между мыслью и мысленным посланием такого зазора нет; они рождаются одновременно, и места для лжи не остается.

В последние годы существования Лиги, судя по рассказам и обрывочным записям, с которыми ознакомился Фальк, мыслеречь использовалась очень широко, и телепатические способности достигли весьма высокой степени развития. Данные навыки на Земле появились довольно поздно; техника мыслеречи была позаимствована у какой-то иной расы. Одна из книг называла ее «Последним Искусством». В книгах имелись также намеки на трения и частые перестановки в правительстве Лиги Миров, возникавшие, вероятно, вследствие преобладания формы общения, которая отрицала ложь.

Но все эти слухи были такими же туманными и полумифическими, как и вся история человечества. Не вызывало сомнений только одно: после прихода Сингов и падения Лиги разрозненные общины больше не доверяли друг другу и использовали обычную речь. Свободный человек мог говорить свободно, но рабам и беглецам приходилось скрывать свои мысли. Именно это твердили Фальку в Доме Зоува, так что у него практически не было опыта в установлении связи между разумами.

Фальк старался убедить Парт в том, что он не лжет:

— Верь мне, Парт, я еще вернусь к тебе!

Но она не хотела его слушать.

— Нет, я не буду говорить с тобой мысленно, — произнесла она вслух.

— Значит, ты оберегаешь свои мысли от меня?

— Да, оберегаю. Зачем мне передавать тебе свою печаль? Какой толк в правде? Если бы ты солгал мне вчера, я до сих пор пребывала в уверенности, что ты просто собираешься к Рансифелю и через десять дней вернешься назад. Значит, у меня были бы в запасе десять дней и десять ночей. Теперь же у меня ничего не осталось, ни единого дня или часа. У меня забрали все подчистую. Так что же хорошего в правде?

— Парт, ты будешь ждать меня?

— Нет.

— Всего один год...

— Через год и один день ты вернешься верхом на серебристом скакуне, чтобы увезти меня в свое королевство и сделать законной королевой?.. Нет, я не намерена ждать тебя, Фальк. Почему я обязана ждать человека, чей труп будет гнить в лесу или которого застрелят в прериях Скитальцы? А может, тебя лишат разума в Городе Сингов или отправят в вековое путешествие к другой звезде? Чего именно ты предлагаешь мне ждать? Не думай, что я найду себе другого мужчину. Нет, я останусь здесь, в отчим доме, выкрашу нитки в черный цвет и сотку себе черную одежду, чтобы носить ее и умереть в ней. Но я не стану никого и ничего ждать! Никогда.

— Я не имел права спрашивать... — промолвил он с болью в голосе.

Она заплакала.

— О, Фальк, я ни в чем не виню тебя!

Они сидели на пологом склоне, возвышавшемся над Длинным Полем. Между ними и лесом паслись на огороженном пастбище овцы и козы. Годовалые ягнята сновали между длинношерстными матками. Дул унылый ноябрьский ветер.

Парт прикоснулась к золотому кольцу на его левой руке.

— Кольцо, — сказала она, — это вещь, которую дарят. Временами мне приходит в голову... а тебе не приходит?.. что у тебя, возможно, была жена. Представь, вдруг она ждет тебя...

Девушка задрожала.

— Ну и что? — спросил Фальк. — Какое мне дело до того, кем я был, что было со мной? К чему мне уходить отсюда? Все, кем я являюсь теперь, — это твое, Парт, исходило от тебя, это твой дар...

— И он был сделан по доброй воле, — сквозь слезы сказала девушка. — Возьми его и иди... Уходи...

Они обнимали друг друга, и ни один из них не пытался освободиться из этих объятий.

Дом остался далеко позади за покрытыми инеем черными стволами и переплетенными голыми ветвями деревьев, которые смыкались за спинами путников.

День был серым и холодным, тишину леса нарушало только посвистывание ветра в ветвях — бессмысленное перешептывание, которое, казалось, шло отовсюду и никогда не смолкало. Впереди размашистой легкой походкой шагал Меток, за ним следовал Фальк, замыкал группу молодой Фурро. Все трое были одеты в легкие теплые куртки с капюшонами и штаны из нетканого материала, который называли зимним, что не давал замерзнуть даже в самый сильный снегопад. Каждый нес небольшой заплечный мешок с подарками, товарами для торговли, спальником и запасом сухих концентратов, достаточным, чтобы переждать месячную пургу. Лупоглазая, которая с самого рождения ни разу не покидала Дом, ужасно боялась леса и соответственно снаряжала их в дорогу. У каждого был лазерный пистолет, а Фальк дополнительно нес еще медикаменты, компас, второй пистолет, смену одежды, бухту веревки и небольшую книгу, что дал ему Зоув два года назад, — это составляло все его пожитки и весило около пятнадцати фунтов. Меток, Фальк и Фурро легко и бесшумно шагали по устланной листвами узкой тропе, окруженной безмолвными деревьями.

Они должны были добраться до Рансифеля на третий день пути. Вечером второго дня они ступили в местность, отличавшуюся от той, что окружала Дом Зоува. Лес поредел, все чаще попадались кочки. Вдоль склонов холмов виднелись серые прогалины, по которым текли укрытые кустарником ручьи.

Друзья разбили лагерь на одной из таких прогалин, на южном склоне холма, поскольку усилился несущий дыхание зимы северный ветер. Фурро принес несколько охапок сухого хвороста, а двое других путников очистили место для костра от травы и сложили незамысловатый каменный очаг.

— Мы пересекли водораздел сегодня днем, — заметил Меток, пока они работали. — Ручей течет здесь на запад и в конце концов впадает во Внутреннюю реку.

Фальк выпрямился и посмотрел на запад, но невысокие холмы и затянутое тучами небо ограничивали обзор.

— Меток, — сказал он, — я думаю, что мне нет смысла идти к Рансифелю. Мне лучше пойти своим путем. Кажется, вдоль большого ручья, который мы пересекли сегодня днем, идет тропа, ведущая на запад. Я вернусь туда и пойду по ней.

Меток поднял глаза. Он не владел мысленной речью, но

взгляд его был достаточно красноречив: не намереваешься ли ты сбежать домой?

Фальк же воспользовался мысленной речью для ответа: «Нет, черт побери!»

— Извини! — вслух произнес Старший Брат своим обычным мрачным тоном.

Он и не пытался скрыть того, что только рад уходу Фалька. Для Метока не было ничего важнее безопасности Дома. Каждый чужак таил в себе угрозу, даже тот, с кем он прожил бок о бок целых пять лет, который был его соратником по охоте и возлюбленным его сестры.

— Тебя хорошо примут у Рансифеля, Фальк, — продолжал он. — Почему бы тебе не начать свое путешествие оттуда?

— А почему бы не отсюда?

— Дело твое.

Меток установил последний камень, и Фальк принялся разводить огонь.

— Если мы и пересекли тропу, то я не знаю, откуда она ведет и куда. Завтра утром мы пересечем настоящую тропу — старую. Дорогу Хайренда. Дом Хайренда расположен далеко на западе. Идти туда пешком не меньше недели. За последние шестьдесят-семьдесят лет туда никто не ходил — не знаю, по какой причине. Но когда я бывал там в последний раз, дорога была по-прежнему отчетливо видна. Та же, о которой ты говоришь, может оказаться звериной тропой и завести тебя в болото или лесную чащу.

— Хорошо, — согласился Фальк. — Я попробую пойти по Дороге Хайренда.

Возникла пауза, а затем Меток спросил:

— Почему ты собираешься идти на запад?

— Потому что Эс Тох находится на западе.

Это редко произносимое вслух имя прозвучало как-то странно под покровом небес. Фурро, подошедший с охапкой хвороста, с тревогой огляделся вокруг. Больше Меток вопросов не задавал.

Там, на склоне холма у костра, провел Фальк последнюю ночь с теми, кто был для него братьями и соплеменниками. На следующее утро, едва рассвело, они вновь отправились в путь и задолго до полудня подошли к широкой заросшей тропе, ответвлявшейся влево от тропинки, ведущей к Рансифелю. Ее начало было помечено, словно вратами, двумя ог-

ромными соснами. Под сенью ветвей, где остановились путники, царили сумрак и тишина.

— Возвращайся к нам, наш гость и брат, — сказал молодой Фурро.

Его настроение, приподнятое предстоящим сватовством, несколько упало при виде этого мрачного, едва видного пути, по которому предстояло идти Фальку. Меток же только произнес:

— Дай мне свою фляжку.

Взамен он протянул свою собственную, выполненную из серебра со старинной гравировкой.

Затем они разошлись. Двое пошли на север, один — на запад.

Пройдя немного, Фальк остановился и посмотрел назад. Его спутники уже исчезли из виду. Тропа Рансифеля еле виднелась за молодой порослью деревьев и кустарников, покрывавшей Дорогу Хайненда. Похоже было, что этой дорогой все-таки пользовались, хотя и нечасто. Но ее не расчищали уже много лет.

Фальк стоял в одиночестве посреди лесной чащи, в тени бесконечных деревьев. Земля была мягкой от листьев, опадавших на нее добрую тысячу лет. Огромные сосны и кедры приглушали свет и звуки. В воздухе кружилось несколько снежинок.

Фальк немного ослабил ремень, на котором держалась его поклажа, и двинулся дальше.

К наступлению вечера ему уже чудилось, что он в пути целую вечность и ушел бесконечно далеко от Дома и что он всегда был таким одиноким.

Дни в точности походили один на другой. Серый зимний свет, легкий ветерок, поросшие лесом холмы и долины, затяжные подъемы и спуски, скрытые в кустах ручьи, болотистые низины... И хотя Дорога Хайненда сильно заросла, идти по ней было совсем несложно, поскольку она вся состояла из длинных прямых участков с плавными поворотами и избегала болот и возвышенностей. Очнувшись среди холмов, Фальк понял, что эта дорога следует какому-то древнему тракту, который был прорублен прямо через холмы и даже две тысячи лет не смогли стереть его с лица земли. Но деревья уже росли на нем и вдоль него на всем протяжении — сосны и кедры, густые заросли шиповника на обочинах, бесконечные ряды дубов, буков, орешника, ясеней, ольхи, вязов, и над всеми ними возвышались величавые кроны каштанов,

которые теперь теряли свои последние темно-желтые листья, роняя их на дорогу.

По вечерам Фальк готовил себе ужин из белки или кролика, а иногда даже из дикой курицы, которых ему удавалось подстрелить среди моря деревьев, где сновала уйма всякой мелкой живности. Он собирал орехи и жарил на углях каштаны. Но по ночам ему было плохо. Два кошмара неотступно преследовали его и заставляли просыпаться к полуночи. Во-первых, ему казалось, что кто-то, кого он никогда раньше не встречал, тайком преследует его в темноте. Второй кошмар был еще хуже: чудилось, будто он забыл взять с собой что-то очень важное, существенное, без чего ему грозит неминуемая гибель. Фальк просыпался, осознавая, что это сущая правда: он потерялся, позабыв не что иное, как самого себя.

Он разводил костер, когда не было дождя, и жался к огню, слишком сонный и сбитый с толку кошмарами, чтобы взять в руки книгу «Старый Канон» и поискать утешения в словах, которые гласили, что, когда все пути потеряны, Истинный Путь виден отчетливо. Одиночество всегда являлось страшным испытанием для человека. А он ведь не был человеком; в лучшем случае он был недочеловеком, пытавшимся обрести свою цельность и бесцельно бредущим через страну под равнодушными звездами... Даже однообразные, хмурые, безрадостные дни служили облегчением после длинных осенних ночей.

Фальк по-прежнему продолжал вести счет времени и на тринадцатый день путешествия, одиннадцатый после перекрестка, подошел к концу Дороги Хайренда. Некогда здесь была Поляна. Он пробрался через густые заросли ежевики и поросль молодых березок к четырем обвалившимся почерневшим башням — дымоходам рухнувшего Дома, которые до сих пор возвышались над зарослями чертополоха и лозами дикого винограда. От Дома Хайренда теперь осталось только название. Дорога обрывалась в развалинах.

Фальк задержался среди руин на несколько часов ради мимолетных следов былого присутствия людей. Он переворачивал немногие уцелевшие части проржавевших механизмов, разбитые черепки, лоскуты сгнившей материи, которые распадались в прах при одном его прикосновении... Наконец он взял себя в руки и стал искать тропу, ведущую на запад от поляны. По пути встретилось какое-то странное место — квадратное поле со стороныю в полмили, покрытое совершенно ровной и гладкой, без малейших трещин, субстанцией, напоминавшей темно-фиолетовое стекло. По краям на

него наползала земля, по нему были разбросаны ветки и листья, но оно оставалось неповрежденным. Этот ровный кло-
чок земли словно некогда залили расплавленным аметистом. Что это было — пусковая площадка какого-то невообрази-
мого летательного аппарата, зеркало, с помощью которого можно передавать сигналы на другие планеты, основание некоего силового поля?.. Чем бы эта площадка ни была, она навлекла беду на Дом Хайренда. Синги не могли позволить людям предпринять слишком великое начинание.

Миновав странное место, Фальк ступил в лес, теперь уже не следя какой-либо тропе.

Лес здесь был редким, состоявшим из величественных лиственных деревьев. Остаток дня Фальк шел быстрым шагом и поддерживал тот же темп все следующее утро. Местность снова становилась холмистой, вытянувшись с севера на юг цепи холмов пересекали его путь, и около полудня он очутился в болотистой долине, полной ручьев, которая показалась ему с высоты близлежащей цепи холмов наиболее удобным местом для преодоления следующей гряды.

Фальк стал искать брод, барактаясь на заболоченных заливных лугах под сильным холодным дождем. Когда он наконец выбрался из этой угрюмой долины, погода начала разгуливаться, из-за туч вышло солнце и позолотило своими лучами землю, стволы и голые ветви деревьев.

Это подбодрило путника. Фальк решительно зашагал дальше, рассчитывая идти до самой темноты и только тогда разбить лагерь. Мир заполняли свет и абсолютная тишина, если не считать звона срывающихся с концов ветвей капель и отдаленного пересвистывания синичек. Затем он услышал, совсем как в своем сне, слева от себя звуки шагов, которые следовали за ним.

Упавший дуб, некогда бывший досадной помехой, в мгновение превратился в укрытие; Фальк спрятался за ним и, держа наготове пистолет, громко крикнул:

— Выходи!

Долгое время все было тихо.

— Выходи! — приказал мысленно Фальк, но тут же закрылся от чужих мыслей, поскольку боялся получить ответ. Он ощущал присутствие чего-то чуждого; в воздухе витал слабый неприятный запах.

Из-за деревьев вышел дикий кабан. Зверь пересек человеческие следы и остановился, обнюхивая землю. Нелепая, огромная свинья с могучими плечами, заостренной спиной и проворными, запачканными грязью ножками. С покрытого

складками щетинистого рыла на Фалька взглянули крохотные сверкающие глазки.

— Ах, человече, — гнусаво протянуло создание.

Напряженные мышцы Фалька резко сократились, и он еще крепче сжал рукоятку лазерного пистолета, но стрельбу решил пока не открывать. Раненый кабан может быть невероятно быстр и опасен. Фальк скорчился за стволом, стараясь не шевелиться.

— Человек, человек, — снова проговорил дикий кабан низким и монотонным голосом, — думай для меня. Думай для меня. Слова мне трудны.

Рука Фалька, державшая пистолет, задрожала. Неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Ну и не говори тогда. Я не намерен общаться с тобой мысленно. Давай иди своей кабаньей дорогой.

— Ах, человече, поговори со мной мысленно!

— Уходи, не то я выстрелю!

Фальк выпрямился и направил пистолет на животное. Маленькие сверкающие глазки уставились на оружие.

— Нехорошо забирать чужую жизнь, — произнес кабан.

Фальк уже пришел в себя и на сей раз промолчал, будучи уверен, что зверь не поймет его слов. Он слегка повел дулом пистолета, прицелился получше и сказал:

— Уходи!

Кабан в нерешительности опустил голову, потом с невероятной быстротой, словно освободясь от связывавших его пут, повернулся и опрометью рванул в том направлении, откуда пришел.

Фальк некоторое время стоял неподвижно, затем повернулся и вновь продолжил свой путь, держа пистолет наготове. Рука его слегка дрожала.

Существовали старинные предания о говорящих зверях, но обитатели Дома Зоува считали их чистыми сказками. Фальк ощутил кратковременный приступ тошноты и столь же мимолетное желание громко рассмеяться.

— Парт, — прошептал он, поскольку ему нужно было хоть с кем-то поговорить. — Я только что получил урок этики от дикого кабана... О Парт, выйду ли я когда-нибудь из леса? Есть ли у него конец?

Он поднялся на крутую, заросшую кустарником гряду. На вершине лес слегка поредел, и между деревьев показался свет солнца и чистое небо. Еще через несколько шагов Фальк вышел из-под ветвей на зеленый склон, что спускался к

садам и распаханным полям, окружавшим широкую чистую реку.

На противоположном берегу реки на огороженном лугу паслось стадо в полсотни голов, а еще дальше, перед западной грядой холмов, располагались луга и сады. Чуть южнее от того места, где стоял Фальк, река огибала невысокий холм, на склоне которого возвышались красные трубы Дома, озаренные заходящим вечерним солнцем.

Дом казался реликтом золотой поры человечества, прокипевшим к этой долине. Века его пощадили. Прибежище, уют и прежде всего порядок — произведение рук человеческих. Какая-то слабость охватила Фалька при виде дыма, поднимавшегося из красных кирпичных труб.

Он сбежал вниз по длинному склону, через огороды на тропу, которая вилась вдоль реки среди низкорослой ольхи и золотистых ив. Не было видно ни единой живой души, кроме красно-бурых коров, пасшихся за рекой. Тишина и покой наполняли залитую зимним солнцем долину.

Замедлив шаг, Фальк направился через огороды к ближайшей двери дома. По мере того как он огибал холм, перед ним вставали высокие стены из красного кирпича и камня, отражавшиеся в стремнине изгиба реки. В некотором замешательстве молодой человек остановился, решив, что лучше громким окликом дать знать о своем присутствии, прежде чем следовать дальше.

Краем глаза он уловил какое-то движение в открытом окне как раз над глубокой дверной нишой. Фальк в нерешительности стоял и смотрел вверх, когда вдруг неожиданно почувствовал глубокую острую боль в груди между ребер. Он зашатался и осел, скаввшись, как прихлопнутый паук.

Боль жила в нем лишь краткое мгновение. Он не потерял сознания, но был не в силах пошевелиться или промолвить хоть слово.

Его окружили люди. Он видел их, хотя и смутно, сквозь накатывавшие волны небытия, но почему-то не слышал голосов. Он будто совершенно оглох, а тело его полностью оцепенело. Он силился собраться с мыслями, несмотря на отказ органов чувств. Его схватили и куда-то понесли, но он не ощущал рук, которые подняли его. Сперва навалилось ужасное головокружение, а когда оно прошло, Фальк потерял всякий контроль над своими мыслями — те куда-то рвались, путались, мешали одна другой... В голове начали возникать какие-то голоса, кричащие и шепчущие, хотя весь мир плыл, тусклый и беззвучный, перед его глазами.

«Кто ты... ты откуда пришел Фальк куда ты идешь не знаю человек ли ты на запад я не знаю не человек...»

Слова накатывались, как волны, отзывались эхом, парили, будто ласточки, что-то требовали, напирали, наталкивались друг на друга, кричали, умирали в серой тишине...

Черная пелена застилала глаза. Через нее пробился лучик света.

Стол; край стола, освещенный лампой в темной комнате.

Фальк обрел способность видеть, чувствовать. Он сидел на стуле в темной комнате за длинным столом, на котором стояла лампа. К стулу его привязали: он чувствовал, как веревка врезается в мышцы груди и рук при малейшей попытке пошевелиться.

Движение: слева возник один человек, справа — другой. Подобно Фальку, незнакомцы сидели вплотную к столу: наклонились вперед и переговаривались друг с другом. Голоса их доносились словно издалека, из-за высоких стен, и Фальк не мог разобрать ни слова.

Он поежился от холода. Это чувство крепче связало его с реальностью, и он начал обретать контроль над своими ощущениями. Улучшился слух, вернулась способность шевелить языком.

Удалось пробормотать невнятно:

— Что вы со мной сделали?

Ответа не последовало, но вскоре человек, который сидел слева, приблизил свое лицо вплотную к лицу Фалька и громко спросил:

— Почему ты пришел сюда?

Фальк услышал слова; через мгновение он понял, что они означали. Спустя еще мгновение он ответил:

— Ради убежища. На ночь.

— Убежища? От чего ты искал убежища?

— От леса. От одиночества.

Холод все глубже пронизывал его. Удалось слегка высвободить свои тяжелые, онемевшие руки, и Фальк попытался застегнуть рубашку. Пониже веревок, которыми он был привязан к стулу, как раз между ребер, он нашупал небольшое болезненное пятнышко.

— Держи руки по швам! — велел человек, сидевший в тени справа. — Нет, здесь больше чем программирование, Аргерд. Никакая гипнотическая блокировка не смогла бы противостоять пентанолу.

Тот, кто сидел слева, крупный мужчина с плоским лицом и бегающими глазками, ответил тихим, шипящим голосом:

— Откуда у тебя такая уверенность? Что нам, собственно, известно об их трюках? В любом случае откуда нам знать, какова его сопротивляемость, кто он? Эй, Фальк, ответь, где находится то место, откуда ты к нам пришел, — Дом Зоува, не так ли?

— На востоке. Я вышел... — Число никак не приходило ему в голову. — Думаю, четырнадцать дней назад.

Как им удалось узнать название его Дома, а также его собственное имя?

Способность мыслить быстро возвращалась к Фальку, и его удивление длилось недолго. Ему случалось охотиться на оленей с Метоком, стреляя при этом специальными дротиками; животное погибало от малейшей царапины. Игла, которая воинзилась в него, или последующая инъекция, сделанная, когда он был беспомощен, содержала некий наркотик, который наверняка снимал как сознательный самоконтроль, так и примитивные подсознательные блокировки телепатических центров мозга, оставляя его открытым для допроса.

Они рылись в его мозгу. От этой мысли ощущение холода и слабости нахлынуло еще сильнее, подкрепленное бессильной яростью. Какова причина столь бесцеремонного вторжения? Почему они решили, что он намерен лгать им, еще до того, как перемолвились с ним хоть словом?

— Вы думаете, что я — Синг?

Лицо человека справа, худого, длинноволосого и бородатого, внезапно появилось в круге лампы. Поджав губы, незнакомец открытой ладонью ударил Фалька по губам. Голова Фалька откинулась назад, и от удара он на мгновение ослеп. В ушах зазвенело, во рту возник привкус крови. Затем последовал второй удар, третий...

Человек свистящим шепотом повторял раз за разом:

— Не упоминай этого имени, не упоминай, не упоминай...

Фальк беспомощно ерзал на стуле, пытаясь хоть как-то защититься или вырваться. Человек слева что-то отрывисто рявкнул, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Я пришел сюда с добрыми намерениями, — сказал наконец Фальк, стараясь говорить как можно спокойнее, несмотря на гнев, боль и страх.

— Хорошо, — кивнул сидевший слева Аргерд. — Давай выкладывай свою историю. Итак, ради чего ты пришел сюда?

— Переночевать и спросить, есть ли поблизости какая-нибудь тропа, ведущая на запад?

— Почему ты идешь на запад?

— Зачем вы спрашиваете? Я же сказал вам об этом мысленно, когда нет места лжи. Вы знаете, что у меня на уме.

— У тебя какой-то странный разум, — слабым голосом произнес Аргерд, — и необычные глаза. Никто не приходит сюда, чтобы переночевать или узнать дорогу, или еще за чем-нибудь. А если все же слуги тех, других, приходят сюда, мы убиваем их. Мы убиваем прислужников и говорящих зверей, Странников, свиней и всякий сброд. Мы не подчиняемся закону, который гласит, что нельзя отбирать чужую жизнь. Не так ли, Дреннем?

Бородач ухмыльнулся, показав при этом коричневые зубы.

— Мы — люди! — сказал Аргерд. — Свободные люди! Мы — убийцы. А кто ты такой, с наполовину развитым мозгом и совиными глазами, и что помешает нам убить тебя? Разве ты человек?

На своем коротком веку Фальку не доводилось сталкиваться лицом к лицу с жестокостью и ненавистью. Тем немногим людям, которых он знал, было ведомо чувство страха, но страх не правил ими. Они были великодушны и дружелюбны. Перед этими двумя мужчинами Фальк был беззащитен, как ребенок, и это приводило его в замешательство и ярость.

Он тщетно искал какой-нибудь способ защиты или отговорку... Напрасно! Единственное, что ему оставалось, — говорить правду.

— Я не знаю, кто я и откуда пришел в этот мир. И я собираюсь выяснить это.

— Где?

Фальк посмотрел сначала на Аргерда, затем на Дреннема. Он знал, что ответ им известен и что Дреннем снова ударит его, едва его губы произнесут это слово.

— Отвечай! — прорычал бородатый. Он приподнялся и наклонился вперед.

— В Эс Тохе, — сказал Фальк, и Дреннем снова ударил его по лицу, и снова Фальк принял этот удар молча и униженно, как ребенок, которого наказывают неизвестные ему люди.

— Какой в этом смысл? Он не собирается поведать нам что-либо сверх того, что мы вытянули из него под пентанолом. Позволь ему встать, — вступил за Фалька Аргерд.

— И что потом? — спросил Дреннем.

— Он пришел сюда просить пристанища на ночь, и он его получит. Поднимайся!

Веревку, которой он был привязан к стулу, ослабили. Фальк, шатаясь, поднялся. Когда он увидел низкую дверь и черный колодец лестницы, к которому его подвели, он попытался сопротивляться и вырываться, но мышцы еще не были готовы слушаться. Дреннем заставил Фалька пригнуться и с силой пихнул его через порог. Дверь с треском захлопнулась, пока он повернулся и, шатаясь, пытался удержаться на лестнице.

Здесь царила кромешная тьма. Дверь, не имевшая ручки с его стороны, была подогнана так плотно, что сквозь нее не проникало ни единого звука или лучика света. Фальк сел на верхней ступеньке и уткнулся лицом в ладони.

Мало-помалу слабость тела и смятение мыслей начали отступать. Он поднял голову и попытался хоть что-то разглядеть.

Фальк обладал исключительным острым ночным зрением; на эту способность его глаз с огромными зрачками и радужкой ему давным-давно указала Райна. Но сейчас в глазах плясали только какие-то точки и туманные образы. Он был не в состоянии что-либо разглядеть. Поэтому встал и осторожно начал спускаться вниз по узким невидимым ступенькам.

Двадцать одна ступенька, двадцать две, двадцать три — и ровный пол. Грязь. Фальк медленно двинулся вперед, вытянув руку и прислушиваясь.

Хотя темнота чуть ли не физически давила на него, сковывала движения, пыталась обмануть, заставляя думать, что стоит ему хорошенько присмотреться, и он прозреет — ее самой Фальк не боялся. Методично, шагами и прикосновениями, он обследовал ту часть обширного подвала, в которой находился. Это была только первая комната из длинной вереницы, которая, судя по эху, казалось, уходила в бесконечность. Он вернулся к лестнице — та, будучи отправной точкой исследований, стала его базой, — присел на самую нижнюю ступеньку и некоторое время сидел неподвижно. Его мучили голод и сильная жажда. Всю поклажу забрали, ничего ему не оставив.

«Это твоя вина», — горько укорил самого себя Фальк, и в его мозгу прозвучало нечто вроде диалога.

«Что я такого сделал? Почему они напали на меня?»

«Зоув говорил тебе: никому не доверяй. Они никому не доверяют и, пожалуй, правы».

«Даже тем, кто приходит с мольбой о помощи».

«А твое лицо и твои глаза? Разве не ясно с первого же взгляда, что ты не являешься нормальным человеком?»

«Но ведь все равно они могли бы дать мне глоток воды», — настаивала детская и потому не ведавшая страха часть его мозга.

«Чертовски повезло, что тебя не убили, едва завидев», — отвечал интеллект, и это крыть было нечем.

Все обитатели Дома Зоува, конечно, давно привыкли к его внешности, а гости были очень редки и осторожны, и поэтому ему никогда не указывали прямо на наличие у него физических отличий от нормальных людей. Казалось, эти отличия играли гораздо меньшую роль в долгой изоляции Фалька по сравнению с его невежеством и потерей памяти. Теперь же он впервые понял, что любой незнакомец, взглянув на его лицо, не признает в нем человека.

Тот, кого звали Дреннем, особенно боялся незваного гостя. Он потому и был его, что отчаянно боялся всего чужого и питал к Фальку отвращение, считая его странным чудовищем.

Именно это и пытался растолковать ему Зоув, когда давал свое серьезное и почти нежное напутствие: «Ты должен идти один, ты сможешь идти только один!»

Теперь ему не оставалось ничего, кроме как заснуть. Фальк как можно удобнее устроился на нижней ступеньке лестницы, поскольку пол был сырьим и грязным, и закрыл глаза.

В какой-то неопределенный миг безвременья он проснулся от мышиного писка. Твари сновали рядом с ним в темноте, едва слышно скребясь и шепча тоненными голосками у самой земли:

— Нехорошо отбирать чужую жизнь, прии-вет, не убивай нас, не убивай нас...

— Я буду! — рявкнул Фальк, и мыши тут же притихли.

Снова погрузиться в сон оказалось нелегко, или скорее трудно было с уверенностью сказать, спит он или бодрствует. Фальк лежал и гадал, что сейчас снаружи — день или ночь? Как долго его будут держать здесь и собираются ли они убить его или накачивать тем самым наркотиком до тех пор, пока его разум не будет уничтожен, а не просто введен в смятение? Сколько времени должно пройти, чтобы жажда и недобства превратились в муку? Как можно ловить в темноте мышей без мышеловки и приманки и сколько человек способен продержаться на диете из сырых мышей?

Несколько раз, чтобы отвлечься от этих мыслей, Фальк прогуливался по подвалу. Он нашел какую-то большую кадку, и сердце его учащенно забилось в надежде, но та оказалась пустой. Острые зазубрины изразили его пальцы, когда

он шарил по ее дну. Обследуя на ощупь нескончаемые невидимые стены, он так и не нашел другой лестницы или двери.

В конце концов Фальк заблудился и не мог вновь отыскать лестницу. Сел на землю в кромешной темноте и представил себе, что он серым зимним днем продолжает свое одинокое путешествие по лесу под дождем. Он мысленно повторил все, что только смог вспомнить из Старого Канона:

Путь, который может быть пройден,
Не является вечным Путем...

Во рту настолько пересохло, что Фальк даже пытался лизать влажную грязь пола, однако к языку прилипала лишь сухая пыль. Мыши временами суетились совсем близко от него и что-то шептали.

Откуда-то из дальних закоулков тьмы донесся лязг засовов, и промелькнул яркий отблеск света. Свет...

Обрисовались неясные призрачные очертания сводов, арок, бочек, перегородок, проемов. Фальк с трудом поднялся и нетвердой походкой рванулся к свету.

Свет исходил из низкого дверного проема, через который, подойдя поближе, удалось разглядеть землянную насыпь, верхушки деревьев и клочок багрового то ли утреннего, то ли вечернего неба. Фалька ослепило так, будто на дворе стоял летний полдень. Он остановился у двери, не в силах сдвинуться с места из-за ослепительного света, а также из-за неподвижной фигуры, преградившей ему путь.

— Выходи! — раздался тихий, хриплый голос Аргерда.

— Подожди. Я еще ничего не вижу.

— Выходи иди не останавливаясь! Не оборачивайся, а не то я срежу тебе башку!

Фальк шагнул в дверной проем и вновь остановился в нерешительности. Мысли, посетившие его в темноте подвала, теперь сослужили ему добрую службу. Он решил, что, если его отпускают, значит, они боятся его убить.

— Живее!

Фальк решил попытать счастья.

— Я не уйду без своей поклажи, — прохрипел он, с трудом выдавливая слова из пересохшего горла.

— У меня в руке лазер.

— Ну так давай, пускай его в ход. Мне не пересечь континент без своего пистолета.

Теперь уже Аргерд погрузился в раздумья. Наконец он крикнул кому-то, почти срываясь на визг:

— Греттен! Греттен! Принеси сюда хлам чужака!

Прошло несколько минут. Фальк стоял в темноте у само-

го порога. Аргерд застыл снаружи. По просматриваемому от двери травянистому склону сбежал мальчик, швырнул на землю мешок Фалька и исчез.

— Забирай! — приказал Аргерд. Фальк вышел на свет и нагнулся. — А теперь убирайся!

— Подожди, — пробормотал Фальк. Стоя на коленях, он торопливо перебирал содержимое перевороченного, незавязанного мешка. — Где моя книга?

— Книга?

— Старый Канон! Книга для чтения, а не справочник по электронике...

— Думаешь, мы отпустили бы тебя с ней?

Фальк недоуменно взглянул на него:

— Разве вы не чтите Каноны, по которым следует жить людям? Зачем вы отняли у меня книгу?

— Ты не знаешь и никогда не будешь знать того, что известно нам. Если сейчас же не уберешься, мне придется подпалить тебе руки. Давай вставай и топай отсюда!

В голосе Аргерда вновь прорезались истерические нотки, и Фальк понял, что зашел слишком далеко. Ненависть и страх, которые исказили грубое, не лишенное печати разума лицо Аргерда, заставили Фалька поспешно завязать мешок и взвалить его на плечи. Он быстро прошел мимо здоровьяка и начал подниматься по травянистому склону, что подступал к подвальной двери.

На дворе стоял вечер, солнце только что скрылось за горизонтом. Фальк двинулся вслед за солнцем. Ему казалось, что его затылок и дуло пистолета Аргерда связаны невидимой нитью, натягивавшейся по мере того, как он удалялся от дома.

Фальк пересек заросшую сорняками лужайку, по шатким планкам мостика перебрался через реку, прошел по тропинке мимо пастбища, миновал огороды. Потом взобрался на вершину гряды и только здесь рискнул обернуться.

Потаенная долина предстала перед его взором такой же, как и в первый раз, — залитой золотистым светом вечера, милой и мирной; кирпичные дымоходы высился над рекой, в которой отражалось небо.

Фальк торопливо углубился в окутанный печалью лес, где ночь уже вступила в свои права.

Мучимый голодом и жаждой, измотанный и упавший духом, Фальк теперь с унынием размышлял о предстоящем бесцельном путешествии через простиравшийся перед ним

Восточный Лес. Он утратил даже малейшую надежду на то, что хоть где-то на пути ему встретится гостеприимный дом, разнообразив суровую монотонность окружающей действительности. Надо не искать дороги, а всячески избегать их, сторонясь людей и строений, подобно дикому зверю. Лишь одна мысль слегка утешала Фалька, если не считать ручейка, из которого он напился, и пищевого рациона из мешка, — мысль о том, что его не сломили испытания, которые он сам навлек на себя. Он вступил в схватку с кабаном-моралистом и жестокими людьми на их собственной территории и сумел оставить противника ни с чем. Воспоминание об этом грело душу Фалька. Он настолько плохо знал самого себя, что все его поступки являлись одновременно актами самопознания, как у маленького мальчика. Сознавая, сколь многое ему недостает, Фальк был рад обнаружить, что смелостью, во всяком случае, он не обделен.

Он напился, поел и двинулся в путь под призрачным светом луны, которого вполне хватало для его глаз, и вскоре между ним и Домом Страха, как про себя Фальк прозвал ту долину, пролегла добная миля пересеченной местности. Наконец, совершенно измотанный, он прилег на краю небольшой прогалины, чтобы немного поспать.

Фальк не стал разводить огонь и сооружать навес. Он просто лежал, глядя в омытое лунным светом зимнее небо. Ничто не нарушало тишины, кроме редкого тихого уханья охотившейся совы. Эти безмятежность и заброшенность казались ему успокоительными и благословенными после полной шорохов и призрачных голосов кромешной тьмы подвала-темницы Дома Страха.

Продвигаясь дальше на запад сквозь деревья и дни, он не вел счет ни одним, ни другим. Он шел, и время шло вместе с ним.

В Доме Страха он потерял не только книгу. У него забрали также серебряную фляжку Метока и небольшую коробочку, тоже из серебра, с дезинфицирующей мазью. Они остали у себя книгу, поскольку крайне нуждались в ней, или же потому, что приняли ее за какой-то шифр или код. Какое-то время потеря книги необъяснимо угнетала Фалька, так как ему казалось, что она была единственным звеном, по-настоящему связывавшим его с людьми, которых он любил и которым верил. Однажды он даже пообещал себе, сидя у костра, что на следующий день повернет назад, снова разыщет Дом Страха и заберет свою книгу. Но на следующий день он продолжил свой путь. Ориентируясь по компасу и

солнцу, Фальк мог идти точно на запад, но он никогда не сумел бы вновь отыскать какое-либо определенное место среди бескрайних просторов леса с его бесчисленными холмами и долинами. Ни потаенную долину Аргерда, ни Поляну, где Парт, наверное, что-то ткала при свете зимнего солнца. Все это осталось позади и было навеки утрачено.

Может, и к лучшему, что книга пропала. Чем смогла бы помочь ему здесь, посреди леса, эта книга, с ее тонким и последовательным мистицизмом очень древней цивилизации, этот тихий голос, доносившийся из времен давно забытых войн и бедствий? Человечество пережило катастрофу, а Фальк опередил человечество. Он зашел слишком далеко и был очень одинок.

Теперь он жил всецело за счет охоты, вследствие чего преодолевал за день меньшее расстояние. Даже если дичи было много и она не пугалась выстрелов, охота была из тех занятий, что не терпели суеты. Потом еще требовалось освежевать добычу, приготовить ее, обсосать косточки, сидя у огня, и, набив желудок до отказа, подремать на морозце. Кроме того, нужно было соорудить из веток шалаш для защиты от дождя и снега и спать до следующего утра. Книге не было здесь места, даже Старому Канону Бездействия. Фальк не смог бы читать ее. По сути, он практически перестал думать. Он молча охотился, ел, шел, спал в тишине леса, похожий на серую тень, скользившую на запад через промерзшую чащу.

Становилось все холоднее и холоднее. Поджарые дикие кошки, красивые маленькие твари с пятнистым или полосатым мехом и зелеными глазами, частенько выжидали неподалеку от костра в надежде полакомиться остатками человеческой трапезы и набрасывались с осторожной и хищной свирепостью на кости, которые швырял им со скуки Фальк. Грызуны, их обычная добыча, из-за морозов впали в зимнюю спячку и стали попадаться крайне редко. После Дома Страха перестали встречаться звери, способные разговаривать мысленно или вслух. Животные в этих прелестных застывших равнинных лесах, которые нынче пересекал Фальк, вероятно, никогда не видели человека и не знали его запаха, на них никто никогда не охотился.

По мере того как Фальк удалялся от притаившегося в мирной долине Дома Страха, он все отчетливее осознавал его чуждость. Подвалы там кишмя кишили мышами, которые попискивали по-человечьи, а обитатели Дома обладали

великим знанием — сывороткой правды и вместе с тем были по-варварски невежественны. Там побывал Враг.

Но Враг вряд ли когда-либо заглядывал сюда, в этот лес. Здесь вообще никто не бывал. И едва ли кто-нибудь когда-нибудь побывает. Среди серых ветвей кричали сойки, прихваченный морозцем бурый ковер сотен осенних листопадов хрустел под ногами. Величественный олень уставился на путника, замерев на противоположном краю маленькой лужайки, как бы прося его предъявить разрешение на пребывание здесь.

— Я не буду стрелять в тебя. Сегодня утром я разжился двумя курицами! — крикнул Фальк.

Олень молча посмотрел на него с величественным самообладанием и пошел прочь. Здесь никто не боялся человека, никто не заговаривал с ним. Фальку пришла в голову мысль, что в конце концов он может забыть человеческую речь и вновь стать таким, каким уже был когда-то, — немым, диким, утратившим все человеческое. Он слишком далеко ушел от людей и забрел туда, где правили бессловесные твари.

На краю луга Фальк споткнулся о камень и, стоя на четырехногах, прочел вырезанные на полупогребенной глыбе выветрившиеся буквы: «С К... О». Сюда когда-то пришли люди, они жили здесь. Под его ногами, под обледенелой упругой подушкой из полусгнивших стволов и листьев, под корнями деревьев лежал город. Только Фальк пришел в этот город на одно-два тысячелетия позднее, чем следовало.

Глава 3

Дни, счет которым Фальк давно потерял, стали потихоньку удлиняться, и он понял, что Конец Года, день зимнего солнцестояния, скорее всего уже миновал. Хотя зима, вследствие глобального потепления климата, была не столь суровой, как в те годы, когда город стоял на поверхности, она тем не менее оставалась промозглой и унылой. Часто шел снег; Фальк сообразил: если бы у него не было одежды из особой зимней ткани и спального мешка, захваченных из Дома Зоува, холод причинял бы ему куда большие неудобства. Северный ветер дул настолько свирепо, что Фалька все время сбивало немного к югу, и, чтобы не идти против ветра, он при первой же возможности брал курс на юго-запад.

Одним пасмурным днем он шагал по берегу текущего на юг ручья — с трудом прорыпался сквозь густой подлесок, по-

крыавший каменистую, раскисшую под дождем и снегом почву. Внезапно кустарник сошел на нет, и Фальк резко остановился. Перед ним простиралась широкая река, испещренная оспинами дождя, поверхность которой тускло блестела. Низкий противоположный берег был наполовину скрыт густым туманом.

Фалька ужаснула ширина этой реки. Он был потрясен мощью безмолвного черного потока, величественно несущего свои воды под затянутым облаками небом на запад. Сперва он решил, что это, должно быть, Внутренняя река, один из немногих верных ориентиров, известных по слухам жителям Восточного Леса. Однако утверждалось, что Внутренняя река течет на юг, являясь западной границей царства деревьев. По всей видимости, Фальк вышел на один из ее притоков. Теперь не будет нужды карабкаться по высоким холмам, к тому же не возникнет проблем ни с питьевой водой, ни с дичью. Более того, приятно чувствовать под ногами песчаный берег, а над головой — чистое небо вместо угнетающего полумрака голых ветвей.

Однажды утром ему удалось подстрелить у реки дикую курицу. Их кудахчущие, низко летающие стаи встречались здесь повсеместно, регулярно снабжая путника мясом. Фальк лишь перебил птице крыло, и, когда подбирал ее, она была еще жива. Курица забила крыльями и закричала пронзительным птичьим голосом:

— Брать жизнь... брать жизнь...
Он скрутил ей шею.

Слова звенели в голове Фалька, не желая стихать. Последний раз животное заговорило с ним, когда он приближался к Дому Страха. Выходит, где-то среди этих унылых холмов жили люди: некая группа добровольных изгоев, вроде той, к которой принадлежал Аргерд, или жестокие Странники, которые непременно убьют Фалька, как только увидят его необычные глаза, или батраки, которые доставят его к своим повелителям в качестве раба... Хотя в конце концов Фальку, возможно, и предстояло предстать перед этими самыми Повелителями, он все же предпочел бы добраться до них самостоятельно и в свое время. «Никому не верь, избегай людей!» Фальк хорошо выучил данный урок. В тот день он продвигался вперед с большой осторожностью и настолько тихо, что зачастую водоплавающие птицы, снующие по берегам реки, испуганно взлетали практически у него из-под ног.

Однако не было видно ни троп, ни каких-либо других признаков того, что у реки живут люди. Только на закате

одного из коротких зимних дней взмыла в воздух стая бронзово-зеленых диких уток и полетела над водой, перекликаясь бессвязными и искаженными словами человеческой речи.

Вскоре после этого Фальк остановился. Ему показалось, что он чувствует запах горящей древесины.

Ветер дул с северо-запада, навстречу ему, и Фальк двинулся вперед с удвоенной осторожностью. Когда начали стущаться сумерки, погружая во тьму лес и речные просторы, далеко впереди на заросшем кустарником и ивняком берегу мигнул и исчез огонек, затем вспыхнул снова.

Остановил Фалька и заставил уставиться на далекий огонек не страх и даже не осторожность, а то, что это был первый огонь, встретившийся в чаще с тех пор, как он покинул Поляну, если не считать его собственного одинокого костерка. Вид огонька, сиявшего вдали, как-то странно тронул его душу.

Осторожный, как всякое лесное животное, Фальк подождал, пока ночь полностью не вступила в свои права, а затем медленно и бесшумно двинулся по берегу реки, стараясь ни на шаг не отходить от ив, пока не подошел настолько близко, что различил острый, запорощенный снегом конек крыши и желтый квадрат окна под ним.

Высоко над темным лесом и рекой сияло созвездие Ориона. Зимняя ночь была тихой и очень холодной. Время от времени с ветвей деревьев сыпался сухой снег, распадаясь на отдельные снежинки, которые слетали к черной воде, вспыхивая, словно искорки, когда они пересекали луч света, падавший из окна.

Фальк стоял, не сводя глаз с огня очага в хижине. Затем подошел поближе и надолго замер в неподвижности.

Внезапно дверь хижины со скрипом отворилась, взметнув в воздух снежную пыль, и на темной земле раскрылся золотой веер.

— Иди сюда, на свет, — пригласил человек, стоявший в золотистом свечении дверного проема.

Хоронясь во тьме, Фальк положил руку на лазер и вновь замер.

— Я улавливаю твои мысли, незнакомец. Я — Слухач! Иди смелее. Здесь нечего бояться. Ты говоришь на этом языке?

Фальк молчал.

— Что ж, надеюсь, ты меня понимаешь, потому что я не собираюсь пользоваться мыслеречью. Здесь нет никого, кроме нас с тобой. Я слушаю чужие мысли, не прилагая ни-

каких усилий, подобно тому как ты слышишь своими ушами, и я знаю, что ты по-прежнему там, в темноте. Подойди и постучись, если хочешь какое-то время побыть под крышей.

Дверь закрылась.

Фальк немного помедлил, затем пересек темный участок, отделявший его от двери домика, и постучал.

— Заходи!

Он открыл дверь и очутился среди тепла и света. Старик, длинные седые волосы которого ниспадали на спину, стоял на коленях перед очагом. Он даже не повернулся, чтобы взглянуть на незнакомца, а продолжал методично подкладывать дрова. Затем начал декламировать нараспев:

Я один в смятении
Заброшенный всеми
Будто по морю плыву,
Где нет гавани
Куда бросить мне якорь...

Наконец седая голова повернулась. Старик улыбался, искоса глядя на Фалька своими узкими, светлыми глазами.

Сбивчиво и хрипло, поскольку он давно уже не говорил вслух, Фальк продолжил цитату из Старого Канона:

От всех есть какая-то польза,
Только я один ни на что не годен.
Я — чужестранец
Отличный ото всех других,
Но я ищу молоко Матери моего Пуги...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся старик. — Так ли это, Желтолазый? Садись сюда, поближе к огню. Да ты и впрямь чужестранец. Как далеко твоя страна?.. Кто знает? И сколько дней ты уже не мылся горячей водой? Кто знает? Где этот чертов чайник? Свежо сегодня снаружи, не правда ли? Воздух холодный, как поцелуй предателя. А вот и чайник!.. Наполни-ка его из того ведра у двери, и я поставлю на огонь. Вот так. Я живу скромно, да ты и сам это понял, так что особых удобств у меня не жди. Но горячая ванна остается горячей ванной, вскипел ли чайник от расщепления водорода или от сосновых поленьев, не так ли? Да, ты и впрямь чужестранец, парень, и твоя одежда так же нуждается в стирке, хоть она и водоустойчива. Что это у тебя там?.. Кролики? Хорошо. Мы их потушим завтра с овощами. Ведь на овощи не поохотишься с лазерным пистолетом. А вилки капусты не будешь таскать в заплечном мешке. Я живу здесь один-одинешенек, потому что я великий, самый великий Слухач.

Я живу один и слишком много болтаю. Родился я не здесь, я же не сморчок; но, живя среди людей, я был не в силах закрыться от их мыслей, от всей этой суэты, печали, бессмысленного бормотания и тревог — в общем, от всего того, что свойственно именно людям. Я устал прондираться сквозь густой лес их мыслей. Потому и решил жить в настоящем лесу, окруженный только зверьем, чьи мысли неглубоки и спокойны. В них нет места смерти и лжи. Садись сюда, парень, твой путь сюда был долг, и ноги твои устали.

Фальк присел на деревянную скамью у очага.

— Спасибо за гостеприимство, — промолвил он.

Он хотел было назвать свое имя, но старик опередил его.

— Не трудись, парень. Я могу дать тебе уйму хороших имен, которые вполне сойдут для этой части света. Желтоглазый, Чужеземец, Гость — любое подойдет. Помни о том, что я — Слухач. Мне не нужны слова или имена. Я ощутил, что где-то там, во тьме, есть одинокая душа, и почувствовал, как мое освещенное окно притягивало твои глаза. Разве этого недостаточно? Мне не нужны имена. А мое имя — Самый Одинокий. Верно? Теперь придвигайся поближе к огню и грейся.

— Я уже почти согрелся, — сказал Фальк.

Седые космы старика мотались по его плечам, когда он, проворный и хрупкий, сновал туда-сюда. Плавно текла его тихая речь; он никогда не задавал прямых вопросов и не делал пауз, чтобы выслушать ответ. Он не боялся никого и сам никому не внушал страха.

Теперь все дни и ночи, проведенные в лесу, слились воедино и остались в прошлом. Фальк не разбивал лагеря — он был дома. Не нужно было думать о погоде, о темноте, о звездах, зверях и деревьях; он мог сидеть, удобно вытянув ноги к яркому огню, мог есть не в одиночестве, мог вымыться у огня в деревянной лохани с горячей водой. Он не знал, что доставляло ему большее удовольствие — тепло воды, смыvавшей грязь и усталость, или то тепло, что омывало здесь его душу, быстрая бессмысленная болтовня старика, чудесная сложность людского разговора после долгого молчания в чаще.

Фальк принимал на веру все, что говорил старик, поскольку тот был Слухачом, эмпатом, способным ощущать эмоции. Эмпатия по сравнению с телепатией — то же, что осязание по сравнению со зрением: более неясное, более примитивное и более пытливое чувство. Ей не надо было упорно обучаться, как телепатическому общению. Напр-

тив, непроизвольная эмпатия нередко встречалась и среди нетренированных людей. Слепая Крестьян, обладая определенными способностями с рождения, путем постоянных упражнений научилась воспринимать мысли. Но то был совсем иной дар. Фальк достаточно быстро понял, что старик, по сути, до определенной степени переживал все, что испытывал или ощущал его гость. Почему-то это нисколько не беспокоило Фалька, хотя осознание того, что наркотик Аргерда открыл его мозг для телепатического проникновения, некогда привело его в бешенство. Разница была в намерениях и еще кое в чем.

— Сегодня утром я убил курицу, — сказал он, когда старик на мгновение умолк, согревая над очагом полотенце. — Она говорила на нашем языке. Цитировала... Закон. Выходит, здесь поблизости живу... живет кто-то, кто обучает зверей и птиц человеческому языку?

Даже вымывшись в лохани, Фальк не расслабился настолько, чтобы произнести имя Врага... особенно после урока, преподанного ему в Доме Страха.

Вместо ответа старик впервые задал ему вопрос:

— Ты съел эту курицу?

— Нет, — ответил Фальк, растирая себя полотенцем так, что кожа его покраснела. — Не стал после того, как она заговорила. Вместо этого я подстрелил кроликов.

— Убил ее и не съел? Стыдно, стыдно, парень.

Старик заверещал, словно дикий петух.

— Испытываешь ли ты благоговение перед жизнью? Ты должен понимать Закон. Он гласит, что нельзя убивать, если ты не вынужден убивать. Помни об этом в Эс Тохе. Уже вытерся? Прикрой свою наготу, Адам из Канона Яхве. Нет, завернись... Конечно, это не ровня твоей одежде, а всего лишь оленя шкура, выдубленная в моче, но, по крайней мере, она чистая.

— Откуда вы знаете, что я направляюсь в Эс Тох? — спросил Фальк.

Он закутался в мягкий кожаный балахон, как в туго.

— Потому что ты не человек, — ответил старик. — И не забывай о том, что я — Слухач. Хочу я этого или нет, мне известна направленность твоих мыслей, чужестранец. Север и юг скрыты в тумане; далеко на востоке — утраченный свет; на западе лежит тьма, гнетущая тьма. Слушай меня, потому что я не хочу слушать тебя, дорогой гость, бредущий на ощупь. Если бы я хотел выслушать людскую болтовню, я бы не жил

здесь среди диких свиней, словно кабан. Я должен поведать тебе кое-что, прежде чем пойду спать. Итак, слушай...

Сингов совсем немного. Это одновременно великая новость, мудрость и совет. Помни об этом, когда ступишь в ужасающую темноту ярких огней Эс Тоха. Случайные обрывки знаний всегда могут пригодиться. А теперь забудь о востоке и западе и ложись-ка спать. Можешь занять кровать. Хотя я и противник показной роскоши, я не чужд таким простым радостям жизни, как кровать для сна. Во всяком случае, время от времени. И я даже рад компании разок-другой в году. Хотя и не могу сказать, что мне так не хватает людского общества, как тебе. Я хоть и один, но не одинок...

И сооружая себе спальное место на полу, он процитировал Новый Канон:

«Я одинок не более, чем флюгер или ручей у мельницы, или полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская оттепель, или первый паучок в новом доме... Я одинок не более, чем утка в пруду, что смеется так громко, или чем сам Уолденский пруд...»

Здесь старик сказал «спокойной ночи» и умолк.

В эту ночь Фальк спал так крепко и долго, как еще никогда с начала своего путешествия.

В хижине у реки он пробыл еще два дня и две ночи, поскольку ее хозяин принимал его очень радушно; ему оказалось нелегко покинуть эту крохотную обитель тепла и дружеского общения. Старик редко прислушивался к словам Фалька и никогда не отвечал на вопросы, но среди его непрерывной болтовни проскальзывали определенные факты и намеки. Фальк узнал, что может ему повстречаться на пути отсюда на запад, хотя где именно находится то или иное место, он так и не смог разобрать. Судя по всему, до Эс Тоха путь был свободен; а дальше? И что находилось за Эс Тохом?

Сам Фальк не имел об этом ни малейшего представления. Он знал лишь, что в конце концов можно выйти к Западному морю, за которым лежал Великий Континент, а затем можно опять попасть в Восточное море и в Лес. Людям было известно, что мир имеет форму шара, но у них не осталось ни единой карты. Фальку казалось, что старик, возможно, в состоянии нарисовать карту. С чего он так решил, он и сам не понимал, поскольку его хозяин никогда впрямую не рассказывал о том, что видел за пределами этой крохотной прогалины на берегу реки.

— Приглядывайся к курам, — как бы между прочим произнес за завтраком старик ранним утром того дня, когда Фальк собирался в дорогу. — Некоторые из них умеют говорить, а другие умеют слушать. Совсем как мы, а? Я говорю, а ты слушаешь, поэтому я — Слухач, а ты — Вестник. Чертова логика. Помни о курах и не доверяй тем, что поют. Петухам можно доверять больше — они слишком заняты своим кукареканьем. Иди один. Вреда тебе от этого не будет. Передавай от меня привет всем Предводителям Странников, которых ты встретишь, особенно Хенстрелле. Кстати, прошлой ночью, в промежутке между твоими и моими снами, мне пришла в голову мысль, чтобы ты достаточно поупражнялся в ходьбе и мог бы взять мой слайдер. Я и забыл о том, что он у меня есть. Мне он не нужен — я не собираюсь покидать эти места, кроме как после смерти. Надеюсь, кто-нибудь забредет сюда и похоронит меня или хотя бы вытащит мое тело наружу на поживу крысам и муравьям, раз уж я умер. Меня не прельщает перспектива гнить здесь, в этом доме, который я столько лет содержал в такой чистоте. В лесу пользоваться слайдером ты, конечно, не сможешь, так как там уже не осталось ничего, достойного именоваться дорогами, но, если захочешь спуститься по реке, он вполне может сгодиться. А переправиться через Внутреннюю речку в оттепель без него сможет разве что рыба. Если надумаешь взять слайдер, то он — в сарайчике.

Сходной философии придерживались обитатели Дома Катола, ближайшего к Дому Зоува поселения. Фальк знал, что одним из их принципов было жить, стараясь по возможности — не переходя грань разумного и не опускаясь до фанатизма — не пользоваться механическими приспособлениями. То, что этот живший куда аскетичнее, чем они, старик, который разводил птицу и выращивал овощи, поскольку у него не было даже ружья для охоты, обладал таким продуктом сложной технологии, как слайдер, показалось Фальку очень странным и заставило его впервые взглянуть на хозяина дома с некоторым сомнением.

Слухач цыкнул зубом и захихикал.

— У тебя никогда не было оснований доверять мне, парнишка-чужестранец. А у меня — тебе. Ведь, в конце концов, многое можно утаить даже от самого чуткого Слухача. Человек способен не признаваться в чем-то даже самому себе, не так ли? Возьми слайдер. Я свое уже отпутиществовал. Слайдер рассчитан только на одного, да тебе никто больше и не нужен. Думаю, впереди у тебя еще долгий путь, который пешком не одолеть. А может, даже и на слайдере.

Фальк промолчал, но стариk ответил и на незаданный вопрос:

— Возможно, тебе придется вернуться домой, — сказал он.

Расставаясь с ним промозглым туманным утром под припошенными инеем елями, Фальк с сожалением и благодарностью пожал старику руку как Главе Дома — так его учили поступать в подобных случаях. Затем он едва слышно прошептал:

— Тиокий.

— Как ты назвал меня, Вестник?

— Это означает... Я думаю, что это означает «отец»...

Слово это вырвалось из уст Фалька нечаянно, непроизвольно. Он не имел ни малейшего представления о том, к какому языку оно принадлежало.

— Прощай, бедный, доверчивый дурачок! Говори всегда правду и знай, что в правде твое спасение. А может, и нет, все дело случая. Иди один, дорогой мой дурачок! Так, наверное, лучше для тебя. Мне будет недоставать твоих мыслей. Прощай. Рыба и гости начинают пованивать на четвертый день. Прощай!

Фальк склонился над слайдером, изящным маленьким летательным аппаратом. Внутренняя поверхность кабины была украшена причудливым объемным орнаментом из плавиновой проволоки. Фальк забавлялся с аппаратом подобного типа в Доме Зоува; после беглого изучения приборов он прикоснулся к левой шкале, переместил свой палец вдоль нее, и слайдер бесшумно поднялся примерно фута на два. Прикосновение к правой шкале заставило его заскользить над двором к берегу реки, пока маленький аппарат не завис над ледяной крошкой заводи, у которой стояла хижина.

Фальк обернулся, чтобы попрощаться, но стариk уже скрылся в хижине, прикрыв за собой дверь. Когда Фальк вышел на своем бесшумной члене на простор темной магистрали реки, над ним вновь сомкнулась величественная тишина.

Густой ледяной туман арками повисал впереди и позади, а также клубился среди серых деревьев по обоим берегам реки. Земля, деревья и небо — все было серым ото льда и тумана. Только воды, неторопливое течение которых слегка опережал летательный аппарат, были темными. Когда на следующий день пошел снег, снежинки, казавшиеся черными на фоне неба и становившиеся белыми над водой за миг до исчезновения, падали не переставая, чтобы раствориться в бесконечном потоке.

Данный способ передвижения был вдвое быстрее, а также безопаснее и легче, чем ходьба. Его излишняя легкость и однообразие гипнотизировали. Фальк с удовольствием ходил на берег, когда наставала пора поохотиться или разбить лагерь. Водоплавающие птицы чуть ли не сами летели ему в руки, а животные, спускавшиеся на водопой, смотрели на человека так, словно он, скользивший мимо них на слайдере, был чем-то вроде журавля или цапли, и подставляли свои беззащитные бока и грудь под дуло его пистолета. Потом ему оставалось только освежевать добычу, разделать ее на куски, приготовить, съесть и соорудить себе небольшой шалаш из веток и коры на случай снега или дождя, используя перевернутый слайдер вместо крыши. Фальк спал, на заре доедая оставшееся с вечера мясо, пил воду из реки и отправлялся дальше. И дальше.

Он забавлялся со слайдером, чтобы скоротать бесконечные часы: поднимал его футов на пятнадцать вверх, где ветер и завихрения делали воздушную подушку ненадежной и норовили опрокинуть машину, пока Фальк не компенсировал крен собственным весом; или глубоко зарывал аппарат в воду, поднимая фонтаны пен и брызг, так что слайдер несся вперед, то и дело чиркая по поверхности реки и становясь на дыбы, как норовистый жеребец.

Парочка падений не отбила у Фалька охоту к подобным забавам. Потеряв управление, слайдер зависал на высоте одного фута; оставалось лишь вскарабкаться назад, добраться до берега и развести костер, а если сильно не продрог, то и сразу продолжить свой путь как ни в чем не бывало. Одежда Фалька была водонепроницаемой и от купания в реке промокала не больше, чем от дождя. Зимняя одежда не давала ему замерзнуть, хотя до конца согреться он тоже никогда не мог — походные костерки годились разве что для приготовления пищи. После бесконечной череды дней с дождем, туманом и мокрым снегом во всем Восточном Лесу, вероятно, не нашлось бы сухих дров для настоящего костра.

Фальк занимал себя тем, что заставлял слайдер двигаться вниз по реке длинными, лихими рыбьими прыжками, сопровождаемыми громкими всплесками и фонтанами брызг. Производимый при этом шум давал ему желанную передышку от монотонности гладкого бесшумного скольжения над водой между деревьев и холмов.

Вот и следующий поворот. Фальк с плеском свернул, повторив изгиб реки осторожными прикосновениями к шкалам управления, — и вдруг резко затормозил, беззвучно за-

виснув в воздухе. Из серебристых речных далей ему навстречу плыла лодка.

Оба судна были друг у друга как на ладони — не прокользишь незамеченным в тень прибрежных деревьев. Сжимая пистолет в руке, Фальк рас простерся на дне слайдера и направил машину к правому берегу, подняв ее до десяти футов, чтобы иметь преимущество по высоте перед людьми в лодке.

Они неторопливо приближались, влекомые одним небольшим треугольным парусом. Когда расстояние между лодками сократилось, до Фалька донеслись отголоски пения.

Продолжая петь, люди подплыли еще ближе, не обращая на незнакомца ни малейшего внимания.

Насколько простирались его недалекие воспоминания, музыка всегда одновременно привлекала и пугала Фалька, вызывая у него чувство какого-то мучительного восторга, доставляя наслаждение, близкое к пытке. При звуках пения он с особой силой ощущал, что он — не человек, что эта игра ритма, тона и такта абсолютно чужда ему, он не просто забыл ее, а действительно слышал впервые. Но именно необычность музыки всегда привлекала его, и теперь Фальк бессознательно снизил скорость слайдера, чтобы послушать.

Пели четыре или пять голосов, сливаясь, разделяясь и переплетаясь в столь совершенной гармонии, какой ему никогда еще не доводилось слышать. Слов он не понимал. Казалось, весь лес, а также бесчисленные мили серой воды и тусклого неба слушают вместе с ним, погрузившись в почти тиное молчание.

Песня стихла, ее сменили тихий смех и веселая болтовня. Теперь лодка и слайдер были почти на одной линии, разделенные сотней ярдов воды.

Высокий, очень стройный мужчина, стоявший у руля, окликнул Фалька — его чистый голос далеко разнесся над водою. Фальк опять не понял ни единого слова. В серо-стальном свете зимнего дня волосы рулевого и его спутников отливали червонным золотом, словно все они были близкими родственниками или соплеменниками. Фальк никак не мог только разглядеть их лица — только наклоненные вперед стройные тела и золотисто-рыжие волосы. Он даже не мог сказать, сколько людей смеялось и перешучивалось там, в лодке. На какой-то миг черты одного из лиц, лица женщины, наблюдавшей за ним через пропасть движущейся воды, обрели четкость. Фальк замедлил ход слайдера и наконец

завис над поверхностью реки. Лодка, казалось, тоже замерла в воде.

— Следуй за нами, — снова позвал мужчина, и на этот раз Фальк, узнав язык, понял его. Это был старый язык Лиги — галакт. Как и все обитатели Леса, Фальк выучил его с помощью магнитных лент и книг, поскольку все документы, сохранившиеся со временем Великой Эры, были написаны на галакте. На нем общались друг с другом люди, говорившие на разных языках. От него произошли все диалекты обитателей Леса, хотя за тысячи лет они порядком ушли друг от друга. Как-то раз Дом Зоува посетили выходцы с берегов Восточного моря, говорившие на столь странном диалекте, что с ними проще было объясняться на галакте. Тогда Фальк впервые услышал, как на нем говорят вживую. Обычно это был голос звуковых книг или шепот гипнотической ленты у его уха темным зимним утром. Призрачно и архаично звучал этот язык в звонком голосе рулевого:

— Следуй за нами, мы направляемся в город.

— В какой город?

— В наш собственный, — ответил рулевой и рассмеялся.

— В город, который радушно встречает путешественников, — добавил пассажир лодки.

Его поддержал тот самый высокий голос, что пел так сладко в общем хоре:

— Тем, кто не замышляет против нас зла, нечего бояться!

Женщина крикнула, словно едва сдерживая смех:

— Выбирайся из чаши, путешественник, и слушай наши песни всю ночь напролет.

Имя, которым они назвали его, означало путешественник или вестник.

— Кто вы? — спросил Фальк.

Дул ветер, широкая река катила свои воды. Лодка и слайдер застыли на месте, наперекор ветру и течению, такие близкие и такие далекие, будто зачарованные кем-то.

— Мы — люди!

С этим ответом исчезло все очарование, как уносит мелодию или сладкое благоухание легкий порыв ветерка с востока. У Фалька будто вновь забилась в руках подраненная птица, выкрикивая человеческие слова пронзительным нечеловеческим голосом. Его пронзил холод; без лишних колебаний он прикоснулся к серебристой шкале и послал слайдер на полной скорости вперед.

Ни единого звука не донеслось оттуда, где находилась лодка, и через несколько мгновений, когда его решимость

растаяла, Фальк замедлил ход и оглянулся. Лолки нигде не было видно. Широкая темная гладь реки была пуста вплоть до далекого теперь поворота.

После этого Фальк больше не предавался шумным играм, а летел вперед как можно быстрее и тише. Всю ночь он не разводил костра, и сон его был тревожным. Но все-таки то очарование не испарилось без следа. Сладкие голоса рассказывали о городе, «Элонее» на древнем языке, и, скользя вниз по реке один среди пустынных берегов над темной водой, Фальк вслух шептал это слово: «Элонее», Людская Обитель.

Там жили вместе мириады людей, не в одном доме, а в тысячах домов, с просторными жилыми помещениями, башнями, стенами и окнами. Там были улицы и большие открытые места, где встречались улицы; в домах для торговли, о которых говорилось в книгах, продавались все мыслимые творения рук человеческих. Там возвышались правительственные дворцы, где сильные мира сего обсуждали свои великие деяния. Там существовали огромные поля, откуда могущие корабли стартовали к иным мирам... Разве есть на Земле что-либо более замечательное, чем эти Людские Обители?

Теперь они все исчезли. Остался только Эс Тох, Обитель Лжи. Во всем Восточном Лесу не было ни единого города с набитыми живыми душами башнями из бетона, стали и стекла, что вздымались бы над болотами и зарослями ольхи, над кроличьими норами и олеными тропами, над заброшенными дорогами и погребенными в земле развалинами.

И все же видение города неотступно преследовало Фалька, словно смутное воспоминание о чем-то таком, что он никогда видел. Об этом можно было судить по силе того наваждения, той иллюзии, которой он чудом сумел не поддаться. Фальк гадал, не встретятся ли ему еще подобные трюки и искушения по мере продвижения на запад — к их источнику.

Шли дни, река продолжала катить свои воды, и в один из серых дней перед ним медленно раскрылся во всю внушавшую благование ширь новый мир — необозримая гладь вод под необозримым небом: место слияния Лесной реки с Внутренней рекой. Неудивительно, что в Домах Восточного Леса слыхали о Внутренней реке, несмотря на глубокое невежество, порожденное огромным расстоянием. Река была столь величественной, что даже Синги не смогли утаить ее. Гигантский сверкающий поток желтовато-серых вод катился от последних островков затопленного леса на запад, к далекой гряде холмов.

Фальк высадился на западном берегу и впервые на своей памяти очутился вне Леса.

К северу, западу и югу простиралась холмистая равнина, поросшая многочисленными деревьями и густым кустарником в низинах; тем не менее это было открытое пространство, и весьма обширное. Напрягая глаза, Фальк взглядался на запад, пытаясь уверить себя, что сможет разглядеть там горы. Считалось, что эта открытая местность, прерии, простирается на тысячи миль, но точно в Доме Зоува никто ничего о ней не знал.

Гор видно не было. Зато вечером Фальк увидел край мира, где тот соприкасался со звездным небом. Фальк никогда раньше не видел горизонта — на его памяти все было окружено переплетением ветвей и листьев. Но здесь ничто не скрывало звезды, которые огненным узором горели на скроенном из тьмы куполе, накрывающем Землю. А под ногами круг замыкался; час шел за часом, и из-за горизонта на востоке всходили все новые великолепные созвездия. Фальк провел без сна половину долгой зимней ночи и вновь проснулся на заре, когда восточный край мира озарили первые лучи солнца и из открытого космоса на поля и веши полился свет.

Теперь Фальк взял направление по компасу строго на запад. Не сдерживаемый более изгибами реки, он двигался быстро и напрямик. Управление слайдером перестало быть скучной забавой; над пересеченной местностью аппарат часто бросало из стороны в сторону, что не позволяло ни на секунду отвлекаться от панели управления. Фальку нравилась необъятная ширь неба и прерий, а пребывание в одиночестве в столь обширных владениях доставляло ему удовольствие. Погода держалась вполне сносная, похоже, что зима уже была на исходе.

Мысленно возвращаясь в Лес, Фальк ощущал себя как бы вышедшим из удущливой потаенной тьмы на свет и воздух, и прерия казалась ему одной огромной Поляной. Дикий бурый скот стадами в десятки тысяч голов, похожими на тени от облаков, покрывал просторы прерий. На темной почве местами пробивались первые зеленые побеги самых стойких трав. И повсюду — на земле и под землею — сновали и рылись всевозможные зверьки: кролики, барсуки, зайцы, мыши, дикие коты, кроты, антилопы, койоты — бывшие паразиты и любимцы исчезнувшей цивилизации. В необъятных просторах неба хлопали тысячи крыльев. Вдоль различных водоемов располагались на ночлег стаи белых журавлей,

и в воде среди ряски и водорослей отражались их длинные ноги и вытянутые распахнутые крылья.

Почему люди большие не путешествуют ради того, чтобы взглянуть на мир, в котором живут?.. Фальк раздумывал над этим, сидя у костра, мерцающего крохотным опалом среди голубого океана сумерек прерии. Почему такие люди, как Зоув и Меток, хоронятся в лесах, почему их не тянет увидеть чарующие просторы Земли?.. Теперь Фальку было известно кое-что из того, чего те, кто научил его всему, не знали, — человек мог видеть, как его планета вращается среди звезд.

На следующий день он продолжил свой путь сквозь холодный северный ветер, управляя слайдером с мастерством, вошедшим уже в привычку. Стадо диких коров покрывало добрую половину прерий к югу от курса, которого придерживался Фальк, и каждое из тысяч и тысяч животных стояло по ветру, низко опустив белую морду. Путника отделяла от первых особей стада примерно миля гнувшейся на ветру серой длинной травы. И тут он увидел, что какая-то серая птица внезапно устремилась ему наперерез, изменив курс без единого биения крыльев. Она летела очень быстро.

Фалька охватила тревога, он принял махать рукой, чтобы отпугнуть животное, а затем упал на дно слайдера и попытался заложить вираж, но было уже слишком поздно. За миг до столкновения Фальк разглядел слепую, лишенную всяких черт голову.

Последовал удар, скрежет раздираемого металла и выворачивающее наизнанку падение, которому не было конца.

Глава 4

— Старуха Кесснокати говорит, что должен пойти снег, — раздался тихий голос его приятельницы. — Мы должны быть готовы, вдруг нам представится шанс бежать.

Фальк продолжал молча сидеть, напряженно вслушиваясь в гомон стойбища — доносиившиеся издалека голоса, переговаривавшиеся на чужом языке; сухой скрежет скребка о шкуру; тоненький крик ребенка; потрескивание огня в шатре.

— Хоррессинс!

Кто-то снаружи позвал его, и он поспешил встал. Женщина поспешила схватила Фалька за руку и повела туда, откуда его позвали. У большого общего костра в центре круга, образованного шатрами, праздновали удачную охоту — поджаривали быка. Фальку сунули в руку кусок мяса. Сок и рас-

таявший жир бежали по его подбородку, но он не обращал внимания на подобные мелочи, дабы не уронить достоинства охотника общине Мзурра племени Баснасска.

Люди, среди которых он оказался, шли очень узким, извилистым и тернистым Путем по необъятным равнинам пре-рий, и Фальк должен был в точности следовать всем изгибам этого пути. Племя Баснасска питалось исключительно свежим полупрожаренным мясом, сырым луком и кровью. Дикие погонщики ликого скота, они, подобно волкам, избавляли многочисленные стада от слабых, ленивых или увечных животных. Вся их жизнь, не знавшая покоя, была зациклена на мясе. Они охотились с ручными лазерами и обороняли свою территорию от чужаков с помощью устройств в виде птиц, одно из которых и уничтожило слайдер Фалька. Эти устройства представляли собой небольшие ракеты, автоматически наводившиеся на все объекты, что использовали энергию ядерного распада.

Люди племени Баснасска сами не делали и не ремонтировали свое оружие. Они и пользовались-то им только после обрядов очищения и многочисленных заклинаний. Где они его брали, Фальк выяснить не сумел, хотя краем уха слышал о ежегодных паломничествах, которые могли быть связаны с добыванием оружия. Люди племени не знали земледелия и не держали домашних животных. Неграмотные и знакомые с историей человечества лишь по мифам и легендам о героях, они уверяли Фалька, что он не мог выйти из Леса, так как в Лесу живут только огромные белые змеи. В племени царила монотеистическая религия, обряды которой включали в себя нанесение увечий, кастрацию и человеческие жертвоприношения.

Именно одно из суеверий этой сложной религии заставило дикарей оставить Фалька в живых — при нем был лазер, следовательно, его статус был выше статуса раба. Обычно таким пленникам вырезали желудок и печень для обряда гадания, а тело отдавали на растерзание женщинам. Однако за пару недель до рокового столкновения летательного устройства со слайдером в общине Мзурра умер один из стариков. Поскольку в племени не нашлось еще не получившего имени младенца, которому нужно было бы передать имя усшедшего, им нарекли пленника. Хотя тот и был слеп, изуродован и только временами приходил в сознание, это все же было лучше, чем ничего. Пока старый Хоррессинс сохранял свое имя, его призрак, злобный, как все призраки, мог вернуться

и причинить беспокойство живым. Поэтому у призрака отбрали имя и передали его Фальку.

Заодно был произведен и обряд посвящения новичка в Охотники. Церемония эта включала в себя бичевание, вызывание рвоты, танцы, пересказывание снов, выкалывание татуировок, обильное поглощение пищи, совокупление всех мужчин по очереди с одной и той же женщиной и, наконец, всенощные призывы к Богу, чтобы тот хранил нового Хоррессинса от всяческих бед. Затем Фалька оставили без всякого присмотра, мятущегося в бреду, на лошадиной шкуре в шатре из коровьих шкур. Он должен был умереть или выздороветь, а призрак прежнего Хоррессинса, лишенный имени и силы, в это время уходил по ветру в прерию.

Девушка, которая меняла повязку на глазах раненого и обрабатывала его раны, старалась приходить к нему почаще. Фальк мог видеть ее только мельком, приподняв в зыбком уединении шатра повязку — девушка поспешно наложила ее на глаза пленника, как только его приволокли. Если бы Баснасски увидали глаза Фалька, они тут же отрезали бы ему язык, чтобы он не мог назвать своего имени, а затем сожгли бы его живьем.

Сердобольная девушка поведала ему об этом и о многом другом, что полагалось знать, живя в общине Баснасска, но практически ничего не рассказала о себе. По-видимому, она была в племени не намного дольше, чем сам Фальк. Насколько он понял, бедняга потерялась в прерии и решила, что лучше присоединиться к племени, чем умереть с голоду. Баснасски с удовольствием принимали рабынь для ублажения мужчин, к тому же она знала толк во врачевании, поэтому ее оставили в живых. У нее были рыжеватые волосы и очень тихий голос. Звали ее Эстрел. Вот и все, что Фальк знал о ней, а сама она никогда не расспрашивала его, кто он и откуда.

Хорошенько поразмыслив, он понял, что легко отделался. Топливо, продукт древней сетианской технологии, не взрывалось и не горело, так что слайдер не разлетелся на клочки. Мелкие осколки взорвавшейся ракеты нашпиговали левый бок и щеку Фалька, но мастерство Эстрел и кое-какие имевшиеся у нее медикаменты сыграли свою роль. Заражения удалось избежать, и он быстро выздоравливал. Уже через несколько дней после своего кровавого крещения в Хоррессинса Фальк начал планировать побег.

Однако дни сменялись днями, а благоприятной возможности все не представлялось. Жизнь общины, состоявшей из осторожных, ревностных людей, жестко регламентировалась

различными обрядами, обычаями и табу. Хотя у каждого Охотника имелся свой шатер, женщины держали всех вместе, и все дела мужчины вершили также совместно. Это была скорее не община, а некий клуб или стадо — его члены составляли единое целое. В таких условиях любая попытка добиться независимости или уединения, разумеется, сразу же вызывала подозрение. Фальку и Эстрел приходилось ловить любую возможность перемолвиться хоть парой слов. Девушка не знала диалекта Леса, но они могли общаться на галакте, на котором Баснасски говорили с жутким акцентом.

— Лучше всего, — сказала она однажды, — попытаться бежать, когда начнется метель. Тогда снег скроет нас и наши следы. Но как далеко мы сможем уйти пешком в пургу? Правда, у тебя есть компас, но стужа...

Зимнюю одежду у Фалька отобрали вместе с остальными его пожитками, включая золотое кольцо, которое он раньше никогда не снимал. Ему оставили только пистолет — обязательную часть экипировки Охотника, не подлежащую конфискации. Одежда, которую Фальк носил так долго, теперь прикрывала торчащие мослы Старого Охотника Кесснокати, а компас у новенького не отобрали только потому, что Эстрел выкрала и припрятала устройство до того, как перервали его мешок. Они оба были одеты в куртки и штаны из оленьих шкур, а также парки и сапоги из красноватой бычьей кожи, но, чтобы спастись в метель в прериях, когда пронизывающий ветер сбивал с ног, нужны были стены, крыша над головой и очаг.

— Если мы доберемся до владений Самситов, всего лишь в нескольких милях к западу отсюда, то спрячемся в одном известном мне Старом Месте и будем сидеть там, пока не прекратят поиски. Я подумывала об этом еще давно, до твоего появления. Но у меня не было компаса, и я наверняка заблудилась бы в пургу. Имея компас и пистолет, можно рискнуть... Хотя не исключена и неудача.

— Если это наш единственный шанс, — сказал Фальк, — то мы обязаны воспользоваться им.

Он не был уже тем наивным, полным надежд и легко подверженным чужому влиянию человеком, каким был до плена, стал более стойким и непоколебимым. Хотя Фальк сильно страдал, находясь в заточении, он не испытывал особой неприязни к Баснасским. Они заклеймили пленника раз и навсегда, покрыв его руки синим узором татуировки — отличительным знаком варвара, но все же человека! В этом не было ничего дурного. Просто у них свои дела, а у него —

свои. Суровый характер, воспитанный жизнью в Лесном Доме, требовал, чтобы Фальк бежал и продолжал путешествие, которое Зоув называл «мужской работой». Эти же люди никуда не стремились и пришли неизвестно откуда, поскольку они обрубили все корни, связывавшие их с прошлым человечества. Фальку не терпелось выбраться из общине не только в связи с тем чрезвычайным риском, которому он подвергал себя, живя среди Баснассов. Помимо всего прочего, Фальк ощущал себя беспомощным, пойманым в ловушку, страдающим от удущья. Смириться с этим было куда труднее, чем с повязкой, что скрывала от него окружающий мир.

В этот вечер Эстрел остановилась у его шатра, чтобы сообщить, что начинается снегопад. Они шепотом строили планы побега, когда у полога шатра внезапно раздался чей-то голос.

Эстрел тихо перевела сказанное:

— Он спрашивает: «Слепой Охотник, хочешь ли ты Рыжую сегодня на ночь?»

Она не стала ничего разъяснять. Фальк уже знал правила и этикет дележа женщин, принятые в племени, но, как назло, в этот момент он не мог думать ни о чем, кроме предмета их разговора, и поэтому машинально произнес в ответ самое полезное слово из своего кузего запаса слов Баснассов: «Мие!» — «Нет».

Мужской голос возле шатра добавил что-то более нетерпеливым тоном.

— Если снегопад не прекратится, — прошептала Эстрел на галакте, — то, возможно, завтра ночью мы сможем осуществить задуманное.

Все еще размышая о будущем побеге, Фальк ничего не ответил. Затем он вдруг понял, что девушка поднялась и ушла. Только тогда до него дошло, что Рыжею была именно она и что тот мужчина хотел провести с нею ночь.

Фальк мог бы просто сказать «да» вместо «нет». И когда он вспомнил ее тактичность и нежность по отношению к нему, мягкость ее прикосновения и голоса, ту молчаливость, за которой она скрывала уязвленную гордость или стыд, то вдруг почувствовал себя униженным как товарищ и как мужчина, поскольку не удосужился защитить ее.

— Мы уйдем сегодня, — сказал он на следующий день, стоя на ветру перед Женским Шатром. — Приходи ко мне. Переждем часть ночи, а потом двинемся в путь.

— Коктеки велел мне сегодня прийти к нему в шатер.

— Ты сможешь улизнуть?

- Наверное.
- Где его шатер?
- Позади Шатра Общины Мзурра и чуть левее. С заплатой на пологе.
- Если ты не появишься, я приду туда сам, чтобы увести тебя.
- Может, в другой вечер будет не так опасно...
- И не так много снега? Зима кончается. Возможно, это последняя выюга. Мы должны бежать завтра.
- Я приду в твой шатер, — покорно сказала Эстрел.

Утром Фальк сделал небольшую щелку в своей повязке, чтобы хоть как-то наблюдать за происходящим вокруг, и сейчас он попытался разглядеть девушку; но при тусклом свете раннего утра она была лишь серым пятном на сером фоне.

Она пришла поздно вечером, бесшумно, как хлопья снега, бросаемые ветром на шатер. Каждый подготовил то, что следовало взять с собой. Никто не проронил ни слова. Фальк надел куртку из бычьей кожи, натянул на голову капюшон и плотно завязал его. Он наклонился, чтобы откинуть полог шатра, но тут же отскочил в сторону, поскольку в шатер снаружи начал протискиваться, согнувшись вдвое из-за узости лаза, Коктеки, широкоплечий бритоголовый Охотник, который ревниво относился к своему статусу и к своим мужским способностям.

— Хоррессинс! Эта Рыжая... — начал он и тут заметил ее в тени при слабом свете угольков. В то же мгновение Охотник увидел, как одеты женщина и Фальк, и разгадал их намерения.

Он отпрянул назад, ко входу в шатер, и открыли было рот, чтобы закричать. Без лишних раздумий Фальк быстро и решительно нажал на спуск своего пистолета, и смертоносная вспышка света не дала крику сорваться с уст Коктеки. В мгновение ока бесшумный лазерный луч выжег ему рот, мозг и саму жизнь.

Фальк потянулся через догоравшие угли, схватил девушку за руку и помог ей переступить через тело только что убитого им мужчины.

Снаружи вовсю валил снег. Слабый ветерок кружил снежинки. Холод перехватил дыхание. Эстрел тихо всхлипывала. Стиснув в левой руке запястье женщины, а в правой — лазер, Фальк двинулся на запад, осторожно пробираясь

среди разбитых где попало шатров, которые казались тусклыми желтыми тенями. Через пару минут исчезли и они, и Фалька и Эстрел окружали только ночь и снег.

Ручные лазеры Восточного Леса могли выполнять несколько функций: рукоятка служила зажигалкой, а ствол мог быть превращен в не слишком яркий фонарик. Фальк настроил свой пистолет так, чтобы луч высвечивал стрелку компаса и окружающее пространство не более чем на несколько шагов, и они двинулись в путь.

С пологого склона, где разбило зимнее стойбище племя Баснасска, ветер сдул практически весь снег. Но, продвигаясь по компасу на запад через метель, смешавшую воздух и землю в одну вихревшуюся массу, путники постепенно добрали до низины. Стали попадаться четырех-пятифутовые сугробы, через которые Эстрел пробивалась, хватая ртом воздух, словно выдохшийся пловец на исходе марафонского заплыва. Фальк вытащил из своего капюшона ремень из сырой кожи и, намотав один конец себе на руку, дал ей другой, чтобы она держала его в руке. Затем двинулся вперед, прокладывая путь.

Однажды Эстрел упала, и рывок натянувшегося ремня едва не сбил ее с ног. Обернувшись, Фальк вынужден был некоторое время шарить по сторонам фонариком, прежде чем увидел, что она лежит почти что у самых его ног. Он встал на колени и в тусклом, испещренном снежинками круге света впервые отчетливо увидел ее лицо. Она прошептала:

— Такого я не ожидала...

— Попробуй немного отдохнуться. В этой впадине мы защищены от ветра.

Они прижались друг к другу в крохотном островке света, и на сотни миль вокруг них во тьме, окутавшей равнину, зазвывала выюга.

Эстрел что-то прошептала, и он не сразу разобрал слова.

— Зачем ты убил этого человека?

Фальк расслабился, его чувства притупились, он набирался сил для следующей стадии их мучительно медленного побега и поэтому ответил не сразу. В конце концов, выдавив из себя некое подобие улыбки, он пробормотал:

— А что еще мне?...

— Не знаю. Тебя вынудили.

Лицо ее было бледным и искаженным от болезненного напряжения. Фальк не обратил внимания на последние слова девушки. Она слишком замерзла, чтобы долго отдыхать здесь, и поэтому он поднялся, потянув спутницу за собой.

— Идем. До реки уже рукой подать.

Но до нее оказалось гораздо дальше, чем он думал. Эстрел пришла в шатер к Фальку, насколько он понял, через несколько часов после наступления темноты. В языке Леса имелось слово «час», но измерение времени было неточным и скорее оценочным, поскольку людям, не занимавшимся бизнесом и не общавшимся друг с другом через пространство и время, точное времяисчисление было ни к чему. И все же Фальк чувствовал, что до рассвета еще далеко. Они продолжали брести вперед, и ночь шла вместе с ними.

Когда первые серые блики начали пробиваться сквозь черноту выюги, путники с трудом спускались по склону, покрытому мерзлой спутанной травой и низким кустарником. Прямо перед Фальком обрисовалась огромная мычащая туша и снова легла в снег. Где-то неподалеку замычала еще одна корова или бык, и через минуту они были окружены огромными мычавшими созданиями с белыми мордами и испуганными влажными глазами, ходячими сугробами с мохнатыми боками и плечами. Пробравшись сквозь стадо, мужчина и женщина вышли на берег небольшой речки, которая отделяла территорию Баснассков от земель Самситов.

Быстрая, неглубокая речка не замерзала даже в сильные морозы. Пришлось преодолевать ее вброд. Течение и скользкие камни пытались сбить путников с ног, ледяная вода постепенно дошла им до пояса, обжигающий холод пронизывал все тело. В конце пути ноги отказались служить Эстрел, и Фальк буквально выволок ее из воды на промерзший камыш. А затем вновь в полном изнеможении прижался к ней среди укрытых снегом кустов обрывистого берега.

Фальк выключил фонарик лазера. Постепенно набирал силу ненастный, снежный день.

— Надо идти дальше. Нужно развести костер.

Эстрел не ответила.

Фальк прижал ее к себе. Их сапоги, штаны и куртки от плеч и ниже замерзли и превратились в камень. Лицо девушки, безвольно склонившей голову ему на плечо, было смертельно бледным.

Он назвал ее по имени, пытаясь расшевелить ее.

— Эстрел! Эстрел, приди в себя. Мы не можем здесь больше оставаться. Осталось пройти совсем немного. Все трудности уже позади. Ну же, просыпайся, малышка, просыпайся...

От усталости он повторял те же слова, что когда-то давным-давно говорил на рассвете Парт.

Наконец она вняла его мольбам, с его помощью с трудом поднялась, поправила замерзшие перчатки и поплелась за Фальком по обрывистому берегу через снежную круговерть.

Они шли на юг вдоль русла реки, как и было запланировано при обсуждении деталей побега. Фальк особенно и не надеялся, что им удастся что-либо разглядеть в этой белой пелене, которая была ничуть не лучше ночного бурана. Вскоре путники вышли к ручью, притоку реки, через которую они перебрались утром, и поплелись вверх по течению, что было нелегко из-за ставшей пересеченной местности.

Силы иссякли. Фальку казалось, что наилучшим выходом было бы упасть и забыться. Его останавливало лишь то, что кто-то рассчитывал на него, кто-то далекий, тот, кто давным-давно отправил его в это путешествие. Он не мог просто лечь и сдаться, поскольку был в ответе перед кем-то...

Тут послышался хриплый шепот Эстрел. Впереди сквозь буран проступали, подобно зловещим призракам, несколько высоких тополей, и девушка потянула Фалька за руку. Они, спотыкаясь, начали прочесывать северный берег застывшего ручья сразу за тополями в поисках чего-то.

— Камень, — не переставая шептала Эстрел. — Камень...

И хотя Фальк не знал, зачем ей понадобился камень, он внимательно ощупывал снег. Они долго ползали на четвереньках, пока наконец девушка не наткнулась на отметку, которую искала, — запорошенную снегом каменную глыбу высотой около полуметра.

Своими смерзшимися перчатками Эстрел стала отгребать снег с восточной стороны глыбы. Отступивший от усталости Фальк помогал ей. Они расчистили металлический прямоугольник, сидевший заподлицо с удивительно ровной поверхностью земли. Эстрел попыталась нажать на него — щелкнул потайной запор, но края прямоугольника намертво вмерзли в землю. Фальк наконец обрел способность трезво мыслить и с помощью теплового луча, исходившего из рукоятки лазера, отогрел замерзший металл люка. Подняв его, они увидели уходившую вниз узкую кругую лестницу.

— Все в порядке. — Эстрел сошла по ступенькам задом наперед, поскольку ноги уже не держали ее, распахнула дверь и подняла глаза на Фалька: — Заходи!

Он спустился, прикрыв за собой крышку люка. Сразу стало совершенно темно, и, прижавшись к ступенькам, Фальк поспешно включил луч лазера. Внизу тускло светилось бледное лицо Эстрел. Он спустился ниже и последовал за девушкой в дверь, которая вела в очень темное, просторное поме-

щение, просторное настолько, что фонарик высвечивал лишь потолок и ближайшие стены. Стояла мертвая тишина, воздух был затхлым, но не застоявшимся — чувствовалась легкая постоянная тяга.

— Здесь должны быть дрова, — донесся откуда-то слева тихий, хриплый от усталости голос девушки. — Вот. Нам необходимо разжечь костер. Помоги мне...

Сухие дрова были сложены в высокие штабеля в углу поблизости от входа. Пока Фальк разжигал костер внутри круга почерневших камней практически в центре пещеры, Эстрел сходила куда-то в дальний угол и приволокла пару теплых одеял. Путники разделись и вытерлись насухо, а затем завернулись в одеяла и свои спальники и подсели поближе к огню. Огонь разгорался хорошо, словно в камине, благодаря сильной тяге, которая также уносила дым. Конечно, обогреть всю эту огромную пещеру было невозможно, но свет и тепло костра ободряли и снимали напряжение. Эстрел вынула из своей сумки сущеное мясо, и они принялись его жевать, хотя и слишком устали, чтобы испытывать голод. Постепенно тепло костра стало отогревать их кости.

— Кто еще пользуется этим убежищем?

— Я думаю, любой, кто о нем знает.

— Здесь некогда стоял могущественный Дом, если это помещение — его подвал, — задумчиво заметил Фальк, глядя на игру теней, что на некотором удалении от костра постепенно сливались в непроницаемую тьму, и вспоминая обширные подвалы под Домом Страха.

— Говорят, здесь когда-то стоял целый город, который занимал большую площадь. Так ли это, я не знаю.

— А как ты проведала об этом месте? Разве ты из племени Самситов?

— Нет.

Фальк прекратил расспросы, вспомнив обычай. Однако вскоре девушка сама начала рассказывать обычным покорным тоном:

— Я из Странников. Нам известно о многих подобных тайных убежищах. Полагаю, ты слышал о Странниках?

— Кое-что, — кивнул Фальк и, выпрямившись, взглянул на свою спутницу, сидевшую по другую сторону костра. Завитки рыжих волос падали Эстрел на лицо, когда она сидела сгорбившись в бесформенном спальном мешке, и светлый нефритовый амулет у нее на шее отбрасывал блики при свете костра...

— В Лесу о нас знают совсем немного.

— Ни один Странник не забирался так далеко на восток. То, что рассказывают о них у нас в Доме, больше подходит, пожалуй, к Баснасскам — дикари, кочевники, охотники...

Он говорил, превозмогая сон, положив голову на руки.

— Некоторых Странников можно назвать дикарями, некоторых — нет. Все Охотники — дикари, не высовывающие носа за пределы собственной территории. Таковы Баснасски, Самситы или Аркса. Мы же, Странники, заходим на восток до самого Леса, на юг — до устья Внутренней реки, на запад — за Великие Горы, а затем — за Западные Горы и вплоть до самого моря. Я сама воочию наблюдала, как солнце садится в пучину вод за цепью аквамариновых островов, что лежат вдалеке от берега, за пределами затонувших после землетрясения долин Калифорнии...

Тихий голос девушки постепенно сился на ритмичный напев какого-то древнего псалма.

— Продолжай, — попросил Фальк, но Эстрел молчала, и вскоре он уснул.

Некоторое время она изучала лицо спящего, затем сгребла угли вместе, прошептала, словно молясь, несколько слов ввисевший у нее на шее амулет и свернулась клубочком по другую сторону от костра.

Когда Фальк проснулся, она уже сооружала из камней подставку для котелка, наполненного снегом.

— Похоже, что снаружи день клонится к вечеру, — сказала Эстрел. — Но с тем же успехом сейчас может быть раннее утро или полдень. Метель разгулялась как никогда. Это не даст им выследить нас. А даже если они нас обнаружат, то все равно не смогут проникнуть внутрь... Этот котелок я нашла в тайнике вместе с одеялами. Там был и мешок с сушеным горохом. Мы здесь неплохо устроимся.

Она повернула к нему свое обветренное тонкое лицо и едва заметно улыбнулась:

— Одна беда — темновато. Я не люблю толстые стены и темноту.

— Это все же лучше, чем завязанные глаза. Хотя твоей повязке я обязан жизнью. Слепой Хоррессинс все же лучше, чем мертвый Фальк.

Он помолчал, а затем спросил:

— Почему ты меня спасла?

Эстрел пожала плечами. На ее устах застыла все та же ельва заметная улыбка.

— Ты был пленником, как и я... Бытует мнение, что Странники искусны в хитрости и притворстве. Разве ты не

слышал, что они звали меня Лисою? А сейчас давай-ка я взгляну на твои раны. Я прихватила с собой сумку с лекарствами.

— Так Странники еще и искусные врачеватели?

— Мы кое-что смыслим в этом деле.

— И тебе известен Древний Язык. Вы не забыли, как жили люди в прежние времена, в отличие от Баснассков.

— Да, мы все умеем изъясняться на галакте. Посмотрика, ты обморозил вчера край уха, поскольку вынул завязку из своего капюшона, чтобы помочь мне в пургу.

— Но как я могу взглянуть на собственное ухо? — рассмеялся Фальк, отдаваясь заботливым рукам девушки. — Обычно мне это ни к чему.

Заклеив пластырем еще не заживший порез на его левом виске, она пару раз искоса взглянула в лицо Фалька, пока наконец не осмелилась спросить:

— Наверное, у многих обитателей Леса такие странные глаза?

— Нет, больше ни у кого.

Повинуясь обычаю, Эстрел больше ни о чем не спрашивала, а он, решив не открываться никому, сам не стал ни о чем рассказывать. Однако его собственное любопытство все же пересило и заставило задать вопрос:

— Но ты же не боишься этих кошачьих глаз?

— Нет, — тихо ответила девушка. — Ты напугал меня только однажды. Когда выстрелил... не раздумывая...

— Он поднял бы на ноги все стойбище...

— Я знаю, знаю. Но мы не носим оружия. Ты выстрелил так быстро, что я страшно испугалась. Мне вспомнилась ужасная сцена из детства: один мужчина в мгновение ока убил другого из пистолета, совсем как ты. Убийца был из Выскобленных.

— Выскобленных?

— О, их иногда можно встретить в наших горах.

— Я почти ничего не знаю о Горах.

Девушка без особой охоты объяснила:

— Тебе ведь известен Закон Повелителей. Они никого не убивают. Когда в их городе объявляется убийца, его не уничтожают, а превращают в Выскобленного, что-то делая с мозгом. Преступник начинает новую жизнь невинным, как младенец. Тот мужчина, о котором я упомянула, был старше тебя, но обладал разумом маленького ребенка. В его руках оказался пистолет, и его пальцы помнили, как с ним надо

обращаться. Он застрелил человека в упор, точно так же, как и ты...

Задумавшись, Фальк молча смотрел сквозь огонь на пистолет — чудесное миниатюрное устройство, которое помогало разжигать огонь, добывать мясо и освещать путь в темноте на протяжении всего долгого путешествия. Его руки не помнили, как надо обращаться с оружием... разве не так? Его научил стрелять Меток. Фальк не сомневался в этом. Он никак не мог быть очередным безумцем или преступником, которому предоставили еще один шанс надменно милостивые Повелители Эс Тоха...

Тем не менее, по сравнению со смутными догадками и предположениями о собственном происхождении...

— Как они могут проделывать такое с человеческим разумом?

— Не знаю.

— Возможно, Повелители поступают так не только с преступниками, но и с бунтовщиками.

— Кто такие бунтовщики?

Эстрел говорила на галакте куда более бегло, чем Фальк, но ей никогда не приходилось слышать такого слова.

Она закончила перевязку раны и аккуратно спрятала свои немногочисленные медикаменты в сумку. Вдруг Фальк повернулся к ней так резко, что девушка от испуга даже слегка подалась назад.

— Ты видела когда-нибудь такие глаза, как у меня, Эстрел?

— Нет.

— Ты знаешь... о Городе?

— Об Эс Тохе? Да, я была там.

— Значит, ты видела Сингов?

— Ты не Синг.

— Нет, но я хочу встретиться с ними, — с жаром в голосе сказал Фальк. — Только боюсь...

Он замолчал.

Эстрел закрыла сумку с медикаментами и убрала ее к себе в мешок.

— Эс Тох кажется странным местом людям из одиноких домов и дальних мест, — наконец произнесла она. — Однако я гуляла по его улицам, и ничего плохого со мной не случилось. Там живет множество людей, которые вовсе не боятся Повелителей. И тебе не нужно страшиться их. Повелители исключительно могущественны, хотя большая часть того, что болтают об Эс Тохе, не соответствует истине...

Их взгляды встретились. Внезапно Фальк решился и, призвав на помощь все свое искусство телепатии, впервые мысленно обратился к ней: «Тогда поведай мне всю правду об Эс Тохе!»

Она покачала головой и вслух произнесла:

— Я спасла тебе жизнь, а ты спас мою. Мы — товарищи и на какое-то время — попутчики. Но я не буду мысленно переговариваться ни с тобой, ни с другим случайным знакомым ни сейчас, ни когда-либо после.

— Значит, ты все-таки думаешь, что я — Синг? — спросил он иронически и немного униженно, поскольку понимал, что Эстрел права.

— Кто может с уверенностью судить? — парировала девушка, а затем добавила с легкой улыбкой: — Хотя мне было бы трудно в это поверить... Снег в котелке уже растаял. Я поднимусь наверх и наберу еще. Надо так много снега, чтобы получить самую малость воды, а нам обоим хочется пить. Тебя ведь зовут Фальк?

Он кивнул, не отрывая от нее глаз.

— Не подозревай меня, Фальк. Дай мне показать, что я из себя представляю. Мыслеречь сама по себе ничего не доказывает. Доверие — это такая штука, которая растет, отталкиваясь от поступков, день ото дня.

— Тогда поливай его, — сказал Фальк, — и я надеюсь, что оно вырастет.

Позже, во время долгой безмолвной ночи в пещере, он пробудился ото сна и увидел, что Эстрел сидит на корточках перед тлеющими углями, уткнувшись в колени. Он тихо позвал ее по имени.

— Мне холодно, — откликнулась она. — Я ужасно озябла.

— Ложись ко мне, — улыбнувшись, сонно предложил Фальк.

Девушка молча поднялась и, переступив догоравший костер, подошла к нему, совершенно обнаженная, только светлый нефрит висел меж ее грудей. Худенькое тело дрожало от холода. И хотя в определенных аспектах ум его ничем не отличался от ума незрелого юнца, Фальк решил не трогать ту, что столько натерпелась от дикарей Баснасска. Но она шепнула ему:

— Согрей меня, дай мне утешение.

Он вспыхнул, как костер на ветру. Вся его решимость была сметена близостью и абсолютной покорностью ее тела.

Фальк и Эстрел провели в пещере еще три дня и три ночи, пока снаружи бушевала пурга, отсыпаясь и занимаясь любовью. Эстрел была неизменно податливой и покорной, а Фальк, сохранив в памяти только приятную и полную радости любовь, которую он разделял с Парт, был ошеломлен той ненасытностью и неистовством, которые возбуждала в нем Эстрел. Думы о Парт часто сопровождал образ чистого и быстрого родника, что был среди валунов в тенистом уголке леса неподалеку от Поляны. Но никакие воспоминания не могли утолить его жажду, и он вновь и вновь искал удовлетворения в безграничной уступчивости Эстрел и находил, во всяком случае, изнеможение. Однажды это даже вызвало у него неожиданную вспышку гнева.

— Ты отдаешься мне лишь потому, — обвинил он ее, — что, на твой взгляд, если бы ты отказалась, я бы тебя изнасиловал.

— А ты так не поступил бы?

— Нет! — отрезал Фальк, не кривя душой. — Я не хочу, чтобы ты обслуживала меня, подчинялась мне... Разве мы оба не нуждаемся в тепле, в человеческом тепле?

— Да, — прошептала девушка.

Некоторое время Фальк держался особняком, решив, что больше не прикоснется к ней, и в одиночку отправился обследовать с фонариком то странное место, куда они попали. После нескольких сотен шагов пещера сужалась, превращаясь в широкий туннель с ровным полом и высоким потолком. Безмолвный и темный, туннель долгое время шел абсолютно прямо, затем, не сужаясь и не разветвляясь, резко повернул и вновь потянулся в бесконечность.

Шаги Фалька гулко отдавались в тишине. Ничто не отбрасывало бликов или теней от его фонарика. Он шагал до тех пор, пока не устал и не проголодался, и только тогда повернулся назад. Этот безликий туннель скорее всего тянулся в никуда. Фальк вернулся к Эстрел, к ее обманчиво многообещающим объятиям.

Пурга стихла. Прошедший ночью дождь оголил черную землю, и последние рыхлые сугробы стремительно таяли, сверкая на солнце. Фальк стоял на верхней ступеньке лестницы, солнце играло в его волосах, лицо и легкие овеяло свежий ветерок. Он чувствовал себя кротом после зимней спячки или крысой, вылезшей из своей норы.

— Пойдем, — крикнул Фальк и опять спустился в пещеру, чтобы помочь девушке быстро уложить вещи и прибрать помещение.

Он спросил у Эстрел, знает ли она, где сейчас ее соплеменники, и она ответила:

— Теперь, вероятно, они далеко на западе.

— Знали ли они, что ты в одиночку пересекала территорию Баснасска?

— В одиночку? Это только в сказках времен Эры Городов женщины ходили куда хотели в одиночку. Со мной был мужчина. Баснасски убили его.

На ее нежном лице застыла ничего не выражающая маска.

Фальк решил, что именно этим объяснялись удивительная пассивность Эстрел, скучность ответных порывов, что казалось ему едва ли не предательством его сильных чувств. Она столько перенесла, что была больше не способна сопереживать. Кем был тот ее спутник, которого убили Баснасски? Это Фалька не касалось, пока она сама не захочет об этом рассказать. Но весь его гнев исчез без следа, и с этого момента он обращался с Эстрел с участием и терпением.

— Могу ли я помочь тебе в поисках твоих соплеменников?

Девушка тихо ответила:

— Ты добрый человек, Фальк, но они порядком опередили нас, и мы не в силах прочесать в их поисках все Западные прерии...

Последняя, стойческая нота в ее голосе тронула его.

— Тогда иди со мной на запад, пока не услышишь какие-либо вести о соплеменниках. Ты ведь знаешь, куда я направляюсь.

Фальку до сих пор было трудно произнести название «Эс Тох» — в языке Леса ему придавался непристойный, вызывающий отвращение оттенок. Он еще не привык к той легкости, с какой Эстрел говорила о городе Сингов, как об обычном месте обитания людей.

Девушка некоторое время колебалась, однако когда Фальк стал настаивать, согласилась идти вместе с ним. Это доставило ему удовольствие, поскольку он одновременно желал и жалел ее, а еще потому, что познал одиночество и не хотел столкнуться с ним еще раз.

Они вместе вышли навстречу негреющему солнцу и ветру. На душе у Фалька было легко и спокойно. В тот день цель его путешествия не довлела над ним. День выдался ясный, вверху проплывали кустистые облака, и цель пути заключалась в самом продвижении вперед. Фальк шел на запад, а рядом с ним шагала нежная, послушная, не знавшая усталости женщина.

Путники пересекли Великие прерии пешком, о чем легко сказать, но трудно сделать. Дни стали длиннее, чем ночи, и весенний ветер все теплел. Наконец они впервые хотя бы издали увидели цель своего путешествия — барьер, от обилия снега и от расстояния казавшийся белым, стену, пересекавшую материк с севера на юг. Фальк долго стоял неподвижно, глядя на эти горы.

— Эс Тох стоит высоко в горах, — сказала Эстрел. — Там, я надеюсь, каждый из нас найдет то, что ищет.

— Зачастую я скорее боюсь этого, чем на это надеюсь. И все же я рад, что увидел горы.

— Нам пора идти дальше.

— Я спрошу Герцога, не возражает ли он, если мы отправимся в путь завтра.

Прежде чем уединиться, Фальк обернулся и посмотрел на восток, на раскинувшуюся за садами Герцога пустыню, словно окидывая взором весь пройденный ими совместно путь.

Теперь он лучше представлял себе, каким большим и таинственным был мир времен заката человеческой истории. Фальк и его спутница могли долгие дни не встречать никаких следов присутствия людей.

В начале своего путешествия они передвигались с повышенной осторожностью, пересекая территории Самситов и других охотничьих племен, которые, по сведениям Эстрел, были такими же дикарями, как и Баснасски. Затем, в более засушливой местности, им приходилось держаться хоженых троп, чтобы находить воду. Однако, наткнувшись на следы недавно прошедших людей или признаки того, что где-то поблизости есть селение, Эстрел удваивала бдительность и порою меняла направление их движения, чтобы избежать риска быть замеченными. Девушка имела общее, а временами и на редкость точное представление о тех обширных пространствах, которые они пересекали. В тех же случаях, когда местность становилась практически непроходимой и у них возникали сомнения, какое направление избрать, Эстрел говорила: «Подождем заря», — и отходила на минуту в сторону, чтобы помолиться своему амулету. Затем возвращалась, заворачивалась в спальный мешок и безмятежно засыпала. Путь же, который она избирала на заре, неизменно оказывался правильным.

— Инстинкт Странника, — говорила она, — пока мы

держимся поближе к воде и подальше от людей, мы в безопасности.

Но однажды, во многих днях пути на запад от пещеры, огибая глубокую промоину, они неожиданно вышли к селению, и кольцо вооруженных стражей сомкнулось вокруг путников прежде, чем они сумели скрыться. Сильный дождь помешал им увидеть или услышать что-либо до того, как они буквально наткнулись на поселок. Однако местные жители не проявили враждебности и даже предложили путешественникам остановиться у них на пару дней. Фальк только обрадовался, поскольку идти или разбивать лагерь под таким дождем было делом крайне неблагодарным.

Этот народ называл себя Пчеловодами. Странные люди, грамотные и вооруженные лазерами, все они, и мужчины, и женщины, были одеты в совершенно одинаковые длинные желтые балахоны из теплой ткани с вышитым коричневым крестом на груди. Они оказались гостеприимны, но не общительны. Устроили путешественников на ночлег в своих домах-бараках — длинных, низких, непрочных зданиях из дерева и глины — и обильно кормили их за общим столом, но разговаривали крайне мало как с незнакомцами, так и друг с другом, будто община немых.

— Они дали обет молчания. У них много всевозможных клятв, обетов и ритуалов, и никто не знает, для чего все это, — сказала Эстрел с тем спокойным безразличным презрением, с которым она, казалось, относилась к большинству людей.

«Странники, должно быть, гордый народ», — подумал Фальк.

Пчеловодов нисколько не трогало очевидное презрение девушки, они вообще не перемолвились с ней ни словом. Лишь спросили у Фалька:

— Твоей женщине нужна пара новых башмаков?

Как будто она была его лошадью и ее следовало подковать.

Их собственные женщины носили мужские имена, и с ними обращались, как с мужчинами. Степенные молчаливые девы с ясными глазами жили, и работали наравне со столь же уравновешенными и спокойными мужчинами. Немногим из Пчеловодов перевалило за сорок, и не было никого моложе двенадцати. Странная община: словно здесь, среди полного запустения, разбила лагерь на зиму армия во время перемирия в какой-то непонятной войне. Необычные, печальные и восхитительные люди. Упорядоченность и аске-

тизм их жизни напоминали Фальку его лесной дом, а ощущение их тайной, но безраздельной преданности друг другу действовало на него удивительно успокаивающе. Эти прекрасные бесполые воители неистово верили, но они ни за что не сказали бы чужаку, во что именно.

— Они пополняют свои ряды за счет того, что разводят женщин-дикарок, как свиноматок, и воспитывают приплод единой группой. Поклоняются какому-то Мертвому богу и задабривают его жертвоприношениями, притом человеческими. Они — не что иное, как пережиток древнего суеверия, — сказала Эстрел, когда Фальк однажды с похвалой отозвался о Пчеловодах.

Несмотря на всю свою уступчивость, девушка, по-видимому, терпеть не могла, когда с ней обращались, будто с существом низшего порядка. Высокомерие, кривившееся в столь пассивной натуре, одновременно трогало и веселило Фалька, и он позволил себе слегка подколоть ее:

— Я вот видел, что ты по ночам что-то шепчешь своему амулету. Религии, конечно, отличаются...

— Они действительно отличаются, — оборвала его Эстрел, но без особого пыла.

— Интересно, для чего им оружие?

— Чтобы обратить против Врага, несомненно. Словно им по силам сражаться с Сингами. Словно Синги удосужились бы сражаться с ними!..

— Ты хочешь идти дальше, не так ли?

— Да. Я не доверяю этим людям. Они очень многое прячут от посторонних.

В тот вечер Фальк пошел за пропуском к главе общины, сероглазому мужчине по имени Хиардан, который был, возможно, даже моложе его. Хиардан спокойно выслушал изъявления благодарности, а затем сказал без всяких обиняков, как это было принято у Пчеловодов:

— Я думаю, что ты говорил нам одну только правду. За это я благодарен тебе. Мы бы приняли тебя теплее и поведали бы тебе о многом из того, что нам известно, если бы ты пришел один.

Фальк помедлил, прежде чем ответить.

— Я сожалею об этом. Но я никогда не добрался бы сюда, если бы не моя подруга и проводник. И... вы живете здесь все вместе, Владыка Хиардан. Вы бываете когда-нибудь наедине с собою?

— Редко, — ответил тот. — Одиночество — смерть для души, поскольку человек — существо социальное. Так гла-

сит наша поговорка. Но мы также говорим: «Не доверяй никому, кроме своих братьев и сородичей, которых ты знаешь с детства». Вот наше правило, залог нашей безопасности.

— Но у меня нет сородичей и нет безопасности, Владыка, — сказал Фальк и, по-солдатски, на манер Пчеловодов, склонив голову, взял из рук вождя свой пропуск. На следующее утро они с Эстрел вновь двинулись на запад.

Время от времени по дороге попадались и другие селения или стойбища, все небольшие и разбросанные по обширной территории — их было всего пять-шесть на триста-четыреста пройденных миль. Возле некоторых из них Фальк отваживался останавливаться. Он был вооружен, а поселения выглядели безобидными: пара шатров кочевников у полузамерзшего ручья или маленький одинокий пастушонок на огромном холме, присматривавший за полутиками бурьми волами, или же просто голубоватый дымок на фоне бездонного серого неба. Фальк покинул Лес ради того, чтобы отыскать какую-либо информацию о себе, какие-нибудь намеки на то, кем он был на протяжении тех лет, которых не помнил. Как он узнает об этом, если бояться спрашивать? Но Эстрел не хотела задерживаться даже возле самых крохотных и бедных поселений в прерии.

— Они недолюбливают Странников и вообще всех чужаков. Те, кто живет так долго в одиночестве, полны страха. Из страха дикии приняли бы нас и дали бы нам пищу и кров, но затем под покровом темноты пришли бы, связали нас и убили. К ним нельзя прийти и сказать: «Я ваш друг»... Они знают, что мы здесь. Они наблюдают за нами. Если они увидят, что мы тронемся завтра дальше, то нас не потревожат. Но если мы не сдвинемся с места или же попытаемся приблизиться к ним, они начнут нас бояться. Именно страх вынуждает убивать.

Обветренный и измотанный дорогой, Фальк сидел, откинув назад капюшон и скрестив руки на коленях, у костра с подветренной стороны небольшого холма. Порывы ветра с залитого багрянцем запада шевелили его волосы.

— Пожалуй, ты права, — задумчиво произнес он, глядя на далекий дымок.

— Вероятно, по этой самой причине Синги никого не убивают.

Эстрел чувствовала, в каком настроении товарищ, и пыталась утешить его, изменить ход мыслей.

— По какой такой причине? — спросил Фальк, понимая намерения девушки, но не откликаясь на ее попытки.

— Потому что они не боятся.

— Возможно...

Она заставила его задуматься. Вскоре Фальк сказал:

— Что ж, судя по всему, мне следует пойти прямо к ним и задать свои вопросы. Если они убьют меня, я получу удовлетворение хотя бы от того, что испугаю их...

Эстрел покачала головой:

— Они не испугаются. И они не убивают.

— Даже тараканов? — спросил Фальк, вымешая на ней свое плохое настроение, вызванное усталостью. — Как они там поступают с тараканами в своем Городе... обезвреживают их, а затем снова выпускают на свободу, как Выскобленных, о которых ты мне говорила?

— Не знаю, — ответила Эстрел.

Она всегда серьезно воспринимала его вопросы.

— Я знаю только, что их Закон требует почитать жизнь, и они строго его придерживаются.

— Но почему Синги должны почитать человеческую жизнь, ведь они не люди?

— Именно поэтому их правила требуют почитать все формы жизни, разве не так? И меня учили, что, с тех пор как пришли Синги, больше не было войн ни на Земле, ни между планетами. Именно люди убивают друг друга!

— Нет таких людей, которые смогли бы сотворить со мной то, что сделали Синги. Я чту жизнь, поскольку она куда сложнее и неопределеннее, чем смерть. Самым сложным и самым неопределенным свойством ее является разум. Следуя своему закону, Синги сохранили мне жизнь, но они убили мой разум. Разве это не убийство? Они убили того мужчину, которым я некогда был. Они убили того ребенка, которым я некогда был. Какое тут благоговение перед жизнью, когда так забавляются с человеческим разумом? Их Закон лжив, а их благоговение притворно.

Ошеломленная этой вспышкой гнева, Эстрел встала на колени перед костром и стала разделывать кролика, которого подстрелил Фальк. Пропитавшиеся пылью рыжеватые волосы завитками спадали со склоненной головы. Лицо девушки было терпеливым и отрешенным. Как всегда, Фалька влекли к ней сострадание и желание, но хоть они и были близки, он все никак не мог ее понять. Неужели все женщины таковы? Эстрел походила на заброшенную комнату в огромном доме, на шкатулку, от которой потерян ключ. Она ничего не таила, и все же покров окутывавшей ее тайны оставался нетронутым.

Величественный вечер опустился на исхлестанные дождем просторы земли и травы. Язычки пламени походного костерка червонным золотом горели в прозрачных голубых сумерках.

— Готово, — раздался ее тихий голос.

Фальк поднялся и встал рядом с девушкой у костра.

— Друг мой, любовь моя, — сказал он, на мгновение взял ее за руку.

Они сели рядом и разделили друг с другом сперва трапезу, а затем и сон.

Чем дальше продвигались они на запад, тем суше становилась земля и прозрачнее воздух. Несколько дней Эстрел вела его на юг, чтобы обогнать территорию, которая принадлежала племени крайне диких кочевников — Наездников. Фальк доверял суждениям подруги, не имея ни малейшего желания повторить печальный опыт встречи с Баснассаками.

На шестой день их путешествия к югу они пересекли холмистую местность и вышли на сухое возвышенное плато, ровное и голое, а оттого постоянно продуваемое ветрами. Во время дождя овраги наполнялись стремительными потоками, но на следующий день снова высыхали. В летнюю пору это место, должно быть, превращалось в полупустыню, но даже весной оно навевало уныние.

Путники дважды проходили мимо древних развалин неприметных курганов и возвышенностей, объединенных, однако, пространственной геометрией улиц и площадей. Во круг в рыхлом грунте было полно черепков посуды, осколков цветного стекла и пластика. С тех пор как здесь жили люди, прошло, вероятно, два-три тысячелетия. Эта обширная степь, годная только на пастбище для скота, больше никогда не осваивалась после переселения людей к звездам, точная дата которого не поддавалась точному вычислению из-за отрывочности и ненадежности сохранившихся записей.

— Трудно представить себе, — заметил Фальк, — что здесь когда-то играли дети... и женщины развещивали выстиранное белье. Все это было так давно, в другую эпоху... гораздо дальше от нас, чем планеты, вращающиеся вокруг далеких звезд.

— Эпоха Городов, — подхватила Эстрел. — Эпоха Войн... Мне не доводилось слышать об этих местах ни от кого из моих согламенников. Наверное, мы зашли слишком далеко на юг и направляемся к Южным Пустыням.

Поэтому они сменили курс и пошли теперь на северо-запад и на следующее утро вышли к большой, бурной, оранжевой от ила реке. Она была неглубока, но переходить ее было опасно. Целый день ушел на поиски брода.

Местность на западном берегу была еще более засушливой. Путники наполнили фляги водой из реки, и поскольку воды всегда было скорее слишком много, чем слишком мало, то Фальк почти не обратил на это внимания. Небо теперь было ясным, и солнце сияло весь день. Впервые за сотни пройденных миль не приходилось бороться с холодным ветром и можно было спать в сухости и тепле. Весна быстро и явственно наступала на эту безводную землю. Перед зарей ярко блестела утренняя звезда и прямо у ног путников распускались дикие цветы. Но минуло уже три дня, как они пересекли реку, а им не повстречался еще ни один родник или ручей.

Борясь с бурным потоком реки, Эстрел подхватила простуду. Девушка ни на что не жаловалась, но уже была не в состоянии поддерживать прежний высокий темп, и лицо ее как-то осунулось. Затем у нее началась дизентерия.

В этот день они рано разбили лагерь. Лежа вечером у костра, Эстрел вдруг заплакала. Она выдавила из себя едва ли пару еле слышных всхлипываний, но и этого было более чем достаточно той, что никогда не показывала свои чувства.

Фальк неловко пытался утешить подругу, взяв ее за руки. Девушка вся горела от лихорадки.

— Не прикасайся ко мне, — прошептала она. — Не надо, не надо. Я потеряла его, потеряла. Что же мне теперь делать?

Только теперь он заметил, что на ее шее нет цепочки с амулетом из белого нефрита.

— Я, должно быть, потеряла его, когда мы переходили реку, — немного успокоившись, произнесла Эстрел.

— Почему ты не сказала об этом раньше?

— А что толку?

На это ответить ему было нечего.

Эстрел вновь взяла себя в руки, но он все равно чувствовал ее подавленное лихорадочное беспокойство. Ночью ей стало хуже, а к утру она совсем разболелась. Девушка не могла есть, и, несмотря на муки жажды, ее желудок не принимал крови кролика. Однако больше пить было нечего. Фальк уложил ее по возможности удобнее, а затем взял пустые фляги и направился на поиски воды.

Вокруг на много миль вплоть до самого подернутого ма-ревом горизонта простиралась холмистая равнина, заросшая

жесткой травой, полевыми цветами и чахлым кустарником. Солнце жарило вовсю; в небесной вышине заливались степные жаворонки. Фальк шел быстрым ровным шагом, сначала уверенным, затем вымученным. Он прочесал местность к северу и к востоку от их стоянки. Влага от прошедших на той неделе дождей ушла глубоко в почву, и нигде не было видно ни ручейка. Следовало продолжить поиски к западу от лагеря...

Возвращаясь назад, Фальк с беспокойством искал глазами стоянку и неожиданно с пологого невысокого холма заметил в нескольких милях к западу неясное темное пятно, которое могло оказаться рощей деревьев. Мгновением позже он увидел дым от костра и, несмотря на усталость, бегом бросился к нему. Заходившее солнце слепило глаза, во рту совершенно пересохло.

Эстрел не давала костру погаснуть, чтобы дать Фальку ориентир. Она лежала у огня в своем изношенном спальном мешке и не подняла головы, когда он подошел к ней.

— На западе, неподалеку отсюда, видны деревья; возможно, там есть вода. Сегодня утром я выбрал неправильное направление, — сказал Фальк, собирая вещи и укладывая их в свой мешок.

Ему пришлось помочь Эстрел встать на ноги; он взял ее за руку, и они двинулись в путь. Пошатываясь, девушка прошла с помертвевшим лицом милю, затем другую. Взойдя на один из пологих холмов, Фальк вытянул вперед руку и восхликал:

— Вон там! Видишь? Это деревья... там должна быть вода.

Но Эстрел опустилась на колени, затем тихо легла на бок, скорчившись от боли на траве и закрыв глаза. Идти дальше она не могла.

— Думаю, осталось самое большое две-три мили. Я разожгу здесь сигнальный костер, а пока ты будешь отдыхать, схожу и наполню фляги. Я просто уверен, что там есть вода, и это не займет много времени.

Эстрел тихо лежала, пока Фальк собирал хворост и разжигал небольшой костер. Затем он навалил рядом с девушкой зеленых веток, чтобы она могла их подбрасывать в огонь.

— Я скоро вернусь, — сказал он и собрался было уходить.

Тут она приподнялась, вся бледная и дрожащая, и крикнула:

— Нет! Не покидай меня. Ты не имеешь права оставлять меня одну... Не уходи...

В ее словах не было логики. Она была больна и напугана до предела. Фальк не мог оставить девушку здесь перед приходом ночи; ему следовало так поступить, однако у него не хватило духу. Он поднял Эстрел, закинул ее руки себе на шею и так, полуволоча-полунося ее, двинулся вперед.

Со следующего холма деревья тоже были видны, но до них, казалось, ближе не стало. Солнце уже садилось, заливая золотом безбрежный океан земли. Фальку пришлось нести Эстрел, и каждые несколько минут он вынужден был останавливаться и класть свою ношу на землю. Потом он падал рядом с ней, чтобы перевести дух и набраться сил. Ему казалось, что, будь у него хоть немного воды, всего несколько капель, чтобы смочить рот, не было бы так тяжело.

— Там есть дом, — шепнул Фальк хриплым голосом. — Там, среди деревьев. И совсем недалеко отсюда...

На сей раз девушка услышала товарища и, бессильно изогнувшись, стала бороться с ним.

— Не ходи туда, милый, — стонала она. — Нет, только не в дома! Рамаррен не должен заходить в дома...

Эстрел стала что-то тихо шептать на языке, которого он не знал, словно моля о помощи. Фальк зашагал дальше, согнувшись под ее весом.

Поздние сумерки неожиданно рассек золотистый свет окон, лившийся из-под громад деревьев.

С той стороны, откуда падал свет, донесся пронзительный вой, который все нарастал, постепенно приближаясь. Фальк было рванулся, потом замер, увидев метнувшиеся к нему из темноты лаявшие и завывающие тени. Высотой ему примерно по пояс, они окружили его, рыча и щелкая зубами. Он стоял, поддерживая обмякшее тело Эстрел, не в силах вытащить пистолет и не осмеливаясь даже шевельнуться. И лишь в нескольких сотнях ярдов от него безмятежно светились высокие окна дома.

Он закричал:

— Помогите!

Но с его губ сорвался лишь хриплый стон.

Внезапно раздались голоса, что-то грозно кричавшие издалека. Черные звериные тени отпрянули назад и замерли в ожидании. К тому месту, где Фальк упал на колени, продолжая прижимать к себе Эстрел, подбежали люди.

— Заберите женщину, — произнес громкий мужской голос.

Другой отчетливо произнес:

— Что это у нас здесь? Неужели пара новых работников?

Фальку приказали встать, но он смог только прошептать:

— Не трогайте ее, она больна.

— Сейчас же встань!

Сильные руки быстро заставили его подчиниться. Он позволил им взять Эстрел. От усталости так кружилась голова, что Фальк еще долго не понимал, где он и что с ним происходит. Ему дали вдоволь напиться холодной воды, и это было единственное, что он помнил и что имело для него значение.

Его посадили: Кто-то, чью речь Фальк не понимал, попытался заставить его выпить какой-то жидкости — жгучего пойла, сильно отдававшего можжевельником. Первое, что он различил вполне отчетливо, был стакан — небольшой сосуд из мутноватого зеленого стекла. Он не пил из стаканов с тех пор, как покинул Дом Зоува. Фальк тряхнул головой, ощущая, как спиртное прочистило ему глотку и мозги, и поднял глаза.

В необъятном полу из полированного камня отражалась дальняя стена, в которой светился мягким желтоватым сиянием огромный диск. Лицо Фалька ощущало тепло, исходившее от этого диска. На полпути между ним и солнцеподобным кругом света прямо на голом полу стояло высокое массивное кресло; рядом с ним не полу обрисовывался неподвижный силуэт какого-то темного зверя.

— Кто ты?

Фальк видел контур носа и челюсти, черную руку на подлокотнике кресла. Вопрос, заданный низким и твердым, как камень, голосом, прозвучал не на галакте, а на языке Леса, хотя и на несколько непривычном диалекте.

Фальк помедлил и сказал правду:

— Я не знаю, кто я. Мою личность отобрали у меня шесть лет назад. В одном из Лесных Домов я научился обычаям людей. Я направляюсь в Эс Тох, чтобы попытаться узнать свое имя и происхождение.

— Ты идешь в Обитель Лжи, чтобы отыскать истину? Дураки и оружие мечутся по нашей уставшей Земле, но твое недомыслие не сравнится ни с чем. Что привело тебя в мое Королевство?

— Моя спутница...

— Ты хочешь сказать, что это она привела тебя сюда?

— Она заболела, и я старался найти воду. Как...

— Попридержи-ка язык. Я рад, что это не она привела тебя сюда. Тебе известно, что это за место?

— Нет.

— Это Владение Канзас, и я его Властелин. Я Повелитель, Герцог и Бог. Я несу ответственность за все, что здесь происходит. Мы тут играем в одну из самых великих игр. Она называется «Сюзерен». Ее правила стары как мир, и свободу моих действий ограничивают только законы. Все остальное — в моей власти.

Теплое прирученное светило метнулось с пола на потолок, а затем с одной стены на другую, когда незнакомец поднялся в кресле. Мягкое сияние обрисовало контур ястребиного носа, высокого, немного склоненного лба, поджарого сильного тела с величественной осанкой и резкими движениями.

Стоило Фальку слегка пошевелиться, как мифическая тварь у трона оскалилась и зарычала.

— Значит, тебе неизвестно твое имя?

— Те, кто принял меня к себе, назвали меня Фальком.

— Отправиться на поиски своего истинного имени — нет благороднее цели для мужчины! Ничего удивительного, что это привело тебя к моим вратам. Я принимаю тебя в игру в качестве игрока, — объявил Герцог Канзаса. — Не каждый день человек с глазами, похожими на опалы, стучится в мою дверь, моля о помощи. Отказать ему означало бы проявить подозрительность и нелюбезность, а что стоит королевское величие без риска и милосердия? Тебя назвали Фальком... но я не буду звать тебя так. В этой игре ты — Опал. Ты свободен в своих передвижениях. Гриффон, лежать!

— Герцог, моя спутница...

— Твоя спутница — или Синг, или их орудие, или просто женщина. Кем ты ее предпочитаешь считать? Берегись, человек, не спеши отвечать королю. Я знаю, в качестве кого ты ее держишь. Но у нее нет имени, и она не участвует в игре. Женщины моих ковбоев присмотрят за ней, и довольно, покончим с этим.

Продолжая говорить, Герцог приблизился к Фальку, медленно вышагивая по голому полу.

— Имя моего спутника — Гриффон. Читал ли ты когда-нибудь в старых Канонах или легендах о таком животном, как собака? Гриффон — имя моей собаки. Как видишь, у нее мало общего с теми желтыми тявкающими тварями, которые носятся по прериям, хотя они и родня ему. Род Гриффона, как и мой, королевский, угасает. Опал, чего бы ты хотел больше всего?

Герцог задал этот вопрос с неожиданной сердечностью,

глядя прямо в глаза Фальку. Уставший и сбитый с толку Фальк был склонен говорить только правду и ответил:

— Попасть домой!

— Попасть домой... — задумчиво повторил Герцог Канзаса.

Он был таким же черным, как и его силуэт или тень. Стальный, черный, как сажа, мужчина семи футов роста с узким острым лицом...

— Попасть домой...

Герцог отступил в сторону, чтобы взглянуть на длинный стол, стоявший возле стула Фалька. Вся крышка стола — Фальк только теперь заметил это — была утоплена на несколько дюймов и окантована рамкой. В ней помещалась сетка из золотых и серебряных проволочек, на которых были нанизаны костяшки с отверстиями такой формы, что они могли переходить с одной проволоки на другую, а в некоторых точках — и с одного уровня на другой. Тут были сотни костяшек, размером от детского кулочка до семечка яблока, — из глины, камня, дерева, металла, кости, пластика, стекла, аметиста, агата, топаза, бирюзы, янтаря, берилла, хрусталия, граната, изумруда и алмаза.

Это была моделирующая система; сходные системы имели Зоув, Лупоглазая и другие обитатели родного Дома Фалька. Систему породила великая культура планеты Давенант, хотя ею издавна пользовались на Земле. Это был и оракул, и компьютер, и орудие мистических ритуалов, и игрушка. Во второй своей короткой жизни у Фалька не хватило времени, чтобы толком разобраться в принципах работы моделирующих систем. Лупоглазая как-то обмолвилась, что ей понадобилось лет сорок-пятьдесят только для того, чтобы научиться обращаться с ней, а ее моделирующая система, являвшаяся фамильной реликвией, представляла собой квадрат со стороной всего лишь в четверть метра с двадцатью-тридцатью костяшками.

Хрустальная призма ударила в железную сферу с чистым высоким звоном. Бирюза устремилась налево, а связанные между собой полированные костяшки с вкраплениями граната скользнули вправо и вниз, в то время как огненный опал вспыхнул на миг в самом центре системы. Черные, худые, сильные пальцы мелькали над проволочками, играя с самоцветами жизни и смерти.

— Значит, — сказал Повелитель, — ты хочешь домой. Но взгляни-ка! Ты умеешь читать узоры? Слоновая кость, алмаз и хрусталь, а также огненные самоцветы... и среди них ме-

чется Опал — за Королевский Дом, за пределы Темницы с Прозрачными Стенами, за холмы и ущелья Коперника, и вот камень уже летит среди звезд. Ты выйдешь за пределы узора, узора времени. Взгляни же!

От мелькания разноцветных костяшек у Фалька зарябило в глазах. Он вцепился в край огромной системы и прошептал:

— Я не умею читать узоры...

— Ты — участник этой игры, Опал, разбираешься ты в ней или нет. Хорошо, просто отлично. Сегодня вечером мои псы лаяли на нищего бродягу, а он оказался повелителем звезд. Опал, когда я однажды приду к тебе, моля дать мне воды из твоих колодцев и приютить, ты ведь впустишь меня? Ночь всегда будет куда холоднее, чем сегодняшняя... И до той поры утечет много воды! Ты пришел в наш мир из далекого прошлого. Я стар, но ты намного старше меня. Ты должен был умереть еще лет сто назад. Вспомнишь ли ты столетие спустя, что когда-то встретил в пустыне некоего короля? Ступай, как я уже говорил, ты свободен в своих передвижениях. Если тебе что-нибудь понадобится, мои люди будут рады услужить тебе.

Фальк пересек залу и вышел через занавешенный портал. Снаружи в вестибюле его ждал мальчик. Тот позвал своих товарищей; они, не выказывая ни удивления, ни подобострастия, вежливо выжидали, пока гость не заговорит первым. Потом отвели его в ванну, дали смену одежды, накормили ужином и уложили в чистую постель в тихой комнате.

Фальк прожил во Дворце Владыки Канзаса в общей сложности тринацать дней, пока последний снег и редкие весенние дожди не омыли пустыню, лежавшую за пределами садов Герцога. Выздоровливавшую Эстрел держали в одном из многочисленных домиков, которые теснились за Дворцом. Фальк был свободен навещать ее, когда хотел... он мог делать все, что ему было угодно.

Герцог единолично правил своими владениями, но власть его зиждилась вовсе не на принуждении. Служить ему скорее почиталось за честь, ибо, признав врожденное величие одного человека, его подданные самоутверждались как люди. Их было не более двух сотен — ковбоев, садоводов и ремесленников, с женами и детьми. Очень маленькое королевство. Тем не менее Фальк уже через несколько дней нисколько не сомневался в том, что Герцог Канзаса не утратил бы своего

величия, даже если бы он жил один. Дело было в присущих ему качествах.

Удивительная неповторимость владений Герцога настолько очаровала и поглотила Фалька, что все эти дни он практически не вспоминал о мире, что лежал за их пределами, о том разобщенном, полном насилия и неустроенности мире, по которому он так долго путешествовал. Однако, затронув на тринадцатый день в беседе с Эстрел вопрос об их уходе, он вдруг задумался о характере взаимоотношений Владыки Канзаса с остальным миром и спросил у нее:

— Мне показалось, что Синги не допускают зарождения феодального строя среди людей. Почему же тогда они позволили Герцогу или Королю, как бы он себя ни называл, сохранить свои владения?

— А почему бы и не позволить ему пошалить? Владение Канзаса довольно обширное, но пустынное и малолюдное. К чему Повелителям Эс Тоха вмешиваться в его дела? Я думаю, что для них он просто глупый хвастливый ребенок.

— Тебе он тоже кажется таким?

— Ну... Ты видел, как вчера здесь пролетал корабль?

— Да, видел.

Летательный аппарат — первый, который видел Фальк, хотя ему было хорошо знакомо его жужжание, — пролетел прямо над домом на большой высоте. Все подданные Герцога высыпали в сад, колотя в сковородки, дети кричали, собаки завывали, а сам Владыка, стоя на верхнем балконе, с торжествующим видом запускал оглушительно рвущиеся петарды до тех пор, пока корабль не исчез в туманной дымке на западе.

— Они такие же глупые, как Баснасски, а старик — просто безумец, — усмехнулась Эстрел.

Хотя Владыка Канзаса не желал видеть женщину, его люди были к ней очень добры. Горькая нотка в смехе подруги удивила Фалька.

— Баснасски забыли, как некогда жили люди. А подданные Герцога, возможно, помнят это слишком хорошо. — Он рассмеялся. — В любом случае корабль улетел, не причинив никому вреда.

— Только не потому, что враг испугался петард, Фальк, — заметила Эстрел без тени улыбки, словно пытаясь о чем-то предупредить его.

Он мельком взглянул на девушки. Она, очевидно, не разглядела сумасшедшего, поэтического сумасбродства этого фейерверка, которое уравняло аппарат Сингов с солнечным

затмением. Но почему бы в дни сумерек человечества не устроить фейерверк? С того времени как Эстрел заболела и потеряла свой нефритовый талисман, ее не покидали печаль и тревога, а пребывание в этом месте, доставлявшее столько удовольствия Фальку, для девушки являлось сущим мучением. Пора было уходить отсюда.

— Пойду поговорю с Герцогом о нашем уходе, — нежно сказал ей Фальк и, оставив подругу в тени ив, усыпанных желто-зелеными почками, направился через сад к дворцу.

Рядом с ним трусили пять длинноногих могучих черных псов — почетный караул, которого ему скоро будет так недоставать.

Герцог Канзаса что-то читал в тронном зале. Диск, что висел на восточной стене помещения, днем светился холодным серебряным светом, словно маленькая домашняя луна, и только ночью излучал мягкое солнечное тепло. Трон, сделанный из полированного мореного дерева, росшего в южных пустынях, стоял перед диском. Фальк единственный раз видел Герцога на троне в самый первый вечер своего пребывания здесь. В эту минуту Герцог сидел на одном из стульев возле моделирующей системы, и высокие окна за его спиной, выходившие на запад, не были зашторены. За ними виднелись далекие темные горы, увенчанные ледяными шапками.

Герцог поднял лицо и выслушал Фалька. Вместо ответа он положил руку на книгу, которую читал. Это был не один из роскошно украшенных микрофильмов из его необыкновенно богатой библиотеки, а небольшая рукописная книга на обычной бумаге.

— Тебе известен этот Канон?

Фальк посмотрел туда, куда указывал Герцог, и прочел несколько певучих фраз:

Нужно бояться
Страха людского.
О горе!
Ты все еще
Не достигло
Своего предела!

— Мне известны эти строки, Герцог. Перед тем как я отправился в путешествие, мне подарили экземпляр этой книги. Но я не знаю языка, которым написана страница, что слева в вашем экземпляре.

— Это символы языка, на котором книга была написана первоначально, пять или шесть тысяч лет назад, — язык

Желтого Императора, моего предка. Так ты потерял свою книгу по дороге? Тогда возьми мою. Но я уверен, что ты потеряешь и ее; следя Пути, теряешь свой путь. О горе! Почему ты всегда говоришь только правду, Опал?

— Не знаю.

По сути, хотя Фальк постепенно и пришел к твердому решению, что никогда не будет лгать, независимо от того, с кем говорит или насколько невероятной может выглядеть правда, он не знал, почему именно пришел к такому решению.

— Я обещал ей помочь найти соплеменников, Герцог.

— Ее соплеменников? — Суровое, испещренное морщинами лицо повернулось к гостю. — А за кого ты ее принимаешь?

— Она из Странников.

— Ну, тогда я — зеленый орех, ты — рыба, а эти горы сделаны из сущеного овечьего помета! Придерживайся и дальше своих правил — говори правду — и услышишь в ответ тоже правду. Набери фруктов из моих цветущих садов, перед тем как двинуться на запад, Опал, напейся влаги из моих бесчисленных колодцев в тени гигантских папоротников. Разве я не правлю королевством чудес? Миражи и пыль ждут тебя на западе вплоть до самой границы тьмы. Скажи, что удерживает тебя возле этой женщины — вожделение или верность?

— Мы многое пережили вместе.

— Не верь ей!

— Она помогла мне и вселила надежду. Мы — товарищи по несчастью. Мы доверяли друг другу... Как я могу разрушить это доверие?

— Вот глупец, о горе мне! — воскликнул Герцог Канзаса. — Я дам тебе десять женщин, которые будут сопровождать тебя до самой Обители Лжи — с флейтами, лютнями, тамбуринами и противозачаточными пиллюями. Я дам тебе собаку... по правде говоря, я считаю, что только такое живое ископаемое, как собака, может стать твоим подлинным другом. Кстати, знаешь, почему вымерли собаки? Потому что они чересчур доверяли людям. Иди в одиночку, человек!

— Я не могу.

— Что ж, поступай как знаешь. Здесь игра уже закончена.

Герцог встал, подошел к трону у серебристого круга и уселся в него. Он даже не повернул головы, когда Фальк попытался произнести слова прощания.

Поскольку в его памяти слово «гора» ассоциировалось с образом одинокой вершины, Фальк думал, что стоит им добраться до гор, как они доберутся и до Эс Тоха; он не понимал, что им предстоит еще вскарабкаться на крышу континента.

Горы вырастали кряж за кряжем; день за днем двое путников взбирались все выше и выше в заоблачные высоты, а их цель, расположенная к юго-востоку, будто лишь отдалась. Среди лесов, стремительных потоков, на вздымающихся выше туч снежных или гранитных склонах им то тут, то там попадались маленькие деревеньки или стойбища. Зачастую они не могли обойти их, поскольку другой тропы не было, тогда спокойно проезжали мимо на своих мулах — щедром даре Герцога, и никто не чинил им препятствий. Эстрел сказала, что горцы, жившие на пороге владений Синглов, были людьми осторожными, предпочитавшими не досаждать незнакомцам, но и не привлекать их, по возможности уклоняясь от встреч.

Апрельские ночи в горах очень холодны, и поэтому для путешественников стало большим облегчением, когда однажды они остановились на ночлег в деревне. Деревушка была крохотная, всего четыре деревянных домика у шумного ручья, несущего свои воды по дну каньона в тени огромных, иссеченных ветрами пиков, но с названием — Бесдио; Эстрел как-то останавливалась в ней много лет назад, когда была еще девочкой. Обитатели Бесдио, двое из которых были такими же рыжеволосыми и свистлокожими, как и сама Эстрел, обменялись с ней несколькими короткими фразами. Они говорили на том же языке, что и Странники. Фальк так и не научился этому языку, поскольку всегда говорил со своей спутницей на галакте. Эстрел что-то объясняла, указывая на восток и на запад; горцы сдержанно кивали, не отрывая от нее глаз, и лишь изредка искоса поглядывали на Фалька. Задав пару вопросов, они накормили путников и без лишних слов пустили их переночевать, но сделали это столь холодно и безразлично, что Фальку стало немного не по себе.

Хлев, в котором им предстояло провести ночь, был, однако, теплым, согретым живым теплом скота, коз и птицы, что теснились здесь, в мирном, полном запахов и шорохов сотовариществе. Эстрел осталась поболтать с жителями деревни в одном из домов, а Фальк тем временем отправился

на сеновал, соорудил там роскошное двойное ложе из сена и расстелил спальные принадлежности. Когда пришла его спутница, он уже почти спал, но все-таки пробормотал сквозь полузыбытье:

— Хорошо, что ты пришла. У меня какое-то смутное беспокойство.

— Здесь не только мой запах!

Эстрел впервые с момента встречи отпустила нечто похожее на шутку, и Фальк взглянул на девушку с некоторым недоумением:

— Похоже, ты счастлива, что мы уже совсем неподалеку от Города, не так ли? Хотел бы я разделить твои чувства.

— А почему бы мне не радоваться? Там я надеюсь отыскать свое племя, Повелители мне обязательно помогут. Да и ты найдешь там то, что ищешь, и будешь восстановлен в своих правах.

— Восстановлен в правах? Мне казалось, что ты считаешь меня одним из Выскобленных.

— Тебя? Никогда! Неужели ты и впрямь веришь в то, что именно Синги влезли в твои мозги? Ты упомянул об этом как-то раз, еще в прериях, но я тогда не поняла тебя. Разве ты можешь считать себя Выскобленным или просто обычным человеком? Ты ведь родился не на Земле!

Нечасто она говорила столь убедительно. Ее слова утешили Фалька, совпадая с его собственными надеждами, и в то же время он был несколько озадачен, поскольку прежде Эстрел долгое время была подавлена и молчалива. Затем он заметил у нее на шее кожаный ремешок, с которого что-то свисало.

— Они дали мне амулет, — промолвила девушка.

Похоже, в нем и заключался источник ее оптимизма.

— Да, — подтвердила она, с удовольствием глядя на кулон. — Мы с ними одной веры. Теперь у нас все будет хорошо.

Фальк слегка улыбнулся, но был рад, что это утешило ее. Погружаясь в сон, он чувствовал, что Эстрел лежит, глядя в темноту, полную запахов и спокойного дыхания животных. Когда перед зарей прокукарекал петух, он наполовину проснулся и услыхал, как девушка шепчет молитвы над своим амулетом на неизвестном ему языке.

Они вышли, избрав тропу, что вилась к югу от грозных вершин. Оставалось пересечь лишь один горный кряж, и четыре дня путники взирались все выше и выше. Воздух становился разреженней и холодней, небеса отливали темной

синевой, а кудрявые облака, нависавшие над оставшимися далеко внизу высокогорными лугами, ярко сверкали в ослепительных лучах апрельского солнца. Когда Фальк и Эстрел наконец достигли перевала, небо потемнело и на голые скалы и рыжевато-серые обнаженные склоны повалил снег.

На перевале стояла пустая хижина, и путники вместе со своими мулами жались к ней, пока не утих снегопад и они не смогли возобновить путь.

Он улыбнулся, однако страх в нем только нарастал по мере того, как приближался Эс Тох.

Тропа начала постепенно расширяться и вскоре превратилась в дорогу. На глаза стали попадаться хижины, фермы, дома. Люди встречались редко, поскольку было холодно и дождливо, и они предпочитали отсиживаться под крышами. Двое путников одиноко трусили под дождем по пустынной дороге. На третье утро после того, как они миновали перевал, небо прояснилось, и через пару часов езды Фальк остановил своего мула, вопросительно глядя на Эстрел.

— Что случилось, Фальк? — поинтересовалась она.

— Мы у цели... Это же Эс Тох, не так ли?

Вокруг простиралась ровная местность, хотя со всех сторон горизонт застилали далекие горные вершины, а пастища и пахотные земли, мимо которых они проезжали раньше, сменились домами, множеством домов! Повсюду были разбросаны хижины, бараки, лачуги, постоянные дворы и лавки, где изготавливали и обменивали различные изделия. Везде сновали дети и кишмя кишили взрослые — на дороге, на обочинах, пешие, верхом на лошадях или мулах и проносиившиеся в слайдерах. Все это производило впечатление крайней скученности, скудости, неряшливости и суэты под бездонными небесами занимавшегося в горах утра.

— До Эс Тоха еще целая миля, если не больше.

— Тогда что же это за город?

— Это лишь окрестности города.

Фальк начал взволнованно и испуганно озираться. Дорога, по которой он шел от самого Дома в Восточном Лесу, теперь превратилась в улицу и вскоре должна была закончиться.

Люди удивленно пялились на странников и на их вышагивавших посреди улицы мулов, но никто не останавливался и не заговаривал с незнакомцами. Женщины отворачивали лица. Лишь некоторые из оборванных детишек указывали на путников пальцами, смеялись, а потом убегали, скрываясь в загаженных проулках или позади какого-нибудь барака.

Вовсе не это ожидал увидеть здесь Фальк; впрочем, что он вообще ожидал увидеть?

— Я и не знал, что в мире столько людей, — наконец выдавил из себя он. — Они роятся вокруг Сингов, как мухи над навозом.

— Личинки мух пытаются навозом! — сухо сказала Эстрел. Затем, взглянув на Фалька, девушка протянула руку и похлопала его по плечу. — Здесь живут прихлебатели и отверженные, сброд, который не пускают в городские ворота. Давай пройдем еще немного и войдем в Город, в истинный Город! Мы проделали долгий путь, чтобы увидеть его...

Они поехали дальше и вскоре увидели возвышавшиеся над крышами убогих лачуг ярко сверкающие на солнце стены зеленых башен без окон.

Сердце Фалька учащенно забилось; тут он заметил, что Эстрел что-то шепчет в амулет, который ей дали в Бесдио.

— Мы не можем въехать в город верхом на мулах, — заявила девушка. — Нам следует оставить их здесь.

Они остановились у ветхой общественной конюшни, и Эстрел начала что-то втолковывать на западном диалекте подбежавшему к ней служителю. Когда Фальк спросил Эстрел, о чем она его просит, та ответила:

— Взять у нас этих животных в качестве залога.

— Залога?

— Если мы потом не оплатим их содержание, он заберет их себе. Ведь у нас нет денег, не так ли?

— Нет, — робко подтвердил Фальк. У него не только не было денег, он никогда их даже не видел. И хотя в галакте имелось такое слово, в лиалекте Леса аналога ему не было.

Конюшня была последним зданием на краю пустыря, усеянного булыжниками и мусором, который отделял район трущоб от высокой длинной стены из гранитных глыб. Пешие путники могли попасть в Эс Тох только одним путем. Огромные конические колонны образовывали ворота.

На левой колонне была вырезана надпись на галакте: «ПОЧИТАНИЕ ЖИЗНИ». На правой виднелась длинная фраза, написанная буквами, которых Фальк никогда прежде не видел. Не наблюдалось никакого движения через ворота и возле них не было стражи.

— Колонна Лжи и Колонна Тайны, — проходя между ними, громко сказал он, не позволяя благоговейному страху овладеть его душой. Однако, войдя в Эс Тох и увидев город, он молча замер на месте.

Город Повелителей Земли был выстроен на двух склонах

каньона — грандиозного пролома в горах, узкого и фантастического. Черные стены с редкими полосками зелени обрывались вниз на добрых полмили в его тенистые глубины к серебристой полоске реки. На самых краях обращенных друг к другу отвесных утесов возвышались башни города, соединенные перекинутыми через пропасть изящными арками мостов. Затем башни, мосты и дорожки заканчивались, и перед самым головокружительным изгибом каньона вновь возвышалась стена. Геликоптеры с прозрачными лопастями парили над бездной, а по едва различимым улицам и узким мостикам носились слайдеры. Хотя солнце еще толком и не поднялось над могучими пиками на востоке, казалось, что ничто не отбрасывает здесь теней; огромные зеленые башни сияли так, словно они впитывали солнечные лучи.

— Идем! — сказала Эстрел, устремившись вперед; ее глаза сверкали. — Здесь нам нечего бояться, Фальк.

Он последовал за подругой. Улица, что спускалась между более низкими зданиями к башням на краю обрыва, была совершенно пустынна. Однажды Фальк оглянулся на ворота и уже не смог разглядеть прохода между колоннами.

— Куда ты меня ведешь?

— Я тут знаю одно место, дом, где бывают соглеменники.

Эстрел взяла его за руку, впервые за все их долгое совместное путешествие, и пока они шли по длинной извилистой улице, она постоянно льнула к нему, не поднимая глаз от мостовой. По мере того как путники приближались к сердцу города, дома справа от них становились все выше, а слева, не огражденная какой-либо стенкой или парапетом, зияла головокружительная пропасть, дно которой скрывалось в густой тени — черный провал между сияющими вздымавшимися в небеса башнями.

— Но если нам понадобятся деньги...

— О нас позаботятся.

Мимо проехали на слайдерах причудливо и ярко одетые люди. На посадочных площадках с отвесными стенками трепетали лопасти геликоптеров. Высоко над ущельем прожужжал набиравший высоту аэрокар.

— И все эти люди — Синги?

— Некоторые из них.

Фальк инстинктивно держал свободную руку на лазере. Эстрел, не глядя на товарища, сказала с усмешкой:

— Не вздумай воспользоваться здесь оружием, Фальк. Ты пришел сюда, чтобы обрести свою память, а не потерять ее.

— Куда ты меня ведешь, Эстрел?

— Вон туда.

— Туда? В этот дворец?

Светившаяся глухая зеленоватая стена безлико вздымалась в небо. В ней отворилась квадратная дверь.

— Здесь меня знают, — сказала Эстрел. — Не бойся. Идем со мной.

Она еще крепче сжала его руку.

Фалька обуревали сомнения. Оглянувшись, он увидел на улице несколько человек — наконец-то пешком. Они не спеша шли в сторону чужаков, с любопытством поглядывая на них. Это испугало Фалька, и он вошел вместе с Эстрел внутрь здания, миновав внутренние двери, створки которых автоматически раздвинулись. Уже внутри, снедаемый предчувствием того, что совершает непоправимую ошибку, Фальк остановился.

— Что это за место? Эстрел...

Они находились в зале с высоким потолком, наполненным сочным зеленоватым светом, где царил полуумрак, как в подводной пещере. В зал вели множество дверей и коридоров, из которых показались спешившие им навстречу люди.

Эстрел отбежала в сторону. В панике Фальк повернулся к дверям за спиной, однако те уже закрылись, а ручек у них не было. Несенные фигуры людей ворвались в зал и устремились к вошедшему, что-то крича на бегу. Фальк прижался спиной к закрытым дверя и потянулся к лазеру, но тот исчез. Оружие было в руках Эстрел. Девушка стояла за спинами людей, которые окружили Фалька, а когда он попытался пробиться к ней, его схватили и сбили с ног.

Тут краем уха Фальк услышал то, что никогда не слышал прежде, — переливы ее смеха.

В ушах звенело, во рту ощущался неприятный металлический привкус. Перед глазами все плыло, голова кружилась и что-то, казалось, ограничивало движения. Вскоре Фальк понял, что некоторое время был без сознания; очевидно, сейчас он не в силах пошевелиться из-за того, что избит и одурманен.

Затем Фальк осознал, что его запястья и лодыжки закованы в кандалы. Когда он наклонил голову, чтобы получше рассмотреть их, головокружение усилилось. В ушах возник чей-то зычный голос, раз за разом повторявший одно и то же слово: рамаррен-рамаррен-рамаррен...

Фальк напрягся и закричал что было силы, пытаясь изба-

виться от внушившего ужас голоса. Перед глазами заплясали искорки, и сквозь пульсируавший в голове оглушительный рев он услышал, как кто-то кричит его собственным голосом:

— Я не...

Когда Фальк вновь пришел в себя, вокруг царила абсолютная тишина. Голова раскалывалась, и зрение восстановилось еще не полностью, но кандалы на руках и ногах исчезли, будто их никогда и не было, и он почувствовал, что за ним присмотрят, его защитят и приютят. Они знали, кто он, и радушно встретили его. За ним пришли близкие ему люди, и теперь он в безопасности: о нем заботятся, его любят, и единственное, в чем он теперь нуждается, — это во сне и отдыхе.

Однако тихий, проникновенный голос продолжал шептать у него в голове: маррен-маррен-маррен...

Фальк окончательно проснулся, хотя это стоило ему определенных усилий, и умудрился сесть. Ноющую голову пришлось стиснуть ладонями, чтобы одолеть вызванный резким движением приступ тошноты. Сперва он понял, что сидит на полу некоей комнаты, и пол этот показался ему, на удивление, теплым и податливым, почти мягким, словно бок какого-то огромного животного. Затем Фальк поднял голову и осмотрелся.

Он сидел один-одинешенек посреди столь необычной комнаты, что у него снова зашумело в голове. Мебели здесь не было. Стены, пол и потолок были сделаны из одного и того же полупрозрачного материала, который казался мягким и волнистым, словно сложенным из множества плотных светло-зеленых вуалей, но на ощупь был жестким и гладким. Странный вычурный узор покрывал все пространство пола, не прощупываясь при этом рукой — либо обман зрения, либо орнамент находился под гладкой поверхностью прозрачного пола.

С помощью перекрецивавшихся псевдопараллельных линий, использованных в качестве декоративной отделки, создавалась иллюзия кривизны углов комнаты. Чтобы убедить себя в том, что стены в действительности образуют прямой угол, требовалось усилие воли, хотя, возможно, и это являлось самообманом, поскольку углы могли и на самом деле не быть прямыми.

Но ничто из данного назойливого украшательства не приводило Фалька в такое смятение, как сам факт полупрозрачности целой комнаты. Смутно, словно через толщу зеленоватых вод пруда, сквозь пол просматривалось еще одно

помещение. Над головой маячило светлое пятнышко — возможно, луна, затуманенная одним или несколькими зелено-ватными потолками. Сквозь одну из стен комнаты пробивались вполне отчетливые полосы и пятна яркого света, и Фальк мог различить движение огней геликоптеров или аэрокаров. Сквозь остальные три стены уличные огни пробивались заметно менее ярко, поскольку были ослаблены другими стенами, коридорами и комнатами. Там двигались какие-то тени. Он видел их, но не мог разобрать детали; черты лиц, одежда и ее цвет — все было подернуто туманной дымкой.

Откуда-то из зеленых глубин неожиданно выплыла чья-то тень, затем стала сжиматься, становясь все более зеленой и расплывчатой, пока совсем не исчезла в туманном лабиринте. Любопытная складывалась картина: вроде бы есть видимость — но без отчетливых деталей; одиночество — но без уединения. Эта завуалированная игра света и теней сквозь зеленоватые туманные поверхности была невероятно прекрасной и в то же время чрезвычайно раздражала.

Внезапно Фальку почудилось, что яркое пятно на ближайшей стене слегка дрогнуло. Он быстро повернулся и с ужасом наконец увидел нечто живое и вполне различимое — чье-то изможденное лицо, уставившееся на него желтыми, нечеловеческими глазами.

— Синг, — прошептал он, охваченный слепым ужасом.

Словно передразнивая его, уродливые губы беззвучно произнесли то же слово — «синг», и Фальк понял, что видит отражение собственного лица.

Фальк с трудом выпрямился и, подойдя к зеркалу, коснулся его рукой, чтобы убедиться в правильности своей догадки. Это и впрямь было зеркало, наполовину утопленное в литую раму.

Внезапно послышался чей-то голос, и он обернулся. В другом конце комнаты стояла слабо различимая в тусклом свете скрытых светильников, но все же достаточно реальная фигура. Двери нигде не было видно, однако человек как-то вошел в комнату и теперь стоял, глядя на Фалька. Это был очень высокий мужчина, с широких плеч которого ниспадала белая накидка или плащ. У него были светлые волосы и ясные темные проницательные глаза.

Человек произнес низким и очень мягким голосом:

— Добро пожаловать, Фальк. Мы давно направляем и защищаем тебя, ожидая твоего прихода.

Комната засияла более яркий, мерцающий свет. В низком голосе появилась восторженная нотка:

— Отбрось страх и прими наше гостеприимство, о Вестник. За твоей спиной нелегкий путь, и ноги твои ступили на дорогу, что приведет тебя домой!

Сияние все разгоралось, пока не начало слепить Фалька. Пришлось непрерывно мигать, и когда он наконец, прищутившись, поднял глаза, мужчина уже исчез без следа.

Непроизвольно ему на ум пришли слова, произнесенные несколько месяцев назад старым Слухачом в лесу: «Ужасная тьма ярких огней Эс Тоха».

Больше он не позволит, чтобы его дурачили и дурманили наркотиками. Как глуп он был, что явился сюда; живым ему отсюда не выбраться, но и дурачить себя больше не позволит. Фальк уже отправился было на поиски потайной двери, чтобы последовать за тем человеком, когда голос за его спиной внезапно произнес:

— Подожди еще немного, Фальк. Иллюзии не всегда лгут. Ты ведь ищешь истину...

Небольшая складка в стене раскрылась и превратилась в дверь. В комнату вошли две фигуры. Одна, маленькая и хрупкая, ступала вполне уверенно. На ней были штаны с нарочито выступавшим вперед гульфиком, короткая кожаная куртка и туго натянутая на голову шапочка. Вторая, повыше, в тяжелой мантии, перемещалась небольшими семенящими шагами, как обычно двигаются танцоры. К талии человека — наверное, мужчины, если судить по низкому, хотя и очень тихому голосу — спадали длинные иссиня-черные волнистые волосы.

— Нас сейчас снимают, Стрелла.

— Я знаю, — ответил невысокий человек голосом Эстрема. Ни один из них не обратил ни малейшего внимания на Фалька. Они вели себя так, словно в комнате больше никого не было. — Ну же, спрашивай, что хотел, Краджи.

— Я хотел спросить тебя: почему это отняло так много времени?

— Много? Ты несправедлив, мой Повелитель. Как я могла проследить его путь в Лесу к востоку от Хорга? Там ведь сплошная глушь. А от глупых животных помочь не добьешься — только и способны, что лепетать слова Закона. Когда вы, в конце концов, сбросили мне детектор, настроенный на людей, я находилась в двухстах милях к северу от него. Он направлялся к территории Баснасска. Тебе известно, что совет снабдил их птицебомбами, чтобы перехватить

Странников и других бродяг. Так что мне пришлось присоединиться к этому вшивому племени. Разве ты не получал моих сообщений? Я постоянно передавала их, пока не обронила передатчик при переправе через реку к югу от Владения Канзас. И моя мать в Бесдио дала мне новый. Они же наверняка записывали мои отчеты на пленку.

— Я никогда не прослушиваю отчеты. Но в любом случае все это время потрачено напрасно — тебе так и не удалось за долгие недели научить его не бояться нас.

— Эстрел! — крикнул Фальк. — Эстрел!

Нелепая и хрупкая в своем трансвеститском костюме Эстрел не обернулась, не услышала его. Она продолжала разговаривать с мужчиной в мантии. Давясь от стыда и гнева, Фальк выкрикивал ее имя, затем бросился вперед и схватил ее за плечо... Но там не было ничего, кроме перелива разноцветных пятен в воздухе.

Складка двери в стене открывала Фальку соседнюю комнату. Человек в мантии и Эстрел стояли там спиной к нему. Он шепотом произнес ее имя. Она обернулась и взглянула на него. Она смотрела ему в глаза, и в ее взоре не было ни торжества, ни стыда. Ее взгляд оставался таким же спокойным, бесстрастным, отчужденным, как и все то время, пока они были вместе.

— Почему... почему ты лгала мне? — хрипло спросил Фальк. — Зачем ты привела меня сюда?

Он сам мог себе ответить. Он знал, кем он был и кем всегда оставался в глазах Эстрел. И этот вопрос задал не его разум, а его самоуважение и верность, которые не могли ни вынести, ни принять всю тяжесть истины в это первое мгновение.

— Меня послали, чтобы я привела тебя сюда. Они хотели, чтобы ты пришел.

Фальк попытался взять себя в руки. Застыв в неподвижности, даже не пытаясь шагнуть ей навстречу, он спросил:

— Ты — из Сингов?

— Я — Синг, — сказал мужчина в мантии, приветливо улыбаясь. — А все Синги — лжецы. И если я — Синг, который тебе лжет, в таком случае я, конечно же, не Синг, хотя и лгу, не являясь при этом Сингом. А может, все это ложь, будто все Синги — лгуны? Но я на самом деле Синг; и я воистину лгу. Животные, как известно, тоже лгут. Ящерицы меняют свой цвет, жуки имитируют кору, рыба камбала лжет тем, что, застыв в неподвижности, окрашивается в цвет

песка или гальки в зависимости от характера дна... Стрелла, этот фрукт глупее всякого ребенка.

— Нет, милорд Краджи, он очень умен, — возразила Эстрел тихим бесстрастным голосом. Девушка говорила о Фальке так, как люди говорят о животных.

Она шла рядом с Фальком, ела с ним, спала с ним. Она засыпала в его объятиях... Фальк молча стоял и смотрел на нее. Эстрел и высокий мужчина тоже стояли молча, не двигаясь, словно ожидали от Фалька какого-то сигнала для продолжения своего выступления.

Он не испытывал к ней неприязни. Она не будила в нем никаких чувств. Она стала воздухом, призрачным мерцанием света. Все чувства его теперь были обращены вовнутрь, на себя. Его потешивало от унижения.

«Иди один, Опал», — говорил ему Владыка Канзаса. «Иди один», — говорил ему Хиардан-Пчеловод. «Иди один», — говорил ему старый Слухач в Лесу. «Иди один, сынок», — говорил ему Зоув. Сколько людей смогли бы направить его, помочь ему в поисках, вооружить знанием, если бы он пересек прерии в одиночку? Сколько многому он мог бы научиться, если бы не доверился Эстрел?

Теперь же ему известно лишь то, что он неизменно глуп и что она лгала ему. Она не переставая лгала ему с самого начала, с того самого момента, когда сказала, что она — Странница... нет, еще раньше. С того момента, когда впервые увидала его и притворилась, будто не знает, кем и чем он является. Она давно уже знала о нем и была послана для того, чтобы противодействовать влиянию тех, кто ненавидит Сингов — виновников того, что было сделано с его мозгом, и чтобы помочь ему обязательно добраться до Эс Тоха.

«Но тогда почему, — мучительно размышлял Фальк, стоя в одной комнате и глядя на Эстрел, стоявшую в другой, — почему она теперь перестала лгать?»

— Что я теперь говорю тебе, не имеет никакого значения, — сказала она, словно прочтя его мысли.

Возможно, так оно и было. Они никогда не пользовались мыслеречью, но если Эстрел из Сингов и имеет их ментальные способности, величину которых люди оценивали лишь по слухам и догадкам, Эстрел, возможно, подслушивала его мысли в течение всего их совместного путешествия. Как он мог судить об этом? Спрашивать же у нее не было никакого смысла...

За спиной послышался какой-то звук. Фальк обернулся и увидел двух людей, стоявших на другом конце комнаты возле

зеркала. В длинных черных одеяниях с белыми капюшонами, они были вдвое выше обычных людей.

— Тебя так легко провести, — сказал один гигант.

— Ты должен понимать, что тебя дурачили, — добавил другой.

— Ты всего лишь получеловек!

— И, как получеловек, ты не можешь знать всей правды.

— Ты, кто ненавидит, одурачен и высмеян.

— Ты, кто убивает, выскошен и превращен в орудие.

— Откуда ты явился, Фальк?

— Кто ты, Фальк?

— Где ты, Фальк?

— Что ты из себя представляешь, Фальк?

Оба гиганта откинули свои капюшоны, показывая, что под ними ничего нет, кроме тени, и попятались к стене. Затем прошли сквозь нее и исчезли.

Из другой комнаты в объятия Фалька бросилась Эстрел. Она прижалась к нему всем телом и стала жадно и отчаянно целовать его.

— Я люблю тебя, я влюбилась в тебя с первого же взгляда. Верь мне, Фальк, верь мне!

Затем она, по-прежнему всхлипывавшая «Верь мне!», была оторвана от него и уведена прочь, словно влекомая некоей могущественной, невидимой силой, как бы выброшенная свирепым порывом ветра сквозь некую узкую дверь, которая бесшумно закрылась за ней, как захлопнувшийся рот.

— Ты понимаешь, — спросил высокий мужчина из другой комнаты, — что находишься под воздействием галлюциногенов?

В его шепчуцем, хорошо поставленном голосе сквозили нотки сарказма и внутренней опустошенности.

— Меньше всего доверяй самому себе!

Мужчина задрал свою мантию и обильно помочился. После этого он ушел, поправляя на ходу одежду и приглаживая длинные волосы.

Фальк стоял и наблюдал за тем, как зеленоватый пол дальней комнаты постепенно поглощает мочу.

Края дверного проема стали медленно смыкаться. Это был единственный выход из этой комнаты-западни. Фальк сбросил с себя оцепенение и проскочил сквозь проем до того, как он закрылся. Комната, в которой некогда стояли Эстрел и ее спутник, ничем не отличалась от той, которую он только что покинул, разве что она была поменьше и поху-

же освещена. В дальнем конце ее виднелся узкий проем, который медленно закрывался.

Фальк поспешил пересек комнату и, пройдя сквозь проем, очутился в третьей комнате, которая ничем не отличалась от первых двух, разве что была еще меньше и хуже освещена. Щель в ее дальнем конце тоже медленно смыкалась, и он промчался сквозь нее в следующую комнату, еще меньше и темнее предыдущей, откуда он протиснулся в еще одну маленькую, совсем темную комнату, а затем вполз на маленькое тусклое зеркало и взмыл вверх, крича от леденящего душу ужаса, по направлению к холодно взиравшей на него белой испещренной кратерами луне.

Проснулся Фальк, чувствуя себя отдохнувшим, набравшимся сил, но в состоянии некоторой прострации в удобной кровати в ярко освещенной комнате без единого окна. Он приподнялся и сел. И тут, словно по сигналу, из-за перегородки к нему поспешили двое мужчин с туповатыми лицами и немигающими глазами.

— Приветствуем тебя, лорд Агад! Приветствуем тебя, лорд Агад! — повторяли они друг за другом. — Идемте с нами, пожалуйста, идемте с нами, пожалуйста.

Фальк встал с постели, совершенно обнаженный, готовый сражаться — единственным четким воспоминанием была его схватка и поражение в холле дворца, — но здесь никто не собирался прибегать к насилию.

— Идемте, пожалуйста, — беспрестанно твердили мужчины, пока он не уступил им.

Так и не дав Фальку одеться, его вывели из комнаты, провели по плавно изгибавшемуся пустому коридору, через зал с зеркальными стенами, вверх по лестнице, которая на самом деле оказалась наклонным скатом с нарисованными ступеньками, и наконец пригласили в просторную меблированную комнату с зеленовато-голубыми стенами. Один из мужчин остался снаружи, другой вошел вместе с Фальком.

— Вот — одежда, вот — пища, вот — вода. Поешьте и попейте. Если вам что-то нужно — попросите. Хорошо?

Мужчина смотрел на Фалька, не отводя взгляда, но без особого интереса.

На столе стоял кувшин с водой, и первое, что сделал Фальк, — напился до отвала, поскольку его мучила страшная жажда. Затем он окинул взглядом странную, довольно приятную комнату с мебелью из прочного, напоминающее стек-

ло пластика и полупрозрачными стенами без окон. Потом он стал с любопытством изучать своего то ли стража, то ли слугу — крупного мужчину с тулем невыразительным лицом и пристегнутым к поясу пистолетом.

— Что гласит Закон? — спросил Фальк, повинуясь некоему импульсу.

— Не отбирать жизнь, — охотно и без всякого удивления ответил таращившийся на него детина.

— Тогда зачем тебе пистолет?

— О, этот пистолет обездвиживает человека, а не убивает, — ответил стражник и рассмеялся. Интонации его голоса совершенно не сочетались с произносимыми словами, а между словами и смехом вклинилась небольшая пауза.

— Теперь ешьте, пейте, мойтесь. Вот хорошая одежда. Смотрите, одежда здесь.

— Ты — Выскобленный?

— Нет. Я начальник стражи Подлинных Повелителей, и я подключен к компьютеру номер восемь. Теперь ешьте, пейте, мойтесь.

— Я все это сделаю, когда ты покинешь комнату.

Последовала небольшая пауза.

— О да, конечно, лорд Агад, — ответил здоровяк и снова захихикал, словно от шекотки. Возможно, ему было щекотно, когда компьютер говорил через его мозг. Наконец мужчина вышел.

Сквозь внутреннюю стену комнаты Фальку были видны неуклюжие силуэты двух охранников. Они расположились в коридоре по обе стороны двери. Фальк нашел ванную и помылся. Чистая одежда лежала на огромной мягкой постели, что занимала один из углов комнаты. Одежда имела свободный покрой и была расшита кричащими красными и фиолетовыми узорами. Фальк неодобрительно осмотрел ее, но все же надел на себя. Его видавший виды мешок с вещами лежал на столе из золотистого, похожего на стекло пластика. На первый взгляд все было на месте, кроме старой одежды и оружия.

Тут же на столе была разложена еда, и Фальк почувствовал зверский голод. Он понятия не имел, сколько времени прошло с тех пор, как двери этого дворца сомкнулись за ним, но, судя по голоду, немало. Пища оказалась весьма необычной, очень острой, с большим количеством приправ и малоприятной на вкус, однако он съел все, что ему дали, и не отказался бы от добавки. Поскольку еды больше не было и он сделал все, о чем его просили, Фальк более внимательно

осмотрел комнату. Неясные силуэты стражников за полу-прозрачной зеленовато-голубоватой стеной куда-то пропали, и он собрался было выяснить, в чем, собственно, дело, но тут заметил, что едва различимая вертикальная прорезь двери начала расширяться, а за ней маячила чья-то тень. Постепенно в стене возник высокий овальный проем, через который в комнату вошел какой-то человек.

Фальк сперва подумал, что это девушка, но затем понял, что перед ним паренек лет шестнадцати, одетый в такие же свободные одежды, как и он сам. Не приближаясь к Фальку, паренек остановился, вытянул вперед руки и стал скороговоркой нести какую-то тарабарщину.

— Кто ты?

— Орри, — ответил юноша и выдал новую порцию тарабарщины.

Он выглядел хрупким и возбужденным, его голос дрожал от переполнявших чувств. Затем юноша упал на колени и низко склонил голову.

Такой позы Фальку раньше видеть не приходилось, хотя ее значение было вполне понятно. Аналоги данной позы совершиеннейшего почтения и преданности встречались ему среди Пчеловодов и подданных Повелителя Канзаса.

— Говори на галакте, — приказал слегка шокированный и чувствующий себя неловко Фальк. — Кто ты?

— Я — Хар Орри, преч Рамаррен, — прошептал паренек.

— Встань. Поднимись с колен. Я не... Ты знаешь меня?

— Преч Рамаррен, разве вы не помните меня? Я ведь Орри, сын Хара Уэдена...

— Как меня зовут?

Мальчик поднял голову, и Фальк ошеломленно уставился на него... они смотрели друг другу прямо в глаза. Глаза юноши были серовато-янтарного цвета, с большими темными зрачками. Белков не было, радужная оболочка заполняла всю глазницу, как у кошек. Такие глаза Фальк видел разве что в зеркале прошлым вечером.

— Ваше имя Агад Рамаррен, — покорно ответил испуганный паренек.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Я... я всегда знал его, преч Рамаррен.

— Значит, ты моей расы? Значит, мы представители одного народа?

— Я сын Хара Уэдена, преч Рамаррен! Клянусь вам!

В серо-золотистых глазах мальчишки на мгновение блеснули слезы. Фальк и сам имел обыкновение реагировать на

стрессовые ситуации кратковременным слезоизделием. Лупоглазая как-то упрекнула Фалька: мол, нельзя стыдиться скорее всего чисто физиологической реакции, присущей его race.

Смятение и беспокойство, которые Фальк испытал в Эс Тохе, лишили его способности трезво анализировать происходящее. Часть разума твердила: «Именно этого они и добиваются. Тебя хотят сбить с толку и сделать излишне доверчивым». В настоящий момент он уже не мог разобрать, была ли Эстрел, которую он так хорошо знал и преданно любил, ему другом, или же она из Сингов, или просто орудие в руках Сингов; говорила ли она ему правду или же постоянно лгала, угодила ли она в западню вместе с ним или же сама привела его в ловушку? Он помнил ее смех; но помнил он и ее отчаянное объятие, ее шепот... Как следует поступить с этим мальчиком, с болью и ужасом глядящим на него такими же неземными глазами, как и его собственные? Будет ли юноша правдиво отвечать на вопросы или же будет лгать?

Среди всех этих иллюзий, ошибок и обманов, как показалось Фальку, существовал лишь один верный путь — тот, которому он следовал с тех пор, как покинул Дом Зоува.

Он еще раз посмотрел на паренька и сказал:

— Я не знаю тебя. Я не помню тебя, хотя, возможно, и должен помнить, потому что в моей памяти сохранились только последние четыре или пять лет моей жизни.

Фальк кашлянул, вновь отвернулся и сел в одно из высоких вертящихся кресел, пригласив мальчика последовать его примеру.

— Вы... помните Верель, преч Рамаррен?

— Что такое Верель?

— Наш дом. Наша планета.

У Фалька защемило где-то в груди, но он промолчал.

— Вы помните... путешествие сюда, преч Рамаррен? — заикаясь, спросил мальчик. Казалось, слова Фалька не дошли до него. В голосе пробивались гнетущие, тоскливы нотки, подкрепленные уважением и страхом.

Фальк покачал головой.

Орри повторил свой вопрос, слегка видоизменив его:

— Вы помните наше путешествие на Землю, преч Рамаррен?

— Нет. А когда оно было?

— Шесть земных лет тому назад. Простите меня, пожалуйста, преч Рамаррен. Я не знал... Я был над Калифорнийским морем, и за мной послали аэрокар, автоматический

аэрокар. Мне не сообщили, для чего я понадобился. Затем лорд Краджи объяснил мне, что нашелся один из членов нашей экспедиции, и я подумал... Но он ничего не сказал о том, что случилось с вашей памятью... Значит... вы помните только Землю?

Казалось, паренек умолял Фалька, чтобы тот ответил отрицательно.

— Я помню только Землю.

Фальк кивнул, твердо решив не поддаваться чувствам мальчика, его наивности, детской искренности лица и голоса. Нельзя исключать возможность, что этот Орри на самом деле вовсе не такой, каким желает казаться.

Ну а если он не кривит душой?

«Я не позволю, чтобы меня вновь одурачили», — с горечью подумал Фальк.

«Позволишь, позволишь, — немедленно отозвалась другая часть его мозга. — Тебя одурачат, если только захотят, и ты не сумрешь это предотвратить. Если ты не станешь задавать вопросы этому мальчику, дабы не выслушивать лживых ответов, то ложь возьмет верх во всем, и результатом твоего путешествия в Эс Тох будет лишь молчание, лицедейство и отвращение. Ты пришел сюда, чтобы узнать свое имя. Он дал тебе некое имя. Прими его».

— Ты мне расскажешь, кто... мы такие?

Мальчик снова перешел на тарабарщину, но тут же умолк, встретив непонимающий взгляд Фалька.

— Вы не помните, как говорить на келшаке, преч Рамаррен? — спросил он почти жалобным тоном.

Фальк покачал головой:

— Келшак — это твой родной язык?

— Да, — ответил мальчик и добавил с ноткой упрямства: — И ваш тоже, преч Рамаррен.

— Как на келшаке звучит слово «отец»?

— Хьовеч, или вава — для детей.

Неискренняя улыбка промелькнула по лицу Орри.

— А как вы называете пожилого человека, которого уважаете?

— Для этого есть много слов... Превва, кионинеп... Дайте мне подумать, пречна. Я так давно не говорил не келшаке... Пречновег... человек более высокого положения, если это не родственник, можно назвать тиокиой или превиотио...

— Тиокиой. Я как-то раз произнес это слово, не зная, откуда оно пришло мне на ум...

Это не было подлинной проверкой. Фальк никогда тол-

ком не рассказывал Эстрел о нескольких днях, проведенных у старого Слухача в Лесу, но за ту ночь или несколько суток, пока он находился одурманенный в их руках, они могли изучить вдоль и поперек все его воспоминания, все, что он когда-либо говорил или думал. Он даже не догадывался, что с ним сделали, и не имел ни малейшего понятия о том, что они вообще могут предпринять. Меньше всего он знал о том, чего они добиваются. Единственное, что ему оставалось делать, — продолжать в том же духе, пытаясь получить необходимые сведения.

— Ты здесь свободен в своих передвижениях?

— О да, преч Рамаррен. Повелители очень добры. Они уже давно ищут кого-нибудь... из оставшихся в живых членов экспедиции. Тебе известно, пречна, о ком-либо...

— Нет.

— Когда я несся сюда несколько минут назад, Краджи успел мне лишь сообщить, что ты жил в лесу где-то в восточной части этого материка, в каком-то диком племени.

— Я расскажу тебе об этом, если захочешь. Но сначала ты расскажи мне кое о чем. Я не знаю, кто я, кто ты, что это была за экспедиция и что такое Верель.

— Мы — Келши, — скованно начал мальчик, очевидно, смущенный тем, что ему приходится объяснять столь элементарные вещи тому, кого он считал выше себя, причем не только в силу разницы в возрасте. — Мы из народа Келшак и живем на Вереле... сюда мы прибыли на корабле «Альтерра».

— Зачем мы прилетели сюда? — спросил, подавшись вперед, Фальк.

Медленно, часто сбиваясь, несколько раз повторяя одно и то же, прерываемый тысячами вопросов, Орри вел свое повествование, пока не устал говорить, а Фальк — слушать. К тому времени полупрозрачные стены комнаты уже озарил свет заходящего солнца.

Бессловесные слуги принесли им еду и питье. Пока они ели и пили, Фальк не переставал мысленно разглядывать бриллиант, который мог оказаться как фальшивым, так и бесценным: историю, строй, образ — подлинный или ложный — того мира, который он некогда потерял.

Глава 7

Вокруг желто-оранжевого, словно око дракона или огненный опал, солнца не спеша кружились по вытянутым орбитам семь планет. Год на третьей зеленой планете длился

шестьдесят земных лет. «Счастлив тот, кто встретит свою вторую весну», — так перевел одну из пословиц того мира Орри. Когда планета находилась на самом дальнем от солнца участке своей орбиты, зимы в северном полушарии благодаря сильному наклону планетарной оси к плоскости эклиптики становились студеными, мрачными и наводящими ужас. Во время долгого, в половину человеческой жизни, лета в этом мире наблюдалось не знавшее границ пиршество жизни. Гигантская луна, цикл которой составлял четыреста дней, поднимала грандиозные приливные волны в глубоких морях планеты. А еще в список чудес входили частые землетрясения, действующие вулканы, бродячие растения, поющие животные... И люди, имевшие собственный язык и строившие города.

В этот удивительный, хотя и не столь уж необычный мир двадцать лет назад прибыл космический корабль (Орри имел в виду двадцать гигантских лет этой планеты — то есть более тысячи двухсот лет по земному летосчислению). Прибывшие на корабле колонисты, поданные Лиги Всех Миров, посвятили свой труд и свою жизнь незадолго до того открытой планете, удаленной от древних центральных миров Лиги, в надежде в конце концов привести разумных обитателей планеты в Лигу в качестве новых союзников в Грядущей Войне. Такова была политика Лиги в течение многих поколений — со времен прихода предупреждения из-за Скопления Гиад о гигантской волне завоевателей, которая столетие за столетием перемещалась от планеты к планете, неумолимо приближаясь к обширному скоплению из восьмидесяти планет, гордо называвшему себя Лигой Всех Миров. Земля, находившаяся на самом краю ядра Лиги, ближе всех к недавно открытой Верель, снарядила корабль с колонистами. Ожидались корабли и с других планет Лиги, однако ни один из них так и не совершил посадку на Верель. Война опередила их.

Единственной нитью, связывавшей колонистов с Землей, с главной планетой Лиги — Давенантом и со всеми остальными мирами Лиги, был ансибль, средство мгновенной связи, установленный на борту их корабля. По словам Орри, ни один корабль не мог перемещаться быстрее скорости света...

Тут Фальк поправил юношу. В действительности существовали военные корабли, построенные на принципе ансибля, но они были лишь смертоносными машинами, невероятно дорогими и неспособными перевозить живые существа. Скорость света, с ее эффектом замедления времени для путе-

шественников, ограничивала быстроту перемещения людей как тогда, так и теперь. Поэтому колонисты Вереля оказались абсолютно оторванными от родного мира и все новости получали через ансибль. Не прошло и пяти лет, как им сообщили, что нагрянул Враг, и сразу же после этого сообщения стали сбивчивыми, противоречивыми, прерывистыми и вскоре вовсе прекратились. Примерно треть из числа колонистов решила преодолеть на корабле гигантскую вековую пропасть, отделявшую их от Земли, чтобы влиться в борьбу своего народа против захватчиков. Остальные же остались на Вереле, обрекая себя на добровольное изгнание. До конца своих дней им так и не суждено было узнать, что случилось с их родной планетой и с Лигой, которой они служили, что представлял из себя Враг и удалось ли ему одолеть Лигу, или же он был разбит наголову. Колонисты остались без корабля и средств связи, в изоляции — маленькое поселение, окруженнное любопытными и враждебными аборигенами, которые находились на более низкой стадии развития, но ничем не уступали людям в интеллекте. Колонисты, а затем и их потомки ждали... но звезды, мерцавшие над их головами, хранили молчание. Больше не было ни кораблей, ни каких-либо известий. Их собственный корабль, очевидно, был уничтожен, а записи об открытии новой планеты утеряны. Все забыли о маленьком желто-оранжевом опале, затерянном среди мириад звезд.

Колония процветала, разрастаясь все дальше в глубь материка, на живописном побережье которого был основан первый город, названный Альтеррой. Затем, через несколько лет (тут Орри запнулся и поправил себя: «То есть через шестьсот лет по земному летосчислению. Кажется, это был десятый год с основания колонии. Я ведь только начал изучать историю, преч Рамаррен, но мой отец и вы любили рассказывать мне о подобных вещах перед путешествием...») колония стала переживать тяжелые времена, резко уменьшилось число рождений, и еще меньше детей выживало.

Здесь Орри снова запнулся, потом наконец сказал:

— Помню, как вы говорили мне тогда, что альтерране не понимали, что с ними происходит. Они полагали, что причиной тому близкородственные браки, но на самом деле это было нечто вроде отбора. Повелители же утверждают, что такого быть не могло, поскольку независимо от того, сколько времени на планете существует колония чужаков, она продолжает оставаться чужеродной. С помощью манипуляций с генами можно получить потомство от браков с коренными

жителями, однако оно будет стерильным. Так что я не знаю, что же в точности случилось с альтерранами — я был совсем ребенком, когда вы и отец пытались поведать мне об этом. Помню, как вы говорили об отборе с целью появления... жизнеспособного вида.

В общем, колонисты были на грани вымирания, когда им удалось вступить в союз с одной из туземных народностей — теварцами. Они вместе пережили зиму и, когда пришла весенняя пора размножения, вдруг обнаружили, что теварцы и альтерране могут иметь потомство. Во всяком случае, в достаточном количестве, чтобы основать гибридную расу. Повелители утверждают, что такое невозможно, но я помню: именно так вы рассказывали мне.

— И мы — потомки этой расы?

— Вы являетесь потомком Альтерра Агата, преч Рамаррен, главы колонии землян в течение всей Зимы десятого года! Мы еще в школе узнали об Агате. Ваше имя, преч Рамаррен — Агад из Шарена. У меня нет столь известных предков, но моя прабабушка родом из семьи Эсми из Кью. Это все альтерранские имена. Конечно, для демократического общества Земли подобные различия ничего не значат, правда?

Тут на лице Орри опять выступила печать беспокойства, как будто юношу раздиral какой-то неясный внутренний конфликт. Фальк вновь вернул его к полному домыслов и догадок рассказу об истории Вереля, такой, какой ее запомнил Орри.

Новое племя теварцев-альтерран расцвело за годы, последовавшие после зловещей Десятой Зимы. Маленькие городки стали разрастаться. На единственном континенте северного полушария установилась культура торгового обмена. В течение нескольких поколений она охватила и примитивные народы южных континентов, где проблема выживания в суровую Зиму утратила бытую остроту. Население выросло. Наука и техника развивались всевозрастающими темпами, ведомые Книгами Альтерры — корабельной библиотекой, тайны которой становились все более объяснимыми по мере того, как отдаленные потомки колонистов восстанавливали утраченные знания. Поколение за поколением хранило и копировало эти книги, изучая языки, на которых они написаны, — им был, конечно же, галакт. В конце концов исследовали даже луну и планеты системы.

Рост городов и распри между народами контролировала и сглаживала могущественная империя Келшак, раскинув-

шаяся на древнем северном континенте. На гребне эры мира и могущества Империя построила и отправила в космос корабль, способный двигаться со скоростью света. Этот корабль «Альтерра» покинул Верель через восемнадцать с половиной лет после того, как с Земли прибыл корабль с колонистами, то есть через тысячу двести лет по земному летосчислению.

Экипаж судна не знал, с чем ему суждено столкнуться на Земле. На Вереле еще не разобрались в принципе работы ансибля, а радиосигналы посыпать в космос не осмеливались, чтобы не выдать свое местоположение какому-нибудь враждебному миру, где правил Враг, которого так боялась Лига. Чтобы получить необходимые сведения, туда должны были отправиться живые люди, преодолев непроглядную тьму, отделявшую альтерран от их прародины.

— Сколько времени длилось путешествие?

— Более двух лет по летосчислению Вереля, возможно, сто тридцать — сто сорок световых лет. Я тогда был совсем еще мальчишкой, преч Рамаррен, много не понимал, а о многом мне и не рассказывали...

Фальк не мог взять в толк, почему подобное неведение должно смущать паренька. Лично его в гораздо большей степени ошеломил тот факт, что Орри, которому на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, прожил уже около ста пятидесяти лет. А он сам?

— «Альтерра», — продолжал Орри, — отправилась на Землю с космодрома, расположенного вблизи древнего тварского прибрежного города. На борту корабля было девятнадцать мужчин, женщин и детей, большей частью подданных империи Келшак, ведущих свой род от первых колонистов. Взрослых отбирал Совет Империи — с учетом степени подготовленности, способностей, смелости и наличия «арлеш».

— Я не могу подобрать нужного слова на галакте. Арлеш — это арлеш, — бесхитростно улыбнулся юноша. — Рэйл означает... делать правильные вещи, вроде учебы в школе, как река следует своему руслу. Арлеш, как мне кажется, проистекает из рэйл.

— Тао? — спросил Фальк, но Орри никогда не слышал о Древнем Каноне Человечества. — Что случилось с кораблем? Что произошло с остальными семнадцатью членами экипажа «Альтерры»?

— У Барьера нас атаковали бунтовщики на межпланетных кораблях. Синги подоспели уже после того, как «Аль-

терра» была уничтожена, а нападавшие скрылись. И спасли меня, захватив один из кораблей бунтовщиков. Они так и не узнали, были ли остальные члены экипажа убиты или же взяты в плен. Синги вели поиски по всей планете, и около года назад до них дошли слухи о человеке, живущем в Восточном Лесу... Похоже, что это мог быть один из нас.

— Что ты помнишь из всего этого — нападение и так далее?

— Ничего. Вы же знаете, как полет со скоростью света воздействует на психику...

— Я знаю, что для тех, кто находится внутри корабля, время как бы останавливается. Но какие при этом возникают ощущения, в книгах не описывается.

— На самом деле я практически ничего не помню. Я был тогда совсем мальчишкой... девяти земных лет. И я не уверен, что кто-либо смог бы сохранить отчетливые воспоминания. Невозможно понять, как... события соотносятся друг с другом. Как будто и слышишь, и видишь, только все не стыкуется. Происходящее теряет всякое значение. Не могу объяснить... Это ужасно, но все происходит словно во сне. А когда происходит переход в обычное пространство — этот переход Повелители и называют Барьером, — пассажиры теряют сознание, если только специально не готовятся к нему. Наш корабль готов не был. Никто не пришел в себя, когда на нас напали — поэтому-то я помню о нападении ничуть не больше, чем вы, преч Рамаррен. Очнулся я уже на борту корабля Сингов.

— Почему тебя, мальчика, взяли в такую опасную экспедицию?

— Мой отец был ее руководителем, мать тоже находилась на корабле. Вы же знаете, преч Рамаррен: когда возвращешься из такого путешествия, то все родные и близкие уже давно покоятся в могилах. Теперь-то это уже не имеет никакого значения — мои родители погибли, или, быть может, с ними поступили точно так же, как с вами. И они даже не узнали бы меня, если бы мы встретились...

— Какова была моя роль в этой экспедиции?

— Вы были нашим навигатором.

Ирония этих слов заставила Фалька поморщиться, но Орри продолжал повествование в своей уважительной, наивной манере:

— Естественно, вы прокладывали курс корабля, определяли его координаты в космосе. Из всех Келшей вы были самым великим «простени» — математиком-астрономом. Вы

были «пречнова» для всех членов экипажа, кроме моего отца Хара Уэдена. У вас была Восьмая Ступень, преч Рамаррен! Вы... помните что-нибудь об этом?

Фальк покачал головой.

Мальчик вдруг сник, а затем наконец произнес:

— Не могу я до конца поверить в то, что вы ничего не помните. Разве что, когда вы делаете нечто подобное...

— Качаю головой?

— На Вереле в знак отрицания мы пожимаем плечами. Вот так.

Простодушие мальчика было неотразимым. Фальк попытался пожать плечами, и ему показалось, что в этом есть какая-то правильность, привычность, которые способны были убедить его в том, что жест этот ему давно и прекрасно знаком. Он улыбнулся, и Орри тут же повеселел.

— Вы так похожи на себя прежнего, преч Рамаррен, и вместе с тем совсем другой! Простите меня. Но что же с вами такое сделали, чтобы заставить вас столько забыть?

— Они уничтожили меня. Конечно же, я похож на себя. Я таков, какой я есть. Я — Фальк... — Он спрятал лицо в ладонях.

Ошеломленный Орри молчал. Неподвижный, прохладный воздух комнаты светился подобно иссиня-черному драгоценному камню вокруг них; западная стена играла в лучах заходящего солнца.

— Насколько пристально здесь за тобой следят?

— Повелители считают, что мне лучше иметь при себе коммуникатор, особенно когда я улетаю куда-нибудь на авитке. — Орри притронулся к браслету на левом запястье, напоминавшему обыкновенную золотую цепочку. — Это опасно — оказаться среди туземцев.

— Но ты волен ходить, куда тебе заблагорассудится?

— Да, конечно. Моя комната, преч Рамаррен, точно такая же, как эта, ваша, только расположена по другую сторону каньона.

Орри снова смущился.

— Здесь у нас нет врагов, поймите, преч Рамаррен.

— Нет? Тогда где же они?

— Ну... снаружи, там, откуда вы пришли...

Они уставились друг на друга, чувствуя обоюдное непонимание.

— Ты думаешь, что люди, земляне — наши враги? Ты думаешь, что это они уничтожили мой разум?

— А кто же еще? — прошелтал, тяжело дыша, перепуганный Орри.

— Пришельцы... Синги!

— Но никакого Врага не было, — мягко возразил мальчик, словно понимая, насколько его бывший учитель и повелитель невежествен и дик. — Как, впрочем, и Войны.

В комнате раздался приглушенный дребезжащий звук, похожий на удар гонга, и через мгновение бестелесный голос произнес:

— Собирается Совет.

Скользнула в сторону дверь, и в комнату ступила высокая фигура в длинной белой мантии и вычурном черном пакете. Брови на лице вошедшего были сбриты и нарисованы высоко на лбу. Лицо, превращенное наложенным гримом в безжизненную маску, было лицом уверенного в себе человека среднего возраста.

Орри пулей выскочил из-за стола и поклонился, прошептав:

— Добро пожаловать, лорд Абандибот!

— Хар Орри, — отозвался мужчина приглушенным до уровня скрипучего шепота голосом, — приветствую тебя, малыш!

Затем он повернулся к Фальку:

— И вас тоже, Агад Рамаррен. Добро пожаловать к нам. Совет Земли собирается, чтобы ответить на ваши вопросы и удовлетворить ваши просьбы. Смотрите...

Он лишь мельком взглянул на Фалька и ни на шаг не приблизился ни к одному из верелиан. Этого человека окружала какая-то странная атмосфера власти, а также полной самодостаточности, поглощенной самим собой. Абандибот держался особняком, недостижимым ни для кого. Все трое на мгновение замерли.

Фальк, проследив за взглядами остальных, увидел, что внутренняя стена комнаты потускнела и преобразилась, превратившись в нечто напоминавшее прозрачный сероватый студень, в котором двигались и трепетали линии и формы. Затем изображение прояснилось, и Фальк затаил дыхание. Возникло лицо Эстрел, только увеличенное раз в десять. Ее глаза смотрели на Фалька с отрешенным спокойствием портрета.

— Я — Стрела Зиобель.

Губы изображения щевелились, но откуда исходил голос,

определить было невозможно — холодный отстраненный шепот трепетал в воздухе комнаты.

— Меня послали доставить в Город в целости и сохранности участника экспедиции с планеты Верель, проживавшего, по слухам, на востоке Континента Номер Один. Я думаю, это именно тот человек, который нам нужен.

Ее лицо растворилось. Его сменило изображение лица Фалька.

Бестелесный шипящий голос спросил:

— Узнает ли Хар Орри этого человека?

Как только юноша заговорил, на экране появилось его лицо.

— Это Агад Рамаррен, Повелители, навигатор «Альтерры».

Лицо мальчика поблекло, и мерцающий экран опустел. Шепот множества голосов зашелестел в воздухе, будто совещались между собой духи, разговаривавшие на неизвестном языке. Значит, Синги во время заседания Совета сидели каждый в своей комнате, в окружении одних лишь шепчущих голосов.

Пока шла вся эта абракадабра вопросов и ответов, Фальк шепнул Орри:

— Ты знаешь этот язык?

— Нет, преч Рамаррен. Со мной они всегда говорят только на галакте.

— Почему они общаются таким способом, а не лицом к лицу?

— Их слишком много. Лорд Абандибот говорил мне, что на Совете Земли присутствуют тысячи и тысячи Сингов. Они рассеяны по всей планете, хотя Эс Тох является единственным городом.

Жужжание бесплотных голосов стихло, и на экране появилось новое лицо — лицо мужчины с мертвенно бледной кожей, черными волосами и блеклыми глазами.

— Кен Кениек, — шепнул Орри.

Мужчина заговорил:

— Агад Рамаррен, мы собрались на этот Совет для того, чтобы вы могли завершить свою миссию на Земле и, если пожелаете, вернуться затем на свою родную планету. Сейчас лорд Пелле Абандибот передаст вам мысленное послание.

Стена тут же погасла, вновь обретя полупрозрачный зеленоватый оттенок. Высокий человек в дальнем конце комнаты пристально посмотрел на Фалька. Губы его не шевелились, но Фальк слышал его речь, не приглушенную, а четкую и необычайно отчетливую. С трудом верилось, что это мыс-

лере́ч, и в то же время это не могло быть ничем иным. Лишённая характерных особенностей и тембра, освобожденная от всего нано́сного, она была абсолютно понятной и простой. Один разум напрямую обращался к другому.

— Мы пользуемся мыслеречью, чтобы донести до вас правду и только правду, поскольку ни мы, называющие себя Сингами, ни какие-либо другие люди не в силах исказить или утаить истину при мыслеречи. Ложь, которую люди приписывают нам, сама по себе является ложью. Но если вы предпочитаете говорить вслух, то так и поступайте, тогда и мы последуем вашему примеру.

— Я не владею искусством мыслеречи, — громко произнес Фальк после некоторой паузы.

Его живой голос резанул по ушам после этого яркого, бессловесного контакта разумов.

— Хотя слышу вас достаточно хорошо. И не прошу у вас правды. Кто я такой, чтобы требовать истину? Но мне хотелось бы узнать то, что вы считаете необходимым сообщить.

Юный Орри выглядел потрясенным. На лице Абандибота не отразилось абсолютно никаких эмоций. Очевидно, он был настроен одновременно на мозг как Фалька, так и мальчика, что само по себе являлось редчайшим достижением, насколько мог судить Фальк, поскольку Орри вслушивался в телепатическую речь с явным напряжением.

— Люди стерли содержимое вашего мозга и научили вас тому, что они пожелали... тому, во что сами хотят верить. Поэтому вы и не доверяете нам. Именно этого мы и боялись. Спрашивайте нас о чем хотите, Агад Рамаррен с Вереля. Мы будем говорить только правду.

— Как долго я нахожусь здесь, в Эс Тохе?

— Шесть дней.

— Почему меня сперва накачали наркотиками и пытались одуречить?

— Мы пытались восстановить вашу память, однако нам не удалось этого сделать.

«Не верь ему, не верь ему!» — убеждал себя Фальк с такой неистовостью, что Синг, обладай он хоть затачками дара эмпатии, без всяких сомнений, вполне отчетливо воспринял бы эту мысль. Но это не имело никакого значения. Игру надлежало сыграть так, как того хотят Повелители, несмотря на то что они устанавливали ее правила и были весьма сведущи в подобных играх. Неведение Фалька не играло никакой роли. Его главным козырем была честность. Он все поставил на одну старую истину — нельзя надуть честного человека. Правда, если довести игру до конца, приведет только к правде.

— Объясните мне, почему я должен вам доверять?

Зазвучала мыслеречь, ясная и отчетливая, словно сыгранная на электронном синтезаторе мелодия, в то время как ее передатчики, Абандибот, а также Фальк и Орри, стояли неподвижно, будто фигуры на шахматной доске.

— Мы — те, кого вы зовете Сингами, — являемся людьми. Мы — земляне. Мы родились на Земле от обычных людей, так же как и ваш предок Джакоб Агат, житель Первой Колонии на Вереле. Люди научили вас тому, что, по их мнению, являлось историей Земли тех двенадцати веков, которые прошли со времен основания Колонии на Вереле. Теперь мы — тоже люди — научим вас тому, что известно нам.

Не было никакого Врага, что обрушился с далеких звезд на Лигу Всеx Миров. Лигу уничтожили революция, гражданская война, собственная коррупция, милитаризм, деспотизм. По всем планетам Лиги прокатились волны переворотов. С Главного Мира были посланы карательные экспедиции, превращавшие поверхность восставших планет в расплавленный песок. Навстречу неизвестности в космос больше не отправлялись межзвездные корабли; он кишел кораблями-снарядами, разрушителями миров. Земля не подверглась полному уничтожению, хотя погибла половина ее населения вместе со всеми городами, кораблями и ансиблями, архивами и культурой. Все это произошло за два ужасных года гражданской войны между Повстанцами и Сторонниками Лиги, причем обе стороны были вооружены невообразимо мощным оружием, разработанным Лигой для борьбы с враждебными пришельцами.

Некоторые отчаявшиеся земляне, на какой-то миг одержавшие верх в борьбе, но знаящие, что скорый контрпереворот и разруха неизбежны, применили новое оружие. Они стали лгать. Они сами придумали себе имя, выдумали новый язык и невнятные предания о далекой планете-прародине, с которой якобы явились сюда. Затем они распространяли по всей Земле слух — как среди собственных приверженцев, так и среди Сторонников Лиги, — будто с далеких звезд пришел Враг. Именно он развязал гражданскую войну, проник во все эшелоны власти, развалил Лигу и захватил власть на Земле. Теперь Враг собирался покончить с войной. А добился он всего этого с помощью невиданной, жуткой, присущей только ему одному способности — лгать в мыслеречи.

Люди поверили в эти сказки. Они были созвучны их панике, их отчаянию, их усталости. Мир вокруг лежал в руинах, и они покорились Врагу, который, как им хотелось ве-

рить, имел над ними сверхъестественную власть и потому был несокрушим. Они проглотили эту наживку ради установления мира.

С тех пор они и живут в мире. Мы, обитатели Эс Тоха, рассказываем миф: мол, в начале всех начал Создатель произнес Великую Ложь. Тогда не существовало абсолютно ничего, но Создатель сказал: «Она существует!», и вот, для того чтобы эта божественная ложь могла стать божественной истиной, тут же начала свое существование наша Вселенная.

Если мир среди людей зависит от лжи, найдутся те, кто пожелает подкрепить эту ложь. Поскольку люди упорно верили в то, что явился Враг и овладел Землей, мы сами назвали себя Врагом и стали править. Никто не пришел, чтобы оспорить нашу ложь или нарушить установившийся мир; планеты Лиги разобщены, век межзвездных перелетов миновал. Возможно, раз в столетие какой-нибудь корабль с далекой планеты вроде вашего и забредает сюда. Но противники нашего правления вроде тех, что напали на ваш корабль у Барьера, по-прежнему существуют. Мы пытаемся взять их под свой контроль, поскольку, правы мы или нет, но вот уже больше тысячелетия мы несли и продолжаем нести бремя мира между людьми. За то, что мы сказали Великую Ложь, мы обречены теперь поддерживать Великий Закон. Вам известен этот Закон, который мы — люди среди людей — навязываем каждому индивидууму: единственный Закон, которому мы научились в самую ужасную для человечества годину.

Ослепительно яркая мыслеречь прекратилась; впечатление было такое, словно в комнате неожиданно погас свет. В наступившей подобно тьме тишине юный Орри прошептал вслух:

— Почтение перед Жизнью!

Вновь наступила тишина. Фальк стоял неподвижно, стараясь ни выражением лица, ни даже мыслями, которые могли быть подслушаны, не выдать охватившие его смятение и нерешительность. Неужели все, что он знал раньше, не соответствует истине? Неужели у человечества действительно не было врага?

— Но если эта история правдива, — наконец вымолвил он, — почему вы не поведаете об этом и не докажете свою правоту людям?

— Мы — люди, — пришел телепатический ответ. — Многие тысячи знают эту горькую правду. Мы — те, кто обладает властью и знаниями и пользуется ими во имя мира. Наступили темные века, и сейчас длится один из них, один из мно-

гих, когда люди считали, что миром правят демоны. Мы играем роль демонов в их мифологии. Когда вместо мифов они начнут пользоваться логикой и разумом, мы придем им на помощь. Тогда-то они и узнают правду.

— А зачем вы рассказали обо всем этом мне?

— Ради истины как таковой и ради вас самих.

— Кто я такой, чтобы заслужить такую честь? — холодно повторил Фальк, всматриваясь через пространство комнаты в похожее на маску лицо Абандибота.

— Вы — посланец затерянной в космосе планеты, колонии, все записи о которой были утеряны в эпоху Смуты. Вы прибыли на Землю, и мы, Повелители Земли, не смогли оградить вас от опасности. В этом наш позор и наше горе. Именно люди Земли напали на вас, перебив или подвергнув лоботомии весь ваш экипаж, — люди Земли, планеты, на которую вы вернулись спустя много столетий. Ими оказались повстанцы с Континента Номер Три, более развитого и густо населенного по сравнению с данным Континентом Номер Один. Повстанцы используют украденные межпланетные корабли; они считают, что корабли, приходящие с околосветовой скоростью, могут принадлежать только «Сингам», и нападают на них без предупреждения. Будь мы более бдительны, это можно было бы предотвратить. Мы готовы возместить вам ущерб любым доступным нам образом.

— Они искали вас и остальных все эти годы, — вмешался в разговор Орри. В голосе юноши читались искренность и нотка мольбы; очевидно, ему очень хотелось, чтобы Фальк поверил данной истории, принял ее и... сделал что?

— Вы пытались восстановить мою память? — спросил Фальк. — Зачем?

— А разве не за этим вы пришли сюда, разве не за своей утерянной личностью?

— Да, это так, но я...

Фальк даже не знал, какие вопросы ему следует задать; он никак не мог решить: верить или не верить в то, о чем только что поведали Синги. У него не было критериев, опираясь на которые он мог бы вынести свое суждение. Едва ли Зоув и все остальные лгали ему в глаза, но нельзя было исключать возможность, что их самих обманули или они просто пребывали в неведении.

И все же инстинктивно Фальк с недоверием относился ко всему тому, в чем его только что уверял Абандибот.

С другой стороны, тот объяснялся посредством вполне отчетливой и недвусмысленной мыслеречи, где ложь невоз-

могна... Или все же возможна? Если лжец утверждает, будто он не лжет...

Оторвавшись от всех этих мыслей, Фальк еще раз взглянул на Абандибота и сказал:

— Пожалуйста, больше не пользуйтесь мыслеречью. Я... я хотел бы слышать ваш голос. Итак, вы обнаружили, что не в силах восстановить мою память?

После плавности мыслеречи шепот Абандибота показался сбивчивым и скрипучим:

— По крайней мере, теми средствами, которыми мы пользовались.

— А другими средствами?

— Не исключено. Мы считали, что в вашем мозгу установлена парагипнотическая блокировка, но выяснилось, что содержимое вашего мозга было просто стерто. Нам неведомо, как повстанцы смогли узнать технику этого процесса, которую мы держим в строжайшей тайне. Но еще большей тайной является то, что даже стертый мозг можно восстановить.

На суровом, похожем на маску лице Синга на миг появилась улыбка и тут же исчезла без следа.

— Да, с помощью психокомпьютерной техники мы способны восстановить ваш прежний разум. Однако это связано с безвозвратной полной блокировкой замещающей личности. Поскольку таковая имеется, мы не сочли возможным продолжать работу без вашего согласия.

Замещающая личность... Что, собственно, значили эти обтекаемые слова?

Фальк почувствовал, как по его телу пробежали мурашки. Он осторожно спросил:

— То есть для того, чтобы вспомнить, кем я был когда-то, я должен... забыть, кем я являюсь сейчас?

— К несчастью, именно так обстоят дела. Конечно, потеря новой личности, которой лишь несколько лет от роду, заслуживает всяческого сожаления, но, вероятно, это не слишком высокая плата за восстановление прежнего, вне всяких сомнений, недюжинного разума, а также за реальную возможность завершить великую космическую миссию и возвратиться на родную планету обогащенным знаниями, ради которых вы и отправились в путь.

Несмотря на свой хриплый, странно звучавший шепот, Абандибот и в обычной речи был столь же красноречив, как и в мысленной. Его слова текли нескончаемым потоком. и

Фальк уловил, если уловил, их смысл только с третьей-четвертой попытки.

— Возможность... завершить?.. — повторил он, чувствуя себя полным идиотом и глядя на Орри, словно в поисках поддержки с его стороны. — Вы имеете в виду, что могли бы послать меня — нас — назад на... ту планету, с которой, как вы полагаете, я прибыл сюда?

— Мы почли бы за честь предоставить вам в качестве частичного возмещения нанесенного ущерба околосветовой корабль для обратного путешествия на Верель.

— Мой дом — Земля! — с неожиданной яростью воскликнул Фальк.

Абандибот промолчал. Через минуту заговорил Орри.

— А мой — Верель, преч Рамаррен, — жалобно произнес мальчик. — И я никогда не смогу вернуться туда без вас.

— Почему?

— Я не знаю, где он расположен. Я был ребенком, когда уничтожили наш корабль со всеми навигационными компьютерами. Я не в состоянии рассчитать курс!

— Но у этих людей есть околосветовые корабли и навигационные компьютеры! Тебе нужно лишь знать, вокруг какой звезды вращается Верель, и дело с концом!

— Как раз этого я и не знаю, преч Рамаррен.

— Что за чепуха... — заговорил было Фальк. Его недоверчивость начала перерастать в гнев.

Абандибот поднял руку.

— Пусть мальчик все объяснит, Агад Рамаррен, — прощептал он.

— Объяснит, почему он не знает названия солнца своей родной планеты?

— Это правда, преч Рамаррен, — дрожащим голосом произнес Орри. Его лицо залила краска. — Если... если бы вы были самим собою, вы не задали бы такого вопроса. На девятом лунокруге дальше Первой Ступени не продвинешься. Ступени... Да, наша цивилизация, полагаю, очень сильно отличается от земной. Теперь я вижу — в свете того, что Повелители пытаются здесь делать, и в свете демократических идеалов Земли, — что данная система во многом является крайне отсталой. Но тем не менее у нас существуют Ступени, которые не зависят от ранга и происхождения и являются базисом Фундаментальной Гармонии... Я находился на Первой Ступени, а у вас, преч Рамаррен, была Восьмая. И для каждой Ступени имеются... вещи, которым вас не будут учить, о которых вам не должны и не будут рассказывать, ко-

торые вы не в силах понять, пока полностью не взойдете на эту Ступень. И, насколько мне известно, Истинное Имя Планеты или ее Светила можно узнать не раньше чем на Седьмой Ступени... до того они просто мир — Верель, и солнце — прахан. Истинные Имена — древние названия — приведены в восьмом томе Книг Альтерры, книг Колонии. Эти названия написаны на галакте и потому могут значить что-то для живущих на Земле Повелителей. Но я не в состоянии перечислить их, так как они мне неизвестны; я называю их просто «солнце» и «планета». Мне не попасть домой до тех пор, пока вы не вспомните то, что некогда знали! Какое солнце? Какая планета? О, вы должны разрешить им, преч Рамаррен, вернуть вам память! Неужели вы не видите?

— Смутно, — ответил Фальк, — как сквозь тусклое стекло.

И когда прозвучали эти слова из Канона Яхве, Фальк вдруг отчетливо представил себе сиявшее над Поляной солнце. Он словно вновь стоял на продуваемом ветрами, утонувшем в ветвях деревьев балконе Лесного Дома. И понял, что не за своим именем пришел он в Эс Тох, но за именем солнца, за подлинным названием светила родной планеты.

Глава 8

Странное заседание невидимого Совета Повелителей Земли завершилось. Уходя, Абандибот сказал:

— Выбор за вами, Агад Рамаррен. Вы можете остаться Фальком, нашим гостем на Земле, или вступить во владение памятью и выполнить свое предназначение в качестве Агада Рамаррена с Вереля. Мы хотим, чтобы вы сделали свой выбор сознательно и тогда, когда сами сочтете нужным. Мы ожидаем вашего разрешения и будем терпеливы.

Затем, обернувшись к Орри, он добавил:

— Сделай так, чтобы твой соплеменник чувствовал себя в городе как дома, Хар Орри, и давай нам знать о всех своих и его пожеланиях.

Дверь отъехала в сторону перед Абандиботом, и тот вышел из комнаты. Высокая величественная фигура исчезла из виду так стремительно, словно ее сдуло ветром. Находился ли Абандибот здесь на самом деле, во плоти, или это была своего рода проекция? Фальк не мог бы ответить однозначно. Да и видел ли он хоть раз живого Синга или сталкивался лишь с тенями и движущимися образами?

— Мы можем где-нибудь прогуляться... на воздухе? —

резко спросил Фальк у мальчика, устав от бесплотных и вычурных способов общения и стен этого дома, одновременно интересуясь, насколько далеко простирается их свобода.

— Где угодно, преч Рамаррен. Мы можем пройтись по улице... или возьмем слайдер? Или пойдем в дворцовый сад.

— В сад.

Орри повел его вниз по огромному радужному коридору через тамбур-шлюз в какую-то небольшую комнатку.

— Сад, — громко произнес мальчик, и двери плавно закрылись.

Движения не чувствовалось, но, когда двери открылись, люди вышли прямо в сад. Вряд ли он находился снаружи дворца: через полупрозрачные стены далеко внизу мерцали огни города. Полная луна призрачно сияла сквозь стеклянный потолок. Сад был полон бликов приглушенного света теней, повсюду росли тропические кустарники и лианы, вившиеся вокруг шпалер и свисавшие с беседок, гирлянды кремовых и багряных цветов наполняли полный испарений воздух сладкими ароматами, густые листья не позволяли видеть дальше чем на несколько футов.

Фальк резко обернулся, чтобы удостовериться, не перекрыта ли позади него дорога к выходу. Знойная, удущливая, полная запахов тишина казалась сверхъестественной. Ему на миг почудилось, что обманчивые тени этого сада хранят воспоминания о какой-то невообразимо далекой, ныне утраченной планете, чуждой всему земному, миру запахов и иллюзий, болот и неожиданных превращений...

На тропинке меж застилавших обзор цветов Орри остановился, взял из висевшей на столбе корзины маленькую белую трубочку и, сунув ее кончик себе в рот, принялся жадно сосать. Фальку доставало других впечатлений, и он не обратил бы на действия Орри особого внимания, но юноша, как бы слегка смущившись, сам начал объяснять:

— Это парифа, транквилизатор... Все Повелители прибегают к нему. Он стимулирует работу мозга. Может, хотите...

— Нет, спасибо. Мне вот что интересно...

Фальк недолго задумался. Просящиеся на язык вопросы не стоило задавать напрямую. Все время, пока шел «Совет» и Абандибот давал объяснения, Фалька не покидало странное, сбивавшее с толку ощущение, что все это было представлением... «пьесой», подобной той, которую он видел на древних магнитных лентах в библиотеке Владыки Канзыса: старый безумный король Лир рыщет в бурю по вересковым зарослям. Но самое забавное, что у Фалька к тому же

возникло смутное ощущение, что эта пьеса разыгрывалась не столько для него, сколько для Орри. Он не слишком понимал подоплеку дела, но у него вновь и вновь возникало ощущение, что все слова, обращенные к нему, были на самом деле призваны доказать что-то мальчику.

И мальчик верил в реальность происходящего. Для него это не было пьесой. Или же он сам был актером и участвовал в постановке.

— Меня смущает вот что, — осторожно начал Фальк. — По твоим словам, Верель находится на расстоянии ста тридцати — ста сорока световых лет от Земли. Именно на таком расстоянии вряд ли так уж много звезд.

— Повелители говорят, что на расстоянии ста пятнадцати — ста пятидесяти световых лет есть всего четыре звезды с планетами, среди которых может оказаться и наша. Но они расположены в четырех различных направлениях, и если Синги пошлют корабль на поиски нашей родины, то на облет всех четырех звезд уйдет около тысячи трехсот лет реального времени.

— Хотя ты был всего лишь ребенком, все же, пожалуй, странно, что ты не помнишь, сколько времени требовалось на путешествие и сколько лет тебе должно было исполниться по возвращении домой.

— Речь шла о «двух годах», преч Рамаррен, то есть, грубо говоря, о ста двадцати земных годах... но мне казалось ясным, что это примерная цифра и что мне не следует уточнять.

На какой-то момент, возвратившись мыслями опять на Верель, мальчик вдруг заговорил с трезвой рассудительностью, какой он раньше не выказывал.

— Полагаю, — сказал он, — не зная, кого или что они обнаружат на Земле, взрослые члены экспедиции хотели быть уверенными в том, что мы, дети, не знакомые с техникой блокировки мозга, не в состоянии выдать местонахождение Вереля противнику. Для нас самих было безопаснее оставаться в полном неведении.

— А ты помнишь, как выглядит звездное небо Вереля, какие там созвездия?

Орри пожал плечами в знак отрицания и улыбнулся:

— Повелители тоже спрашивали меня об этом. Я был зимнерожденным, преч Рамаррен. Весна только началась, когда мы покинули Верель. Мне нечасто приходилось видеть безоблачное небо.

Судя по всему, и впрямь только он — точнее, его подавленная личность, Рамаррен — мог бы сказать, откуда приле-

тела экспедиция. Объясняло ли это главную загадку — тот интерес, который Синги проявляли к нему, причину, по которой он был доставлен сюда под присмотром Эстрел, их предложение восстановить его память?

Итак, существовала планета, которая не находилась под их контролем; на ней вновь открыли околосветовой полет. Синги хотят узнать ее местонахождение. Если они восстановят его память, он сможет поведать им об этом. Если только память восстановить удастся. И если хоть что-то из того, что они наговорили, являлось правдой.

Фальк вздохнул. Он устал от этой круговерти подозрений, от изобилия иллюзорных чудес. Иногда даже мелькала мысль, а не находится ли он до сих пор под воздействием какого-нибудь наркотика. Фальк чувствовал, что не в состоянии судить о том, как следует поступить. Он и, вероятно, этот мальчик были игрушками в руках страшных, ни во что не веривших игроков.

— Человек по имени Абандибот... он тогда находился в комнате, или это была какая-то проекция, иллюзия?

— Я не знаю, преч Рамаррен, — ответил Орри.

Вещество, которым мальчик надышался из трубки, казалось, подбодрило и успокоило его. Всегда отличавшийся некоторой инфантильностью, сейчас он говорил с веселой не-принужденностью.

— Думаю, что Абандибот все же был там. Но они никогда не приближаются ко мне. Честно говоря, за все то время, которое я провел здесь, за все шесть лет я ни к кому из этих людей еще ни разу не прикоснулся. Они стараются держаться особняком, всегда поодиночке. Нет, я вовсе не желаю сказать, что они плохо ко мне относятся, — поспешил добавил Орри, чтобы у Фалька не сложилось превратное впечатление о Повелителях. — Они добрые. Я очень люблю и лорда Абандибота, и Кен Кениека, и Парлу. Но они так далеки... всегда далеки от меня. Они несут слишком тяжелое бремя: сохраняют знания и поддерживают мир. Они выполняют множество других обязанностей и делают это в течение вот уже тысячи лет, тогда как остальные люди Земли не несут никакой ответственности и ведут жизнь диких зверей на воле. Их соплеменники — люди ненавидят Повелителей и не хотят знать правду, которую им предлагают. Вот Повелителям и приходится всегда держаться порознь, оставаться одинокими — ради сохранения мира. Ведь если бы их не было, умения и знания были бы утрачены в течение нескольких лет воин-

ственными племенами: всякими там Домами, Странниками и рыщущими по планете людоедами.

— Далеко не все они людоеды, — сухо заметил Фальк.

Казалось, что Орри уже выложил весь заученный урок.

— Да, — согласился юноша. — Возможно, и не все.

— По мнению «дикарей», они пали так низко именно потому, что Синги не дают им поднять головы. Что, если они попытаются искать новые знания, Синги воспрепятствуют им, а если они попытаются построить свой собственный город, то Синги уничтожат его вместе со всем населением.

Наступила пауза. Орри закончил обсасывать трубочку с парифой и аккуратно зарыл ее среди корней кустарника с вытянутыми висячими кроваво-красными цветами. Фальк терпеливо ждал ответа мальчика и только спустя некоторое время понял, что ответа не будет. Его слова просто не дошли до сознания Орри, поскольку не несли для него никакого смысла.

Они продолжали молча идти в глубь сада.

— Ты знаешь ту, чье изображение появилось вначале? — спросил Фальк.

— Стреллу Зиобельбель? — с готовностью отозвался Орри. — Да, я видел ее и раньше на заседаниях Совета.

— Она из Сингов?

— Нет. Она не принадлежит к Повелителям. Я думаю, что она из горцев, просто была воспитана в Эс Тохе. Многие люди приводят или присыпают сюда своих детей, чтобы их воспитывали для службы у Повелителей. А детей с недоразвитым умом приводят сюда и подключают к психокомпьютерам для того, чтобы даже они могли внести свой посильный вклад в великое дело. Именно их невежественные люди называют «людьми-орудиями». Ты пришел сюда со Стреллой Зиобельбель, преч Рамаррен?

— Да, и кроме того, я странствовал с ней, делился с ней пищей и спал с ней. Она называла себя Эстрел, Странницей.

— Тогда вы сами должны были догадаться, что она не Синг! — вырвалось у мальчика. Он тут же покраснел, замолчал и, вытащив еще одну белую трубочку, принял ее сосать.

— Будь Эстрел Сингом, она не стала бы спать со мной? — настойчиво поинтересовался Фальк.

Мальчик, все еще красный от смущения, пожал плечами, выразив отрицание на верелианский манер. Затем наркотик все же придал ему смелости, и Орри произнес:

— Они не вступают в физический контакт с обычными

людьми, преч Рамаррен. Они словно боги — холодные, добрые и умные... всегда держатся особняком...

Речь мальчика была сбивчивой, многословной, по-детски наивной. Осознавал ли Орри свое одиночество в этом чуждом ему мире, где он прожил детство и вступил в годы отрочества среди людей, которые всегда держались отстраненно, которые никогда не прикасались к нему, которые пичкали его словами, но настолько оторвали от реальности, что уже в пятнадцать лет он стал искать удовлетворения в наркотиках?

Орри определенно не осознавал своей изоляции как таковой. Казалось, он не имел сколь-либо четких представлений о многих вещах. Однако порой в его глазах читалась такая тоска... У мальчика был взгляд человека, погибавшего от жажды в солончаках, перед которым вдруг возник мираж.

Фальку хотелось еще о многом расспросить его, но от подобных расспросов толку было мало. Преисполненный жалости, Фальк положил руку на худенькое плечо Орри. Мальчик вздрогнул от прикосновения, застенчиво улыбнулся и вновь принялся сосать наркотик.

Позже, вернувшись в свою комнату, обставленную со всей возможной роскошью для его удобства — или с целью произвести впечатление на Орри? — Фальк долго шагал взад-вперед, как волк в клетке, пока наконец не улегся спать. Ему снился дом, похожий на Лесной Дом, только населенный людьми с глазами цвета янтаря и агата. Фальк старался убедить местных обитателей, что он — их соплеменник, но они не понимали его языка и как-то странно смотрели на него, пока он, запинаясь, искал нужные слова, слова истины, слова правды... истинное имя.

Когда он проснулся, ожидавшие люди-орудия были готовы исполнить любое его желание. Фальк отпустил их и сам вышел в коридор. По дороге ему никто не встретился. Длинные, подернутые дымкой коридоры казались совершенно пустынными, как и комнаты с полупрозрачными стенами без каких-либо признаков дверей. Однако его ни на секунду не покидало чувство, что за ним наблюдают, отслеживают каждое движение.

Когда Фальк вернулся к себе в комнату, там уже поджидал Орри, который горел желанием показать ему город. Весь день напролет они колесили по городу, пешком или на слайдере, по улицам и висячим садам, по мостам, дворцам и общественным зданиям Эс Тоха. Орри был щедро снабжен полосками иридия, служившими здесь деньгами, и когда Фальк

заметил, что ему не нравится вычурная одежда, в которую его облачили хозяева дворца, то Орри настоял, чтобы они зашли в лавку торговца одеждой и там купили все необходимое.

Фальк стоял среди стеллажей и прилавков с пышными одеяниями, ткаными и пластифицированными, сиявшими яркими цветными узорами. Он вспомнил о Парт, которая ткала на своей маленькой прядлке белых журавлей на сером фоне.

«Я сотку черную одежду, — сказала девушка в момент прощания, — и буду ходить в ней».

Вспомнив об этом, Фальк предпочел всей радуге материй и накидок простые черные штаны, темную рубашку и короткую черную куртку из теплой ткани.

— Эта одежда немного напоминает мне ту, что носят у нас дома, на Вереле, — сказал Орри, с легким недоумением взирая на свое собственное огненно-красное одеяние. — Только у нас там не было зимней одежды из такой ткани. О, сколько мы могли бы взять с собой на Верель, о скольком рассказать и сколькому научить, если бы сумели отправиться туда!

Они зашли в столовую, выстроенную на прозрачном уступе прямо над ущельем. По мере того как холодный ясный вечер высокогорья наполнял темнотой бездну под ними, дома, выраставшие из склонов ущелья, начали переливаться всеми цветами радуги, а улицы и висячие мосты засверкали огнями. Пока Фальк с Орри ели остро приправленную пищу, они как бы плавали в волнах окутывавшей их тихой музыки и наблюдали за многочисленными обитателями города.

Некоторые из людей, передвигавшихся по улицам Эс Тоха, были одеты бедно, некоторые — роскошно. Многие носили безвкусно эпатажную одежду лишь противоположного пола, и это смутно напомнило Фальку одежду Эстрел. Среди жителей Эс Тоха были люди различных рас, причем некоторые из них Фальку никогда раньше не встречались. Один из типов людей отличался очень белой кожей, голубыми глазами и волосами цвета соломы. Орри объяснил, что это представители племени, живущего на Континенте Номер Два, чья культура поощрялась Сингами — те даже привозили сюда их вождей и молодых людей на авиетках, дабы показать Эс Тох и научить его законам.

— Как видите, преч Рамаррен, неправда, что Повелители отказываются учить туземцев. Как раз напротив, это туземцы отказываются учиться. Вот с этими белыми людьми Повелители щедро делятся своими знаниями.

— От чего же им пришлось отказаться, что им пришлось забыть ради такой награды? — спросил Фальк, но Орри не уловил подоплеки вопроса.

Мальчик практически ничего не мог рассказать о так называемых туземцах, о том, как они живут и какими знаниями обладают. К владельцам лавок и официанткам он был снисходителен, но вел себя приветливо, как человек, общавшийся с домашними животными. Это высокомерие Орри скорее всего привез с Вереля; судя по его описаниям, общество Империи Келшак имело иерархическое устройство, где каждый четко знал свое место, но кто устанавливал ступени или уровни, какие именно достоинства лежали в основе данного деления, Фальк так и не смог понять. Похоже, ранг человека зависел не только от его происхождения, однако детских воспоминаний Орри не хватало для составления четкой и цельной картины. Кроме того, Фальку не слишком нравилось, каким тоном Орри произносил слово «туземцы», и он, не выдержав, спросил с оттенком иронии:

— Откуда тебе известно, кому следует кланяться и кто должен кланяться тебе? Я не в состоянии отличить Повелителей от туземцев. Да Повелители и есть туземцы... разве не так?

— О да. Туземцы называют себя так сами, потому что они упорствуют в своих представлениях о Повелителях как о завоевателях-пришельцах. Я сам не всегда способен их различать.

Мальчик улыбнулся искренней, обезоруживающей улыбкой.

— Большинство людей на улицах — Синги?

— Думаю, да. Хотя, разумеется, я знаю в лицо лишь некоторых.

— Не понимаю, что удерживает Повелителей, Сингов, от контактов с туземцами, если и те, и другие — земляне?

— Ну, знания, власть... Ведь Повелители уже правят Землей дольше, чем ачинова — Келши.

— Но почему они держатся обособленной кастой? Ты как-то сказал, что Повелители верят в идеалы демократии.

Это было некое древнее слово, которое он услышал из уст Орри. Фальк не был уверен, что до конца понимает его значение, хотя знал, что оно имеет какое-то отношение к участию общественности в управлении государством.

— Да, конечно, преч Рамаррен. Совет правит демократически, для всеобщего блага, здесь нет ни королей, ни диктаторов. Может быть, сходим в парифа-холл? Если вам не по

душе парифа, там есть другие стимулирующие средства, а также танцовщицы и мастера игры на teamбе...

— Тебе нравится музыка?

— Нет, — чистосердечно признался мальчик слегка извиваящимся тоном. — Она вызывает у меня желание плакать или кричать. Конечно, на Вереле тоже поют, но только маленькие дети и животные. То, что здесь поют взрослые люди, кажется мне... неправильным. Однако Повелители поощряют туземное искусство. А танцы... иногда они очень красивы.

— Нет, в парифа-холл не пойдем. — Фальк становился все более неугомонным. Ему не терпелось во всем поскорее разобраться. — У меня есть вопрос к тому, кого зовут Абандибот, если он пожелает с нами встретиться.

— Пожалуйста. Абандибот был моим учителем в течение долгого времени. Я могу связаться с ним с помощью вот этого.

Орри приблизил к губам золотой браслет, обхватывавший его запястье. Пока мальчик что-то бормотал в него, Фальк тихо сидел, вспоминая, как Эстрел шептала слова молитвы в свой амулет, и удивился собственной редкостной тупости. Любой дурак мог бы догадаться, что это передатчик; любой дурак, кроме него самого...

— Лорд Абандибот говорит, что готов принять нас в любое время. Он в Восточном Дворце, — объявил Орри, и они покинули столовую. По пути мальчик швырнул полоску денег кланявшемуся официанту, увидевшему, что гости уходят.

Весенние грозовые тучи скрыли звезды и луну, но улицы были залиты светом. Фальк шел с тяжелым сердцем. Несмотря на все свои страхи, он страстно желал увидеть город, «элонас», Людскую Обитель; но тот лишь тревожил и выматывал его. И не толпы людей беспокоили его, хотя он никогда на своей памяти не видел больше десятка домов и сотни людей зараз; не реалии города выбивали его из колеи, а нереальность. Это место отнюдь не было Людской Обителью. В Эс Тохе не ощущалось дыхания истории, преемственности поколений, хотя отсюда уже в течение тысячелетия правили миром. Здесь не было ни библиотек, ни школ, ни музеев, искаль глазами которые заставляли его телевизионные ленты, хранившиеся в Доме Зоува; здесь не было памятников и каких-либо иных воспоминаний о Великой Эре Человечества, не наблюдалось круговорота знаний и товаров. Ходящие в обращении деньги были просто подачкой Сингов, поскольку не существовало экономики, способной вдохнуть в них жизненную силу. Хотя утверждалось, что на Земле живет

множество Повелителей, они основали почему-то только один город, оторванный от остального мира — подобно самой Земле, которая держалась в стороне от других планет, что некогда образовывали Лигу.

Эс Тох был замкнутым на себя, самодостаточным городом без истории. Все его великолепие, мельканье огней, машин и лиц, мельтешение чужаков, роскошь улиц и зданий — все располагалось над глубокой трещиной в земле, над пустотой. Это была Обитель Лжи. И тем не менее город был великолепен. Он напоминал гигантский бриллиант, упавший на дикие просторы Земли: гордый, чуждый и вечный.

Слайдер перенес их через изящную арку моста без перил к ярко освещенной башне. Далеко внизу во тьме бежала невидимая река. Горы скрылись за грозовыми облаками и в сиянии города. Слуги, встречавшие у входа в башню, провели Фалька и Орри к лифту, а затем и в комнату, стены которой, как всегда полупрозрачные и глухие, были словно сделаны из голубоватого искрящегося тумана. Гостей попросили присесть и поднесли высокие серебряные кубки. Фальк осторожно отхлебнул и с удивлением узнал тот самый пахнущий можжевельником напиток, что ему некогда предложили во Владении Канзас. Он знал, насколько тот крепок, и не выпил больше ни капли. Орри же с наслаждением осушил свой кубок.

Вошел Абандибот — высокий, в белой мантии. С похожим на маску лицом, он едва заметным жестом отпустил слуг и встал на некотором отдалении от Фалька и Орри. Слуги оставили третий кубок на маленьком столике. Абандибот поднял его, как бы салютая, выпил до дна и затем произнес хриплым шипящим шепотом:

— Вы не осушили свой кубок, лорд Рамаррен. Есть одна старая-престарая земная поговорка: «Истина в вине».

Он улыбнулся и тут же снова стал серьезным.

— Но, вероятно, вас мучает жажда, которая утоляется не вином, а истиной.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Всего один?

Насмешливая нотка, сквозившая в этих словах, показалась Фальку настолько отчетливой, что он даже взглянул на Орри, надеясь, что и тот тоже уловил ее, но мальчик, опустив серовато-золотистые глаза, посасывал очередную трубочку парифы и явно ничего не заметил.

— Я бы предпочел переговорить с вами наедине, — решительно сказал Фальк.

Услышав эти слова, Орри удивленно поднял глаза.

— Разумеется, я готов, — кивнул Синг. — Однако мой ответ не изменится, если Хар Орри уйдет отсюда. Нет ничего, что мы предпочли бы поведать вам, утаив при этом от него; равно как нет ничего, что мы предпочли бы поведать ему, утаив от вас. Но если вам угодно, чтобы он вышел, пусть будет по-вашему.

— Подожди меня в холле, Орри, — сказал Фальк.

Мальчик кивнул и покорно вышел из комнаты.

Когда вертикальные створки двери закрылись за ним, Фальк произнес, вернее, прошептал, потому что все здесь не столько говорили, сколько шептали:

— Я хотел бы повторить свой прежний вопрос. Я не уверен, что правильно вас понял. Вы в состоянии восстановить мою прежнюю память только за счет моей нынешней личности, не так ли?

— Почему вы спрашиваете меня, правда ли это? Поверите ли вы моему ответу?

— А почему я не должен верить ему? — поинтересовался Фальк, но у него вдруг засосало под ложечкой — он почувствовал, что Синг играет с ним как кошка с мышкой.

— Разве мы не Лжецы? Вы не обязаны верить всему, что мы говорим. Разве не этому учили вас в Доме Зоува? Мы же знаем, что вы о нас думаете.

— Ответьте на мой вопрос, — попросил Фальк, сознавая всю тщетность своего упорства.

— Я скажу вам лишь то, что уже говорил раньше, только немного подробнее, хотя Кен Кениек лучше меня разбирается во всем этом. Никто из нас не знает человеческий мозг лучше, чем он. Хотите, я позвону его? Не сомневаюсь, что он не будет возражать против присутствия своей проекции здесь, среди нас. Нет? В общем, это неважно. Грубо говоря, ответ на вопрос таков: содержимое вашего мозга стерто. Выскабливание мозга — это некая операция, разумеется, не хирургическая, а параментальная, которая производится с помощью психоэлектрического оборудования. Ее последствия куда серьезнее, чем обычное гипнотическое блокирование. Восстановление стертоей памяти возможно, но это более сложный процесс, чем, естественно, снятие гипнотической блокировки. То, что вас волнует в данный момент, — это вторичная, добавочная, неполная память — структура личности, которую вы сейчас считаете собственным «Я». Но это,

конечно же, не так. Если взглянуть на дело беспристрастно, то ваше вторичное «Я» — просто рудимент, эмоционально чахлый и интеллектуально неполноценный по сравнению с истинной личностью, которая упрятана в потаенных глубинах вашей психики.

Поскольку было бы наивно ожидать от вас беспристрастного взгляда на данную проблему, мог возникнуть соблазн обмануть вас: уверить в том, что восстановление личности Рамаррена не помешает продолжению существования личности Фалька; соблазн солгать, чтобы рассеять все ваши страхи и сомнения и тем самым сделать ваш выбор не столь мучительным. Но лучше вам знать правду, иначе ни вы, ни мы не приедем к истине. А истина заключается в следующем: когда мы восстановим синаптические способности вашего мозга в их первоначальном состоянии, если вы позволите мне столь упрощенно описать немыслимо сложную и опасную операцию, которую готов провести с помощью своих психокомпьютеров Кен Кениек, то такое восстановление повлечет за собой тотальную блокировку синаптической плоскости. Эта вторичная сущность будет безвозвратно подавлена, то есть, в свою очередь, стерта.

— Итак, чтобы оживить Рамаррена, вы должны убить Фалька?

— Мы никого не убиваем, — раздался в ответ хриплый шепот Синга. Затем он повторил те же слова мысленно с ослепляющей интенсивностью: — Мы никого не убиваем!

Последовала недолгая пауза, после чего Абандибот прошелтал:

— Чтобы добиться великого, следует отказаться от малого. Так было всегда.

— Чтобы жить, нужно смириться со смертью, — сказал Фальк и увидел, как лицо-маска поморщилось. — Хорошо. Я согласен: убивайте. Хотя мое согласие не играет особой роли, не так ли? И все же вы хотите получить его.

— Мы не убьем вас. — Шепот стал громче. — Мы никого не убиваем. Мы не забираем ничьей жизни. Мы собираемся восстановить вашу истинную память и сущность. Только вам придется кое о чем забыть — такова цена. Здесь не может быть ни выбора, ни сомнений. Чтобы стать Рамарреном, необходимо забыть Фалька.

— Дайте мне еще один день, — произнес Фальк и встал, тем самым давая понять, что разговор закончен.

Он проиграл: он был беспомощен. И все же он заставил эту маску поморщиться, в какой-то момент он задел ложь за

самое больное место. И в это мгновение он чувствовал, что истина совсем близко, но у него не хватило сил или умения, чтобы дотянуться до нее.

Фальк покинул башню вместе с Орри и, когда они оказались на улице, предложил:

— Давай немного пройдемся. Я хотел бы поговорить с тобой за пределами этих стен.

Они пересекли ярко освещенную улицу и вышли на край обрыва. Овеявшие холодным ночным ветром, мужчина и мальчик стояли там плечом к плечу. Огни моста отбрасывали на них свет, который рассеивался в черной бездне, обрывавшейся вниз прямо с обочины улицы.

— Когда я был Рамарреном, — медленно произнес Фальк, — имел ли я право попросить тебя оказать мне услугу?

— Какую угодно, — ответил Орри с рассудительной готовностью, базировавшейся, судя по всему, на том, что емунушили в детстве на Вереле.

Фальк посмотрел мальчику прямо в глаза, указал на золотой браслет на руке Орри и жестом показал, что его необходимо снять и бросить в ущелье.

Орри попытался было что-то сказать, однако Фальк приложил палец к губам.

Глаза мальчика вспыхнули, он немного колебался, затем все же снял браслет и швырнул его в темноту пропасти. Потом вновь повернулся к Фальку со страхом и смятением на лице, но было ясно видно, что он всей душой хочет заслужить одобрение Фалька.

Впервые за все время общения с Орри Фальк мысленно обратился к нему:

— Есть у тебя другое такое устройство?

Сначала мальчик ничего не понял. Мыслеречь Фалька была неумелой и слабой по сравнению с тем, как умели «говорить» Синги. Когда же до Орри наконец дошел смысл слов, он так же мысленно ответил:

— Нет. У меня был только этот коммуникатор. Зачем вы приказали мне его выбросить, преч Рамаррен?

— Я хочу побеседовать с тобой так, чтобы нас никто не подслушал.

Мальчик выглядел испуганным.

— Повелители могут услышать нас, — пробормотал он вслух. — Они могут подслушать мыслеречь где угодно, преч

Рамаррен... а я только начинаю упражняться в защите своего мозга...

— Тогда мы будем говорить вслух, — сказал Фальк, хотя он и сомневался в том, что Синги могут прослушивать мыслеречь «где угодно» без помощи каких-либо технических средств. — Судя по всему, Повелители Эс Тоха привели меня сюда, чтобы восстановить мою память, память Рамаррена. Но они могут или решили восстановить мою прежнюю личность только ценой моей нынешней памяти, ценою всего того, что я узнал на Земле. Они настаивают именно на этом. Я же не хочу, чтобы так получилось. Я не хочу забыть все, что знаю и о чем догадываюсь. Я не хочу стать невежественным орудием в руках этих людей. Я не хочу вновь умирать прежде своей окончательной смерти! Я не рассчитываю на то, что мне удастся воспротивиться им, но я хочу попытаться, и услуга, о которой я хотел бы тебя попросить, заключается в том...

Фальк замолчал, колеблясь в выборе возможностей, поскольку четкого плана он пока что не выработал.

Лицо Орри, раскрасневшееся поначалу от возбуждения, теперь снова потускнело от охватившего его смятения, и в конце концов мальчик спросил:

— Но почему...

— Ну? — резко сказал Фальк, видя, что власть, которую он на короткое время обрел над мальчиком, начала улетучиваться. Однако этим своим нетерпеливым «ну» Фальку все же удалось немного растормошить Орри, и если ему суждено было достучаться до разума мальчика, это должно произойти именно сейчас.

— Почему вы не доверяете Повелителям, преч Рамаррен? Зачем им нужно подавлять ваши воспоминания о Земле?

— Потому что Рамаррен не знает того, что знаю я. И ты тоже этого не знаешь. А наше неведение может поставить под удар родную планету.

— Но вы... вы ведь даже не помните нашу планету...

— Ты прав. Однако я не намерен служить Лжецам, которые распоряжаются здесь. Слушай меня внимательно. Насколько я могу судить, в их намерения входит следующее. Они восстановят мой прежний разум для того, чтобы узнать подлинное название и местонахождение нашей родной планеты. Если они узнают об этом, пока будут возиться с моим мозгом, то тут же убьют меня, а тебе скажут, что операция потерпела неудачу. Если же нет, они оставят мне жизнь, по крайней мере, до тех пор, пока я не скажу им того, что они

хотят узнать. А я, как Рамаррен, не буду знать достаточно, чтобы утаить от них правду.

Затем нас отправят назад, на Верель, как единственных выживших после великого путешествия. Вернувшись на родную планету после векового отсутствия, мы поведаем соплеменникам о том, что на варварской Земле люди-Синги высоко держат факел цивилизации. Что Синги вовсе не являются Врагами, а совсем напротив, они — жертвующие собой владыки, мудрые Повелители, не какие-то там чужаки-завоеватели из глубин Вселенной, а самые что ни на есть обыкновенные люди. Мы расскажем на Вереле о том, как дружелюбны Синги. И нам охотно поверят. Поверят той же лжи, в которую будем верить мы сами. Так что дома не будут бояться нападения со стороны Сингов и не придут на помощь людям Земли, истинным ее обитателям, которые так ждут избавления от Лжи.

— Но, преч Рамаррен, в этом нет никакой лжи, — сказал Орри.

Фальк долго смотрел на мальчика в рассеянном колеблющемся свете. На сердце у него было тяжело, но он в конце концов спросил:

— Так ты сделаешь для меня то, о чем я тебя попрошу?

— Да, — прошептал мальчик.

— Все очень просто. Когда ты впервые встретишься со мной как с Рамарреном — если вообще встретишься, — то скажи мне следующие слова: «Прочитайте первую страницу книги».

— Прочитайте первую страницу книги, — покорно повторил мальчик.

Наступило молчание. Фалька все больше охватывала безысходность. Он чувствовал себя мухой, попавшей в паутину.

— И это все, о чем вы хотели меня попросить, преч Рамаррен?

— Да, все.

Мальчик склонил голову и пробормотал какую-то фразу на своем родном языке, очевидно, некую формулу обещания. Затем спросил:

— А что мне следует сказать о браслете-коммуникаторе Повелителям, преч Рамаррен?

— Скажи им правду... Это не имеет никакого значения, если ты сохранишь другую тайну, — произнес Фальк. Судя по всему, они хотя бы не научили мальчишку лгать. Но не научили его отличать правду от лжи.

Орри провел Фалька назад через мост к своему слайдеру, и они вернулись в сиявший дворец с полупрозрачными стенами. Оставшись в комнате наедине с собой, Фальк дал выход страха и ярости, понимая, что его обвели вокруг пальца и лишили свободы выбора. Даже когда ему удалось укротить свой гнев, он все равно продолжал метаться по комнате, как волк по клетке, борясь со страхом смерти.

Если он откажет им, позволят ли ему жить, как Фальку, пусть и бесполезному для них, однако в то же время безвредному?

Нет, не позволят. Это было ясно как день, и только трусость заставила его рассматривать этот вариант. Тут надежды нет.

Можно ли сбежать от них?

Не исключено. Пустота этого здания могла быть обманчивой, иллюзорной, как и многое здесь, — или предательской. Фальк чувствовал и догадывался, что за ним неотступно следят, подслушивают и подглядывают из потайных помещений или с помощью скрытых автоматических устройств. Все двери здесь охранялись слугами или электронными мониторами. Но даже если ему удастся сбежать из Эс Тоха, что тогда?

Сумеет ли он совершить обратный переход через горы и равнины, через реки и леса, чтобы вернуться в конце концов на Поляну, где Парт... Нет! Фальк гневно остановил ход своих мыслей. Он не может повернуть назад. Он уже так далекошел, что теперь просто обязан идти до самого конца: через смерть, если ее не удастся миновать, ко второму рождению — к рождению незнакомого ему человека с чужой душой.

И никто не поведает незнакомцу и чужаку всей правды. Мало того, что придется умереть, так смерть его еще и сыграет на руку Врагу. Именно это и бесило Фалька, заставляло его мерить шагами тихий зеленоватый полумрак комнаты. Ему не следовало плясать под дудку Лжецов, нельзя выдать им то, что они хотели узнать. И вовсе не судьба Вереля беспокоила Фалька... исходя из того что он знал, из всех тех догадок, что только сбивали с толку, сам Верель был одной большой ложью, а Орри — усовершенствованным вариантом Эстрел. Но Фальк любил Землю, хотя и был чужаком на ней. Земля для него ассоциировалась с Домом в Лесу, с залитой солнцем Поляной, с девушки по имени Парт. Вот их-то он и не имел права предать.

Снова и снова он пытался представить себе, каким образом он, как Фальк, мог бы оставить послание самому себе,

но уже как Рамаррену. Проблема эта сама по себе была столь нелепой, что притупляла воображение и казалась неразрешимой. Синги контролируют каждый его шаг; послание не дойдет до адресата.

Сначала Фальк думал воспользоваться Орри как посредником, приказав ему сказать Рамаррену: «Не отвечайте на вопросы Сингов»... но он не был уверен в преданности Орри, в том, что мальчик сохранит приказ в тайне от захватчиков. После всех манипуляций Сингов над сознанием бедного ребенка он теперь фактически был их орудием; даже то лишенное смысла сообщение, которое Фальк передал Орри, могло уже стать достоянием Повелителей.

И нет никакого устройства или уловки, никакого средства или способа, чтобы предпринять обходной маневр и выйти с честью из создавшейся ситуации. Одна лишь совсем призрачная надежда на то, что он выстоит, что бы с ним ни сделали, что он сможет оставаться самим собой и откажется забыть, откажется умереть. Единственное, что давало ему основание надеяться на подобный исход, — уверения Сингов, будто это невозможно.

Они хотели, чтобы он поверил в то, что это невозможно.

Все те иллюзии и галлюцинации первых часов или дней Фалька в Эс Тохе, по всей видимости, имели целью привести его в состояние смятения, сбить с толку, подорвать веру в самого себя, в свои убеждения, знания, в свои силы. Вот чего добивались Синги. Тогда все их разглагольствования о стирании содержимого мозга являются в равной степени запутыванием и шантажом с целью убедить его, что он не в силах противостоять парагипнотическим операциям.

Но Рамаррен и не выдержал...

Однако у Рамаррена не было подозрений и предубеждений насчет способностей Сингов и насчет того, что они пытаются сделать с ним, в то время как у Фалька были. В этом и состояла разница. Но даже с учетом всего вышесказанного память Рамаррена не была уничтожена полностью, что, по их уверениям, ожидало память Фалька. Если же удача от него отвернется...

«Надежда — вещь более хрупкая и ненадежная, чем сама вера, — подумал он, шагая по комнате под беззвучные отблески молний бушевавшей над его головой грозы. — Хорошие времена наполнены верой в жизнь; в плохие времена остается только надеяться на лучшее. Но сама суть от этого не меняется: каждый разум образует неразрывные связи с другими разумами, а также с окружающим миром и со време-

нем. Без веры человек живет, но нечеловеческой жизнью; без надежды он погибает. Когда нет места дружбе, когда люди не прикасаются друг к другу, чувства неизбежно атрофируются, разум становится холодным и одержимым. Единственными возможными отношениями между людьми становятся отношения хозяина и раба, убийцы и жертвы».

Законы существуют для того, чтобы подавлять те побуждения, которых люди сами боятся в себе больше всего. «Не убий!» — единственный Закон, превозносимый Сингами. Все остальное дозволено. По всей видимости, это значит, что ничто другое их, в общем-то, и не интересует... Страшась своего собственного тщательно скрываемого влечения к смерти, они проповедуют почтение к жизни, в конечном счете дурача ложью и самих себя.

У Фалька не было бы ни единого шанса одолеть противника, если бы не качество, с которым не в силах справиться ни один лжец, — человеческая честность. Возможно, им даже не приходило в голову, что человек способен так сильно жаждать оставаться самим собой, жить собственной жизнью, что он находит в себе силы сопротивляться, даже не имея ни малейшего шанса на успех.

Все возможно...

Успокоив наконец разбушевавшиеся мысли, Фальк взял книгу, что подарил ему Владыка Канзаса, и какое-то время внимательно читал, пока его не сморил сон.

На следующее утро — возможно, последнее в этой его жизни — Орри предложил ему продолжить осмотр достопримечательностей города с аэрокара. Фальк согласился, заметив, что хотел бы взглянуть на Западный океан. Двое Сингов, Абандибот и Кен Кениек, вежливо спросили, можно ли им сопровождать их почетного гостя и постараться ответить на все возникающие вопросы о Земле или о ходе предстоящей операции.

По правде говоря, Фальк в глубине души надеялся побольше узнать о том, что они собираются сделать с его мозгом, и тем самым подготовиться к сопротивлению. Но ничего хорошего из этого не вышло. Кен Кениек сыпал бесконечным потоком терминов, разлагаясь о нейронах и синапсах, блокировании и разблокировании, о наркотиках, гипнозе, парагипнозе и подключенных к мозгу компьютерах... Все это было для Фалька бессвязным набором слов, причем слов устрашающих, и вскоре он прекратил всякие попытки вникнуть в смысл речей Синга.

Аэрокар, пилотируемый бессловесным слугой, который

казался всего лишь придатком органов управления, поднялся над горами и устремился на запад над яркой в краткую пору весеннего цветения пустыней. Через несколько минут машина приблизилась к гранитной глыбе Западного Хребта. Несущие на себе суровую печать катаклизмов двухтысячелетней давности, горы Сьерры вздымали в небо свои зазубренные пики, выраставшие из заснеженных ущелий. За горными кряжами лежал залитый солнечным светом океан, под его волнами темными пятнами проступали затонувшие участки суши.

Давным-давно там стояли забытые ныне города — подобно тому, как в голове Фалька таились позабытые города, имена и лица. Когда аэрокар развернулся, чтобы лететь обратно на восток, Фальк сказал:

— Завтра будет землетрясение — и Фальк скроется в пучине...

— Мне очень жаль, но это неизбежно, лорд Рамаррен, — с удовлетворением в голосе произнес Абандибот.

А может, Фальку только почудилось, будто в его голосе промелькнула нотка удовлетворения? Всякий раз, когда Абандибот выражал свои чувства словами, это звучало настолько фальшиво, что, казалось, подразумевало прямо противоположные эмоции; но, возможно, Абандибот вообще не испытывал каких-либо чувств или душевных волнений. Кен Кениек, с водянистыми глазами и бледным лицом, чьи правильные черты не были отмечены печатью возраста, никогда и не пытался изобразить те или иные эмоции. Дело было не в его флегматичности или безмятежности, но в полной закрытости, самодостаточности и отрешенности.

Аэрокар стрелой мчался над пустынями, отделявшими Эс Тох от моря. На их обширные пространства явно давно не ступала нога человека. Машина совершила посадку на крыше здания, где находилась комната Фалька. После некоторых тягостных часов, проведенных в обществе молодых, беспристрастных Сингов, он страстно мечтал даже об этом призрачном уединении. И ему не стали чинить препятствий. Остаток дня Фальк провел в своей комнате с полупрозрачными стенами, опасаясь, что Синги вновь одурманят его или навеют какие-нибудь иллюзии, пытаясь привести в смятение или ослабить волю «почетного гостя». Однако, по всей видимости, они чувствовали, что нет особой необходимости предпринимать дополнительные меры предосторожности. Его оставили в покое — пусть себе шагает по полупрозрачно-

му полу, сидит или читает свою книгу. Что, в конце-то концов, он может предпринять против их воли?

Снова и снова в течение долгих часов ожидания Фальк возвращался к книге. Он не осмеливался делать на ней никаких отметок, даже ногтем, только читал страницу за страницей, хотя и без того практически знал содержание наизусть, полностью поглощенный данным занятием, вникая в смысл, повторяя каждое слово про себя, что бы он ни делал — расхаживал по комнате, сидел или лежал. Вновь и вновь мысли его возвращались к самому началу книги, к самым первым словам на самой первой странице:

Путь, который может быть пройден,
Это не вечный Путь.
Имя, которое можно назвать,
Это не вечное Имя.

Поздно ночью, под гнетом усталости и голода, под напором мыслей, которые Фальк непрерывно гнал от себя, и страха перед смертью, которому он не позволял овладеть собой, разум его наконец пришел к тому состоянию, которое он так долго искал. Стены пали, душа отделилась от бренного тела, и он превратился в слова. Он стал тем самым словом, что было произнесено во тьме в самом начале времен, словом, которое некому услышать. Он стал первой страницей времени.

Постепенно чувство времени вернулось к нему, и вещи вновь получили имена, а стены заняли свои места. Фальк прочел первую страницу книги еще раз, а затем лег и постарался уснуть.

Восточная стена комнаты приобрела изумрудный оттенок в лучах восходящего солнца, когда за ним пришли двое слуг. Фалька повесли вниз через призрачный коридор и этажи здания на улицу, усадили в слайдер и повезли по тенистым улицам и через ущелье в другую башню. Эти двое были не обычными слугами, что предугадывали все его желания, а тренированными, безмолвными стражниками. Помня методичную жестокость избиения, которому его подвергли, когда он впервые очутился в Эс Гохе — первый урок неверия в себя, что преподали Синги, — Фальк предположил, что они боятся — вдруг в самую последнюю минуту он попытается скрыться? — и приставили к нему стражников, дабы пресечь любой подобный порыв.

Его провели через лабиринт комнат в ярко освещенные подземные покои, стены которых представляли собой экраны и блоки какого-то огромного вычислительного комплекса.

са. Навстречу вышел Кен Кениек. Он был один. У Фалька мелькнула мысль, что ему ни разу не доводилось видеть больше двух Сингов одновременно. И вообще он видел очень немногих. Но сейчас было не время размышлять над подобной проблемой, хотя где-то в закоулках мозга промелькнуло некое смутное воспоминание, объяснение...

— Вы не пытались прошлой ночью совершить самоубийство, — сказал Кен Кениек своим безразличным шепотом.

Такой выход из положения даже не приходил Фальку в голову.

— Я решил позволить вам проделать это, — с вызовом ответил Фальк.

Кен Кениек не обратил никакого внимания на выпад, хотя, судя по всему, не пропустил ни единого слова.

— Все готово, — сказал он. — Это в точности те же блоки памяти и соединения между ними, что были использованы для блокировки вашей первоначальной структуры сознания шесть лет тому назад. Если вы согласны на данный опыт, то устранение блокировок не будет сопряжено с какими-либо затруднениями или нанесениями повреждений. Согласие очень существенно для восстановления сознания, но не для его подавления. Вы готовы?

Практически одновременно с произнесенными вслух словами он обратился к Фальку при помощи отчетливой мыслеречи: «Вы готовы?»

Синг напряженно вслушивался, пока Фальк едва слышно не пробормотал:

— Да.

Словно удовлетворившись данным ответом или сопровождающими его эмоциональными обертонами, Синг кивнул и произнес монотонным шепотом:

— Я начну прямо сейчас, без применения наркоза. Наркотики нарушают чистоту парагипнотического процесса; без них мне легче работать. Садитесь вот сюда.

Фальк молча подчинился, стараясь изгнать из мозга все мысли.

По какому-то неслышному сигналу в комнату вошел ассистент и наклонился над Фальком, в то время как сам Кен Кениек уселся перед одним из компьютерных терминалов, словно музыкант за свой инструмент. На мгновение Фальк вспомнил огромную систему Узора в тронном зале Властителя Канзаса, быстрые черные пальцы, парившие над ней... Непроницаемая тьма черной портвьера опустилась на глаза и разум. Он сознавал, что к его черепу прилагивают нечто вроде капюшона или колпака; затем он перестал что-либо

ощущать, кроме черноты, бесконечной черноты, кроме кромешной тьмы. В этой тьме чей-то голос произнес некое слово в его мозгу, слово, которое он почти что понял. Снова и снова голос повторял это слово, чье-то имя... Подобно языку пламени, встрепенулась его воля к жизни, и он вопреки всему провозгласил, собрав в кулак все свои силы, в мертвый тишине:

— Я — Фальк!

Затем опустилась тьма.

Глава 9

Место было темным и тихим, словно лесная чаща. Обес силевший, он долгое время пребывал в полудремоте. Ему часто снились или вспоминались какие-то фрагменты из ранее виденных снов. Затем он вновь крепко уснул и опять проснулся посреди зеленоватого полумрака и тишины.

Кто-то шевельнулся рядом с ним. Повернув голову, он увидел какого-то юношу, совершенно ему незнакомого.

— Кто ты?

— Я Хар Орри.

Имя это словно камень погрузилось в сонную трясину мозга и исчезло. Только круги от него расходились все шире и шире, медленно и неторопливо, пока внешнее кольцо не коснулось берега и не исчезло. Орри, сын Хара Уэдена, один из членов экипажа, мальчик, ребенок, зимнерожденный.

По тихой заводи сна пробежала легкая рябь. Он прикрыл глаза и попытался нырнуть поглубже.

— Мне снилось, — пробормотал он с закрытыми глазами, — множество снов...

Он снова открыл глаза и взглянул в испуганное, отмеченное печатью сомнения лицо юноши.

О чем же он позабыл?

— Что это за место?

— Пожалуйста, лежите спокойно, преч Рамаррен. Вам еще нельзя разговаривать. Пожалуйста, лежите спокойно.

— Что со мной случилось?

Головокружение заставило его послушаться мальчика и снова откинуться назад. Тело его, даже мускулы губ и языка, когда он произносил слова, не повиновались ему должным образом. Это была не слабость, а странная потеря контроля. Рука поднималась лишь усилием воли, словно он поднимал не свою, а чью-то чужую руку.

Чью-то чужую руку... Он недоуменно уставился на свою

руку, которая была покрыта, на удивление, темным, как выдубленная кожа ханна, загаром. От локтя до запястия следовала череда голубоватых параллельных шрамов, слегка прерывистых, словно образованных повторяющимися стежками иглы. Кожа на ладони огрубела и обветрилась, как будто он долгое время провел на открытом воздухе, а не в лабораториях, вычислительном центре управления полетом, в Залах Совета и местах Молчания в Вегесте...

Внезапно что-то заставило его оглядеться по сторонам. Комната, в которой он находился, не имела окон, но сквозь зеленоватые стены пробивался солнечный свет.

— Произошла авария, — наконец вымолвил он. — При запуске или когда... Но мы же совершили полет... Или мне все это приснилось?

— Нет, преч Рамаррен, мы действительно совершили полет. В комнате вновь воцарилась тишина.

— Я помню полет так, словно он длился одну только ночь, одну долгую ночь, недавнюю ночь... Но она превратила тебя из ребенка почти что в мужчину. Значит, мы в чем-то ошиблись.

— Нет. Полет здесь ни при чем...

Орри запнулся.

— Где все остальные?

— Пропали без вести.

— Погибли? Говори прямо, беспреч Орри.

— Скорее всего погибли, преч Рамаррен.

— Где мы сейчас находимся?

— Пожалуйста, успокойтесь.

— Отвечай.

— Эта комната находится в городе, который называется Эс Тох, на планете Земля, — без запинки ответил мальчик и жалобно всхлипнул. — Вам ничего об этом не известно? Вы ничего не помните? Совсем ничего? Значит, сейчас дела еще хуже, чем были прежде...

— Откуда мне помнить Землю? — прошептал Рамаррен.

— Я... я должен был сказать вам следующее: «Прочтите первую страницу книги».

Рамаррен не обратил внимания на невнятное бормотание мальчика. Теперь он знал, что все пошло вкрай и вкось, что существовал период времени, о котором он ничего не помнил. Но пока ему не удастся побороть эту необычную слабость своего тела, он не в силах что-либо предпринять. И он лежал неподвижно, пока не прошло головокружение. Затем, отгородив свой разум от внешнего мира, Рамаррен начал по-

вторять про себя Монологи Пятой Ступени. Когда они наконец успокоили его разум, он заставил себя уснуть.

Ему снова снились сны, запутанные и пугающие, с редкими вкраплениями приятных эпизодов, которые напоминали лучики солнца, пробивавшиеся сквозь тьму дремучего леса. Когда он погрузился в более крепкий сон, эти фантастические видения исчезли, и во сне всплыло единственное простое и отчетливое воспоминание: он стоит рядом с каким-то крылатым аппаратом, поджидая отца, чтобы вместе с ним отправиться в город. Вплоть до самого подножия горы Чарны леса уже сбросили свои листья, хотя воздух по-прежнему был теплым, чистым и спокойным. Его отец, Агад Карсен, худощавый подвижный немолодой уже человек, облаченный в церемониальные одежды и головной убор, с олицетворявшим власть жезлом в руках, медленно идет по лужайке рядом со своей дочерью, и оба они смеются, когда он поддразнивает девушку, обсуждая ее первого поклонника.

— Гляди в оба за этим парнем, Парт, он будет докучать тебе вне всякой меры, стоит только дать повод.

Он вновь слышит эти слова, легкомысленно брошенные давным-давно, в яркий солнечный день длинной золотой осени его молодости, а им вторит девичий смех. Сестра, сестренка, любимая Арнан... Каким это именем отец назвал ее? Не настоящим именем, а как-то иначе...

Рамаррен проснулся. Он сел на кровати, с определенным усилием заставив свое тело подчиниться... и хотя оно по-прежнему не отличалось послушанием, это определенно было его тело. На какое-то мгновение при пробуждении ему почудилось, будто он призрак, оказавшийся в чужой плоти.

Теперь он был в полном порядке. Он — Агад Рамаррен, рожденный в доме из серебристого камня среди широких лугов, раскинувшихся у седой вершины Чарны — Одинокой Горы. Он был наследником Агада, рожденным осенью и потому обреченным всю свою жизнь прожить осенью и зимой. Весны он никогда не видел и, вероятно, не увидит, так как корабль «Альтерра» начал полет к Земле в первый день весны. Но долгие осень и зима, пора его детства, юности и зрелости, ярко и живо развернулись перед ним подобно реке, по которой можно было подняться до самого истока.

Орри в комнате не было.

— Орри!

Теперь он пришел в себя и был настроен наконец узнать, что же все-таки случилось с ним, с его путниками, с «Альтеррой» и ее миссией.

На оклик никто не отозвался. В комнате, казалось, не

было не только окон, но и дверей. Рамаррен сдержал свой порыв мысленно обратиться к мальчику; он не знал, настроен ли до сих пор на него мозг Орри. К тому же его собственный мозг, очевидно, перенес какое-то повреждение или вмешательство, лучше действовать с осторожностью. Не стоит вступать в контакт с посторонним, пока не станет ясно, не угрожает ли ему утрата контроля над собой или потеря чувства времени.

Рамаррен встал, испытав приступ головокружения и болезненное покалывание в области затылка, и пару раз прошелся по комнате, чтобы немного размяться. Заодно он рассмотрел ликовинную одежду, что была на нем, и странную комнату, заставленную мебелью на длинных тонких ножках. Полупрозрачные темно-зеленые стены были покрыты причудливыми чередующимися узорами, в одном из которых скрывалась дверь-диафрагма, а в другом — зеркало в половину человеческого роста.

Перед зеркалом Рамаррен остановился. Он показался себе похудевшим, обветренным и, вероятно, постаревшим: насколько, сейчас трудно было сказать. Глядя на себя, он испытывал определенную неловкость. Чем вызвана странная неуверенность в своих силах? Что с ним случилось, что было утеряно?

Рамаррен повернулся и заставил себя внимательно осмотреть комнату. В ней было много загадочных предметов, и только два имели относительно привычный, хотя и несколько чужеродный облик — чашка для литья на столе и книга рядом с ней. Он подошел и взял в руки книгу. Что-то, о чем говорил ему Орри, мелькнуло в голове и вновь исчезло.

Рамаррен не смог прочитать название книги, хотя отдельные буквы напоминали буквы алфавита Языка Книг. Он открыл ее и принялся перелистывать страницы. Листы едва были заполнены — судя по всему, от руки — столбцами причудливых, сложных узоров: религиозные символы, иероглифы, стенографическая скоропись? Листы справа были также исписаны от руки, но буквы там напоминали буквы Книг, буквы Галактического Алфавита. Книга кодов? Однако не успел он толком поломать голову над первыми словами, как дверь бесшумно скользнула в сторону и в комнату вошла женщина.

Рамаррен смотрел на нее с нескрываемым любопытством, беспечно и без страха; чувствуя себя слегка уязвимым, он сделал свой взгляд несколько более твердым и властным, чтобы соответствовать происхождению, достигнутой им Ступени и высокому положению.

Нисколько не смущенная, женщина наградила его ответным взором. Некоторое время они стояли, молча глядя друг на друга.

Она была красивой и стройной, одетой в фантастические одежды. Ее волосы то ли выгорели, то ли были подкрашены. Глаза женщины являли собой темные кружочки, обрамленные белым овалом. Такие глаза были у фигур на фресках Зала Лиги в Старом Городе; фрески изображали темнокожих высоких людей, строивших город, воевавших с Кочевниками, наблюдавших за звездами, — Первых Колонистов, землян Альтерры...

Теперь у Рамаррена не осталось ни малейших сомнений в том, что он на самом деле находится на Земле, что он совершил полет. Он отбросил гордыню и инстинкт самозащиты и встал перед женщиной на колени. Для него, как и для всех людей, что послали его в это путешествие через восемьсот двадцать пять триллионов миль пустоты, эта женщина была представительницей расы, которую время и память наделили божественными качествами. Женщина, отдельный индивидуум... однако она принадлежала Человеческой Рase Людей и смотрела на него глазами этой расы, и Рамаррен отдал долгное историю, легендам и долгому изгнанию своих предков, встав перед ней на колени и склонив голову.

Затем он поднялся и простер к ней раскрытые ладони в кельшакском знаке приветствия.

Она начала что-то говорить. Хотя ему никогда не доводилось видеть эту женщину прежде, ее голос казался бесконечно знакомым; Рамаррен не знал этого языка, однако все же понял сначала одно слово, затем — другое. На мгновение данный факт испугал его своей сверхъестественностью, пробудил опасения, что она пользуется какой-то формой мыслепечи, способной проникнуть даже через барьер несинхронизированного мышления. В следующее мгновение он осознал, что понимает женщину, потому что она говорит на Языке Книг, на галакте, и только ее акцент и бегłość речи помешали ему сразу осознать это.

Она уже произнесла несколько фраз, удивительно быстро, бесстрастно и как-то безжизненно:

— ...не знают, что я здесь. Теперь скажи мне, кто из нас лжец, ты, не верящий никому. Я прошла вместе с тобой весь бесконечный путь, я спала с тобой добрую сотню ночей, а теперь ты даже не припоминаешь моего имени. Не так ли, Фальк? Тебе известно мое имя? Помнишь ли ты свое собственное имя?

— Меня зовут Агад Рамаррен, — ответил он, и его собст-

венное имя, произнесенное его собственным голосом, прозвучало как-то странно.

— Кто тебе это сказал? Ты — Фальк! Разве тебе не известен человек по имени Фальк?.. Он прежде был облечен в твою плоть. Кен Кениек и Краджи запретили мне произносить при тебе это имя, но мне надоело переступать через себя и играть по их правилам; я предпочитаю играть по собственным. Неужели ты не помнишь свое имя, Фальк? Ах, ты так и не поумнел и по-прежнему таращаешься на меня, словно выброшенная на берег рыба.

Он сразу же опустил глаза. Смотреть человеку прямо в глаза на Вереле считалось невежливым, и данный вопрос строго регламентировался различными табу и предписаниями.

Такова была его единственная внешняя реакция на ее слова; а вот внутренний отклик оказался куда более живым и разнообразным. С одной стороны, женщина находилась под воздействием малой дозы наркотика, скорее всего галлюциногена — его тренированная восприимчивость поведала ему об этом со всей определенностью. С другой стороны, хотя Рамаррен не до конца понимал все, что она говорила, и определенно не мог вникнуть в смысл ее речей, намерения гости по природе своей были агрессивными и направленными на разрушения. И эта агрессивность была действенной. Несмотря на неполноту понимания, странные нападки женщины и произносимое раз за разом имя затронули в нем какую-то струну, потрясли и смущили его разум.

Рамаррен слегка повернулся в сторону, давая понять, что не станет встречаться с ней взглядом, если она сама того не захочет, и произнес на архаичном языке, который его народ знал только по древним книгам Колонии:

— Вы из расы людей или из расы Врага?

Женщина натужно рассмеялась:

— Из обоих, Фальк. Здесь нет Врага, и я работаю на Сингов. Слушай, скажи Абандиботу, что тебя зовут Фальк. Скажи Кен Кениеку! Скажи всем Повелителям, что тебя зовут Фальк... это заставит их немного побеспокоиться! Фальк...

— Достаточно.

Рамаррен ни на йоту не повысил голос, но теперь вложил в него всю свою властность; женщина замолкла на полуслове, тяжело дыша открытым ртом. Заговорив вновь, она смогла только повторить то имя, которым его называла, дрожащим и почти умоляющим голосом.

Вид у странной посетительницы был очень жалкий, однако он так и не ответил ей. Она находилась в состоянии временного или даже постоянного душевного расстройства,

а Рамаррен ощущал себя порядком потрясенным и отгородился от нее ментальным барьером, отслеживая присутствие и голос женщины лишь частицей своего разума. Ему требовалось собраться с мыслями; с ним происходило что-то очень странное.

Дело было не в наркотиках, по крайней мере, не в известных ему наркотиках. Испытываемые им сейчас глубокое душевное потрясение и дискомфорт превышали любое из наведенных безумий ментальной дисциплины Седьмой Ступени.

Однако на раздумья времени не оставалось.

Голос поднялся в пронзительный вой, затем перешел на злобный визг, и тут Рамаррен почувствовал, что в комнате присутствует кто-то еще. Он стремительно обернулся: женщина начала было вытаскивать из своих странных одежд незнакомый предмет, по всей видимости, оружие, но тут же замерла, уставившись не на него, а на высокого человека, стоявшего в дверях.

Не было произнесено ни слова, но вновь прибывший обрушил на женщину телепатический сигнал столь ошеломляющей силы, что Рамаррен вздрогнул. Оружие упало на пол, а женщина, жалобно вереща, выбежала из комнаты, стремясь скрыться от уничтожающей настойчивости мысленного приказа. Ее призрачная тень мелькнула за стеной и исчезла.

Высокий человек перевел взгляд и телепатически обратился к нему:

— Кто вы?

Рамаррен спокойно ответил:

— Агад Рамаррен.

Но он ничего больше не добавил и не поклонился. Дела обстояли даже хуже, чем он первоначально себе представлял. Что это за люди? В противоборстве, свидетелем которого он только что стал, читались безумие, жестокость и ничего больше; определенно, здесь не было ничего, что могло бы вызвать чувство почтительности или доверия.

Высокий человек подошел немного ближе и с улыбкой на суровом, напряженном лице вежливо произнес на Языке Книг:

— Я Пелле Абандибот, и я сердечно приветствую вас на Земле, как нашего соплеменника, сына долгого изгнания, посланца Затерянной Колонии.

Рамаррен услышал эти слова, отвесил сдержанный поклон и только спустя довольно продолжительное время промолвил:

— Похоже, я уже провел на Земле некоторое время и обрел себе врага в лице этой женщины, а также заработал несколько шрамов. Не расскажете ли мне, как это произошло и что случилось с остальными членами экспедиции? Если хотите, обращайтесь ко мне мысленно; я не говорю на галакте столь же свободно, как вы.

— Преч Рамаррен, — начал высокий мужчина. Очевидно, он перенял данное обращение от Орри, словно оно являлось лишь уважительным обращением, не имея представления о том, что в действительности кроется за ним. — Сперва простите меня за то, что я не сразу заговорил вслух. Мы пользуемся мыслеречью только в самых неотложных случаях или общаясь с низшими по положению. Кроме того, извините нас за вторжение этого создания, служанки, которую безумие побудило преступить Закон. Мы позаботимся о ее рассудке. Больше она вам докучать не будет. Что же касается ваших вопросов, то на все будет дан ответ. Если говорить кратко, вам предстоит услышать грустную историю, которая, вопреки всему, сейчас близка к счастливой развязке.

Корабль «Альтерра» в околосземном пространстве подвергся нападению со стороны наших врагов, поставивших себя вне Закона. Они успели перенести по меньшей мере двух членов вашего экипажа в свои катера, прежде чем прибыл наш патрульный корабль. Завидев его, враги уничтожили «Альтерру» вместе со всеми, кто находился на ее борту, и рассыпались в разные стороны на маленьких планетарных катерах.

Мы перехватили один из них и обнаружили юношу, Хар Орри; вас увезли на другом — не знаю, с какой целью. Они не убили вас, но стерли всю вашу память, вплоть до младенческого периода, а затем бросили в глухом лесу, где вас ждала неминуемая смерть. Однако вы выжили и обрели кров среди лесных варваров. В конце концов наша поисковая группа обнаружила вас, привезла сюда, и с помощью парагипнотической техники нам удалось восстановить вашу память. Вот и все, что мы могли сделать.

Рамаррен слушал незнакомца очень внимательно. Рассказ ошеломил его, и он не делал попыток скрыть свои чувства; но он ощущал также определенную тревогу и подозрения, и их-то не стал выставлять напоказ.

Высокий мужчина сперва обратился к нему с телепатическим обращением, хотя и с очень кратким, и таким образом дал Рамаррену настроиться на свой мозг. Затем Абондигот прекратил использовать мыслеречь и установил эмпатическую защиту. Однако она не была совершенной. Рамаррен,

прекрасно тренированный и обладавший высокой чувствительностью, уловил смутные эмпатические образы, резко противоречащие тому, что говорил Абандибот вслух. Это свидетельствовало либо о его безумии, либо о лживости.

Но не исключена была и возможность того, что он сам настолько выбит из колеи — вероятно, вследствие перенесенного им парагипноза, — что на его чувственное восприятие просто нельзя положиться.

— Как давно?.. — спросил он наконец и на мгновение взглянул прямо в странные, обведенные белым глаза.

— Шесть лет по земному летосчислению, преч Рамаррен.

Длительность земного года была приблизительно равна длительности одного лунокруга.

— Как долго, — прошептал он. Его друзья, его соратники по полету, выходит, давным-давно мертвые, а он в одиночку провел на Земле...

— Шесть лет?

— Вы ничего не помните об этих годах?

— Ничего.

— Нам пришлось стеретьrudиментарную память, которая образовалась в течение этого времени, чтобы восстановить вашу первоначальную память и истинную личность. Мы очень сожалеем о потере шести лет вашей жизни, но воспоминания о них не были ни нормальными, ни приятными. Преступные злодеи превратили вас в создание еще более жестокое, чем они сами. Я рад, что вы ничего не помните, преч Рамаррен!

Абандибот был не просто рад, а полон ликования. Этот человек, видимо, обладал очень ограниченными эмпатическими способностями либо не был достаточно тренирован. В противном случае он возвел бы защиту получше.

Собственная телепатическая блокировка Рамаррена была безупречна. Все больше и больше отвлекаясь на подслушивание обертонов разума Абандибота, которые свидетельствовали о фальши или неискренности произносимых речей, и продолжая страдать из-за путаницы в мыслях, Рамаррен вынужден был мобилизовать все свои силы, чтобы обрести способность рассуждать трезво.

Как могли шесть лет жизни пройти, не оставив ни единого воспоминания? Вместе с тем сто сорок лет полета их околосветового корабля от Вереля до Земли слились в памяти в одно бесконечное, леденящее душу мгновение... Как обращалась к нему та сумасшедшая, какое имя она выкрикивала в припадке безумного гнева?

— Как меня звали все эти шесть лет?

— Звали? Вы имеете в виду — среди туземцев, преч Рамаррен? Я не помню, как именно вас звали, если они вообще дали вам какое-либо имя.

«Фальк, она звала меня Фальком», — вспомнил Рамаррен.

— Коллега, — неожиданно сказал он, переведя на галакт-келшакскую форму обращения. — Если вы не возражаете, я хотел бы продолжить наш разговор немного позднее. То, о чем вы мне рассказали, встревожило меня. Позвольте мне немного побыть одному.

— Конечно, конечно, преч Рамаррен. Ваш юный друг Орри с нетерпением ожидает встречи с вами... Прислать его сюда?

Но Рамаррен, высказав свое пожелание и услышав, что оно будет исполнено, перешел на другую Ступень восприятия и отключился от Абандибота, воспринимая любые его слова просто как шум.

— Нам тоже не терпится узнать о вас побольше, когда вы почувствуете себя вполне поправившимся.

Тишина. Затем шум возобновился:

— Слуги будут рады исполнить любое ваше желание. Если захотите поесть или пообщаться с кем-нибудь, вам нужно только подойти к двери и сказать об этом.

Снова наступила тишина, и наконец назойливое присутствие Абандибота перестало мучить Рамаррена.

Но он едва обратил на это внимание. Рамаррен был слишком поглощен самим собой, чтобы беспокоиться о странных манерах своих хозяев. Сумятица внутри мозга нарастала с каждым мгновением, приближаясь к некоей критической точке, словно его волокли на встречу с кем-то или чем-то, кого он боится и в то же самое время страстно желает увидеть. Самые тяжкие дни тренинга Седьмой Ступени были лишь бледной тенью испытываемого им сейчас разлада чувств и индивидуальности, напоминавшего наведенный, тщательно контролируемый психоз. Или же... он сам вел себя к этому, подталкивая свой разум к критической отметке? Но кто же это «он», который принуждал сам и которого принуждали? Его убили и возвратили к жизни. Была ли смерть та смерть, которую он не в состоянии вспомнить?

Чтобы окончательно не впасть в панику, Рамаррен стал осматриваться в поисках предмета, глядя на который он смог бы сосредоточиться и, впав в транс, применить отработанную технику Выхода, позволявшую вернуть ясность мышления. Но все вокруг казалось чужим, незнакомым и обманчивым. Даже пол под ногами был тусклой завесой тумана. Перед тем как вошла та женщина, что называла его незнако-

мым именем, он просматривал некую книгу. Книга... Он держал ее в своих руках, и она была реальной.

Рамаррен опять осторожно взял ее в руки и взглянул на раскрытую страницу. Столбцы красивых, бессмысленных значков, строчки едва разборчивого письма, буквы — производные тех букв, которые он изучал когда-то давным-давно по Первому Сборнику Текстов. Он смотрел на эти значки и не мог прочитать. И вдруг из них сложилось значение слова, написанное на неизвестном языке.

Путь...

Рамаррен перевел взгляд со страницы на собственную руку, державшую книгу. Чья это была рука, покрытая шрамами и загоревшая под лучами чужого солнца? Чья?

Путь, который может быть пройден,
Это не вечный Путь.
Имя...

Он не мог вспомнить это имя; не мог прочесть его. Он прочел эти слова во время сна, долгого сна, сна, овеянного смертью.

Имя, которое можно назвать.
Это не вечное Имя.

В нем поднялась какая-то гигантская волна, захлестнула его и тут же отхлынула.

Он стал Фальком, но продолжал быть и Рамарреном. Он был и глупцом, и мудрецом одновременно: единый человек, рожденный дважды.

В эти первые, полные страха часы он молился о том, чтобы его избавили то от одного «я», то от другого. Однажды он в муке выкрикнул что-то на своем родном языке и не понял произнесенных им же самим слов. Это было настолько ужасно, что он даже заплакал, совершенно отчаявшись; произнесенных слов не понял Фальк, а заплакал затем — Рамаррен.

В тот самый миг полного отчаяния он впервые на мгновение нащупал некую точку равновесия, центр, на секунду став «самим собой»; и вновь упустил его. Однако этого оказалось достаточно, чтобы родилась надежда на возвращение краткого мига гармонии. Гармония: становясь Рамарреном, он цеплялся за данное понятие, и, возможно, только мастерское владение краеугольной келцакской доктриной удерживало его от падения в бездну безумия. Но те два разума, что делили его черепищную коробку, пока что не пришли к воссоединению или равновесию; приходилось метаться между ними, попеременно вытесняя одну личность другой для ее

же собственного блага. Он не отваживался спать, хотя и был на грани изнеможения, поскольку крайне боялся пробуждения.

Стояла ночь, и он был предоставлен самому себе. «Самим себе», — заметил Фальк. Поначалу он оказался сильнее, поскольку был некоторым образом подготовлен к данному испытанию. Именно Фальк первым вступил в диалог с Рамарреном.

«Мне нужно хотя бы немного поспать, Рамаррен», — сказал он.

Рамаррен воспринял его слова как чью-то мыслеречь и без какого-либо предварительного раздумья искренне ответил: «Я боюсь уснуть». Затем он некоторое время бодрствовал и воспринимал сны Фалька как тени и отзвуки в своем мозгу.

Он пережил эти первые, самые тяжелые часы. К тому времени, когда тусклые лучи солнца пробились сквозь зеленоватую завесу стен комнаты, страхи прошли, и он начал обретать контроль над мыслями и действиями обеих заключенных в нем личностей.

Естественно, два комплекта воспоминаний фактически не перекрывались. Сознание Фалька зародилось в тех многочисленных нейронах, что оставались незадействованными даже при высокоразвитом интеллекте, — на невспаханных полях разума Рамаррена. Основные моторные и сенсорные каналы никогда не были заблокированы и в определенном смысле использовались обоими разумами, хотя и возникали трудности, обусловленные двойным набором манер передвигаться и режимов восприятия.

Любой предмет сейчас представлялся по-разному, в зависимости от того, осматривал ли его Фальк или Рамаррен. И хотя в долгосрочной перспективе данная раздвоенность могла привести к увеличению интеллектуальной моцки и восприимчивости, в настоящее время голова шла кругом от подобной неразберихи. Кроме того, ощутимая разница в эмоциональном отклике во многих случаях приводила к тому, что «он» и впрямь испытывал противоречивые чувства. Поскольку воспоминания Фалька и Рамаррена относились только к принадлежавшим им частям совместной жизни, то эти два набора воспоминаний никак не хотели выстраиваться в надлежащей последовательности и имели склонность проявляться одновременно.

Личности Рамаррена было трудно смириться с тем, что он потерял где-то существенный отрезок своей жизни. Где он был, скажем, десять дней назад? Путешествовал на спине мула по заснеженным горам Земли. Фальку об этом было из-

вестно. Но Рамаррен помнил, что как раз в это же время он прощался со своей женой в доме на покрытом травой высокогорном плато Вереля... К тому же догадки Рамаррена относительно Земли часто вступали в противоречие с тем, что знал Фальк. Одновременно невежество последнего в отношении всего, что касалось Вереля, накладывало странный отпечаток сказочности на собственное прошлое Рамаррена. Но даже в этой путанице все же присутствовали зачатки взаимосогласованности. Факт оставался фактом — «он» был, тесно и хронологически, одним человеком. Подлинной проблемой являлось не воссоздание единства, но постижение его.

Однако до согласованности было еще очень далеко. Если «он» желал мыслить и действовать хоть сколько-нибудь разумно, то по мере необходимости приходилось доминировать то одной, то другой структуре памяти. Чаще всего верх брал Рамаррен, поскольку навигатор «Альтерры» был решительным и сильным человеком. Фальк в сравнении с ним ощущал себя сущим ребенком. Он мог предложить лишь знания, которыми располагал, и потому решил положиться на силу и опыт Рамаррена, которые были так необходимы человеку с двумя разумами, попавшему в двусмысленную и весьма опасную ситуацию.

Один вопрос беспокоил его больше всех прочих — можно ли доверять Сингам или нет? Если Фальку был просто-напросто внущен беспочвенный страх перед Повелителями Земли, то все опасности не имели под собой реальной почвы. Поначалу Рамаррен думал, что, возможно, так оно и есть; но думал он так совсем недолго.

Его двойная память уже успела зафиксировать явную ложь и противоречия. Абандибот отказался мысленно говорить с Рамарреном, заявив, что Синги избегают телепатического общения. Фальк же знал, что это ложь. Почему Абандибот пошел на обман? Очевидно, потому, что он намеревался солгать — изложить версию Сингов о том, что произошло с «Альтеррой» и ее экипажем — и не хотел или не осмелился сделать это телепатически.

Но он поведал Фальку практически ту же историю посредством мыслеречи.

Если данная версия была фальшивой, значит, Синги умели лгать в мыслеречи и пользовались этим.

Рамаррен обратился к памяти Фалька. Первые попытки завершились неудачей, но когда он начал бороться, меряя шагами уединенную комнату, то связи начали налаживаться, и постепенно возникла ясность; он смог воспроизвести звучащую тишину слов Абандибота: «Мы, кого вы называете

Сингами, являемся людьми...» Даже воспроизведя их по памяти, Рамаррен почувствовал, что это ложь — невероятная и несомненная. Синги умели лгать телепатически — догадки и страх униженного человечества оказались обоснованными. Синги действительно были Врагами.

Они не были людьми. Они были пришельцами, наделенными чуждым даром, и, вне всяких сомнений, именно они, пользуясь своими способностями, раскололи Лигу и добились господства над Землей. Именно они напали на «Альтер-ру», когда та вошла в околоземное пространство. Все разговоры о бунтовщиках были чистым вымыслом. Синги убили или лишили разума всех членов экипажа, кроме маленького Орри. Рамаррен мог догадаться почему: потому что они обнаружили, подвергнув испытанию его или кого-либо другого тренированного телепата из состава команды, что верелиане способны распознать ложь в мыслеречи. Это устрашило Сингов, и они разделались со взрослыми, оставив в живых только безвредного ребенка в качестве источника информации.

Для Рамаррена его спутники по полету погибли только вчера, и, стараясь перенести этот удар, он пытался уверить себя, что, быть может, они остались в живых и находятся сейчас где-нибудь на Земле. Но если кто-то все-таки выжил — а ведь ему несказанно повезло, — то где же они сейчас? Судя по всему, Синги с превеликим трудом отыскали даже одного члена экипажа, когда обнаружили, что нуждаются в нем.

Другой вопрос: для чего понадобился им Рамаррен? Почему они приложили столько усилий, чтобы разыскать его, доставить сюда и вернуть ему память, которую прежде сами же уничтожили?

Имевшиеся в его распоряжении факты не давали иного объяснения, кроме того, к которому он пришел как Фальк: Сингам надо узнать, откуда он родом.

В мысли Фалька-Рамаррена впервые закралась позитивная нотка. Если на самом деле все так просто, то это даже смешно. Орри оставили в живых, потому что он был столь юн, нетренирован, не сформирован как личность, уязвим и послужен — идеальное орудие и источник информации. Мальчик был самим совершенством, вот только одного не знал — откуда он прибыл на Землю... К тому времени, когда Синги обнаружили это, необходимая им информация уже начисто была стерта из сознания тех, кто располагал ею, а беспомощные члены экипажа были рассеяны по дикой, опустошенной Земле, обреченные на смерть от несчастного случая, голода, нападения диких животных или людей.

Вероятно, Кен Кениек, манипулируя вчера мозгом Ра-

маррена с помощью психокомпьютеров, пытался заставить его выдать, как звучит название солнца планеты Верель на галакте. И логично предположить, что если бы он разгласил эти сведения, то был бы уже мертв или лишен разума. Собственно, он, Рамаррен, им не нужен, нужны только его знания. Но, похоже, враг их так и не получил.

Данный факт сам по себе должен был изрядно встревожить Сингов. Атмосфера строгой секретности вокруг содержания книг Потерянной Колонии на Келшаке соответствовала технике защиты мозга от телепатического вторжения. Эта мистическая секретность — или, вернее, ограниченность доступа — сформировалась за долгие годы на базе ревностного контроля за распространением научно-технических знаний, проводимого Первыми Колонистами и имевшего, в свою очередь, в своей основе Закон Лиги о культурном эмбарго, который запрещает импорт достижений культуры и техники на колонизируемые планеты.

Концепция ограничения доступа к информации стала краеугольным камнем верелианской культуры, и деление верелианского общества на ранги базировалось на убеждении, что знания и техника должны оставаться под разумным контролем. Отдельные сведения, такие, как Истинное Имя солнца, были формальными и символическими, но данный формализм воспринимался с беспредельной серьезностью, ибо в Келшаке знание являлось религией. Для охраны таких неосязаемых священных мест в человеческом разуме были выработаны неуловимые и неуязвимые средства защиты. Запрет мог быть нарушен, только если Рамаррен находился в одном из Мест Тишины и к нему обращался в определенной форме человек, достигший такой же Ступени. В иных обстоятельствах он был просто не способен открыть на словах письменно или телепатически Истинное Имя солнца родной планеты.

Разумеется, Рамаррен располагал эквивалентными комплексами сведений — набором навыков из области астрономии, которые давали ему возможность прокладывать курс «Альтерры» от Вереля к Земле; знанием точного расстояния между солнцами двух планет; отпечатавшейся в его памяти астронома четкой картиной звездного неба, каким оно видится с Вереля. Синги до сих пор не получили от пленника подобную информацию — скорее всего вследствие того, что мозг находился в слишком хаотичном состоянии в первые часы после того, как он был восстановлен посредством манипуляций Кен Кениека, а может, и потому, что продолжали функционировать усиленный парагипнотический защитный

блок и особые преграды. Зная, что на Земле все еще может находиться Враг, экипаж «Альтерры» отбыл подготовленным. Синги могли бы заставить пленника раскрыть информацию только в том случае, если бы они добились существенно больших успехов в деле изучения мозга, чем верелиане. Им оставалось лишь пытаться сбить его с толку, убедить по-хорошему. Так что в настоящее время он мог не опасаться, по крайней мере, физических мер воздействия.

...До тех пор, пока врагу не станет известно, что он сохранил память Фалька.

Впервые осознав это, он невольно поежился. Раньше подобное как-то не приходило ему в голову. Как Фальк, он был для Сингов бесполезен, но и безвреден. Как Рамаррен, он был им полезен и тоже безвреден. Но как Фальк-Рамаррен, он представлял из себя угрозу, и они этого не потерпят: просто не смогут позволить себе мириться с подобной угрозой.

Кроме того, необходимо ответить еще на один вопрос — почему они так стремятся узнать, где находится Верель? Какое им дело до Вереля?

И снова память Фалька возвзывала к разуму Рамаррена, на сей раз спокойным, жизнерадостным и ироничным голосом. Старый Слухач в дремучем лесу, человек, чувствовавший себя на Земле еще более одиноким, чем Фальк, как-то сказал: «Сингов совсем немного...»

Он назвал это великой новостью, мудростью и советом; и то была чистая правда. Согласно стариинным преданиям, с которыми Фальк познакомился в Доме Зоува, Синги были пришельцами из очень отдаленного сектора Галактики, расположенного за скоплением Гиад. Если дело действительно обстояло так, столь невообразимую бездну пространства-времени вряд ли пересекло великое множество Сингов. Их число оказалось достаточным, чтобы внедриться в Лигу и уничтожить ее посредством телепатической лжи, а также других способностей или оружия, которыми враги, возможно, располагали. Но было ли их достаточно много, чтобы править всеми теми планетами, которые они разъединили и завоевали? Планеты невелики только по сравнению с разделяющей их бездной. Сингам, должно быть, пришлось рассеяться по покоренным планетам и всеми силами удерживать их от восстания.

Орри сказал как-то Фальку, что Синги вряд ли много путешествуют или торгуют, используя околосветовые корабли; за все время своего пребывания на Земле он ни разу не видел такого корабля. Было ли это следствием того, что они боялись своих собственных соплеменников на других планетах,

которые могли во многом превзойти их за прошедшие столетия? Или, возможно, Земля — единственная планета, которой они все еще правила, ограждая ее от любых попыток исследования со стороны других планет? Точных сведений не было; скорее всего на Земле Сингов действительно немного.

Они отказывались верить рассказу Орри о том, что земляне на Вереле видоизменились, генетически сблизившись с местной формой жизни, и в конце концов смогли получать плодовитое потомство от браков с туземными гуманоидами. Синги утверждали, что это невозможно; значит, с ними такого не произошло, они оказались не способны образовывать полноценные семьи с землянами. Они и по прошествии двенадцати столетий были чужими на Земле, оставаясь в изоляции. Неужели Синги и в самом деле правили человечеством из одного-единственного Города?

Рамаррен вновь обратился за советом к Фальку и получил отрицательный ответ. Враг манипулировал людьми с помощью хитрости, страха и оружия, быстро предотвращая чрезмерное усиление какого-либо племени или накопление знаний, которые могли бы представлять из себя угрозу. Синги не давали человечеству возможности что-либо сделать, но и сами ничего не делали. Они не правили, а только вредили.

Теперь было ясно, почему Верель представлял для них смертельную опасность. До сих пор им удавалось сохранять невидимую, но разрушительную власть над человеческой культурой, которую они давным-давно сломали и направили в иное русло. Однако сильная, многочисленная, технологически развитая раса, воспитанная на легендах о своем кровном родстве с землянами, располагавшая познаниями о принципах работы мозга и оружием, не уступавшим их собственному, могла сокрушить Сингов одним ударом и освободить людей от их власти.

Если они узнают от него, где находится Верель, вышлют ли они туда околосветовой корабль-бомбу, как огонек, бегущий по сверхдлинному бикфордову шнуре, что протянулся через световые годы для уничтожения планеты?

Да, такая возможность казалась более чем реальной. И все же два факта говорили против нее: тщательная подготовка юного Орри как бы к роли посланника, а также — единственный Закон Сингов.

Фальк-Рамаррен был не в состоянии решить, являлось ли правило Уважения к Жизни единственной подлинной верой врага, единственным мостиком над пропастью самоуничтожения, которая таилась в поведении Сингов подобно черному каньону, над которым выстроен их город, или же

это было величайшей ложью из всего нагромождения лжи. Они действительно старались избегать убийства разумных существ. Они оставили его и, возможно, других членов экипажа в живых; их тщательно приготовленная пища была растительного происхождения; для того чтобы сдерживать рост населения, Синги натравливали племена друг на друга, развязывали войны, оставляя людям право убивать; согласно легендам, в первые годы своего правления они прибегали к евгенике и переселению народов, а не к геноциду. Значит, они следовали букве собственного Закона, только на особый лад.

В таком случае их забота о юном Орри свидетельствовала о том, что ему и предстояло исполнить роль их посланника. Ему, единственному спасшемуся участнику полета, предстояло вернуться через бездну космического пространства на Верель и рассказать соотечественникам то, что Синги поведали ему о Земле — чирик, чирик, подобно птицам, что чирикали «нельзя отнимать жизнь» высокоморальному борову, или попискивавшим мышам в подвалах Дома Страха... Недалекий, честный, одурманенный Орри принесет Великую Ложь на Верель.

Честь и память о Колонии были сильными движущими силами на Вереле, и зов о помощи с Земли мог бы получить на нем отклик; но если верелианам расскажут, что нет и никогда не было Врага, что Земля является древним райским садом, им вряд ли захочется совершать столь длительное путешествие. Если же они все-таки решатся это сделать, то отправятся в путь невооруженными, подобно Рамаррену и его товарищам.

Еще один голос всплыл в его памяти, услышанный еще раньше в глубинах Лесса: «Мы не можем жить так вечно. Должна быть какая-то надежда, некое знамение».

Зоув полагал, что Фальк прибыл сюда с посланием к человечеству. Увы, надежда оказалась еще более непрочной, знамение — еще более неясным. Наоборот, ему предстояло переправить послание человечества, по существу, мольбу о помощи, об избавлении.

«Я должен отправиться домой. Я должен рассказать им всю правду», — подумал Рамаррен, зная, что Синги любой ценой не допустят этого, что будет послан только Орри, а его задержат здесь или убьют.

Совершенно измотанный долгими попытками думать последовательно и связно, он наконец расслабился, перестав жестко контролировать свой измученный сомнениями двойной разум, и в изнеможении упал на кушетку, спрятав лицо в

ладонях. «Если бы только мог отправиться домой. Если бы только смог еще раз пройтись вместе с Партом по поляне...»

Так оплакивал свою незавидную долю мечтатель Фальк. Рамаррен же пытался уйти от безысходной тоски, думая о своей жене Адрис — темноволосой золотоглазой женщине в платье, расшитом тысячью крохотных серебряных цепочек. Но его обручальное кольцо пропало, а Адрис была мертва. Она умерла давным-давно. Девушка выходила замуж за Рамаррена, зная, что вместе они будут немногим более одного лунокруга, так как он уже готовился к полету на Землю. Во время единственного, ужасного мгновения полета она прожила всю свою жизнь, состарилась и умерла. Со дня ее смерти скорее всего прошло не менее сотни земных лет... Где теперь тот мечтатель, где его мечта?

«Тебе следовало умереть столетием раньше», — сказал как-то Властитель Канзаса ничего не понимавшему Фальку, видя, чувствуя или зная, что внутри его кроется человек, рожденный давним-давно. Теперь, если Рамаррену суждено вернуться на Верель, он попадет в далекое будущее. Около трех столетий, почти пять верелианских долгих лет пройдет с тех пор, как он покинул родную планету. Все изменится настолько, что на Вереле он будет таким же чужаком, каким был на Земле.

Оставалось только одно место, куда он действительно мог вернуться, как к себе домой, и быть с радостью встреченным теми, кто любил его: Дом Зоува. Но он никогда больше его не увидит. Если и вела его куда-то судьба, то только прочь от Земли. Он вынужден полагаться только на самого себя и должен пройти свой путь до конца.

Глава 10

День давно уже наступил. Осознав, что очень голоден, Рамаррен подошел к скрытой двери и громко попросил на галакте принести ему еды. Ответа не последовало, однако вскоре слуга принес еду и сервировал стол. Когда Рамаррен заканчивал трапезу, за дверью прозвучал слабый сигнал зуммера.

— Войдите, — сказал Рамаррен на языке Келшак, и в комнату вошли Хар Орри, высокий Синг Абандибот и двое других, которых Рамаррен раньше не видел, и все же их имена всплыли у него в голове: Кен Кениек и Краджи. Их представили ему с предельной вежливостью.

Рамаррен обнаружил, что в состоянии вполне прилично владеть собой. Необходимость держать личность Фалька

тщательно скрытой и подавленной фактически пошла ему только на пользу, позволив вести себя легко и непринужденно. Он чувствовал, что психолог Кен Кениек пытается настроиться на его мозг, причем с недюжинным искусством и напором, но это ничуть не беспокоило Рамаррена. Если его барьеры выдержали даже под парагипнотическим колпаком, они, безусловно, не подведут и сейчас.

Никто из Сингов не обращался к нему телепатически. Они стояли поодаль в странных напряженных позах, как бы опасаясь чьего-либо прикосновения, и говорили исключительно шепотом. Рамаррен задал несколько вполне естественных вопросов о Земле, человечестве и Сингах, с серьезным видом выслушивая каждый ответ. Раз он попытался настроиться на мозг юного Орри... Не удалось. Мальчик не имел никакой видимой защиты, но, вероятно, подвергся некой ментальной обработке, которая свела на нет то небольшое искусство фазовой настройки, которому он научился еще будучи ребенком. Кроме того, мальчик находился под воздействием наркотика, к употреблению которого его приучили. Даже когда Рамаррен послал ему незаметный, традиционный сигнал их рода по пречное, Орри продолжал сосать трубочку с наркотиком. Погружение в яркий, притягивающий мир наркотического полусна притупило восприятие мальчика, и он не реагировал ни на какие сигналы.

— Вы пока что не видели на Земле ничего, кроме этой комнаты, — хриплым шепотом сказал одетый, как женщина, Синг по имени Карджи. Рамаррен остерьгся всех Сингов, но Карджи возбуждал в нем особый, инстинктивный страх и антипатию. Было что-то омерзительное в этом тучном теле под ниспадавшими одеждами, в длинных иссиня-черных волосах, в хриплом выверенном шепоте.

— Разумеется, мне хотелось бы увидеть больше.

— Мы обязательно покажем вам все, что вы пожелаете увидеть. Земля открыта для своего почетного гостя.

— Я не помню, видел ли я Землю с борта «Альтерры», — задумчиво произнес Рамаррен на галакте с сильным верслианским акцентом. — Не помню я и нападения на корабль. Не могли бы вы объяснить мне, чем это вызвано?

Возможно, рискованный вопрос, но уж очень хотелось получить ответ, заполнить единственный пробел в двойной памяти.

— Вы находились в состоянии, которое мы называем ахронией, — сказал Кен Кениек. — Выход из полета со скоростью света произошел мгновенно, непосредственно у Барьера, поскольку ваш корабль не оборудован устройством для

синхронизации состояний с различной скоростью течения времени. На тот момент и в течение последующих нескольких минут или часов вы были либо без сознания, либо безумны.

— Мы не сталкивались с данной проблемой во время коротких перелетов со скоростью света.

— Чем дольше полет, тем сильнее Барьера.

— Полет на сто двадцать пять световых лет на едва апробированном корабле, — добавил Абандибот своим скрипучим шепотом и с присущей ему напыщенностью, — был очень храбрым поступком!

Рамаррен принял комплимент, не поправив цифры.

— Давайте, милорды, покажем нашему гостю Столицу Земли.

Одновременно со словами Абандибота Рамаррен перехватил обрывок телепатического разговора между Краджи и Кен Кениеком, хотя не уловил его смысла. Он был слишком поглощен поддержанием собственной защиты, чтобы отвлечься на подслушивание мыслеречи или даже на прощупывание чужих эмоций.

— Корабль, на котором вы возвратитесь на Верель, — сказал Кен Кениек, — будет, конечно же, оснащен ретемпорализатором, и вы не испытаете расстройства психики при входе в окологалактическое пространство родной планеты.

Рамаррен поднялся, причем весьма неуклюже — в отличие от Фалька он не привык к стульям и ощущал неудобство от сидения будто бы на насесте — но, оказавшись на ногах, тут же переспросил:

— Корабль, на котором мы вернемся?

В затуманенном взоре Орри блеснула искра. Краджи зевнул, показав крепкие желтые зубы.

— Когда вы увидите все, что хотели бы посмотреть на Земле, — сказал Абандибот, — и узнаете все, что вы хотели бы узнать, мы предоставим вам околосветовой корабль, на котором вы, лорд Агад и Хар Орри, сможете вернуться домой. Сами мы путешествуем крайне мало. Войн больше нет; нет и необходимости торговать с другими планетами, и мы не хотим вновь взваливать на нашу бедную Землю бремя гигантских расходов на постройку околосветовых кораблей только ради утоления собственного любопытства. Мы, люди Земли, теперь относимся к старым расам; мы сидим дома, ухаживаем за своим садом и не лезем в чужие дела. Но ваш полет должен быть завершен, ваша миссия должна быть выполнена. «Новая Альтерра» ждет вас в космопорту, и Верель ждет вашего возвращения. Очень жаль, что вашей цивилизации не удалось заново открыть принципы связи с помощью

ансибля, и мы поэтому не в состоянии прямо сейчас наладить контакт. К настоящему времени на Вереле, возможно, и появилось устройство мгновенной связи, однако мы не можем послать сообщение, не располагая координатами Вереля.

— Верно, — вежливо заметил Рамаррен.

Возникла небольшая напряженная пауза.

— Ну думаю, что я понял... — первый начал Рамаррен.

— Ансибль — это...

— Я знаю, что такое ансибль, хотя и не понимаю, как он работает. Действительно, к тому времени, как я покинул Верель, мы еще не открыли повторно принципа мгновенной связи. Но что помешало вам наладить контакт с Верелем?

Он встал на скользкую дорожку и сейчас, полностью владея собой, находился в центре внимания, являясь равноправным игроком, а не пешкой в чужой игре. Заставшие лица его собеседников излучали почти физически ощущимое напряжение.

— Преч Рамаррен, — сказал Абандибот, — мы никогда не имели чести знать, где в точности находится Верель, поскольку Хар Орри слишком молод, чтобы помнить точное расстояние до планеты, хотя, конечно же, приблизительная цифра нам известна. Так как его практически не научили галакту, мальчик не смог назвать на нем и имя солнца Вереля. Поэтому мы вынуждены ждать помощи от вас, прежде чем предпринять попытку установить ансибль-контакт с Верелем, а также ввести координаты вашей родной планеты в компьютер подготовленного для вас корабля.

— Итак, вы не знаете имени звезды, вокруг которой вращается Верель?

— К несчастью, в этом-то и заключается вся проблема. Если вас не затруднит...

— Я не могу сказать его вам.

Это не удивило Сингов. Они были слишком погружены в себя, слишком эгоцентричны.

Абандибот и Кен Кениек никак не отреагировали на слова Рамаррена. Карджи же промолвил странным, леденящим душу выверенным шепотом:

— Вы хотите сказать, лорд Агад, что тоже его не знаете?

— Я не могу назвать вам Истинное Имя Нашего Солнца, — торжественно произнес Рамаррен.

На этот раз он уловил мысленный посыл, обращенный Кен Кениеком к Абандиботу: «Ну, что я тебе говорил!»

— Преч Рамаррен, прошу извинить мое невежество. Я не знал, что задавать подобные вопросы запрещено. Вы же прощите меня, не так ли? В свое оправдание могу лишь сказать,

что мы не знакомы с вашими обычаями, и хотя невежество является плохим извинением, это все, на что я могу уповать, — прохрипел Абандибот.

Тут его неожиданно перебил словно очнувшийся от испуга Орри:

— Преч Рамаррен, но вы... вы же сумеете задать кораблю координаты? Вы же должны помнить то... что вам было известно как навигатору?

Рамаррен повернулся к мальчику и тихо спросил:

— Ты хочешь вернуться домой, вестпреча?

— Да!

— Через двадцать или тридцать дней, если это подходит лордам, что предложили нам столь щедрый дар, мы отправимся на их корабле к Верелью.

Он снова повернулся к Сингам:

— Прошу простить меня за то, что мои уста и мой разум закрыты в ответ на ваш вопрос. Мое молчание плохо смотрится на фоне вашей невиданной искренности.

«Если бы мы пользовались мыслеречью, — подумал Рамаррен, — данный обмен репликами был бы куда менее вежливым». В отличие от Сингов он не умел мысленно лгать и, следовательно, не смог бы произнести ни единого слова из своих последних вежливых речей.

— Ничего страшного, лорд Агад! Для нас важны не столько ответы на наши вопросы, сколько ваше благополучное возвращение! Главное, чтобы вы были в состоянии запрограммировать корабль, — а все наши записи в компьютерах в вашем распоряжении, стоит только попросить.

Да, если Синги захотят узнать, где расположен Верель, им понадобится всего лишь проверить, какой курс был введен в бортовой компьютер. После чего они повторно сотрут содержимое мозга Рамаррена, объяснив Орри, что восстановление памяти в конце концов привело к полному расстройству его психики; а затем отправят Орри с посланием на Верель. Если и существовал какой-то выход из этой западни, то он его пока что не отыскал.

Они все вместе прошли через призрачные коридоры, спустились по лестницам и лифтам и вышли из дворца на улицу. Та часть его мозга, что являлась Фальком, была практически подавлена, и Рамаррен двигался, думал и говорил совершенно свободно — так, как и следовало ожидать от Рамаррена. Он ощущал постоянную настороженную готовность разумов Сингов, в особенности Кен Кениска, поймать верелианина на малейшей ошибке или проскользнуть в самую узкую щелочку в его защите. Напряжение заставило

Рамаррена быть бдительным вдвойне. Поэтому именно он, чужак, взглянул вверх на предполуденное небо и увидел там желтое солнце Земли.

Рамаррен остановился, охваченный внезапной радостью, поскольку это действительно было событие, независимо от того, что произошло раньше и что ждало его в будущем. Событие — увидеть на протяжении одной жизни сияние двух светил: свет оранжево-золотого солнца Вереля и светло-золотого — Земли. Теперь он мог сопоставить их, как человек, державший в руках два самоцвета и сравнивавший их красоту ради того, чтобы воздать еще большую хвалу каждому в отдельности.

Мальчик стоял рядом. Рамаррен начал бормотать первые слова приветствия, которому учат детишек народа Келшак, чтобы те произносили его при виде восходящего солнца или после затяжных зимних бурь:

— Добро пожаловать, животворная звезда, средоточие жизни...

Орри подхватил слова гимна и стал нараспев вторить старшему. Впервые между ними возникло согласие, и Рамаррен был рад, поскольку Орри еще предстояло сыграть свою роль.

Вызвали слайдер, и они поехали по улицам города. Рамаррен задавал соответствующие вопросы, Синги отвечали на них так, как считали нужным. Абандибот стал подробно описывать, как все башни, мосты, улицы и дворцы Эс Тоха были возведены тысячелетие назад за одну ночь на речном острове на другой стороне планеты и как из века в век, едва только у них возникало такое желание, Повелители Земли призывали на помощь свои удивительные машины и перемешали весь город на новое, удовлетворявшее их прихотям место.

Орри был так оглушен наркотиками и сладкими речами, что верил всему напропалую, а верил ли этим рассказам Рамаррен, Сингов интересовали мало. Абандибот, очевидно, порою лгал просто для собственного удовольствия; возможно, иных удовольствий у него и не было.

Затем последовали подробные описания того, как многие Синги смешались с простыми людьми, замаскировались под «туземцев» и реализуя единый план, исходивший из Эс Тоха; какой беззаботной и полнокровной жизнью живет большая часть человечества, зная, что Синги поддерживают мир и несут на своих плечах бремя власти; как чутко опекаются наука и искусство, как гуманно относятся к бунтовщикам и преступным элементам. Планета смиренных людей, живущих в скромных маленьких домиках, планета миролюбивых племен и стойбищ, планета, где нет войн, убийств и

перенаселенности, где позабыты прежние достижения и амбиции. Земля — обитель сущих детей под неусыпным отеческим руководством Сингов...

Утешающий и ободряющий рассказ все продолжался и продолжался, повествуя об одном и том же с различными вариациями. Неудивительно, что бедный малыш Орри верил всем этим рассказням. Рамаррен тоже поверил бы практически всему, не будь у него воспоминаний Фалька о лесе и о равнинах; Фальк жил на Земле совсем не среди детей, но среди людей ожесточившихся, страдавших и полных страстей.

В тот день Рамаррена водили по всему Эс Тоху, и ему, жившему среди старинных улиц Вегеста и в гигантских Зимних Домах Каспула, Эс Тох показался призрачным городом, ненастоящим и скучным, поражающим лишь фантастической красотой окружавшей природы. Затем Рамаррену и Орри начали показывать Землю с борта аэрокара и с межпланетных кораблей во время однодневных поездок под присмотром Абандибота или Кен Кениека. Они совершили вылазки на каждый из материков Земли и даже на пустынную, давным-давно покинутую Луну.

Дни сменялись днями; Синги продолжали вести свою игру в расчете на Орри и готовы были обхаживать Рамаррена до тех пор, пока им не удастся вытянуть из него желаемую информацию. Хотя за ним постоянно наблюдали — непосредственно или с помощью электронных устройств, визуально или телепатически, — его ни в чем не ограничивали. Очевидно, Синги чувствовали, что им нечего бояться гостя.

Возможно, они даже собирались отпустить его домой вместе с Орри, считая Рамаррена достаточно безвредным в своем неведении. Но он мог получить обратный билет с Земли только в обмен на необходимую Сингам информацию, выдав месторасположение Вереля. Пока что он не сказал им об этом ни слова, они же ничего и не спрашивали.

Ну а узнай Синги в конце концов, где находится Верель... Так ли это важно?

Очень важно. Даже если в их планы и не входит немедленное нападение на потенциального противника, они в состоянии выслать вслед за «Новой Альтеррой» робота-шпиона с ансибль-передатчиком на борту, чтобы тот передавал в режиме реального времени сообщения на Землю о любых приготовлениях к новому межзвездному полету. Ансибль предупредит об экспедиции на Землю еще до ее отбытия. Единственным тактическим преимуществом Вереля перед Сингами было то, что Синги не знали точных координат планеты, а на поиски требовалось несколько столетий. Ра-

маррен мог купить себе шанс на освобождение, только подставив под удар родной дом.

Стараясь разрешить вставшую перед ним дилемму, он откровенно тянул время, посещая вместе с Орри и тем или иным из приставленных к нему Сингов самые различные места. Земля простиралась под крыльями их воздушных кораблей подобно гигантскому прекрасному саду, пришедшему в запустение и отданному на откуп сорнякам. Всем своим натренированным разумом Рамаррен искал какой-нибудь трюк, который позволил бы кардинально изменить расстановку сил и превратить его из марионетки в кукловода: так, во всяком случае, ситуация виделась его келшакскому складу ума. Если взглянуть на проблему под нужным углом, то можно найти единственно правильный выход из любой ситуации, будь то хаос или западня, поскольку в долгосрочной перспективе в основе всего лежит не дисгармония, но отсутствие взаимопонимания, не удача или неудача, но невежество. Вот об этом размышлял Рамаррен, в то время как его второе «я», Фальк, не только не высказывал своих предложений, но даже не тратил времени на всестороннее обдумывание ситуации.

Фальку, который видел, как дымчатые и яркие камни скользят по проволочкам Узора, который жил среди людей в их разоренных поселениях и общался с королями в изгнании, казалось, что ни одному человеку не дано управлять своей судьбой либо изменить ход игры. Единственное, что ему оставалось, — это ждать, когда сверкающий бриллиант удачи соскользнет на подходящий виток времени. Гармония существует, однако не существует способа постичь ее; Путь не может быть пройден. Поэтому, пока Рамаррен изнурял размышлениями свой разум, Фальк залег где-то в глубинах мозга и выжидал. Когда представится шанс, он его не упустит.

Или может случиться, что шанс сам найдет его.

Но пока ничего особенного не происходило. Они находились вместе с Кен Кениеком на борту маленького аэрокара, оборудованного автопилотом — одной из умных машин, что позволяли Сингам столь эффективно контролировать и усмирять целую планету. Они возвращались в Эс Тох из продолжительного путешествия к островам Западного океана, на одном из которых совершили посадку. Местную деревушку на берегу лазурного теплого моря населяли красивые, уверенные в себе люди, всецело поглощенные хождением под парусом, плаванием и сексом — великолепный образчик человеческого счастья и возврата к природе, словно нарочно созданный для показа верелианам. Здесь не о чем было беспокоиться, нечего было бояться.

Орри дремал, не выпуская из пальцев трубочку с пари-фой. Кен Кениек включил автопилот и вместе с Рамарреном — но сидя в трех-четырех футах от него, поскольку Синги никогда ни к кому не приближались вплотную, — смотрел через стеклянный колпак кабины аэрокара на спокойное голубое море. Рамаррен устал и позволил себе немножко расслабиться в эти приятные мгновения праздности, вися в стеклянном шарике посреди синевато-золотистой сферы.

— Очаровательная планета, — заметил Синг.

— Да.

— Прекраснейший из всех миров. Хотя, возможно, Верель красивее?

— Нет, он куда суровее.

— Да, таким его делает весьма продолжительный год. Сколько он длится? Шестьдесят земных лет?

— Да.

— Вы родились осенью, не так ли? Значит, так ни разу и не видели планету летом?

— Всего один раз, когда я летал в южное полушарие. Но лето там холоднее, а зима теплее, чем в Лекши. Мне так и не довелось увидеть Великое Северное Лето.

— Вам еще может представиться такая возможность. Если вы вернетесь через несколько месяцев, какое время года будет на Вереле?

Рамаррен прикинул в уме и через пару секунд ответил:

— Позднее лето. Что-то около двенадцатого лунокруга лета.

— По моим подсчетам должна была бы быть осень... сколько времени длится полет?

— Сто сорок два земных года, — ответил Рамаррен, и когда он произнес эти слова, легкий порыв паники пронесся по его рассудку и тут же утих. Он почувствовал присутствие сознания Синга в своем мозгу; отвлекая внимание Рамаррена разговорами, Синг ментально потянулся к его рассудку, обнаружил, что защита ослаблена, и установил полномасштабный контроль. Это свидетельствовало о невероятной терпеливости и недюжинном мастерстве Синга в области телепатии. Раньше Рамаррен боялся возникновения подобной ситуации, но сейчас, когда это все-таки случилось, тревоги не испытал.

Теперь Кен Кениек общался с ним мысленно, с помощью прекрасно воспринимаемой, отчетливой мыслеречи, а не посредством присущего Сингам хриплого тихого шепота.

— Все в порядке, все очень даже неплохо. Разве вам не приятно, что мы наконец настроились друг на друга?

— Очень приятно, — согласился Рамаррен.

— Действительно. Теперь, когда мы находимся в созвучии друг с другом, все наши волнения позади. Итак, сто сорок два световых года... Выходит, ваше солнце находится в созвездии Дракона. Как оно зовется на галакте? Нет, все правильно, вы не можете произнести его ни вслух, ни мысленно. Эльтанин — таково название вашего солнца, не так ли?

Рамаррен не отреагировал на его слова.

— Эльтанин — Око Дракона. Очень хорошо. Другие звезды, которые мы рассматривали как вариант, находятся несколько ближе. Теперь мы сэкономим уйму времени. Мы уже почти...

Глава 11

Быстрая, отчетливая, убаюкивающая мыслеречь внезапно оборвалась, и Кен Кениек конвульсивно дернулся; то же самое произошло с Рамарреном. Синг резко рванулся к органам управления аэрокаром, но мгновенно отпрянул. Он как-то странно, излишне сильно наклонился вперед, словно небрежно управляемая марионетка. Затем осел на пол кабины и так и остался там лежать белым застывшим лицом вверх.

Орри внезапно пробудился от своей наркотической дремоты и уставился на Рамаррена:

— Что случилось? Что-то не так?

Ответа он не услышал. Рамаррен стоял так же неподвижно, как лежал Синг, глаза его впились в глаза Кен Кениека двойным невидящим взором. Когда он наконец зашевелился, с его губ сорвалось несколько слов на непонятном для Орри языке. Через мгновение он с трудом произнес на галакте:

— Сделай так, чтобы корабль завис.

Теперь он говорил без верелианского акцента, на искашенном диалекте галакта, употребляемом обитателями Земли. Несмотря на корявость речи, настойчивые и властные интонации прозвучали предельно ясно. Орри подчинился приказу. Маленький стеклянный шарик завис над центром чаши океана к востоку от солнца.

— Преч, что...

— Молчи!

Наступила тишина. Кен Кениек неподвижно лежал на полу кабины. Жуткое напряжение, охватившее Рамаррена, начало постепенно ослабевать.

Схватка на ментальном уровне между ним и Кен Кениеком свелась к череде засад и ответных ловушек. В физичес-

ких терминах, Синг внезапно бросился на Рамаррена, полагая, что захватил в плен одного человека, однако на него самого неожиданно напал другой человек, точнее, разум, притаившийся в засаде, — Фальк. Он был в силах лишь на краткий миг взять под контроль сознание Синга, да и то лишь благодаря внезапности нападения, но этого мгновения вполне хватило, чтобы освободить Рамаррена. Итак, Рамаррен на мгновение вышел на свободу, а разум Синга по-прежнему оставался синхронизированным с ним. Следовательно, он был уязвим, и Рамаррену удалось взять под контроль сознание Кен Кениека. Потребовались все искусство и вся мощь разума, чтобы держать мозг Синга в узде, делая врага таким же беспомощным и покорным, каким секундой раньше был его собственный мозг. Но у него по-прежнему имелось большое преимущество: он являлся человеком с двумя разумами, и пока Рамаррен удерживал Синга в беспомощном состоянии, Фальк был свободен в своих мыслях и поступках.

Именно сейчас выдался тот случай, тот шанс, которого он так ждал. Второй такой возможности может и не представиться.

Фальк вслух спросил:

— Где находится приготовленный к полету околосветовой космический корабль?

Было забавно слышать, как Синг отвечает на вопрос своим хриплым шепотом, и впервые не сомневаться в том, что он лжет.

— В пустыне, к северо-западу от Эс Тоха.

— Охраняется?

— Да.

— Людьми?

— Нет.

— Вы отвезете нас туда.

— Я отвезу вас туда.

— Веди корабль туда, куда он тебе скажет, Орри...

— Я ничего не понимаю, преч Рамаррен. Разве мы не...

— Мы собираемся покинуть Землю прямо сейчас. Займись управлением.

— Займись управлением, — тихо повторил Кен Кениек.

Орри повиновался, следя указаниям Синга относительно курса полета. На полной скорости аэрокар понесся в восточном направлении, и все жеказалось, что он продолжает висеть над безмятежным центром океана, к кромке которого за их спинами медленно клонилось солнце. Западные острова будто плыли навстречу по испещренному морщинками волн изгибу сверкающей поверхности воды; потом впереди

выросли остроконечные белые вершины прибрежных хребтов, которые мгновение спустя замелькали под брюхом аэрокара. И вот они уже над мрачной пустыней, взрезанной обезвоженными извилистыми цепями гор.

Продолжая следовать едва слышным указаниям Кен Кениека, Орри снизил скорость аэрокара, сделал круг над одним из горных кряжей, затем переключил управление на посадочный маяк. Высокие безжизненные горы вздымались над ними, окружая их стеной, когда аэрокар садился на выжженное, тенистое плато.

Не было видно ни космопорта, ни посадочного поля, ни дорог, ни зданий, но какие-то неясные, гигантские тени, словно миражи, дрожали над песком и зарослями полыни на фоне темных склонов гор. Фальк смотрел на них, безуспешно пытаясь сфокусировать зрение, и Орри первым удивленно выдохнул:

— Корабли!

Это был флот межзвездных кораблей Сингов, замаскированный светоотражающими сетками. Первыми Фальку на глаза попались небольшие корабли, но были и другие, которые он сперва принял за холмы...

Аэрокар изящно приземлился рядом с маленьким полуразрушенным бараком без крыши, чьи доски побелели и потрескались на ветру пустыни.

— Что это за барак?

— Вход в подземные помещения находится у одной из его стен.

— Там внизу стационарные компьютеры?

— Да.

— Готов ли какой-нибудь из малых кораблей к полету?

— Они все готовы. В большинстве своем это полностью автоматизированные корабли-защитники.

— Есть ли среди них хотя бы один, который может pilotироваться людьми?

— Да. Тот, который предназначался для Хара Орри.

Рамаррен удерживал телепатическую хватку на разуме Синга, в то время как Фальк приказал тому отвести их на корабль и показать бортовые компьютеры. Кен Кениек тут же повиновался, хотя Фальк-Рамаррен, в общем-то, не ожидал столкнуться с подобной покорностью: как и в случае обычного гипнотического внушения, существовали пределы управления разумом. Инстинкт самосохранения зачастую противился даже самому сильному внушению и мог даже нарушить ментальную настройку.

Однако измена, которую вынужден был сейчас совер-

шить Синг, по-видимому, не вызывала в нем инстинктивного сопротивления; он провел их к звездолету и послушно ответил на все вопросы Фалька-Рамаррена, затем отвел назад к полуразрушенному бараку и отдал команду, открывшую потайной люк, что скрывался в песке рядом с дверью в хижину. Они ступили в открывшийся туннель. У каждой подземной двери или защитного устройства Кен Кениек произносил соответствующий сигнал или пароль, и в конце концов они попали в защищенные от нападения, катаклизмов и грабителей помещения глубоко под землей, где находились устройства автоматического управления и компьютеры для прокладки курса.

Со времени инцидента в аэрокаре прошло уже больше часа. Кен Кениек, покорный и подобострастный, напоминавший временами Фальку бедняжку Эстрел, стоял рядом, не способный причинить вред... пока Рамаррен полностью контролировал его мозг. Стоило его хватке ослабнуть, как Синг тут же отправил бы мысленный призыв о помощи в Эс Тох, если найдет на это силы, либо активизирует какую-либо систему сигнализации, и Синги с их вооруженными слугами прибудут сюда буквально через пару минут. Но Рамаррену все же придется ослабить этот контроль, ибо в дальнейшем для оценки ситуации требовался именно его мозг. Фальк не знал, как ввести в компьютер данные для расчета курса на Верель, планету системы звезды Эльтанин. Это мог сделать только Рамаррен.

Однако у Фалька имелись свои способы решения данной проблемы.

— Дайте мне ваш пистолет.

Кен Кениек тут же вручил ему миниатюрное оружие, которое прятал под ниспадающими одеждами. Орри с ужасом наблюдал за происходящим. Фальк не собирался смягчать шок мальчика; фактически он даже усугубил его.

— Почтение к Жизни? — холодно осведомился он, осматривая оружие.

И действительно, это был не пистолет и не лазер, а лишь парализатор, причем маломощный. Из него нельзя было убить человека. Фальк направил оружие на Кен Кениека, жалкого в его полной беззащитности, и выстрелил. Тут Орри вскрикнул и рванулся вперед, однако Фальк направил парализатор и на него. Затем, с трясущимися руками, он отвернулся от двух распростертых на полу парализованных тел и отдал бразды правления Рамаррену. На данный момент он свое дело сделал.

У Рамаррена не было времени волноваться или мучиться

угрызениями совести. Он сразу же направился к компьютерам и принял за работу. Из осмотра бортовых устройств корабля стало ясно, что в них применялась не обычная сетианская математика, которую по-прежнему использовали земляне и из которой выросла верелианская математика, — некоторые операции Сингов были абсолютно чужды сетианской логике. Ничто другое не могло столь твердо убедить Рамаррен в том, что Синги действительно являлись завоевателями с какой-то очень далекой планеты, чужаками для Земли и для всех планет древней Лиги. Он никогда до конца не верил в то, что старые земные легенды не искажают в данном вопросе истину, теперь же ему пришлось воочию в этом убедиться.

И хорошо, что Рамаррен был профессиональным математиком, иначе он быстро бы опустил руки, отчаявшись ввести координаты Вереля в работавшие на неведомых принципах компьютеры Сингов. Ему потребовалось пять часов...

Пока Рамаррен работал, Фальк не мог занимать глазные рецепторы, но он прислушивался к малейшему шороху и ни на секунду не забывал о рас простертых неподалеку двух бесчувственных телах. А еще он думал об Эстрел, гадая, где она сейчас и что с ней стало. Держат ли ее под стражей, а может, стерли ей память или убили? Нет, Синги не убивают. Они боятся убивать и боятся умирать, а потому назвали свой страх Почтением к Жизни.

Синги, Враги, Лжецы... Лгали ли они на самом деле? Возможно, дело обстоит не совсем так; возможно, в основе их лжи лежит глубокое, непоправимое отсутствие взаимопонимания. Они оказались не способны вступить в контакт с людьми и использовали ложь в корыстных целях, выковав из нее великое оружие — лживую мыслеречь. Но, в конце концов, стоила ли овчинка выделки? Двадцать столетий лжи минуло с тех пор, как враги впервые появились на Земле... Изгнанники или пираты, а может быть, просто авантюристы, мечтавшие о создании собственной империи. Выходцы с невообразимо далекой планеты, чья плоть навечно останется стерильной. Изолированные, глухонемые, правившие такими же глухонемыми в мире иллюзий. Как они были одиноки...

Рамаррен завершил свой труд. После пяти часов изнурительной подготовительной работы и восьми секунд вычислений компьютера в его руку скользнула крохотная иридиевая полоска, необходимая для программирования бортового компьютера.

Он обернулся и уставился затуманным взором на Орри и Кен Кениека. Как с ними поступить? Очевидно, им придется отправиться в полет.

«Сотри записи расчетов в компьютере», — пронесся в голове знакомый голос, его собственный голос — голос Фалька. У Рамаррена от усталости в глазах стояли пятна, но постепенно до него дошел смысл требования Фалька, и он молча повиновался. После чего он не в силах был сообразить, что же нужно делать дальше. И тут в конце концов впервые сдался, не делая больше попыток доминировать, и позволил себе раствориться в... самом себе.

Фальк-Рамаррен тут же принял за работу. Он энергично выволок Кен Кениека на поверхность и протащил Синга по залитому лунным светом песку в корабль, едва различимые очертания которого дрожали в ночном воздухе пустыни; он устроил неподвижное тело в анатомическом кресле, всадил в него дополнительную дозу парализующего облучения и вернулся за Орри.

По дороге к кораблю мальчик начал приходить в себя и ухитрился забраться внутрь без посторонней помощи.

— Преч Рамаррен, — хрипло спросил он, вцепившись в руку Фалька-Рамаррена, — куда мы направляемся?

— На Верель.

— Кен Кениек тоже летит с нами?

— Да. Он сможет рассказать на Вереле свою версию происхождения на Земле, ты — свою, а я — свою... Всегда существует более чем один Путь к истине. Пристегнись-ка. Вот так.

Фальк-Рамаррен вставил маленькую металлическую полоску в считающее устройство корабельного компьютера и задал трехминутную готовность к старту. Последний раз взглянув на пустыню и звезды, он задраил все люки и поспешил, дрожа от усталости и напряжения, пристегнуться рядом с Ори и Сингом.

Взлет обеспечивали обычные ракетные двигатели; околосветовой привод начинал действовать только в космосе. Корабль мягко оторвался от земли и через несколько секунд вышел за пределы атмосферы. Автоматически включились видеэкраны, и Фальк-Рамаррен увидел, как быстро уменьшается в размерах Земля, — голубоватая, затянутая облаками сфера со светлым ободком. Затем корабль окунулся в бездонный океан солнечного света.

Покидает ли он свой дом или же направляется домой?

На обращенном вниз экране секундно вспыхнул золотистым полумесяцем Восточный экран, подобно драгоценному камню на гигантской решетке Узора. Затем узор и решетка разлетелись вдребезги, Барьер был преодолен, маленький корабль вырвался за пределы времени и помчался сквозь тьму космоса.

•

*Левая рука
тьмы*

•

1. ПАРАД В ЭРЕНРАНГЕ

Хайнский архив. Копия отчета № 01-01101-934-2-Гетен.

Стабили планеты Оллюль от Дженили Аи, первого Мобиля на планете Гетен/Зима, Хайнский цикл 93, экуменический год 1490-97.
Средство связи: ансибль.

Мой отчет будет носить повествовательный характер, форму легенды, ибо еще в детстве, на родной планете, я постиг, что суть всякого воображения — правда. Любой, самый достоверный факт может быть воспринят как с восторгом, так и с недоверием — в зависимости от того, как его преподнести: факты в этом смысле подобны жемчужинам, что встречаются в земных морях, — на одних женщинах они ожидают и блестят ярче, на других тускнеют и умирают. Только факты, пожалуй, не столь материальны и совершенны с точки зрения формы. Однако и те и другие весьма восприимчивы к внешним воздействиям.

Я не единственный участник этой истории и не единственный ее автор. Честно говоря, я вообще не знаю, кто тут главный герой и кто рассказчик. Судите сами. Только все это — единое целое, даже когда факты порой начинают противоречить друг другу, а повествование распадается на различные версии. Вы вольны выбрать ту, которая вам больше по вкусу, но знайте: все изложенное здесь — чистая правда, и все толкования, в сущности, сводятся к одному и тому же.

История эта началась в государстве Кархайд планеты Зима на 44-й день экуменического года. По здешнему календарю приведенная дата расшифровывается следующим образом: *Одархад Тува*, или 22-й день третьего месяца весны Года Первого. Текущий год здесь — это всегда Год Первый. Лишь датировка предшествующих и последующих лет позволяет выделить каждый новый год из всех прочих: отсчет как бы ведется от некоего перманентного «сейчас».

Итак, в Эренранге, столице государства Кархайд, наступала весна, а мне грозила смертельная опасность, о которой я и не подозревал.

Я был в числе участников парада. Шел сразу за оркестром королевских *госсиворов* и непосредственно перед королем. Лил дождь.

Набухшие влагой тучи над темными башнями; потоки

воды, низвергающиеся с небес в глубокие щели улиц; темный, исхлестанный непогодой каменный город — и сквозь него медленно тянется тонкая золотая нить праздничного шествия. Первыми идут зажиточные люди — купцы, ремесленники, — подлинные хозяева города Эренранга. Ряд за рядом, в ярких красивых одеждах проходят они сквозь завесу дождя, с изяществом рыб, скользящих в глубинах морских. У них умные, спокойные лица. Идут не в ногу — это ведь не военный парад; в здешних парадах нет даже намека на солдатство.

Далее следуют князья, мэры городов и родовитые представители — по одному, по пять, по сорок пять, а то и по четыре сотни — от каждого домена или княжества. Пестрая людская река струится под звуки горнов, костяных свистулек и старинных деревянных рожков; с их резкими звуками смешиваются нудноватые, но чистые переливы электрофлейт. Флаги различных княжеств сплетаются на ветру в гигантские разноцветные косы, которые цепляются за желтые ограничительные флагшки. У каждой группы представителей своя мелодия, все это воспринимается как какофония, чудовищное эхо которой гремит в глубоких провалах улиц.

Идут жонглеры с блестящими золотыми шарами; с особой подкруткой подбрасывают они шары — снопы золотистых искр взлетают над толпой, — снова ловят и снова бросают вверх. Золотые шары будто вобрали в себя дневной свет; кажется, что они стеклянные и сквозь них просвечивает солнце.

За жонглерами следуют человек сорок в желтом, которые играют на госсиворах. Госсивор — а на нем полагается играть только в присутствии короля — издает довольно странные печальные звуки, напоминающие мычание. Когда все сорок человек играют одновременно, от этого рева можно сойти с ума. По-моему, от него даже могут обрушиться башни Эренранга. В ответ на столь чудовищную музыку тучи, влекомые ветром, яростно пллюются в музыкантов холодным дождем. Если эта музыка считается королевской, то неудивительно, почему все короли Кархайда сумасшедшие.

За госсиворами выступают свита короля, его гвардия, придворные, столичная знать, приближенные его величества, представители различных сословий, сенаторы, советники, послы, князья; все идут как попало, рядность не соблюдается вовсе, зато важности хоть отбавляй. В окружении свиты вышагивает сам король Аргавен XV — в белом мундире, белоснежной сорочке, в белых штанах, заправленных в краги шаффранового цвета, и в желтой остроконечной фуражке. Золотое кольцо на пальце — его единственное украшение, знак

принадлежности к королевскому роду. За ним следом восемь дюжих молодцов несут королевский паланкин, сплошь утыканный желтыми сапфирами; паланкину несколько веков, им давным-давно уже не пользуются короли Кархайда, однако для парада это совершенно необходимый атрибут, связанный с Давними Временами. За паланкином идут восемь стражников, вооруженных обычновенными старыми винтовками — тоже своего рода атрибут варварского прошлого, — причем заряжены они пулями из мягкого металла. Сама смерть следует за королем по пятам, почему-то представляется мне. За стражниками, несущими в своих руках смерть, идут ученики ремесленных школ и разнообразных колледжей, торговцы и королевские слуги, длинные вереницы детей и молодежи в ярких белых, красных, золотистых, зеленых одеждах; и наконец, завершают парад мягкие на ходу и очень тихоходные местные автомобили темных цветов.

Потом королевская свита — и я в ее числе — собирается на специально сколоченной из новых досок платформе возле недостроенной арки новых речных ворот. Парад должен завершиться установкой замкового камня в воротах, то есть открытием нового речного пути и нового порта в Эренранге. В общей сложности это трудоемкое строительство вместе с выемкой промерзшего грунта и прокладыванием подъездных путей заняло пять лет. Великая стройка призвана увековечить имя Аргавена XV в анналах кархайдской истории. Мы сбились в кучу на тесной трибуне в насквозь промокших тяжелых парадных одеждах. Дождь кончился, и солнце светит вовсю — дивное, ясное, но такое предательское солнце планеты Зима. Я замечаю своему соседу справа: «Вы подумайте, настоящая жара!»

Сосед — плотный темнокожий уроженец Кархайда с гладкими густыми волосами — одет в тяжелый парадный мундир из зеленой кожи с золотым галуном и теплую белую рубаху; он в зимних штанах, да еще на шее у него тяжеленная серебряная цепь, каждое звено которой толщиной в руку. Он, обильно потея, отвечает мне: «Да, действительно жарко».

Повсюду вокруг нас, насколько хватает глаз, — море лиц, похожих на россыпь коричневых камешков на морском берегу; повсюду слюдяной блеск многих тысяч внимательных глаз. Это жители города, задрав головы, наблюдают за нами.

И вот король поднимается по мощным сходням из цельных бревен, ведущим прямо от трибуны к вершине арки, пока еще не соединенные концы которой возвышаются над рекой и причалами. И в этот миг толпа вздрагивает и восхищенно вздыхает: «О Аргавен!» Однако король будто не слы-

шиг. Впрочем, подданные и не ждут ответа. Госсиворы, в последний раз немузыкально рявкнув, смолкают. Воцаряется тишина. Солнце ярко освещает город, полоску реки, толпу и короля над ней, в вышине. Каменщики сразу включают электрическую лебедку, и, пока король поднимается, замковый камень свода проплывает мимо него вверх, потом его опускают на место и почти беззвучно вставляют в гнездо: теперь огромный, в тонну весом блок соединяет две основные опоры воедино, завершая конструкцию. Каменщик с мастерком и ведром поджидает короля на строительных лесах; остальные строители быстро спускаются вниз по веревочным лестницам, словно пауки по паутине. Там, в вышине, между рекой и солнцем, король и каменщик преклоняют колена. Потом, взяv в руки мастерок, король начинает цементировать швы. Работать ему явно не хочется, и он скоро передает мастерок каменщику, однако за работой наблюдает очень внимательно. Цемент, которым пользуется король, красновато-розового цвета, и свежие швы ярко выделяются из остальных. Минут через пять, якобы восхищенный поистине пчелиной заботливостью короля, я спрашиваю соседа слева: «А что, у вас всегда замковые камни укрепляют красивым цементом?», вспомнив, что полоски того же яркого цвета имеются на каждой из арок Старого Моста, красиво изогнувшегося над рекой чуть выше по течению.

Утерев пот со лба, мой сосед — наверное, мне придется считать его мужчиной, раз уж я начал называть его «он» — отвечает: «В Давние Времена замковый камень всегда укрепляли раствором из костей и цемента, замешенным на крови. То была человеческая кровь. И человеческие кости. Считалось, что иначе арка непременно рухнет. Понимаете? Ну а теперь мы используем кровь и кости животных».

Он, мой сосед слева, говоривший всегда именно так — откровенно, но все же осторожно; иронично, но всегда помня о том, что я чужой, что у меня обо всем свое, чуждое здешним людям мнение, — рассказывает мне о самых различных вещах. По-моему, только в этой его манере и проявляется настороженность по отношению ко мне — настороженность представителя уникальной расы и человека, занимающего в высшей степени ответственный пост. Ибо это один из самых могущественных людей страны. Я не могу с точностью сказать, какой исторический термин наиболее адекватно смог бы охарактеризовать его положение в государстве: визирь, премьер-министр, а может быть, королевский советник? Кархайдское выражение, отражающее его функции, — «ухо короля». Он из древнего княжеского рода,

правитель независимого княжества; ему подвластны великие события и судьбы людей. Имя его — Терем Харт рем ир Эстравен.

Похоже, король покончил со своей задачей каменщика, и я этому очень рад; однако он, обойдя по лесам, похожим снизу на деревянную паутину, арку с другой стороны, все начинает сначала: естественно, у ворот же две стороны. В Кархайде не годится проявлять нетерпение. Флегматиками сго жителей ни в коем случае назвать нельзя, они упрямые, неуступчивы и если уж что затеяли, то непременно доведут до конца — как сейчас король, упрямо завершающий эту дурацкую арку. Толпа на набережной реки Сесс сколь угодно долго готова смотреть, как трудится король, но мне все это уже порядком надоело, к тому же ужасно жарко. Мне еще ни разу до сегодняшнего дня не было по-настоящему жарко здесь, на планете Зима, и вряд ли когда-нибудь еще будет, но все же я не способен по достоинству оценить сие великое событие и наслаждаться жарой. Я одет для Ледникового Периода, а не для пляжа: среди бесконечных слоев и прослоек одежды из шерсти, растительных и искусственных волокон, меха и кожи, в этих недосягаемых для зимнего холода доспехах я теперь вяну, как лист редиски на жарком солнце. Чтобы отвлечься, я рассматриваю толпу вокруг, вновь и вновь прибывающих участников парада, яркие знамена различных княжеств и доменов, что неподвижно повисли, освещенные солнечными лучами, и лениво спрашиваю Эстравена, чей это герб вон там, и там, и еще вон на том флаге, дальше. Он знает их все, о каком бы я ни спросил, а ведь их там многие сотни, некоторые принадлежат каким-то затерянным в глухи безвестным княжествам или просто обедневшим родам из обширной, но безлюдной области под названием Перинг, что граничит со страной Диких Ветров, или из земли Керм, что лежит поблизости от Великих Льдов.

— Я ведь и сам родом из Керма, — говорит Эстравен, когда я выражаю восхищение по поводу его поистине безграничных познаний в местной геральдике. — А кроме того, мне по должности полагается знать все княжества и домены. Ведь они-то и есть Кархайд. Править этой страной — это прежде всего значит править се князьями. Правда, по-настоящему это никогда еще не получалось. Знаете, у нас есть поговорка: *Кархайд — это не государство, а толпа вздорных родственников*.

Я этой поговорки не знал и подозреваю, что ее только что сочинил сам Эстравен: его стиль.

Тут один из членов *киорремии* (это что-то вроде палаты лордов или парламента), которую возглавляет Эстравен,

проталкивается к нам сквозь толпу и начинает что-то возбужденно говорить моему соседу. Это двоюродный брат короля Пеммер Харге рем ир Тайб. Он говорит с Эстравеном очень тихо, с едва заметным высокомерием, зато часто улыбается. Эстравен, хоть и потеет страшно, словно глыба льда под жаркими лучами солнца, остается все таким же светски холодным и блестящим придворным дипломатом, как будто ледяная глыба у него внутри абсолютно нерушима, и нарочито громко отвечает на таинственный шепот Тайба. Тон у него при этом самый обычный и предельно вежливый, так что его собеседник со своими секретами выглядит полнейшим дураком. Я прислушиваюсь к их разговору, одновременно наблюдая, как король кончает замазывать шов довольно жидким цементом. Из разговора я ничего особенного понять не могу — кроме того, что между Эстравеном и Тайбом явно существует вражда. По-моему, вражда эта не имеет никакого отношения к моей персоне; мне просто интересно понаблюдать за людьми, что правят Кархайдом, что в буквальном смысле этого слова вершат судьбами двадцати миллионов. Государственная власть стала для жителей Экумены столь тонким, сложным и с трудом поддающимся определению понятием, что лишь изощренному уму под силу разобраться в ее едва заметных проявлениях; здесь же границы ее пока еще вполне определены, и власть эта вполне ощутима. В Эстравене, например, власть над людьми проявляется как усиление неких свойств его собственного характера; он не делает ни одного бессмысленного жеста, никогда не произнесет ни одного слова, к которому не прислушаются. Он это прекрасно понимает, и понимание своей ответственности делает его еще более значительным. Он всегда основателен и величав. Ничто так не содействует популярности в массах, как успех. Я не очень-то доверяю Эстравену: никогда нельзя знать его истинные намерения. Мне он не нравится, однако я не могу не ощущать его значительности, как не могу, например, не ощущать тепла солнечных лучей.

Плавное течение моих мыслей прерывают вновь закрывающие солнце тучи. Вскоре дождь начинает вовсю поливать и темную реку, и людей, собравшихся на набережной; небо тоже темнеет. Когда король начинает спускаться вниз, на небе как раз исчезает последнее светлое пятно; какое-то мгновение фигура монарха в белом одеянии и высокая арка за его спиной как бы светятся на фоне сгустившихся на юге грозовых туч. Гроза приближается. Поднимается холодный ветер, продувая насеквоздь Дворцовую улицу; река становится свинцовой, деревья на набережной содрогаются от холода. Парад окончен. Еще полчаса — и снова начинает идти снег.

Автомобиль увозит короля вверх по Дворцовой улице; толпа, что движется следом, напоминает крупную гальку, перекатываемую мощным приливом. Эстравен снова поворачивается ко мне и говорит:

— Не поужинаете ли со мной сегодня, господин Аи?

Я принимаю его приглашение скорее с изумлением, чем с удовольствием. Эстравен очень много сделал для меня за последние шесть-восемь месяцев, но я не ожидал столь очевидного личного расположения, да и не стремился к нему. Харге рем ир Тайб все еще стоит довольно близко от нас и, безусловно, подслушивает, и, по-моему, ему специально предоставлена эта возможность. Подобные, чисто женские штучки всегда действовали мне на нервы. Я покидаю трибуну и начинаю, пригибаясь, проталкиваться сквозь толпу, чтобы скорее скрыться. Я не намного выше среднего гетенианца, однако в толпе рост мой почему-то привлекает внимание. *Вот он, смотрите, вон Посланник идет!* Разумеется, это моя работа, но порой подобное внимание здорово ее осложняет; все чаще я мечтаю о том, чтобы стать совсем неприметным, обычным гетенианцем. Как все.

Пройдя квартала два по Пивоваренной улице, я свернул к своему дому и вдруг — здесь толпа уже значительно поредела — обнаружил, что рядом со мной идет Тайб.

— Церемония прошла поистине безупречно, — восхищенно заявил кузен короля, улыбаясь мне и показывая длинные, чистые, желтоватые зубы. Потом зубы исчезли в складках и морщинах его лица, тоже желтоватого, — лица старика, хотя Тайб был вовсе не так стар.

— Добрый знак перед успешным открытием нового порта, — откликнулся я.

— О да, разумеется! — Зубы появились снова.

— Церемония кладки замкового камня очень впечатляет...

— О да! Этот ритуал соблюдается с незапамятных времен. Впрочем, лорд Эстравен вам, конечно же, все это уже рассказывал...

— Лорд Эстравен вовсе не обязан что-то мне рассказывать.

Я старался говорить равнодушным тоном, и все же каждое мое слово для Тайба звучало двусмысленно.

— О да, разумеется, я понимаю, что... — торопливо заговорил он. — Просто лорд Эстравен славится своей благосклонностью по отношению к иностранным. — Он снова улыбнулся, демонстрируя зубы, каждый из которых как бы таил в себе особую, отдельную тайну — две, три, тридцать две тайны! Тридцать два значения каждого слова!

— Не многие здесь до такой степени иностранцы, как я, лорд Тайб. Я очень признателен здешним жителям за их доброту.

— О да, конечно, конечно! А благодарность — это ведь столь редкое благородное чувство, воспетое поэтами. И реже всего благодарность встречается здесь, в Эренранге; без сомнения, именно потому, что чувство это не имеет практического применения. Ax, в какие суровые, неблагодарные времена мы живем! Все теперь не так, как бывало в старину, не правда ли?

— Я крайне мало знаю об этом периоде, лорд Тайб, однако и в других мирах мне приходилось слышать подобные сожаления.

Тайб некоторое время пристально смотрел на меня, словно ставил диагноз: безумие. Потом снова показал свои длинные желтые зубы.

— О да, конечно! Да! Я как-то все время забываю, что вы прибыли сюда с другой планеты. Вам-то, разумеется, об этом никогда не удается забыть. Хотя, без сомнения, жизнь здесь, в Эренранге, была бы куда лучше, проще и безопаснее для вас, если бы вы все-таки сумели об этом забыть, а? Да, да, конечно! Но вот и моя машина: я велел, чтобы меня ждали здесь, подальше от толчей. Я бы с удовольствием вас подвез, но должен отказать себе в этом удовольствии, ибо весьма скоро обязан быть во дворце, а, как гласит пословица, бедным родственникам опаздывать не годится. Даже и королевским, не так ли? О да, конечно! — И кузен короля нырнул в свой маленький черный электромобиль, съе раз показав мне все свои зубы и пряча глаза в паутине морщин.

Оставшись в одиночестве, я двинулся к себе на Остров¹. Сад перед ним, после того как стаял последний зимний снег, стал наконец открыт взору. Зимние двери, расположенные в трех метрах от поверхности земли, были уже опечатаны и те-

¹ *Кархош* (Остров) — этим словом в Кархайдсе обозначают много квартирные дома-пансионы, где проживает большая часть городского населения. В таких домах от двадцати до двухсот отдельных комнат; пишу принимают в общем зале. Некоторые Острова напоминают отели, другие — коммуны или кооперативы, третьи являются чем-то средним между тем и другим. Подобные формы жилищного устройства, безусловно, представляют собой городскую адаптацию основного кархайдского института — института домашних Очагов. Впрочем, Островам, разумеется, не хватает географической и генеалогической стабильности Очагов.

перь несколько месяцев останутся закрытыми — пока вновь не наступит осень и за ней следом не придут морозы, не выпадут глубокие снега. Рядом с домом, среди размокших клумб, луж, покрытых ломкими ледяными корочками, и быстрых, нежноголосых весенних ручьев, прямо на покрытой первой зеленью лужайке стояли и нежно беседовали двое юных влюбленных. Их правые руки были судорожно сцеплены — одна в другой. Первая фаза *кеммера*. Вокруг них плясали крупные пушистые снежинки, а они стояли себе босиком в ледяной грязи, держась за руки и ничего не замечая вокруг, кроме друг друга. Весна пришла на планету Зима.

Я пообедал у себя на Острове и, когда колокола на башне Ремми — местной ратуши — пробили Час Четвертый, был уже у стен дворца, вполне готовый к ужину. Жители Кархайда плотно едят четыре раза в день: первый завтрак, второй, обед и ужин. А в промежутках еще много раз перекусывают и подкрепляются. На планете Зима нет крупных съедобных животных, как нет и продуктов, поставляемых млекопитающими, — то есть молока, масла или сыра; богатой белками и углеводами пищей здесь являются яйца, рыба, орехи и некоторые хайнские злаки. Не слишком калорийная диета для столь сурового климата, так что пополнять запасы «горючего» приходится довольно часто. Я уже привык без конца что-то есть, буквально через каждые пятнадцать минут. И лишь позже, в конце этого года, я открыл для себя неожиданный факт: оказывается, гетенианцы сумели приспособиться не только к непрерывному поглощению пищи, но и к неопределенно долгому голоданию.

Снег все еще шел — мягкий, легкий весенний снежок, это было куда приятнее бесконечных дождей, свойственных периоду оттепели на этой планете. Я неторопливо брел по территории дворца в спокойной голубизне вечернего снегопада и только один раз чуть-чуть сбился с пути. Королевский дворец Эренранга — это как бы город в городе, окруженные могучими стенами джунгли бесчисленных дворцов, башен, салов, двориков, храмов, крытых мостов, напоминающих тунNELи, и разнообразных переходов из одной части дворца в другую. Здесь были замечательные рощи и чудовищные тюрьмы — наследие многовековой королевской паранойи, которой не избежал ни один monarch Кархайда. Надо всем этим возвышались мрачные величественные стены из красного камня — внешние укрепления центрального замка, где в обычное время не живет никто, кроме самого короля. Все же остальные — слуги, челядь, придворные, лорды, мини-

стры, члены королевского совета, гвардия короля и так далее — размещаются в других дворцах, бараках или казармах, что находятся внутри крепостных стен. Эстравену в знак особого расположения короля был предоставлен Угловый Красный Дом — здание, построенное 440 лет назад для Гармеса, любимого *кеммеринга* короля Эмрана III, чья краса до сих пор воспевается поэтами. Гармес был похищен наемниками враждебной королю клики из Внутренних Земель, изуродован, сведен с ума и превращен в скота. Эмран III умер через сорок лет после этого, все еще горя жаждой неутоленной мести, и был прозван Эмран Несчастливый. Трагедия, свершившаяся в столь далекие времена, постепенно утратила свою горечь, но слабая дымка несбытийших надежд, какой-то странной меланхолии по-прежнему окутывала эти каменные стены, таилась в темных углах. Небольшой сад при доме был обнесен резной оградой; ветви плакучих деревьев, *серем*, склонялись к воде небольшого пруда меж раскиданных на его берегах огромных каменных валунов. В мутноватых снопах света, падавшего из окон, кружились вместе с крупными хлопьями снега крохотные коробочки семян; ими была усыпана вся темная поверхность воды. Эстравен стоял на крыльце, ждал меня — без шапки, без куртки на морозе! — и любовался таинством падения в ночи мертвых снежных хлопьев, смешанных с живыми семенами растений. Он спокойно приветствовал меня и провел в дом. Других гостей не ожидалось.

Я немного этому удивился, однако мы сразу же пошли к столу, а о делах за едой говорить не принято; но я удивился куда больше, отведав кушанья, которые были, безусловно, выше всяческих похвал; даже вечные хлебные яблоки повар Эстравена совершенно преобразил, так что я от всей души выразил свое восхищение. После ужина мы сидели у камина и пили горячее пиво. В мире, где на обеденном столе всегда имеется специальное приспособление, чтобы разбивать ледок, которым успевает покрыться еда, а также питье в твоем бокале, горячее пиво начинаешь особенно ценить.

За столом Эстравен весьма мило болтал; теперь же, сидя напротив меня у камина, был погружен в выполненное достоинства молчание. Хотя я уже почти два года провел на планете Зима, но все еще был очень далек от адекватного восприятия ее обитателей. Я очень старался, но все мои попытки кончались тем, что я воспринимал гетенианцев то как мужчин, то как женщин; я как бы загонял их в рамки столь неестественных для них и столь понятных для меня категорий.

рий. И вот теперь, прихлебывая исходящее паром кисловатое пиво, я подумал, что поведение Эстравена за столом было типично женским: сплошное обаяние, такт и некая загадочная бесплотность при безукоризненной светскости. Может быть, именно этой женственной мягкости и изяществу в нем я и не доверял? Может, именно это-то мне в нем и не нравилось? Просто немыслимо было представить его женщиной — этого темнокожего, ироничного, могущественного вельможу, что сидел со мной рядом в полутемной гостиной, освещенной лишь пламенем камина; и все же, когда я думал о нем как о мужчине, то постоянно ощущал некую фальшь, неясный обман, крывашийся то ли в нем самом, то ли в моем отношении к нему. Голос у него был мягкий, хотя и довольно звучный; недостаточно низкий для голоса мужчины, однако вряд ли похожий и на голос женщины... Впрочем, он что-то давно уже говорил этим своим загадочным голосом.

— Мне очень жаль, — говорил Эстравен, — что я вынужден был столь долго откладывать удовольствие принимать вас в моем доме, но я рад, что теперь между нами больше не возникает вопроса о каком-то там покровительстве...

Последнее меня несколько удивило. Он, безусловно, покровительствовал мне, по крайней мере до сегодняшнего дня. Может быть, он хотел сказать, что аудиенция у короля, которую он испросил для меня на завтра, положит конец нашим различиям и сделает нас равными по положению?

— Мне кажется, я не совсем вас понимаю, — сказал я.

Мое замечание, казалось, сильно его озадачило, и он умолк.

— Ну что ж, видите ли... — начал он наконец очень неуверенно, — ваше пребывание в моем доме... вы же понимаете, что я больше не могу выступать перед королем в качестве вашего адвоката.

Он говорил так, словно стыдился меня. Совершенно очевидно, что и это приглашение в гости, и то, что я его принял, имели некий недоступный мне глубинный смысл. Но если мне не хватало знаний этикета, то ему — этики. Одно лишь было мне абсолютно ясно: я был прав, не доверяя Эстравену. Он был не просто хитер и не просто всесилен: он оказался поразительно вероломен. В течение долгих месяцев моего пребывания в Эренранге именно он внимательнее остальных выслушивал меня, отвечал на все мои вопросы, посыпал врачей и инженеров проверить, действительно ли я прилетел на своем корабле с другой планеты; он по собственной инициативе помогал мне сойтись с нужными людьми и последова-

тельно продвигал меня вверх по здешней иерархической лестнице, на самой нижней ступеньке которой я в первый год своего пребывания здесь находился: из обладающего чесноком большим воображением монстра я превратился, благодаря его усилиям, в уважаемого иноземного Посланника, который вот-вот будет удостоен аудиенции самого короля. И вот теперь, подняв меня до столь опасных высот, он внезапно ледяным тоном сообщает, что лишает меня своей поддержки...

— Но я всегда привык полагаться на вас, вы сами приучили меня...

— С моей стороны это было ошибкой.

— Вы хотите сказать, что, устроив мне эту аудиенцию, все же не стали отзываться положительно о моей миссии в целом, как... — Мне показалось, что лучше проглотить это «как раньше обещали мне».

— Я не мог иначе.

Я очень разозлился, но не ощущил в нем ни ответного гнева, ни каких-либо сожалений.

— Не скажете ли, почему вы именно так поступили?

Он помолчал, потом решил:

— Хорошо.

И снова замолчал. Пока длилось это молчание, я уж было решил, что вновь совершил ошибку: мне, не слишком умному и, в общем-то, беззащитному чужаку, не следовало бы требовать у премьер-министра инопланетного государства объяснить свое поведение, тем более что я, чужак, недостаточно хорошо понимаю — и, возможно, никогда не пойму! — что лежит в основе здешней государственной власти и деятельности современного кархайдского правительства. Без всякого сомнения, многое связано с понятием *шифгретор* — совершенно непереводимое слово, обозначающее одновременно престиж, авторитет, общественное лицо человека и благородное происхождение, — всеобъемлюще важный фактор социальной значимости как в Кархайде, так и во всех прочих государствах планеты Гетен. Если это так, то я никогда до конца не пойму поведения Эстравсна.

— Вы слышали, что сказал мне король сегодня во время праздника?

— Нет.

Эстравен наклонился и вынул прямо из горячей золы в камине кувшин с пивом. Потом молча налил мне полную кружку. Пришлося пояснить:

— Насколько я мог слышать, король не разговаривал сегодня с вами во время празднества.

— Мне тоже так показалось, — согласился он.

До меня наконец дошло, что это всего лишь очередной намек. Послав к чертам эту идиотскую, типично женскую манеру вечно говорить намеками и загадками, я спросил напрямик:

— Вы что же, лорд Эстравен, хотите сказать, что больше не пользуетесь благосклонностью короля?

Я полагал, что уж теперь-то он непременно рассердится, однако он ничем этого не проявил, кроме осторожного упрека:

— Я ничего не хочу сказать вам, господин Аи.

— О Господи, лучше бы вы все-таки хотели!

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Ну хорошо. Тогда скажем так: при дворе есть несколько человек, которые, как вы выражаетесь, пользуются благосклонностью короля, но отнюдь не благосклонно относятся ни к вашему присутствию здесь, ни к вашей миссии.

А-а, значит, ты спешишь поскорее присоединиться к ним и продаешь меня, чтобы спасти собственную шкуру, подумал я, но говорить об этом, разумеется, было нельзя. Эстравен был настоящим придворным, хитрым и умным политиком, а я — просто доверчивым дураком. Даже в двуполом обществе политик слишком часто не является по-настоящему цельной личностью. Пригласив меня на обед, Эстравен рассчитывал, что я так же легко приму его предательство, как он его совершил. Очевидно, спасти собственное лицо было для него куда важнее, чем оставаться честным. А потому я заставил себя выговорить:

— Мне очень жаль, что ваше добре отношение ко мне послужило причиной стольких неприятностей.

О черт побери! Я даже ощутил слабое чувство морального превосходства, правда мимолетное: слишком он был непредсказуем.

Он отодвинулся назад, так что блики огня освещали лишь его колени и точеные, маленькие, но сильные руки, державшие серебряную кружку, лицо же оставалось в тени — темнокожее лицо, да еще как бы нарочно затененное пышными, растущими низко над лбом волосами и густыми бровями; глаза прятались в пушистых густых ресницах, и все вместе это было окутано особой дымкой утонченной обходительности. Может ли человек прочитать чувства, написанные на морде кошки? тюленя? выдры? Некоторые жители планеты Гетен, подумал я, похожи именно на этих живот-

ных: у них такие же глубокие, бездонные и одновременно яркие глаза, которые не меняют выражения, о чем бы ты с этими людьми ни говорил.

— Неприятности я навлек на себя сам, — ответил он. — И это не имеет ни малейшего отношения к вам, господин Аи. Вам известно, что Кархайд и Оргорейн ведут тяжбу относительно протяженности нашей границы близ Северного Перевала в долине Синотх? Еще дед нынешнего короля Артавена предъявил права на эту долину, однако Комменсалы так и не согласились признать ее собственностью Кархайда... Слишком много снега уже принесла эта туча, и снег все еще идет, сугробы становятся все выше. Я помог кое-кому из кархайдских фермеров, что живут в долине, перебраться на восток через старую границу, полагая, что спор этот может погаснуть и сам собой, если эту территорию просто оставить в распоряжении Орготы — ведь граждане Оргорейна живут в этих местах уже несколько тысячелетий. Несколько лет тому назад я входил в состав Административной группы Северного Перевала; тогда я и познакомился с некоторыми из кархайдских фермеров, проживающих в долине Синотх. Мне было крайне неприятно сознавать, что им постоянно угрожают бандитские погромы, а также ссылка на Добровольческие Фермы Оргорейна. И я подумал: а почему бы, собственно, не устраниć как таковой сам предмет спора?.. Но нет, в Кархайде такая идея была воспринята как в высшей степени непатриотичная. Более того, трусливая и оскорбительная для государства. Мог пострадать шифгретор самого короля!

Его ироничные намеки, хитросплетение интриг, да и сама история конфликта на границе с Оргорейном были мне совершенно неинтересны. Я мысленно вернулся к тому, что нас теперь разделяло с Эстравеном. Доверяю я ему или нет, но все же можно еще попытаться извлечь из него хоть какую-то пользу.

— Мне очень жаль, — сказал я, — но действительно грустно, если вопрос о нескольких фермерах и их правах способен испортить ваши отношения с королем и тем самым обречь на провал мою миссию. Ведь в данном случае речь идет о делах куда более важных, чем несколько километров государственной границы.

— Безусловно. Все это значительно важнее. Но может быть, Экумена, границы которой находятся в тысяче световых лет от границ Кархайда, проявит по отношению к нам некоторое терпение?

— Стабили Экумены — очень терпеливые люди, лорд

Эстравен. Они будут ждать и сто лет, и даже пятьсот, пока Кархайд и другие государства планеты Гетен не разберутся и не решат окончательно, стоит ли им присоединяться к остальному человечеству Вселенной. И сказанное мной связано лишь с моей собственной, личной надеждой. И я испытываю сейчас лишь свое собственное, личное разочарование. Признаюсь откровенно: я надеялся с вашей помощью...

— Я тоже. Ничего, ледники тоже не вчера замерзли... — Поговорка, как всегда, была у него наготове, однако в мыслях он явно был где-то далеко. Меня он не замечал. Я почему-то подумал, что он в своей борьбе за власть как бы окружает мои фигуры своими пешками... — Вы попали к нам, — сказал он наконец, — в странные времена. Все меняется; мы вышли на новый виток. Нет, пожалуй, еще не вышли; мы чесчур далеко зашли по тому пути, которому следовали до сих пор. Я полагал, что ваше присутствие, ваша миссия помогут нам свернуть с неверного пути и откроют перед нами некие новые перспективы. Но — в нужный момент... в нужном месте... Все это слишком неопределенно, господин Аи...

Теряя терпение от бесконечных общих слов, я сказал:

— Вы, стало быть, утверждаете, что этот нужный момент еще не наступил. Может быть, вы посоветеете мне аннулировать аудиенцию?

Я говорил по-кархайдски, так что моя ошибка звучала еще ужаснее, однако Эстравен не улыбнулся и не нахмурился.

— Я боюсь, что *аннулировать ее* имеет право один лишь король, — мягко сказал он.

— О Господи, конечно, я вовсе не это имел в виду! — От стыда я даже закрыл руками лицо. Меня воспитали в обществе свободных и искренних людей Земли, и я, видимо, никогда не смогу усвоить как следует бесконечные правила гетенианского протокола, не научусь той немыслимой беспастиности, которая так ценится в Кархайде. Я прекрасно понимал, что такое король в своем королевстве, история Земли буквально кишит королями, но у меня не было ни малейшего опыта общения с ними... мне не хватало такта... Я поднял свою кружку и стал жадно пить горячий пьянящий напиток. — Что ж, я расскажу королю меньше, чем собирался, когда рассчитывал на вашу поддержку.

— Хорошо.

— Хорошо? Но чем же? — не удержался я.

— Ну, господин Аи, вы же в своем уме. И я тоже. Но поскольку ни один из нас не является королем, вы же понимаете... Я полагаю, что вы намеревались рассказать Аргавену, в

разумных пределах, конечно, о том, что целью вашей миссии является попытка объединения Гетен со всей Экуменой. И он, в разумных пределах, конечно, об этом уже знает: об этом ему сказал я, как вам известно. Я не раз обсуждал с ним ваши проблемы, пытаясь заинтересовать его. Но все было не к месту и не вовремя. Я этого не учел — сам слишком всем этим увлекся и забыл, что он король. Все, о чем я ему рассказывал, значит для него лишь одно: его власти что-то угрожает, причем его королевство вдруг оказывается всего лишь пылинкой в космосе, а его власть — просто игрой, шуткой для тех, кто правит сотней миров.

— Но Экумена никем не правит! Она лишь координирует. Ее власть в каждом из входящих в нее государств и миров ничуть не больше власти их собственных правителей. Просто в союзе с Экуменой Кархайд обретет значительно большую стабильность и авторитет, чем когда-либо.

Некоторое время Эстравен молчал. Сидел, уставившись в огонь, отблески которого играли на его серебряной кружке и широкой светлой цепи у него на груди, обозначающей его ранг. В старом доме царила тишина. За ужином нам прислуживал слуга, но жители Кархайда не знают института рабства или иной личной зависимости и нанимают именно работников, а не людей; так что теперь все слуги, конечно же, разошлись по домам. Придворный такого ранга, как Эстравен, по-моему, должен был бы иметь хоть какую-то охрану, поскольку убийства в Кархайде случаются достаточно часто, но я и раньше не заметил ни одного охранника, и сейчас никого в доме не слышал. Мы явно были одни.

Я остался один на один с существом из иного мира в стенах этого мрачного дворца, в странном заснеженном городе посреди Ледникового Периода, наступившего на чужой мне планете.

Все, что говорил я сегодня и вообще с тех пор, как прибыл на планету Гетен, внезапно показалось мне не просто нелепым, но и немыслимым. Как мог я ожидать, чтобы этот вот человек, впрочем, как и любой другой в этой стране, поверил моим сказочкам об иных мирах, народах, о каком-то малопонятном «добром» правительстве, существующем где-то в черной пустоте космоса? Все это было на редкость глупо. Я прилетел в Кархайд на весьма странном корабле; я действительно по ряду физических признаков существенно отличался от гетенианцев; разумеется, все это следовало как-то объяснить, однако мои собственные разъяснения на этот

счет были в достаточной степени абсурдны. Я и сам им не очень-то поверил бы на месте гетенианцев.

— Я вам верю, — сказал мне Эстравен, этот инопланетянин, сидевший прямо передо мной в совершенно пустом доме. И столь велико было в тот миг мое ощущение чужеродности, что я уставился на него в полной растерянности. — Боюсь, что и Аргавен тоже вам верит. Но не доверяет. Отчасти потому, что больше уже не доверяет мне. Я сделал слишком много ошибок, был слишком беспечен. И не могу настаивать на вашем доверии ко мне хотя бы потому, что из-за меня ваша жизнь оказалась под угрозой. Я забыл, кто такой наш король; забыл, что в самом себе он видит весь Кархайд; забыл, что в нашей стране считается патриотизмом и что сам король уже по положению своему истинный патриот. Позвольте мне спросить вас вот о чем, господин Аи: знаете ли вы, что такое патриотизм, убеждались ли вы в том, что он существует, на собственном опыте?

— Нет, — сказал я, потрясенный до глубины души вдруг открывшейся мне яркой индивидуальностью Эстравена и силой его духа. — Не уверен, что хорошо представляю это себе. Если только не называть патриотизмом просто любовь к родине, ибо это-то чувство мне хорошо знакомо.

— Нет, не любовь к родине я имею в виду. Я имею в виду страх. Боязнь всего иного, чем ты сам, чем то, что окружает тебя. И знаете, страх этот не просто поэтическая метафора, он скорее носит политический характер и проявляется в ненависти, соперничестве, агрессивности. И он растет в нас, этот страх. Растет год за годом. Мы слишком далеко зашли по старой дороге. А вы... вы явились из такого мира, где даже государство уже не существует, причем в течение многих столетий... Вы едва понимаете, о чем я говорю вам, однако именно вы указываете нам новый путь... — Эстравен внезапно умолк: голос его сорвался. Но уже через несколько секунд, полностью овладев собой, он продолжал, как всегда сдержаный и корректный: — Из-за этого страха я и отказался слишком настойчиво защищать ваши идеи перед королем. Во всяком случае, пока. Однако я боюсь не за себя, господин Аи. И мои действия отнюдь не отличаются патриотичностью. В конце концов, на планете Гетен есть и другие государства.

Я понятия не имел, к чему он клонит, но был уверен, что у этих объяснений есть и совсем иной смысл. Из всех темных и загадочных душ, которые встречались мне в этом мрачном, промерзшем городе, душа Эстравена была самой темной и

загадочной. Мне не хотелось бродить по бесконечному психологическому лабиринту и играть в прятки с премьер-министром Кархайда. Я не ответил. Но через некоторое время он сам, причем очень осторожно, продолжил начатый разговор:

— Если я правильно вас понял, ваша Экумена главным образом предназначена служению общим интересам человечества. Мы ведь здесь очень различны: у Орготы, например, есть давний опыт подчинения местнических интересов общегосударственным, а у Кархайда такого опыта нет вообще. Да и Комменсалы Оргорейна — люди в основном вполне здравомыслящие, хотя и не очень образованные, тогда как король Кархайда не только безумен, но и довольно глуп.

Совершенно очевидно, что должного чинопочтания в Эстравене не было и в помине. Как, видимо, и понятия о верности. С легким отвращением я сказал:

— Если это действительно так, то вам, должно быть, весьма затруднительно служить своему королю.

— Не уверен, что когда-либо ему служил, — ответил королевский премьер-министр. — Или имел такое намерение. Я никому не служу. Настоящий человек должен отбрасывать свою собственную тень...

Колокола на башне ратуши пробили Час Шестой, полночь, и я, воспользовавшись этим предлогом, извинился и собрался уходить. Когда я в прихожей надевал теплый плащ, Эстравен сказал:

— На данный момент я проиграл, потому что, как мне кажется, вы теперь из Эренранга уедете... — (Интересно, почему это пришло ему в голову?) — Но я верю, что наступит тот день, когда я снова смогу задавать вам вопросы. Я еще так много хотел бы от вас узнать. Особенно об этой вашей способности говорить с помощью мыслей. Вы ведь едва коснулись общих принципов такого общения...

Его любознательность казалась мне совершенно естественной: этакое бесстыдство сильной личности. Впрочем, его обещания помочь мне тоже выглядели вполне искренними. Я сказал, что конечно, в любой момент, и на этом вечер закончился. Он проводил меня через сад, покрытый тонким слоем снега; в небе светила здешняя луна — большая, равнодушная и рыжая. Меня пробрала дрожь; здорово подморозило.

— Вам холодно? — с вежливым удивлением спросил он. Для него, естественно, это была теплая весенняя ночь.

Я чувствовал себя таким усталым и таким здесь чужим, что сказал:

- Мне холодно с тех пор, как я попал в этот мир.
— Как вы называете этот мир на своем языке? Нашу планету?
— Гетен.
— А на вашем языке у вас разве нет для нее названия?
— Есть. Придумали первые Исследователи. Они назвали эту планету Зима.

Мы остановились у ворот. За решеткой, которой был обнесен сад, смутно вырисовывались в снежной мгле здания и крыши Большого Дворца, кое-где на разной высоте горели в окнах слабые золотистые огоньки, отбрасывая свет на соседние строения. Стоя под невысокой каменной аркой ворот, я непроизвольно взглянул вверх и задумался: не был ли этот замковый камень тоже укреплен по старинке — раствором, замешенным на костях и крови? Эстравен распрощался и повернулся назад, к дому: он никогда не был многословен при встречах и прощаниях. Я пошел прочь, скрипя башмаками, по молчаливым дворам и аллеям дворца, по легкому, залитому лунным светом снежку, а потом — по глубоким провалам каменных улиц. Я шагал торопливо, потому что замерз, был потрясен изменой и страдал от неуверенности, одиночества и страха.

2. В СЕРДЦЕ ПУРГИ

*Из коллекции аудиозаписей северокархайдских
«Сказок у камина»; архив Исторического колледжа Эренранга,
автор неизвестен; запись сделана в период правления
Аргавена VIII.*

Лет двести тому назад в Очаге Шатх государства Перинг, что на самой границе страны Диких Ветров, жили-были два брата, которые стали кеммерингами и поклялись друг другу в вечной любви и верности. В те далекие времена, как и сейчас, родные братья могли быть кеммерингами до тех пор, пока один из них не родит ребенка; после этого им надлежало расстаться навсегда. По закону они не имели права клясться друг другу в вечной преданности. Но те два брата дали друг другу такую клятву. Когда стало ясно, что скоро родится ребенок, правитель Шатха приказал братьям расстаться и никогда не встречаться более. Услышав этот приказ, один из братьев-кеммерингов — тот, что носил во чреве дитя, — впав в отчаяние, добыл яду и покончил с собой. После этого оби-

татели Очага единодушно изгнали его брата из княжества, возложив на него вину за эту смерть. Поскольку стало известно, — а слухи всегда обгоняют путника, — что человек этот изгнан из собственного Очага, никто не желал дать ему пристанище и, приютив по закону гостеприимства на три дня, изгоя выставляли за ворота. Так скитался он, пока не понял, что на родной земле не осталось больше для него ни капли доброты в чьем-либо сердце и преступление его никогда не будет прощено¹. Он не сразу поверил в это, ибо был еще молод и обладал чувствительной душой. Когда же юноша убедился, что это действительно так, то вернулся издалека к родному Очагу и, как подобает изгнаннику, встал у его внешних ворот. И вот что сказал он своей семье: «Для людей я утратил свое лицо: на меня смотрят — и не видят. Я говорю — но меня не слышат. Я прихожу в дом — и не нахожу приюта. У огня не находится для меня места, чтобы я мог согреться, на столе — пиши, чтобы я мог утолить голод, в доме — постели, где я мог бы приклонить голову. Все, что у меня теперь осталось, — это мое имя — Гетерен. И это имя теперь я произношу у ворот вашего Очага как проклятье; я оставляю его здесь, а вместе с ним — свой позор. Сохраните же мое имя и мой позор. А я, безымянный, пойду искать свою смерть». Тут некоторые жители Очага, вознегодовав, хотели наброситься на него и убить, ибо убийство менее постыдно для всего рода, чем самоубийство. Но юноша бежал от них; он прошел через всю страну, продвигаясь все дальше на север, к Вечным Льдам. Его преследователи, удрученные неудачной погоней, один за другим возвращались в Шатх. А Гетерен продолжал свой путь и через два дня достиг границ Ледника Перинг².

Еще два дня шел он по Леднику на север. У него не было с собой ни еды, ни палатки — ничего, кроме теплого плаща. На ледниках нет растительности и не водятся никакие звери. Наступил второй месяц осени, Сасми, уже начались сильные снегопады, порой снег шел день и ночь. Но юноша упорно продвигался дальше к северу сквозь пургу. Однако на второй день понял, что слабеет, и вынужден был ночью лечь и немного поспать. А на третий день, проснувшись утром, обна-

¹ Нарушив закон, контролирующий инцест, он стал настоящим преступником только тогда, когда его отношения с братом привели к самоубийству последнего (*Дж. Аи.*)

² Ледник Перинг — огромный ледниковый щит, покрывающий большую часть северного Кархайда; зимой, когда залив Гутен замерзает, он сливается с Ледником Гобрин, что находится в Оргорейне.

ружил, что руки у него обморожены, как, наверное, и ноги; он так и не смог развязать тесемки башмаков, чтобы выяснить это, ибо руки больше его не слушались. Тогда Гетерен пополз вперед на четвереньках, отталкиваясь коленями и локтями. Не было в том особого смысла, ибо не все ли равно, сколько еще проползет он по леднику, прежде чем умрет, но он чувствовал, что непременно должен двигаться к северу.

Прошло немало времени; снегопад прекратился, ветер стих. Выглянуло солнце. Стоя на четвереньках, он не мог видеть далеко, да и меховая оторочка капюшона наползала ему на глаза. Не ощущая больше холода ни в руках, ни в ногах, ни на лице, он подумал было, что мороз совсем лишил его чувствительности. И все же пока он еще мог двигаться. Снег вокруг него в этих местах выглядел как-то странно: он был похож на высокую белую траву, что проросла сквозь вечные льды. Когда Гетерен касался ее, трава не ломалась, а пригибалась и снова выпрямлялась, как трава-сабля. Тогда он перестал ползти и сел, отбросив назад капюшон, чтобы осмотреться. Повсюду, насколько хватало глаз, расстилались поля, заросшие этой снежной травой, белой и сверкающей под солнцем. Среди полей возвышались купы деревьев, покрытых белоснежной листвой. Небо было ясное, стояло полное безветрие, и все вокруг было бело.

Гетерен снял рукавицы и осмотрел руки. Они тоже были белые, как снег. Но боль от страшных укусов стужи прошла, пальцы снова слушались его, и он снова мог стоять на ногах. Более он не ощущал ни холода, ни голода, ни каких-либо иных страданий.

Вдали на севере он увидел высокую башню, похожую на башни его родного Очага; оттуда кто-то шагал по снегу прямо к нему. Через некоторое время Гетерен смог разглядеть, что человек этот абсолютно наг и кожа у него очень белая. Волосы тоже. Белый человек подошел еще ближе, совсем близко, с ним уже можно было говорить, и Гетерен спросил его: «Кто ты?»

И белый человек ответил: «Я твой брат и кеммеринг Хоуд».

То было имя его брата-самоубийцы. И Гетерен увидел, что белый человек лицом и фигурой в точности похож на живого Хоуда. Вот только в теле его больше не было жизни, а голос звучал слабо и тонко, словно ломались хрупкие льдинки.

Тогда Гетерен спросил: «Что же это за место такое?»

Хоуд ответил: «Это самое сердце пурги. Мы, убившие себя, живем здесь. Здесь мы с тобой можем сохранить верность той клятве, что дали друг другу».

Но Гетерен испугался и сказал: «Я не останусь здесь. Если бы ты тогда убежал со мной на юг, подальше от нашего Очага, мы могли бы навсегда остаться вместе и всю жизнь хранить верность нашей клятве, и никто на свете не узнал бы о том, что мы нарушили закон. Но ты первым изменил клятве, ты предал нас и предал собственную жизнь. И не сможешь теперь звать меня по имени».

И правда, Хоуд шевелил губами, но так и не мог выговорить имени своего родного брата.

Он быстро подошел к Гетерену, протянул к нему руки, обнял его, сжал его левую руку своими руками. Но Гетерен вырвался и убежал. Он бежал на юг и видел, как перед ним вырастает стена пурги, и, пройдя сквозь нее, он снова упал на колени и больше бежать уже не мог, а мог лишь ползти на четвереньках.

На девятый день после того, как он ушел из родного Очага на север, Гетерен был обнаружен в пределах своего княжества неподалеку от Очага Ороч, что находится к северо-востоку от Шатха. Жители его не знали, кто этот человек и откуда он пришел; они нашли его барактающимся в снегу, умирающим от голода, ослепшим от снега, с почерневшим от мороза и солнечных ожогов лицом; поначалу он не мог даже говорить. И все же Гетерен не только выжил, но и не заболел, разве что сильно обмороженную левую руку его пришлось отнять. Кое-кто поговаривал, что это тот самый Гетерен из Шатха; но остальные считали, что такого быть не может, потому что Гетерен ушел на Ледник еще во время первых осенних снегопадов и, без сомнения, погиб. Сам же он утверждал, что имя его вовсе не Гетерен. Окончательно поправившись, человек этот покинул Ороч и княжество на границе страны Диких Ветров и отправился на юг и в тех краях стал называть себя Энохом.

Когда Энох был уже совсем старым и жил в долине реки Рир, он как-то повстречался со своим земляком и спросил его, как идут дела в княжестве и Очаге Шатх. И человек тот ответил, что дела там плохи. Нет удачи ни в домашней работе, ни в поле; все пришло в упадок, все больны какой-то странной болезнью, весной зерно в полях вымерзает, а то, что успевает созреть, гниет на корню, и так продолжается уже много лет. Тогда Энох сказал ему: «А знаешь, ведь я Гетерен из Шатха», — и поведал о том, как тогда поднялся на Ледник и кого там встретил. И закончил свой рассказ так: «Передай жителям Шатха, что я беру назад свое имя и снимаю с них проклятье». Через несколько дней после этого Ге-

терен заболел и умер. А тот путешественник рассказал его историю в Шатхе и передал его последние слова. Говорят, что с тех пор сам Очаг и все княжество вновь стали процветать, жизнь снова наладилась в домах и в полях и пошла дальше своим чередом.

3. СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ

Я проснулся поздно и оставшиеся утренние часы провел за чтением собственных записей, касающихся придворного этикета, а также наблюдений моих предшественников, Исследователей, относительно гетенианской психологии. Я читал невнимательно — в общем-то, я давно уже все это знал наизусть — и сейчас просто старался заглушить тот внутренний голос, что неумолчно бубнил у меня в ушах: «Ты все с самого начала сделал неправильно». Поскольку голос не умолкал, я все-таки начал с ним спорить, утверждая, что смогу в дальнейшем обойтись и без помощи Эстравена; может быть, получится даже лучше. В конце концов, моя задача здесь вполне под силу и одному человеку. Первый Мобиль всегда работает в одиночку. Первые вести из любого нового мира в Экумену всегда передаются голосом единственного человека. Мобиля, разумеется, можно убить, как убили Пеллегля на Четырех Быках, или заточить в сумасшедший дом вместе с другими безумцами, как это произошло по очереди с первыми тремя Посланниками на Гао; и все-таки Экумена продолжает посыпать Мобилей в одиночку, и эта практика вполне оправдывает себя. Порой голос единственного человека, говорящего правду, куда большая сила, чем целые флоты и армии, особенно если этому человеку дать достаточно времени, но времени-то в Экумене как раз хватает... «У тебя зато его не хватает!» — сказал мой внутренний голос, но я убедительно попросил его заткнуться. В Часу Втором, исполненный спокойствия и рассудительности, я прибыл на аудиенцию к королю Кархайда. Впрочем, вся моя рассудительность улетучилась еще в приемной, прежде чем я успел хотя бы взглянуть на короля.

В королевскую приемную я был препровожден дворцовой стражей через бесчисленные длинные залы и коридоры. Потом один из адъютантов Его Величества попросил меня подождать немного и оставил одного в огромном зале с высокими потолками, но без окон. Перед встречей с королем Кархайда я постарался одеться подобающим образом. Я как

раз продал свой четвертый рубин и треть полученной суммы истратил на два костюма — для вчерашнего парада и сегодняшней аудиенции (от наших Исследователей мне было известно, что гетенианцы очень ценят драгоценные камни — значительно больше землян, например, — так что я явился на Гетен с полными карманами рубинов и сапфиров, чтобы при случае было чем расплачиваться). Все на мне было новым, очень тяжелым и прочным, но сшитым хорошо и выглядящим добротно, даже красиво, как вообще вся одежда в Кархайде: белая, отороченная мехом теплая рубаха, серые узкие штаны, длинная, похожая на камзол куртка *хайэб* из кожи цвета морской волны, новая шапка и новые перчатки, под строго определенным углом торчащие из-под слегка сползающего на бедра ремня, дополняющего *хайэб*, новые башмаки... Уверенность в том, что одет я хорошо, в полном соответствии с этикетом, все-таки прибавляла спокойствия и рассудительности. Я спокойно и рассудительно огляделся.

Как и во всем королевском дворце, в этом зале с высокими потолками и красными стенами царило запустение и стоял запах плесени, как если бы постоянно гулявшие там сквозняки залетали из прошлых веков. В камине ревел огонь, но тепла особого не давал. Камины в Кархайде существуют для того, чтобы согревать душу, а не тело. Промышленная революция в Кархайде совершилась по крайней мере три тысячи лет тому назад, за эти тридцать веков кархайдцы изобрели прекрасное и экономичное центральное отопление с использованием водяных и электрических радиаторов, а также иных энергетических источников тепла; однако в домах у них по-прежнему центральное отопление отсутствует. Возможно, потому, что они боятся утратить природную сопротивляемость холоду, как это происходит, например, с полярными птицами на Земле: если их хотя бы недолгое время продержать в теплой палатке, а потом выпустить на волю, они тут же погибнут от обморожения конечностей. Я же, будучи вообще пташкой тропической, мерз постоянно; мерз как на улице, так и дома, хоть дома и немного меньше; у меня замерзали руки и ноги, и весь я дрожал от холода. Сейчас я тоже ходил по залу взад-вперед, стараясь согреться. Живыми в этой унылой приемной были только я да огонь в камине; мебели, впрочем, тоже было немного: стол, стул, на столе — каменная ваза и старинный радиоприемник, украшенный серебром, резным деревом и костью, — достойный экспонат для выставки народного творчества. Приемник играл под сурдинку, и я чуточку прибавил звук, услышав, что

эпическая песня или баллада сменилась сводкой дворцовых новостей. Как правило, жители Кархайда читают немного и предпочитают слушать, причем не только новости, но и литературные тексты; всяческие инсценировки и спектакли у них недостаточно популярны, а книги и телевизоры распространены гораздо меньше, чем радиоприемники; газет не существует вообще. Утром я сводку новостей проспал, да и теперь слушал вполуха, думая совсем о другом, пока повторенное несколько раз знакомое имя не привлекло мое внимание. Что это они там говорят об Эстравене? Какой-то королевский указ? Информация, видимо, была важной, потому что указ начали читать сначала:

«Терем Харт рем ир Эстравен, лорд Эстре из Керма, данным указом лишается титула князя и почетного членства в Королевском Совете; он обязан покинуть королевство Кархайд и соподчиненные княжества в течение трех дней. По истечении указанного срока, а также если он осмелится когда-либо вернуться в пределы государства, Харт рем ир Эстравен подлежит немедленной казни без суда и следствия. Всем жителям Кархайда запрещается вести с ним какие бы то ни было переговоры, а также предоставлять ему кров под страхом тюремного заключения и штрафа. Запрещается также передавать или одолживать Харт рем ир Эстравену любые денежные суммы или товары и возвращать одолженные у него суммы. Доводим до сведения всех жителей Кархайда: Харт рем ир Эстравен совершил тяжкое преступление, за которое осужден на пожизненную ссылку: предательство. Тайными и явными путями он склонял Королевский Совет и короля Кархайда — под предлогом верной службы Его Величеству — к тому, чтобы Объединенное Королевство Кархайд отказалось от своего суверенитета и присоединилось к некоей Лиге Миров, вымышленный характер которой не вызывает у нас ни малейших сомнений; пресловутая Лига Миров — всего лишь беспочвенная выдумка предателей-заговорщиков, которые стремятся ослабить авторитет нашего государства и его Короля в угоду вполне реально существующим врагам. Отгырни Тува, Час Восьмой, Королевский дворец в Эренранге. АРГАВЕН ХАРГЕ».

Далее сообщили, что полный текст только что зачитанного Указа расклеен на воротах многих домов и всех почтовых отделений города.

Сначала я, естественно, просто выключил радио, словно надеясь остановить этот поток враждебных излияний. Потом бросился к двери. Там, разумеется, я остановился. Вернулся

на прежнее место, к столу у камина, и задумался. Спокойствия и рассудительности как не бывало. Мне страшно хотелось достать ансибль и послать срочный вызов Стабилям Хайна. Это желание я тоже подавил, потому что оно было еще глупее предыдущего. К счастью, больше никаких желаний у меня возникнуть не успело. Створки двери в дальнем конце приемной распахнулись, и адъютант, почтительно отступив в сторону и пропуская меня вперед, провозгласил: «Господин Дженири Аи!» Мое имя Дженли, но жители Кархайда звук «л» не произносят. И вот я оказался в знаменитом Красном Зале наедине с королем Аргавеном XV.

Красный Зал поражал своими размерами. Казалось, что от камина до камина в его торцовых стенах никак не меньше полукилометра. И примерно столько же — от пола до потолочных балок, с которых свисали пыльные красные то ли занавеси, то ли знамена, все в пятнах и потеках от старости. Окна скорее походили на бойницы в крепостных стенах и почти не пропускали света; слабые его лучи повисали где-то в вышине, под потолком. Мои новые башмаки — тук-тук-тук — прогрохотали через весь зал: я наконец приближался к королю, заканчивая путь длиной в полгода.

Аргавен стоял у третьего, самого большого в этом зале камина на особом возвышении; коренастый, в мрачноватых красных одеждах, с большим выступающим животом, темнокожий, он казался страшно взвинченным и одновременно каким-то тусклым, невыразительным; только на большом пальце у него ярко вспыхивало кольцо — королевский перстень с печатью.

Я остановился у края этого постамента и, согласно этикету, застыл в почтительном молчании.

— Поднимитесь сюда, господин Аи. Садитесь.

Я подчинился и сел в кресло, стоящее справа от камина. Все эти действия входили в ранее изученный мной ритуал. Сам же Аргавен остался стоять метрах в трех от меня спиной к камину, в котором ревело пламя. Через некоторое время он сказал:

— Говорите же, господин Аи. Вы, кажется, что-то должны были мне сообщить? Я слышал, у вас есть для меня некое послание.

На лице его, которое теперь было повернуто ко мне, играли красные блики огня, мелькали темные тени, но само оно выглядело плоским и жестоким, как холодная луна в небесах над этой ледяной планетой, как рыжая и глупая луна планеты Гетен. Вблизи Аргавен не казался столь величест-

венным и надменно-мужественным, как издали, в толпе своих придворных. У него был высокий пронзительный голос, и он то и дело яростным и безумным жестом вскидывал голову, как бы выражая высокомерное изумление.

— Дело в том, Ваше Величество, что все мысли разом как бы улетучились из моей головы, едва я узнал, что лорд Эстравен объявлен вами вне закона.

Аргавен растянул губы в улыбке и молча уставился на меня. Потом вдруг визгливо рассмеялся и стал похож на злобную бабу, которая веселым смехом пытается скрыть досаду.

— Будь он проклят, — пробормотал король, — жалкий гордец! Высокорожденный преступник! Предатель! Вы ведь обедали с ним вчера, не так ли? И он, конечно, рассказывал вам, насколько он всесилен, как управляет самим королем и как вам легко будет вести со мной разговор о ваших делах после того, как он все должным образом подготовил... Не так ли? Ведь он все это говорил вам, господин Аи?

Я колебался.

— Хорошо, тогда я расскажу вам, что он советовал мне, если вам это интересно. Он, например, советовал мне откастаться от встречи с вами, заставить вас подождать еще; может быть, даже предложить вам собрать свои вещи и перебраться отсюда подальше — в Оргорейн или на Острова. Последние полмесяца — черт бы его побрал! — он только и делал, что твердил мне об этом. Однако ему самому пришлось собирать вещички и быстренько отправляться в Оргорейн, ха-ха-ха!..

Король снова притворно весело рассмеялся и даже захлопал от удовольствия в ладоши. И тут же из-за занавесей беззвучно вынырнул стражник и застыл у края постамента. Аргавен рявкнул на него, и стражник столь же беззвучно исчез, как и появился. Хрюкая от смеха, Аргавен подошел ко мне еще ближе, буквально нос к носу, и уставился прямо в лицо. Темные радужки его глаз слегка отливали оранжевым. Я опасался его теперь значительно больше, чем мог предполагать, и совершенно не представлял, как следует вести себя с этим непоследовательным и непредсказуемым человеком. Потом решил, что лучше всего искренность.

— Могу ли я узнать, Ваше Величество, не считаете ли вы и меня соучастником преступных действий Эстравена?

— Вас? Нет! — Он еще более внимательно взгляделся в меня. — Я не знаю, что за чертовщина сидит в вас, господин Аи: то ли вы сексуальный извращенец, то ли искусственно

созданное чудовище, то ли действительно пришелец из великой пустоты Космоса; но вы не предатель; вы были всего лишь орудием в руках предателя, всего лишь инструментом. А инструменты я не наказываю. Они приносят вред лишь в руках плохих специалистов. Позвольте посоветовать вам кое-что, господин Аи. — Аргавен выговорил слово «посоветовать» со странным нажимом и удовлетворением, а мне почему-то именно в этот миг пришло в голову, что больше никто за эти два года ни разу ничего мне не посоветовал. Гетенианцы охотно отвечали на мои вопросы, однако открыто ничего никогда не советовали, даже Эстравен, самый лучший мой помощник. Должно быть, это тоже было связано у них с пресловутым шифгретором. — Никому больше не позволяйте использовать вас в корыстных целях, господин Аи, — взяточнически проговорил король. — Держитесь подальше от всяких интриг и политических течений. Лгите лучше самостоятельно и действуйте тоже самостоятельно. И никому не верьте. Вы хоть это-то понимаете? Не верьте никому! Черт бы его побрал, этого лжеца, этого хладнокровного предателя! Я-то ведь ему доверял! Я сам повесил ему на шею серебряную цепь, будь она проклята! Лучше бы я его самого на этой цепи повесил. Нет, по-настоящему я никогда не верил ему! Никогда! И вы никому не доверяйте. А он пусть теперь подыхает от голода на помойках Мишнори, пусть жрет отбросы, пусть кишки у него сгниют, но никогда... — Король Аргавен весь затрясся и захлебнулся собственной злобой со звуком, похожим на отрыжку; потом он повернулся ко мне спиной и начал пинать ногой концы горящих поленьев, пока вверх не взлетел целый сноп искр и черный пепел не запоротил его лицо, волосы и камзол. Искры король ловил на лету голыми руками.

Не оборачиваясь и словно превозмогая боль, он заговорил вдруг своим высоким пронзительным голосом:

— Говорите же! Что вы должны были мне сообщить, господин Аи?

— Можно мне сперва задать вам вопрос, Ваше Величество?

— Задавайте.

Аргавен весь как-то подергивался, покачивался, переступал с ноги на ногу и неотрывно смотрел в огонь. Пришлось обращаться к его спине:

— Вы верите, что я именно тот, за кого себя выдаю?

— Эстравен располагал целой толпой врачей, они буквально завалили меня медицинскими справками; не меньше сведений я получил и от инженеров из Королевских Мастер-

ских, которые занимались вашим кораблем; и от других специалистов тоже. Не могут же все они оказаться лжецами? А они все утверждают, что вы не человек. Что же теперь?

— А теперь, Ваше Величество, вот что. Существуют и другие такие же существа, как я. И я являюсь здесь их представителем...

— О да! Представителем этого их союза, этой Лиги... да-да, очень хорошо!.. Но для чего они послали вас сюда? Ведь вы именно этот вопрос хотите услышать от меня?

Хотя Аргавен явно был не в своем уме, да и проницательностью тоже не отличался, он, безусловно, был хорошо обучен всякого рода словесным уверткам и двусмысленностям, которыми здесь всегда пользуются в разговоре друг с другом те, чьей главной целью является достижение наивысшего уровня шифгретора и упрочение некоего родства между собой по этому признаку. Границы подобного родства все еще были для меня совершенно неясны, однако я уже кое-что знал о постоянном соперничестве, свойственном этим отношениям, и о вечно возобновляющемся словесном поединке между соперниками, обладающими одинаковым шифгретором. То, что я не веду с Аргавеном никакого словесного поединка, а честно и просто пытаюсь что-то ему объяснить, уже само по себе было ему совершенно непонятно.

— Я никогда не делал из этого тайны, Ваше Величество. Экумена хочет, чтобы государства планеты Гетен стали ее союзниками.

— Но ради чего?

— Ради материальной выгоды. Ради увеличения общей суммы знаний. Ради расширения понятий об интеллекте. Ради более полного и глубокого проникновения в жизнь иных мыслящих существ. Во имя всеобщей гармонии и высшей славы Господней. Ради любопытства. Ради удовольствия и приключений, наконец.

Я говорил на непонятном ему языке, не на том, которым пользуются здесь те, кто правит другими, — короли, завоеватели, диктаторы. На привычном ему языке невозможно было бы дать адекватный ответ на его вопрос. Молча и сердито смотрел Аргавен на пляшущие в камине языки пламени, растерянно переминаясь с ноги на ногу.

— Как велико ваше королевство — в этом космическом Нигде? Эта ваша Экумена?

— Она объединяет восемьдесят три обитаемые планеты, около трех тысяч различных типов гуманоидов...

— Три тысячи народов? Понятно. Теперь объясните мне,

зачем нам, одному-единственному народу, иметь дело с целями толпами чудовищ, живущих в космической пустоте? — Он специально обернулся, чтобы заглянуть мне в глаза: он все еще продолжал вести со мной словесный поединок и задал этот риторический вопрос не без умысла, но как бы в шутку. Впрочем, шутка эта меня почти не задела. Король — как справедливо предупреждал меня Эстравен — был очень и очень взволнован, прямо-таки охвачен тревогой.

— Да, три тысячи различных народов на восьмидесяти трех планетах, Ваше Величество; однако ближайшая из них находится на расстоянии семнадцати световых лет от Гетен. Так что если вы боитесь, что Гетен будет вовлечена в какие-то интриги или междуусобицы неведомыми союзниками, то примите во внимание хотя бы то расстояние, которое их от вас отделяет. Местные интриги никак не связаны с соседями той или иной планеты по Космосу. — Я по вполне определенной причине не стал упоминать о космических войнах, ибо в кархайдском языке нет даже слова «война». — А вот подумать о выгодной торговле, по-моему, стоит. Например, об обмене научными идеями и технологией, осуществляющейся с помощью ансибля; или о торговле различными товарами и произведениями искусства, которые доставят пилотируемые или автоматические межпланетные корабли. Сюда могут прибыть несколько человек оттуда — послы, преподаватели, торговцы, — а представители Гетен отправятся туда. Экумена — это не королевство и не государство, она выполняет скорее функции координатора и казначея при различных формах торговли и обмена знаниями; без такого координатора общение миров, населенных мыслящими существами, происходило бы наудачу, а торговля стала бы слишком рискованной, как вам, должно быть, уже ясно. Жизни человеческие слишком коротки по сравнению с космическими расстояниями, которые невозможно было бы преодолеть одним прыжком без специальной системы связи, без централизованного управления и контроля, без налаженного графика всех работ; вот поэтому и была создана Лига Миров, Экумена... Все мы люди, Ваше Величество. Все. И миры, населенные различными людьми, возникли много-много миллиардов лет тому назад из одного мира — хайнского. Мы отличаемся друг от друга, но все мы сыновья одного Очага...

Но ничто из сказанного мной не заинтересовало короля, не вызвало его доверия. Я еще некоторое время пытался говорить, надеясь объяснить ему, что ни его шифгретор, ни шифгретор всего Кархайда нисколько не пострадают от при-

существия в его жизни и в жизни планеты Гетеи Экумены, но толку по-прежнему не было никакого. Аргавен стоял надувшись, словно сердитая старая выдра, посаженная в клетку, и то покачивался взад-вперед, то переступал с ноги на ногу, оскалив зубы в страдальческой ухмылке. Я наконец иссык.

— И они все такие же черные?

У гетенианцев кожа чаще всего золотисто-коричневая или красновато-коричневая, но я видел довольно много почти таких же темнокожих людей, как я сам.

— Некоторые еще чернее, — ответил я. — У нас встречаются самые различные цвета кожи. — Я открыл свой портфель, целых четыре раза подвергнутый досмотру, пока я попал в приемную короля; там у меня был ансамбль и кое-какие изображения людей — фотографии, кинопленки, рисунки, видеозаписи, кристаллограммы. Настоящая маленькая галерея, посвященная Человеку: людям с планет Хайн, Чиффевар, Цета, Эс, Терра и Альтерра, жителям Дальних Звезд, Капетина, Оллюля, Четырех Быков, Роканнона, Энсбо, Сайма, Где и Шишельского Рая...

Король мельком взглянул на парочку изображений, не выказав особого интереса.

— Что это?

— Это жительница планеты Сайм, женщина. — Я вынужден был использовать то слово, которым гетенианцы обозначают человека, находящегося в кульминационной фазе кеммера женского типа; вторым значением этого слова является понятие «самка животного».

— Постоянно?

— Да.

Он выронил кристаллограмму с изображением женщины и снова застыл, покачиваясь с ноги на ногу и глядя мимо меня; на лице его плясал от свет пламени.

— Они все такие, как она... как вы?..

Это был непреодолимый барьер. И я никак не мог его снизить специально для них. Они должны были в конце концов научиться преодолевать его сами — одним прыжком.

— Да. Половая физиология гетенианцев, насколько мы в данный момент осведомлены, представляет собой совершенно уникальное явление.

— Значит, у всех там, на этих планетах, постоянный кеммер? Это общества сплошных извращенцев? Так мне и лорд Тайб говорил; а я решил, что он шутит. Что ж, возможно, это и правда; однако мне даже думать об этом противно, господин Аи, и я не понимаю, зачем нашим людям стремиться к

общению со столь непохожими на них чудовищами или хотя бы терпеть это общение? Впрочем, возможно, вы находитесь здесь только для того, чтобы сообщить, что у меня просто нет иного выбора?

— Выбор — во всяком случае, в отношении Кархайда — всегда остается за вами, Ваше Величество.

— А если я и вам тоже велю собирать вещички?

— Что ж, я подчинюсь. Потом, наверное, я смогу попробовать еще раз — с представителями следующих поколений королей...

Это его задело. Он рявкнул:

— А что, вы бессмертны?

— Нет, отнюдь нет, Ваше Величество. Однако прыжки во времени имеют и свои положительные стороны. Если я покину Гетен прямо сейчас и улечу на ближайшую от нее планету Оллюль, то проведу в пути семнадцать лет общепланетарного времени. А прыжки во времени — это перелеты в космосе, совершаемые практически со скоростью света. Один лишь мой путь от Гетен до Оллюль и обратно — те несколько часов, что я проведу в космическом корабле, — здесь будет равен тридцати четырем годам; так что по возращении я вполне могу начать все сначала.

Но даже рассказ о прыжках во времени, в котором гете-нианцы явно видели намек на сказочное бессмертие и слушали меня с восторгом — все, от рыбаков на острове Хорден до премьер-министра лорда Эстравена, — оставил короля равнодушным. Он вдруг воскликнул своим пронзительным, визгливым голосом:

— А это еще что такое? — и показал на ансибль.

— Ансибль, коммуникационное устройство, Ваше Величество.

— Радиоприемник?

— Нет, его работа не использует ни радиоволн, ни какой-либо другой формы энергии. Константа одновременности — основной принцип его конструкции — в какой-то степени аналогична гравитационному...

Я снова позабыл, что разговариваю отнюдь не с Эстравеном, который самым внимательным образом прочел все рапорты ученых обо мне и моем корабле и всегда с пониманием слушал мои разъяснения. Теперь передо мной был и без того уже раздосадованный король Аргавен.

— Вот что делает этот прибор, Ваше Величество: передает информацию из одной точки Вселенной в другую и — сразу же — ответ. Одновременно соединяет две любые точки

во Вселенной. Причем одна из них непременно должна находиться на планете или любом космическом теле, обладающем конкретной массой вещества, а другая — где угодно. У меня как раз второй, как бы переносной конец этой связи. Этот прибор сейчас настроен на координаты нашего Первичного Мира — на планету Хайн... Межпланетному кораблю требуется шестьдесят семь лет, чтобы добраться от Гетен до Хайна, однако мое послание, закодированное с помощью этого вот ключа, услышат на Хайне сразу, пока я еще только буду передавать его. Вы не хотите что-нибудь передать Стабилям Хайна, Ваше Величество?

— Я не говорю на языке Космоса, — заявил король, злобно и тупо усмехаясь.

— У них там под рукой есть помощник, который говорит по-кархайдски; я их заранее предупредил о нашей встрече.

— Что вы хотите сказать? Как это? Откуда?

— Что ж, как вам известно, Ваше Величество, я здесь не первый инопланетянин. До меня на вашу планету прилетала команда Исследователей, которые не стали обнаруживать себя, стараясь во всем походить на обычных гетенианцев; неизвестные, они в течение целого года путешествовали по территории Кархайда и Оргорейна, а также обследовали Архипелаг. Потом покинули планету Гетен и составили обширный отчет для Совета Экумены. Это случилось примерно лет сорок тому назад, еще во времена правления вашего дедушки. Их отчет был на редкость благоприятен. А я получил ценнейшую информацию, прежде чем прилетел сюда. Не хотите ли посмотреть, как работает мой ансибль, Ваше Величество?

— Я не любитель фокусов, господин Аи.

— Это не фокус, Ваше Величество. Некоторые из кархайдских ученых сами научились...

— Я не ученый.

— Вы великий правитель, Ваше Величество. Равные вам правители Первичного Мира Экумены ждут от вас хотя бы слова.

Он диковато глянул на меня. Моя лесть и попытки привлечь его внимание загнали короля в тенета престижности, хоть я и добивался совсем не этого. Все вообще шло не так, как надо.

— Ну хорошо. Спросите эту вашу машинку: что превращает обычного человека в предателя?

Я осторожно тронул клавиатуру ансибля, настроенного на кархайдскую письменность. «Король Аргавен, правитель Кархайда, спрашивает Стабилей планеты Хайн: что превра-

щает обыкновенного человека в предателя?» Вспыхнувшие на экране буквы быстро пробежали и исчезли. Аргавен внимательно наблюдал за мной, даже прекратив покачиваться и переступать с ноги на ногу.

Последовала довольно долгая пауза. Без сомнения, некто на расстоянии семидесяти двух световых лет от меня с лихорадочной поспешностью вводил полученные данные в компьютер, настроенный на кархайдский язык, а может, и в компьютер общефилософских знаний. Наконец на экране загорелись яркие буквы: «Королю Аргавену, правителю Кархайда на планете Гетен. Примите наши приветствия. Я не знаю, что может превратить обычного человека в предателя. Ни один обычный человек себя предателем не считает; именно это и затрудняет ответ на поставленный так вопрос. С уважением, Спимоль Дж. Ф., от имени Стабилей города Сайре, планета Хайн, 93/1491/45». И надпись медленно растаяла.

Когда из ансибля выползла лента с напечатанным ответом, я оторвал кусок и подал Аргавену. Он уронил ленту на стол и снова отошел к центральному камину — чуть в огонь не влез — и со всей силы пнул ногой горящее полено, гася взметнувшиеся искры руками.

— Столь же «полезный» ответ я мог бы получить у любого из своих предсказателей. Но хитроумных ответов еще недостаточно, господин Аи. Недостаточно и этой вашей машинки. И вашего корабля. Целый мешок хитроумных фокусов и сам фокусник в придачу! Вы хотите, чтобы я поверил вам, вашим сказочкам и «посланиям из Космоса»? Но с какой стати мне верить им, да и вообще слушать вас? Если там, среди звезд, даже и существует восемьдесят тысяч миров, населенных чудовищами, то мне-то что с того? Нам от них ничего не нужно. Мы избрали для себя жизненный путь и давно уже следуем этим путем. Кархайд стоит у ворот новой эпохи, великой Новой Эры. И мы пойдем дальше своим путем... — Он заколебался, словно утратив нить рассуждений — не его собственных, разумеется. Если Эстравен и перестал быть «королевским ухом», то им непременно стал кто-то другой. — А если бы жителям этой Экумены что-нибудь действительно было нужно от нас, они никогда не прислали бы вас одного. Это просто шутка, мистификация. Иначе инопланетяне буквально кишили бы здесь.

— Но ведь для того, чтобы отворить одну дверь, тысячи людей вовсе не требуется, Ваше Величество.

— Однако тысячи людей могут потребоваться, чтобы держать ее открытой.

— Экумена подождет, пока вы сами не откроете ее, Ваше Величество. Она ничего не станет требовать у вас силой. Я был послан сюда один и работал в одиночку все это время, чтобы у вас даже возможности не возникло бояться меня.

— Бояться вас? — переспросил король, поворачивая ко мне исчерканное тенями лицо и отвратительно ухмыляясь. Голос его сорвался на крик. — Но я действительно боюсь вас, Посланник! Я боюсь тех, кто послал вас! Я боюсь лжецов, я боюсь трюкачей, но больше всего я боюсь горькой правды. Именно поэтому я столь успешно правлю своей страной. Только поэтому. Ибо мной самим правит страх. Да, страх. И нет ничего сильнее страха. И ничто в этом мире не вечно. Вы тот, за кого себя выдаете, и все же вы всего лишь чья-то шутка, фокус трюкача. Там, меж звездами, ничего нет, там лишь пустота, ужас и тьма; и вы прилетаете оттуда совершенно один и еще пытаетесь испугать меня. Я и так уже достаточно напуган, хоть я и здешний король. Но настоящий правитель здесь — страх! А теперь забирайте ваши звуковые ловушки и прочие штучки и убирайтесь, больше нам не о чем говорить. Я отдал приказ, чтобы в пределах Кархайда вам предоставили полную свободу действий.

Итак, аудиенция была окончена, и — тук-тук-тук — мои башмаки простучали обратно по бесконечному красному полу в красноватом сумраке Красного Зала, пока двустворчатая дверь, выплюнув меня наружу, не захлопнулась за моей спиной.

Я потерпел неудачу. Полную неудачу. Но то, что особенно беспокоило меня, когда, покинув королевский дворец, я шел по аллеям парка, было связано не столько с самим превалом моей деятельности в Кархайде, сколько с ролью в нем Эстравена. Почему король сослал его как защитника союза с Экуменой (что, по всей видимости, и составляло основу его преступления и служило причиной Указа о высылке), если (судя по словам самого короля) на самом деле Эстравен агитировал его против этого союза? Когда именно он начал советовать королю не доверять мне и почему? Почему в таком случае он сам был сослан, а я оставлен на свободе? Кто из них был большим лжецом и ради какой дьявольской цели они лгали мне оба?

Эстравен — чтобы спасти собственную шкуру, так я тогда решил; ну а король? Наверное, чтобы спасти собственное лицо. Объяснениеказалось довольно правдоподобным. Однако я по-прежнему не был уверен, действительно ли Эстравен лгал мне? Я вдруг понял, что вовсе не уверен в этом.

Я как раз шел мимо Углового Красного Дома. Ворота в сад были открыты. Я заглянул туда и увидел деревья серем, склонившие свои беловатые стволы над темной водой пруда; дорожки, посыпанные розовым толченым кирпичом, в сероватом безмятежном свете дня казались заброшенными. Легкий снежок, не успев растаять, все еще лежал в тени за валуном на берегу пруда. Я вспомнил, как Эстравен ждал меня вон там, на крыльце, когда вчера вечером вдруг пошел снег, и сердце мое пронзила обыкновенная человеческая жалость. Еще вчера на параде я видел этого человека, взмокшего в тяжелых доспехах на жаре, однако нисколько не утратившего своего великолепия и достоинства, — человека на вершине своей карьеры и славы, теперь волей судьбы согнанного со сцены и превращенного в жертву. Сейчас он в спешке бежит к границе, обгоняя свою смерть всего лишь на три дня, совсем один, и никто не смеет ему даже слово сказать... Смертный приговор в Кархайде редкость. На планете Зима жизньдается трудно, и люди там предпочитают, чтобы смертный приговор выносила сама природа или в крайнем случае гнев, но не правосудие. Интересно, как Эстравену с таким клеймом удастся выбраться из Кархайда? Вряд ли он бежал в автомобиле — все они здесь являются собственностью короля; может быть, ему удалось нанять снегоход? А вдруг он пешком пробирается сейчас к границе, унося в заплечном мешке все свое жалкое имущество? Жители Кархайда чаще всего передвигаются именно пешком; у них здесь нет выочных животных, нет летательных аппаратов; для энергоемких механизмов серьезным препятствием является слишком холодный климат. Выrocем, они не слишком торопливы. Я представил себе, как этот гордый человек, размеренно шагая по дороге, направляется в ссылку — маленькая усталая фигурка среди бесконечных заснеженных просторов, устремившаяся на запад, к заливу. Весь этот водоворот мыслей промелькнул в моей голове, пока я стоял у ворот дома Эстравена; в водоворот этот оказались втянутыми и мои собственные невнятные сомнения относительно мотивов и поступков не только Эстравенса, но и короля. Оба они вместе просто меня добили. Да, я, разумеется, потерпел неудачу. Но что же теперь?

Наверное, мне следует направиться в Оргорейн, это соседнее с Кархайдом государство и его наиболее сильный соперник. Но как только я туда уеду, мне, вполне возможно, будет уже не очень просто вернуться назад, в Кархайд, а я еще не закончил здесь свои дела. Я должен все время помнить о том, что вся моя жизнь целиком может потребовать-

ся лишь для того, чтобы миссия, с которой послала меня сюда Экумена, была выполнена. Не спеши. Нет никакой особой необходимости сломя голову мчаться в Оргорейн, пока ты не получил еще достаточно полных сведений о Кархайде, и прежде всего о Цитаделях. В течение двух лет я только и делал, что отвечал на вопросы, теперь я, пожалуй, сам задам несколько интересующих меня вопросов. Но не в Эренранге. Я наконец-то понял, о чем Эстравен пытался тогда предупредить меня; хоть и нельзя было полностью доверять его советам, нельзя было и сбрасывать их со счетов. Ведь он явно намекал тогда, хоть и не говорил этого прямо, что мне следует держаться подальше от столицы и королевского дворца. Почему-то мне вдруг вспомнились зубы Тайба... Король предоставил мне свободу передвижения по стране; я этим воспользуюсь. Как любили говорить в Экуменической Школе, когда активная деятельность перестает приносить пользу, начинайте тихо собирать информацию; когда сбор информации перестает приносить пользу, ложитесь спать. Спать мне пока не хотелось. Я, пожалуй, направлюсь на восток, к Цитаделям; возможно, там мне удастся сбрать кое-какую информацию у Предсказателей.

4. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Восточнокархайдская легенда, рассказанная Тобордом Чорхава из Очага Горинхеринг и записанная Дж. Аи, 93/1492.

Однажды князь Берости рем ир Ипе пришел в Цитадель Танжеринг и предложил сорок драгоценных бериллов и половину урожая всех своих садов в уплату за предсказание. Цена оказалась приемлемой для всех, и князь Берости задал свой вопрос Ткачу Одрену. Вопрос этот звучал так: «В какой день я умру?»

Предсказатели собрались вместе и удалились во Тьму. Когда пребывание во Тьме закончилось, Одрен произнес слова общего ответа всех Предсказателей: «Ты умрешь в день Одстрет» (что значит: девятнадцатый день любого месяца. — Дж. Аи).

«Но какой это будет месяц, какой год и сколько лет пройдет до этого дня?» — возопил Берости, однако священная связь между Предсказателями уже распалась, и ответа не последовало. Тогда Берости вбежал в круг Предсказателей, схватил Ткача Одрена за горло и стал его душить, требуя,

чтобы ему разъяснили ответ. С большим трудом Ткача вырвали из рук князя Берости — он был очень сильный человек и все порывался освободиться и кричал: «Дайте же мне настоящий ответ!»

Одрен сказал тогда: «Настоящий ответ тебе дан. Цена за него уплачена. Уходи».

Разгневанный Берости рем ир Ипе вернулся в Очаг Чаруте, один из трех Очагов, принадлежавших его роду. То было небогатое селение в северном Озноринере, которое Берости совсем разорил, собирая плату за предсказание. Князь заперся в верхних комнатах центральной башни Очага как в крепости и не желал выходить оттуда ни к другу, ни к врагу, ни ради сева, ни ради сбора урожая, ни во время кеммера, ни для развеселых забав. Так прошел один месяц, потом еще один, и еще, и шесть месяцев прошло, и десять, а Берости все сидел в своих покоях как узник и ждал. В дни Оннетерхад и Одстрет (восемнадцатый и девятнадцатый дни месяца. — Дж. Аи) он отказывался от пищи и питья, а также совсем не ложился спать.

Его возлюбленным кеммерингом, связанным с ним клятвой верности, был некто Хербор из рода Геганнер. И вот этот Хербор поздней осенью, уже в месяце Гренде, объявился в Цитадели Танжеринг и сказал Ткачу: «Мне необходимо получить предсказание».

«Чем ты можешь нам заплатить за это?» — спросил Ткач Одрен, заметив, что человек этот одет бедно, на нем старые башмаки, и сани у него тоже старые.

«Я заплачу собственной жизнью», — сказал Хербор.

«А нет ли у тебя чего-нибудь иного, господин мой? — учтиво спросил Одрен, ибо теперь обращался с ним как с самым благородным князем. — Не можешь ли ты расплатиться с нами иначе?»

«Не могу: у меня больше ничего нет, — ответил Хербор. — Но я не уверен, имеет ли моя жизнь какую-либо ценность для вас».

«Нет, — сказал Одрен, — для нас — никакой».

Тогда Хербор упал перед Одреном на колени, сгорая от стыда и любви, и крикнул: «Умоляю, ответь на мой вопрос! Это не ради меня».

«Ради кого же?» — спросил Ткач.

«Ради князя моего и кеммеринга Аше Берости, — ответил Хербор и заплакал. — Он больше не ведает ни любви, ни радости, ни охоты править своим княжеством, получив здесь

тот ответ на свой вопрос, который и ответом-то не является. Он умрет от этого».

«Именно так: от чего же еще может умереть человек, как не от смерти? — ответствовал Ткач Одрен. Однако страстные слова Хербора все же тронули его сердце, и, помолчав, он сказал: — Я попробую отыскать ответ на твой вопрос, Хербор, и не запрошу за этот ответ ничего. Но подумай сам: все на свете имеет свою цену. И спрашивающий всегда платит то, что должен».

Тогда Хербор прижал руки Одрена к своим глазам в знак благодарности, и подготовка к предсказанию началась. Предсказатели собирались вместе и ушли во Тьму. Они призвали к себе Хербора, и он задал им свой вопрос, который звучал так: «Сколь долго проживет Аше Берости рем ир Ипе?» Так Хербор надеялся вызнать число дней или лет, оставшихся его возлюбленному, и успокоить его сердце. Вдруг Предсказатели как-то странно, разом все задвигались, зашевелились во Тьме, и Одрен всхлипнул с такой болью в голосе, словно его жгли на костре: «Дольше, чем Хербор из рода Геганнер!»

Не на такой ответ надеялся Хербор, однако именно такой ответ получил он и, обладая кротким и терпеливым сердцем, отправился с этим ответом домой, в Чаруге, сквозь метели последнего предзимнего месяца Гренде. Он пересек пределы княжества, добрался до родного Очага, поднялся по лестнице в башню, где на самом верху нашел своего кеммеринга Берости, по-прежнему в тупом оцепенении сидевшего у погасшего камина. Положив руки на стол из красного камня, Берости бессильно уронил на них голову.

«Аше, — сказал Хербор, — я побывал в Цитадели Танжеринг и получил ответ Предсказателей на свой вопрос. Я спросил их, сколько ты еще проживешь, и ответ их гласил: Берости проживет дольше, чем Хербор».

Берости медленно повернул голову, словно шея у него заржавела, и посмотрел на него. Потом сказал: «Так ты спросил у них, когда же я в таком случае умру?»

«Я спросил, как долго ты еще проживешь».

«Как долго? Ах ты дурак! Отчего же ты не спросил Предсказателей, когда именно мне предстоит умереть — в какой день, месяц, год, сколько еще дней мне осталось! Ты зачем-то спросил «как долго». Ах ты дурак, дурак лупоглазый, да уж конечно я проживу дольше, чем ты!»

И Берости в гневе легко, словно лист жести, поднял стопешницу из красного камня и опустил ее на голову Хербора.

Тот упал, а Берости так и застыл в оцепенении. Потом он приподнял каменную плиту и увидел, что раздробил Хербому череп. Тогда Берости водрузил столешницу на место, лег рядом с мертвцом и обнял его, словно они оба по-прежнему любили друг друга. Так их и нашли жители Очага Чаруте, когда в конце концов взломали дверь и ворвались в верхние покои. С тех пор Берости лишился рассудка, и его пришлось денно и нощно стеречь, ибо он все порывался отправиться на поиски Хербора, который, как ему казалось, находится где-то неподалеку, в пределах княжества. Так он прожил еще месяц, а потом повесился в день Одстрет — девятнадцатый день месяца Терн, первого месяца зимы.

5. ПРИРУЧЕНИЕ ПРЕДЧУВСТВИЙ

Мой квартирный хозяин, персона весьма достойная, организовал мне путешествие на восток.

— Если хотите посетить Цитадели, сначала нужно перебраться через Каргав, потом по горным дорогам попасть в Старый Кархайд, а потом — в Рир, прежнюю столицу королевства. Вот что я скажу вам по секрету: один мой близкий знакомый водит караваны вездеходов через перевал Эскар; вчера за чашей *орша* он как раз сказал мне, что они отправляются довольно скоро, в первый месяц лета, Гетени Осме, поскольку весна была очень теплой и дороги уже растаяли до самого Энгохара, а на самом перевале дня через два пройдут снегоуплотнители, так что можно будет отправляться в путь. Сам-то я через перевал вовсе не собираюсь: Эренранг стал мне родным домом. А все ж таки я *йомешта*, слава девятыстам Хранителям Трона и священному Млеку Меше, а выросшие в нашей вере всегда и везде одинаковы. Наша-то религия новая, и Господь наш, Меше, родился всего 2202 года тому назад, тогда как Старый Путь Ханддарты был проложен за 10 000 лет до этого. Чтобы найти Старый Путь, необходимо вернуться в Старый Кархайд. Знаете что, господин Аи, я сохраню для вас комнату на этом Острове, и она будет ждать вас, когда бы вы ни вернулись. По-моему, вы поступаете мудро, на время покидая Эренранг: всем ведь известно, что Предатель постарался каждому показать, какой он вам большой друг. Но теперь, когда «королевским ухом» стал старый Тайб, все опять пойдет как надо. Если угодно, можете прямо сейчас спуститься в Новый Порт; там вы найдете моего приятеля, и если он услышит, что вы от меня...

Ну и так далее. Ужасный болтун! К тому же, заметив, что я не слишком забочусь о своем шифгреторе, он охотно использовал любой предлог, чтобы дать мне разумный совет; впрочем, даже и он портил любой, самый искренний совет бесконечными «если» и «как будто». Он был комендантом нашего Острова, а я про себя называл его своей «квартирной хозяйкой» — уж больно толстая, подрагивающая на ходу задница была у него, доброе, полное лицо и по-женски добрая, отзывчивая душа, несмотря на довольно-таки противную привычку вечно подсматривать, вынюхивать и шпионить. Ко мне этот человек относился прекрасно, однако в мое отсутствие водил всяких любопытствующих прощелыг Ко мне в комнату: «Посмотрите, господа, вот комната нашего загадочного Посланника!» В нем было столько женского — во внешности и в повадках, — что я однажды спросил, сколько у него детей. Он помрачнел. Сам он никогда еще не производил на свет ребенка. Однако был, так сказать, отцом четырех. Один из тех щелчков по носу, которые я вечно здесь получал. Культурный «шок», который я порой здесь испытывал, был, в общем-то, незначительным по сравнению с тем биологическим шоком, которому я, существо мужского пола, постоянно подвергался среди этих людей, пять шестых своей жизни пребывающих в состоянии некоей бесполой стерильности.

Радиосводки новостей по большей части состояли из сообщений о деятельности нового премьер-министра Пеммера Харге рем ир Тайба. Значительная часть новостей была также посвящена конфликту у северной границы, в долине Синотх. По всей вероятности, Тайб решил возобновить притязания Кархайда на эту территорию; подобная государственная политика в любом другом мире на данном уровне развития цивилизации непременно привела бы к войне. Но на планете Гетен ничто не приводило к войне. Ссоры, убийства, феодальные распри, интриги, вендетты, публичные избиения, пытки, разжигание ненависти — все это входило в репертуар их гуманистических «достижений»; но до войны дело не доходило никогда. Похоже, им не хватало способности мобилизоваться. В этом смысле они вели себя подобно животным или женщинам. Но совсем не как мужчины или муравьи-солдаты. Так что, какова бы ни была причина этого, войны у них еще никогда не бывало. То, что я узнал об Оргорейне, однако, указывало, что за последние пять-шесть столетий он значительно повысил свою мобилизационную способность и продолжал ее повышать, в этом смысле становясь

гораздо больше похожим на настоящее националистическое государство. Борьба за усиление своего авторитета, постоянное соперничество, прежде всего в области экономики, могли бы заставить и Кархайд вступить в соревнование со своим более крупным соседом и стать единой нацией, а не толпой вздорных родственников, как говоривал Эстравен; тогда жители Кархайда, как говоривал все тот же Эстравен, превратились бы в подлинных патриотов своего государства. Если бы это произошло, у гстенианцев, наконец, вполне возможно, возникли бы великолепные шансы развязать первую в истории планеты войну.

Мне давно хотелось побывать в Оргорейне и самому увидеть, насколько справедливы мои предположения, но сначала нужно было покончить с делами в Кархайде. А потому я продал еще один рубин знакомому ювелиру со шрамом на лице, чей магазин находился на улице Энг, и почти без багажа, прихватив с собой лишь деньги, ансибль, кое-какие инструменты и смену одежды, попросился в качестве пассажира на один из вездеходов торгового каравана, отправлявшегося к перевалу в первый день лета.

Караван вышел в путь на рассвете, покинув продуваемые всеми ветрами грузовые верфи Нового Порта. Вездеходы прошли под новой аркой и повернули на восток — двадцать неуклюжих, тихоходных, похожих на баржи грузовиков на гусеничном ходу, гуськом ползущих по глубоким улицам Эренранга, тонувшим в предрассветных сумерках. Они везли ящики с линзами, катушки с магнитофонной лентой, мотки медной и платиновой проволоки, тюки с матерью из натурального волокна, сырье для которой было выращено близ Западного Перевала, вяленый балык, доставленный с берегов залива Гутен, целые корзины шарикоподшипников и прочих некрупных машинных деталей; десять грузовиков были полностью загружены зерном из Орготы. Все это предназначалось для кархайдского форпоста Перинг, расположенного на пересечении северной и восточной границ государства. Все перевозки грузов на Великом Континенте осуществлялись с помощью этих электровездеходов, которые в теплое время года через многочисленные реки и проливы переправляли на паромах и баржах. В течение долгих зимних месяцев пути лишь кое-где расчищали медлительные снегоуплотнители, так что автосани да еще довольно малочисленные буера на замерзших реках служили здесь единственными средствами передвижения, если не считать лыж и обыкновенных саней, которые людям приходилось тащить самим. В

период таяния снегов на Гетен не надежен ни один вид транспорта, а потому большая часть транспортных перевозок осуществляется — причем с великой поспешностью — именно летом. Дороги в это время буквально забиты караванами машин. Движение строго контролируется. Каждое отдельное транспортное средство, как и весь караван, обязано поддерживать постоянную радиосвязь со специальными постами, расположенными вдоль дорог. И движение осуществляется все же вполне равномерно, какими бы забитыми ни казались пути, причем машины движутся со скоростью около сорока километров в час (земной). Гетенианцы могли бы сделать свои машины более скоростными, но не делают этого. И на вопрос «Почему?» отвечают: «А зачем?» Точно так же, как когда нас, землян, спрашивают, зачем нам столь скоростные машины, и мы отвечаем: «А почему бы и нет?» О вкусах, как говорится, не спорят. Землянам присуще вечное стремление вперед, постоянный прогресс. Для людей с планеты Зима, которые вечно живут в Году Первом, прогресс значительно менее важен, чем сам процесс жизни. Мои вкусы были типично земными, так что, покинув Эренранг, я порой прямо-таки терял терпение из-за методичной нетропливости каравана; мне хотелось выскочить из вездехода и побежать вперед. Хотя оказалось удивительно приятно ощутить широкий простор, выбраться из глубоких улиц-ущелий, зажатых каменными стенами, затененных крутыми черными крышами и бесчисленными башнями, — из этого лишенного солнца города, где все мои надежды в итоге обернулись страхом и предательством.

Взбираясь к перевалу Каргав, караван довольно часто, хоть и ненадолго, останавливался, чтобы люди могли перекусить в придорожных гостиницах. Уже к полудню, преодолев очередной подъем, мы смогли полюбоваться широкой горной долиной. Отсюда была видна гора Костор, до которой надо было еще ползти вверх километров шесть. Отвесная стена ее западного склона скрывала пока самые северные вершины, порой достигавшие десятикилометровой высоты. К югу от Костора на фоне бесцветного неба тянулась череда белых вершин; я насчитал тринадцать; последняя из них неясным призраком мерцала в дымке на далеком горизонте. Водитель перечислил мне названия всех тринадцати и принялся рассказывать страшные истории о неожиданных снежных обвалах, о том, как вездеходы буквально сдували с дороги горными ветрами, о снегоуплотнителях, порой на целые недели отрезанных от мира на недосягаемых высотах перева-

лов, — и так далее, и тому подобное, — должно быть, из самых дружеских побуждений: намереваясь меня, такого отчаянного, чуточку приугнуть. Он описывал, например, как шедший перед ним вездеход занесло и машина полетела в пропасть с трехсотметровой высоты; самым удивительным, по его словам, было то, что падал вездеход удивительно медленно, он полдня сползая по склону и наконец совершенно беззвучно исчез в двенадцатиметровом слое снега на дне пропасти, а сползшая за ним следом лавина окончательно поглотила его.

С наступлением Часа Третьего мы остановились на обед в большой придорожной гостинице, где в просторных помещениях ярко горел в каминах огонь, под потолком виднелись балки мощной кровли, а столы изобиловали прекрасной едой; однако ночевать мы не остались. Наш караван следовал безостановочным маршрутом и считался «спальным». Водители спешили (если это слово вообще применимо к особенностям кархайдской жизни и психики) первыми прибыть в Перинг, чтобы, так сказать, снять на местном рынке все сливки с помощью своих агентов. В вездеходах сменили электробатареи, на вахту заступила новая смена водителей, и мы снова двинулись в путь. Один из вездеходов служил чем-то вроде спального вагона — но только для водителей; для пассажиров там места не нашлось, и я провел ночь на жестком сиденье в холодной кабине водителя. За всю ночь мы только один раз около полуночи сделали остановку, чтобы перекусить в маленькой гостинице высоко в горах. Кархайд — суровая страна, мало приспособленная для комфорта. На рассвете я очнулся от дремоты и увидел, что все живое как бы осталось позади, а впереди — только скалы, льды и тьма, прорезанная светом фар, да узкая дорога, ведущая все вверх и вверх. Дрожа, я подумал, что есть вещи и поважнее комфорта и теплого жилища — если, конечно, ты не старая женщина и не кошка.

На этой дороге, ползущей вверх меж устрашающих стен из снега и гранита, гостиниц больше не попадалось. Для того чтобы перекусить, водители осторожненько подъезжали к стоянке и аккуратно вставали один за другим на заваленной снегом площадке под углом градусов тридцать к краю. Все вылезали из кабин и собирались у спального вездехода, где шла раздача мисок с горячим супом и нарезанных ломтиками хлебных яблок, а также кружек с кисловатым пивом. Мы стояли на снегу, переступая с ноги на ногу, и жадно поглощали пищу, запивая ее пивом и стараясь повернуться спи-

ной к пронизывающему насквозь ветру, который нес колючую снеговую пыль. Потом возвращались обратно в грузовики и снова двигались в путь — все выше и выше. В полдень на перевале Уехот, на высоте более четырех километров, на солнце было +26 градусов, а в тени — 10 градусов. Электродвигатели работали настолько бесшумно, что слышно было, как ворчат, сползая по бесконечно далеким голубоватым склонам, снежные лавины — где-то километрах в тридцати от дороги.

Ближе к вечеру мы преодолели Эстакар, верхнюю точку перевала на высоте более пяти километров. Глядя на южный склон Костора, по которому мы бесконечно долго, целые сутки, ползли сюда, я заметил странное нагромождение скал примерно на полкилометра выше дороги, очень похожее на старинный замок.

— Вон, посмотрите, там наверху Цитадель, — сказал водитель.

— Так это построено людьми?

— Да, это Цитадель Арикостор.

— Но ведь на такой высоте жить невозможно!

— Ну, Старики могут. Мне приходилось бывать там с караваном в последние дни лета; мы привозили им продукты из Эренранга. Разумеется, они практически заперты там в течение десяти-одиннадцати месяцев в году, но для них это значения не имеет. Там примерно семь или восемь постоянных Обитателей.

Я смотрел на контрфорсы из грубого камня, столь немыслимые в безлюдном пространстве этих высот, что никак не мог поверить в их реальность; однако оставил свои сомнения при себе. Если какие-то люди способны выжить в этих промороженных местах, то это, безусловно, жители Кархайда.

Дорога теперь пошла вниз, довольно сильно петляя и проходя в опасной близости от отвесных краев пропасти. Восточный склон Каргава значительно круче западного и образует как бы гигантские ступени сбросов, возникших еще во времена ранних геологических возмущений. На закате мы увидели едва заметную сквозь мошный слой белого тумана цепочку движущихся точек на два километра ниже: караван, который ушел из Эренранга за день до нас. К вечеру следующего дня мы достигли того же участка дороги и потихоньку продолжали спускаться по заваленному плотным снегом склону горы, боясь даже чихнуть, чтобы не вызвать снежной лавины. Отсюда мы увидели далеко внизу, на востоке, теряющиеся в дымке тумана обширные долины, по которым про-

бегали тени облаков; сквозь туман поблескивали серебряные нити рек. Это была долина реки Рир.

В сумерки, на четвертый день нашего путешествия, мы добрались до самого Рира. Между Эренрангом и Риром было более двух тысяч километров, горная стена в несколько километров высотой и две или три тысячи лет. Караван остановился у западных ворот города, откуда грузы должны были доставить к местам назначения мелкие баржи, специально предназначенные для плавания по узким каналам и речным рукавам. Ни один вездеход или автомобиль въехать в Рир не мог. Город был построен за много веков до того, как жители Кархайда начали использовать энергетические двигатели, а использовали они их уже более двадцати веков. В Рире не существовало обычных улиц, вместо них были крытые переходы, похожие на туннели. Летом по ним можно было ходить как внутри, так и снаружи. Отдельные дома, Острова и Очаги, строились как заблагорассудится их хозяевам — хаотично, просторно. В Кархайде часто именно анархическая застройка городов придавала им особое очарование. Над городом царили башни Дворца Ун — кроваво-красные и без окон. Построенные семнадцать веков назад, башни эти служили резиденцией королей Кархайда по крайней мере тысячу лет, пока Аргавен Харге Первый не перебрался через Каргав и не основал поселение в обширной долине за Западным Перевалом.

Все строения Рира отличаются фантастической массивностью, мощным глубоким фундаментом, защищены от любых бурь и паводков. Зимой ветер в горных долинах бывает порой таким сильным, что в городе сдувает почти весь снег; зато, когда при тихой погоде случаются обильные снегопады, жителям не приходится расчищать улицы, потому что улиц там нет. Тогда из дома в дом можно попасть по закрытым каменным переходам или по временными, прорытым прямо в снегу туннелям. А над снежной поверхностью виднеются лишь крыши домов; зимние двери в них устроены прямо на чердаках или в мансардах. Весна — самое трудное здесь время, ибо долина Рира богата реками. Весной пешеходные туннели превращаются в сточные трубы, а между домами возникают каналы или озера, по которым жители Рира переправляются на лодках, отталкивая льдинки веслами. Но всегда — летом ли, во время пыльных бурь, или зимой, когда дома по самые крыши утопают в снегу, или во время весенних паводков — красные башни Рира отчетливо видны в не-

бесах — нерушимый, но опустевший ныне оплот, древняя столица Кархайда.

Я остановился в отвратительной и слишком дорогой гостинице, как бы скрючившейся при виде гордых башен. Мне всю ночь снились дурные сны, и я, поднявшись на рассвете, поспешно расплатился за ночлег, завтрак и весьма невнятные указания относительно того, как мне следует идти, и двинулся пешком на поиски Отерхорда, старинной Цитадели, расположенной неподалеку от Рира. Пройдя буквально метров пятьдесят, я сбился с пути. Стارаясь идти все время так, чтобы башни находились у меня за спиной, а белоснежная громада Каргава — справа, я вышел из города по южной дороге, но сынишка какого-то фермера, попавшийся мне навстречу, тут же объяснил, где именно нужно было свернуть, чтобы попасть в Отерхорд.

Я добрался туда к полудню. То есть *куда-то* я добрался, хотя понятия не имел, куда именно. Вокруг был лес или, если угодно, густой кустарник; но деревья выглядели в высшей степени ухоженными даже для этой страны, где лесники весьма и весьма прилежны; тропа, по которой я шел, была очень прямой и вела куда-то вправо по склону горы меж аккуратных деревьев. Через некоторое время я заметил совсем рядом с тропой небольшой деревянный домик, а потом — большое строение, тоже деревянное, но уже слева и чуть дальше; оттуда доносился весьма аппетитный запах жареной рыбы.

Я медленно и несколько неуверенно брел по тропе, понятия не имея, как *ханддараты* отнесутся к появлению такого «туриста». Я маловато знал о Цитаделях. Ханддара — это религия без какой-либо церковной организации, без священнослужителей, без соответствующей иерархии, без обетов и четких установлений. Я до сих пор не могу с уверенностью сказать, есть ли у ханддаратов бог. Ханддара неуловима, непостижима. Она вне времени и пространства. Единственная ее манифестация, постоянная и неизменная, — это ее Цитадели, убежища, куда люди могут удалиться от мира и провести там либо одну ночь, либо всю жизнь. Я бы не стал так уж интересоваться этим совершенно непостижимым культом и тем более лезть в святая святых ханддаратов, если бы мне уже давно не хотелось получить ответ на вопрос, который так и остался не выясненным Исследователями: кто такие Предсказатели и чем они занимаются?

Я уже прожил в Кархайде гораздо дольше самих Исследователей и начал сомневаться в том, что в легендах о Прелска-

зателях и их пророчествах есть рациональное зерно. Легенды о пророчествах широко распространены на всех населенных людьми планетах Вселенной. Пророчествовать могут боги, духи и даже компьютеры. Двусмысленность предсказаний оракулов или простая статистическая вероятность всегда оставляет место для различных толкований, а любые противоречия тут же изживаются Истинной Верой. Тем не менее легенды о пророчествах всегда представляют интерес для любого Исследователя. Мне, например, пока не удалось убедить ни одного жителя Кархайда в существовании телепатической связи; они не желают верить в нее, не «увидев» собственными глазами. Пожалуй, то же самое испытываю и я в отношении Предсказателей Ханддary.

Я брел по тропе, когда до меня наконец дошло, что это самый центр селения или города, просто дома здесь построены так же далеко друг от друга и хаотично, как в Рире, да еще среди деревьев. Селение выглядело в высшей степени мирным. Над крышей каждого дома, над каждой тропой нависали ветви *хемменов* — самых распространенных деревьев на планете Зима, толстоствольных, невысоких, с густой светло-красной хвойей. Пирамиды хемменов обступали и ту тропу, по которой я шел; воздух был напоен хвойным ароматом; дома были сложены из толстых стволов этих же деревьев. В конце концов я просто остановился, не зная, в какую дверь постучать, и тут из-за деревьев появился человек, неспешно подошел ко мне и вежливо поздоровался.

— Не нужен ли вам ночлег? — спросил он.

— Я пришел, чтобы задать Предсказателям один вопрос.

Я давно уже решил: пусть в любом случае думают, что я житель Кархайда. Как и наши Исследователи, я никогда не испытывал в этом отношении особых трудностей: среди множества кархайдских диалектов акцент мой был практически незаметен, а мои половые «аномалии» скрывали тяжелые теплые одежды. У меня, правда, не было такой густой шапки волос и типичных для всех гетенианцев раскосых глаз с чуть опущенными уголками, к тому же я был несколько выше обычного их роста и кожа у меня была темнее, но все же я не настолько уж выходил за пределы нормы. Растительность на лице мне долго и тщательно выводили еще до того, как я улетел с Оллюля (тогда мы еще даже не знали, что на севере, в Перунтере, существуют «волосатые» племена, у которых не только чрезвычайно густые бороды, но и тела покрыты курчавой растительностью, как это бывает у белокожих землян). Меня даже спрашивали, когда это я умудрился

так сильно сломать нос. Нос мой от природы плоский и широкий, а у гетенианцев носы тонкие, прямые, с четко очерченными изящными ноздрями, очень хорошо приспособленные для того, чтобы дышать леденящим воздухом планеты Зима. Вот и этот человек, встретившийся мне на тропе в Отерхорде, смотрел на мой нос с легким любопытством. Однако на мое заявление спокойно ответил:

— В таком случае вы, наверное, захотите поговорить с Ткачом? Он сейчас внизу, на поляне, если только не уехал за дровами. А может быть, вам угодно будет прежде поговорить с кем-либо из Целомудренных?

— Не знаю, не уверен... Я, знаете, на редкость мало осведомлен...

Молодой человек рассмеялся и поклонился мне.

— Я польщен! — заявил он. — Я прожил здесь три года и все еще чувствую себя весьма мало осведомленным, настолько мало, что об этом и говорить не стоит.

Он почему-то очень развеселился, однако манеры у него были удивительно приятные, с его помощью мне даже удалось припомнить кое-что о Ханддare и ее особой мудрости: я понял, насколько самонадеянным и хвастливым было мое заявление — все равно что сказать, подойдя к здешним Обитателям: «Знаете, я на редкость хорош собой...»

— Я хотел сказать, что ничего не знаю о Предсказателях...

— Завидно! — сказал молодой Обитатель. — И тем не менее мы всегда вынуждены пачкать чистый снег своими следами, чтобы попасть куда-либо. С вашего позволения, я мог бы проводить вас на поляну. Меня зовут Госс.

— Дженили, — представился я, не упоминая своего «Аи».

Мы углубились в лесную чащу. Узкая тропа постоянно петляла, то поднимаясь по склону, то опускаясь вниз; тут и там, то совсем рядом с ней, то в отдалении среди массивных стволов хемменов стояли небольшие, сложенные из бревен дома. Все здесь было красновато-коричневым, мрачноватым; во влажном воздухе было разлито спокойствие и хвойный аромат. От одного из домов плыли слабые нежные звуки кархайдской флейты. Госс шел легко и быстро в нескольких метрах впереди меня, стройный и изящный, как девушка. Вдруг его теплая белая рубаха как бы вспыхнула в лучах света, и вслед за ним я вышел из густой тени леса на залитый солнцем широкий зеленый луг.

Метрах в шести от нас возвышалась неподвижная, очень прямая фигура человека; он стоял к нам боком, его алый хайэб и белая рубаха, расшитая яркими эмалями, красиво

выделялись на зеленом фоне. Подальше из густой травы поднималась вторая «статуя» — человек, одетый в голубое и белое; этот вообще даже не пошевелился и не взглянул в нашу сторону, пока мы разговаривали с первым. Они были заняты практикой психотренинга, так называемого Присутствия, что, по сути дела, является состоянием транса. Ханддараты, как всегда от противного, называют его анти-трансом, имея в виду некую «утрату себя» или «саморастворение», осуществляемые через концентрацию образно-чувственного восприятия. Техника погружения в это состояние явно имеет самое непосредственное отношение к мистицизму и, пожалуй, связана с категорией Имманентности. Впрочем, не берусь уверенно классифицировать ни практику Хандлары, ни ее категории.

Госс что-то сказал человеку в алом хайэбе. Тот медленно возвратился к реальности, посмотрел на нас и сделал несколько неторопливых шагов по направлению ко мне; внезапно меня охватил страх: под полуденным солнцем он светился каким-то иным светом, словно исходящим от него самого.

Он был почти таким же высоким, как и я, только стройнее, с ясными глазами и открытым, красивым лицом. Когда наши взгляды встретились, мне вдруг захотелось заговорить с ним мысленно, попытаться достигнуть глубин его души с помощью телепатии, которой я ни разу не пользовался с тех пор, как попал на планету Зима, и пока что пользоваться не намеревался. Сейчас, однако, это желание оказалось сильнее запрета: я вышел с ним на телепатическую связь, но ответа не получил. Контакт не состоялся. Он продолжал смотреть мне прямо в лицо. Потом улыбнулся и сказал приятным, довольно высоким голосом:

— Вы тот самый Посланник, да?

— Да, — заикаясь ответил я.

— Мое имя Фейкс. Нам весьма лестно принимать у себя такого гостя. Вы ведь поживете у нас в Оттерхорде?

— С радостью принимаю ваше приглашение. Мне, если это возможно, хотелось бы немного узнать о практике Предсказаний. А если заменяю я смогу сообщить нечто интересующее вас, например, относительно того, кто я такой и откуда прибыл, то я...

— Все, что вам будет угодно, — сказал Фейкс с безмятежной улыбкой. — Это просто замечательно! Ведь для того, чтобы попасть сюда, вам пришлось пересечь Космический

Океан, затем проделать еще две тысячи километров от Эренранга, перебраться через Каргав и...

— Мне давно хотелось побывать в Отерхорде. Ведь ваши Предсказатели пользуются удивительной славой.

— В таком случае вам, наверное, интересно было бы посмотреть, как это происходит. Или у вас есть свой собственный вопрос к нам?

Его ясные глаза заставляли говорить правду.

— Не знаю, — ответил я.

— *Нусутх*, — сказал он, — неважно. Это не имеет значения. Возможно, если вы останетесь здесь, то в конце концов решите, есть ли у вас вопрос к Предсказателям или совсем нет никаких вопросов... Знаете, есть лишь определенные дни, когда Предсказатели могут собраться все вместе, так что в любом случае вам придется пожить с нами некоторое время.

Я и пожил, и это были очень приятные дни. Мне была предоставлена полная свобода; приходилось лишь порой принимать участие в общих работах — на поле, например, или в саду, а также заготавливать дрова и ремонтировать жилища. Гости, вроде меня, приглашались теми постоянными Обитателями, которым в данный момент требовалась помощь. В остальное время никто меня не беспокоил, и порой за целый день мне не доводилось ни с кем обменяться даже словом. Наиболее часто моими собеседниками оказывались молодой Госс и Фейкс-Ткач, чей удивительный характер — абсолютно прозрачный и одновременно абсолютно непостижимый, словно бездонный колодец, полный ключевой воды, — как бы воплощал в себе чистоту и загадочность этих мест. По вечерам то в одном, то в другом невысоком, окруженном деревьями домике в гостиной у очага собиралась компания: разговаривали, пили пиво; порой звучала и музыка — энергичные ритмы Кархайда, мелодически несложные, зато всегда в форме весьма изощренных импровизаций. В один из таких вечеров я наблюдал танец двух Старикив Отерхорда. Это действительно были очень старые люди: волосы их совсем побелели, руки и ноги казались тошими, как палки, а кожистые складки у внешних уголков глаз нависали так, что, по-моему, мешали им видеть. Их танец был медленным, движения точными, рассчитанными, радующими сердце и взор. Старики начали танцевать в Часу Третьем, сразу после обеда. Музыканты совершенно произвольно то вступали, то почти все разом умолкали, за исключением барабанщика, который ни на миг не прекращал, искусно меняя

ритм, вести мелодию. В Часу Шестом двое престарелых танцоров все еще продолжали свой танец. Миновала полночь, то есть они протанцевали уже более пяти земных часов. Впервые мне удалось наблюдать феномен *дотхе* — произвольно вызываемую и контролируемую человеком концентрацию энергии; на Земле подобный «истерический» прилив сил может быть вызван, например, сильным душевным волнением, однако дотхе землянам неведомо; теперь мне гораздо легче было поверить в немыслимые истории, рассказывающие о Стариках-ханддаратах.

Здесь шла глубокая «интровертная» жизнь — вполне самодостаточная, чуточку застойная; ханддараты были погружены в то самое, воспеваемое ими, особое «Неведение», которое является следствием неактивности и невмешательства. Основное правило подобного поведения прекрасно выражено их излюбленным словом *нусутх*, которое приблизительно можно перевести выражением «все равно» или «неважно». Слово это — краеугольный камень культа Ханддара, и я не стану притворяться, что хотя бы отчасти понял его. Зато после двух недель, проведенных в Оттерхорде, я начал гораздо лучше понимать Кархайд, за бесконечными государственными праздниками, сложной политикой и страстями которого стоит многовековая, древняя тьма, пассивная, анархическая, молчаливая и в то же время удивительно плодотворная Тьма Ханддары.

Именно среди этого, казалось бы, абсолютного молчания и вспыхивает вдруг необъяснимое откровение Предсказателя.

Молодой Госс, который с удовольствием сопровождал меня повсюду, сказал, что я могу спросить Предсказателей о чем угодно, любым способом сформулировав свой вопрос.

— Чем лучше обдуман вопрос, чем короче он сформулирован, тем точнее будет ответ на него, — сказал он. — Неясность порождает неясность. И на некоторые вопросы, разумеется, ответа не существует.

— А если я задам как раз такой вопрос? — поинтересовался я. Это ограничениеказалось мне искусственным, хотя и было уже знакомо.

Госс совершенно неожиданно ответил:

— В таком случае Ткач откажется отвечать вам. Вопросы, не имеющие ответа, разрушили не одну группу Предсказателей.

— Разрушили?

— Вам ведь известна история лорда Шортха, который за-

ставил Предсказателей из Цитадели Эсен отвечать на вопрос «В чем смысл жизни?» Вообще-то случилось это уже более двух тысяч лет назад. Предсказатели в тот раз оставались во Тьме в течение шести дней и шести ночей. В конце концов все Целомудренные впали в кататонию, Блаженные умерли, а Первверты насмерть забили лорда Шортха камнями, ну а Ткач... Это был человек по имени Меше.

— Основатель культа Йомеш?

— Да, — сказал Госс. И засмеялся, будто сказал что-то веселое. Я так и не понял, над кем он смеялся — над последователями культа Йомеш или надо мной.

И я решил задать такой вопрос, на который можно было бы ответить только «да» или «нет»; тогда по крайней мере можно будет судить о степени ясности или двусмыслинности ответа. Фейкс подтвердил слова Госса о том, что вопрос мой может касаться материй, совершенно неведомых Предсказателям. Я мог спросить, например, будет ли в этом году в северном полушарии планеты Эс хороший урожай культуры ульм, и они ответят на этот вопрос, не имея ни малейшего представления о том, существует ли такая планета. Мне показалось, что все это похоже на самое обыкновенное гадание — вроде обрывания лепестков ромашки или подбрасывания монетки. Нет, заявил мне Фейкс, ничего подобного, среди Предсказателей никто не полагается на удачу. Да и весь процесс предсказания полностью противоположен обычноному гаданию.

— Значит, вы читаете мысли?

— Нет, — сказал Фейкс, улыбаясь открыто и безмятежно.

— Но может быть, вы устанавливаете между собой телепатическую связь, не отдавая себе в этом отчета?

— А какой толк тогда был бы в предсказаниях? Если спрашивающий знает ответ, то зачем ему платить нам дорогою цену?

Я выбрал такой вопрос, ответа на который мне определенно недоставало. Одно лишь время могло доказать, правы Предсказатели или нет, если только это не одно — как я отчасти опасался — из тех поистине восхитительных профессиональных «пророчеств», которые применимы для любого исхода дела. Вопрос мой отнюдь не был тривиальным; я на прочь отказался от идеи спросить, например, когда перестанет идти дождь или иную подобную чушь, ибо осознал, что задавать вопрос Предсказателям дело не только весьма сложное, но и опасное, прежде всего для всех девяти Предсказателей Оттерхорда. Цена ответа была высока: два из моих ос-

тавшихся рубинов уплыли в казну Цитадели; однако для да-
ющих ответ цена эта была еще выше. И когда я ближе узнал
Фейкса и мне стало почти невозможно поверить в то, что он
просто ловкий трюкач, не менее трудно оказалось считать
его абсолютно честным человеком, заблуждающимся отно-
сительно трюкаческого характера самой процедуры предска-
зания. Его интеллект и проницательность были столь же от-
точенны, ясны и прекрасно огранены, как мои рубины. И я
не осмеливался готовить ему ловушку. Так что вопрос мой
содержал лишь то, что мне больше всего хотелось узнать.

Итак, в день Оннетерхад, то есть восемнадцатого числа
текущего месяца, девять Предсказателей собрались наконец
вместе в Большом Доме, который обычно стоял запертым.
Это был как бы один огромный зал с каменными, очень хо-
лодными полами, слабо освещенный, так как свет падал из
двух очень узких, щелеобразных окон под крышей. В глубо-
ком камине, находившемся в одной из торцевых стен зала,
горел огонь. Предсказатели, все в плащах с низко надвинуты-
мыми капюшонами, уселись кружком прямо на каменный
пол — бессформенные застывшие изваяния, похожие на доль-
мены в слабых отблесках огня, горевшего в камине. Госс и
еще двое молодых Обитателей, а также лекарь из ближайше-
го Очага в молчании наблюдали за ними, сидя на скамьях у
камина. Я прошел через весь зал и оказался в кругу Предска-
зателей. Ничего особо сакрального не происходило, и все же
вокруг царило странное напряжение. Один из Предсказате-
лей исподлобья посмотрел на меня, когда я вошел в круг; я
успел заметить странное выражение его грубоватого, тяжело-
го лица и дерзкий, даже какой-то оскорбительный взгляд.

Фейкс неподвижно сидел, скрестив ноги; он был очень
сосредоточен, весь поглощен концентрацией сил, отчего его
обычно спокойный, негромкий голос прозвучал, неожидан-
но для меня, как раскат грома.

— Спрашивай! — велел он.

Я, застыв в самом центре круга, задал свой вопрос:

— Станет ли ваш мир, планета Гетен, членом Экумены,
или Лиги Миров, по прошествии пяти лет?

Воцарилось молчание. Я по-прежнему стоял в кругу, а
точнее, висел в центре паутины, сотканной их молчанием.

— Ответ на заданный вопрос существует, — раздался спо-
койный голос Ткача.

У Предсказателей, казалось, наступила некоторая релак-
сация. Изваяния в надвинутых капюшонах ожили, задвига-
лись; тот, что так странно смотрел на меня, зашептал что-то

на ухо своему соседу. Я вышел из круга и присоединился к сидевшим у камина.

Двое из Предсказателей были как бы обособлены от остальных. Они все время молчали; один время от времени приподнимал левую руку и слегка похлопывал или поглаживал ею пол — он проделал это уже раз десять или двадцать, — потом снова застыпал в той же позе. Ни одного из них я раньше в Цитадели не видел. Это были Блаженные, как называл их Госс. Они были безумны. Госс называл их еще «разделителями времени», что примерно соответствовало нашему понятию «шизофреник». В Кархайде психологи и психиатры, хоть и не умели использовать телепатию, а потому были похожи на слепых хирургов, проявляли прямо-таки гениальную изобретательность в изготовлении наркотических средств, лечении гипнозом, в акупунктуре и криотерапии, а также во многих других видах ментальной терапии. Я тихонько спросил Госса:

— А разве нельзя вылечить этих двух психопатов?

— Вылечить? — удивился он. — А вы стали бы лечить певца от сго удивительного голоса?

Пятеро следующих за Блаженными по кругу Предсказателей были постоянными Обитателями Отерхорда, как объяснил мне Госс; пока они исполняют функции Предсказателей, они обязаны хранить обет Целомудрия и не вступать в половую связь в период кеммера. Один из Целомудренных, ꙗо всей вероятности, как раз находился в кеммере. Я легко мог выделить его из остальных: уже научился отличать ту, не слишком заметную внешне, физическую активность, напоминающую просветление, которая свидетельствует о первой фазе кеммера.

Рядом с этим человеком сидел второй по степени важности член группы Предсказателей — Перверт.

— Он прибыл сюда из Очага Сприв вместе с врачом, — сообщил мне Госс. — В некоторых группах Предсказателей искусственно создают Первертов — вводят самым обычным людям женские или мужские гормоны за несколько дней до предсказания. Но лучше, конечно, иметь настоящего Перверта. Этот, например, пришел охотно; он любит славу.

Говоря о Перверте, Госс использовал местоимение, которым гетенианцы обозначают самца животного, а вовсе не то, которое применяется для человека в кеммере мужского типа. Госс даже немного смущился. Жители Кархайда свободно и даже с удовольствием говорят на любые темы, касающиеся вопросов секса или кеммера, — к этому все они без исключе-

ния относятся с уважением; однако они очень неохотно обсуждают различные типы извращений — во всяком случае, в разговорах со мной это всегда было так. Слишком затянувшийся период кеммера, когда значительный дисбаланс женских или мужских половых гормонов нарушает привычное поведение гетенианца, здесь называется извращением, или перверсией; это случается, в общем, не так уж и редко; по крайней мере три-четыре процента взрослых являются настоящими Перввертами, или сексопатами с гетенианской точки зрения, хотя по нашим земным стандартам это вполне нормальные люди. Первверты не считаются изгоями, однако относятся к ним с большим презрением, как, например, к гомосексуалистам в двуполых обществах. На кархайдском сленге их зовут «мертвяками». Первверты бесплодны.

Первверт из числа Предсказателей после того первого долгого и странного взгляда, которым он одарил меня в самом начале, больше не обращал внимания ни на кого, кроме своего непосредственного соседа, пребывавшего в кеммере, причем явно женского типа, который проявлялся тем отчетливее, чем сильнее воздействовала на него несколько преувеличенная — по здешним меркам — мужественность Первверта. Первверт постоянно что-то шептал своему соседу; тот отвечал немногословно и, как мне казалось, с некоторым отвращением. Остальные в течение уже довольно длительного времени продолжали хранить молчание. В тишине слышался лишь назойливый шепот Первверта. Фейкс не сводил глаз с одного из Блаженных. Первверт быстро и нежно накрыл своей рукой руку *кеммерера*. Тот с отвращением, а может, и со страхом отдернул ее и посмотрел на Фейкса, сидевшего напротив, как бы в поисках защиты. Фейкс не пошевелился. Кеммерер остался на прежнем месте и в следующий раз, когда Первверт дотронулся до него, даже не дрогнул. Один из Блаженных вдруг поднял лицо и издал длинный, фальшивый, негромкий смешок: ах-ха-ха-ха... хе-хе-хе...

Фейкс поднял руку. И сразу же лица всех Предсказателей в кругу обернулись к нему; он словно собрал их взгляды в некий пучок.

Сеанс предсказания начался в полдень. Шел снег, и свет серого дня вскоре померк, едва просачиваясь сквозь узкие окна-бойницы под козырьком крыши. Слабые светлые полосы света протянулись от окон — словно косые паруса фантастических призрачных судов; на стенах возникли загадочные продолговатые тени; лица Предсказателей, сидящих на полу, слабо светились как бы сами по себе: то взошла уже

луна, и лучи ее пробивались сквозь облака и лесную чащу. Огонь в камине давно погас, иного освещения в зале не было, лишь неяркие полосы и треугольники лунного света вырывали порой из темноты то лицо, то руку, то чью-то неподвижную спину. Какое-то время я видел профиль Фейкса, застывший, как белый мрамор, в луче лунной пыли. Потом полоса света упала наискосок на сгорбленную спину кеммерера: голова его лежала на согнутых коленях, руки были уперты в пол, а все тело сотрясала странная ритмичная дрожь, совпадающая с ударами — шлеп-шлеп-шлеп — рукой по полу одного из Блаженных, что сидел напротив кеммерера в темноте. Все Предсказатели казались связанными между собой, словно узлы единой паутины, я совершенно непроизвольно почувствовал эту связь, этот беззвучный разговор между ними, как бы направляемый Фейксом и контролируемый им. Именно он, Фейкс, был центром паутины, ее Ткачом. Бледный лунный свет распался на отдельные блики; блики скользнули по восточной стене зала и исчезли. Паутина, сотканная внутренней силой Предсказателей, напряжением и тишиной, становилась все более прочной.

Я попытался прервать мысленный контакт с ними. Мне стало не по себе от этого затянувшегося молчания, наэлектризованного напряжения, от того, что меня помимо моей воли втягивает в круг их ощущений, я становлюсь как бы точкой, одним из узелков создаваемой ими паутины. Однако, установив телепатический барьер, я почувствовал себя еще хуже: как бы отгороженным от них и в то же время во власти галлюцинаций, видений, мысленных контактов-прикосновений, диких образов и ощущений; все мои чувства были как-то гиперсексуально окрашены, обладали какой-то гротескной страстью — немыслимое черно-красное кипение эротических символов и желаний. Передо мной мелькали жадно распахнутые колодцы с рваными краями-губами, женские половые органы, раны, похожие на дьявольские пасти... Я полностью утратил равновесие, я куда-то падал... Если я не смогу выплеснуть в крике весь этот хаотический бред, я действительно провалюсь в него, я сойду с ума... Но крикнуть я не мог. Эмфатические и паравербальные силы, что действовали теперь, невероятно могущественные и запутанно-сложные, созданные где-то в недрах сексуальной перверсивности и общей нарушенности половых отношений, в недрах общего безумия Предсказателей, исказившего, казалось; даже само Время, и всепоглощающая необходимость сконцентрироваться и воспринимать лишь непосредственно

данную реальность — все это вместе было выше моей способности к телепатической самоизоляции, выше возможностей моего самоконтроля. Но все же эти безумные силы и страсти находились под контролем: центром, управляющим ими, был неподвижный Фейкс. Проходили часы, пролетали секунды; лунный свет больше не заглядывал в зал, скользя лишь по наружной стороне его стен; в самом зале царила тьма. И в самом центре этой тьмы был Фейкс-Ткач, казавшийся теперь женщиной в одеянии из света. Свет лился как серебро; серебряными были странные доспехи, в которые была облачена женщина, и ее меч. Внезапно свет стал жгучим и непереносимо ярким; он потоками струился по ее ногам — расплавленное серебро, жидкий огонь, — и она закричала от ужаса и боли: «Да, да, да!»

Раздался тихий смешок Блаженного — хе-хе-хе! — смешок этот становился все громче, пока не превратился в волны набегающий крик; казалось, ему не будет конца, хотя, по-моему, невозможно кричать так долго, не переводя дыхания. В темноте послышалось какое-то движение, борьба, передвигалось нечто огромное, перемещались минувшие века, толпились тени грядущих поколений. «Свет, свет, — отчетливо и медленно проговорил чей-то мощный голос и еще раз повторил: — Свет. Подбросьте дров в камин. Дайте света, больше света...»

Оказалось, то был голос врача из Сприва. Он давно уже вошел в круг, который полностью распался. Врач стоял на коленях перед Блаженными — самыми хрупкими здесь душевно, но служившими чем-то вроде детонаторов; оба сейчас лежали на полу бесформенными кучами. Тот, что пребывал в кеммере, уронил голову Фейксу на колени и судорожно хватал ртом воздух; его била дрожь. Фейкс с какой-то отстраненной лаской погладил его по голове. Один лишь Первверт забился в угол, мрачный и всеми презираемый. Предсказание завершилось, время обрело свой нормальный ход. Паутина скрытых сил была разорвана; сейчас торжествовали равнодушие и предельная усталость. Но где же ответ на мой вопрос? Как разгадать загадку оракула, двусмысленное изречение пророка?

Я опустился на пол рядом с Фейксом. Он смотрел на меня своими ясными глазами. И на какое-то мгновение я вдруг увидел его таким, каким он предстал во тьме, — женщиной в светлых серебряных доспехах, горящей в огне и с болью выкрикивающей: «Да!»

Фейкс заговорил, и видение тут же исчезло.

— Получил ли ты ответ, о Задавший Вопрос? — мягко спросил он.

— Я получил ответ, о Ткач.

Да, я его получил! Через пять лет, начиная с сегодняшнего дня, Гетен станет членом Экумены. Ответ был утвердительным и очень ясным. Никаких загадок, никаких двусмысливостей. Даже тогда я сознавал, что ответ этот представляет собой не столько пророчество, сколько результат наблюдений и опыта. Я не мог отделаться от ощущения, что ответ этот абсолютно верен, тем более что он совпадал с моими собственными возврениями. Ответ Предсказателей обладал логической ясностью и чистотой обоснованного предвидения.

Экумена владеет целым флотом космических кораблей, умеет перемещать тела и предметы в пространстве почти мгновенно на любые расстояния и в любые миры; нам ведома телепатия, однако предвидение, предчувствие мы пока еще приручить не сумели. Для того чтобы постичь эту науку, необходимо попасть на Гетен.

— Я — как бы нить накаливания, — объяснял мне Фейкс через день или два после сеанса предсказания. — Наша общая энергия нарастает как вовне, так и внутри нас, исходит наружу и возвращается назад, каждый раз вдвое усиливая свой импульс, пока не происходит прорыв; тогда в меня входит свет, окружает меня, и я сам как бы становлюсь этим светом... Один Старик из Цитадели Арбин однажды сказал мне: если бы Ткача удалось в момент ответа поместить в вакуум, он продолжал бы гореть годами. Именно так трактует учение Йомеш состояние, в котором оказался Меше: он ясно видел прошлое и будущее не один лишь миг, а в течение всей своей жизни — из-за вопроса, заданного лордом Шортхом. В это трудно поверить. Я сомневаюсь, что человек способен такое вынести. Впрочем, неважно...

Нусутх — вечный и двусмысливенный ответ ханддаратов. Как и всегда.

Мы шли рядом по дорожке, и Фейкс посмотрел на меня. Лицо его — одно из самых красивых человеческих лиц, какие я когда-либо видел, — тонкое и твердое одновременно,казалось вырезанным из камня.

— Во Тьме, — сказал он, — нас было десять; не девять. Там был кто-то еще, не Предсказатель.

— Да, был. Я не сумел мысленно отгородиться от вас. Вы, Фейкс, прирожденный Слушатель, реципиент, к тому же у вас естественный дар проникновения в чужую душу; так

что, по всей вероятности, вы прирожденный и весьма сильный телепат. Именно поэтому вы и есть Ткач, тот, кто инициирует и поддерживает напряжение всей группы Предсказателей, объединяя их общий дар предвидения до тех пор, пока связь не нарушится и вместе с ней не исчезнет и та «патаутина», что была соткана вами; в этот момент вы и получите ответ.

Он слушал мрачно, но заинтересованно.

— Странно слышать, как тайны моего искусства излагает посторонний, человек Извне... Я-то ощущаю его лишь изнутри, как последователь Ханддари.

— Если вы... если ты позволишь, Фейкс... конечно, если ты сам этого захочешь — что до меня, то мне бы этого очень хотелось! — мы можем попробовать поговорить с тобой мысленно.

Теперь я был уверен, что он прирожденный телепат; его согласие, немного практики — и непроизвольно созданный им барьер исчезнет.

— Если ты научишь меня этому, я смогу слышать, чтодумают остальные?

— Нет, нет. Во всяком случае, не больше, чем ты слышишь теперь благодаря своему дару Ткача. Телепатия — это сугубо произвольная форма связи между людьми.

— Тогда почему же людям не говорить друг с другом как обычно?

— Как тебе сказать... Разговаривая как обычно, кое-кто может и солгать.

— А при мысленном разговоре?

— Тогда солгать невозможно, во всяком случае — преднамеренно.

Фейкс какое-то время размышлял, потом сказал:

— Это искусство, которым должны бы заинтересоваться короли, политики и деловые люди.

— Деловые люди повели с телепатией яростную борьбу: сдва обнаружилось, что этому искусству легко можно научиться, как они на десятилетия объявили его вне закона.

Фейкс улыбнулся.

— А короли?

— У нас больше нет королей.

— Да. Я понимаю, что... Что ж, благодарю тебя, Дженири. Но мое дело — забывать то, что знал, а не учиться новому. И я, пожалуй, пока не стану учиться искусству, которое может полностью изменить наш мир.

— Согласно твоему собственному предсказанию, ваш мир и так изменится не позднее чем через пять лет.

— И я тоже изменюсь с ним вместе, Дженири. Но у меня нет ни малейшего желания самому менять его.

Шел дождь, затяжной мелкий дождь гетенианского лета. Мы поднимались прямо сквозь лес по горному склону чуть выше Цитадели; брали просто так, без дороги. Между темными ветвями виднелось серое пасмурное небо, с алых иголок хемменов стекала чистая дождевая вода. Воздух был пропитан сыростью, но казался довольно теплым. Все вокруг было наполнено шумом дождя.

— Фейкс, скажи мне вот что. У вас, ханддаратов, есть дар, которым жаждут обладать люди всех миров: вы можете предсказывать будущее. И все же вы живете, как и все остальные... как будто вам этот дар *безразличен*...

— Но какую роль в обычной жизни может играть этот дар, Дженли?

— Ну, например... Возьмем этот спор между Кархайдом и Оргорейном по поводу долины Синотх. Мне кажется, в последнее время престиж Кархайда сильно пострадал из-за этого конфликта. Так почему же король Аргавен не посоветуется со своими Предсказателями, не спросит, какую политику избрать, кого из членов киорремии назначить на пост премьер-министра? Или еще что-нибудь в этом роде?

— Такие вопросы задавать трудно.

— Не понимаю почему. Он ведь может просто спросить: «Кто наилучшим образом будет служить мне в качестве премьер-министра?», и больше ничего.

— Спросить-то он может. Вот только не знает, что значит «служить наилучшим образом». Для него это может, например, значить, что избранник непременно отдаст долину Синотх Оргорейну, а может быть — удалится в ссылку, а может быть — убьет короля. Это понятие может означать множество вещей, которых король вовсе не ожидает, да и не желает.

— Тогда ему нужно предельно точно сформулировать свой вопрос.

— Да. Но, видишь ли, вопрос такого рода потянет за собой еще целую цепочку вопросов. Даже король обязан уплатить свою цену за каждый из них.

— А вы ему назначите высокую цену?

— Очень, — спокойно сказал Фейкс. — Задающий вопрос, как тебе известно, платит столько, сколько может себе позволить. Вообще-то короли приходили раньше к Предсказателям за советом; но не слишком часто...

— А что, если один из Предсказателей сам обладает в обществе достаточной властью?

— Обитатели Цитадели не имеют ни власти, ни государственного статуса. Меня, конечно, могут вызвать в Эренранг и даже избрать членом киорремии; что ж, если я соглашусь принять этот пост и поеду туда, то верну себе и общественное положение, и свою тень, но моей роли Ткача тогда придет конец. И если у меня самого возникнет вопрос, мне придется поехать в Цитадель Орны, уплатить цену и получить ответ. Но мы, ханддараты, не стремимся получать ответы. Иногда, правда, трудно подавить это желание, но мы стараемся.

— Фейкс, я что-то не совсем тебя понимаю...

— Дело в том, что наша основная задача здесь — узнать, какие вопросы задавать нельзя.

— Но ведь вы же Те, Кто Даёт Ответы!

— Значит, ты все еще не понял, Джени, зачем мы совершенствуем и практикуем искусство предсказания?

— Наверное, нет...

— Чтобы доказать полную бессмысличество получения ответа на вопрос, который задан неправильно.

Я довольно долго размышлял над этим, пока мы брали под мокрыми от дождя густыми ветвями отерхордского леса. Лицо Фейкса под белым капюшоном казалось усталым, но спокойным; внутренний свет, обычно горевший в его глазах, угас. В глубине души я все-таки почему-то немного побаивался его. Когда он смотрел на меня своими ясными, добрыми, честными глазами, мне в лицо будто заглядывали тринадцать тысячелетий развития Ханддары. Этот старинный способ мышления и бытия, прекрасно организованный, всеобъемлющий и последовательный, давал человеку настолько полную свободу мысли и уверенность в себе, такое совершенство дикого, естественного существа, что казалось, будто неведомое Великое и Вечное взирает на тебя из своего не-преходящего «сейчас»...

— Неведомое, — тихо звучал в лесу голос Фейкса, — не-предсказанное, недоказанное — вот на чем основана жизнь. Лишь неведение пробуждает мысль. Недоказанность — вот основа для любого действия. Если бы твердо было доказано, что Бога не существует, не существовало бы и религий. Не было бы ни Ханддары, ни Йомеш, не было бы домашних божеств — ничего. Впрочем, если бы имелись четкие доказательства, что Бог существует, религии тоже не существовало бы... Скажи мне, Джени, что является абсолютно достоверным? Что можно счесть постижимым, предсказуемым, неиз-

бежным?.. Назови хотя бы что-то, известное тебе, что непременно свершится в твоем будущем и моем?

— Мы оба непременно умрем.

— Да. Это верно. Существует один лишь вопрос, на который можно дать твердый ответ, и этот ответ мы уже знаем сами... А потому единственное, что делает продолжение жизни возможным, — это постоянная, порой непереносимая неуверенность в ней, незнание того, что произойдет с тобой в следующий миг...

6. ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ВЕДУЩИХ В ОРГОРЕЙН

Меня разбудил повар, который всегда приходил в дом очень рано. Спал я крепко, и ему пришлось долго трясти меня, приговаривая мне прямо в ухо:

— Вставайте, вставайте, лорд Эстравен, из королевского дворца гонец прибыл!

Наконец до меня дошло, и я, борясь со сном, с трудом встал и поспешил в гостиную, где ожидал королевский гонец. И голеньким, точно новорожденный младенец, угодил прямиком в ссылку.

Читая переданное гонцом послание, я довольно спокойно подумал, что, в общем-то, ожидал подобных событий, хотя и не так скоро. Однако, когда гонец на моих глазах стал прикачивать чертов указ к дверям моего дома, мне показалось, что он вбивает гвозди мне прямо в лоб; я отвернулся, но продолжал стоять рядом, лишившись и дома, и родины, терзающий болью, которой я заранее предусмотреть не сумел.

Впрочем, когда боль от первого удара прошла, я начал прикидывать, что можно еще успеть сделать, и, когда колокол на башне пробил Час Девятый, покинул территорию дворца. Больше ничто меня здесь не задерживало. Я взял с собой то, что мог унести. Недвижимую собственность продать я не мог, а банковские вклады не мог получить наличными, не подвергая кого-то смертельной опасности. Причем наибольшей опасности подвергались именно те, кто был готов мне помочь. Я написал своему старому другу и кеммерингу Аше, как ему следует наилучшим образом воспользоваться кое-каким моим имуществом, чтобы доход от продажи получили наши с ним сыновья, однако предупредил его, что пытаться переслать деньги мне не стоит, потому что Тайб непременно будет держать всю границу с Оргорейном под

контролем. Даже подписать письмо своим именем я не мог. Даже просто позвонить кому-то по телефону в моем положении означало своими руками отправить невинного человека в тюрьму. Так что я поспешил убраться из дома, пока какой-нибудь беспечный приятель не забрел ко мне в гости и не потерял не только свои деньги, но и свободу — в награду за дружбу с изгояем.

Я двинулся по улицам города к западной окраине. Потом на одном из перекрестков остановился и задумался. Почему бы, собственно, мне не пойти на восток, через горы и долины, в свой родной Керм? Преодолеть пешком весь этот дальний путь, подобно самым нищим беднякам, и в таком виде явиться в Очаг Эстре, в тот самый каменный дом на крутом горном склоне, где я родился... Почему бы, в самом деле, мне не вернуться домой? Три или четыре раза я вот так останавливался и смотрел назад, на восток, и каждый раз среди равнодушных лиц прохожих мне попадалось по крайней мере одно заинтересованное — лицо шпиона, подосланного, чтобы проследить, как я уберусь из Эренранга; и каждый раз я понимал, сколь безумны мои намерения вернуться домой. С тем же успехом можно было бы сразу совершить самоубийство. Я от рождения был обречен жить в ссылке — так, во всяком случае, мне казалось, — и путь в родной дом был для меня равносителен пути к смерти. Так что я продолжал шагать на запад и больше уже назад не оглядывался.

Через три обещанных мне дня отсрочки я, если очень повезет, должен оказаться самое дальнее в Кусебене на берегу залива, километрах в ста пятидесяти отсюда. Изгнаниников чаще всего предупреждали о королевском указе еще накануне вечером, за ночь до вступления указа в силу, так что обычно у них была возможность сесть на какой-нибудь корабль и плыть по течению реки Сесс к заливу, прежде чем капитаны судов станут по закону ответственны за помочь преступнику. Но Тайб по гнусной природе своей на такое благородство способен не был. Теперь ни один капитан не осмелится взять меня на борт; в порту все меня отлично знают, поскольку именно я строил его для Аргавена. Ни один вездеход не посадит меня в кабину, а до границы с Оргорейном от Эренранга километров шестьсот. Выбора у меня не оставалось: нужно было пешком добраться до Кусебена.

Повар мой успел подумать именно об этом. Я его, разумеется, тотчас же отоспал, но, прежде чем уйти, он выложил на видное место все припасы и тщательно упаковал все, что мог, приготовив мне «горючее» на три дня маршевого брос-

ка. Его доброта не только спасла меня, но и поддержала мой боевой дух, ибо каждый раз, останавливаясь по дороге, чтобы перекусить хлебным яблоком и сушеными фруктами, я думал, что есть все-таки хоть один человек, который не считает меня предателем, потому что дал мне эту еду.

Оказалось, что зваться предателем тяжело. Даже странно, до чего это тяжело, ведь так просто назвать предателем кого-то другого. Это слово прилипает к тебе навечно и звучит очень убедительно. Я и сам наполовину поверил в то, что стал предателем.

Я пришел в Кусебен к вечеру на третий день пути — полный тревоги, со стертыми в кровь ногами, потому что последние годы в Эренранге пристрастился к роскоши и обжорству и совершенно утратил былую любовь к пешим прогулкам. В Кусебене у городских ворот меня поджидал Аше.

Мы были кеммерингами целых семь лет; у нас родилось двое сыновей. Поскольку родил их непосредственно Аше, то они носили его имя: Форет рем ир Осборт — и воспитывались в его Очаге Кланхарт. Три года назад Аше удалился в Цитадель Орны и теперь носил золотую цепь Целомудренного. В течение последних трех лет мы не виделись, и все же, когда я заметил его в вечерних сумерках под каменной аркой ворот, мне сразу вспомнилась прежняя теплота наших отношений, словно расстались мы лишь вчера; я сразу понял, что в нем живы любовь и преданность; именно эта любовь и послала его навстречу мне в час невзгод. И, чувствуя, что вновь запутываюсь во всем этом, я рассердился: любовь Аше всегда заставляла меня идти против собственной воли.

Я прошел мимо него. Мне необходимо быть жестоким, так что нечего тянуть, нечего притворяться добрецким.

— Терем, — окликнул он меня и пошел следом. Я быстро спускался по крутым улочкам Кусебена к порту. С моря дул южный ветер, трепал в садах черные деревья, и этим теплым летним вечером я улирал от Аше, словно от убийцы. Он все-таки догнал меня — стерты мои ноги не позволяли мне идти достаточно быстро — и сказал: — Терем, я пойду с тобой.

Я не ответил.

— Десять лет назад тоже был месяц Тува, и мы дали клятву...

— А три года назад ты первым нарушил ее и бросил меня. Впрочем, ты поступил разумно.

— Я никогда не нарушал клятву, которую мы тогда дали друг другу, Терем.

— Что ж, верно. Нечего было нарушать. Все это было неправдой. Во второй раз такую клятву не дают. Ты и сам это

знаешь; да и тогда знал. Единственный раз я по-настоящему поклялся в верности, так никогда и не произнеся этого вслух, потому что это было невозможно; а теперь тот, которому я поклялся в верности, мертв, а моя клятва уже давно нарушена. Так что никакой обет нас не связывает. Отпусти меня.

Я говорил гневно, но обвинял в нашей трагедии не Аше, а скорее себя самого; вся прожитая мной жизнь была словно нарушенная клятва. Но Аше этого не понял, в глазах его стояли слезы, когда он сказал:

— Ты возьмешь это, Терем? Пусть нас не связывает клятва, но я очень люблю тебя.

И он протянул мне небольшой сверток.

— Нет, Аше. Денег у меня достаточно. Отпусти меня. Я должен уходить один.

Я двинулся дальше, и он не пошел за мной. Но за мной следовала тень моего брата. Плохо я поступил, заговорив о нем. Я вообще всегда все делал плохо.

В гавани мне не повезло. У причалов не оказалось ни единого судна из Оргорейна, на котором я уже к полуночи мог бы оказаться за пределами Кархайда, как было предписано Королевским Указом. Мне встретилось всего несколько человек, да и те спешили домой; я заговорил с рыбаком, возвившимся у своей лодки с разобранным двигателем; рыбак только молча взглянул на меня и тут же отвернулся. Мне стало страшно: если этого человека не предупредили заранее, то откуда бы ему меня знать? Значит, слуги Тайба оперсдили меня и специально стараются задержать в Кархайде, чтобы истекло время отсрочки. Тогда казнь неизбежна. Горечь и злоба душили меня; теперь к ним прибавился страх. Я как-то не думал, что Указ о ссылке — всего лишь предлог и меня в любом случае намерены физически уничтожить. Едва лишь пробьет Час Шестой, как люди Тайба возьмут меня голыми руками. Тогда бессмысленно будет кричать «Убивают!», ибо свершится правосудие.

Я усился на мешок с песком. Причал был открыт всем ветрам и взорам. Слышались бесконечные шлепки волн о сваи, внизу качались и подпрыгивали привязанные рыбачьи лодки. У дальнего конца пирса горел фонарь. Я сидел и смотрел на этот огонек и дальше — в темную морскую даль. Некоторые сразу начинают решительную борьбу с опасностью, но только не я. Этим даром я не обладаю; у меня скорее дар предвидения. Когда же угроза становится реальностью, я почему-то резко глупею. А потому я и сидел на мешке с песком, тупо размышляя, сможет ли человек доплыть до Орго-

рейна без лодки. Воды залива Чарисун только что очистились ото льда — на месяц или два. Некоторое время в ледяной воде можно, конечно, продержаться, но до порта Орготы около двухсот километров. Впрочем, плавать я совсем не умею. Потом я стал смотреть в сторону города и обнаружил, что ищу взглядом Аше; я все еще надеялся, что он последует за мной, несмотря на запрет. И тут я ощущил такой жгучий стыд, что сразу вышел из оцепенения и вновь обрел способность мыслить трезво.

Выбора у меня не оставалось: придется дать взятку или убить его — этого рыбака, что все еще возился со своей лодкой. Кстати, отвратительная лодка, с ней и возиться-то не стоило. И мотор у нее никуда не голится. Еще оставалась кража. Однако рыбаки всегда запирают моторы своих лодок. Так что нужно сперва отомкнуть цепь, которой лодка крепится к причалу, добраться до мотора, завести его, выбраться — при свете яркого фонаря, что горит на пирсе! — в открытое море и плыть одному в Оргорейн, хотя я ни разу в жизни не плавал на моторной лодке. Довольно глупое и, пожалуй, безнадежное предприятие. Впрочем, мне приходилось иметь дело с весельной лодкой — на Ледянном озере в Керме... Я еще раньше приметил одну весельную лодку, привязанную между двумя сваями во внешнем доке. Ну что ж, увидел — украл. Я бросился туда прямо под удивленно уставившимися на меня глазами фонарей, спрыгнул в лодку, легко отвязал ее от причала, вставил весла в уключины и решительно двинулся по кипящей черной воде в открытое море; отблеск фонарей плясал и дробился на волнах. Когда я отплыл уже достаточно далеко, то на минуту остановился, чтобы поправить одно из весел, которое тую поворачивалось в уключине, ведь мне еще предстояло грести и грести, хотя в глубине души я надеялся, что на следующий день меня подберет, например, орготский патрульный корабль или какое-нибудь рыболовное судно. Нагнувшись над уключиной, я неожиданно почувствовал столь сильную слабость, что почти потерял сознание и, скрючившись, застыл на банке. То было последствие пережитого мной приступа трусости. Я и не подозревал, что способен до такой степени струсить. Я поднял глаза и тут же на самом краю пирса увидел две черные фигуры — как две кривые черные ветки дерева в свете фонаря, раскачивающегося над разделяющей нас водой. Тут до меня дошло, что мой внезапный паралич — следствие не столько пережитого страха, сколько непроизвольного предчувствия смерти: кто-то тщательно целился в меня из ружья.

Я сумел разглядеть это ружье у одного из них в руках. Если бы уже перевалило за полночь, то он, по-моему, давно бы с удовольствием застрелил меня; однако выстрел из обыкновенной винтовки производит слишком много шума — пришлось бы объясняться. А потому они воспользовались акустическим ружьем. Когда жертву хотят только оглушить, то заряд рассчитывают метров на тридцать, не больше. Не знаю, на каком расстоянии выстрел из него смертелен, но я отплыл явно недостаточно далеко. Меня всего скрючило, и я упал на дно лодки, извиваясь, как малый ребенок при желудочной колике. Даже вздохнуть было трудно, потому что ослабленный расстоянием выстрел угодил мне прямо в грудь. Поскольку они весьма скоро непременно подыскали бы моторное судно, чтобы догнать и прикончить меня, нельзя было терять ни минуты, и я, задыхаясь, яростно заработал веслами. Тьма лежала за моей спиной, впереди тоже была тьма, и туда, в эту тьму, я направил свою лодку. Руки у меня дрожали от слабости, приходилось следить, чтобы не уронить весла — я их почти не чувствовал. Залив остался позади; вокруг была кромешная тьма. Пришлось ненадолго остановиться. С каждым гребком руки немели все сильнее. Сердце билось неровными толчками, а легкие, казалось, разучились работать вовсю. Я попытался снова грести, но не был уверен, сдвинулся ли хотя бы с места. Тогда я решил на время осушить весла, но не смог даже поднять их. Когда прожектор сторожевого катера засек меня, плавающего подобно снежинке на угольно-черной воде, я даже не в силах был отвернуться от яркого света.

Они отцепили мои пальцы от весел, вынули меня из лодки и, как большую выпотрошенную черную рыбу, втащили на палубу. Я лежал и чувствовал, что меня рассматривают очень внимательно, однако не понимал, что именно они говорят. Мне показалось только — скорее, по интонациям, — что капитан судна сказал: «Час Шестой еще не пробил» — и потом сердито ответил кому-то: «Какое мне дело до этого? Король сослал его, и я подчинюсь Королевскому Указу, но это ведь тоже человек».

Итак, вопреки приказам, полученным по радио от людей Тайба с берега, вопреки возражениям команды, опасавшейся наказания, этот офицер кусебенской портовой охраны перевез меня через залив Чарисун целым и невредимым и высадил в Оргорейне в порту Щелт. Не знаю, поступил ли он так, руководствуясь собственным шифгретором, восстав против безжалостных слуг Тайба, готовых убить безоружного, или

просто из доброты. Это и неважно. Ну сутх. Как говорится, прекрасное необъяснимо.

Я впервые поднялся на ноги, когда увидел, как побережье Орготы выплывает из утреннего тумана. Потом я заставил себя как можно быстрее пойти прочь от корабля по приморским улочкам Шелта, но вскоре, видимо, снова упал. А когда очнулся, то обнаружил, что нахожусь в общественном госпитале Комменсалии чарисунского Округа номер четыре; в двадцать четвертой комменсалии Сеннетни. У меня были все возможности в этом удостовериться: эта надпись на орготском языке имелась на спинке кровати, на подставке настольной лампы, на металлической чашке, стоявшей на столике, на самом столике, на одежде сиделки, на простынях и моей ночной рубашке. Вошел врач и сказал:

— Почему вы сопротивлялись дотхе?

— Я не погружался в дотхе, — изумился я. — В меня просто стреляли из акустического ружья.

— Все симптомы указывают на то, что вы сопротивлялись релаксационной фазе дотхе.

Он не допускал возражений, этот строгий врач, и в итоге заставил меня признать, что я, возможно, все-таки использовал силу дотхе, чтобы преодолеть парализующее воздействие акустического шока: ведь я греб как бешеный, даже не отдавая себе отчета в том, что делаю; а потом, утром, во время фазы *танген*, когда нужно соблюдать полный покой, я, оказавшись на территории Орготы, решительно двинулся прочь от набережной и тем самым чуть не убил себя. Когда я все это припомнил и, к его большому удовлетворению, подтвердил первоначальный диагноз, он сообщил мне, что я смогу выйти из больницы лишь через день-два, и переключился на следующего больного. Следом за врачом явился Инспектор.

Следом за каждым человеком в Оргорейне непременно появляется Инспектор.

— Имя?

Я не попросил его прежде назвать свое. Придется учиться жить, не отбрасывая тени, как они это делают в Оргорейне, — не обижаться самому и не обижать без причины других. Но своей родовой фамилии я ему не назвал: никому нет до нее дела.

— Терем Харт? Это не орготское имя. Из какой вы Комменсалии?

— Я из Кархайда.

— Это государство не входит в число Комменсалий Орго-

рейна. Покажите мне ваши документы, разрешение на въезд и удостоверение личности.

А интересно, где мои документы?

Я, видно, достаточно долго провалялся на улице, прежде чем кто-то подвез меня до госпиталя и сдал туда — без документов, без денег, без верхней одежды, босиком... Когда я узнал об этом, то, вместо того чтобы рассердиться, только засмеялся: упав на дно колодца, не имеет смысла гневаться. Смех мой Инспектора явно оскорбил.

— Разве вы не понимаете, что явились без документов и без разрешения в чужое государство? Как вы намереваетесь вернуться обратно в Кархайд?

— В гробу.

— Прекратите ваши неуместные шутки и отвечайте мне как официальному лицу. Если вы не намерены возвращаться на родину, то здесь вас пошлют на Добровольческую Ферму — там самое место всяким подонкам и отщепенцам, а также нарушителям государственной границы! Иного места в Оргорейне для попрошаек и бунтовщиков нет. Лучше бы вам все-таки заявить о своем намерении вернуться в Кархайд в теченис трех дней, иначе я...

— Из Кархайда я выписан навечно.

Врач, который как раз в этот момент кончил заниматься с моим соседом, услышав мое имя, отвел Инспектора в сторонку и о чем-то некоторое время шептался с ним. После чего Инспектор несколько скис и, вернувшись ко мне, процидил сквозь зубы:

— В таком случае, я полагаю, вам следует подать прошение о разрешении на постоянное проживание в Великой Комменсалии Оргорейна и функционирование в качестве одной из государственных единиц — учитывая ваши прежние способности и возможности.

— Да, конечно, — ответил я.

Шутить с этим типом мне абсолютно расхотелось, особенно когда он произнес слово «постоянное» — самое зубодробительное из всех его чудовищных слов.

Через пять дней, согласно моему заявлению, мне был предоставлен вид на жительство: я стал «государственной единицей» города Мишнори (как и просил), получил временное удостоверение личности и мог отправляться туда немедленно. Мне пришлось бы здорово поголодать эти пять дней, если бы старый врач не оставил меня в больнице. Ему доставляло удовольствие держать под своим присмотром в

палате премьер-министра Кархайда, и премьер-министр был ему очень за это благодарен.

Я отработал проезд до Мишнори грузчиком на машинах со свежей рыбой, идущих караваном из Шелта. Это было не очень продолжительное, но очень «пахучее» путешествие, окончившееся на одном из огромных рынков Южного Мишнори, где я вскоре подыскал себе и постоянную работу. В таких местах летом всегда есть работа — разгрузка, погрузка, хранение, упаковка, укладка, перевозка скопоряющихся продуктов. Я имел дело в основном с рыбой; так что и поселился неподалеку от рынка вместе со своими напарниками по работе в леднике. «Рыбный Остров» прозвали они свой дом. Мы буквально провоняли рыбой, но мне нравилось, что большую часть дня приходится проводить в холодном погребе. Мишнори летом напоминает парную баню. С ледников даже не тянет прохладой, вода в реке только что не кипит, люди плавают в собственному поту. В течение целого месяца Окре средняя температура была не ниже пятнадцати градусов, а однажды днем поднялась до тридцати двух! Когда под конец рабочего дня приходилось выбираться из холодного, пропахшего рыбой убежища в это вонючее пекло, я обычно проходил километра три до набережной Кундерер, где росли деревья и можно было сверху смотреть на великую реку, хотя к воде спуститься было нельзя. Там я торчал допоздна, а потом тащился к себе, на Рыбный Остров, и горячий, густой ночной воздух облеплял меня, как влажная простыня. В той части Мишнори, где я жил, уличные фонари обычно бывали разбиты всякой шпаной и прочими любителями темноты. По темным улочкам без конца шныряли машины Инспекторов, высвечивая фарами прохожих, отнимая у бедного люда его единственную собственность — ночь.

Новый закон о регистрации иностранцев, вступивший в действие в следующем месяце, Кус, и ставший новым шагом в поединке Оргорейна с Кархайдом, аннулировал мой вид на жительство, и я, лишившись работы, полмесяца провел в приемных бесконечных Инспекторов. Мои бывшие напарники давали мне денег в долг и воровали для меня рыбу, так что с голода я умереть не успел, прежде чем мне снова выдали вид на жительство, однако урок получил хороший. Мне, пожалуй, даже нравились мои новые друзья — надежные, крепкие парни, — хотя жили они в ловушке, выхода из которой не было. Я же должен был делать свое дело и возвращаться в общество таких людей, которые нравились мне куда

меньше. Наконец я все-таки позвонил тем, встречу с которыми откладывал долгих три месяца.

На следующий день я стирал свою рубаху в прачечной Рыбного Острова среди прочих его обитателей; все мы были совсем или наполовину голые, кругом клубы пара, рыбная вонь, грязь... и тут сквозь плеск воды я услышал, как кто-то позвал меня, причем моим родовым именем. Это оказался Комменсал Иегей, который и в грязной прачечной выглядел точно так же, как когда-то во время приема Полномочного Посла Архипелага в парадном зале королевского дворца в Эренранге. Это было месяцев семь тому назад.

— Может быть, вы все-таки выйдете отсюда, Эстрaven? — громко и высокомерно сказал он своим высоким гнусавым голосом, этот мишнорский богатей. — Да оставьте вы, черт возьми, эту рубаху!

— Другой у меня нет.

— Тогда вылавливайте ее поскорей из этого вонючего супа и ступайте за мной. Здесь несколько жарковато.

Мои соседи уставились на него с суровым любопытством, понимая, что перед ними человек очень богатый. Откуда им было знать, что это не кто-нибудь, а Комменсал. Мне было неприятно, что он сам явился сюда; ему бы следовало послать кого-нибудь за мной. Жители Орготы чаще всего имеют весьма слабое представление о приличиях. Мне хотелось, чтобы он поскорее ушел из прачечной. Мокрую рубашку все равно невозможно было надеть, поэтому я попросил одного бездомного, который вечно слонялся возле нашего Острова, посторечь ее для меня, пока я не вернусь. Долги свои я отдал, за жилье заплатил, документы были в кармане хайэба. Так, без рубашки я и покинул Рыбный Остров близ рыночной площади и пошел следом за Иегеем туда, где жили власть имущие.

В качестве «секретаря» Иегея я снова был перерегистрирован, но уже не как полноправный житель Оргорейна, а как Депендент. Имен для них всегда недостаточно, им необходимо прежде всего наклеить соответствующий ярлык, тогда в их классификации для тебя моментально находится место, даже если о сущности твоей они и понятия не имеют. Но на этот раз ярлык был точно к месту: я на самом деле был Депендентом, подчиненным и зависимым лицом, и вскоре мне не раз предстояло проклинать ту цель, что привела меня сюда, заставила есть чужой хлеб и быть у кого-то на иждивении, ибо в течение целого месяца в жизни моей не было ни малейшего просвета, ни малейшего намека на то, что я хоть

сколько-нибудь приблизился к искомой цели. С тем же успехом можно было оставаться и на Рыбном Острове.

В последний день лета, уже к вечеру, Иегей послал за мной. Шел дождь. Я явился в его кабинет и застал там Комменсала округа Секиве, Обсла, которого знал еще в те времена, когда он возглавлял Представительство торгового флота Орготы в Эренранге. Короткий и важный, с маленькими треугольными глазками на плоском, жирном лице, Обсл составлял странную пару с тощим и изящно-изысканным Иегесом. Старая жирная карга и великосветский щеголь — вот как они выглядели рядом; но было в этом сочетании и что-то неуловимо важное, что исходило сразу от них обоих: оба входили в состав Тридцати Трех, что правили Оргорейном; но и помимо этого в союзе Обсла и Иегея крылась какая-то тайна.

Мы обменялись вежливыми приветствиями и выпили по глотку ситхской «живой воды»; потом Обсл, вздохнув, сказал мне:

— А теперь расскажите, почему вы так вели себя в Сассинотхе, Эстравен, ибо если когда-либо и существовал человек, который, на мой взгляд, не способен ошибиться ни во времени действия, ни в оценке собственного шифгретора, то это только вы.

— Страх оказался во мне сильнее осторожности, Комменсал.

— Страх перед кем? Перед самим дьяволом? Чего вы боитесь, Эстравен?

— Того, что сейчас происходит. Продолжения борьбы за престиж в долине Синотх; возможного унижения Кархайда; гнева короля, который неизбежно последует за подобным унижением; и того, что гнев короля правительство Кархайда использует в своих интересах.

— Использует? Но как?

Нет, Обсл все-таки был человеком совершенно невоспитанным. Иегей, изящный, но колючий, поспешил вмешаться:

— Комменсал, лорд Эстравен — мой гость, и, право же, не стоит его допрашивать...

— Лорд Эстравен, разумеется, ответит на мои вопросы так и тогда, как и когда сочтет нужным, — он всегда так поступал. — Обсл ухмылялся, словно в той пригоршне грязи, которой он старался испачкать меня, спрятал иголку. — Он же понимает, что находится среди друзей.

— Я всегда и везде признаю своих друзей, Комменсал, но я более не забочусь о том, чтобы сохранить их дружбу.

— Ну это-то мне известно. И все-таки мы вполне можем

тащить наши общие сани, даже не будучи кеммерингами, как говорят у нас в Секивс, — верно, Эстравен? Черт побери, мне же понятно, за что вас сослали, мой дорогой: за то, что вы любите Кархайд больше, чем его короля.

— Точнее, за то, что любил своего короля больше, чем его двоюродного брата.

— Или за то, что любили Кархайд больше, чем Оргорейн, — сказал Иегей. — Может, я не прав, лорд Эстравен?

— Вы правы, Комменсал.

— Значит, вы считаете, что Тайб хочет править Кархайдом столь же эффективно, как мы правим Оргорейном? — спросил Обсл.

— Да, я так считаю. Мне кажется, что Тайб, умело используя конфликт в долине Синотх и при необходимости обостряя его, может уже в течение этого года добиться в Кархайде больших перемен, чем за последнюю тысячу лет. У него есть достойный пример: деятельность вашего Сарфа. И он умело играет на страхах Аргавена. Это куда проще, чем пробудить в Аргавене мужество, как — увы, тщетно — пытался сделать я. Если Тайб одержит победу, вы, господа, окажетесь перед лицом врага, вполне вас достойного.

Обсл кивнул.

— Давайте на время забудем о шифгреторе, — сказал Иегей. — Я хотел бы понять, чего добиваетесь вы, Эстравен?

— Хочу узнать, смогут ли ужиться на Великом Континенте два Оргорейна.

— О да! Да, конечно, вы точно выразили и мои мысли, — сказал Обсл. — Я тоже не раз думал об этом; именно вы поселили эти опасения в моей душе. И уже давно, Эстравен. Тень Оргорейна становится слишком длинной. Она может накрыть и Кархайд. Да, поистине спор между двумя кланами из-за поместья — это нормально; и грабеж одного города другим с помощью наемной банды — тоже; спор между государствами из-за границы, несколько сожженных амбаров, несколько убийств — все это в порядке вещей. Но спор из-за всей территории государства? Захват имущества, в котором участвуют пятьдесят миллионов человек? Клянусь сладостным Млеком Меше, картина эта огнем пылает в моихочных кошмарах, и я просыпаюсь весь в холодном поту... Жизнь наша более небезопасна, о нет. И ты тоже понимаешь это, Иегей; ты и сам не раз уже говорил об этом, просто другими словами.

— Я вот уже в тринацатый раз голосовал против усиления давления на противоборствующую сторону в долине Си-

нотх. Но что толку? Среди Тридцати Трех по крайней мере двадцать членов оппозиционной нам партии в любой момент проголосуют за углубление конфликта, и каждое движение Тайба только усиливает контроль Сарфа над этими двадцатью. Он строит через долину стену и ставит вдоль стены свою охрану, вооруженную винтовками — винтовками! Я-то считал, что их теперь можно только в музеях найти. Кроме того, Тайб, едва в этом возникает нужда, сразу начинает подкармливать доминирующую партию всякими думыслами на наш счет.

— И тем самым укрепляет Оргорейн. Но также и Кархайд. Каждый ваш ответ на его провокации, каждое ваше оскорбление в адрес Кархайда, любое повышение вашего авторитета служат тому, что и Кархайд становится все сильнее и будет становиться все сильнее, пока не превратится в равное вам централизованное государство. И кроме того, винтовки в Кархайде отнюдь не хранят в музеях. Они находятся в распоряжении королевской гвардии.

Иегей налил всем еще по глотку «живой воды». Высший свет Орготы пьет сей драгоценный напиток, доставляемый сюда за восемь тысяч километров по туманным морям из Ситха, так, словно это простое пиво. Обсл вытер губы и полмигнул.

— Ну хорошо, — сказал он, — все оказалось именно так, как я думал и думаю сейчас. А думаю я вот что: перед нами сани, которые нам предстоит тащить всем вместе. Но, прежде чем впрячься в эти сани, я задам один вопрос, Эстравен, а то мне совершенно заморочили этим голову. Что это за бесконечные темные и крайне загадочные слухи о некоем Посланнике, что прибыл с обратной стороны луны?

Значит, Дженили Аи все-таки испросил разрешение на въезд в Оргорейн.

— Ах, Посланник? Он действительно тот, за кого выдает себя.

— А это значит...

— ...что он прислан из другого мира.

— Да ладно, оставьте вы эти ваши кархайдские метафоры, Эстравен! Я же забыл о своем шифгреторе. Так вы отвешите мне или нет?

— Но я уже ответил вам.

— Значит, он действительно инопланетянин? — воскликнули в один голос Обсл и Иегей. — И он действительно получил аудиенцию у короля Аргавена?

Я ответил сразу обоим: да, получил. Они с минуту помол-

чили, а потом снова заговорили оба сразу, даже не пытаясь скрыть своей заинтересованности. Иегей, правда, пробовал ходить вокруг да около, зато Обсл сразу перешел к делу:

— Какую роль в таком случае вы отводите ему в своих планах? Похоже, вы сделали на него ставку и проиграли. Почему?

— Потому что Тайбу удалось обвести меня вокруг пальца. Я все смотрел в небеса и не заметил, как сел в лужу.

— Вы что же, стали увлекаться астрономией, дорогой мой?

— Нам всем неплохо было бы ею увлечься, Обсл.

— А он не представляет для нас угрозы, этот Посланник?

— Думаю, что нет. Он лишь передал от своего народа предложение установить с нами дипломатические и прочие связи — начать торговлю, подписать разные договоры, завязать сотрудничество. Больше ничего. Он прибыл один, без оружия, без охраны, всего лишь с одним коммуникационным устройством на своем корабле, который, кстати, позволил нам обследовать полностью. По-моему, он не тот, кого следовало бы бояться. И все же именно он, безоружный, положит конец и Королевству, и Комменсалиям.

— Почему?

— А как установить отношения с народами других миров, если не стать подобными им, их братьями? Как сможет Гете заключить союз с космической организацией, включающей восемьдесят миров, не будучи единым миром?

— Восемьдесят миров? — проговорил Иегей и как-то смущенно засмеялся.

Обсл косо глянул на меня и сказал:

— Мне кажется, вы слишком долго были в обществе безумца в королевском дворце, Эстравен, и сами отчасти утратили разум... Во имя Меше! Что это за ерунда такая — какой-то союз с солнцем и договор с лунами? Как этот парень попал сюда? Прилетел верхом на комете? На астероиде? На метеорите? Корабль! Что это еще за корабль, который плавает по воздуху? Или по Космосу? И все-таки вы, пожалуй, не более безумны, чем всегда, друг мой. То есть вы в своем безумии не только строптивы, но и мудры. Впрочем, все жители Кархайда безумцы. Ну что ж, пошли дальше, лорд Эстравен, я следую за вами! Давайте, давайте! Ведите нас.

— Сам я никуда идти не собираюсь, Обсл. Да и куда вы прикажете мне идти? Вы же тем не менее можете это сделать. Если хоть немного последуете советам Посланника. Только он может показать вам путь, который выведет вас наконец из

долины Синотх, заставит свернуть с того злополучного курса, которым мы невольно продолжаем следовать.

— Прекрасно. На старости лет я еще, пожалуй, действительно увлекусь астрономией. Но куда это меня в итоге приведет?

— К величию, если вы пойдете более мудрым путем, чем я. Господа, я много времени провел в обществе Посланника, я видел его корабль, который пересек Великую Пустоту, и я абсолютно уверен, что он является гонцом из другого мира, с иной планеты. Что же касается благородства его намерений и его рассказов об этих иных мирах, то подтвердить, правда ли это, не может никто; можно только судить самому — как и о любом другом человеке. Если бы он был одним из нас, я назвал бы его человеком честным и благородным. Но возможно, вы и сами придетете к подобному выводу. В одном лишь я абсолютно точно уверен: для него государственные границы просто линии, прочерченные на земле. У ворот Оргорейна стоит куда более могущественный соперник, чем Кархайд. И народ, который первым пойдет на союз с ним, первым откроет для него двери своего государства, станет править всей планетой. Всеми тремя континентами планеты Гетен. Теперь наши границы — это не линии на земле между двумя конкретными холмами, а орбита, которую описывает наша планета, вращаясь вокруг солнца. Рисковать своим шифгретором ради какой-либо иной цели теперь было бы просто глупо.

Иегей явно понимал меня, но толстый Обсл только поглядывал своими утонувшими в жирных складках лица глазками и молчал.

— Ладно, примем все это на веру и положим месяц, чтобы окончательно разобраться, — сказал он наконец. — Впрочем, если бы я все это услышал не из ваших, а из чьих-то еще уст, Эстравен, я счел бы подобные рассказы чистейшей воды мистификацией, ловушкой для нашего достоинства, сплетенной из звездного блеска. Но мне известно ваше упрямство. И вы слишком горды и не унизитесь до того, чтобы специально морочить нам голову дурацкими сплетнями. Я не могу поверить в то, что вы рассказываете, но знаю, что любые лживые слова застриали бы у вас в глотке... Ладно, ладно. Станет ли еще он говорить с нами столь же откровенно, как, судя по вашим рассказам, он говорил с вами?

— Он именно этого и хочет: говорить и быть услышанным. Здесь или в другом месте. Тайб заставит его замолчать навсегда, если он еще хоть раз попробует быть услышанным

в Кархайде. Я боюсь за него: он, похоже, не понимает нависшей над ним опасности.

— Вы расскажете нам то, что вам известно о нем?

— Расскажу; но разве что-то мешает ему самому приехать сюда и рассказать вам все?

Иегей промолвил, деликатно покусывая ноготь:

— Я полагаю, что нет. Он уже испросил разрешение на въезд в Комменсалию. Кархайд не возражает. Просьба Попланника сейчас рассматривается...

7. К ВОПРОСУ О ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ ГЕТЕН

*Из полевых записей Исследовательницы первой экуменической группы, приземлившейся на планете Гетен/Зима,
Онг Том Оттонг; цикл 93-й, земной год 1448-й.*

1448 год, день 81-й. Похоже, они результат некоего эксперимента. Сама мысль об этом уже неприятна. Но теперь, когда существуют доказательства, что люди на Земле, например, тоже появились как результат эксперимента — «приживления» там группы жителей планеты Хайн в сочетании с имевшимися уже автохтонными протогуманоидами, — нельзя сбрасывать со счетов и возможного эксперимента на планете Гетен. Хайнские колонисты явно ставили опыты на генном уровне; ничем иным нельзя объяснить появление хилтов на планете Эс, или вырождающихся крылатых гоминидов с Роканнона, или особенности гетенианской половой физиологии. Возможно, эксперимент закончился неудачей; но вряд ли здесь имел место естественный отбор. Их двуполость не имеет практически никакой адаптивной ценности.

Но стоило ли ради эксперимента столь глубоко перепахивать целый мир? Ответа на этот вопрос не найдено. Тинибоссол, например, считает, что колония эта была основана в период наиболее длительного межледникового периода. Вполне возможно, что тогда условия жизни оказались достаточно мягкими — по крайней мере в течение первых сорока-пятидесяти тысячелетий — даже на столь суровой планете, как Гетен. К тому времени как льды вновь начали свое наступление, связь с хайнской цивилизацией была прервана, а колонисты предоставлены самим себе. Об эксперименте забыли.

У меня есть собственная теория относительно сексуаль-

ной физиологии гетенианцев. Многие ее положения мне весьма помогла прояснить информация, собранная Оти Нимом в различных районах Оргорейна. Так что сначала я бы хотела перечислить все имеющиеся у меня в распоряжении сведения, а уж потом изложить свою теорию. Всему, как говорится, свой черед.

Сексуальный цикл гетенианцев колеблется от 26 до 28 дней (хотя чаще говорится именно о 26 днях, что соответствует продолжительности здешнего лунного месяца). В течение первых 21–22 дней индивид пребывает в латентном состоянии *сомер*, то есть сексуально неактивен. Примерно на 18-й день под влиянием деятельности гипофиза в кровь начинают поступать гормоны, а на 22–23-й день индивид входит в состояние *кеммера* — период наибольшей сексуальной восприимчивости, или эструс. В течение первой фазы кеммера, обозначаемой кархайдским словом *сечер*, индивид по-прежнему андрогинен. Половые признаки и потенция в изоляции не проявляются вовсе. Таким образом, гетенианец в первой фазе кеммера, находясь в изоляции или в обществе пребывающих в сомере людей, к половому акту не способен. Однако сексуальная активность уже в этой фазе весьма сильна, она оказывает в этот момент решающее влияние не только на личность данного индивида, но и на его социальную и духовную жизнь и деятельность. Когда индивид обретает партнера по кеммеру, гормональная деятельность получает дополнительный стимул (по всей вероятности, за счет прикосновения, при котором возникает не выясненная пока секреторная деятельность, а может быть, и появляется особый запах), и в итоге один из партнеров обретает гормонально-половую стабильность, превращаясь в женскую или мужскую особь. Половые органы также претерпевают соответствующие внешние изменения, усиливаются эротические ласки, и второй партнер, как бы подстегнутый переменой, произшедшей с первым, обретает признаки противоположного пола. Исключений практически не бывает. Если же и возможно проявление у обоих партнеров по кеммеру одних и тех же половых признаков, то эти случаи настолько редки, что их можно не учитывать. Вторая фаза кеммера (кархайдский термин *торхармен*) — это взаимное обретение половых различий и соответствующей потенции; торхармен, по всей вероятности, длится от двух до двадцати часов. Если у первого из партнеров кеммер успел достигнуть своего полного развития, то второй проходит первые фазы чаще всего значительно быстрее; если же оба вступают в состояние кеммера одно-

временно, то развитие фаз происходит медленнее. Нормальные индивиды не имеют предварительной предрасположенности к «мужской» или «женской» роли; то есть они даже не знают, кем будут в данном конкретном случае — женщиной или мужчиной, — и не способны выбирать. (Оти Ним писал, что в некоторых районах Оргорейна довольно сильно распространено употребление искусственных гормонов для установления предпочтительной половой принадлежности; ничего подобного я не наблюдала в сельских районах Кархайда.) Когда половая определенность достигнута, она не подлежит изменению до полного окончания кеммера. Кульминационная фаза — называемая по-кархайдски *токеммер* — продолжается от двух до пяти дней, во время которых половое влечение и потенция достигают своего максимума. Эта фаза завершается почти внезапно, и, если зачатия не произошло, индивиды возвращаются в состояние сомера в течение нескольких часов.

(Примечание: Оти Ним полагает, что эта четвертая фаза представляет собой некий эквивалент менструации.)

Если же у индивида, выступившего в «женской» роли, наступает беременность, гормональная активность организма, естественно, продолжается, и в течение 8,4 месяца беременности, а также всего периода лактации (6—8 месяцев) данный индивид остается женщиной. Мужские половые органы у него втянуты в брюшную полость (как в период сомера), грудные железы увеличены, бедра становятся шире. С прекращением лактации индивид постепенно возвращается в состояние сомера, становясь обычным андрогином. Не прослеживается никакого физиологического «привыкания к роли», так что «мать», родившая нескольких детей, может с тем же успехом стать «отцом» еще нескольких.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Все они носят пока весьма поверхностный характер: я слишком много путешествовала и недостаточно долго жила на одном месте, чтобы иметь возможность сделать достаточно обоснованные выводы.

Кеммеринги — это отнюдь не всегда постоянные пары индивидов. Принцип парности, разумеется, — одна из наиболее распространенных традиций, однако в крупных городах в «домах любви» порой образуются довольно большие группы кеммерингов, между которыми происходят беспорядочные половые связи. Наиболее сильно противопоставлена данному явлению традиция «Клятвы кеммерингов» (кархайд-

ский термин *оскиоммер*), которая по всем своим целям и намерениям более всего соответствует моногамному браку. Легального статуса оскиоммер не имеет, но с общественной и этической точек зрения представляет собой весьма древний и очень живучий институт. Вся структура кархайдских клановых Очагов и княжеств, несомненно, основана на институте оскиоммера. Ничего не могу с уверенностью сказать относительно правил «развода»; здесь, в Озоринере, развод хотя и существует, однако после развода или смерти одного из партнеров не допускается заключения нового союза: «клятву кеммерингов» можно дать только один раз.

На всей планете Гетен происхождение, конечно же, определяется по материнской линии, то есть по линии «родительницы» в буквальном смысле этого слова (кархайдский термин *ама*).

Инцест разрешен, правда, с различными ограничениями как между сводными братьями и сестрами, так и между родными (происходящими от одних, давших «клятву кеммерингов» родителей). Родные братья и сестры, однако, не имеют права давать эту клятву друг другу, а также продолжать быть кеммерингами после того, как у одного из них родится дитя. Инцест между представителями различных поколений строжайше запрещен (во всяком случае, в Кархайде и Оргорейне; говорят, что он разрешен у племен Перунтера, населяющих арктический континент планеты, но возможно, это лишь слухи).

Что же еще могу я прибавить из слышанного мной лично? Пора, пожалуй, подводить итоги.

Существует одна-единственная черта всей этой аномальной физиологии, имевшая, возможно, определенную адаптационную ценность. Поскольку соитие возможно лишь в период фертильности, то высок и процент возможного зачатия — как у всех млекопитающих в период эструса. В суровых климатических условиях, когда столь высока детская смертность, этим свойством, возможно, определяется способность расы к выживанию. В настоящее время показатели как детской смертности, так и рождаемости в цивилизованных областях планеты Гетен не слишком высоки. Тинибоссол полагает, что на всех трех континентах планеты проживает не более ста миллионов человек, и считает, что численность населения оставалась примерно неизменной в течение последнего тысячелетия. Ритуальная и этическая свобода, а также употребление контрацептивов сыграли, по всей види-

мости, основную роль в поддержании столь устойчивого уровня.

Существуют, однако, такие аспекты двуполости, о которых мы могли лишь догадываться или наблюдать их очень поверхностно и которые мы, возможно, никогда не поймем до конца. Разумеется, всех нас, Исследователей, очень занимает феномен кеммера. Но нас-то он занимает с чисто научной точки зрения, а вот что касается самих гетенианцев, то ими он *правит*, он доминирует во всей их жизни. Структура их общества, устройство производства, сельского хозяйства, торговли, размеры их поселений, сюжеты их рассказов и легенд — все так или иначе сопряжено с циклом сомера-кеммера. У каждого раз в месяц бывает отпуск; ни один из жителей, кто бы он ни был по своему положению, не обязан работать, если он находится в кеммере (во всяком случае, его нельзя насилино заставить трудиться). Никто не может быть изгнан из «дома любви», даже если у него нет денег или он кому-то кажется неприятным. Все как бы отступает перед регулярно проявляющимися «томлениями страсти». Это-то нам понять довольно легко. А вот что нам понять весьма трудно: четыре пятых своей жизни жители планеты Гетен не являются сколько-нибудь сексуально ориентированными. Для занятий сексом вроде бы отведено немало места и времени — но как бы отдельно от всего остальной жизни. Общество планеты в своем повседневном функционировании и существовании представляется абсолютно бесполым.

Следует учесть: любой житель планеты Гетен может заниматься чем угодно, взяться за любое дело, владеть любой профессией. Это звучит очень понятно, однако психологические последствия подобной установки непредсказуемы. Например, тот факт, что любой гетенианец от семнадцати до тридцати пяти лет имеет полное право (по определению Нима) «связать себя беременностью». На самом деле беременность никого так уж особенно «не связывает» — во всяком случае, не в такой степени, как женщин из других миров: физиологически и физически. Нагрузки и привилегии делятся здесь достаточно равномерно; каждый может подвергнуться риску забеременеть или, наоборот, стать отцом. А потому никто здесь настолько и не свободен в этом отношении, как свободен не состоящий в браке мужчина где-либо в ином мире.

Следует учесть: ребенок полностью лишен психосексуальной связи со своими матерью и отцом. Мифа об Эдипе на планете Зима возникнуть не могло.

Следует учесть: при негативном отношении одного из партнеров к другому половой акт здесь невозможен, а потому здесь нет и насилия. У большей части млекопитающих — за исключением человека — соитие также может происходить лишь при взаимном расположении; в любом другом случае оно невозможно. На планете Гетен существуют, разумеется, соблазнение и разврат, однако развратные действия в таком случае необходимо исключительно точно осуществлять в строго определенный день или даже час.

Следует учесть: здесь отсутствуют такие понятия, как «сильная» и «слабая» половина рода человеческого. Общество не делится на такие категории, как защитники — защищаемые; главенствующие — подчиняющиеся; хозяева — рабы; активные — пассивные. Именно поэтому дуалистическая направленность мышления обычного человека на планете Гетен, по всей вероятности, сильно ослаблена или полностью изменена.

Непременно следует учесть — и это должно войти в мои окончательные выводы, — что при встрече с гетенианцами нельзя и недопустимо вести себя как в обычном двуполом обществе, то есть не должно навязывать конкретному гетенианцу ни роли женщины, ни роли мужчины и строить свое поведение по отношению к нему в зависимости от собственных представлений о его половой принадлежности, а также от предполагаемых сексуальных мотивов его поведения в качестве вашего возможного партнера. Привычное нам поведение, выработанное определенной социосексуальной моделью, здесь совершенно недопустимо. В эту игру они играть просто не могут. Они не воспринимают друг друга как мужчин или женщин. С этим нашему разуму и воображению смириться практически невозможно. Каков наш первый вопрос, когда рождается ребенок?

И все же не стоит воспринимать гетенианца как существо среднего рода. Это вовсе не так, ведь они отнюдь не бесплодны. Их скорее можно назвать «потенциалами» или «интегралами» — как больше нравится. Поскольку в языке Кархайда нет специального личного местоимения для обозначения человека в состоянии сомера, я вынуждена говорить «он» по той же самой причине, по которой мы употребляем местоимение «он» по отношению к невиданному божеству: понятие «бог», заменяемое местоимением «он», как-то менее определенно, менее специфично, чем местоимения женского или среднего рода — «она» или «оно». Однако уже само по себе употребление местоимения «он» приводит к тому, что я

порой забываю: конкретный житель Кархайда, с которым я в данный момент общаюсь, вовсе не мужчина, а мужчиноженщина, бисексуал.

Первого Мобиля, если он будет сюда послан, необходимо предупредить заранее, что, при отсутствии чрезмерной самоуверенности и будучи человеком еще не старым, он неизменно почувствует себя уязвленным, мужская гордость его будет страдать. В мужчине естественно желание, чтобы его мужественность оценивали по достоинству; женщине же хочется, чтобы ее женственностью любовались, какими бы косвенными и незаметными ни были проявления подобных оценок. На планете Зима ничего этого не будет. Каждого уважают и оценивают только в соответствии с его человеческими качествами. Это поразительный и ужасный опыт!

Но вернемся к моей теории. Рассматривая мотивы для проведения подобного эксперимента — если таковой действительно состоялся — и пытаясь по возможности оправдать наших хайнских предков, снять с них вину за этот варварский поступок, за то, что они распорядились чужими жизнями как материалом для научных изысканий, я составила кое-какие предположения относительно возможных — ожидаемых хайнцами — результатов эксперимента.

Сомер-кеммер приводит людей к деградации, возвращая их к эстрusu, как это имеет место у низших млекопитающих, коз, оленей и т.п., а соответственно и подчиняет жизни человеческих существ строго определенным циклам. Возможно, экспериментаторам хотелось выяснить, смогут ли люди, лишенные постоянной сексуальной потенции, сохранить свой разум и культуру.

С другой стороны, ограничение силы полового влечения и сведение его проявлений к непродолжительному отрезку времени, как и «выравнивание» половых различий у андрогинов, должны в значительной степени мешать эксплуатации этого влечения и проявлениям различных его нарушений. Несомненно, определенные сексуальные отклонения неизбежны, хотя общество планеты по мере сил стремится предотвратить их; однако, пока социальное единство представлено достаточно большой группой людей и пока несколько человек одновременно могут находиться в состоянии кеммера, вполне допустимы и разнообразные формы удовлетворения сексуальных желаний, хотя число вариантов и не становится недопустимым; половые аномалии кончаются обычно вместе с периодом кеммера. И прекрасно, ибо благодаря этому гетенианцы избавлены от серьезных душевных потрясений и

потерь. Однако что остается этим людям в состоянии сомера? Стоит ли воспевать подобные преимущества? Чего может достигнуть общество бесполых существ?.. евнухов?.. Впрочем, они, разумеется, вовсе не евнухи и не бесполы; даже в период сомера их скорее можно сравнить с детьми в препубертатный период, предшествующий половому созреванию, когда половые реакции присутствуют, но они как бы стерты, латентны.

А вот другая моя догадка относительно целей этого гипотетического эксперимента: попытка исключить из жизни людей войну. Интересно, исходили ли древние хайнцы из того постулата, что продолжительнаяексуальная активность, как и организованная социальная агрессивность, — которые совершенно не свойственны ни одному виду млекопитающих, за исключением человека, — являются причиной и следствием войн? Или они, подобно Тумасу Сонгу Анготу, считали воинственную агрессивность чисто мужской чертой, свидетельством активности именно этой половины человечества, некоей расширенной формой насилия, а потому, проводя данный эксперимент, стремились количественно уменьшить не только проявления излишней «мужественности», приводящие к насилию, но и избыточной «женственности», это насилие провоцирующие? Бог его знает. Но и в самом деле гетенианцы, хотя соперничество среди них развито достаточно сильно (что доказывает, в частности, существующая сложная система социальных иерархических отношений, способствующая различным видам борьбы за первенство, престиж и т.п.), похоже, в целом не слишком агрессивны; во всяком случае, у них никогда не происходило таких массовых столкновений, которые можно было бы назватьвойной. Они довольно легко могут убить — одного, двоих, гораздо реже десятерых, — но никогда не убивают людей сотнями или тысячами. Почему?

Возможно, в итоге выяснится, что подобное отсутствие агрессивности не имеет ничего общего с психологией андрогинов. В конце концов, население планеты Гетен не так уж велико. Существует также такой немаловажный фактор, как здешний климат. А климат на планете Зима настолько суров, настолько близок к предельно допустимому для существования человеческой жизни, что даже при всей редкостной способности гетенианцев к адаптации в условиях предельно низких температур они, возможно, тратят весь свой воинственный заряд на войну со стужей. Маргинальные народности, то есть существующие практически на пределе воз-

многое, редко являются завоевателями. Таким образом, доминирующим фактором в жизни гетенианцев представляются не взаимоотношения полов и не какие-либо иные проявления человеческой натуры, но, и прежде всего, окружающая среда, сам их ледяной мир. На этой планете у человека есть куда более жестокий враг, чем сам человек.

Я всего лишь женщина с мирной планеты Чифевар и вовсе не являюсь специалистом в области различных форм насилия или войн. Кому-то другому, видимо, придется еще решать проблему агрессивности в применении к планете Гетен. Однако я совершенно не представляю, как кто-либо из людей смог бы находить удовлетворение в победах и воинских почестях, пережив хотя бы один зимний период на планете Гетен, воочию увидев такого противника, как Великие Льды?

8. ВТОРОЙ ПУТЬ В ОРГОРЕЙН

Я провел это лето скорее в качестве Исследователя, чем Мобиля: мотался по всему Кархайду из конца в конец, из одного города в другой, из одного княжества в другое, наблюдал, слушал — то есть занимался тем, что Мобилю поначалу вообще недоступно, ибо он на незнакомой планете всеми воспринимается как некое чудо и чудовище одновременно и постоянно должен быть готов к тому, чтобы дать очередное представление, где единственным актером будет он сам. Я с удовольствием рассказывал всем, кто давал мне кров в этом сельском краю, в больших Очагах и отдельных деревнях, кто я такой; многие кое-что, хотя и очень мало, слышали обо мне по радио, но весьма смутно представляли, что именно я собой являю. Они были любознательны — одни больше, другие меньше. Очень немногие боялись меня лично или проявляли какую-то ксенофобию вообще. Врагом в Кархайде считается не чужеземец, а захватчик. Любой иностранец, откуда бы он ни явился, считается гостем. Врагом же чаще бывает ближайший сосед.

Весь месяц Кус я прожил в древнем фамильном Очаге Горинхеринг. Очаг — это своеобразное сочетание укрепленного замка, небольшого города и деревенского поместья. Горинхеринг возвышался на холме над вечными туманами великого океана Годомина. В Очаге было около пятисот жителей, и, явясь я на четыре тысячелетия раньше, предки их жили бы в том же самом месте, согласно тем же самым тра-

дициям, хотя за это время на планете Гетен были изобретены электродвигатель, радио, различные станки и механизмы, автомобили и сельскохозяйственная техника. Все это уже успело стать привычным, промышленная революция осуществлялась здесь размежено, без каких бы то ни было социальных бурь и потрясений. И за тридцать веков Гетен не достигла того, что на планете Земля свершилось за каких-то тридцать десятилетий. Но никогда Гетен не приходилось платить столь жестокую цену за свои достижения, как Земле.

Планета Зима — мир неприветливый, недружелюбный; за неадекватное поведение, неправильное отношение к себе он наказывает сразу и неизбежно — смертью от холода или голода. И никаких тебе пограничных состояний, никаких отсрочек. Отдельный человек еще может уповать на удачу, однако целое общество себе этого позволить не может; так что культурные сдвиги на Гетен очень редки, как редки и физиологические мутации, однако они порой дают неожиданные и значительные результаты. А потому гетенианцы продвигались по своему историческому пути очень медленно. Взяв за основу любую конкретную точку их истории, поспешный наблюдатель может сделать вывод о полном прекращении промышленного и социального развития на всей территории планеты. Однако ни то ни другое никогда не прекращалось. Сравните бурный поток и движение ледника: оба в итоге своей цели достигают.

Я много беседовал со стариками Горинхеринга и с детьми, которых мне впервые довелось наблюдать непосредственно, потому что в Эренранге все дети живут в закрытых частных или государственных Очагах, или так называемых Школах. Двадцать пять — тридцать процентов всего взрослого населения городов постоянно заняты профессиональным воспитанием и образованием детей. В Горинхеринге воспитанием детей занимались сами жители Очага, в основном старики; за это несли ответственность одновременно все, и никто в отдельности. А потому дети довольно-таки дикими ватагами слонялись по скрывающимся в тумане холмам и пляжам побережья. Когда мне удавалось приманить одну из таких группок и завести беседу, то дети оказывались одновременно застенчивыми и гордыми, но безгранично доверчивыми.

Сила родительского инстинкта столь же сильно варьируется здесь на Гетен, как и во всей Вселенной. Никаких общих выводов на этот счет сделать нельзя. Я, например, ни разу не видел, чтобы житель Кархайда ударил ребенка. Или хотя

бы сердито обругал его. Их доброта по отношению к детям поразила меня прежде всего своей искренностью, деятельным характером и почти полным отсутствием собственных инстинктов. Последнее, пожалуй, больше всего отличает здешнее отношение к детям от того, что мы на Земле называем «материнским инстинктом». Я подозреваю, что на Гетен вряд ли возможно провести грань между «материнским» и «отцовским» инстинктами; здесь главенствует общий родительский инстинкт — желание прежде всего защитить, поддержать, — что абсолютно не связано с различием полов родителей...

В начале последнего летнего месяца, Хаканна, в Горинхеринге появились упорные слухи, основанные, впрочем, на официальных сообщениях из дворца, о том, что король Аргавен ожидает наследника. Причем не очередного сына от кого-то из своих кеммерингов — он уже был отцом семерых детей, — а собственного, родного сына, во плоти и крови, единственного королевского наследника-принца. Итак, король Аргавен решил сам родить ребенка.

Мне это показалось смешным, как и многим обитателям Горинхеринга — по разным, разумеется, причинам. Хозяева мои говорили, что король уже слишком стар, чтобы рожать детей, и по этому поводу много шутили и, надо сказать, весьма непристойно. Старики чесали языки целыми днями. Над Аргавеном они откровенно смеялись, однако сама его персона никого особенно не интересовала. «Кархайд — это не государство, а толпа взлорных родственников», — так когда-то сказал Эстравен, и эти слова — как и многое другое из сказанного им — все чаще приходили мне на ум, поскольку я все больше узнавал об этой стране. То, что казалось единым государством, существовавшим уже многие века, на самом деле представляло собой мешанину из практически неуправляемых княжеств-принципалий, самостоятельных городов и отдельных деревень, «псевдофеодальных племенных экономических единиц» — расползающийся во все стороны союз соперничающих между собой, а порой и враждебных друг другу людей и правителей, которыми весьма неуверенно и непоследовательно пытался править monarch. По-моему, ничего и никогда не сможет сделать Кархайд единой нацией. Даже быстрое распространение различных скоростных коммуникационных и транспортных средств, которое, казалось бы, практически неизбежно должно было бы привести к национальному объединению, ни к чему такому не привело. Экумена не могла обращаться к жителям Кархайда как к

единой нации, обществу, государству, способному на некую тотальную мобилизацию; скорее имело бы смысл взывать к их достаточно сильному, хотя и недоразвитому, чувству чисто человеческой общности. Меня очень тревожили эти мысли. Я тогда, разумеется, заблуждался; однако эти новые сведения о гетенианцах сослужили мне впоследствии хорошую службу.

Поскольку я не собирался весь год провести в Старом Кархайде, мне необходимо было вернуться к Западному Пере-валу до того, как Каргав станет недоступным. Даже здесь, на побережье, уже два раза за этот месяц выпадал снег, хотя лето еще не кончилось. Без особой охоты покинул я эти места и прибыл в Эренранг в самом начале месяца Гор, первого месяца осени. Аргавен уединился в своем летнем дворце Уорривер, назначив на время своего отсутствия Регентом Пеммера Харге рем ир Тайба. Тайб от души наслаждался предоставленной ему властью. Уже в первые два часа после прибытия в столицу я начал ощущать не только слабые места в собственных выводах относительно Кархайда — выводы эти к тому же весьма устарели, — но и определенный дискомфорт, пожалуй, даже опасность, грозящую мне в Эренранге.

Аргавен явно был не в своем уме; его собственная злобная непоследовательность отправила темной желчью настроение жителей всей столицы. Король Кархайда был буквально пропитан страхом. Все хорошее за годы его правления осуществлялось лишь благодаря министрам и членам киорримии. Впрочем, и особого зла от Аргавена не было тоже. Его неустанная борьба с собственными ночными кошмарами не оказала на королевство разрушительного воздействия. Зато кузен короля, Тайб, принадлежал к иной породе людей: его безумие основывалось на четких логических построениях. Тайб отлично понимал, когда и как нужно действовать в своих интересах. Единственное, чего он не знал, — это когда нужно остановиться.

Тайб довольно много выступал по радио. Эстравен, будучи премьер-министром, никогда так не вел себя, и вообще показуха кархайдцам не свойственна: правительство — это не балаган с актеришками; правители предпочитают действовать скрытно, отнюдь не напрямую. Тайб, однако, продолжал ораторствовать. Снова услышав его голос по радио, я вспомнил длинные, обнаженные в улыбке зубы и лицо, покрытое паутиной морщин. Речи Тайба были громогласны, длинны и напыщены: хвалы в адрес Кархайда, хула в адрес Оргорейна, разоблачение «подрывающих государственную

целостность фракций», демагогические разглагольствования относительно «нерушимости границ королевства», целые лекции по истории, этике и экономике — и все почти на грани истерики, так что от чрезмерной злобы или восторга голос его порой срывался на визг. Он много говорил о гордости за свою страну, об «истинном патриотизме», но мало-вато о шифгреторе ее граждан, о собственном достоинстве или личном авторитете каждого. Не слишком ли велики оказались потери со стороны Кархайда из-за конфликта в долине Синотх, что тему шифгретора и авторитета старались не затрагивать вообще? Видимо, все же это было не так, ибо долину Синотх Тайб упоминал довольно часто. Однако о шифгреторе он явно избегал говорить, и я был почти уверен, что он стремится разбудить эмоции более низкого, примитивного, почти неконтролируемого уровня психики. Он хотел вызвать к жизни то, что постоянно подавлялось правилами поведения, соответствующими понятию шифгретора, как бы сублимирующего до безопасного уровня низменные чувства и желания. Он хотел, чтобы слушающие его речи жители Кархайда испытывали одновременно гнев и злобу. А потому основными темами его выступлений были отнюдь не гордость или любовь, хотя эти слова употреблялись им без конца; однако в том контексте, в котором их употреблял он, значили они лишь самовосхваление и ненависть к другим. Он также немало разных слов говорил об Истине, ибо, как он выражался, «копал куда глубже поверхностного налета цивилизации». Это была его излюбленная и, казалось бы, довольно благовидная метафора — насчет «налета цивилизации». Или «облицовки», «штукатурки», «обновления старых стен» и тому подобного, то есть всего того, что скрывает более благородную и древнюю основу. За подобной метафорой может с успехом спрятаться по крайней мере дюжина софизмов. Один из наиболее опасных — признание того, что цивилизация, будучи искусственно созданной, противоречит природе, то есть является нарушением естественности бытия... Разумеется, цивилизация — это никакой не «налет», и примитивная первобытная («естественная») культура и культура цивилизованного общества — лишь ступени общего процесса развития человечества. Если цивилизации можно что-то противопоставить, так это войну. Так что либо то, либо другое. Но не то и другое вместе. Мне казалось, когда я слушал надоедливые истеричные речи Тайба, что он стремится, на-саждая страх и яростно убеждая в существовании врага, заставить свой народ как-то изменить выбор, сделанный еще

до того, как началась его официальная история, — выбор как раз между этими противоположностями: цивилизацией и войной.

Возможно, для этого как раз пришло время. Медленно, как осуществлялся и весь их материально-технический прогресс, мало-помалу, невысоко ценя «прогресс» как таковой, гетенианцы в итоге — в последние пять, десять или пятнадцать веков — все-таки немного обогнали Природу. Они уже вышли из абсолютной зависимости от своего безжалостного климата; и плохой урожай в отдельной провинции уже не мог привести к голодной смерти; даже особенно холодная и снежная зима не приводила города к изоляции. На основе определенной материальной стабильности Оргорейн постепенно превратился в единое и все более централизующееся государство. Теперь Кархайд тоже должен был «собраться с силами» и совершить аналогичный шаг. Однако Тайб считал, что всякое там развитие самосознания и собственного достоинства, установление торговых отношений с другими государствами, строительство дорог, ферм, учебных заведений и так далее — все это лишь проклятый «налет цивилизации», который необходимо уничтожить. Перед ним была конкретная и ясная цель, и он шел к ней по самому короткому и проверенному пути. Чтобы превратить народ Кархайда в граждан единого государства, в единую нацию, он избрал путь войны. Его идеи, разумеется, были недостаточно четко сформулированы, однако звучали весьма убедительно. Второй способ столь же быстрого создания единой нации или всеобщей мобилизации людей — это насаждение в государстве новой религии; однако таковой под рукой не оказалось, и Тайб предпочел путь милитаризации.

Я послал Регенту Тайбу записку, в которой изложил суть вопроса, заданного мною Предсказателям, и ответ, который получил от них. Тайб мне не ответил. Тогда я отправился в посольство Орготы и испросил разрешения на въезд в государство Оргорейн.

У Стабилей всей хайнской Экумены куда меньше помощников, чем чиновников в одном лишь этом посольстве относительно небольшой страны; все они путаются в бесконечных магнитофонных записях, различных досье, очень медлительны и дотошны. Никаких «кое-как», никаких ошибок, никаких подтасовок, столь характерных для официальных лиц Кархайда. Я терпеливо ждал, пока в посольстве закончат возню с оформлением моих документов.

Ожидание, однако, становилось довольно неприятным.

Количество королевских гвардейцев и муниципальной полиции на улицах Эренранга увеличивалось, похоже, с каждым днем; все стражники были вооружены до зубов, у них даже начинало вырисовываться некое подобие военной формы. Настроение в городе царило мрачное, хотя торговые и прощие сделки совершались довольно успешно, благосостояние в целом росло, и погода была ясной. Меня сторонились уже почти все, даже моя «квартирная хозяйка». Этот толстяк больше не показывал желающим мою комнату и частенько жаловался на травлю со стороны «людей из дворца», а потом начал обращаться со мной не как с уважаемым гостем и Посланником с другой планеты, а, скорее, как с политическим преступником. Тайб произнес еще одну речь по случаю очередного столкновения в долине Синотх: оказывается, «отважные кархайдские фермеры, истинные патриоты» совершили налет в районе южной границы, близ Сассинотха, на орготскую деревню, сожгли ее, убили девять мирных жителей, а тела их отволокли к границе и бросили в реку Эй; «Такую могилу, — вешал Регент, — обретут все враги нашего государства!» Я слушал эту передачу в столовой нашего Острова. Мои соседи выглядели по-разному: кто мрачным, кто равнодушным, а кто и довольно; однако во всех лицах сквозило нечто общее — их словно искажал какой-то легкий тик или чуть заметная гримаска. И взгляд у всех был одинаково беспокойный.

Вечером ко мне в комнату постучался и вошел незнакомый мне человек, первый мой гость с тех пор, как я вернулся в Эренранг. Он двигался легко, у него была нежная кожа, застенчивые манеры, а на груди висела золотая цепь Предсказателя, одного из Целомудренных.

— Я друг одного из тех, кто дружил с вами, — представился он с прямотой застенчивого человека. — Я пришел просить вас о милости — ради него.

— Вы имеете в виду Фейкса?..

— Нет. Эстравена.

Должно быть, выражение участия и готовности помочь на моем лице сменилось чем-то совсем иным; возникла небольшая пауза, потом незнакомец пояснил:

— Эстравена-предателя. Разве вы его не помните?

Застенчивости как не бывало. Теперь в его голосе звучал гнев. Он явно готов был поставить на кон свою честь — предъявить мне свой шифгретор, как здесь говорят. Если бы я хотел ответить ему тем же, то есть практически согласился бы на дуэль, то мне нужно было бы ответить как-нибудь так:

«Нет, я не припоминаю его; а скажите, что он собой представляет?» Но играть в эти игры мне вовсе не хотелось: я уже к этому времени достаточно часто сталкивался с вулканическими вспышками кархайдского темперамента. Я неодобрительно посмотрел прямо в гневное лицо незнакомца и сказал:

— Конечно, я его помню.

— Однако дружеских чувств к нему не испытываете. — Его темные, с чуть опущенными вниз уголками глаза смотрели прямо на меня с живым интересом.

— Скорее, благодарность и разочарование. Это он послал вас ко мне?

— Он не посыпал.

Я подождал, пока он объяснит. Он сказал:

— Извините меня. Мои выводы были слишком поспешны; теперь я пожинаю плоды собственной торопливости и домыслов.

Я едва успел остановить этого надменного гордеца, ибо он тут же направился к двери.

— Пожалуйста, послушайте: я ведь не знаю, кто вы и что вам угодно. Я же не отказал вам, я просто совсем ничего не понимаю, а потому и не выразил сразу согласия помочь. Вы ведь не откажете мне в праве на определенную осторожность? Эстравена сослали за то, что он поддерживал мою деятельность здесь...

— А вы не считаете, что, хотя бы отчасти, в долгу перед ним?

— Ну, отчасти, пожалуй, да. Хотя то, с чем связана моя миссия здесь, выше всех личных долгов и привязанностей.

— Если это так, — сказал незнакомец с яростной убежденностью, — то ваша миссия аморальна.

Это остановило меня. Он говорил как защитник экуменических представлений, и мне крыть было нечем.

— Не думаю, что это так, — ответил я наконец. — В недостатках ее осуществления виновен в данном случае тот, кто ее осуществляет. Во всяком случае, сама идея не виновата ни в чем. Но прошу вас, скажите, что именно от меня требуется.

— У меня есть некая денежная сумма — проценты, долги и тому подобное, — которую мне удалось собрать. Это остатки состояния моего друга. Услышав, что вы вскоре собираетесь посетить Оргорейн, я решил попросить вас передать ему эти деньги, если, разумеется, вы найдете его. Как вам известно, за контакт с преступником полагается кара. Кроме того, риск может оказаться и бессмысленным, ибо он может находиться как в Мишинори, так и на одной из их проклятых

Ферм; а может быть, просто умер. Я не имею возможности выяснить это. Друзей в Оргорейне у меня нет. И здесь тоже нет никого, к кому я мог бы обратиться с подобной просьбой. Я подумал о вас, потому что вы стоите как бы надо всей этой политикой и свободны в передвижении по стране. Но я совсем не подумал о том, что и у вас могут быть свои собственные политические соображения. Прошу прощения за собственную глупость.

— Хорошо, я возьму эти деньги. Но если он умер или его невозможно будет отыскать, кому мне следует их возвратить?

Он уставился на меня. Выражение его лица беспрестанно менялось: он переживал жестокую душевную борьбу. Потом судорожно вздохнул или, скорее, всхлипнул. У жителей Кархайда в большинстве случаев слезы весьма близко, и они стыдятся их не больше, чем мы смеха. Наконец он проговорил:

— Благодарю вас. Мое имя Форет. Я живу в Цитадели Орнии.

— Вы из семьи Эстравена?

— Нет. Я его кеммеринг, Форет рем ир Осбот.

У Эстравена за время нашего знакомства, насколько мне известно, никакого коммеринга не было; но в отношении этого человека в душе моей не возникло ни малейших сомнений. Он, возможно, поступал неразумно или невольно служил чьим-то корыстным целям, однако его собственные побуждения были чисты и искренни. И он только что преподал мне урок: я понял, что вызов чести в Кархайде может быть сделан в том числе и на уровне этики и победит в этом поединке сильнейший. Ведь он загнал меня в угол буквально с первых двух ходов.

Деньги у него были с собой, и он передал их мне — солидную сумму в банкнотах Королевской Купеческой Гильдии Кархайда, так что никто в случае чего ни в чем не смог бы меня уличить, как, впрочем, и помешать мне просто истратить эти деньги.

— Если вы отыщете его... — Форет запнулся.

— Что-нибудь передать на словах?

— Нет, ничего. Только если бы я знал...

— Если я действительно его найду, то попытаюсь подробно сообщать вам о нем.

— Спасибо, — сказал он и протянул мне обе свои руки — в Кархайде этот жест выражает особое дружеское расположение, так что пользуются им нечасто. — Я желаю вам успеха в выполнении вашей миссии, господин Аи. Он... Эстравен...

он верил, что вы прибыли сюда, чтобы творить добро, я знаю. Он очень, очень верил в это.

Эстравен был для него целью и смыслом жизни. Форет был из тех проклятых, кому на роду написано вечно оставаться однолюбом. Я снова сказал:

— Может быть, вы все-таки хотели бы что-то передать ему еще?

— Передайте ему, что дети здоровы, — сказал он, потом поколебался, тихо прибавил: — Нусутх, неважно все это, — и ушел.

Через два дня я покинул Эренранг и отправился, на этот раз пешком, к северо-западной границе Кархайда. Разрешение на въезд в Оргорейн пришло гораздо скорее, чем можно было ожидать, судя по поведению чиновников посольства; они и сами явно этого не ожидали, так что, когда я явился забирать документы, они были со мной ядовито-вежливы, понимая, что ради моей персоны чьим-то высшим указом нарушены все требования и правила протокола. Поскольку в Кархайде вообще никаких особых правил для отъезжающих из страны не существовало, я тут же двинулся в путь. За это лето я убедился, насколько приятно путешествовать пешком по такой стране, как Кархайд. Там великое множество дорог и гостиниц — как для пеших путешественников, так и для пассажиров и водителей транспортных средств. Кроме того, практически всегда можно рассчитывать на кархайдские законы гостеприимства. Горожане, крестьяне, простые фермеры или князья всегда предоставляют путешественнику пищу и кров по этим неписанным правилам по крайней мере на три лия, а на самом деле куда дольше. Но самое лучшее то, что всюду тебя принимают доброжелательно и спокойно, словно долгожданного гостя.

Я не спеша брел по удивительно красивой холмистой долине, расположенной между реками Сесс и Эй, порой отражая свой noctleg на огромных княжеских полях. Шла жатва; урожай спешно убирали в амбары и хранилища, так что каждые рабочие руки, каждый серп или уборочный комбайн были на счету: необходимо было спасти это море золотистого зерна от приближающейся непогоды. Первая неделя моего пешего странствия была наполнена золотом ищеницы; стояли чудесные теплые дни, и до вечерам, прежде чем улечься спать, я обычно выходил на короткую прогулку по скосенным полям, покинув нейзко освещенный уединенный домик фермера или сияющую огнями гостиную княжес-

кого поместья, и смотрел на звезды, огни которых в темном ветреном осеннем небе казались огнями далеких городов.

Мне, пожалуй, даже расхотелось покидать эту страну, которая хоть и проявила ко мне, посланцу другого мира, полное безразличие, но ко всем обыкновенным путникам и чужестранцам была очень нежна и гостеприимна. Да и страшновато было начинать все сначала: снова рассказывать о себе на новом языке, снова объяснять цели своей миссии новым слушателям и, возможно, снова потерпеть неудачу. Я забрел чуть севернее, чем нужно, оправдывая изменения в своем маршруте желанием увидеть долину Синотх — предмет давнишнего спора между Кархайдом и Оргорейном. Хотя погода стояла ясная, становилось все холоднее, и в конце концов я все-таки повернул к западу раньше, чем успел добраться до Сассинотха, вспомнив, что там, на границе, как раз построена эта пресловутая стена, через которую могут и не пропустить. Пришлось сделать небольшой крюк к югу и несколько километров пройти по берегу пограничной реки Эй, чтобы добраться до моста, который соединял две маленькие деревушки — Пасерер на кархайдской стороне и Сиувенсин на оргорейнской. Деревушки сонно смотрели друг на друга над бурными водами шумной реки Эй.

Стражник на кархайдской стороне спросил меня только, не собираюсь ли я возвращаться сегодня вечером, и махнул мне на прощанье рукой. Зато на стороне Оргорейна немедленно явился Инспектор, который никак не менее часа исследовал мое удостоверение личности и прочие документы. Паспорт он оставил у себя, сказав, что я должен явиться за ним завтра утром; вместо паспорта он выдал мне временное разрешение на проживание в специальном Доме для приезжих Комменсалии Сиувенсина. Еще час я провел в кабинете управляющего Домом для приезжих, пока тот читал мои бумаги, а также выданное мне удостоверение и звонил Инспектору пограничного пункта, от которого я только что к нему прибыл.

Не могу точно поручиться, что орготское слово означает именно «комменсалов» или «комменсалию» и корнями своими уходит в понятие «сотрапезники». Слово это используется при обозначении всех национально-государственных институтов Оргорейна, начиная от названия самого государства и его федеральных компонентов до более мелких единиц административно-территориального деления: городов, общественных ферм, шахт, фабрик и так далее. В качестве прилагательного это понятие употребляется во всех перечислен-

ных выше названиях и понятиях; слово «Комменсалы» обычно применяется к главам тридцати трех федераций, или Округов, составляющих правительство Оргорейна, его исполнительный и законодательный органы; однако слово «комменсал» может также означать и просто «житель Великой Комменсалии Оргорейн». Таким образом, все население страны — ее комменсалы. Именно в отсутствии различий между общим и специальным значениями этого слова, в использовании его как для обозначения целого, так и части, как правящей верхушки, так и отдельных граждан государства, в этой его неопределенности и кроется сама суть этого понятия.

В конце концов, адекватность моих документов, как и моей личности, была подтверждена, и в Часу Четвертом я наконец — впервые с раннего утра — поел; мне были поданы каша из местной пшеницы и ломтики холодного хлебного яблока. При всем невероятном количестве чиновников Сиувенсин оказался маленькой простенькой деревушкой, погруженной в глубокую сельскую дремоту. Дом для приезжих вряд ли соответствовал своему многообещающему названию. В его столовой помещались всего один стол и пять стульев, даже камина там не было, а еду приносили из деревенской харчевни. Вторая из имеющихся в Доме для приезжих комнаты была отведена под спальню: шесть кроватей, толстый слой пыли, плесень на стенах. Комната оказалась в полном моем распоряжении. По всей видимости, все в Сиувенсине сразу же после ужина ложились спать, так что я тоже улегся и уснул, слушая ту оглушительную сельскую тишину, от которой с непривычки звенит в ушах. Проспал я примерно час и проснулся от сдавившего сердце кошмара: в моем сне рвались снаряды, захватчики топтали чужие земли, кого-то без конца убивали, горели дома и стога в полях...

Сон был ужасен; в какой-то момент мне приснилось, что я бегу вниз по какой-то темной улице в толпе странных безликих существ, а дома у меня за спиной взлетают в воздух, и языки пламени пляшут, пожирая обломки, а дети кричат иплачут от страха.

...Кончилось все это тем, что я среди ночи вышел подышать свежим воздухом прямо в чем был и оказался посреди покрытого сухим жињием поля. Передо мной чернела какая-то ограда. Половинка луны дурацкого рыжего цвета и несколько звезд выглядывали из-под низко, над самой головой, несущихся облаков. Ветер был пронизывающе ледяным. Рядом со мной возвышался какой-то большой амбар, навер-

ное, зернохранилище, а чуть подальше я увидел разлетающиеся на ветру снопы искр.

Я был без теплых штанов и босиком, в одной лишь рубахе, без хайэба (или куртки), однако свой неизменный дорожный тючок я прихватил с собой: там была не только одежда, но и оставшиеся рубины, деньги, документы, мои записи и ансиблль. Тючок этот я использовал как подушку во время своего путешествия. По всей вероятности, я и во сне цеплялся за него. Я вытащил оттуда башмаки, штаны, подбитый мехом зимний хайэб и оделся прямо среди холодной темной тишины деревенского поля. Огоньки Сиувенсина мерцали где-то в километре у меня за спиной. Потом я потихоньку побрел в поисках дороги и скоро вышел на нее. По дороге шли люди. Все они, похоже, были беженцы, как, впрочем, и я, но они, по крайней мере, знали, куда идут. Я пошел за ними, поскольку не знал, куда мне податься. От Сиувенсина стоило явно держаться подальше: я догадался, что на него напали ночью бандиты из кархайдского селения Пасерер с другого берега реки Эй.

Бандиты подожгли несколько домов и быстро убрались; сражения никакого не было. Вдруг на бредущих по дороге людей упал яркий свет от зажженных фар, и, скорчившись у обочины, мы увидели штук двадцать грузовиков, на полной скорости мчащихся к Сиувенсину. Раз двадцать вспыхнули и пропали фары, прошипели шины, и мы снова оказались в тишине и темноте.

Вскоре мы добрались до фермы, где нас остановили и допросили. Я попытался пристроиться к той группе людей, с которой шел по дороге, но мне не повезло; им, впрочем, тоже не повезло, за исключением тех, кто прихватил с собой документы. Люди без документов — а я к тому же еще и иностранец без паспорта! — были отрезаны от общего стада и на ночь помещены в склад — просторный каменный полуподвал без окон, с единственной дверью, которая запиралась снаружи. То и дело дверь отпирали и вводили очередного беженца в сопровождении местного полицейского, вооруженного акустическим ружьем. При закрытой двери внутри было совершенно темно — ни малейшего лучика света. В столь непроглядной тьме перед глазами обычно начинают вспыхивать снопы искр и плавать огненные круги. Воздух был холодный и густо пропитанный запахом пыли и зерна. Ни у кого даже фонарика с собой не было; всех этих людей среди ночи вышвырнули из собственных постелей; двое из них оказались совершенно голыми, по дороге люди дали им

какие-то одеяла, чтобы прикрыть наготу. Своего у них не было ничего. Но самое ценное из их имущества, оставшегося неизвестно где, — это, разумеется, документы. В Оргорейне лучше остаться совсем голым, чем лишиться документов.

Все сидели порознь в обширном, пыльном, слепящем темном помещении. Порой кто-то шептал два-три слова ближайшему соседу, и снова все смолкало. В этой оргорейнской темнице не было и намека на то чувство солидарности, какое бывает обычно у всех заключенных. Никто ни разу не пожаловался.

Слева от себя я услышал шепот:

— Я видел его на улице, возле моей двери. Ему оторвало голову.

— Да, они пользуются стариинными винтовками, что стреляют кусочками свинца. Как бандиты!

— Тиена говорит, что они не из самого Пасерера, а из княжества Оворт и что их привезли к реке на вездеходе.

— Но ведь между Овортом и Сиувенсином нет вражды...

Они ничего не понимали; они ни на что не жаловались. Они не протестовали, когда соотечественники заперли их в подвале после того, как их дома были сожжены, а их самих выстрелы бандитов погнали прочь. Они даже не пытались понять причину произшедшего. Вскоре тихий говор — отдельные редкие фразы на гнусавом языке Орготы, по сравнению с которым кархайдские слова звучали как камешки, падающие в пустой котел, — совсем умолк. Люди уснули в темноте и тишине. Какой-то ребенок немножко поскучил, и ему отвечало гулкое подвальное эхо.

Вдруг дверь широко распахнулась, и за ней оказался ясный день; солнечные лучи ножами ударили мне в глаза, яркие, пугающие. Я, спотыкаясь, вышел наружу и машинально следил за остальными, пока не услышал собственное имя. Я не сразу узнал его, хотя бы потому, что в Оргорейне звук «л» произносят. Кто-то повторял его снова и снова; наверное, с тех пор, как открыли дверь.

— Пожалуйста, пройдите сюда, господин Аи, — торопливо проговорил некто в красном, и я сразу перестал быть жалким беженцем. Меня отsekли от тех безымянных, вместе с которыми я брел в поисках спасения по темной дороге, вместе с которыми, утратив документы и перестав, таким образом, быть личностью, я всю ночь просидел в темном подвале. Теперь я вновь обрел свое имя, меня узнали и признали человеком, я снова существовал как личность. Что ж, существен-

ное облегчение. Я с радостью последовал за незнакомым мне человеком.

Служащие местного Управления Фермами Комменсалии были возбуждены и расстроены; они всячески старались проявить заботу и даже извинились за неудобства, причиненные прошлой ночью. «Ах, напрасно, напрасно вчера вы решили заночевать в Сиувенсине! — все сокрушался какоито толстый Инспектор. — Ах, если бы вы сразу прибыли в Оргорейн, как все!» Они не понимали, кто я такой и почему мне следует оказывать особое внимание; их неосведомленность на этот счет была совершенно очевидной, однако и это мне было безразлично. Господина зовут Дженили Аи, он — Посланик, с ним следует обращаться с должным почтением. Что они и делали. Так что к полудню я уже ехал в автомобиле по дороге в Мишнори; автомобиль был предоставлен в мое распоряжение Управлением Фермами Комменсалии Восточного Хомсвашома, восьмой Округ. Я получил новый паспорт и бесплатный пропуск во все Дома для приезжих, находящиеся на пути моего следования, а также переданное по телеграфу приглашение прибыть в резиденцию Комиссара путей сообщения и портов первого Округа Комменсалии господина Утха Шусгиса.

Радиоприемник в моем маленьком автомобиле включался вместе с двигателем и работал непрерывно, так что весь день, пока я ехал через бескрайние, богатые ручьями и засаженные пшеницей поля Восточного Оргорейна (ограды там отсутствуют, поскольку нет никаких стадных животных), радио не умолкало. Меня проинформировали о погоде, об урожае, о состоянии дорог; меня предупредили, чтобы я осторожнее вел машину; мне передали самые разнообразные новости изо всех тридцати трех округов, данные о производительности труда на самых различных предприятиях и грузообороте морских и речных портов; потом я прослушал несколько монотонных гимнов Йомеш, потом снова сводку погоды. Все это было очень мило — во всяком случае, после бесконечных громогласных заявлений, которых я вдоволь наслушался в Эренранге. Не последовало ни единого упоминания о налете на Сиувенсин: правительство Орготы явно не было намерено разжигать страсти. В сводках новостей, которые передавались весьма часто, говорилось лишь, что в районе восточной границы по-прежнему поддерживается и будет поддерживаться порядок. Мне это понравилось: информация не содержала никаких провокационных намеков и носила спокойный, уверенный характер. Качество, которое я

всегда особенно ценил в гетенианцах, — это уверенность; порядок поддерживается — и точка... Теперь я был рад, что уехал из Кархайда с его непредсказуемой политикой, стремящегося к развязыванию войны и руководимого беременным королем-параноиком и эгоистичным маньяком Регентом. Мне радостно было ехать вот так, неторопливо, с усыпляющей скоростью сорок километров в час через обширные, разделенные прямыми межами поля, сплошь засеянные пшеницей, под ровным серым небом, по направлению к столице Оргорейна, правительство которого верило в Порядок.

На дороге часто встречались полицейские патрули (в отличие от Кархайда, где вечно надо было спрашивать дорогу у прохожих или ехать наугад), которые предупреждали меня, что машину остановят на таком-то инспекционном пункте, принадлежащем такому-то округу Комменсалии; на этих пунктах необходимо было предъявить Инспектору свое удостоверение личности и зарегистрироваться в специальном журнале. Мои документы каждый раз вызывали уважение: мне приветливо махали рукой на прощанье после самой минимальной задержки и вдобавок вежливо сообщали, как далеко до ближайшего Дома для приезжих, где, если мне будет угодно, я смогу поесть или переночевать. При скорости сорок километров в час поездка от Северного Перехода до Мишнори — мероприятие довольно серьезное, так что очевидно в пути мне пришлось дважды. Еда в Домах для приезжих была невкусной, но обильной; ночлег вполне пристойный. Даже отсутствие отдельной комнаты в какой-то степени компенсировалось молчаливостью идержанностью моих гостиничных соседей. У меня ни разу не возникло ни одного дорожного знакомства или хотя бы краткого разговора во время этих остановок, хотя лично я несколько раз такие попытки предпринимал. Жители Орготы не похожи на людей недружелюбных, скорее, они просто нелюбопытны; в целом они какие-то бесцветные, очень спокойные и покорные. Мне они нравились. Я уже прожил два года в холодном климате среди слишком горячих и холерически страстных кархайдцев. И теперешняя перемена была мне приятна.

Следуя вдоль восточного берега великой реки Кундерер, я на третью утро добрался наконец до Мишнори, столицы и самого крупного города Оргорейна.

Когда в редкие перерывы между проливными осенними дождями выглядывало солнце, город этот выглядел весьма забавно: он казался состоящим сплошь из глухих каменных стен, в которых лишь кое-где на очень большой высоте были

прорублены узкие окошки; широкие улицы были заполнены народом, но люди среди этих домов выглядели карликами; уличные фонари зажигались на невероятно высоких столбах; крыши домов вздымались ввысь, точно руки молящегося гиганта, а козырьки над дверями, торчавшие из стен на высоте метров шести от земли, казались чем-то вроде нелепых книжных полок. На редкость уродливый, какой-то гротескный город представлял передо мной в лучах солнца. Однако он был построен не для этих теплых и солнечных дней. Он был построен для зимы. Зимой вам тут же стала бы ясна и разумность его архитектуры, и экономичность, и своеобразная красота: когда улицы эти на три метра поднялись бы вверх, вымощенные толстенным, плотным слоем снега, а крутые крыши высились бы над этими улицами изящными черными зигзагами — крутизна не позволяет снегу и льду скапливаться на них, — а под навесами у дверей стояли бы сани, а узкие окна-щели светились бы теплым желтым светом сквозь меть и пургу.

Мишнори был чище, больше и светлее, чем Эренранг, а кроме того, выглядел более открытым и импозантным. В нем преобладали дома из желтовато-белого камня, простой, но величественной архитектуры; застройка велась в соответствии со строгим планом; в большей части этих зданий размещались различные правительственные учреждения и службы Комменсалии, а также многочисленные храмы культа Йомеш, основной религии государства. Здесь не ощущалось веяния тайных слухов и давления чьей-то «высочайшей» вывишнутой психики; не ощущалось и постоянного присутствия чьей-то огромной и мрачной тени, как в Эренранге. Здесь все было просто, величаво и аккуратно. Я чувствовал себя так, словно вырвался из мрачной тьмы давно минувших веков, и жалел, что зря проторчал целых два года в Кархайде. Наконец-то я попал в страну, которая, с моей точки зрения, готова была вступить в экуменическую эру.

Я немного покатался по городу, потом вернул автомобиль в Региональное бюро и пешком направился в резиденцию Комиссара путей сообщения и портов первого Округа Комменсалии. Я так и не смог до конца взять в толк, было ли его приглашение просьбой или вежливым приказом. *Нусутх*. Я прибыл в Оргорейн, чтобы говорить от лица Экумены, и с тем же успехом могу начать выполнять свою миссию здесь, как и в любом другом месте.

Мои первые впечатления о жителях Орготы как людях флегматичных и сдержанных были поколеблены Комисса-

ром Шусгисом, который с улыбкой и радостными криками бросился мне навстречу, схватил обе мои руки — тем жестом, который кархайдцы приберегают для выражения наиболее сильных интимных своих чувств, — и, энергично встряхивая их, словно пытаясь выбить искру в моем внутреннем двигателе, проревел приветствия в адрес «Посла Экумены, Лиги Всех Миров, на планете Гетен».

Это был настоящий сюрприз. Ибо ни один из двенадцати или четырнадцати чиновников (Инспекторов!), изучавших мои документы, не выказал ни малейшей осведомленности относительно того, что означают мое имя, мой статус Посланника Экумены или само понятие Экумены; каждому жителю Кархайда все это было, по крайней мере приблизительно, известно. Я уж было решил, что Кархайд постарался не допустить, чтобы хоть малейшее радиообщение обо мне просочилось в Орготу, окружив мою персону строжайшей государственной тайной.

— Не Посол, господин Шусгис. Всего лишь Посланник.

— Ну, значит, будущий Посол. Ну разумеется, Посол, клянусь Меше! — Шусгис, плотный, сияющий радостной улыбкой, осмотрел меня с головы до ног и снова засмеялся. — Вы вовсе не такой, как я ожидал, господин Аи! Просто ничего похожего! По слухам, вы должны были быть высоким, как уличный фонарь, тощим, как санный полоз, совершенно черным и к тому же косоглазым — одним словом, ледяное чудовище, страх! Так ведь ничего подобного! Только вы чуть темнее, чем большинство из нас.

— Для Земли это нормально, — сказал я.

— Неужели вы оказались в Сиувенсине именно в ту ночь, когда эти бандиты совершили свой налет? Клянусь грудями Меше! Ах, в каком ужасном мире мы живем! Ведь вас могли бы застрелить, еще когда вы только шли по мосту через реку Эй, — и это после всего вашего долгого пути в Оргорейн! Ну хорошо! Хорошо! Вы все-таки здесь в конце концов. И множество людей жаждет вас видеть и слышать, и все рады приветствовать вас в Оргорейне!

Он тут же устроил меня в собственном доме, не принимая никаких возражений. Всего лишь чиновник высокого ранга, хоть и очень богатый человек, Шусгис жил так, как в Кархайде не жил никто, даже знатнейшие князья. Его дом представлял собой целый Остров, где проживало не менее сотни работников — его прислуга, клерки, технические советники и так далее; зато не было никого из родственников или членов клана. Система расширенных феодальных семей,

всех этих Очагов и княжеств, хотя и достаточно еще различимая в структуре Комменсалии, была в Оргорейне «национализирована» уже несколько веков назад. Все дети старше одного года жили здесь отдельно от родителей и воспитывались в специальных Очагах Комменсалии. Никакого иерархического деления по степени знатности здесь не было. Частные завещания законными не считались: умирая, человек оставлял все свое имущество государству. Все одинаково начинали с нуля. Однако позже, что совершенно естественно, возникали должностные и имущественные различия. Шусгис был богат и со своими богатствами обращался весьма вольно. В моих апартаментах были такие предметы роскоши, о существовании которых на планете Зима я и не подозревал: например, душ. А также электрокамин — в дополнение к прекрасному настоящему камину. Шусгис только смеялся:

— Мне было сказано: Посланника нужно держать в тепле; он прибыл из мира жаркого, как печка, ему трудно переносить наши холода. Обращайся с ним так, как с человеком, ждущим ребенка; постель его накрой меховыми одеялами, а в комнату дополнительно поставь электрокамин; подогревай ему воду для умывания, а окна держи закрытыми! Ну как, все хорошо? Удобно вам тут будет? Пожалуйста, скажите непременно, если вам что-нибудь еще понадобится.

Удобно ли мне! Ни один человек в Кархайде ни разу и ни при каких обстоятельствах не спросил меня об этом.

— Господин Шусгис, — проникновенно сказал я, — я чувствую себя здесь, как дома.

Но ему все было мало, так что, пока на моей постели не появилось еще одно одеяло из меха *пестри*, а в камин не подбросили еще охапку дров, он не успокоился.

— Я знаю, как это бывает, — сказал он. — Когда я ждал ребенка, то никак не мог согреться... ноги у меня вечно были как лед, и я всю зиму просидел у камина. Это, конечно, было уже давно, но я все прекрасно помню!

Гетенианцы рано заводят детей и примерно после двадцати четырех лет начинают применять контрацептивы; в своей женской ипостаси они утрачивают фертильность где-то лет в сорок. Шусгису было за пятьдесят, отсюда и это «уже давно»; впрочем, очень трудно было представить его в роли юной матери. Это был опытный политик с твердыми убеждениями, проницательный, общительный, искусно пользующийся доброжелательностью в своих интересах; в центре же его интересов был прежде всего он сам. Это общечеловечес-

кий тип. Я встречал таких на Земле, на Хайне, на Оллюле... Полагаю, что таких людей можно встретить даже в аду.

— Вы очень хорошо информированы относительно моих взглядов и вкусов, господин Шусгис. И это весьма лестно. Ведь я полагал, что известия обо мне до вас еще добраться не успели.

— Нет, — сказал он, прекрасно понимая, что я имею в виду, — они бы, разумеется, предпочли похоронить вас под снегом у себя в Эренранге, не так ли? Однако они отпустили вас, отпустили; и именно тогда мы здесь поняли, что вы не просто еще один из этих кархайлских безумцев, а нечто настоящее.

— Боюсь, я не совсем понимаю вас.

— Почему Аргавен и его приспешники боятся вас, господин Аи? Боятся и одновременно хотят, чтобы вы вернулись? Они боятся, что если они попробуют плохо обращаться с вами или попытаются заставить вас молчать, то им, возможно, придется за это расплачиваться. Они боятся нацеленных на них ружей — из Космоса! Разве нет? Вот потому-то они и не осмеливаются вас трогать. Они просто попытались заглушить ваш голос. Потому что боятся и вас, и того, что несете вы на планету Гетен!

Это было явное преувеличение; мое имя, разумеется, не раз упоминалось в кархайдских новостях, по крайней мере до тех пор, пока у власти находился Эстравен. Но у меня уже возникало ощущение, что по неким причинам информация о моей персоне не слишком-то распространена в Оргорейне; Шусгис мои опасения подтвердил.

— Значит, сами вы не боитесь того, что я несу на планету Гетен?

— Нет, мой дорогой, мы не боимся!

— Зато этого порой боюсь я.

В ответ он предпочел весело рассмеяться. Я не стал ничего уточнять. Я не торговец и не продаю Прогресс отстающим цивилизациям. Представители миров должны встречаться на равных, испытывая друг к другу хоть какое-то уважение, искренне стараясь понять друг друга, только тогда моя миссия сможет по-настоящему начаться.

— Господин Аи, вас ждет множество людей; все они жаждут с вами познакомиться; это важные персоны и самые обыкновенные люди, но кое-кто, несомненно, вызовет ваш интерес: именно они вершат здесь делами. Я просил о чести лично принимать вас, потому что у меня, во-первых, большой дом, а во-вторых, я известен как лицо нейтральное; я не

Доминатор, не сторонник Открытой Торговли, а простой Комиссар путей сообщения, который выполняет возложенные на него государственные функции; и я постараюсь, чтобы вам не досаждали всякими сплетнями насчет хозяина того дома, в котором вы живете. — Он засмеялся. — Однако сис означает, что вам придется довольно много есть — если вы не возражаете, конечно.

— Я в вашем распоряжении, господин Шусгис.

— В таком случае сегодня у нас небольшой ужин с Ванаке Слозом.

— Комменсалом Куверы? Это третий Округ, я не ошибся?

Разумеется, прежде чем приехать сюда, мне пришлось как-то подготовиться, выучить кое-какие «уроки». Шусгис выказал несколько преувеличенный восторг по поводу того, что я соблаговолил узнать столь многое о его родном Оргорейне. Его манера вести себя все-таки очень сильно отличалась от кархайдской; там подобный восторг сочли бы унизительным — либо для него, хозяина, либо для меня, уважаемого гостя; я не могу сказать точно, но чай-то шифгретор, безусловно, пострадал бы, а возможно, и оба.

Для парадного обеда мне нужна была соответствующая одежда, поскольку мой красивый эренрангский костюм исчез во время налета на Сиувенсин, а потому днем я взял государственное такси, отправился в центр города и приобрел там полную орготскую экипировку. Хайэб и рубаха очень походили на кархайдские, однако вместо легких летних штанов здесь носили высокие, до бедер, гетры, мешковатые и неуклюжие; наиболее популярны были ярко-синий и красный цвета; качество ткани и покрой костюма казались стромодными и лишенными изящества. Вот что значит массовый пошив. Эта одежда помогла мне понять, чего именно не хватало впечатляющему массивными, добродетальными зданиям городу: элегантности. Однако отсутствие элегантности в одежде — небольшая цена за столь ценные знания; я уплатил ее с радостью. Вернувшись в дом Шусгиса, я тут же отправился под горячий душ, струйки которого били сразу со всех сторон, окутывая тело словно колючим туманом. Я подумал о холодных цинковых ваннах Восточного Кархайда, где стучал зубами от холода все лето, и о своей собственной ванне в Эренранге, где вода по краям покрывалась ледяной коркой. Может, это тоже своего рода элегантность? Нет уж, да здравствует комфорт! Я надел свой нарядно вышитый красный костюм и в сопровождении Шусгиса на его личном автомобиле отправился на торжественный ужин. В Оргорейне зна-

чительно больше домашних слуг и всяческих служб быта, чем в Кархайде. Это потому, что все жители Орготы являются ее гражданами, а государство обязано всех своих граждан обеспечить работой. И делает это. Таково, во всяком случае, общепринятое объяснение, хотя, как и многие другие объяснения экономического порядка, оно под определенным углом явно обходит нечто существенное.

В чрезвычайно ярко освещенной высокой и белоснежной парадной гостиной Комменсала Слоза было десятка два-три гостей. Трои были Комменсалами, а все остальные происходили явно из весьма благородных семей и сами по себе были людьми уважаемыми. Это чувствовалось сразу; передо мной были не просто жители Орготы, пришедшие из любопытства поглязеть на инопланетянина. Я не был здесь ни диковинкой, как в течение целого года в Кархайде, ни чудовищем-извращенцем, ни загадкой. Как мне показалось, они видели во мне ключ к решению некоей важной проблемы.

Но что за дверь предстояло мне отпереть? У некоторых из этих государственных мужей и высокопоставленных чиновников явно была на этот счет своя точка зрения, и они весьма бурно приветствовали меня, но я-то оставался в полном неведении!

И во время ужина ничего выяснить мне тоже, разумеется, не удастся. На всей планете Зима, даже в стране варваров, в насквозь промерзшем Перунтере, считается исключительно неприличным говорить о делах во время еды. Поскольку ужин не замедлил явиться, я отложил все свои вопросы и принялся за клейкий рыбный суп, рассматривая хозяина дома и его гостей. Слоз был хрупким моложавым человеком с необычайно светлыми и ясными глазами, с глубоким, чуть глуховатым голосом; похоже, он был чистой воды идеалистом, искренне и целиком посвятившим себя высокой цели. Мне он, в общем, понравился, но было бы весьма любопытно узнать, какой именно цели посвятил он свою жизнь. Слева от меня сидел другой Комменсал, толстомордый тип по имени Обсл. Он был тучный, добродушный и назойливо любопытный. Уже после третьей ложки супа он как начал спрашивать меня, так и не мог остановиться: какого черта, неужели я взаправду родился на какой-то другой планете? А чем она отличается от Гетен? Все говорят, что там жарче, но насколько, черт побери, жарче?

— Ну как вам сказать... Например, в этих широтах на Земле снег не выпадает никогда.

— Снег не выпадает! Надо же! Неужели никогда? — Он

на редкость радостно рассмеялся — так дети радуются доб-
рой шутке, желая, чтобы с ними продолжали забавную игру.

— Наши заполярные регионы очень похожи на ваши Зоны обитания; мы уже очень давно, гораздо раньше, чем вы, пережили свой последний ледниковый период, хотя и у нас он еще не совсем закончился. По сути своей Земля и Гетен очень схожи. Как, впрочем, и все обитаемые миры. Человек может жить лишь при довольно строго определенных условиях. Гетен в этом смысле находится где-то у самых пределов данной системы...

— Значит, существуют планеты еще более жаркие, чем ваша?

— Большая их часть значительно теплее Земли. На некоторых постоянная жара. Например, планета Где в основном представляет собой каменистую пустыню. В самом начале там было просто тепло, но население так эксплуатировало внутренние энергетические ресурсы своей планеты, что нарушило природный баланс, еще пятьдесят или шестьдесят тысячелетий тому назад, например, вырубив леса на топливо. Там еще продолжают жить люди, но планета Где похожа теперь — если я правильно разобрался в ваших священных Книгах — на то место, куда, согласно учению Йомеш, после смерти попадают всякие воры и мошенники.

Тут на устах Обсла появилась усмешка — такая спокойная и одобрительная, что я внезапно понял, что недооценил этого человека.

— Некоторые последователи культа Йомеш считают, что места, куда попадают люди после смерти, существуют на самом деле и находятся в иных мирах, на других планетах. Вы не знакомы с такой точкой зрения, господин Аи?

— Нет; меня кем только не считали, но пока еще никто не заподозрил во мне привидение, явившееся с того света.

И тут мне удалось наконец посмотреть направо: произнося слово «привидение», я словно увидел одно из них. Темнокожее, в темных одеждах существо, неподвижное и словно окутанное мраком, сидело рядом со мной — призрак смерти на веселом пиру.

Обсла отвлек от меня его сосед с другой стороны; большая часть гостей внимала речам Слоза, сидевшего во главе стола. Я обернулся вправо и проговорил шепотом:

— Не ожидал встретить вас здесь, лорд Эстравен.

— Неожиданное и делает жизнь возможной, — ответил он.

— Мне поручено кое-что передать вам.

Он беспокойно посмотрел на меня.

— Это всего лишь деньги — часть ваших собственных доходов; их посыпает вам Форет рем ир Осбот. Вся сумма при мне, в доме господина Шусгиса. Я позабочусь о том, чтобы как можно скорее вручить их вам.

— Очень любезно с вашей стороны, господин Аи.

Он был тихий, покорный и словно уменьшившийся в размерах — изгнаник, живущий за счет своих способностей и умений в чужой стране. Похоже, он не слишком стремился к беседе со мной, и я даже рад был этому. Но время от времени в течение этого утомительного, наполненного бесконечными речами, вопросами и ответами вечера, хотя все мое внимание и было приковано к представителям непростой и могущественной Орготы, намеревавшейся то ли завязать со мной дружеские отношения, то ли как-то иначе использовать меня, я посматривал на Эстравена, ощущая его присутствие, замечая его вроде бы совершенно равнодушное лицо. И в голову мне вдруг пришла мысль — хотя я тут же постарался отринуть ее как безосновательную, — что я по собственной добре воле никогда не приехал бы в Мишнори и не ел бы сейчас жареную чернорыбью с Комменсалами Оргорейна; а Комменсалы и палец о палец не ударили бы, чтобы я оказался здесь. Все это сделал он.

9. ЭСТРАВЕН-ПРЕДАТЕЛЬ

*Восточнокархайдская легенда, рассказанная жителем
Очага Горинхеринг Тобордом Чорхавой и записанная Дж. Аи.
История эта широко известна и имеет множество версий;
существует также пьеса театра «Хаббен», основанная
на том же сюжете; эту пьесу часто исполняют странствующие
актеры в районах восточнее массива Каргав.*

Давным-давно, задолго до того, как король Аргавен I создал единое государство Кархайд, тяжкая распра шла между княжеством Сток и княжеством Эстре земли Керм. Налеты и грабежи с обеих сторон продолжались в течение трех поколений, и конца этому спору не предвиделось, ибо спор был связан с земельными владениями. Хорошей пахотной земли в Керме мало, и слава любого княжества — в протяженности его границ, а правят там люди гордые, вспыльчивые, отбрасывающие черные тени.

Случилось так, что родной сын и наследник лорда Эстре во время охоты на пестри бежал на лыжах по Ледяному озеру

в первый месяц весны, Иррем, попал в трещину и провалился под лед. Однако, положив поперек полыни одну лыжу, он все-таки выбрался из воды. И оказался в не менее ужасном положении: он промок насовсем, а было очень холодно, настоящий *курем*¹, к тому же близилась ночь. Юноша не чувствовал в себе сил, чтобы добраться до дому, — до Очага было не менее десяти километров вверх по склону холма, — а потому направился к деревне Эбос на северном берегу озера. Когда наступила ночь, все затянуло туманом, спустившимся с ледника, и над озером сгустилась такая мгла, что он ничего не видел перед собой, не видел даже, куда ставит лыжи. Он шел медленно, опасаясь трещин, но все-таки старался двигаться вперед, потому что уже промерз до костей и понимал, что вскоре не сможет двигаться вовсе. Наконец во тьме и тумане он разглядел впереди огонек. Он снял лыжи, потому что берег озера здесь был неровным, каменистым и местами совсем лишенным снега. Едва держась на ногах, из последних сил устремился он к этому огоньку, находившемуся явно в стороне от Эбоса. Оказалось, что это светится окно одинокого домика, со всех сторон окруженного густыми деревьями *тор*, единственными, что могут расти на земле Керм. Деревья тесно обступили ломик, и, хотя они были невысоки, он буквально утонул в зелени. Юноша кулаками застучал в дверь и громко позвал на помощь; кто-то впустил его в дом и подвел к огню, пылающему в очаге.

Там был всего один человек, больше никого. Этот человек раздел Эстравена², хотя одежды его задубели на морозе и превратились в металлический панцирь, потом завернул его голым в меховые одеяла и, согревая собственным телом, изгнал ледяной холод из его тела и членов. Потом напоил горячим пивом, и юноша в конце концов пришел в себя и устался на своего спасителя и благодетеля.

Человек этот не был ему знаком; они были примерно ровесниками и смотрели друг другу в лицо. Оба были красивы, стройны и хорошо сложены, с тонкими чертами лица, темнокожие. Эстравен заметил в глазах незнакомца огонек кеммера. И сказал:

— Я Арек из Эстре.

— А я Терем из Стока, — откликнулся тот.

¹ Мороз от -20 до -40°C при очень высокой влажности (*Дж. Аи*).

² Суффикс «вен» означает «уроженец». Эстравен — *буке*: уроженец Эстре (*Дж. Аи*).

При этих словах Эстравен рассмеялся, потому что был еще слишком слаб, и сказал:

— Значит, ты отогрел меня и спас от смерти, чтобы потом убить, Стоквен?

— Нет, — ответил тот, протянул руку и дотронулся до Эстравена, чтобы убедиться, что холод совсем покинул тело юноши. И тут Эстравену, хотя ему оставалось еще день или два до наступления кеммера, показалось, что в душе его разгорается огонь. И оба они застыли, едва касаясь друг друга руками. — Смотри, они совсем одинаковые, — сказал Стоквен и положил свою ладонь на ладонь Эстравена, и ладони действительно почти совпали: одинаковой длины и формы — словно левая и правая руки одного человека, просто сложившего их вместе. — Я тебя никогда раньше не видел, — сказал Стоквен. — И мы с тобой смертельные враги.

Он встал и поворотил дрова в камине; потом вернулся к своему гостю.

— Да, мы смертельные враги, — сказал Эстравен. — Мы заклятые враги, но я бы дал тебе клятву кеммеринга.

— А я тебе, — сказал Стоквен.

И тогда они поклялись друг другу в вечной верности, а в зэмле Керм — как тогда, так и сейчас — клятва эта нерушима и неизменна. Ту ночь и следующий день и еще одну ночь провели они в хижине на берегу замерзшего озера. Наутро небольшой отряд явился из княжества Сток, и один из пришедших узнал наследника лорда Эстре. Ни слова не говоря и никого не предупредив, он вытащил нож и на глазах у юного Стоквена, на глазах у всех зарезал Эстравена, вонзив клинок ему в грудь и горло. Юноша, обливаясь кровью, замертво рухнул на холодную золу в очаге.

— Он был единственным наследником Эстре, — сказал его убийца.

Стоквен ответил:

— В таком случае кладите его в свои сани и везите в Эстре: пусть его с честью похоронят там.

А сам вернулся в Сток. Однако убийцы хоть и пустились было в путь, но не повезли тело Эстравена домой, а оставили в дальнем лесу на растерзание диким зверям и той же ночью вернулись в Сток. Терем в присутствии своего родителя по крови лорда Хариша рем ир Стоквена спросил их:

— Сделали вы то, что я велел вам?

— Да, — ответили они.

И Терем сказал:

— Вы лжете, ибо никогда не вернулись бы из Эстре живы.

выми, если бы выполнили мой приказ. Итак, вы его не выполнили и вдобавок солгали, чтобы скрыть это; я прошу изгнать этих людей из Стока.

И по приказу лорда Хариша убийцы были изгнаны из Очага и княжества и объявлены вне закона.

Вскоре после случившегося Терем покинул родной дом, сказав, что мечтает некоторое время пожить в Цитадели Ротерер, и на целый год исчез из княжества Сток.

А в княжестве Эстре все это время тщетно искали юного Арека в горах и на равнинах, а потом оплакали его гибель; горько ощакивали его все лето и осень, ибо он был единственным родным сыном князя и его наследником. Однако к концу месяца Терн, когда тяжелым снежным покрывалом накрывает землю зима, пришел со стороны гор некий лыжник и подал стражнику у ворот сверток из меха, сказав:

— Это Терем, сын сына лорда Эстре.

А потом, подобно камню, скатывающемуся по крутыму склону горы, он ринулся вниз на своих лыжах и исчез из виду прежде, чем кому-то пришло в голову задержать его.

В свертке оказался новорожденный младенец. Он плакал. Люди отнесли его старому лорду Сорве и передали то, что сообщил им незнакомец; и душа лорда, исполненная тоски, узнала в младенце своего утраченного сына Арека. Он приказал объявить ребенка сыном своей семьи и дал ему имя Терем, хоть подобное имя никогда раньше не встречалось в роду Эстре.

Ребенок рос красивым, умным и сильным; это был темнокожий и молчаливый мальчик, и все же каждый замечал в нем сходство с покойным Ареком. Когда Терем вырос, лорд Сорве, будучи главой семьи, объявил его наследником Эстре. И тут ожесточились сердца многих сводных его братьев, отцом которых был старый князь; каждый из них обладал своими достоинствами и силой, каждый давно дождался места правителя. И они говорились устроить юному Терему ловушку, когда тот в одиночестве отправился поохотиться на пестри в первый месяц весны, Иррем. Юноша оказался хорошо вооружен, и заговорщикам не удалось застать его врасплох. Двоих он застрелил в тумане, что толстым покрывалом укутывает Ледяное озеро в начале весны, а с третьим дрался на ножах и убил его, хотя и сам оказался тяжело ранен — в грудь и в шею. После схватки он бессильно стоял над телом брата и смотрел, как на землю опускается ночь. Терем слабел и страдал от боли, раны его сильно кровоточили, и он решил обратиться в ближайшую деревушку Эбос за помощью, од-

нако во тьме и тумане сбился с пути и забрел в густой лес на восточном берегу Ледяного озера. Там в зарослих деревьев тор он заметил уединенную хижину, открыл дверь, вошел, но был слишком слаб и не смог разжечь огонь в очаге, а без сил упал на его холодные камни и лишился чувств. Кровь же продолжала сочиться из его неперевязанных ран.

Среди ночи кто-то тихонько вошел в хижину. То был никому не известный одинокий путник. Человек этот так и застыл на пороге, увидев юношу, лежащего в луже собственной крови. Потом торопливо устроил удобное и теплое ложе из меховых одеял, которые достал из сундука, развел в очаге огонь, промыл и перевязал раны Терема. Заметив, что юноша пришел в себя и смотрит на него, незнакомец сказал:

— Я Терем из Стока.

— А я Терем из Эстре.

И оба вдруг умолкли. Потом юноша улыбнулся и спросил:

— Ты перевязал мне раны и спас меня, чтобы потом убить, Стоквен?

— Нет, — ответил старший из этих двух Теремов.

Тогда Эстравен спросил:

— Но как случилось, что ты, правитель княжества Сток, оказался здесь один, в столь опасном месте, на земле, из-за которой идет вражда?

— Я часто прихожу сюда, — спокойно ответил Стоквен.

Он взял юношу за руку, чтобы проверить, нет ли у того жара; на какое-то мгновение ладонь его легла на ладонь юного Эстравена — каждый палец, каждая линия этих двух рук в точности совпадали, словно то были руки одного человека.

— Мы с тобой смертельные враги, — сказал Стоквен.

И Эстравен ответил:

— Да, мы смертельные враги. Но я никогда не видел тебя раньше.

Стоквен чуть отвернулся.

— Когда-то очень давно я однажды видел тебя, — сказал он. — Я бы очень хотел, чтобы между нашими Очагами и княжествами установился мир.

И Эстравен сказал:

— Клянусь, что между мной и тобой всегда будет мир.

Итак, они поклялись друг другу хранить мир и больше уже ни о чем не говорили. Раненый уснул. А рано утром Стоквен покинул хижину, но вскоре из деревни Эбос за Эстравеном пришли люди и перенесли его домой, в Эстре. Больше ни один человек не осмеливался оспаривать волю старого князя: справедливость его решения доказана была кровью

троих его сыновей, пролитой на льду замерзшего озера; и после смерти старого Сорве лордом Эстре стал Терем. Уже через год он прекратил старую распрю, передав половину оспариваемых земель княжеству Сток. За это, а также за убийство трех своих братьев его прозвали Эстравен-Предатель. Однако имя его, Терем, по-прежнему очень часто дают детям княжества Эстре.

10. ПЕРЕГОВОРЫ В МИШНОРИ

На следующее утро, когда я покончил с поздним завтраком, который мне подали прямо в спальню, вежливо заблеял домашний телефон. Когда я снял трубку, на том конце послышалось:

— Это Терем Харт. Можно мне подняться к вам?

— Да, пожалуйста.

Я был рад одним махом покончить со всеми неясностями. Разумеется, никаких дружеских отношений между нами существовать не могло. И пусть его позор и изгнание, хотя бы номинально, на моей совести, я все же не мог полностью взять на себя ответственность за его судьбу и не чувствовал за собой особой вины. Там, в Эренранге, он так и не сделал ни малейшего шага мне навстречу, не объяснил ни своих действий, ни намерений, и я не в силах был поверить этому человеку. Я предпочел бы, чтобы он не был так тесно связан с теми представителями Орготы, которые, если уж честно, приняли меня как родного. Его неожиданное присутствие в Мишнори могло привести лишь к осложнениям.

Эстравена проводил ко мне один из многочисленных слуг Шусгиса. Я усадил его в огромное мягкое кресло и предложил выпить со мной горячего пива. Он отказался. Он отнюдь не чувствовал себя смущенным — застенчивость давно уже не была ему свойственна, если он вообще когда-либо обладал ею, — однако держался весьма отчужденно и настороженно.

— Вот и первый настоящий снег, — сказал он и, заметив, как я глянул на плотно занавешенные окна, спросил: — Вы разве не видели, что делается на улице?

Я посмотрел и увидел: снег кружился в порывах легкого ветерка, плотным слоем устилал улицы и крыши домов; за ночь выпало не меньше семидесяти-восьмидесяти миллиметров осадков. Сегодня был Одархад Гор, семнадцатый день первого месяца осени.

— Рановато, пожалуй, — сказал я, словно зачарованный глядя на белоснежную зиму за окном.

— В этом году предсказывают суровую зиму.

Я раздернул шторы. Тусклый ровный свет осеннего дня упал на лицо Эстравена. Он выглядел постаревшим. Видно, нелегко ему пришлось с тех пор, как я в последний раз виделся с ним в Угловом Красном Доме королевского дворца в Эренранге. Тогда мы сидели у камина в его собственной гостиной.

— Вот то, что меня просили передать вам, — сказал я и протянул ему плотно завернутые в фольгу деньги, которые предусмотрительно выложил на стол сразу же после его звонка. Он взял их и мрачно поблагодарил. Я продолжал стоять. Через некоторое время, по-прежнему держа пакет с деньгами в руках, поднялся и он.

На душе у меня почему-то скребли кошки, но я подавил эту жалость. Я был намерен навсегда отбить у него охоту являться ко мне. То, что сейчас приходилось так унижать его достоинство, было грустно.

Он смотрел прямо на меня. Он, конечно, был меньше меня ростом, даже меньше, чем большинство женщин моей расы, коротконогий и довольно плотный. И все-таки, когда он смотрел мне в глаза, не возникало ощущения, что смотрит он снизу вверх. Я не ответил на его взгляд. Я с подчеркнуто заинтересованным видом рассматривал радиоприемник на столе.

— Нельзя верить всему, что здесь услышишь по радио, — добродушным и довольно веселым тоном сказал он. — Помоему, в Мишнори вам придется искать иной источник достоверной информации. И советчики вам тоже понадобятся.

— Похоже, многие стремятся оказать мне такую услугу.

— А по-вашему, гарантия надежности именно в большом числе советчиков, да? То есть десять, безусловно, надежнее одного. Извините, мне не следовало говорить здесь по-кархайдски, я совсем забыл. — Дальше он продолжал на языке Орготы. — Изгнанники никогда не должны говорить на своем родном языке: в их устах он особенно горек. К тому же родной язык всегда удобнее предателям, господин Аи. Я имею полное право отблагодарить вас. Вы помогли не только мне, но и моему старому другу и кеммерингу Аше Форету, так что благодарю вас не только от своего имени, но и от его тоже. Если позволите, моя благодарность будет иметь форму совета. — Он помолчал; я тоже не говорил ни слова. Я никогда раньше не слышал, чтобы он так нарочито светски-изыскан-

но обращался ко мне, и понятия не имел, что бы это могло значить. Он продолжал: — В Мишнори вы тот, кем не стали в Эренранге. Там вас славословили; здесь же дадут понять, что вы ничего особенного собой не представляете. Вас просто используют в борьбе оппозиционных партий. Я вам советую: будьте очень осторожны в том, как и для чего они используют вас. А заодно выясните, что это за враждующие партии и кто их представляет. Самое же лучшее — вообще не позволяйте никому из их представителей использовать вас, ибо цели у них недобрые.

Он умолк. Я уже намеревался попросить его быть немноголи поконкретнее в своих предостережениях, но он быстро проговорил:

— Прощайте, господин Аи, — повернулся и вышел.

Я стоял ошеломленный. Этот человек действовал на меня как удар электрического тока: ничего внешне не заметно, но не знаешь, что именно с тобой произошло.

Ему, конечно же, удалось совершенно испортить то состояние покоя и самодовольства, в котором я находился, поглощая завтрак. Я подошел к узкому окну и сноваглянул наружу. Снегопад чуть ослабел. Зрелище было дивное: снежинки падали легкими белыми хлопьями, подобно лепесткам цветущей вишни под весенним ветерком в садах моей родины, на Земле, на теплой Земле, где все деревья весной в цвету. И тут внезапно меня охватило ощущение полного одиночества, отчужденности, страшной тоски... Два года провел я на этой проклятой планете; и снова, хотя осень еще не успела начаться, начиналась зима, третья моя зима здесь — долгие месяцы безжалостного, беспощадного холода, бесконечного воя пурги, льда, ветра, дождя со снегом, снега с дождем и снова холода, холода, холода — холода внутри, холода снаружи, холода, пронизывающего до костей, парализующего мозг. И среди этого холода я снова буду совершенно одиноким, чужим для всех, и ни единой родной души рядом, никого, кому можно было бы полностью доверять. Бедный Дженили! Может, поплачем? Я увидел, как на улицу прямо под моим окном вышел Эстравен — темная, приземистая (оттого, что я смотрел сверху) фигура, окруженная мутным серобелым облаком снегопада. Он огляделся, поправляя свободно застегнутый ремень на своем хайэбе — теплой куртки он не носил, — и с удивительной быстротой устремился куда-то по улице легкой, изящной походкой. В эту минуту он казался единственным живым существом в целом Мишнори.

Я отвернулся от окна, отошел в тепло комнаты. Ее рос-

кошное убранство выглядело довольно нелепо: огромный электрокамин, широкие мягкие кресла, кровать, застланная меховыми одеялами, всякие трялки, занавески, бараахло...

Тогда я надел теплую куртку и вышел прогуляться, пребывая в мрачном настроении, навеянном этим мрачным миром.

В тот день мне предстоял «ланч» с Комменсалами Обслом и Иегеем, а также кое с кем из тех, кого я видел вчера. Меня также должны были представить некоторым неизвестным мне лицам. Ланч здесь обычно подается в буфетной и съедается а-ля фуршет — возможно, для того, чтобы людям не казалось, что они почти весь день тратят на сидение за обеденным столом. Однако на этот раз для столь официальной церемонии были накрыты столы, а что касается буфета, то запасы в нем были поистине неисчерпаемы; было подано восемнадцать или двадцать холодных или горячих блюд — в основном различными способами приготовленные яйца сьюбе и хлебные яблоки. Еще до начала трапезы, пока не вступил в силу запрет на деловые разговоры, Обсл незаметно шепнул мне, накладывая на тарелку огромное количество обжаренных во взбитом тесте яиц сьюбе:

— Вон тот тип, по имени Мерсен, — шпион из Эренранга, а вон там стоит некто Гаум — так это штатный сотрудник Сарфа. Имейте это в виду. — И он тут же разразился хохотом, будто в ответ на собственную шутку получил не менее забавную, а потом двинулся к блюду с маринованной чернорыбицей.

Я понятия не имел, что такое этот Сарф.

Когда люди уже начали рассаживаться за столами, торопливо вошел молодой человек и что-то сказал хозяину дома Иегею, который немедленно повернулся к нам.

— Новости из Кархайда, — сообщил он. — Сегодня утром у короля Аргавена родился ребенок, который умер, не прожив и часа.

Наступила тишина, потом возник неясный шум, а потом привлекательный молодой человек по имени Гаум рассмеялся и поднял свою пивную кружку.

— Да будет столь же долгой жизнь всех королей Кархайда! — воскликнул он.

Некоторые чокнулись с ним, однако большинство тоста не поддержали.

— Клянусь Меше! Смеяться, когда умер ребенок! — возмущенно сказал какой-то толстый старик в пурпурных одеждах и тяжело плюхнулся рядом со мной; его толстые гетры

собрались вокруг бедер, как юбка. Лицо его было искажено от отвращения.

Завязался спор относительно того, кому из своих сыновей Аргавен теперь отдаст предпочтение, ведь королю было уже далеко за сорок, и вряд ли он решился бы снова родить себе кровного сына и подлинного наследника. Интересовало компанию и то, сколь долго Тайб пробудет еще в роли Регента. Некоторые считали, что его регентству незамедлительно будет положен конец; другие сомневались.

— А что думаете вы, господин Аи? — спросил человек по имени Мерсен, которого Обсл назвал кархайдским шпионом (а стало быть, человеком Тайба). — Вы ведь совсем недавно прибыли из Эренранга; там, говорят, прошел слух о том, что Аргавен отрекся от престола, не объявляя об этом публично, и передал бразды правления своему кузену?

— Ну, вообще-то да, такие слухи и до меня долетали.

— Как вы думаете, имеют ли они реальные основания?

— К сожалению, не располагаю ни малейшими сведениями на этот счет, — ответил я, но тут вмешался хозяин дома и что-то сказал насчет погоды, потому что все уже приступили к еде.

После того как слуги убрали грязную посуду и груды жареной и маринованной пищи, все мы уселись за одним длинным столом, и были поданы крошечные рюмочки с крепчайшим напитком, «живой водой», как его здесь называют. Впрочем, такое название часто встречается и на Земле. И вот тут-то меня буквально засыпали вопросами.

С тех пор как в первые месяцы моего пребывания на Гетея меня непрерывно обследовали кархайдские врачи и ученые, я ни разу больше не сталкивался с таким количеством людей, желавших получить информацию обо мне и удовлетворить свое любопытство. Очень немногие из жителей Кархайда, даже из тех рыбаков и фермеров, среди которых я провел свои первые месяцы на этой планете, изъявляли отчетливое желание задать мне вопрос, хотя порой им явно этого хотелось. Какие-то все они были слишком сложные, типичные интроверты, любители ходить вокруг да около. Во всяком случае, конкретные вопросы и ответы им не нравились. Я вспомнил вдруг о Цитадели Отерхорд и о том, что Фейкс-Ткач говорил мне по поводу ответов... В Кархайде даже ученые-специалисты ограничивали свои вопросы ко мне чисто физиологической тематикой, касавшейся, например, деятельности желез внутренней секреции или системы кровообращения, — именно этим я прежде всего отличался

от гетенианцев. Они никогда не заходили настолько далеко, чтобы, например, спросить, как половой инстинкт моей расы влияет на те или иные общественные институты, или о том, как мы справляемся с нашим «постоянным кеммером». Они, однако, весьма внимательно слушали, когда я что-либо рассказывал по собственной воле; так, психологи выслушали мой рассказ о телепатии, однако ни один не сподобился задать хотя бы какие-то самые общие вопросы на этот счет или получить адекватное представление о земном или экуменическом сообществе — кроме, пожалуй, Эстравена.

Здесь же, в Орготе, по всей вероятности, люди не были настолько связаны понятием шифгретора, а потому ни задавать вопросы, ни отвечать на них не считалось зазорным. Однако вскоре я заметил, что некоторые из этих вопросов носят явно провокационный характер: меня как бы пытались уличить во лжи, доказать, что я всего лишь самозванец. На какое-то мгновение мне даже стало не по себе. Я, разумеется, и раньше встречался с недонерием — еще в Кархайде, — но крайне редко со столь явной провокацией. Тайб однажды прекрасно продемонстрировал мне, как следует вести себя с обманщиком и мистификатором, — во время парада в Эренранге, — но, как я давно уже понял, то было лишь частью игры, имевшей целью дискредитацию Эстравена в моих глазах. Я догадывался, что на самом деле Тайб вполне верит мне. Он, в конце концов, видел мой корабль; у него, как и у любого другого, был свободный доступ к отчетам инженеров относительно устройства этой небольшой посадочной ракеты, а также моего ансибля. Никто из жителей Орготы моего корабля не видел, но и он, пожалуй, не показался бы им артефактом с чужой планеты и сколько-нибудь убедительным доказательством. Устройство посадочной ракеты, как и ансибля, было бы настолько им непонятно, что эти предметы они успешно отнесли бы к разряду мистификаций. Старинный закон, запрещающий всякий экспорт культуры, стоял на страже и не допускал ввоза поддающихся анализу или копированию предметов чужой цивилизации на другие планеты, находящиеся на более ранней стадии научно-технического развития. А потому у меня с собой не было ничего, кроме посадочной ракеты и ансибля, коробки со всем возможными цветными изображениями, несомненных странностей моей анатомии и физиологии и недоказуемых особенностей моего интеллекта. Картинки пошли по кругу, сидящие за столом рассматривали их с вежливо-уклончивым интересом — так люди часто рассматривают фотографии членов чьей-то чужой семьи. Вопросы, однако, продолжали сыпаться.

— Что такое Экумена? — спросил, например, Обсл. — Это одна из планет или союз нескольких миров? Это конкретная страна или чье-то правительство?

— Ну, в понятие «Экумена» включены сразу все эти понятия. Но ни одно из них в отдельности ему не соответствует. Экумена — это наше, земное слово; обычно оно трактуется как «место проживания людей»; в языке Кархайда для него, пожалуй, подойдет слово «очаг». Что касается языка Орготы, то я не уверен, что найду подходящее слово: я еще недостаточно хорошо знаю ваш язык. По-моему, слово «комменсалия» не годится, хотя есть несомненное сходство в том, как организовано управление Комменсалей и Экуменой. Однако Экумена по сути своей вообще не государство и не форма правления. Это как бы попытка объединить мистику с политикой, что само по себе, разумеется, обречено на провал. Однако даже неудачные эти попытки уже принесли человечеству куда больше добра, чем все предшествующие формы сосуществования различных миров. Экумена — это, безусловно, некое сообщество, и оно, хотя бы потенциально, обладает определенной культурой, некоей специфической формой культурного просветительства. Можно даже сказать, что это просто очень большая школа — Очень Большая Школа для всего человечества. Ее суть — объединение и сотрудничество, а потому это еще и некий союз, Лига Миров, обладающая определенным уровнем централизованной и обусловленной организованности. И сейчас я представляю здесь Экумену прежде всего именно как Лигу Миров. Экумена как политическое содружество функционирует благодаря четкому координированию, а не жестким методам правления. Она не навязывает законы силой; решения принимаются совещательно и при согласии всех, а не по приказу. Как экономическое объединение Экумена чрезвычайно активна; там заботятся о постоянных внутренних связях между планетами-участницами и поддерживают баланс в торговле между восемьюдесятью различными мирами. Точнее, восемьюдесятью четырьмя, если Гетен присоединится к нам...

— Что вы имеете в виду, говоря, что она не навязывает своих законов? — спросил Слоз.

— У нее их просто нет. Государства-союзники развиваются и живут по своим собственным внутренним законам; если возникает конфликт, Экумена оценивает ситуацию, предпринимает юридические или этические попытки исправить положение, помочь разобраться, может быть, сделать иной выбор. Теперь же, если Экумена как эксперимент с

высшими формами органической жизни потерпит крах, ей придется превратиться просто в некую силу, поддерживающую мир и порядок, в институт, отчасти напоминающий полицию. Но пока в этом нет никакой необходимости. Все центральные миры еще не оправились после Эры Великих Катастроф, окончившейся каких-то два столетия тому назад; там возрождают утраченные искусства и ремесла, утраченные идеалы, умение говорить друг с другом...

Как иначе мог я объяснить этим людям, у которых нет даже слова «война», что такое Эра Космических Войн и каковы ее последствия?

— Это выглядит на редкость привлекательно, господин Аи, — сказал хозяин дома Комменсал Иегей, изящный, щегольски одетый человек с неторопливой речью и острым взглядом. — Но я не могу понять, какой им смысл заключать союз с нами? Какую реальную пользу извлекут они из своего восемьдесят четвертого мира? И не очень-то, я бы сказал, высокоразвитого, ибо мы не обладаем ни Звездными Кораблями, ни многим другим, что есть у них.

— Ни у кого из нас их не было, пока нас не посетили жители Хайна и Эс. И многим мирам не позволялось их иметь еще много веков, пока Экумена не выработала свод законов, подобный тому, что у вас здесь называется, по-моему, Открытой Торговлей.

Мои слова вызвали смех, потому что именно так называлась возглавляемая Иегеем партия.

— Открытая торговля — это первая и основная цель моего прибытия на вашу планету. Разумеется; это торговля не только товарами материальными, но и знаниями, технологией, научными идеями, философскими воззрениями, искусством, медициной, результатами опытов и теоретических исследований... Я сомневаюсь, чтобы планета Гетен особенно стремилась к космическим путешествиям в иные миры. Отсюда семнадцать световых лет до ближайшего экуменического мира — планеты Оллюль, вращающейся вокруг звезды, которую вы называете Асиомсе; самая же дальняя планета Экумены находится от вас на расстоянии двухсот пятидесяти световых лет, и вы даже не можете увидеть то солнце, вокруг которого она обращается. С помощью моего коммуникационного устройства — вот этого ансибля — вы сможете, однако, разговаривать с ее жителями, словно по радио. Но я не уверен, что вы когда-либо встретитесь с кем-либо из них... Тот вид торговли, о котором я говорил, может оказаться удивительно выгодным для вас, только представляет он

собой скорее обмен информацией, а не ввоз и вывоз конкретных товаров. По сути дела, моя задача состоит в том, чтобы выяснить, хотите ли вы вступить в контакт с остальным человечеством Вселенной.

— Вы, — с нажимом повторил за мной Слоз, чуть наклоняясь вперед, — это значит Оргорейн или вся планета Гетен в целом?

Мгновение я колебался, потому что совсем не ожидал такой постановки вопроса.

— Пока что — на данный момент — это значит Оргорейн. Но договор не может носить эксклюзивного характера. Если Ситх, или Островные государства, или Кархайд решат присоединиться к Экумене, они вправе это сделать. Всякий раз вопрос решается сугубо индивидуально. А затем, как это обычно происходит на планетах столь же высокого уровня развития, как Гетен, различные расы, географические регионы или государства в конце концов устанавливают систему представительств, выполняющих функции координаторов как на самой данной планете, так и в ее отношениях с другими планетами. Локальная группа Стабилей — так у нас это называется. Подобная система экономит массу времени, а также средств, поскольку расходы делятся на всех поровну; например, если вы здесь решите создать межзвездный корабль...

— Клянусь Млеком Меше! — сказал толстый Хьюмери рядом со мной. — Вы что ж, хотите, чтобы мы согласились выстреливать своими людьми в Космическую Пустоту? Уф! — Он всхлипнул, как аккордеон на слишком высокой ноте, выражая одновременно отвращение и восторг.

— А где ваш корабль, господин Аи? — вкрадчиво, с полуулыбкой спросил Гаум, словно сам ответ почти не имеет значения, а он лишь хочет, чтобы замечено было тонкое коварство его вопроса. Он был поразительно хорош собой по меркам любой расы и любого пола; я просто глаз от него не мог отвести, отвечая ему и попутно размышляя, что же все-таки представляет собой Сарф.

— Как?! Но ведь это вовсе не тайна! Об этом весьма много сообщалось в различных кархайдских радиопередачах. Ракета, на которой я осуществил посадку на острове Хорден, в данный момент находится в литейной мастерской Королевской Школы Ремесел; однако там осталась лишь основная ее часть; по-моему, различные эксперты, обследовав ее, унесли с собой каждый по кусочку.

— Ракета? — переспросил толстяк Хьюмери, потому что

я употребил то слово, которое у жителей Орготы обозначает всякие хлопушки и шутихи.

— Используя это слово, легче всего объяснить принцип работы этого посадочного устройства, господин Хьюмери.

Толстяк снова всхлипнул, как аккордеон. Гаум смиренно улыбнулся и сказал:

— В таком случае у вас больше нет возможности вернуться на... ну, туда, откуда вы прибыли?

— О, конечно же, есть! Я могу поговорить с Оллюль с помощью ансибля и попросить прислать за мной патрульный корабль. Правда, он прибудет сюда только через семнадцать лет. Или же я могу послать радиосигнал большому звездолету, который принес меня в вашу солнечную систему и теперь вращается вокруг вашего солнца. Он сможет совершить посадку на Гетен через несколько дней.

Эти слова произвели настоящую сенсацию — судя по шуму и потрясенным лицам; даже Гаум не смог скрыть изумления. В этом пункте было некое противоречие с той информацией, которой располагал Кархайд. Наличие звездолета на орбите я держал пока в тайне даже от Эстравена. Если бы, как мне до сих пор это преподносили, в Орготе знали обо мне лишь то, что Кархайд пожелал им сообщить, то данная информация явилась бы просто одним из множества сюрпризов, которые им еще предстояло получить. Однако дело обстояло иначе. Это был слишком *большой* сюрприз.

— Так где же этот корабль, господин Аи? — спросил Игей.

— На своей орбите, вращается вокруг вашего солнца, где-то между орбитами Гетен и Кухурн.

— Как же вы попали оттуда сюда?

— На шутихе прилетел, — сказал старый толстый Хьюмери.

— Именно так. Мы не сажаем большие межзвездные корабли на обитаемые планеты до тех пор, пока не установлена открытая радиосвязь или планета уже не вступила в Лигу Миров. Так что приземлился я с помощью небольшой ракеты, или посадочного устройства, на острове Хорден.

— И вы можете связаться с... с большим кораблем при помощи обычного радио, господин Аи? — Это задал свой вопрос Обсл.

— Да. — Я решил пока что не упоминать о существовании маленького радиоспутника, специально запущенного мной на орбиту Гетен: мне не хотелось, чтобы у них создалось впечатление, что их небеса битком набиты моими же-

лезками. — Потребуется, правда, довольно мощный радиопередатчик, но у вас таких много.

— Тогда, значит, и мы можем связаться с вашим кораблем по радио?

— Да, если будете знать пароль и пошлете верный сигнал. Люди на борту корабля находятся в состоянии *стазиса*, или, по-вашему, спячки, чтобы не терять бессмысленно годы своей жизни, ожидая результатов моей работы. Верный сигнал, переданный на нужной волне, включит специальные механизмы, которые выведут экипаж из спячки; после чего мои товарищи свяжутся со мной либо по радио, либо с помощью ансибля, используя планету Оллюль как ретранслятор.

Кто-то встревоженно спросил:

— А сколько их там?

— Одиннадцать.

Это сообщение вызвало вздох облегчения и даже смех.

Напряжение несколько ослабело.

— А что, если вы никогда не пошлете им этот сигнал? — спросил Обсл.

— Тогда они автоматически выйдут из стазиса года через четыре.

— И совершают посадку, чтобы забрать вас?

— Не совершают, пока не узнают, что со мной. Сначала они с помощью ансибля проконсультируются со Стабилями на Оллюль и Хайне. Скорее всего, они предпримут вторую попытку и пошлют на Гетен кого-то еще. Тоже в качестве Посланника. Второму Посланнику обычно приходится значительно легче, чем первому. Ему меньше приходится объяснять, что самое важное, да и люди верят ему более охотно...

Обсл ухмыльнулся. Остальные в основном оставались мрачными и настороженными. Гаум едва заметно кивнул мне, словно одобряя ту быстроту, с которой я нашел нужный ответ: это был знак заговорщика. Слоз смотрел горящими глазами куда-то в пространство, словно что-то напряженно искал в собственной душе. Потом, как бы оторвавшись от загадочного видения, он вдруг резко повернулся ко мне.

— Но почему же, — сказал он, — господин Посланник, за целые два года вы ни разу не поговорили с этим своим кораблем?

— А откуда вам знать, говорил он с кораблем или нет? — откликнулся, улыбаясь, Гаум.

— Мы, черт возьми, прекрасно знаем, что не говорил, господин Гаум, — сказал, также улыбаясь, Иегей.

— Не говорил, — сказал я. — И вот почему: сама мысль о

том, что где-то в небесах меня ожидает огромный корабль, могла бы стать причиной народных волнений в Кархайде. По-моему, и кто-то из вас считает точно так же. Будучи в Кархайде, я никогда не подходил к столь опасной черте, даже в самых откровенных разговорах с теми, с кем постоянно имел дело. У вас же здесь было гораздо больше времени подумать о том, кто я такой; вы выражаете готовность позволить мне выступить открыто перед населением Оргорейна; страх не до такой степени правит вами. И я решил пойти на риск, так как считаю, что для этого пришло время и что Оргорейн именно то место, которое мне требовалось.

— Вы правы, господин Аи, вы правы! — страстно воскликнул Слоз. — Уже через месяц вы сможете послать за своим кораблем, и его будут приветствовать в Оргорейне как священное доказательство, как знак, как символ новой эры! И тогда глаза тех, кто не видит, откроются!

Разговор продолжался в том же духе, пока нам не подали обед. Мы поели, выпили и разошлись по домам; я — абсолютно измочаленный, однако очень и очень довольный тем, как складываются дела. Конечно, странные намеки и неясности имели место. Слоз явно хотел сделать из меня новое божество, Гаум — мошенника. Мерсен, похоже, жаждал убедить всех, что не он является тайным агентом Кархайда, а я. Но Обсл, Иегсей и некоторые другие вели себя гораздо разумнее. Они хотели выйти на связь со Стабилями и посадить один из звездолетов Экумены на территории Орготы, чтобы убедить Комменсалию Оргорейн в необходимости союза с Экуменой. Они полагали, что благодаря этому Оргорейн не только одержит решительную победу над Кархайдом, но и укрепит свой государственный престиж, а Комменсалы, которые возглавляют борьбу за союз с Экуменой, тоже обретут немалый дополнительный вес и авторитет в правительстве. Партия Открытой Торговли, составляющая меньшинство в правительстве Тридцати Трех, находилась в оппозиции к тем, кто жаждал продолжения распри в долине Синотх, и в основном состояла из сторонников консервативной, неагрессивной, антинационалистической политики. Они давно уже не имели большинства в правительстве и рассчитывали, что при известном риске смогут вернуть эту власть тем путем, который я перед ними изобразил. То, что они не видели дальше своего носа и рассматривали мою миссию лишь как средство для достижения собственных целей, особого зла не представляло. Оказавшись на верном пути, они вскоре

неизбежно поймут, куда именно он ведет. Впрочем, при всей недальновидности они по крайней мере были реалистами.

Обсл, убеждая других, высказал, например, следующую мысль:

— Или Кархайд, опасаясь той силы, которую придаст Оргорейну новый союз, — а Кархайд всегда, как известно, опасался новых путей развития и новых идей, — снова окажется в хвосте и безнадежно отстанет от нас, или, что возможно, правительство Эренранга все-таки соберет все свое мужество и тоже попросит включить его в этот союз — вторыми после нас. В любом случае шифгретор Кархайда сильно пострадает; в любом случае править санями будем именно мы. Если у нас хватит ума воспользоваться этой возможностью сейчас, то мы приобретем постоянное и очень надежное преимущество! — И, обернувшись ко мне, он прибавил: — Но Экумена должна тоже захотеть помочь нам, господин Аи. Нам нужно нечто большее, чем вы один, и более конкретное, чтобы показать его народу Оргорейна; тем более вас и так уже хорошо знают в Эренранге.

— Мне это понятно, Комменсал. Вы хотели бы иметь хорошее, весомое, вещественное доказательство, да и мне хотелось бы вам такое представить. Но я не могу посадить корабль, пока, хотя бы до определенной степени, нельзя гарантировать его безопасность, пока не будет достигнуто единство ваших мнений, господа Комменсалы. Мне необходимо согласие вашего правительства и определенные гарантии с его стороны; таким образом, лишь общее собрание Комменсалов, видимо, имеет право принять подобное решение и объявить о нем публично.

Обсл посмотрел на меня сурово, однако сказал:

— Что ж, весьма справедливо.

Возвращаясь домой с Шусгисом, который в сегодняшнее мероприятие не привнес ничего, кроме своего радостного смеха, я спросил:

— Господин Шусгис, а что такое этот Сарф?

— Один из постоянно действующих и весьма активных отделов Внутреннего Управления. Они занимаются самыми различными вопросами — например, фальшивыми документами, несанкционированными путешествиями по стране, фиктивными должностями, всякими подделками и прочей ерундой. Собственно, *сарф* на жаргоне Орготы значит «хлам». Так его люди и прозвали.

— Значит, все эти бесконечные Инспектора и таможенники — агенты Сарфа?

— Ну, во всяком случае, некоторые.

— А полиция, я полагаю, также до некоторой степени находится под его опекой? — Я очень осторожно задал этот вопрос и получил не менее осторожный ответ:

— Думаю, что да. Я, правда, сотрудник Внешнего Управления. И не могу сделать так, чтобы все государственные службы функционировали честно и не были связаны с Внутренним Управлением.

— Разумеется, оба эти Управления все же как-то контактируют друг с другом. Ну вот расскажите, пожалуйста, как осуществляется, например, управление водными путями?

Своим последним вопросом я попытался увести наш разговор как можно дальше от самого Сарфа. То, о чем умолчал Шусгис, могло бы остаться незамеченным для уроженца планеты Хайн или еще более счастливой планеты Чиффевар, но я-то родился на Земле. Это не всегда такое уж несчастье — иметь в числе предков преступников. От совершившего поджоги прадеда можно получить в наследство способность улавливать даже самый слабый запах дыма.

Было удивительно интересно обнаружить здесь, на планете Гетен, государства, столь похожие на те, что существовали некогда на Земле: монархию и рядом с ней цветущую пышным цветом бюрократию. Последнее новообразование было не менее интересным, но вовсе не столь забавным. Странно, но чем менее примитивным оказывается то или иное общество, тем более зловещие ноты звучат в его политике.

Итак, Гаум, который хотел, чтобы я выглядел лжецом, был тайным агентом полиции Оргорейна. Знал ли он, что это известно Обслу? Без сомнения, знал. Был ли он в таком случае агентом-провокатором? Являлся ли он名义ально сторонником партии Обсла или ее противником? Какие из фракций в рамках правительства Тридцати Трех контролировали деятельность Сарфа, какие из них сами находились под его контролем? Хорошо было бы прямо сразу выяснить все как следует, однако задача эта не из легких. Путь, который сперва казался мне таким ясным и исполненным надежд, теперь представлялся куда более извилистым и темным, как это уже было со мной в Эренранге. Я-то полагал, что здесь дело сразу пошло как надо; однако лишь до тех пор, пока возле меня, подобно призраку, не возник вчера вечером Эстравен.

— А каковы позиция и положение лорда Эстравена здесь,

в Мишнори? — спросил я Шусгиса, который приткнулся в углу плавно движущейся машины и, казалось, задремал.

— Эстравен? Знаете, здесь его называют Харт. У нас тут, в Оргорейне, титулов нет, отменили все это с началом Новой Эры. Что ж, насколько я понимаю, он Депендент, подчиненный Комменсала Иегея.

— Он у него и живет?

— По-моему, да.

Я уже хотел было вслух удивиться, почему же в таком случае он вчера был у Слоза, а сегодня у Иегея — нет, когда вдруг понял, что в свете нашей короткой утренней беседы с Эстравеном все это отнюдь не так уж странно. И все же мысль о том, что он держится в стороне намеренно, встревожила меня.

— Его отыскали, — снова заговорил Шусгис, поудобнее устраивая свой толстый зад на подушках сиденья, — где-то в южной части города — то ли на клеевой фабрике, то ли на рыбоконсервном заводе, что-то в этом роде; буквально из помойной ямы вытащили. Это, уж конечно, партия Открытой Торговли расстаралась. Разумеется, он был им весьма полезен, когда был в Кархайде членом киорремии и премьером, так что они и теперь его поддержали. Впрочем, в основном для того, чтобы досадить Мерсену, как мне кажется. Хаха! Мерсен — шпион Тайба, и он, конечно же, думает, что об этом никто не знает, хотя знают абсолютно все; он потому и Харта на дух не переносит: все никак не поймет, кто же он такой — то ли предатель, то ли двойной агент; сам-то не может никак догадаться, а спросить не хочет, боится шифгретором рисковать. Хаха!

— А с вашей, господин Шусгис, точки зрения, кто такой Харт?

— Предатель, господин Аи. Самый обыкновенный предатель. Предал в долине Синотх интересы собственной страны, только чтобы помешать Тайбу оказаться на самом верху. Вот только вел себя не слишком умно. Его вполне могло бы постигнуть куда более жестокое наказание, чем просто ссылка. Клянусь грудями Меше! Если играешь сразу против всех бывших союзников, проигрываешь непременно. Вот чего эти люди никак не могут понять, потому что начисто лишены патриотизма, лишь самих себя любят. Хотя, по-моему, Харту, в общем-то, все равно, где он в данный момент находится, пока он продолжает, хотя бы ползком, продвигаться к власти. Надо сказать, он не так уж плохо продвинулся и здесь — всего-то за пять месяцев, между прочим.

— Неплохо.
— Вы ведь ему тоже не слишком-то доверяете, а?
— Нет, не доверяю.
— Рад это слышать, господин Аи. Не понимаю, что Иегей и Обсл нашли в этом человеке. Это же стопроцентный шпион, его интересует только собственная выгода, и, кроме того, он пытается прицепиться к вашим саням, господин Аи, пока ему самому идти трудно. Вот как мне все это представляется. Что ж, не уверен, что соглашусь просто так подвезти его на своих санях, если он меня хоть раз об этом попросит. — Шусгис фыркнул и энергично кивнул, как бы подтверждая свое мнение о Харте, потом улыбнулся мне так, как один порядочный человек улыбается другому. Автомобиль плавно двигался по широким, хорошо освещенным улицам. Утренний снег почти растаял, только вдоль тротуаров тянулись грязные серые полосы невысоких сугробов; шел дождь, мелкий, холодный.

Огромные здания в центре Мишнори — государственные учреждения, Школы, храмы Йомеш — выглядели в мелкой дождевой пыли такими блестящими и скользкими, что казалось, будто они оплывают в лучах высоких уличных фонарей. Углы домов таяли в дымке, фасады были заляпаны мокрой грязью. Нечто расплывчатое, непрочное виделось мне в тяжеловесной архитектуре этого города, как бы сложенного из монолитов, да и в самом этом с виду монолитном государстве, в котором и часть, и целое назывались одним и тем же словом. И сам Шусгис, мой радушный хозяин, приземистый, толстый человек, казалось бы, очень прочно стоящий на земле, — даже он во всех своих «очертаниях» и проявлениях представлялся мне неясным, немножко — совсем чуть-чуть — ненастоящим.

С тех пор как я, проехав через обширные золотистые поля Оргорейна, четыре дня назад начал свое успешное продвижение к «святыням» Мишнори, мне все время чего-то не хватало. Но чего? Я чувствовал здесь себя особенно одиночным. В эти последние дни от холода я не страдал — здесь хорошо топили во всех домах. Ел я, впрочем, без удовольствия. Кухня Орготы вообще довольно пресная, безвкусная, на мой взгляд. Но ведь и это не беда. Вот только почему люди, с которыми я встречался, вне зависимости от того, хорошо или плохо они ко мне относились, тоже казались мне какими-то пресными? Попадались ведь и весьма яркие личности — например, Обсл, Слоз и этот отвратительный красавец Гаум, — но все-таки каждому чего-то не хватало, какого-то качества,

какой-то стороны души, что ли. Никому из них не удавалось выглядеть достаточно убедительным. Все они были как бы недостаточно прочными, настоящими...

Как если бы они не отбрасывали тени, подумал я вдруг.

Подобные заумные рассуждения — весьма существенная часть моей работы. Без предрасположенности к столь высоколобому анализу меня никогда не назначили бы Мобилем; я прошел специальную тренировку, стажировался на Хайне, жители которого называют эту способность Искусством Надуманных Ситуаций. Конечная цель при этом сводится к тому, что индивид интуитивно постигает законы некоей морально-этической всеобщности, а потому и само понятие это скорее можно выразить не в рациональных символах, а с помощью метафоры. Я никогда особенными талантами в Искусстве Надуманных Ситуаций не блистал, а в этот вечер не верил и собственной интуиции: чересчур устал. Вернувшись к себе, я бросился под спасительный горячий душ. Но даже и там мне было как-то неуютно, даже эта горячая вода казалась мне нереальной, ненастоящей, готовой вот-вот исчезнуть.

11. МИШНОРИ. РАЗГОВОРЫ С САМИМ СОБОЙ

Мишнори. Стрем Сузми. Я не очень-то исполнен надежд, хотя стеченье обстоятельств указывает, что надежда есть. Обсл напрямую торгуется и заключает сделки со своими друзьями, Иегей использует льстивые уговоры. Слоз обращает в новую веру, и число их сторонников растет... Все это люди достаточно хитрые и проницательные, в своих партиях пользуются значительным влиянием. Всего лишь семеро из Тридцати Трех являются подлинными сторонниками Открытой Торговли; что же касается остальных, то Обсл полагает добиться надежной поддержки со стороны еще десятерых, что уже дает определяющее преимущество.

Один из Комменсалов, похоже, проявляет неподдельный интерес к Посланнику; это Комменсал Округа Айниен по имени Итепен; он интересовался инопланетной миссией, еще будучи простым сотрудником Сарфа и занимаясь цензированием радиопередач, специально подготовленных для них в Эренранге. Похоже, что тогдашние функции до сих пор тяготят его совесть. Именно он предложил Обслу, чтобы Тридцать Три объявили о приглашении Звездного Корабля на Гетен не только жителям Оргорейна, но и жителям Кар-

хайда, одновременно попросив Аргавена присоединиться к этому, общепланетному в таком случае, приглашению. Благородная идея, однако никто ей не последует. Они ни за что не обратятся с подобной просьбой к Кархайду.

Члены Сарфа из числа Тридцати Трех, разумеется, будут против как просто пребывания Посланника на нашей планете, так и его миссии. Что касается тех вялых и абсолютно равнодушных десятерых членов правительства, которых Обсл надеется переманить на свою сторону, то, по-моему, они просто побаиваются Посланника, как и Аргавен, как и большая часть его придворных в Кархайде; с той лишь разницей, что Аргавен считал Посланника сумасшедшим (как и он сам), а эти уверены, что Посланник просто лжет (как и они сами). Кроме того, они боятся публичной дискредитации в том случае, если все это просто мистификация, которой отказался поверить Кархайд, а может быть, которую сам Кархайд и придумал. Что будет с их шифгретором, если они присоединят свои голоса к всепланетному приглашению инопланетян, а никакого Звездного Корабля на самом деле не окажется?

Ничего не скажешь, Дженили Аи требует от нас необычайного и полного доверия.

Для него, по всей видимости, ничего необычайного в таком доверии нет.

А Обсл и Иегей думают, что большинство в правительстве Тридцати Трех можно будет убедить в необходимости поверить ему. Не знаю почему, но у меня куда меньше надежды на это; может быть, потому, что в действительности-то мне и не очень хочется, чтобы Оргорейн проявил себя более просвещенным государством, чем Кархайд, чтобы именно он пошел на риск и прославился, оставив Кархайд в тени. Если это патриотические чувства, то возникли они слишком поздно: едва я понял, что Тайб вскоре уберет меня со сцены, я сделал все возможное, чтобы обеспечить непременное появление Посланника в Оргорейне, а оказавшись здесь в ссылке, постарался превратить Комменсалов в его сторонников.

Благодаря тем деньгам, которые он передал мне от Аше, я теперь снова живу независимо, как самостоятельная «государственная единица», а не Депендент. Я больше не хожу на банкеты, не появляюсь нигде в компании Обсла или других сторонников Дженили Аи; я не видел Посланника вот уже больше полумесяца — с его второго дня в Мишнори.

В тот день он передал мне присланные Аше деньги так, как выдают плату наемному убийце. Мне нечасто приходи-

лось испытывать подобный гнев, и я совершенно сознательно оскорбил его. Он понял, что я разгневан, однако вряд ли он понимал, что его самого тоже оскорбляют; он, похоже, вполне серьезно принял мой совет, не обратив внимания на то, в каких выражениях этот совет был ему дан; так что, остыв, я это осознал и забеспокоился. Возможно, что в Эренранге он все время искал именно моего совета, не зная, как мне об этом намекнуть? Если так оно и было, то он почти наверняка не понял и половины из того, что я говорил ему в моем доме у камина, а вторую половину понял в лучшем случае неправильно — в ту злополучную ночь после церемонии у Новых ворот. Его шифгретор необходимо укрепить, необходимо дать ему дополнительную информацию и поддержать, хотя его понятия о чести и достоинстве совсем иные, чем у нас. Именно поэтому мое абсолютно прямое и откровенное поведение он, вполне возможно, воспринимал как лживую уловку, считая, что я, как всегда, темню.

Его самое слабое место — в неверной интерпретации наших моральных устоев. Все его ошибки происходят отсюда. Он плохо знает нас, а мы — его. Он бесконечно чужд нам, а я, дурак, еще допустил, чтобы моя тень пересекла тот луч света, что исходит от принесенной им надежды. Я подавил свое мирское тщеславие. Я убрался с его пути, потому что именно этого он и хочет. Он прав. Кархайдский предатель, изгой не принесет пользы его делу.

В соответствии с законом Орготы о том, что каждая «государственная единица» должна иметь работу, я работаю — с Часа Восьмого до полудня на фабрике пластмассовых изделий. Работа легкая: я управляю машиной, которая соединяет и при помощи нагревания склеивает кусочки пластика. Получаются маленькие прозрачные коробочки. Понятия не имею, для чего они предназначены. К полудню, совершенно отупев, я начинаю вспоминать те искусства, которыми никогда занимался в Цитадели Ротерер. Приятно убедиться, что не совсем утратил способность управлять силой дотех или входить в антитранс; вот только что проку от этого? Так же, впрочем, как и от умения впадать в летаргию или долгое время голодать? Ведь я теперь практически начинаю с нуля, как ребенок. Попробовал было поголодать один только день, и живот мой вопит от голода. А если неделя? А месяц?

Ночами теперь подмуживает; сегодня сильный ветер несет дождь со снегом. Весь вечер я неотступно думал об Эстре, и вой ветра за окном кажется мне отзвуком тех родных ветров, что дуют в Керме. Вечером написал сыну пись-

мо, довольно длинное. И пока писал, то постоянно чувствовал рядом присутствие Арека, словно он стоял у меня за спиной. Зачем я храню такие вот записи? Чтобы их прочел мой сын? Мало же добра принесут они ему. Возможно, я пишу просто для того, чтобы выражать мысли на родном языке.

Харахад Сузми. По-прежнему ни единого упоминания о Посланнике по радио Оргорейна. Ни словечка. Интересно, замечает ли это Дженили Аи? Несмотря на оживленную деятельность внутри правительенного аппарата, ничего видимого на поверхности не происходит, ничего не говорится вслух. Государственная машина хранит свои махинации в тайне.

Тайб хочет научить Кархайд лгать. Уроки сам он берет у Оргорейна: хорошая школа. Полагаю, однако, что с обучением этому предмету — искусству настоящей лжи — у нас будут сложности: настолько давно мы привыкли ходить вокруг да около правды, так и не касаясь ее и не говоря ни единого лживого слова при этом.

Вчера Оргота совершила бандитский налет на Кархайд через реку Эй; налетчики сожгли зернохранилища Текембера. Именно это и требуется Сарфу; именно этого хочет Тайб. А что в итоге?

Слоз, которому удалось окутать туманом веры Йомеш якобы мистические заявления Посланника, изображает прибытие Посланника Экумены на нашу планету как пришествие Царствия Меше в мир людей; в этом мистическом тумане сама цель совершенно теряется. «Мы должны прекратить соперничество с Кархайдом раньше, чем придут Новые Люди, — говорит Слоз. — Мы должны очистить свои души до их прихода. Мы должны смирить свой шифгретор, отказаться от мести друг другу и объединиться, не завидуя, став братьями одного Очага».

Но как того добиться до их пришествия? Как разорвать этот порочный круг?

Гирни Сузми. Слоз возглавляет комитет по борьбе с порнографическими спектаклями, разыгрываемыми в здешних Домах любви. Дома эти, должно быть, весьма похожи на кархайдские, *хухутх*. Слоз — их решительный противник, а вульгарные спектакли эти считает настоящим богохульством.

Противостоять чему-либо порой означает поддерживать это.

Здесь часто говорят: «Все дороги ведут в Мишнори». И правда: даже если повернуться к Мишнори спиной, пойти

от него прочь, то идти-то все равно будешь по дороге, ведущей в Мишнори. Выступать против вульгарности, например, неизбежно означает то, что и сам становишься вульгарным. Нужно непременно идти совсем в другом направлении, непременно иметь совсем иную цель, только тогда и выйдешь на другую дорогу.

Иегей сегодня в зале Тридцати Трех заявил: «Я в любом случае против блокады экспорта зерна в Кархайд и против насаждения злобного соперничества, которое лежит в основе этой блокады». Достаточно верное заявление, но так он с дороги в Мишнори не свернёт. Он должен предложить некую альтернативу. Оргорейн и Кархайд — оба должны свернуть с того пути, на который слишком давно встали; должны избрать другое направление, пойти в другую сторону — и разорвать наконец порочный круг. Иегей, по-моему, должен был бы говорить только о Посланнике, и ни о чем больше.

Быть атеистом — в сущности, значит поддерживать Бога. Есть Бог или его нет — в плоскости доказательств это примерно одно и то же. Именно поэтому слово «доказательство» не часто употребляется ханддаратами, которые решили не рассматривать Бога как факт, как объект для построения доказательств или для безграничной веры: они разорвали круг и оказались на свободе.

Узнать, какие вопросы не имеют ответа, и *не отвечать на них*; это искусство более всего необходимо во времена смуты и тьмы.

Торменбод Сузми. Мое беспокойство растет: по-прежнему ни единого слова о Посланнике в передачах Центрального Радио. Никакой информации о нем, содержавшейся в передачах из Эренранга, здешняя цензура не пропускала, а слухи, исходящие от владельцев нелегальных радиоприемников, по-моему, здесь всегда распространялись с трудом. Сарф обладает гораздо более полным контролем над всеми здешними средствами связи, чем мне это представлялось. Безграницность такого контроля пугает. В Кархайде король и киорремия тоже в значительной степени контролируют деятельность масс, однако слухами управлять почти не способны, а уж рты заткнуть — тем более. Здесь же правительству ведомо все, даже мысли граждан. Конечно же, никому не следовало бы обладать подобной властью над другими.

Шусгис и кое-кто еще открыто возят Дженили Аи по городу. Интересно, догадывается ли он, что подобная открытость и вседозволенность призваны скрыть от него самого то, что его как Посланника иного мира скрывают от людей? Я порой

спрашиваю своих напарников на фабрике, но они не знают ровным счетом ничего и уверены, что я имею в виду какого-то помешанного из последователей Йомеш. Итак, информации нет — нет и интереса, а стало быть, нет ничего, что могло бы способствовать продвижению дела Аи или хотя бы способно было защитить его самого.

К сожалению, он слишком похож на нас внешне. В Эренранге на него частенько показывали на улице пальцем — кое-что знали, кое-что слышали и, уж во всяком случае, были уверены в том, что он действительно существует. Здесь, где присутствие Посланника держат в тайне, он открыто ходит по улицам, оставаясь неизвестным. Они, конечно же, видят его таким, каким я и сам когда-то впервые увидел его: очень высокий, сильный, очень темнокожий молодой человек, у которого как раз наступает кеммер. В прошлом году я изучил медицинские отчеты о нем. Его отличие от нас весьма глубоко. И отнюдь не ограничивается внешними признаками. Необходимо достаточно хорошо и близко знать его, чтобы догадаться, что это инопланетянин.

Но тогда почему же они скрывают его? Почему ни один из Комменсалов не напишет о нем в газету, не упоминает его в публичном выступлении или по радио? Почему молчит даже Обсл? Боятся.

Мой король боялся Посланника; эти люди боятся друг друга.

По-моему, я единственный, кому Обсл доверяет, поскольку я иностранец. Он даже получает удовольствие от общения со мной (как и я от общения с ним) и несколько раз, отбросив шифгретор, искренне просил моего совета. Но когда я почти вынуждаю его рассказать о Посланнике вслух, пробудить к нему общественный интерес — хотя бы в качестве защиты от фракционных интриг, — он меня как будто не слышит.

«Если бы вся Комменсалия обратила на Посланника внимание, Сарф никогда не осмелился бы его тронуть, — говорю я. — Как и тебя, Обсл». Обсл только вздыхает: «Да, да, но мы этого сделать не можем, Эстравен. Что же нам, выступать с проповедями на перекрестках, как верующим-фанатикам?»

«Ну хорошо, — говорю я, — но кто-то ведь может специально поговорить с людьми, пустить нужные слухи; мне именно так и пришлось вести себя в прошлом году в Эренранге. Нужно заставить людей задавать вопросы, те вопросы,

на которые у вас есть ответ: Посланник собственной персоны».

«Ах, если бы он посадил здесь этот свой проклятый корабль, нам было бы что показать людям! Но в данный момент...»

«Он не посадит корабль, пока не будет уверен, что вы действуете с добрыми намерениями». «А с какими же! — выкрикивает Обсл, раздуваясь как огромный радиоприемник, как груда местных бюллетеней и научной периодики (все это в руках Сарфа!). — Ну что я могу? По-прежнему притворяться? Разве я весь прошлый месяц не занимался его делами? Во имя веры! Он рассчитывает, что мы поверим всему, что бы он нам ни говорил, а сам в ответ нам же и не верит!» Обсл возмущен. «А стоит ли ему верить вам?» — говорю я. Обсл пыхтит и не отвечает.

Он наиболее честен из всех остальных правительственныеых чиновников Орготы, известных мне.

Одгетени Сузми. Чтобы стать в Сарфе высокопоставленным лицом, необходимо, как мне кажется, обладать определенным комплексом или, точнее, комплексной формой глупости. Пример тому Гаум. Он видит во мне агента Кархайда, пытающегося привести Оргорейн к колossalной потере престижа, убедив его граждан поверить в фокус с Посланником Экумены; он думает, что, будучи премьер-министром, я тратил свое время именно на подготовку этой мистификации. Клянусь Богом, у меня есть дела поинтереснее, чем бросать вызов этому мерзавцу. Но даже этот, совершенно очевидный факт он разглядеть не способен. Теперь, когда Иегей практически от меня отрекся, Гаум полагает, что меня можно подкупить, и явно намерен попытаться сделать это, действуя своими собственными, весьма любопытными методами. Он либо следил за мной, либо приставлял ко мне наблюдателей, — во всяком случае, я все время был у него «под присмотром», — так, им известно, что я, например, вступлю в первую фазу кеммера на двенадцатый или тринадцатый день этого месяца — в день Постхе или Торменбод. Именно поэтому он, якобы случайно, и подвернулся мне в самом расцвете собственного кеммера, явно стимулированного горючими, чтобы соблазнить меня. Чисто случайная встреча на улице Пьенсфен. «Харт! Я вас целых полмесяца не видел! Где это вы прятались? Пойдемте выпьем кружечку пива».

Он выбрал пивную рядом с одним из государственных Домов любви. Но заказал не пиво, а «живую воду»: явно не собирался терять время даром. После первой рюмки он по-

ложил руку мне на ладонь и, приблизив свое лицо к моему, страстно прошептал: «Ведь мы не случайно встретились сегодня: я ждал вас. Молю, будьте моим кеммерингом!» — и назвал меня моим домашним именем. Я не отрезал ему язык только потому, что с тех пор, как покинул Эстре, не ношу с собой ножа, и сообщил, что намерен в ссылке блюсти воздержание. Он продолжал ворковать, что-то бормотать и цепляться за руки. У него был женский тип кеммера, и он очень быстро входил в полную fazu. Гаум в состоянии кеммера особенно красив, и он очень рассчитывал на свою красоту и сексуальную неотразимость, зная, по-моему, что, будучи ханддаратом, я вряд ли стану принимать средства, снижающие половую активность, так что особенно упорствовать не стану. Он забыл, что отвращение порой действует не хуже иного лекарства. Я высвободился из его объятий, — разумеется, не совсем оставшись равнодушным, — и предложил ему воспользоваться услугами ближайшего Дома любви. И тут он посмотрел на меня с ненавистью, достойной сострадания, потому что, как бы недостойны ни были его цели, сейчас он действительно находился в глубоком кеммере и был очень сильно возбужден.

Неужели он всерьез рассчитывал, что я польщусь на его прянную красоту? Он, должно быть, думал, что после той истории мне будет здорово не по себе; и мне действительно стало здорово не по себе.

Будь они все прокляты, эти грязные людишки! Среди них нет ни одного с чистой душой.

Одсордни Сузми. Сегодня днем Дженли Аи выступал с речью в Зале Тридцати Трех. Больше никого туда не пустили, и никакой радиопередачи сделано не было, но Обсл потом пригласил меня к себе и прокрутил собственную магнитофонную запись заседания. Посланник говорил хорошо, с трогательной искренностью и убедительностью. Есть в нем некая невинность, которую я привык считать чуждой нам и довольно глупой; и все же в отдельные моменты именно за этой кажущейся невинностью открывается такая широта знаний и такая дальновидность, что мне становится страшно. Его устами говорит уверенный в себе и очень великодушный народ — такой народ, который сплел воедино премудрость древнего, немыслимо глубокого и невообразимо разнообразного жизненного опыта множества человеческих обществ. Но сам-то Аи еще молод, нетерпелив, неопытен. Он выше нас и видит шире, но, как бы то ни было, он всего лишь обычный человек.

Теперь он говорит куда лучше, чем в Эренранге: проще, искуснее, — постепенно выучился и этому мастерству. Как, впрочем, и все мы.

Его речь часто прерывали члены доминирующей партии, требуя, чтобы председательствующий остановил этого безумца, выдворил его из Зала и вернулся к обычному распорядку дня. Комменсал Иеменбей вел себя особенно шумно и непредсказуемо. «Неужто ты готов жрать этот словесный бред, это дерымовое гиши-миши?» — орал он время от времени, обращаясь к Обслу. В аудитории стоял такой невообразимый шум, что даже на пленке было почти невозможно его слушать; шум, по словам Обсла, был специально организован Кахаросайлом и его сообщниками.

Цитирую по памяти:

Альшель (председательствующий): Господин Посланник, мы находим вашу информацию, а также предложения, сделанные господином Обслом, господином Слозом, господином Итепеном, господином Иегеем и другими лицами, весьма и весьма интересными, весьма и весьма обнадеживающими. Нам нужно, однако, нечто большее, чтобы развивать наши отношения. (Смех в зале.) Поскольку король Кархайда запер вашу... хм, тот механизм, на котором вы прилетели, и мы лишены возможности видеть его, то нельзя ли, как это вами же и было предложено, вызвать вашу... э... ваш Звездный Корабль и посадить его в Оргорейне? Как вы называете этот механизм?

Аи: «Звездный Корабль» — хорошее название, господин председатель.

Альшель: А? Но как вы сами-то его называете?

Аи: Ну, с технической точки зрения это искусственный межзвездный планетолет, цетианская модель НАФАЛ-20.

Голос из зала: Вы уверены, что это не санки Святого Петете? (Смех.)

Альшель: Прошу вас! Да. Хорошо. Так вот, если бы вы могли посадить ваш корабль здесь — чтобы он обрел, так сказать, твердую почву под собой, — а мы могли бы, так сказать, получить некое, вполне материальное...

Голос из зала: Вполне материальное рыбье дерымо!

Аи: Я очень хотел бы посадить этот корабль, господин Альшель, — как в качестве доказательства, так и в качестве свидетельства нашего взаимного расположения. Я жду лишь вашего предварительного публичного заявления об этом событии.

Кахаросайл: Разве вы не видите, Комменсалы, что это

такое? Это ведь не просто глупая шутка. Это по своему замыслу публичное издевательство над нашим доверием, точнее — нашей доверчивостью! И человек этот издевается над нами с невероятной настойчивостью и наглостью, глядя нам прямо в глаза. Вы ведь знаете, что он из Кархайда. Знаете, что он кархайдский агент. Вы все можете убедиться, что это извращенец, Перверт, которые в Кархайде в связи с распространенным там культом Тьмы не только не подвергаются лечению, но даже искусственно создаются для оргий кархайдских Предсказателей. И тем не менее, когда он говорит, что прилетел из далекого Космоса, некоторые из вас отказываются верить собственным глазам, глушат голос разума и *верят ему!* Никогда не думал я, что такое возможно! (И так далее, и тому подобное.)

Если судить по записи, Аи реагировал на гнусные намеки и оскорблении терпеливо. Обсл сказал, что он вообще держался хорошо. Я бродил вокруг Зала Тридцати Трех, чтобы увидеть, как все они будут выходить. Вид у Аи был мрачно-задумчивый. Что ж, причин задуматься у него хватало.

Моя беспомощность непереносима. Именно я запустил эту машину и теперь не способен контролировать ее деятельность. Надвинув на лицо капюшон, я прокрадывался по улицам, чтобы только взглянуть на Посланника. И для этой жизни — крадучись, ползком! — я отказался от власти, денег, друзей? Что ты за дурак, Терем.

Почему я всегда прилепляюсь сердцем к чему-то недопустимому, невозможному?

Одес Сузми. Коммуникационное устройство Дженили Аи теперь передано Тридцати Трем под ответственность Обсла; но и оно ничего не изменит в представлениях кого бы то ни было. Без сомнения, устройство функционирует именно так, как говорит Аи, однако если королевский математик Шорст способен был сказать о нем лишь: «Я не понимаю принципов его работы», то и любой математик или инженер Орготы скажет не больше, и ничего не будет ни доказано, ни опровергнуто. Замечательный результат — если бы эта страна представляла собой, например, одну из Цитаделей Ханддара, но, увы, мы должны идти дальше, пятна свои следами свежий и рыхлый снег, доказывая и опровергая, задавая вопросы и отвечая на них.

Еще раз я попытался надавить на Обсла, требуя, чтобы Аи была предоставлена возможность связаться по радио со своим большим кораблем, разбудить команду и попросить кого-то из них переговорить с Тридцатью Тремя. На этот раз

у Обсла уже была заранее подготовлена причина, согласно которой делать это ни в коем случае не следовало. «Послушайте, Эстравен, дорогой мой, всем нашим радио заправляет Сарф, теперь вам это известно. И я понятия не имею — даже я! — кто из людей в Бюро Связи работает на Сарфа; большая часть, без сомненья, ибо мне достоверно известно, что они свободно пользуются передатчиками и радиоприемниками любых категорий, вплоть до тех, что находятся в ремонтных мастерских. Они могут — и непременно это сделают — заблокировать или фальсифицировать любой радиосигнал, который к нам поступит. Если он действительно поступит! Вы представляете себе подобную сцену в Зале? Мы, «жертвы внешнего Космоса», жертвы собственной мистификации, затаив дыхание, будем слушать лишь электрические разряды — и ничего больше! Ни ответа, ни привета!»

«А у вас, конечно, нет денег, чтобы нанять для такого сеанса порядочных техников или перекупить кого-то из команды Сарфа?» — спросил я; впрочем, без толку. Он боится за свой престиж. Его поведение по отношению ко мне уже изменилось. И если сегодня он отменит прием в честь Посланника, то дела совсем плохи.

Одархад Сузми. Прием он отменил.

Утром я отправился на встречу с Посланником в полном соответствии с орготскими правилами приличий. Не явился открыто с визитом в дом Шусгиса, где все нашпиговано людьми Сарфа, да и сам Шусгис — один из них, но встретился с ним на улице, «случайно», в стиле Гаума. Тайком, украдкой. «Господин Аи, не уделите ли мне минутку?» Он изумленно огляделся и, узнав меня, встревожился. Впрочем, через минуту он взорвался: «Что, в конце концов, вам от меня нужно, господин Харт? Вы же знаете, что я не могу полагаться на ваши слова... с тех пор как в Эренранге...»

Это было по крайней мере искренне, хотя и очень непонятно. Впрочем, все же отчасти понятно: он знал, что я хочу дать ему совет, а не просить у него что-то, и сказал так, чтобы пощадить мою гордость.

«Это Мишнори, а не Эренранг, — сказал я, — но опасность, которой вы подвергаетесь, везде одна и та же. Если вы не сможете убедить Обсла и Иегея, что вам необходимо связаться по радио с вашим кораблем, чтобы люди на борту, оставаясь в безопасности, могли бы как-то подтвердить ваши заявления, тогда, как мне кажется, вам следует немедленно использовать этот ансибл и вызвать корабль на Гетен. Риск,

которому в таком случае подвергнется он, меньше, чем тот риск, которому подвергаетесь теперь вы в одиночку».

«Споры между Комменсалами относительно моих радиопосланий держатся от меня в секрете. Откуда вам известно о моих «заявлениях», господин Харт?»

«Дело моей жизни — знать...»

«Но в данном случае это вовсе не ваше дело. Это дело Комменсалов Оргорейна».

«Говорю вам, что жизнь ваша в смертельной опасности, господин Аи», — сказал я; на это он не ответил ничего, и я ушел.

Мне, конечно же, следовало поговорить с ним еще несколько дней назад. Теперь слишком поздно. Страх разрушает и его затею, и мои надежды, снова разрушает все. Но не страх перед этим инопланетянином, не страх перед кем-то из иного мира, с иной планеты. В Орготе у них на это не хватает ни широты мышления, ни широты души — понять то, что в действительности и невероятно, и странно. Они даже не видят этого. Они смотрят на человека из иного мира и видят — что? Какого-то шпиона из Кархайда, Перверта, агента, жалкую «государственную единицу» — единичку, подобную им самим.

Если он немедленно не пошлет за кораблем, то завтра будет поздно; возможно, уже слишком поздно.

Это моя вина. Я все сделал неправильно.

12. О ВРЕМЕНИ И ТЬМЕ

Из «Поучений Тухулме, Верховного Жреца»;

«Канон Йомеши», Северный Оргорейн.

Запись текста произведена около 900 лет назад.

Меше есть Центр Всех Времен. Он ясно увидел все сущее, когда прожил на этой земле уже тридцать лет. И еще тридцать лет прожил он после того, так что Ясное Видение приходится на самую середину его жизни. Века, прошедшие до мгновения Ясного Видения, столь же долги, как и те, что придут им на смену, ибо Ясновидение Меше было Центром Всех Времен, где нет ни прошлого, ни будущего. Но есть и прошлое и будущее одновременно. Прошлого не было, и будущее не наступит. Есть Центр Всех Времен. И все — в нем.

Невидимого для Меше не существует.

Когда тот бедняк из Шенея пришел к Меше, жалуясь, что ему нечем накормить свое кровное дитя, что нет у него

даже зерна для посева, ибо дожди еще в полях сгноили весь урожай, и теперь семья его голодает, Меше сказал: «Выкопай яму на каменистом поле Тюэрреша; в ней — множество серебра и драгоценных камней, ибо вижу я, как король хоронит в этом месте свое сокровище десять тысяч лет тому назад, опасаясь соседа, с которым у него давняя тяжба».

Бедняк из Шенея вырыл в мореновой гряде Тюэрреша яму и в том самом месте, которое указал Меше, извлек на поверхность целую груду старинных драгоценностей. При виде их он громко закричал от радости. Но Меше, стоя с ним рядом, заплакал и сказал: «Я вижу, как некий человек убивает брата своего из-за одного лишь такого блестящего камушка. И происходит это десять тысяч лет спустя. Эта вот яма, откуда достал ты сокровище, станет могилой убиенного, о человек из Шенея. Я знаю также, где твоя собственная могила, ибо вижу тебя лежащим в ней».

Жизнь каждого человека — в Центре Времен; все жизни были ясно увидены Меше и запечатлелись в его Глазу. Мы, люди, стали зеницами очей его. А деяния наши — его Ясновидением. Бытие наше дало ему Знание.

В самой гуще леса Орнен, что раскинулся на сто тысяч шагов в длину и сто тысяч шагов в ширину, стояло дерево хеммен. Дерево было старым, раскидистым, с сотней крупных ветвей, и на каждой сотня мелких веточек, а на каждой веточке — сотни сотен иголок. И дерево это сказала своей душе, что гнездится в корнях: «Видны все мои листья-иглы, кроме одной; эту единственную иголку скрывают во тьме остальные. Это моя великая тайна. Кто распознает ее во тьме, среди бесчисленных моих игл? Кто сочтет их все?»

В своих скитаниях Меше проходил как-то через лес Орнен и именно с этого дерева хеммен сорвал именно ту маленькую веточку с заветной иголкой, которую и сломал.

Ни одна дождевая капля не упадет снова с небес во время осенней непогоды, если она падала раньше; а осенние дожди выпадали и раньше, и выпадают сейчас, и будут выпадать всегда в это время года. Меше видит каждую каплю, знает, куда она падала, падает и упадет в будущем.

У Меше в зенице ока — все звезды и тьма межзвездная; все это залито ярким светом.

Отвечая на тот Вопрос лорда Шортха, в миг Ясновидения Меше узрел все небеса разом, как если бы все это было одно лишь солнце. Над землей и под землей — вся сфера небесная была залита светом, как поверхность солнца, и тьмы не было вовсе. Ибо видел он не то, что было, и не то, что будет, но то, что есть. Те звезды, что, исчезая с небосклона, уносят с со-

бой свой свет, единовременно запечатлелись в его Глазу и светили теперь все сразу¹.

Тьма есть лишь в глазу смертного, считающего, что он видит все, однако не видит ничего. Во взгляде Меше тьмы не существует.

А потому те, кто взывает ко Тьме², обезумели и были исторгнуты со слюной изо рта Меше, ибо они дают имена тому, чего не существует, называя это несуществующее Истоком и Концом.

Нет ни истока, ни конца, и все существует лишь в Центре Времен. Подобно тому как все звезды разом могут отразиться в одной лишь капле дождя, падающего с небес в ночи, так и капля эта тоже отражается сразу во всех звездах мира. Не существует ни тьмы, ни смерти, ибо все сущее — лишь в великом Миге Ясновидения, и концы и начала едины.

Един Центр Всех Времен, как един миг Ясного Видения, как един закон и вечный свет. Так загляни же теперь в Глаз Меше!

13. НА ФЕРМЕ

Обеспокоенный внезапным появлением Эстравена, его осведомленностью и яростной настойчивостью его предстережений, я остановил такси и помчался прямо к Комменсалу Обслу, намереваясь спросить, откуда Эстравену известно столь многое и почему он внезапно возник передо мной буквально из пустоты, пытаясь заставить меня сделать именно то, чего еще вчера сам Обсл советовал мне ни в коем случае не делать. Комменсал дома не оказалось; привратник не знал, где он и когда вернется. Тогда я поехал к Иегею, но с тем же результатом. Шел сильный снег; это был самый мощный снегопад за всю осень; шофер отказался везти меня

¹ Мистическая интерпретация одной из теорий, поддерживающих гипотезу о расширяющихся границах Вселенной; гипотеза впервые выдвинута Математической школой Ситха более четырех тысячелетий назад и в целом принятая на вооружение последующими поколениями космологов, хотя метеорологические условия на планете Гетен не позволяют собрать достаточных доказательств при наблюдении астрономических тел. Скорость расширения Вселенной (константа Хаббла; константа Рерхерека) может фактически оцениваться в соответствии с зафиксированным количеством света, исходящего от ночного неба; основной постулат теории: если бы Вселенная не расширялась, ночное небо не казалось бы темным (Дж. Аи).

² Ханддараты (Дж. Аи).

далше, поскольку резина у него на колесах была нешипованная, и отвез к Шусгису. В тот вечер мне также не удалось и по телефону связаться ни с Обслом, ни с Иегеем, ни со Слозом.

За обедом Шусгис объяснил мне: идет праздник Йомеш; на торжественной церемонии ожидается присутствие Святых, а также высокопоставленных лиц и администрации Комменсалии. Он также объяснил мне поведение Эстравена и, надо сказать, довольно-таки злобно: как поведение человека, некогда могущественного, но утратившего власть, который хватается за любую возможность повлиять на кого-то или на что-то, но поступает все более и более неразумно, со все возрастающим отчаянием, ибо сознает, что неизбежно погружается в бессильную безвестность. Я согласился; это, пожалуй, соответствовало возбужденному, почти отчаянному поведению Эстравена. Однако по-прежнему не мог избавиться от беспокойства, странным образом охватившего и меня после той встречи. В течение всей долгой и обильной трапезы я чувствовал какую-то смутную тревогу. Шусгис говорил не умолкая, обращаясь не только ко мне, но и к своим многочисленным помощникам и лизоблюдам, которые каждый вечер садились с ним вместе за стол; я никогда еще не видел его столь велеречивым и оживленным. Когда обед на конец закончился, было уже достаточно поздно, чтобы снова куда-то ехать. К тому же, как сказал Шусгис, торжественная церемония еще продолжается и окончится далеко за полночь, так что все Комменсалы все равно будут заняты. Я решил отказаться от ужина и пораньше лег спать. Где-то среди ночи, когда до рассвета было еще далеко, меня разбудили какие-то неизвестные мне люди и сообщили, что я арестован; после чего меня под стражей препроводили в тюрьму Кундершаден.

Кундершаден — очень старое, одно из немногих древних строений, еще сохранившихся в Мишнори. Я часто обращал на него внимание, когда бродил по городу: это длинное мрачное и даже какое-то зловещее здание со множеством башен весьма отличалось от светлых каменных кубов и прочих геометрически правильных форм, свойственных архитектуре периода Комменсалии. Здание полностью соответствует своему назначению и названию. Это *настоящая тюрьма*. Не просто название, за которым скрывается что-то иное, не метафора, это тюрьма как явление жизни, полностью соответствующая значению этого слова.

Тюремщики — трубы коренастые люди — протащили

меня по коридорам и на какое-то время оставили одного в маленькой комнате, очень грязной и очень ярко освещенной. Почти сразу же в комнатку ввалилась новая толпа стражников, во главе которых шел человек с тонкими чертами лица и весьма важным видом. Он выставил их всех за дверь, оставив в комнате лишь двоих. Я спросил, нельзя ли передать записку Комменсалу Обслу.

— Комменсал знает о вашем аресте.

— Знает? — переспросил я с довольно глупым видом.

— Разумеется, мое руководство действует в соответствии с указаниями Тридцати Трех... Вы будете подвергнуты допросу.

Стражники схватили меня за руки. Я начал вырываться, сердито приговаривая:

— Я и так с готовностью отвечу на все ваши вопросы, может быть, можно обойтись и без этого возмутительного насилия?

Человек с тонким лицом не обратил на мои возражения ни малейшего внимания, лишь позвал на помощь еще одного стражника. Втроем им удалось наконец растянуть меня на столе, намертво закрепить руки и ноги и сделать мне какой-то укол. По-моему, мне ввели «эликсир правды».

Не знаю, сколько длился допрос и о чем вообще шла речь, потому что мне без конца делали инъекции, видимо, вводя дополнительные дозы сильного наркотика. Так что я плохо что-либо помню. Когда я снова пришел в себя, то понятия не имел, сколько времени провел в Кунцершадене: дня четыре-пять, судя по внешнему виду и физическому состоянию; но и в этом я не был уверен. Я еще довольно долго никак не мог сообразить, какой может быть день и месяц, и вообще еле-еле, с трудом начал осознавать, где именно нахожусь.

А находился я в грузовике, очень похожем на тот, что привез меня через перевал Каргав в Рир; только тогда я сжал в кабине, а теперь — в крытом кузове. Там кроме меня было еще человек двадцать-тридцать; точнее определить было трудно: окна отсутствовали и свет проникал только сквозь щель в задней стенке, загороженной к тому же четырьмя слоями стальной сетки. Мы, по всей очевидности, уже давно были в пути, когда я, очнувшись, обрел наконец способность соображать. У каждого в фургоне было свое определенное место, в воздухе висел тяжкий запах испражнений, рвоты и пота, который не исчезал ни на минуту, но вроде бы и не усиливался. Все мы были друг другу абсолютно незнакомы.

Ни один не знал, куда нас везут. Разговаривали мало. Во второй раз я оказался запертым в темноте вместе с покорными, ни на что не жалующимися и ни на что не надеющимися жителями Оргорейна. Теперь я понял, что за знак был дан мне в мою первую ночь в этой стране. Тогда я не придал должного значения пребыванию в темном подвале и отправился искать сущность оргорейнцев на поверхности земли, при солнечном свете. Ничего удивительного, что там все казалось мне ненастоящим.

По-моему, грузовик наш двигался на восток; я так и не смог до конца отделаться от этого ощущения, даже когда стало совершенно ясно, что движется он на запад, все дальше и дальше в глубь Оргорейна. Чувство ориентации относительно полюсов часто подводит человека на чужой планете, а в тех случаях, когда разум не способен или просто не имеет возможности компенсировать это неверное восприятие визуально, наступает растерянность, ощущение полного одиночества.

Один из нас — из того живого груза, который везли в кузове, — в ту ночь умер. Его, видимо, раньше сильно избили дубинкой или ударили сапогом в живот: умер он от непрерывного кровотечения изо рта и анального отверстия. Никто ничем ему не помог; да и помочь, собственно, было нечем. Пластиковый кувшин с водой, который сунули в фургон несколько часов назад, давно уже был пуст. Умирающий был моим соседом справа, и я положил его голову к себе на колени, чтобы ему легче было дышать; у меня на коленях он и умер. Все мы были голыми, но потом я будто оделся: мои ноги, бедра и руки покрыла сухая, жесткая, коричневая корка, его кровь — одеяние, не дающее тепла.

Ночью становилось жутко холодно, и мы были вынуждены жаться друг к дружке, чтобы согреться. Труп, поскольку тепла он дать нам не мог, просто отбросили в сторону — как бы исключили из общества. Остальные сплелись в клубок, покачиваясь и подпрыгивая на ухабах. Тьма внутри нашей стальной коробки была всепоглощающей. Мы ползли по какой-то сельской дороге, и за нами явно не шла ни одна машина; даже вплотную прижав лицо к стальной решетке, невозможно было ничего разглядеть сквозь щель в двери, кроме темноты и неясных мелькающих теней — снежных хлопьев.

Падающий снег; снег, только что выпавший; давно выпавший снег; снег после дождя или дождь, перешедший в снег; снежный наст... В Орготе и Кархайде для каждого из

этих понятий было свое слово. В кархайдском языке (который я знал лучше) существовало, по моим подсчетам, шестьдесят два слова для обозначения различных видов, состояний, долговременности и прочих качеств снежного покрова; вот теперь это был *снег падающий*, снегопад; примерно столько же слов существует для ледостава; еще один из лексических наборов — штук двадцать словосочетаний, если не больше, — определяет такие свойства погоды, как уровень температуры, сила ветра и общее количество осадков за последние дни. Всю ночь я пытался воскресить в памяти списки этих словосочетаний. Каждый раз, вспоминая еще одно, я повторял весь список сначала, расставляя понятия в алфавитном порядке.

Вскоре после рассвета грузовик остановился. Люди кричали в дверную щель, что в кузове мертвец и что его надо вынуть. Кричали все по очереди. И все вместе. Что было сил колотили по стенам и полу своей стальной коробки, устроив такой дьявольский концерт, что в конце концов сами не выдержали. Однако никто так и не пришел. Грузовик несколько часов стоял без движения, наконец снаружи послышались голоса, грузовик дернулся, буксая на заледенелой дороге, и снова двинулся в путь. Через щель было видно, что уже довольно позднее утро, светит солнце, а движемся мы по заросшим лесом склонам гор.

Грузовик прежним манером полз еще три дня и три ночи — прошло уже четверо суток с тех пор, как я очнулся. Мы совсем не останавливались на контрольных пунктах, потому что, наверное, объезжали все города и селения стороной, по окольным, секретным дорогам. Впрочем, грузовик все-таки иногда останавливался, например, чтобы сменить шоfera и перезарядить батареи питания; были и другие, более длительные остановки, причину которых невозможно было установить, находясь внутри наглоухо закрытого фургона. В течение двух дней мы с полудня до темноты стояли на месте, а потом всю ночь ехали без остановок. Один раз в день, около полудня, через дверцу в задней стенке нам просовывали большой кувшин с водой.

Считая покойника, нас было двадцать шесть, два раза по тринадцать. Гетенианцы часто считают «чертовыми дюжинами»: двадцать шесть, пятьдесят два, — скорее всего, видимо, потому, что лунный цикл составляет у них двадцать шесть дней, то есть примерно соответствует продолжительности их полового цикла. Труп плотно притиснули к щели в дверях, где было холоднее всего. Живые же, то есть мы, сидели или

лежали скрючившись — каждый на своем месте, на своей территории, в своем княжестве — до наступления ночи, когда холод становился настолько невыносимым, что все потихоньку начинали сползаться все ближе и ближе друг к другу и в конце концов снова сплетались в клубок в центре кузова. Этот человеческий комок в сердцевине своей хранил тепло, а по краям был очень холодным.

Еще от него исходила доброта. Я и некоторые другие, например один старик и еще один человек, которого мучил кашель, были негласно признаны наименее стойкими к холоду, так что каждую ночь мы неизменно оказывались в центре этого клубка из двадцати пяти человеческих тел, где было тепло. Мы не боролись за теплое местечко — просто оказывались там каждую ночь. Сколь поразительна и ужасна эта сила человеческой доброты! Ужасна потому, что все мы в итоге предстали нагими и нищими перед всепобеждающими холодом и тьмой. Доброта была нашим единственным достоянием. Мы, прежде столь богатые, полные сил люди, в итоге вынуждены были довольствоваться такой вот малостью. Больше нам нечего было дать друг другу.

Несмотря на то что ночью мы жались друг к дружке как можно теснее, буквально сплетались телами, все пассажиры грузовика были необычайно разобщены. Некоторые еще не совсем пришли в себя после инъекций наркотиков; некоторые, возможно, были умственно отсталыми или ущербными; и, наконец, все были ошеломлены и напуганы. Но все-таки странно, что из двадцати пяти человек ни один даже ни разу не заговорил, обращаясь ко всем сразу, даже ни разу никто не выругался вслух. Доброта и долготерпение чувствовались в этих людях, но — лишь в молчании, вечно в молчании. Сбитые, точно сельди в бочке, в этой прокисшей тьме, отчетливо ощущая смертность друг друга, мы стукались локтями, тряслись на ухабах, дышали одним и тем же воздухом, много раз перемешанным нашими легкими; чтобы согреться, складывали свои тела вместе, как складывают поленья в очаге или костре, но при этом оставались друг другу чужими. Я так и не знаю имен тех, кто проделал свой долгий путь на этом грузовике.

Однажды, правда, — я думаю, то было на третий день, когда грузовикостоял много часов неподвижно и мне уже стало казаться, что нас попросту бросили в пустыне, чтобы мы так и сгнили заживо в этом фургоне, — один из них заговорил со мной. Он долго рассказывал о том, как работал на мельнице в Южном Оргорейне и как влип в историю, поспо-

рив с надзирателем. Он все говорил и говорил тихим, монотонным голосом и все время касался ладонью моей руки, как бы для того, чтобы убедиться, что я его слушаю. Солнце уже клонилось к западу, а мы все стояли на обочине пустынной дороги. Неожиданно солнечный луч проник сквозь щель в двери, осветив все вокруг, даже тех, кто сидел в самом темном углу, и я вдруг увидел перед собой девушку. Грязную, глупенькую, но очень хорошенкую и очень измученную. Она заглядывала мне в лицо с застенчивой улыбкой, словно искала утешения. Это был кеммер женского типа, и ее явно тянуло ко мне. Единственный раз кто-то из моих несчастных сокамерников просил у меня помочи, но этой помочи я дать не мог. Я встал и подошел к щели в задней двери, как бы желая подышать воздухом и посмотреть, что там снаружи, и долгое время не возвращался.

В ту ночь грузовик без конца полз по холмистым склонам то вверх, то вниз. Время от времени по совершенно необъяснимым причинам он останавливался. При каждой остановке вокруг нашего стального ящика воцарялась мерзлая звенящая тишина — тишина бескрайних, пустынных высокогорных долин. Тот, что был в кеммере, по-прежнему льнул ко мне и все порывался коснуться меня рукой. Я снова очень долгоостоял у дверной щели, прижавшись лицом к стальной сетке и дыша чистым воздухом, который огнем жег горло и легкие. Пальцев своих, вцепившихся в решетку, я не чувствовал. В конце концов я осознал, что они либо уже отморожены, либо очень скоро это произойдет. От моего дыхания между губами и сеткой нарос целый ледяной мостик. Пришлось ломать его пальцами, прежде чем я смог отвернуться. Когда я наконец присоединился к остальным, уже сбившимся в тесный клубок, то меня начала бить такая сильная дрожь, что все тело подпрыгивало и содрогалось, будто в конвульсиях. Потом грузовик двинулся дальше. Шум и движение создавали слабую иллюзию живого тепла, нарушая страшные чары этой ледяной горной тишины, но меня не оставляла лихорадка, я так и не смог уснуть в ту ночь. Помоему, большую часть ночи мы ехали на очень большой высоте, но точно определить ее я бы не смог: в таких условиях частота дыхания и пульса и даже давление слишком ненадежные показатели.

Как я узнал позже, в ту ночь мы преодолевали перевал Сембенсиен и находились на высоте более трех километров.

Голод меня не особенно мучил. Последний раз я ел, похоже, как раз во время той длительной и обильной трапезы в

доме Шусгиса; возможно, меня кормили и в Кундершадене, но этого я не помню. Еда как бы не вписывалась в ту жизнь, которую мы вели в своей стальной коробке, и я почти не думал о ней. Жажда, однако, казалась основополагающим фактором здешней жизни. Один раз в день во время остановки маленькая дверца-ловушка в тяжелой задней двери грузовика, явно предназначенная специально для этого, открывалась, кто-нибудь из нас просовывал наружу пустой пластиковый кувшин для воды, и вскоре его всовывали обратно, но уже полным; вместе с ним влетал и глоток свежего ледяного воздуха. У нас не было никакой возможности как-то разделить воду между собой. Кувшин просто пускали по рядам, и каждый делал по три-четыре больших глотка, прежде чем передать кувшин следующему. Никто — ни в одиночку, ни группой — не пытался захватить кувшин надолго, но никто и не позабочился о том, чтобы сберечь немного воды для того человека, который давно уже сильно кашлял, а теперь еще и горел в жару. Я как-то раз предложил оставить ему немного, мои соседи кивнули в знак согласия, однако так ничего и не сделали. Воду делили более или менее поровну — никто не пытался выпить больше, чем ему полагалось; кувшин пустел в течение нескольких минут. Однажды троим последним, что сидели в самом дальнем углу, у кабины, воды не досталось: кувшин, достигнув их, оказался пуст. На следующий день двое из них потребовали, чтобы им дали напиться первыми, что и было сделано. Третий лежал, скрючившись, в своем углу и не шевелился; и снова никто не позабочился о том, чтобы он получил свою долю. Почему же это не попытался сделать я? Не знаю. То был уже мой четвертый день в кузове грузовика, и, если бы меня тоже вот так обделили, я не уверен, что предпринял бы хоть малейшую попытку добиться своей порции. Умом я понимал, что тот человек, на верное, очень хочет пить, что он жестоко страдает, как и больной, что разрывался от кашля; что все остальные страдают тоже. Я воспринимал их страдания значительно отчетливее, чем свои собственные, но был не в состоянии хоть чем-то облегчить участь этих людей, а потому принимал все как должное, спокойно и покорно.

Я знаю, что в одинаковых обстоятельствах разные люди могут вести себя очень по-разному. Сейчас вокруг меня были жители Орготы, с рождения приученные к дисциплине, совместному труду, покорности и послушанию во имя достижения общей цели, установленной для них свыше. В них весьма ослаблены были такие качества, как независи-

мость и способность принимать самостоятельные решения. Не слишком способны они были и на проявление гнева. Они образовывали нечто целостное, включавшее и меня; каждый чувствовал это единство, и лишь оно служило убежищем и спасением в бесконечной ночи — то было единство тесно прижавшихся друг к другу людей, только так могущих сохранить жизнь. Но люди, ставшие единственным целым, безмолвствовали; ни один голос не прозвучал от имени всей группы; общность эта была как бы обезглавленной и оттого абсолютно пассивной.

На пятое утро — если мой отсчет времени был правилен — грузовик остановился. Мы услышали, как снаружи переговаривались люди. Замок в стальных дверях нашей камеры отперли, и створки широко распахнулись.

Один за другим мы подползали к разверзшемуся стальному зеву и спрыгивали или кулем падали на землю. Из грузовика живыми выбрались двадцать четыре человека. Двое были мертвы: давнишний покойник и еще один, новый, тот, что в течение двух дней не получал своей порции воды. Мертвецов вытащили из кузова.

Снаружи оказалось очень холодно, так холодно и так нестерпимо светло из-за яркого солнца, отражавшегося в белоснежном покрывале долины, что покинуть свое зловонное убежище в кузове грузовика было непросто; некоторые из узников плакали. Мы так и стояли, сбившись в кучу, у борта огромного грузовика — все нагие, вонючие, наше маленькое сообщество, ночное наше братство. И прямо на нас светили безжалостные яркие лучи солнца. Нас вскоре разогнали и заставили построиться в колонну, а потом повели к какому-то зданию, расположенному не более чем в полукилометре. Металлические стены здания и покрытая белым снегом крыша, просторная заснеженная долина, величественная гряда гор в ледяных шапках, сияющих под утренним солнцем, бескрайнее ясное небо — все, казалось, переливалось и сверкало в немыслимо яростных потоках света.

Сначала нас остановили в каком-то ветхом строеньице, чтобы мы смыли грязь; однако все тут же начали пить воду, предназначенную для мытья. После того как мы все же умылись, нас отвели в главное здание и выдали нижнее белье, теплые рубахи из серого войлока, теплые штаны, гетры и войлочные башмаки. Охранник проверил по списку наши имена, и нас отвели в столовую, где вместе с другими людьми в сером — их было не меньше сотни — мы сели за принесенные к полу столы и получили завтрак: кашу из зерен

местной пшеницы и пиво. После завтрака всех нас, как новеньких, так и «стариков», разделили на группы по двенадцать человек. Мою группу забрали на лесопилку, находившуюся неподалеку и окруженному забором. Сразу за этим забором начинался лес; заросшие лесом склоны гор простирались на север так далеко, насколько хватало глаз. Под присмотром охранника мы таскали от здания лесопилки доски и укладывали их в сарай, где зимой хранились пиломатериалы.

После нескольких дней, проведенных в тесноте грузовика, было не так-то легко даже ходить, а тем более наклоняться и поднимать тяжести. Нам не позволяли и минуты стоять без дела, но и не особенно подгоняли. Примерно в полдень выдали по миске чего-то вроде неперебродившей бárды — жидкого варева из зерен пшеницы под названием *орш*; перед заходом солнца нас отвели обратно в бараки и накормили обедом — каша, немного овощей и пиво. С наступлением ночи заперли в спальне, где до самого утра ярко горел свет. Спали мы на двухметровых нарах, установленных вдоль стен в два яруса. Старые заключенные, естественно, захватили лучшие, верхние нары: там было гораздо теплее. Каждому у двери выдали спальный мешок. Мешок был грубым, тяжелым, пропитанным чужим потом, однако достаточно сухим и теплым. Для меня главным его недостатком была длина. Гетенианец обычного роста легко помешался в таком мешке с головой, а я не мог даже вытянуться во весь рост.

Место, где я теперь жил, называлось Третьей Добровольческой Фермой Коммиссарии Пулефен и было подотчетно Агентству по вопросам переселения. Пулефен — тридцатый Округ — это самый-самый северо-запад обитаемой территории Оргорейна, с одной стороны ограниченный горным массивом Сембенсиен, с другой — рекой Исагель и побережьем океана. Территория Округа населена мало, крупных городов здесь нет. Самым близким считается Туруф, расположенный в нескольких километрах от Пулефена, на юго-западе; впрочем, я так никогда его и не видел. Ферма находилась на самом краю обширного безлюдного лесного района Тарренпет. Это были слишком северные места, чтобы здесь могли расти такие крупные деревья, как хеммены, серемы или черные *вейты*, так что лес был весьма однообразен: сплошь криковатые и низкорослые хвойные деревья (метра три-четыре высотой) с серыми иголками. Назывались они *тор*. Хотя флора и фауна на планете Зима небогата, количество представителей каждого ее вида весьма велико: в лесном массиве Тарренпет тысячи квадратных километров, заросших дерев-

вьями топ, только топ, и никакими другими. С природой, даже дикой, на планете Гетен обращались всегда очень бережно и аккуратно, а потому, хоть в этих лесах и производилась промышленная добыча древесины, там не было ни единой проплешины, ни одной покрытой жалкими пнями вырубки, ни одного эрозированного горного склона. Казалось, что каждое деревце в этом лесу поставлено на учет и ни единой крошки опилок с нашей лесопилки не пропадает зря. На Ферме была своя небольшая лесоперерабатывающая фабрика, и когда из-за погодных условий заключенные не могли выходить на лесозаготовки, то все работали либо на фабрике, либо на лесопилке, например собирая и прессуя щепки, кору и опилки в брикеты различной формы, а также извлекая из хвои деревьев топ смолу, используемую при производстве пластмасс.

Что касается работы, то работали мы как следует, и нас никто особенно не подгонял. Если бы еще чуть лучше питаться и олеваться теплее, то работа здесь по большей части была бы даже приятной. Однако до этого было весьма далеко: мы постоянно мерзли и голодали. Охрана редко проявляла по отношению к нам грубость и никогда — жестокость. Охранники, как правило, были флегматичными, неряшливыми, тяжеловесными людьми и, на мой взгляд, какими-то женоподобными — отнюдь не в смысле хрупкости или чего-то в этом роде, а как раз наоборот: они были похожи на крупных, мягкотелых, мясистых, добродушных и смешливых теток. Здесь, в этой тюрьме, я впервые на планете Зима испытал некое странное чувство: мне показалось, что я единственный мужчина среди множества женщин. Или евнухов. У заключенных-гетенианцев была какая-то единственная евнухам бабистость и одновременно грубость, и они всегда были какие-то равнодушные, так что трудно даже рассказать о каждом из них в отдельности. Беседы их отличались поразительной мелочью тривиальностью. Сначала мне показалось, что эта безжизненность и тупость — следствие недостаточного питания, холода и несвободы, но вскоре я убедился, что все гораздо сложнее: это было вызвано препаратами, которые давали всем заключенным, чтобы предотвратить у них наступление кеммера.

Я знал о существовании фармацевтических средств, способных уменьшить или практически свести на нет наиболее активную fazу полового цикла гетенианцев; они применялись в тех случаях, когда определенные условия, медицинские показания или вопросы морали требовали воздержа-

ния. Таким способом можно было пропустить одну или несколько фаз кеммера без особого вреда для организма. Свободное применение этих препаратов было вполне распространенным и даже приветствовалось. Но мне и в голову не приходило, что ими могут кормить людей насилино, против их воли.

Причины для этого были весьма серьезны. Заключенный в состоянии кеммера стал бы чем-то вроде детонатора в своей группе. Даже если его освободить от работы, то как быть дальше, особенно если в данный момент среди заключенных нет больше ни одного человека в том же состоянии? Так чаще всего и случалось, ибо на Ферме нас было всего человек сто пятьдесят. Гетенианцу пройти фазу кеммера без партнера крайне тяжело; а стало быть, лучше просто избежать этого жалкого в подобных условиях состояния и связанных с ним страданий, а заодно и необходимости освобождать людей от работы. Так что заключенных предохраняли от наступления кеммера искусственно.

Те, кто пробыл на Ферме уже несколько лет, и психологически, и, по-моему, в какой-то степени даже физиологически адаптировались к подобной химической кастрации. Они напоминали рабочих волов. И были настолько же бесстыдны и лишены каких бы то ни было желаний. Но ведь это совсем несвойственно людям — не иметь ни стыда, ни желаний.

Будучи уже по самой природе своей весьма организованными и ограниченными в половой жизни, гетенианцы не страдают от особенно сильных общественных ограничений в этой сфере. Здесь значительно меньше всяческих условностей, общепринятых правил и норм, а также подавления проявлений сексуальности и сексапильности, чем в любом известном мне обществе, где люди четко противопоставлены поовым признакам. Воздержание соблюдается исключительно по собственной воле; и всегда можно найти оправдание, если нечаянно его нарушишь. Сексуальные неврозы, расстройства и извращения встречаются исключительно редко. На Ферме я впервые столкнулся с примером общественно необходимого вмешательства в частную половую жизнь. Но поскольку сексуальное влечение подавлялось насилием, а не добровольно, это повлекло за собой не просто и не только физиологические нарушения, но нечто более опасное, особенно, как мне кажется, если подавление половой функции затягивалось: тотальную пассивность.

На планете Зима не существует общественных насеко-

мых. Гетенианцы не создают на своей земле поселений маленьких бесполых работников-рабов, не обладающих иными инстинктами, кроме инстинкта покорности, подчинения интересам той общности, к которой конкретный индивид принадлежит, как это было весьма распространено на Земле во многих древних обществах. Если бы на планете Зима существовали муравьи, гетенианцы, вполне возможно, уже давно попытались бы имитировать «социальное» устройство их колоний. Режим содержания людей на Добровольческих Фермах весьма недавнее изобретение, ограниченное пределами одного государства и практически неизвестное ни в одной другой стране. Однако и это весьма зловещий признак; неизвестно, какое направление общество этих людей, столь уязвимых в плане любого контроля над сексуальностью, может избрать.

На Ферме Пулефен нас, как я уже говорил, явно недоумливали, а одежда наша, прежде всего обувь, совершенно не соответствовала тамошним холодам. Охрана — в основном бывшие заключенные, проходящие испытательный срок, — содержалась ненамного лучше. Основной целью пребывания здесь, как и самого режима Фермы, было наказание людей, а не уничтожение их, и я думаю, что все было бы вполне переносимо, если бы нас не пичкали лекарствами и не подвергали бесконечным «осмотрам».

Некоторые заключенные проходили «осмотр» группами, человек по двенадцать; они декламировали некий свод правил, вроде тюремного катехизиса, получали свою порцию гормональной дряни и вновь приступали к работе. Другие — например, политические — подвергались допросу индивидуально каждые пять дней, причем с применением особых наркотических средств — «эликсира правды».

Не знаю, что за наркотики они использовали. Не знаю, с какой целью велись эти допросы. Понятия не имею, о чем именно меня спрашивали. Обычно я приходил в себя только в спальне через несколько часов после допроса, лежа, как и остальные шесть-семь моих товарищей по несчастью, на своих нарах; кое-кто, как и я, уже через несколько часов был способен соображать, но некоторые продолжали довольно долго оставаться в полной прострации. Когда мы уже могли стоять на ногах, охранники отводили нас на фабрику; однако после третьего или четвертого «осмотра» я подняться просто не смог. Меня оставили в покое, и на следующий день я, пошатываясь, все-таки вышел на работу вместе со своей группой. Очередной «осмотр» заставил меня беспомощно прова-

ляться два дня. Какой-то препарат — то ли гормональные средства, то ли проклятый «эликсир правды» — явно действовал на меня токсично, и прежде всего на мою земную нервную систему; причем токсины эти обладали способностью накапливаться в организме.

Я еще помню, как во время очередного «осмотра» мечтал попросить Инспектора сделать для меня исключение. Я бы начал с обещания отвечать правдиво на любой вопрос, который он мне задаст, безо всяких инъекций; а потом я бы сказал ему: «Разве вы не видите, насколько бессмысленно получать ответ на неправильно заданный вопрос?» И тогда Инспектор обернулся бы Фейксом с золотой цепью Предсказателя на шее, и я бы долго-долго беседовал с ним, причем беседовал бы с удовольствием. Грезя об этом, я следил, как из трубы в бак со щепками и опилками капает определенными порциями кислота. Но, разумеется, едва я вошел в ту маленькую комнатку, где нас обычно «осматривали», как помощник Инспектора задрал мне рубаху и всадил иглу прежде, чем я успел открыть рот, так что единственное, что я запомнил после этого «осмотра», а может, и после предыдущего, — это как молодой Инспектор с грязными ногтями устало повторял: «Ты должен отвечать мне на языке Орготы. Ты не должен говорить ни на каком другом языке. Ты должен говорить на языке Орготы...»

Никакой больницы на Ферме не было. Основной принцип: работай или умриай. На самом деле кое-какие послабления все же оставались — как бы перерывы на отдых между работой и смертью, которые давали нам охранники. Как я уже говорил, жестокими они не были; впрочем, и добрыми тоже. Они были неряшливыми, равнодушными и небрежными во всем и, до тех пор пока им ничто не грозило, не слишком заботились о том, что делается вокруг. Они, например, позволяли мне и еще одному заключенному оставаться днем в спальне — просто «забывали» нас, спрятавшихся в спальных мешках, как бы по недосмотру, когда видели, что мы совершенно не держимся на ногах. Особенно плохо мне было после последнего «осмотра»; второй доходяга, человек средних лет, явно страдал какой-то болезнью почек и практически уже умирал. Однако поскольку сразу взять и умереть он не мог, то ему позволили растянуть это удовольствие, и он без всякой помощи валялся на нарах.

Его я помню более отчетливо, чем кого-либо на Ферме. Он принадлежал к ярко выраженному физическому типу гетенианцев с Великого Континента: ладно скроен — правда,

ноги и руки чуть коротковаты — и даже во время болезни выглядел крепким и упитанным благодаря довольно толстому слою подкожного жира. У него были изящные маленькие руки и ноги, довольно широкие бедра и чуть впалая грудь; грудные железы чуть больше развиты, чем обычно у мужчин земной расы; кожа темного, красновато-коричневого оттенка; волосы мягкие, похожие на шерстку зверька. Лицо широкое, с мелкими, но очень четкими чертами; скулы высокие, выступающие. Этот тип людей схож с некоторыми этническими группами землян, живущих в очень высоких широтах, близ полюса, например в Арктике. Моего нового знакомого звали Асра; он был плотником.

Мы часто беседовали.

Асра, как мне кажется, не то чтобы не хотел умирать, но просто боялся самого процесса умирания и искал способа отвлечься от этого страха.

У нас было мало общего, кроме близкой смерти, а это вовсе не та тема, которую нам хотелось бы обсуждать. По большей части мы вообще не слишком-то хорошо понимали друг друга. Для него это практически не имело значения. Мне же, поскольку я был моложе и настроен более мрачно, хотелось понимания, сочувствия, совета. Однако ни советов, ни сочувствия не было. Мы просто беседовали.

По ночам в спальне горел яркий свет, там было полно народу, шум и гам. Днем свет выключали, огромное помещение погружалось в сумрак и становилось пустым и тихим. Мы лежали по соседству на нарах и негромко разговаривали. Асра любил рассказывать длинные цветистые истории о днях своей юности в Комменсалии Кундерер — в той самой обширной и прекрасной долине, которую я почти целиком пересек, направляясь от границы с Кархайдом в Мишнори. Диалект Асры сильно отличался от общеупотребимого в Орготе языка, он употреблял местные названия людей, мест, привычек, обычаем и механизмов; я этих слов совсем не знал, так что редко понимал больше половины — скорее, общую суть его воспоминаний. Когда он чувствовал себя лучше, обычно где-то к полудню, я просил его рассказать мне какой-нибудь миф или сказку. Большинство гетенианцев знают их великое множество. Гетенианская литература, хоть существует и ее письменная форма, — это, скорее, живая фольклорная устная традиция; в этом отношении все гетенианцы достаточно хорошо образованы. Асра без конца мог рассказывать истории и легенды, краткие притчи-поучения Йомеш, отрывки из сказания о Парсиде, отдельные

части Великого Эпоса, а также саги Морских Торговцев, похожие на авантюрные или рыцарские романы. Все это да еще разные сказки, которые он помнил с детства, Асра легко и плавно рассказывал мне на орготском диалекте, а потом, устав, просил и меня рассказать какую-нибудь историю. «А что рассказывают у вас в Кархайде?» — обычно спрашивал он, растирая ноги, которые у него сильно болели, и глядя на меня со своей застенчивой, терпеливой и одновременно лукавой улыбкой. Однажды я сказал:

— Я знаю историю о людях, которые живут в другом мире.

— Что же это за мир такой?

— Он похож на этот, в общем и целом, только находится на планете, не принадлежащей к вашей солнечной системе. Та, другая планета вращается вокруг звезды, которую вы называете Селеми. Это тоже желтая звезда, она похожа на ваше солнце, и на той планете, под чужим солнцем, тоже живут люди.

— Это же вероучение Санови — о других мирах. Был в нашем селении старый сумасшедший священник, последователь Санови; он частенько приходил к нам домой — я тогда был еще совсем маленьким — и рассказывал нам, детям, обо всем таком: куда, например, деваются лжецы, когда умирают, и куда — самоубийцы, а куда — воры. Ведь мы-то с тобой, верно, тоже в одно из этих мест попадем, а?

— Нет, в той стране, о которой я рассказываю, живут не духи мертвых. В том мире живут настоящие люди. Живые. И они живут в настоящем мире. Они такие же живые, как и вы здесь, и похожи на вас. Но только давным-давно научились летать.

Асра ухмыльнулся.

— Нет, они, конечно, не хлопают при этом руками, как крыльями. Они летают в машинах, похожих на автомобили. — Все это, однако, было ужасно трудно выразить на языке Орготы, в котором нет даже точного слова со значением «летать»; наиболее близкое по смыслу было слово «скользить, планировать». — Видишь ли, они научились делать машины, которые скользят по воздуху, как сани — по заснеженному склону горы. Постепенно они заставляли эти машины двигаться все быстрее и быстрее, улетать все дальше и дальше, а потом они, словно камешек, выпущенный из праши, стали улетать далеко за облака, прорывая воздушный слой вокруг земли, и попадали в иные миры, в которых све-

тят иные солнца. Попадая в иные миры, они обнаруживали там таких же людей...

— Скользящих по воздуху?

— Иногда да, а иногда нет... Когда, например, они прилетели в мой мир, мы уже умели передвигаться по воздуху. Но зато они научили нас перелетать из одного мира в другой — у нас тогда еще не было для этого своих машин.

Асра был совершенно озадачен тем, что я, рассказчик, вдруг сам поместил себя внутрь сказки. Меня лихорадило, меня мучили язвы, появившиеся на руках и груди после инъекций наркотика, и я уже не мог вспомнить, как сначала намеревался построить свой рассказ.

— Продолжай, — сказал он, пытаясь все же уловить смысл истории. — А чем еще они занимались в этом мире, кроме того, что скользили по воздуху?

— О, они занимаются многим из того, что делают люди и здесь. Но только все они постоянно находятся в кеммере.

Он смущенно хихикнул. Конечно, при той жизни, которую мы вели на Ферме, скрыть что бы то ни было оказывалось невозможно, так что мое прозвище среди заключенных и охраны было, разумеется, Перверт. Но там, где нет ни полового влечения, ни стыда, никто, какими бы половыми аномалиями он ни страдал, из общей массы не выделяется. И я думаю, что Асра никак не связал это сообщение ни со мной, ни с особенностями моей физиологии. Он воспринял это всего лишь как одну из вариаций на старую тему, а потому похихикал и сказал:

— Все время в кеммере... Тогда... это мир вознаграждения? Или наказания?

— Не знаю, Асра. А каков, по-твоему, мир Гетен? Это мир вознаграждения или наказания?

— Ни тот ни другой, сынок. Этот мир, что вокруг, — настоящий; в нем все так, как и должно быть. Ты просто рождаешься здесь... и все идет как полагается...

— Я родился не здесь. Я сюда прилетел. Я избрал этот мир для себя.

Повисло молчание. Вокруг стоял мрак. За стенами барака стояла здешняя немыслимая тишина, нарушающая лишь негромким визгом ручной пилы. Больше ни звука.

— Ну хорошо... хорошо, — пробормотал Асра и вздохнул; потом снова потер ноги, невольно постанывая при этом. — А у нас никто сам себе мира не выбирает, — сказал он.

Через одну или две ночи после этого разговора у него началась кома, и вскоре он умер. Я так и не узнал, за что его от-

правили на Добровольческую Ферму, за какое преступление, ошибку или нарушение правил оформления документов. Мне было известно только, что пробыл он на Ферме Пулевен меньше года.

Через день после смерти Асы меня вызвали на очередной «осмотр»; на этот раз им пришлось нести меня туда на руках, и больше я уже ничего вспомнить не могу.

14. БЕГСТВО

Когда Обсл и Иегей вдруг оба срочно уехали из города, а привратник Слоза отказался впустить меня в дом, я понял, что пришло время обратиться за помощью к врагам, ибо от друзей моих ничего хорошего больше ждать не приходилось. Я явился в роли отъявленного шантажиста к Комиссару Шусгису: поскольку у меня не хватало денег, чтобы просто подкупить его, я вынужден был жертвовать своей репутацией. Среди людей вероломных прозвище Предатель уже само по себе звучит очень весомо. Я сообщил Шусгису, что в Оргорейне пребываю как тайный агент партии кархайдской аристократии и конечная цель моей деятельности — убийство Тайба, а он, Шусгис, по нашим планам должен был бы выполнять функцию моего связного с Сарфом; если же он откажется выдать мне необходимую информацию, я немедленно сообщаю в Эренранг, что Шусгис — двойной агент, состоящий также на службе Партии Открытой Торговли. Информация моя, разумеется, тут же вернется в Мишнори и станет достоянием Сарфа. Как ни странно, чертов болван мне поверил. И довольно быстро сообщил все, что я хотел знать; даже поинтересовался, доволен ли я.

Непосредственная опасность со стороны моих «верных» друзей — Обсла и Иегея — мне пока не угрожала. Свою же безопасность они купили, принеся в жертву Посланника, и надеялись, доверяя мне, что я не стану вредить ни им, ни себе. Пока я открыто не заявился к Шусгису, ни один человек из Сарфа, кроме Гаума, не считал меня достойным внимания, зато теперь они, разумеется, будут ходить за мной по пятам. Я должен быстро закончить свои дела и исчезнуть. Не имея возможности передать весточку кому-либо из Кархайда лично, поскольку почта перлюстрируется, а телефонные и радиоразговоры прослушиваются, я впервые за все это время отправился в Королевское Посольство Кархайда. Послом был Сардон рем ир Ченевич, которого я достаточно хорошо

знал при дворе в Эренранге. Он тут же согласился послать официальное письмо Аргавену о том, что именно произошло с Посланником, где находится место его заключения и так далее. Я вполне доверял Ченевичу; это умный и честный человек, и я надеялся, что письмо нигде не перехватят. Однако догадаться о том, как поступит Аргавен, получив его, было абсолютно невозможно. Я хотел все же, чтобы Аргавен располагал данной информацией — хотя бы на тот случай, если вдруг сквозь облака на землю упадет Звездный Корабль Посланника. Тогда у меня еще была какая-то надежда, что Аи успел до своего ареста послать на корабль сигнал.

Теперь я действительно был в опасности, и опасность эта усиливалась, поскольку кто-нибудь наверняка заметил, как я входил в Посольство Кархайда. Так что прямо от дверей Посольства я направился на автостанцию в южной части города и в тот же день еще до обеда покинул Мишнори тем же способом, каким явился сюда, — в качестве грузчика. Старые документы и пропуска у меня были с собой, хотя они не совсем соответствовали моей новой работе. Подделка документов в Оргорейне — дело весьма рискованное; здесь по пятьдесят два раза на дню их проверяют, однако мне не так уж редко приходилось рисковать в жизни, а старые мои приятели по Рыбному Острову отлично научили меня, как подделать в случае чего бумаги. Меня несколько раздражало чужое имя, но иного выхода не было. Под собственным именем я никогда спокойно не добрался бы через весь Оргорейн до побережья Западного моря.

Мысли мои уже были там, на западе, пока наш караван, спотыкаясь, продвигался по мосту Кундерер — прочь от Мишнори. Осень постепенно поворачивалась лицом к зиме. Я непременно должен был добраться до своей цели, прежде чем дороги закроются для относительно скоростных видов транспорта и пока еще есть хоть какой-то смысл добираться туда. Мне уже доводилось видеть Добровольческую Ферму в Комсвашоме, когда я служил в Управлении долины Синотх, приходилось и беседовать с бывшими узниками таких Ферм. И теперь увиденное и услышанное много лет назад камнем лежало у меня на душе. Посланник, столь уязвимый для холода, кутавшийся в теплый хайэб даже при нуле, не выдержит зимы в Пулефенс. Уверенность в этом гнала и гнала меня вперед, но караван двигался медленно, петляя от одного города к другому, шел то к северу, то к югу, то принимая грузы, то разгружаясь, так что прошло полмесяца, прежде чем я добрался до Этвена, что в устье реки Исагель.

В Этвене мне повезло. Беседуя с людьми в Доме для пристройки, я узнал, что в ближайшее время торговцы мехами — имеющие лицензии охотники-трапперы — на санях или ледоходах двинутся вверх по реке до леса Тарреннет, почти к самому Леднику. Как раз начинался охотничий сезон, и у меня возникла идея самому превратиться в траппера. В Керме, как и в районе Ледника Гобрин, водятся белоснежные пестри; эти зверьки любят селиться поближе к Великим Льдам. Когда-то в молодости я часто охотился на пестри в лесах Керма, так почему бы мне не поохотиться теперь в точно таких же лесах Пулефена среди низкорослых деревьев тор?

На дальнем северо-западе Оргорейна, в диком краю у западных отрогов Сембенсиена, люди появляются и исчезают, как и когда им заблагорассудится: там явно не хватает Инспекторов, чтобы зарегистрировать всех. Там даже в Новую Эру сохранилось что-то от прежней свободы. Сам Этвен — серый портовый город, построенный на серых скалах в устье реки Исагель; морской ветер часто несет по его улицам серые косые дожди, а люди там — мрачноватые моряки — говорят всегда прямо. Я с благодарностью оглядываюсь назад, вспоминая Этвен, где мне улыбнулось счастье.

Я купил лыжи, снегоступы, различные капканы и провизию; обзавелся охотничьей лицензией и разрешением, а также удостовериением охотника и прочими бумагами в бюро Комменсалии и двинулся вверх по течению Исагели с группой трапперов, которую вел старик по имени Маврива. Река еще не замерзла, и колесный транспорт по дорогам пока ходил, ибо в этих приморских краях чаще шли дожди, чем снег, несмотря на последний месяц осени. Большая часть охотников ждала в Этвене настоящей зимы и с наступлением месяца Терн поднималась вверх по Исагели на ледоходах, но Маврива спешил забраться подальше на север и обогнать остальных: он намеревался ставить ловушки уже на самых первых пестри, которые как раз в конце осени спускаются с гор в тамошние леса. Маврива знал районы Гобрина, Северного Сембенсиена и Огненных Холмов так же хорошо, как те, кто там родился, так что за время пути я успел многому от него научиться. Все это весьма пригодилось мне впоследствии.

В городе под названием Туруф я отстал от группы, притворившись больным. Они пошли дальше на север, а я, чуть выждав, двинулся на северо-восток, в предгорья Сембенсиена, уже сам по себе. Несколько дней мне потребовалось, чтобы обследовать местность. Потом, спрятив большую часть своего имущества километрах в пятнадцати-двадцати от Ту-

руфа в уединенной лощине, я вернулся в город по южной дороге и на несколько дней поселился в Доме для приезжих. Как бы запасаясь необходимым для долгой охоты, я купил еще одни лыжи, еще одни снегоступы, пополнил запас провизии, купил меховой спальный мешок, зимнюю одежду — все снова; а еще — переносную печку Чейба, многослойную палатку и легкие сани, чтобы погрузить все это имущество. Теперь оставалось только ждать, когда дождь превратится в снег, а грязь — в лед; не так уж долго, если учесть, что целый месяц потребовался мне, только чтобы добраться от Мишно-ри до Туруфа. На четвертый день первого месяца зимы, Архад Терн, зима полностью вступила в свои права; пошел снег, которого я так ждал.

Поздним утром я пробрался через электрозаграждение на Пулефенской Ферме, следы мои почти сразу исчезли под снегом. Сани я оставил в лощине у ручья, в густом лесу к востоку от Фермы, и с одним только рюкзаком, надев снегоступы, вернулся назад, на дорогу. Потом в открытую пошел прямо к главным воротам Фермы. Там я предъявил документы, которые мне успели еще раз подделать в Туруфе. Теперь они были с «синей печатью» и удостоверяли, что я, Тенер Бент, освобожденный из заключения досрочно, согласно предписанию, обязан не позднее Эпс Терн, третьего дня зимы, явиться на третью Добровольческую Ферму Комменсалии Пулефен для несения караульной службы в течение двух лет. Какой-нибудь востроглазый Инспектор непременно заметил бы, что документы поддельные, но там востроглазых было маловато.

Оказалось, что попасть в тюрьму легче легкого. Я даже как-то приободрился.

Начальник охраны выбранил меня за то, что явился я на день позже предписанного, и отоспал в барак. На обед я опоздал, и, к счастью, было уже слишком поздно, так что положенной мне униформы я не получил и остался в собственной хорошей и теплой одежде. Ружья никакого мне не дали, но я присмотрел более-менее подходящее, слоняясь возле кухни и выпрашивая у повара хоть что-нибудь поесть. Повар держал свое ружье на крючке за печью. Его я и украл. Убить из него было нельзя — оно не обладало для этого необходимой мощностью. Скорее всего, у охранников все ружья были такие. На этих Фермах нет необходимости убивать людей из ружья: там позволяют голоду, зиме и отчаянию сделать это.

Всего я насчитал тридцать-сорок охранников и полтораста заключенных. Ни один не был одет как следует, по-

зимнему; большая часть людей уже крепко спала, хотя едва начался вечер, Час Четвертый. Я заставил одного молодого охранника провести меня по всей территории и показать спящих заключенных. Наконец я их увидел: при слепяще ярком свете они спали в общей большой комнате, и я уже простился с надеждой на незамедлительное осуществление своего плана, опасаясь сам попасть под подозрение. Заключенные попрятались в спальные мешки, скрючившись там, словно младенцы во чреве матери, совершенно неотличимые друг от друга. Все — кроме одного: мешок был слишком короток, чтобы он мог в нем спрятаться; лицо его стало похоже на обтянутый темной кожей череп, закрытые глаза провалились в глазницы, на голове — копна длинных выющих волос.

Счастье, которое улыбнулось мне в Этвене, теперь поворачивало колеса Судьбы, и я ощущал, что одним прикосновением могу сейчас перевернуть весь мир. У меня никогда не было особых талантов, кроме одного: я всегда чувствовал, когда именно можно тронуть рукой гигантское колесо фортуны, чтобы знать и действовать. Мне уж было показалось, что я утратил свой дар предвидения — в этом мне не раз приходилось, к сожалению, убеждаться в прошлом году в Эренранге — и он никогда больше не возродится в моей душе. И ужасно обрадовался, вновь ощущив в себе эту уверенность — уверенность в том, что можешь управлять собственной судьбой и удачей даже в тревожное время, как санями на крутом и опасном спуске.

Поскольку я продолжал слоняться вокруг и всюду совал свой нос, изображая чересчур любопытного кретина, меня записали в самую позднюю смену караула; к полуночи все в тюрьме, кроме меня и еще одного охранника, спали. Я продолжал по-прежнему тупо бродить по комнатам и коридорам, время от времени заглядывая в спальню с двумя рядами нар вдоль стен. Я уже все спланировал и начал готовить душу и тело ко входению в дотхе, ибо моих собственных сил никогда не хватило бы для выполнения задуманного и необходимо было призвать на помощь силы Тьмы. Незадолго до рассвета я в очередной раз зашел в спальню и из украшенного у повара акустического ружья выпустил в голову Дженили Аи заряд, чтобы как следует его оглушить, потом вместе со спальным мешком взвалил его на плечо и потащил в караулку.

— В чем дело? — проворчал мой полусонный напарник. — Оставь ты его в покое!

— Да ведь он умер!

— Как, еще один? О всемогущий Меше, ведь еще и зима-то как следует не началась... — Он наклонился, чтобы заглянуть Посланнику в лицо: тот висел у меня на плече головой вниз, как куль. — А, это тот, Перверт. Клянусь Великим Глазом, я не верил гнусным сплетням насчет кархайдцев, пока сам на него не посмотрел: до чего же мерзкий урод! И ведь целую неделю провалялся на нарах — все стонал да вздыхал, я и не думал, что он возьмет и помрет. Ладно, вынеси его куда-нибудь наружу; пусть до рассвета там полежит. Чего стоишь, как грузчик с мешком турдов!..

У контрольно-пропускного пункта я остановился; хоть я и был всего лишь охранником, меня никто не окликнул, когда я вошел внутрь и долго искал — и наконец нашел! — настенную панель со всякими кнопками и выключателями. На самих выключателях ничего написано не было, однако охранники написали рядом на стене краткие обозначения, чтобы не особенно утруждать свою память, если вдруг поднимут по тревоге. Я решил, что «Ог.» обозначает «электроограждение», и повернул выключатель, вырубив электричество во внешней ограде Фермы. Потом взвалил Аи на плечи и пошел по коридору дальше. У входных дверей, правда, пришлось объясняться с постовыми. Я старательно изображал, пыхтя, как мне тяжело в одиночку тащить здоровенного покойника; сила дотхе во мне уже достигла своего предела, но мне вовсе не хотелось, чтобы постовые заметили, что мне ничего не стоит вот так нести человека, который значитель-но тяжелее меня самого. Я сказал:

— Заключенный вот. Умер. Велели вытащить на улицу. Куда бы мне его пристроить?

— Не знаю. Отнеси подальше. Только смогри под крышу положи, не то его снегом занесет, а потом весной, как таять начнет, он, глядишь, и всплывет, да еще вонять будет. Снег так и валит, настоящая *педиция*.

У нас в Кархайде такой тяжелый, влажный снегопад называется *соув*. Но все равно, трудно было придумать для меня лучшую весть.

— Ладно, так и быть, подальше оттащу, — сказал я и, свернув со своей ношей за угол барака, шел все дальше и дальше, пока барак не скрылся из виду. Тогда я поудобнее взвалил Аи на плечи, повернул на северо-восток и через несколько сотен метров перебрался через отключенную ограду, перетащил Аи, снова взвалил его на плечо и двинулся по направлению к реке с такой скоростью, на какую только был способен. Я еще не успел достаточно далеко отойти от ог-

раждения, когда позади заверещали свистки и зажглись мощные прожекторы. Валил достаточно густой снег, и меня самого нельзя было увидеть даже при ярком свете, однако вряд ли снег успел за считанные минуты скрыть мои следы. И все же, когда я спустился к реке, они на мой след еще не вышли. Я двинулся на север по черной земле под густыми деревьями или прямо по воде там, где землю уже занесло снегом; речка, небольшой, но бурный приток Исатели, еще не замерзла. Теперь, когда рассвело, видимость стала значительно лучше, так что я шел очень быстро. Я уже достиг полного дотхе, и Посланник не казался мне таким уж тяжелым, хотя нести его, длинного и неуклюжего, было весьма неудобно. Берегом ручья я пробрался в лес, к той лощине, где были спрятаны сани. На них я взвалил самого Посланника, а вещи набросал вокруг него так, что он совсем скрылся в этой куче; а сверху еще и палатку привязал. Потом переоделся, съел немного особой высококалорийной пищи, потому что меня уже донимал невыносимый голод, свойственный человеку при затянувшемся дотхе, и двинулся прямо на север, через лес, по широкой дороге. Вскоре меня наткнули двое лыжников.

Теперь, когда я был одет и снаряжен как обычный троoper, мне нетрудно было сорвать, что я пытаюсь догнать группу Мавривы, которая ушла на север еще в последние дни месяца Гренде. Они Мавриву знали и восприняли мою историю вполне正常но, но в документы все-таки заглянули. Им в голову не приходило, что беглецы могут устремиться на север, потому что к северу от Пулефена ничего нет, кроме леса и льдов; впрочем, возможно, беглецы их вообще не интересовали. Да и с какой, собственно, стати они должны были бы их интересовать? Лыжники двинулись дальше и только через час снова проехали мимо меня, возвращаясь на Ферму. Один из них оказался моим напарником по ночному дежурству. К счастью, он так и не разглядел тогда моего лица, хотя оно маячило у него перед носом добрую половину ночи.

Когда они скрылись из виду, я свернул с дороги и весь остаток дня шел в обратном направлении по лесу и по холмам восточнее Фермы. Наконец я вышел к ней с восточной стороны, остановившись в той самой укромной лесистой лощине чуть выше Туруфа, где давно уже припрятал остальное снаряжение. Ташить сани по покрытой бесконечными складками замерзшей земле было нелегко, тем более что поклажа значительно превосходила мой собственный вес, однако снег падал густой, ложась довольно плотным покровом, а я к

тому же по-прежнему пребывал в лотхе. Я вынужден был оставаться в лотхе, постоянно стимулируя себя, потому что если хоть немного ослабить напряжение, то потом больше ни на что не будешь годиться. Я никогда раньше не пребывал в лотхе больше часа, но знал, что некоторые из Старииков способны поддерживать в себе силу лотхе целый день и еще целую ночь, а порой и более суток, так что прежний опыт со служил мне теперь хорошую службу. В состоянии лотхе человек обычно не испытывает никакого беспокойства, так что единственное, о чем я все-таки беспокоился, — это состояние Посланника. Он должен был давно уже очнуться после того легкого акустического выстрела в голову, однако до сих пор даже не пошевелился. А у меня не было времени просто наклониться к нему. Неужели он отличается от нас настолько, что даже легкий акустический шок, вызывающий в крайнем случае лишь временный паралич, для него оказался смертельным? Когда колесо Судьбы поворачивается под твоей рукой, надо быть особенно осторожным со словами, а я уже дважды назвал его мертвым, да и тащил на плече так, как тащат мертвое тело. Порой у меня даже возникала мысль, что через все эти бесконечные холмы и леса я везу в санях мертвеца и что выпавшая мне удача, как и сама его жизнь, в конце концов потрачена зря. От таких мыслей я весь покрывался испариной и начинал ругаться и чертыхаться, и тут же сила лотхе уходила из меня, как вода из треснувшего кувшина. Но я все-таки шел дальше, и сила моя меня не подвела: я достиг тайника у подножия гор, поставил палатку и сделал все, что мог, для Аи — открыл коробку сверхпитательных кубиков, большую часть проглотил сам, но и ему влив в рот немного бульона. Выглядел он так, будто вот-вот умрет от истощения. На руках и на груди у него были ужасные язвы, которые еще больше воспалились от прикосновений грубого вонючего спального мешка. Когда я обработал эти страшные раны, уложил Аи в теплый меховой спальник и замаскировал палатку так, как лишь зима и дикие края могут спрятать человека, не осталось больше ничего, что я смог бы еще для него сделать. Наступила уже ночь, но на меня надвигалась иная тьма — расплата за самовольное вылизование всех сил и возможностей своего тела; и тьме этой должен был я доверить теперь и себя, и его.

Мы спали. Падал снег. Всю ту ночь и день и еще ночь моего танген-сна, видимо, непрерывно шел снег. То была не какая-нибудь пороша, а настоящий мощный первый снегопад новой зимы. В конце концов я очнулся и, чуть припод-

нявшись, заставил себя выглянуть наружу: палатка наполовину была засыпана снегом. Солнечные пятна и голубые тени от сугробов чередовались на белоснежном покрывале, укутавшем землю и все вокруг. Далеко на востоке, в вышине, висело небольшое серое облачко, смущая ослепительную яркость небес: дым над вулканом Уденуш-реке, близайшим из Огненных Холмов. Вокруг крошечного горбика палатки лежали снега; холмы, горные вершины, пропасти, склоны — все было белым-белом, все было покрыто девственno чистым снежным ковром.

Я медленно восстанавливал силы, испытывая постоянную сильную слабость и желание спать; но когда все-таки заставлял себя подняться, то непременно давал Аи немножко питательного бульона; и к вечеру второго дня нашего общего забытья он очнулся, хотя и не совсем сознавал, что с ним. Он сел, громко вскрикнув, словно от ужаса, а когда я опустился перед ним на колени, почему-то стал вырываться изо всех сил, однако такой расход энергии был для него чрезмерен, и он снова потерял сознание. В ту ночь он без конца бредил на каком-то абсолютно неведомом мне языке. Очень странно было в темной неподвижности этих диких гор слушать, как он бормочет слова того языка, который был для него родным в совсем ином мире. Следующий день оказался еще труднее: когда я пытался хотя бы покормить его, он, видимо, принимая меня за кого-то из этих мерзавцев с Фермы, приходил в ужас оттого, что ему снова могут дать какой-нибудь наркотик. Он разражался бурными мольбами на жуткой смеси кархайдского и орготского, жалобно просил: «Не надо!» — и с паническим упорством сопротивлялся мне. Это тянулось без конца, а я все еще пребывал в состоянии танген, по-прежнему ощущая не только физическую, но и душевную слабость, так что порой был просто не в силах заботиться о нем. В какой-то момент я подумал, что они не только без конца кололи его наркотиками, но и давали ему специальные препараты, подавляющие интеллект. И тогда я решил, что если это так, то лучше бы он умер во время нашего путешествия через лес, и лучше бы мне никогда больше *tak* не везло, и лучше бы меня самого арестовали, когда я бежал из Мишнори, и отправили на какую-нибудь Ферму, чтобы там я отрабатывал свое проклятое везенье.

Очнувшись ото сна, я заметил, что он глядит прямо на меня и, видно, давно.

— Эстравен? — изумленно прошептал он.

И тут у меня с души будто камень свалился. Я заверил

его, что я — это я, немного покормил, уложил поудобнее, и в ту ночь впервые мы оба спали спокойно.

На следующий день ему стало значительно лучше, он начал нормально есть. Раны на его теле подживали. Я спросил, откуда они.

— Не знаю. Мне кажется, это из-за уколов; они все время делали мне какие-то уколы...

— Чтобы предотвратить кеммер? — Мне уже приходилось слышать подобное от бывших заключенных — тех, кто либо сбежал, либо был освобожден по закону, отработав свое на Добровольческой Ферме.

— Да. И еще другие. Не знаю, что они мне кололи, помоему, какой-то «эликсир правды» или что-то в этом роде. Я совсем раскис от этих уколов, но они все равно продолжали колоть. Что они хотели узнать? Что такого особенного мог я им сказать?

— Они не столько пытались что-то выяснить у вас, сколько хотели вас *приручить*.

— Приручить?

— Сделать вас послушным, насилием приучив к одной из разновидностей *оргриви*, наркотика. В Кархайде это тоже практикуется. А возможно, они просто ставили на вас, как и на всех остальных, какие-то опыты. Мне рассказывали, что на этих Фермах испытывают, например, препараты, способные подавлять интеллект. Я, когда впервые услышал об этом, еще сомневался; теперь больше не сомневаюсь.

— В Кархайде у вас тоже такие Фермы есть?

— В Кархайде? — переспросил я. — Нет.

Он в волнении потер лоб рукой.

— В Мишнори мне тоже говорили, помнится, что в Оргорейне таких ужасных мест нет.

— Наоборот! Они своими Фермами даже хващаются; они любят демонстрировать фотографии и прослушивать записи, сделанные на Добровольческих Фермах, где досрочно освобожденные преступники якобы «вновь привыкают» к нормальной жизни, а вымирающие племена находят надежное убежище. Они вполне могли бы показать вам, например, Добровольческую Ферму первого Округа — это совсем рядом с Мишнори, чудесное место, прямо веди кого хочешь. Если вы думаете, что в Кархайде тоже есть подобные Фермы, то явно переоцениваете нас: мы не настолько изощренный народ.

Он долгое время лежал, глядя на светящуюся печку Чайба, которую я включил на такую мощность, что сам вскоре начал задыхаться от жары. Потом снова посмотрел на меня.

— Вы, кажется, уже говорили мне утром, но голова у меня, видно, совсем не соображала, и я ничего не помню... Где мы, как мы сюда попали?

Я снова рассказал ему.

— Значит, вы просто... вышли оттуда и вынесли меня?

— Господин Аи, любой из заключенных в одиночку или вместе с другими может выйти оттуда в любую ночь. Если бы вас настолько не заморили голодом, если бы вы все не были так измучены, запуганы и отравлены наркотиками, если бы у вас была нормальная зимняя одежда, если бы вам было куда пойти... В этом-то все и дело. Куда бы, например, пошли вы? В город? Но у вас нет документов — так что это тупик. В дикие края? Но там вам негде укрыться — так что это смерть. Летом, скорее всего, они значительно увеличивают число охранников. Зимой же Ферму охраняет сама зима.

По-моему, он совсем не слушал меня.

— Но вы бы не смогли пронести меня на спине и тридцать метров, Эстравен. Не говоря уж о том, чтобы бежать со мной по холмам в темноте десятки километров...

— Я был в состоянии дотхе.

Он все еще сомневался.

— Это вариант самовозбуждения?

— Да.

— Так вы... вы один из ханддаратов?

— Я вырос в вере Ханддара и целых два года провел в Цитадели Ротерер. В Керме большая часть жителей — ханддараты.

— Я полагал, что после дотхе, этого почти немыслимого выброса энергии, возникает некий коллапс...

— Да, у нас это называется тантен, «темный сон». Он длится значительно дольше, чем дотхе, и если тантен уже начался, то сопротивляться этому сну очень опасно. Я проспал две ночи подряд и все еще нахожусь в тантене. Сейчас я бы не смог и вокруг этого холма обойти. А страшный голод — вечный спутник релаксационного периода; я уже съел большую часть припасов, которых в обычном состоянии мне должно было бы хватить на неделю.

— Ну хорошо, — с какой-то сварливой поспешностью проворчал он. — Ладно, я верю вам... что мне еще остается, как не верить вам. Вот он я, вот вы... Но я все-таки не понимаю! Не понимаю, зачем вы это сделали.

Тут терпение у меня лопнуло. Я уставился на ледоруб, что все время был у меня под рукой, и постарался не смотреть на Аи и не отвечать ему, пока не усмирил свой бешеный

гнев. К счастью, мой энергетический баланс еще не восстановился, и на слишком быстрые действия способен я не был. А еще я сказал себе: он ведь ничего не понимает, он чужой на этой земле, с ним очень плохо обращались, его запугали. И постепенно справедливость восторжествовала. Я наконец смог выговорить:

— Отчасти есть и моя вина в том, что вы попали в Оргорейн и на Ферму Пулефен. Я пытаюсь искупить свою ошибку.

— Но вы же никак не связаны с моим приездом в Оргорейн.

— Господин Аи, мы с вами все время смотрим на одно и то же, но очень разными глазами; я ошибался, полагая, что мы можем видеть что-то одинаково. Позвольте напомнить вам прошлую весну. Тогда я как раз начал уговаривать Аргавена немного подождать, не принимать никакого решения относительно вас или вашей миссии — еще за полмесяца до церемонии Возложения замкового камня. Ваша аудиенция тогда была уже запланирована, и, какказалось, это было к лучшему, хотя особых результатов ожидать не следовало. Я полагал, что вы все это понимаете, но я ошибался. Я слишком многое принимал на веру и не хотел вас обижать своими советами; я думал, вам и так ясно, какую опасность представляет и сам Леммер Харге рем ир Тайб, и его внезапное возвышение и доминирующее положение в киорремии. Если бы Тайб знал, по какой причине вас следует опасаться, он бы непременно обвинил вас в поддержке какой-либо из оппозиционных фракций, и Аргавен, преследуемый бесчисленным множеством фобий, скорее всего, приказал бы вас уничтожить. Я хотел, чтобы вы, потерпев поражение, остались в живых, пока у власти пребывает Тайб. Случилось так, что вместе с вами потерпел поражение и я. Это должно было случиться, хоть я и не предполагал, что именно в ту ночь, когда мы с вами беседовали у камина. Никто не задерживался на посту королевского премьер-министра слишком долго. Получив приказ о высылке, я уже не мог ничего сообщить вам, ибо, будучи изгнем, навлек бы на вас еще большую опасность. Я приехал сюда, в Оргорейн. Я всячески пытался сделать так, чтобы вы сочли необходимым тоже приехать сюда. Я заставил тех Комменсалов из числа Тридцати Трех, которым не доверял в меньшей степени, чем остальным, выдать вам разрешение на въезд в страну; вы бы этого разрешения никогда не получили без их вмешательства. Они видели в дружбе с вами — и я старательно поддерживал в них эту веру — путь к власти, путь, ведущий к прекращению уси-

ливающегося соперничества с Кархайдом, к восстановлению Открытой Торговли, а также возможность хоть как-то ослабить мертвую хватку Сарфа. Но это люди чересчур осторожные и действовать боятся. Вместо того чтобы всячески вас рекламировать, они вас спрятали — и, естественно, потеряли надежду на успех и проиграли; ну а потом попросту продали вас Сарфу, чтобы спасти собственные шкуры. Я возлагал на них слишком большие надежды, а потому это исключительно моя ошибка.

— Но какова была ваша цель... все эти интриги, таинственность, борьба за власть, заговоры — для чего все это, Эстравен? К чему вы стремились?

— Я стремился к тому же, к чему и вы: союзу моего мира с вашими мирами. А вы что думали?

Мы не мигая смотрели друг на друга, склоняясь над раскаленной печкой, как парочка деревянных идолов.

— Вы хотите сказать, что, даже если бы первым согласился вступить в союз Оргорейн...

— Даже если бы первым был Оргорейн, Кархайд так или иначе вскоре последовал бы его примеру. Неужели вы думаете, что я стал бы понапрасну рисковать шифгретором, когда на карту поставлено столь многое, когда решается судьба всех нас, всего населения моей планеты? Разве имеет значение, какая страна проснется первой, если следом проснемся мы все?

— Но как, черт побери, мне верить всему, что вы тут говорите! — взорвался он вдруг. От слабости голос его звучал не гневно, а, скорее, грустно и жалобно. — Если все это действительно так, то неужели вы не могли объяснить мне хоть что-то немного раньше, еще прошлой весной, и избавить нас обоих от увлекательного посещения Фермы Пулефен? Ваши попытки помочь мне...

— ...окончились неудачей. И благодаря им вы попали в беду, познали позор, подверглись опасности... Я понимаю. Но если бы я тогда попытался бороться ради вас с Тайбом, вас бы сейчас здесь попросту не было: вы были бы в могиле, в Эренранге. А теперь в Кархайде есть несколько человек, которые верят вашим словам, потому что прислушивались ко мне; и еще несколько в Оргорейне. Они еще очень могут вам пригодиться. Самой большой моей ошибкой было то, что я, как вы это сказали, не объяснился с вами раньше. Но я не привык так вести себя. Я не привык ни давать, ни принимать — ни советы, ни обвинения.

— Мне не хотелось бы быть несправедливым, Эстравен...

— И все-таки вы несправедливы. Странно. Я единственный человек на всей планете Гетен, который до конца поверили вам, и я же единственный человек на этой планете, которому отказались поверить вы.

Аи уронил голову на руки и долго молчал. Потом проговорил:

— Простите меня, Эстравен. — Это звучало одновременно как извинение и как признание моей правоты.

— Дело в том, — сказал я, — что вы не способны или просто не хотите поверить в то, что я в вас верю. — Я встал, потому что ноги мои свела судорога, и обнаружил, что дрожу от гнева и усталости. — Научите меня языку мыслей, — сказал я, стараясь говорить легко и беззлобно, — вашему языку, который не способен лгать. Научите меня говорить на нем, а потом спросите, почему я сделал то, что сделал.

— Мне бы очень этого хотелось, Эстравен.

15. ПУТЬ ВОЛЬДЫ

Я проснулся. До сих пор мне казалось невероятно странным просыпаться внутри этого неясно различимого конуса тепла и слушать доказательства собственного разума: это палатка, я лежу в ней живой, а Ферма Пулефен уже далеко. На этот раз, проснувшись, я уже не испытал никаких тревог — лишь благодарное ощущение покоя. Я сел и пальцами попытался зачесать назад свои свалившиеся, отросшие патлы. Потом посмотрел на Эстравена, вытянувшегося поверх спального мешка и крепко спящего буквально в полуметре от меня. Он был голый по пояс: ему было жарко. Темнокожее таинственное лицо его освещала раскаленная печка; оно было совершенно открыто моему взгляду. Во сне Эстравен выглядел немного глуповатым, как, впрочем, и любой другой человек, наверное. Скуластое волевое лицо его было сейчас расслабленным и мечтательным, над верхней губой и над тяжелыми бровями выступили крошечные капельки пота. Я вспомнил, как он обливался потом весной, на параде в Эренранге, во всей подобающей его положению парадной амуниции под горячими лучами солнца. Теперь он лежал передо мной беззащитный, полугоый, освещенный холодноватым светом печки, и впервые я увидел его таким, каким он был на самом деле.

Он проснулся, как всегда, поздно, с трудом. В конце концов, позевывая, он воздвигся посреди палатки, натянул ру-

баху и высунул голову наружу — посмотреть, что там творится; потом спросил, не хочу ли я чашечку орша. Обнаружив, что я уже успел сварить целый котелок этого питья, использовав ту воду, в которую превратился кусок льда, с вечера оставленный им на печке, он сдержанно поблагодарил меня, принял из моих рук чашку, сел и стал пить.

— Куда мы направимся теперь, Эстравен?

— В зависимости от того, куда вы сами захотите пойти, господин Аи. И от того, сколько вы сможете пройти.

— Как нам быстрее всего выбраться из Оргорейна?

— Надо идти на запад. К побережью. Это километров сорок отсюда.

— А потом что?

— Заливы вскоре замерзнут, если уже не замерзли. В любом случае зимой ни один корабль в открытое море не выйдет. Стало быть, придется спрятаться и ждать до следующей весны, когда большие грузовые суда вновь поплывут в Ситх и Перунтер. Но ни одно не поплывет в Кархайд — если эмбарго на торговлю не будет отменено. Насчет судна — надо еще подумать. У меня, как назло, совсем нет денег...

— А если в другую сторону?

— Тогда Кархайд. Путешествие по сухе.

— Далековато!.. Тысячи полторы километров, не меньше?

— По дороге — да. Только дороги теперь не для нас. Остановит первый же Инспектор. Остается единственный приемлемый путь: на север по горным тропам, потом на восток через Гобрин и вниз к границе у залива Гутен.

— Через Гобрин? Вы имеете в виду сам Ледник?

Он кивнул.

— Это ведь невозможно зимой?

— Полагаю, что так; но если повезет, а везение хорошо при любом путешествии... Вообще-то идти через Ледник лучше именно зимой. Понимаете, небо над ним в это время обычно ясное, так что там даже теплее, поскольку лед отражает солнечные лучи; бури же как бы отодвинуты к самым границам Великих Льдов. Отсюда, между прочим, все эти легенды о тихом месте в сердце пурги... Возможно, это было бы нам на руку. А больше надеяться не на что.

— Значит, вы серьезно намереваетесь...

— Иначе не имело бы смысла вытаскивать вас с Фермы Пулефен.

Он все еще вел себя очень сдержанно, казался уязвленным и мрачным. Вчерашний ночной разговор потряс нас обоих.

— Насколько я понимаю, вы считаете, что пересечь Ледник зимой — это меньший риск, чем ждать тут до весны, чтобы сесть на корабль?

Он кивнул и лаконично пояснил:

— Там, во льдах, мы будем одни.

Я некоторое время обдумывал его слова.

— Надеюсь, вы приняли во внимание мою неприспособленность к здешним условиям? Я не настолько «морозоустойчив», как вы, даже сравнивать нечего. И довольно плохой лыжник. К тому же и состояние у меня не ахти, хотя мне уже значительно лучше.

Он снова кивнул.

— Я считаю, что нам стоит попробовать, — сказал он с той абсолютной простотой, которую я так долго принимал за ироничность.

— Хорошо.

Он взглянул на меня и допил свой орш. Этот напиток вполне мог сойти за чай; орш варят из поджаренных зерен особой морозоустойчивой пшеницы; получается коричневый кисло-сладкий напиток, богатый витаминами А и С, сахарозой и весьма приятным тонизирующим веществом типа лобелина. Там, где на планете Гетен нет пива, всегда есть орш; там же, где нет ни пива, ни орша, нет и людей.

— Это будет непросто, — сказал он, поставив чашку на пол. — Очень непросто. Если не повезет, нам не выбраться.

— Лучше уж умереть там, во Льдах, чем в помойке, из которой вы меня вытащили.

Он отрезал пару ломтиков сущеного хлебного яблока, предложил мне и сам тоже стал задумчиво жевать.

— Нам понадобится еще еда, — сказал он.

— А что будет, если мы доберемся до Кархайда?.. Я имею в виду — с вами? Вы ведь все еще считаетесь изгнаниником.

Он глянул на меня своими темными глазами — глазами выдры.

— Да. Видимо, мне лучше будет остаться по эту сторону.

— А когда в Оргорейне обнаружат, что именно вы помогли их пленнику бежать?..

— Чего уж тут обнаруживать. — Он слабо улыбнулся и сказал: — Прежде всего нам необходимо перебраться через Ледник.

Я не выдержал:

— Послушайте, Эстравен, вы, пожалуйста, простите меня за то, что я сказал вчера...

— Нусятх. — Он встал, все еще что-то жуя, надел свой

хайэб, плащ, теплые башмаки и, словно выдра, скользнул наружу, в щель самоуплотняющейся войлочной двери. Потом снова просунул голову внутрь: — Я, может быть, вернусь довольно поздно или даже завтра. Вы тут продержитесь без меня?

— Конечно.

— Хорошо.

И исчез. Я никогда не встречал человека, который бы столь полно и мгновенно умел перестраиваться в изменившихся условиях, как Эстравен. Я поправлялся и почти готов был двинуться в путь; он же как раз вышел из состояния танген; и едва это стало ему ясно, как он уже был *готов*. Он никогда не спешил, не порол горячку, но он всегда был *готов*. Без сомнения, в этом и крылась тайна его необыкновенной политической карьеры (которой он пожертвовал ради меня), этим объяснялись его доверие ко мне и преданность моему делу. Когда я только еще прибыл на Гетен, он уже был готов к этому. Никто больше на планете Зима готов к этому не был.

И все же он считал себя человеком довольно медлительным, не слишком расторопным и очень не любил резкую смену обстоятельств. Однажды он сказал мне, что, будучи изрядным тугодумом, вынужден порой руководствоваться некоей «общей интуицией», якобы подсказывающей ему, куда в данный момент поворачивается колесо фортуны, добавив, что эта интуиция редко его подводит. Он рассказывал об этом очень серьезно; вполне возможно, что это так и есть на самом деле. Предсказатели в Цитаделях не единственные люди на планете Зима, обладающие даром предвидения. Интуиция давно уже подвластна им, они ее особым образом тренируют, не пытаясь, впрочем, увеличить вероятность событий. В этом плане у последователей культа Йомеш тоже есть определенные возможности; их дар связан, правда, не столько и не только непосредственно с предсказанием событий, но скорее является специфической способностью видеть *все одновременно*, целостно, словно в порыве Озарения.

Пока Эстравена не было, наша печка все время работала на максимуме, и я наконец-то прогрелся весь — впервые за долгий срок. Вот только какой? Я решил, что сейчас, наверное, уже наступил Терн, первый месяц зимы и Нового года, очередного Года Первого. На Ферме Пулефен я совершенно потерял счет времени.

Наша печка-плита представляла собой одно из самых замечательных и на редкость экономичных устройств, созданных гетенианцами за долгие тысячелетия беспощадной борь-

бы с холодом. Улучшить ее могло бы, пожалуй, только использование особых сплавов в батарее питания. Ее биобатареи были рассчитаны на четырнадцать месяцев непрерывной эксплуатации, к.п.д. был весьма высок; она выполняла функции обогревателя, плитки и светильника одновременно и весила всего около полутора килограммов. Нам никогда не удалось бы пройти эти семьдесят километров от Фермы без нее. Должно быть, на ее покупку и ушла большая часть денег Эстравена — тех самых, которые я столь высокомерно вручил ему в Мишиори. Палатка, сделанная из особого пластика, способного выдерживать сильные морозы и противостоять — в весьма значительной степени — конденсации влаги на внутренних стенках (а ведь это настояще бедствие во всех остальных палатках в холодную погоду); теплайшие спальные мешки из меха пестри; эта удобная одежда, лыжи, сани, запас продовольствия — все самого лучшего качества, все легкое, прочное, долгоносское, дорогое. Если он отправился пополнять наши продовольственные запасы, то на какие, интересно, средства?

Он вернулся лишь к ночи следующего дня. Я несколько раз выходил из палатки — учился передвигаться на снегоступах и заодно набирался сил на свежем воздухе, бродя по склонам заснеженной лощины. Я вполне прилично бегал на лыжах, но снегоступами пользоваться почти не умел. Далеко уходить я не осмеливался, опасаясь потерять собственный след; то были дикие края: горы, изрезанные трещинами и расщелинами, круто поднимались сразу за палаткой, загораживая восток, вершины их скрывались в облаках. У меня вполне хватило времени обдумать, что я стану делать один в этом забытом Богом месте, если Эстравен не вернется.

Он птицей слетел по склону погружающегося в сумерки холма — потрясающий был лыжник! — и остановился точно рядом со мной, грязный, усталый, с тяжелой поклажей. За спиной у него был темно-коричневый мешок, полный всяких свертков: прямо Дед-Мороз, явившийся через дымоход под Рождество, — совсем как на старой нашей Земле. В бесчисленных свертках и пакетах было зерно *кадик*, сущеные хлебные яблоки, чай и куски твердого красного, похожего по вкусу на земной сахара, который гетснианцы добывают из одного клубневого растения.

— Как вам удалось достать все это?

— Украл, — просто ответил мне бывший премьер-министр Кархайда, держа руки под печкой, которую он, как ни

странно, переключать пока не стал: он — даже он! — замерз. — В Туруфе. Это довольно близко отсюда.

Вот и все, что я узнал о его походе. Он отнюдь не гордился своим подвигом, но и юмором к нему относиться не мог: воровство на планете Гетен считается тяжким преступлением; действительно, худшим преступником может оказаться разве что самоубийца.

— Сначала используем вот это, — показал он на мешок, пока я ставил на печку котелок со снегом. — Это все лишняя тяжесть.

Большая часть той пищи, которую он заготовил заранее, представляла собой «сверхпитательные кубики» — усиленную белками, дегидрированную и сублимированную смесь различных высококалорийных продуктов. В Оргорейне эти кубики называют гиши-миши, мы тоже называли их так, хотя, разумеется, оба разговаривали на кархайдском. У нас было достаточно гиши-миши, чтобы продержаться дней шестьдесят при минимальном рационе: по фунту в день на каждого. После того как Эстравен вымылся и поел, он в тот вечер долго сидел у печки, составляя точный график использования имеющихся в нашем распоряжении продуктов. Весов у нас не было, так что он отмерял продукты, пользуясь коробкой из-под гиши-миши в качестве мерки. Он, как и большинство гетенианцев, прекрасно знал калорийность и питательную ценность каждого продукта, а также свои собственные потребности в пище при различных погодных условиях, а исходя из этого, сумел рассчитать и мои (как потом оказалось, с большой точностью). Подобные знания имеют высочайшую жизненную ценность на этой планете — планете Зима.

Покончив наконец с графиком, он завернулся в спальник и тут же заснул. Однако всю ночь я слышал, как даже во сне он все еще бормочет что-то про фунты, лни, километры...

Нам при самой грубой прикидке предстоял путь более чем в тысячу километров. Первые полторы сотни — на север или чуть восточнее, через леса и отроги гряды Сембенсиен до самих Великих Льдов, того чудовищного ледяного одеяла, что покрывает как бы двудольный Великий Континент планеты повсюду севернее 45° , а местами опускается даже до 35° . Одним из таких спускающихся к югу языков Ледника и был район Огненных Холмов, ближайших к нам горных вершин массива Сембенсиен. Это была наша первая цель. Оттуда, как справедливо полагал Эстравен, мы сможем попасть на сам ледниковый щит, либо поднявшись по ледовому

языку, либо спустившись на щит со склона одной из гор. Затем пойдем уже непосредственно по поверхности Ледника прямо к востоку; идти нам придется километров восемьсот. Там, где один из языков Ледника изгибается к северу вблизи залива Гутен, мы спустимся вниз, повернем на юг, и нам останется пройти последние восемьдесят-сто километров по болотам Шенши, которые зимой скрываются под шестиметровой толщей снега, до самой границы Кархайда.

Маршрут целиком пролегал вдали от обитаемых или хоть сколько-нибудь пригодных для обитания районов. Так что встреча с Инспекторами нам вообще не грозила, и это, вне всякого сомнения, было особенно важно: у меня никаких документов не было и в помине, а Эстравен сказал, что его документы просто не выдержат еще одной подделки. К тому же я, хоть и мог сойти за гетенианца, все же при более внимательном рассмотрении явно от них отличался. Уже по одной только этой причине путь, который предложил Эстравен, был выбран в высшей степени удачно.

Во всех же остальных аспектах затея эта была абсолютно безумна.

Свое мнение, впрочем, я оставил при себе: я на самом деле считал, что лучше умереть на пути к свободе, если уж придется выбирать, где умереть лучше. Эстравен, однако, все еще перебирал в уме различные варианты. На следующий день, который мы целиком посвятили сборам и погрузке вещей на сани, он вдруг спросил:

— Если вы пошлете сигнал на Звездный Корабль, то когда он сможет прибыть сюда?

— Потребуется от восьми до четырнадцати дней — в зависимости от точки его нахождения на солнечной орбите. Может быть, он сейчас весьма далеко от Гетен.

— А быстрее нельзя?

— Нельзя. Межгалактические скорости нельзя использовать внутри одной солнечной системы. Корабль требуется сажать вручную, используя его посадочный двигатель. А на это потребуется как минимум дней восемь. А что?

Он плотно натянул веревку, завязал узел и только потом ответил мне:

— Я все думал, не лучше ли попытаться искать помощи у вашего мира, поскольку мой мир нам помощи явно не окажет. В Туруфе есть радиомаяк.

— Мощный?

— Не очень. Ближайший крупный радиопередатчик ско-

рее всего в Кухумее; это километрах в шестистах отсюда к югу.

— Кухумей ведь большой город, да?

— Двести пятьдесят тысяч.

— Плохо. Придется где-то прятаться неизвестно сколько, а Сарф, поднятый по тревоге, будет рыскать вокруг... Отсидеться вряд ли удастся.

Он кивнул.

Я вытащил последний мешочек с зернами кадик из палатки, пристроил его в подходящую щель между тюками и сказал:

— Если бы я тогда сразу, в ту же ночь в Мишнори, вызвал корабль... в ту ночь, когда вы сказали, чтобы я... в ту самую ночь, когда меня арестовали... Но мой ансиблъ был у Обсла; он, по-моему, и сейчас еще у него.

— Он может воспользоваться им?

— Нет. Это невозможно даже случайно, просто наугад крутя ручку. Настройка его исключительно сложна. Но если бы тогда я им воспользовался сам!..

— Если бы тогда я сам наверняка знал, что игра уже окончена... — откликнулся Эстравен с улыбкой. Он был не из тех, кто предается сожалениям.

— Но вы, по-моему, уже знали. Только вот я вам не поверили.

Когда сани были уложены, он настоял на том, чтобы остаток дня мы совсем ничего не делали — копили энергию. Лежа в палатке, он что-то быстро писал в маленькой записной книжке мелкими и острыми буквами — скорее всего то, что рассказано в прелыдущей главе. У него не хватало времени как следует вести свой дневник в течение прошлого месяца, что очень его раздражало; он весьма аккуратно вел его, воспринимая это как святую обязанность по отношению к своей семье, к своему Очагу в Эстре. Дневник как бы связывал его с домом. Это я, правда, узнал значительно позже, а в то время я и понятия не имел, что он там пишет, и сначала натирал мазью лыжи, а потом просто бездельничал. Громко насвистывая какую-то танцевальную мелодию, я вдруг оборвал себя; у нас ведь только одна палатка, и если нам предстоит в течение долгого времени делить этот кров, стараясь не слишком действовать друг другу на нервы, то, безусловно, надо быть сдержаннее, корректнее по отношению друг к другу... Эстравен, правда, лишь поднял голову, едва я засвистел, и совершенно спокойно посмотрел на меня. Без малей-

шего раздражения, даже, пожалуй, мечтательно. Потом сказал:

— Жаль, что я не знал о вашем корабле еще в прошлом году... Почему вас отпустили в чужой мир одного?

— Первый Посланник всегда работает в одиночку. Если один инопланетянин — всего лишь диковинка, то двое — уже вторжение.

— Дешево же ценится жизнь первого Посланника.

— Нет. В Экумене вообще ни одна жизнь не ценится дешево. Именно поэтому лучше подвергнуть риску жизнь одного человека, чем двоих или двадцати. Не говоря уж о том, что, как вы теперь знаете, совершить прыжок во времени — удовольствие довольно дорогое. Да и вообще, я ведь сам просил послать меня, сам вызвался.

— Честь обретешь, лишь рискуя, — сказал он, явно что-то цитируя, и смягчил торжественность своих слов: — Здорово же мы прославимся, когда доберемся до Кархайда...

И тут я вдруг почувствовал, что мы непременно доберемся до Кархайда, что мы обязательно пройдем этот бесконечный путь по горам, минуем все пропасти и трещины, чудовищные вулканы и ледники, замерзшие болота, замерзшие заливы — все это пустынное, бессприютное, безжизненное пространство в период зимних вьюг, посреди Ледникового Периода. Он сидел и писал в своем дневнике с таким же высокомерным терпением и упрямством, с каким безумный король Аргавен цементировал замковый камень на Новых Воротах. С тем же видом он сказал и «...когда мы доберемся до Кархайда...».

В этом *когда*, впрочем, звучала определенная надежда. Он намеревался достигнуть границы Кархайда к четвертому дню четвертого месяца зимы, Архад Аннер. А выйти в путь мы должны были тринаццатого числа первого месяца зимы, в день Торменбод Терн. Наших запасов пищи, которые он так хорошо распределил, хватило бы самое большее на три гетенианских месяца, то есть на семьдесят восемь дней; так что нам предстояло делать по двадцать километров в день и добраться до Кархайда за семьдесят дней, к намеченному дню Архад Аннер. Все было рассчитано точно. И теперь оставалось только хорошенко высстаться перед долгой дорогой.

Мы вышли на рассвете, надев снегоступы. Падал легкий снежок, ветра не было. Холмы укрывал снег *бесса*, то есть мягкий, пушистый, нетронутый; на Земле лыжники называют это снежной целиной. Сани были тяжелыми; Эстравен

полагал, что в целом они весят около ста килограммов. Ташить такие сани по рыхлому снегу оказалось довольно трудно, хотя они были очень удобные, легко управляемые и напоминали чудесную маленькую лодку; полозья их — настоящее чудо! — были покрыты особой полимерной пленкой, которая уменьшала трение практически до нуля, что, однако, порой страшно мешало, когда тяжеленные сани начинали «плыть» по снегу не в ту сторону. В итоге, учитывая глубину и рыхлость снега, а также бесконечные подъемы и спуски, мы решили, что лучше идти так: один тащит сани спереди, а второй толкает их сзади. Весь день непрерывно шел снег, легкий, пушистый. Дважды мы останавливались, чтобы перекусить. Бескрайняя холмистая страна словно застыла в молчании. Мы упорно продвигались вперед и не заметили, как спустились сумерки. На ночлег мы остановились в лощине, очень похожей на ту, которую покинули сегодня утром, между двумя укрытыми белым покрывалом холмами. Я настолько устал, что без конца спотыкался, но, несмотря на это, трудно было поверить, что день кончился так быстро. На указателе пройденного расстояния была цифра «20» — столько километров мы прошли сегодня.

Если мы смогли идти так быстро по рыхлому снегу с тяжелыми санями, да еще по такой местности, где каждая складка пролегала поперек заданного маршрута, то мы, безусловно, сможем двигаться значительно быстрее, оказавшись на ледниковом щите, где снег очень плотный, поверхность ровная, да и сани к тому времени станут куда легче. До выхода в путь я скорее заставлял себя верить Эстравену, теперь же я доверял ему полностью. Мы действительно доберемся до Кархайда за семьдесят дней.

— Вам уже приходилось путешествовать таким способом? — спросил я его.

— На санях? Часто.

— На большие расстояния?

— Как-то раз осенью я ушел километров на триста к Леднику Керм. Только давно уже.

Нижний конец полуострова Керм, гористого и сильно выдающегося к югу, самой южной окраины субконтинента Кархайд, так же как и его северная часть, покрыт ледниками. Люди на Великом Континенте планеты Гетен живут как бы на узкой полоске между двумя белыми ледяными стенами. Дальнейшее уменьшение солнечной радиации всего лишь на восемь процентов, согласно подсчетам гетенианцев, заста-

вит эти стены сомкнуться. И тогда не останется ни людей, ни земли; только лед.

— А зачем вы ходили во Льды?

— Из любопытства, ради приключений. — Он поколебался и чуть улыбнулся: — Для нервной разрядки!

Это было одно из моих «экуменических» выражений.

— Ага: вы сознательно продлевали эволюционную тенденцию, заложенную изначально в человеческом существе, одним из проявлений которой и является страсть к исследованием.

Мы оба были довольны собой, сидя в теплой палатке, попивая горячий орш и дожидаясь, когда закипит каша из зерен кадик.

— Да, именно так, — сказал он. — Нас тогда было шестеро. Все очень молодые. Мой брат и я — из Эстре, четверо наших друзей — из Стока. У нас не было особой цели. Нам просто захотелось посмотреть на Теремандер, вершина которого торчала прямо над Ледником. Не многие видели ее с близкого расстояния.

Каша была готова; это было совсем не то, что застывший плотный комок вареных отрубей на Ферме Пулефен; по вкусу каша напоминала жареные земные каштаны и приятно обжигала рот. Прогревшись теперь и изнутри, я благодушно изрек:

— Самую лучшую еду я пробовал на Гетен всегда в вашем обществе, Эстравен.

— Но только не на том банкете в Мишинори.

— Это уж точно... Вы ведь ненавидите Оргорейн, не правда ли?

— Мало кто из жителей Орготы умеет по-настоящему готовить. Ненавижу Оргорейн? Нет, с какой стати? Как можно ненавидеть или любить целую страну? Тайб, правда, что-то в этом духе вещает, но я его способностями не обладаю. Я знаю каких-то определенных людей, города и фермы, холмы и реки, я знаю горы, знаю, как солнце скрывается за холмом на том или ином краю пашни; но какой смысл в том, чтобы проводить через все это границы и называть отрезанный таким способом кусок земли государством и переставать любить то, к чему новое название этого государства относится? Что значит любовь к своей стране? Ненависть к тому, что находится за ее пределами? И то и другое одинаково плохо. А может, это просто любовь к самому себе? Это, в общем, естественно, только не стоит превращать любовь к себе в добродетель или... в профессию. Поскольку я люблю

жизнь, я люблю и холмы княжества Эстре, но такая любовь никак не сопряжена с ненавистью, якобы определяемой территориальными границами. Иное *понимание* вещей мне, я полагаю, неведомо и недоступно.

В данном случае слово «понимание» было им явно употреблено в ханддаратском смысле: не воспринимаю абстракций, но воспринимаю конкретную вещь как таковую. В подобном мировосприятии было нечто женское, некий отказ от голых абстракций, от понятий идеального, некая покорность данности; мне лично это скорее было даже неприятно.

И все же, стараясь объяснить получше, он добавил:

— Человек, который не отвергает плохое правительство своей страны, глуп. Если бы нашей планетой правили хорошие люди, с какой радостью я служил бы им!

В этом мы друг друга понимали.

— Мне такая радость знакома, — сказал я.

— Да, так мне и показалось.

Я ополоснул чашки горячей водой и выплеснул воду, чуть приоткрыв войлочную дверь палатки. Снаружи была непроницаемая тьма; кружился мелкий легкий снежок, едва различимый в узкой полосе света. Я плотно закрыл дверцу, оказавшись снова в сухом благодатном тепле; мы расстелили спальные мешки. Он проговорил что-то вроде: «Передайте-ка мне чашки, господин Аи», а я сказал:

— Мы так и будем величать друг друга «господин» в течение всего перехода через Гобрин?

Он поднял голову, посмотрел на меня и засмеялся.

— А я не знаю, как следует вас называть.

— Мое имя Дженли Аи.

— Это я знаю. Но вы называете меня моим родовым княжеским именем.

— Но я ведь тоже не знаю, как можно вас называть.

— Харт.

— Тогда пусть я буду Аи. А кто называет друг друга просто по имени?

— Братья или друзья, — сказал он; эти слова прозвучали как бы издалека — не достать и не увидеть, — хотя между нами было всего полметра, да и вся палатка — метра три по диагонали. Что ответить на это и что может звучать более высокомерно, чем откровенность? Охладив свой пыл, я нырнул в меховой спальник.

— Спокойной ночи, Аи, — сказал один инопланетянин.

И другой инопланетянин ответил:

— Спокойной ночи, Харт.

Друг. Что значит друг в этом мире, где любой друг может стать твоей возлюбленной с новым приходом луны? Но только не я, навсегда запертый в рамках своей «мужественности»: не мог я быть другом Терему Харту, как и никому другому из его расы. Расы то ли мужчин, то ли женщин. Ни тех ни других, но тех и других одновременно, подчиненных странным циклическим изменениям, зависящим от фаз луны, меняющих свой пол при прикосновении ладоней. Оборотни уже с колыбели. Мы не были с ними одной крови; не могли они быть моими друзьями; не могло быть между нами любви.

Мы уснули. Лишь раз я проснулся среди ночи и услышал, как густой снег, падая, мягко шуршит снаружи.

Эстравен поднялся на рассвете и стал готовить завтрак. Разгорался ясный день. Мы нагрузили сани и снялись с места, когда солнце едва коснулось верхушек коряевых кустарников, окаймлявших лощину. Эстравен впрягся в сани спереди, я толкал сзади, заодно правя рулем. Снег начал покрываться корочкой; на гладких склонах мы бежали вниз, словно ездовые собаки. В тот день мы сначалашли по опушке лесного массива, что граничит с территорией Фермы Пулевен, потом пошли напрямик. Лес состоял из карликовых деревьев тор, толстых, кривоногих, с ледяными хвойными бородами. Мы не осмелились выйти на главную дорогу, что вела прямо на север, однако порой пользовались тропками, ведущими к лесозаготовкам. В лесу поддерживался безукоризненный порядок, там не было ни валежника, ни подлеска, так что мы относительно легко и быстро продвигались вперед. В лесу Тарренпет поверхность была значительно более ровной, крутых склонов почти не попадалось. Судя по счетчику, мы прошли почти тридцать километров, а устали гораздо меньше, чем накануне.

Одно из преимуществ зимы на планете Гетен — долгие и светлые дни. Орбита планеты проходит под очень незначительным углом к своей эклиптике, так что продолжительность дня в низких и высоких широтах различается мало. Смена сезонов здесь не зависит от северного и южного полушарий; она происходит одновременно на всей планете вследствие ее движения по эллипсоидной орбите. Двигаясь с наименьшей скоростью, в точке афелия Гетен каждый раз теряет достаточно солнечного тепла, чтобы изменить к худшему и без того тяжелые погодные условия: окончательно заморозить то, что уже стало достаточно холодным, превращая дождливое серое лето в жестокую белоснежную зиму.

Будучи сезоном более сухим, чем остальные, зима здесь могла бы быть даже приятной, если бы не страшные холода. Солнце при ясной погоде светит вовсю и зимой; здесь нет медленного исчезновения света и смены полярного дня полярной ночью, как это происходит на полюсах Земли, где холод и ночь приходят одновременно. Зима на планете Гетен солнечная, страшно жестокая, но все-таки... солнечная!

Три дня мы пробирались через лес Тарренпет. В тот день, когда мы вот-вот должны были выйти из него, Эстравен сделал остановку неожиданно рано, мы разбили лагерь, и он отправился ставить силки. Ему хотелось поймать несколько пестри. Это одно из наиболее крупных животных планеты, размером примерно с лису. Пестри — яйцекладущие травоядные зверьки с замечательным мехом, серым или белым. Однако Эстравена интересовало прежде всего их мясо, ибо пестри вполне съедобны. В это время они как раз мигрировали к югу огромными стаями; они так легконоги и нелюбопытны, что мы за все эти дни видели всего двух-трех зверьков, однако снег был испещрен их следами, особенно на прогалинах. Пестри явно направлялись к югу. Ловушки Эстравена были полны уже через час или два. Попалось шесть зверьков. Он освежевал тушки, подвесил на ветку несколько кусков мяса, чтобы как следует замерзли, а из остальных приготовил рагу нам на ужин. Гетенианцы не охотники, да здесь особенно и не на кого охотиться: нет ни крупных травоядных, ни крупных хищников, которые, впрочем, кишат в морях. Здесь в основном занимаются рыбной ловлей и земледелием. Я еще никогда не видел гетенианца с обагренными кровью животного руками.

Эстравен посмотрел на белоснежные шкурки.

— Продав это, охотник на пестри мог бы безбедно существовать целую неделю, — сказал он. — Зря пропадут. — И протянул мне одну.

Мех был таким мягким и густым, что нежное его прикосновение почти не ощущалось. Наши спальные мешки и куртки с капюшонами — все было подбито этим самым мехом, замечательно теплым и очень красивым.

— Вряд ли стоило убивать их, — сказал я. — Ради рагу.

Эстравен быстро глянул на меня своими темными глазами и бросил только:

— Нам нужен белок.

Потом отшвырнул шкурки прочь, подальше от палатки, где за ночь русси, маленькие крысозмеи, сожрут не только

сами шкурки, но и все остальное и вылижут до чиста окровавленный снег.

Он был прав; в общем-то, он был прав. В каждом пестри было около килограмма вполне съедобного мяса. Я и не заметил, как съел свою порцию. И готов был съесть в два раза больше. На следующее утро, когда мы снова начали подъем, я толкал сани с удвоенной энергией.

Весь тот день мы шли вверх. Густой снег, плотный снеговой покров и *крохсет* — безветренная погода при температуре от -5 до -15°C , — сопровождавшие нас во время перехода через лес Тарренпет и помогавшие нам скрыться от возможных преследователей, теперь сменились, к сожалению, плюсовой температурой и дождем. Я на собственной шкуре начинал понимать, почему гетенианцы жалуются на погоду, если температура зимой поднимается выше нуля, и радуются, когда вновь подмораживает. В городе дождь зимой — всего лишь неудобство; однако для путешественника по диким краям это настоящая катастрофа. Мы все утро волоком втаскивали сани, карабкаясь по отрогам Сембенсиена в густой каше из размокшего снега. К полудню на самых крутых склонах снега почти не осталось. С неба обрушивались потоки дождя, под ногами на многие километры вокруг — грязь, щебень, валуны. Мы заменили полозья в санях колесами и продолжали тащиться вверх. Став обычной колесной повозкой, сани повели себя исключительно гнусно: каждую минуту они увязали в грязи или опрокидывались. Стемнело прежде, чем мы успели подыскать какое-нибудь укрытие — утес или пещеру, — чтобы разбить палатку, так что, несмотря на наши усилия, все промокло насеквоздь. Эстравен говорил, что такая палатка, как у нас, должна хорошо сохранять тепло при любой погоде, однако до тех пор, пока внутри нее будет сухо. «Если у нас не будет возможности высушить по-клажу, мы всю ночь будем мерзнуть, и высаться не удастся. Этого мы себе позволять не должны: у нас слишком ограниченные запасы пищи, так что силы терять нельзя. А если нельзя будет рассчитывать и на солнце, которое могло бы высушить вещи, то придется просто смириться с тем, что они мокрые». Я тогда слушал его очень внимательно и всегда старался по его примеру удалить с поверхности палатки всякий лишний снег, так что внутри влажность была минимальной. Влага, естественно, конденсировалась, но в основном когда готовили еду или просто от нашего дыхания. Но сегодня ночью все промокло насеквоздь прежде, чем мы успели поставить палатку. Мы прижались друг к другу возле печки и

быстроенько приготовили жаркое из пестри, горячую и сытную еду, вполне компенсирующую все энергетические затраты. Счетчик показал, что, несмотря на наши героические усилия, за весь день мы прошли только четырнадцать километров.

— Впервые мы сделали меньше нормы, — сказал я.

Эстравен кивнул и аккуратно разгрыз косточку, высасывая мозг. Он снял и разложил на просушку мокрую верхнюю одежду, так что сидел в одной рубахе с распахнутым воротом, в легких штанах и босиком. Я же недостаточно согрелся даже для того, чтобы снять куртку, хайэб и теплые сапоги. А он сидел себе и грыз мозговые косточки как ни в чем не бывало, аккуратный, собранный, выносливый; его гладкие, похожие на звериную шерсть волосы отталкивали влагу, словно птичьи перья; с них капало прямо ему на плечи, как весной с крыши, но он этого даже не замечал. Он не был ни удручен, ни обескуражен. Это была его родина.

Уже после нашей первой мясной трапезы у меня немножко болел живот. Ночью же боли стали очень сильными. Я провалялся без сна во влажной тесноте палатки, слушая непрерывный дождь.

За завтраком Эстравен сказал:

— У вас была тяжелая ночь.

— Откуда вы знаете? — Он спал очень крепко и не шелохнулся, даже когда я выходил из палатки.

Он снова метнул в меня тот свой взгляд — взгляд выdry:

— В чем дело?

— Желудок расстроился.

— Это из-за мяса, — мрачно сказал он и нахмурился.

— Я тоже так думаю.

— Это моя ошибка. Я должен был...

— Да все уже в порядке.

— Вы можете идти?

— Вполне.

Дождь лил и лил. Западный ветер с моря принес оттепель, было выше нуля даже здесь, на высоте примерно полутора километров над уровнем моря. Видимость была не более двухсот метров, все скрывалось в густой серой дымке и потоках дождя. Что за склоны вздымались теперь над нашими головами, я даже не рассмотрел: все равно ничего видно не было, лишь бесконечные нити дождя. Мы шли по компасу, стараясь держаться северного направления, насколько позволяли уже довольно крутые склоны гор.

Сами Льды были уже близко, сразу за этими горами.

Сотни тысяч лет Ледник полз по этой северной местности, то наступая, то отступая; везде остались его следы — гранитные валуны морен, прямые и длинные борозды, словно вырубленные в камне гигантским долотом. Мы иногда могли тащить свои сани по такой борозде, словно по дороге.

Я изо всех сил налегал на постремки: эта тяжелая работа согревала меня. Когда мы остановились перекусить, голова у меня кружилась от слабости, меня знобило, и есть я не стал. Снова двинулись в путь, снова без конца карабкались вверх. Дождь лил, лил, лил. Эстравен решил разбить лагерь под огромным выступом черной скалы, когда до вечера было еще далеко. Он уже успел поставить палатку, пока я с трудом «распрягался», и приказал мне немедленно лечь.

— Да все в порядке, — возразил я.

— Нет, не в порядке, — сказал он. — Идите и ложитесь.

Я подчинился, но мне не понравился его тон. Когда он сам вошел наконец в палатку, неся то, что нам нужно было для ночлега, я принялся готовить еду, поскольку была моя очередь. Он тем же повелительно-высокомерным тоном велел мне лежать спокойно.

— Не нужно мне приказывать, — сказал я.

— Простите, — сурово ответил он, не оборачиваясь.

— Я не болен, вы же знаете.

— Нет, я не знал. Если вы не будете говорить мне о своем самочувствии честно, я вынужден буду вести себя в соответствии с тем, как выглядите. Вы еще явно не восстановили свои силы, а подъем был тяжелым. Мне неизвестны пределы вашей выносливости.

— Я вам скажу, когда достигну этих пределов.

Меня раздражала его опека. Он был на голову ниже меня, да и фигура у него была скорее женской, а не мужской: больше жира, чем мускулов. Когда мы вместе впряженлись в сани, я вынужден был шагать не так широко, чтобы приспособиться к нему, и сдерживать свою силу, чтобы он не выдохся окончательно: жеребец в одной упряжке с мулом...

— Значит, вы больше не больны?

— Нет. Хотя, конечно же, я устал. Как и вы, впрочем.

— Да, я тоже устал, — сказал он. — Я очень беспокоился из-за вас. Впереди еще долгий путь.

Он и не думал меня опекать. Он просто с самого начала считал, что я болен, а больные обязаны подчиняться. Он был совершенно искренен и ожидал ответной искренности, а я, возможно, и не смог бы быть искренним по отношению к нему. Он, в конце концов, вообще понятия не имел, что

такое мужская гордость; у него была только его собственная, гетенианская гордость.

С другой стороны, если бы он мог несколько уступить требованиям своего шифгретора — что, по моему теперешнему разумению, он и проделал в отношениях со мной, — то и я, возможно, мог бы поступиться некоторыми понятиями «мужской чести», о которых он знал столь же мало, как и я о его шифгреторе...

— Сколько мы сегодня прошли?

Он посмотрел и чуть-чуть, но вполне добродушно усмехнулся.

— Девять километров, — сказал он.

На следующий день мы прошли одиннадцать, потом — четырнадцать, а еще через день вышли из-под нависших дождевых туч, а также из обитаемых земель. Это случилось на девятый день нашего путешествия. Теперь мы находились на высокогорном плато, на высоте около двух километров, и везде были следы недавних геологических подвижек и вулканических извержений. Перед нами вздымались знаменитые Огненные Холмы массива Сембенсиен. Плато постепенно понижалось, переходя в долину, а долина, сужаясь, превращалась в ущелье между двумя горными хребтами. По мере того как мы все ближе подходили к ущелью, тяжелые дождевые тучи становились легче, постепенно рассеивались. Вскоре их яростно разогнал совсем ледяной, пронзительный северный ветер, оголявший острые вершины скал справа и слева от нас; черный базальт, покрытый кое-где снегом, словно яркое лоскутное одеяло, раскинутое по скалам, вдруг осветило вынырнувшее из туч солнце. Впереди простирались исхлестанные и обнаженные пронзительным ветром каменистые складчатые долины, зажатые меж гор, ступенями спускающиеся на многие сотни метров вниз, полные льда и валунов. А за этими долинами возвышалась огромная стена изо льда, и, поднимая глаза все выше и выше до самой верхней кромки, мы видели лишь Его Величество Лед. Ледник Гобрин, ослепительный и бескрайний, простирающийся на север, куда-то за горизонт, — беспредельная белизна, на которую было больно, невозможно смотреть.

Из долин, заполненных валунами и галькой, среди бесчисленных утесов и оползней, у самой кромки гигантского ледяного поля беспорядочно поднимались черные горные вершины, словно это чудовищное месиво изо льда и камней вспутилось в отдельных местах черными неясными холмами, как бы открывающими ворота в иную страну; мы стояли в

этих воротах и смотрели, как навстречу нам тяжело ползут километровые языки дыма. А дальше над Ледником виднелись и другие остроконечные вершины и черные дымящиеся конусы вулканов. Дымы яростно вырывались из чудовищной пасти Великих Льдов, разверстой прямо в небеса.

Мы с Эстравеном стояли рядом в одной упряжке и глядели на этот поразительный, неописуемый, немыслимо пустынный мир.

— Я рад, что дожил до этого, — сказал он.

Я чувствовал примерно то же. Хорошо знать, что у твоего путешествия существует конец; но, в конце концов, самое главное — это само путешествие.

На этих обращенных к северу склонах дождей никогда не бывало. Бесконечные заснеженные поля спускались к ущелью, пропаханному мореной. Мы сняли и упаковали колеса, вновь надев полозья; встали на лыжи и двинулись в путь — вниз, на север, дальше, в безмолвное царство огня и льда, где на огромных черно-белых скрижалях гор словно было начертано: СМЕРТЬ, СМЕРТЬ. Сани шли превосходно и казались легкими как перышко, и мы смеялись от радости.

16. МЕЖДУ ДРАМНЕРОМ И ДРЕМЕГОЛОМ

Одирин Терн. Аи спрашивает, лежа в своем мешке:

— Что это вы там пишете, Харт?

— Так, дневник.

Он чуть усмехается:

— Мне бы тоже следовало вести дневник для архивов Экумены, но я никак не могу заставить себя делать это вручную, без диктофона.

Объясняю ему, что записки мои предназначены для Очага Эстре, а потом их в соответствующем виде включат в летопись истории княжества; разговор наводит меня на мысль о родном Доме, о сыне, я снова стараюсь отвлечься и спрашиваю Аи:

— А ваш родитель... ваши родители, так, кажется, — они живы?

— Нет, — говорит он. — Умерли семьдесят лет назад.

Я в страшном изумлении. Аи всего-то лет тридцать, не больше.

— У вас, наверное, год другой протяженности? Вы иначе считаете время?

— Нет. А, понял! Дело в том, что я совершил прыжок во

времени. От Земли до Хайна расстояние двадцать световых лет; от Хайна до Оллюль — пятьдесят; от Оллюль сюда — семнадцать. Из-за прыжков во времени получается, что я прожил вне Земли всего семь лет, а на самом деле я родился там сто двадцать лет назад.

Уже давно, еще в Эренранге, он объяснял мне, как сокращается протяженность времени в межзвездных кораблях, которые летят почти так же быстро, как свет от одной звезды до другой, но я как-то не соотнес этот факт с протяженностью человеческой жизни или с жизнями тех, кого космический путешественник оставляет на своей родной планете. Для него всего несколько часов на этом невообразимом корабле, летящем меж звезд, равны целой жизни тех, кого он оставил дома; его близкие стареют и умирают, успевают постареть и их дети... После долгого молчания я сказал:

— А я считал изгнаником себя.

— Вы стали им ради меня, я — ради вас, — ответил он и засмеялся. Легко прозвучал его радостный смех, нарушив тяжелую тишину. Эти три дня, после того как мы вышли из ущелья, были наполнены тяжелым трудом и не слишком приблизили нас к конечной цели, но Аи больше не впадает в уныние, как не лелеет и чрезмерных надежд, и ко мне он теперь относится значительно терпимее. Возможно, его организм с течением времени освобождается от наркотиков, а может быть, мы просто приспособились друг к другу, научились вместе тащить одни сани?

Весь сегодняшний день мы потратили на спуск с базальтового лба, на который вчера целый день взбирались. Из долины ущелье казалось вполне хорошей дорогой, ведущей прямо на Ледник, но чем выше мы поднимались, тем больше попадалось каменистых осипей и огромных скользких валунов, подъем становился все круче, так что иногда даже и без саней мы не могли сразу преодолеть его. Сегодня мы снова спустились к самому основанию моренной гряды, в каменную долину. Здесь ничего не растет. Скалы, щебень, валуны, глина, жидкая грязь. Один из языков Ледника протянулся сюда, за пятьдесят или сто лет дочиста обгладав земные «кости»; исчезла сама плоть планеты, как и ее травяной покров. Поднимающийся из бесчисленных фумарол дымок сливаются над землей в тяжелую, медленно ползущую пелену. В воздухе пахнет серой. Примерно -10° С, ветра нет. Небо покрыто тучами. Надеюсь, что не будет сильного снегопада, пока мы не выберемся из этого зловещего места между фумаролами и языком Ледника, который уже виден в

нескольких километрах к западу. Похоже на широкую ледяную реку, стекающую с плато меж двух вулканов, накрытых шапками испарений и дыма. Если мы сумеем спуститься на Ледник со склона ближайшего вулкана, то, возможно, путь на сам ледниковый щит будет значительно легче. К востоку от нас ледяной язычок поменьше стекает в замерзшее озеро, но не прямо, а извиваясь, и даже отсюда видны в его поверхности глубокие трещины; нам, с нашим теперешним снаряжением, по такой поверхности не пройти. Мы договорились попробовать добраться до Великих Льдов по ледяной реке меж двух вулканов, хотя для этого сначала придется идти на запад и мы, таким образом, теряем по крайней мере два дня пути: один — чтобы добраться до сползшего ледяного языка, второй — чтобы восстановить прежнее направление.

Оппостхе Терн. Начался незерем¹. При нем двигаться вперед нельзя. Оба весь день проспали. Почти полмесяца мы без устали тащим сани; сон пойдет нам на пользу.

Отторменбод Терн. Незерем. Выспались. Аи научил меня играть в го; у них есть на Земле такая игра; играют на расчерченной квадратиками доске маленькими камешками. Прекрасная игра и очень трудная. Он шутит, говорит, камешков для игры в го здесь более чем достаточно.

Он уже неплохо приспособился к холodu, а если соберет все мужество, перенесет его не хуже снежного червя. Странно видеть, как он кутается в хайэб и плащ с поднятым капюшоном, когда и мороза-то еще никакого нет. Но, когда мы впряженемся в сани, особенно при солнце и не слишком пронзительном ветре, он вскоре тоже снимает плащ и даже начинает потеть, как и мы. Постоянно спорим по поводу печки: ему все хочется включить ее на максимум, я же предпочитаю минимальный нагрев. То, что приятно одному, тут же приводит к воспалению легких у другого. Так что мы придерживаемся золотой середины: он дрожит от холода и согревается только в спальном мешке, а я, если залезаю в свой, купаюсь в поту, но, если учесть, откуда мы оба попали в эту маленькую палатку, которую нам придется не так уж долго делить, в целом мы уживаемся вполне хорошо.

Гетени Танерн. Пурга прекратилась, небо ясное. Ветер стих. Термометр весь день показывает около -10°C . Мы разбили лагерь у самого основания западного склона ближайшего к нам вулкана: на моей карте Оргорейна он обозна-

¹ Незерем — мелкий сухой сильный снег, пурга при умеренном ветре (Дж. Ау).

чен как Дремегол. Его дружок, тот, что на том берегу ледяной реки, называется Драмнер. Карта очень плохая; например, к западу отчетливо видна высокая вершина, на карте даже не отмеченная; масштаб совершенно не соблюден. Жители Орготы явно не слишком часто посещают свои знаменитые Огненные Холмы. В общем-то, здесь действительно нечем особенно любоваться, разве что величием природы. Сегодня прошли пятнадцать километров, дорога очень тяжелая, сплошные камни. Аи уже спит. Я порвал связку на стопе — как последний дурак дернул ногу, застрявшую между камней. Весь день хромал. Ночной отдых, надеюсь, залечит. Завтра, по моим расчетам, мы должны были бы спуститься на Ледник.

На первый взгляд кажется, что запасы пищи у нас уменьшаются катастрофически, но это только потому, что едим мы наиболее объемные и тяжелые продукты. У нас было килограммов двадцать пять — тридцать таких припасов, половина из них — украденное в Туруфе; через пятнадцать дней пути около восемнадцати килограммов было съедено. Теперь я уже начал использовать гиши-миши — по фунту в день на каждого, — отложив про запас два мешочка кадик, немного сахара и коробку рыбных сухариков — для разнообразия. Я рад избавиться от добывших в Туруфе продуктов: сани стало тащить куда легче.

Сорди Танерн. Температура —5° С. Снег с дождем, который тут же превращается в лед. Ветер мчится вниз по ледянной реке, словно горный поток по узкому ущелью. Палатку поставили в полукилометре от края Ледника, на длинной ровной полосе фирна. Спуск с крутого склона Дремегола был тяжелым: без конца голые скалы и каменистые осыпи; край Ледника покрыт глубокими трещинами; огромное количество гальки и валунов вмерзло в лед, так что пришлось попытаться снова поставить сани на колеса. Но уже через какие-то сто метров колесо напрочь заклинило, а ось погнулась. С тех пор пользуемся только полозьями. Сегодня прошли всего шесть километров; до сих пор еще не повернули туда, куда нам нужно. Извивающийся язык Ледника, похоже, изгибается плавной дугой к западу, где он когда-то сошел с ледяного плато. Здесь меж двух вулканов ледянная река в ширину не менее пяти километров, и по ней, если держаться ближе к середине, идти, видимо, будет не слишком трудно, хотя трещин во льду оказалось гораздо больше, чем я предполагал, да и поверхность далеко не идеальная — слишком много камней.

Драмнер весьма активен. Ледяная корка, облепившая нам губы, пахнет дымом и серой. Целый день над вершиной Драмнера висит темная туча, ниже мрачных серых небес. Время от времени все вокруг — черная туча, ледяной дождь, серые небеса — вспыхивает темно-красным, потом, словно подернутые пеплом угли, снова темнеет неспешно. Лед под ногами слегка вздрагивает.

Эскичье ремир Гер высказал предположение, что вулканическая активность в северо-западном Оргорейне и на Архипелаге в течение последних десяти-двадцати тысячелетий непрерывно росла и продолжает возрастать — явное свидетельство конца Ледникового Периода или как минимум ослабления холодов. Наступает межледниковый период. Двухокись углерода, выделяемая вулканами в атмосферу, со временем превратится в достаточно плотную изолирующую пленку, которая будет создавать и известный парниковый эффект, задерживая тепло, излучаемое планетой, и одновременно пропуская в атмосферу солнечные лучи. В связи с этим среднегодовая температура, по мнению этого ученого, повысится в итоге градусов на тридцать и достигнет примерно 20° С. Я рад, что меня тогда уже не будет в живых, Аи говорит, что подобные теории выдвигались и их учеными относительно последнего, все еще не завершившегося ледникового периода на Земле. Все подобные теории, впрочем, в большинстве своем одинаково неопровергимы и недоказуемы; никто точно не знает, отчего Великие Льды приходят, а потом уходят. Снежный покров Неведения доселе остается нетронутым.

Над Драмнером в темноте полыхает неяркое, но мощное зарево.

Эпс Танерн. По счетчику сегодня прошли двадцать два километра, но по прямой мы не далее чем в десяти километрах от нашей вчерашней стоянки. Все еще находимся в заливе льдом ущелье между двумя вулканами. Драмнер все больше активизируется. Черви огня ползут, извиваясь, по его черным бокам, их видно, когда ветер разгоняет мутные кипящие облака дыма и белого пара. В воздухе непрерывно слышится какое-то шипение, бормотание, это как бы дыхание самой земли, и оно настолько всеобъемлюще, что, если специально остановиться и прислушаться, можно и не уловить отдельных вздохов; тем не менее оно захватывает тебя целиком, до мельчайшей клеточки. Ледник сотрясается, чихает и кашляет, подпрыгивая у нас под ногами. Все сугробовые наносы, прикрывавшие щели и пропасти, исчезли, их как бы

стряхнуло, сбило вниз этими непрерывными толчками, этой дрожью Великих Льдов, а под ними — самой земли. Мы то движемся вперед, то возвращаемся назад, без конца пытаясь определить границы очередной щели, вполне способной проглотить без следа и нас, и наши сани. Потом все повторяется снова: мы пытаемся идти на север, но постоянно что-то заставляет нас двигаться то на запад, то на восток. Над нашими головами Дремегол из сочувствия к страданиям Драмнера тоже ворчит и испускает вонючие дымы.

Этим утром Аи сильно обморозил лицо: нос, уши, подбородок — все было мертвенно-серым, когда я случайно взглянул на него. Я быстренько растер его как следует, так что опасность миновала, однако следует быть осторожнее. Тот ветер, что дует на нас как бы сверху, с Ледника, прямо-таки дышит смертью; а мы, когда тащим сани, вынуждены все время идти к ветру лицом.

Хорошо было бы поскорее выбраться из узкого ущелья и сойти с морщинистой лапы Ледника, протянувшейся между двумя ворчащими чудовищами. На горы лучше смотреть издали. Лучше не слушать, когда они начинают говорить.

Архад Танерн. Погода удачная, соув, около —10° С. Сегодня прошли около двадцати километров и примерно на пять приблизились к цели; северный край Гобрина в вышине стал виден значительно отчетливее. Теперь очевидно, что его ледяная рука в ширину не меньше нескольких десятков километров, а тот ледничок, что просунулся в ущелье между Драмнером и Дремеголом, — всего лишь один палец этой гигантской ледяной руки; теперь мы взобрались как бы на тыльную сторону «ладони». Когда смотришь назад от нашей сегодняшней стоянки, то видно, что ледниковая река вся в трещинах, она словно проткнута и разорвана черными дымящимися вершинами гор, которые препятствуют ее плавному течению. А если посмотреть вперед, то увидишь, как ледяной поток ширится, восходя к небесам, медленно изгибаясь и подминая под себя темные попеченные складки земли, и там вдали, в вышине, сливается с ледяной стеной, окутанной вуалью облаков, дымом и снежной пеленой. С неба на нас вместе со снегом падают пепел и зола, снег буквально пропитан выбросами вулканического организма; они покрывают его поверхность, вмерзли в лед. Идти довольно легко, зато трудно тащить сани; на полозьях уже пора менять покрытие. Раза два-три выпавшие из жерла вулкана острые камни вонзались в снег совсем рядом с нами. Сопротивляясь холodu, они из последних сил громко шипели, прожигая отверстие в ледниковом щите. Вокруг слышится шур-

шание и стук отяжелевшей от пепла снежной крупы. Мы карабкаемся вверх, к северу бесконечно медленно, через грязь и хаос нарождающегося нового мира.

Слава же незавершенности мира!

Нетерхад Танерн. С утра снег совсем не идет; на небе сумрачные тучи, ветрено. Температура около —10° С. Бесчисленные ледяные речки и ручьи отовсюду стекаются в долину, распластертую перед нами; мы же находимся в самой восточной ее точке. Дремегол и Драмнер остались далеко позади, хотя острая вершина Дремегола все еще торчит на востоке, практически на уровне глаз. Мы теперь всползли, вскарабкались наконец на сам Ледник и должны выбирать: либо следовать течению ледовой реки и двигаться на запад, а затем наверх, к плато Гобрин, либо осуществить весьма рискованный подъем по ледяным утесам километрах в полутора от нашей сегодняшней стоянки, благодаря чему можно сэкономить километров тридцать-сорок очень тяжелого пути.

Аи предпочитает рискнуть.

Есть в нем какая-то непонятная хрупкость. Он весь кажется незащищенным, открытым, уязвимым; даже половые его органы всегда находятся снаружи, и он не может втянуть их в брюшную полость, спрятать. Зато он сильный, невероятно сильный. Не уверен, что он смог бы тащить сани дольше, чем я, но он может тащить более тяжелый груз и значительно быстрее, чем я, — раза в два. Он, например, легко может поднять сани за передок или за корму, чтобы устранить какую-либо помеху, вытащить камень. Я не могу ни поднять, ни тем более удержать на весу такую тяжесть, разве что в состоянии дотхе. Странная смесь хрупкости и силы в нем прекрасно сочетается со способностью легко предаваться отчаянию и столь же легко бросать вызов судьбе. Неукротимая нетерпеливая храбрость. Та монотонная, тяжкая, отчасти даже унизительная работа, которую мы выполняли все это время, настолько извела его, что, будь он представителем моей расы, я бы счел его трусом; однако он ни в коем случае не трус; он всегда готов к смелому, мужественному поступку, я такой готовности больше ни в ком не встречал. Он всегда готов к решительным действиям, полон энтузиазма, готов поставить собственную жизнь на кон в любой жестокой и рискованной авантюре.

«Огонь и страх — хорошие слуги, да плохие хозяева», — говорят у нас. Он заставляет страх служить ему. Я бы позволил страху вести меня кружным, длинным путем. Смелость и уверенность всегда при нем. Есть ли смысл искать более безопасные пути во время такого путешествия? Существуют,

правда, пути бессмысленные, по которым я никогда не пойду, однако безопасного пути для нас нет.

Стрет Танерн. Не везет. Невозможно втащить сани на верх, хотя мы потратили на это весь день.

Густой снег соув сыплется как бы пригоршнями; снег смешан с пеплом; густой слой пепла лежит на всем. Весь день было почти темно, потому что ветер, то и дело менявший направление, снова подул с запада и принес целое облако вонючего дыма с Драмнера. На этой высоте подземные толчки ощущаются меньше, но нас все-таки здорово тряхнуло, когда мы пытались взобраться на выступ ледяного утеса; закрепленные было сани отцепились, и меня протащило вместе с ними метра на два вниз, но Аи успел крепко ухватиться за сани и спас нас обоих от падения к самому основанию утеса — с высоты по крайней мере метров шесть. Если один из нас сломает ногу или руку во время этих упражнений, то, возможно, путешествие для нас обоих будет окончено; честно говоря, весь риск именно в этом; перспектива довольно-таки безобразная, если как следует подумать. Долина у нас за спиной бела от пара: там извергающаяся лава соприкасается с вечными льдами. Теперь мы действительно не можем вернуться. Завтра начнем восхождение чуть западнее.

Берен Танерн. Не везет. Вынуждены были пройти еще дальше к западу. Весь день темно, словно вечером в сумерках. Легкие раздражены, но не от мороза — по-прежнему не очень холодно даже по ночам из-за западного ветра, — а от вулканических испарений и пепла. К вечеру второго дня, после очередной тщетной попытки взобраться, всползти на брюхе по изломанным страшным давлением ледяным утесам, где путь без конца преграждают то отвесные стены, то крутые выступы, после бесконечных подъемов чуть выше и падений вниз, вниз, вниз, Аи совершенно выбился из сил и потерял терпение. Он выглядел так, будто вот-вот заплачет, но не плакал. Я думаю, что он считает слезы чем-то нехорошим или постыдным. Даже когда он был совсем болен и слаб — в те первые дни нашего бегства, — он всегда прятал от меня лицо, если плакал. Каковы тому причины — личные ли они, или вся его раса ведет себя так? А может, эти представления имеют социальные корни, откуда мне знать? Я не знаю, почему Аи не должен плакать. И все же само его имя — это какой-то крик боли. Об этом я спросил его впервые еще в Эренранге; теперь кажется, что это было давным-давно. Услышав разговор о каком-то «инопланетянине», я спросил, как его имя, и услышал в ответ исходящий из человеческого горла крик боли в夜里. Теперь он спит. Его руки

дрожат и непроизвольно подергиваются от чрезмерной усталости. Мир вокруг нас — лед, скалы, засыпанный пеплом снег, огонь и ночная тьма — тоже вздрагивает, подергивается, что-то бормочет. Минуту назад, выглянув наружу, я увидел над вулканом сияние — словно бледно-красный цветок распустился прямо на брюхе нависших над горной тьмой тяжелых облаков.

Орни Танерн. Не везет. Это двадцать второй день нашего путешествия, и уже с десятого дня мы нисколько не продвинулись к востоку, совершенно зря потратили время и прошли лишних двадцать пять — тридцать километров к западу; с восемнадцатого дня пути мы вообще не продвинулись ни на шаг, с тем же успехом мы могли бы просто сидеть в палатке. А если мы когда-либо и в самом деле поднимемся на Ледник, то хватит ли нам теперь еды, чтобы пройти весь этот путь до конца? Я неотступно думаю об этом. Туман и дым не позволяют видеть далеко, так что мы даже не можем как следует выбрать направление. Аи готов идти на штурм в любом месте, каким бы крутым ни был подъем, даже если там не окажется ни единого выступа. Его раздражает моя осторожность. Нам непременно нужно следить за собой. Я через день-два вступаю в кеммер, так что малейшая неурядица может вызвать бурю. А пока мы бодаем лбами ледяные утесы в холодной полутиме, в тучах пепла. Если бы я писал новый Канон Йомеш, я бы именно сюда ссылал воров после смерти. Тех, например, что под покровом ночи крадут сумки с едой в городе Туруфе. Или тех, что крадут у человека его дом, его имя и с позором высылают его из страны. Голова пухнет от усталости; потом перечитаю написанное сегодня, сейчас не в силах.

Хархахад Танерн. Наконец-то! На двадцать третий день нашего путешествия поднялись на Ледник Гобрин. Сегодня утром, едва успели двинуться в путь, сразу заметили всего в нескольких сотнях метров от стоянки проход, ведущий прямо на Ледник, — широкую извилистую дорогу меж ледяных утесов с посыпанными пеплом обочинами, покрытую валунами и трещинами. Мы пошли прямо по ней, словно по набережной реки Сесс. И вот мы на Леднике. Снова идем на восток — идем домой.

Аи и меня заразил своей искренней радостью — результатом нашего успешного восхождения. Честно говоря, идти здесь ничуть не легче, чем раньше. Так же плохо. Идем по самому краю плато. Пропасти — а некоторые из них так велики, что в них может провалиться целая деревня, причем не просто дом за домом, а вся сразу, — уходят куда-то в глубь

Льдов, дна в них не видно. Чаще всего они пересекают наш путь, вынуждая двигаться на север, а не на восток. Поверхность плохая. Мы с трудом протаскиваем сани между огромными глыбами и осколками льда — кругом невероятный хаос, созданный напряжением и движением огромного ледникового щита, пролегающего между Огненными Холмами. Под страшным давлением толща льда складывается в складки, ломаясь, принимает забавные формы: перевернутых башен, безногих гигантов, катапульт. Здесь, обладая для начала «всего» полуторакилометровой толщиной, Ледник растет, крепнет, становится все мощнее, пытаясь преодолеть горные вершины, задушить молодые вулканы, обволакивая их своим молчанием. На севере, в нескольких километрах отсюда, прямо из Ледника торчит новая вершина — острый, совершенно голый каменный пик. Это молодой вулкан, на несколько тысяч лист моложе того ледяного чудовища, что жует и перемалывает скалы, чья шкура сплошь покрыта морщинами трещин и опухолями гигантских глыб и складок, достигая здесь двухкилометровой толщины, так что отсюда невозможно увидеть, где начинается эта стена.

Днем, в очередной раз свернув в сторону, мы увидели дымы над вулканом Драмнер; дымы висели серо-коричневой стеной и казались продолжением самого Ледника. Над ледниковым щитом постоянно дует северо-восточный ветер, очищающий воздух от тех мерзостных испарений и вони, которые извергают внутренности планеты и которыми мы дышали долгие дни; ветер разгоняет поднимающийся позади нас дым, который темной завесой скрывает дальние языки Ледника, и более низкие вершины гор, и каменистые долины, и всю остальную землю... Ледник как бы говорит: здесь нет ничего, кроме моих Льдов... Однако юный вулкан, что виден на севере, явно имеет на этот счет совсем иное мнение.

Снега нет, небо покрыто высокими перистыми облаками. Ночью на плато — 20° С. Под ногами — фирн, свежая ледяная корка и старый мощный лед. Молодой ледок таит страшную опасность, его скользкая голубоватая поверхность чуть замаскирована белой изморозью. Мы оба падали уже множество раз. На одном из особенно скользких участков я по крайней мере метров пять проехал на собственном брюхе. Аи в своей упряжке согнулся прямо-таки пополам от смеха. Потом извинился и объяснил, что раньше считал себя единственным человеком на планете Гетен, который способен вот так поскользнуться на льду.

Сегодня прошли восемнадцать километров; но если попробуем и впредь сохранять такую же скорость, двигаясь по

изломанной, заваленной ледяными глыбами, изрезанной глубокими трещинами и ледяными складками местности, то вскоре совершенно выбьемся из сил, если с нами не произойдет чего-нибудь похуже катания по льду на собственном брюхе.

Прибывающая луна висит низко, она буро-красного цвета, словно запекшаяся кровь; вокруг нее большой коричневато-красный сияющий круг.

Гъирни Танерн. Идет снег, поднялся ветер, мороз усилился. Сегодня опять прошли около восемнадцати километров, то есть с первого дня пути всего километров триста семьдесят. В среднем по пятнадцать в день или даже по семнадцать, если не учитывать те два дня, что нам пришлось пережидать пургу. Из пройденных километров по крайней мере сто двадцать, а то и все сто пятьдесят ни на йоту не приблизили нас к намеченной цели. Кархайд от нас сейчас почти так же далек, как и в самом начале пути. Зато теперь, как мне кажется, у нас появилось значительно больше шансов туда все-таки добраться:

С тех пор как мы вышли из загаженного извержением вулкана ущелья, после всех тягот трудного дневного перехода и бесконечных волнений у нас все-таки остаются еще душевые силы, так что мы снова стали подолгу беседовать, устроившись после ужина в палатке. Поскольку сейчас у меня кеммер, я предпочел бы вообще не видеть Аи, что весьма затруднительно, поскольку палатка у нас двухместная. Разумеется, основная трудность в том, что у него, благодаря любопытным особенностям земного организма, тоже как бы кеммер, причем постоянный. Должно быть, это весьма странное, необычное для гетенианцев и не слишком активное половое влечение, раз оно растянуто на целый год и всегда точно известно, к мужскому или женскому типу оно относится. Вот с чем я столкнулся, да еще в таком состоянии! Сегодня вечером мое возбуждение было довольно трудно не заметить, а я слишком устал, чтобы произвольно впасть в антитранс или как-то иначе подавить свои чувства в соответствии с учением Ханддары. В конце концов он спросил, не обидел ли он меня. Я с некоторым смущением объяснил собственное молчание. Боялся, что он станет надо мной смеяться. Он уже давно перестал быть для меня такой уж диковинкой или сексуальным извращенцем. Я сам таков. Здесь, на Леднике, каждый из нас униклен, каждый воспринимается как данность, по отдельности; я отрезан от мне подобных, от своего общества и его законов точно так же, как и он от своего. В этом ледянном мире не существует других ге-

тенианцев, способных подтвердить и объяснить мою нормальность. Наконец-то мы оба равны. Равны и чужды друг другу. И оба одиноки. Он, конечно же, смеяться не стал. Но в его обращении со мной вдруг проявилась такая нежность, о которой я и не подозревал: никогда не думал, что он может быть так мягок. Потом он заговорил об одиночестве, об изолированности от своего мира:

— Ваша раса удивительно одинока даже в своем собственном мире. Здесь нет больше никого из млекопитающих. Никого из двуполых. Нет даже достаточно разумных животных, которых можно было бы приручить. Это, безусловно, повлияло на образ вашего мышления — я имею в виду не только научное мышление, хотя вы обладаете просто поразительной способностью строить гипотезы. Не менее поразительно и то, что вы сумели выработать определенную концепцию эволюции, несмотря на непреодолимую пропасть между вами самими и находящимися на крайне низком уровне развития прочими живыми существами. Но я прежде всего имел в виду вашу философию и чувственное восприятие: быть единственным исключением в столь враждебной среде немыслимо трудно; это неизбежно должно было скаться на вашем мировоззрении.

— Последователи Йомеш сказали бы, что божественность человека и проявляется в его уникальности.

— Да, пожалуй. Человек — царь природы. Другие религии в других мирах сделали тот же вывод. Это чаще всего религии обществ динамичных, агрессивных, разрушительно действующих на экологию. Оргорейн тоже пошел по этому пути — со своими особенностями, конечно. Они, похоже, склоняются к тому, чтобы в итоге подчинить себе весь окружающий мир. А что по этому поводу говорят ханддараты?

— Что ж, в Ханддаре... понимаете, там не существует никакой теории, никаких догм... Возможно, ханддараты меньше обращают внимание на пропасти, что разделяют человека и животных, значительно больше интересуясь их сходством, их связями друг с другом, тем единством, тем целым, которое включает в себя все живые существа. — В тот день у меня все время в голове вертелись стихи Тормсера Лая, и я произнес их вслух:

Свет — рука левая тьмы,
Тьма — рука правая света.
Двое — в одном, жизнь и смерть,
И лежат они вместе.
Спелись нераздельно,
Как руки любых,
Как путь и конец.

Голос мой дрожал, когда я произносил эти строки: я вспомнил, как в своем предсмертном письме ко мне мой брат процитировал те же стихи.

Аи долго думал, потом сказал:

— Вы все одиноки и в то же время неотделимы друг от друга. Возможно, вы в той же степени находитесь под влиянием своей целостности, своего монизма, как мы — под влиянием дуализма.

— Но мы ведь тоже дуалисты. Двойственность мира — в основе всего, разве нет? Хотя бы пока существуют понятия «я» и «другой».

— Я и Ты, — сказал он. — Да, это действительно в конце концов значительно более широкое понятие, чем просто половая противопоставленность...

— Расскажи мне, каковы особенности представителей иного, чем твой, пола?

Он выглядел озадаченным; да, по правде говоря, и меня озадачил мой собственный вопрос; при кеммере иногда вылетают такие вот неожиданные вопросы, проявляются неожиданные эмоции. Нам обоим стало неловко.

— Я никогда об этом не думал, — сказал он. — А ты никогда не видел женщины. — Он использовал свое, земное слово, которое я знал.

— Я видел у тебя их изображения. Они — эти женщины — похожи на гетенианца в период беременности, только груди у них побольше. А они сильно отличаются от вас своим менталитетом, поведением? Может быть, это просто другая разновидность людей?

— Нет. Да. Нет, конечно же, нет. По крайней мере в основном. Но отличия очень существенные. Я считаю, что наиболее важным, определяющим фактором в жизни любого человека является то, кем он родился: мужчиной или женщиной. По большей части в человеческих обществах с этим фактором связано все: ожидания и надежды, трудовая деятельность, перспективы, кругозор, этика, внешность и поведение — почти все. Лексика. Семиотика. Одежда. Даже отношение к еде. Женщины... женщины обычно едят меньше мужчин... Невероятно трудно отделить врожденные различия полов от тех, что привиты цивилизацией. Даже в тех обществах, где женщины столь же социально активны, как и мужчины, им по-прежнему приходится и вынашивать детей, и — чаще всего — заниматься их воспитанием...

— В таком случае у вас равноправие вовсе не основной

закон? Может быть, они уступают мужчинам в умственном отношении?

— Не знаю. У них, похоже, не слишком часто проявляются способности к математике или композиции. Или к изобретательству, или просто к абстрактному мышлению. Но это не потому, что они глупее мужчин. Физически они немного слабее, но, с другой стороны, намного выносливее. Психологически же...

Он внезапно умолк, уставился на раскаленную печку и затих; потом потряс головой и сказал:

— Харт, ну не могу я объяснить тебе, что такое женщины! Я как-то никогда не думал об этом абстрактно и — о Господи! — практически позабыл, какие они, понимаешь? Я ведь уже два года здесь... Тебе этого не понять. В некотором смысле женщины для меня куда более чужие, чем ты. Куда большие «инопланетяне». С тобой я как-никак все-таки одного пола... — Он отвернулся и рассмеялся, горестно и неловко. У меня самого чувства были сложными, и мы оставили эту тему.

Иирни Танерн. Сегодня прошли двадцать пять километров. Двигались по компасу на северо-восток, шли на лыжах. Уже через час совершенно перестали попадаться торосы и трещины. Впряглись в сани цугом, я впереди со щупом, чтобы определить плотность покрова, однако в этом, как оказалось, не было нужды: фирн слоем в полметра покоится на мощном ледниковом щите, а сверху фирна насыпало еще по крайней мере сантиметров двадцать плотного снега; поверхность почти ровная. Идти очень легко и тащить сани ничего не стоит, даже трудно поверить, что на них еще по крайней мере килограммов тридцать поклажи. Весь день тянули сани по очереди — при такой замечательной поверхности и один мог с этим справиться без труда. Жаль, что самая трудная часть нашего путешествия — подъем и путь по каменистому ущелью — пришлась на те дни, когда сани были еще тяжело нагружены. Теперь мы идем налегке. Слишком налегке; я все время ловлю себя на мысли о еде. Питаемся мы, по словам Аи, словно эльфы. Весь день шли легко и быстро по ровной поверхности ледяного плато, абсолютно белой под сероголубыми небесами, по девственно чистым, нетронутым снегам, и эта ровная белизна лишь кое-где, далеко позади нас, как бы проткнута темными вершинами молодых вулканов, да еще совсем далеко, за этими вершинами, совсем над горизонтом, темная дымка — дыхание Драмнера. И вокруг ничего, лишь солнце под вуалью тумана и Лед.

Корнями этот миф уходит в доисторический период; он существует во множестве вариантов и версий. Это — одна из наиболее примитивных версий. Она взята из дойомешского письменного источника, обнаруженного в пещерном храме Исенпет обитаемых районов Ледника Гобрин.

В самом начале не было ничего, кроме льда и солнца.

За много-много лет солнце, растопив льды, выжгло в них глубокую трещину. По краям этой бездонной пропасти лежали большие ледяные глыбы самой различной формы. Ледяные глыбы таяли, и капли талой воды все падали и падали вниз, в пропасть. Одна из глыб сказала: «У меня кровь идет». Вторая сказала: «Я плачу». А третья сказала: «Я потею».

И тогда эти ледяные глыбы отодвинулись подальше от края пропасти и встали посреди ледяной равнины. Та, что сказала, что у нее идет кровь, дотянулась до солнца, вытащила пригоршню экскрементов из его живота и сотворила из них земляные холмы и поля. Та, что сказала, что плачет, дохнула на лед и, растопив его, создала моря и реки. Та, что сказала, что потеет, смешала землю и воду морскую и сотворила деревья, травы, полезные злаки, зверей и людей. Растения росли на земле и на дне морском, звери бегали по суше и плавали в водах океана, но люди никак не просыпались. И было их всего тридцать девять. Они спали на льду и не шевелились.

Тогда все три глыбы льда быстро согнулись и сели, задрав вверх колени, а потом позволили солнцу растопить их до конца. Они таяли, превращаясь в молоко, которое потекло прямо во рты спящих, и спящие проснулись. И молоко это с тех пор пьют лишь дети человеческие, ибо без этого молока не пробудятся они к жизни.

Первым пробудился Эдондурат. И таким он был высоким, что, когда встал, голова его задела небо, и выпал снег. Он увидел, что остальные ворочаются, просыпаясь, испугался того, что они двигаются, и от страха убил их одного за другим лишь слабым ударом своей огромной руки. Он успел убить уже тридцать шесть человек, когда один из спящих, предпоследний, убежал. И получил он имя Хахарат. Далеко убежал он по ледяной равнине, за земляные поля, а Эдондурат упорно преследовал его, наконец догнал и слегка удариł ладонью. Хахарат упал и умер. Тогда Эдондурат вернулся к Месту Рождения на Ледник Гобрин, где лежали тридцать

шесть мертвых тел, но последний оставшийся в живых человек исчез. Ему удалось спастись, пока Эдондурат преследовал Хахарата.

Из замерзших тел своих братьев Эдондурат построил дом, засел внутри и стал поджидать, когда вернется тот, оставшийся в живых. Каждый день один из мертвцев непременно спрашивал вслух: «Жжется ли он? Жжется ли он?» А остальные, едва ворочая замерзшими языками, говорили в ответ: «Нет, нет». Потом Эдондурат во сне вступил в кеммер, спал беспокойно, ворочался и разговаривал вслух, а когда проснулся, все мертвцы в один голос твердили: «Он жжется, жжется!» И тот последний, что остался в живых, самый младший его брат, услышал, как они говорят, и пришел в дом Эдондурата, построенный из мертвых тел, и они полюбили друг друга. А потом у них родились дети, от которых пошли разные народы; плоть от плоти Эдондурата были эти дети, из чрева Эдондурата вышли они в этот мир. Имя же второго брата и отца детей неизвестно.

При каждом из рожденных братьями детей была некая частица тьмы, которая следовала за ними повсюду, куда бы они ни пошли при свете дня. Эдондурат сказал: «Почему это моих сыновей повсюду преследует тьма?» А его кеммеринг ответил: «Потому что они родились в доме, построенном из мертвой человеческой плоти, вот смерть и преследует их по пятам. Они все — как бы посреди времен. В начале были только солнце и лед и не было никакой тени. В конце, когда мы исчезнем, солнце поглотит самого себя и тень поглотит свет, и тогда не останется ничего, только Лед и Тьма».

18. НА ЛЕДЯНОМ ПЛАТО

Порой, засыпая в темной тихой комнате, я на мгновенье ощущаю себя во власти бесценной иллюзии вернувшегося прошлого. Стенка палатки как бы снова касается моего лица, совершенно невидимая, но за ней отчетливо слышен легкий, скользящий, слабый звук: шуршание снега, несомого ветром. Кругом непроницаемая тьма. Свет в печке выключен, и сейчас она представляет собой лишь источник тепла, самую его сердцевину. Чуть влажное ограниченное пространство тесноватого спального мешка... шорох снега... едва слышное дыхание Эстравена, спящего рядом; темнота. И больше ничего. Мы оба находимся внутри нее, в теплом убежище, в покое, как бы в центре всего сущего. За стенами

палатки распростерта великая вечная тьма, холодное мертвяще одиночество.

В такие счастливые моменты, засыпая, я совершенно определенно знаю, что самое главное в моей жизни — там, в том времени, что прошло, ушло навсегда и все-таки существует вечно: бесконечно длящийся миг, средоточие тепла.

Я не пытаюсь доказать, что был счастлив в те долгие недели, когда тащил сани по ледяному полю гибельной зимой. Я был голоден, истощен, меня часто мучила тревога, и тяготы со временем только усиливались. Нет, конечно же, счастлив я не был. Счастья не бывает без причины, и лишь разумная причина вызывает счастье. Но то, что было дано мне тогда, нельзя заслужить, нельзя удержать и часто даже нельзя распознать. Я имею в виду радость.

Я всегда просыпался первым, обычно еще до рассвета. Скорость метаболических процессов в моем организме чуть выше гетенианских норм, и сам я выше и тяжелее; Эстравен все это учел, рассчитывая наш рацион, причем учел с той до-тошной скрупулезностью, которая обычно свойственна либо опытной домашней хозяйке, либо истинному ученому; так что с самого начала я имел в день граммов на пятьдесят больше пищи, чем он. Протесты по поводу столь «несправедливого» дележа пришлось прекратить ввиду неразумности. Но как бы тщательно он еду ни делил, порция все равно была очень маленькой. Я все время был голоден, голоден постоянно, и с каждым днем голод усиливался. Я просыпался оттого, что страшно хотел есть.

Если все еще было темно, я включал печку на максимум и ставил на нее котелок с подтаявшим за ночь куском льда, который вносили в палатку с вечера. Эстравен тем временем, как обычно, молча и яростно боролся со сном, словно со злым духом. Одержав победу, он садился, уставившись на меня мутным взором, тряс головой и окончательно просыпался. Пока мы одевались, обувались, собирали и укладывали вещи, поспевал завтрак: котелок кипящего орша и по одному кубику гиши-миши, который мы разбавляли горячей водой, превращая в тестообразную кашицу. Мы вкушали пищу медленно, торжественно, подбирая каждую упавшую крошку. Пока мы ели, печка остывала. Мы упаковывали ее вместе со сковородкой и котелком, надевали свои куртки с капюшонами, теплые рукавицы и выползали наружу, на свежий воздух. Все время было невероятно, непереносимо холодно. Каждое утро мне приходилось снова и снова заставлять себя поверить в то, что все случившееся со мной — правда. Если же приходи-

лось выходить на улицу дважды, то во второй раз покинуть палатку оказывалось еще труднее.

Иногда шел снег, а порой длинные лучи восходящего солнца ложились удивительными золотисто-голубыми полосами на бесконечные километры ледяной поверхности; чаще же всего небо было серым.

По ночам мы убирали термометр в палатку, и когда выносили наружу, забавно было видеть, как ртуть резко устремлялась вправо (у гетенианцев шкала расположена против часовской стрелки). Температура падала настолько стремительно, что трудно было уследить, как она минует отметку 0° С. Останавливалась она обычно между —20 и —50° С.

Пока один из нас складывал и упаковывал палатку, второй пристраивал на сани печку, дорожные сумки и тому подобное; палаткой мы прикрывали сверху все остальное, и можно было трогаться в путь. В нашем снаряжении было мало металлических предметов, но постройки скреплялись алюминиевыми пряжками, слишком тонкими, чтобы застегнуть их в рукавицах, и они обжигали голые пальцы на морозе так, словно были раскалены докрасна. Мне приходилось быть особенно осторожным, действуя голыми руками при —30° С и ниже. Особенно если дул ветер. Я удивительно быстро обмораживался. Зато ноги у меня совсем не страдали, а это при подобном зимнем путешествии самое главное, ведь за какой-то час можно на неделю, а то и на всю жизнь превратиться в хромого калеку. Эстравену, собираясь в путь, пришлось угадывать мой размер обуви, и сапоги, которые он мне купил, были немного великоваты, однако лишняя пара носков прекрасно решала этот вопрос. Итак, мы надевали лыжи, как можно скорее впрягались в постройки, застегивались и одним рывком отдирали примерзшие полозья от снега. Начинался очередной переход.

По утрам после обильного снегопада порой приходилось какое-то время откапываться. Свежий снег отгрести было нетрудно, хотя палатку и сани заметало весьма внушительного вида сугробами; такие сугробы, пожалуй, были теперь основным препятствием на нашем долгом, в сотни километров, пути по ледниковому плато.

Мы шли на восток по компасу. Ветер обычно дул с севера, с Ледника. День за днем он упорно дул слева, и кашлюшон от него не спасал. Я надел еще маску, чтобы защитить нос и левую щеку от обморожения. И все-таки умудрился отморозить левое веко; веко распухло, и глаз целый день не открывался; я уж решил, что навсегда утратил способность видеть

им: даже когда Эстравен отогрел его с помощью языка и дыхания, как-то заставив веки раскрыться, я некоторое время ничего не видел им — наверное, отморозил и что-то внутри. В солнечную погоду мы оба надевали особые гетенианские надглазные щитки, чтобы избежать снежной слепоты. Гигантский Ледник, как объяснял Эстравен, удерживал над своей центральной частью мощный антициклон, и тысячи квадратных километров заснеженных льдов являли собой сплошное, нестерпимо сверкающее в солнечных лучах поле. Мы, однако, находились не в центральной части Ледника, а на самом ее краешке, как бы между зоной высокого давления и зоной вихрей, отражающихся от поверхности Ледника; здесь бывают страшные метели, которые Ледник частенько насыщает и на прилегающие к нему районы. Ветер, дующий точно с севера, приносил с собой устойчивую ясную погоду, однако если он начинал дуть с востока или с запада, то разыгрывалась поземка, завиваясь в ослепительные, жгучие вихри, похожие на пыльные смерчи; иногда поземка ползла по самой поверхности Ледника, а небо вдруг становилось белым, и воздух белым, солнце скрывалось в этой белой пелене, и мы переставали отбрасывать тени; даже снег под ногами, даже сам Ледник как бы исчезали.

Где-то около полудня мы устраивали привал: вырезали из снега несколько кубов и делали стенку, защищавшую нас от ветра. Кипятили воду, разводили в ней гиши-миши и выпивали эту теплую питательную кашицу, иногда положив туда еще кусочек сахара. Потом снова впрягались в сани и шли дальше.

Мы редко беседовали в пути или во время краткого привала: губы были обожжены морозом и растрескались, а стоило приоткрыть рот, как от холода начинали ныть зубы, огнем жгло горло и легкие; было просто необходимо молчать и дышать только носом — во всяком случае, когда температура опускалась до сорока-пятидесяти градусов. Когда же было еще холоднее, затруднительным становился вообще сам процесс дыхания, потому что выдыхаемый воздух тут же замерзал на лице, и если не уследишь, то ноздри моментально напомягко закупоривала ледяная корка; тогда, чтобы спастись от удушья, приходилось полным ртом глотать режущий, как бритва, морозный воздух. Иногда выдыхаемый и тут же замерзающий влажный воздух вылетал из носа с каким-то легким треском, словно где-то далеко взрывалась шутиха, и на лицо падал целый фейерверк крошечных ледяных кристал-

ликов; каждый выдох, таким образом, превращался в небольшую снежную бурю.

Шли обычно до полного изнеможения или по крайней мере до наступления темноты; только тогда останавливались, ставили палатку, разгружали сани, закрепляли их кольшками при сильном ветре и устраивались на ночлег. Обычно в день мы шли часов по одиннадцать–двенадцать и делали от восемнадцати до двадцати пяти километров.

Похоже, скорость была недостаточно высока, однако и условия не всегда нам благоприятствовали. Снежное покрытие редко одинаково хорошо годилось для лыж и для санных полозьев. Если, например, снег был свежим и легким, то сани скорее тонули в нем, нежели скользили по поверхности; если же снег покрывался коркой, то сани шли хорошо, зато мы на своих лыжах постоянно скользили; когда же наст был совсем плотным, то на нем часто встречались обледенелые наносы, заструги, которые порой достигали высоты человеческого роста. Тогда приходилось без конца преодолевать острые гребни и фантастической формы горки, потому что заструги, как назло, всегда располагались поперек избранного нами маршрута. Раньше я воображал, что плато Ледника Гобрин ровное, как замерзший пруд; но вокруг нас расстилалась многокилометровая равнина, больше похожая на внезапно застывшее штормовое море.

Бесконечные заботы о том, как безопасно установить палатку, закрепить сани, непременно очистить весь налипший на одежду снег и так далее, страшно надоедали. Порой все это казалось совершенно бессмысленным. Порой мы останавливались на ночлег так поздно и были настолько прогорящими и усталыми, что хотелось просто снять с саней спальный мешок и улечься в глубокий санный след, не ставя никакой палатки. Я ясно помню, как сильно мне этого хотелось в отдельные дни и как яростно я сопротивлялся методичной тиранической настойчивости своего спутника, непременно требовавшего, чтобы мы все делали как следует и тщательно готовились к ночлегу. В такие моменты я его не навидел, не навидел лютой, смертельной, какой-то нутряной ненавистью. Я ненавидел те жесткие, неуклонные, неотменные требования, которые он мне предъявлял — во имя жизни.

Когда все бывало сделано и мы наконец оказывались в палатке, почти сразу тепло от печки Чейба накрывало нас своим уютным колпаком. Удивительная, замечательная

вещь — тепло! Смерть и холод отступали, оставались где-то снаружи.

Ненависть тоже оставалась снаружи. Мы ели и пили горячее. Потом разговаривали. Когда мороз был особенно свирепым и даже идеальное в смысле теплоизоляции покрытие палатки не могло уберечь нас от холода, мы устраивались почти вплотную к печке. Изнутри палатка за ночь покрывалась короткой шерсткой инея. Если хоть на миг приоткрывалась войлочная дверь, ворвавшийся поток ледяного воздуха тут же конденсировался и превращался в изморозь. Если же снаружи была метель, то иголочки леденящего ветра проникали сквозь вентиляционные отверстия, хотя те были самым тщательным образом защищены, и в палатке повисала практически неощущимая сугробовая пыль. В такие ночи буря выла и стонала так громко, что мы не могли даже нормально разговаривать, приходилось кричать друг другу в ухо. Порой ночная тишина бывала настолько полной, что представлялось, что во Вселенной только еще рождаются первые звезды или, наоборот, уже наступил конец света.

Где-то через час после ужина Эстравен чуть уменьшал мощность нагревателя, если позволял мороз, и выключал свет. Делая это, он бормотал короткую прелестную молитву или заклинание — единственное, что я запомнил из мудрости Ханддара: «Восславься же, о Тьма и незавершенность Мирозданья!» Так говорил он, и наступала тьма. Мы засыпали, чтобы утром все начать сначала.

Так продолжалось целых пятьдесят дней.

Эстравен по-прежнему вел свой дневник, хотя за те недели, что мы шли по Вечным Льдам, он редко писал много, чаще только записывал дневную температуру и пройденный километраж. Среди этих записей порой встречаются отдельные, обрывочные его мысли, отрывки наших бесед, но ни слова о том молчаливом диалоге, что постоянно продолжался между нами в течение всего первого месяца на Леднике, пока у нас еще хватало сил беседовать после ужина, а также когда нам пришлось провести несколько дней в палатке из-за сильной пурги. Я, например, рассказал ему, что мне не запрещается — однако и не поощряется — прибегать к телепатии на чужой планете, не вступившей в Лигу Миров, и попросил его пока сохранить втайне то, что он узнал от меня, по крайней мере до тех пор, пока я не смогу обсудить свой поступок с коллегами на корабле. Он согласился и слово свое сдержал. И ни разу не произнес вслух и не записал ни

слова из того, что касалось наших с ним телепатических бесед.

Искусство телепатического общения — вот то единственное, что я смог подарить Эстравену от имени всей экуменической цивилизации, от имени той чуждой ему жизни, которая так его интересовала. Нарушая Закон Культурного Эмбарго, я отнюдь не стремился заслужить благодарность. Или вернуть Эстравену долг. Такие долги навсегда неоплатны. Просто мы с ним достигли той стадии отношений, когда друг с другом делятся всем, чем можно или стоит поделиться.

Я даже думаю, что в итоге окажется возможной и супружеская любовь между гетенианцем-андрогином и *нормальным* (по хайнским меркам) однополым гуманоидом, хотя подобный союз, безусловно, будет бесплодным. Это, разумеется, еще нужно доказать; Эстравен и я не доказали ровным счетом ничего, если не считать области возвышенных чувств. Наиболее сложной в плане наших с ним сексуальных отношений была ночь где-то в самом начале пути — вторая ночь, проведенная на ледовом плато. Мы тогда весь день преодолевали горосы, без конца возвращались буквально по собственному следу, стараясь обойти глубокие трещины. Это была ужасная местность к востоку от Огненных Холмов. Мы совершенно вымотались, но не падали духом, надеясь, что вскоре перед нами откроется ровная поверхность плато.

Но после ужина Эстравен вдруг стал каким-то неразговорчивым и довольно скоро совсем умолк. В конце концов я, почувствовав его явное нежелание продолжать беседу, спросил:

— Харт, я снова что-нибудь не так сказал? Снова обидел тебя? Пожалуйста, скажи, в чем дело?

Он молчал.

— Ох, видно, я как-то задел твой шифгретор. Прости. Я никак не могу все это усвоить. Да я, если честно сказать, по-настоящему никогда и не понимал значения этого слова.

— Шифгретор? Оно происходит от старинного слова, примерно значившего «тень».

Некоторое время мы оба молчали, а потом он посмотрел на меня прямо и нежно. Лицо его в красноватом свете печки казалось столь же мягким, ранимым и далеким, каким бывает порой лицо женщины, когда она вдруг глянет на тебя, оторвавшись от собственных мыслей, и промолчит.

И тогда я снова увидел, и очень отчетливо, то, что всегда боялся в нем увидеть, притворяясь, что просто не замечаю этого: он был в той же степени женщиной, что и мужчиной.

Всякая необходимость объяснять причину моего внезапного страха улетучилась вместе с самим страхом; мне осталось в конце концов просто принимать его таким, каким он был. Раньше я как-то откращивался от этого, отказывая ему в праве на собственную неповторимость. Он тогда был совершенно прав, когда сказал, что был единственным человеком на всей планете Гетен, который всегда верил мне, и единственным, которому я сам никогда не доверял. Потому что он был единственным здесь, кто полностью принял меня, кто лично испытывал симпатию ко мне, кому я был интересен как личность, кто лично был ко мне расположен. И до конца верен. А потому требовал и от меня аналогичного признания и одобрения. А я тогда совсем не хотел признавать его. Я этого боялся. Я тогда никак не желал отдавать свою веру, свою дружбу мужчине, который одновременно был женщиной. Или женщине, которая одновременно была мужчиной.

Он объяснил сдержанно и просто: у него сейчас кеммер, все это время он старался избегать меня настолько, насколько в таких условиях можно было избегать друг друга.

— Я не должен тебя касаться, — сказал он очень напряженно и отвернулся.

— Понимаю. И полностью с тобой согласен, — ответил я, ибо мне казалось, как, наверное, и ему, что именно из того сексуального напряжения, что возникло тогда меж нами, — теперь допустимого и понятного, хотя и неутоленного, — и родилось ощущение той уверенности во взаимной дружбе, той самой, что так нужна была нам обоим в этой ссылке и так хорошо была доказана долгими днями и ночами нашего тяжкого путешествия. Преданность и дружба эта вполне могла бы быть названа более великим словом: любовь. Но любовь наша возникла именно из-за различий меж нами — отнюдь не из-за сходства в облике или вкусах, нет, именно различиями порождена была эта любовь, и именно она стала тем мостиком, что неожиданно соединил края бездонной пропасти, нас разделяющей. Стать любовниками было бы равнозначно тому, чтобы снова стать чужими. Мы касались друг друга, но только там, как могли себе это позволить. И на этом поставили точку. Не знаю, были ли мы правы.

Мы еще немного поговорили в тот вечер, и я вспомнил, как трудно мне было ответить на его упорные вопросы о том, каковы женщины. Оба мы в достаточной степени чувствовали себя неловко и старались быть осторожнее в словах и поступках по отношению друг к другу еще дня два. Настоящая любовь между двумя людьми всегда в конце концов включает

ет в себя и множество способов причинить настоящие страдания, боль. До той ночи мне никогда и в голову не приходило, что я могу причинить Эстравену боль.

Теперь, когда пали эти преграды, ограниченность нашего общения и взаимопонимания стала для меня непереносимой. Очень скоро, дня через два-три, я как-то после ужина сказал своему спутнику (мы только что наелись вкусной, специально приготовленной по случаю тридцатикилометрового дневного перехода сладкой каши из зерен кадик):

— Помнишь, прошлой весной еще в Угловом Красном Доме гы говорил, что хотел бы побольше узнать о том, что такое телепатическая связь?

— Да, верно.

— Хочешь попробовать? Может быть, я смогу и тебя научить пользоваться языком мыслей?

Он засмеялся.

— Хочешь поймать меня на лжи?

— Если ты когда-либо и лгал мне, то это было очень давно и совсем в другой стране.

Он был очень честным человеком, хотя крайне редко выражал свои мысли напрямую. Мои слова его развеселили, и он сказал:

— В «совсем другой стране» я мог бы придумать для тебя и новую ложь. Но я считал, что тебе запрещено обучать этому вашему искусству... туземцев, пока они еще не присоединились к Экумене.

— Не запрещено. Просто не принято. Но если ты хочешь, я все-таки попробую. Если смогу. Учить я не очень-то умею.

— А что, для этого есть специальные учителя?

— Да. Но не на Земле. Хотя считается, что земляне в большинстве своем от природы одарены способностью к телепатическому общению и что матери якобы могут мысленно разговаривать со своими не рожденными еще детьми. Не знаю, что уж там отвечают им дети. Но почти всех нас было необходимо этому искусству учить — как учат иностранному языку. Или как если бы то был наш родной язык, но мы стали изучать его слишком поздно.

Думаю, он прекрасно понимал, почему мне так хочется обучить его этому искусству, и очень хотел учиться. Начали мы во время игры в го. Я вспомнил, чему меня учили, когда в возрасте двенадцати лет стали выявлять мои способности к телепатии. Я сказал, чтобы он «очистил» свои мысли и «затемнил» свой разум. Это он проделал, безусловно, значи-

тельно быстрее и тщательнее, чем когда-либо делал я: в конце концов, он был настоящим ханддаратом. Потом я попытался мысленно заговорить с ним как можно яснее. Безрезультатно. Мы попробовали снова. Поскольку человек не может заговорить мысленно до тех пор, пока его телепатические способности не будут инициированы явственным сигналом партнера, то я непременно должен был первым пробиться к нему. Я пробовал в течение получаса, пока мозг мой буквально не «охрип» от усталости. Эстравен выглядел удрученным.

— Я думал, для меня это будет нетрудно, — признался он.

Оба мы устали до потери сознания, так что отложили эксперимент и легли спать.

Следующие наши попытки оказались столь же неудачными. Я пытался передавать мысленную информацию Эстравену, когда он спал, вспоминая все, что когда-то говорил мне мой Учитель по поводу якобы случайных «вещих снов» у людей с недоразвитыми телепатическими способностями; но и это не действовало.

— Возможно, моя раса просто не обладает этой способностью, — сказал он. — У нас, правда, давно поговаривают о невероятной силе и власти слова, но мне неведом ни один случай мысленного общения.

— То же самое было и с моим народом в течение тысячелетий. Существовало лишь небольшое количество так называемых экстрасенсов, которые сами не понимали своего дара, которым некому было послать свой мысленный вопрос и не от кого получить ответ. Все остальные находились как бы в «латентном» состоянии, если можно так выразиться... Абстрактное мышление, разнообразная общественная деятельность, с молоком матери впитанные культурные навыки, эстетическое и этическое восприятие — все это прежде должно достичь определенного уровня, до того как смогут возникнуть телепатические контакты, до того как будет задействована потенциальная телепатическая способность индивида.

— Возможно, мы, гетенианцы, этого уровня просто еще не достигли.

— Вы значительно его превзошли! Но тут еще и определенный момент везения. А также определенного сочетания составляющих. Или если брать аналогии из области культуры — это лишь аналогии, но и они кое-что проясняют, — то это, например, конкретный научный метод или использование той или иной конкретной экспериментальной техноло-

гии. В Экумену входят такие народы, которые обладают высочайшей культурой, сложными общественными структурами, самобытной философией, развитыми искусствами, этикой, высокой литературой — достижения их во всех областях необычайно велики; и тем не менее они никогда не умели как следует взвесить обыкновенный камешек. Конечно, они могут этому научиться. Только за полмиллиона лет так и не научились... Существуют народы, которые вообще не имеют понятия о высшей математике и знают лишь простейшие арифметические действия, которым их научили. Любой из них способен понять сложнейшие расчеты, но никогда их не делал и не делает. Или, например, мой собственный народ, земляне: они в течение трех с лишним тысячелетий не имели ни малейшего понятия об использовании нуля. — Тут Эстравен изумленно захлопал глазами. — Что же касается планеты Гетен, то мне интересно вот что: могут ли иные человеческие расы открыть в себе способность к предсказаниям и является ли это искусство тоже неким следствием эволюции мозга? Если бы вы смогли обучить нас технике предсказаний...

— Ты считаешь это полезным достижением?

— Точные предсказания? Ну разумеется!..

— С тем же успехом ты мог бы прийти к обратному выводу, но все же воспользоваться этими знаниями.

— Ваша Ханддара восхищает меня, Харт, но я то и дело ловлю себя на мысли: а не является ли это учение логическим парадоксом, возведенным в жизненное кредо...

Мы снова попытались установить телепатическую связь. Я еще никогда не пробовал несколько раз подряд обращаться мысленно к совершенно не воспринимающему меня recipiенту. Опыт был поистине удручающим. Я чувствовал себя как убежденный атеист, который пробует молиться. В конце концов Эстравен зевнул и сказал:

— Я глух. Глух как скала. Лучше ляжем спать.

Я согласился с ним. Он выключил свет, пробормотав свою коротенькую молитву Тьме; мы нырнули в мешки, и уже через несколько мгновений он поплыл по волнам сна, как пловец по темной воде. Я чувствовал, как его мозг погружается в сон, словно то был я сам; связь между нами все еще была прочной, и я, сам уже сонный, в последний раз мысленно позвал его по имени: *Терем!*

Он тут же вскочил, как ужаленный, сел, и голос его в темноте прозвучал неожиданно громко:

— Ареk! Это ты?

Нет, это Дженили Ai: я говорю с тобой мысленно.

Он затаил дыхание. Затих. Потом повозился с печкой, включил свет и уставился на меня своими темными, полными страха глазами.

— Мне приснился сон... — сказал он, — мне снилось, что я дома...

— Ты услышал, как я мысленно позвал тебя.

— Ты позвал меня?.. Это был мой брат. Это его голос я слышал. Он умер. Ты позвал меня... ты назвал меня Терем? Я... Это гораздо страшнее, чем я думал. — Он потряс головой, как человек, который пытается отряхнуть оцепенение, вызванное ночным кошмаром, потом уронил лицо в ладони.

— Харт, мне очень жаль...

— Нет, называй меня по имени. Раз ты можешь говорить голосом моего покойного брата, то, конечно же, можешь звать меня по имени! Разве ОН назвал бы меня «Харт»? О, теперь я понимаю, почему в мысленной беседе нет места лжи. Это страшная вещь... Хорошо. Хорошо, скажи мне еще что-нибудь.

— Погоди.

— Нет. Продолжай.

Он яростно и одновременно испуганно смотрел на меня, и я мысленно сказал ему: *Терем, друг мой, в наших отношениях нет ничего дурного, не надо бояться.*

Он по-прежнему пристально смотрел на меня, и я уже решил, что он меня не понимает; но он понял.

— Нет, бояться надо, — сказал он вслух.

Через некоторое время, уже взяв себя в руки, он спокойно сказал:

— Ты говорил на моем языке.

— Естественно, ты же не знаешь моего.

— Ты говорил, что будут звучать слова, я помню... И все-таки я представлял это просто как... некое *понимание* друг друга...

— Проникновение в чужую душу — несколько иная игра, хотя тоже связана с телепатией. Именно такое проникновение позволило нам сегодня установить телепатическую связь. Однако телепатия активизирует и речевые центры головного мозга, как и...

— Нет, нет, нет. Это все ты мне расскажешь позже. Но почему ты говорил голосом моего брата? — Он был очень взволнован.

— На этот вопрос у меня ответа нет. Не знаю. Расскажи мне о нем.

— Ну сутх... Мой родной брат, Арек Харт рем ир Эстра-

вен, был на год старше меня. Именно он впоследствии стал лордом Эстре. Мы... я, как ты знаешь, ради него покинул родной дом. Он умер четырнадцать лет назад.

Некоторое время мы оба молчали. Я не мог ни понять, ни спросить, что там, за этими скучными словами: слишком трудно ему далаас даже такая малость.

Наконец я предложил:

— Давай еще поговорим мысленно, Терем. Назови меня по имени. — Я знал, что это он сделать может: связь все еще сохранилась, или, как говорят специалисты, фазы совпадали, а он, конечно же, еще не умел пресекать телепатическое вторжение усилием воли. Так что, если бы в данный момент реципиентом был я, то есть сигнал исходил бы от него, я услышал бы его мысли.

— Нет, — сказал он. — Никогда. Пока нет...

Но никакой, даже самый великий, ужас или шок не смог бы удержать в узде ненасытный, рвущийся к познанию разум. Он уже выключил свет, и тут я вдруг «услышал», как он, странно заикаясь, произносит мысленно мое имя: *Дженри*. Даже мысленно он не мог как следует выговорить звук «л».

Я тут же откликнулся. Потом во тьме прозвучало нечто нечленораздельное, однако выражавшее не только страх, но и удовлетворение. И он сказал вслух:

— Больше не надо, не надо.

Вскоре мы оба наконец уснули.

Для него телепатические контакты никогда не давались легко. Не потому, разумеется, что он был бездарен или не желал совершенствоваться. Просто все это слишком сильно волновало его, он не мог пользоваться этим искусством *просто так*. И быстро научился устанавливать телепатический барьер, но я не уверен, что он твердо на этот барьер полагался. Возможно, у каждого из нас тоже были подобные опасения, когда первые Учителя несколько веков назад прилетели из Мира Роканнона, чтобы научить землян Последнему Искусству. Возможно, гетенианцы, будучи исключительно интровертными, воспринимают телепатическую связь как насилие над их внутренним миром, как брешь в той целостности их «я», которая для них просто мучительна. Возможно, виной в данном конкретном случае был характер самого Эстравена, в котором искренность идержанность были одинаково сильны: каждое слово, которое он произносил, как бы предварялось глубоким молчанием, было порождено им. Мысленно я разговаривал с ним почему-то голосом его умершего брата. Я тогда не знал, что именно, кроме любви и

смерти, связывает этих двоих, но чувствовал: едва в его душе начинал «звучать» голос брата, Эстравен весь как бы съеживался и вздрогивал, словно я касался открытой раны. Так что некие интимные узы, что установились между нами, были, разумеется, порождены телепатическим контактом — впрочем, весьма сдержаным, проливающим мало света на загадочную душу моего друга, скорее подчеркивающим, сколь глубока и бесконечна тьма, царящая там.

День за днем мы продолжали ползти на восток по ледяной равнине. К переломному, тридцать пятому дню нашего путешествия, Одорни Аннер, мы в полном несоответствии с планом прошли значительно меньше половины пути. По счетчику — около шестисот километров; однако в лучшем случае лишь три четверти этого расстояния действительно приблизили нас к цели. Можно было лишь очень грубо прикинуть, сколько нам еще предстояло пройти. Мы истратили слишком много времени, сил и продуктов при тяжелейшем восхождении на Ледник. Эстравен, в отличие от меня, почему-то не слишком беспокоился по поводу предстоящего пути в сотни километров.

— Сани стали гораздо легче, — говорил он. — К концу они станут совсем легкими; а если будет нужно, немного уменьшим свой рацион. Мы все это время очень хорошо питались, знаешь ли.

Я думал, он шутит, но, видно, я плоховато знал его.

На сороковой день началась пурга, и нас засыпало снегом. Два последующих долгих дня мы неподвижно лежали в палатке; Эстравен почти ничего не ел и почти не просыпался; просыпаясь, он только пил орш или горячую подслащенную воду. Он настоял, однако, на том, чтобы я непременно хоть немного ел, хотя бы половину обычного рациона.

— У тебя нет опыта. Ты не умеешь голодать, — сказал он.

Я почувствовал себя оскорблённым.

— А у тебя-то большой опыт? В каком же качестве ты голодал больше — княжеского сына или премьер-министра Кархайда?

— Дженири, у нас специально учат длительное время обходиться без пищи, так что в итоге мы все становимся специалистами в этом деле. Меня приучали голодать еще в детстве, дома, в Эстре, а потом — ханддараты в Цитадели Ротерер. Я действительно несколько утратил форму в Эренранге, но потом снова начал тренировки — когда жил в Мишнори... Пожалуйста, друг мой, делай, как я говорю; я знаю, что делаю.

Он-то знал, но знал и я.

Потом в течение четырех дней мы шли при страшных морозах, температура ни разу не поднималась выше -35°C ; а потом вдруг снова налетела пурга, порывистый восточный ветер швырял нам в лицо пригоршни колючего снега. Уже буквально минуты через две Эстравен стал совершенно непроразим за стеной пурги. Я на секунду отвернулся, чтобы перевести дыхание и очистить лицо от ослепляющей, удушивающей пелены, а когда обернулся снова, то Эстравен исчез. Исчезли и сани. Рядом со мной не было никого и ничего. Я обшарил все вокруг руками. Я кричал и за воем пурги не слышал собственного голоса. Я был глух и одинок в этом мире, до краев заполненном мелькающими извивающимися сероватыми струями, полосами падающего снега. Отчаяние охватило меня, и я начал было ощупью пробираться вперед, мысленно взывая: *Терем!*

И он, стоя на коленях буквально у меня под носом, откликнулся:

— А ну-ка помоги мне поставить палатку.

Я помог и ни словом не обмолвился об этой минуте панического ужаса. Не было необходимости: он знал.

Эта очередная пурга длилась два дня; и в общей сложности мы потеряли целых пять дней; разумеется, потеряем и еще. Ниммер и Аннер — месяцы великих снежных бурь.

— Уж больно деликатно мы еду стали резать, — заметил я как-то, отрезая нашу очередную порцию гиши-миши и собираясь размочить ее в горячей воде.

Он посмотрел на меня. Его решительное широкое лицо сильно осунулось, щеки глубоко провалились под высокими скулами, глаза запали, скорбные складки окружали рот, губы потрескались. Интересно, какой же видок у меня, если даже он так паршиво выглядит. Как бы отвечая моим мыслям, Эстравен улыбнулся:

— Если повезет, мы дойдем; но может и не повезти.

То же самое он говорил и в самом начале пути. Со своим мне ощущением, что это наша последняя и весьма отчаянная ставка, я недостаточно реалистично мыслил тогда, чтобы ему поверить. Даже и теперь я думал: ну разумеется, нам повезет и мы дойдем, раз уж мы потратили столько сил...

Но Леднику было все равно, сколько сил мы потратили. Ему было на это наплевать. Каждый должен знать свое место.

— В какую сторону поворачивается теперь твоё колесо фортуны, Терем? — спросил я наконец.

Он не улыбнулся. И не ответил. Только, помолчав немного, сказал:

— Я все думаю, как они там, внизу.

Там, внизу для нас теперь означало «на юге», в том мире, что лежит ниже этого ледяного плато, там, где есть земля, люди, дороги, города — все то, что теперь стало трудно даже вообразить, что казалось почти нереальным.

— Знаешь, а я ведь послал королю весточку насчет тебя. В тот самый день, когда покинул Мишнори. Я сообщил ему то, что узнал от Шусгиса: что тебя собираются сослать на Добровольческую Ферму Пулефен. В те времена я еще недостаточно четко представлял себе собственные намерения, скорее повиновался некоему импульсу. С тех пор я не раз уже обдумывал природу этого импульса. Может случиться примерно следующее: король может усмотреть для себя возможность повысить свой престиж, рискуя шифгретором. Тайб станет отговаривать его, но Аргавену к этому времени Тайб уже несколько поднадоest, и, вполне возможно, он просто проигнорирует его советы. Он начнет расследование и спросит: где находится сейчас Посланник, гость государства Кархайд? В Мишнори, разумеется, солгут: он умер от лихорадки хорм еще осенью. Ах, нам очень жаль! Тогда король спросит: почему же в таком случае у меня иная информация, полученная из нашего Посольства в Оргорейне? Мне известно, что Посланник находится на Ферме Пулефен. — Но его там нет, можете убедиться сами. — Нет, нет, конечно же, мы верим слову Комменсалов Оргорейна... Но через несколько недель после подобного обмена любезностями сам Посланник объявляется в Северном Кархайде. Ему удалось бежать с Фермы Пулефен. В Мишнори всеобщий испуг, в Эренранге — возмущение. Позор Комменсалам, павшим так низко и пойманым на лжи! Для короля Аргавена ты станешь подлинным сокровищем, родным братом, некогда утраченным и обретенным вновь. Правда, ненадолго, Дженири. Ты должен тут же послать весть своему Звездному Кораблю, при первой же возможности! Пусть твои люди появятся в Кархайде и тем завершат твою миссию. Сделай это немедля, прежде чем Аргавен успеет заподозрить в тебе возможного врага, прежде чем Тайб или кто-то из советников сможет еще раз как следует напугать короля, пользуясь его манией преследования. Если же он заключит с тобой сделку, то слово свое сдержит. Нарушить данное слово — значит утратить свой шифгретор. Короли Харге держат данное слово.

Но ты должен действовать быстро и поскорее посадить свой корабль.

— Я сделаю это, если замечу хоть малейший проблеск доброжелательности по отношению к себе.

— Нет; прости, что даю тебе советы, но ты не должен ждать особого расположения. Тебя и так будут носить на руках, я полагаю. Как и сам корабль. Кархайд за последние полгода испытал тяжкие унижения. Ты дашь Аргавену шанс повернуть колесо судьбы вспять. Я полагаю, что он этим шансом воспользуется...

— Прекрасно. А ты между тем...

— Я — Эстравен-Предатель. Я ничего общего с тобой не имею.

— Поначалу.

— Поначалу, — согласился он.

— У тебя будет возможность где-нибудь скрыться поначалу в случае опасности?

— О да, разумеется.

Еда наша была готова, и мы забыли обо всем. Этот процесс был так важен теперь и так существенно улучшал самочувствие, что мы больше никогда не говорили за едой; это табу теперь соблюдалось свято, в своей, возможно, исходной форме: ни слова не произноси, пока не будет проглочена последняя крошка еды. Когда же последняя крошка была проглочена, Эстравен сказал:

— Что ж, по-моему, я правильно рассчитал ситуацию. Ты... ты простишь мне...

— Твой прямой совет? — сказал я, потому что некоторые вещи полностью начал понимать только теперь. — Конечно же, да, Терем! Неужели ты еще можешь в этом сомневаться? Ты же знаешь, что у меня вообще никакого шифгретора нет, и я не собираюсь им победоносно размахивать.

Мои слова его насмешили, но он по-прежнему о чем-то думал.

— Но почему, — сказал он наконец, — почему ты все-таки высадился на Гетен в одиночку?.. Почему тебя послали одного? Все ведь по-прежнему будет зависеть от посадки корабля на планету. Зачем все это нужно было так усложнять — усложнять для тебя и для нас?

— Такова традиция Экумены, и для этого есть свои причины. Хотя, если честно, я и сам уже начал сомневаться в их целесообразности. Я думал, что это ради вас меня посылают одного, настолько одинокого и беззащитного, что я никак не могу представлять для кого-то угрозы, никак не могу нару-

шить равновесие... Инопланетянам дают понять, что это не вторжение, а просто гонец из другого мира. Есть и кое-что более важное: будучи один, я не могу изменить ваш мир. Хотя сам могу претерпеть изменения. Так все же ради кого меня послали одного? Ради вас? Или ради меня самого? Не знаю. Я согласен с тобой: это значительно осложнило положение вещей. Но вот что мне интересно: почему вам никогда не приходила в голову идея воздухоплавательных аппаратов? Один маленький украденный самолетик избавил бы нас с тобой от множества затруднений!

— Как нормальному человеку может прийти в голову, что он способен летать? — сухо парировал Эстравен. Это был справедливый ответ — в мире, где нет ни одного крылатого существа, где даже ангелы культа Йомеш не летают, а только *летят* и падают, бескрылые, на землю, как падает, кружась, легкая снежинка, как кружатся на ветру семена растений...

К середине месяца Ниммер, после бесконечных бурь и страшных морозов, мы вступили в полосу длительного затишья. Если и случались бури, то *там, внизу*, а здесь, внутри пурги, было лишь бескрайнее серое небо да полное безветрие. Поначалу облака над нами были высокими, перистыми, так что воздух просвечен был ровным рассеянным светом, как бы отражавшимся и от самих облаков, и от снега, льющимся и сверху, и снизу. Через день погода несколько изменилась. Облачность усилилась, яркий свет пропал, осталось лишь светлое Ничто. Мы вышли утром из палатки как бы в пустоту. Сани и палатка были на месте, Эстравен стоял рядом, но ни он, ни я не отбрасывали никакой тени. Нас со всех сторон окружал какой-то неясный свет, шедший как бы отовсюду. Когда мы ступали по снегу, он хрустел под ногами, но следов не оставалось. Сани тоже не оставляли никаких следов. Ни сани, ни палатка, ни он, ни я: ничто. Не было ни солнца, ни неба, ни линии горизонта, ни мира вокруг. Бело-серая мгла, пустота, в которой мы были как бы подвешены. Иллюзия была настолько полной, что мне стало трудно сохранять равновесие. Я попробовал пользоваться внутренним чутьем — для корректировки собственного зрения; но и внутреннее чутье не помогло. Я был все равно что слепой. Пока мы грузились, все шло еще хорошо, однако тащить сани, ничего не видя впереди, абсолютно ничего, сначала было просто неприятно, а потом — страшно. И утомительно. Мы шли на лыжах по хорошему твердому фирну, без застругов, и под нами — это-то уж точно! — было по меньшей мере два километра мощного льда. Надо было бы радо-

ваться такой поверхности, но мы шли все медленнее, с трудом продвигаясь по лишенной каких бы то ни было препятствий равнине, приходилось огромным усилием воли подготянуть себя и поддерживать нормальную скорость. Даже малейшее препятствие воспринималось как чрезвычайно затруднительное — так порой бывает на лестнице, когда вдруг попадается невесть откуда взявшаяся ступенька или, наоборот, ожидаемой ступеньки не оказывается на месте. Мы ничего не могли разглядеть заранее: белое Ничто вокруг не отбрасывало тени, ничем не обнаруживало себя. Мы шли с открытыми глазами, но вслепую. И так — день за днем. Мы стали сокращать переходы, потому что уже к полудню оба обливались потом и дрожали от напряжения и усталости. Я уже начал страстно мечтать о снеге, о пурге, о любой другой погоде, но каждое утро мы по-прежнему выходили в то самое белое Ничто, которое Эстравен называл Лишенной Теней Ясностью.

Но однажды около полудня в день Одорни Ниммер, на шестьдесят первый день нашего пути, ровная слепящая пустота вокруг нас вдруг начала двигаться, течь, съеживаться. Я решил, что меня подводит зрение, как это часто бывало, и не придал значения этому едва заметному шевелению воздуха, но неожиданно над моей головой мелькнул солнечный лучик. В небесах я увидел маленькое, еле видное, какое-то мертвое солнце. А опустив глаза и посмотрев вокруг, я разглядел огромную, чудовищную черную массу, возникшую в белой пустоте и явственно приближающуюся к нам. Черные щупальца, воздетые вверх, шарили вокруг... Я замер, заставив Эстравена повернуться ко мне, мы впряглись цугом.

— Что это такое?

Он долго и внимательно смотрел на темные чудовищные формы, прячущиеся в тумане, и наконец сказал:

— Скалы... Это, должно быть, Утесы Эшерхота.

И двинулся вперед. Оказывается, мы были от них на расстоянии нескольких километров, а мне казалось — на расстоянии вытянутой руки. Белое Ничто постепенно превращалось в плотный, низко стелющийся туман, который потом улетучился, и мы смогли наконец как следует разглядеть эти скалы — уже ближе к закату: здешние *нунатаки*, огромные искореженные и изломанные куски камня, торчащие изо льда; они напоминали айсберги над поверхностью моря — холодные, почти затонувшие во льдах горы, мертвые в течение многих миллионов лет.

По этим скалам мы поняли, что находимся чуть север-

нее, чем наметили раньше, определяя самый короткий путь, если, разумеется, можно было верить отвратительной карте; ничего иного у нас, впрочем, не было. На следующий день мы впервые свернули к югу.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Было пасмурно, дул сильный ветер. Мы упорно шли вперед, пытаясь обрести поддержку в хорошо видимых теперь Утесах Эшерхота — первой реальной вещи, не принадлежащей миру льда, снега и бескрайних небес, в котором мы провели более семи недель. Судя по нашей карте, Утесы были относительно недалеко от Болот Шенши, чуть южнее. И чуть восточнее залива Гутен. Но карте этой доверять было нельзя, особенно той ее части, которая касалась самого Ледника Гобрин. К тому же мы были очень утомлены.

Мы оказались явно ближе к южной границе Ледника, чем показывала карта: уже на второй день после того, как мы повернули к югу, снова начали попадаться торосы и трещины, правда, не такие глубокие, как в районе Огненных Холмов. Здесь не было столь значительных смещений ледникового щита, но поверхность тоже была так себе. Встречались, например, отдельные колодцы-провалы в несколько сотен метров шириной — возможно, летом здесь разливались озера; встречались и снежные мосты над невидимыми пропастями, готовые внезапно ухнуть под тобой в бездну; встречались и участки, сплошь покрытые трещинами; и все чаще и чаще попадались своеобразные старые ледяные каньоны, прорытые в толще щита и похожие на настоящие горные ущелья, то очень большие, то всего в полметра шириной, но и те и другие страшно глубокие. В тот день (Одирни Ниммер, Двадцать четвертый день третьего месяца зимы по дневнику Эстравена, потому что я дневника никакого не вел) было очень солнечно, дул сильный северный ветер. Перебираясь с санями по снежным мостам над небольшими трещинами, мы могли порой заглянуть вниз и увидеть там, в бесконечной голубизне, падающие обломки льда, задетого полозьями саней. Льдинки издавали легкий, невнятный, нежный перезвон, словно хрустальными пластинками перебирали серебряные струны. Я помню чистый воздух, дремотное, легкое удовлетворение, которое почему-то испытывал весь день, таща сани над залитыми солнечным светом пропастями. Но вдруг небо начало мутнеть, побелело, воздух стал более плот-

ным, тени исчезли, голубизна как бы испарилась из снегов и с небес. Мы были недостаточно готовы морально к наступлению Лишенной Теней Ясности, этого белого Ничто. Да еще при такой поверхности. Идти и без того было трудно; я подталкивал сани сзади, а Эстравен тянул спереди; и видел я перед собой только сани, думая лишь о том, как бы ловчее подтолкнуть их, как вдруг, совершенно неожиданно, крма чуть не вырвалась у меня из рук: сани прыгнули куда-то вперед. Я совершенно инстинктивно застыл как вкопанный и крикнул Эстравену, чтобы тот сбавил скорость, думая, что он просто поехал побыстрее по более ровному участку. Однако сани стояли, мертвые уткнувшись носом в снег, и Эстравена впереди не было.

Я уже готов был отпустить корму саней и пойти посмотреть, куда делся Эстравен. Просто счастье, что я этого не сделал сразу, а продолжал, держась за сани, тупо оглядываться вокруг. И заметил краешек трещины, которая стала видна, когда обвалился кусок снежного моста. Именно в этом месте и провалился Эстравен, и теперь сани удерживал на краю обрыва только мой вес; я сам, крма саней и примерно треть длины полозьев все еще находились на мощном льду. Однако сани продолжали потихоньку сползать в трещину: их тянул туда Эстравен, повисший в постремках над бездонным колодцем.

Я всем телом навалился на кормы и что было сил принялся оттаскивать сани от края трещины. Шли они тяжело. Тогда я еще сильнее навалился на корму и раскачивал сани до тех пор, пока они со скрипом не подались, а потом внезапно не выскочили из трещины. Эстравен тут же ухватился руками за край обрыва и стал помогать мне. Он выкарабкался, цепляясь за постремки, на лед и рухнул ничком.

Я опустился рядом с ним на колени, пытаясь отстегнуть постремки, очень встревоженный его безжизненным видом; он лежал на снегу совершенно неподвижно, только от резких вдохов и выдохов подымалась и опадала его грудь. Губы синие, одна половина лица вся покрыта синяками и ссадинами.

Наконец он неуверенно сел и сказал свистящим шепотом:

- Голубое... все голубое... Башни в глубинах...
- Что?
- Там, в трещине. Все голубое... полное огня.
- У тебя все в порядке?
- Он снова начал застегивать пряжки постремок.
- Ты иди впереди... как следует привязавшись... все

время пробуй снег щупом, — выдохнул он. — Смотри, куда ступаешь.

И в течение долгих часов один из нас тянул сани, ведя другого за собой, полз, словно кошка по краю птичьего гнезда, определяя каждый шагок, предварительно потыкав в снег палкой. Белое Ничто удивительно маскирует трещины, и порой невозможно заметить ее раньше, чем окажешься на самом краю, что несколько поздновато, потому что край обычно нависает козырьком и далеко не всегда достаточно прочен. Каждый шаг преподносил нам сюрпризы — то падение, то какое-либо препятствие. По-прежнему ничто не отбрасывало теней. Мы были как бы внутри белой, безмолвной сферы, двигались по ее внутренней поверхности, как внутри стеклянного шара, покрытого морозными узорами, и за его стенками не было ничего. Зато в самих стеклянных стенках были трещинки. Ткнул палкой — шагнул, ткнул — шагнул. Ткнул, чтобы обнаружить невидимую трещинку, через которую можно выпасть из стеклянного шара в пустоту и падать, падать, падать... От постоянного напряжения мало-помалу начинало сводить все тело. Каждый шаг приходилось делать через силу.

— Что случилось, Дженри?

Я застыл посредине белого Ничто. На глазах моих выступили слезы, ресницы тут же смерзлись. Я сказал:

— Упасть боюсь.

— Но ты же привязан, — удивился он. Потом подошел ко мне, увидел, что рядом нет ни единой трещины, понял, в чем дело, и сказал:

— Все. Развиваем лагерь.

— Время еще не пришло, нам бы надо еще немного пройти.

Но он уже распаковывал палатку.

Уже после того, как мы поели, он сказал:

— Самое подходящее время для остановки. Не думаю, что мы сможем идти дальше при такой видимости. Ледник ползет вниз, так что дальше будет еще больше торосов и трещин. При хорошей видимости мы пройдем относительно легко; но только не при Лишенной Теней Ясности.

— Как же в таком случае мы спустимся к Болотам Шензи?

— Ну, если мы снова возьмем чуть восточнее и не будем столь упорно держаться южного направления, то, возможно, доберемся по прочному льду до самого залива Гутен. Я однажды летом видел Великие Льды с лодки, плавая по заливу. Льды спускаются там до самых Красных Холмов и ледяными

реками стекают прямо в залив. Если бы мы пошли по одному из этих языков, то потом по покрытому льдом заливу смогли бы спокойно добраться до южной границы Кархайда и, таким образом, выйти туда с побережья, а не от границы с Ледником, что, возможно, даже лучше. Это, правда, добавит нам сколько-то километров пути — от двадцати до сорока, пожалуй. А ты как считаешь, Дженири?

— Я здесь и пяти метров не пройду, пока держится эта чертова погода.

— Но если мы выберемся на ровный лед?..

— О, если выберемся, тогда все в порядке. А если солнце выглядит еще хоть раз, то можешь садиться в сани, и я тебя бесплатно отвезу в Кархайд. — Это была одна из наших излюбленных шуток на последнем этапе путешествия; все шутки были довольно глупые, но порой и глупость заставляет твоего друга улыбнуться. — Со мной вообще-то ничего особенного. У меня просто острый хронический страх.

— Страх очень полезен. Как темнота и как тени. — Улыбка Эстравена напоминала безобразную щель в покрытой коркой, потрескавшейся коричневой маске, обрамленной черной шерстью и двумя приклеенными по бокам черными осколками скалы — ушами. — Забавно, что одного только света недостаточно. Нужны тени, чтобы знать, куда идти.

— Дай мне на минутку твой дневник.

Он как раз записал, сколько мы прошли за сегодняшний день, и что-то подсчитывал относительно оставшегося пути и нашего рациона. Он подтолкнул записную книжечку и карандаш ко мне, сидевшему по другую сторону печурки. На пустом листке в самом конце книжки я изобразил разделенную кривой линией окружность со знаками Инь и Ян и зачернил ту часть, что обозначала Инь. Потом подтолкнул книжечку обратно к нему.

— Ты знаешь этот символ?

Он очень долго, озадаченно смотрел на него, потом сказал:

— Нет.

— Его изображение обнаружили на Земле, а также на нашей общей прародине, планете Хайн, и еще на Чиффевар. Это Инь и Ян. *Свет — рука левая тьмы...* как там дальше? Свет и тьма. Страх и мужество. Холод и тепло. Женщина и мужчина. И ты сам, Терем: двое в одном. Тень человека на белом снегу и сам человек.

Весь следующий день мы тащились на северо-восток

сквозь белое марево, через *пустоту* белого цвета, до тех пор пока совершенно не перестали попадаться трещины. Шли целый день. Теперь мы съедали лишь две трети своего обычного рациона, надеясь, что так нам удастся растянуть продукты на более долгий срок. Мне даже казалось, что это не будет иметь особого значения — хватит нам их или нет, — поскольку разница между предельно малым и вообще ничем была совсем незаметной. Эстравен, однако, продолжал надеяться, что Фортуна по-прежнему на его стороне. — на этот счет у него, видно, был особый нюх или скорее интуиция, что, впрочем, с тем же успехом могло бы быть названо осознанным опытом и разумным поведением. Мы шли на восток уже четыре дня и сделали четыре самых длинных за это время перехода — от двадцати пяти до тридцати километров в день. Потом тихая и не очень морозная — около -10°C — погода вдруг резко переменилась, начался настоящий бурان, выюга, белые смерчи из бесчисленного множества колючих снежных осколков хлестали в лицо, били в спину и сбоку, кололи глаза; буря эта началась после заката. Мы пролежали в палатке целых три дня, пока вокруг нас зверем завывала пурга, целых три дня этого бессловесного, исполненного ненависти завывания, исходящего из чьих-то страшных, лишенных живого дыхания легких.

Она доведет меня до того, что я тоже завою, — мысленно сказал я Эстравену, и он ответил, неуверенно, коротко: Не имеет смысла. Она все равно слушать тебя не станет.

Долгие часы мы спали, потом немножко ели, пытались подлечить обмороженные места, потертыми и ссадины, мысленно беседовали, потом снова спали. Продолжавшийся три дня неумолчный вой постепенно перешел в невнятное бормотание, потом в негромкий плач, потом наступила тишина. И пришел новый день. Сквозь распахнутую войлокную дверь мы увидели ослепительное сияние небес. От этого сразу стало легче на душе, хотя мы были слишком измучены, чтобы бурно проявить свою радость, скажем, запрыгать от восторга. Мы сложили палатку и вещи, что отняло около двух часов: мы едва ползали, словно два немощных старца. И двинулись в путь. Явно начался спуск, хоть и довольно пологий. Наст был просто великолепен для лыжной пробежки. Сияло солнце. Ближе к полуночи термометр показывал около -20°C . Казалось, что уже само движение прибавляет нам сил — мы продвигались вперед быстро и легко. В тот день мышли до тех пор, пока на небе не появились первые звезды.

На ужин Эстравен выдал по полной порции гиши-миши. При таком раскладе еды у нас хватило бы только на семь дней.

— Колесо фортуны завершает свой оборот, — безмятежным тоном сообщил Эстравен. — Чтобы быстро пройти оставшийся путь, нам необходимо как следует есть.

— Есть, пить и веселиться, — сказал я и неожиданно рассмеялся. Еда подняла мое настроение. — А лучше все вместе — еда, и питье, и веселье. Ведь какое же веселье без еды? — Это показалось мне такой же загадкой, как тот значок в кружке — Инь и Ян, я засмеялся, но что-то было уже не то: что-то в лице Эстравена погасило мое веселье. Мне вдруг захотелось заплакать, но я сдержался. Эстравен был не так крепок в этом отношении, было несправедливо провоцировать у него слезы. Он, кстати, уже уснул — уснул сидя, чашка из-под еды так и осталась стоять у него на коленях. Что-то не похоже было на него, всегда такого методичного и аккуратного. Но вообще-то поспать — идея вовсе не плохая.

На следующее утро мы проснулись довольно поздно, по-завтракали — съели двойную порцию, — потом впяглись в свои полегчавшие сани и потащили их куда-то за край этой снежной вселенной.

Ее край представлял собой крутой, покрытый ледниково-выми отложениями горный склон, где среди белых пятен снега виднелись красноватые валуны. Внизу в мертвенно-бледном свете дня лежало замерзшее море: залив Гутен, покрытый льдом от берега до берега, от границы Кархайда до самого северного полюса.

Чтобы спуститься по этому склону на покрытую льдом поверхность моря, чтобы пробраться между моренными валунами, торосами и прочими заграждениями, созданными Ледником в сражении с теснящими его Огненными Холмами, потребовался весь этот и весь следующий день. Тогда, на второй день спуска, мы оставили на склоне горы свои сани. Имущество вполне можно было унести на себе: один из тюков представлял собой свернутую палатку и часть продуктов, второй — все остальное; на каждого пришлось килограммов по десять груза; я еще сунул в свой мешок печку, но все равно не набралось и двенадцати килограммов. Хорошо было отдохнуть от надоевших постромок, от бесконечного подталкивания и перетаскивания этих саней; я сказал об этом Эстравену, когда мы налегке двинулись в путь. Он оглянулся на сани, одинокие, брошенные в бескрайнем хаосе льдов и красноватых скал.

— Они отлично послужили, — промолвил он. Его верность и преданность одинаково распространялись и на людей, и на вещи — терпеливые, надежные, прочные вещи, к которым привыкаешь. Порой человек только благодаря им и существует, но все равно бросает их и уходит. Ему явно было грустно расставаться с нашими верными санями.

В тот вечер, на семьдесят пятый день нашего путешествия и пятьдесят первый день пребывания на ледяном плато, в Хархахад Аннер, мы спустились с Ледника Гобрин на лед залива Гутен. Снова шли очень долго, пока не стало совсем темно. Воздух был морозный, но прозрачный, и стояло безветрие, а гладкая поверхность замерзшего залива звала в путь; к тому же больше не нужно было тащить за собой сани. Когда в тот день мы поставили палатку и улеглись спать, было странно думать, что под нами больше уже не двухкилометровый ледниковый щит, а всего лишь какой-то метр льда, и под ним — соленая вода моря. Но мы недолго предавались этим размышлениям. Мы были сыты и быстро уснули.

Снова наступил рассвет; небо было ясным, мороз ниже -40°C . На юге отчетливо видно было побережье, изрезанное сползшими языками Ледника и постепенно выравнивающееся почти в прямую линию. Сначала мы шли совсем близко к берегу. Северный ветер помогал нам, дуя в спину. Наконец мы оказались в долине меж двух оранжевых холмов, но при выходе из нее на нас налетел такой ураган, который буквально сбивал с ног. Мы с трудом отползли подальше к востоку, покинув эту ровную морскую поверхность, зато по крайней мере снова смогли стоять на ногах и даже двигаться вперед.

— Это Ледник выплюнул нас из своей пасти, — сказал я.

На следующий день точно перед нами открылся изгиб равнинного восточного берега залива. Справа был все еще Оргорейн, но тот голубой полумесяц впереди — берега Кархайда.

В тот день мы использовали для заварки последние крохи орша и сварили последние жалкие остатки зерен кадик; теперь у нас осталось чуть больше килограмма гиши-миши и около ста граммов сахара.

Я не способен внятно описать последние дни нашего путешествия. Думаю, просто оттого, что не могу по-настоящему восстановить их в памяти. Голод может обострить восприятие, но только не в сочетании с чудовищным переутомлением. Мне кажется, я почти ничего уже больше не ощущал. Помню, что у меня от голода сводило кишечки, но боли при этом не помню. Единственное, что я помню — впрочем, тоже

довольно смутно, — это ощущение свободы, того, что самое страшное осталось позади, и радости. А еще — что все время страшно хотелось спать. Мы достигли земли двенадцатого числа, в день Постер Аннер, и взобрались на заледеневший скалистый берег заснеженного безлюдного залива Гутен.

Итак, мы были в Кархайде. Мы достигли своей цели. Едва не погибнув при этом и не ведая, что будет дальше, ибо в наших заплечных мешках было пусто. Мы вволю напились горячей воды, чтобы отпраздновать это событие. А на следующее утро снова двинулись в путь, надеясь отыскать какую-нибудь дорогу или селение. Это довольно пустынnyй район, а карты у нас не было. Если там и существовали какие-то дороги, то сейчас все они были скрыты двумя, а то и пятью метрами снега, и мы могли пересечь уже несколько из них, так этого и не заметив. Никаких следов сельскохозяйственной деятельности на равнине тоже заметно не было. В тот день мы без толку блуждали по равнине, двигаясь то к югу, то к западу; на следующий день было то же самое, однако к вечеру, уже в сумерках, мы заметили вдалеке на холме огонек, мерцающий сквозь легкий падающий снежок, и оба некоторое время не могли вымолвить ни слова. Просто стояли и смотрели. Наконец мой товарищ прокаркал:

— Неужели огонь?

Давно наступила ночь, когда мы наконец добрали, спотыкаясь, до кархайдской деревушки с одной-единственной улицей, пролегавшей между темными остроконечными домами; снег перед зимними дверями был расчищен, и по обе стороны возвышались высоченные сугробы. Мы остановились у местной харчевни; сквозь щели в ставнях на узких ее окнах изливался — брызгами, лучами, стрелами — желтый свет, тот самый, что мы заметили издалека на заснеженном холме. Мы открыли дверь и вошли.

Это был день Одсордни Аннер — восемьдесят первый день нашего путешествия; мы на одиннадцать дней опоздали, если исходить из графика Эстравена, однако наши запасы пищи он рассчитал точно: на семьдесят восемь дней пути до Кархайда. Мы прошли около тысячи трехсот километров по счетчику и еще невесть сколько, когда блуждали по заливу последние несколько дней. Значительная часть этих долгих трудных километров была пройдена зря: мы часто возвращались или шли кружным путем; если бы нам действительно требовалось пройти полторы тысячи километров, мы вряд ли дошли бы. Когда мы раздобыли хорошую карту, то подсчитали, что расстояние от Фермы Пулефен до этой деревни около тысячи километров с небольшим. И весь этот

бесконечный путь пролегает по абсолютно безлюдной, безмолвной белой пустыне: скалы, лед, небо и тишина — ничего больше в течение восьмидесяти одного дня, кроме нас двоих.

Мы вошли в большую, наполненную горячим паром и запахами еды ярко освещенную комнату. Там было много людей, стоял шум. Я пошатнулся и ухватился за плечо Эстравена. К нам обернулись незнакомые удивленные глаза. Я уже забыл, что существуют еще живые люди, совсем непохожие на Эстравена. Мне стало страшно.

На самом деле это была весьма небольшая комната, а «толпа» состояла от силы из семи—восьми человек; причем все они были потрясены не меньше меня самого. Во всяком случае, некоторое время они молча смотрели на нас, пытаясь понять, кто мы и откуда взялись. Повисла тишина.

Эстравен наконец заговорил — едва слышным шепотом:

— Мы просим покровительства вашего княжества.

Шум, жужжение голосов, смущение, тревога, радушие, приветствия.

— Мы пришли через Ледник Гобрин.

Шум усилился, послышались возгласы удивления, вопросы; все столпились вокруг нас.

— Вы не могли бы позаботиться о моем друге?

Мне показалось, что это сказал я сам, но то был голос Эстравена. Меня уже заботливо усаживали. Потом принесли нам поесть, проявляя всяческую заботу и искреннее радушие.

Невежественные, вздорные, вспыльчивые жители одного из беднейших районов страны! Это их великодушие положило достойный конец нашему тяжелому путешествию. Они давали обеими руками, от всего сердца. Ни малейшего проявления склонности или расчетливости. И Эстравен точно так же принимал, как они давали: как лорд среди лордов или как нищий среди нищих, как равный среди равных ему сыновей одного народа.

Для этих деревенских рыбаков и земледельцев, что жили на самом дальнем краю земли, почти за пределами доступного, земли, лишь с очень большой натяжкой пригодной для обитания, честность играла в жизни столь же первостепенную роль, как и пища. Они могли вести друг с другом только честную игру, тут было не место мошенничеству. Эстравен это знал, а потому, когда через день—два они собирались вокруг нас, выясняя — туманно и обиняком, отдавая должное нашему шифгретору, — зачем это нам понадобилось зимой скитаться по Леднику Гобрин, он сразу ответил:

— Я предпочел бы в данный момент не прибегать к молчанию, однако молчание все же лучше лжи.

— Всем известно, что и очень достойные люди порой становятся изгоями, однако от этого тень их в размерах не уменьшается, — сказал в ответ повар харчевни; в деревенской иерархии он стоял всего лишь на одну ступеньку ниже старости; его харчевня зимой служила как бы общей гостиной для всех жителей.

— Одного могут объявить изгоям в Кархайде, другого — в Оргорейне, — сказал Эстравен.

— Верно; а еще бывает, одного изгоняет родная семья, а другого — король, что живет в Эренранге.

— Король не может укоротить ничью тень, хотя, безусловно, может попытаться это сделать, — заметил Эстравен; повар, казалось, был удовлетворен таким ответом. Если бы Эстравен был изгоям в родном княжестве, его можно было бы подозревать в чем угодно, однако строгости королевских указов были не столь существенны. Что же касается меня, очевидно иностранца, а стало быть, именно того, кто изгнан Оргорейном, то это, пожалуй, более всего было в мою пользу.

Мы так и не назвали своих имен нашим гостеприимным хозяевам в Куркурасте. Эстравен очень не хотел пользоваться чужим именем, а наши подлинные имена, разумеется, обнародованы быть не могли. В конце концов, в Кархайде считалось преступлением даже разговаривать с Эстравеном, не говоря уж о том, чтобы предоставить ему пищу, кров и одежду, как это сделали жители Куркураста. Даже здесь, в самом глухом уголке страны, было радио, так что нельзя было бы сослаться на незнание Указа о Высылке; лишь действительное незнание того, кто же на самом деле был их гостем, несколько оправдывало их действия в глазах закона. Столь уязвимое их положение очень заботило и беспокоило Эстравена, а я не успел даже подумать об этом. На третий вечер он явился ко мне, чтобы обсудить, как нам быть дальше.

Кархайдская деревня похожа на те, что расположены вблизи старинных замков на Земле; здесь практически не существует отдельных хуторов. В высоких, беспорядочно расположенных старинных домах самого Очага, в Торговом Доме, в здании, где жил губернатор (в Куркурасте не было своего князя), или в местном «клубе» каждый из пяти сотен жителей мог не только насладиться уединением, но и стать настоящим затворником — в любой из комнат, выходящих в эти древние коридоры со стенами метровой толщины. Каждому из нас предоставили по такой комнате на верхнем этаже Очага. Я сидел у небольшого камина, в котором жарко горели вонючие торфяные брикеты — торф добывали поблизости, на Болотах Шенши, — когда вошел Эстравен и сказал:

— Мы скоро должны уходить отсюда, Дженри.

Я помню, как он тогда стоял в полутемной, освещенной пламенем камина комнате босиком и в одних свободных меховых штанах, которые дал ему деревенский староста. У себя дома, в тепле (это с их точки зрения у них в домах тепло!), многие кархайдцы предпочитают ходить полуодетыми или почти совсем обнаженными. За время путешествия Эстравен, прежде человек довольно-таки плотный, утратил всю округлость форм, которая вообще свойственна физическому типу гетенианцев; теперь он стал худым, изможденным, лицо его было покрыто шрамами — следами укусов холода, похожими на сильные ожоги. В беспокойных отблесках пламени он выглядел загадочным, мрачным и по-прежнему неуловимым.

— Куда же?

— На юг, потом на запад, по всей вероятности. К границе. Наша первая задача — найти для тебя радиопередатчик, достаточно сильный, чтобы связаться с твоим кораблем. Потом мне нужно или подыскать себе убежище, или отправляться назад, в Оргорейн, — хотя бы на какое-то время, чтобы те, кто помог нам здесь, избежали наказания.

— Но как ты попадешь обратно в Оргорейн?

— Так же, как и в первый раз, — перейду через границу. Оргота против меня ничего не имеет.

— Где же мы можем найти передатчик?

— Не ближе чем в Сассинотхе.

Я поморщился. Он ухмыльнулся.

— А ближе ничего нет?

— Это всего двести — двести двадцать километров; мы ведь прошли куда больше по бездорожью. Здесь везде есть хорошие дороги; люди нас всегда приютят, а при возможности подвезут на автосанях.

Я уступил, однако был подавлен перспективой еще одного зимнего путешествия, и отнюдь не по направлению к гавани, а, наоборот, назад, к той проклятой границе, где Эстравен вновь, вполне возможно, вынужден будет отправиться в ссылку и оставит меня одного.

Я долго размышлял над этим и наконец сказал:

— Кархайду будет поставлено одно непременное условие, прежде чем он получит возможность вступить в Лигу Миров: Аргавену придется отменить указ о твоем изгнании.

Он молча стоял, уставившись в огонь.

— Я не шучу. — Я специально повысил голос. — Всему свой черед.

— Спасибо, Дженри, — проговорил Эстравен. Голос его, когда он говорил так мягко и тихо, как сейчас, был очень

похож на женский, чуть глуховатый и неуверенный. Он с нежностью смотрел на меня, но так и не улыбнулся. — Я ведь и не ожидал когда-либо увидеть снова родной дом. Уже двадцать лет, как я изгнан из Эстре, ты же знаешь. Так что никаких особых перемен в моей жизни из-за отмены королевского указа не произойдет. Уж я сам о себе позабочусь, а ты по-заботься о себе и об Экумене. Это ты должен делать сам, один. Но что-то рано мы заговорили о расставании. Попроси, чтобы твой корабль приземлился немедленно. Когда это произойдет, я решу, как мне быть дальше.

Мы пробыли в Куркурасте еще два дня, наслаждаясь хорошей едой и отдыхом, а также поджиная снегоуплотнитель, который вскоре должен был прибыть сюда с юга и на обратном пути мог немного подвезти нас. Наши хозяева все-таки заставили Эстравена рассказать, как мы с ним шли через Великие Льды. Он рассказал эту историю так, как на то способен лишь человек, выросший под влиянием устной фольклорной традиции; рассказ его превратился в настоящую сагу, полную идиом и весьма расширенных метафор, тем не менее четко связанных с ходом реальных событий и вполне точно передающих их развитие — от наполненного мраком, парами серы и сплохами огня ущелья между Драмнером и Дремеголом до испускающих многоголосое эхо ледяных пропастей, что раскрывались перед нами ближе к заливу Гутен. Были там и комические интерлюдии, вроде его падения в трещину, а также мистические — когда он говорил о голосах и молчании Вечных Льдов, или о «белом Ничто», или о ночной непроницаемой тьме. Я слушал, очарованный не менее остальных, глаз не сводя с темнокожего лица моего друга.

Мы покинули Куркураст, тесно прижавшись друг к другу плечами в кабине снегоуплотнителя — одной из тех огромных, могучих машин, что уплотняют и укатывают снег на дорогах Кархайда. Только благодаря им можно пользоваться дорогами и зимой, ибо если попытаться просто расчистить снег и сгрести его на обочины, то потребуется половина рабочего времени и средств всего королевства. К тому же весь транспорт все равно в зимнее время использует различные типы полозьев. Снегоуплотнитель двигался вперед со скоростью около четырех километров в час, и мы добрались до соседней с Куркурастом деревни уже далеко за полночь. Там, как всегда, нас приветливо встретили, накормили и устроили на ночлег; утром мы встали на лыжи и распрощались с нашим шофером: теперь уже начались вполне густо населенные районы Кархайда, удаленные от побережья и защищенные холмами от страшных ударов северных ветров, дующих с

залива. Да и ночевать нам после очередного перехода приходилось уже не в палатке, а в теплом доме — мы как бы переходили от одного Очага к другому. Пару раз нас подвозили, однажды даже километров на пятьдесят. Дороги, несмотря на сильные и частые снегопады, были плотно укатаны и снабжены указателями. В рюкзаках у нас всегда была еда — ее клали туда те, у кого мы ночевали накануне; в конце пути нас всегда ждали кров и тепло Очага.

И все же последние относительно легкие восемь-девять дней нашего путешествия оказались в моральном отношении куда труднее, чем даже восхождение на Ледник, хуже, чем последние дни во Льдах, когда мы голодали. Сага была завершена; она принадлежала Льдам. А мы были предельно измотаны. Мы шли *не туда*. И радость умолкла в нас.

— Порой приходится идти против движения колеса фортуны, — говорил Эстравен.

Он был по-прежнему спокоен, но по его походке, голосу и повадкам чувствовалось, что энтузиазм в нем сменился терпением, уверенность — упрямой решимостью. Он был чрезвычайно молчалив, часто не желая даже мысленно разговаривать со мной.

Наконец мы добрались до Сассинотха. Небольшой город, несколько тысяч жителей. Дома на склонах холмов по берегам замерзшей реки Эй: белые крыши, серые стены, холмы, покрытые черными пятнами обнаженных лесов и вылезших из-под снега голых скал, поля и скованная льдом река — белоснежная равнина, та самая долина Синотх, из-за которой шла тяжба; там тоже все было бело...

Мы явились в город практически с пустыми руками. Большую часть своей экипировки мы раздали по пути тем гостеприимным хозяевам, у которых ночевали; теперь осталась только печка Чейба, лыжи и одежда — та, что была на нас. Однако мы продолжали путь, раза два спросив дорогу: нам была нужна не та, что ведет в город, а окольная, ведущая на какую-нибудь из пригородных ферм. Это были небогатые края, и ферма, куда мы шли, не входила в состав какого-либо княжества, а являлась единоличным владением в ведении Центральной Администрации долины Синотх. Когда в молодости Эстравен служил здесь, он подружился с владельцем этой фермы и потом фактически купил ее для него — то было год или два назад, когда он пытался реально помочь тем, кто желал поселиться на восточном берегу реки Эй, и надеялся избежать затянувшегося опасного спора двух государств из-за долины Синотх. Фермер сам впустил нас в дом.

Это был плотного сложения человек с тихим голосом, примерно одних лет с Эстравеном. Звали его Тессичер.

Эстравен в этих местах ни разу даже не откинул глубоко надвинутый капюшон на спину, боясь быть узнанным. Вряд ли стоило этого опасаться: требовался чрезвычайно зоркий глаз, чтобы узнать Харта рем ир Эстравена в тощем, обтрапанном, исхлестанном всеми ветрами бродяге. Даже Тессичер время от времени украдкой внимательно поглядывал на него — был не в силах поверить, что он тот, за кого выдает себя.

Гостеприимство Тессичера было выше всяческих похвал, хотя он был явно небогат. Однако в наших отношениях ощущалась какая-то неловкость, словно в глубине души он мечтал никогда не иметь с нами дела. Это было, впрочем, понятно: дав нам приют, он рисковал всем, что у него было. Но поскольку своим благополучием он был обязан исключительно Эстравену — сейчас он вполне мог бы быть таким же изгоем, как мы, если бы некогда Эстравен не позаботился о нем, — казалось, можно было бы хотя бы отчасти отдать свой долг, даже пойдя на риск. Эстравен, однако, об уплате долга вовсе не думал, считая, что его давнишний друг просто не сможет отказать ему в помощи. Когда улеглась первая тревога, вызванная нашим появлением, Тессичер, похоже, действительно понемногу отаял и в полном соответствии с типично кархайдской переменчивостью настроений весьма эмоционально начал вспоминать былые дни и общих старых знакомых, просиживая с Эстравеном по полночи у камина. Когда же Эстравен спросил, нет ли у Тессичера на примете какой-нибудь заброшенной или удаленной фермы, где он, изгнаник, мог бы «залечь» месяца на два, пока его высылка не будет отменена, тот сразу сказал:

— Оставайся у меня.

Глаза Эстравена странно блеснули, но он сдержался. И Тессичер, согласившись с тем, что изгнанику скорее всего небезопасно оставаться так близко от Сассинотха, пообещал подыскать ему подходящее убежище. Это будет не трудно, сказал он, если Эстравен сменит имя и наймется, например, поваром или работником на дальнюю ферму; это, разумеется, не так уж приятно, но все же лучше, чем возвращаться в Оргорейн.

— Какого черта тебе нужно в этом Оргорейне? И на какие средства ты бы там жил, а?

— На средства Комменсалии, — ответил мой друг, и улыбка его снова чуть напомнила мне лукавое выражение на мордочке выдры. — Они ведь каждую «общественную единицу» обязаны обеспечить работой, как тебе известно. Так

что не беспокойся. Но я предпочел бы, конечно, остаться в Кархайде... если ты действительно надеешься все устроить.

У нас оставалась еще печка Чейба — наша единственная ценность. Она верно служила нам в том или ином своем качестве до самого конца этого путешествия. Наутро после прибытия на ферму Тессичера я взял печку и на лыжах отправился в город. Разумеется, Эстравен со мной не пошел, но разъяснил мне, что и как нужно сделать, и все получилось хорошо. Я продал печку, выручил за нее кругленькую сумму, а потом стал подниматься на вершину холма, где размещались здания Торгового колледжа; там же находилась и местная радиостанция. Я заплатил за десять минут «частного разговора с частным лицом». Все радиостанции специально оставляют время для подобных частных выходов в эфир; чаще всего это бывают радиограммы местных купцов своим заморским агентам или заказчикам с Архипелага, из Ситха или из Перунтера; эти разговоры стоят довольно дорого, но в общем вполне доступны. Во всяком случае, у меня еще остались деньги после продажи подержанной печки Чейба. Десять минут были мне выделены в самом начале Часа Третьего, то есть после полудня. Мне не хотелось, чтобы видели, как я средь бела дня направляюсь на лыжах на ферму Тессичера, а потому я весь день проболтался в Сассинотхе и в одной из харчевен заказал обильный, вкусный и довольно дешевый обед. Кархайдская кухня, без сомнения, значительно превосходила орготскую. Я ел и вспоминал комментарии Эстравена на этот счет — в тот раз, когда я спросил его, не навидит ли он Оргорейн; я вспомнил, каким голосом вчера вечером он сказал: «Я предпочел бы остаться в Кархайде...» В голосе его звучала неподдельная нежность. И мне захотелось, уже не в первый раз, узнать, что же такое патриотизм, из чего состоит любовь к родной стране, откуда берется та неколебимая верность, от которой дрожал голос моего друга; и как столь искренняя любовь может стать, и слишком часто становится, безрассудной, злобной, слепой приверженностью. Что заставляет ее до такой степени переродиться?

После обеда я немного побродил по Сассинотху. Городская суeta, магазины и рынки, очень оживленные, несмотря на довольно сильный снегопад и мороз, — все почему-то напоминало мне декорацию к спектаклю, было совершенно нереальным, удивительным. Я, видимо, все еще находился под влиянием великого одиночества, которое пережил во Льдах. Мне было неуютно среди множества чужих людей, мне явно не хватало Эстравена, не хватало его постоянного присутствия.

Уже сгущались сумерки, когда я, поднявшись по крутой, покрытой утрамбованным снегом улочке, подошел к Торговому колледжу; меня впустили в кабину и показали, как пользоваться радиопередатчиком для частных разговоров. В назначенное время я послал сигнал пробуждения на спутник, находившийся примерно на высоте четырехсот пятидесяти километров где-то над Южным Кархайдом. Это было страховочное реле, и теперь настало время им воспользоваться: ансибля у меня не было, и я не мог ни попросить Оллюль вызвать мой корабль, ни выйти с экипажем на прямой контакт. Да и времени не оставалось. Передатчик работал более чем сносно, но, поскольку спутниковое реле неспособно было послать мне подтверждающий сигнал, мне оставалось лишь передать необходимую информацию и ждать. Я не мог даже узнать, получена ли информация экипажем корабля. Не был я уверен и в том, верно ли поступил, отправив свое послание. Но я уже научился принимать неуверенность и страх перед будущим спокойно.

В конце концов метель разыгралась по-настоящему, и мне пришлось заночевать в городе: я плохо знал дорогу, чтобы идти на ферму ночью, в такую метель. У меня еще осталось немножко денег, и я спросил насчет гостиницы, но в колледже мне настойчиво предложили переночевать прямо в студенческом общежитии; я поужинал в шумной компании веселых студентов и переночевал в одной из общих больших спален, заснув с приятным ощущением полной безопасности и той уверенности, которую дает путнику необычайная и неизменная кархайдская доброта и гостеприимство. Я тогда правильно выбрал страну — в тот, самый первый раз — и теперь возвращался туда. Проснулся я очень рано и вышел в путь еще до завтрака; ночью мне снились беспокойные сны, и я часто просыпался.

В ясном небе вставало солнце, маленькое и холодное; от каждой, даже самой маленькой, трещинки или складки в снеговом покрове на запад протянулись длинные тени. Путь мой весь был перечеркнут светлыми и темными полосами. Огромное заснеженное пространство передо мной было совершенно неподвижным, только вдалеке на дороге я увидел маленькую фигурку, которая двигалась мне навстречу летящей, скользящей походкой отличного лыжника. Задолго до того, как я смог рассмотреть его лицо, я узнал Эстравена.

— Что случилось, Терем?

— Мне необходимо немедленно добраться до границы, — сильно задыхаясь, сказал он, но даже не остановился. Я тут же развернулся, и оба мы помчались на запад. Я с боль-

шим трудом спасал за ним. Там, где дорога сворачивала и вела в Сассинотх, он сошел с нее и двинулся напрямик через поля, по нетронутому снегу. Мы миновали замерзшую реку Эй километрах в полутора севернее самого города. Берега у нее были крутыми, так что, поднявшись, мы оба вынуждены были остановиться и пердохнуть. Мы еще недостаточно окрепли для подобных скоростных бросков.

— Что случилось? Тессичер?..

— Да. Я слышал его разговор с кем-то. По транзисторному передатчику. Вечером. — Грудь Эстравена тяжело поднималась и опускалась, он хватал воздух ртом точно так же, как когда лежал на льду, выбравшись из той голубой трещины. — Тайб, должно быть, готов немало заплатить за мою голову.

— Проклятый неблагодарный предатель! — сказал я, заскакаясь от гнева, но имея в виду не Тайба, а, разумеется, Тессичера, предавшего старого друга.

— Такой он и есть, — сказал Эстравен. — Просто я слишком на него понадеялся, заставил слишком напрячься его мелкую душонку. Послушай, Дженри. Возвращайся в Сассинотх.

— Я по крайней мере провожу тебя до границы, Терем.

— Там могут быть орготские стражники.

— Я останусь на этой стороне. Ради Бога...

Он улыбнулся. Все еще тяжело дыша, он оттолкнулся палками и помчался вперед. Я за ним.

Мы миновали небольшой промерзший лесок и пошли по холмистой равнине спорной территории. Здесь некуда было спрятаться. Залитое солнцем небо, белоснежный мир и мы — две темные черточки, две тени, два беглеца. Холмы скрывали от нас границу до тех пор, пока мы неожиданно не оказались буквально метрах в двухстах от нее и не увидели прямо перед собой нечто вроде мощной ограды, верхняя часть которой возвышалась сейчас над снегом едва ли больше чем на полметра. Верхушки столбиков были окрашены в красный цвет. На стороне Оргорейна никаких стражников заметно не было. На нашей были видны лыжные следы, а чуть южнее — несколько маленьких фигурок.

— Вон там кархайдская стража, — с горечью выдохнул Эстравен и покачнулся.

Мы бросились назад, спрятавшись за небольшой возвышенностью, которую только что преодолели. Там мы и провели весь тот долгий день — в лощине меж густо растущих деревьев хеммен; их красноватые лапы склонялись низко, отягощенные грузом снега. Мы обсудили множество различных вариантов: куда лучше двигаться — к северу или к югу вдоль границы, чтобы выбраться из этого сверхопасного райо-

на, и где лучше спрятаться: в холмистой местности к востоку от Сассинотха или на севере, в пустынных безлюдных районах. Однако каждый из наших планов в чем-то был ущербным, так что приходилось его отвергать. Эстравена предали, выдали Тайбу; теперь известно, что он в Кархайде, так что путешествовать открыто, как прежде, стало невозможно. Не могли мы и затаиться, совершая небольшие переходы: у нас не было ни палатки, ни пищи, ни даже просто сил. Ничего не оставалось, кроме отчаянного перехода границы в открытую; все остальные пути были заказаны.

Мы прижались друг к другу в темной впадине под темными деревьями, лежа в снегу и стараясь согреться. Где-то около полудня Эстравен чуточку вздрогнул, но я был слишком голоден и слишком замерз, чтобы уснуть; я лежал рядом с моим другом словно в каком-то забытьи, пытаясь вспомнить те слова из стихотворения, которое он однажды читал мне: *Двое — в одном, жизнь и смерть, и лежат они вместе...* Было немного похоже на то, как мы лежали, бывало, в палатке на Леднике, только теперь у нас не было ни убежища, ни еды, ни возможности отдохнуть: ничего у нас не осталось, кроме той дружбы, которой тоже скоро должен был прийти конец.

Небо к вечеру затуманилось, мороз усилился. Даже в этой защищенной от ветра лощинке было слишком холодно, особенно если сидеть неподвижно. Мы старались как-то размяться, но с наступлением сумерек меня начало трясти от холода точно так же, как когда-то в грузовике-тюрьме, который вез меня через весь Оргорейн на Ферму. Тьма, казалось, никогда по-настоящему не наступит. Когда голубые сумерки сгостились, мы вышли из лощины и, осторожно прячась за стволами, стали продвигаться к границе, пока не смогли разглядеть за холмом линию пограничной стены — несколько неясных возвышений цепочкой на бледном снегу. Ни огонька, ни единого движения, ни звука. Вдалеке, на юго-западе, виднелось неяркое желтое сияние — там был какой-то городок или деревня одной из оргорейских Комменсалий, где Эстравен со своими никуда не годными документами мог бы рассчитывать по крайней мере на ночлег в местной тюрьме или на ближайшей Добровольческой Ферме. И только тогда — именно в тот миг, в тот последний миг, не раньше, — я понял, что именно мой эгоизм и молчание Эстравена скрыли от меня, понял, куда он на самом деле идет и во что намерен ввязаться. И я сказал лишь:

— Терем... подожди...

Но его уже не было рядом, он мчался вниз по склону холма — замечательный лыжник! — и на этот раз не огляды-

вался, чтобы проверить, не отстал ли я. Извилистый уверенный след от его лыж пересекал лежащие на белоснежной поверхности черные тени. Он убегал от меня — прямо под пули пограничной охраны. Мне показалось, они что-то кричали ему, о чем-то предупреждали, приказывали остановиться, где-то вспыхнул прожектор, но теперь я уже ни в чем не был уверен; так или иначе, но он не остановился, он стремительно мчался прямо к пограничной стене, и они убили его прежде, чем он успел до нее добежать. У них были не акустические ружья, а огнестрельные — старинные винтовки, стреляющие разрывными пулями. Они стреляли, чтобы убить. Он уже умирал, когда я подбежал к нему, неловко рухнув на снег, вывернув ноги в лыжных креплениях; лыжи как-то нелепо торчали вверх. У него была разворочена половина груди. Я бережно поднял его голову ладонями, заговорил с ним, но он мне так ни слова и не сказал, только, как бы отвечая на всю мою отчаянно устремившуюся к нему любовь, прокричал мысленно, преодолевая болезненно ломающийся мозг и предсмертную душевную муку, только раз, но очень отчетливо: *Арек!* И все. Я сидел скрючившись в снегу и держал его голову, пока он не умер. Они позволили мне это. Потом заставили меня подняться и повели; его несли следом; мы всешли в одном направлении, только дороги у нас с ним теперь были разные: меня вели в тюрьму, а он уходил во Тьму.

20. НЕВЫПОЛНИМОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Как-то в своем дневнике, который он вел во время нашего перехода через Великие Льды, Эстравен выразил удивление, почему я стыжусь слез. Я мог бы даже тогда ответить ему, что плакать не стыдно, а страшно. Теперь я прошел через все — долину Синотх, тот вечер, когда он умер, — и оказался в ледяной стране, что лежит за пределами страха. И обнаружил, что можно плакать и рыдать сколько угодно, но это уже ничему не поможет.

Меня отвели обратно в Сассинотх и заключили в тюрьму: во-первых, потому что я общался с изгоем; во-вторых, они, возможно, просто не знали, что со мной теперь делать. С самого начала, еще до того, как из Эренранга были получены относительно моей персоны официальные указания, со мной обращались хорошо. Моя кархайдская «темница» представляла собой нормально меблированную комнату в башне того дома, где жил сам губернатор Сассинотха; у меня были камин и радиоприемник; меня пять раз в день вполне

сътно кормили. Комфорта, правда, не было никакого. Постель жесткая, одеяла тонкие, пол голый, в комнате собачий холод — впрочем, как и в любом жилище Кархайда. Зато ко мне прислали врача, чей голос и прикосновения рук вселили в мою душу значительно больше надежды и столь необходимой мне уверенности, чем я когда-либо испытывал в Оргорейне. По-моему, после его прихода дверь в мою комнату так и осталась незапертой. Я помню, что она все время приоткрывалась, и мне даже хотелось, чтобы ее покрепче заперли — из-за леденящего сквозняка, проникавшего сюда из вестибюля. Но у меня не хватало ни сил, ни мужества выбраться из теплой постели и как следует захлопнуть дверь собственной тюрьмы.

Врач, молодой мрачноватый парень, обращавшийся со мной с материнской заботливостью, сказал добродушно и уверенно:

— Вы недоедали и испытывали чрезмерную физическую нагрузку по крайней мере месяцев пять-шесть. Вы израсходовали себя. Больше сил у вас не осталось. Лежите и отдохните. Лежите спокойно, спите, как спят подо льдом реки в зимних долинах. И ни о чем не беспокойтесь: ждите.

Но стоило мне заснуть, как я снова и снова оказывался в том грузовике, и наши обнаженные тела сплетались в единый дрожащий воюющий комок, и мы все теснее жались друг к дружке в поисках тепла. Все, кроме одного. Он один лежал в стороне, на холодном ледяном полу, захлебываясь собственной кровью. Он ушел в одиночку, бросив нас, бросив меня. Я просыпался полный ярости, бессильной, бросающей в дрожь ярости, которая оборачивается бессильными слезами.

По всей видимости, я был серьезно болен — помню ощущение сильного жара, помню, как врач целую ночь просидел возле меня, а может, и не одну. Не могу вспомнить, сколько ночей провел он у моего изголовья, но помню, как говорил ему, слыша в собственном голосе истерические нотки:

— Он ведь мог остановиться. Он видел людей с ружьями. Но бежал прямо на них, под пули...

Некоторое время молодой врач молчал. Потом спросил:

— Неужели вы считаете, что он совершил самоубийство?

— Может быть...

— Страшно говорить такие вещи о своем друге. Да я и не поверю, что Харт рем ир Эстравен мог сделать такое.

Я как-то не подумал об особом отношении гетенианцев к самоубийству — позорному поступку, с их точки зрения. Такое право выбора люди имеют у нас; но не у них. Для них это, наоборот, отказ от выбора, предательство по отноше-

нию к самому себе. Для кархайдца, прочитавшего, например, наше Писание, преступление Иуды не в его предательстве Христа, а в том, что он был заклеймен собственным отчаянием и, отрицая возможность получить прощение, возможность каких-либо перемен, возможность самой жизни, совершил самоубийство.

— Значит, вы не называете его Эстравен-Предатель?

— Никогда этого не делал. Многие не верили обвинениям, выдвинутым против него, господин Аи.

Но я не в состоянии был даже в этом найти хоть какое-то утешение и лишь выкрикнул с болью:

— Но тогда почему они застрелили его? Зачем?

На это он не ответил мне ничего, да и не было на это ответа.

По-настоящему меня ни разу не допросили. Меня просто спрашивали, как я бежал с Фермы Пулефен, как потом попал в Кархайд, а еще — куда и зачем я послал свою радиограмму. Я сказал им все. Информация была немедленно передана прямо в Эренранг, королю. Сведения о корабле, очевидно, решено было держать в тайне, однако новость о моем спасении из орготской тюрьмы, о моем путешествии через Ледник Гобрин среди зимы, мое появление в Сассинотхе свободно комментировались в радиопередачах. Роль Эстравена в этих передачах не упоминалась. Как и его смерть. И все же об этом стало известно всем. Соблюдение секретности в Кархайде в очень большой степени зависит от благородства каждого, от некоего согласованного и осознанного всеобщего молчания. Они, так сказать, избегают задавать вопросы, но готовы слушать ответы. В сводках новостей сообщалось только о Посланнике, господине Аи, но каждому было известно, что именно Харт рем ир Эстравен выкрал меня с Фермы в Оргорейне и прошел со мной вместе через Великие Льды до кархайдской границы, оставил Комменсалам Оргорейна на память волниющую ложь о моей внезапной смерти от лихорадки хорм прошлой осенью в Мишнори... Эстравен довольно точно предсказал реакцию на мое возвращение; он ошибся лишь в том, что, пожалуй, немного недооценил своих соотечественников. Из-за одного-единственного инопланетянина, больного, безучастного и слабого, который безвыходно лежал в своей комнате в Сассинотхе, за десять лней пали целых два правительства.

Разумеется, падение правительства Оргорейна означало лишь то, что одна группировка Комменсалов сменила другую на основных постах в правительстве Тридцати Трех. Чьи-то тени стали короче, чьи-то, напротив, длиннее — так

говаривают в Кархайде. Сарф, который сослал меня на Ферму Пулефен, держался крепко, несмотря на то что уже не впервые был пойман на лжи, приводившей к общественному скандалу, до тех пор, пока Аргавен публично не заявил, что планете в самом ближайшем будущем грозит прибытие Звездного Корабля, который приземлится в Кархайде. В тот же день партия Обсла — Партия Открытой Торговли — захватила большинство мест в правительстве. Так что в конце концов и я им на что-то сгодился.

В Кархайде смена правительства наиболее часто означает лишение королевской милости и отставку премьер-министра в сочетании с перестановками в составе киорремии; хотя также возможны — и довольно часто случаются — убийства, отречение короля от престола и открытый мятеж. Тайб не сделал ни малейшей попытки удержаться у власти. Мой теперешний авторитет в международной «игре шифгреторов» плюс реабилитация (до известной степени) Эстравена, который был моим сообщником и другом, давали мне такой существенный перевес, что Тайб подал в отставку, как я узнал позднее, еще до того, как правительство в Эренранге узнало, что я вышел на связь с кораблем. Тайб действовал в соответствии с полученной от своего агента Тессичера информацией и, едва узнав о том, что Эстравен погиб, сразу подал в отставку. Он и проиграл, и отомстил — все сразу.

Аргавен, будучи осведомленным обо всем, немедленно послал мне вызов, точнее, приглашение как можно скорее приехать в Эренранг; вместе с этим приглашением я получил весьма великолушное предложение не стесняться в средствах. Город Сассинотх, проявив не меньшее великолушье, отправил в качестве моего сопровождающего молодого врача, поскольку я еще далеко не поправился. Ехали мы в автосанях. Я помню только отдельные эпизоды этого путешествия; ехали мы плавно, неспешно, с длительными остановками, поджидая, пока снегоуплотнители сделают свое дело, и ночуя в гостиницах. Все путешествие заняло от силы два-три дня, но показалось мне чрезмерно длинным; я не особенно хорошо его помню, отчетливо помню только, как мы въехали в Эренранг через Северные ворота и сразу оказались на его глубоких улицах, полных снега и теней.

Я почувствовал, как сердце мое сразу ожесточилось, а мозг, напротив, заработал удивительно четко. До этого момента я был как бы в разобранном состоянии, я разваливался на куски, мне трудно было даже просто сосредоточиться. Но теперь, несмотря на усталость, вызванную этим, в общем-то, очень легким путешествием, я почувствовал, как

во мне пробудилась некая неистребимая сила. Сила привычки скорее всего, потому что этот город я действительно хорошо знал, здесь я жил и работал почти два года. Мне были знакомы эти улицы, башни, мрачные дворы и фасады дворцовых зданий. Я точно знал, что должен сделать, прибыв сюда. Тем не менее впервые мне стало совершенно ясно: раз мой друг умер, я должен довести до конца то дело, ради которого он умер. Я должен построить ворота и возложить замковый камень.

У дворцовых ворот меня поджидал приказ короля: следовать в одно из зданий, специально предназначенных для гостей и находящихся во внутреннем дворце. Это была Круглая Башня, что означало высшую степень королевского расположения, милости и уважения к моему шифгретору. Причем скорее не столько даже расположение, сколько признание королем моего и без того уже высокого статуса. Здесь обычно селили послов дружественных держав. Что ж, добрый знак. Чтобы попасть в Круглую Башню, однако, нам пришлось миновать Угловой Красный Дом, и я посмотрел на узкие ворота с аркой, на обнаженное дерево, склонившееся над серым ото льда прудом, на сам дом, который так и стоял пустой.

В дверях Круглой Башни меня встретил человек в белом хайэбе, алой рубахе и с серебряной цепью на груди: то был Фейкс-Ткач из Цитадели Отерхорд. Увидев его доброе, красивое лицо — первое знакомое мне лицо за много-много дней, — я вдруг почувствовал облегчение, жестокая решимость моя несколько смягчилась. Когда Фейкс взял обе мои руки в свои — а в Кархайде нечасто употребляют это приветствие — и поздоровался со мной как с самым близким другом, я тоже испытал прилив дружеских чувств.

Оказалось, что еще ранней осенью он был послан в киорремию Кархайда как представитель округа Южный Рир. Избрание членов Королевского Совета из числа Обитателей Цитаделей Хандары — дело не такое уж необычное, хотя для Ткача не совсем обычно принять должность государственного чиновника, и, я полагаю, Фейкс отказался бы от нее, если бы не был искренне обеспокоен деятельностью Тайба и тем, куда это может завести страну. А потому он снял свою золотую цепь Ткача и надел серебряную — цепь советника и члена киорремии. Ему не потребовалось много времени, чтобы занять подобающее положение в правительстве: уже в месяце Терн он был избран членом Хес-киорремии, или Внутреннего Совета, который как бы уравновешивал деятельность премьер-министра. Назначил его на этот

высокий пост сам король. По всей видимости, он был теперь на пути к тому высокому посту, который менее года назад занимал в Кархайде Эстравен. Политические взлеты и падения в этом государстве внезапны и стремительны.

В Круглой Башне, холодном, помпезном и не слишком просторном доме, мы с Фейксом смогли поговорить наедине, прежде чем пришлось встретиться с другими людьми или делать какие-то официальные заявления. Он спросил, глядя на меня своими ясными глазами:

— Значит, сюда летит Звездный Корабль и будет садиться здесь и этот корабль значительно больше, чем тот, на котором ты приземлился на острове Хорден три года назад? Верно?

— Да. Это так. Я связался с ними, и они должны были подготовиться к посадке.

— Когда прилетит корабль?

Только тут я понял, что не знаю даже, какой сегодня день, а значит, я действительно был очень и очень болен. Пришлое начать отсчет со дня гибели Эстравена, и стало ясно, что корабль, если в момент выхода на связь со мной он находился на минимальном расстоянии от Гетен, теперь должен бы уже находиться на орбите планеты, ожидая от меня дополнительных директив. Мне стало не по себе.

— Я должен немедленно связаться с кораблем. Им понадобятся подробные инструкции. Где, по мнению короля, им лучше всего приземлиться? Нужно безлюдное и довольно обширное пространство. Мне необходимо немедленно пройти к передатчику...

Все было тут же устроено с небывалой легкостью. Бесконечный туман моих прежних сложных отношений с правительством Эренранга, сопровождавшийся постоянными крушениями моих надежд, растаял, как упавшая в бурную реку глыба льда. Колесо фортуны все-таки повернулось... На следующий день король уже назначил мне аудиенцию.

Шесть месяцев потребовалось Эстравену, чтобы только подготовить мою первую аудиенцию. И вся его оставшаяся жизнь — чтобы подготовить эту, вторую.

На этот раз я был слишком утомлен, чтобы испытывать тревогу или волнение, и в голову мне приходили такие мысли, которые оказались сильнее осторожности и застенчивости. Я прошел через длинный красный зал под пыльными знаменами и остановился перед троном, с трех сторон которого в трех больших каминах, потрескивая, жарко горел огонь, искры улетали в трубу. Король, нахохлившись, сидел на резном стуле перед центральным камином у стола.

— Садитесь, господин Аи.

Я уселся напротив него, по другую сторону от камина, и в свете пламени увидел его лицо. Он выглядел нездоровым и старым. Он выглядел как женщина, потерявшая ребенка; как мужчина, навсегда утративший сына.

— Итак, господин Аи, ваш корабль намерен приземлиться?

— Он приземлится в Атен Фен, как вы предложили, Ваше Величество. Посадка должна состояться сегодня вечером, в начале Часа Третьего.

— А что, если они промахнутся? Не сожгут ли они все вокруг?

— Они будут точно следовать указаниям радиомаяка; он уже настроен. Они не промахнутся.

— А сколько их там — одиннадцать? Это правда?

— Да. Не так много, чтобы стоило опасаться, государь.

Руки Аргавена дернулись, но так и остались на месте.

— Я больше не опасаюсь вас, господин Аи.

— Я рад.

— Вы верно служили мне.

— Но я вам не слуга.

— Я знаю, — равнодушно откликнулся он, неотрывно глядя в огонь и посасывая губу.

— Мой передатчик-ансибль, по всей вероятности, находится в руках Сарфа в Мишнори. Однако на борту корабля есть другой ансибль. Впредь, если Ваше Величество не возражает, я буду именоваться Полномочным Послом Экумены на планете Гетен и обрету соответствующие права для обсуждения и подписания договора о сотрудничестве между Экуменой и Кархайдом. Мой статус и условия договора можно подтвердить, связавшись со Стабилями планеты Хайн с помощью ансибля.

— Прекрасно.

Больше я ничего не стал говорить: он как-то не очень внимательно меня слушал. Молчал и ворошил поленья в камине носком башмака, потом пнул дрова так, что целый сноп красных искр взметнулся вверх.

— Какого черта он меня обманывал? — вдруг нервно спросил он высоким, визгливым голосом и впервые посмотрел мне прямо в глаза.

— Кто? — спросил я и тоже посмотрел прямо на него.

— Эстравен.

— Он заботился о том, чтобы вы сами не впали в заблуждение, Ваше Величество. Он убрал меня с ваших глаз долой, когда вы начали оказывать явное предпочтение моим врагам. И он же вернул меня обратно, когда уже само по себе мое возвращение могло убедить вас принять Посла Экумены и поверить в ее дружественные намерения.

— Почему он никогда даже словом не обмолвился о большом корабле?

— Потому что он о нем не знал: я никогда о нем никому не рассказывал, пока не попал в Оргорейн.

— Ну и замечательную компанию вы оба там подобрали себе для болтовни! Он ведь пытался сделать так, чтобы именно Оргорейн первым принял послов Экумены. Он постоянно был связан с Партией Открытой Торговли. И вы еще будете мне доказывать, что он не предатель?

— Да, он не предатель. Он просто понимал, что, какое бы государство планеты первым ни вступило в союз с Экуменой, следующие вскоре пойдут по тому же пути; так это и произойдет: вашему примеру последуют Ситх, и Перунтер, и Архипелаг — еще до того, как Кархайд найдет с ними общий язык. Эстравен горячо любил свою родину, Ваше Величество, но он не ей служил и не вам. Он служил тому господину, которому служу и я.

— Экумене? — изумленно спросил Аргавен.

— Нет. Человечеству.

Говоря так, я не был до конца уверен в правоте своих слов, но по крайней мере отчасти это была правда. Было бы не менее правдиво заявить, например, что Эстравен действовал из чисто личных побуждений, из-за преданности, из-за ответственности за жизнь своего друга — одного единственного человека. Из-за меня. Впрочем, и это тоже была бы не вся правда.

Король мне так и не ответил. Его мрачное, обрюзгшее лицо, окруженное длинными встрепанными волосами, снова было обращено к огню.

— Почему вы связались со своим кораблем прежде, чем сообщили мне о возвращении в Кархайд?

— Чтобы подтолкнуть вас, Ваше Величество. Письмо к вам легко мог перехватить лорд Тайб, который тут же выдал бы меня властям Орготы. Или по его распоряжению меня пристрелили бы. Как моего друга.

Король промолчал.

— Собственная моя жизнь всех этих усилий и жертв, разумеется, не стоила, однако существовала необходимость, которая существует и сейчас, выполнить свой долг по отношению к планете Гетен и Экумене, решить заданную мне задачу. Я послал сигнал на корабль до того, как оповестил вас, потому что мне необходимо было получить поддержку, обеспечить себе возможность выполнить поставленную задачу. Таков был совет Эстравена; он оказался прав.

— Да, что ж, пожалуй, он не ошибся... В любом случае корабль приземляется в Кархайде; мы будем первыми... А они

все такие, как вы, да? Все Первверты, все вечно в кеммере? М-да... Забавная компания борется за честь быть принятой... Объясните лорду Горчерну, моему камергеру, как следует их принимать. Позаботьтесь, чтобы не возникало никаких обид или оплошностей. Они разместятся во Дворце, там, где вы сочтете наиболее удобным. Я хочу оказать им честь. Вы отлично помогли мне повернуть колесо фортуны, господин Аи. Сделали из Комменсалов лжецов, а потом — дураков.

— А в скором времени — ваших союзников, государь.

— Знаю! — взвизгнул он. — Но первым будет Кархайд... Кархайд будет первым!

Я кивнул.

Помолчав немного, он спросил:

— А как было там, когда вы шли через Великие Льды?

— Нелегко.

— С Эстравеном, должно быть, очень хорошо тянуть одни сани, особенно если пускаешься в такое безумное путешествие. Он был тверд, как железо. И никогда не выходил из себя. Мне жаль, что он умер.

Ответа у меня не нашлось.

— Я приму ваших... соотечественников завтра днем, во Втором Часу. Вы хотите еще что-нибудь мне сказать?

— Ваше Величество, не могли бы вы отменить указ об изгнании Эстравена, чтобы смыть позор с его имени?

— Пока еще нет, господин Аи. Не торопите события. Еще что?

— Больше ничего.

— Тогда ступайте.

Даже я предал его. Я ведь сказал ему тогда, что не стану сажать корабль, пока его ссылке не будет положен конец, пока не смоют позор с его имени. Но я не мог пожертвовать тем, ради чего он умер, настаивая на отмене указа. Это все равно не вернуло бы его из той ссылки, в которой он был теперь.

Остаток дня мы с лордом Горчерном и еще одним придворным провели в подготовке к приему и размещению команды корабля. В Часу Втором мы выехали на автосанях в Атен Фен — это примерно в сорока километрах от Эренранга. Сажать корабль решили здесь, в пустынном краю, на торфяных болотах. Для земледелия и нормальной жизни здесь было слишком влажно, зато посередине месяца Иррем, первого месяца весны, болота представляли собой ровную твердую площадь, покрытую толстенным слоем снега. Радиомаяк работал весь день без перерыва, и были получены подтверждающие сигналы с корабля.

Снижаясь, мои друзья на своих экранах могли видеть

терминатор, границу между освещенной и неосвещенной частями планеты, проходящую как раз посредине Великого Континента — вдоль границы от залива Гутен к заливу Чарисун; и вершины массива Каргав, все еще залитые солнцем, и цепочку звезд, потому что уже сгостились сумерки, когда мы, глядя вверх, увидели, что одна из звезд плавно снижается.

Ракета приземлилась с торжествующим шумом, пар с ревом вырвался из-под ее стабилизаторов, когда она села, создав огромное озеро из замерзшей воды и грязи; под болотами пролегал слой вечной мерзлоты, так что основа была прочной, как гранит, и ракета в конце концов обрела равновесие и затихла, остывая посреди вновь замерзающего болота, словно огромная изящная рыба, стоящая на собственном хвосте и отливающая темным серебром в сумерках планеты Зима.

Рядом со мной Фейкс из Оттерхорда произнес первые слова с тех пор, как корабль в шуме и великолепии своем начал посадку.

— Я рад, что дожил — и увидел это, — сказал он.

Так сказал тогда и Эстравен, глядя на Ледник, на Смерть; так сказал бы он и сейчас, в этот вечер. Чтобы отвлечься от горестных мыслей, приводящих меня в отчаяние, я пошел по снегу прямо к кораблю. Он уже покрылся морозным инеем, так как внутри заработали кондиционеры. Я не успел дойти: высоко над землей распахнулась дверца, выдвинулась лестница, изящной дугой опустившись на лед. Первой из корабля вышла Ланг Гео Гью, разумеется совсем не изменившаяся, точно такая же, какой я видел ее в последний раз — три года этой моей жизни назад и всего-то пару недель ее собственной жизни. Она посмотрела на меня, на Фейкса, на остальных сопровождавших меня людей и остановилась на нижней ступеньке лестницы.

Потом торжественно сказала по-кархайдски:

— Я пришла как друг.

Для нее поначалу все мы казались одинаково чужими. Я позволил Фейксу первым поздороваться с ней.

Он указал на меня, и она подошла, пожала мою правую руку, как это принято у моих соотечественников, и заглянула мне в лицо.

— Ох, Дженили, — сказала она. — Я тебя и не узнала!

Странно было после столь долгого перерыва услышать женский голос. Все остальные члены экипажа тоже вышли из корабля — согласно моему совету: любое, даже малейшее недоверие уничижило бы кархайдцев, ущемило бы их шифгретор. Так что все вышли наружу и весьма мило приветствовали сопровождавших меня людей. Но почему-то все они каза-

лись мне странными — все эти *мужчины и женщины*, — несмотря на то что я хорошо их знал. И голоса их звучали странно: одни слишком низкие, другие слишком высокие... Они казались похожими на стадо крупных загадочных животных двух различных типов; на больших обезьян с умными глазами; и все они одновременно были в кеммере... Они пожимали мне руку, касались меня, обнимали...

Мне наконец удалось совладать с собой и быстро сообщить Гео Гью и Тульеру то, что им было абсолютно необходимо узнать немедленно относительно сложившейся ситуации. На это хватило нашего обратного пути в Эренранг. Однако, когда мы добрались до Дворца, мне пришлось оставить их и немедленно отправиться к себе.

Вошел врач из Сассинотха. Его спокойный голос, его лицо — молодое, серьезное лицо не мужчины и не женщины, а просто *человека!* — принесли мне облегчение; его лицо было мне знакомо, оно было таким, как надо... Однако, заставив меня немедленно лечь в постель и сделав мне инъекцию слабенького транквилизатора, он заявил:

— Я уже видел ваших приятелей, Посланников. Замечательное и удивительное событие: со звезд прилетают люди! И мне самому довелось быть этому свидетелем!

И в голосе его звучало то удовлетворение, то мужество, которое особенно свойственны кархайдцам и вызывают мое наибольшее восхищение. Я хоть и не мог разделить с ним его восторга, но отрицать, что все это действительно замечательно, было бы полным вранья, и я сказал хоть и не искренне, зато абсолютную правду:

— Да, это действительно замечательно! И для них тоже — прилететь в новый мир, к новому человечеству!

В конце весны, в последние дни месяца Тува, когда кончалось снеготаяние и автодороги снова становились доступными, я взял в своем маленьком посольстве в Эренранге отпуск и отправился на восток. Люди мои теперь были разосланы по всей планете. Поскольку нам было официально разрешено пользоваться своим воздушным транспортом (аэромобилями), то Гео Гью и еще трое взяли один из аэромобилей и улетели далеко — в Ситх и на Архипелаг, государства на островах, которые я как-то совсем упустил из виду. Остальные были в Оргорейне, а еще двое, правда с неохотой, отправились в Перунтер, где весенние паводки не начинаются раньше месяца Тува, а зимние морозы прекращаются как минимум на неделю позже, чем везде. Тульер и Кеста прекрасно справлялись с делами в Эренранге. Неожиданностей ничто не предвещало, а особо срочных дел и не было. В конце

концов, даже если бы и случилось что-то, то пришлось бы справляться своими силами: корабль с ближайшей из новых соседок-союзниц Гетен смог бы добраться до нее самое быстро за семнадцать лет межгалактического времени. Это действительно был маргинальный мир, мир на самом краю Вселенной. За ним по направлению к южной части созвездия Орион не было обнаружено ни единой галактики, где жили бы люди. И долог путь с планеты Зима до планет Экумены, колыбели человеческой расы: пятьдесят лет до Хайна и целая человеческая жизнь до моей родной Земли. Спешить некуда.

Через Каргав я перебрался на этот раз по нижним перевалам, по одной из дорог, которая серпантином вилась вверх от побережья Южного моря. Я заехал в ту самую первую деревню на этой планете, куда рыбаки привели меня, когда я приземлился на Острове Хорден три года назад; обитатели Очага принимали меня сейчас точно так же, как и тогда: не выказывая ни малейшего удивления. Я провел неделю в большом портовом городе Татере в устье реки Энч, а потом в первые дни лета пешком двинулся в княжество Керм.

Я шел на юго-восток, в глубь суровой скалистой местности, где крутые утесы перемежались зелеными холмами, где текли полноводные реки и дома стояли уединенно, вдали друг от друга, и наконец добрался до Ледяного озера. Если смотреть с его берега на юг, то в холмах виден странный свет, который я узнал сразу: белая мерцающая вуаль в небесах, отблеск далекого Ледника. Там далеко были Великие Льды.

Эстре — старинное поселение. И сам Очаг, и находящиеся вне его стен постройки — все было из серого гранита, выбруленного прямо в той горе, к склону которой он прлепился. Место было мрачное, открытое всем ветрам. Вой ветра, казалось, не умолкал ни на минуту.

Я постучал, и дверь отворилась. Я сказал:

— Я прошу покровительства вашего Очага. Я был другом Терема из Эстре.

Человек, открывший мне дверь, стройный мрачноватый юноша лет девятнадцати-двадцати, молча выслушал меня и молча провел внутрь дома. Сначала — в умывальную комнату, в туалет, потом — на огромную кухню; наконец, увидев, что чужестранец умыт, одет и накормлен, он с облегчением предоставил меня самому себе, проводив в спальню, окна которой смотрели на серое озеро и бесконечные серые леса деревьев тор, простирающиеся между Эстре и Стоком. Мрачная эта была земля и мрачный дом. Огонь ревел в большом камине, как всегда давая больше тепла для глаз и души, чем для тела, кроме того, каменные пол и стены, пронзи-

тельный ветер, что дул с гор, с Ледника, и сами Вечные Льды высасывали большую часть того незначительного тепла, что давали горящие в очаге поленья. Но я уже не так страдал от холода и больше уже не дрожал, как прежде, в первые свои два года на планете Зима; я уже достаточно много пережил в этих холодных краях.

Примерно через час тот же юноша (во внешности и движениях у него была девичья грация, однако ни одна девушка не смогла бы так долго хранить столь мрачное молчание) явился и сообщил мне, что князь Эстре готов принять меня, если мне угодно. Я пошел за ним вниз по лестнице, по длинным коридорам, где вовсю шла какая-то детская игра вроде пряток. Вспугнутые нашим появлением дети столпились вокруг, малышня повизгивала от возбуждения, подростки скользили следом, словно тени, от одной двери к следующей, правда зажав руками рты, чтобы не прыснуть со смеху. Один маленький толстячок лет пяти-шести споткнулся о мои ноги и схватил моего сопровождающего за руку, ища защиты.

— Сорве! — пропищал он, не сводя с меня расширенных от изумления глаз. — Сорве, я хочу спрятаться в пивоварне!..

И исчез, словно камешек, пущенный из пращи. Юноша по имени Сорве, нисколько не изменив выражения лица, снова повел меня дальше, и наконец мы оказались во Внутреннем Очаге у лорда Эстре.

Эсванс Харт рем ир Эстравен был уже старым человеком, за семьдесят, со скрюченной артритом поясницей. Он сидел очень прямо на вращающемся кресле возле огня. У него было широкое лицо с резкими чертами, как бы слаженными долгой жизнью, словно обкатанный бурным потоком камень. Спокойное лицо, *страшно спокойное*.

— Вы тот самый Посланник, Дженри Аи?

— Да. Это я.

Он смотрел на меня, я на него. Терем был его родным сыном, сыном этого старого человека. Терем — младший, Арек — старший. Арек был братом Эстравена, это его голос слышал он, когда мы с ним разговаривали мысленно; теперь оба брата были мертвые. Я искал и не мог найти ничего похожего на лицо моего друга в этом изношенном, спокойном, суровом, старом лице, поднятом мне навстречу. Ничего, кроме уверенности — неоспоримой, неумолимой — в том, что Терем умер.

Я зря надеялся обрести утешение в Эстре. Здесь утешения быть не могло; да и что могут изменить странствия по местам детства и юности моего покойного друга, как могу я заполнить пустоту в своей душе, обрести утешение или уме-

рить сожаления? Теперь уже ничего изменить нельзя. Мой приезд в Эстре имел, однако, и вполне конкретную цель, и это дело я решил довести до конца.

— Мы с вашим сыном прожили вместе несколько долгих месяцев. Я был с ним рядом, когда он умер. Я принес вам его дневники. И если я мог бы что-то рассказать вам об этих днях...

Лицо старика по-прежнему ничего не выражало. Это спокойствие трудно было нарушить. Но тут неожиданно юноша вышел из затемненного угла на освещенное пространство между окном и камином; неяркие отблески пламени плясали на его лице; он хрипло проговорил:

— В Эренранге его все еще называют Эстравен-Предатель.

Старый князь посмотрел сперва на юношу, потом на меня.

— Это Сорве Харт, — сказал он, — наследник Эстре, сын моего сына.

У них не существует запрета на инцест, я достаточно хорошо это знал, но все же мне, землянину, трудно было воспринять это сердцем и странно было видеть отсвет души моего друга на лице мрачного, с яростно блестящими глазами мальчика. На какое-то время я лишился способности говорить. А когда наконец снова заговорил, голос мой слегка дрожал:

— Король намерен публично отказаться от своего приговора. Предателем Терем не был. Разве имеет значение, как его называют всякие глупцы?

Князь медленно и спокойно кивнул.

— Имеет, — сказал он.

— Вы прошли через Ледник Гобрин вместе с ним? — спросил Сорве. — Вы и он? Вдвоем?

— Да, прошли.

— Мне бы хотелось послушать историю об этом переходе, господин Посланик, — сказал старый Эсванс очень спокойно.

Но мальчик, сын Терема, с трудом, заикаясь, проговорил, перебивая старика:

— Вы ведь расскажете нам, как он умер?.. Расскажете о других мирах, что существуют среди звезд... и о других людях, о другой жизни?

ГЕТЕНИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ И ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ

ГОД. Период обращения вокруг солнца составляет для планеты Гетен 8401 земной стандартный час, или 0,96 земного стандартного года. Период обращения вокруг собственной

оси — 23,08 земного часа: гетенианский год состоит из 364 дней.

В Кархайде и Оргорейне годы не нумеруются последовательно от определенной точки отсчета; каждый раз такой точкой отсчета является текущий год. В первый день нового года, Гетени Терн, окончившийся год превращается в «год прошлый», и к каждому прошедшему дню прибавляется единица. Последующие годы отсчитываются точно так же, следующий год называется «годом грядущим», пока в свою очередь не превращается в Год Первый.

Неудобство подобной системы при составлении хронологических записей устраняется различными способами, например соотнесением с хорошо известными событиями, с периодами правления королей, князей и тому подобными фактами. Последователи культа Йомеш отсчитывают время 144-годичными циклами от Рождества Меше (2022 года назад, в 1492 экуменическом году) и каждые двенадцать лет устраивают ритуальный праздник; но это исключительно культовая система летосчисления и официально не используется даже правительством Оргорейна.

МЕСЯЦ. Период обращения гетенианской луны вокруг планеты составляет 26 гетенианских дней; луна всегда обращена к планете одной и той же стороной. В году четырнадцать месяцев, и, поскольку солнечный и лунный календари практически совпадают, поправку необходимо вносить лишь раз в двести лет; дни месяцев остаются одними и теми же, как и дни, совпадающие с фазами луны. Кархайдские названия месяцев:

Зима:	1. Терн	Лето:	8. Осме
	2. Танерн		9. Окре
	3. Ниммер		10. Кус
	4. Аннер		11. Хаканна
Весна:	5. Иррем	Осень:	12. Гор
	6. Мот		13. Сузми
	7. Тува		14. Грэнде

26-дневный месяц делится на две равные половины, по тринадцать дней в каждой (полумесяц).

ДЕНЬ. День (23,08 стандартного земного часа) делится на десять Часов (см. ниже); будучи постоянной величиной, дни месяца обычно называются именами собственными, как наши дни недели, а не обозначаются числом. Многие из на-

званий дней соотносятся с фазами луны, например Гетени — «тьма», Архад — «первая четверть луны» (новолуние) и т.д. Префикс «од-», используемый в названиях второй половины месяца, имеет реверсивный характер, придающий отрицательное значение. Так, например, слово Одгетени можно перевести как «нетьма». Вот кархайдские названия дней месяца:

1. Гетени	14. Одгетени
2. Сордни	15. Одсордни
3. Эпс	16. Одепс
4. Архад	17. Одархад
5. Нетерхад	18. Оннетерхад
6. Стрет	19. Одстрет
7. Берни	20. Обберни
8. Орни	21. Одорни
9. Хархахад	22. Одархахад
10. Гырни	23. Одгырни
11. Йирни	24. Одийирни
12. Постхе	25. Отпостхе
13. Торменбод	26. Отторменбод

ЧАС. Десятичная система счисления времени, используемая во всех культурах планеты Гетен, может быть следующим образом (хотя и весьма приблизительно) интерпретирована с помощью земных полусуток, состоящих из двенадцати часов (примечание: это лишь приблизительное руководство для ориентации в гетенианском времени с точки зрения земных суток в применении к гетенианскому Часу, так что сложности, вызванные тем, что в гетенианских сутках всего 23,08 земного часа, можно считать несущественными):

Час Первый	с полудня до 14.30
Час Второй	с 14.30 до 17.00
Час Третий	с 17.00 до 19.00
Час Четвертый	с 19.00 до 21.30
Час Пятый	с 21.30 до полуночи
Час Шестой	с полуночи до 2.30
Час Седьмой	с 2.30 до 5.00
Час Восьмой	с 5.00 до 7.00
Час Девятый	с 7.00 до 9.30
Час Десятый	с 9.30 до полудня.

Слово для «леса»
и «мира» одно

Глава 1

В момент пробуждения в мозгу капитана Дэвидсона всплыли два обрывка вчерашнего дня, и несколько минут он лежал в темноте, обдумывая их. Плюс: на корабле прибыли женщины. Просто не верится. Они здесь, в Центрвилле, на расстоянии двадцати семи световых лет от Земли и в четырех часах пути от Лагеря Смита на вертолете — вторая партия молодых и здоровых колонисток для Нового Таити, двести двенадцать первосортных баб. Ну, может быть, и не совсем первосортных, но все-таки... Минус: сообщение с острова Свалки — гибель посевов, общая эрозия, полный крах. Вереница из двухсот двенадцати пышногрудых соблазнительных фигур исчезла, и перед мысленным взором Дэвидсона возникла совсем другая картина: он увидел дождевые струи, рушащиеся на вспаханные поля, увидел, как плодородная земля превращается в грязь, а потом в рыжую жижу и потоками сбегает со скал в исхлестанное дождем море. Эрозия началась до того, как он уехал со Свалки, чтобы возглавить Лагерь Смита, а зрительная память у него редкая — что называется, эйдетическая, потому он и видит это так живо, с мельчайшими подробностями. Похоже, умник Кеес прав — на земле, отведенной под фермы, надо оставлять побольше деревьев. И все-таки, если вести хозяйство по-научному, какого черта нужны на соевой ферме деревья, которые только отнимают землю у полей? В Огайо по-другому: если тебе нужна кукуруза, так и сажаешь кукурузу, и никаких тебе деревьев и прочей дряни, чтоб только зря место занимать. Но с другой стороны, Земля — обжитая планета, а о Новом Таити этого не скажешь. Для того он сюда и приехал, чтобы обжить ее. На Свалке теперь одни овраги и камни? Ну и черт с ней. Начнем снова на другом острове, только теперь основательнее. Нас не остановишь — мы люди, мужчины! «Ты скоро почувствуешь, что это такое, эх ты, дурацкая, богом забытая планетишкa!» — подумал Дэвидсон и усмехнулся в темноте, потому что любил брать верх над трудностями. Мыслящие

люди, подумал он, мужчины... женщины... и снова перед его глазами поплыла вереница стройных фигур, кокетливые улыбки...

— Бен! — взревел он, сел на постели и спустил босые ноги на пол. — Горячая вода, быстро-быстро!

Собственный оглушительный рев окончательно пробудил его. Он потянулся, почесал грудь, надел шорты и вышел в залитую солнцем вырубку, наслаждаясь легкими движениями своего крупного мускулистого, тренированного тела. У Бена, его пискуна, как обычно, уже закипала в котле вода, а сам он, как обычно, сидел на корточках, уставившись в пустоту. Все они, пискуны, такие — никогда не спят, а только усядутся, замрут и смотрят неизвестно на что.

— Завтрак. Быстро-быстро! — скомандовал Дэвидсон, беря бритву с дошатого стола, на который пискун положил ее вместе с полотенцем и зеркалом.

Дел сегодня предстояло много, потому что в самую последнюю минуту, перед тем как спустить ноги с кровати, он решил слетать на Центральный и посмотреть женщин. Хоть их и две сти двенадцать, но мужчин-то больше двух тысяч, и им недолго оставаться свободными. К тому же, как и в первой партии, почти все они, конечно, «невесты колонистов», а просто подзаработать приехало опять двадцать-тридцать, не больше. Но зато девочки классные, и уж на этот раз он перехватит какую-нибудь штучку позабористее. Дэвидсон ухмыльнулся левым уголком рта, энергично водя жужжащей бритвой по неподвижной правой щеке.

Старый пискун копошился у стола — целый час идиоту надо, чтобы принести завтрак из лагерной кухни!

— Быстро-быстро! — рявкнул Дэвидсон, и шаркающая вялая походка Бена немного ускорилась.

Бен был ростом около метра. Мех у него на спине из зеленого стал почти белым. Совсем старик и глуп даже для пискуна, ну, да ничего! Он умеет с ними обращаться и любого выдрессирует, если понадобится. Только зачем? Пришли-те сюда побольше людей, постройте машины, соберите роботов, заведите фермы и города — кому тогда понадобятся пискуны? Ну и тем лучше. Ведь этот мир, Новое Таити, прямо-таки создан для людей. Расчистить его хорошенъко, леса повырубить под поля, покончить с первобытным сумраком, дикарством и невежеством — и будет тут рай, подлинный Эдем. Получше истощенной Земли. И это будет его мир! Ведь кто он такой, Дон Дэвидсон, в сущности говоря! Укротитель миров. Он не хвастун, а просто знает себе цену. Таким уж он

родился. Знает, чего хочет, знает, как этого добиться, и всегда добивается.

От завтрака по животу разливалось приятное тепло. И его благодушное настроение не испортилось, даже когда он увидел, что к нему идет толстый, бледный, озабоченный Кеес ван Стен, выпучив маленькие глазки, точно два голубых шарика.

— Дон! — сказал Кеес, не поздоровавшись. — Лесорубы опять охотились за Просеками. В задней комнате клуба прибито восемнадцать пар рогов!

— Покончить с браконьерством еще никому не удавалось, Кеес!

— А вы обязаны покончить. Для того мы тут и подчиняемся законам военного времени, для того управление колонией поручено армии. Чтобы законы исполнялись неукоснительно.

Ишь ты, жирный умник! В атаку пошел! Обхочешься!

— Ну ладно, — невозмутимо сказал Дэвидсон, — покончить с браконьерством я, предположим, могу. Но, послушайте, я ведь обязан думать о людях. Для того я и тут, как вы сами сказали. А люди важнее животных. Если немножко противозаконной охоты помогает моим ребятам выдерживать эту поганую жизнь, я зажмурюсь, и дело с концом. Нужно же им как-то поразвлечься.

— У них развлечений хватает! Игры, спорт, коллекционирование, кино, видеозаписи всех крупнейших спортивных состязаний за последние сто лет, алкогольные напитки, марихуана, галлюциногены, поездки в Центр. Они просто-напросто избалованы, эти ваши герои-первопроходцы, и могут обойтись без того, чтобы «развлекаться», истребляя редчайшее местное животное. Если вы не примете меры, я вынужден буду подать капитану Госсе рапорт о грубейшем нарушении принципов экологической конвенции.

— Пожалуйста, Кеес, если считаете нужным, — сказал Дэвидсон, который никогда не терял власти над собой. Не то, что бедняга Кеес — просто жалость смотреть, как евробагровеют. — В конце-то концов это ваша обязанность. Я на вас не обижусь: пусть они там, на Центральном, спорят и решают, кто прав. Беда в том, Кеес, что вы хотите сохранить тут все как есть. Устроить из планеты сплошной заповедник. Чтоб любоваться, чтоб изучать. Вы специал, вам так и положено. Но мы-то — простые ребята, нам нужно дело делать. Земле требуются лесоматериалы, очень требуются. Мы нашли лес на Новом Тайти. И стали лесорубами. Разница между

нами одна: для вас Земля — так, в стороне, а для меня она — самое главное.

Кеес покосился на него своими голубыми шариками.

— Вот как? Вы хотите превратить этот мир в подобие Земли? В бетонную пустыню?

— Когда я говорю «Земля», Кеес, я имею в виду людей. Землян. Вас волнуют олени, деревья, фиброник — и отлично. Это ваша область. Но я люблю все рассматривать в перспективе. С самой вершины, а вершиной пока остаются люди. Мы здесь, а значит, этот мир пойдет нашим путем. Хотите вы или не хотите, но это факт. Лучше посмотрите правде в глаза, Кеес. Вам от этого никуда не деться. Да, кстати, я собираюсь в Центр посмотреть на новых колонисточек. Хотите со мной?

— Нет, благодарю вас, капитан Дэвидсон, — отрезал специал и зашагал к полевой лаборатории.

Совсем взбеленился. И все из-за этих проклятых оленей. Ну, они, и верно, красавцы, ничего не скажешь! Перед глазами Дэвидсона тотчас всплыл первый олень, которого он увидел здесь, на острове Смита — солнечно-рыжий великан, двух метров в холке, в венце из ветвистых золотых рогов, гордый и стремительный. Редкостная дичь! На Земле теперь даже в Скалистых горах и в Гималайских парках тебе предлагаются высматривать оленей-роботов, а настоящих оберегают как зеницу ока! Да и много ли их осталось! О таких, как здесь, охотники могут только мечтать. Вот потому на них и охотятся. Черт, даже дикие пискуны охотятся на них со своими дурацкими хлипкими луками. На оленей охотились и будут охотиться, потому что для этого они и существуют. Но слюняю Кеесу этого не понять. В сущности, он неглупый парень, только практичности ему не хватает, твердости. Не понимает, что надо играть на стороне победителей, не то останешься с носом. А побеждает Человек — каждый раз. Человек-Завоеватель.

Дэвидсон широким шагом пошел по поселку, залитому солнечным светом. В теплом воздухе приятно пахло опилками и древесным дымом. Обычный лагерь лесорубов, а выглядит очень аккуратно. За какие-нибудь три земмесяца двести человек привели в порядок приличный участок дикого леса. Лагерь Смита — два купола из коррупласта, сорок бревенчатых хижин, построенных пискунами, лесопильная печь для сжигания мусора и голубой дым, висящий над бесконечными штабелями бревен и досок, а выше на холме — аэродром и большой сборный ангар для вертолетов и машин. Вот и

все. Но когда они сюда явились, тут вообще ничего не было. Только деревья — темная, дремучая, непроходимая чашоба, бесконечная, никому не нужная. Медлительная река, еле текущая в туннеле из стволов и ветвей, несколько прячущихся среди деревьев пискуных нор, солнечные олени, волосатые обезьяны, птицы. И деревья. Корни, стволы, сучья, ветки, листья — листья над головой, листья под ногами, всюду листья, листья, листья, бесчисленные листья на бесчисленных деревьях.

Новое Таити — это мир воды, теплых мелких морей, кое-где омывающих рифы, островки, архипелаги, а на северо-западе дугой в две с половиной тысячи километров протянулись пять Большых Островов. И все эти крошки и кусочки суши покрыты деревьями. Океан и лес. Другого выбора на Новом Таити у вас нет: либо вода и солнечный свет, либо сумрак и листья.

Но теперь тут обосновались люди, чтобы покончить с сумраком и превратить лесную чащу в звонкие светлые доски, которые на Земле ценятся дороже золота. В буквальном смысле слова, потому что золото можно добывать из морской воды и из-под антарктического льда, а доски добывать неоткуда, доски дает только лес. Земля нуждается в древесине, давно уже ставшей предметом первой необходимости и роскошью. И инопланетные леса превращаются в древесину. Двести человек с роботопилами и робототрейлерами за три месяца проложили на острове Смита восемь просек шириной по полтора километра. Пни на ближайшей к лагерю просеке уже стали серыми и трухлявыми. Их обработали химикалиями, и к тому времени, когда остров Смита начнут заселять настоящие колонисты — фермеры, они рассыплются плодородной золой. Фермерам останется только посеять семена и смотреть, как они прорастают.

Все это один раз уже было проделано. Странно, как подумаешь, но ведь это — явное доказательство, что Новое Таити с самого начала предназначалось для человеческого обитания. Все тут завезено с Земли около миллиона лет назад, и эволюция шла настолько сходными путями, что сразу узнаешь старых знакомых — сосну, каштан, дуб, ель, остролист, яблоню, ясень, оленя, мышь, кошку, белку, обезьяну. Гуманоиды на Хайн-Давенанте, ясное дело, утверждают, будто это они все тут устроили — тогда же, когда колонизировали Землю, но если послушать этих инопланетян, так окажется, что они заселили все планеты в Галактике и изобрели вообще все, начиная от баб и кончая скрепками для

бумаг. Теории насчет Атлантиды куда более правдоподобны, и вполне возможно, что тут когда-то была колония атлантов. Но люди вымерли, а на смену им из обезьян развились пискуны — ростом в метр, обросшие зеленым мехом. Как инопланетяне они еще так-сяк, но как люди... Куда им! Не дотянули, и все тут. Дать бы им еще миллиончик лет, может, у них что и получилось бы. Но Человек-Завоеватель явился раньше. И эволюция теперь не тащится со скоростью одной случайной мутации в тысячу лет, а мчится со скоростью звездных кораблей космофлота землян.

— Э-эй! Капитан!

Дэвидсон обернулся, промедлив лишь на тысячную долю секунды, но и такое снижение реакции его рассердило. У чертова планета! Золотой солнечный свет, лымя в небе, ветерок, пахнущий прелыми листьями и пыльцой, — все это убаюкивает тебя прямо на ходу. Размышишь о завоевателях, о предназначениях, о судьбах и уже еле ноги волочишь, обалдев, точно пискун.

— Привет, Ок, — коротко поздоровался он с десятником.

Черный, жилистый и крепкий, как проволочный канат, Окнанави Набо внешне был полной противоположностью Кеесу, но вид у него был не менее озабоченный.

— Найдется у вас полминуты?

— Конечно. Что тебя грызет, Ок?

— Мелюзга чертова!

Они прислонились к жердяной изгороди, и Дэвидсон закурил первую сигарету с марихуаной за день. Подсиненные дымом солнечные лучи косо прорезали теплый воздух. Лес за лагерем — антиэрозийная полоса в полкилометра шириной — был полон тех тихих, неумолчных, шуршащих, шелестящих, жужжащих, звенящих, серебристых звуков, какими по утрам полны все леса. Эта вырубка могла бы находиться в Айдахо 1950 года. Или в Кентукки 1830 года. Или в Галлии 50 года до нашей эры. «Тью-уит», — свистнула в отдалении какая-то пичуга.

— Я бы предпочел избавиться от них, капитан.

— От пискунов? Ты, собственно, что имеешь в виду, Ок?

— Отпустить их, и все. На лесопилке от них все равно никакого проку. Даже свою жратву не отрабатывают. Они у меня вот где сидят. Не работают, и все тут.

— Надо уметь их заставить! Лагерь-то они построили.

Эбеновое лицо Окнанави наступило.

— Ну, у вас к ним подход есть, не спорю. А у меня нет. — Он помолчал. — Когда я проходил обучение для работы в

космосе, читали нам курс практической истории. Так там говорилось, что от рабства никогда толку не было. Экономически невыгодно.

— Верно! Только какое же это рабство, Ок, деточка? Рабы ведь люди. Когда коров разводишь, это что — рабство? Нет. А толку очень много.

Десятник безразлично кивнул, а потом добавил:

— Это же такая мелюзга! Я самых упрямых пытался голодом пронять, а они сидят себе, ждут голодной смерти и все равно ничего не делают.

— Ростом они, конечно, не вышли, Ок, только ты на эту удочку не попадайся. Они жутко крепкие и выносливые, а к боли не чувствительнее людей. Вот ты о чем забываешь, Ок. Тебе кажется, что ударить пискуна — это словно ребенка ударить. А на самом деле это как робота ударить, можешь мне поверить. Послушай, ты ведь наверняка попробовал их самок и, значит, заметил, что они все — колоды бесчувственные. Наверное, у них нервы недоразвиты по сравнению с человеком, ну, как у рыб. Вот послушай. Когда я еще был на Центральном, до того, как меня сюда послали, один приученный самец вдруг на меня кинулся. Специалисты, конечно, говорят, будто они никогда не дерутся, но этот совсем спятил, взбесился. Хорошо еще, что у него не было оружия, не то бы он меня прикончил. И, прежде чем он угомонился, мне пришлось его почти до смерти измордовать. Все бросался и бросался на меня. Я его под орех разделал, а он даже не почувствовал ничего — просто поразительно. Ну, словно жук, которого бьешь каблуком, а он не желает замечать, что уже раздавлен. Вот погляди! — Дэвидсон наклонил коротко остриженную голову и показал бесформенную шишку за ухом. — Чуть меня не оглушил. И ведь я уже ему руку сломал, а из морды сделал клюквенный морс. Упадет — и опять кинется, упадет — и опять кинется. Дело в том, Ок, что пискуны ленивы, глупы, коварны и не способны чувствовать боль. Их надо держать в кулаке и кулака не разжимать.

— Да не стоят они того, капитан. Мелюзга зеленая! Драться не хотят, работать не хотят, ничего не хотят. Только одно и могут — душу из меня выматывать.

Ругался Окнанави без всякой злобы, но под его добродушным тоном крылась упрямая решительность. Бить пискунов он не будет — слишком уж они маленькие. Это он знал твердо, а теперь это понял и Дэвидсон. Капитан сразу переменил тактику — он умел обращаться со своими подчиненными.

— Послушай, Ок, испробуй вот что. Выбери зачинщиков и скажи, что впрыснешь им галлюциноген. Назови, какой хочешь, они все равно в них не разбираются. Зато боятся их до смерти. Только не слишком перегибай палку, и все будет в порядке. Ручаюсь.

— А почему они их боятся? — с любопытством спросил десятник.

— Откуда я знаю? Почему женщины боятся мышей? Здравого смысла ни у женщин, ни у пискунов искать нечего, Ок! Да, кстати, я сегодня думаю слетать на Центральный, так не приглядеть ли для тебя девочку?

— Нет уж! Лучше до моего отпуска поглядите в другую сторону, — ответил Ок, ухмыльнувшись.

Мимо понуро прошли пискуны, таша длинное толстое бревно для клуба, который строился у реки. Медлительные, неуклюжие, маленькие, они вцепились в бревно, словно муравьи, волочащие мертвую гусеницу. Окнанави проводил их взглядом и сказал:

— По правде, капитан, меня от них жуть берет.

Такой крепкий, спокойный парень, как Ок, и на тебе!

— В общем-то, я с тобой согласен, Ок — не стоят они ни возни, ни риска. Если бы тут не болтался пустозвон Любов, а полковник Донг поменьше молился бы на Кодекс, так, не спорю, куда легче было бы просто очищать районы, предназначенные для заселения, вместо того чтобы тянуть волынку с этим их «использованием добровольного труда». Ведь все равно рано или поздно от пискунов мокрого места не останется, так чего зря откладывать? Таков уж закон природы. Первобытные расы всегда уступают место цивилизованным. Или ассимилируются. Но не ассимилировать же нам кучу зеленых обезьян! И ты верно заметил: у них мозгов хватает как раз на то, чтобы им нельзя было доверять. Ну, вроде тех больших обезьян, которые прежде водились в Африке, как они назывались...

— Гориллы?

— Верно. И мы бы прекрасно обошлись тут без пискунов, как прекрасно обходимся без горилл в Африке. Только под ногами путаются. Но полковник Динг-Донг требует: используйте труд пискунов, вот мы и используем труд пискунов. До поры до времени. Ясно? Ну, до вечера, Ок.

— Ясно, капитан.

Дэвидсон зашел в штаб Лагеря Смита записать, что он берет вертолет. В дощатой четырехметровой кубической ком-

нате штаба, где стояли два стола и водоохладитель, лейтенант Бирно чинил радиотелефон.

— Присмотри, чтобы лагерь не сгорел, Бирно.

— Привезите мне блондинку, капитан. Размер эдак восемьдесят пять, пятьдесят пять, девяносто.

— Всего-навсего?

— Я предпочитаю поподжаристей, — и Бирно выразительным жестом начертил в воздухе свой идеал.

Все еще ухмыляясь, Дэвидсон поднялся по холму к ангари. С воздуха он снова увидел лагерь — детские кубики, ленточки троп, длинные просеки с дисками пней. Все это быстро проваливалось вниз, и впереди уже развертывалась темная зелень нетронутых лесов большого острова, а дальше до самого горизонта простиралась бледная зелень океана. Лагерь Смита казался теперь желтым пятнышком, пылинкой на огромном зеленом ковре.

Вертолет проплыл над проливом Смита, над лесистыми крутыми грядами холмов на севере Центрального острова и в полдень пошел на посадку в Центрвилле. Ну, чем не город! Во всяком случае, после трех месяцев в лесу. Настоящие улицы, настоящие дома — ведь его начали строить четыре года назад, сразу же, как началась колонизация планеты. Смотришь и не замечаешь, что, в сущности, это только паршивый поселок первопоселенцев, а потом взглянешь на юг — и увидишь над вырубкой и над бетонными площадками сверкающую золотую башню, выше самого высокого здания в Центрвилле. Не такой уж большой космолет, хотя здесь он кажется огромным. Просто челнок, посадочный модуль, корабельная шлюпка, а сам корабль, «Шеклтон», кружит по орбите в полумиллионе километров над планетой. Челнок — это всего лишь намек, всего лишь крупица огромности, моши, хрустальной точности и величия земной техники, покоряющей звезды.

Вот почему при виде этой частицы родной планеты на глаза Дэвидсона вдруг навернулись слезы. И он не устыдился их. Да, ему дорога Земля, так уж он устроен.

А вскоре, шагая по новым улицам, в конце которых разворачивался широкий вид на вырубку, он начал улыбаться. Девочки! И сразу видно, что только сейчас прибыли — на всех длинные юбки в обтяжку, большие туфли вроде ботиков, красные, лиловые или золотые, а блузы золотые или серебряные, все в кружевах. И никаких тебе «грудных иллюминаторов». Значит, мода изменилась, а жаль! Волосы взбиты в пену — наверняка обливают их этим своим kleem, не то рас-

сыпались бы. Редкостное безобразие, но все равно действует, потому что проделывать такое со своими волосами способны только бабы. Дэвидсон подмигнул маленькой грудастой евроафре: вот уж прическа — на голове не умещается! Ответной улыбки он не получил, но удаляющиеся бедра покачивались, яснее слов приглашая: «Иди за мной, иди за мной!» Однако он не принял приглашения. Успеется. Он направился к Центральному штабу — стандартные самотвердеющие блоки, пластиплаты, сорок кабинетов, десять водоохладителей, подземный арсенал — и доложил о своем прибытии новотаитянскому административному командованию. Перекинулся двумя-тремя словами с ребятами из экипажа модуля, заглянул в Лесное бюро, чтобы оставить заявку на новый полуавтомат для слушивания коры, и договорился со своим старым приятелем Юю Серенгом встретиться в баре Луау в четырнадцать часов по местному времени.

В бар он пришел на час раньше, чтобы подзаправиться перед серьезной выпивкой, и увидел за столиком Любова с двумя типами во флотской форме — какие-нибудь специалисты с «Шеклтона», спустились на челноке... Дэвидсон презирал флот и флотских — чистоплюи, прыгают от солнца к солнцу, а всю черную, грязную, опасную работу подкидывают армии. Но все-таки не штатские крысы... А вообще-то смешно — Любов чуть не лежится с ребятами в форме. Треплется о чем-то, руками размахивает, как всегда.

Проходя мимо, Дэвидсон хлопнул его по плечу:

— Привет, Радж, дружище! Как делишки? — и прошел дальше. Жалко, конечно, что нельзя остановиться поглядеть, как он скучожится. Смешно, до чего Любов его ненавидит. Просто завидует, хлюпик интеллигентный, настоящему мужчине: и сам бы рад, да рылом не вышел. А ему на Любова плевать: такого ненавидеть — только зря время тратить.

Оленье жаркое в Луау подают — пальчики оближешь! Что бы сказали на старушке Земле, если бы увидели, как один человек уминает кило мяса за один обед? Это вам не соя! А вот и Юю. И конечно, новых девочек подцепил, молодчина. Штучки с перчиком, не коровы-невесты, а контрактованные подружки. Что ж, и у старишек в департаменте по развитию колоний бывают просветления!

День был долгий и жаркий.

Он летел назад через пролив Смита на одной высоте с солнцем, заходившим в золотое марево за морем. Развалившись поудобнее, он весело распевал. Показался остров Смита, подернутый легким туманом. Над лагерем висел дым —

черная полоса, словно в печь для сжигания мусора попал мазут. Густой, черт, ничего внизу не разглядишь, даже лесопилки.

И только приземлившись на аэродроме, Дэвидсон увидел обугленный остов реактивного самолета, разбитые вертолеты, черные развалины ангаров.

Он снова поднялся в воздух и прошел над поселком так низко, что чуть не зацепил высокий конус печи. Только она и торчала над землей. А больше там ничего не было: лесопильная, котельная, склады, штаб, хижины, казармы, бараки пискунов — все исчезло. Еще дымившиеся черные груды, и больше ничего. Но это был не лесной пожар. Лес вокруг стоял зеленый, как раньше.

Дэвидсон повернулся назад к аэродрому, приземлился, выпрыгнул из вертолета и огляделся — не уцелел ли какой-нибудь мотоцикл. Но все мотоциклы превратились в такой же обгоревший железный лом, как и остальные машины среди тлеющих развалин ангаров. Черт, ну и вонища!

Он побежал по тропе к поселку. Поравнявшись с тем, что утром еще было радиостанцией, он вдруг опомнился и, даже не замедлив шага, свернул с тропы на уцелевшую стену. Там он остановился и прислушался.

Никого! И полная тишина. Огонь давно погас, и только огромные штабеля бревен еще дымились, рдея под слоем пепла и золы. Длинные кучи углей — все, что осталось от древесины, стоящей дороже золота. Но над черными скелетами казарм и хижин не поднималось ни струйки дыма. В золе лежали кости...

Дэвидсон скорчился за развалинами радиостанции. Его мозг работал с предельной ясностью и четкостью. Могут быть только два объяснения. Во-первых, нападение из другого лагеря. Какой-нибудь офицер на Кинге или Новой Яве спятил и решил стать властелином планеты. Во-вторых, нападение из космоса. Перед его глазами всплыла золотая башня на космодроме Центрального острова. Но если уж «Шеклтон» занялся пиратством, на кой шут ему понадобилось начинать с уничтожения дальнего поселка, вместо того чтобы сразу захватить Центрвилл? Нет, если из космоса, то только инопланетная раса. Никому не известная. А может, таукитяне или хейниты задумали прибрать к рукам колонии Земли. Недаром он никогда не доверял этим жуликам-гуманоидам. Сюда, наверное, сбросили суперзажигалку. Ударным силам с реактивными самолетами, аэрокарами и всяkim ядерным штучкам ничего не стоит укрыться на острове или

атолле в любом месте юго-западной четверти планеты. Надо вернуться к вертолету и дать сигнал тревоги, а потом произвести разведку, чтобы представить штабу точную оценку ситуации. Он осторожно выпрямился и тут услышал голоса.

Не человеческие. Пискливое негромкое бормотание. Инопланетяне!

Упав на четвереньки за деформированной жаром пластмассовой крышей, которая валялась на земле, точно крыло огромного нетопыря, он напряженно прислушивался.

В нескольких шагах от него по тропе шли четыре пискуна, совсем голые, если не считать широких кожаных поясов, на которых болтались ножи и кисеты. Значит, дикие. Ни шортов, ни кожаных ошейников, которые выдаются ручным пискунам. Рабочие-добровольцы, по-видимому, сгорели в своих бараках, как и люди.

Они остановились, продолжая бормотать, и Дэвидсон заставил дыхание. Лучше, чтобы они его не заметили. И какого дьявола им тут нужно? А-а! Шпионы и лазутчики врага!

Один показал на юг и повернулся так, что показал свою морду. Вот, значит, что! Пискуны выглядят все одинаково, но на морде этого он оставил свою подпись. Еще и года не прошло. Тот, который взбесился и кинулся на него тогда на Центральном — одержимый манией человекаубийства, выкормыш Любова! Он-то что тут делает, черт его дери?

Мозг Дэвидсона работал с полным напряжением. Все ясно! Быстроота реакции ему не изменила — одним стремительным движением он выпрямился, держа пистолет наготове.

— Вы, пискуны! Ни с места! Стоять! Стоять смирно!

Его голос прозвучал как удар хлыста. Четыре зеленые фигурки замерли. Тот, чье лицо было изуродовано, уставился на него (через черные развалины) огромными глазами, пустыми и тусклыми.

— Отвечать! Кто устроил пожар?

Они молчали.

— Отвечать! Быстро-быстро! Не то я сожгу одного, потом еще одного, потом еще одного. Ясно? Кто устроил пожар?

— Лагерь сожгли мы, капитан Дэвидсон, — ответил пискун с Центрального, и его странный мягкий голос напомнил Дэвидсону кого-то, какого-то человека... — Люди все мертвые.

— Вы сожгли? То есть как это — вы?

Почему-то ему не удавалось вспомнить кличуку Битой Морды.

— Здесь было двести людей. И девяносто рабов, моих соплеменников. Девятьсот моих соплеменников вышли из леса. Сначала мы убили людей в лесу, где они валили деревья, потом, пока горели дома, мы убили тех, кто был здесь. Я думал, вас тоже убили. Я рад вас видеть, капитан Дэвидсон.

Бред какой-то и, конечно, сплошное вранье. Не могли они перебить всех — Ока, Бирно, ван Стена, всех остальных. Двести человек! Хоть кто-то должен же был спастись! У пискунов нет ничего, кроме луков и стрел. Да и в любом случае пискуны этого сделать не могли! Пискуны не дерутся, не убивают друг друга, не воюют. Так называемый неагрессивный, врожденно мирный вид. Другими словами, божьи коровки. Их бьют, а они утираются. И уж конечно, двести человек разом они поубивать неспособны. Бред какой-то!

Тишина, запах гари в теплом вечернем воздухе, золотом от заходящего солнца, бледно-зеленые лица с устремленными на него неподвижными глазами — все это слагалось в бесмыслицу, в нелепый страшный сон, в кошмар.

— Кто это сделал помимо вас?

— Девятьсот моих соплеменников, — сказал Битый своим поганым, псевдочеловеческим голосом.

— Я не о том. Кто еще? Чьи приказы вы выполняли? Кто сказал вам, что вы должны делать?

— Моя жена.

Дэвидсон уловил внезапное напряжение в позе пискуна, и все-таки прыжок был таким стремительным и непредсказуемым, что он промахнулся и только опалил ему плечо, вместо того чтобы всадить весь заряд между глаз. Пискун повалил его на землю, хотя был вдвое ниже и вчетверо легче. Но он потерял равновесие, потому что полагался на пистолет и не был готов к нападению. Он схватил пискуна за плечи, худые, крепкие, покрытые густым мехом, попытался отбросить его. Пискун вдруг запел.

Он лежал навзничь, притиснутый к земле, без оружия. Сверху на него смотрели четыре зеленые морды. Битый все еще пел — та же писклявая невнятница, но вроде бы есть какой-то мотив. Остальные трое слушали, скаля в усмешке белые зубы. Он ни разу прежде не видел, как пискуны улыбаются. И никогда не смотрел на них снизу вверх. Всегда сверху вниз. Только сверху. Надо лежать спокойно, вырываться пока нет смысла. Хоть они и коротышки, их четверо,

а Битый забрал его пистолет. Надо выждать, улучить минуту... Но в горле у него поднималась мучительная тошнота, и он дергался и напрягался против воли. Маленькие руки прижимали его к земле без особых усилий. Маленькие зеленые морды качались над ним, ухмыляясь.

Битый кончил петь. Он нажал коленом на грудь Дэвидсона, сжимая в одной руке нож, а в другой держа пистолет.

— Вы петь не можете, капитан Дэвидсон, верно? Ну, так бегите к своему вертолету, летите на Центральный и скажите полковнику, что тут все сожжено, а люди убиты.

Кровь, такая же ярко-алая, как человеческая, смочила шерсть на правом плече пискуна, и нож в зеленых пальцах дрожал. Узкое изуродованное лицо почти прижалось к лицу Дэвидсона, и теперь он увидел, что в угольно-черных глазах прячется странный огонь. Голос пискуна по-прежнему оставался мягким и тихим.

Державшие его руки разжались.

Он осторожно поднялся с земли. Голова отчаянно кружила — сильно стукнулся затылком, спасибо Битому! Пискуны отошли. Знают, что руки у него вдвое длиннее. Ну, а что толку? Вооружен-то не один Битый. Вот и другой тычет в него пистолетом. Да это же Бен! Его собственный пискун, серый облезлый паршивец — и, как всегда, выглядит идиотом. Да только в руке у него пистолет.

Не так-то просто повернуться спиной к двум наведенным на тебя пистолетам, но Дэвидсон повернулся и зашагал к аэродрому.

Позади него голос громко и визгливо выкрикнул какое-то пискунье слово. Другой завопил:

— Быстро-быстро! — и раздались странные звуки, словно зачирикали птицы.

Наверное, они так смеются. Хлопнул выстрел, и рядом в землю зарылся заряд. Черт, подłość какая! У самих пистолеты, а он безоружен! Надо прибавить шагу. В беге не пискунам с ним тягаться. А стрелять они толком не умеют.

— Беги! — донесся издали спокойный голос.

Битая Морда! А кличка у него — Селвер. Они-то звали его Сэмом, пока не вмешался Любов, не спас его от заслуженной взбучки и не начал с ним цацкаться. Вот тут его и стали звать Селвером. Черт, да что же это? Бред, кошмар.

Дэвидсон бежал. Кровь грохотала у него в ушах. Он бежал сквозь золотую лымяку вечера. У тропы валялся труп, а

он и не заметил, когда шел туда. Совсем не тронут огнем, словно белый мяч, из которого выпустили воздух. Голубые выпущенные глаза... А его, Дэвидсона, они убить не посмели. И больше по нему не стреляли. Еще чего! Где им его убить! А вот и вертолет! Блестит, миленький, как ни в чем не бывало. Одним прыжком он оказался внутри и сразу поднял вертолет в воздух, пока пискуны чего-нибудь не подстроили. Руки дрожат... Ну, да чуть-чуть. Все-таки шок порядочный. Его им не убить!

Он сделал круг над холмом, а потом повернулся и стремительно пошел почти над самой землей, высматривая четырех пискунов. Но среди черных куч внизу не было заметно ни малейшего движения.

Сегодня утром тут был лагерь лесорубов. Двести человек. А сейчас тут только четверо пискунов. Не приснилось же ему это! И они не могли исчезнуть. Значит, они там, прячутся... Он начал бить из носового пулемета. Вспарывал обожженную землю, пробивал дыры в листве, хлестал по обгоревшим костям и холодным трупам своих людей, по разбитым машинам, по гниющим белесым пням, заходя все на новые и новые круги, пока не кончилась лента и судорожная дробь пулемета не оборвалась.

Руки Дэвидсона больше не дрожали, его тело ощущало легкость умиротворения, и он твердо знал, что не бредит. Теперь надо доставить известия в Центрвилл. Он повернулся к проливу. Мало-помалу его лицо принимало обычное невозмутимое выражение. Свалить на него ответственность за катастрофу им не удастся — его ведь там даже не было! Может, они сообразят, что пискуны не случайно дождались, чтобы он улетел. Знали ведь, что у них ничего не выйдет, если он будет на месте и организует оборону. Во всяком случае, хорошо одно: теперь они займутся тем, с чего следовало начать, — очистят планету для человеческого обитания. Даже Любов теперь не сможет помешать полному уничтожению пискунов, раз все подстроил его любимчик! Некоторое время теперь придется посвятить уничтожению этих крыс, и может быть... может быть, эту работу поручат ему. При этой мысли он чуть было не улыбнулся. Однако сумел сохранить на лице невозмутимость.

Море внизу темнело в сгущающихся сумерках, а впереди вставали прорезанные невидимыми речками холмы Центрального острова — крутые волны многолистного леса, тонущего во мгле.

Оттенки ржавчины и закатов, кроваво-бурые и блекло-зеленые, непрерывно сменяли друг друга в волнах длинных листьев, колышимых ветром. Толстые и узловатые корни бронзовых ив были мшисто-зелеными над ручьем, который, как и ветер, струился медлительно, закручиваясь тихими водоворотами, или словно вовсе переставал течь, запертый камнями, корнями, купающимися в воде ветками и опавшими листьями. Ни один луч не падал в лесу свободно, ни один путь не был прямым и открытым. С ветром, водой, солнечным светом и светом звезд здесь всегда смешивались листья и ветви, стволы и корни, прихотливо перепутанные, полные теней. Под ветвями, вокруг стволов, под корнями вились тропинки — они нигде не устремлялись вперед, а уступали каждому препятствию, изгибались и ветвились, точно нервы. Почва была не сухая и твердая, а сырая и пружинистая, созданная непрерывным сотрудничеством живых существ с долгой и сложной смертью листьев и деревьев. Это плодородное кладбище вскармливало тридцатиметровые деревья и крохотные грибы, которые росли кругами поперечником в сантиметр. В воздухе веяло сладким и нежным благоуханием, слагавшимся из тысяч запахов. Далей не было нигде — только вверху, в просвете между ветвями, можно было увидеть россыпь звезд. Ничто здесь не было однозначным, сухим, безводным, простым. Здесь не хватало прямоты простора. Взгляд не мог охватить всего сразу, и не было ни определенности, ни уверенности. В плакучих листьях бронзовых ив переливались оттенки ржавчины и закатов, и невозможно было даже сказать, какого, собственно, цвета эти листья — красно-бурового, рыжевато-зеленого или чисто-зеленого.

Селвер брел по тропинке вдоль ручья, то и дело спотыкаясь о корни ив. Он увидел старика, ушедшего в сны, и остановился. Старик поглядел на него из-за длинных ивовых листьев и увидел его в своих снах.

— Где мне найти ваш Мужской Дом, владыка-сновидец? Я прошел долгий путь.

Старик сидел не двигаясь. Селвер опустился на корточки между тропинкой и ручьем. Его голова упала на грудь, потому что он был измучен и нуждался в сне. Он шел пять суток.

— Ты в яви снов или в яви мира? — наконец спросил старик.

— В яви мира.

— Ну, так пойдем! — Старик поспешил встал и по вы-ю-

шайся тропке повел Селвера из ивовых зарослей в более сухое сумрачное царство дубов и терновника. — А я было подумал, что ты бог, — сказал он, держась на шаг впереди. — И мне кажется, я тебя уже видел. Может быть, в снах.

— В яви мира ты меня видеть не мог. Я с Сорноля и здесь никогда раньше не бывал.

— Это селение зовется Кадаст. А я — Коро Мена. Сын Боярышиника.

— Меня зовут Селвер. Сын Ясеня.

— Среди нас есть дети Ясеня. И мужчины, и женщины. Дочери твоих брачных кланов — Березы и Остролиста — тоже живут среди нас. А дочерей Яблони у нас нет. Но ведь ты пришел не для того, чтобы искать жену, так?

— Моя жена умерла, — сказал Селвер.

Они подошли к Мужскому Дому на пригорке среди молодых дубов, согнулись и на четвереньках проползли по узкому туннелю во внутреннее помещение, освещенное отблесками огня в очаге. Старик выпрямился, но Селвер бесподобно скользнул на полу. Теперь, когда помощь была рядом, его тело, которому он столько времени беспощадно не давал отдыха, отказалось ему повиноваться. Руки и ноги расслабились, веки сомкнулись, и Селвер с благодарным облегчением со скользнул в великую тьму.

Мужчины Дома Кадаста бережно уложили его на скамью, а потом в Дом пришел их целитель и смазал снаряжением рану у него на плече. Когда наступила ночь, Коро Мена и целитель Торбер остались сидеть у огня. Почти все мужчины удалились в свои жилища к женам, а двое юношей, еще не научившиеся уходить в сны, крепко спали на скамьях.

— Не понимаю, откуда у человека могут взяться на лице такие рубцы, — сказал целитель. — И уж совсем не понимаю, чем он мог так поранить плечо. Странная рана!

— А на поясе у него была странная вещь, — сказал Коро Мена.

— Я видел ее и не увидел ее.

— Я положил ее ему под скамью. Словно бы отшлифованное железо, но не похожее на работу человеческих рук.

— Он сказал тебе, что он с Сорноля.

Некоторое время оба молчали. Коро Мена вдруг почувствовал, что на него наваливается необъяснимый страх, и ушел в сон, чтобы найти объяснение этому страху — ведь он был стариком и умелым сновидцем. Во сне были великаны, тяжеловесные и страшные. Их сухие чешуйчатые конечности и туловища были завернуты в ткани. Глаза у них были малень-

кие и светлые; точно оловянные бусины. Позади них ползли огромные непонятные машины, сделанные из отшлифованного железа. Они двигались вперед, и деревья падали перед ними.

Из-за падающих деревьев с громким криком выбежал человек. Рот его был в крови. Тропинка, по которой он бежал, вела к Мужскому Дому Кадаста.

— Почти наверное, — сказал Коро Мена, выходя из сна, — он приплыл по морю прямо с Сорноля, а может быть, пришел с берега Келм-Дева на нашем острове. Путники говорили, что великаны есть и там и там.

— Пойдут они за ним или нет, — сказал Торбер, но он не спрашивал, а взвешивал возможность, и Коро Мена не стал отвечать.

— Ты один раз видел великанов, Коро?

— Один раз, — сказал старик.

Он опять ушел в сны. Теперь, потому что он был очень стар и уже не так крепок, как прежде, он часто погружался в сон. Наступило утро, миновал полдень. За стенами Дома девушки ушли в лес на охоту, чирикали дети, переговаривались женщины — словно журчала вода. У входа голос, не такой влажный и журчащий, позвал Коро Мена. Он выполз наружу под лучи заходящего солнца. У входа стояла его сестра. Она с удовольствием вдыхала ароматный ветер, но лицо у нее оставалось суровым.

— Путник проснулся, Коро?

— Пока еще нет. За ним присматривает Торбер.

— Нам надо выслушать его рассказ.

— Наверное, он скоро проснеться.

Эбор Дендел нахмурилась. Старая Хозяйка Кадаста, она опасалась, что селению грозит опасность, но ей не хотелось беспокоить раненого, и она боялась обидеть сновидцев, настояв на своем праве войти в их Дом.

— Ты бы не мог разбудить его, Коро? — все-таки попросила она. — Что, если... за ним гонятся?

Он не мог управлять чувствами сестры, как управлял собственными, и ее тревога его обожгла.

— Разбужу, если Торбер позволит, — сказал он.

— Постарайся поскорее узнать, какие он несет вести. Жаль, что он не женщина, а то давно бы рассказал все попросту...

Путник очнулся сам. Он лежал в полумраке Дома, и в его лихорадочно блестевших глазах плыли беспорядочные сны болезни. Тем не менее он приподнялся, сел на скамье и заго-

ворил ясно. И пока Коро Мена слушал, ему казалось, что самые его когти сжимаются, стараясь спрятаться от этого страшного рассказа, от этой новизны.

— Когда я жил в Эшрете, на Сорноле, я был Селвером Теле. Ловеки начали рубить там деревья и разрушили мое селение. Я был среди тех, кого они заставили служить себе, — я и моя жена Теле. Один из них надругался над ней, и она умерла. Я бросился на ловека, который убил ее. Он убил меня, но другой ловек спас меня и освободил. Я покинул Сорноль, где теперь все селения в опасности, перебрался сюда, на Северный остров, и жил на берегу Келм-Дева, в Красных рощах. Но туда тоже пришли ловеки и начали рубить мир. Они уничтожили селение Пенле, поймали почти сто мужчин и женщин, заперли их в загоне и заставили служить себе. Меня не поймали, и я жил с теми, кто успел уйти из Пенле в болота к северу от Келм-Дева. Иногда по ночам я пробирался к тем, кого ловеки запирали в загоне. И они сказали мне, что там был тот. Тот, которого я хотел убить. Сначала я хотел попробовать еще раз убить его или освободить людей из загона. Но все это время я видел, как падают деревья, как мир рушат и оставляют гнить. Мужчины могли бы спастись, но женщины запирали крепче, и освободить их не удалось бы, а они уже начинали умирать. Я поговорил с людьми, которые прятались в болотах. Нас всех мучил страх и мучил гнев, и у нас не было возможности избавиться от них. А потому после долгих разговоров и долгих снов мы придумали план, пошли в Келм-Дева днем, стрелами и охотничьими коньями убили ловеков, а их селение и их машины сожгли. Мы ничего там не оставили. Но тот утром уехал. Он вернулся один. Я спел над ним и отпустил его.

Селвер замолчал.

— А потом... — прошептал Коро Мена.

— Потом с Сорноля прилетела небесная лодка, и они разыскивали нас в лесу, но никого не нашли. Тогда они подожгли лес, но шел дождь, и огонь скоро погас без всякого вреда. Люди, спасшиеся из загонов, и почти все другие ушли дальше на север и на восток, к холмам Холли, потому что мы думали, что ловеки начнут нас разыскивать. Я пошел один. Ведь они меня знают, знают мое лицо, и поэтому я боюсь. И боятся те, у кого я укрываюсь.

— Откуда твоя рана? — спросил Торбер.

— Эта? Он выстрелил в меня из их оружия, но я спел над ним и отпустил его.

— Ты в одиночку взял верх над великаном? — спросил Торбер с широкой усмешкой, не решаясь поверить.

— Не в одиночку. С тремя охотниками и с его оружием в руке. Вот с этим.

Торбер испуганно отодвинулся.

Некоторое время все трое молчали. Наконец Коро Мена сказал:

— То, что мы от тебя услышали, — черно, и дорога ведет вниз. В своем Доме ты сновидец?

— Был. Но Дома Эшрета больше нет.

— Это все равно, мы оба говорим древним языком. Под ивами Асты ты первый заговорил со мной и назвал меня владыкой-сновидцем. И это верно. А ты видишь сны, Селвер?

— Теперь редко, — послушно ответил Селвер, опустив изуродованное, воспаленное лицо.

— Наяву?

— Наяву.

— Ты хорошо видишь сны, Селвер?

— Нехорошо.

— Ты держишь свой сон в руках?

— Да.

— Ты плетешь и лепишь, ведешь и следуешь, начинаешь и кончаешь по своей воле?

— Иногда, но не всегда.

— Идешь ли ты дорогой, которой идет твой сон?

— Иногда. А иногда я боюсь.

— Кто не боится? Для тебя еще не все плохо, Селвер.

— Нет, все плохо, — сказал Селвер. — Ничего хорошего не осталось. — И он затрясся.

Торбер дал ему выпить ивового настоя и уложил его. Коро Мена еще не задал вопроса Старшей Хозяйки и теперь, опустившись на колени рядом с больным, неохотно спросил:

— Великаны, те, кого ты называешь ловеками, они пойдут по твоему следу, Селвер?

— Я не оставил следа. Между Келм-Дева и этим местом меня никто не видел, а это шесть дней. Опасность не тут. — Он с трудом приподнялся. — Слушайте, слушайте! Вы не видите опасности. И не можете ее увидеть. Вы не сделали того, что сделал я, вы не видели этого в снах — причинить смерть двумстам людям. Меня они выслеживать не будут, но они могут начать выслеживать всех нас. Устраивать на нас облаву, как охотники — на зайцев. Вот в чем опасность. Они могут начать нас убивать. Чтобы перебить всех нас.

— Лежи спокойно...

— Нет, я не брежу. Это и явь и сон. В Келм-Дева было двести ловеков, и они все мертвы. Мы убили их. Мы убили их, словно они не были людьми. Так неужели они не сделают того же? До сих пор они убивали поодиночке, а теперь начнут убивать, как убивают деревья, — сотнями, и сотнями, и сотнями.

— Успокойся, — сказал Торбер. — Такое случается в лихорадочных снах, Селвер. В яви мира такого не бывает.

— Мир всегда остается новым, — сказал Коро Мена, — какими бы старыми ни были его корни. Селвер, но эти существа — кто же они? Выглядят они, как люди, и говорят, как люди — так разве они не люди?

— Не знаю. Разве люди, если только они не безумны, убивают людей? Разве звери убивают себе подобных? Только насекомые. Ловеки убивают нас равнодушно, как мы — змей. Тот, который учил меня, говорил, что они убивают друг друга в ссоре или группами, как дерущиеся муравьи. Этого я не видел. Но я знаю, что они не щадят того, кто просит о жизни. Они наносят удар по согнутой шее! Это я видел! В них живет желание убивать, и потому я счел справедливым предать их смерти.

— И теперь сны всех людей изменятся, — сказал Коро Мена из сумрака. — И никогда уже не будут прежними. Больше я никогда не пройду по той тропе, по которой прошел с тобой вчера из ивовой рощи, по которой ходил всю жизнь. Она изменилась. Ты прошел по ней, и она стала другой. До нынешнего дня то, что мы делали, было правильным, дорога, по которой мы шли, была правильной, и она вела нас домой. Но где теперь наш дом? Ибо ты сделал то, что должен был сделать, но это не было правильным. Ты убил людей! Я их видел, пять лет тому назад в Лемганской долине. Они сошли там с небесной лодки. Я спрятался и следил за великанами. Их было шестеро, и я видел, как они говорили, как разглядывали камни и растения, как готовили пищу. Они люди. Но ты жил среди них, Селвер, — скажи мне, они видят сны?

— Как дети — только когда спят.

— И не проходят обучения?

— Нет. Иногда они рассказывают свои сны, целители пытаются лечить с их помощью, но обученных среди них нет и никто не умеет управлять сновидениями. Любов — тот, который учил меня, — понял, когда я показал ему, как надо видеть сны, но даже он назвал явь мира «реальной», а явь снов «нереальной», словно в этом разница между ними.

— Ты сделал то, что должен был сделать, — после молчания повторил Коро Мена, и в сумраке его глаза встретились с глазами Селвера.

Судорожное напряжение изуродованного лица смягчилось, рваные губы полуоткрылись, и он снова лег, ничего больше не сказав. Вскоре он уснул.

— Он бог, — сказал Коро Мена.

Торбер кивнул почти с облегчением.

— Но он не такой, как другие боги. Не такой, как Преследователь, и не такой, как Друг, у которого нет лица, или Женщина Осиновый Лист, которая проходит по лесам сновидений. Он не Привратник и не Змей. Не Флейтист, не Резчик и не Охотник, хотя, как и они, приходит в яви мира. Может быть, последние годы Селвер нам снился, но больше он сниться не будет. Он ушел из яви снов. Он идет в лесу, он идет через лес, где падают листья, гда падают деревья, — бог, который знает смерть, бог, который убивает, а сам не возрождается вновь.

Старшая Хозяйка выслушала рассказ Коро Мена, его пророчества и принялась за дело. Она объявила тревогу и проверила, все ли семьи Кадаста готовы покинуть селение по первому сигналу — собраны ли припасы на дорогу, сделаны ли носилки для стариков и больных. Она послала молодых разведчиц на юг и восток узнать, что делают ловеки. Она все время держала в селении один вооруженный охотничий отряд, хотя остальные, как обычно, ночью уходили на охоту. А когда Селвер окреп, она потребовала, чтобы он вышел из Мужского Дома и рассказал свою историю — о том, как ловеки убивали и обращали в рабство людей на Сорноле и вырубали леса, как люди Келм-Дева убили ловеков. Она заставила мужчин-сновидцев и женщин, которые не могли понять этого сразу, слушать снова и снова. Наконец они поняли и испугались. Эбор Дендеп была практической женщиной. Когда Великий Сновидец, ее брат, сказал ей, что Селвер — бог, творец перемены, мост между явью и явью, она поверила и принялась действовать. Сновидец должен быть осторожным, должен тщательно убедиться в верности своего вывода. А она должна принять этот вывод и поступить соответственно. Его обязанность — увидеть, что надо сделать. Ее обязанность — присмотреть, чтобы все было сделано.

«Все селения в лесу должны услышать», — сказал Коро Мена. А потому Старшая Хозяйка разослала своих молодых вестниц, и Старшие Хозяйки других селений выслушивали их и рассыпали своих вестниц. Рассказ о резне в Келм-Дева и

имя Селвера обошли Северный остров и другие земли, передаваясь изустно или письменами — не очень быстро, потому что для передачи вестей у Лесного народа есть только гонцы, но все же достаточно быстро.

Народ, обитавший на Сорока Землях мира, не составлял единого целого. Языков было больше, чем земель, и они распадались на диалекты — каждое селение говорило на своем. Нравы, обычаи, традиции, ремесла различались тысячами частностей, да и физические типы на пяти Великих Землях были разными. Люди Сорноля отличались высоким ростом, светлым мехом и умели торговать; люди Ризуэла были низкого роста, мех у многих выглядел почти черным, и они ели обезьян. И так далее, и так далее. Однако климат всюду был почти одинаков, и лес тоже, а море и вовсе было одно. Любознательность, торговля, поиски жены или мужа своего Древа заставляли людей странствовать от селения к селению, а потому общее сходство объединяло всех, кроме обитателей самых далеких окраин, полумифических далеких островов на крайнем юге и крайнем востоке. Во всех Сорока Землях селениями управляли женщины, и почти в каждом селении был свой Мужской Дом. В его стенах сновидцы говорили на древнем языке, который во всех землях был одним. Язык этот редко выучивали женщины или те мужчины, которые оставались охотниками, рыбаками, ткачами, строителями, — те, кто видел лишь малые сны за стенами Дома. Письменность тоже принадлежала древнему языку, а потому, когда Старшие Хозяйки посыпали с вестями быстроногих девушек, Дома обменивались письмами, и сновидцы истолковывали их Старым Женщинам, как и все слухи, трудности, мифы и сны. Но за Старыми Женщинами оставалось право верить или не верить.

Селвер был в маленькой комнатке в Эшсене. Дверь не была заперта, но он знал, что стоит отворить ее, и внутрь войдет что-то плохое. Пока же она остается закрытой, все будет хорошо. Трудность заключалась в том, что дом окружали саженцы: но не фруктовых и не ореховых деревьев, он не помнил — каких. Он вышел посмотреть, что это за деревья, а они все валялись на земле, вырванные с корнем, сломанные. Он поднял серебристую веточку, и на сломанном конце выступила капля крови. «Нет, не здесь, нет, Теле, не надо, — сказал он. — Теле, приди ко мне перед своей смертью!» Но она не пришла. Только ее смерть была здесь — сломанная бе-

резка, распахнутая дверь. Селвер повернулся, быстро вошел в дом и увидел, что он весь построен над землей, как дома ловеков, — очень высокий, полный света. По ту сторону высокой комнаты, за еще одной дверью, тянулась длинная улица Центра, селения ловеков. У Селвера на поясе висел пистолет. Если придет Дэвидсон, он сможет его застрелить. Он ждал у открытой двери, глядя наружу, на солнечный свет. И Дэвидсон появился — он бежал так быстро, что Селверу не удавалось взять его на прицел. Огромный, он кидался из стороны в сторону на широкой улице, все быстрее, все ближе. Пистолет был очень тяжелый. Селвер выстрелил, но из дула не вырвался огонь. Вне себя от ярости и ужаса он отшвырнул пистолет, а с ним и сновидение.

Его охватили отвращение и тоска. Он плонул и тяжело вздохнул.

— Плохой сон? — спросила Эбор Дендер.

— Они все плохие и все одинаковые, — сказал он, но мутильная тревога и тоска немного его отпустили.

Сквозь мелкие листья и тонкие ветки бересовой рощи Кадаста нежаркие лучи утреннего солнца падали крошечными бликами и узкими полосками. Старшая Хозяйка сидела у серебристого ствола и шла корзинку из черного папоротника — она любила занимать свои пальцы работой. Селвер лежал рядом с ней в сновидениях и полусне. Он жил в Кадасте уже пятнадцать дней, и его рана почти совсем затянулась. Он по-прежнему много спал, но впервые за долгие месяцы вновь начал постоянно видеть сны в яви, не раза два днем и ночью, а в истинном пульсирующем ритме сновидчества, с десятью-четырнадцатью пиками на протяжении суточного цикла. Хотя сны его были плохими, полными ужаса и стыда, он радовался им. Все это время он опасался, что его корни обрублены и он так далеко забрел в мертвый край действия, что никогда не сумеет отыскать пути назад к источникам яви. А теперь он пил из них вновь, хотя вода и была невыносимо горькой.

На краткий миг он снова опрокинул Дэвидсона на золу сожженного поселка, но вместо того, чтобы петь над ним, ударил его камнем по рту. Зубы Дэвидсона разлетелись кусками, и между белыми обломками заструилась кровь.

Это сновидение было полезным, оно давало выход желанию, однако он тут же оборвал его, потому что уходил в него много раз и до того, как встретился с Дэвидсоном на пепелище Келм-Дева, и после. Но этот сон не давал ничего, кроме облегчения. Глоток свежей воды. А ему нужна горькая! Надо

вернуться далеко назад, не в Келм-Дева, а на ту длинную страшную улицу в городе пришельцев, который они называют Центр, где он вступил в бой со Смертью и был побежден.

Эбор Дендел плела свою корзину и напевала. Возраст давно посеребрил щелковистый зеленый пушок на ее худых руках, но они быстро и ловко переплетали стебли папоротника. Она пела песню про то, как девушка собирает папоротник, — песню юности: «Я рву папоротник и не знаю, вернется ли он...» Ее слабый голос звенел, точно цикада. В листьях берез дрожало солнце. Селвер положил голову на руки.

Березовая роща находилась в центре селения Кадаст. Восемь тропок вели от нее, петляя между деревьями. В воздухе чуть пахло дымом. Там, где ветви редели, ближе к южной опушке, видна была печная труба, над которой поднимался дым — словно голубая пряжа разматывалась среди листьев. Внимательно взглянувшись, можно было заметить между дубами и другими деревьями крыши домов, возвышающиеся над землей на полметра. Может быть, сто, а может быть, двести — пересчитать их было очень трудно. Бревенчатые домики, на три четверти вкопанные в землю, ютились между могучими корнями, точно барсучьи норы. Сверху была настлана кровля из мелких веток, сосновой хвои, камыша и мхов. Такие крыши хорошо хранили тепло, не пропускали воду и были почти невидимы. Лес и восемьсот жителей селения занимались своими обычными делами повсюду вокруг березовой рощи, где сидела Эбор Дендел и плела корзину из папоротника. «Ти-уит», — звонко свистнула птичка на ветке над ее головой. Человечьего шума было больше обычного, потому что за последние дни в селение пришло много чужих, не меньше пятидесяти человек. Почти все это были молодые мужчины и женщины, и они искали Селвера. Одни пришли из других селений севера, другие вместе с ним убивали в Келм-Дева. Они пришли сюда, следуя за слухами, потому что дальше хотели следовать за ним. Но перекликающиеся там и сям голоса, и болтовня купающихся женщин, и смех детей у ручья не заглушали утреннего хора птиц, жужжания насекомых и неумолчного шума живого леса, частью которого было селение.

По тропинке бежала девушка, молодая охотница, нежно-зеленая, как листва березы.

— Устная весть с южного берега, матушка, — сказала она. — Вестница в Женском Доме.

— Пришли ее сюда, когда она поет, — шепотом сказала

Старшая Хозяйка. — Ш-ш-ш, Толбар, разве ты не видишь, что он спит?

Девушка нагнулась, сорвала широкий лист дикого табака и бережно положила его на глаза спящего, к которым, падая все круче, подбирался яркий солнечный луч. Селвер лежал, раскрыв ладони, и его изуродованное, покрытое рубцами лицо было повернуто вверх. Оно выглядело простым и беззащитным — Великий Сновидец, уснувший, точно маленький ребенок. Но Эбор Дендел смотрела на лицо девушки. В игре трепетных теней оно светилось жалостью, ужасом и благоговением.

Толбар стремительно убежала. Вскоре появились две Старые Женщины и вестница. Они шли гуськом, бесшумно ступая по солнечному узору на тропинке. Эбор Дендел подняла руку, предупреждая, чтобы они молчали. Вестница тотчас устало растянулась на земле. Ее зеленый мех с буроватым отливом был пропылен и слился от пота — она бежала быстро и долго. Старые Женщины сели на солнечной прогалине и замерли, точно два обомшелых серых камня с ясными живыми глазами.

Селвер, борясь с не подчиняющимся ему сонным сном, вскрикнул, словно объятый ужасом, и проснулся.

Он пошел к ручью и налился, а когда вернулся назад, его сопровождали пятеро или шестеро из тех, кто все время ходил за ним. Старшая Хозяйка отложила недоплетенную корзинку и сказала:

— Теперь привет тебе, вестница. Говори.

Вестница встала, поклонилась Эбор Дендел и объявила свою весть:

— Я из Третата. Мои слова пришли из Сорброн-Дева, а прежде — от мореходов Пролива, а прежде из Бротера на Сорноле. Они для всего Кадаста, но сказать их следует человеку по имени Селвер, который родился от Ясеня в Эшрете. Вот эти слова: «В огромном городе великанов на Сорноле появились новые великаны, и многие из них — великанши. Желтая огненная лодка то улетает, то прилетает в место, которое звалось Пеа. На Сорноле известно, что Селвер из Эшрета сжег селение великанов в Келм-Дева. Великий Сновидец изгнанников в Бротере видел в сновидении больше великанов, чем деревьев на всех Сорока Землях». Вот слова вести, которую я несу.

Она кончила свою напевную декламацию, и наступило молчание. Неподалеку какая-то птица прощебетала «вет-вет?», словно проверяя, как это звучит.

— Явь мира сейчас очень плохая, — сказала одна из Старых Женщин, потирая ревматическое колено.

С большого дуба, отмечавшего северную окраину селения, взлетел серый коршун и, развернув крылья, лениво повис на восходящем потоке теплого утреннего воздуха. Возле каждого селения обязательно было гнездо этих коршунов, исполнявших обязанности мусорщиков.

Через рощу пробежал толстый малыш, за которым гналась сестра, немногим его старше. Оба пищали тоненькими голосами, точно летучие мыши. Мальчик упал и заплакал. Девочка подняла его, вытерла ему слезы большим листом, и, взявшись за руки, они убежали в лес.

— Среди них был один, которого зовут Любов, — сказал Селвер, повернувшись к Старшей Хозяйке. — Я говорил про него Коро Мена, но не тебе. Когда тот убивал меня, Любов меня спас. Любов меня вылечил и освободил. Он хотел знать про нас побольше, и потому я говорил ему то, о чем он спрашивал, а он говорил мне то, о чем спрашивал я. И один раз я спросил его, как его соплеменники продолжают свой род, если у них так мало женщин. Он сказал, что там, откуда они прилетели, половина его соплеменников — женщины, но мужчины привезут их сюда, только когда приготовят для них место на Сорока Землях.

— Только когда мужчины приготовят место для женщин? Ну, им долго придется ждать! — сказала Эбор Дендер. — Они похожи на людей из Вязовых снов, которые идут спиной вперед, вывернув головы. Они делают из леса сухой песок на морском берегу (в их языке не было слова «пустыня») и говорят, будто готовят место для женщин! Лучше бы выслали вперед женщин. Может быть, у них Великие Сны видят женщины, кто знает? Они идут вперед спиной, Селвер. Они безумны.

— Весь народ не может быть безумным.

— Но ты же сказал, что они видят только сонные сны, а если хотят видеть их наяву, то принимают отраву, и сны выходят из повиновения, ты же сам говорил! Есть ли безумие больше? Они не различают яви сна от яви мира, точно младенцы. Может быть, убивая дерево, они думают, что оно вновь оживет!

Селвер покачал головой. Он по-прежнему говорил со Старшей Хозяйкой, словно они с ней были в роще одни, — тихим, неуверенным, почти сонным голосом.

— Нет, смерть они понимают хорошо... Конечно, они видят не так, как мы, но о некоторых вещах они знают боль-

ше и разбираются в них лучше, чем мы. Любов понимал почти все, что я ему говорил. Но из того, что он говорил мне, я не понимал очень многое. И не потому, что я плохо знаю их язык. Я его знаю хорошо, а Любов научился нашему языку. Мы записали их вместе. Но часть того, что он мне говорил, я не пойму никогда. Он сказал, что ловеки не из леса. Он сказал это совершенно ясно. Он сказал, что им нужен лес: деревья взять на древесину, а землю засеять травой. — Голос Селвера, оставаясь негромким, обрел звучность. Люди среди серебристых стволов слушали как завороженные. — И это тоже ясно тем из нас, кто видел, как они вырубают мир. Он говорил, что ловеки — такие же люди, как мы, что мы в родстве, и, быть может, таком же близком, как рыжие и серые олени. Он говорил, что они прилетели из такого места, которое больше не лес: деревья там все срубили. У них есть солнце, которое не наше солнце, а наше солнце — звезда. Все это мне не было ясно. Я повторяю его слова, но не знаю, что они означают. Но это неважно. Ведь ясно, что они хотят наш лес для себя. Они вдвое нас выше и гораздо тяжелее, у них есть оружие, которое стреляет много дальше нашего, и огнеметы, и небесные лодки. А теперь они привезли много женщин, и у них будут дети. Сейчас их здесь две-три тысячи, и почти все они живут на Сорноле. Но если мы прождем поколение или два, их станет вдвое, вчетверо больше. Они убивают мужчин и женщин, они не щадят тех, кто просит о жизни. Они не ищут победы пением. Свои корни они где-то оставили — может быть, в том лесу, откуда они прилетели, в их лесу без деревьев. А потому они принимают отраву, чтобы дать выход своим снам, но от этого только пьянеют или заболевают. Никто не может твердо сказать, люди они или нелюди, в здравом они уме или нет, но это неважно. Их нужно изгнать из леса, потому что они опасны. Если они не уйдут сами, их надо выжечь с Земель, как приходится выжигать гнездо жалящих муравьев в селениях. Если мы будем ждать, выкурят и сожгут нас самих. Они наступают на нас, как мы — на жалящих муравьев. Я видел, как женщина... Это было, когда они сожгли Эшрет, мое селение... Она легла на тропе перед ловеком, прося его о жизни, а он наступил ей на спину, сломал хребет и отшвырнул ногой как дохлую змею. Я сам это видел. Если ловеки — люди, значит, они не способны или не умеют видеть сны и поступать по-людски. Они мучаются и потому убивают и губят, гонимые внутренними богами, которых пытаются вырвать с корнем, от которых отрекаются вместо того, чтобы дать им свободу. Если они

люди, то плохие — они отреклись от собственных богов и страшатся увидеть во мраке собственное лицо. Старшая Хозяйка Кадаста, выслушай меня! — Селвер встал и выпрямился. Среди сидящих женщин он казался очень высоким. — Я думаю, для меня настало время вернуться в мою собственную землю, на Сорноль, к тем, кто изгнан, и к тем, кто томится в рабстве. Скажи всем, кому в снах видится горящее селение, чтобы они шли за мной в Братер.

Он поклонился Эбор Дендеп и пошел по тропинке, ведущей из березовой рощи. Он все еще хромал, и его плечо было перевязано, но шаг его был быстрым и легким, а голова гордо откинута, и казалось, что он сильнее и крепче здоровых людей. Юноши и девушки безмолвно пошли следом за ним.

— Кто это? — спросила вестница из Третата, провожая его взглядом.

— Тот, для кого была твоя весть, Селвер из Эшрета, бог среди людей. Тебе когда-нибудь доводилось видеть богов, дочка?

— Когда мне было десять лет, в наше селение приходил Флейтист.

— А, старый Эртель! Да-да. Он был сыном моего Дерева, и, как я, родом из Северных долин. Ну, так теперь ты увидела еще одного бога, и более великого. Расскажи о нем в Третате.

— А какой он бог, матушка?

— Новый, — ответила Эбор Дендеп своим сухим старческим голосом. — Сын лесного пожара, брат убитых. Он тот, кто не возрождается. Ну, а теперь идите отсюда, все идите. Узнайте, кто уходит с Селвером, соберите им на дорогу приспасы. А меня пока оставьте тут. Меня томят дурные предчувствия, точно глупого старика. Мне надо уйти в сны...

Вечером Коро Мена проводил Селвера до того места среди бронзовых ив, где они встретились в первый раз. За Селвером на юг пошло много людей, больше шестидесяти — редко кому доводилось видеть, чтобы столько людей вместе шли куда-то. Об этом будут говорить все, и потому еще многие и многие присоединятся к ним по дороге к морской переправе на Сорноль. Но на эту ночь Селвер воспользовался своим правом Сновидца быть одному. Остальные догонят его утром, и тогда в гуще толпы и поступков у него уже не

будет времени для медленного и глубокого течения великих сновидений.

— Здесь мы встретились, — сказал стариk, останавливаясь под пологом плакучих ветвей и поникших листьев, — и здесь расстаемся. Люди, которые будут потом ходить по нашим тропам, наверное, назовут эту рощу рощей Селвера.

Селвер некоторое время ничего не говорил и стоял неподвижно, как древесный ствол, а серебро колышущихся листьев вокруг него темнело и темнело, потому что на звезды наползали тучи.

— Ты более уверен во мне, чем я сам, — наконец сказал он. Только голос во мраке.

— Да, Селвер... Меня хорошо научили уходить в сны, а кроме того, я стар. Теперь я почти не ухожу в сны ради себя. Зачем? Что может быть ново для меня? Все, чего мне хотелось от моей жизни, я получил, и даже больше. Я прожил всю мою жизнь. Дни, бесчисленные, как листья леса. Теперь я дуплистое дерево, живы лишь корни. И потому я вижу в снах только то, что видят все. У меня нет ни грез, ни желаний. Я вижу то, что есть. Я вижу плод, зреющий на ветке. Четыре года он зреет, этот плод дерева с глубокими корнями. Четыре года мы все боимся, даже те, кто живет далеко от селений ловеков, кто видел ловеков мельком, спрятавшись, или видел только их летящие лодки, или смотрел на мертвую пустоту, которую они оставляют на месте мира, или всего лишь слышал рассказы об этом. Мы все боимся. Дети просыпаются с плачем и говорят о великанах, женщины не уходят торговаться далеко, мужчины в Домах не могут петь. Плод страха зреет. И я вижу, как ты срываешь его. Ты. Все, что мы боялись узнать, ты видел, ты изведал — изгнание, стыд, боль. Крыша и стены мира обрушиены, матери умирают в страданиях, дети остаются необученными, непригreetыми... В мир пришла новая явь — плохая явь. И ты в муках изведал ее всю. И ушел дальше всех. В дальней дали, у конца черной тропы, растет Дерево, а на нем зреет плод. И ты протягиваешь к нему руку, Селвер, ты срываешь его. А когда человек держит в руке плод этого дерева, чьи корни уходят глубже, чем корни всего леса, мир изменяется весь. Люди узнают это. Они узнают тебя, как узнали мы. Не нужно быть стариком или Великим Сновидцем, чтобы узнать бога. Там, где ты проходишь, пылает огонь, только слепые не видят этого. Но слушай, Селвер, вот что вижу я и чего, быть может, не видят другие, и вот почему я тебя полюбил: я видел тебя в сновидениях до того, как мы встретились здесь. Ты шел по тропе, и

позади тебя вырастали юные деревья — дуб и береза, ива и остролист, ель и сосна, ольха, вяз, ясень в белых цветках, все стены и крыша мира, обновленные и вовеки обновляющиеся. А теперь прощай, милый бог и сын, и да не коснется тебя опасность. Иди.

Селвер шел, а мрак сгущался все плотнее, и даже его глаза, приспособленные, чтобы видеть ночью, уже не различали ничего, кроме сгустков и изломов черноты. Начал сеяться дождь. Он отошел от Кадаста всего на несколько километров, а надо либо зажечь факел, либо остановиться. Он решил остановиться и ощупью нашел удобное место между корнями гигантского каштана. Он сел, прислонившись к кряжистому стволу, который словно еще хранил частицу солнечного тепла. Мелкие дождевые капли, невидимые в темноте, стучали по листьям вверху, падали на его плечи, шею и голову, защищенные густым шелковистым мехом, на землю, на папоротники и кусты вокруг, на все листья в лесу и близко и далеко. Селвер сидел неподвижно и тихо, как серая сова на суку над ним, но он не спал и широко открытыми глазами вглядывался в шелестящий дождем мрак.

Глава 3

У капитана Раджа Любова болела голова. Боль возникала где-то в мышцах правого плеча и нарастающей волной прокатывалась вверх, разрешаясь громовым ударом над правым ухом. Центр речи расположен в коре левого полушария головного мозга, подумал он, но сказать это вслух не смог бы. У него не было сил ни говорить, ни читать, ни спать, ни думать. Кора — дыра. Мигрень — шагрень, о-о-о! Да, конечно, его еще в университете излечили от головных болей, и снова, когда он проходил в армии обязательный профилактический психотерапевтический курс, но, улетая с Земли, он захватил с собой несколько капсул эрготамина — на всякий случай. И уже принял две, а также анальгетик «ангел-цветик», и транквилизатор, и пищеварительную таблетку, чтобы нейтрализовать действие кофеина, нейтрализующего действие эрготамина, однако сверло по-прежнему вгрызалось в череп изнутри над правым ухом под буханье литавр. Ухо, муха, боль, станиоль. Господи помилуй, пойди по мылу... Что делают атшияне, когда у них мигрень? Да не может у них быть мигрени! Они бы еще за неделю сняли напряжение, уйдя в сны. И ты попробуй... попробуй уйти в грэзы. Начни, как

учил тебя Селвер. Хотя Селвер ничего не знал об электричестве и потому не мог понять принципов энцефалографии, стоило ему услышать об альфа-волнах и о том, когда они возникают, как он сразу сказал: «Ну да — ты ведь об этом?» И на ленте, фиксированной то, что происходило в его зеленой головенке, сразу появился типичный альфа-график. И за полчаса он научил Любова, как включать и отключать альфа-ритмы. В сущности, проще простого. Но не сейчас — сейчас мир слишком давит на нас... о-о-о над правым ухом бьет, и чутким слухом слышу, как Колесница Времени летит вперед, потому что атшияне сожгли позавчера Лагерь Смита и убили двести человек. Двести семь, если быть точным. Всех до единого, кроме капитана. Неудивительно, что капсулы не могут добраться до источника его головной боли — для этого нужно вернуться на два дня назад, очутиться на острове в трехстах километрах отсюда. За горами, за долами. Пепел, пепел, все рассыпалось пеплом. И в этом пепле — все, что он знал о высокоразумных существах мира, значащегося под номером сорок один. Прах, вздор, хаос неверных сведений и ложных гипотез. Пробыл здесь почти полных пять землетрясений и верил, что атшияне не способны убивать людей — ни его расы, ни их собственной. Он писал длинные доклады, объясняя, почему они не способны убивать людей. И ошибался. Как ошибался!

Чего он не сумел увидеть и понять?

Пора было собираться на совещание в штабе. Любов осторожно поднялся на ноги, стараясь не качнуть головой, чтобы ее правая сторона не отвалилась. С медлительной плавностью человека, плывущего под водой, он подошел к столу, плеснул в стакан порционной водки и выпил ее. Водка встряхнула его, рассеяла, привела в нормальное состояние. Ему стало легче. Он вышел, решил, что не вынесет тряски мотоцикла, и зашагал по длинной и пыльной Главной улице Центрвилла к зданию штаба. Поравнявшись с баром Луау, он с жадностью представил себе еще рюмку водки, но в дверь как раз входил капитан Дэвидсон, и Любов пошел дальше.

Представители с «Шеклтона» уже ждали в конференц-зале. Коммодор Янг, которого он знал, на этот раз захватил с орбиты новых людей. На них не было летной формы, и несколько секунд спустя Любов с некоторой растерянностью сообразил, что это не земляне. Он сразу же подошел познакомиться с ними. Первый, господин Ор, был волосатый таукиянин, темно-серый, коренастый и угрюй. Второй, гос-

подин Лепенон, был высок, белокож и красив, как большинство хейнитов. Здороваясь, оба посмотрели на Любова с живым интересом, а Лепенон сказал:

— Я только что прочел ваш доклад о сознательном управлении парадоксальным сном у атишиян, профессор Любов.

Это было приятно. И было приятно услышать свой собственный честно заслуженный титул. По-видимому, они прожили несколько лет на Земле и, возможно, были какими-то специалистами по врасу. Но коммодор, представляя их друг другу, не сказал, кто они и какое положение занимают.

Зал мало-помалу наполнялся. Пришли все, кто чем-либо руководил в колонии. Вслед за Госсе, главным экологом колонии, вошел капитан Сусун, глава отдела развития природных ресурсов планеты — другими словами, лесоразработок. Его капитанский чин, как и капитанский чин Любова, был данью предрассудкам армейского начальства. Вошел капитан Дэвидсон — стройный и красивый. Его худое сильное лицо дышало суровым спокойствием. У всех дверей встали часовые. Армейские спины были бескомпромиссно выпрямлены. Не заседание, а расследование, это ясно. Кто виноват? «Я виноват», — с отчаянием подумал Любов, но посмотрел через стол на капитана Дона Дэвидсона с брезгливостью и презрением.

Коммодор Янг заговорил очень спокойно и тихо:

— Как вам известно, господа, мой корабль сделал остановку тут, на сорок первой планете, только чтобы высадить новых колонистов, а порт назначения «Шеклтона» — восемьдесят восьмая планета, Престно, входящая в хейнскую группу. Однако мы не можем игнорировать нападения на один из ваших дальних лагерей, поскольку оно произошло во время нашего пребывания на орбите. Особенно ввиду некоторых новых событий, о которых при нормальном положении вещей вы были бы извещены несколько позже. Дело в том, что статус сорок первой планеты как земной колонии теперь подлежит пересмотру, и резня в вашем лесном лагере может его ускорить. В любом случае мы с вами должны что-то решить немедленно, так как я не могу долго задерживать здесь свой корабль. В первую очередь надо удостовериться, что относящиеся к делу факты известны всем присутствующим. Рапорт капитана Дэвидсона о событиях в Лагерс Смита был записан на пленку, и на корабле мы все его прослушали. И вы здесь тоже? Прекрасно. Если у кого-нибудь из вас есть вопросы к капитану Дэвидсону, задавайте их. У меня самого есть вопрос. На следующий день, капитан Дэвидсон, вы вер-

нулись в сожженный лагерь на большом вертолете с восемью солдатами. Получили ли вы разрешение от старшего офицера здесь, в Центре, на этот полет?

Дэвидсон встал.

— Да, получил.

— Уполномочены ли вы были приземлиться и поджечь лес в окрестностях бывшего лагеря?

— Нет, не был.

— Однако лес вы подожгли?

— Да, поджег. Я хотел выкурить пискунов, которые убили моих людей.

— У меня все. Господин Лепенон?

Высокий хейнит откашлялся.

— Капитан Дэвидсон, — начал он, — считаете ли вы, что ваши подчиненные в Лагере Смита были в целом всем довольны?

— Да, считаю.

Дэвидсон говорил твердо и прямо. Казалось, его не тревожило положение, в котором он оказался. Конечно, этим флотским и инопланетянам он не подчинен и отчитываться за потерю двухсот человек, а также за самовольно принятые карательные меры должен только перед своим полковником. Однако его полковник присутствует здесь и слушает.

— Они получали хорошее питание и жили в хороших условиях, насколько это возможно во временном лагере? И рабочие часы у них были нормальными?

— Да.

— Дисциплина была исключительно суровой?

— Вовсе нет.

— В таком случае, чем вы объясните этот мятеж?

— Я не понял вопроса.

— Если среди них не было никакого недовольства, почему некоторые ваши подчиненные перебили остальных и подожгли лагерь?

Наступило неловкое молчание.

— Разрешите мне, — сказал Любов. — На землян напали работавшие в лагере местные врасу, атшияне, объединившись со своими лесными соплеменниками. В своем рапорте капитан Дэвидсон называет атшиян «пискунами».

На лице Лепенона отразились смущение и озабоченность.

— Благодарю вас, профессор Любов. Я неверно понял ситуацию. Мне представлялось, что слово «пискуны» означает категорию землян, выполняющих неквалифицирован-

ную работу в лесных лагерях. Считая, как и мы все, что атшияне, как раса, лишены агрессивности, я не мог предположить, что подразумеваются они. Собственно говоря, я даже не знал, что они вообще сотрудничают с вами в лесных лагерях... Но тогда мне тем более непонятно, чем были вызваны это нападение и мятеж.

— Я не знаю.

— Когда капитан сказал, что его подчиненные были всем довольны, подразумевал ли он и аборигенов? — буркнул таукитянин Ор.

Хейнит тотчас спросил у Дэвидсона тем же озабоченным вежливым голосом:

— А жившие в лагере атшияне тоже были всем довольны?

— Насколько мне известно, да.

— В их положении там или в порученной им работе не было ничего необычного?

Любов ощутил, как возросло внутреннее напряжение полковника Донга, его офицеров, а также командира звездолета — словно завернули винт на один оборот. Дэвидсон сохранил невозмутимое спокойствие.

— Ничего.

Любов понял, что на «Шеклтон» были отосланы только его научные отчеты, а его протесты и даже предписываемые инструкциями ежегодные оценки «приспособления аборигенов к присутствию колонистов» лежат на дне ящика чьего-то стола здесь, в штабе. Эти двое неземлян ничего не знали об эксплуатации атшиян. Они — но не коммодор Янг: он успел несколько раз побывать на планете и, вероятно, видел загоны, в которые запирали пискунов. Да и в любом случае командир корабля, облетающего колонии, не может не знать, как слагаются взаимоотношения землян и врасу. Независимо от того, как он относился к деятельности департамента по развитию колоний, вряд ли что-нибудь могло его удивить. Но таукитянин и хейнит — откуда им знать, что творится на колонизируемых планетах? Разве что случай забрасывал их в такую колонию по пути совсем в другое место. Лепенон и Ор вообще не собирались спускаться здесь с орбиты. Или, возможно, их не собирались спускать, но, услышав о чрезвычайном происшествии, они настояли на этом. Почему коммодор взял их сюда? По своей воле или по их требованию? Он не сказал, кто они такие, но в них чувствовалась привычка распоряжаться, от них веяло сухим опьяняющим запахом власти. Голова у Любова больше не болела, он испытывал бодрящее возбуждение, его лицо горело.

— Капитан Дэвидсон, — сказал он, — у меня есть несколько вопросов, касающихся вашей позавчерашней стычки с четырьмя аборигенами. Вы уверены, что среди них был Сэм, или Селвер Теле?

— Да, кажется.

— Вы знаете, что у него с вами личные счеты?

— Не имею ни малейшего представления.

— Нет? Поскольку его жена умерла у вас на квартире сразу после того, как вы учинили над ней насилие, он считает вас виновником в ее смерти. И вы не знали этого? Он уже один раз бросился на вас здесь, в Центрвилле. И вы забыли про это? Ну, как бы то ни было, личная ненависть Селвера к капитану Дэвидсону, возможно, в какой-то мере объясняет это беспрецедентное нападение или отчасти дала ему толчок. Вспышки агрессивного поведения у атшиян вовсе не исключены — ни одно из моих исследований не давало материалов для подобного утверждения. Подростки, еще не овладевшие искусством контролировать сновидения и перепевать противника, часто борются между собой или дерутся на кулаках, причем это отнюдь не всегда дружеские состязания. Но Селвер — взрослый мужчина и сновидец. Тем не менее, когда он в первый раз один бросился на капитана Дэвидсона, им явно руководило стремление убить. Как, кстати, и капитаном Дэвидсоном. Я был свидетелем их схватки. В то время я счел, что это нападение — исключительный случай, минутное безумие, вызванное горем, тяжелой психической травмой, что оно вряд ли повторится. Я ошибся... Капитан, когда четверо атшиян бросились на вас из засады, как указывали вы в своем рапорте, вас в конце концов прижали к земле?

— Да.

— В какой позе?

Спокойное лицо капитана Дэвидсона напряглось, и Любова кольнула невольная жалость. Он хотел запутать Дэвидсона в его собственной лжи и вынудить хотя бы раз сказать правду, но вовсе не унижать его публично. Обвинения в изнасиловании и убийство только поддерживали внутреннее убеждение Дэвидсона, что он — истинный мужчина, но теперь это лестное представление о себе оказывалось под угрозой. Любов вынудил его вспомнить, как он, профессиональный солдат, сильный, хладнокровный, бесстрашный, был брошен на землю врагами ростом с шестилетнего ребенка... Во что обошлась Дэвидсону всплывшая в его памяти картина, как он впервые смотрел на зеленых человечков не сверху вниз, а снизу вверх?

— Я лежал на спине.

— Голова у вас была откинута или повернута?

— Не помню.

— Я пытаюсь установить определенный факт, капитан, который помог бы объяснить, почему Селвер вас не убил, хотя у него были личные счеты с вами и незадолго до этого он участвовал в истреблении двухсот человек. Я подумал, что вы могли случайно принять одну из тех поз, которые заставляют атшиян сразу же оставить своего противника в покое.

— Не помню.

Любов обвел взглядом сидевших за столом. Все лица выражали любопытство, но некоторые были настороженными.

— Эти умиротворяющие жесты и позы могут опираться на какие-то врожденные инстинкты или представлять собойrudименты реакции бегства, но они получили социальное развитие, усложнившись, и теперь заучиваются. Для наиболее действенной и совершенной позы покорности надо лечь навзничь, закрыть глаза и повернуть голову так, чтобы подставить противнику ничем не защищенное горло. Я убежден, что ни один атшиянин на этих островах просто физически не способен причинить вред врагу, принявшему эту позу. И прибегнет к иному способу, чтобы дать выход гневу и желанию убить. Когда они вас повалили, капитан, может быть, Селвер запел?

— Что-что?

— Он запел?

— Не помню.

Стена. Непробиваемая. Любов уже хотел пожать плечами и замолчать, но тут таукитянин спросил:

— Что вы имеете в виду, профессор Любов?

Наиболее приятной чертой довольно жесткого таукитянского характера была любознательность, бескорыстное и неприменимое любопытство: таукитяне даже умирали охотно, интересуясь, что будет дальше.

— Видите ли, — ответил Любов, — атшияне заменяют физический поединок ритуальным пением. Это опять-таки широко распространенное в природе явление, и, возможно, оно опирается на какие-то физиологические моменты, хотя у людей трудно предположить «врожденные инстинкты» такого рода. Но как бы то ни было, здесь у всех высших приматов существуют голосовые состязания между двумя самцами — они воют или свистят. В конце концов доминирующий самец может дать противнику оплеуху, но чаще всего они просто около часа стараются переорвать друг друга. Атшияне

сами усматривают в этом аналогию со всеми певческими состязаниями, которые также бывают только между мужчинами, однако, как они сами отмечают, у них такое состязание не только дает выход агрессивным побуждениям, но и представляет собой вид искусства. Победа остается за более умелым певцом. И я подумал, не пел ли Селвер над капитаном Дэвидсоном, если же пел, то потому ли, что не мог убить, или потому, что предпочел бескровную победу? Эти вопросы неожиданно приобрели большую важность.

— Профессор Любов, — сказал Лепенон, — насколько эффективны эти приемы для разрядки агрессивности? Они универсальны?

— У взрослых — да. Так говорили все те, у кого я собирал сведения, и мои личные наблюдения полностью это подтверждали... До позавчерашнего дня. Изнасилование, избиения и убийства им практически неизвестны. Конечно, не исключаются несчастные случаи. И тяжелые маний. Но последнее — редкость.

— А как они поступают с опасными маньяками?

— Изолируют. В буквальном смысле слова. На уединенных островах.

— Но атшияне не вегетарианцы, они охотятся на животных?

— Да. Мясо принадлежит к основным продуктам их питания.

— Поразительно! — воскликнул Лепенон, и его белая кожа стала еще белее от волнения. — Человеческое общество с надежным антивоенным тормозом? А какой ценой это окапывается, профессор Любов?

— Точного ответа я дать не могу. Пожалуй, ценой отказа от изменений. Их общество статично, устойчиво, однородно. У них нет истории. Полнейшая гомогенность и ни малейшего прогресса. Можно сказать, что подобно лесу, дающему им приют, они достигли оптимального равновесия. Но это вовсе не значит, что они лишены способности к адаптации.

— Господа, все это очень интересно, но лишь в довольно узком смысле, и не имеет прямого отношения к тому, что мы пытаемся тут установить.

— Извините, полковник Донг, но, возможно, это и есть объяснение. Итак, профессор Любов?

— Возникает вопрос, не доказывают ли они сейчас эту свою способность. Приспособливая свое поведение к нам. К колонии землян. На протяжении четырех лет они вели

себя с нами так же, как друг с другом. Несмотря на физические различия, они признали в нас членов своего вида, то есть людей. Однако мы вели себя не так, как должны себя вести им подобные. Мы полностью игнорировали систему отношений, права и обязанности, сопряженные с отсутствием насилия. Мы убивали, изгоняли и порабощали людей этой планеты, уничтожали их общины и рубили их леса. Не будет ничего удивительного, если они решили, что нас нельзя считать людьми.

— А значит, можно убивать, как животных. Да-да, конечно, — сказал таукитянин, наслаждаясь логичностью этого построения, но лицо Лепенна застыло, словно вырубленное из белого мрамора.

— Порабощали? — переспросил хейнит.

— Капитан Любов излагает свои личные теории и мнения, — поспешил вмешаться полковник Донг, — которые, должен сказать прямо, мне представляются ошибочными, и мы с ним уже обсуждали их прежде, но к теме нашего совещания они отношения не имеют. Мы никого не порабощаем. Некоторые аборигены играют полезную роль в наших начинаниях. Добровольный автохтонный корпус является составной частью всех здешних поселений, кроме временных лагерей. У нас не хватает людей для осуществления наших целей, мы постоянно нуждаемся в рабочих руках и используем все, какие удается найти, но отнюдь не в формах, которые подпадали бы под понятие рабства. Разумеется, нет.

Лепенон хотел что-то сказать, но промолчал, уступая черед таукитянину, однако тот спросил только:

— Какова численность обеих рас?

Ему ответил Госсе:

— Землян в настоящее время здесь находится две тысячи шестьсот сорок один человек. Любов и я оцениваем численность местных врасу очень приблизительно в три миллиона.

— Вам следовало бы учсть эти статистические данные, прежде чем вы начали менять местные обычай! — заметил Ор с неприятным, но вполне искренним смехом.

— Мы достаточно вооружены и оснащены, чтобы противостоять любым агрессивным действиям со стороны аборигенов, — вмешался полковник. — Однако специалисты первой обзорной экспедиции и наши собственные — и в первую очередь капитан Любов — в полном согласии между собой внушали нам, будто новотаитяне — примитивные, безобидные и миролюбивые существа. Как выяснилось теперь, эти сведения были явно ошибочными...

— Явно! — перебил Ор. — Считаете ли вы, полковник, что люди как вид — примитивные, безобидные и миролюбивые существа? Конечно, нет. Но вы ведь знали, что врасу на этой планете — люди? Точно такие же, как вы, как я или Леппенон, поскольку все мы восходим к одной хейнитской расе?

— Я знаю о существовании такой гипотезы...

— Полковник, это исторический факт!

— Я не обязан признавать это фактом! — огрызнулся старик полковник. — И мне не нравится, когда мне навязывают чужие мнения. Я знаю другой факт: лискуны ростом в метр, они покрыты зеленым мехом, они не спят и они не люди в том смысле, в каком я понимаю это слово!

— Капитан Дэвидсон, — спросил таукитянин, — по-вашему, местные врасу — люди или нет?

— Не знаю.

— Но вы совершили половой акт с аборигенкой — с женой этого Селвера. Значит, вы считали ее женщиной, а не животным? А остальные? — Он обвел взглядом полиловевшего полковника, нахмурившихся майоров, взбешенных капитанов и растерянных специалистов. Его лицо выразило брезгливое презрение. — Ход ваших мыслей нелогичен, — закончил он.

По его понятиям это было грубейшее оскорблением.

Командир «Шеклтона» наконец вынырнул из омута общего смущенного молчания.

— Итак, господа, трагические события в Лагере Смита, вне всякого сомнения, тесно связаны с взаимоотношениями, установившимися между колонией и местным населением, а потому их нельзя рассматривать как малозначительный или случайный эпизод. Именно это мы и должны были установить, поскольку в нашем распоряжении есть средство, которое поможет вам выйти из затруднений. Цель нашего полета вовсе не исчерпывается доставкой сюда двух сотен невест, хотя я и знаю, как вы их ждали. На Престно возникли некоторые сложности, и нам поручено доставить тамошнему правительству ансible. Другими словами. АМС — аппарат мгновенной связи.

— Что? — воскликнул Серенг, глава инженерной службы.

Все земляне растерянно уставились на коммодора Янга.

— У нас на борту находится ранняя его модель, которая обошлась, грубо говоря, в годовой доход целой планеты. Но с того момента, когда мы покинули Землю, прошло двадцать семь землет, и теперь их научились изготавливать гораздо де-

шевле. Ими оснащаются все корабли космофлота, и автоматический корабль или корабль с командой, который доставил бы его вам при нормальном положении вещей, уже находится в полете. Точнее говоря, если я ничего не спутал, это корабль с командой, и он должен прибыть сюда через девять и четыре десятых земгода.

— Откуда вы знаете? — спросил кто-то, невольно подыгрыв коммодору, который ответил с улыбкой:

— Из переговоров по нашему ансиблю. Господин Ор, это изобретение ваших сопланетян, так не объясните ли вы его устройство присутствующим?

Таукитянин не смягчился.

— Пытаться объяснить им принцип действия ансибля бессмысленно, — сказал он. — Назначение же его можно изложить в двух словах: мгновенная передача сведений на любое расстояние. Один его элемент должен находиться на астрономическом телескопе, имеющем значительную массу, второй — в любой точке космоса. С момента выхода на орбиту «Шеклтон» ежедневно обменивался информацией с Землей, находящейся на расстоянии в двадцать семь световых лет. Для передачи вопроса и получения ответа уже не требуется пятидесяти четырех лет, как при использовании электромагнитных аппаратов. Передача происходит мгновенно, и разрыва во времени между мирами более не существует.

— Едва мы вошли в пространство-время этой планеты, мы, так сказать, позвонили домой, — мягко продолжал коммодор. — И нам сообщили, что произошло за двадцать семь лет нашего полета. Разрыв во времени по-прежнему остается для материальных тел, но не для связи. Вы, конечно, понимаете, что АМС для нас как космических видов важен не меньше, чем была важна речь на более ранней ступени нашей эволюции. Он тоже создает возможность для возникновения общества.

— Господин Ор и я покинули Землю двадцать семь лет назад в качестве представителей правительства Тау Второй и Хейна, — сказал Лепенон. Голос его оставался кратким и вежливым, но из него исчезла всякая теплота. — В то время обсуждалось создание союза или лиги цивилизованных миров, которое стало возможным с появлением мгновенной связи. Сейчас Лига Миров существует. Она существует уже восемнадцать лет. Господин Ор и я являемся теперь эмиссарами Совета Лиги и потому обладаем определенными полномочиями и властью, которых не имели, когда улетали с Земли.

Эта троица с космолета твердит о том, будто существует аппарат мгновенной связи, будто существует межзвездное надправительство... Хотите — верьте, хотите — нет. Они сговорились и лгут. Вот такая мысль возникла в мозгу у Любова. Он взвесил ее и решил, что она достаточно логична, но продиктована безотчетной подозрительностью, психическим защитным механизмом, и отбросил ее. Однако среди штабных, натренированных мыслить по заданным схемам, среди этих специалистов по самозащите найдется немало таких, кто уверует в это подозрение столь же безоговорочно, как он его отбросил. Они не могут не прийти к выводу, что человек, вдруг претендующий на совершенную новую форму власти, должен быть или лжецом, или заговорщиком. Они бессильны что-либо изменить в своем мировосприятии, как и он сам, Любов, натренированный сохранять беспристрастность и гибкость мышления, хочет он того или нет.

— Должны ли мы поверить всему... всему этому, только полагаясь на ваше слово? — произнес полковник Донг с достоинством, но жалобно: его мыслительные процессы протекали недостаточно четко, и ему было ясно, что не следует верить ни Лепенному, ни Ору, ни Янгу, но тем не менее он поверил им и перепугался.

— Нет, — ответил таукитянин. — С этим покончено. Прежде колониям вроде вашей приходилось полагаться на сведения, доставляемые космолетами, и устаревшую радиоинформацию. Но теперь вы можете сразу получить все необходимые подтверждения. Мы намерены передать вам ансибль, предназначавшийся для Престно. Лига уполномочила нас на это — разумеется, через ансибль. Ваша колония находится в тяжелом положении. В гораздо более тяжелом, чем можно было заключить по вашим рапортам. Ваши рапорты очень неполны — то ли из-за глупого неведения, то ли из-за сознательной цензуры. Однако теперь вы получили ансибль и можете прямо снести с вашим земным руководством, чтобы запросить инструкции. Ввиду глубоких изменений, которые произошли в организации управления Землей после нашего отлета, я рекомендовал бы вам сделать это безотлагательно. Теперь нет никаких оправданий ни для безоговорочного следования устаревшим инструкциям, ни для невежества, ни для безответственной автономии.

Стоит таукитянину оскорбиться, и он уже не в силах сопротивляться с собой. Господин Ор позволяет себе лишнее, и коммодор Янг должен был бы его одернуть. Но есть ли у него такое право? Какими полномочиями наделен «эмиссар Со-

вета Лиги Миров»? Кто здесь главный? Любову вдруг стало страшно, и его виски словно стянул железный обруч. Возвращалась головная боль. Он взглянул на сидящего напротив Лепеннаона, на переплетенные длинные белые пальцы его рук, которые спокойно лежали, отражаясь в полированной поверхности стола. Мраморная белизна кожи была скорее неприятна Любову, воспитанному в земных эстетических понятиях, но сила и безмятежность этих рук ему нравились. У хейнитов цивилизация в крови, думал он, ведь они приобщились к ней так давно. Они вели социально-интеллектуальную жизнь с грацией охотящейся в саду кошки, с неколебимой уверенностью ласточки, летящей через море вслед за летом. Они достигли всего. Им не надо было притворяться или фальшивить. Они были тем, чем были. Никто не укладывался в параметры человека так безупречно. За исключением зеленых человечков? Измельчавших, переприспособившихся, застывших в своем развитии пискунов, которые так абсолютно, так честно, так безмятежно были тем, чем были...

Бентон, один из офицеров, спросил Лепеннаона, находятся ли они на планете в качестве наблюдателей Лиги... (он запнулся) Лиги Миров или уполномочены...

Лепенон вежливо вывел его из затруднения:

— Мы просто наблюдатели и не имеем полномочий распоряжаться. Вы по-прежнему ответственны только перед Землей.

— Следовательно, ничто, в сущности, не изменилось! — с облегчением сказал полковник Донг.

— Вы забываете про ансибль, — перебил Ор. — Сразу после совещания я научу вас пользоваться им. И вы сможете проконсультироваться с вашим департаментом.

Заговорил Янг:

— Поскольку решение вашей проблемы не терпит отлагательств, а Земля теперь стала членом Лиги и Колониальный кодекс за последние годы мог значительно измениться, совет господина Ора весьма разумен и своевремен. Мы должны быть очень благодарны господину Ору и господину Лепеннаону за их решение предоставить земной колонии ансибль, предназначенный для Престно. Это было их решение. Я же мог только от всего сердца с ним согласиться. Теперь остается еще один вопрос, решить который должен я, опираясь на ваше мнение. Если вы считаете, что колонии угрожают новые нападения все большего числаaborигенов, я могу задержать мой корабль здесь еще недели на две для пополне-

ния вашего оборонительного оружия. Кроме того, я могу эвакуировать женщин. Детей в колонии пока еще нет, не так ли?

— Да, — сказал Госсе. — А женщин тут теперь четыреста восемьдесят две.

— Что же, у меня есть место для трехсот восьмидесяти пассажиров. Еще сто как-нибудь разместим. Лишняя масса замедлит возвращение домой примерно на год, но и только. К сожалению, ничего больше я вам предложить не могу. Мы должны лететь дальше, на Престно, ближайшую к вам планету, расстояние до которой, как вы знаете, чуть меньше двух световых лет. На обратном пути к Земле мы опять побываем здесь, но это будет не раньше, чем через три с половиной земгода. Вы столько продержитесь?

— Конечно, — сказал полковник, и остальные поддержали его. — Мы предупреждены, и больше нас врасплох не застанут.

— А аборигены? — сказал таукитянин. — Они смогут продержаться еще три с половиной года?

— Да, — сказал полковник.

— Нет, — сказал Любов. Он все это время следил за выражением лица Дэвидсона, и в нем нарастало что-то похожее на панику.

— Полковник? — вежливо осведомился Лепенон.

— Мы здесь уже четыре года, и аборигены благоденствуют. Места хватает для всех нас с избытком — как вам известно, планета очень мало населена, и ее никогда не открыли бы для колонизации, если бы дело обстояло иначе. Ну, а если им снова взбредет в голову напасть, они нас больше врасплох не застанут. Нас неверно информировали относительно характера этих аборигенов, но мы прекрасно вооружены и сумеем защититься, хотя никаких карательных мер не планируем. Колониальный кодекс абсолютно запрещает что-либо подобное, и, пока я не узнаю, какие новые правила ввело новое правительство, мы будем строго соблюдать прежние правила, как всегда их соблюдали, а в них прямо указано на недопустимость широких карательных действий или геноцида. Просьба о помощи мы посыпать не будем: в конце-то концов колония, удаленная от родной планеты на двадцать семь световых лет, должна рассчитывать главным образом на собственные ресурсы и вообще полагаться только на себя, и я не вижу, как АМС может что-либо изменить в этом отношении, поскольку корабли, люди и грузы, как и раньше, перемещаются в космосе со скоростью, всего лишь

близкой к световой. Мы будем по-прежнему отправлять на Землю лесоматериалы и сами о себе заботиться. Женщинам никакой опасности не грозит.

— Профессор Любов? — сказал Лепенон.

— Мы здесь четыре года, и я не уверен, что местная человеческая культура сможет выдержать еще четыре. Что касается общей экологии планеты, полагаю, Госсе подтвердит мои слова, если я скажу, что мы невосстановимо погубили экологические системы на одном большом острове, нанесли им огромный ущерб здесь, на Сорноле, который можно считать почти материком, и, если лесоразработки будут продолжаться нынешними темпами, еще до конца десятилетия почти наверное превратим в пустыню все крупные обитающие острова. Ни штаб колонии, ни Лесное бюро в этом не виноваты: они просто следовали «плану развития», который был составлен на Земле на основании далеко не достаточных сведений о планете, ее экологических системах и аборигенах.

— Мистер Госсе? — произнес вежливый голос.

— Ну, Радж, вы, пожалуй, преувеличиваете. Бессспорно, Свалку — остров, где вопреки моим рекомендациям лесоразработки велись слишком интенсивно, — приходится сбросить со счетов. Если на определенной площади лес вырубается свыше определенного процента, фиброник отмирает, а именно корневая система этого растения связывает почву на расчищенной земле, без чего почва превращается в пыль и стремительно уносится ветрами и ливнями. Однако я не могу согласиться с тем, что данные нам установки неверны — надо лишь строго им следовать. Они опираются на тщательное изучение планеты. И здесь, на Центральном острове, мы, точно следя плану, добились успеха — эрозия незначительна, а расчищенная земля очень плодородна. Разработка леса вовсе не означает создания пустыни — ну, разве с точки зрения белки. Мы не знаем точно, как экосистемы здешних первобытных лесов приспособятся к новой комбинации леса, степи и пахотной земли, предусмотренной планом развития, но мы знаем, что во многих случаях шансы на адаптацию и выживание очень велики.

— Именно это утверждало экологическое бюро, когда речь шла об Аляске в период первого пищевого кризиса, — перебил Любов. Горло у него сжалася судорога, и голос звучал пронзительно и хрипло. А он-то надеялся, что Госсе его поддержит! — Сколько ситкинских елей довелось вам увидеть за вашу жизнь, Госсе? Сколько белых сов? Или волков? Или

эскимосов? После пятнадцати лет осуществления «программы развития» сохранилось около трех процентов исконных аляскинских видов, как растений, так и животных. А сейчас их число равно нулю. Лесная экология очень хрупка. Если лес гибнет, с ним гибнет и его фауна. Атшияне называют лес тем же словом, которое на их языке означает также мир, вселенную. Коммодор Янг, я официально ставлю вас в известность, что если колонии непосредственная опасность пока не грозит, она грозит всей планете...

— Капитан Любов! — перебил старый полковник. — Офицеры специальных служб не могут обращаться с подобными заявлениями к офицерам других служб, но только к руководству колонии, которое одно правомочно их рассматривать, и я не потерплю дальнейших попыток давать рекомендации без предварительного согласования.

Любов, застигнутый врасплох собственной вспышкой, извинился и попытался принять спокойный вид. Если бы он не потерял контроля над собой! Если бы у него не сорвался голос. Если бы у него хватило выдержки... А полковник тем временем продолжал:

— Нам представляется, что вы допустили серьезные ошибки в оценке миролюбия и отсутствия агрессивности у здешних аборигенов, и мы не предвидели и не предотвратили страшную трагедию в Лагере Смита именно потому, что положились на ваше мнение как мнение специалиста, капитан Любов. Поэтому я думаю, что нам придется подождать, пока другие специалисты по врасу не смогут изучить их глубже, поскольку факты свидетельствуют, что ваши заключения содержали существенные ошибки.

Любов принял это молча. Пусть Янг и инопланетяне посмотрят, как они сваливают вину друг на друга. Тем лучше! Чем больше они будут препираться, тем вероятнее, что эти эмиссары проведут инспекцию, возьмут их под контроль. И ведь он действительно виноват, он действительно ошибся! «К черту самолюбие, лишь бы уберечь лесных людей!» — подумал Любов и с такой силой ощущил всю глубину своего унижения и самопожертвования, что у него на глаза навернулись слезы.

Тут он заметил, что Дэвидсон внимательно на него поглядывает.

Он выпрямился, лицо у него горело, в висках стучала кровь. Он не станет терпеть насмешек этой скотины Дэвидсона. Неужели Ор и Лепенон не видят, что такое Дэвидсон и какой он здесь пользуется властью, тогда как его, Любова,

власть — одна фикция, исчерпывающаяся правом «давать рекомендации»? Если все ограничится установкой этого их сверхрадио, трагедия в Лагере Смита почти наверняка станет предлогом для систематического истребления аборигенов. С помощью бактериологических средств, скорее всего. Через три с половиной года «Шеклтон» вернется на Новое Тaitи и найдет тут процветающую колонию и никаких трудностей с пискунами. Абсолютно никаких. Эпидемия — такая жалость! Мы приняли все меры, требуемые Колониальным кодексом, но, вероятно, произошла мутация — ни малейшей резистентности, но тем не менее мы сумели спасти часть их, перевезя на Новофолклендские острова в южном полушарии, где они прекрасно себя чувствуют — все шестьдесят два аборигена...

Совещание закончилось. Любов встал и перегнулся через стол к Лепенону.

— Сообщите Лиге, что необходимо спасти леса, лесных людей, — сказал он еле слышно, потому что судорога сжимала его горло. — Вы должны это сделать, должны!

Хейнит посмотрел ему в глаза. Его взгляд был ласковым, сдержаным, бездонным. Он ничего не ответил.

Глава 4

Рассказать кому-нибудь — не поверят! Они все свихнулись. Эта проклятая планета им всем мозги набекрень сдвинула, одурманила, вот они и дрыхнут наяву, не хуже пискунов. Да если бы ему самому еще раз прокрутили то, чего он насмотрелся на этом «совещании» и на инструктаже после, он все равно не поверил бы. Командир корабля Звездного флота лижет сапоги двум гуманоидам! Инженеры и техники визжат и пускают слюни из-за дурацкого радио, а волосатый таукитец измывается над ними и бахвалится, словно земная наука давным-давно не предсказала появления АМС! Гуманоиды свистнули идею, использовали ее и назвали свою штуковину ансиблем, чтобы никто не сообразил, что это всего-навсего АМС. Но хуже всего было это их совещание, когда псих Любов ворил и бредил, а полковник Донг не заткнул ему пасть, позволил оскорблять Дэвидсона, и весь штаб, и всю колонию, а эти две инопланетные морды сидят и ухмыляются — плюгавая серая макака и долговязая бледная немочь, сидят и потешаются над людьми!

Хуже некуда. Но и когда «Шеклтон» улетел, лучше не

стало. Ну ладно, пусть его отправили на Новую Яву в распоряжение майора Мухамеда, он не в претензии. Полковник должен был наложить на него дисциплинарное взыскание. В душе-то стариk Динг-Донг наверняка одобряет, что он прошелся с огоньком по острову Смита и дал урок пискунам, но сделал он это по собственной инициативе, а дисциплина есть дисциплина, и полковник обязан был призвать его к порядку. Что поделаешь, играть надо по правилам. Но вот какое отношение к правилам имеет то, что вякает их телевизор-переросток, который они называют ансиблем? Этот их новый идол в штаб-квартире, на который они не намолятся?

Инструкции из Карачи, от департамента развития колоний. «*Не допускать контактов между землянами и атишянами, кроме тех, инициаторами которых будут атишяне*». Проще говоря, с этих пор держись подальше от пискунных нор, а рабочую силу ищи, где хочешь! «*Использование добровольного труда не рекомендуется, использование принудительного труда запрещается*». Опять двадцать пять! А как тогда вести лесоразработки, об этом они подумали? Нужны Земле эти бревна и доски или нет? Небось все еще шлют робогрузовозы на Новое Таити по четыре в год, и каждый везет на Землю первоклассные пиломатериалы на тридцать миллионов неодолларов. Естественно, департаменту эти миллиончики очень даже кстати. Там сидят деловые люди. И инструкции идут не от них, это всякому дураку ясно.

«*Колониальный статус сорок первой планеты пересматривается*». Новым Таити ее уже больше не называют, скажите пожалуйста! «*До вынесения окончательного решения колонисты должны соблюдать предельную осторожность в отношении с местными обитателями... Использование какого бы то ни было оружия, кроме мелкокалиберных пистолетов, предназначенных для самозащиты, категорически запрещается*». Прямо как на Земле, только там и пистолеты давно запрещены. Но за каким, спрашивается, чертом человек пролетает расстояние в двадцать семь световых лет, если на неосвоенной планете у него отбирают автоматы, и огненный студень, и бомбы-лягушки? Нет-нет! Сидите себе, посиживайте, паймальчики, а пискуны пусть спокойненько плюют тебе в лицо, и распевают над тобой песни, и втыкают нож тебе в брюхо, и жгут твой лагерь! Но ты пальцем не тронь зеленых дисиков. И думать не смей!

«*Всемерно рекомендуется политика воздержания от контактов, какие бы то ни было агрессивные или карательные действия строго запрещаются*».

Вот она, суть всех этих «ансиблограмм», и любой дурак сообразил бы, что шлет их не колониальный департамент. Не могли же они там настолько измениться за тридцать лет! Это все были практичные люди, они трезво смотрели на вещи и знали, какова жизнь на неосвоенных планетах. Всякому, кто не спятил от геошока, должно быть ясно, что это фальшивки. Может, они прямо заложены в аппарат — набор ответов на наиболее вероятные вопросы, и выдает их аналитическое устройство. Инженеры, правда, вякают, что они бы такое сразу обнаружили. Может, и так. Тогда, значит, эта штука и в самом деле дает мгновенную связь с другой планетой, да только не с Землей. Вот это уж точно! Во второй передатчик ответы вкладывают не люди, а инопланетяне, гуманоиды. Скорее всего таукитцы: аппарат сконструировали они и вообще соображать, подлецы, умеют. Как раз из тех, кто наверняка замышляет прибрать к рукам всю Галактику. Хейниты, конечно, с ними стакнулись: розовые слюнки в ансиблограммах так и отдают хейнитами. Какая их конечная цель — отгадать, сидя здесь, не просто. Может, рассчитывают ослабить Землю, втянув ее в эту аферу с Лигой Миров. Ну, а что они затеяли тут, на Новом Таити, понять легко: предоставляют разделаться с людьми пискунам и концы в воду. Свяжут людей по рукам и ногам ансибельными фальшивками, и пусть их режут все, кому не лень. Гуманоиды помогают гуманоидам — крысы помогают крысам.

А полковник Донг все это кушает. И намерен выполнять приказы. Так прямо и заявил: «Я намерен выполнять приказы Земли, и, черт побери, Дон, вы будете выполнять мои приказы, а на Новой Яве — приказы майора Мухамеда». Дурак он старый, Динг-Донг, но Дэвидсон ему нравится, а он — Дэвидсону. Какие там еще приказы, когда надо спасать человечество от заговора гуманоидов! Но старика все-таки жаль. Дурак, но мужественный и верный долгу. Не прирожденный предатель, вроде языкового плаксы и ханжи Любова. Вот пусть пискуны его первым и прикончат, умника Раджа Любова, прихвостня гуманоидов.

Некоторые люди, особенно среди азиев и хиндазиев, так и рождаются предателями. Не все, конечно, но некоторые. А некоторые люди рождаются спасителями. Ну, так уж они устроены, и никакой особой заслуги в этом нет — как в евро-афрском происхождении или в крепком телосложении. Он так на это и смотрит. Если в его силах будет спасти мужчин и женщин Нового Таити, он их спасет, а если нет — он, во всяком случае, сделает что сможет, и говорить больше не о чем.

А, да — женщины! Это, конечно, обидно. Вывезли с Новой Явы всех до единой и больше из Центрвилла не шлют никого. «Пока еще опасно», — ничего умнее в штабе не придумали! А каково ребятам в трех дальних лагерях, это они учитывают? Пискуний не тронь, баб всех забрали в Центрвилл — на что они, собственно, рассчитывают? Ясное дело, ребята озлятся. Ну, да долго это не протянется. Такая идиотская ситуация стабильной быть не может. Если теперь, после отлета «Шеклтона», они не вернутся понемножку в прежнюю колею, капитану Д. Дэвидсону придется легонько их подтолкнуть. Ладно, он готов потрудиться сверх положенного, лишь бы все пришло в норму.

В то утро, когда он улетал с Центрального, они отпустили всех рабочих пискунов — иди, гуляй! Закатили благородную речугу на ломаном наречии, открыли ворота загона и выпустили всех ручных пискунов — всех до единого: носильщиков, землекопов, поваров, мусорщиков, домашних слуг и служанок, ну, всю ораву. И хоть бы один остался! А ведь некоторые служили у своих хозяев с самого основания колонии, четыре земгода! Но они о верности и понятия не имеют! Собака или там шимпанзе хозяина бы не бросили. А эти еще и до собак не развились, остались на одном уровне с крысами и змеями: умишка только на то и хватает, чтобы обернуться и тяпнуть тебя, едва ты выпустишь их из клетки. Динг-Донг совсем спятил — выпустил пискунов прямо рядом с городом. Надо было свезти их всех на Свалку: пусть бы передохли там с голоду. Но эти два гуманоида и их говорящий ящик здорово напугали Донга. И если дикие пискуны на Центральном задумали устроить резню, как в Лагере Смита, у них теперь хоть отбавляй полезных помощников, которые знают город, знают порядки в нем, знают, где находится арсенал, где выставляются часовые и все прочее. Ну, если Центрвилл спалят, пусть штаб себе спасибо скажет. Собственно говоря, ничего другого они и не заслуживают. За то, что позволили предателям задурить себе голову, за то, что слушали гуманоидов и пренебрегали советами людей, которые знают, что такое пискуны на самом деле.

Никто из штабных молодчиков не слетал, как он, в лагерь, не поглядел на золу, на разбитые машины, на обгоревшие трупы. А труп Ока — там, где они перебили команду лесорубов... у него из обоих глаз торчали стрелы, будто какое-

то жуткое насекомое высунуло усики и нюхает воздух. А, черт! Так и мерещится, так и мерещится!

Хоть одно хорошо: что бы там ни требовали фальшивки, а у ребят на Центральном будет для защиты кое-что получше «мелкокалиберных пистолетов». У них есть огнеметы и автоматы. Шестнадцать малых вертолетов вооружены пулеметами, и с них удобно бросать банки с огненным студнем. А пять больших вертолетов несут полное боевое вооружение. Ну, да оно им и не понадобится. Достаточно подняться на малом вертолете над расчищенными районами, отыскать там ораву пискунов с их чертовыми луками и стрелами да забросать банками со студнем, а потом любоваться сверху, как они мечутся и горят. Вот это дело! Представишь себе их, и в животе теплеет, словно о бабе думаешь или вспоминаешь, как этот пискун, Сэм, бросился на тебя, а ты ему четырьмя ударами всю морду разворотил. А все эйдетическая память да воображение поярче, чем у некоторых, — никакой заслуги тут нет, просто так уж он устроен.

По правде сказать, мужчина только тогда по-настоящему и мужчина, когда он переспал с бабой или убил другого мужчину. Конечно, это он не сам придумал, а в какой-то старинной книжке вычитал, но что правда, то правда. Вот почему ему нравится рисовать в воображении такие картины. Даже хотя пискуны — и не люди вовсе.

Новой Явой назывался самый южный из пяти больших островов, расположенный лишь чуть севернее экватора. Климат там был более жаркий, чем на Центральном и на острове Смита, где температура круглый год держалась приятно умеренная. Более жаркий и гораздо влажней. В период дождей на Новом Таити они выпадали повсюду, но на северных островах с неба тихо сеялись мельчайшие капли, и ты не ощущал ни сырости, ни холода. А здесь дождь лил как из ведра, и на остров постоянно обрушивались тропические бури, когда не то что работать, а носа на улицу высунуть невозможно. Только надежная крыша спасает от дождя — ну, и лес. До того он тут густ, проклятый, что никакой ураган его не берет. Конечно, со всех листьев капает вода, и оглянуться не успеешь, как ты уже насквозь мокрый, но если зайти в лес поглубже, то и в самый разгар бури даже ветерка не почувствуешь, а чуть выйдешь на опушку — блям! Ветер сметет тебя с ног, облепит жидкой рыжей глиной, в которую ливень превратил всю расчищенную землю, и ты опрометью бросаешь-

ся назад в лес, где темно, душно и ничего не стоит заблудиться.

Ну, и здешний командующий, майор Мухамед — сукин сын, законник! Все только по инструкции: просеки шириной точно в километр, чуть бревна вывезут — сажай фиброник, отпуск на Центральный получай строго по расписанию, галлюциногены выдаются ограниченно, употребление их в служебные часы карается, и так далее, и тому подобное. Только одно в нем хорошо: не бегает по каждому поводу радиовать в Центр. Новая Ява — его лагерь, и он командует им на свой лад. Приказы из штаб-квартиры он получать ох как не любит. Выполнять-то он их выполняет: пискунов отпустил и все оружие, кроме детских пускалок, сразу запер, едва пришло распоряжение. Но предпочитает обходиться без приказов, а уж без советов и подавно — и от Центра, и от кого другого. Из этих, из ханжей: всегда уверен, что он прав. Самая главная его слабость.

Когда Дэвидсон служил в штабе, ему иногда приходилось заглядывать в личные дела офицеров. Его редкостная память хранила все подобные сведения, и он, например, вспомнил, что коэффициент умственного развития у Мухамеда равнялся 107, а его собственный, между прочим — 118. Разница в 11 пунктов, но, конечно, старику Му он этого сказать не может, а сам Му в жизни не расчухает, и заставить его слушать нет никакой возможности. Воображает, будто в чем угодно разбирается лучше Дэвидсона, вот так-то.

Собственно говоря, они все здесь поначалу были колючими. Никто на Новой Яве ничего толком про бойню в Лагере Смита не знал — слышали только, что тамошний командующий за час до нападения улетел на Центральный, а потому единственный из всех остался в живых. Ну, если так на это поглядеть, действительно выходит скверно. И можно понять, почему они сперва на него косились, словно он несчастье приносит, а то и вовсе как на иуду. Но когда узнали его поближе, переменили мнение. Поняли, что он не дезертир и не предатель, а наоборот, всего себя отдает, чтобы уберечь колонию на Новом Таити от предательства. И поняли, что сделать планету безопасной для земного образа жизни можно, только избавившись от пискунов.

Втолковать все это лесорубам было не так уж и трудно. Они этих зеленых крыс никогда особенно не обожали: весь день заставляй их работать да еще всю ночь сторожи! Ну, а теперь они поняли, что пискуны — не просто пакостные твари, но и опасные. Когда он рассказал им, что увидел на ост-

рове Смита, когда объяснил, как два гуманоида на корабле космофлота обдурили штабных, когда втолковал им, что унижение землян на Новом Таити — всего лишь малая часть заговора инопланетян против Земли, когда он напомнил им бесстрастные неумолимые цифры (две с половиной тысячи человек против трех миллионов пискунов), вот тогда они по-настоящему поверили в него.

Даже здешний представитель экологического контроля на его стороне. Не то, что бедняга Кеес, который злился, что ребята стреляют оленей, а потом сам получил заряд в живот от подлых пискунов.

Этот, Атранда, ненавидит пискунов всем нутром. Можно сказать, помешался на них, точно геoshок получил или что похуже. До того боится, как бы пискуны не напали на лагерь, что ведет себя хуже всякой бабы. Но хорошо, что можно расчитывать на местного специала.

Начальника лагеря убеждать смысла нет: сразу видно, что Мухамеда не обломаешь. Косный тип. И настроен против него — из-за того, что произошло в Лагере Смита. Чуть не прямо сказал, что не считает его надежным офицером.

Сукин сын, ханжа, но что он ввел тут такую строгую дисциплину, это хорошо. Вымуштрованных людей, привыкших выполнять приказы, легче прибрать к рукам, чем распущенных умников, и легче превратить в боевой отряд для оборонительных и наступательных действий, когда он возьмет на себя командование. А взять на себя командование придется: Му — неплохой начальник лагеря лесорубов, но солдат никакудышный.

Дэвидсон постарался заручиться поддержкой кое-кого из лучших лесорубов и младших офицеров, покрепче привязать их к себе. Он не торопился. Когда он убедился, что им можно по-настоящему доверять, десять человек забрались в полные военных игрушек подвалы клуба, которые старик Му держал под замком, унесли оттуда кое-что, а в воскресенье отправились в лес поиграть.

Дэвидсон еще за несколько недель до этого отыскал там селенис пискунов, но приберег удовольствие для своих ребят. Он бы и один справился, только так было лучше. Это сплачивает людей, связывает их узами истинного товарищества. Они просто вошли туда среди бела дня, всех схваченных пискунов вымазали огненным студнем и сожгли, а потом облили крыши нор керосином и зажарили остальных. Тех, кто пытался выбраться, мазали студнем. Вот тут-то и был самый смак: ждать у крысиных нор, пока крысы не по-

лезут наружу, дать им минутку — пусть подумают, будто спаслись, а потом подпалить снизу, чтобы горели, как факелы. Зеленая шерсть трещала — обхочечешься.

Вообще-то говоря, это было немногим сложнее, чем охотиться на настоящих крыс — чуть ли не единственных диких неохраняемых животных, сохранившихся на матушке-Земле, и все-таки интереснее: пискуны ведь куда крупнее, и к тому же знаешь, что они могут на тебя кинуться, хотя на этот раз сопротивляться никто и не пробовал. А некоторые вместе того, чтобы бежать, даже ложились на спину и закрывали глаза. Прямо тошнит! Ребята тоже так думали, а одного и вправду стошило, когда он сжег такого лежачего.

И хоть отпусков ни у кого давно не было, ребята ни одной самки в живых не оставили. Заранее все обговорили и решили, что это уж слишком смахивает на извращение. Пусть у них и есть сходство с женщинами, но они нелюди, и лучше просто полюбоваться, как они горят, а самому оставаться чистым. Они все с этим согласились, и никто от своего решения не отступил.

А в лагере ни один не проговорился: даже закадычным дружкам не похвастал. Надежные ребята! Мухамед про эту воскресную экскурсию ничего не узнал. Ну и пусть себе думает, что его подчиненные все как на подбор пай-мальчики, валят себе лес, а пискунов за километр обходят. Вот так-то. И не надо ему ничего знать, пока не придет решительный день.

Потому что пискуны нападут. Обязательно. Где-нибудь. Может, тут, а может, на какой-нибудь из лагерей на Кинге или на Центральном. Дэвидсон знал это твердо. Единственный офицер во всей колонии, который знал это с самого начала. Никакой его заслуги, просто он знает, что прав. Остальные ему не верили — никто, кроме здешних ребят, которых у него было время убедить. Но и все прочие рано или поздно удостоверятся, что он не ошибся.

И он не ошибся.

Глава 5

Столкнувшись лицом к лицу с Селвером, он испытал настоящий шок. И в вертолете на обратном пути в Центрвилл из селения среди холмов Любов пытался понять, почему это было так, пытался анализировать, какой нерв вдруг сдал.

Ведь, как правило, случайная встреча с другом ужаса не вызывает.

Не так-то легко было добиться, чтобы Старшая Хозяйка его пригласила. Все лето он вел исследования в Тунтаре. Он нашел там немало отличных помощников, которые охотно и подробно отвечали на его вопросы, наладил хорошие отношения с Мужским Домом, а Старшая Хозяйка позволяла ему не только беспрепятственно наблюдать жизнь общины, но и принимать в ней участие. Добиться от нее приглашения через посредство бывших рабов, которые оставались в окрестностях Центрвилла, удалось не скоро, но в конце концов она согласилась, так что он отправился туда «по инициативе Атшиян», как предписывали новые инструкции. Собственно, если бы он их нарушил, полковник особенно возражать не стал бы, но этого требовала его совесть. А Донг очень хотел, чтобы он отправился туда. Его тревожила «пискунья угроза», и он поручил Любову оценить ситуацию, «посмотреть, как они реагируют на нас теперь, когда мы совершенно не вмешиваемся в их жизнь». Он явно надеялся получить успокоительные сведения, но Любов не мог решить, успокоит ли его доклад полковника Донга или нет.

В радиусе двадцати километров вокруг Центрвилла лес был вырублен полностью и пни все уже сгнили. Теперь это была унылая плоская равнина, заросшая фибровником, который под дождем выглядел лохматым и серым. Под защитой его волосатых листьев набирали силу ростки сумаха, карликовых осин и разного кустарника, чтобы потом в свою очередь защищать ростки деревьев. Если эту равнину не трогать, на ней в здешнем мягким дождливом климате за тридцать лет поднимется новый лес, который через сто лет станет таким же могучим, как прежде. Если ее не трогать...

Внезапно внизу снова возник лес — в пространстве, а не во времени: бесконечная разнообразная зелень листьев укрывала волны холмов Северного Сорноля.

Как и большинство землян на Земле, Любов никогда в жизни не гулял под дикими деревьями, никогда не видел леса, а только парки и городские скверы. В первые месяцы на Атши лес угнетал его, вызывал тревожную неуверенность — этот бесконечный трехмерный лабиринт стволов, ветвей и листьев, окутанный вечным буровато-зеленоватым сумраком, вызывал у него ощущение удушья. Бесчисленное множество соперничающих жизней, которые, толкая друг друга, устремлялись вширь и вверх к свету, тишина, слагающаяся из мириад еле слышных, ничего не значащих звуков,

абсолютное растительное равнодушие к присутствию разума — все это тяготило его, и, подобно остальным землянам, он предпочитал расчистки или открытый морской берег. Но мало-помалу лес начал ему нравиться. Госсе поддразнивал его, называл господином Гиббоном. Любов и правда чем-то напоминал гиббона: круглое смуглое лицо, длинные руки, преждевременно поседевшие волосы. Только гиббоны давно вымерли. Но нравился ему лес или нет, как специалист по врасу он обязан был уходить туда в поисках врасу. И теперь, четыре года спустя, он чувствовал себя среди деревьев как дома — пожалуй даже, нигде ему не было так легко и спокойно.

Теперь ему нравились и названия, которые атшияне давали своим островам и селениям, звучные двухсложные слова: Сорноль, Тунтар, Эшрет, Эшсен (на его месте вырос Центрвилл), Эндтор, Абтан, а главное — Атши, слово, обозначавшее и «лес» и «мир». Точно так же слово «земля» на земных языках обозначало и почву, и планету — два смысла и единый смысл. Но для атшиян почва, земля не была тем, куда возвращаются умершие и чем живут живые — основой их мира была не земля, а лес. Землянин был прахом, красной глиной. Атшиянин был веткой и корнем. Они не вырезали своих изображений из камня — только из дерева.

Он посадил вертолет на полянке севернее Тунтара и направился туда мимо Женского Дома. Его обдало острыми запахами атшийского селения — древесный дым, копченая рыба, ароматические травы, пот другой расы. Воздух подземного жилища, куда землянин мог заползти лишь с трудом, представлял собой невероятную смесь углекислого газа и разнообразной вони. Любов провел немало интеллектуально упоительных часов, скорчившись в три погибели и задыхаясь в смрадном полумраке Мужского Дома Тунтара. Но на этот раз вряд ли можно было надеяться, что его пригласят туда.

Разумеется, тунтарцы знают о том, что произошло в Лагере Смита полтора месяца назад. И конечно, узнали об этом почти немедленно — вести облетают острова с поразительной быстротой, хотя и не настолько быстро, чтобы можно было всерьез говорить о «тайной телепатической силе», в которую так охотно верили лесорубы. Знают они и о том, что тысяча двести рабов в Центрвилле были освобождены вскоре после резни в Лагере Смита, и Любов согласился с опасениями полковника Донга, что аборигены сочтут второе событие следствием первого. Это действительно, как выражался полковник Донг, «могло создать неверное впечатление». Но что за важность! Важно другое — рабов освободили.

Исправить причиненное зло было невозможно, но оно хотя бы осталось в прошлом. Можно начать заново: аборигенов уже не будет угнетать тягостное недоумение, почему ловеки обходятся с людьми, как с животными, а он освободится от жестокой необходимости подыскивать никого не убеждающие объяснения и от грызущего ощущения непоправимой вины.

Зная, как они ценят откровенность и прямоту, когда дело касается чего-либо страшного или неприятного, он ждал, что тунтарцы будут обсуждать с ним случившееся — торжествуя или виновато, радуясь или растерянно. Но никто не говорил с ним об этом. С ним вообще почти никто не говорил.

Он прилетел в Тунтар под вечер, что в земном городе соответствовало бы утренней заре. Вопреки убеждению колонистов, которые, как это часто бывает, предпочитали выдумки реальным фактам, атшияне спали и спали по-настоящему, но физиологический спад у них наступал днем, между полуднем и четырьмя часами, а не между двумя и пятью часами ночи, как у землян. Кроме того, в их суточном цикле были два пика повышения температуры и повышенной жизнедеятельности — в рассветных и в вечерних сумерках. Большинство взрослых спало по пять-шесть часов в сутки, но с перерывами, а опытные сновидцы обходились двумя часами сна. Вот почему люди, считавшие краткие периоды как обычного, так и парадоксального сна всего лишь «ленью», утверждали, будто аборигены вообще никогда не снят. Думать так было гораздо проще, чем разбираться, что происходит на самом деле. И в эту пору Тунтар только-только оживлялся после предвечерней дремоты.

Любов заметил, что среди встречных он многих видит впервые. Они оглядывались на него, но ни один к нему не подошел. Это были просто тени, мелькавшие на других тропинках в полутьме под могучими дубами. Наконец он увидел знакомое лицо — по его тропинке шла Шеррап, двоюродная сестра Старшей Хозяйки, бестолковая старушонка, которая в селении ничего не значила. Она вежливо с ним поздоровалась, но не смогла — или не захотела — внятно ответить на его расспросы о Старшей Хозяйке и двух его обычных собеседниках: Эгате, хранителе сала, и Тубабе, Сновидце. Старшая Хозяйка сейчас очень занята, и про какого Эгата он спрашивает? Наверное, про Гебана? Ну, а Тубаб, может, тут, а может, и не тут. Она буквально вцепилась в Любова, и никто больше к нему не подходил. Всю дорогу через поля и рощи

Тунтара она ковыляла рядом с ним, все время на что-то жалуясь, а когда они приблизились к Мужскому Дому, сказала:

— Там все заняты.

— Ушли в сны?

— Откуда мне знать? Иди-ка, Любов, иди посмотри... —

Она знала, что он всегда просит что-нибудь ему показать, но не могла придумать, чем бы его заинтересовать, чтобы увести отсюда. — Иди посмотри сети для рыбы, — закончила она неуверенно.

Проходившая мимо девушка, одна из молодых охотниц, посмотрела на него — это был хмурый взгляд, полный враждебности. Так на него еще никто из атшиян не смотрел, кроме разве что малышей, испугавшихся его роста и беззлобного лица. Но девушка не была испугана.

— Ну хорошо, пойдем, — сказал он Шеррар.

Иного выхода, кроме мягкости и уступчивости, у него нет, решил он. Если у атшиян действительно вдруг возникло чувство групповой враждебности, он должен смириться с этим и просто попытаться показать им, что он по-прежнему их верный и надежный друг.

Но как могли столь мгновенно измениться их мироощущение, их мышление, которые так долго оставались стабильными? И почему? В Лагере Смита воздействие было прямым и нестерпимым: жестокость Дэвидсона способна вынудить к сопротивлению даже атшиян. Но это селение, Тунтар, земляне никогда не трогали, его обитателей не уводили в рабство, их лес не выжигали и не рубили. Правда, здесь бывал он, Любов, — антропологу редко удается не бросить собственную тень на картину, которую он рисует, — но с тех пор прошло больше двух месяцев. Они знают, что случилось в Лагере Смита, у них поселились беженцы, бывшие рабы, которые, конечно, рассказывают о том, чего они натерпелись от землян. Но могут ли известия из дальних мест, слухи и рассказы с такой силой воздействовать на тех, кто узнает о случившемся только из вторых рук, чтобы настолько радикально изменилась самая сущность их натуры? Ведь отсутствие агрессивности заложено в атшиянах очень глубоко: и в их культуре, и в структуре их общества, и в их подсознании, которое они называют «явью снов», и, может быть, даже в их физиологии. То, что зверской жестокостью можно спровоцировать атшиянина на попытку убить, он знает: он был свидетелем этого — один раз. В то, что столь же невыносимая жестокость может оказать такое же воздействие на разрушенную общину, он вынужден поверить — это произошло

в Лагере Смита. Но чтобы рассказы и слухи, пусть даже самые страшные и потрясающие, могли возмутить нормальную общину атшиян до такой степени, что они начали действовать наперекор своим обычаям и мировоззрению, полностью отступив от привычного образа жизни, — в это он поверить не способен. Это психологически несостоитительно. Тут недостает какого-то фактора, о котором он ничего не знает.

В ту секунду, когда Любов поравнялся с входом в Мужской Дом, оттуда появился старый Тубаб, а за ним — Селвер.

Селвер выбрался из входного отверстия, выпрямился и на мгновение зажмурился от приглушенного листвой, затуманенного дождем дневного света. Он поднял голову, и взгляд его темных глаз встретился со взглядом Любова. Не было сказано ни слова. Любова пронизал страх.

И теперь в вертолете на обратном пути, анализируя причину шока, он спрашивал себя: «Откуда этот испуг? Почему Селвер вызвал у меня страх? Безотчетная интуиция или всего лишь ложная аналогия? И то и другое равно иррационально».

Между ними ничто не изменилось. То, что Селвер сделал в Лагере Смита, можно оправдать. Да и в любом случае это ничего не меняет. Дружба между ними слишком глубока, чтобы ее могли разрушить сомнения. Они так увлеченно работали вместе, учили друг друга своему языку — и не только в буквальном смысле. Они разговаривали с абсолютной откровенностью и доверием. А его любовь к Селверу подкреплялась еще и благодарностью, которую испытывает спасший к тому, чью жизнь ему выпала честь спасти.

Собственно говоря, до этой минуты он не отдавал себе отчета, как дорог ему Селвер и как много значит для него эта дружба. Не был ли его страх страхом за себя — опасением, что Селвер, наученный расовой ненависти, отвернется от него, отвергнет его дружбу, что для Селвера он будет уже не «ты», а «один из них»?

Этот первый взгляд длился очень долго, а потом Селвер медленно подошел к Любову и приветливо протянул к нему руки.

У лесных людей прикосновение служило одним из главных средств общения. У землян прикосновение в первую очередь ассоциируется с угрозой, с агрессивными намерениями, а все остальное практически исчерпывается формальным рукопожатием и ласками, подразумевающими тесную близость. У атшиян же существовала сложнейшая гамма прикосновений, несущих коммуникативный смысл. Ласка

как сигнал и ободрение была для них не менее необходима, чем для матери и ребенка или для влюбленных, но она заключала в себе социальный элемент, а не просто воплощала материнскую или сексуальную любовь. Ласковые прикосновения входили в систему языка, были упорядочены и formalизированы, но при этом могли бесконечно варьироваться. «Они все время лапаются!» — презрительно морщились те колонисты, которые привыкли любую человеческую близость сводить только к эротизму, грабя самих себя, потому что такое восприятие обедняет и отравляет любое духовное наслаждение, любое проявление человеческих чувств: склонной гаденький Купидон торжествует победу над великой матерью всех морей и звезд, всех листьев на всех деревьях, всех человеческих движений — над Венерой-Родительницей...

И Селвер, протянув руки, сначала потряс руку Любова по обычай землян, а потом поглаживающим движением прижал ладони к его локтям. Он был почти вдвое ниже Любова, что затрудняло жесты и придавало им неуклюжесть, но в прикосновении этих маленьких, хрупких, одетых зеленым мехом рук не было ничего робкого или детского. Наоборот, оно ободряло и успокаивало. И Любов очень ему обрадовался.

— Селвер, как удачно, что ты здесь! Мне необходимо поговорить с тобой...

— Я сейчас не могу, Любов.

Его голос был мягким и ласковым, но надежда Любова на то, что их дружба осталась прежней, сразу рухнула. Селвер изменился. Он изменился радикально — от самого корня.

— Можно я прилечу еще раз, чтобы поговорить с тобой, Селвер? — настойчиво сказал Любов. — Для меня это очень важно...

— Я сегодня уйду отсюда, — ответил Селвер еще мягче, но отнял ладони от локтей Любова и отвел глаза.

Этот жест в буквальном смысле слова обрывал разговор. Вежливость требовала, чтобы Любов тоже отвернулся. Но это значило бы остаться в пустоте. Старый Тубаб даже не поглядел в его сторону, селение не пожелало его заметить. И вот теперь — Селвер, который был его другом.

— Селвер, эти убийцы в Келм-Дева... может быть, ты думаешь, что они встали между нами. Но это не так! Может быть даже, они нас сблизили. А твои сограждане все освобождены, и значит, эта несправедливость тоже нас больше не разделяет. Но если она стоит между нами, как всегда стояла, так я же... я все тот же, каким был раньше, Селвер.

Атшиянин словно не услышал. Его лицо с большими глубоко посаженными глазами, сильное, изуродованное шрамами, в маске шелковистой короткой шерсти, которая совершенно точно следовала его контурам и все же смазывала их, это лицо хмуро и упрямо отворачивалось от Любова. Вдруг Сельвер оглянулся, словно против воли.

— Любов, тебе не надо было сюда прилетать. И уезжай из Центра не позже, чем через две ночи. Я не знаю, какой ты. Лучше бы мне было никогда тебя не встречать.

И он ушел, шагая упруго и грациозно, словно длинноногая кошка, мелькнул зеленым проблеском среди темных дубов Тунтара и исчез. Тубаб медленно пошел за ним следом, так и не взглянув на Любова. Дождь легкой пылью беззвучно сеялся на дубовые листья, на узкие тропки, ведущие к Мужскому Дому и к речке. Только внимательно вслушиваясь, можно было уловить музыку дождя, слишком многоголосую, чтобы ее воспринять, — единый бесконечный аккорд, извлекаемый из струн всего леса.

— Сельвер-то — бог, — сказала старая Шеррар. — А теперь иди посмотри сети.

Любов отклонил ее приглашение. Остаться было бы невежливо и недипломатично, да и во всяком случае слишком для него тяжело.

Он пытался убедить себя, что Сельвер отвернулся не от него — Любова, но от землянина. Но это не составляло никакой разницы и не могло служить утешением.

Он всегда испытывал неприятное удивление, вновь и вновь убеждаясь, насколько он раним и какую боль испытывает от того, что ему причиняют боль. Он стыдился такой подростковой чувствительности — пора бы уж стать более толстокожим.

Он простился со старушкой, чей зеленый мех сверкал и серебрился дождевой пылью, и она с облегчением вздохнула. Нажимая на стартер, он невольно улыбнулся при виде того, как она ковыляет к деревьям, подпрыгивая от торопливости, словно лягушонок, ускользнувший от змеи.

Качество — это важное свойство, но не менее важно и количество — соотношение размеров. У нормального взрослого тот, кто много меньше его, может вызвать высокомерие, презрительную снисходительность, нежность, желание защитить и опекать или желание дразнить и мучить, но любая из этих реакций будет нести в себе элемент отношения взрослого к ребенку, а не к другому взрослому. Если к тому же такой малыш покрыт мягким мехом, возникнет реакция,

которую Любов мысленно назвал «реакцией на плюшевого мишку». А из-за ласковых прикосновений, входящих в систему общения атшиян, она была вполне естественной, хотя по сути неоправданной. И наконец, неизбежная «реакция на непохожесть» — подсознательное отталкивание от людей, которые выглядят непривычно.

Но, помимо всего этого, атшияне, как и земляне, порой попросту выглядели смешно. Некоторые действительно немного смахивали на лягушек, сов, мохнатых гусениц. Шер-рар была не первой старушкой, спина которой вызывала у Любова улыбку...

«В том-то и беда колонии, — думал он, взлетая и глядя, как Тунтар и его облетевшие плодовые сады тонут в море дубов. — У нас нет старух. Да и старииков тоже, если не считать Донга, но и ему не больше шестидесяти. А ведь старухи — явление особое: они говорят то, что думают. Атшиянами управляют старухи — в той мере, в какой у них вообще существует управление. Интеллектуальная сфера принадлежит мужчинам, сфера практической деятельности — женщинам, а этика рождается из взаимодействия этих двух сфер. В этом есть своя прелесть, и такое устройство себя оправдывает — во всяком случае, у них. Вот бы департамент догадался вместе с этими пышногрудыми соблазнительными девицами прислать еще двух-трех бабушек! Например, та девочка, с которой я ужинал позавчера: и очаровательная любовница и вообще очень мила, но — боже мой! — она найдет, что сказать мужчине интересного и дальновидного не раньше чем через сорок лет»...

И все это время за мыслями о старых женщинах и о молодых женщинах пряталось потрясение, интуитивная догадка, никак не желавшая всплыть на поверхность.

Надо выяснить это для себя до возвращения в штаб.

Селвер... Так что же Селвер?

Да, он, конечно, видит в нем ключевую фигуру. Но почему? Потому ли, что близко его знает, или потому, что в его личности кроется особая сила, которую он, Любов, не оценил — во всяком случае сознательно?

Нет, правда. Он очень скоро понял исключительность Селвера. Тогда Селвер был «Сэмом», слугой трех офицеров, живших вместе во времянке. Бенсон еще хвастал, какой у них хороший пискусун и как отлично они его выдрессировали.

Многие атшияне, и особенно сновидцы из Мужских Домов, не могли приспособить свою двойную систему сна к земной. Если для нормального сна они вынуждены были ис-

пользовать ночь, это нарушало ритм парадоксального сна, стодвадцатиминутный цикл которого, определявший их жизнь и днем и ночью, никак не укладывался в земной рабочий день. Стоит научиться видеть сны наяву, уравновешивая свою психику не на одном только узком лезвии разума, но на двойной опоре разума и сновидений, стоит обрести такую способность, и она остается у вас навсегда: разучиться уже невозможно, как невозможно разучиться мыслить. А потому очень многие обращенные в рабство мужчины утрачивали ясность сознания, тупели, замыкаясь в себе, даже впадали в кататоническое состояние. Женщины, растерянные, удрученные, проникались вялым и угрюмым безразличием, которое обычно для тех, кто внезапно лишился свободы. Легче приспосабливались мужчины, так и не ставшие сновидцами или ставшие ими недавно. Они усердно трудились на лесоразработках или из них выходили умелые слуги. К этим последним относился Сэм — добросовестный безликий слуга, повар, прачка, дворецкий и козел отпущения для трех своих хозяев. Он научился быть невидимым и неслышным. Любов забрал Сэма к себе для получения этнологических сведений и, благодаря странному внутреннему сходству между ними, сразу же завоевал его доверие. Сэм оказался идеальным источником этнологической информации: он был глубоко осведомлен в обычаях своего народа, понимал их внутренний смысл и легко находил пути, чтобы истолковать их, наставить в них Любова, перекидывая мост между двумя языками, между двумя культурами, между двумя видами рода «человек».

Любов уже два года странствовал, изучал, расспрашивал, наблюдал, но так и не сумел найти ключа к психологии атшиян. Он даже не знал, где искать замок. Он изучал систему сна атшиян и не мог нащупать никакой системы. Он присоединял бесчисленные электроды к бесчисленным пушистым зеленым головам и не находил ни малейшего смысла в привычных бегущих линиях — в кривых, зубцах, альфах, дельтах и тэтах, которые запечатлевались на графиках. Только благодаря Селверу он, наконец, понял смысл атшийского слова «сновидение», означавшего, кроме того, «корень», и получил таким образом из его рук ключ к вратам в царство лесных людей. Именно на энцефалограмме Селвера он впервые осознанно рассматривал необычные импульсы мозга, «уходящего в сон». Эту фазу нельзя было назвать ни сном, ни бодрствованием, и со снами землян она сопоставлялась примерно

так же, как Парфенон с глинобитной хижиной — суть одна, но совсем иные сложности, качество и соразмерность.

Ну, так что же? Что же еще?

Селвер легко мог бы уйти в лес. Но он оставался — сначала как слуга, а потом (благодаря одной из немногих привилегий, которые давало Любову его положение специалиста) как научный ассистент — что, впрочем, не мешало запирать его на ночь вместе с остальными пискунами в загоне («помещении для добровольно завербовавшихся автохтонных рабочих»). «Давай я увезу тебя в Тунтар, и мы будем продолжать наши занятия там, — предложил Любов, когда в третий раз говорил с Селвером. — Ну, для чего тебе оставаться здесь?» Селвер ответил: «Здесь моя жена Теле». Любов попытался добиться ее освобождения, но она работала в штабной кухне, а командовавшие там сержанты ревниво относились ко вся кому вмешательству «начальников» и «специалистов». Любову приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы они не выместили свою злость на атшиянке. И Теле, и Селвер, казалось, готовы были терпеливо ждать часа, когда они сумеют вместе бежать или вместе получат свободу. Пискуны разного пола содержались в разных половинах загона, полностью изолированных друг от друга (почему — никто толком объяснить не мог), и муж с женой виделись редко. Любову, который жил один, иногда удавалось устраивать им свидание у себя в коттедже на северной окраине поселка. Когда Теле возвращалась после одного такого свидания в штаб, она попадалась на глаза Дэвидсону и, по-видимому, привлекла его внимание хрупкостью и пугливой грациозностью. Вечером он затребовал ее в свой коттедж и изнасиловал.

Возможно, ее убила физическая травма, а может быть, она оборвала свою жизнь силой самовнушения — на это были способны и некоторые земляне. В любом случае ее убил Дэвидсон. Подобные убийства случались и раньше. Но так, как поступил Селвер на второй день после ее смерти, не поступал еще ни один атшиянин.

Любов застал только самый конец. Он снова вспомнил крики, вспомнил, как опрометью бежал по Главной улице под палящим солнцем, вспомнил пыль, плотное людское кольцо... Драка длилась минут пять — долгое время, если дерутся насмерть. Когда Любов подбежал к ним, Селвер, ослепленный собственной кровью, был уже игрушкой в руках Дэвидсона, но все-таки он встал и снова бросался на капитана — не в яростном безумии, но с холодным бесстрашием полного отчаяния. Он падал и вставал, падал и вставал. И, напу-

ганный этим страшным упорством, обезумел от ярости Дэвидсон — швырнув Селвера на землю ударом в скулу, он шагнул вперед и поднял ногу в тяжелом башмаке, чтобы размозжить ему голову. И вот в эту секунду в круг ворвался Любов. Он остановил Дэвидсона — десять человек, с интересом наблюдавшие за дракой, успели устать от этого избиения и поддержали Любова. С тех пор он возненавидел Дэвидсона, а Дэвидсон возненавидел его, потому что он встал между убийцей и смертью убийцы.

Ибо убийство — это всегда самоубийство, но в отличие от всех тех, кто кончает самоубийством, убийца всегда стремится убивать себя снова, и снова, и снова.

Любов подхватил Селвера на руки, почти не чувствуя его веса. Изуродованное лицо прижалось к его плечу, и кровь промочила рубашку насеквоздь. Он унес Селвера к себе в котедж, перебинтовал его сломанную руку, обработал, как умел, раны на лице, уложил в собственную постель и ночь за ночью пытался разговаривать с ним, пытался разрушить стену горя и стыда, которой тот окружил себя. Конечно, все это было прямым нарушением правил и инструкций.

О правилах и инструкциях никто ему не напоминал. Зачем? Он и так знал, что в глазах офицеров колонии окончательно теряет всякое право на уважение.

До этого случая он старался не восстанавливать против себя штаб и протестовал только против явных жестокостей по отношению к аборигенам, стараясь убеждать, а не требовать, чтобы не утратить хотя бы той жалкой власти и влияния, какие были сопряжены с его должностью. Воспрепятствовать эксплуатации атшиян он не мог. Положение было гораздо хуже, чем он представлял себе, отправляясь сюда, когда в его распоряжении были только теоретические сведения. И от него зависело так мало! Его доклады департаменту и комиссии по соблюдению Колониального кодекса могли — после пятидесяти четырех лет пути туда и обратно — возыметь какое-то действие. Земля даже могла решить, что открытие Атши для колонизации было ошибкой. И уж лучше через пятьдесят четыре года, чем никогда! А если он восстановит против себя здешнее начальство, его доклады будут пропускаться только частично или вовсе не пропускаться, и тогда уж надежды не останется никакой.

Но теперь гнев заставил его забыть про тактику осторожности. К черту их всех, раз, по их мнению, заботясь о своем друге, он оскорбляет матушку-Землю и предает колонию! Если к нему прилипнет кличка «пискуний приспешник»,

ему станет еще труднее защищать атшиян, но он был не в силах поставить теоретическую общую пользу выше спасения Селвера, который без него неминуемо погиб бы. Ценой предательства друга нельзя спасти никого. Дэвидсон, которого вмешательство Любова и синяки, полученные от Селвера, ввергли в совершенно необъяснимую ярость, твердил всем и каждому, что еще прикончит взбесившегося пискуна, и, несомненно, при первом удобном случае привел бы свою угрозу в исполнение. И Любов в течение двух недель не отходил от Селвера ни на минуту, а потом на вертолете увез его на западное побережье, в селение Бротер, где жили его родичи.

За помочь рабу в побеге никаких наказаний предусмотрено не было, поскольку атшияне были рабами не по имени, а лишь на деле — назывались же они Рабочим корпусом абorigенов-добровольцев. Любов не получил даже устного выговора, однако с этого времени кадровые офицеры полностью перестали ему доверять, и даже его коллеги из специальных служб — ксенобиолог, координаторы сельского и лесного хозяйства, экологи — разными способами дали ему понять, что он вел себя неразумно, по-донкихотски или как последний идиот. «Неужели вы рассчитывали, что тут будут одни розы?» — раздраженно спросил Госсе. «Нет, я не думал, что тут будут розы», — отрезал он тогда, а Госсе продолжал: «Не понимаю специалистов по врасу, которые по своей воле едут служить на планеты, открытые для колонизации! Вы же знаете, что народность, которую вы собираетесь изучать, будет ассимилирована, а возможно, и полностью уничтожена. Это объективная реальность. Такова человеческая природа, и уж вы-то должны знать, что изменить ее вам не под силу. Так зачем же ставить себя перед необходимостью наблюдать этот процесс? Любовь к самоистязанию?» А он крикнул: «Я не знаю, что вы называете «человеческой природой»! Может быть, именно она требует описывать то, что мы уничтожаем. И разве экологу много легче?» Госсе пропустил это мимо ушей. «Ну ладно, составляйте свои описания. Но держитесь в стороне. Зоолог, изучающий крысиное общество, не вмешивается и не спасает своих любимиц, если они подвергаются нападению!» И вот тут он сорвался. Этого он стерпеть уже не мог. «Да, конечно, — ответил он. — Крыса может быть любимицей, но не другом. А Селвер — мой друг. Если на то пошло, он — единственный человек на планете, которого я считаю своим другом!» Это глубоко обидело беднягу Госсе, которому нравилось играть роль опекуна

и наставника, и никому никакой пользы не принесло. Тем не менее это была истина. А в истине ты обретаешь свободу... «Я люблю Селвера, уважаю его, я спас его, я страдал вместе с ним, я боюсь его. Селвер — мой друг».

А Селвер-то — бог!

Зеленая старушонка произнесла эти слова так, словно говорила о чем-то общезвестном, так, как сказала бы, что такой-то — охотник. «Селвер — ша'аб». Но что, собственно, значит «ша'аб»? Многие слова женской речи, повседневного языка атшиян, были заимствованы из мужской речи — языка, одинакового во всех общинах, и эти слова часто не только бывали двухсложными, но и имели двойной смысл. Точно у монет — аверс и реверс. «Ша'аб» значит «бог», или «дух-покровитель», или «могучее существо». Однако у него есть и совсем другое значение, но какое же?

К этому времени Любов уже успел вернуться в свой коттедж, и ему достаточно было снять с полки словарь, который они с Селвером составили ценой четырех месяцев изнурительной, но удивительно дружной работы. Ну да, конечно: «ша'аб» — переводчик.

Слишком уж укладывается в схему слишком уж противоположный смысл.

Связаны ли эти два значения? Двойной смысл подобных слов довольно часто имел внутреннюю связь, однако не настолько часто, чтобы это можно было считать правилом. Но если бог — переводчик, что же он переводит? Селвер действительно оказался талантливым толмачом, но этот дар нашел применение только благодаря тому, что на планете появился язык, чужой для ее обитателей, — обстоятельство новое и непредвиденное. Может быть, ша'аб переводит язык сновидений и философии, мужскую речь на повседневный язык? Но это делают все сновидцы. Или же он — тот, кто способен перенести в реальную жизнь пережитое в сновидении? Тот, кто служит соединительным звеном между явью снов и явью мира? Атшияне считают их двумя равноправными реальностями, но связь между ними, хотя и решающе важная, остается неясной. Звено — тот, кто способен облекать в слова образы подсознания. «Говорить» на этом языке означает действовать. Сделать что-то новое. Изменить что-то или измениться самому — радикально, от корня. Ибо корень — это сновидение.

И такой переводчик — бог. Селвер добавил к речи своих соплеменников новое слово. Он совершил новое действие. Это слово, это действие — убийство. Только богу дано про-

вести такого пришельца, как Смерть, по мосту между явью и явью.

Но научился ли он убивать себе подобных в снах горя и гнева или его научило увиденное наяву поведение чужаков? Говорил ли он на своем языке или на языке капитана Дэвидсона? То, что словно бы коренилось в его собственных страданиях и выражало перемену в его собственном существе, на самом деле могло быть заразой, чумой с другой планеты и нести его соплеменникам не обновление, а гибель.

Вопрос «что я мог бы сделать?» был внутренне чужд Раджу Любову. Он всегда избегал вмешиваться в дела других людей — этого требовали и его характер, и каноны его профессии. Как специалист, он должен был установить, что именно они делают, а дальше — пусть как сами знают. Он предпочитал, чтобы просвещали его, а не просвещать самому, предпочитал искать факты, а не Истину с большой буквы. Но даже и тот, кто полностью лишен миссионерских склонностей, если только он не делает вид, будто полностью лишен и эмоций, порой вынужден выбирать между действием и бездействием. Вопрос «что делают они?» внезапно превращается в «что делаем мы?», а затем в «что должен делать я?».

Он знал, что для него настала минута такого выбора, хотя и не отдавал себе ясного отчета, почему и какой ему предложен выбор.

Теперь он больше ничем не мог содействовать спасению атшиян: Лепенон, Ор и ансибль уже сделали гораздо больше, чем успел бы сделать он за всю свою жизнь. Инструкции, поступавшие с Земли по ансиблю, были абсолютно четкими, и полковник Донг строго их придерживался, хотя руководители лесоразработок и настаивали, что выполнять их не следует. Он был честным и добросовестным офицером, а кроме того, «Шеклтон» вернется и проверит, как выполняются приказы. С появлением ансибля, этой *machina ex machina*¹, прежней ютной колониальной автономии пришел конец. Теперь понесения на Землю обрели реальное значение, и человек нес ответственность за свои поступки еще при жизни. Отсрочки в пятьдесят четыре года больше не существовало. Колониальный кодекс утратил статичность. Лига Миров может в любой момент принять решение, и колония будет ограничена одним островом, или будет запреще-

¹ Буквально «машина из машин» — перефразировка латинского выражения «*deus ex machina*» — «бог из машины», означающего внезапное и чудолейственное разрешение всех трудностей. (Прим. пер.)

на рубка деревьев, или будет поощряться истребление аборигенов — как знать? Директивные указания Земли пока еще не позволяли догадаться, как функционирует Лига и какой будет ее политика. Донга тревожил избыток возможностей, но Любов ему радовался. В разнообразии заключена жизнь, а где есть жизнь, там есть и надежда — таким было его кредо, бесспорно, весьма скромное.

Колонисты оставили атшиян в покое, а те оставили в покое колонистов. Вполне терпимое положение вещей, и нарушать его без нужды не стоит. А нарушить его, пожалуй, может только страх.

Атшияне, конечно, не доверяют колонистам, прошлое по-прежнему их возмущает, но страха они как будто испытывать не должны. Ну, а паника в Центрвилле, вызванная резней на острове Смита, улеглась, и с тех пор не случилось ничего, что могло бы вновь ее возбудить. Со стороны атшиян больше не было ни одного проявления враждебности, а так как после освобождения рабов все «пискуны» ушли в леса, прекратилось и постоянное подсознательное воздействие ксенофобии. И колонисты мало-помалу расслабляются.

Если сообщить, что в Тунтаре он видел Селвера, это неминуемо встревожит Донга и прочих. Они могут даже попытаться захватить его и предать суду. Колониальный кодекс запрещает привлекать члена одного планетарного сообщества к ответственности по законам другой планеты, однако военный суд такими тонкостями не интересуется. Они вполне способны судить Селвера, признать его виновным и расстрелять. В качестве свидетеля с Новой Явы привезут Дэвидсона. «Ну, нет! — подумал Любов, засовывая словарь на место. — Ну, нет!» — и перестал об этом думать. Так он сделал свой выбор, даже не заметив этого.

На следующий день он представил краткий отчет о своей поездке: обстановка в Тунтаре нормальная, его беспрепятственно допустили туда, ему никто не угрожал. Это был весьма успокоительный отчет, и самый неточный в жизни Любова. В нем не упоминалось ни о чем действительно существенном — ни о том, что Старшая Хозяйка к нему не вышла, а Тубаб с ним не поздоровался, ни о появлении там большого числа чужих, ни о выражении лица молодой охотницы, ни о присутствии Селвера... Бессспорно, это последнее он утаил, но в остальном отчет точно следовал фактам, решил Любов. Он опустил только субъективные впечатления, как и полагается ученыму. Пока он писал отчет, голова у него раскалывала

лась от боли, а когда он представил его в штаб, боль стала невыносимой.

Ночью ему без конца что-то снилось, но утром он не мог вспомнить ни одного сна. На вторую ночь после возвращения из Тунтара, проснувшись от истерических воплей сирены и грохота взрывов, он наконец взглянул правде в глаза: он — единственный человек в Центрвилле, который ожидал этого, он — предатель.

Но даже и теперь он не был до конца уверен, что атшияне действительно напали. Просто в ночном мраке творилось что-то ужасное.

Его коттедж был цел и невредим — возможно, потому, что окружен деревьями, подумал он, выбегая наружу. Центр города горел. Даже бетонный куб штаба внутри весь пыпал, точно литейная печь. А там — ансибль, бесценное связующее звено. Пожары полыхали и в той стороне, где находился вертолетный ангар, и на космодроме. Откуда у них взрывчатка? Каким образом сразу вспыхнуло столько пожаров? Все деревянные дома по обеим сторонам Главной улицы горели. Рев огня нарастал, становился все страшнее. Любов побежал туда. Под ногами была вода. От пожарных насосов? И тут же он сообразил, что лопнула водопроводная труба, проложенная до реки Мененд, и вода растекается по земле, пока жуткое воющее пламя пожирает дома. Как они сумели? Куда делась охрана? На космодроме всегда дежурит охрана в джипах... Выстрелы, залпы, автоматная очередь... Вокруг повсюду мелькали маленькие фигуры, но он бежал среди них и почти их не замечал. Поравнявшись с гостиницей, он увидел в дверях девушку. Позади нее плясали огненные языки, но путь на улицу был свободен. И все же она стояла не двигаясь. Он окликнул ее, потом кинулся через двор, оторвал ее руки от косяка, в который она намертво вцепилась, и потащил за собой, повторяя негромко и ласково:

— Иди же, девочка! Ну, иди же!

Она наконец послушалась, но слишком поздно. Стена верхнего этажа, озаренная изнутри огнем, не выдержала напора рушащейся крыши и медленно наклонилась вперед. Угли, головни, пылающие стропила вылетели наружу, точно шрапнель. Падающая балка задела Любова горящим концом и сбила с ног. Он лежал ничком в багровеющем озере грязи и не видел, как на девушку прыгнула маленькая зеленая охотница, опрокинула на спину, перерезала горло. Он ничего не видел.

В эту ночь не была пропета ни одна песня. Только крики и молчание. Когда запылали небесные лодки, Селвер обрадовался и на его глазах выступили слезы, но слов не было. Он молча отвернулся, сжимая тяжелый огнемет, и повел свой отряд назад в город.

Все отряды с запада и с севера вели бывшие рабы вроде него — те, кому приходилось служить ловекам в Центре, так что они знали там все дороги и жилища.

В этих отрядах почти никто прежде не видел селений ловеков, а многие и самих ловеков никогда не видели. Они пришли потому, что их вел Селвер, потому, что их гнали плохие сны, и только Селвер знал, как с этими снами совладать. Сотни и сотни мужчин и женщин ждали в глубокой тишине вокруг города, пока бывшие рабы по двое и по трое делали то, что нужно было сделать сначала — разбили главную водопроводную трубу, перерезали провода, которые несли свет от электростанции, проникли в арсенал и унесли оттуда все необходимое. Первые враги, часовые, были убиты быстро и бесшумно, в темноте, с помощью обычного охотничьего оружия — петли, ножа, лука. Динамит, украшенный еще вечером из лесного лагеря в пятнадцати километрах к югу, был заложен в арсенале под штабом, дома облиты огненным веществом и подожжены. Тут завыла сирена, забуживал огонь, и ночь исчезла вместе с тишиной. С грохотом, точно от грома и валявшихся деревьев, стреляли почти только ловеки — оружием, захваченным в арсенале, пользовались одни лишь бывшие рабы, а остальные предпочли собственные копья, ножи и луки. Но весь этот шум утонул в оглушительном реве, когда рухнули стены штаба и ангары с небесными лодками. Это взорвался динамит, который заложили и запалили Резван и те, кому пришлось работать в лагерях лесорубов.

В селении в эту ночь было около тысячи семисот ловеков, из них пятьсот самок, так как, по слухам, ловеки свезли сюда всех своих самок. Потому-то Селвер и остальные решили начать, хотя еще не все люди, которые хотели быть с ними, успели добраться до Сорноля. Почти пять тысяч мужчин и женщин пришли через леса в Эндтор на Общую Встречу, а оттуда — в это место, в эту ночь.

Пожары полыхали все сильнее, и воздух стал тяжелым от запаха гари и крови.

Рот Селвера пересох, в горле саднило, он не мог выгово-

рить ни слова и мечтал о глотке воды. Он вел свой отряд по средней тропе селения ловеков, один из них кинулся ему на встречу — в дымном багровом сумраке он казался огромным. Селвер поднял огнемет и оттянул защелку в ту самую секунду, когда ловек поскользнулся в жидкой грязи и рухнул на колени. Но из огнемета не вырвалась шипящая струя пламени — оно все было истрачено на небесные лодки, стоявшие в стороне от ангаров. Селвер уронил тяжелый баллон. Ловек был без оружия, и он был самцом. Селвер попытался сказать: «Не трогайте его, пусть бежит», но у него не хватило голоса, и двое охотников из Абтамских Полян прыгнули вперед, подняв длинные ножи. Большие безволосые руки взметнулись вверх и вяло опустились. Огромный труп бесформенной грудой преградил им дорогу. Тут, где прежде был центр селения, валялось много других мертвцевов. По-прежнему с треском рушились горящие стены, ревел огонь, но остальные звуки затихли.

Селвер с трудом разомкнул губы и хрюплю испустил клич сбора, завершающий охоту. Те, кто был с ним, подхватили клич громко и пронзительно. Вдали и вблизи в мутной, смрадной, пронизанной огненными всполохами ночной мгле раздались ответные крики. Вместо того чтобы увести своих людей из селения, Селвер сделал им знак уходить, а сам сошел на полосу грязи между тропой и жилищем, которое сгорело и обрушилось. Он перешагнул через мертвую ловечку и нагнулся над ловеком, прижатым к земле обугленным бревном. В темноте было трудно разглядеть уткнувшееся в грязь лицо.

Это было несправедливо, ненужно! Почему, когда вокруг столько других мертвцевов, ему понадобилось нагнуться над этим? И ведь в темноте он мог бы его не узнать! Селвер повернулся и пошел вслед за своим отрядом, потом бросился назад, приподнял бревно со спины Любова, напрягая все силы, сдвинул его, упал на колени и подсунул ладонь под тяжелую голову. Казалось, что так Любову легче лежать — земля уже не касалась его лица. И Селвер, не вставая с колен, застыл в неподвижности.

Он не спал четверо суток, а в сны не уходил еще дольше — он не помнил, насколько дольше. С тех пор, как он ушел из Бротера с теми, кто последовал за ним из Кадаста, он дни и ночи напролет действовал, говорил, обходил селения, составлял планы. В каждом селении он говорил с лесными людьми, объяснял им новое, звал из яви снов в явь мира, готовил то, что произошло в эту ночь, — говорил, без

конца говорил и слушал, как говорят другие. И ни минуты молчания, ни минуты одиночества. Они слушали, они услышали и последовали за ним по новой тропе. Они взяли в руки огонь, которого всегда боялись, взяли власть над плохими снами и выпустили на врагов смерть, которой всегда страшились. Все было сделано так, как он говорил. Все произошло так, как он сказал. Мужские Дома и жилища ловцов сожжены, их небесные лодки сожжены или разбиты, их оружие украдено или уничтожено, и все их самки перебиты. Пожары догорали, пропахший дымом ночной мрак стал смоляным. Селвер уже ничего не видел вокруг и посмотрел на восток, не занимается ли заря. Стоя на коленях в жидкой грязи среди мертвцев, он думал: «Это сон, плохой сон. Я думал повести его, но он повел меня».

И во сне он почувствовал, что губы Любова шевельнулись, задели его ладонь. Селвер посмотрел вниз и увидел, что глаза мертвого открылись. В них отразилось гаснущее зарево пожаров. Потом он назвал Селвера по имени.

— Любов, зачем ты остался тут? Я ведь говорил тебе, чтобы ты на эту ночь улетел из города, — так сказал во сне Селвер. Или даже крикнул, словно сердясь на Любова.

— Тебя взяли в плен? — спросил Любов еле слышно, не приподняв головы, но таким обычным голосом, что Селверу на миг стало ясно: это не явь сна, а явь мира, лесная ночь. — Или меня?

— Не тебя и не меня, нас обоих... откуда мне знать? Все машины и аппараты сожжены. Все женщины убиты. Мужчинам мы давали убежать, если они хотели убежать. Я сказал, чтобы твой дом не поджигали, и книги будут целы. Любов, почему ты не такой, как остальные?

— Я такой, как они. Я человек. Как каждый из них. Как ты.

— Нет. Ты не похож...

— Я такой, как они. И ты такой. Послушай, Селвер. Остановись. Не продолжай убивать других людей. Ты должен вернуться... к своим... к собственным корням.

— Когда твоих соплеменников здесь больше не будет, плохой сон кончится.

— Теперь же... — сказал Любов и попытался приподнять голову, но у него был перебит позвоночник. Он поглядел снизу вверх на Селвера и открыл рот, чтобы заговорить. Его взгляд скользнул в сторону и уставился в другую явь, а губы остались открытыми и безмолвными. Дыхание присвистнуло у него в горле.

Они звали Селвера по имени, много далеких голосов, звали снова и снова.

— Я не могу остаться с тобой, Любовь, — плача, сказал Селвер, не услышал ответа, встал и попробовал убежать. Но сквозь темноту сна он смог двигаться только медленно-медленно, словно по пояс в воде. Впереди шел Дух Ясения, выше Любова, выше всех других ловеков, высокий, как дерево, — шел и не поворачивал к нему белой маски. На ходу Селвер разговаривал с Любовым.

— Мы пойдем назад, — сказал он. — Я пойду назад. Теперь же. Мы пойдем назад теперь же, обещаю тебе, Любовь!

Но его друг, такой добрый, тот, кто спас ему жизнь и предал его сон, Любов ничего не ответил. Он шел где-то во мраке совсем рядом, невидимый и неслышимый, как смерть.

Группа тунтарцев наткнулась в темноте на Селвера — он брел, спотыкаясь, плакал и что-то говорил, весь во власти сна. Они увели его с собой в Эндтор.

Там два дня и две ночи он лежал, беспомощный и безумный, в наспех сооруженном Мужском Доме — шалаше на речном берегу. За ним ухаживали старики, а люди все приходили и приходили в Эндтор и снова уходили, возвращались на Место Эшсена, которое одно время называлось Центром, хоронили своих убитых и убитых ловеков — своих было более трехсот, тех больше семисот. Около пятисот ловеков было заперто в бараках загона, который не сожгли, потому что он стоял пустой и в стороне. Примерно стольким же ловекам удалось убежать: часть добралась до лагерей лесорубов на юге, которые нападению не подверглись, остальные притаились в лесу или в Вырубленных Землях, и там их продолжали разыскивать. Некоторых убивали, потому что многие молодые охотники или охотницы все еще слышали только голос Селвера, зовущий: «Убивайте их!» Другие отогнали от себя Ночь Убивания, словно кошмар, словно плохой сон, который нужно понять, чтобы он больше никогда не повторился. И, обнаружив в чаще измученного жаждой ослабевшего ловека, они были не в силах его убить. И может быть, он убивал их. Некоторые ловеки собирались вместе. Такие группы из десяти-двадцати ловеков были вооружены топорами для рубки деревьев и пистолетами, хотя зарядов у них почти не было. Их выслеживали, окружали большими отрядами, а потом захватывали, связывали и уводили назад в Эшсен. За два-три дня их переловили всех, потому что эта область Сорноля кишила лесными людьми: ни один стариk не помнил, чтобы столько народу собиралось когда-нибудь в

одном месте — даже в половину, даже в десять раз меньше. И люди все еще продолжали приходить из дальних селений, с других Островов. А некоторые ушли домой. Захваченных ловеков запирали с остальными в загоне, хотя они там уже еле помещались, а жилища были для них слишком низки и тесны. Их поили, два раза в день задавали им корм, а вокруг день и ночь несли стражу двести вооруженных охотников.

Под вечер после Ночи Эшсена с востока, треща, прилетела небесная лодка и пошла вниз, словно собираясь сесть, а потом взмыла вверх, точно хищная птица, промахнувшаяся по добыче, и начала кружиться над разрушенным причалом небесных лодок, над дымящимися развалинами, над Вырубленными Землями. Резван проследил, чтобы все радио были разбиты, и, возможно, небесную лодку с Кушиля или Ризуэла, где находились три небольших селения ловеков, заставило прилететь сюда именно молчание этих радио. Пленные в загоне выбежали из бараков и что-то кричали лодке всякий раз, когда она, треща, пролетала над ними, и она сбросила в загон что-то на маленьком парашюте, а потом ушла вверх, и ее треск замер.

Теперь на Атши остались всего четыре такие крылатые лодки: три на Кушиле и одна на Ризуэле — все маленькие, поднимающие только четырех ловеков, но с пулеметами и огнеметами, а потому Резван и остальные очень из-за них тревожились, пока Селвер лежал, недосыпаемый для них, бродя по загадочным тропам другой яви.

В явь мира он вернулся только на третий день — исхудавший, отупелый, голодный, безмолвный. Он искупался в реке и поел, а потом выслушал Резвана, Старшую Хозяйку из Берре и остальных, кто был избран руководителями. Они рассказали ему, что происходило в мире, пока он был в снах. Выслушав всех, он обвел их взглядом, и они снова увидели, что он — бог. После Ночи Эшсена многих из них, точно болезнь, поразили страх и отвращение, и их охватило сомнение. Их сны были тревожными, полными крови и огня, а весь день их окружали незнакомые люди, сотнями, тысячами сошедшиеся сюда из всех лесов: они собирались тут, не зная друг друга, точно коршуны у падали, и им казалось, что пришел конец всему, что уже никогда ничто не будет прежним, не будет хорошим. Но в присутствии Селвера они вспомнили, ради чего произошло то, что произошло, их смятение улеглось, и они ждали его слов.

— Время убивать прошло, — сказал он. — Надо, чтобы об

этом узнали все. — Он снова обвел их взглядом. — Мне надо поговорить с теми, кто заперт в загоне. Кто у них старшие?

— Индюк, Плосконогий, Мокроглазый, — ответил Резван, бывший раб.

— Значит, Индюк жив? Это хорошо. Помоги мне встать, Греда, у меня вместо костей угри...

Походив немного, он почувствовал себя крепче и час спустя отправился с ними в Эшсен, до которого было два часа ходьбы.

Когда они подошли к загону, Резван влез на лестницу, приставленную к стене, и закричал на ломаном языке, которым ловеки объяснялись с рабами:

— Донг, ходи к воротам, быстро-быстро!

В проходах между приземистыми бетонными бараками бродили несколько ловеков. Они закричали на него и начали швыряться земляными комьями. Он пригнулся и стал ждать. Старый полковник не появился, но из барака, хромая, вышел Госсе, которого они называли Мокроглазым, и крикнул Резвану:

— Полковник Донг болен, он не может выйти.

— Какой-такой болен?

— Болезнь живота. От воды. Что тебе надо?

— Говори-говори! — Резван посмотрел вниз на Селвера и перешел на свой язык. — Владыка-бог, Индюк прячется. С Мокроглазым ты будешь говорить?

— Буду.

— Гос-по-дин Госсе, к калитке! Быстро-быстро!

Калитку приоткрыли ровно настолько, чтобы Госсе сумел протиснуться в узкую дверь. Он остался стоять перед ней совсем один, глядя на Селвера и на тех, кто пришел с Селвером, и стараясь не наступать на ногу, поврежденную в Ночь Эшсена. Одет он был в рваную пижаму, выпачканную в грязи и намоченную дождем. Седеющие волосы свисали над ушами и падали на лоб неряшливыми прядями. Хотя он был вдвое выше своих тюремщиков, он старался выпрямиться еще более и глядел на них твердо, с гневной тоской.

— Что вам надо?

— Нам необходимо поговорить, господин Госсе, — сказал Селвер, которого Любов научил нормальной человеческой речи. — Я Селвер, сын Ясения из Эшрета. Друг Любова.

— Да, я тебя знаю. О чём ты хочешь говорить?

— О том, что убивать больше никого не будут, если это обещают ваши люди и мои люди. Вас выпустят, если вы сберете здесь ваших людей из лагерей лесорубов на юге Со-

рноля, на Кушиле и на Ризуэле и все останетесь тут. Вы можете жить здесь, где лес убит и где растет ваша трава с зернами. Рубить деревья вы больше не должны.

Лицо Госсе оживилось.

— Лагерей вы не тронули?

— Нет.

Госсе молчал. Селвер несколько секунд следил за его лицом, а потом продолжал:

— Я думаю, в мире ваших людей осталось меньше двух тысяч. Ваших женщин не осталось ни одной. В тех лагерях есть оружие, и вы можете убить многих из нас. Но у нас тоже есть ваше оружие и нас столько, что всех вы убить не сможете. Я думаю, вы сами это знаете и поэтому не попросили, чтобы небесные лодки привезли вам огнеметы, не попытались перебить часовых и бежать. Это было бы бесполезно: нас ведь правда очень много. Будет гораздо лучше, если вы обменяйтесь с нами обещанием: тогда вы сможете спокойно дождаться, чтобы прилетела одна из ваших больших лодок, и покинуть на ней мир. Если не ошибаюсь, это будет через три года.

— Да, через три местных года... Откуда ты это знаешь?

— У рабов есть уши, господин Госсе.

Только теперь Госсе посмотрел прямо на него. Потом отвел глаза, передернул плечами, приподнял большую ногу. Снова посмотрел на Селвера и снова отвел глаза.

— Мы уже обещали не причинять вреда никому из ваших людей. Вот почему рабочих распустили по домам. Это оказалось бесполезным. Вы не стали слушать...

— Обещали вы не нам.

— Как мы можем заключить какие бы то ни было соглашения или договоры с теми, у кого нет правительства, нет никакой центральной власти?

— Я не знаю. По-моему, вы не понимаете, что такое обещание. То, о котором вы говорите, было скоро нарушено.

— То есть как? Кем? Когда?

— На Ризуэле... на Новой Яве. Четырнадцать дней назад. Ловеки из лагеря на Ризуэле сожгли селение и убили всех, кто там жил.

— Это ложь! Мы все время поддерживали радиосвязь с Новой Явой до самого нападения. Никто не убивал аборигенов ни там, ни где-нибудь еще!

— Вы говорите ту правду, которую знаете вы, — сказал Селвер. — А я — правду, которую знаю я. Я готов поверить, что вы не знаете об убийствах на Ризуэле, но вы должны по-

верить моим словам, что убийства были. Остается одно: обещание должно быть дано нам и вместе с нами, и оно не должно быть нарушено. Вам, конечно, надо обсудить все это с полковником Донгом и остальными.

Госсе сделал шаг к калитке, но тут же обернулся и сказал хриплым басом:

— Кто ты такой, Селвер? Ты... это ты организовал нападение? Ты вел своих?

— Да, я.

— Значит, вся эта кровь на твоих руках, — сказал Госсе и с внезапной беспощадной злобой добавил: — И кровь Любова тоже. Он ведь тоже убит. Твой «друг» Любов мертв.

Селвер не понял этого идиоматического выражения. Убийству он научился, но за словами «кровь на твоих руках» для него ничего не стояло. Когда на мгновение его взгляд встретился с белесым ненавидящим взглядом Госсе, он почувствовал страх. Тошнотную боль, смертный холод. И захмурился, чтобы отогнать их от себя. Наконец он сказал:

— Любов — мой друг, и потому он не мертв.

— Вы — дети, — с ненавистью сказал Госсе. — Дети, дикиари. Вы не воспринимаете реальности. Но это не сон, это реальность! Вы убили Любова. Он мертв. Вы убили женщин — женщин! — жгли их заживо, резали как животных!

— Значит, нам надо было оставить их жить? — сказал Селвер с такой же яростью, как Госсе, но негромко и чуть напевно. — Чтобы вы плодились в трупе мира как мухи? И уничтожили нас? Мы убили их, чтобы вы не могли дать потомства. Мне известно, что такое «реалист», господин Госсе. Мы говорили с Любовым о таких словах. Реалист — это человек, который знает и мир и свои сны. А вы — сумасшедшие. На тысячу человек у вас не найдется ни одного, кто умел бы видеть сны так, как их надо видеть. Даже Любов не умел, а он был самый лучший из вас. Вы спите, вы просыпаетесь и забываете свои сны, потом снова спите и снова просыпаетесь — и так с рождения до смерти. И вы думаете, что это — существование, жизнь, реальность! Вы не дети, вы взрослые, но вы сумасшедшие. И потому нам пришлось вас убить, пока вы и нас не сделали сумасшедшими. А теперь идите и поговорите о реальности с другими сумасшедшими. Поговорите долго и хорошо!

Часовые открыли калитку, угрожая копьями сгрудившимся за ней ловекам. Госсе вошел в загон — его широкие плечи сгорбились, словно от дождя.

Селвер чувствовал себя бесконечно усталым. Старшая

Хозяйка из Берре и еще одна женщина помогали ему идти — он положил руки им на плечи, чтобы не упасть. Греда, молодой охотник, родич его Дерева, начала шутить с ним. Он отвечал, смеялся. Казалось, они бредут назад в Эндтор уже несколько дней.

От усталости он не мог есть, только выпил немного горячего варева и лег у Мужского костра. Эндтор был не селением, а временным лагерем на берегу большой реки, куда приходили ловить рыбу люди из всех селений, которых было много в окрестных лесах, пока не появились ловеки. Мужского Дома там не построили. Два очага из черного камня и травянистый косогор над рекой, где удобно ставить палатки из шкур и камышовых плетенок, — вот и весь Эндтор. Река Мененд, Старшая река Сорноля, без умолку говорила там и в яви мира, и в яви сна.

У костра сидело много стариков. Одних он знал хорошо: они были из Бротера, из Тунтара и из его родного сожженно-го Эшрета, а других он вовсе не знал, хотя по их глазам и движениям, по их голосам понял, что все это — Владыки-Сновидцы. Пожалуй, столько сновидцев еще никогда не собирались в одном месте. Он вытянулся во всю длину, подложил ладонь под подбородок и, глядя в огонь, сказал:

— Я назвал ловеков сумасшедшими. Не сумасшедший ли я сам?

— Ты не разбираешь, где одна явь, а где другая, — ответил старый Тубаб, подбрасывая в костер сосновый сук, — потому что ты слишком долго не видел снов и не уходил в сны. А за это расплачиваются тоже очень долго.

— Яды, которые глотают ловеки, действуют примерно так же, как воздержание от сна и от снов, — заметил Хебен, который был рабом в Центрвилле и в Лагере Смита. — Ловеки глотают отраву, чтобы уходить в сны. После того как они ее проглотят, лица у них становятся, как у сновидцев. Но они не умеют ни вызывать снов, ни управлять ими, ни плести и лепить, ни выходить из снов. Я видел, как сны подчиняли их, вели за собой. Они ничего не знают о том, что внутри их. Вот и человек, много дней не уходивший в сны, становится таким же. Будь он мудрейшим в своем Доме, все равно он еще долго потом будет иногда становиться сумасшедшим. Он будет подчинен, будет рабом. Он не будет понимать себя.

Глубокий старец, говоривший, как уроженец южного Сорноля, положил руку на плечо Селвера и, ласково его поглаживая, сказал:

— Милый молодой бог, пой, это принесет тебе облегчение.

— Не могу. Спой для меня.

Старик запел, остальные начали ему подтягивать. Их пронзительные жиценькие голоса, почти лишенные мелодичности, шелестели, точно ветер в камышах Эндтора. Они пели одну из песен Ясения об изящных резных листьях — как осенью они становятся желтыми, а ягоды краснеют, а потом первый ночной иней серебрит их.

Селвер слушал песню Ясения, и рядом с ним лежал Любов. Лежа, он не казался таким чудовищно высоким и широкоплечим. Позади него на фоне звезд чернели развалины выжженного огнем дома. «Я такой же, как ты», — сказал он, не глядя на Селвера, тем голосом сна, который пытается обнажить собственную неправду. Сердце Селвера давила тоска, он горевал по своему другу. «У меня болит голова», — сказал Любов обычным голосом и потер шею, как всегда ее тер, и Селвер протянул руку, чтобы коснуться его и утешить. Но в яви мира он был тенью и отблесками огня, а старики пели песню Ясения — о белых цветках на черных ветках среди резных листьев.

На следующий день ловеки, запертые в загоне, послали за Селвером. Он пришел в Эшсен после полудня и встретился с ними в стороне от загона, под развесистым дубом — лесные люди чувствовали себя неуверенно под бескрайним открытым небом. Эшсен был дубовой рощей, и этот дуб — самый большой из немногих, которые колонисты сохранили, — стоял на косогоре за коттеджем Любова, одним из немногих пощаженных огнем. С Селвером под дуб пришли Резван, Старшая Хозяйка из Берре, Греда из Канаста и еще девять человек, пожелавших участвовать в переговорах. Их охранял отряд лучников на случай, если ловеки тайком привнесут оружие. Но лучники укрылись за кустами и среди развалин вокруг, чтобы ловеки не подумали, будто им угрожают. С Госсе и полковником Донтом пришли трое ловеков, которые назывались «офицерами», и еще двое из лесных лагерей. При виде одного из них — Бентона — бывшие рабы стиснули зубы. Бентон имел обыкновение наказывать «ленивых пискунов», подвергая их стерилизации на глазах у остальных.

Полковник исхудал, его кожа, обычно желтовато-коричневая, казалась грязно-серой. Значит, он действительно болел.

— Начать необходимо с того... — сказал он, когда они

расположились под дубом (ловеки остались стоять, а лесные люди опустились на корточки или сели на мягкий влажный ковер из прелых дубовых листьев). — Начать необходимо с того, чтобы вы в рабочем порядке определили суть ваших условий и какие они содержат гарантии безопасности для моих подчиненных.

Воцарилось молчание.

— Вы ведь понимаете наш язык? Если не все, то некоторые?

— Да. Но вашего вопроса я не понял, господин Донг.

— Потрудитесь называть меня полковником Донгом!

— В таком случае потрудитесь называть меня полковником Сельвером! — В голосе Сельвера появилась напевность. Он вскочил на ноги, готовый к состязанию, и в его голове ручьями заструились мотивы.

Однако старый ловек продолжал стоять, огромный, грузный, сердитый, и не собирался принимать вызова.

— Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления от низкорослых гуманоидов, — сказал он. Но губы его дрожали. Он был стар, растерян, унижен.

И предвкушение радости победы угасло в Сельвере. В мире больше не оставалось радости, в нем была только смерть. Он снова сел.

— У меня не было намерения оскорбить вас, полковник Донг, — сказал он беззвучно. — Не будете ли вы так добры повторить ваш вопрос?

— Я хочу выслушать ваши условия, а затем вы выслушаете наши, и больше ничего.

Сельвер повторил то, о чем накануне говорил с Госсе.

Донг слушал с явным нетерпением.

— Да-да. Но вам известно, что в нашем распоряжении уже три дня есть действующий радиоприемник.

Сельвер знал об этом: Резван немедленно проверил, не оружие ли сбросил на парашюте вертолет. Часовые сообщили, что это было радио, и он позволил, чтобы оно осталось у ловеков. Теперь Сельвер просто кивнул.

— Мы поддерживаем постоянную связь с двумя лагерями на острове Кинга и с лагерем на Новой Яве, — продолжил полковник. — И если бы мы решили прорваться на свободу, то могли бы без труда это осуществить. Вертолеты доставили бы нам оружие и прикрывали бы наше отступление. Нам достаточно одного огнемета, чтобы проложить себе выход за ограду, а в случае нужды вертолеты могли бы сбросить тяжелые бомбы. Вы, впрочем, ни разу не видели их в действии.

— Если вы прорветесь за ограду, куда вы пойдете дальше?

— Будем придерживаться сути и не затемнять ее побочными или ложными факторами, а суть сводится к тому, что в нашем распоряжении, хотя вы, бесспорно, далеко превосходите нас численностью, остаются четыре лагерных вертолета, которые вам уже не удастся сжечь, потому что их блестяще охраняют круглые сутки, а также достаточное число огнеметов. Таково реальное положение вещей: особого преимущества нет ни у вас, ни у нас, и мы можем вести переговоры с позиций обоюдного равенства. Разумеется, это временная ситуация. Мы уполномочены в случае необходимости принимать оборонительные полицейские меры, чтобы предотвратить разрастание войны. Кроме того, мы опираемся на огневую мощь Межзвездного флота Земли, который способен разнести в пыль всю вашу планету. Но подобные идеи вам недоступны, а потому я скажу проще: в настоящий момент мы готовы вести с вами переговоры на основе полного равенства.

У Селвера не хватало терпения слушать его. Он знал, что эта раздражительность — симптом тяжелого душевного состояния, но был не в силах ее сдержать.

— Так говорите же!

— Ну, во-первых, я хочу со всей ясностью указать, что, получив передатчик, мы сразу же предупредили людей в лагерях, чтобы они не доставляли нам оружия и не предпринимали никаких попыток вывезти нас на вертолетах или освободить, и тем более не допускали никаких ответных действий...

— Это было разумно. Что дальше?

Полковник Донг начал было гневную отповедь, но тут же смолк, и лицо у него совсем побледнело.

— Я хотел бы сесть...

Мимо кучки ловеков Селвер поднялся по косогору, вошел в пустой двухкомнатный коттедж и взял складной стул, стоявший у письменного стола. Перед тем как покинуть окутанную тишиной комнату, он наклонился и прижался щекой к исцарапанной деревянной крышке стола, за которым всегда сидел Любов, когда он работал с ним или один. Бумаги Любова еще лежали там. Селвер слегка их погладил. Потом спустился к дубу и поставил стул на промоченную дождем землю. Старый полковник сел, кусая губы и щуря от боли миндалевидные глаза.

— Господин Госсе, может быть, вы будете говорить за полковника? — сказал Селвер. — Он плохо себя чувствует.

— Говорить буду я, — объявил Бентон, выступая вперед, но Донг покачал головой и хрюкло пробормотал:

— Пусть Госсе.

Теперь, когда полковник сам не говорил, а только слушал, дело пошло быстрее. Ловеки принимают условия Селвера. Когда будут даны взаимные обещания поддерживать мир, они отзовут остальных своих людей и будут жить все в одном месте — на расчистке в центре Сорноля, в хорошо орошающем районе, занимающем площадь около четырех с половиной тысяч квадратных километров. Они обязуются не заходить в леса, лесные люди обязуются не заходить на Вырубленные Земли.

Спор завязался из-за четырех оставшихся вертолетов. Ловеки утверждали, что они им нужны, чтобы перевезти своих людей с других островов на Сорноль. Но машины могли брать только по четыре человека, а каждый полет продолжался несколько часов. Селвер подумал, что пешком ловеки доберутся до Сорноля гораздо быстрее, и предложил перевезти их через проливы на лодках, но оказалось, что ловеки никогда далеко пешком не ходят. Ну хорошо: они могут использовать вертолеты для «операции вызова», как они выражаются. После этого они их сломают. Сердитый отказ. Свои машины они оберегали ревнивее, чем самих себя. Селвер уступил: они могут оставить вертолеты, если будут летать на них только над Вырубленными Землями и если все оружие будет с них снято и уничтожено. Тут они заспорили, но друг с другом, а Селвер ждал и время от времени повторял свои окончательные условия, потому что в этом он не считал возможным уступить.

— Ну какая разница, Бентон? — дрожащим от слабости и гнева голосом сказал наконец старый полковник. — Неужели вы не понимаете, что использовать это проклятое оружие мы все равно не сможем? Туземцев три миллиона, и они рассеяны по всем этим лесным островам — ни городов, ни важных коммуникаций, ни центрального руководства. Уничтожить с помощью бомб систему партизанского типа невозможно — это было доказано еще в двадцатом веке, когда тот полуостров, откуда я родом, более тридцати лет успешно отражал притязания колониальных держав. А до возвращения корабля у нас вообще нет никакой возможности доказать наше превосходство. Если мы сохраним мелкокалиберное оружие для охоты и обороны, то без остального как-нибудь обойдемся!

Он был их Старший, и в конце концов его мнение взяло

верх, как это было бы и в Мужском Доме. Бентон рассердился. Госсе заговорил было о том, что произойдет, если перемирие будет нарушено, но Селвер его перебил:

— Это то, что может быть, а мы еще не кончили с тем, что есть. Ваш Большой Корабль должен вернуться через три года, то есть через три с половиной года по вашему счету. До этого времени вы тут свободны. Вам будет не очень тяжело. Из Центрвилла мы больше ничего не возьмем, кроме работы Любова, которую я хочу сохранить. У вас остались почти все ваши орудия для рубки деревьев и для копания, а если вам мало, то на вашей территории находятся железные рудники Пельделя. Все это, по-моему, ясно. Остается узнать одно: когда корабль вернется, что они решат сделать с вами и с нами?

— Мы не знаем, — ответил Госсе, а Донг пояснил:

— Если бы вы не разломали в первую очередь ансибельный передатчик, мы могли бы получить такую информацию и, разумеется, наши сообщения повлияли бы на окончательное решение касательно статуса этой колонии, каковое мы и начали бы проводить в жизнь еще до возвращения корабля с Престно. Но из-за вашего бессмысленного вандальства, из-за вашего невежества в отношении ваших же интересов у нас не осталось даже радиопередатчика с радиусом действия больше нескольких сотен километров.

— Что такое ансибль? — Это слово, уже несколько раз повторявшееся во время переговоров, было для Селвера новым.

— АМС, — угрюмо ответил полковник.

— Нечто вроде радио, — высокомерно сказал Госсе. — Он позволяет нам осуществлять мгновенную связь с нашей планетой.

— Без задержки в двадцать семь лет?

Госсе уставился на Селвера.

— Верно. Совершенно верно. Ты многому научился от Любова, а?

— Что есть, то есть, — вмешался Бентон. — Любовский зелененький приятель! Разнюхал все, что мог, и даже сверх того. Например, что надо взорвать в первую очередь, где выставляются часовые и как пробраться в арсенал. Они наверняка поддерживали связь до последней минуты перед нападением.

Госсе неуверенно нахмурился.

— Радж погиб. Все это сейчас не имеет значения, Бентон. Нам необходимо установить...

— Вы, кажется, намекаете, Бентон, что капитан Любов вел подрывную деятельность и предал колонию? — яростно сказал Донг и прижал ладони к животу. — Среди моих людей не было ни шпионов, ни предателей, они были специально отобраны на Земле, и я всегда знаю тех, с кем должен работать.

— Я не намекаю, полковник. Я прямо говорю, что пискунов подстрекал Любов и что, если бы с прибытием сюда корабля Земфлота инструкции не были изменены, ничего подобного произойти не могло бы!

Госсе и Донг заговорили разом.

— Вы все очень больны, — сказал Селвер, встал и отряхнулся, потому что влажные бурые листья прилипали к его пушистому короткому меху, точно к шелку. — Мне очень жаль, что мы вынуждены запирать вас в загоне. Это плохое место для душевного здоровья. Пожалуйста, поскорее доставьте сюда остальных ваших людей. Потом, после того как большое оружие будет уничтожено и мы обменяемся обещаниями, вы получите полную свободу. Когда я сегодня уйду отсюда, ворота загона будут открыты. Что-нибудь еще?

Ни один из них ничего не сказал. Они молча смотрели на него сверху вниз. Семь больших людей со светлой или коричневой безволосой кожей, одетые в ткани, темноглазые, с угрюмыми лицами, и двенадцать маленьких людей, зеленых или коричневато-зеленых, с большими глазами сумеречных существ и лицами сновидцев, а между обеими группами — Селвер, переводчик, слабый, изуродованный, держащий все их судьбы в своих пустых руках. На бурую землю, чуть шурша, падал дождь.

— Тогда прощайте, — сказал Селвер и увел своих людей.

— А они не такие уж глупые, — сказала Старшая Хозяйка из Берре, когда они с Селвером шли назад в Эндтор. — Я думала, такие великаны обязательно должны быть глупыми, но они увидели, что ты — бог, я это поняла по их лицам под конец разговора. А как ты хорошо лопочешь по-ихнему! И они очень безобразные. Неужели у них даже младенцы без шерсти?

— Надеюсь, этого мы никогда не узнаем.

— Бр! Только представить, что кормишь такого младенца. Словно дать грудь рыбе!

— Они все сумасшедшие, — удрученно сказал старый Тубаб. — Любов, когда прилетел в Тунтар, таким не был. Он ничего не знал, но он был разумен. А эти... они спорят, и презирают своего старика, и ненавидят друг друга. Вот так! — и

он сморщил опущенное серым мехом лицо, чтобы показать, как выглядели земляне, чьих слов он, разумеется, не понимал. — А ты им это и сказал, Селвер? Что они сумасшедшие?

— Я сказал им, что они больны. Но ведь они были побеждены, и испытывали боль, и были заперты в этой каменной клетке. После такого кто угодно может заболеть и нуждаться в исцелении.

— А исцелить их некому, — сказала Старшая Хозяйка из Берре. — Все их женщины убиты. Им, конечно, плохо. Но какие же они безобразные! Огромные голые пауки — вот кто они такие! Фу!

— Они люди, люди, такие же, как мы. Люди! — сказал Селвер, и голос у него стал тонким и режущим, как лезвие ножа.

— Милый мой владыка-бог, я же знаю это! Просто они с виду похожи на пауков, — сказала старуха, поглаживая его по щеке. — Вот что, люди, Селвер совсем измучился, расхаживая из Эндтора в Эшсен и обратно. Давайте сядем и передохнем.

— Только не здесь! — сказал Селвер. Они все еще были на Вырубленных Землях, среди пней и травянистых косогоров, под бескрайним голым небом. — Вот вернемся под деревья... — Он споткнулся, и те, кто не были богами, поддержали его и помогли ему идти дальше.

Глава 7

Диктофон майора Мухамеда пришелся Дэвидсону очень кстати. Кто-то ведь должен запечатлеть события на Новом Таити — историю того, как трусливо и подло была отдана на гибель земная колония. Пусть корабли, когда они прилетят с Земли, узнают истинную правду. Пусть будущие поколения узнают, на какое предательство, малодушие и глупость способны люди, — но также и на какую беззаботную доблесть в самых отчаянных обстоятельствах. В свободные минуты (да, всего лишь минуты с тех пор, как ему пришлось взять на себя командование) он записал всю историю Бойни в Лагере Смита и довел изложение событий до нынешней ситуации на Новой Яве. И на Кинге, и на Центральном тоже — в той мере, в какой удавалось извлекать крупицы фактов из тех исторических воплей, которыми штаб кормил его с Центрального вместо четкой и надежной информации.

Полностью о том, что на самом деле произошло в Цент-

рвилле, никто никогда знать не будет, кроме пискунов, потому что люди там всячески пытаются замаскировать свое предательство и ошибки. Но общая картина все-таки достаточно ясна. Организованную шайку пискунов, которых привел Селвер, впустили в арсенал и в ангары, снабдили динамитом, гранатами, автоматами и огнеметами и наусыкали уничтожить город, а людей перебить. Здание штаба было взорвано первым — вот вам доказательство, что действовали изнутри. Само собой, Любов участвовал в заговоре, и его зелененькие приятели, конечно, показали, на какую благодарность они способны — перерезали ему глотку наравне с прочими. То есть Госсе и Бентон утверждали, будто утром после бойни видели его труп. Но только можно ли им там верить? Хочешь не хочешь, а дело ясное: каждый человек, который уцелел на Центральном после этой ночи, — уже предатель. Предатель своей расы.

Вот они клянутся, будто женщины убиты все. Плохо, конечно, но куда хуже, что верить этому нельзя. Пискунам ничего не стоило увести пленных в леса, а поймать перепуганную девчонку на окраине горящего города легче легкого. И уж зеленая нечисть, само собой, не упустила бы случая захватить женщин, чтобы поизмываться над ними всласть, верно? Одному Богу известно, сколько еще женщин томятся в пискунских норах, в этих вонючих подземных ямах, связанные, беспомощные, а поганые волосатые мартышки щупают их, лапают, подвергают всяkim надругательствам! Даже подумать невозможно! Но, черт побери, иногда приходится думать и о том, о чём думать невозможно!

Вертолет с Кинга сбросил пленникам в Центре радиопередатчик на следующей же день после бойни, и Мухамед записывал все свои переговоры с ними там. Самым немыслимым был разговор с полковником Донгом. Проигрывая запись первый раз, он не выдержал, сорвал ее с катушки и сжег. Зря, конечно. Надо было сохранить ее как доказательство полнейшей негодности командования и на Центральном, и на Новой Яве. Но кто бы выдержал — с такой горячей кровью, как у него! Он просто не мог сидеть и слушать, как полковник и майор обсуждают полную капитуляцию, сдаются на милость пискунов, соглашаются не принимать ответных мер, не защищаться, соглашаются уничтожить все боевое оружие и как-нибудь устроиться на клочке земли, отведенном для них пискунами, — в резервации, дарованной великодушными победителями, пакостными зелеными тва-

рями! Поверить невозможно! В буквальном смысле слова невозможно.

Не исключено, что старики Динг-Донг и Му не имели предательских намерений, а просто спятили, пали духом. Все эта проклятая планета! Надо быть по-настоящему сильной личностью, чтобы не поддаться ей. Что-то в здешнем воздухе — может, пыльца этих чертовых деревьев — действует вроде наркотика, так что обычные люди перестают отдавать себе отчет в окружающем и балдеют, точно пискуны. Ну, а при таком численном превосходстве пискунам ничего не стоит с ними справиться.

Жаль, конечно, что Мухамеда пришлось убрать, но он ни за что не принял бы его планов, тут сомнений быть не может. Всякий согласился бы, прослушав эту невероятную запись. А потому лучше было пристрелить его. Во всяком случае, теперь он чист, и его имя не покроется позором, как имена Донга и всех офицеров, которые остались в живых на Центральном.

Последнее время Донг к передатчику что-то не подходит, все больше Юю Серенг из инженерного отдела. Прежде они с Юю частенько проводили свободное время вместе, и он его даже другом считал, но теперь больше никому доверять нельзя. А кроме того, Юю тоже из азиев. Как подумаешь, странно получается, что их столько уцелело после Центрвиллской бойни! Из тех, с кем он разговаривал, не азий только Госсе. Здесь на Яве пятьдесят пять верных ребят, оставшихся после реорганизации, почти все евроафры, вроде него самого, ну, еще афры и афроазии, но чистых азиев — ни единого! Что ни говори, а кровь — она оказывается. Если у тебя в жилах нет настоящей крови, как ни крути, человек ты неполноценный. Конечно, он все равно спасет желтомазых подонков на Центральном, но это объясняет, почему они поджали хвосты в трудную минуту.

— Да пойми же, наконец, Донг, в какое положение ты всех нас ставишь! — сказал Юю своим глухим голосом. — Мы заключили с пискунами перемирие по всем правилам. Кроме того, у нас есть прямой приказ Земли не трогать врасу и не наносить ответного удара. И как, черт побери, мы его нанесли бы? Даже теперь, когда остров Кинга и лагерь на юге Центрального полностью эвакуированы, нас тут все-таки меньше двух тысяч, а у тебя на Яве всего человек шестьдесят пять, верно? Неужели ты всерьез веришь, Донг, что две тысячи человек способны справиться с тремя миллионами разумных врагов?

— Юю, да на это и пятидесяти человек хватит! Были бы желание, уменье и оружие.

— Бред! Но в любом случае, Донг, мы заключили перемирие. И если оно будет нарушено, нам конец. Только благодаря ему мы и держимся. Может быть, когда они вернутся с Престно и увидят, что произошло, они решат покончить с пискунами. Этого мы не знаем. А пока похоже, что пискуны намерены соблюдать перемирие — в конце-то концов это они его предложили! — а нам ничего другого не остается. Их столько, что они нас голыми руками могут уничтожить, как произошло в Центрвилле. Они туда тысячами нагрянули. Неужели ты этого не можешь понять, Донг?

— Послушай, Юю, я, конечно, понимаю. Если вы боитесь использовать ваши три вертолета, так отправьте их сюда с ребятами, которые думают, как мы здесь, на Новой Яве. Раз уж мне придется в одиночку вас освобождать, то лишние вертолеты не помешают.

— Ты нас не освободишь, ты нас спалишь, идиот проклятый! Отошли свой вертолет на Центральный немедленно! Это приказ полковника лично тебе, как исполняющему обязанности начальника лагеря. Используй его для переброски своих людей. Понадобится не больше двенадцати полетов, и вы свободно уложитесь в четыре здешних дневных периода. А теперь выполняя приказ!

Щелк — и выключил приемник. Побоялся с ним спорить!

Но ведь с них станется послать свои три вертолета на Новую Яву, чтобы разбомбить или сжечь лагерь, поскольку формально он не подчиняется приказу, а старик Донг не терпит самостоятельности! Достаточно вспомнить, как он уже с ним раздался за пустяковые карательные меры на Смите. Не простил ему инициативы! Старик Динг-Донг, как большинство офицеров, любит безоговорочную покорность. Беда только в том, что такие в конце концов сами становятся покорными...

И тут Дэвидсон испытал подлинное душевное потрясение, вдруг сообразив, что вертолетов ему опасаться нечего. Донг, Серенг, Госсе, даже Бентон тросят послать их! Пискуны приказали, чтобы люди не смели пользоваться вертолетами за пределами своей резервации, и они подчинились!

Черт! Его чуть наизнанку не вывернуло. Пора действовать! Они и так уже почти две недели прождали неведомо чего! Оборону лагеря он наладил: частокол укрепили и довели до такой высоты, что ни одна зеленая мартышка через

него не перелезет, а Эйби — молодец мальчишка! — изгото-
вил полсотни отличных мин и заложил их в стометровом
поясе вокруг лагеря. Теперь настало время показать писку-
нам, что на Новой Яве они имеют дело с настоящими людь-
ми, с настоящими мужчинами, а не со стадом овец, как на
Центральном. Он поднял вертолет и провел отряд пехоты к
пискунным норам на юг от лагеря. Он научился распознавать
такие места с воздуха по плодовым садам и по скоплениям
деревьев определенных видов, хотя и не высаженных акку-
ратными рядами, как у людей. Просто жуть брала, сколько
тут обнаружилось таких мест, едва он нашел способ опреде-
лять их с воздуха. Лес кишмя кишел этой пакостью. Ка-
рательный отряд выжег к черту эти норы, а когда с парой ребят
летел обратно, то обнаружил еще норы — меньше чем в че-
тырех километрах от лагеря! И на них, чтобы четко и ясно
поставить свою подпись — пусть читает, кто захочет, — он
бросил бомбочку. Простеньку зажигалочку, но и от нее
зеленый мех клочьями полетел. В лесу она оставила здор-
вую прореху, и края прорехи были охвачены огнем.

Собственно говоря, это и есть его оружие для массиро-
ванного ответного удара. Лесные пожары. Хватит одного
рейда на одном вертолете с зажигалочками и огненным студ-
нем, чтобы выжечь целый остров. Придется, правда, подо-
ждать месяц-другой, до конца сезона дождей. А какой
сжечь — Кинга, Смита или Центральный? Начать, пожалуй,
стоит с Кинга — так, маленькое предупреждение, поскольку
людей там больше нет. А потом Центральный, если они и
дальше будут брыкаться.

— Что вы затеяли? — донесся голос из приемника, и Дэ-
видсон ухмыльнулся: ну, словно старуха верешит, которую
малость пощекотали. — Вы отдаете себе отчет в том, что де-
лаете, Дэвидсон?!

— Ага!

— Вы что, рассчитываете запугать пискунов?

На этот раз не Юю. Должно быть, умник Госсе, а может,
и не он, но какая разница? Все они только блеют, овцы пога-
ные.

— Вот именно, — ответил он с мягкой такой иронией.

— По-вашему, если вы будете жечь их поселки, они сда-
нутся на вашу милость — все три миллиона? Так?

— Может, и так.

— Послушайте, Дэвидсон, — сказал передатчик, и в нем
что-то захрипело, зашелестело. Ну да, понятно: пользуются
аварийной аппаратурой, потому что большой передатчик

сгорел вместе с их хваленым ансиблем, туда ему и дорога! — Послушайте, Дэвидсон, не могли бы мы поговорить с кем-нибудь еще?

— Нет, тут все по горло заняты. Да, кстати, живется нам тут неплохо, но не мешало бы разжиться сладеньким — фруктовыми коктейлями, персиками, ну и прочей ерундой. Кое-кому из ребят очень этого не хватает. Кроме того, мы не получили в срок марихуану, потому что вы там прозевали город. Так если я пошлю вертолет, не сможете вы уделить нам ящик-другой сластей и травки?

Молчание, а потом:

— Хорошо. Высылайте вертолет.

— Чудненько. Уложите ящики в сетку, и ребята ее подцепят, чтобы не приземляться, — сказал он и ухмыльнулся.

Из Центра что-то залопотали, и вдруг прорезался голос старика Донга. В первый раз полковник сам к нему обратился. Пыхтит, старая перечница, и еле пищит, сквозь помехи и не разобрать толком, что он там бормочет.

— Слушайте, капитан, я хочу знать, отдаете ли вы себе отчет, на какие меры вы толкаете меня своими действиями на Новой Яве, если вы и впредь не будете выполнять мои приказы? Я пытаюсь говорить с вами как с разумным и лояльным офицером. Для обеспечения безопасности моих подчиненных здесь, на Центральном острове, я буду вынужден поставить аборигенов в известность, что мы слагаем с себя всякую ответственность за ваши действия.

— Совершенно справедливо, господин полковник.

— Я пытаюсь объяснить вам, что мы вынуждены будем сообщить им о своем бессилии воспрепятствовать нарушениям перемирия на Новой Яве. У вас там шестьдесят шесть человек, и они нужны мне здесь, чтобы мы могли сохранить колонию до возвращения «Шеклтона». Ваши действия — это самоубийство, а за жизнь тех, кто находится там с вами, отвечаю я.

— Нет, господин полковник, не вы, а я. Так что успокойтесь. Но только, когда джунгли вспыхнут, быстренько переберитесь на середину Вырубки. Мы вовсе не хотим подождить вас заодно с пискунами.

— Слушайте, Дэвидсон! Я приказываю вам немедленно передать командование лейтенанту Темба и явиться ко мне сюда, — сказал далекий писклявый голос, и Дэвидсон неожиданно для себя выключил приемник. Его мучило.

Совсем спятили: все еще играют в солдат и не желают взглянуть правде в глаза! Но с другой стороны, мало кто спо-

собен бескомпромиссно принять действительность, если дела идут скверно.

И конечно, после того как он разорил десяток-другой нор, местные пискуны только затаились. Он с самого начала знал, что разговор с ними должен быть короткий: нагони на них страху и потом не давай спуску. Тогда они прекрасно разберутся, кто тут главный, и подожмут хвосты раз и навсегда. Теперь в радиусе тридцати километров от лагеря все норы были вроде бы покинуты, но он все равно каждый два-три дня посыпал отряды выжигать их.

А у ребят начали сдавать нервишки. До сих пор он не давал им сидеть сложа руки — из оставшихся в живых отборных пятидесяти пяти человек сорок восемь были лесорубами, так пусть и занимаются привычным делом, валят лес. Но они знали, что прибывающие с Земли робогрузовозы уже не смогут спуститься на планету и будут вертеться на орбите в ожидании сигнала, который нечем подать. А что за радость валить лес неизвестно для чего? Это ведь не легкая работа. Лучше уж просто его сжигать. Он разбил своих людей на взводы, и они отрабатывали способы поджога. Пока еще лили дожди, и толком у них ничего не получалось, но все-таки они не кисли зря. Эх, были бы у него те три вертолета! Вот тогда бы дела пошли по-настоящему. Он взвешивал мысль о рейде на Центр, чтобы освободить вертолеты, но пока не говорил про это даже Эйби и Темба, самым надежным из всех. Кое-кто из ребят побоится участвовать в вооруженном налете на собственный штаб. Они все еще к месту и не к месту повторяют: «Вот когда мы вернемся к остальным...» И не знают, что эти «остальные» бросили их, предали, продались пискунам, лишь бы спасти свою шкуру. Этого он им не сказал — они могли бы и не выдержать.

Просто в один прекрасный день он, Эйби, Темба и еще кто-нибудь из надежных парней отправятся через пролив, а там еще трое спрыгнут с автоматами, захватят по вертолету и отправятся домой — тру-ля-ля, тру-ля-ля, и отправятся домой. С четырьмя отличными взбивалками для яиц. Не возьмешь яиц — омлета не сделаешь!

Дэвидсон громко захохотал в темноте своего когтеджа.

Может, он и не будет особенно торопиться с этим шлагом: слишком уж приятно его обдумывать.

Прошло еще две недели, и они покончили со всеми крысинами норами на расстоянии дня пути от лагеря: лес теперь стоял чистенький и аккуратный. Никаких поганых тварей, никаких дымков над вершинами деревьев. Никто не прыгает

перед тобой из кустов и не плюхается на спину с закрытыми глазами — еще дави их! Никаких тебе зеленых мартышек. Чащоба деревьев и десяток пожарищ. Только вот ребята, того гляди, на стенку полезут. Пора отправляться за вертолетами.

И как-то вечером он сообщил свой план Эйби, Темба и Поусту.

Они с минуту молчали, а потом Эйби спросил:

— А как насчет горючего, капитан?

— Горючего хватит.

— На один вертолет. А четыре за неделю весь запас сожгут.

— То есть как? Что же, у нас для нашего только месячный запас остался?

Эйби кивнул.

— Ну, значит, нужно будет заодно захватить и горючее.

— А каким образом?

— Вот вы это и обмозгуйте.

Сидят и глядят на тебя ошалело. Просто зло берет. Все за них делай! Конечно, он прирожденный руководитель, но ему нравятся парни, которые и сами умеют соображать!

— Ну-ка, Эйби, это по твоей части, — сказал он и вышел покурить.

Никакого терпения не хватит, до того все хвосты поджигают. Не могут посмотреть в глаза фактам, и все тут.

С марихуаной у них стало туговато, и он уже два дня ни одной сигареты не выкурил. Ну, да ему это нипочем. Небо было затянуто тучами, сырая теплая мгла пахла весной. Мимо прошел Джинини, скользя точно конькобежец или даже гусеничный робот, потом таким же неторопливым скользящим движением повернулся к крыльцу коттеджа и уставился на Дэвидсона в смутном свете, падавшем из открытой двери. Джинини, широкоплечий великан, работал на роботопиле.

— Источник моей энергии подключен к Великому Генератору, и отключить меня невозможно, — сказал он ровным голосом, не сводя глаз с Дэвидсона.

— Марш в казарму отсыпаться! — скомандовал Дэвидсон тем резким, как удар хлыста, голосом, которого еще никто никогда не слушался, и секунду спустя Джинини скользил дальше, грузный, но тяжеловесно изящный.

Последнее время ребята слишком уж наглеют на галлюциногены. Этого добра хватает, но что хорошо для отдыхающего лесоруба, не очень-то годится для солдат крохотного отряда, брошенного всеми на враждебной планете. У них нет

времени накачиваться и шалеть. Придется убрать эту дрянь под замок. Правда, как бы кое-кто из ребят не дал трещины... Ну и пусть! Яйцо не треснет — омлета не собьешь! Может, отправить их на Центральный в обмен на горючее? Вы мне — две-три цистерны с горючим, а я вам за них — двух-трех тепленьких лунатиков, дисциплинированных солдатиков, отличных лесорубов и совсем под стать вам: тоже по-прятались в снах и знать ничего не желают...

Он ухмыльнулся и решил, что стоит обсудить этот план с Эйби и остальными, как вдруг часовой пронзительно завопил с дымовой трубы лесопилки:

— Идут! Они идут!

С западного поста тоже донеслись крики. Раздался выстрел.

И они-таки пришли! Черт, рассказать кому-нибудь, так не поверят! Тысячами лезут, буквально тысячами! И ведь ни звука, ни шороха, пока не завопил часовой, а потом выстрел, а потом взрыв... Мина взорвалась! И еще, и еще! А тут один за другим вспыхнули сотни факелов, и огненными дугами взлетели в темном сыром воздухе, точно ракеты, а с частокола со всех сторон посыпались пискуны, волна за волной, захлестывая лагерь, все перед собой сметая — тысячи их, тысячи! Словно полчища крыс, как тогда в Кливленде, штат Огайо, во время последнего голода, когда он был совсем малышом. Что-то выгнало крыс из их нор, и они среди бела дня полезли через забор — живое мохнатое одеяло, блестящие глазки, когтистые лапы... Он заорал и побежал к матери... А может, ему это тогда просто приснилось? Спокойнее, спокойнее, не теряй головы! Скорее в бывший пискуний загон, к вертолету. Там еще темно... А, черт! Замок на воротах. Пришлось его повесить на случай, если какой-нибудь слабак вздумает выбрать ночку потемнее и смыться к папаше Динг-Донгу. Скорее найти ключ... никак его в замок не вставишь... не повернешь толком. Ничего, ничего, только не теряй головы... А теперь еще надо бежать к вертолету, отпирать его. Откуда-то взялись рядом Поуст и Эйби. Ну вот, наконец затрещал мотор, завертелся винт, взбивая яйца, заглушая все жуткие звуки, писк, визг, пронзительное пение. А они взмыли в небо, и ад провалился вниз — горящий загон, полный крыс...

— Чтобы быстро и правильно оценить обстановку, нужна голова на плечах, — сказал Дэвидсон. — Вы, ребята, и думали быстро, и действовали быстро. Молодцы! А где Темба?

— Лежит с копьем в брюхе, — ответил Поуст.

Эйби, вертолетчику, словно не терпелось самому вести

вертолет, и Дэвидсон уступил ему место, а сам перебрался на заднее сиденье и расслабился. Под ним в густой непроглядной темноте черной полосой тянулся лес.

— Ты куда это взял курс, Эйби?

— На Центральный.

— Нет! На Центральный мы не полетим!

— А куда же мы полетим? — спросил Эйби, хихикнув словно девка. — В Нью-Йорк? В Караби?

— Пока поднимись повыше, Эйби, иди в обход лагеря. Только широким кругом, так, чтобы внизу слышно не было.

— Капитан, лагеря больше нет, — сказал Поуст, старший лесоруб, коренастый спокойный человек.

— Когда пискуны кончат жечь лагерь, мы спустимся и сожжем пискунов. Их там четыре тысячи — все в одном месте. А у нас на хвосте установлено шесть огнеметов. Дадим пискунам минут двадцать и угостим их банками со студнем, а тех, кто побежит, прикончим огнеметами.

— Черт! — выругался Эйби. — Там ведь наши ребята! Может, пискуны их взяли в плен, мы же не знаем. Нет уж! Я не полечу назад жечь людей! — И он не повернул вертолета.

Дэвидсон прижал пистолет к затылку Эйби и сказал:

— Мы полетим назад, а потому возьми себя в руки, детка. Мне с тобой возиться некогда.

— Горючего в баке хватит, чтобы добраться до Центрального, капитан, — сказал вертолетчик, подергивая головой, словно пистолет был мухой и он пытался ее отогнать. — И все. Больше нам горючего взять негде.

— Ну, так полетаем на этом. Поворачивай, Эйби.

— Я думаю, нам лучше лететь на Центральный, капитан, — сказал Поуст этим своим спокойным голосом.

Стакнулись, значит! Дэвидсон в ярости перехватил пистолет за ствол и стремительно, как жалящая змея, ударил Поуста рукояткой над ухом. Лесоруб перегнулся пополам и остался сидеть на переднем сиденье, опустив голову между колен, а руками почти упираясь в пол.

— Поворачивай, Эйби! — сказал Дэвидсон голосом, точно удар хлыста, и вертолет по пологой кривой лег на обратный курс.

— Черт, а где лагерь? Я никогда не летал ночью без ориентиров, — пробормотал Эйби таким сиплым и хлюпающим голосом, точно у него вдруг начался насморк.

— Держи на восток и смотри, где горит, — сказал Дэвидсон холодно и невозмутимо.

Все они на поверхку оказались слизняками. Даже Темба.

Ни один не встал рядом с ним, когда пришел трудный час. Рано или поздно все они сговаривались против него просто потому, что не могли выдержать того, что выдерживал он. Слабаки всегда сговариваются за спиной сильного, и сильный человек должен стоять в одиночку и полагаться только на себя. Так уж устроен мир.

Куда, к черту, провалился лагерь? В этом тьме даже сквозь дождь зарево пожара должно быть видно на десятки километров. А нигде — ничего. Черно-серое небо вверху, чернота внизу. Значит, пожар погас... Его погасили... Неужели люди в лагере отбились от пискунов? После того, как он спасся на вертолете? Эта мысль обожгла его мозг, как струя ледяной воды. Да нет... конечно же, нет! Пятьдесят против тысяч? Ну нет! Но, черт побери, зато сколько пискунов подорвалось на минных полях! Все дело в том, что они валом валили. И ничем их нельзя было остановить. Этого он никак предвидеть не мог. Откуда они, собственно, взялись? В лесу вокруг лагеря пискунов уже давным-давно ни одного не осталось. А потом вдруг валом повалили со всех сторон, пробивались по лесам и вдруг полезли из всех своих нор как крысы. Тысячи и тысячи... Так, конечно, их ничем не остановишь! Куда к черту девался лагерь? Эйби только делает вид, будто его ищет, а сам свое гнет.

— Найди лагерь, Эйби, — сказал он ласково.

— Так я же его ищу! — огрызнулся мальчишка.

А Поуст ничего не сказал — так и сидел, перегнувшись, рядом с Эйби.

— Не мог же он сквозь землю провалиться, верно, Эйби? У тебя есть ровно семь минут, чтобы его отыскать.

— Сами ищите! — злобно взвизгнул Эйби.

— Подожду, пока вы с Поустом не образумитесь, детка. Спустиесь пониже!

Примерно через минуту Эйби сказал:

— Вроде бы река.

Действительно, река. И большая расчистка. Но лагерь-то где?

Они пролетели над расчисткой, но так ничего и не увидели.

— Он должен быть здесь, ведь другой большой расчистки на всем острове нет, — сказал Эйби, поворачивая обратно.

Их посадочные прожекторы били вниз, но вне этих двух столбов света ничего нельзя было разобрать. Надо их выключить!

Дэвидсон перегнулся через плечо вертолетчика и выключ-

чил прожекторы. Непроницаемая сырья мгла хлестнула их по глазам, точно черное полотенце.

— Что вы делаете! — взвизгнул Эйби, включил прожекторы и попытался круто поднять вертолет, но опоздал. Из мрака выдвинулись чудовищные деревья и поймали их.

Застонали лопасти винта, в туннеле прожекторных лучей закружились вихри листьев и веток, но стволы были толстыми и крепкими. Маленькая летающая машина накренилась, дернулась, словно подпрыгнула, высвободилась и боком рухнула в лес. Прожекторы погасли. Сразу наступила тишина.

— Что-то мне скверно, — сказал Дэвидсон.

И снова повторил эти слова. Потом перестал их повторять, потому что говорить их было некому. Тут он сообразил, что вообще не говорил. Мысли мутились. Наверное, стукнулся затылком. Эйби рядом нет. Где же он? А это вертолет. Совсем перекошенный, но он сидит, как сидел. А темнота, темнота — хоть глаз выколи.

Дэвидсон начал шарить руками вокруг и нашупал неподвижное, по-прежнему скорченное тело Поуста, зажатое между передним сиденьем и приборной доской. При каждом движении вертолет покачивался, и он наконец сообразил, что машина застряла между деревьями, запуталась в ветках, точно воздушный змей. В голове у него немного прояснилось, но им овладело непреодолимое желание как можно скорее выбраться из темной накренившейся кабины. Он переполз на переднее сиденье, спустил ноги наружу и повис на руках. Ноги болтались, но не задевали земли — ничего, кроме веток. Наконец он разжал руки. Плевать, сколько ему падать, но в кабине он не останется! До земли оказалось не больше полутора метров. От толчка заболела голова, но он встал, выпрямился, и ему стало легче. Если бы только вокруг не было так темно, так черно! Но у него на поясе есть фонарик — выходя вечером из коттеджа, он всегда брал с собой фонарик. Так где же фонарик? Странно. Отцепился, должно быть. Пожалуй, следует залезть в вертолет и поискать. А может, его взял Эйби? Эйби нарочно разбил вертолет, забрал его фонарик и сбежал. Слизняк, такой же, как все они. В этой чертовой мокрой тьме не видно даже, что у тебя под ногами. Корни всякие, кусты. А кругом — шорохи, чавканье, непонятно какие звуки: дождь шуршит по листьям, твари какие-то шастают, шлестят... Нет, надо слазить в вертолет за фонариком. Только вот как? Хоть на цыпочки встань, не дотянемшься.

Вдалеке за деревьями мелькнул огонек и исчез. Значит,

Эйби взял его фонарик и пошел на разведку, чтобы ориентироваться. Молодец, мальчик!

— Эйби! — позвал он пронзительным шепотом, сделал шаг вперед, стараясь снова увидеть огонек, и наступил на что-то непонятное. Ткнул башмаком, а потом осторожно опустил руку, чтобы пощупать, — очень осторожно, потому что ощупывать то, что не видишь, всегда опасно. Что-то мокрое, скользкое, будто дохлая крыса. Он быстро отдернул руку. Потом снова нагнулся и пощупал в другом месте. Башмак! Шнурки... Значит, у него под ногами валяется Эйби. Выпал из вертолета. Так ему и надо, сукину сыну — на Центральный хотел лететь, иуда!

Дэвидсону стало неприятно от влажного прикосновения невидимой одежды и волос. Он выпрямился. Снова показался свет — неясное сияние за частоколом из ближних и дальних стволов. Оно двигалось. Дэвидсон сунул руку в кобуру. Пистолета там не было. Он вспомнил, что держал его в руке на случай, если Эйби и Поуст попробуют что-нибудь выкинуть. Но в руке пистолета тоже не было. Значит, валяется в вертолете вместе с фонариком.

Дэвидсон нагнулся и замер, а потом побежал. Он ничего не видел. Стволы толкали его из стороны в сторону, корни цеплялись за ноги... Внезапно он растянулся во весь рост на земле среди затрещавших кустов. Он приподнялся и на четвереньках пополз в кусты, стараясь забраться поглубже. Мокрые ветви царапали ему лицо, хватали за одежду. Но он упрямо полз вперед. Его мозг не воспринимал ничего, кроме сложных запахов гниения и роста, прелых листьев, влажных листьев, трухи, молодых побегов, цветов — запахов ночи, весны и дождя. Ему на лицо упал свет. Он увидел пискунов. И вспомнил, что говорил об этом Любов. Он перевернулся на спину, откинул голову, зажмурил глаза и замер. Сердце стучало в груди как сумасшедшее.

Ничего не произошло.

Открыть глаза было очень трудно, но в конце концов он все-таки сумел это сделать. Они стояли вокруг. Их было много — может, десять, а может, и двадцать. Держат эти свои охотничьи копья — просто зубочистки, но наконечники из железа, и такие острые, что вспорют тебе брюхо, оглянуться не успеешь. Он зажмурился и продолжал лежать неподвижно.

И ничего не произошло.

Сердце угомонилось, стало легче думать. Что-то защекотало его внутри, что-то похожее на смех. Черт подери! Он им

не по зубам. Свои его предали, человеческий ум бессилен что-нибудь придумать, а он прибегнул к их собственной хитрости — притворился мертвым и сыграл на их инстинкте, который не позволяет убивать тех, кто лежит на спине, закрыв глаза. Стоят вокруг лопочут между собой, а сделать ничего не могут. Пальцем дотронуться до него боятся. Будто он — бог.

— Дэвидсон!

Пришлось снова открыть глаза. Сосновый факел в руках одного из пискунов все еще горел, но пламя побледнело, а лес был уже не угольно-черным, а белым. Как же так? Ведь прошло от силы десять минут. Правда, еще не совсем рассвело, но ночь кончилась. Он видит листья, ветки, деревья. Видит склоненное над ним лицо. В сером сумраке оно казалось серым. Все в рубцах, но вроде бы человеческое, а глаза — как две черные дыры.

— Дайте я встану, — внезапно сказал Дэвидсон громким хриплым голосом.

Его бил озноб: сколько можно валяться на сырой земле! И чтобы Селвер смотрел на него сверху вниз? Как бы не так!

У Селвера никакого оружия не было, но мартышки вокруг держали наготове не только копья, а и пистолеты. Растащили его запасы в лагере!

Он с трудом поднялся. Одежда леденила плечи и ноги. Ему никак не удавалось унять озноб.

— Ну, кончайте, — сказал он. — Быстро-быстро!

Селвер продолжал молча смотреть на него. Но все-таки снизу вверх, а не сверху вниз!

— Вы хотите, чтобы я вас убил? — спросил он.

Подхватил у Любова его манеру разговаривать: даже голос совсем любовский. Черт знает что!

— Это мое право, ведь так?

— Ну, вы всю ночь пролежали в позе, которая означает, что вы хотели, чтобы мы оставили вас в живых. А теперь вы хотите умереть?

Боль в голове и животе, ненависть к этому поганому уродцу, который разговаривает, точно Любовь, и решает, жить ему или умереть — эта боль и эта ненависть душили его, поднимаясь в глотке тошнотным комком. Он трясся от холода и отвращения. Надо взять себя в руки. Внезапно он шагнул вперед и плюнул Селверу в лицо.

А секунду спустя Селвер сделал легкое танцующее движение и тоже плюнул. И засмеялся. И даже не попытался убить его. Дэвидсон вытер с губ холодную слону.

— Послушайте, капитан Дэвидсон, — сказал пискун все тем же спокойным голоском, от которого Дэвидсона начинало мутить, — мы же с вами оба боги. Вы сумасшедший, и я, возможно, тоже, но мы боги. Никогда больше не будет в лесу встречи, как эта наша встреча. Мы приносим друг другу дары, какие приносят только боги. От вас я получил дар убийства себе подобных. А теперь, насколько это в моих силах, я вручаю вам дар моих соплеменников — дар не убивать. Я думаю, для каждого из нас полученный дар равно важен. Однако вам придется нести его одному. Ваши соплеменники в Эшсене сказали мне, что вынесут суждение о вас, и если я приведу вас туда, вы будете убиты. Такой у них закон. И если я хочу подарить вам жизнь, я не могу отвести вас с другими пленными в Эшсен. А оставить вас в лесу на свободе я тоже не могу — вы делаете слишком много плохого. Поэтому мы поступим с вами так, как поступаем с теми из нас, кто сходит с ума. Вас увезут на Рендлеп, где теперь больше никто не живет, и оставят там.

Дэвидсон смотрел на пискуна и не мог отвести глаз. Словно его подчинили какой-то гипнотической власти. Этого он терпеть не станет. Ни у кого нет власти над ним! Никто не может ему ничего сделать.

— Жаль, что я не свернул тебе шею в тот день, когда ты на меня набросился, — сказал он все тем же хриплым голосом.

— Может быть, это было бы самое лучшее, — ответил Селвер. — Но Любов помешал вам. Так же, как теперь он мешает мне убить вас. Больше никого убивать не будут. И рубить деревья — тоже. На Рендлепе не осталось деревьев. Это остров, который вы называете Свалкой. Ваши соплеменники не оставили там ни одного дерева, так что вы не сможете построить лодку и уплыть оттуда. Там почти ничего не растет, и мы должны будем привозить вам пищу и дрова. Убивать на Рендлепе некого. Ни деревьев, ни людей. Прежде там были и деревья и люди, но теперь от них остались только сны. Мне кажется, раз вы будете жить, то для вас это самое подходящее место. Может быть, вы станете там сновидцем, но скорее всего вы просто пройдете за своим безумием до конца.

— Убейте меня теперь, и хватит издеваться!

— Убить вас? — спросил Селвер, и в рассветном лесу его глаза, глядевшие на Дэвидсона снизу вверх, вдруг засияли светло и страшно. — Я не могу убить вас, Дэвидсон. Вы — бог. Вы должны сами это сделать.

Он повернулся, быстрый, легкий, и через несколько шагов скрылся за серыми деревьями.

По щекам Дэвидсона скользнула петля и легла ему на шею. Маленькие копья надвинулись на него сзади и с боков. Они трусят прикоснуться к нему. Он мог бы вырваться, убежать — они не посмеют его убить. Железные наконечники, узкие, как листья ивы, были отшлифованы и наточены до остроты бритвы. Петля на шее слегка затянулась. И он пошел туда, куда они его вели.

Глава 8

Селвер уже давно не видел Любова. Этот сон был с ним на Ризуэле. Был с ним, когда он в последний раз говорил с Дэвидсоном. А потом исчез и, может быть, спал теперь в могиле мертвого Любова в Эшсене, потому что ни разу не пришел к Селверу в Бротер, где он теперь жил.

Но когда вернулась большая лодка и Селвер отправился в Эшсен, его там встретил Любов. Он был безмолвным, туманным и очень грустным, и в Селвере проснулось прежнее тревожное горе.

Любов оставался с ним тенью в его сознании, даже когда он пришел на встречу с ловеками, которые прилетели на большой лодке. Это были сильные люди, совсем не похожие на ловеков, которых он знал, если не считать его друга, но Любов никогда не был таким сильным.

Он почти забыл язык ловеков и сначала больше слушал. А когда убедился, что они именно такие, отдал им тяжелый ящик, который принес с собой из Бротера.

— Внутри работа Любова, — сказал он, с трудом подбирая нужные слова. — Он знал о нас гораздо больше, чем знают остальные. Он изучил мой язык и знал Мужскую речь, и мы все это записали. Он во многом понял, как мы живем и уходим в сны. Остальные совсем не понимают. Я отдаю вам его работу, если вы отвезете ее туда, куда он хотел ее отослать.

Высокий, с белой кожей, которого звали Лепенон, очень обрадовался, поблагодарил Селвера и сказал, что бумаги обязательно отвезут туда, куда хотел Любов, и будут их очень беречь. Селверу было приятно это услышать. Но ему было больно называть имя друга вслух, потому что лицо Любова, когда он обращался к нему в мыслях, оставалось таким же бесконечно грустным. Он отошел в сторону от ловеков и

только наблюдал за ними. Кроме пятерых с корабля сюда пришли Донг, Госсе и еще другие из Эшсена. Новые выглядели чистыми и блестящими, как недавно отшлифованное железо. А прежние отрастили шерсть на лицах и стали чуть-чуть похожи на очень больших атшиян, только с черным мехом. Они все еще носили одежду, но старую, и больше не содержали ее в чистоте. Никто из них не похудел, кроме их Старшего, который так и не выздоровел после Ночи Эшсена, но все они были немного похожи на людей, которые заблудились или сошли с ума.

Встреча произошла на опушке, где по молчаливому соглашению все эти три года ни лесные люди, ни ловеки не строили жилищ и куда даже не заходили. Селвер и его спутники сели в тени большого ясения, который стоял чуть в стороне от остальных деревьев. Его ягоды пока еще казались маленькими зелеными узелками на тонких веточках, но листья были длинными, легкими, упругими и по-летнему зелеными. Свет под огромным деревом был неяркий, смягченный путаницей теней.

Ловеки советовались между собой, приходили, уходили, а потом один из них, наконец, пришел под ясень. Жесткий ловек с корабля, коммодор. Он присел на корточки напротив Селвера, не попросив разрешения, но и не желая оскорбить. Он сказал:

— Не могли бы мы поговорить немножко?

— Конечно.

— Вы знаете, что мы увезем всех землян. Для этого мы прилетели на двух кораблях. Вашу планету больше не будут использовать для колонизации.

— Этую весть я услышал в Бротере три дня назад, когда вы прилетели.

— Я хотел убедиться, поняли ли вы, что это — навсегда. Мы не вернемся. На вашу планету Лига наложила запрет. Если сказать по-другому, более понятными для вас словами, я обещаю, что, пока существует Лига, никто не прилетит сюда рубить ваши деревья или забирать вашу землю.

— Никто из вас никогда не вернется, — сказал Селвер, не то спрашивая, не то утверждая.

— На протяжении жизни пяти поколений — да. Никто. Потом, возможно, несколько человек все-таки прилетят. Их будет десять-пятнадцать. Во всяком случае, не больше двадцати. Они прилетят, чтобы разговаривать с вами и изучать вашу планету, как делали некоторые люди в колонии.

— Ученые, специалисты, — сказал Селвер и задумался. —

Вы решаете сразу все вместе, вы, люди, — вновь не то спросил, не то подтвердил он.

— Как так? — Коммодор насторожился.

— Ну, вы говорите, что никто из вас не будет рубить деревья Атши, и вы все перестаете рубить. Но ведь вы живете во многих местах. Если, например, Старшая Хозяйка в Кароччи отдаст распоряжение, в соседнем селении его выполнять не будут, а уж о том, чтобы все люди во всем мире сразу его выполнили, и думать нечего...

— Да, потому что у вас нет единого правительства. А у нас оно есть... теперь, и его распоряжения выполняются — всеми сразу. Но судя по тому, что нам рассказывали здешние колонисты, ваше распоряжение, Селвер, выполнили все и на всех островах сразу. Как вы этого добились?

— Я тогда был богом, — сказал Селвер без всякого выражения.

После того как коммодор ушел, к ясеню неторопливо подошел высокий белый ловек и спросил, можно ли ему сесть в тени дерева. Этот был вежлив и очень умен. Селвер чувствовал себя с ним неловко. Как и Любов, он будет ласковым, он все поймет, а сам останется вне пределов понимания. Потому что самые добрые из них были такими же неприкосновенными, такими же далекими, как самые жестокие. Вот почему присутствие Любова в его сознании причиняло ему страдания, а сны, в которых он видел Теле, свою умершую жену, и прикасался к ней, приносили радость и умиротворение.

— Когда я был тут раньше, — сказал Лепенон, — я познакомился с этим человеком, с Раджем Любовым. Мне почти не пришлось с ним разговаривать, но я помню его слова, а с тех пор я прочел то, что он писал про вас, про атшиян. Его работу, как сказали вы. И теперь Атши закрыта для колонизации во многом благодаря этой его работе. А освобождение Атши, по-моему, было для Любова целью жизни. И вы, его друг, убедитесь, что смерть не помешала ему достигнуть этой цели, не помешала завершить избранный им путь.

Селвер сидел неподвижно. Неловкость перешла в страх. Сидящий перед ним говорил, как Великий Сновидец. И он ничего не ответил.

— Я хотел бы спросить вас об одной вещи, Селвер. Если этот вопрос вас не оскорбит. Он будет последним... Людей убивали: в Лагере Смита, потом здесь, в Эшсене, и, наконец, в лагере на Новой Яве, где Дэвидсон устроил мятеж. И все. С тех пор ничего подобного больше не случалось... Это правда? Убийств больше не было?

— Я не убивал Дэвидсона.

— Это не имеет значения, — сказал Лепенон, не поняв ответа.

Селвер имел в виду, что Дэвидсон жив, но Лепенон решил, будто он сказал, что Дэвидсона убил не он, а кто-то другой. Значит, и ловеки способны ошибаться. Селвер почувствовал облегчение и не стал его поправлять.

— Значит, убийство больше не было?

— Нет. Спросите у них, — ответил Селвер, кивнув в сторону полковника и Госсе.

— Я имел в виду — у вас Атшияне не убивали атшиян?

Селвер ничего не ответил. Он поглядел на Лепеннона, на странное лицо, белое, как маска Духа Ясения, и под его взглядом оно изменилось.

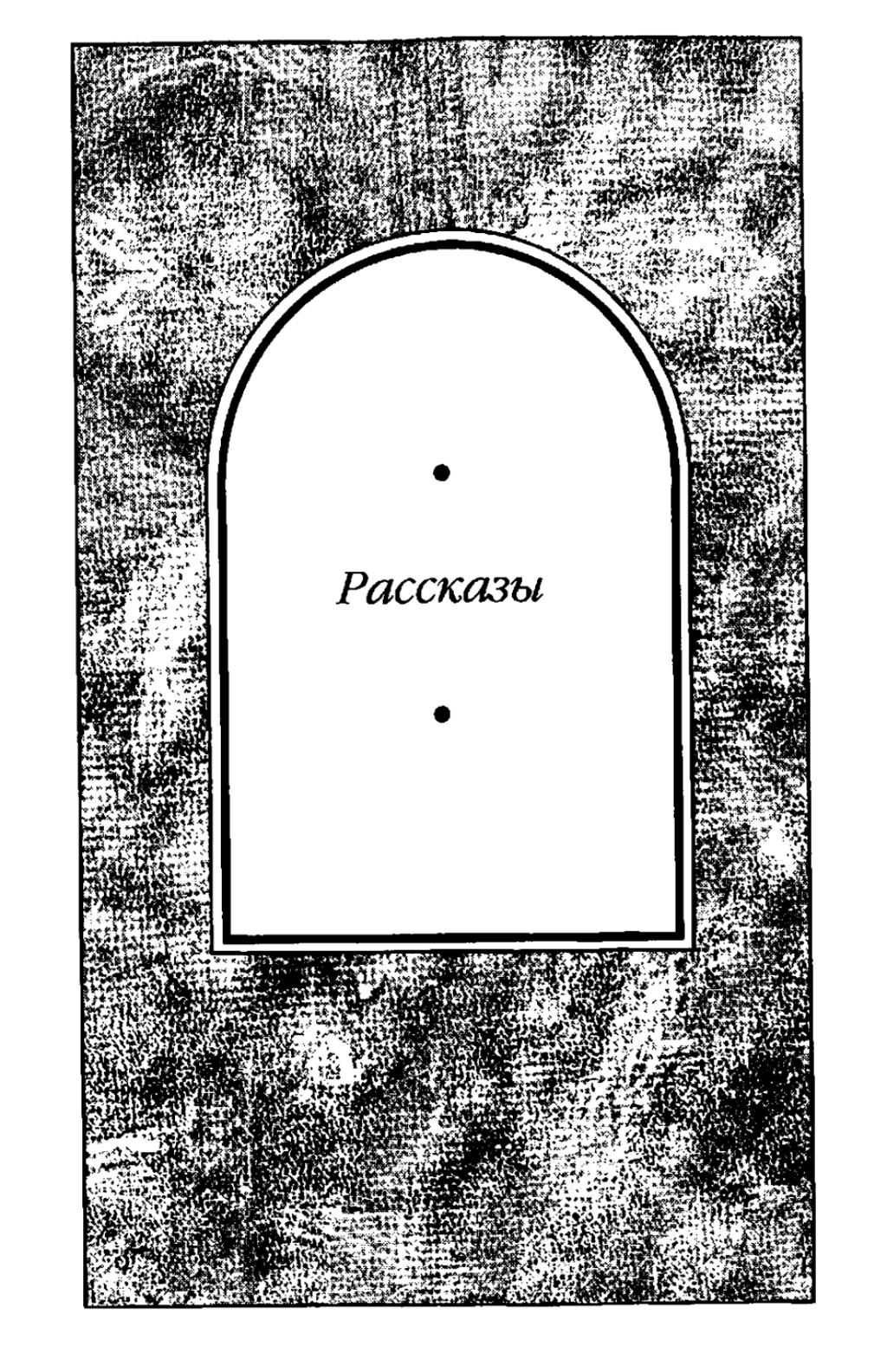
— Иногда появляется бог, — сказал Селвер. — Он приносит новый способ делать что-то или что-то новое, что можно сделать. Новый способ пения или новый способ смерти. Он проносит это по мосту между явью снов и явью мира. И когда он это сделает, это сделано. Нельзя взять то, что существует в мире, и отнести его назад в сновидение, запереть в сновидении с помощью стен и притворства. Что есть, то есть. И теперь нет смысла притворяться, что мы не знаем, как убивать друг друга.

Лепенон положил длинные пальцы на руку Селвера так быстро и ласково, что Селвер принял это, словно к нему прикоснулся не чужой. По ним скользили и скользили золотистые тени листьев ясения.

— Но вы не должны притворяться, будто у вас есть причины убивать друг друга. Для убийства не может быть причин, — сказал Лепенон, и лицо у него было таким же тревожным и грустным, как у Любова. — Мы улетим. Через два дня. Мы улетим все. Навсегда. И леса Атши станут такими, какими были прежде.

Любов вышел из теней в сознании Селвера и сказал: «Я буду здесь».

— Любов будет здесь, — сказал Селвер. — И Дэвидсон будет здесь. Они оба. Может быть, когда я умру, люди снова станут такими, какими были до того, как я родился, и до того, как прилетели вы. Но вряд ли.

•

Рассказы

•

КОРОЛЬ ПЛАНЕТЫ ЗИМА

Когда на поверхности Реки Времени возникают водовороты, затягивая историю, словно зацепившуюся за топляк, в воронку, — а именно это и происходило при весьма странных обстоятельствах смены правителей в государстве Кархайд, — тогда весьма полезными для исследователя оказываются порой любительские фотографии, сделанные наудачу; их можно собрать, разложить, подобно пасьянсу, и сравнивать родителя с ребенком, молодого короля со старым... Их можно также перетасовать, перемешать, разложить по-новому, пока Река Времени не войдет в прежнее русло, ибо, несмотря на влияние, оказанное межпланетными экспедициями на историю Кархайда, и совершенные самими кархайдцами немногочисленные путешествия в иные миры, Время (по справедливому утверждению Полномочного Посла на планете Гетен, господина Акста) не может повернуть вспять; это невозможно, как невозможно смеяться над смертью.

Поэтому — хотя наиболее широко известен тот фотопортрет короля Аргавена, где он в темном траурном костюме склонился над телом упокоившегося старого короля, освещаемый лишь отблесками пожаров, которыми объят город, — давайте на время отложим эту фотографию. И посмотрим прежде на снимок молодого двадцатилетнего Аргавена — гордости Кархайда, личности настолько яркой и удачливой, какие вряд ли рождались когда-либо на этой планете. Но отчего юный король бессильно прислонился спиной к стене? Почему он весь в грязи, дрожит, а глаза его безумно блуждают, словно он навсегда утратил то — пусть минимальное — доверие к миру, которое принято считать здравомыслием? В душе своей он повторял тогда вот уже много часов — или лет? — подряд: «Я отрекусь. Отрекусь. Отрекусь». Без конца мучило его одно и то же виденье — дворцовый зал с красными стенами, башни и улицы Эренранга, потом падающие хлопья снега, прекрасные долины близ Западного Перевала, белые вершины Каргава... Неужели от этого он хотел отречься, неужели хотел отказаться от

своего королевства? «Я отрекусь», — негромко произнес он, а потом что было силы выкрикнул те же слова, ибо снова явился перед ним человек в красно-белом одеянии, снова вкрадчиво зазвучал его голос: «Ваше Величество, раскрыт заговор в Королевской Школе Ремесел! Готовилось покушение на вас». И снова на него обрушился невнятный то ли шум, то ли вой... Король прятал голову в подушки, зажимая уши руками, шептал: «Прекратите, пожалуйста, прекратите это!», но невнятный вой становился все громче, все пронзительнее, он приближался, неослабевающий, неумолимый, и проникал, казалось, в саму плоть Аргавена. Не выдерживали и лопались нервы, натянутые как струны; кости непроизвольно дрожали и приплясывали под этот дикий аккомпанемент, выворачиваясь из суставов. И король застыпал, чувствуя, как кости его повисают, обнажившись, на тоненьких белых нитях — нервах или сухожилиях... А потом плакал без слез и кричал: «Взять их!.. Посадить в тюрьму!.. Казнить... непременно казнить! Прекратите это, прекратите!..»

И тут же все прекращалось.

Молодой король, весь дрожа, сполз на пол бесформенной грудой тряпья. Пол был какой-то странный... Почему-то не было ни знакомых керамических плиток, ни паркета, ни даже тюремного, запятнанного мочой цемента. Оказалось, что он лежит на простом деревянном полу в своей комнате, в башне дворца. Здесь он всегда чувствовал себя в безопасности, далеко от своего отца-людоеда — холодного, неласкового, безумного короля Кархайда. В детстве он любил играть здесь в дочки-матери с Пири и сидеть у камина с Борхабом, который брал его на руки и баюкал, пока он не погружался в благодатный полусон. Но теперь нигде не было для него ни убежища, ни спасения, ни сна. Страшный человек в черном добрался даже сюда; он обеими руками приподнял голову короля, и без того едва державшуюся на тоненьких белых нитях, поднял ему веки, которые король тщетно пытался смыкнуть, и они тоже повисли на таких же нитях...

— Кто я?

Равнодушная черная маска склонилась к нему. Молодой король забился, пытаясь высвободиться из рук черного человека, и зарыдал от собственного бессилия: он знал, что сейчас начнется удушье и он не сможет дышать, пока не произнесет вслух нужное им имя — Герер. Однако дышать он пока мог. Это ему пока было позволено. Хорошо, что он вовремя распознал человека в черном.

— А кто я? — спросил его кто-то другой нежным тихим

голосом, и юный король всей душой устремился к этому человеку, всегда приносившему утешение и покой.

— Ребад, — прошептал он, — скажи, что мне делать? Ребад!

— Спать. Сейчас нужно спать.

Король подчинился и уснул. Глубоко, без сновидений. Только перед самым пробуждением появились сны. Снова тот неестественный, кровавый свет заката слепил его широко открытые глаза, снова он стоял на парадном балконе дворца, глядя вниз на пятьдесят тысяч черных разверстых колодцев, извергавших фонтаны истерических воплей. Пронзительные звуки пламенем вспыхивали в его мозгу, складываясь в имя: Аргавен. Имя короля в реве толпы звучало словно насмешка, словно издевательство. Он ударил руками по узким бронзовым перилам и крикнул: «Я заставлю вас замолчать!», но не рассыпал собственного голоса — слышны были только их голоса, ядовитые извержения множества разинутых пастей: ненавидящая короля толпа громко выкрикивала его имя...

— Уйдите отсюда, о мой король, — сказал тот же тихий голос, и Ребад увел его с балкона.

Потом они оказались в огромном парадном зале с красными стенами. Вопли снаружи прекратились: Ребад захлопнул окна. Выражение лица его, как всегда, было спокойным, сочувственным.

— Что вы намерены делать, Ваше Величество? — тихо спросил он.

— Я... я отрекусь от престола.

— Нет, — спокойно возразил Ребад. — Это было бы несправедливо. Так что же вы все-таки намерены делать?

Молодой король стоял молча. Его била дрожь. Ребад усадил его на кованую скамью, потому что, как это и раньше часто случалось, в глазах у короля вдруг потемнело, стены сдвинулись и он снова очутился в крошечной тюремной камере...

— Позовите... Позови стражу! Пусть стреляют прямо в толпу. Пусть убивают! Надо проучить негодяев! — Молодой король говорил торопливо, почти захлебываясь, но очень четко и громко. Он почти кричал.

— Прекрасно, Ваше Величество, — поклонился Ребад, — вот это мудрое решение! Так и следует поступить. Так мы непременно выпутаемся из беды. Вы все делаете правильно. Верьте мне.

— Я тебе верю. Верю. Увези меня отсюда, — прошептал

молодой король, сжимая руку Ребада. Но тот вдруг напрягся: что-то снова было не так. Он уже не верил и Ребаду, и надежды на спасение не оставалось. Ребад уже собирался уходить, по-прежнему спокойный, хотя на лице его было написано сожаление. Молодой король просил его остаться, просил вернуться назад... Но снова, снова в ушах короля начинал звучать негромкий, невнятный вой, от которого череп готов был треснуть, и вот уже тот человек в красно-белом одеянии подходил все ближе, ближе, тихо ступая по бесконечному красному полу... «Ваше Величество, раскрыт заговор в Королевской Школе Ремесел...»

На улице близ Старой Гавани, у самого берега моря, фонари горели ярко, но свет их растворялся в тумане. Портовый стражник Пепенерер обходил свой участок, ничего особенного увидеть не ожидал, но вдруг заметил, как по направлению к нему движется, спотыкаясь, какая-то странная фигура. Пепенерер не очень-то верил во всяких там морских *порнгропов*, однако теперь перед ним было явно что-то похожее. Загадочное существо, покрытое слизью и пахнущее морем, еле ползущее на тонких паучьих ножках, со стоном хватающее ртом воздух... В старинных морских легендах немало рассказывалось о порнгропах, но вся волшебная чушь быстро выветрилась у Пепенерера из головы: перед ним явно был человек. То ли пьяница, то ли безумец, а может — жертва загадочного преступления. Человек сле брел между унылыми серыми стенами пакгаузов.

— Эй, ты! А ну-ка стой! — проревел Пепенерер.

Несчастный полуголый пьячуга глянул на него безумными глазами, испустил вопль ужаса, попытался было удрать, но поскользнулся на покрытых ледком камнях мостовой, упал и пополз. Пепенерер взял ружье на изготовку и выпустил в пьяницу слабый звуковой заряд — просто чтобы тот успокоился; потом присел рядом с ним на корточки, достал рацию и связался с Западным отделением охраны, попросив прислать машину.

Обе руки распростертого на холодных камнях мостовой человека, безвольные и обмякшие, были покрыты пятнышками и точками — следами бесчисленных инъекций. Значит, он не был пьян, просто напичкан наркотиками. Пепенерер потянул носом, но знакомого смолистого запаха *огреви* не уловил. Наверное, какие-то другие наркотики. Интересно, это его воры так отделали? Или это родовая месть? Воры вряд ли оставили бы золотое кольцо у него на руке — массивное, широченное, с резьбой. Пепенерер наклонился,

чтобы получше рассмотреть кольцо, но тут взгляд его упал на покрытое ссадинами мертвенно-бледное лицо человека, слабо освещенное уличным фонарем. Лицо было повернуто к нему профилем. Пепенерер порылся в кармане и достал новенькую монетку, где на одной из сторон четко выделялся обращенный влево профиль короля. Потом снова посмотрел на человека, лежащего на мостовой. Его обращенный вправо профиль, несмотря на игру света и теней, показался ему знакомым. Однако, заслышав мурлыканье электромобиля, сворачивающего от Старой Гавани, охранник сунул монетку в карман, приговаривая под нос: «Ах я дурак чертов!»

Дело в том, что короля Аргавена вот уже две недели не было в Эренранге: он охотился в горах. Об этом сообщалось в каждой сводке радионовостей.

— Видите ли, — сказал Хоуг, врач, — мы можем, конечно, допустить, что королю пытались дать соответствующую ментальную «настройку». Однако это почти ни к каким дальнейшим выводам не приводит: слишком многие занимаются подобными экспериментами и в Кархайде, и, разумеется, в Оргорейне. И это отнюдь не преступники, на которых можно было бы начать охоту, но вполне уважаемые люди — психиатры, физиологи. Те, кому вполне законно по роду деятельности разрешено пользоваться наркотиками. Если же им и удалось добиться поставленной цели, то все остальное они по возможности заблокировали, чтобы работе «настроенного» мозга не мешало ничто. Так что все «ключи и отмычки» спрятаны, и ни одна побуждающая команда не сработает — мы просто никогда не сможем догадаться, какой вопрос является ключевым. По-моему, добиться нужной информации без губительных последствий для мозга короля в данном случае невозможно; даже под воздействием гипноза или сильных наркотических средств нельзя теперь узнать, какие именно идеи были королю имплантированы, а какие являются его собственными, так сказать, автономными. Возможно, смогли бы помочь инопланетяне, хотя я лично не слишком-то верю в возможности их психиатрической науки: по-моему, они просто хващаются своими достижениями в этой области; впрочем, так или иначе, но необходимых специалистов у них здесь нет. Остается лишь одна надежда.

— Какая? — жестко спросил лорд Герер.

— У короля живой ум и решительный характер. Прежде чем они сломили его, еще в самом начале, он мог успеть догадаться, что именно с ним делают, и установить некий пси-

хологический барьер или, может быть, даже заблокировать память, оставив себе, таким образом, путь к спасению...

Хоуг постепенно утрачивал свойственную ему самоуверенность; слова его как бы повисали в тишине высокого, полутемного зала с красными стенами. Он так и не дождался ответа от старого Герера.

В Красном Зале королевского дворца даже рядом с камином вряд ли было больше 12° С. А уж в центре зала, далеко от обоих каминов, расположенных в торцовых стенах, — около 5° С. За окнами порхали легкие снежинки, день был не слишком морозный, чуть ниже нуля. Весна пришла на планету Гетен. В каминах ревел огонь, лизал своими красно-золотыми языками толстенные поленья. В этом была своеобразная, чуть грубоватая кархайдская роскошь, дающая мгновенное наслаждение огнем и теплом. Жители Кархайда вообще очень любили огонь: камини, фейерверки, молнии, метеоры, вулканы — все это доставляло им несказанную радость. Они избегали, однако, центрального отопления, особенно в жилых помещениях, хотя за долгие годы и вска промышленной революции на планете Гетен различные обогревательные приборы и системы были доведены до совершенства. Батареи центрального отопления использовались лишь в арктических широтах для обогрева жилых помещений. Вообще гетенианцы редко испытывали комфорт, как бы не позволяя себе такой роскоши и никогда не ожидая ее, но всегда радостно приветствуя — словно неожиданный подарок или удачу.

Верный слуга короля, застывший у его постели словно изваяние, обернулся, когда вошли врач и лорд Герер, королевский Советник, но не проронил ни слова. Вошедшие приблизились к огромному ложу на высоких золоченых ножках, покрытому тяжелыми, изысканно расшитыми красными одеялами. Распростертное на ложе тело короля оказалось почти на уровне их глаз. Гигантская кровать напоминала неподвижно застывший корабль, готовый вот-вот сорваться с якоря и унести юного Аргавена по безбрежным темным волнам тьмы в царство теней и минувших ужасных лет. Содрогнувшись от внезапно охватившего его страха, старый Советник заметил, что глаза Аргавена широко распахнуты и обращены в сторону чуть приоткрытого окна. Король смотрел в узкую щель между шторами — на звезды.

Герер перепугался еще больше: ну конечно, это безумие; его король утратил разум... Старик и сам не понимал, отчего ему так страшно. Хоуг ведь предупреждал его: «Наш король

не совсем нормально ведет себя, лорд Герер. Последние полмесяца он жестоко страдал; видимо, его запугивали, пытаясь сделать из него послушную марионетку. Возможно, мозг его серьезно поврежден; безусловно, еще проявятся и побочные, и прямые последствия отравления организма наркотиками». Но, несмотря на это предупреждение, Герер испытал сейчас чудовищное потрясение.

Вдруг ясные усталые глаза Аргавена уставились прямо на него; не сразу, постепенно король узнавал Герера. И тот неожиданно — он ведь не мог, разумеется, видеть того страшного человека в черной маске — заметил в глазах своего юного, бесконечно любимого короля ненависть и почти животный ужас, увидел, как он, задыхаясь, борется со своим верным слугой, с врачом и, обессиленный, падает на постель, не в состоянии убежать — убежать от него, от Герера!

Отойдя подальше, на середину холодного зала, туда, где похожая на нос корабля часть величественного ложа скрывала его от глаз короля, Герер услышал, как они успокаивают Аргавена и снова укладывают в постель. Голос короля звучал пронзительно и по-детски жалобно. Точно так же во время своего последнего предсмертного приступа помешательства говорил и старый король Эмран — таким же детским голоском. Потом наступила тишина. Слышно было лишь, как в двух каминах ревет пламя.

Корги, личный страж короля, зевнул и протер глаза. Хоуг что-то накапал в склянку, потом наполнил шприц. Герер пребывал в полном отчаяния. Дитя мое, король мой, что они с тобой сделали?! Сколько было надежд — праведных, светлых! — и вот все пошло прахом... Душа старого Герера бессильно плакала, хотя с виду этот человек походил на черную каменную глыбу, тяжелую, грубо обтесанную. Он всегда отличался спокойствием, осторожностью и расчетливостью, а порой даже жестокостью. Но сейчас этот старый придворный искренне оплакивал своего короля, он был совершенно убит горем; для него не было в жизни иной цели, кроме верного служения любимому Аргавену.

Вдруг король громко спросил:

— Мое дитя?..

Герер вздрогнул: ему показалось, что слова эти произнес вслух он сам. Но тут Хоуг, никогда не испытывавший особой любви к королю, участливо и спокойно ответил больному:

— Принц Эмран здоров, Ваше Величество. Он сейчас с верными людьми в замке Уорривер в полной безопасности.

Мы поддерживаем с ними постоянную связь. У них все хорошо.

Герер слушал тяжелое дыхание короля; он даже подошел чуть ближе к изголовью, стараясь, впрочем, держаться в тени, за высокой спинкой кровати.

— Я был болен?

— Да, вы еще не совсем выздоровели, Ваше Величество, — спокойно ответил врач.

— Где же я?..

— В вашей собственной комнате, во дворце, в Эренранге.

Но тут Герер подошел еще на шаг и, по-прежнему невидимый для короля, вдруг сказал:

— Мы так и не знаем, где вы были, Ваше Величество.

Гладкое лицо Хоуга исказила недовольная гримаса, но хоть он и был королевским врачом — так что в известной степени все они во дворце были в его руках, — не осмелился прямо выразить свое неодобрение Советнику. Однако голос Герера ничуть не встревожил короля; он задал еще несколько коротких вопросов, вполне разумных и ясных, а потом снова затих. Вскоре Коргри, который не отходил от своего хозяина с тех пор, как того принесли во дворец (ночью, тайком, через незаметную боковую дверцу — словно правителя, совершившего позорное самоубийство; это случалось прежде, хотя в данном случае самоубийством и не пахло), совершил «государственную измену»: склонившись вперед на своем высоком сиденье, стоявшем в изголовье, он уронил голову на край постели и уснул. Стражник у дверей сдал пост сменщику, немного пошептавшись с ним; несколько раз приходили официальные лица; была передана свежая сводка новостей, посвященная состоянию здоровья короля. Все говорили только шепотом. В сводке, которая будет передана по радио, сообщалось: у короля во время отдыха в Верхнем Каргаве внезапно проявились симптомы тяжелой лихорадки, и он был спешно переправлен в Эренранг; лечение под руководством королевского врача Хоуга рем ир Хоугремма уже дало свои результаты, так что... Ну и так далее. «Да повернется колесо Судьбы под рукой нашего короля и принесет ему счастье!» — молились жители древних Очагов, зажигая огонь в каминах, а старики, усаживаясь поближе к огоньку, ворчали: «А все из-за того, что он ночами напролет все по городу бродил да в горы один забирался! Все его глупые детские выдумки!», однако и старики держали радио постоянно включенным и внимательно слушали каждую сводку новостей. Множество людей толпились на площади перед коро-

левским дворцом; они бесцельно слонялись, судачили, смотрели, кто входит и выходит из парадных дверей, и все время поглядывали на пустующий балкон. И сейчас на площади еще оставалось несколько сотен человек, терпеливо стоявших в снегу. Поданные любили Аргавена XVII. После тупой жестокости короля Эмрана, правление которого завершилось под сенью безумия, приведя страну к почти полному экономическому краху, на трон взошел юный король — стремительный, храбрый, непредсказуемый, однако весьма здравомыслящий и упорный в своих намерениях. А еще король Аргавен был поистине великодушен. Народ ощущал в нем огонь и свет великой души и приветствовал своего молодого правителя. В нем как бы воплотилась мощь грядущей эпохи. В кое-то веки король Кархайда был достоин своего великого королевства!

— Герер!

То был голос короля, и Герер поспешил к нему — огромный, неуклюжий, торопливо пересекая зал, разделенный на теплые и холодные, светлые и темные полосы.

Теперь Аргавен сидел в постели, хотя руки его дрожали от слабости и дышал он с трудом. Однако горящие глаза короля жадно следили за спешащим к нему через темный зал Герером. Левая рука Аргавена, на которой красовалось Королевское Кольцо династии Харге, покоялась рядом с лицом его спящего слуги. отстраненным и совершенно безмятежным.

— Герер, — с трудом, но очень ясно проговорил король, — собери Совет. Скажи им: я отрекаюсь от престола.

Вот и все. Неужели так сразу? А как же все эти лекарства, шоковая терапия, гипноз, парагипноз, нейростимуляция, акупунктура — все замечательные способы лечения, которые расписывал Хоуг на бесконечных консилиумах? Неужели все напрасно? И результат все тот же? Но... не будем торопиться с выводами. Пусть выводы, так сказать, отстоятся.

— Государь, когда ваши силы восстановятся...

— Нет, Герер. Сейчас. Созови Совет!

И он снова сломался — так лопается тую натянутая тетива лука — и снова судорожно забился в пожирающем его страхе, не находя более ни сил, ни слов, чтобы выразить свои чувства; а верный слуга по-прежнему спал, уронив голову на край королевского ложа, и ничего не слышал.

Следующая фотография повеселее. Вот перед нами король Аргавен XVII в добром здравии, в красивых одеждах. Он сидит за столом и с аппетитом завтракает. Одновременно

он беседует по крайней мере с дюжиной людей, что либо разделяют с ним трапезу, либо прислуживают за столом. Король может позволить себе любые странности, а вот уединение — крайне редко. Остальные за столом тоже как бы обласканы его безграничной милостью. Король выглядит после болезни — это общее мнение! — так же, как прежде. И все же не совсем: что-то сломалось у него в душе, он словно утратил былую юношескую невинность и доверчивость; их сменило часто встречавшееся в роду Харге, но менее приятное качество — этакая небрежность по отношению к себе и другим людям. Король проявляет порой и былое остроумие, и сердечность, но что-то темное всегда одерживает в нем верх, застилая ему глаза странной пеленой и делая столь небрежным в обращении. Что это? Что владеет его душой: страх, боль, твердо принятное решение?

Господин Акст, Мобиль и Полномочный Посол Экумены на планете Зима, последние шесть дней провел за рулем, пытаясь заставить свой электромобиль двигаться хоть немного быстрее, чем предельные для Кархайда пятьдесят километров в час. Вчера поздно ночью он примчался в Эренранг из столицы Оргорейна Мишнори, проделав невероятно долгий путь — сперва до границы, а потом через весь Кархайд. Завтрак он, естественно, проспал, однако явился во дворец точно в назначенное время, хотя и страшно голодным. Старый председатель Королевского Совета и двоюродный брат короля лорд Герер рем ир Верген встретил Акста у входа в зал громогласными кархайдскими приветствиями, подобающими случаю. Посол отвечал тем же, догадываясь, однако, что за пышной куртуазностью Герера скрывается горячее желание поделиться чем-то сокровенным.

— Мне сообщили, что король Кархайда теперь совершенно здоров, — сказал Посол Акст, — и я от всей души надеюсь, что это действительно так.

— Нет, к сожалению, это не так. — вздохнул старый Советник, и голос его как бы погас, внезапно утратив все богатство интонаций и звучную кархайдскую выразительность. — Господин Акст, я обращаюсь к вам в высшей степени конфиденциально: в Кархайде нет и десяти человек, помимо меня, которые знают о короле правду. Аргавен не выздоровал. И не был болен.

Акст кивнул. Действительно, такие слухи тоже ходили.

— Он любит совершенно один уходить порой в город — ночью, в простой одежде... Бродит по улицам, разговаривает с незнакомцами... Королевская власть — слишком тяжелое

бремя... Он так еще молод... — Герер запнулся, словно подавляя охватившее его волнение. — Однажды, недель шесть назад, он вот так же ушел и не вернулся. На заре мне было передано послание: если мы объявили об исчезновении короля, его немедленно убьют; если же мы сохраним тайну и полмесяца подождем, он вернется к нам невредимым. И мы молчали. Лгали Совету, распространяли по радио ложную информацию. На тринадцатую ночь король был обнаружен: на улице, в полном одиночестве, напичканный наркотиками и явно подвергнутый ментальной «настройке». Кто это сделал, какие враги короля, мы так до сих пор и не узнали. Приходится действовать совершенно секретно: нельзя допустить, чтобы вера людей в своего правителя была подорвана. Как и его собственная вера — в себя самого. Нам очень трудно, ведь Аргавен ничего не помнит. Одно лишь совершенно ясно: воля его сломлена, ему внушили, что он непременно должен отречься от престола. Он уверен, что обязан сделать это для блага всех.

Тихий голос Герера не дрогнул, но глаза выдавали тяжкую душевную муку. И, неожиданно обернувшись, Акст заметил, что и молодой король смотрит на него с той же болью.

— Что же вы задерживаете моего гостя, кузен?

Аргавен улыбался, но так, словно прятал за пазухой пож. Старый Советник с достоинством поклонился, извинился и пошел прочь, исполненный бесконечного терпения; его массивная, неуклюжая фигура становилась все меньше и меньше и наконец совсем растворилась в сумраке.

Аргавен протянул Послу обе руки — так в Кархайде приветствуют близкого друга и равного. Слова же, вырвавшиеся у короля, Акста просто поразили: то была отнюдь не череда пышных и вежливых приветствий, как ожидал Посол, но яростный вопль измученной души:

— Ну наконец-то!

— Я выехал немедленно, едва получив ваше письмо, государь. Дороги в Восточном Оргорейне и на Западном Переvale все еще покрыты льдом, так что добраться сюда оказалось довольно-таки непросто. Но я рад, что приехал к вам. Приятно хотя бы на время покинуть Оргорейн. — И Акст улыбнулся: они с королем Аргавеном понимали друг друга с полуслова и любили откровенность. Теперь Посол надеялся получить разъяснения относительно столь странного приветствия, вырвавшегося у короля, с некоторым нетерпением

наблюдая за сменой выражений на его подвижном красивом лице.

— Фанатики плодятся в Оргорейне, как черви — на трупе. Так говоривал один из моих предков. Мне приятно, что вы находите воздух Кархайда более чистым и здоровым для вас. Пройдемте сюда, господин Посол. Герер уже рассказал вам, что меня похитили и так далее?.. Да. Все верно. Причем действовали по правилам, вполне благопристойно. Если бы похитители принадлежали к одной из тех группировок, которые опасаются порабощения Гетен вашей Экуменой, они вполне могли бы древние правила и нарушить; по моему, это был кто-то из старинных кланов Кархайда: они все еще надеются с моей помощью вернуть былое могущество и власть. Однако это лишь догадки. Странно: ведь я наверняка видел их много раз совсем рядом, но вспомнить никого не могу; кто знает, может быть, те же самые люди каждый день встречаются со мной здесь? Впрочем, довольно. Все эти рассуждения так или иначе бессмысленны. Свои следы они замели прекрасно. Но в одном я абсолютно уверен: не они внущили мне, что я должен отречься от престола.

Король и Посол неторопливо шли по огромному залу, постепенно приближаясь к возвышению, где стоял трон и несколько массивных кресел. Из узких окон, большие похожих на бойницы, как и везде на этой холодной планете, падали на пол, выложенный красной плиткой, желто-красные полосы солнечного света; от этих бесконечных ярких полос, наискосок пересекающих полутемный зал, у Акста зарябило в глазах. Он посмотрел на лицо юного короля, по которому тоже пробегали полосы света, и спросил:

— Кто же тогда внушил вам это?

— Я. Сам.

— Но когда, Ваше Величество, и зачем?

— Когда они схватили меня, когда пытались превратить меня в орудие для осуществления собственных планов, заставить меня служить им. Послушайте, господин Акст, если бы им было нужно, чтобы я умер, они, безусловно, убили бы меня. Нет, они хотели, чтобы я остался жив, чтобы продолжал править страной, чтобы оставался королем! И, будучи королем, следовал бы их приказам, навсегда запечатленным в моем мозгу. Чтобы именно я выиграл для них сражение за власть. Я стал бы их главным оружием, послушным автоматом, который только и ждет, чтобы его включили... Единственный способ бороться с этим — вывести механизм из строя!

Акст понял его сразу: он уже имел достаточный опыт об-

шения с кархайдцами, ведь он начинал в качестве Мобиля, так что ему хорошо была известна хитроумная манера изъясняться, принятая в этой стране: бесконечный подтекст и паутина словесных экивоков. Хотя планета Зима несколько отличалась от иных планет Вселенной как по скорости социальных перемен, так и в плане физиологических особенностей своих обитателей, все же основная, доминирующая ее нация — а ею, безусловно, оказались кархайдцы — не раз доказывала свою верность союзу с Экуменой. Отчеты Акста обсуждались на заседаниях Совета Экумены — за восемьдесят световых лет отсюда, — и вывод всегда был один: равновесие целого зависит от сбалансированности всех его частей.

Когда они уселись у камина на огромные, с прямыми массивными спинками кресла, Акст сказал:

— Но ведь им даже не потребуется нажимать на выключатель, если вы сами отречетесь от трона...

— И оставлю своего сына в качестве наследника? По своему усмотрению выбрав Регента?

— Может быть, и так, — осторожно промолвил Акст, — а может, они выберут Регента сами.

Король окаменел.

— Надеюсь, что этого не произойдет, — напряженно проговорил он.

— А кого вы сами хотели бы видеть в этой роли?

Наступило длительное молчание. Акст видел, как судорожно дергается горло Аргавена, словно он пытается вытолкнуть наружу некое имя или слово, преодолеть искусственно созданный барьер, тяжкое удущье; потом сдавленным шепотом, с трудом он все-таки выговорил:

— Герера.

Акст, несколько удивленный, кивнул. Герер уже был Регентом в течение года после смерти Эмрана — до того, как Аргавен сам взошел на престол; он знал, насколько старый Советник честен и сколь искренне предан молодому королю.

— Да, Ваше Величество, Герер не состоит ни в одной партии и никому, кроме вас, не служит! — сказал он.

Аргавен наклонил голову. Вид у него был измученный. Помолчав, он спросил:

— Может ли ваша наука избавить меня от последствий того, что со мной сделали, господин Акст?

— Возможно. Этим, по-моему, занимаются в специальном институте на планете Оллюль. Но даже если я сегодня же вечером пошлю за нужным специалистом, он прибудет

сюда лишь через двадцать четыре года. Вы уверены, что ваше намерение отречься не было... — Но тут из боковой двери у них за спиной появился слуга и поставил возле кресла Посла маленький столик с фруктами, ломтиками хлебного яблока и огромной серебряной кружкой горячего пива. Аргавен, видно, догадался, что гость его не завтракал. Хотя пища была вегетарианская, что не очень соответствовало вкусам Акста, он тем не менее с благодарностью и аппетитом принял за еду; а поскольку за едой о серьезных вещах говорить не принято, Аргавен задал самый общий вопрос:

— Как-то вы обмолвились, господин Акст, что, несмотря на все различия наших народов, они все же некоторым образом родственники. Что вы имели в виду? Психологию или анатомию?

Акст рассмеялся — сама постановка вопроса была типично кархайдской.

— И то и другое, Ваше Величество. Все гуманоиды Вселенной, известные нам, — даже в самом отдаленном ее уголке — так или иначе люди. Однако родство наше корнями уходит в немыслимую даль времен. Ему более миллиона лет. Еще в доисторический для многих народов период древнейшие жители планеты Хайн расселились по крайней мере на сотни планет...

— Мы называем «доисторическими» те времена, когда династия Харге еще не правила Кархайдом. А ее представители взошли на престол семьсот лет назад!

— Ну так и для нас тоже Эра Космических Войн, например, — далекое прошлое, хотя она закончилась менее шести веков назад. Время, как известно, способно растягиваться и сжиматься, претерпевать любые изменения. С ним может происходить все, что угодно, кроме одного: оно не повторяется, не идет вспять.

— Значит, основная цель Экумены — восстановить подлинное древнее родство людей, их общность? Как бы сбратить всех сыновей Вселенной у одного Очага?

Акст кивнул, жуя кусочек хлебного яблока.

— Или по крайней мере сплести между обитателями различных миров прочные сети гармоничных отношений, — сказал он. — Жизнь интересна во всех своих проявлениях, включая маргинальные ее формы, но самое прекрасное — в ее немыслимом многообразии. Красота человеческой расы — именно в различиях отдельных ее представителей. Различ-

ные миры и различные формы жизни, различные способы мышления и различные формы тел — все вместе это составляет дивное и гармоничное единство.

— Однако гармония в отношениях никогда не бывает вечной, — задумчиво промолвил молодой король.

— Но она никогда и не была полной, — откликнулся Посол Экумены. — Самое главное — стремиться к достижению гармонии, стремиться к совершенству... — Он осушил серебряную кружку и промокнул губы тончайшей салфеткой из натурального волокна.

— Это составляло и мою цель, когда я еще был королем, — сказал Аргавен. — Но теперь все кончено...

— Однако, может быть...

— Нет, все кончено. И постарайтесь поверить мне. Я не отпущу вас, господин Акст, пока вы мне не поверите до конца. Мне очень нужна ваша помощь. Вы — тот самый ко-зырь, о котором игроки совсем позабыли! И вы должны помочь мне. Я не могу отречься от престола против воли Совета. Они не допустят моего отречения, заставят меня править страной — и, оставшись королем, я буду служить собственным врагам. Если мне не поможете вы, то остается только самоубийство. — Король говорил на удивление спокойно и разумно, но Акст прекрасно знал, что даже мысль о самоубийстве в Кархайде считается позорной. — Выбора у меня нет: то или другое, — повторил молодой король.

Посол поплотнее закутался в плащ: ему снова стало холодно. Ему было холодно здесь всегда — вот уже в течение семи лет.

— Ваше Величество, — сказал он, — я здесь чужой, у меня всего лишь горстка помощников и ансибль, маленькое коммуникационное устройство для связи с иными мирами. Я, разумеется, уполномочен представлять организацию в высшей степени могущественную, однако сам я в данном случае практически бессилен. Чем же мне помочь вам, Ваше Величество?

— У вас есть корабль. На острове Хорден.

— Ах, именно этого я и боялся! — вздохнул Посол. — Ваше Величество, это всего лишь автоматическая ракета. А до планеты Оллюль отсюда двадцать четыре световых года! Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что я смогу спастись, только покинув свое время — свой век, сделавший меня орудием зла.

— Но это не спасение! — неожиданно твердо сказал Акст. — Нет, Ваше Величество, простите меня, но это невозможно. Я не могу позволить...

Ледяной дождь со снегом стучал по черепице, вился ветер, завиваясь между шпилями дворца и горбатыми крышами. В верхней комнате башни было темно и тихо. Лишь у двери горел крохотный огонек. Спала, похрапывая, нянька; в колыбели, лежа на животе, мирно посапывал младенец. У колыбели стоял Аргавен. Он жадно оглядывал знакомую комнату, хотя и так помнил здесь каждую мелочь. Когда-то это была и его детская. Его первое собственное королевство. Сюда он принес и своего первенца и сидел с ним у камина, пока ребенок жадно сосал. Здесь он пел малышу песенки, которые Борхаб напевал когда-то ему самому. Здесь было средоточие его жизни, всего самого для него дорогого.

Нежно, осторожно Аргавен подсунул ладонь под теплую, чуть влажную пушистую головенку и надел ребенку на шею цепочку с массивным широким кольцом, на котором выгравирована была печать королевского рода Харге. Цепочка оказалась слишком длинной, и Аргавен завязал ее узлом, опасаясь, как бы она не удушила младенца, обвиввшись вокруг шейки. Устранив повод для пустячной тревоги, король как бы попытался отстранить страшные опасения, снедавшие его душу, и чувство чудовищной пустоты. Аргавен низко склонился к малышу, прильнув на мгновение щекой к его нежной щечке, и едва слышно прошептал:

— О Эмран, Эмран! Я вынужден покинуть тебя, я не могу взять тебя с собой. Но ты должен править вместо меня. Будь же добрым, Эмран; живи долго, правь справедливо, но только будь добрым, о Эмран...

Потом Аргавен выпрямился, резко повернулся и выбежал из детской, навсегда покинув свое волшебное счастливое королевство.

Он знал несколько потайных выходов из дворца и выбрал самый надежный. Оказавшись на улице, он в полном одиночестве побрел по ярко освещенным, залитым скользким ледяным месивом улицам Эренранга к Новому Порту.

Фотографии, соответствующей следующему периоду жизни короля Кархайда, не существует, ибо увидеть его в это время было невозможно: нет такого глаза, что способен наблюдать процесс, совершающийся практически со скоростью света. Это был даже и не король Аргавен и вообще не человек. Это было материальное тело в состоянии переброски на большое расстояние. Вряд ли можно назвать человеком набор биологических элементов, жизнедеятельность которых протекает в семьдесят тысяч раз медленнее, чем наша. Во время полета король был более чем одинок: он перевоплотился в некую безответную мысль, направленную в нику-

да — во всяком случае, значительно дальше, чем способны улетать наши мысли. И все же это настоящее путешествие, только со скоростью, почти равной скорости света. Аргавен как бы сам стал движением, быстрым, как мысль. Он будет в два раза старше, прибыв к месту назначения, а на вид не изменится вовсе, ибо в корабле пройдет всего лишь один день. Сгустком космической энергии прибудет он на клубок космической пыли, что носит название планеты Оллюль, четвертой планеты желтого солнца. И весь полет свершится в полнейшей тишине, пока с ревом и огненными сполохами, подобно падающему метеориту, — замечательное было бы зрелище для кархайдцев! — «умный» корабль не совершил посадку, весь объятым пламенем, точно в указанном месте, в том самом, откуда пятьдесят пять лет назад улетел в далкий космос. Вскоре, вновь ставший видимым, тонкий и стройный молодой король Кархайда неуверенной походкой выйдет из корабля и на мгновение застынет у двери, прикрыв глаза рукой от слепящего света странно жаркого солнца...

Разумеется, Акст с помощью ансибля предупредил о прибытии Аргавена еще двадцать четыре года — или семнадцать часов — назад, это уж как считать. Так что встречающие уже прибыли и готовы приветствовать юного короля. Даже самые простые люди не остаются в подобных случаях без внимания, ну а этот гетенианец как-никак все-таки настоящий король. Один из встречающих целый год тщательнейшим образом учил кархайдский язык, чтобы Аргавену было к кому обратиться. И тот сразу же спросил:

— Каковы вести из моей страны?

— Господин Акст, как и его преемник, присыпал отчеты весьма регулярно; там сообщалось обо всех произошедших событиях. Мы получили также множество личных посланий, адресованных вам; все материалы вы найдете у себя в резиденции, господин Харге. Если очень кратко, то регентство лорда Герера было вполне благополучным, хотя в первые два года вашего отсутствия и наблюдалась некоторая экономическая депрессия, за время которой, к сожалению, ваши арктические зоны обитания были практически оставлены людьми; однако в данный момент экономика Кархайда вполне стабилизировалась. Ваш наследник был коронован в возрасте восемнадцати лет и вот уже семь лет правит своей страной.

— О да... понятно, — сказал Аргавен, который только прошлой ночью последний раз поцеловал своего годовалого наследника.

— Когда вы сочтете возможным, господин Харге, специалисты нашего института в Белксите...

— Я полностью в вашем распоряжении, — сказал господин Харге.

Они проникали в его мозг нежно, осторожно, как бы едва приоткрывая перед собой двери. Для слишком крепких «замков» они использовали специальные деликатные инструменты и, отперев «дверь», как бы отходили в сторонку, позволяя Аргавену самому первым войти туда. За одной из «дверей» они обнаружили страшного человека в черном, который оказался вовсе не Герером; за другой — якобы сочувствующего королю Ребада, который вовсе ему не сочувствовал; вместе с королем они стояли на балконе дворца, вместе с ним карабкались по бесконечной лестнице егоочных кошмаров, попадая наконец в детскую комнату на последнем этаже башни; и наконец увидели, как тот, кто метил в правители королевства, тот в красно-белом одеянии, приблизился к королю и сообщил: «Ваше Величество, раскрыт заговор... готовилось покушение на вашу жизнь...» Тут господин Харге пронзительно закричал от мертвящего ужаса — и очнулся.

— Ну вот и хорошо! Здесь-то и была спрятана «кнопка». Та самая кнопка, нажав на которую можно вводить любую информацию и влиять на развитие вашей фобии. Искусственно созданная паранойя. Блестящая, надо сказать, работа! Вот выпейте-ка, господин Харге. Нет, это просто вода! Ведь вы могли бы стать на редкость неприятным и поразительно злобным правителем, у которого бы постоянно усиливалась боязнь всяких заговоров, диверсий и вместе с этим ненависть к собственному народу. Но это произошло бы, разумеется, не сразу и не через полмесяца — вот ведь что самое главное! Чтобы стать настоящим тираном, вам потребовалось бы как минимум несколько лет. Конечно, были запланированы и «помощники» на долгом пути: например, Ребад, который, точно червь в яблоко, проник в вашу душу, вкрадся в ваше доверие... Что ж, ладно! Теперь мне ясно, почему о Кархайде так много разговоров в Межгалактическом Управлении. Надеюсь, вы извините некоторую субъективность моей оценки, но подобное сочетание изощренности и упорства — явление крайне редкое... — И старый психотерапевт с густой белоснежной шевелюрой продолжал болтать, ожидая, пока его пациент окончательно не придет в себя.

— Значит, я все сделал правильно, — проговорил наконец господин Харге.

— Безусловно. Отречение, самоубийство или бегство — вот и все, что могли вы себе позволить в данной ситуации, действуя по собственной воле. Что касается самоубийства,

то они рассчитывали на гетенианское моральное вето; а что касается отречения от престола — на решение или, точнее, на запрет вашего Совета. Но, оказавшись во власти собственных амбиций, они позабыли о возможности самоотречения и бегства — оставил эту последнюю дверь незапертой. Этой дверью, правда, решился бы воспользоваться не всякий, а — простите мне чрезмерную выспренность слова — человек с возвышенной душой и сильной волей. Мне, безусловно, необходимо поглубже познакомиться с гетенианской методологией психоанализа — как вы ее называете, Ясновидение? Предвидение? Предчувствие? Всегда полагал, что все это — выдумки оккультистов, однако совершенно очевидно, что... Так, так, ну а теперь, по-моему, вам следует нанести визит в Межгалактическое Управление, чтобы определиться с вашим будущим, поскольку с вашим прошлым мы уже разобрались, поместив его туда, где ему и полагается быть. А как вы считаете?

— Я весь в вашем распоряжении, — ответил господин Харге.

В Межгалактическом Управлении он разговаривал со многими людьми, прежде всего из Отдела Западных Миров, и когда ему предложили пойти учиться, он с радостью согласился. Ибо среди этих мягкосердечных людей, поразительным образом сочетающих спокойную, холодноватую и глубокую печаль с буйными и искренними взрывами веселья, бывший король Кархайда чувствовал себя чуть ли не варварам, во всяком случае — необразованным, неотесанным и глуповатым.

Он поступил в экуменическую Высшую Школу. Жил в общежитии возле Межгалактического Управления вместе с двумя сотнями других инопланетян, ни один из которых не был андрогином, как, впрочем, и бывшим королем. С детства привыкнув обходиться минимумом личных вещей и практически не имея возможности уединиться в своем огромном дворце, Аргавен легко приспособился к жизни в общежитии; и это оказалось не так уж плохо — жить среди однополых людей. Во всяком случае, не настолько затруднительно, как ему казалось раньше, хотя порой их постоянное пребывание в кеммере порядком утомляло его. Впрочем, даже это раздражало не слишком; он с большой охотой, даже с восторгом предавался ежедневным многочасовым занятиям, относясь к делу в высшей степени добросовестно, хотя порой и казался немного рассеянным, что случается с теми людьми, кто душой и сердцем пребывает совсем не там, где находится физически. Единственным почти непереносимым неудобст-

вом была жара, ужасный жаркий климат планеты Оллюль, где температура порой поднималась до 35° С и за бесконечно долгие, кошмарные двести дней не выпадало ни единой снежинки. Даже когда наступала наконец зима, он все время потел: на улице редко было ниже —10° С, а в общежитии то-тили так, что можно было свариться. Во всяком случае, от жары он страдал ужасно, хотя другие инопланетяне вечно мерзли и носили толстенные свитеры. Аргавен спал поверх одеяла абсолютно голым, тревожно метался во сне, и снились ему снега Каргава, льды Старого Порта, мерещился легкий звон, с которым за завтраком разбивают покрывшую пиво ледяную корку, если во дворце достаточно прохладно. Холода, милые сердцу трескучие морозы родной планеты снились ему.

Он многому научился. Узнал, что его Гетен здесь называется Зима, узнал местное название планеты Оллюль; благодаря подобной информации Вселенная выворачивалась наизнанку, словно чулок. Он убедился, что изобилие мясных продуктов с непривычки вызывает расстройство желудка. Понял, что однополые люди, которых он лишь ценой невероятных усилий перестал воспринимать как извращенцев, тоже с большим трудом отказались от мысли о том, что он гермафродит. Он привык, что слово «Оллюль», звучащее в его произношении как «Оррюрь», непременно вызывает чей-то смех. А еще он попытался забыть, что является королем огромной страны. Заботами своих наставников Аргавен, бывший король Кархайда, многое познал и от многого сумел отвыкнуть или отказаться. Сделать это ему помогли не только бесчисленные «умные» машины и неохватный опыт Экумены, но и самое простое, хотя и самое доходчивое: живые люди, их слова и поступки. Именно это прежде всего и позволило ему хоть бы отчасти понять природу и историю такого «королевства», которому более миллиона лет и в котором — от границы до границы — миллиарды и миллиарды километров. Когда он начал наконец осознавать, догадываться, сколь бесконечно это Царство Людей, сколь длинна и порой мучительна его поразительная история, ему стала понятнее и та роль, которую Экумена играет во времени и в пространстве. Он словно увидел, как среди голых скал, под чужими солнцами, в беспредельной, сияющей звездами пустыне космоса зарождаются источники жизни, радости, искренних чувств — неиссякаемые живительные родники.

Он постиг многие науки — математику, мифологию, социологию — и понял: за пределами знаний лежат бескрайние просторы Неведомого, удивительный и бесконечный

мир. Прежде всего именно это обретенное на планете Оллюль знание и принесло Аргавену глубочайшее удовлетворение. Но в целом он себя удовлетворенным не чувствовал. Ему, например, не позволяли углубляться в некоторые интересующие его науки — в экуменическую математику или физику. «Вы слишком поздно начали, господин Харге, — говорили ему. — Вам придется все начинать с азов. К тому же вам бы лучше заняться теми дисциплинами, которые были бы полезны у вас на родине».

— Кому я могу быть там полезен? — спросил он как-то у господина Гиста, Мобиля и этнографа, с которым они сидели вместе в библиотеке.

Гист, как и все остальные, посмотрел на него чуть насмешливо.

— Вы что же, полагаете, что больше не сможете принести пользу, господин Харге?

Господин Харге, обычно отличавшийся поразительной сдержанностью, ответил неожиданно страстно:

— Да, я так считаю!

— Что ж, король без королевства, добровольно отправившийся в изгнание, человек, которого на родной земле давным-давно похоронили... — Гист говорил каким-то бесцветным голосом, — да, вы, вероятно, должны ощущать некую неприкаянность, ненужность... Но скажите на милость, зачем же мы тогда столько с вами возились?

— Вы просто добры...

— Ах, добры!.. Как бы мы ни были добры, мы не можем дать вам настоящего счастья! Разве что... Впрочем, довольно. Глупо допускать новые бессмысленные траты. Вы были, бесспорно, наилучшим королем для планеты Зима, для государства Кархайд, для тех целей, которые преследует Экумена. У вас врожденное чувство равновесия. Вы, вполне возможно, даже смогли бы объединить государства планеты. И, безусловно, не стали бы насаждать террор, как, насколько мне известно, поступает ваш нынешний король. Ах, какая это потеря для Гетен! Хотя бы из-за крушения тех надежд, которые питала вся Экумена, господин Харге. Не говоря уж о том, что ваши собственные задатки так и не были до конца реализованы... Немудрено, что вы впали в отчаяние... Впрочем, вам еще предстоит лет сорок или пятьдесят весьма полезной жизни...

И наконец, последний кадр: под залитыми чужим жарким солнцем небесами, в хайнского покроя сером плаще, красивый стройный человек неопределенного пола стоит, утирая пот, посреди зеленой лужайки рядом с главным Ст-

билим Западных Миров, господином Хоалансом с планеты Альба, в руках которого, по сути дела, судьбы сорока миров.

— Я не могу приказать вам лететь туда, Аргавен, — говорит Стабиль Хоаланс. — Ваша собственная совесть...

— У меня хватило совести предать свою страну, так что двенадцать лет назад совесть моя свое уже получила. Хватит, — отвечает Аргавен Харге. Потом неожиданно смеется, да так весело, что и Стабиль тоже начинает смеяться; они прощаются так тепло и ощущая такую душевную близость, о какой прежде Правители Экумены могли только мечтать.

Остров Хорден, что близ южного побережья Кархайда, был передан в собственность Экумене еще во времена правления Аргавена XV. Остров необитаем. Но каждый год там на голых скалах устраивают колонии морские яйцекладущие — высиживают яйца, воспитывают молодняк и уходят длинными вереницами обратно в море. Но раз в десять-двадцать лет по скалам острова вдруг проходит страшный пожар, море вскипает близ его берегов, и все животные, которых в этот миг угораздило оказаться там, гибнут.

В один из таких дней, когда море перестало кипеть, к приземлившемуся космическому кораблю подплыл катер. С ракеты тут же был спущен трап, и два человека двинулись по нему навстречу друг другу; они встретились где-то на середине — как бы между морем и сушей, — что придавало этой встрече некий тайный смысл.

— Посол Хоррсед? Я — Харге, — представился тот, что только что покинул звездолет.

Встречавший его человек почтительно преклонил колени и громко сказал по-кархайдски:

— Добро пожаловать, Аргавен, подлинный король Кархайда!

Поднимаясь с колен, Хоррсед поспешно прошептал:

— Ваше Величество, вы действительно прибыли как подлинный король... Объясню все позже, при первой же возможности...

За спиной Посла, на палубе катера, виднелись люди; все они очень внимательно разглядывали Аргавена. То были, безусловно, кархайдцы, и некоторые из них были очень стары.

Аргавен Харге несколько минут стоял прямо и совершен-но неподвижно, серый его плащ развевался на холодном морском ветру. Потом он глянул на бледное закатное солнце, на мрачный скалистый берег, на терпеливо молчавших людей внизу и вдруг бросился к ним так поспешно, что

Посол Хоррсед отшатнулся и прижался к перилам. Король подошел к одному из стариков на палубе катера.

— Ты Кер рем ир Керхедер?

— Да.

— Я узнал тебя по высохшей руке, Кер! — Король говорил громко и спокойно; лицо его оставалось невозмутимым. — Однако по лицу я был сейчас тебя не узнал — прошло все-таки шестьдесят лет... А есть ли здесь кто-то еще, кого я, Аргавен, знал раньше?

Люди молчали. Они по-прежнему не сводили с короля глаз.

Вдруг один старичок, весь скрюченный и почерневший от времени, как головешка, вышел вперед.

— Мой государь, я Баннитх, дворцовый стражник. Я прислуживал вам за столом, когда вы были ребенком, совсем малышом. — И седая голова старика горестно склонилась — похоже, он пытался скрыть слезы. Потом вперед вышел еще один, и еще... Головы, что склонялись перед королем, были убелены сединами либо совсем лишены волос; старческие голоса, приветствовавшие его, дрожали. Один из них, Кер с отсохшей рукой, которого Аргавен знал еще совсем юным застенчивым пажом, вдруг яростно обернулся к тем, кто стоял позади.

— Это наш король! — выкрикнул он. — Глаза мои помнят его точно таким же, как сейчас. Это наш король!

Аргавен посмотрел на молчавших людей, переводя взгляд с одного лица на другое, со склоненной головы на гордо поднятую.

— Да, я Аргавен, — сказал он. — Я был королем Кархайда. А кто правит страной теперь?

— Эмран, — ответил кто-то.

— Мой сын Эмран?

— Да, Ваше Величество, — подтвердил старый Баннитх.

Лица большей части присутствующих остались бесстрастными, но Кер яростно, дрожащим голосом сказал:

— Аргавен! Только Аргавен — настоящий правитель Кархайда! Я все-таки дожил до светлых дней его возвращения! Да здравствует наш король!

И один из молодых кархайдцев, посмотрев на остальных, решительно произнес:

— Да будет так. Да здравствует король Аргавен! — И все головы склонились перед прибывшим.

Аргавен со спокойным достоинством ответил на их приветствия, но при первой же возможности обратился к Послу Хоррседу с расспросами:

— Что все это значит? Что произошло? И почему меня ввели в заблуждение? Мне сказали, что здесь я буду вашим помощником от Экумены...

— Вам сказали это двадцать четыре года назад, — ответил Посол извиняющимся тоном. — А я здесь только пять лет, Ваше Величество. Дела в Кархайде идут отвратительно. В прошлом году король Эмран разорвал отношения с Экуменой. И мне действительно не совсем ясно, с какой, собственно, целью Стабиль послал вас сюда, каковы тогда были его намерения. В настоящее же время мы планету Зима явно теряем. Так что хайнцы посоветовали мне выдвинуть нового претендента на королевский трон — вас.

— Но ведь я же *мертв*, — с ужасом сказал Аргавен. — Для Кархайда я умер шестьдесят лет назад!

— Король умер, — сказал Хоррсед. — Да здравствует король!

Тут их снова окружили кархайдцы, Аргавен отвернулся от Посла и прошелся по палубе. Серые волны вскипали за бортом. Сейчас берег континента — серые скалы, покрытые пятнами снега, — находился по левому борту. Было холодно: начиналась настоящая гетенианская зима. Мотор катера мягко урчал. Уже давно не слышал Аргавен знакомого урчания электрического двигателя — единственного из двигателей, который предпочла медлительная и спокойная Техническая Революция в Кархайде. Звук этот был ему необычайно приятен.

Вдруг, не оборачиваясь, как это свойственно тем, кто с детства привык непременно получать ответ на свои вопросы, Аргавен спросил:

— Почему мы плывем на восток?

— Мы направляемся в Керм, Ваше Величество.

— Почему в Керм?

То был один из самых молодых кархайдцев; он сделал шаг вперед и отвечал ему с почтительным поклоном:

— Потому что земля Керм восстала... восстала против ва... против короля Эмрана. Я сам родом из Керма; мое имя Перретх нер Соде.

— А Эмран сейчас в Эренранге?

— Эренранг захвачен Оргорейном шесть лет назад. Король Эмран сейчас в новой столице, восточнее Каргава... точнее, в старой столице: в Рире.

— Так Эмран потерял Западный Перевал? — спросил Аргавен, глядя в лицо молодому кархайдцу. — Потерял Западный Перевал? Отдал Эренранг?

Перретх даже чуть отступил назад, однако отвечал решительно и спокойно:

— Да. Мы вот уже шесть лет скрываемся за горами.

— Значит, теперь в Эренранге правит Оргота?

— Король Эмран пять лет назад подписал с Оргорейном договор, уступая ему Западные Земли.

— Позорный договор, Ваше Величество! — вмешался в разговор старый Кер, голос его дрожал от ярости. — Договор, подписанный глупцом! Эмран пляшет под музыку барабанов Орготы. Все мы здесь — восставшие, изгнанники. Господин Посол — тоже. Он тоже скрывается!

— Западный Перевал! — повторил Аргавен. — Аргавен I присоединил Западный Перевал к Кархайду семьсот лет назад... — Взгляд короля странно блуждал. — Эмран... — начал было он, но запнулся. — Сколь велики силы тех, кто собрался в Керме? Являются ли жители побережья вашими союзниками?

— Да, большая часть Очагов юга и востока страны солидарна с нами.

Аргавен немного помолчал.

— Был ли у Эмрана наследник?

— Нет, сам он никогда не производил на свет дитя, однако был отцом шестерых, государь мой, — ответил Баннитх.

— Своим наследником он назначил Гирври Харге рем ир Орека, — сказал Перретх.

— Гирври? Что это за имя такое? Короли Кархайда носят только два имени: Эмран и Аргавен, — сказал Аргавен.

И вот наконец довольно темный кадр; изображение на нем как бы выхвачено из тьмы светом камина. Электростанции Рира разрушены, провода обрезаны, полгорода охвачено пожарами. Тяжелые снежные хлопья медленно кружатся в воздухе и падают на горящие руины зданий, лишь мгновение отсвечивая красным — пока не растают с легким шипением, так и не долетев до Земли.

Снега, льды и армия повстанцев остановили Орготу у залива, близ восточных отрогов массива Каргав. Никакой помощи король Эмран так и не получил, когда его собственное королевство восстало против него. Стража его бежала, столица объята пламенем, ему пришлось лицом к лицу столкнуться с противником. И на пороге смерти в короле проснулось нечто вроде беспечной гордости, свойственной его роду. Так что он не обращает на повстанцев ни малейшего внимания. Невидящими глазами смотрит он на них, лежа в тронном зале, освещаемом лишь сполохами далеких пожаров, отражающихся в зеркалах. Винтовка, из которой король

выстрелил в себя, лежит рядом с его холодной безвольной рукой.

Перешагнув через распростертое тело, Аргавен берет эту руку в свои и начинает снимать с пальца массивное, резное, золотое кольцо; распухшие от старости суставы Эмрана мешают ему сделать это, и он оставляет кольцо на пальце мертвеца.

— Сохрани его, — шепчет он, — сохрани.

На мгновение склоняется он совсем низко и то ли шепчет что-то в мертвое ухо, то ли прижимается щекой к холодному морщинистому лицу покойного. Потом выпрямляется, еще некоторое время молча стоит над телом и поспешно удаляется по темным коридорам. Пора привести свой дом в порядок, решает Аргавен, король планеты Зима.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Рассказ «Король планеты Зима» (1969) был написан за год до начала основной работы над романом «Левая рука Тьмы». Писательница еще только выдумывала мир этой необычной планеты, так что, по ее собственному признанию, «даже не сразу поняла, что ее жители — андрогины». Поэтому в рассказе смысл отношений «родитель — дитя» подчас остается непроясненным. «Мужские» слова — король, князь, лорд и т.п. — используются автором сознательно, чтобы подчеркнуть двусмысленность биopsихологических характеристик гетенианцев. Рассказ сразу вызвал ожесточеннейшие споры между феминистками и их противниками.

По отношению к событиям, описываемым в романе, действие в «Короле...» отнесено как бы века на два вперед, однако гетениансское общество развивается совсем не в том направлении, как то ожидалось в «Левой руке Тьмы». Между Кархайдом и Оргорейном в рассказе идет настоящая война (в романе гетенианцы о ней и не помышляли, даже слова этого в их языках не было). Король Кархайда, в отличие от своих многочисленных предшественников, абсолютно нормален; в связи с этим затрагивается даже столь серьезная тема, как роль личности в истории целой планеты. Правда, связь Кархайда и Экумены стала весьма прочной, как это и ожидалось в романе.

Рассказ «Король планеты Зима», тематически хотя и связанный с романом, не следует все же считать его продолжением; скорее это иллюстрация к теме «Планета Гетен и ее обитатели», а кроме того, возможность убедиться, сколь глубоки разработки этой темы у Ле Гуин.

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Внутри она была живой, а снаружи мертвой, ее черное лицо было покрыто густой сетью морщин, шрамов и трещин. Она была лысой и слепой. Судороги, искажавшие лицо Либры, были лишь слабым отражением порока, бушевавшего внутри. Там, в черных коридорах и залах, веками бурлила жизнь, порождая кошмарные химические соединения.

— У этой чертовой планеты нелады с желудком, — проговорчал Пью, когда купол пошатнулся и в километре к юго-западу прорвался пузырь, разбрызгав серебряный гной по закатному небу. Солнце садилось уже второй день. — Хотел бы я увидеть человеческое лицо.

— Спасибо, — сказал Мартин.

— Конечно, твое лицо — человеческое, — ответил Пью. — Но я так долго на него смотрю, что перестал замечать.

В коммуникаторе, на котором работал Мартин, раздались неясные сигналы, заглохли и затем уже возникло лицо и голос. Лицо заполнило экран — нос ассирийского царя, глаза самурая, бронзовая кожа и стальные глаза. Лицо было молодым и величественным.

— Неужели так выглядят человеческие существа? — удивился Пью. — А я и забыл.

— Заткнись, Оуэн. Мы выходим на связь.

— Исследовательская база Либра, вас вызывает корабль «Пассерина».

— Я Либра. Настройка по лучу. Опускайтесь.

— Отделение от корабля через семь земных секунд. Ждите.

Экран погас, и по нему побежали искры.

— Неужели они все так выглядят? Мартин, мы с тобой куда уродливее, чем я думал.

— Заткнись, Оуэн.

В течение двадцати двух минут Мартин следил за спускающейся капсулой по приборам, а затем они увидели ее сквозь крышу купола — падающую звездочку на кроваво-красном небосклоне. Она опустилась тихо и спокойно — в разреженной атмосфере Либры звуки были почти не слышны. Пью и Мартин защелкнули шлемы скафандров, закрыли люки купола и громадными прыжками, словно артисты балета, помчались к капсуле. Три контейнера с оборудованием снизились с интервалом в четыре минуты в сотне метров друг от друга.

— Выходите, — сказал по радио Мартин, — мы ждем у дверей.

— Выходите, здесь чудесно пахнет метаном, — сказал Пью.

Люк открылся. Молодой человек, которого они видели на экране, по-спортивному выпрыгнул наружу и опустился на зыбкую пыль и гравий Либры. Мартин пожал ему руку, но Пью не спускал глаз с люка, в котором появился другой молодой человек, таким же прыжком опустившийся на Землю, затем девушка, спрыгнувшая точно так же. Все они были высоки, черноволосы, с такой же бронзовой кожей и носами с горбинкой. Все на одно лицо. Четвертый выпрыгнул из люка...

— Мартин, старик, — сказал Пью, — к нам прибыл клон.

— Правильно, — ответил один из них. — Мы — десяти-клон. По имени Джон Чоу. Вы лейтенант Мартин?

— Я Оуэн Пью.

— Альваро Гильен Мартин, — представился Мартин, слегка поклонившись.

Еще одна девушка вышла из капсулы. Она была так же прекрасна, как остальные. Мартин смотрел на нее, и глаза у него были, как у перепуганного коня. Он был потрясен.

— Спокойно, — сказал Пью на аргентинском диалекте. — Это всего-навсего близнецы...

Он стоял рядом с Мартином. Он был доволен собой.

Нелегко встретиться с незнакомцем. Даже самый уверенный в себе человек, встречая самого робкого незнакомца, ощущает известные опасения, хотя он сам об этом может и не подозревать. Оставит ли он меня в дураках? Поколеблет мое мнение о самом себе? Вторгнется в мою жизнь? Разрушит меня? Изменит меня? Будет ли он поступать иначе, чем я? Да, конечно. В этом весь ужас: в незнании незнакомца.

После двух лет, проведенных на мертвой планете, причем последние полгода только вдвоем — ты и другой, — после всего этого еще труднее встретить незнакомца, как бы долгожданен он ни был. Ты отвык от разнообразия, потерял способность к контактам, и в сердце рождается первобытное беспокойство.

Клон, состоявший из пяти юношей и пяти девушек, за две минуты успел сделать то, на что обычновенным людям потребовалось бы двадцать: поздоровался с Мартином и Пью, окинул взглядом Либру, разгрузил капсулу, приготовился к переходу под купол. Они вошли в купол и наполнили его, словно рой золотых пчел. Они спокойно гудели и журчали, разгоняя тишину, заполняя пространство медово-коричневым потоком человеческого присутствия. Мартин растерянно глядел на длинноногих девушек, и те улыбались ему — сразу трое. Их улыбки были теплее, чем у юношей, но не менее уверенные.

— Уверенные в себе, — прошептал Оуэн Пью своему другу. — Вот в чем дело. Подумай о том, каково это — десять раз быть самим собой. Девять раз повторяется каждое твое движение, девять «да» подтверждают каждое твое согласие. Это великолепно!

Но Мартин уже спал. И все Джоны Чоу заснули одновременно. Купол наполнился их тихим дыханием. Они были молоды, они не храпели. Мартин вздыхал и храпел, его обветренное лицо разгладилось в туманных сумерках Либры. Пью высветлил купол. Внутрь заглянули звезды, среди них Солнце — великое содружество света, клон сверкающих великолепий. Пью спал, и ему снилось, что одноглазый гигант гонится за ним по трясущимся холмам ада.

Лежа в спальном мешке, Пью следил за тем, как просыпается клон. Они проснулись в течение минуты, за исключением одной пары, — юноши и девушки, которые спали обнявшись в одном мешке. Увидев это, Пью вздрогнул. Один из проснувшихся толкнул парочку. Они проснулись, и девушка села, сонная, раскрасневшаяся. Одна из сестер что-то шепнула ей на ухо, девушка бросила на Пью быстрый взгляд и исчезла в спальном мешке. Раздался смешок. Еще кто-то буквально просверлил капитана взглядом, и откуда-то донеслось:

— Господи, мы же привыкли так. Надеюсь, вы не возражаете, капитан Пью?

— Разумеется, — ответил Пью не совсем искренне.

Ему пришлось встать, он был в трусах и чувствовал себя оциппанным петухом — весь покрылся гусиной кожей. Никогда он еще так не завидовал загорелому крепкому Мартину.

За завтраком один из Джонов сказал:

— Итак, если вы проинструктируете нас, капитан Пью...

— Зовите меня Оуэном.

— Тогда мы, Оуэн, сможем выработать программу. Что нового на шахте со времени вашего последнего доклада? Мы ознакомились с вашими сообщениями, когда «Пассерина» была на орбите вокруг пятой планеты.

Мартин молчал, хотя шахта была его открытием, его детищем, и все объяснения выпали на долю Пью. Говорить с клоном было трудно. На десяти одинаковых лицах отражался одинаковый интерес, десять голов одинаково склонялись набок. Они даже кивали одновременно.

На форменных комбинезонах. Службы исследования были вышиты их имена. Фамилия и первое имя у всех были общими — Джон Чоу, но вторые имена — разные. Юношей звали Алеф, Каф, Йод, Джимел и Самед. Девушек — Садэ,

Далет, Зайн, Бет и Реш. Пью пытались обращаться к ним по этим именам, но тут же от этого отказывался: порой он даже не мог различить, кто из них говорит, так одинаковы были их голоса.

Мартин намазал гренок маслом, откусил кусок и наконец вмешался в разговор:

— Вы представляете собой команду, не так ли?

— Правильно, — ответили два Джона сразу.

— И какую команду! А я сначала даже не понял. Насколько же вы можете читать мысли друг друга?

— По правде говоря, мы совсем не умеем читать мыслей, — ответила девушка по имени Зайн. Остальные благожелательно наблюдали за ней. — Мы не знаем ни телепатии, ни чудес. Но наши мысли схожи. Мы одинаково подготовлены. Если перед нами поставить одинаковые задачи, вернее всего, мы одинаково к ним подойдем и одновременно их решим. Объяснить это просто, но обычно и не требуется объяснений. Мы редко не понимаем друг друга. И это помогает нам как команде.

— Еще бы, — сказал Мартин. — За последние полгода мы с Пью семь часов из десяти тратим на взаимное непонимание. Как и большинство людей. А в критических обстоятельствах вы можете действовать как нормаль... как команда, состоящая из отдельных людей?

— Статистика свидетельствует об обратном, — с готовностью ответила Зайн.

«Клоны, должно быть, обучены, как находить лучшие ответы на вопросы, как рассуждать толково и убедительно», — подумал Пью. — Все, что они говорили, несло на себе печать некоторой искусственности, высокопарности, словно ответы были заранее подготовлены для публики».

— У нас не бывает вспышек озарения, как у одиночек, мы как команда не извлекаем выгоды при обмене идеями. Но этот недостаток компенсируется другим: клонсы создаются из лучшего человеческого материала, от индивидуумов с максимальным коэффициентом интеллектуальности, стабильной генетической структурой и так далее. Мы располагаем большими ресурсами, чем обычные индивидуумы.

— И все это надо умножить на десять. А кто такой, точнее, кем был Джон Чоу?

— Наверняка гений, — вежливо сказал Пью. Клонсы интересовали его явно меньше, чем Мартина.

— Он был многогранен, как Леонардо, — сказал Йод. — Биоматематик, а также виолончелист и подводный охотник,

он интересовался структурными проблемами и так далее. Он умер раньше, чем успел разработать свои основные теории.

— И теперь каждый из вас представляет собой какой-нибудь один аспект его разума, его таланта?

— Нет, — ответила Зайн, покачав головой одновременно с несколькими братьями и сестрами. У всех у нас схожие мысли и устремления, мы все инженеры Службы планетных исследований. Другой клон может быть подготовлен для того, чтобы освоить иные аспекты личности Чоу. Все зависит от обучения — генетическая субстанция идентична. Все мы — Джон Чоу. Но учат каждого из нас по-разному.

Мартин был потрясен.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три.

— Вы сказали, что он умер молодым, так половые клетки были взяты у него заранее или как?

Ответить взялся Джимел.

— Он погиб двадцати четырех лет в авиационной катастрофе. Мозг его спасти не удалось, так что пришлось взять внутренние клетки и подготовить их к клонированию. Половые клетки для клонирования не годятся — в них только половинный набор хромосом. Внутренние клетки могут быть обработаны таким образом, что становятся базой нового организма.

— И все вы — обломки одного кирпича, — громко заявил Мартин. — Но как же... некоторые из вас — женщины?

Теперь ответила Бет:

— Это несложно — запрограммировать половину массы клона для воспроизведения женского организма. Удалите из половины клеток мужские гены, и они вернутся к базисному состоянию, то есть к женскому началу. Труднее добиться обратного эффекта и создать искусственную хромосому. Так что клонирование происходит в основном от мужского донора, потому что клоны, состоящие из обоих полов, лучше функционируют.

— А что касается следующего поколения, — не сдавался Мартин, — я полагаю... вы размножаетесь?

— Мы, женщины, стерильны, — спокойно ответила Бет. — Как вы помните, из наших первоначальных клеток Y-хромосома удалена. Мужчины могут вступать в контакт с обычными женщинами, если, конечно, захотят. Но для того, чтобы снова создать Джона Чоу в нужном количестве копий и в нужное время, приходится брать клетку от клона — этого клона, нашего клона.

Мартин сдался. Он кивнул и дожевал остывший гренок.

— Ну что ж, — сказал один из Джонов. И тут же настроение клона изменилось, словно стая скворцов единым неуловимым взмахом крыльев изменила направление полета, следя за вожаком, которого человеческий глаз не в силах различить в этой стае. Они были готовы приняться за дело.

— Разрешите взглянуть на шахту? А потом мы разгрузим оборудование. Мы привезли любопытные новые машины. Вам, без сомнения, будет интересно на них взглянуть. Правда?

Если бы даже Пью с Мартином не согласились с предложением Джонов, признаться в этом было бы нелегко. Джоны были вскользь, но единодушны: то, что они решали, выполнялось. Пью, начальник базы Либра-2, почувствовал озноб. Сможет ли он командовать группой из десяти суперменов? И при этом гениев? Когда они выходили, Пью держался поближе к Мартину. Оба молчали.

Расположившись в трех больших флаерах — по четверо в каждом, — обитатели базы помчались к северу над серой под звездным светом, морщинистой кожей Либы.

— Пустынно, — сказал один из Джонов.

Во флаере Пью и Мартина сидели юноша и девушка. Пью подумал, не они ли спали прошлой ночью в одном мешке.

— Здесь пустынно, — сказал юноша.

— Мы первый раз в космосе, не считая практики на Луне, — голос девушки был выше и мягче.

— Как вы перенесли прыжок?

— Нам дали наркотик. А мне бы хотелось самому испытать, что это такое, — ответил юноша. Его голос дрогнул. Казалось, оставшись вдвоем, они обнаруживали большую индивидуальность. Неужели повторение индивидуума отрицает индивидуальность?

— Не расстраивайтесь, — сказал Мартин, управлявший вездеходом. — Вы все равно не ощущали бы вневременного перехода, там и ощущать-то нечего.

— Мне все равно хотелось бы попробовать, — ответил юноша, — тогда бы мы знали.

На востоке опухолями возникли горы Мерионета, на западе поднялся столб замерзающего газа, и флаер опустился на землю. Близнецы вздрогнули от толчка и протянули руки, словно стараясь предохранить друг друга.

«Твоя кожа — моя кожа, в буквальном смысле этого слова», — подумал Пью. — Какие чувства испытываешь, когда на свете есть кто-то, столь близкий тебе? Если ты спрашиваешь, тебе всегда ответят; если тебе больно, кто-то рядом разделит твою боль. Возлюби своего ближнего, как самого

себя... древняя неразрешимая проблема разрешена. Сосед твой — ты сам. Любовь достигла совершенства».

А вот и шахта, Адская Пасть.

Пью был космогеологом Службы, Мартин — техником и картографом при нем. Но, когда в ходе разведки Мартин обнаружил месторождение урана, Пью полностью признал его заслуги, а заодно возложил на него обязанности по разведке залежей и планированию работы для исследовательской команды. Этих ребят отправили с Земли задолго до того, как там был получен доклад Мартина, и они не подозревали, чем будут заниматься, пока не прилетели на Либру. Служба исследований попросту регулярно отправляла исследовательские команды, подобно одуванчику, разбрасывающему семена, зная наверняка, что им найдется работа если не на Либре, то на соседней планете или еще на какой-то, о которой они и не слышали. Правительству был слишком нужен уран, чтобы ждать, когда до Земли за несколько световых лет дойдут сообщения. Уран был, как золото, старомоден, но необходим, он стоил того, чтобы добывать его на других планетах и привозить домой. «Он стоит того, чтобы менять его на людские жизни», — невесело думал Пью, наблюдая за тем, как высокие юноши и девушки, облитые светом звезд, друг за другом входили в черную дыру, которую Мартин назвал Адской Пастью.

Когда они вошли в шахту, рефлекторы на их шлемах загорелись ярче. Двенадцать качающихся кругов света плыли по влажным моршинистым стенам. Пью слышал, как впереди потрескивал счетчик радиации Мартина.

— Здесь обрыв, — раздался голос Мартина по внутренней связи, заглушив треск и окружающую их мертвую тишину. — Мы прошли по боковому туннелю, впереди — вертикальный ход. — Черная пропасть простиралась в бесконечность, лучи фонарей не достигали противоположной стены. — Вулканическая деятельность прекратилась здесь примерно две тысячи лет назад. Ближайший сброс находится в двадцати восьми километрах к востоку, в траншее. Эта область сейсмически не более опасна, чем любая другая в нашем районе. Могучий слой базальта, перекрывающий субструктуру, стабилизирует ее, по крайней мере пока он сам стабилен. Ваша основная жила находится в тридцати шести метрах отсюда внизу и тянется через пять пустот к северо-востоку. Руда в жиле очень высокого качества. Надеюсь, вы знакомы с данными разведки? Добыча урана не представляет трудности. От вас требуется только одно — вытащить руду на поверхность.

— Поднимите крышу и выньте уран.

Смешок. Зазвучали голоса, но все они были одним голосом.

— Может, ее сразу вскрыть? Так безопаснее. Открытая разработка.

— Но это же сплошной базальт! Какой толщины? Десять метров?

— От трех до двадцати, если верить докладу.

— Используем этот туннель, расширим, выпрямим и уложим рельсы для роботачек.

— Ослов бы сюда завезти.

— А хватит ли у нас стоек?

— Мартин, каковы, по вашему мнению, запасы месторождения?

— Пожалуй, от пяти до восьми миллионов килограммов.

— Транспорт прибудет через десять земных месяцев.

— Будем грузить чистый уран.

— Нет, проблема транспортировки грузов теперь разрешена, ты забыл, что мы уже шестнадцать лет как улетели с Земли.

— В прошлый вторник исполнилось шестнадцать лет.

— Правильно, они погрузят руду и очистят ее на земной орбите.

— Мы спустимся ниже, Мартин?

— Спускайтесь. Я там уже был.

Первый из них — кажется, Алеф — скользнул по лестнице вниз. Остальные последовали за ним. Пью и Мартин остались на краю пропасти. Пью настроил радио на избирательную связь с Мартином и заметил, что Мартин сделал то же самое. Было чуть утомительно слушать, как один человек рассуждает вслух десятью голосами. А может, это был один голос, выражавший мысли десятерых?

— Ну и утроба, — сказал Пью, глядя в черную пропасть, чьи изрезанные жилами, морщинистые стены отражали лучи фонарей где-то далеко внизу. — Коровий желудок, набитый окаменевшим дермом.

Счетчик Мартина попискивал, как потерявшийся цыпленок. Они стояли на умиравшей планете-эпилептике, дыша кислородом из баллонов, одетые в нержавеющие, антирадиационные скафандры, способные выдержать перепады температур в двести градусов, неподвластные ударам и разрывам, созданные для того, чтобы любой ценой сберечь мягкую плоть, заключенную внутри.

— Хотел бы я когда-нибудь попасть на планету, где нечего было бы исследовать.

— А тебе такая досталась.

— Тогда в следующий раз лучше не выпускай меня из дома.

Пью был рад. Он надеялся, что Мартин согласится и дальше работать вместе с ним, но оба они не привыкли говорить о своих чувствах, и потому он не решался спросить об этом.

— Я постараюсь, — сказал он.

— Ненавижу это место. Ты знаешь, я люблю пещеры. Потому я сюда и залез. Страсть к спелеологии. Но эта пещера — сволочь. Серьезно. Здесь ни на секунду нельзя расслабиться. Хотя, надеюсь, эти ребята с ней справятся. Они свое дело знают.

— За ними будущее, каким бы оно ни было, — сказал Пью.

«Будущее» карабкалось по лестнице, увлекло Мартина к выходу из пещеры и засыпало его вопросами.

— У нас хватит материала для крепления?

— Если мы переоборудуем один из сервоэкстракторов, то да.

— Микровзрывов будет достаточно?

— Каф может рассчитать нагрузки.

Пью переключил рацию на прием их голосов. Он наблюдал за ними, смотрел на Мартина, молча стоявшего среди них, на Адскую Пасть и моршинистую равнину.

— Все в порядке? Мартин, ты согласен с предварительным планом?

— Это уж твое дело, — ответил Мартин.

За пять дней Джоны разгрузили и подготовили оборудование и начали работу в шахте. Они работали с максимальной производительностью. Пью был зачарован и даже напуган этой производительностью, их уверенностью и независимостью. Они в нем совершенно не нуждались. Клон и в самом деле можно считать первым полностью стабильным, самостоятельным человеческим Существом, думал он. Выросши, они уже не нуждаются ни в чьей помощи. Они будут сами себя удовлетворять и в физическом, и в интеллектуальном, и в эмоциональном отношении. Что бы ни делал член этой группы, он всегда будет пользоваться полной поддержкой и одобрением остальных близнецов. Никто больше им не нужен.

Двое из клона остались в куполе, занимаясь вычислениями и всякой писаниной, часто выбираясь на шахту для измерений и испытаний. Это были математики клона, Зайн и Каф. Как объяснила сама Зайн, все десятеро получили достаточно математическую подготовку в возрасте от трех до двадцати одного года. Но с двадцати одного до двадцати трех они с Кафом специализировались в математике, тогда как

другие занимались больше геологией, горным делом, электроникой, роботикой, прикладной атомикой и так далее.

— Мы с Кафом считаем, что мы в клоне ближе всего к отстоящему Джону Чоу, — сказала Зайнин. — Но, разумеется, в основном он был биоматематиком, а это уже не наша специальность.

— Мы нужнее здесь, — заявил Каф со свойственным ему самодовольствием.

Пью с Мартином вскоре научились отличать эту пару от других. Зайнин — по целостности характера, Кафа — лишь по обесцвеченному ногтю на безымянном пальце (Каф в шестилетнем возрасте попал себе по пальцу молотком). Без сомнения, существовали и другие различия, как физические, так и психологические. Природа может создавать идентичное, а воспитание внесет свои поправки. Но найти эти различия было нелегко. Сложность заключалась еще и в том, что клон никогда не разговаривал с Пью и Мартином всерьез. Они шутили с ними, были вежливы. Жаловаться было не на что: они были милы, но в поведении чувствовалось стандартизованное американское дружелюбие:

— Вы родом из Ирландии, Оуэн?

— Нет, я валлиец.

— Вы разговариваете с Мартином на валлийском языке?

«Вот это тебя не касается», — подумал Пью и ответил:

— Нет, это диалект Мартина. Аргентинский. Ведет происхождение от испанского языка.

— Вы изучили его для того, чтобы другие вас не понимали?

— От кого нам таиться? Просто человеку иногда приятно говорить на родном языке.

— Наш родной язык английский, — сказал Каф безучастно. Да и как он мог быть участливым? Человек проявляет участие к другим потому, что сам в нем нуждается.

— Уэллс — необычная страна? — спросила Зайнин.

— Уэллс? Да, Уэллс необычен. — Пью включил камнерез и таким образом избавился от дальнейших расспросов, заглушив их визгом пилы. И пока прибор визжал, Пью отвернулся от собеседников и выругался по-валлийски.

— Еще два месяца терпеть, — сказал Мартин как-то вечером.

— Два месяца до чего? — огрызнулся Пью. Последнее время он был раздражителен, и угрюмость Мартина действовала ему на нервы.

— До смены.

Через шестьдесят дней возвратится вся экспедиция с обследования других планет этой системы.

— Зачеркиваешь дни в своем календаре? — поддразнил он Мартина.

— Возьми себя в руки, Оуэн.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал.

Они расстались, недовольные друг другом.

Проведя день в Пампе, громадной лавовой долине, до которой было два часа лета на ракете, Пью вернулся домой. Он был утомлен, но освежен одиночеством. Одному было не положено пускаться в дальние поездки, но они часто делали это в последние времена. Мартин стоял, склонившись под яркой лампой, вычерчивая одну из своих элегантных, мастерски выполненных карт; на этой было изображено отвратительное лицо Либры. Кроме Мартина, дома не было никого, и купол казался огромным и туманным, как и до приезда клона.

— Где наша золотая орда?

Мартин, продолжая штриховать, буркнул, что не знает. Затем выпрямился и обернулся к солнцу, расположившемуся по восточной равнине, словно громадная красная жаба, и взглянул на часы, которые показывали 18:45.

— Сегодня порядочные землетрясения, — сказал он, вновь наклоняясь над картой. — Чувствовал? Ящики так и сыплются. Взгляни на сейсмограф.

На ролике дергалась и дрожала игла. Она никогда не прекращала здесь свой танец. Во второй половине дня на ленте было зарегистрировано пять крупных землетрясений. Два раза игла самописца вылезала за ленту. Спаренный с сейсмографом компьютер выдал карточку с надписью: «Эпицентр 61° норд — 4°4' ост».

— На этот раз не в траншее.

— Мне показалось, что оно отличается от обычных. Резче было.

— На первой базе я все夜里 не спал, чувствуя, как трястется земля. Удивительно, как ко всему привыкаешь.

— Рехнешься, если не привыкнешь. Что на обед?

— А я думал, ты его уже приготовил.

— Я жду клона.

Чувствуя, что проиграл, Пью достал дюжину обеденных пакетов, сунул два из них в автовар и вытащил вновь.

— Вот и обед.

— Я вот думаю, — сказал Мартин, подходя к столу. — А что, если какой-нибудь клон сам себя склонирует? Нелегально. Сделает тысячу дубликатов, десять тысяч, целую армию. Они смогут прескокойно захватить власть, разве не так?

— Но ты забыл, сколько миллионов стоило вырастить

этот клон? Искусственная плацента и так далее. Это нелегко сделать втайне, без собственной планеты... Когда-то давно, до создания Лиги, когда Земля была поделена между национальными правительствами, об этом был разговор: склонируйте своих лучших солдат, создайте целые полки-кллоны. Но безумие кончилось раньше, чем они смогли сыграть в эту игру.

Они разговаривали дружески, совсем как раньше.

— Странно, — жуя сказал Мартин. — Они же уехали рано утром.

— Да, все, кроме Кафа и Зайн. Они надеялись доставить на поверхность первую партию руды. Что случилось?

— Они не приехали на обед.

— Не беспокойся, с голоду не помрут.

— Они уехали в семь утра.

— Ну и что? — И тут Пью понял. Воздушные баллоны были рассчитаны на восемь часов.

— Каф и Зайн взяли с собой запасные баллоны.

— А может, у них есть запас в шахте?

— Был, но они привезли все баллоны сюда на заправку.

Мартин поднялся и показал на поленницу баллонов.

— В каждом скафандре есть сигнал тревоги.

— Сигналы неавтоматические.

Пью устал и хотел есть.

— Садись и поешь, старик. Они сами о себе позаботятся.

Мартин сел, но есть не стал.

— Первый толчок был очень сильным. Он меня даже испугал.

Пью помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Ну, хорошо.

Без всякого энтузиазма они влезли в двухместный флаер, который всегда был в их распоряжении, и направились на север. Долгий рассвет окутал планету ядовито-красным туманом. Низкий свет и тени мешали разглядывать дорогу, создавали миражи — железные стены, сквозь которые свободно проникал флаер, превратили долину за Адской Пастью в Низину, заполненную кровавой водой. У входа в туннель скопилось множество машин. Краны, сервороботы, кабели и колеса, автокопатели и подъемники причудливо выступали из тьмы, охваченные красным светом. Мартин соскочил с флаера и бросился в шахту. Тут Яке выбежал обратно и крикнул Пью:

— Боже, Оуэн, обвал!

Пью вбежал в туннель и метрах в пяти от входа увидел блестящую мокрую черную стену. Вход в туннель, увеличенный взрывами, казался таким же, как раньше, пока Пью не

заметил в стенах тысячи тонких трещинок. Пол был мокрым и скользким.

— Они были внутри, — сказал Мартин.

— Они и сейчас там. Но у них наверняка найдутся запасные баллоны.

— Да ты посмотри на базальтовый слой, на крышу, Оуэн. Разве ты не видишь, что натворило землетрясение?

Низкий горб породы, нависавший раньше над входом в шахту, провалился внутрь в огромную котловину. Пью увидел, что все эти породы испещрены множеством тонких трещин, из некоторых струился белый газ, он скапливался в образовавшейся котловине, и солнечный свет отражался от него, словно это было красноватое мутное озеро.

Мартин последовал за Пью и начал поиски, бродя среди поломанных машин и механизмов. Он обнаружил флаер, который врезался под углом в яму. Во флаере было два пассажира. Одного из них наполовину засыпало пылью, но приборы его скафандря указывали на то, что человек жив. Зайн висела на ремнях сиденья. Ноги ее были перебиты, скафандр разорван, тело замерзло и было твердым как камень. Вот и все, что им удалось найти. Согласно правилам и обычаям, они тут же кремировали мертвую лазерными пистолетами, которые носили с собой. Им никогда раньше не приходилось пускать их в ход. Пью, чувствуя, что его сейчас вырвет, втащил другое тело в двухместный флаер и отправил Мартина с ним в купол. Затем его вырвало, он вычистил скафандр и, обнаружив неповрежденным четырехместный флаер, последовал за Мартином, трясясь так, словно холод Либры пронизал его тело.

В живых остался Каф. Он был в глубоком шоке. На затылке у него обнаружили шишку, но кости были целы.

Пью принес две порции пищевого концентратса и по стакану аквавита.

— Давай, — сказал он.

Мартин послушно взял аквавит.

Каф лежал не двигаясь, лицо его в обрамлении черных волос казалось восковым, губы были приоткрыты, и из них вырывалось слабое дыхание.

— Это все первый толчок, самый сильный, — сказал Мартин. — Он сдвинул горные породы. Должно быть, там находились залежи газа, как в тех формациях в тридцать первом квадрате. Но ведь ничто не указывало...

И тут земля выскоцила у них из-под ног. Вещи вокруг запрыгали, загремели, затрещали, закричали: ха-ха-ха!

— В четырнадцать часов было то же самое, — неуверенно

произнес Мартин. Но когда тряска затихла и все предметы вокруг прекратили танец, Каф вскочил, в нем всколыхнулась тревога.

Пью перепрыгнул через камень и уложил Кафа на койку. Тот отбросил его. Мартин навалился ему на плечи. Каф кричал, боролся, задыхался, его лицо почернело.

Пальцы Пью сами инстинктивно отыскали нужный шприц; пока Мартин держал маску, он вонзил иглу в нервный узел, возвращая Кафа к жизни.

— Вот уж не думал, что ты это умеешь, — сказал Мартин, переводя дыхание.

— Мой отец был врачом. Но это средство не всегда помогает, — ответил Пью. — Жаль, что я не допил аквавит. Землетрясение кончилось? Что-то я не пойму.

— Не думай, что только тебя трясет. Толчки продолжаются.

— Почему он задыхался?

— Я не знаю, Оуэн. Загляни в книгу.

Каф стал дышать ровнее, и лицо его порозовело, только губы были все еще темными. Мартин с Оуэном наполнили бокалы бодрящим напитком и сели рядом, раскрыв медицинский справочник. Под рубриками «шок» или «ушиб» ничего не сказано о цианозе и удушье. Он не мог ничего наглоиться — ведь он в скафандре.

— Этот справочник нам так же полезен, как «Бабушкина книга о лекарственных травах»... Пью бросил книгу на ящик. Она недолетела, потому что либо Пью, либо ящик еще не обрели спокойствия.

— Почему он не подал сигнала?

— Что?

— У тех восьми, которые остались в шахте, не было на это времени. Но ведь он-то и девушка были снаружи. Может, она стояла у входа и ее засыпало камнями. Он же оставался снаружи, возможно в дежурке. Он вбежал в туннель, вытащил ее, привязал к сиденью флаера и поспешил к куполу. И за все это время ни разу не нажал кнопку тревоги. Почему?

— Наверно, из-за удара по голове. Сомневаюсь, понял ли он, что девушка мертва. Он потерял рассудок. Но даже если он и соображал, не думаю, чтобы он стал нам сигнализировать. Они ждали помощи только друг от друга.

Лицо Мартина было похожим на индейскую маску с глубокими складками у рта и глазами цвета тусклого угля.

— Ты прав. Представляешь, что он пережил, когда началось землетрясение и он оказался снаружи, один...

В ответ Каф закричал.

Он свалился с койки, задыхаясь, в судорогах, размахивая рукой, сшиб Пью, дополз до кучи ящиков и упал на пол. Губы его были синими, глаза белыми. Мартин снова втащил его на койку, дал вдохнуть кислорода и склонился над Пью, который приподнялся, вытирая кровь с рассеченной скулы.

— Оуэн, ты в порядке? Что с тобой, Оуэн?

— Я думаю, все в порядке, — сказал Пью. — Зачем ты трешь мне физиономию этой штукой?

Это был обрывок ленты компьютера, измазанный кровью Пью. Мартин отшвырнул его.

— Мне показалось, что это полотенце. Ты разбил щеку об угол ящика.

— У него прошел приступ?

— По-моему, да.

Они смотрели на Кафа, лежавшего неподвижно. Его зубы казались белой полоской между черными приоткрытыми губами.

— Похоже на эпилепсию. Может быть, поврежден мозг?

— Вкатить ему дозу мепробамата?

Пью покачал головой:

— Я не знаю, что было в противошоковом уколе. Боюсь, что доза будет слишком велика.

— Может, он проспится и все пройдет?

— Я и сам бы поспал. Я на ногах не держусь.

— Тебе нелегко пришлось. Иди, а я пока посижу.

Пью промыл порез на щеке, снял рубашку и остановился.

— А вдруг мы могли что-то сделать — хоть попытаться?

— Они умерли, — мягко сказал Мартин.

Пью улегся поверх спального мешка и вскоре проснулся от страшного клокочущего звука. Он встал покачиваясь, нашел шприц, трижды пытался ввести его, но это ему никак не удавалось. Затем начал массировать сердце Кафа.

— Искусственное дыхание, изо рта в рот, — приказал он, и Мартин подчинился.

Наконец, Каф резко втянул воздух, пульс его стал равномерным и напряженные мышцы расслабились.

— Сколько я спал? — спросил Пью.

— Полчаса.

Они стояли, обливаясь потом. Земля дрожала, дом покачивался и сжимался. Либра снова принялась танцевать свою проклятую польку, свой гусиный танец. Солнце, поднявшись чуть повыше, стало еще больше и краснее: скучная атмосфера была насыщена газом и пылью.

— Что с ним творится, Оуэн?

— Я боюсь, что он умирает вместе с ними.

— С ними... Но они умерли, я же сказал.

— Девять умерло. Они все мертвы, раздавлены или задохнулись. Все они в нем, и он в них во всех. Они умерли, и теперь он умирает их смертями, один за другим.

— Господи, какой ужас, — сказал Мартин.

Следующий приступ был примерно таким же. Пятый — еще хуже. Каф рвался и бился, стараясь сказать что-то, но слов не было, словно рот его набили камнями и глиной. После этого приступы стали слабее. Но и он сам ослаб. Восьмой приступ начался в 4:30. Пью и Мартин бились до половины шестого, стараясь удержать жизнь в теле, которое без сопротивления уплывало в царство смерти. Им это удалось, но Мартин сказал, что следующего приступа он не переживет. Так бы оно и вышло, но Пью, прижавшись ртом к его рту, вдыхал воздух в его опавшие легкие, пока сам не потерял сознания.

Пью очнулся. Купол был матовым, в нем не горел свет. Пью прислушался и уловил дыхание двух спящих мужчин. Потом он заснул, и его разбудил только голод.

Солнце поднялось высоко над темными равнинами, и планета прекратила свой танец. Каф спал. Пью и Мартин пили крепкий чай и глядели на него с торжеством собственников.

Когда он проснулся, Мартин подошел к нему.

— Как себя чувствуешь, старик?

Ответа не было. Пью занял место Мартина и заглянул в карие тусклые глаза, которые глядели на него, но ничего не видели. Как и Мартин, он сразу отвернулся. Он подогрел пищевой концентрат и принес Кафу.

— Выпей.

Он заметил, как напряглись мышцы на шее Кафа.

— Дайте мне умереть, — сказал юноша.

— Ты не умрешь.

Каф сказал, четко выговаривая слова:

— Я на девять десятых мертв. У меня нет сил, чтобы жить дальше.

Это подействовало на Пью, но он решил сражаться.

— Нет, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Они мертвы. Другие. Твои братья и сестры. Ты — не они. Ты жив. Ты — Джон Чоу. Твоя жизнь в твоих собственных руках.

Юноша лежал неподвижно, глядя в темноту, которой не было.

Мартин и Пью с обоими запасными роботами по очереди отправлялись на экспедиционном трейлере к Адской Пести, чтобы спасти оборудование, уберечь его от зловещей атмо-

сферах Либры, потому что ценность его выражалась в астрономических цифрах. Дело двигалось медленно, но они не хотели оставлять Кафа одного. Тот, кто оставался в куполе, возился с бумагами, а Каф сидел или лежал, глядя в темноту, и молчал. Дни проходили в тишине.

Затрещало, заговорило радио:

— Корабль на связи. Через пять недель будем на Либре, Оуэн. Точнее, по моим расчетам, через 34 земных дня и 9 часов. Как дела под куполом?

— Плохо, шеф. Исследовательская команда погибла в шахте. Все, кроме одного. Было землетрясение. Шесть дней назад.

Радио щелкнуло, и в него ворвались звуки космоса. Пауза — шестнадцать секунд. Корабль был на орбите вокруг третьей планеты.

— Все, кроме одного, погибли? А вы с Мартином невредимы?

— Мы в порядке, шеф.

Тридцать две секунды молчания.

— «Пассерина» оставила нам еще одну исследовательскую команду. Я могу перевести их на объект Адская Пасть вместо квадрата 7. Мы уладим это, когда прилетим. В любом случае мы сменим тебя и Мартина. Держитесь. Что-нибудь еще?

— Больше ничего.

Тридцать две секунды...

— Тогда до свидания, Оуэн.

Каф слышал этот разговор, и позднее Пью сказал ему:

— Шеф может попросить тебя остаться со следующей исследовательской командой. Ты знаешь здешнюю обстановку.

Зная порядки в глубоком космосе, он хотел предупредить юношу.

Каф не ответил. С тех пор как он сказал: «У меня нет сил, чтобы жить дальше», — он не произнес ни слова.

— Оуэн, — сказал Мартин по внутренней связи. — Он сломался. С ума сошел.

— Он неплохо выглядит для человека, который девять раз умер.

— Неплохо? Как выключенный андроид! У него не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Загляни ему в глаза.

— Это не ненависть, Мартин. Послушай, это правда, что он в определенном смысле был мертв. Я и представить не могу, что он чувствует. Он нас даже не видит. Ему слишком темно.

— В темноте, бывает, перерезают глотки. Он нас ненавидит, потому что мы не Алеф, не Йод и не Зайн.

— Может быть. Но я думаю, что он одинок. Он нас не видит и не слышит. Это верно. Раньше ему и не требовалось никого видеть. Никогда до этого он не знал одиночества. Он разговаривал сам с собой, видел самого себя, жил с самим собой, жизнь его была полна девятью «я». Он не понимает, как ты можешь жить сам по себе. Он должен научиться. Дай ему времени.

Мартин покачал головой.

— Сломался, — сказал он. — И когда остаешься с ним один на один, запомни, что он может свернуть тебе шею одной рукой.

— Свернуть он может, — с улыбкой ответил Пью.

Они стояли перед куполом, программируя сервроробота для починки сломанного тягача. Пью мог видеть оттуда Кафа под куполом, напоминавшего мууху в янтаре.

— Передай мне вкладыш. Почему ты решил, что ему станет лучше?

— Он — сильная личность, можешь в этом не сомневаться.

— Сильная личность? Обломок личности. Девять десятых ее мертвы. Он же сам сказал.

— Но он-то не мертв. Он — живой человек по имени Джон Каф Чоу. Воспитание его было необычным, но в конце концов каждый мальчик расстается со своей семьей. Он тоже это сделает.

— Что-то не похоже.

— Подумай, Мартин. Для чего люди придумали клонирование? Для обновления земной расы. Мы ведь не лучшие ее представители. Погляди на меня. Мои интеллектуальные и физические данные вдвое хуже, чем у Джона Чоу. Но я был так нужен Земле в глубоком космосе, что, когда я изъявил желание работать здесь, мне вставили искусственное легкое и ликвидировали близорукость. А если бы на Земле был избыток здоровых молодых парней, неужели бы потребовались услуги близорукого валлийца с одним легким?

— Вот уж не знал, что у тебя искусственное легкое.

— Теперь будешь знать. Не жестяное легкое, а человеческое, часть чужого тела, выращенная искусственно, склонированная, точнее говоря. Так в медицине делают органы-заменители. С помощью клонирования, только частичного, а не полного. Теперь это мое собственное легкое. Но я хотел сказать о другом: сегодня слишком много таких, как я, и слишком мало таких, как Джон Чоу. Ученые пытаются поднять генетический уровень человечества. Поэтому мы знаем, что если человек клонирован, то это наверняка сильный и умный человек. Разве не логично?

Мартин хмыкнул. Сервробот загудел разогреваясь.

Каф мало ел. Ему трудно было глотать пищу, он давился и отказывался от еды после нескольких глотков. Он потерял в весе восемь или десять килограммов. Но недели через три к нему начал возвращаться аппетит, и однажды он занялся разборкой имущества клона, переворошил спальные мешки, сумки, бумаги, которые Пью аккуратно сложил в конце прохода между ящиками. Он рассортировал все, сжег кипу бумаг и мелочей, собрал остатки в небольшой пакет и снова погрузился в молчание.

Еще через два дня он заговорил. Пью пытался избавиться от дрожания ленты в магнитофоне, но у него ничего не получалось. Мартин улетел на ракете проверять карту Пампы.

— Черт возьми! — воскликнул Пью, и Каф отозвался голосом, лишенным выражения:

— Хотите, чтобы я это сделал?

Пью вскочил, но тут же взял себя в руки и передал аппарат Кафу. Тот разобрал его, потом собрал и оставил на столе.

— Поставь какую-нибудь ленту, — сказал Пью как можно естественней, склонившись над соседним столом.

Каф взял первую попавшуюся ленту. Это оказался хорал. Каф лег на койку. Звук поющих хором сотен человеческих голосов заполнил купол. Каф лежал неподвижно. Лицо его не выражало ничего.

В течение следующих дней он выполнил еще несколько дел, хотя никто его об этом не просил. Он не делал ничего, что потребовало бы с его стороны инициативы, и, если его просили о чем-нибудь, он попросту не реагировал на просьбу.

— Он поправляется, — сказал Пью на аргентинском диалекте.

— Нет. Он превращает себя в машину. Делает лишь то, на что запрограммирован, и не реагирует на остальное. Это хуже, чем если бы он совсем ничего не делал. Он уже не человек.

Пью вздохнул.

— Спокойной ночи, — сказал он по-английски.

— Спокойной ночи, Каф.

— Спокойной ночи, — ответил Мартин.

Каф ничего не ответил.

На следующее утро Каф протянул за завтраком руку над тарелкой Мартина, чтобы достать гренок.

— Почему ты меня не попросил? — вежливо сказал Мартин, подавляя раздражение. — Я бы передал.

— Я и сам могу достать, — ответил Каф бесцветным голосом.

— Да, можешь. Но послушай: передать хлеб, сказать «спокойной ночи» или «привет» — все это не так важно, но, если один человек что-то говорит, другой во всех случаях должен ему ответить...

Молодой человек равнодушно глянул в сторону Мартина. Его глаза все еще не замечали людей, с которыми он говорил.

— Почему я должен отвечать?

— Потому что к тебе обращаются.

— А почему?

Мартин пожал плечами и рассмеялся.

Пью вскочил и включил камнерез.

Потом он сказал:

— Отстань от него, Мартин.

— В маленьких изолированных коллективах очень важно не забывать о хороших манерах, раз уж работась вместе. Его этому учили. Каждый в глубоком космосе знает об этом. Так что же он сознательно отказывается от вежливости?

— Ты говоришь «спокойной ночи» самому себе?

— Ну и что?

— Неужели ты не понимаешь, что Каф никогда не был знаком ни с кем, кроме самого себя?

— Тогда, клянусь богом, все эти штуки с клонированием ни к чему, — сказал Мартин. — Ничего из этого не выйдет. Чем могут помочь человеку эти дубликаты гениев, если они даже не подозревают о нашем существовании?

Пью кивнул:

— Может, разумнее разделять клоны и воспитывать их с обычными детьми. Но из них составляются такие великолепные команды!

— Разве? Не уверен. Если бы эта команда состояла из десяти обычных серых инженеров-изыскателей, неужели бы все они оказались в одно время в одном и том же месте? Неужели бы они все погибли? А что, если эти ребята, когда начался обвал и стали рушиться стены, бросились в одном и том же направлении, в глубь шахты, может, чтобы спасти того, кто был дальше всех? Даже Каф, который был снаружи, сразу бросился в шахту... Это гипотеза. Но я полагаю, что из десяти обычновенных растерявшихся людей хоть один выскочил бы на поверхность.

Проходили дни, красное солнце кралось по темному небу, но Каф все так же не отвечал на вопросы, и Пью с Мартином все чаще сцеплялись между собой. Пью начал жаловаться на то, что Мартин храпит. Оскорбившись, Мартин

перенес свою койку на другую сторону купола и некоторое время вообще с ним не разговаривал. Пью насвистывал валлийские песенки, и это надоело Мартину. Тогда Пью тоже на него обиделся и какое-то время не разговаривал с ним.

За день до прилета корабля Мартин объявил, что собирается в горы Мезонета.

— А я полагал, что ты, маконец, поможешь мне закончить анализ образцов на компьютере, — мрачно заметил Пью.

— Каф тебе поможет. Я хочу еще разок взглянуть на траншею. Желаю успеха, — добавил Мартин на диалекте и ушел посмеиваясь.

— Что это за язык?

— Аргентинский. Разве я тебе об этом не говорил?

— Не знаю. — Через некоторое время молодой человек добавил: — Боюсь, что я многое забыл.

— Ну и пусть, — мягко сказал Пью, внезапно осознав, как важен этот разговор. — Ты поможешь мне поработать на компьютере, Каф?

Тот кивнул.

У них было много недоделок, и работа отняла весь день. Каф был отличным помощником, быстрым и сообразительным, и чем-то напоминал самого Пью. Правда, его бесцветный голос действовал на нервы, но это можно было пережить — через день прибудет корабль — старая команда, товарищи и друзья.

Днем они сделали перерыв, чтобы выпить чаю, и Каф спросил:

— Что случится, если корабль разобьется?

— Они все погибнут.

— Что случится с вами?

— С нами? Мы передадим по радио SOS и будем жить на половинном рационе, пока не придет спасательный корабль с третьей базы. На это уйдет четыре с половиной года. Мы наскроем припасов для троих на четыре-пять лет. Туго придется, но перебьемся.

— И они пошлют спасательный корабль из-за трех человек?

— Конечно.

Каф больше ничего не сказал.

— Хватит рассуждать на веселые темы, — сказал Пью, поднимаясь из-за стола, чтобы вернуться к приборам. Он покачнулся, и стул вырвался из руки. Пью, не закончив пирамиды, врезался в стену купола.

— Ну и ну, — сказал он. — Что это было?.

— Землетрясение, — ответил Каф.

Чашки плясали, звонко ударяясь о стол, ворох бумаг

взвился над ящиком, крыша купола вздувалась и оседала. Под ногами рождался глухой грохот, наполовину звук, наполовину движение.

Каф сидел неподвижно. Землетрясением не испугаешь человека, погибшего при землетрясении.

Пью побелел, черные жесткие волосы разметались. Он был напуган. Он сказал:

— Мартин в траншее.

— В какой траншее?

— На линии большого сброса. В эпицентре здешних землетрясений. Погляди на сейсмограф.

Пью сражался с заклинившей дверью дрожащего шкафа.

— Что вы делаете?

— Надо спешить ему на помощь.

— Мартин взял ракету. Летать на флаерах во время землетрясения опасно. Они выходят из-под контроля.

— Заткнись ты, ради бога!

Каф поднялся, и голос его был так же ровен и бесцветен, как и всегда.

— Нет никакой необходимости отправляться сейчас на поиски. Это ведет к неоправданному риску.

— Если услышишь, что он нажал на кнопку тревоги, немедленно сообщи мне по радио, — сказал Пью, защелкивая шлем и бросаясь к люку.

Когда он выбежал наружу, Либра уже подобрала свои порваные юбки, и вся она до самого красного горизонта отплясывала танец живота.

Из-под купола Каф видел, как флаер набрал скорость, взвился вверх в красном туманном свете подобно метеору и исчез на северо-востоке. Вершина купола вздрогнула, и земля кашлянула. К югу от купола образовался сифон, выплюнувший столб черного газа.

Пронзительно зазвенел звонок, и на центральном контролльном пульте вспыхнул красный свет. Под огоньком была надпись «Скафандр № 2», и от руки там было нацарапано «А.Г.М.» Каф не выключил сигнала. Он попытался связаться с Мартином, потом с Пью, но не получил ответа.

Когда толчки прекратились, Каф вернулся к работе и закончил то, что они делали с Пью. Это заняло часа два. Через каждые полчаса он пытался связаться со «скафандром № 2» и не получал никакого ответа, затем радиорвал «скафандре № 1» и тоже не получал ответа. Красный огонек потух примерно через час.

Подошло время ужинать. Каф приготовил себе ужин и съел его. Потом лег на койку.

Последние толчки улеглись, и лишь иногда по планете прокатывались отдаленный гул и дрожь. Солнце висело на западе, светло-красное, огромное, похожее на чечевицу, и все никак не садилось. Было тихо.

Каф поднялся и принял расхаживать по заваленному вещами, неприбранным пустынному дому. Здесь царила тишина. Он подошел к магнитофону и поставил первую попавшуюся ленту. Это была чистая электронная музыка, лишенная гармонии и голосов. Музыка кончилась. Тишина осталась.

Форменный комбинезон Пью с оторванной пуговицей висел над кучей образцов породы. Каф смотрел на него.

Тишина продолжалась.

Детский сон: нет никого на свете, кроме меня. Во всем мире ни одного живого существа.

Низко над долиной, к северу от купола, сверкнул метеорит.

Рот Кафа открылся, будто он хотел что-то сказать, но не раздалось ни звука. Он быстро подошел к северной стене и взгляделся в желатиновый красный сумрак.

Звездочка подлетела и опустилась. Перед люком возникли две фигуры. Когда они вошли, Каф стоял у люка. Скафандр Мартина был покрыт пылью и оттого казался старым, покоробленным, словно поверхность Либры. Пью поддерживал его под руку.

— Он ранен?

Пью снял скафандр, помог Мартину раздеться.

— Перенервничал, — сказал он коротко.

— Обломок скалы упал на ракету, — сказал Мартин, усаживаясь за стол и размахивая руками. — Правда, меня там не было. Я, понимаешь, приземлился и копался в угольной пыли, когда почувствовал, что все вокруг затряслось. Тогда я выбрался на участок вулканической породы, который присмотрел еще сверху. Так было надежнее и дальше от скал. И тут же увидел, как кусок планеты рухнул на мою ракету. Ну и зреши! Тогда мне пришло в голову, что запасные баллоны с кислородом остались в ракете, так что я нажал на кнопку тревоги. Но по радио связаться ни с кем не смог — во время землетрясений здесь всегда так бывает. Я не знал, получили ли вы мой сигнал. А вокруг все прыгало и скалы разваливались на глазах. Летели камни, и пыль поднялась такая, что в метре ничего не видно. Я уже начал подумывать, чем же я буду дышать через пару часов, как увидел, что старик Оуэн кружит над траншеей в пыли и камнях, словно огромная уролливая летучая мышь...

— Есть будешь? — спросил Пью.

— Конечно, буду. А как ты здесь пережил землетрясение, Каф? Повреждений нет? Не такое уж и сильное было земле-

трясение, правда? Что показывал сейсмограф? Мне не повезло, что я оказался в самой серединке. Чувствовал себя так, как на Рихтере-15, словно вся планета рассыпалась...

— Садись, — сказал Пью. — И ешь.

После того как Мартин поел, поток слов истошился. Мартин доплелся до койки, все еще стоявшей в том дальнем углу, куда он поставил ее, когда Пью пожаловался на его храп.

— Спокойной ночи, безлегочный валлиец, — крикнул он.

— Спокойной ночи.

Больше Мартин ничего не сказал. Пью затемнил купол, убавил свет в лампе, пока она не стала гореть желтым светом свечи. Затем, не говоря ни слова, сел, погрузившись в свои мысли.

Тишина продолжалась.

— Я кончил расчеты.

Пью благодарно кивнул.

— Я получил сигнал Мартина, но не смог связаться ни с ним, ни с вами.

Сделав над собой усилие, Пью сказал:

— Мне не следовало улетать. У него еще оставалось кислорода на два часа даже с одним баллоном. Когда я помчался туда, он мог направиться домой. Так бы мы все друг друга растеряли. Но я перепугался.

Тишина вернулась, нарушаясь лишь негромким храпом Мартина.

— Вы любите Мартина?

Пью зло взглянул на него:

— Мартин мой друг. Мы работали вместе, и он хороший человек. — Он помолчал. Потом добавил через некоторое время: — Да, я его люблю. Почему ты спрашиваешь?

Каф ничего не отвечал, только смотрел на Пью. Выражение его лица изменилось, словно он увидел что-то, чего раньше не замечал. И голос его изменился:

— Как вы можете... как вы...

Но Пью не сумел ему ответить.

— Я не знаю, — сказал он. — В какой-то степени это вопрос привычки. Не знаю. Каждый из нас живет сам по себе. Что же делать, если не держаться за руки в темноте?

Странный, горящий взгляд Кафа потух, словно сожженный собственной силой.

— Устал я, — сказал Пью. — Ну и жутко же было разыскивать его в черной пыли и грязи, когда в земле раскрывались и захлопывались жадные пасти... Я пошел спать. Корабль начнет передачу часов в шесть.

Он встал и потянулся.

— Там клон, — сказал Каф. — Они везут сюда другую исследовательскую команду.

— Ну и что?

— Клон из двенадцати. Я их видел на «Пассерине».

Каф сидел в желтом тусклом свете лампы и, казалось, видел сквозь свет то, чего он так боялся: новый клон, множественное «я», к которому он не принадлежал. Потерянная фигурка из сломанного набора, фрагмент, не привыкший к одиночеству, не знающий даже, как можно отдавать свою любовь другому человеку. Теперь ему предстоит встретиться с абсолютом, с замкнутой системой клона из двенадцати близнецов. Слишком многое требовалось от бедного парня. Проходя мимо, Пью положил руку ему на плечо:

— Шеф не будет требовать, чтобы ты оставался здесь с клоном. Можешь вернуться домой. А может, раз уж ты космический разведчик, отправишься дальше с нами? Мы найдем тебе дело. Не спеша с ответом. Ты справишься.

Пью замолчал. Он стоял, расстегивая куртку, чуть сгорбившись от усталости. Каф посмотрел на него и увидел то, чего не видел раньше. Увидел его, Оуэна Пью, другого человека, протягивающего ему руку в темноте.

— Спокойной ночи, — пробормотал полусонный Пью, залезая в спальный мешок. И он не услышал, как после паузы Каф ответил ему, протянув руку сквозь темноту.

ОБШИРНЕЙ И МЕДЛITЕЛЬНЕЙ ИМПЕРИЙ

В самые первые десятилетия деятельности Лиги Земля еще посыпала свои космические корабли в бесконечно долгие экспедиции за границы мира, уже заселенного экспедициями Хайна и исследованного до мелочей. Они искали истинно неизведанные, новые земли. Все известные миры объединялись вокруг Хайна, а землян (самых, кстати, открытых и спасенных хайнцами) это не устраивало: им хотелось вырваться из семьи и жить особняком. Им хотелось открыть нечто совершенно новое. Хайнцы, как терпеливые, чадолюбивые родители, поощряли эти поиски и даже субсидировали корабли и экипажи (как, впрочем, и для некоторых других миров, входящих в Лигу).

Всех добровольцев, из которых формировались экипажи «Запредельного Поиска», объединяло одно: нормальными их назвать было никак нельзя.

Ну как можно назвать нормальным человека, отправляющегося за тридевять земель добывать информацию, которая попадет на Землю лишь пять-десять веков спустя? Ведь в те времена еще не пользовались ансивлем, и потому из-за космической интерференции мгновенная связь была возможна лишь в пределах ста двадцати световых лет; так что исследователи запредельного были полностью изолированы. К тому же они понятия не имели, что могут застать на Земле, когда вернутся (если, конечно, вернутся). Да ни один человек, проживший хоть какое-то время в Лиге, будь он в здравом уме, ни за какие блага мира не согласился бы добровольно отправиться на несколько веков в кругосветное путешествие по Вселенной. Вот поэтому в поисковики шли люди, стремящиеся уйти от действительности, неудачники и отщепенцы. И все поголовно они имели психические отклонения.

И вот десять таких ненормальных однажды поднялись на борт челнока, отправляющегося из космопорта в Смеминге. Все три дня лету к своему будущему кораблю, «Гаму», они потратили на довольно неловкие попытки завязать знакомство и сблизиться. («Гам» — слово из таукитянского — пренебрежительное обращение к детям или животным; что-то вроде «шенок».) В команде было два китянина, два хайнца, одна белденианка и пятеро землян. Корабль был построен на Тау Кита, но арендован земным правительством.

На четвертые сутки челнок пришвартовался к «Гаму», и члены его разношерстного экипажа, стремясь попасть на борт, начали один за другим, извиваясь, протискиваться в узкий переходник — насмерть перепуганные сперматозоиды, возмечтавшие оплодотворить Вселенную. Челнок отчалил, и навигатор вывел «Гама» на курс. Несколько часов его еще можно было разглядеть из Смеминга, а потом корабль, отойдя на расстояние нескольких сотен миллионов миль, прощально померцал и внезапно исчез.

Когда десять часов двадцать девять минут, или же двести пятьдесят шесть лет спустя, «Гам» вновь появился в космическом пространстве, он теоретически должен был оказаться в районе звезды КГ-Е-96651. Там он и оказался, что подтверждала ярко сверкаяшая по курсу золотая точка. Где-то внутри сферы радиусом в четыреста миллионов километров должна была находиться и зеленоватая планетка, определенная в китянской локации как Мир-4470. Теперь оставалось ее только найти. Это было так же просто, как переворошить четыреста миллионов километрового стог сена в поисках зеленоватой иголки. Задача осложнялась тем, что двигаться в пределах звездной системы на скорости, даже приближенной к световой, было чревато взрывом как КГ-Е-96651, так и

Мира-4470, не говоря уже о самом «Гаме». Поэтому корабль был вынужден ползти на ракетном приводе, делая не больше ста тысяч миль в час. Но математик-навигатор Аснанифоил был твердо уверен в том, что знает, где должна быть искомая «иголка», и обещал добраться до нее в течение десяти земных суток. Тем временем члены команды все еще притирались друг к другу.

— Видеть его больше не могу! — взорвался, брызгая слюной, Порлок — специалист по точным наукам (химия плюс физика, астрономия, геология и т. д.). — Этот тип просто чокнутый. Не представляю себе другой причины, по которой он оказался в «Поиске», кроме той, что наши большие начальники решили провести над нами эксперимент по выживанию. Как на морских свинках.

— В хайнских лабораториях мы обычно предпочитали хомяков, — мягко заметил хайнец Маннон (гуманитарные науки: психология плюс психиатрия, антропология, экология и т. д.). — Я имею в виду — вместо морских свинок. Но, конечно, мистер Осден — явление исключительное. Это первый случай полнейшего излечения от синдрома Рендера — одного из подтипов инфантильного аутизма. До сих пор считалось, что этот психоз неизлечим. Великий земной аналитик Хаммергельд предположил, что в данном случае причиной аутизма является сверхразвитая способность к эмпатии. На основе этой теории он разработал специальный курс процедур, и первым пациентом, прошедшим этот курс, был мистер Осден. Он жил у доктора Хаммергельда до восемнадцати лет, и терапия, как видите, оказалась успешной.

— Успешной?!

— Естественно. Он полностью избавился от аутизма.

— Но он же абсолютно невыносим!

— Видишь ли, — бросив кроткий взгляд на пузырьки слюны в усах Порлока, продолжал Маннон, — когда встречаются два незнакомца — ну, к примеру, ты и мистер Осден, — тут же неосознанно вступает в действие твоя защитная реакция; она воздействует на твое поведение, манеры, делает их подспудно агрессивными, а ты настолько привыкаешь к подобной системе отношений, что начинаешь считать ее совершенно естественной. Мистер Осден, будучи острым эмпатом, прекрасно все это ощущает. Его собственные эмоции мешаются с твоими, причем до такой степени, что он сам уже не может различить, что лично его, а что — только твое. Подчеркиваю, что твоя реакция на незнакомого человека абсолютно нормальна, и вполне естественно, что тебе может в нем что-то не понравиться — ну там, манера

одеваться, форма носа или мало ли еще что. Но дело в том, что Осден-то все это чувствует, и, поскольку его аутизм в процессе терапии был полностью снят, ему ничего не остается, как прибегнуть к крайней форме защитной реакции — агрессии, которую, между прочим, спроектировал на него (пусть и непреднамеренно) именно ты.

Маннон, похоже, завелся надолго, и Порлок его перебил:

— Что бы ты там ни говорил, ничто не дает человеку права быть сволочью.

— Так он что, может подслушивать наши чувства? — вспомнился второй хайнец в команде — биолог Харфекс.

— Это действительно сходно со слухом, — вступила в разговор, не отрывая глаз от кисточки, при помощи которой она тщательно покрывала ногти флюoresцентным лаком, Оллероо — ассистент специалиста по точным наукам. — На ушах-то у нас нет век, и мы не можем слушать или нет по собственному желанию. Вот так же и с эмпатией — ее не отключишь одним волевым импульсом. Он вынужден воспринимать наши эмоции, хочет сам того или нет.

— А что, он и наши мысли читать может? — испуганно оглядывая остальных, прерывающимся голосом спросил инженер Эсквана.

— Нет, — фыркнул Порлок. — Эмпатия и телепатия — не одно и то же! Телепатия — миф. Никто на это не способен.

— Верно, — с вкрадчивой улыбкой поддакнул Маннон. — Вот только незадолго до отлета с Хайна мне на глаза попался очень интересный рапорт с одного из недавно вновь открытых миров: этнолог Роканнен сообщал в нем, что явился свидетелем применения представителями местной мутировавшей гуманоидной расы определенной техники телепатии. Что самое интересное, так это то, что подобной технике можно научиться. Я, правда, читал не весь рапорт, а его краткий обзор в одном из журналов, однако...

И Маннон снова завелся, как минимум, на полчаса. Но остальные уже успели заметить, что, пока он токует, на его фоне прекрасно можно говорить о своих делах: он словно и не замечал ничего.

— Так почему же он все-таки нас так ненавидит? — спросил Эсквана.

— Да разве может хоть кто-нибудь тебя ненавидеть, душка Андер? — хихикнула Оллероо, мазнув ноготь его большого пальца светящимся ядовито-розовым лаком.

Инженер вспыхнул и расплылся в смущенной улыбке.

— Но он именно так себя и ведет, словно всех нас ненавидит, — вернулась к теме координатор Хайто — хрупкая

женщина с ярко выраженным азиатским типом лица и совершенно не соответствующим подобной внешности резким, низким и сиплым голосом молодой лягушки-быка. — Ну хорошо, допустим, он страдает от нашей неосознанной враждебности, но тогда зачем ему усугублять ее своими постоянными нападками на нас? Прости, Маннон, но я невысокого мнения о терапии доктора Хаммергельда; аутизм все же много приемлемее в общении, чем...

Но тут она прикусила язык: в дверях кают-компании стоял Осден.

Он казался не человеком, а наглядным пособием по анатомии. Его кожа была неестественно белой и настолько тонкой, что все кровеносные сосуды просвечивали сквозь нее: словно карта на ватмане, исчерченная голубыми и красными дорогами. Его аadamово яблоко, мускулатура вокруг рта, кости и связки выступали буграми настолько, что каждая деталь воспринималась в отдельности, будто специально подготовленный муляж для изучения строения человеческого тела. Волосы у него были буро-рыжими, цвета запекшейся крови, а брови и ресницы можно было разглядеть только при самом ярком освещении. Он не был настоящим альбиносом, и поэтому его глубоко запавшие глаза не были красными, но ни серыми, ни голубыми назвать их тоже было нельзя. Они вообще не имели цвета — их взгляд был прозрачен и чист, словно ледяная вода в проруби. Да и все лицо было лишено какого бы то ни было выражения — как анатомический рисунок или лик манекена.

— Согласен, — фальцетом заявил он. — Любой возврат к аутизму был бы для меня приемлемее, нежели постоянная пытка задыхаться в вони ваших дешевых и вторичных чувствышек. Почему от тебя так несет ненавистью, а, Порлок? Что, не можешь выносить самого моего вида? Так поди займись онанизмом, как прошлой ночью, — это хоть как-то улучшит исходящие от тебя вибрации. Кто, черт побери, переложил мои записи? Не смеите трогать моих вещей! Никто из вас! Я этого не потерплю!

— Осден, — спокойно прогудел своим густым низким басом Аснанифоил, — ну почему ты такая сволочь?

Андер Эсквана в ужасе закрыл лицо руками, словно заслоняясь от этой кошмарной сцены. Оллероо, напротив, уставилась на Осдена равнодушным взглядом — мол, она здесь так, сторонний наблюдатель.

— Что вам не по вкусу? — проговорил Осден. Он даже не смотрел в сторону Аснанифоила и вообще старался, насколько ему это позволяло тесное помещение, держаться на

максимальном расстоянии от остальных. — На себя посмотрите: с чего мне вдруг ради вас менять свой характер?

Харфекс, человек сдержаный и осторожный, ответил:

— Не вдруг. Нам предстоит несколько лет провести в обществе только друг друга. У нас было бы намного меньше проблем, если бы...

— До вас что, до сих пор не дошло, что вы мне все до лампочки? — бросил Осден, сгреб свои пленки с записями и вышел.

Эсквана вдруг резко обмяк в кресле и мгновенно заснул. Аснанифоил начал чертить в воздухе волнистые линии, беззвучно бормоча «ритуальную арифметику».

— Его присутствие на борту нельзя объяснить иначе, как диверсией нашего большого начальства. Теперь я в этом убедился окончательно, — горячо зашептал на ухо координатору Харфекс, беспокойно оглядывая через ее плечо остальных. — Они заранее запланировали провал нашей миссии.

Порлок уставился мокрыми от слез глазами на пуговицу от ширички, которую он бессмысленно вертел в руках.

— Я же говорила вам, что все они тронутые, а вы посчитали это преувеличением.

Но в то же самое время их никак нельзя было назвать полностью сумасшедшими и невменяемыми. «Запредельный Поиск» старался все-таки подбирать в свои команды людей достаточно образованных, культурных и умеющих вести себя в обществе. Им ведь все же предстояло провести очень много времени в тесноте корабля, и потому требовалось люди, способные терпимо, с пониманием, отнестись к депрессиям, маниям, фобиям и капризам других, чтобы в коллективе поддерживались близкие к нормальным отношения. По меньшей мере, большую часть пути. Осдена, однако, трудно было назвать интеллигентным человеком, он не имел специального образования — так, нахватался без всякой системы знаний в различных областях наук, — а уживаться с другими не только не умел, но, похоже, и не желал учиться. Он попал в экспедицию только потому, что обладал уникальным даром — способностью к сверхэмпатии, или, говоря проще, он был природным биоэмпатическим реципиентом широкого профиля. Его талант не был избирательным: Осден воспринимал волны эмоциональных вибраций от всего, что вообще способно чувствовать. Он мог разделить и вожделение белой крысы, и боль раздавливаемого таракана, и фототропию мотылька. Вот большое начальство и решило, что в чужих мирах будет очень удобно иметь под рукой человека, способного воспринять, кто и что здесь чувствует вообще и по от-

ношению к экспедиции в частности. Осдена даже удостоили особого звания — сенсор.

— Что такое эмоция, Осден? — как-то спросила его Томико Хайто, все еще пытаясь завязать с ним дружеские отношения. — Ну, что ты там можешь воспринять своей сверхэмпатией?

— Омерзение, — ответил он в своей обычной раздражающей манере слишком тонким для нормального мужчины голосом. — Психические испражнения представителей животного царства. Я уже по уши провалился в ваше дермо.

— Я только попыталась, — как можно спокойнее заметила она, — что-то узнать о тебе. Ну, какие-нибудь факты...

— Какие факты? Ты пыталась залезть в меня. Чуток побаиваясь, чуток любопытствуя, а в остальном — с преогромным отвращением. Вроде того, как распотрошить дохлого пса, чтоб понаблюдать, как в нем копошаются глисты. Так вот, заруби себе на носу, что мне это непотребно. Я желаю быть один! — Его кожа пошла красно-фиолетовыми пятнами, а голос взлетел до визга. — Катайся в своем деръме одна, ты, желтая ведьма!

— Да успокойся же, — сказала она, еле сдерживаясь, и почти сбежала в свою каюту.

Да, он, конечно же, был прав, описав мотивы ее поведения с такой точностью; да, ее вопросы были только преамбулой к дальнейшему разговору, слабой попыткой заставить его заинтересоваться. Ну и что в этом плохого? Разве подобная попытка является актом неуважения к кому бы то ни было? Правда, в тот момент когда она задавала их, в ней действительно было маловато искреннего интереса; она скорее жалела его: бедный, озлобленный, высокомерный ублюдок, мистер Освежеванный, как прозвала его Оллероо. Интересно, какого же отношения он к себе ждет, продолжая вести себя подобным образом? Любви, что ли?

— Я думаю, он просто не в состоянии перенести, когда кто-то его жалеет, — предположила Оллероо, не отрывая глаз от полировки ногтей.

— Но он же тогда не способен ни с кем установить нормальные человеческие отношения. Все, чего добился доктор Хаммергельд, — так это развернул его аутизм внутрь его.

— Бедный мудак, — вздохнула Оллероо. — Томико, а ты не будешь против, если Харфекс забежит сегодня вечером на пару минут?

— А ты что, не можешь пойти к нему в каюту? Мне уже обрыдло торчать в кают-компании, любуясь этой ошкуренной горькой редькой.

— Вот. Ты же ненавидишь его. То есть я хочу напомнить, что он это прекрасно чувствует. И еще хочу напомнить, что прошлую ночь я именно провела в каюте Харфекса. Но если это станет системой, то Аснанифоил, с которым он живет, тоже разохочется. Так что мне было бы много удобнее здесь.

— Ну так обслужи обоих, — отрезала Томико с грубостью, присущей только оскорблённой добродетели. Она происходила из восточноазиатского региона Земли, где царили строгие пуританские отношения. И до сих пор еще была девственницей.

— Но мне больше одного за ночь не надо, — с незамутненным спокойствием объяснила Оллероо. На Белдене, Планете Садов, откуда она была родом, ни целомудренности, ни колеса так и не изобрели.

— Ну тогда попробуй, каков в постели Осден, — огрызнулась Томико. Причины ее резких перепадов настроения для нее самой нередко оставались загадкой, но в данный момент причина была очевидна: взрыв раздражения был спровоцирован ее комплексом неполноценности и чувством вины.

Маленькая белденианка вскинула на нее распахнутые глаза и застыла с кисточкой для лака в руке:

— Томико, как ты можешь говорить такие непристойности?

— А что такого?

— Это было бы так гадко! Осден же мне ни капельки не нравится!

— Вот уж не думала, что для тебя это имеет значение, — равнодушно бросила Томико, забрала свои записи и, выходя из каюты, добавила: — Надеюсь, вы с Харфексом или с кем там еще успеете закончить до последнего звонка. Я слишком устала сегодня.

Оллероо забилась в рыданиях, роняя слезы на тщательно вызолоченные соски. Плакала она по любому поводу. А Томико плакала в последний раз, когда ей было десять лет от роду.

Маловато радости было на борту этого корабля, однако, когда Аснанифоил с помощью компьютеров вышел к Миру-4470, ее немножко прибавилось. Планета лежала прямо по курсу, сверкая, словно темно-зеленый драгоценный камень на дне гравитационного колодца. И по мере того как нефритовый диск рос на экранах, в команде росли взаимопонимание и терпимость. Даже эгоизм и грубость Осдена теперь работали на то, чтобы сплотить остальных.

— А может, он был введен в экипаж в качестве мальчика для битья. Или, как говорят на Земле, козла отпущения, — высказал предположение Маннон. — Может, и в самом деле

его противостояние нам всем приводит в общем и целом к положительным результатам.

И ни один из них не посмел его перебить — настолько сильным в тот момент было желание поддерживать добрые отношения.

Корабль вышел на орбиту вокруг планеты. На ее ночной стороне не светилось ни одного огонька, а на дневной не было видно ни одной дороги, ни единой постройки.

— Людей здесь нет, — прошептал Харфекс.

— Конечно, нет, — пробурчал Осден из-под напяленного на голову пластикового пакета, который, по его словам, предохранял его от вибраций находившихся рядом с ним остальных членов команды. Для наблюдений ему был выделен персональный экран. — Мы находимся в двухстах световых годах от границ Хайнской экспансии, и снаружи вы не найдете ни одного человека. Причем нигде. Неужели вы считаете природу такой дурой, чтобы она дважды повторяла свои ошибки?

Никто даже не обернулся в его сторону; все взгляды были прикованы к экранам, на которых плыл нефритовый диск. Там была жизнь. Но там не было человека. А все они среди людей всегда чувствовали себя белыми воронами, и потому эта картина не рождала в их сердцах чувства одиночества и заброшенности, а наоборот — вселяла покой. Даже Осден лишился своей обычной непроницаемой маски: он слегка нахмурился.

Приводнение на океанскую гладь, взятие проб воздуха, высадка. Корабль со всех сторон окружали травянистые растения: сочные зеленые стебли кивали на ветру пышными метелками макушек и, слегка задевая экраны нацеленных на них видеокамер, запудривали линзы обильной пыльцой.

— Создается впечатление, что на планете одна фитосфера, — сказал Харфекс. — Осден, ты нашупал там хоть что-нибудь разумное?

Все головы обернулись к сенсору, но тот молча встал из-за экрана и налил себе чашку чаю. Он не собирался отвечать. Он вообще очень редко снисходил до ответа на прямо поставленный вопрос.

Туго затянутые ремни военной дисциплины были абсолютно неприменимы к сумасшедшем ученым — ни у одного из них нет своего капрала в голове, заставляющего мозг выполнять приказы начальства. Их иерархические отношения строились на чем-то сходном с парламентской процедурой и регулировались системой мягких полуприказов. Однако (пусть даже по совершенно непостижимым для нее сообра-

жениям) большое начальство назначило доктора Томико Хайто координатором экспедиции, и она в первый раз за весь полет решила воспользоваться данной ей властью.

— Мистер сенсор Ослен, — выдавила она из себя, — будьте добры ответить мистеру Харфексу.

— Интересно, как это я могу «нащупать» хоть что-то снаружи, если вокруг меня постоянно колошатся, как червяки в банке, девять психически неуравновешенных гуманоидов? Когда у меня будет что сказать, не бойтесь — скажу. Я прекрасно знаю свои обязанности сенсора. Но если вы, координатор Хайто, еще хоть раз позволите себе мною командовать, я подумаю о том, чтобы их с себя сложить.

— Отлично, мистер сенсор, я полагаю, что в дальнейшем мне не понадобится вам приказывать. — Голос Томико был абсолютно спокоен, но Ослен, стоявший все это время к ней спиной, вздрогнул, словно получил физический удар.

Предположение биолога полностью оправдалось: произведя ряд проб и анализов, они не обнаружили на планете ни малейшего намека на животные формы жизни — даже никаких микроорганизмов. Никто в этом мире не ел другого. Единственным способом существования был фотосинтез. Планета была безграничным царством растений, и ни одно из них не походило на те, что встречались до сих пор представителям царства человека. Бесконечное разнообразие форм и расцветок: зеленые, красные, пурпурные, коричневые. И полная тишина. Единственным, что здесь двигалось, был теплый ветерок — он лениво задевал листья и стебли и гонял облачка светло-зеленой пыльцы над бескрайними лесами, прериями, степями, лугами, на которых не росло ни единого цветка; ничья нога еще не ступала по этой девственной земле, ничьи глаза никогда не любовались этой пышной зеленью. Теплый печальный мир. Безмятежно-печальный.

Поисковики спокойно, словно на пикнике, бродили по лугу, заросшему сиреневыми травами, и тихонько переговаривались друг с другом. Они не смели говорить громко, опасаясь нарушить великое, царившее здесь миллионы лет безмолвие ветра и листьев, листьев и ветра — то нарастающее, то стихающее, но неизбывное. Они говорили почти шепотом, но, будучи людьми, не могли не говорить.

— Бедняга Ослен! — прыснула биотехник Дженни Чонг, пилотируя маленький разведывательный вертолет к Северному полюсу планеты. — Иметь в голове такую сверхточную аппаратуру — и быть не в состоянии ее применить. Какой облом!

— Он сказал мне, что ненавидит растения, — со смешком отозвалась Оллероо.

— Хочешь сказать, что он сам похож на растение? По крайней мере, до тех пор, пока мы его не задеваем?

— Я бы тоже не сказал, что мне вся эта растительность по душе, — заметил Порлок, глядя на расстилавшиеся внизу багровые приполярные леса. — Все одно и то же. Ни малейшей мысли. Ни малейших изменений. Человек, останься он здесь один, рехнется в пять минут.

— Но они все живые, — сказала Дженнни Чонг. — И Осден ненавидит их именно за это.

— Ну, он все-таки не настолько ублюдок, — великодушно вступилась Оллероо.

Порлок бросил на нее косой взгляд:

— Ты что, и с ним спала?

Белденянка вспыхнула и разрыдалась:

— У вас, землян, на уме одно непотребство!

— Да нет, он ничего такого не хотел сказать, — поспешила вмешаться Дженнни Чонг. — Ведь правда, Порлок?

Химик внезапно расхохотался, и его усы украсились гирляндой брызг слюны.

— Да Осден не переносит даже, когда к нему прикасаются, — сквозь слезы всхлипнула Оллероо. — Я его как-то случайно задела плечом в коридоре, так он оттолкнул меня с такой гадливостью, словно я грязная вещь. Мы все для него только вещи.

— Он — дьявол! — внезапно взвился Порлок с такой яростью, что обе женщины испуганно вздрогнули. — Он уничтожит всю нашу команду, не одним способом, так другим. Попомните мои слова! Да его нельзя на пушечный выстрел подпускать к нормальным людям!

Они приземлились на Северном полюсе. Полуночное солнце еле тлело над невысокими холмами. Сухие ломкие зелено-бордовые палки растений торчали во всех направлениях. Хотя здесь везде существовало только одно направление — на юг. Подавленные велиkim безмолвием, поисковики молча достали свои инструменты и принялись за работу — три кошачихся вируса на теле неподвижного космического великаны.

Осдена никто не приглашал в исследовательские экспедиции; никто не просил его сопровождать очередной вылет ни в качестве фотографа, ни пилота, ни связиста. Сам он тоже не изъявлял ни малейшего желания в них участвовать и потому редко покидал центральную базу. Там он часами пролеживал за компьютером, делая сводку результатов изысканий

ний Харфекса. Еще он помогал Эскване, в обязанности которого входила профилактика оборудования, но на радиоинженера общение с ним действовало таким специфическим образом, что он просыпал двадцать пять часов из тридцати двух, составлявших местные сутки. И даже несмотря на это, мог заснуть в любой момент, прямо над паяльником.

Однажды координатор решила не отправляться на вылет, а провести весь день на базе, чтобы спокойно составить отчет. Кроме нее, оставалась только Посвет Ту, с которой Маннон провозился все утро, чтобы вывести из состояния превентивной кататонии. Теперь она отлеживалась в своей комнате. Томико, одним глазом наблюдая за Осденом с Эскваной, заносила информацию в банк данных. Так прошло два часа.

— Ты, очевидно, собираешься для соединения этой цепи использовать микроманипуляторы-860, — раздался тихий нерешительный голос Эскваны.

— Естественно! — Прости, но я вижу, что у вас только 840-е.

— Так будут 860-е! Я, к твоему сведению, еще не успел поменять. У меня не тысяча рук! Вот когда я не буду знать, что делать дальше, тогда и начну спрашивать твоих советов, инженер!

Томико выждала с минуту и оглянулась. Эсквана спал, уронив голову на стол и засунув в рот большой палец.

— Осден!..

Тот промолчал и даже не обернулся. Лишь легкое нетерпеливое движение плечами показало, что он слушает.

— Ты не можешь не знать, в чем слабость Эскваны.

— Я не в ответе за его ненормальные физические реакции.

— Зато ты в ответе за себя. На этой планете без Эскваны нам не обойтись, а вот без тебя — вполне. Поэтому если ты не способен контролировать свою враждебность, то тебе, пожалуй, следует отказаться от общения с ним.

Осден отложил инструменты и встал.

— Да с удовольствием! — взвизгнул он. — Ты же не способна даже вообразить, что значит постоянно подвергаться вместе с ним приступам его неосознанного страха, разделять его патологическую трусость, быть вынужденным вместе с ним трястись как овечий хвост от малейшего шороха!

— Ты что это, пытаешься оправдаться передо мной за свое свинское к нему отношение? Я-то думала, в тебе больше самоуважения. — Томико внезапно обнаружила, что ее трясет от ярости. — Если твои эмпатические способности действительно позволяют тебе разделять с Андером его фобии и

осознать всю глубину его несчастья, то почему же это не вызывает в тебе ни капли сочувствия?

— Сочувствие? — пробормотал Осден. — Сострадание. Да что ты можешь знать о сочувствии?

Томико удивленно взорвалась на него, но он продолжал стоять к ней спиной.

— Не позволишь ли мне вслух назвать своими именами те эмоции, что ты сейчас, в данную минуту, соизволила почувствовать по отношению ко мне? — через минуту вновь заговорил он. — Я могу определить их даже точнее, чем ты сама. Я уже наловчился мгновенно анализировать любые вибрации, как только они меня достигают. И я принял все твои эмоции по полной программе.

— А что ты, интересно, от меня ожидал еще? Думаешь, я буду вежливо сносить все твои выходки?

— Да какое значение имеют мои выходки, ты, тупая крестинка? Ты что, думаешь, что любой нормальный человек — это источник любви? Мне судьбой предоставлен выбор — быть либо ненавидимым, либо презираемым. Не будучи ни женщиной, ни трусом, я предпочитаю вызывать к себе ненависть.

— Чушь. Самозащита. У каждого человека...

— Но я не человек, — перебил ее Осден. — Это вы все — люди. А я сам по себе. Я один.

Потрясенная столь бездонным солипсизмом, Томико несколько минут не могла выдавить из себя ни слова; наконец она бросила без всякой жалости, как, впрочем, и без злобы:

— Ну так пойди и удавись!

— Тебе этот путь больше подходит, Хайто, — глумливо усмехнулся он. — Я не подвержен депрессиям, и потому для меня сеппуку¹ не является лекарством от всех болезней. Есть еще предложения?

— Тогда уходи. Полностью отдели себя от нас. Забирай вертолет и отправляйся на сбор образцов. Лучше в лес. Харфекс лесами еще не занимался. Возьми под контроль любой гектар леса в пределах радиосвязи. На связь будешь выходить в восемь и двадцать четыре часа ежесуточно.

Осден вышел и с этой минуты в течение пяти дней напоминал о себе лишь лаконичными сообщениями по два раза в сутки. Атмосфера на базе резко изменилась к лучшему. Экрана теперь бодрствовал по восемнадцать часов. Посвет Ту достала свою любимую лютню и теперь с утра до вечера распевала гимны (раньше Осден, которого от музыки корежило,

¹ Сеппуку — то же, что хакакири. (Примеч. пер.)

запрещал ей это). Маннон, Харфекс, Дженни Чонг и Томико прекратили принимать транквилизаторы. Порлок что-то там продистиллировал в лаборатории и в одиночку продегустировал. Потом долго маялся похмельем. Аснанифоил вместе с Посвет Ту закатили всенощную нумерологическую эпифанию — мистическую оргию на языке высшей математики — верх блаженства для любой таукитянской религиозной души. Оллероо переспала со всеми мужчинами. Работа пошла семимильными шагами.

Но на шестой день райской жизни пришел конец. Специалист по точным наукам с выпученными глазами опрометью вылетел на поляну, на которой находилась центральная база, и, не тратя времени на обход по протоптанной тропинке, помчался напролом сквозь обступавшие лагерь стволы сочных трав.

— Там в лесу что-то есть, — запыхавшись, выпалил он. Руки и усы его тряслись мелкой дрожью. — Что-то большое. Оно двигалось. Я оставил в том месте отметку и поспешил убраться. А оно шло за мной. Оно будто бы скользило по ветвям. И не отставало. Оно меня преследовало. — Он с ужасом оглядел сбежавшуюся команду.

— Сядь, Порлок. Успокойся. Приди в себя и попробуй проанализировать свои впечатления. Ты *что-то* видел?

— Не то чтобы видел. Это было какое-то движение. Направленное. Я, я н-не знаю, что это было. Но оно двигалось само. По деревьям. Ну, по этим древовидностям. Да плевать, как они называются, главное — оно бродило по ним. И на самой опушке.

— Некому на тебя здесь нападать, Порлок, — угрюмо проговорил Харфекс. — Здесь даже микробов нет. А больших животных *нет и быть не может*.

— А что, если это просто какая-то лоза упала с дерева у тебя за спиной или рухнул подгнивший ствол?

— Нет, — стоял на своем Порлок. — Оно направленно двигалось ко мне. И очень быстро. А когда я обернулся, отпрянуло в гущу веток и спряталось. И еще я слышал какой-то треск. Если это не животное, то один Бог знает, что это может быть! Оно было большим. Примерно с человека. Вроде рыжеватое. Но толком я не видел и не могу с уверенностью это утверждать.

— Это был Осден. Не наигрался в Тарзана в детстве, — нервно хихикнула Дженни Чонг.

Томико не выдержала и прыснула, но Харфекс остался серьезным, как гробовщик.

— Бродить одному среди этих древовидных трав небез-

опасно для здоровья, — наконец тихо, напирая на каждое слово, заговорил он. — Я давно это заметил и потому отложил исследование леса на потом. Колыхание густо растущих ветвей этих пастельных оттенков (и особенно в сочетании с люминофорами) создает гипнотический эффект. А коробочки спор взрываются со столь равными интервалами, что это создает впечатление какой-то искусственности. Но я думал, что это действует так только на меня, и не хотел пока делиться своими субъективными впечатлениями. Однако, если кто-то подвержен гипнозу больше, чем я, это вполне могло вызвать у него галлюцинации.

Порлок яростно затряс головой и, облизнув сухие губы, упрямо возразил:

— Оно там было. Оно двигалось вполне целеустремленно. Оно пыталось напасть на меня со спины.

Когда в двадцать четыре часа Осден вышел на связь, Харфекс рассказал ему о случае с Порлоком.

— Не обнаружили ли вы, мистер Осден, хоть чего-нибудь, что могло бы подтвердить наличие в лесу движущейся, сознательной жизнеформы?

— С-с-с, — сарденически прошипело радио, а затем раздался резкий безапелляционный фальцет сенсора: — Нет. Чушь собачья.

— Вы пробыли в лесу дольше, чем мы все, вместе взятые, — с безупречной вежливостью продолжал Харфекс. — Не пришли ли вы к тем же выводам, что и я, а именно: что данные растительные формы способны своим монотонным колыханием вызывать гипнотический эффект и в конечном итоге привести к галлюцинациям наблюдателя?

— С-с-с. Я согласен, что Порлок имеет большие проблемы с головой. Заприте его лучше в лаборатории, где он меньше наломает дров. От меня еще что-то надо?

— Пока больше ничего, — буркнул Харфекс, и Осден тут же отключился.

Никто не мог подтвердить рассказ Порлока, однако никто не мог и опровергнуть его. Сам же он был абсолютно уверен, что некто большой пытался напасть на него со спины. Поставить его слова под сомнение было легко, но в то же время ни один из членов экспедиции ни на минуту не забывал, что находится в чужом мире. И ни один из них не мог не признать, что каждого, кто вступал под сень инопланетных деревьев, брала оторопь и по спине легким холодком пробегал невольный страх. Харфекс предложил называть все-таки эти древовидные растения деревьями.

— Ведь это то же самое, только совсем другое, — объяснил он.

Все рано или поздно побывали в лесу и сошлись на том, что чувствуют там себя чрезвычайно неуютно и не могут отделаться от впечатления, что спиной ощущают чью-то слежку.

— Нет, с этим необходимо разобраться, — сказал наконец Порлок и потребовал, чтобы его, как и Осдена, направили в лес во временный лагерь, чтобы он смог бы заняться наблюдениями всерьез.

С ним вызвались идти Оллероо и Дженнин Чоиг, но только при условии, что они будут вместе. Харфекс направил группу в лес неподалеку от центральной базы, находившейся на широкой равнине, занимавшей четыре пятых континента D. Он запретил им брать с собой оружие и потребовал не уходить слишком далеко и все время оставаться в пределах связи. Как и Осден, они дважды в сутки были обязаны отчитываться.

Прошло три дня. Потом Порлок сообщил, что на берегу реки заметил между деревьями движение чего-то большого, неопределенной формы. На следующую ночь Оллероо доложила, что слышала, как кто-то ходит вокруг палатки. Она клялась, что ей это не приснилось.

— На этой планете не может быть животных, — упорно продолжал твердить Харфекс.

И вдруг Осден пропустил свой утренний рапорт. Томико просидела у приемника целый час, а затем вместе с Харфексом вылетела в тот район, откуда пришло последнее сообщение от сенсора. Но когда вертолет пошел кругами над предполагаемым районом поисков, раскинувшееся внизу шелестящее море пурпурно-зеленых листьев, веток и метелок привело ее в отчаяние.

— Как мы сможем найти его в этой каше?

— Он сообщал, что остановился на ночлег на берегу реки. Надо искать аэрокар: от него он далеко уйти не мог. Собирать образцы — работа довольно кропотливая. А вот и река.

— А вот и его аэрокар! — воскликнула Томико, уловив в листве столь необычный для пастельных тонов этого мира резкий металлический блеск. — Двигай туда.

Они зависли над берегом, и Томико сбросила веревочную лестницу. Оба начали спускаться, и вскоре пышная растительность сомкнулась над их головами.

Как только ее ноги коснулись земли, координатор тут же расстегнула кобуру, однако, бросив взгляд на невооруженного Харфекса, решила пока пистолета не вынимать. Но руки с

кобуры тоже не сняла. Несмотря на то что они находились всего в нескольких метрах от реки, здесь царила полная тишина. Под кронами деревьев царил сырой полумрак. Вокруг колоннами уходили ввысь совершенно одинаковые стволы. Но при ближайшем рассмотрении все-таки между ними были некоторые различия: на одних мягкое покрытие было гладким, на других — бугристым; одни были буровато-зелеными, другие — коричневыми; все они были оплетены толстыми лианами и увешаны фестонами эпифитов; голые мощные ветви, лишь на макушке увенчанные пучком жестких темных блюдцеподобных листьев, тянулись вверх, создавая природную крышу, достигавшую двадцати-тридцати метров в толщину. Почва под ногами пружинила, как старый матрац с выпирающими пружинами корней и отводков.

— Вот его палатка, — сказала Томико и вздрогнула от звука собственного голоса, так грубо нарушившего первозданную тишину.

В палатке они обнаружили спальный мешок Осдена, несколько книг и коробку с продуктами.

«Надо покричать, позвать его», — подумала координатор, но вслух предложить это почему-то не решилась. Харфекс тоже не высказал подобного предложения, и они стали обследовать окрестности палатки, двигаясь кругами и стараясь все время держаться в поле зрения друг друга, что в сгущавшихся сумерках становилось все трудней.

Томико споткнулась о тело Осдена примерно в трехстах метрах от палатки и, если бы не ярко белевшие в сумраке страницы выпавшей из его рук записной книжки, вообще могла бы пройти мимо. Он лежал ничком между двумя огромными деревьями. Его затылок и плечи были залиты кровью, которая уже начала подсыхать.

Рядом тут же возникло лицо Харфекса — здесь, под сводом лесов, его обычно и так слишком белая хайнская кожа казалась зеленоватой.

— Он мертв?

— Нет. Он без сознания. Его кто-то ударил. Сзади. — Говоря, Томико быстро ощупала его голову. — Удар был панссен оружием или инструментом. Никак не могу найти рану.

Они пересвернули тело Осдена, и тот открыл глаза. Придерживая его голову, Томико склонилась к самому лицу раненого: его бледные губы дрогнули. И тут внезапно ее захлестнул панический страх. Она завизжала и бросилась бежать, не разбирая дороги, слоптающаяся о корни и больно ушибаясь о стволы. Харфекс помчался вслед за ней и, пой-

мав ее, крепко прижал к себе. Ощущив тепло его рук, Томико тут же пришла в себя.

— Что с тобой? Что такое? — мягко спросил он.

— Сама не знаю, — всхлипнула Томико. Ее сердце все еще колотилось как сумасшедшее, а перед глазами все плыло. — Страх! Ужас! Я испугалась, когда, когда посмотрела ему в глаза.

— Да, мне тоже стало как-то не по себе. Странно.

— Все. Со мной все уже в порядке. Пойдем, надо ему помочь.

Поспешно и не особо церемонясь с бесчувственным телом Осдена, они отволокли его к берегу и, чтобы поднять в вертолет, продели ему под мышки веревочную петлю. Обвиснув, как тюк, Осден стал плавно подниматься вверх, качаясь поплавком в толще лиственного моря. Тело втащили в кабину, и уже через минуту вертолет поднялся высоко в небо, подальше от колеблющейся багрово-зеленой поверхности леса. Томико установила автопилот на обратный маршрут и перевела дыхание. Их с Харфексом глаза встретились.

— Я страшно перепугалась. До полусмерти. Никогда со мной такого не было.

— Я тоже чувствовал какой-то необъяснимый страх, — признался Харфекс. Он выглядел так, словно разом постарел лет на десять. — У меня это было не так сильно, как у тебя. Но совершенно беспринципный, какой-то животный ужас.

— Это началось, когда я посмотрела ему в лицо. Мне в тот момент показалось, что он пришел в сознание.

— Эмпатия?.. Надеюсь, он хоть расскажет, что же такое на него напало.

Осден, словно сломанный, заляпанный грязью и кровью манекен, в неловкой позе лежал на заднем сиденье, куда они его в спешке закинули, думая не столько об удобстве раненого, сколько о своем жгучем стремлении поскорее убраться из леса.

Их появление на базе вызвало всеобщую панику. Бесмысленная жестокость, с которой было осуществлено нападение, породила у всех самые зловещие опасения. Никто не знал, что и думать. И поскольку Харфекс упрямо продолжал отрицать возможность появления на планете животных, посыпались версии — одна фантастичнее другой: о разумных растениях, о древоподобных монстрах и даже о травяном сверхразуме, управляющем психополем на физическом уровне. Скрытая фобия Джинни Чонт расцвела во всей красе, и та ни о чем больше не могла говорить, кроме как о темных «эго», крадущихся по пятам людей. Они с Оллероо и Порло-

ком в тот же день вернулись на базу, и теперь никакие силы не заставили бы ни одного члена экспедиции высунуть за пределы лагеря даже кончик носа.

Оден, пролежавший три или четыре часа без помощи, потерял много крови, а так как при этом получил еще и сотрясение мозга, то первое время он находился на грани жизни и смерти.

— Доктор, — слабым голосом звал он в бреду. — Доктор Хаммергельд.

Двое бесконечных суток лихорадка сменялась полукомой и вновь приступами горячечного бреда, но наконец больной все же пришел в сознание. Убедившись, что за его жизнь можно больше не опасаться, Томико пригласила в его комнату Харфекса.

— Оден, можешь ты нам рассказать, кто на тебя напал?

Блеклые глаза вопросительно уставились на Харфекса.

— На тебя напали, — мягко, но настойчиво продолжала Томико. — Может, ты пока не в состоянии это вспомнить. Кто-то на тебя напал. Ты шел по лесу...

— А! — вскрикнул он, и глаза его лихорадочно блеснули, а лицо мучительно напряглось. — Лес! Там, в лесу!

— Что было в лесу?

Оден судорожно вздохнул, затем черты лица расслабились: судя по выражению глаз, он совладал с собой. Помолчав немного, он ответил:

— Не знаю.

— Так ты видел того, кто на тебя напал? — спросил Харфекс.

— Не знаю.

— Ты же сейчас вспомнил.

— Не знаю.

— От твоего ответа могут зависеть жизни всех нас! Ты обязан рассказать, что видел!

— Не знаю, — раздраженно всхлипнул Оден. Он был настолько слаб, что даже не мог скрыть, что что-то знает, но не желает рассказывать.

Порлок, подслушивающий под дверью, от волнения изжевал свои усы. Харфекс навис над Оденом и рявкнул:

— Ты расскажешь все или??

Томико пришлось прибегнуть к физическому вмешательству.

Необычайным усилием воли Харфекс взял себя в руки и молча ушел к себе, где тут же принял двойную дозу транквилизаторов. Остальные с потерянным видом слонялись по лагерю, не в силах говорить друг с другом. Оден даже в такой ситуации ухитрился противопоставить себя всем. Но теперь

они от него зависели. Томико продолжала ухаживать за ним, еле сдерживая неприязнь, желчным комком застрявшую в горле. Этот кошмарный эгоизм, питавшийся чужими эмоциями, эта чудовищная самоуверенность вызывали гораздо большее отвращение, чем любое физическое уродство. Такие ублюдки не имеют права на существование. Такие не должны жить. Их надо убивать в младенчестве. Так почему бы не размозжить ему голову прямо сейчас?..

Осден лернулся и попытался приподнять безвольные руки, чтобы заслониться, а по его мраморно-белым щекам заструились слезы.

— Не надо, — просипел он. — Не надо.

Томико словно проснулась. Она села прямо и, помедлив, взяла его за руку. Он слабо воспротивился и попытался вырваться, но даже на это у него не хватило сил.

Они долго молчали, наконец Томико тихо заговорила:

— Осден, прости меня. Мне очень жаль. Я желаю тебе только добра. Ну позволь мне почувствовать к тебе хоть что-то доброс. Я не хотела причинить тебе вреда на самом деле. Слушай, я все поняла. Это был один из нас. Что — нет? Нет, не отвечай, только покажи как-нибудь, права я или нет. Хотя, боюсь, я все же не ошиблась. Да, на этой планете есть животные. Их десять. Мне даже не так уж важно, кто именно это сделал. В конце концов, дело сейчас не в этом. Но я знаю, что в любом случае это была не я. Да, я начинаю понимать. Но осознать по-настоящему, Осден. Понять тебя. Если б ты знал, как нам это трудно. Но послушай: а что, если вместо ненависти и страха ты можешь вызвать любовь? Неужели тебя никто не любил?

— Никто.

— Но почему? Неужели никто и никогда? Все люди вокруг тебя оказались такими равнодушными и ленивыми? Ужасно. Нет-нет, лежи спокойно, все хорошо. Ну прислушайся, ведь сейчас-то ты не чувствуешь ненависти? Ну? Сейчас-то, по крайней мере, идет симпатия, сочувствие, добрые пожелания. Ты чувствуешь это, Осден?

— Вместе с чем-то другим, — почти беззвучно прошептал он.

— Наверное, это фон, созданный моим подсознанием. Или эмоции кого-нибудь находящегося поблизости. Слушай, когда мы нашли тебя там, в лесу, я попыталась тебя перевернуть, и ты на минуту пришел в сознание. От тебя прямо-таки разило паническим страхом — я вся пропиталась им в одну секунду. Это что, ты меня так боялся?

— Нет.

Она все еще держала его за руку и тут почувствовала, что его кисть расслабляется. Похоже, он начинает задремывать, как человек, измученный болью и внезапно получивший временное облегчение.

— Лес... — сонно пробормотал он. — Страх...

Томико решила оставить его в покое и просто смотрела, как он засыпает, так и не выпуская его руки. Она прекрасно осознавала, что за эмоция в данный момент рождается в ее душе, как осознавала и то, что Осден ее сразу почувствует. Существовала только одна эмоция, или состояние души, способная изменить все разом, полярно перестроить все отношения. В хайнском языке и любовь, и ненависть обозначаются одним словом «онта». Нет, Томико не была влюблена в Осдена, но то, что она чувствовала к нему, было именно «онта», причем пока еще ближе к ненависти. Она держала его за руку и ощущала рожденные прикосновением токи, связывающие, объединяющие их. А он всегда так нетерпимо относился к любому физическому контакту. Жесткое кольцо мускулов вокруг рта, придававшее лицу вечно брезгливое выражение, смягчилось, и вдруг Томико увидела то, чего не видел еще ни один из членов их команды, — очень слабую, но улыбку. Но она тут же растаяла, как тень, и Осден глубоко заснул.

Все-таки он был крепко сколочен: уже на следующий день попытался садиться и ощутил голод. Харфекс снова хотел его допросить, но Томико запротестовала. На двери комнаты она повесила кусок полиэтилена, как делал Осден в своей каюте на корабле.

— Это что, действительно ограждает тебя от чужих эмоций? — поинтересовалась она.

— Нет, — сухо ответил Осден. Однако в последнее время он стал общаться с ней без обычной грубости.

— А-а, тогда это что-то вроде предостережения другим.

— Отчасти. Но с другой стороны — и самоубежденис. Доктор Хаммергельд считал, что это может мне помочь. Может, и помогает, отчасти.

И все же Осден знал, что такое любовь. Дитя-уродец, заыхавшееся от безлюбовья, равнодушия и чудовищных эмоций взрослых, было избавлено от всего этого одним-единственным человеком. Человеком, научившим его дышать и жить. Давшим ему все, что необходимо, — свою защиту и любовь. Отец-Мать-Бог в едином лице — никак не меньше.

— Он все еще жив? — спросила Томико, потрясенная вселенским одиночеством Осдена и профессиональной жестокостью великих ученых.

Ответом ей послужил визгливый смешок, неприятно разнувший по нервам:

— Он мертв уже два с половиной столетия! Ты что, забыла, где мы находимся? Все мы бросили свои семьи.

А там, за пластиковым занавесом, остальные восемь обитателей Мира-4470 продолжали свое странное, томительно бессмысленное существование. Они лишь изредка переговаривались приглушенными голосами. Эсквана спал; Посвет Ту снова отлеживалась после эпилептического припадка; Дженин Чонг пыталась расставить лампы в своей комнате таким образом, чтобы вообще не отбрасывать тени.

— Все они перепуганы до смерти, — говорила Томико, сама ощущая затаившийся в глубине души липкий, противный страх. — Все они запугали себя своими фантастическими предположениями по поводу того, кто на тебя напал: вид плотоядной картошки, клыкастый шпинат или еще какая гадость. Даже Харфекса это не миновало. Возможно, ты и прав в том, что не торопишься встать и начать снова общаться с ними. Так лучше для нас всех. Но почему мы все настолько слабы, что не хотим посмотреть в лицо действительности и признать очевидное? Мы что, действительно все сходим с ума?

— А скоро будет еще хуже.

— Почему?

— Здесь-таки *кто-то* есть, — вырвалось у Осдена, но он спохватился и так крепко сжал губы, что кольцо мышц вокруг них легло как бастион.

— Разумный?

— Скорее ощащающий.

— В лесу?

Он кивнул.

— И кто же?

— Страх. — Осден весь подобрался, и руки его нервно зашарили по одеялу. — Когда я упал там, в лесу, то не потерял сознания. Или, по крайней мере, даже если и отключался, то несколько раз приходил в себя. Не могу сказать точно. Наверное, так себя ощущает полностью парализованный человек.

— В какой-то мере ты и был им.

— Я лежал на земле. И даже головы не мог поднять. Не мог отвернуть лица от всей этой грязи, лиственного мусора, что покрывает в местных лесах землю. Все это лезло мне в глаза и ноздри, а я не мог, не мог шевельнуться. Глаз открыть не мог. Словно был похоронен заживо. Словно уже потонул в этом слое перегноя, стал его частью. Я знал, что лежу между двумя стволами, хотя и не видел их. Не мог видеть. Наверное (это я теперь понял), я решил так, потому что

чувствовал их корни. Они вились прямо подо мной и уходили глубоко-глубоко в землю. Мои руки были в крови (это я тоже чувствовал). А кровь все текла и текла, пока листья и земля не облепили мое лицо удушливой маской. Вот тут я ощутил страх. Страх, все усиливающийся. Словно *они* наконец-то узнали, что я лежу здесь, на них, под ними, среди них; что именно я — то, чего они так боятся, но в то же время там был и просто страх, сам по себе. А я не мог перестать распространять волны страха, не мог встать и уйти. Потом, похоже, я отключился, но, когда снова пришел в себя, страх продолжал пронизывать меня с еще большей силой. А я все еще не мог подняться. Даже шевельнуться. Но ведь и они не могли.

У Томико по затылку пробежал холодок, и внутри стал поднимать голову загнанный вглубь тошнотворный ужас.

— Они? Кто «они», Осден?

— «Они» или «оно», или «это» — не знаю. Страх. Страхи.

— Чего это он крутит? — подозрительно сощурился Харфекс после того, как Томико пересказала ему последний разговор с Осденом. Она до сих пор не подпускала его к своему пациенту, понимая, что того нужно пока оградить от вспыльчивого хайнца. Но, к сожалению, у самого Харфекса эти предосторожности вызвали приступ паранойи, и он решил, что координатор и сенсор объединились в тайный союз и скрывают от него какую-то очень важную информацию об опасности, нависшей над большей частью команды.

— Это то же самое, как если бы слепой попытался описать слона. Осден не способен слышать или видеть ощущение, как и любой из нас.

— Но он его все-таки ощущал, дорогуша, — прошипел Харфекс с еле сдерживаемой яростью. — Причем не только и не столько эмпатически, сколько своим собственным черепом. *Оно* подошло и шарахнуло его по башке каким-то тупым предметом. Так неужто он даже краем глаза не уловил ни единой детали?

— И кого же он должен был увидеть, Харфекс? — вкрадчиво спросила Томико, но хайнец не услышал в ее интонации скрытого намека.

Скорее всего, он даже мысли не допускал о подобном. Боятся всегда чужаков. Убийцей может оказаться любой иностранец, иноземец, просто чужой — но никак не один из нас. Во мне — любимом и прекрасном — зла нет!

— Первый удар сбил его с ног и лишил сознания, — терпеливо объяснила Томико. — Осден ничего не видел. Но когда пришел в себя один-одинешенек в лесу, то ощущил жуткий

страх. И то был не его собственный страх — а воспринятый им эмпатически от кого-то еще. В этом он полностью уверен. И абсолютно уверен, что тот страх не исходил ни от одного из нас. Таким образом, это служит прямым доказательством, что далеко не все растения здесь бесчувственны.

— Хочешь запугать меня, Хайто, — мрачно пробурчал Харфекс. — Я только не понимаю, зачем тебе это надо.

Он встал, давая понять, что разговор закончен, и, ссущулившись, словно ему было не сорок лет, а, по меньшей мере, восемьдесят, побрел к своему лабораторному столу.

Томико оглядела остальных и ощутила, как растет их отчаяние. Ее едва возникшее, еще такое хрупкое, но уже такое глубокое взаимопонимание с Осденом помогало ей удерживаться на краю безумия и придавало сил. Но как же другие? Если уж Харфекс начал терять голову, чего ждать от остальных? Порлок и Эсквана заперлись в своих комнатах, остальные пока работали или, по крайней мере, старались себя чем-нибудь занять. И все же в их поведении было что-то неестественное. Сначала координатор не понимала, что же ее насторожило, но потом заметила, что все выбрали себе места так, чтобы иметь возможность наблюдать за лесом. Оллероо, игравшая с Аснанифоилом в шахматы, сидела к окну спиной, но и она, постоянно понемножку передвигая свой стул, вскоре оказалась сидящей бок о бок со своим партнером.

Томико тихонько подошла к Маннону, исследовавшему какой-то паукообразный бурый корень, и предложила ему решить эту маленькую психологическую шараду. Он мгновенно уловил суть вопроса и ответил с непривычным для него лаконизмом:

— Держать врага в поле зрения.

— Какого такого врага? А ты-то сам что чувствуешь, Маннон? — Она уцепилась за соломинку надежды, что там, где биолог потерпел поражение, может разобраться психолог.

— Я лично чувствую тревогу, причем отовсюду. Но я не эмпат. Мою тревогу можно в равной мере объяснить как стрессовым состоянием, являющимся естественной реакцией на нападение на члена нашей команды, так и стрессом более широкого профиля, вызванным нахождением в чужом мире и близостью того, что мы называем «лесом», хотя на самом деле это не более чем весьма приблизительная метафора.

Несколько часов спустя Томико была разбужена среди ночи воплями Осдена, которого мучили кошмары. Маннон дал ему успокоительное, и она снова почти мгновенно погрузилась в собственные дебри снов и блуждала по ним без дорог до самого утра. А утром Эсквана не проснулся. Его не

разбудила даже лошадиная доза стимулятора. Он спрятался в свой сон, как улитка в раковину, будучи не в силах больше переносить напряжение бодрствования, и теперь лежал в позе эмбриона, засунув большой палец в рот, — безучастный ко всему окружающему миру.

— Прошло два дня, и двое выбыло. Десять негритят, девять негритят, — бормотал, не обращаясь ни к кому. Порлок.

— А следующим негритенком будешь ты! — взорвалась Дженн Чонг. — Сделай-ка себе анализ мочи, Порлок.

— Он скоро доведет нас всех до полного сумасшествия, — вскочил тот, размахивая руками. — Неужели вы этого не видите? Вы что, все оглохи и ослепли? Неужели вы не чувствуете эманации, которыми он на нас воздействует? Вы только прислушайтесь, ощутите, *что* изливается на нас из его комнаты, из его гнилых мозгов! Он нас всех сведет с ума! Мы рехнемся от страха!

— Ты это о ком? — пробасил, возвышаясь огромной волосатой горой над щуплым землянином, Аснанифиол.

— А что, тебе еще имя нужно называть? Да пожалуйста: Осден! Осден! Осден! А почему, ты думаешь, я пытался его убить? Это была самозащита! Я должен был спасти нас всех! Потому что вы ни черта не видите и не понимаете, *что* он нам готовит! Сначала он саботировал экспедицию тем, что повсюду заводил свары, чтобы нас перессорить, но этого ему показалось мало, и он стал отравлять нас страхом. Он генирует его так мощно, что мы уже не можем ни спать, ни думать. Как огромное радио, которое, не издавая ни звука, все работает и работает. И никому не дает ни заснуть, ни услышать свои мысли. Хайто и Харфекса он уже полностью подчинил себе, но остальных-то можно еще спасти! Я должен был попытаться! Кто, как не я??

— Не очень-то это у тебя получилось, — сухо заметил появившийся в дверях своей каюты полуоголый, похожий на скелет, Осден. — Я и то смог бы ударить сильнее. Да черт возьми, поверьте мне наконец, это не я пугаю вас до полусмерти, Порлок! Это идет оттуда, из лесу!

Тот бросился на Осдена с явным намерением придушить, но Аснанифиол поймал Порлока за шиворот и придерживал все то время, которое понадобилось Маннону, чтобы сделать успокоительный укол. Но, пока его уводили, Порлок продолжал кричать что-то бессвязное о гигантских радиостанциях. Через несколько минут лекарство оказалось свое действие, и Порлока уложили рядышком с Эскваной.

— С ним порядок, — облегченно вздохнул Харфекс. —

А теперь, Осден, может, ты все же расскажешь нам что знаешь? Причем желательно все.

— Но я ничего не знаю, — ответил Осден.

Он еле держался на ногах, и Томико поспешила усадить его в шезлонг.

— На третий день работы в лесу мне показалось, что я ощутил нечто.

— Почему же ты не сообщил об этом сразу?

— Потому что я, как и любой из вас, принимаю транквилизаторы.

— И все равно ты должен был доложить об этом.

— Тогда вы отозвали бы меня назад на базу. А этого мне хотелось меньше всего. Вы все уже поняли, что включение меня в состав экспедиции было большой ошибкой. Я просто не в состоянии общаться с девятью невротиками, запертыми со мной на таком крошечном пространстве. Мне это не по силам. Подав заявление в «Запредельный Поиск», я свалил большого дурака, а наше начальство свалило дурака не меньшего, приняв меня.

Все молчали, но по тому, как у Осдена дернулись плечи и поджались губы, Томико поняла, как болезненно он ощущил всеобщее согласие с его словами.

— В любом случае я не хотел возвращаться на базу. К тому же меня взяло любопытство: как это я ухитряюсь воспринимать эмоции там, где нет ни единого существа, их генерирующего? Тогда еще они не продуцировали ничего плохого. Да и вообще вибрации были слабенькие, почти неуловимые — как сквозняк в запертой комнате; как движение, пойманное краем глаза. Ничего конкретного.

Всеобщее внимание несколько его полбодрило: он говорил именно потому, что видел, как его слушают. Знали бы они, насколько он зависит от их прихотей: когда они чувствовали к нему неприязнь, он вынужден был так себя вести, чтобы ее оправдать; когда они высмеивали его, он эпатировал их еще больше; теперь они слушали, и он должен был говорить. Он был беспомощен перед ними, он был рабом их эмоций, настроений и капризов. И их было здесь семеро — слишком много, чтобы найти взаимопонимание сразу со всеми. Вот и приходилось скакать, как блоха, от одного настроения к другому. Даже сейчас, когда Осден своим рассказом, казалось бы, полностью завладел всеобщим вниманием, они не переставали думать о чем-то еще: Оллероо вдруг внезапно открыла для себя, что Осден не лишен привлекательности; Харфекс параноически все искал в его словах скрытый подтекст; сознание Аснанифила, вообще не способное

подолгу задерживаться на чем-то одном, уже устремилось в дебри абстрактной математики, а Томико разрывалась между чувством долга и своими комплексами. Отвлекшись, Осден заговорил тише, начал запинаться и обнаружил, что потерял нить рассказа.

— Я... Я думаю, что дело тут в деревьях, — сказал он и, окончательно сбившись, замолчал.

— Нет, не в деревьях, — покачал головой Харфекс. — У этих не более развитая нервная система, чем у любого другого растения на Хайне или Земле. Нет у них нервной системы. Ни у одного.

— Ты так и не увидел за деревьями леса, как говорят у вас на Земле, — невесело усмехнулся Маннон. — А что ты скажешь о тех корневых узлах, над которыми мы с тобой бьемся уже вторую неделю, а?

— А что в них такого?

— Ничего. Они связывают деревья между собой. Только и всего. А теперь представь на минутку, что ты понятия не имеешь, как устроен мозг животного, а тебе выдали для его исследования одну-единственную взятую наобум клетку? Как ты думаешь, сумеешь ты выяснить, частью чего это является и какие функции выполняет все образование? Сможешь ты по отдельно взятой клетке определить способность мозга к ощущениям, сознанию?

— Нет. Потому что одна клетка ничего не чувствует. Она способна лишь реагировать на механические раздражители — не более. Ты что, хочешь сказать, что каждое из здешних растений что-то вроде клетки и что они объединяются в общий «мозг»?

— Ну, не совсем так. Я просто обращаю твоё внимание на то, что все они связаны между собой этими корневыми узлами под землей и эпифитами в кронах. Наличие этой связи отрицать никак нельзя. Ведь даже в степях самые жиленые травки и те имеют подобные узлы. С чего бы это? Я прекрасно знаю, что сознание и способность ощущать не являются физическими объектами — их невозможно вытащить на кончике скальпеля при резекции мозга. Это функции соединенных между собой клеток. Но если существует связь, то не исключено, что и ей присущи подобные функции.

Хотя, конечно, это маловероятно. Я даже не собираюсь убеждать вас в том, что сам верю в эту гипотезу. Более того, я думаю, что если бы это действительно было так, то Осден все-таки смог бы это ощутить и объяснить нам.

И Осден вдруг заговорил, словно в трансе:

— Способность ощущать, не имея чувств. Слепо, глухо,

бездвижно. Лишь слабая возбудимость или раздражение в ответ на прикосновение. Реакция на солнечный свет, на свет вообще, на воду, на минеральные вещества, всасываемые корнями из земли. Это даже сравнить нельзя с сознанием животного. Близко нету. Присутствие, бытие без осознания. Полное неведение о собственном существовании. Нирвана.

— Но откуда же тогда взялся страх? — тихо спросила Томико.

— Не знаю. Я же не способен определять степень разумности объекта, я могу лишь воспринять, есть эмоция или нет. Несколько дней я просто ощущал смутный дискомфорт. Но вот тогда, когда я лежал там между двумя деревьями, когда моя кровь попала на их корни — лоб Осдена покрылся каплями пота, — вот тогда-то и появился страх. Страх в чистом виде, — добавил он дрожащим голосом.

— Ну, допустим, такое образование существует, — задумчиво проговорил Харфекс. — Но если это и так, я уверен, что оно не в состоянии отреагировать на присутствие самопередвигающегося существа. Для подобного организма воспринять наше присутствие не легче, чем нам, скажем, осознать бесконечность.

— Когда я думаю о бесконечности, меня ужасает ее полное безмолвие, — прошептала Томико. — Но Паскаль был способен осознавать бесконечность. Может, именно через страх.

— Лесу мы могли показаться чем-то вроде лесного пожара, — продолжал развивать свою гипотезу Маннон. — Или урагана. Чего-то опасного. Для растения все, что передвигается, — опасно. Все, что не имеет корней, — чуждо, неприемлемо. И если у него все же есть сознание, то стоит ли удивляться, что он смог осознать присутствие Осдена, — человека, чей мозг открыт для всех, человека, чувствующего обостренно. И вот этот человек лежит, излучая страх и боль, прямо внутри этого лесоорганизма. Вот он и испугался.

— Только не говори «он»! — перебил его Харфекс. — Это не существо, не личность! Это не более чем функция!

— Там только страх, — сказал Осден.

На минуту в комнате повисла тишина. Все молча прислушивались к безмолвию снаружи.

— Это что-то вроде того, что я все время ощущаю у себя за спиной? — робко спросила Дженнин Чонг.

Осден кивнул:

— Вы все это ощущаете. Даже своими притупленными чувствами. А Эсквана просто не смог это перенести, потому что его эмпатические способности развиты лучше, чем у вас. Он даже мог бы сам научиться проецировать эмоции, но был

всегда для этого слишком слабоволен и предпочитал роль медиума.

— Осден, — встрепенулась Томико, — но ты-то умеешь проецировать. Так попробуй передать этому лесу наши добрые намерения. Пусть он поймет, что мы не причиним ему вреда, и перестанет нас бояться. Ведь если у него есть некий механизм, позволяющий ему проецировать то, что мы воспринимаем как эмоцию, почему бы не попробовать найти с ним общий язык? Пошли ему сообщение: «Мы дружелюбны и неопасны».

— Ты должна знать, что ни один эмпат не способен лгать в проекции эмоций, Хайто. Я не могу послать им то, чего нет.

— Но мы действительно не желаем ему ничего плохого.

— Правда? Там, в лесу, где вы меня подобрали, ты тоже была столь прекраснодушно настроена?

— Нет. Я была в ужасе. Но ведь это же не относилось ни к лесу, ни к растениям.

— Да какая разница? Ты же все равно это излучала. Неважели вы до сих пор не поняли, — наконец прорвался Осден, — почему с самого первого дня мы с вами — со всеми вами — так невзлюбили друг друга? Неважели вы не почувствовали, что я, получив от вас удар агрессии или антипатии, мгновенно возвращаю его обратно? Как и любое проявление симпатии, кстати. Это моя самозашита. Тут я ничем не лучше Порлока. Я был вынужден разработать эту технику зеркального отражения, потому что не имел естественной защиты от разрушительного воздействия эмоций других. И в результате ваша первоначальная антипатия ко мне как к уроду стала растя, как снежный ком, пока не превратилась в прочную ненависть. Какой-то порочный замкнутый круг! Теперь-то вы можете меня понять? Лес сейчас продуцирует одну-единственную эмоцию — страх. Так чем еще я могу ему ответить, если привык отражать?

— Ну и что нам теперь делать? — спросила Томико.

— Переносить лагерь, — тут же предложил Маннон. — На другой континент. Если там тоже есть эти лесоорганизмы, то, возможно, они нас заметят нескоро — если заметят вообще.

— Это будет для всех большим облегчением, — кивнул Осден.

Теперь команда смотрела на него совсем другими глазами. Он открылся им, и они увидели глубоко несчастного человека, загнанного в ловушку своих сверхразвитых чувств. До них постепенно стало доходить то, что уже давно поняла Томико: его эгоизм, его грубое, неприязненное отношение к

ним было их собственным творением. Это они построили клетку, заперли его в ней и морщили носы, наблюдая за возмутительными манерами превращенного ими в обезьяну человека.

Никому не пришло в голову отнестись к нему с искренним доверием, если уж любви с первого взгляда он не способен был вызвать. А теперь уже слишком поздно. Будь у Томико побольше времени и возможности общаться наедине, она, наверное, смогла бы наладить с ним нормальные, основанные на доверии, гармоничные отношения. Но времени не было: все поглощала работа, которую необходимо было сделать и которая не оставляла ни минуты на культтивацию столь сложных отношений. Однако на то, чтобы понемногу, исподволь накапливать взаимную симпатию и ползти к любви черепашьим шагом, времени все же хватало. Она чувствовала, что в силах осуществить это, но, взглянув на Осдена, поняла, что ему этого будет недостаточно. Его пылавшее от сдерживаемого возмущения лицо свидетельствовало о том, что ему крайне неприятно всеобщее жалостливое любопытство. И даже ее сострадание не способно исправить положение.

— Тебе лучше прилечь, — торопливо сказала она, — а то рана снова начала кровоточить.

Осден послушно ушел к себе.

На следующий день исследователи запаковали оборудование, размонтировали ангар и жилые помещения, погрузились на борт «Гама» и отправились на другую сторону Мира-4470. Они долго летели над бескрайними зелеными и красными равнинами, лениво плещущимися теплыми морями, пока не опустились посреди заранее выбранной прерии на континенте G: двадцать тысяч квадратных километров, покрытых опыляемыми ветром травами. На сотни километров вокруг не было не только леса, но даже одиночных деревьев. Виды трав здесь никогда не перемешивались, предпочитая расти как бы колониями. Исключение составляли лишь вездесущие сапрофиты.

Весь день команда монтировала новый лагерь и тридцать два часа спустя уже праздновала новоселье. Эсквана все еще спал, а Порлока продолжали накачивать наркотиками, зато все остальные воспрянули духом.

— Здесь можно дышать спокойно! — периодически облегченно вздохал каждый.

Осден встал с постели и на дрожащих от слабости ногах доковылял до двери. Там он остановился и долго-долго смотрел на волнующееся в вечерних сумерках море трав, ко-

торые на самом деле травами не являлись. Ветерок пах пыльцой и шуршал в траве. А больше — ни звука. Эмпат не двигался. Настала ночь, и в небе загорелись звезды, заглядывая в окна самого обособленного в мире человеческого дома. Ветер улегся, и наступила полная тишина. Сенсор слушал.

Томико Хайто тоже напряженно вслушивалась в ночь. Она лежала, вытянувшись на постели, и слушала, как кровь бьется в ее артериях; она слушала дыхание спящих, легкие порывы ветра, бег черных мыслей, мягкие шаги приближающихся снов, плавное движение Вселенной к большому взрыву, вкрадчивую поступь смерти. Но долго этого выносить она оказалась не в силах и, вскочив с постели, почти сбежала из тесного, крошечного мирка своей комнатки.

Нынешней ночью из всей команды спал лишь Эсквана. Порлок, спеленутый смирительной рубашкой, ворочался, пытаясь выпутаться, и ругался на чем свет стоит на своем родном языке. Оллероо с Джени Чонг с унылыми лицами играли в карты, Посвет Ту заперлась в блоке физиотерапии, Аснанифоил рисовал мандалу. Маннон с Харфексом сидели в комнате Осдена.

Томико сменила ему повязку на голове и только сейчас обратила внимание на то, что его рыжеватые волосы выглядят несколько необычно — в них появились седые пряди. Ее руки задрожали. Все молчали.

— Откуда и здесь появиться страху? — вспорол тишину ее резкий голос.

— Не только деревья; травы тоже.

— Но мы же в двадцати тысячах километров от места, где были сегодня утром. Мы на другой стороне планеты.

— А, это все равно, — угрюмо произнес Осден. — Это один большой зеленый организм. Много ли потребуется времени, чтобы отфутболить мысль из одного конца мозга в другой?

— Оно не может думать. Оно на это не способно, — по привычке возразил Харфекс. — Это всего лишь сеть, по которой идут некие процессы. Все эти переплетающиеся ветви, вездесущие эпифиты, корневые узлы — все это способно лишь передавать электрохимические импульсы. Если выражаться точнее, то тут нет отдельных растений как таковых. Это единая система, а пыльца, разносимая ветром, служит своеобразным способом связи между континентами. Нет, в это невозможно поверить. Не может вся биосфера планеты быть единой коммуникативной сетью. Причем ощущающей, но не обладающей сознанием, бессмертной и изолированной.

— Изолированной, — повторил Осден. — Вот оно! Вот

откуда страх. Дело не в том, что мы способны передвигаться или можем нести разрушение. Дело в том, что мы просто есть. Мы — нечто иное. Чужое. Здесь никогда не было ничего чужого, отдельного от этого мира.

— Ты абсолютно прав, — почему-то шепотом поддержал его Маннон. — Оно никогда не имело равных себе. Не имело врагов. Оно ни с кем не общалось, кроме себя самого. Оно всегда было одно и вообразить себе не могло, что существует кто-то еще.

— Тогда интересно, как отражается его самость на борьбе видов за выживание?

— Может, и никак, — ответил Осден. — С чего это ты полез в телеологию, Харфекс? Ты что, хайнц, что ли? Чем заковыристей задачка, тем больше кайфа с ней возиться?

Но Харфекс никак не прореагировал на укол. Было похоже, что он сломался.

— Мы должны убираться отсюда, — грустно сказал он.

— О, вот теперь-то ты понял наконец, почему я всегда так стремился убраться от вас всех подальше, оградить себя от вашего присутствия, — с болезненной настойчивостью вернулся Осден к своей проблеме. — Ведь что приятного в том, что все боятся кого-то?.. И если бы это касалось только животных. С ними я как раз могу справиться. Да я уживусь скорее с тигром или коброй — более развитый интеллект даст мне определенные преимущества. Мне лучше работать в зоопарке, чем в человеческом коллективе. Если бы я только мог справиться с этим чертовым тупым овощем! Если бы только он был не таким огромным и подавляющим!.. Сейчас я воспринимаю от него только все тот же панический страх. Но раньше, до всего, я ведь ловил его безмятежность и спокойствие! Тогда я еще не понимал его и потому не мог настроиться на прием. Я не знал, как он огромен. Это то же самое, как попытаться воспринять весь солнечный свет сразу или осознать ночь. Все ветра и штили одновременно. Зимние звезды и летние звезды в один единый момент бытия. Привыкнуть иметь корни, но зато — ни единого врага. Быть целостным. Понимаешь? Некому на тебя посягать. Нет ни одного врага. Быть полностью...

«Он никогда так откровенно не говорил раньше», — подумала Томико, а вслух сказала:

— Ты беззащитен перед ним, Осден. Он влияет на тебя, на твою личность. И ты уже меняешься. Если мы немедленно отсюда не улетим, то первым, кто сойдет здесь с ума, будешь ты.

Он не ответил. Медленно-медленно повернул он голову в

ее сторону и впервые за все время их знакомства встретился с Томико взглядом. И, не отводя от нее своих прозрачных, как вода, глаз, вдруг злобно усмехнулся:

— А много мне помог здравый смысл? Но твоя-то работа здесь недоделана, Хайто.

— Надо, надо убираться отсюда, — пробормотал Харфекс.

— А если я сдамся, — сказал Осден, словно размышляя вслух, — может, тогда мне удастся с ним связаться?

— Под «сдамся» ты подразумеваешь, — заметно волнуясь, осторожно заговорил Маннон, — насколько я тебя понял, отказ отсылать полученную эмоцию к ее источнику. То есть в данном случае, вместо того чтобы возвращать рас挑剔льному существу его страх, попытаться абсорбировать его эмоцию. Но это либо убьет тебя на месте, либо отбросит обратно к твоему крайнему аутизму.

— Но почему? — удивился Осден. — Оно излучает не-приятие. Но оно не обладает интеллектом, а я обладаю.

— У вас разные весовые категории. Разве способен мозг одного человека достичь взаимопонимания со столь огромным и чуждым разумом?

— Мозг одного человека способен постичь принцип строения Вселенной, — отпарировала Томико, — и выразить его одним словом — «любовь».

Маннон с удивлением смотрел на обоих, не зная, что ответить. Молчал и Харфекс.

— В лесу мне будет легче, — сказал Осден. — Кто-нибудь из вас полетит со мной?

— Когда?

— Теперь же. Пока никто не успел свихнуться и впасть в буйство.

— Я полечу, — сказала Томико, и одновременно с ней Харфекс заявил:

— Никто не полетит.

— Я не могу, — замялся Маннон. — Я, я боюсь. Я могу разбить вертолет.

— Надо взять с собой Эскванду. Если мне удастся выйти на связь, он может послужить нам медиумом.

— Координатор, вы одобрите план сенсора? — официальным тоном спросил Харфекс.

— Да.

— А я нет. Но полечу с вами.

— Думаю, мы это переживем, Харфекс. — Томико не отрывала глаз от лица Осдена. Эта белая уродливая маска преобразилась на глазах и сейчас притягивала ее взгляд выраже-

нием страстного нетерпения юного любовника, стремящегося на первое свидание.

Оллероо и Дженнин Чонг, все еще пытающиеся отвлечься от своих страхов игрой в карты, вдруг разом затрещали, как перепуганные дети:

— Но эта тварь в лесу навалится на вас и...

— Что, боитесь темноты? — осклабился Осден.

— Но посмотрите на Эсквану, Порлока. Даже Аснани-фоил...

— Вам оно не причинит никакого вреда. Это не более чем импульс, пробегающий между синапсами. Ветер, колышущий ветки. Страшный сон.

Спящего Эсквану погрузили на заднее сиденье, а Томико села за пульт управления. Харфекс и Осден молча смотрели на постепенно растущую на горизонте тонкую полоску леса, все еще отделенную от них милями и милями серой равнины.

Наконец они долетели до границы смены цвета, пересекли ее, и теперь под ними расстипалось темное, почти черное море листьев.

Томико стала выискивать место для приземления. Она спускалась все ниже и ниже, несмотря на то что все в ней противилось этому, несмотря на страстное желание улететь отсюда подальше. Здесь, в лесу, мощь излучения была намного сильнее. Людей то и дело пронизывали темные волны отторжения и неприятия. Впереди показалось светлое пятно: макушка холма, слегка возвышающаяся даже над самыми высокими из окружавших ее темных крон недеревьев, корневых систем, частей одного целого. Томико направила вертолет туда. Но посадка прошла довольно плохо — пальцы скользили, словно были намазаны сухим мылом.

Лес сомкнулся вокруг — черный в ночной темноте.

Томико окончательно струсила и закрыла глаза. Эсквана застонал во сне. Харфекс дышал как паровоз, но даже не пошевелился, когда Осден, перегнувшись через него, распахнул дверь.

Эмпат встал; его спина и повязка на голове были едва различимы в свете приборных лампочек панели управления. Он перешагнул через Харфекса и замер на секунду в дверном проеме.

Томико затрясло. Она скорчилась в кресле, не в силах даже поднять головы.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, — шептала она. — Нет. Нет. Нет.

Осден скользнул вниз и растворился в обступившем вертолет мраке. Ушел.

«Я иду!» — прогремел беззвучный голос.

Томико закричала. Харфекс поперхнулся; он попытался привстать, но снова упал в кресло и больше не двигался.

Томико в ужасе нырнула внутрь себя и сконцентрировалась на центре своего существа — слепом глазе живота. Снаружи был только страх, страх, страх.

И вдруг он исчез.

Она подняла голову. Медленно расцепила судорожно сведенные пальцы. Потом села прямо. Ночь была очень темной, и над лесом горели звезды. И больше не было ничего.

— Осден, — позвала она, но из ее горла не вырвалось ни звука.

Она повторила попытку, и над холмом разнесся жалобный зов одинокой лягушки-быка. Ответа не было.

Только сейчас до нее стало доходить, что с Харфексом что-то не в порядке.. Она зашарила в темноте, пытаясь найти его голову, — оказалось, что он сполз с сиденья. И вдруг в мертвотишине кабинки раздался голос:

— Хорошо.

Это был голос Эскваны.

Томико включила внутренний свет и увидела радиоинженера, спящего в обычной скрюченной позе.

Его рот открылся и произнес:

— Все хорошо.

— Осден!

— Все хорошо, — повторили губы Эскваны.

— Где ты?

Молчание.

— Вернишь.

Начал подниматься ветер.

— Я остаюсь здесь.

— Ты не можешь остаться!

Молчание.

— Ты будешь здесь одинок, Осден!

— Слушай. — Голос был слабым, слова — еле разборчивыми, словно их заглушало ветром. — Слушай. Я желаю тебе всего самого хорошего.

Томико снова стала его звать, но больше ответа не получила. Эсквания лежал неподвижно. А Харфекс был еще неподвижнее.

— Осден! — закричала она в ночную темноту, разрывая неустойчивое на ветру безмолвие лесосущества. — Я вернулась. Мне нужно срочно доставить Харфекса на базу. Я вернулась, Осден!

Тишина и шелест листьев на ветру.

Все необходимые исследования Мира-4470 восьмерка

исследователей завершила через сорок одни сутки. Сначала Аснанифоил и женщины по очереди ежедневно летали на поиски Осдена в район той лысой горы, где он остался памятной всем ночью. Хотя Томико в глубине сердца так до конца и не была уверена, что правильно определила и указала место посадки, совершенной наобум, когда голова кружилась от страха. В этом безграничном лесу были и другие холмы. Исследователи оставили Осдену кучу тюков со всем необходимым: продуктов на пятьдесят лет, одежду, инструменты, палатку. Потом поиски прекратили — очень трудно в дебрях бесконечных древесных лабиринтов, в чьих темных коридорах полы пронизаны корнями, а стены сплетены из лиан, найти человека, который сам не хочет, чтоб его нашли. Они могли пройти мимо на расстоянии вытянутой руки и не заметить его в вечном сумраке, царящем в этих лесах.

Но он был жив — потому что страх исчез, словно его не было никогда.

Томико пыталась найти рациональное объяснение тому, что сумел сделать Осден, но никак не могла это сформулировать — слова разбегались, как тараканы. Он вобрал страх в себя и, приняв его, сумел преодолеть. Он отказался от себя самого, от своей сущности; он полностью растворился в чуждом ему мире, где нет места никакому злу. Он постиг искусство быть любимым и отдал себя всего, без остатка. Но рациональным это объяснение назвать никак нельзя.

Люди из «Запредельного Поиска» в последний раз шли под густой кроной, сквозь живую колоннаду, окруженные дремлющей тишиной и спокойствием, жизнью, едва ли осознающей их присутствие и полностью к ним равнодушной. Здесь не было времени. И расстояния не имели никакого значения. О, нам бы мира и времени вдосталь. Планета кружилась, сменяя солнечный свет великой тьмой ночи; ветра — что лета, что зимы — были прекрасны, и светлая пыльца летела легкими облачками над океанами.

После многих лет исследований и световых лет пути «Гам» вернулся на то место, где два столетия назад находился космопорт Смеминга. Но там все-таки нашлись люди, которые приняли отчеты команды (хоть и с большим скептицизмом) и списали потери: «Биолог Харфекс — умер от страха; сенсор Осден — остался в качестве колониста».

СОДЕРЖАНИЕ

РОКАННОН. Роман <i>Перевод И. Тогоевой</i>	5
ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ. Роман <i>Перевод И. Гуровой</i>	135
ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ. Роман <i>Перевод С. Славгородского</i>	239
ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ. Роман <i>Перевод И. Тогоевой</i>	409
СЛОВО ДЛЯ «ЛЕСА» И «МИРА» ОДНО. Роман <i>Перевод И. Гуровой</i>	669
РАССКАЗЫ	
КОРОЛЬ ПЛАНЕТЫ ЗИМА <i>Перевод И. Тогоевой</i>	777
ДЕЯТЬ ЖИЗНЕЙ <i>Перевод И. Можейко</i>	803
ОБШИРНЕЙ И МЕДЛИТЕЛЬНЕЙ ИМПЕРИЙ <i>Перевод О. Вассатит</i>	827

Литературно-художественное издание
Урсула Ле Гuin
ОЖЕРЕЛЬЕ ПЛАНЕТ ЭКУМЕНЫ

Редактор *Л. Корзун*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Попова*
Корректор *Н. Самойлова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Майка Уэллама*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksмо.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksмо.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел
издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.*

Почтовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрыбина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: gception@eksмо-ваie.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: marinovich.yk@eksмо.com.ua
**Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг
издательства «Эксмо».** Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдана реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых монтажей 14.04.2004.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 45,36. Уч.-изд. л. 51,1.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ 5326.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

